

Евразийский юридический журнал

№ 5 (180) 2023

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (университет) – МИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛотов Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САПИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАХРУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,

г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-

строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г. Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2023

Подписано в печать 20.06.2023

Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.

Тираж 1500 экз.

Руководитель интернет-проектов –

Дряхлов С. П.

Компьютерная верстка – Брылев С. О.

Адрес редакции: 119034, г. Москва,

ул. Пречистенка, д. 10.

тел.: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

email: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasianlaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 5 (180) 2023

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENIN Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BATKHEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),

Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkherimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna - Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2023

Signed for printing 20.06.2023

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasilaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasilaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н., доцент
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, к.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадатович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджaddinovich, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Iqbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Е. В. Такмакова

Перспективы достижения национальных целей развития России в области уровня жизни населения

Интервью с Такмаковой Еленой Валерьевной, доктором экономических наук, доцентом, профессором кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева. 14

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Павлова М. А., Харитонова Е. М.

Международный бизнес в условиях евразийской интеграции 17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Эфендиев О. Ф.

Азербайджано-российская Декларация о союзническом взаимодействии – важный международно-правовой акт современности..... 21

Дроздова М. А., Удалова Д. В.

Евразийский транспортный каркас как драйвер развития международного сотрудничества в транспортно-логистической сфере в рамках ЕАЭС 27

Маневич В. В.

Кибератаки и кибервойны в вооруженных конфликтах киберпространства как предмет регулирования международного гуманитарного права 31

Монахов Г. Д.

Будущее системы международного уголовного правосудия..... 35

Мкртчян Г. Я.

Международные стандарты защиты прав коренных народов..... 39

Сошников А. Б.

Законные участники вооруженных конфликтов через призму международного гуманитарного права 41

Лаворенко С. Ю.

Право на неприкосновенность частной жизни в контексте практики судебных и квазисудебных органов..... 44

Мельников Ф. А.

Формирование общих рынков ЕАЭС как естественное развитие формирования интеграционного объединения..... 50

Ли Цзин

Фрагментация правил международной цифровой торговли..... 53

Панова П. С.

Советская концепция международного права..... 57

Примак А. В.

Политическая роль «Северного потока – 2» во взаимоотношениях Российской Федерации и Европейского союза..... 60

Собин А. А.

Правовые основы деятельности лизинговой компании 64

Субботин А. П.

Проблема нормативно-правового регулирования разработки и эксплуатации безэкипажных судов 66

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Войкова Н. А., Берман А. М.

Некоторые аспекты и перспективы сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в рамках корпоративных отношений..... 69

Жук В. С., Лишак А. Д.

О праве иностранного банка возбудить дело о банкротстве российского должника в отсутствие судебного решения и по требованию, подчиненному арбитражной оговорке..... 73

Ермакова Е. П.

Когда «проарбитражная» политика США становится агрессивной..... 77

Комлева Т. М.

Процедура объявления наследников при наследовании по закону в Испании..... 81

Аристов В. В.

Классификация режимов имущественных отношений супругов в зарубежных правовых системах 84

Русакова Е. П., Чернышева Т. А.

«Система zhi» – «новая веха» в защите авторских и смежных с ними прав в интернет-суде Гуанчжоу 93

Поталенко Д. А.

Правовое регулирование международных расчетов с использованием электронных денежных средств 97

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Рудой П. И.

Перспективы совершенствования российского законодательства для облегчения деятельности исламских финансовых институтов..... 101

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байниязова З. С.

Место и роль Конституции РФ в правовой системе: ценностный аспект..... 105

Кабальнов Д. А.

Договор аренды: этапы эволюции в российском гражданском законодательстве..... 107

Науменко И. Н.

Методы реализации экономической функции государства: теоретико-правовые аспекты в условиях кризисных явлений 110

Пронина К. Ю.

Правовой нигилизм государственных служащих: понятие, причины и меры минимизации 112

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Алиева Н. Ш., Раджабов Ф. Г.

Конституционно-правовые отношения и их субъекты..... 114

Мамеев И. Т., Исаева К. М.

Некоторые аспекты реализации института общественного контроля в Российской Федерации..... 117

Хабибуллаев Х. С., Сайбулаева С. А.

Право гражданина на участие в управлении делами государства: формы и проблемы реализации..... 120

Хизриев Г. М., Курбанов К. Р.

Конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов Российской Федерации 122

Гордеев К. В.

Порядок восстановления смертной казни в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование 124

Бадышева М. И., Раджабов Ф. Г.

Конституционный принцип политического многообразия в российском законодательстве и практика его реализации..... 127

Салманов Н. Н.

Реализация принципа разделения властей в Российской Федерации..... 129

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бакулина И. П.

Проблемы реализации административной реформы системы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения 131

Горовенко С. В.

Совершенствование системы регионального управления в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной распространением заболевания, представляющего опасность для окружающих 133

Керамова С. Н., Абусалимов З. А.

Прокурорский надзор как способ обеспечения законности в сфере исполнительной власти 137

Попова Ю. А., Иваненко И. Н.

О лицах, участвующих в деле, в административном судопроизводстве: проблемы правового регулирования 139

Бакулина И. П.

Проблемы правового обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и достижения баланса публичных и частных интересов в иммунопрофилактике инфекционных заболеваний 143

Курбанов А. Р., Гимбатов Г. М.,

Акаева К. Т., Гасаналиев А. Ш.

Проблемы развития исполнительной власти. Рекомендации по совершенствованию системы исполнительной власти Российской Федерации 145

Шмелев И. В., Муратова Е. В.

Особенности судебного контроля в сфере публичной власти на примере англосаксонских стран 148

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Башилов Б. И., Олейник А. Д.

Процессуально-правовые особенности установления предмета доказывания и оспаривания сделок с предпочтением 150

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Лейс А. В.

Ориентиры муниципальной реформы в практике Конституционного Суда РФ 153

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.

Актуальные проблемы развития профсоюзного движения в современной России 155

Баисов М. М., Одегнал Е. А.

Правовое регулирование услуг по исполнению Интернет-платежей 158

Бочкарникова В. А., Бурханов Р. Д., Бурханова С. Д.

Юридическая сущность правоотношения по возмещению утраченного: теоретические аспекты и проблемы практики применения 161

Дельцова Н. В., Самсонов Е. Д.

Актуальные проблемы применения института обусловленного исполнения обязательства 163

Донской О. О.

Цифровые финансовые активы в РФ и их правовое регулирование 167

Зубкова М. Н., Ибряшкина А. С.

Бинарный опцион: понятие, специфика, перспективы 169

Кузьмина К. С., Клышевский А. С., Вронская М. В.

Функционирование добровольного медицинского страхования в РФ: понятие, виды, преимущества и недостатки 172

Масалимова А. А.

К вопросу об особенностях правовой природы и условиях договора транспортной экспедиции 175

Улаева Н. Л.

Отдельные правовые аспекты оказания платных ветеринарных услуг 178

Юсупова З. Ф.

Правовые особенности совместного завещания супругов в Российской Федерации 181

Ястремский И. А.

Особенности отражения персональных данных в договорах возмездного оказания медицинских услуг на проведение пластических операций 184

Ляпустина Н. А.

Тенденции применения судами положений о возмещении имущественных потерь в спорах, вытекающих из договора строительного подряда 186

Макаров С. А.

Институт фирменного наименования: историко-правовой аспект 189

Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.

Цифровизация образования и новейшие технологии в обучении 192

Амирханов А. М.

Защита прав на цифровую валюту: основные способы, проблемы, правовое регулирование 195

Бавин Д. Е.

Большие данные (big data) как объект интеллектуального права 198

Дельцова Н. В., Кузнецов К. А., Машин А. С.

Энергия как объект гражданско-правового регулирования: функциональный подход 200

Карпова Ю. С.

Разрешение споров с использованием технологии блокчейн: опыт Kleros 203

Лабабуева О. С.

Понятие электронной торговли: сравнительный анализ законодательных терминов 206

Рогов А. А.

Трансформация института отечественного нотариата 209

Донской О. О.

NFT и их правовое регулирование в рамках Российской Федерации 211

Свердлова Ю. В.

Особенности передачи имущества наследодателя фондам при жизни и в порядке наследования 213

Стыслович А. П.

Вопросы наследования лицами, зачатыми после смерти наследодателя 215

Фокин А. Ю.

Охрана объектов культурного наследия религиозного назначения в условиях глобализации 218

Шубный В. С.

Практические проблемы управления общим имуществом многоквартирного дома в части принятия решений его собственниками 220

Ястремский И. А.

Информированное добровольное согласие пациента на проведение пластической операции: законодательное регулирование, значение и содержание 222

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Авдеева Я. В.

Проблема изменения процессуальных норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации Верховным судом Российской Федерации посредством осуществления своих полномочий по даче разъяснений по вопросам судебной практики 224

Ермакова Е. П., Эрбутаева З. К.

Использование блокчейн-технологии при разрешении частноправовых споров: миф или реальность? 227

Котов И. А., Башилов Б. И.

Применение положений судебной неустойки к корпоративным спорам: pro et contra 231

Купчина Е. В.

Защита прав авторов при помощи смарт-контрактов 235

Рабец А. П., Де А. Е.

Электронное доказательство в делах о защите интеллектуальных прав 239

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Боровченкова В. О.

Междисциплинарное исследование работодателя контроле 243

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Денисова Ю. В.

История развития медиации в России 247

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Анищенко О. А., Федоренко А. С.

Судебная практика по налогу на имущество организаций: от «гражданско-правового» критерия к «бухгалтерскому» и обратно 250

Керамова С. Н., Абусалимова А. А.

Дотация как форма межбюджетного трансферта 254

Улыбина О. В., Дашков Т. К., Насыров Р. Р.

Правовое регулирование вопроса об инвестировании в ценные бумаги для государственных служащих 257

Фарикова Е. А.

Понятие и правовые формы финансовой деятельности государства 259

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Мутуев А. И., Алиева Э. Б.

Проблемы оптимизации налоговой деятельности в Российской Федерации 261

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Бадмадоржиев Г. Е.

К вопросу о некоторых проблемах применения норм института недействительности сделок в деле о банкротстве в практике арбитражных судов 263

Кот М. К.

Субъектный состав отношений по регулированию предпринимательской деятельности: дискуссионные вопросы 267

До Линь

Юридические положения для китайских коммерческих предприятий 270

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Толкачев М. В.

Государственная политика по цифровизации публичных органов Российской Федерации 274

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Евсикова Е. В., Антонова Т. Л.

Некоторые аспекты развития нормативно-правового обеспечения экологической безопасности в субъектах РФ (на примере Республики Крым) 277

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Перелехова Т. С., Ермолина М. А.

Проблемы эффективности земельного контроля и надзора в контексте совершенствования законодательства 280

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Гаджиева А. А., Юсупова (Курбанова) М. К.

Сущность уголовного наказания, его функции и тенденции наказательной политики в современный период: обоснован ли репрессивный подход? 282

Исмагилова Г. В., Исмагилова К. А.

Правовое регулирование использования земель в деятельности промышленного предприятия 285

Зорина Н. С.

Социально-психологические детерминанты преступности несовершеннолетних 291

Колупаев Е. О.

Предмет взятки в уголовном законе Российской Федерации и некоторых стран Европейского союза 293

Кучмезов Р. А.

Криптопреступность как разновидность киберпреступлений 296

Латыпова Д. М.

Условия правомерности причинения вреда сотрудником при задержании осужденного, совершившего побег из исправительного учреждения 299

Мальцева С. Н., Сулейманов Т. А.

Уголовная ответственность за совершение конвенционных преступлений по законодательству зарубежных стран 301

Молчанова Е. В.

Уголовные наказания: история и современность 304

Новикова Л. В., Сулейманов Т. А.

Уголовно-правовая оценка неисполнения медицинским персоналом своих профессиональных обязанностей 307

Николаенко Н. С., Дерендяева С. Д.

Современные формирования института уголовной ответственности юридических лиц в России 309

Мулюков Ф. Б., Ибрагимов А. Г.

Наказание за преступления против личности по уголовному законодательству Казахстана, Таджикистана и Узбекистана 311

Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А.

Вопросы применения статьи 264.1 УК РФ 317

Ставило С. П., Бохан А. П., Абдуллаева В. С.

Параметры криминализации, характер и основание общественной опасности преступления 320

Ступина С. А.

Отдельные вопросы квалификации продолжаемого вымогательства 323

Шондиров Р. Х.

Киберпреступление: цели, способы совершения, проблемы квалификации 326

Чубуков Б. А.

Некоторые проблемы нецелевого расходования средств обязательного медицинского страхования (ст. 285.2 УК РФ) 328

Харисов А. С., Трофимов В. А.

Введение уголовной ответственности за уничтожение и за незаконный оборот особо ценных растений и грибов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации 331

Ямщикова И. С. Ответственность за совершение преступлений в сфере кадастровой деятельности по законодательству стран СНГ.....	333	Далелов М. Л. Цифровая трансформация криминалистики	383
Бруньковский Н. Н. Течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности при задержании лица на территории иностранного государства	336	Задорожный А. А. Отдельные аспекты «криминалистической взрывотехники».....	386
Асадуллаев Ульви Фамиль оглы Характеристика особого субъекта преступления «неисполнение судебных актов»	339	КРИМИНОЛОГИЯ	
Дерендяева С. Д., Николаенко Н. С. Категории преступлений: понятие, виды, значение	343	Расторопов С. В. Специально-криминологические меры предупреждения совершения осужденными преступлений против жизни и здоровья в исправительных учреждениях.....	388
Столбин Н. С. Введение уголовной ответственности спортсменов за употребление запрещенных субстанций	345	Ульянова А. А. Криминогенные факторы культурной сферы и основы правового регулирования.....	391
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС		СУДОПРОИЗВОДСТВО	
Клинчук С. В., Николаева А. П. Процессуальный порядок устранения причин и условий, способствующих совершению массовых беспорядков	348	Петросьян Д. В. Активная роль суда в административном судопроизводстве.....	394
Рубеко Г. Л., Каталаева Р. О., Корнилов М. В. Полномочия защитника в российском уголовном процессе: современное состояние и перспективы развития	350	Кузьмина К. С. Понятие, значение и отличия альтернативного разрешения споров от судопроизводства и его место в правовой системе	396
Сафонова Ю. С., Горкина Е. В. Инструментальная детекция лжи как способ установления истины в уголовном процессе	352	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Тажудинов И. Ю. Производство в суде апелляционной инстанции	354	Плебух Е. А. О рассмотрении некоторых вопросов организации индивидуально-воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	398
Бурзаев С. А., Кукаев С. Х., Кугультинов Н. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: отдельные аспекты правового регулирования	356	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Гильджирова А. Г., Мукаева Д. Н. Прекращение уголовного дела на стадии дознания	358	Биликсин В. В., Михайлов В. С. ЧВК Редан: сущность и соотношение с экстремистской деятельностью	401
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		Долгушина Л. В., Ступина С. А. Некоторые особенности правового регулирования деятельности органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы как органов дознания	403
Бажанов С. А. О некоторых результатах экспертного опроса практических работников исправительных учреждений об оценке эффективности института условно-досрочного освобождения.....	361	Нимировская Ю. К. Сон как важнейший маркер функционального состояния в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.....	406
Кузнецов М. И., Грязнов С. А. Открытая характеристика при аттестации осужденных: опыт исправительно-трудовых учреждений Ростовской области	363	ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	
Расторопов С. В., Горшкова Н. А. Причины и условия возникновения и проявления социальных отклонений у осужденных к лишению свободы.....	366	Грищенко А. С., Пастухов Е. В., Амирханян В. Г. Роль и место государства в политической системе общества	408
Улендеева Н. И. Развитие механизма проектного управления в пенитенциарной системе	371	Злобина Е. А. Эффективность законодательной власти	410
КРИМИНАЛИСТИКА		Кирилин А. В. Становление фабричной инспекции как органа контроля за фабричным законодательством в Российской империи	413
Далелов М. Л. Значение криминалистической фотографии и видеозаписи при производстве следственных действий.....	373	Мирошниченко О. И., Дьяконова А. В. К вопросу о некоторых тенденциях цифровизации: опыт пандемии COVID-19.....	416
Жабкин А. С., Барышников А. В., Яковлев И. М. Право человека истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации: пределы и основания.....	376	Рабаданова С. С., Дадашева М. Д. Парламентское расследование как форма парламентского контроля в Российской Федерации.....	419
Михайлов Н. В., Дидоренко Н. Н., Павлов Д. В. К вопросу о классификации оперативно-розыскных мероприятий	378	ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
Позий В. С. О некоторых особенностях расследования преступлений по статье 186 УК РФ.....	380	Амеличкин А. В., Усов А. В. Показ фильмов как средство патриотического воспитания	421
		Белёвцев В. В. Роль цифровых технологий в организации занятий по огневой подготовке	424

Вирта Д. С., Зверев А. В., Кулеев В. Я. Особенности построения тренировочного процесса спортсменов по служебно-прикладному виду спорта «служебный биатлон» в годичном макроцикле	426	Алехин Д. С., Перепечкина Е. Г. Кластеризация как инструмент создания системы управления экономикой региона в условиях цифровизации.....	476
Кашибадзе А. Г. Влияние игровых видов спорта на физическое развитие сотрудников уголовно-исполнительной системы.....	429	Витязева А. А. Перспективы развития российского рынка «зеленого» финансирования.....	480
Макаева Г. З., Макаев Х. Ф., Коновалова Е. Н. Цифровые образовательные ресурсы в процессе иноязычной подготовки студентов юридической сферы.....	432	Гадиров А. А. Переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике.....	483
Мандрыка Ю. С., Романов М. С., Амирова Д. К., Валеева Г. Ш. Педагогические аспекты развития готовности сотрудников полиции к профилактике преступности несовершеннолетних.....	435	Нгуен Тхи Линь Труд и доход работников неформального сектора экономики во Вьетнаме	487
Николаев Н. Ю., Санков П. А., Залаев Р. Д. Некоторые проблемы огневой подготовки сотрудников ОВД.....	437	Пшибыльский Д. Ю. Тенденции влияния цифровизации на совершенствование кадровой работы в современных условиях	490
Муслимов А. Р., Латыпова Э. Р. Исследование использования инновационных цифровых коммуникаций в работе современной компании	440	Сарбаев Р. Р. Методические аспекты оценки ресурсной базы горно-металлургического комплекса.....	492
Кашибадзе А. Г. Тактико-специальная подготовка как базовый элемент профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы	443	ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ	
МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО		Бурлова Ю. А. Влияние нормативного сознания на динамику общественного развития	494
Трефилова В. В. История развития медицинского права в России	445	Васенкин А. В. Социально-философские аспекты развития искусственного интеллекта.....	497
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО		Вильданов Х. С., Юлмухаметов А. А. Роль системы ценностей в обеспечении аксиологической безопасности и предотвращении социальных и экзистенциальных угроз.....	500
Маджуга А. Г., Юмагулова Н. И., Гадаборшева З. И., Матюхина О. С. Эмпатическая культура как предиктор эмоционального развития личности: концептуальный анализ проблемы	448	Иванова Е. В., Гущина О. А. Проблема применимости теории архетипов К. Г. Юнга к анализу современной религиозной мифологии.....	503
ЯЗЫК И ПРАВО		Гофман А. А., Тимощук А. С. Forum externum / forum internum и непогрешимость государственной власти	505
Латыпова Э. Р., Ягафаров А. И. Коммуникативная личность как социальный феномен	452	Игнатова Ю. Е., Лукьянов Г. И. Социальное доверие как фактор функционирования ценностно-нормативных систем в российском обществе.....	507
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ		Серёгин А. А. Принципы анализа межрелигиозных отношений	509
Алехин Д. С., Арыкбаев Р. К. Значение программно-целевого управления в экономике Астраханской области.....	456	Степаненко А. С. Использование искусственного интеллекта и интеллектуальная собственность результатов научного поиска	511
Гайсина А. В. Значение и роль института семьи в формировании человеческого капитала	459	Шарипов А. Р. Национальное самосознание, тенденции и перспективы его развития в современном мире.....	513
Клявлиня Я. М., Курбангалеева А. Р., Гарифуллин Б. А., Амандос К. Т. Регулирование цен (тарифов) в сфере теплоснабжения.....	461	Маркова Н. М. Нравственная свобода: некоторые аспекты богословско-философского осмысления	515
Пименова О. В. Доктринальные концепции региональной интеграции	463	Сёмкин А. В. Ценностные основания коммуникации в аспекте исследования современной социальной системы и жизненного мира социальных субъектов.....	518
Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Организационно-экономические риски при разработке и реализации проекта по созданию учреждений уголовно-исполнительной системы объединенного типа.....	466	Югай В. В. Социальные риски самоидентификации социального субъекта в современной России	520
Седых В. А., Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Актуальные вопросы создания цифрового проекта землепользования в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.....	469	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	522
Ходковская Ю. В., Яковлева Р. П. Роль геополитических конфликтов в трансформации мирового нефтегазового рынка.....	473		

CONTENTS

PERSONA GRATA

E. V. Takmakova:

Prospects for achieving the national development goals of Russia in the field of living standards of the population

Interview with Takmakova Elena Valerjevna, Ph.D. in economical sciences, associate professor, professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University...... 14

EURASIAN INTEGRATION

Pavlova M. A., Kharitonova E. M.

International business in the context of Eurasian integration...... 17

INTERNATIONAL LAW

Efendiev O. F.

The Azerbaijani-Russian Declaration on Allied Cooperation is an important international legal act of our time 21

Drozdova M. A., Udalova D. V.

The Eurasian transport framework as a driver for the development of international cooperation in the transport and logistics sector within the EEU...... 27

Manevich V. V.

Cyberattacks and cyberwarfare in armed conflicts of cyberspace as a subject of regulation of international humanitarian law..... 31

Monakhov G. D.

The future of the international criminal justice system 35

Mkrtchyan G. Ya.

International standards for the protection of the rights of indigenous peoples 39

Soshnikov A. B.

Legal participants in armed conflicts through the prism of international humanitarian law...... 41

Lavorenko S. Yu.

The right to privacy in the context of judicial and quasi-judicial bodies 44

Melnikov F. A.

The formation of common markets in the EAEU as a natural development of the formation of an integration association 50

Li Jing

Fragmentation of international digital trade rules..... 53

Panova P. S.

The soviet concept of international law...... 57

Primak A. V.

The political role of Nord stream 2 in relations between the Russian Federation and The European Union 60

Sobin A. A.

Legal basis of the leasing company 64

Subbotin A. P.

The problem of regulatory regulation of the development and operation of crewless vessels...... 66

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Voykova N. A., Berman A. M.

Some aspects and prospects of cooperation of the EAEU member states in the framework of corporate relations 69

Zhuk V. S., Lishak A. D.

About the right of a foreign bank to file a petition against a Russian debtor in the absence of a judgment on a claim that falls within the scope of arbitration agreement...... 73

Ermakova E. P.

When the "pro-arbitration" policy of the United States becomes aggressive..... 77

Komleva T. M.

Procedure for declaration of heirs when inheriting by law in Spain 81

Aristov V. V.

Classification of regimes of property relations between spouses in foreign legal systems..... 84

Rusakova E. P., Chernysheva T. A.

«Zhi system» – «new milestone» in copyright and related rights protection in Guangzhou internet court 93

Potapenko D. A.

Legal regulation of international settlements using electronic money..... 97

COMPARATIVE LAW

Rudoy P. I.

Prospects for improving Russian legislation to facilitate the activities of Islamic financial institutions...... 101

THEORY OF STATE AND LAW

Bayniyazova Z. S.

The place and role of the Constitution of the Russian Federation in the legal system: value..... 105

Kabalnov D. A.

Lease agreement: stages of evolution in Russian civil legislation..... 107

Naumenko I. N.

Methods for realizing the economic function of the state: theoretical and legal aspects in crisis phenomena 110

Pronina K. Yu.

Legal nihilism of civil servants: concept, causes and minimization measures...... 112

CONSTITUTIONAL LAW

Alieva N. Sh., Radzhabov F. G.

Constitutional and legal relations and their subjects 114

Mameev I. T., Isaeva K. M.

Some aspects of the implementation of the Institute of Public Control in the Russian Federation...... 117

Khabibullaev Kh. S., Saibulayeva S. A.

The right of a citizen to participate in the management of state affairs: forms and problems of implementation..... 120

Khizriev G. M., Kurbanov K. R.

Constitutional and legal foundations of equality and self-determination of the peoples of the Russian Federation...... 122

Gordeev K. V.

The procedure for restoring the death penalty in the Russian Federation: a constitutional and legal study...... 124

Badyшева M. I., Radzhabov F. G.

The constitutional principle of political diversity in Russian legislation and the practice of its implementation..... 127

Salmanov N. N.

Implementation of the principle of separation of powers in the Russian Federation...... 129

ADMINISTRATIVE LAW

Bakulina I. P.

Problems of implementation of administrative reform of the system of ensuring sanitary and epidemiological welfare of the population...... 131

Gorovenko S. V.

Improvement of the regional management system in an emergency situation caused by the spread of a disease that poses a danger to others...... 133

Keramova S. N., Abusalimov S. A. <i>Prosecutor's supervision as a way to ensure the rule of law in the sphere of executive power</i>	137	Yastremskiy I. A. <i>The features of the reflection of personal data in contracts for the provision of paid medical services for plastic surgery</i>	184
Popova Yu. A., Ivanenko I. N. <i>About the persons participating in the case, in administrative proceedings: problems of legal regulation</i>	139	Lyapustina N. A. <i>Trends of the application of indemnity by courts in cases under a construction contract</i>	186
Bakulina I. P. <i>Problems of legal provision of sanitary and epidemiological welfare of the population and achieving a balance of public and private interests in the immunoprophylaxis of infectious diseases</i>	143	Makarov S. A. <i>Corporate name institute: historical and legal aspect</i>	189
Kurbanov A. R., Gimbatov G. M., Akaeva K. T., Gasanaliyev A. S. <i>Problems of executive power development. Recommendations for improving the executive power system in the Russian Federation</i>	145	Ananjeva E. O., Ivliev P. V. <i>Digitalization of education and the latest technologies in education</i>	192
Shmelev I. V., Muratova E. V. <i>Features of judicial control in the sphere of public power on the example of Anglo-Saxon countries</i>	148	Amirkhanov A. M. <i>Protection of digital currency rights: main methods, problems, legal regulation</i>	195
ARBITRATION PROCESS		Bavin D. E. <i>Big data (big data) as an object of intellectual law</i>	198
Bashilov B. I., Oleynik A. D. <i>Procedural and legal features of establishing the subject of evidence and challenging preferential transactions</i>	150	Deltsova N. V., Kuznetsov K. A., Mashin A. S. <i>Energy as an object of civil law regulation: a functional approach</i>	200
MUNICIPAL LAW		Karpova Yu. S. <i>Dispute resolution using blockchain technology: Kleros experience</i>	203
Leis A. V. <i>Guidelines for municipal reform in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation</i>	153	Lababueva O. S. <i>The concept of electronic commerce: a comparative analysis of legislative terms</i>	206
CIVIL LAW		Rogov A. A. <i>Transformation of the institute of the domestic notary</i>	209
Ananjeva E. O., Ivliev P. V. <i>Actual problems of the development of the trade union movement in modern Russia</i>	155	Donskoy O. O. <i>NFT and their legal regulation within the Russian Federation</i>	211
Baisov M. M., Odegnal E. A. <i>Legal regulation of Internet payment Services</i>	158	Sverdlova Yu. V. <i>Features of the transfer of property of the testator funds during life and by succession</i>	213
Bochkarnikova V. A., Burkhanov R. D., Burkhanova S. D. <i>The legal essence of the legal relationship to compensate for the lost: theoretical aspects and problems of application practice</i>	161	Styslovich A. P. <i>Questions of inheritance by persons conceived after the death of the testator</i>	215
Deltsova N. V., Samsonov E. D. <i>Current problems of application of the institute of conditional performance of obligations</i>	163	Fokin A. Yu. <i>Protection of Cultural Heritage Sites for Religious Purposes in the context of globalization</i>	218
Donskoy O. O. <i>Digital financial assets in the Russian Federation and their legal regulation</i>	167	Shubny V. S. <i>Practical problems of managing the common property of an apartment building in terms of decision-making by its owners</i>	220
Zubkova M. N., Ibryashkina A. S. <i>Binary option: concept, specifics, prospects</i>	169	Yastremskiy I. A. <i>Informed voluntary consent of the patient to plastic surgery: legislative regulation, meaning and content</i>	222
Kuzmina K. S., Klyshevsky A. S., Vronskaya M. V. <i>Functioning of voluntary medical insurance in the Russian Federation: concept, types, advantages and disadvantages</i>	172	CIVIL PROCESS	
Masalimova A. A. <i>To the question of the peculiarities of the legal nature and conditions of the transport expedition contract</i>	175	Avdeeva Ya. V. <i>The problem of changing the procedural norms of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation by the Supreme Court of the Russian Federation through the exercise of its powers to provide clarifications on issues of judicial practice</i>	224
Ulaeva N. L. <i>Certain legal aspects of the provision of paid veterinary services</i>	178	Ermakova E. P., Erbutaeva Z. K. <i>The use of blockchain technology in resolving private law disputes: myth or reality?</i>	227
Yusupova Z. F. <i>Legal features of the joint testament of the spouses in the Russian Federation</i>	181	Kotov I. A., Bashilov B. I. <i>Application of forfeit provisions to corporate disputes: pro et contra</i>	231
		Kupchina E. V. <i>Protection of the rights of authors using smart contracts</i>	235
		Rabets A. P., De A. Y. <i>Electronic evidence in intellectual property rights cases</i>	239

LABOUR LAW	
Borovchenkova V. O.	
<i>An interdisciplinary research on employer control</i>	243
FAMILY LAW	
Denisova Yu. V.	
<i>History of the development of mediation in Russia.....</i>	247
FINANCIAL LAW	
Anishchenko O.A., Fedorenko A.S.	
<i>Judicial practice on corporate property tax: from the "civil law" criterion to the «accounting» one and vice versa.....</i>	250
Keramova S. N., Abusalimova A. A.	
<i>Subsidy as a form of inter-budget transfer</i>	254
Ulybina O. V., Dashkov T. K., Nasyrov R. R.	
<i>Legal regulation of the issue of investing in securities for civil servants</i>	257
Farikova E. A.	
<i>The definition and legal forms of the state financial activity</i>	259
TAX LAW	
Mutuev A. I., Alieva E. B.	
<i>Problems of optimization of tax activity in the Russian Federation.....</i>	261
ENTREPRENEURIAL LAW	
Badmadorzhiev G. E.	
<i>On the question of some problems of application of the norms of the institute of invalidity of transactions in a bankruptcy case in the practice of arbitration courts.....</i>	263
Kot M. K.	
<i>The subject composition of relations on the regulation of entrepreneurial activity: debatable issues.....</i>	267
Luolin	
<i>Legal provisions for Chinese commercial enterprises</i>	270
INFORMATION LAW	
Tolkachev M. V.	
<i>State policy on digitalization of public bodies of the Russian Federation</i>	274
ECOLOGICAL LAW	
Evsikova E. V., Antonova T. L.	
<i>Some aspects of the development of regulatory and legal provision of environmental safety in the subjects of the Russian Federation (on the example of the Republic of Crimea)</i>	277
LAND LAW	
Perelekhova T. S., Ermolina M. A.	
<i>Problems of the efficiency of land control and supervision in the context of improvement of legislation.....</i>	280
CRIMINAL LAW	
Gadzhieva A. A., Yusupova (Kurbanova) M. K.	
<i>The essence of criminal punishment, its functions and trends of punitive policy in the modern period: is the repressive approach justified?</i>	282
Ismagilova G. V., Ismagilova K. A.	
<i>Legal regulation of land use in the activities of an industrial enterprise.....</i>	285
Zorina N. S.	
<i>Socio-psychological determinants of juvenile delinquency.....</i>	291
Kolupaev E. O.	
<i>The bribe item in the criminal law of the Russian Federation and some countries of the European Union</i>	293
Kuchmezov R. A.	
<i>Crypto crime as a kind of cybercrime</i>	296
Latypova D. M.	
<i>Conditions for the legitimacy of causing harm by an employee during the detention of a convict who escaped from a correctional institution.....</i>	299
Maltseva S. N., Suleymanov T. A.	
<i>Criminal liability for the commission of conventional crimes under the legislation of foreign countries</i>	301
Molchanova E. V.	
<i>Criminal penalties: history and modernity.....</i>	304
Novikova L. V., Suleymanov T. A.	
<i>Criminal-legal assessment of non-fulfillment by medical personnel of their professional duties.....</i>	307
Nikolaenko N. S., Derendyaeva S. D.	
<i>Modern formations of the institute of criminal liability of legal entities in Russia.....</i>	309
Mulyukov F. B., Ibragimov A. G.	
<i>Punishment for crimes against the person under the criminal legislation of Kazakhstan, Tajikistan, and Uzbekistan.....</i>	311
Pisarevskaya E. A., Dvorzhickaya M. A.	
<i>Issues of application of Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	317
Stavilo S. P., Bohan A. P., Abdullaeva V. S.	
<i>Criminalization parameters, nature and basis of the public danger crime.....</i>	320
Stupina S. A.	
<i>Separate issues of qualification of continued extortion</i>	323
Shondiurov R. Kh.	
<i>Cybercrime: goals, methods of commission, qualification problems.....</i>	326
Chubukov B. A.	
<i>Some problems of misuse of compulsory medical insurance funds (Article 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)</i>	328
Kharisov A. S., Trofimov V. A.	
<i>Introducing criminal responsibility for the destruction and for the illegal trafficking of especially valuable plants and mushrooms included in the Red book of the Russian Federation</i>	331
Yamshchikova I. S.	
<i>Liability for cadastral offences under CIS legislation.....</i>	333
Brunkovskiy N. N.	
<i>The period of limitation for criminal liability in the case of detention on the territory of a foreign state</i>	336
Asadullayev Ulvi Famil ogly	
<i>Characteristics of the special subject of the crime «non-execution of judicial acts».....</i>	339
Derendyaeva S. D., Nikolaenko N. S.	
<i>Categories of crimes: concept, types, meaning.....</i>	343
Stolbin N. S.	
<i>Introducing criminal responsibility of athletes for the use of prohibited substances</i>	345
CRIMINAL PROCESS	
Klinchuk S. V., Nikolaeva A. P.	
<i>Procedural procedure for eliminating the causes and conditions contributing to the commission of mass riots</i>	348

Rubeko G. L., Katalaeva R. O., Kornilov M. V. <i>The powers of a lawyer in the Russian criminal process: current state and prospects of development</i>	350	LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES	
Safonova Yu. S., Gorkina E. V. <i>Instrumental lie detection as a way of establishing the truth in criminal proceedings</i>	352	Plebukh E. A. <i>On consideration of some issues of the organization of individual educational work with employees of the penitentiary system of the Russian Federation</i>	398
Tazhudinov I. Yu. <i>Proceedings in the court of appeals</i>	354	LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
Burzaev S. A., Kukaev S. K., Kugultinov N. B. <i>The stage of initiation of a criminal case: certain aspects of legal regulation</i>	356	Biliksin V. V., Mikhaylov V. S. <i>PMCs Redan: the essence and correlation with extremist activity</i>	401
Gildzirova A. G., Mukaeva D. N. <i>Termination of the criminal case at the stage of inquiry</i>	358	Dolgushina L. V., Stupina S. A. <i>Some features of the legal regulation of the activities of the state fire supervision bodies of the Federal fire service as bodies of inquiry</i>	403
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		Nimirovskaya Yu. K. <i>Sleep as the most important marker of the functional state in the professional activity of employees of internal affairs bodies</i>	406
Bazhanov S. A. <i>On some results of an expert survey of practical workers in correctional institutions on the evaluation of the effectiveness of the institution of parole</i>	361	STATE AND LAW	
Kuznetsov M. I., Gryaznov S. A. <i>Open characterization in the certification of convicts: the experience of correctional labor institutions of the Rostov region</i>	363	Grishchenko A. S., Pastukhov E. V., Amirkhanyan V. G. <i>The role and place of the state in the political system of society</i>	408
Rastoropov S. V., Gorshkova N. A. <i>Causes and conditions of occurrence and manifestation of social deviations in persons sentenced to imprisonment</i>	366	Zlobina E. A. <i>Effectiveness of the legislative power</i>	410
Ulendeeva N. I. <i>Development of the project management mechanism in the penitentiary system</i>	371	Kirilin A. V. <i>Formation of factory inspection as a body of control over factory legislation in the Russian Empire</i>	413
CRIMINALISTICS		Miroshnichenko O. I., Dyakonova A. V. <i>To the question of some trends in digitalization. Looking through the COVID-19 experience</i>	416
Dalelov M. L. <i>The importance of forensic photography and video recording in the production of investigative actions</i>	373	Rabadanova S. S., Dadasheva M. J. <i>Parliamentary investigation as a form of parliamentary control in the Russian Federation</i>	419
Zhabkin A. S., Baryshnikov A. V., Yakovlev I. M. <i>The right of a person to demand from the body carrying out operational investigative activities information about the information received about him: limits and grounds</i>	376	PEDAGOGY AND LAW	
Mikhaylov N. V., Didorenko N. N., Pavlov D. V. <i>On the issue of classification of operational search activities</i>	378	Amelichkin A. V., Usov A. V. <i>Showing films as a means of patriotic education</i>	421
Poziy V. S. <i>On some features of the investigation of crimes under Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	380	Belevtsev V. V. <i>The role of digital technologies in the organization of fire training classes</i>	424
Dalelov M. L. <i>Digital transformation of forensics</i>	383	Virta D. S., Zverev A. V., Kuleev V. Ya. <i>Features of construction of the training process of athletes for the service-applied sport «service biathlon» in the annual macrocycle</i>	426
Zadorozhny A. A. <i>Some aspects of “forensic explosives”</i>	386	Kashibadze A. G. <i>The influence of game sports on the physical development of employees of the penal system</i>	429
CRIMINOLOGY		Makaeva G. Z., Makaev Kh. F., Konovalova E. N. <i>Digital educational resources in the process of foreign language training of legal students</i>	432
Rastoropov S. V. <i>Special criminological measures to prevent convicted persons from committing crimes against life and health in correctional institutions</i>	388	Mandryka Yu. S., Romanov M. S., Amirova D. K., Valeeva G. Sh. <i>Pedagogical aspects of the development of police officers' readiness for the prevention of juvenile delinquency</i>	435
Ulyanova A. A. <i>Criminogenic factors of the cultural sphere and the basis of legal regulation</i>	391	Nikolaev N. Yu., Stankov P. A., Zalaev R. D. <i>Some problems of fire training of police officers</i>	437
JUDICIARY		Muslimov A. R., Latypova E. R. <i>Research of using digital communications in the activities of a modern company</i>	440
Petrosyan D. V. <i>The active role of the court in administrative proceedings</i>	394	Kashibadze A. G. <i>Tactical and special training as a basic element of professional training of employees of the penal system</i>	443
Kuzmina K. S. <i>The concept, meaning and differences of alternative dispute resolution from legal proceedings and its place in the legal system</i>	396		

MEDICAL LAW	
Trefilova V. V.	
<i>History of medical law development in Russia</i>	445
PSYCHOLOGY AND LAW	
Madzhuga A. G., Yumagulova N. I., Gadaborsheva Z. I., Matyukhina O. S.	
<i>Empathic culture as a predictor of emotional development of personality: conceptual analysis of the problem</i>	448
LANGUAGE AND LAW	
Latypova E. R., Yagafarov A. I.	
<i>Communicative personality as a social phenomenon</i>	452
ECONOMY. LAW. SOCIETY	
Alekhin D. S., Arykbaev R. K.	
<i>The importance of program-target management in the economy of the Astrakhan region</i>	456
Gaysina A. V.	
<i>The importance and role of the institution of the family in the formation of human capital</i>	459
Klyavlina Ya. M., Kurbangaleeva A. R., Garifullin B. A., Amandos K. T.	
<i>Regulation of prices (tariffs) in the field of heat supply.....</i>	461
Pimenova O. V.	
<i>Doctrinal concepts of regional integration.....</i>	463
Radchenko E. P., Vdovina A. N.	
<i>Organizational and economic risks in the development and implementation of the project on the creation of institutions of the penal system of the combined type.....</i>	466
Sedykh V. A., Radchenko E. P., Vdovina A. N.	
<i>Topical issues of creating a digital land use project in the penal system of the Russian Federation</i>	469
Khodkovskaya Yu. V., Yakovleva R. P.	
<i>The role of geopolitical conflicts in the transformation of the global oil and gas market.....</i>	473
Alekhin D. S., Perepechkina E. G.	
<i>Clustering as a tool for creating a regional economic management system in the context of digitalization</i>	476
Vityazeva A. A.	
<i>Green finance market in Russia: prospects of development</i>	480
Gadirov A. A.	
<i>Transition to environmentally friendly and resource-saving energy</i>	483
Nguyen Thi Linh	
<i>Employment and income of workers in the informal economy in Vietnam.....</i>	487
Pshibylskiy D. Yu.	
<i>Trends in the influence of digitalization on the improvement of personnel work in modern conditions</i>	490
Sarbaev R. R.	
<i>Methodological aspects of assessing the resource base of the mining and metallurgical complex</i>	492
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY	
Burlova Yu. A.	
<i>The influence of normative consciousness on the dynamics of social development</i>	494
Vasenkin A. V.	
<i>Socio-philosophical aspects of the development of artificial intelligence</i>	497
Vildanov K. S., Yulmukhametov A. A.	
<i>The role of the value system in ensuring axiological security and preventing social and existential threats</i>	500
Ivanova E. V., Guschina O. A.	
<i>The problem of applicability of the theory of archetypes by C.G. Jung to the analysis of modern religious mythology.....</i>	503
Gofman A. A., Timoschuk A. S.	
<i>Forum externum / forum internum and the infallibility of state power.....</i>	505
Ignatova Yu. E., Lukyanov G. I.	
<i>Social trust as a factor in the functioning of value-normative systems in Russian society.....</i>	507
Seregin A. A.	
<i>Principle of analysis of interreligious relations.....</i>	509
Stepanenko A. S.	
<i>Use of artificial intelligence and intellectual property of scientific search results</i>	511
Sharipov A. R.	
<i>National consciousness, trends and prospects for its development in the modern world</i>	513
Markova N. M.	
<i>Moral freedom: some aspects of theological and philosophical understanding</i>	515
Semkin A. V.	
<i>Value foundations of communication in the aspect of the study of the modern social system and the life world of social subjects</i>	518
Yugay V. V.	
<i>Social risks of self-identification of a social subject in modern Russia.....</i>	520
INFORMATION FOR AUTHORS.....	522

Е. В. ТАКМАКОВА
ПЕРСПЕКТИВЫ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ
В ОБЛАСТИ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Интервью с Такмаковой Еленой Валерьевной, доктором экономических наук, доцентом, профессором кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева.

E. V. TAKMAKOVA
PROSPECTS FOR ACHIEVING THE NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF RUSSIA
IN THE FIELD OF LIVING STANDARDS OF THE POPULATION

Interview with Takmakova Elena Valerjevna, Ph.D. in economical sciences, associate professor, professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University.

Такмакова Е. В.

Визитная карточка:

Такмакова Елена Валерьевна

Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Кандидатская диссертация «Доходы сельского населения в условиях становления рыночной экономики» (08.00.01 - Экономическая теория, 2003 г.). Докторская диссертация «Регулирование доходов населения на основе формирования системы социальной стандартизации (в предметной сфере «доходы населения») (08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (экономика труда), 2022 г.».

Такмакова Е.В. - автор и соавтор более 150 публикаций, в том числе 10 монографий, по проблемам социального и демографического развития, уровня жизни населения, социальной стандартизации. Индекс Хирша - 11 с общим количеством цитирований – 435.

Является экспертом Российского научного фонда.

Член общественной организации «Российская ассоциация статистиков».

Член экспертной группы разработчиков ФГОС ВО 4 по программам базового высшего образования и программам магистратуры в части направления Статистика (УГН1, направление 04).

– Елена Валерьевна, скажите, пожалуйста, чем вызван Ваш научный интерес к выбранной тематике исследований?

– Более 20 лет я занимаюсь исследованием проблем уровня жизни населения России и, в частности, формирования доходов населения. Выбор такой тематики был первоначально случайным и скорее сделан не мной, а моим научным руководителем по дипломной работе. А затем изучение особенностей развития доходов населения, факторов, влияющих на них, механизмов регулирования распределительных отношений продолжилось и в кандидатской, и в докторской диссертации.

Доходы населения носят двойственный характер: с одной стороны, это самый существенный фактор обеспечения уровня жизни населения; с другой стороны - они отражают уровень экономического развития страны, одновременно определяя экономический рост. Поэтому процессы, происходящие в сфере формирования и регулирования доходов, затрагивают интересы всего населения страны, определяют социальную стабильность в обществе, потенциал воспроизводства рабочей силы, развитие человеческого потенциала.

– Расскажите подробнее о своих научных изысканиях?

– Согласно Конституции РФ Россия является социальным государством, а социальная политика направлена на создание условий, которые обеспечивают достойную жизнь

и свободное развитие человека. В свою очередь, социальная политика государства выступает как часть государственного регулирования социально-экономического развития страны.

Социальная политика включает в себя целый ряд отдельных направлений - политика доходов населения; социальная защита граждан; развитие системы здравоохранения, образования, культуры; обеспечение товарами, услугами, условиями проживания; молодежная политика.

В любом обществе политика доходов населения — это часть государственной социально-экономической политики. Она обусловлена теми экономическими институтами, которые существуют в государстве в конкретный момент времени, теми приоритетами, которые определило государство, и теми инструментами, которые оно использует. Отправной момент всего процесса регулирования доходов населения - это формирование нормативно-правовой базы. Нормативы лежат в основе расчётов нормативных потребительских бюджетов; ставки налогообложения применяются для удержания налога на доходы физических лиц.

– Елена Валерьевна, скажите, как можно охарактеризовать современное состояние уровня жизни населения в России и особенности его государственного регулирования?

– Современный этап социально-экономического развития страны характеризуется низким уровнем среднедушевых

денежных доходов населения, высокой степенью дифференциации населения по доходам.

Органами государственной власти активно реализуется система мероприятий по социальной поддержке населения в условиях экономической нестабильности. В обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве основного приоритета указано на сбережение народа России, обеспечение качества жизни и благосостояния граждан. За последние пять лет приняты и реализуются основные положения Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», Указа Президента РФ от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития на период до 2030 года», «Основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2024 года», «Единого плана по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года», в которых определены такие национальные цели развития страны в области уровня жизни населения, как: обеспечение темпов устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции, снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года.

Ведущая роль в реализации социальной политики принадлежит средствам федерального бюджета, который выступает в качестве инструмента содействия позитивным процессам в социально-экономическом развитии, в том числе в реализации политики доходов населения. С 2000 по 2020 гг. удельный вес расходов на социальную политику в общем объеме расходов консолидированного бюджета и бюджетов внебюджетных фондов существенно возрос – с 23,8 до 58,5 % соответственно.

– **Елена Валерьевна, какую роль играет социальная стандартизация в механизме регулирования доходов населения страны?**

– Ограниченность экономических ресурсов, признание и обеспечение государством социальных прав и гарантий их реализации, закрепленных Конституцией Российской Федерации, формирование расходной части бюджетов различного уровня, требует установления системы социальной стандартизации, как основы реализации социальной политики государства, направленной на достижение достойного уровня и качества жизни населения, удовлетворение базовых потребностей на социально значимом уровне, рост человеческого потенциала страны. Система социальной стандартизации должна стать элементом механизма регулирования доходов населения и важнейших параметров уровня жизни населения в целом. Цель введения системы социальной стандартизации – оптимизировать предоставление материальных благ и услуг реально нуждающимся, сделать стандарты механизмом политики государства, обеспечивающим социальную защищенность населения.

С помощью социальных стандартов следует определять масштабы решения жизненно важных вопросов, обеспечивающих более полное удовлетворение потребностей людей, условия для развития человеческого потенциала. Социальные стандарты являются критериями эффективного распределения ресурсов потребления, выступают как способ реализации социальных гарантий в области доходов и потребления населения. Они могут использоваться

в качестве базы при обосновании мероприятий по повышению уровня жизни населения.

– **Елена Валерьевна, какова Ваша позиция относительно внедрения такого инструмента политики доходов населения, как прогрессивное налогообложение доходов физических лиц в РФ?**

– В настоящее время ведутся дискуссии о целесообразности прогрессивного налогообложения при имеющемся уровне дифференциации доходов населения. Несмотря на наличие множества рекомендаций экономистов о необходимости изменения шкалы подоходного налога, Правительство Российской Федерации считает, что имеющиеся подходы к установлению НДФЛ, в целом оправдали себя и не требуют серьезных изменений. Полагаю, что необходимость перехода к прогрессивному налогообложению не только с экономических позиций, касающихся суммы собираемых налогов, но, прежде всего, с позиций использования прогрессивного налогообложения в качестве института, позволяющего перераспределять доходы, тем самым решая вопросы снижения дифференциации населения по доходам. Установление прогрессивного налогообложения доходов в стране требует плавного перехода. Введение изменения ставки на доходы выше 5 млн. руб. можно считать одной из мер к постепенному переходу к прогрессивной шкале налогообложения доходов физических лиц.

– **Как Вы оцениваете результаты государственной политики по регулированию доходов населения?**

– Результативной политику доходов населения можно считать в случае сокращения численности людей с доходами ниже величины прожиточного минимума и увеличения размера величины устанавливаемого прожиточного минимума. Удельный вес бедного населения сократился в Российской Федерации с 29,0 % в 2000 году до 12,3 % в 2020 году.

Инструменты политики доходов населения за 2000-2020 гг. были направлены на сокращение абсолютной бедности; из множества методов и инструментов политики доходов населения в России активно применялся инструмент МРОТ. Российскую модель социальной политики можно считать субсидиарной, то есть предполагающей сокращения выплат социального характера домохозяйствам, имеющим доход выше уровня прожиточного минимума, обеспечение выплат социальных трансфертов бедному населению.

Вместе с тем, в российской экономике по-прежнему действует так называемый «порочный круг бедности»: низкий уровень доходов населения приводит к низкому уровню как потребительских расходов, так и сбережений, что ведет к недостаточному объему инвестиций, а затем и к низким темпам накопления капитала, что, в свою очередь, приводит к низкой производительности труда и низкому уровню среднедушевых денежных доходов населения. Представляется, что «разорвать» данный «порочный» круг можно только посредством мер государственного воздействия, в частности, реализуя политику доходов населения, которая воздействует на макроэкономические индикаторы через механизм действия мультипликатора конечного спроса.

– **Скажите, какую роль в повышении уровня жизни населения страны играют мероприятия по дости-**

жению национальных целей в области уровня жизни населения?

– Национальные цели и стратегические задачи развития РФ на период 2024 года в области уровня жизни населения включают в себя (согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»): «обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции» и «снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации» (в настоящее время достижение указанной цели отодвинуто до 2030 г.).

Национальные цели развития Российской Федерации носят «межпрограммный» характер: достижение ни одной из национальных целей не может быть обеспечено в рамках лишь одной государственной программы и (или) национального проекта (программы). Кроме того, национальные цели развития тесно взаимосвязаны. Достижение одних целей находится в прямой зависимости от достижения других.

В 2020 году Счетной палатой Российской Федерации совместно с экспертами Центра перспективных управленческих решений проведен анализ государственной политики, направленной на снижение бедности, который показал, что комплексная государственная политика в сфере обеспечения роста реальных доходов и снижения уровня бедности недостаточно систематизирована, ей не хватает доказательной базы и адресности.

Представляется, что необходима реализация дополнительных мер политики доходов населения, обладающих прямым влиянием на получение итоговых результатов по снижению уровня бедности и росту доходов, так как заявленные в Едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года целевые индикаторы в области доходов населения и уровня бедности трудно достижимы.

Мы полагаем, что национальные цели в области повышения уровня жизни населения могут быть достигнуты посредством совершенствования величины минимального размера оплаты труда. Для установления оптимального уровня минимальной заработной платы следует применять ее соотношение с медианной заработной платой, то есть использовать индекс Кейтца. В качестве ориентира следует принять величину индекса Кейтца, равную 50 % (это соответствует рекомендациям Международной организации труда). В качестве экономических последствий такого повышения величины МРОТ можно назвать: рост ВВП; рост производства; рост потребления; рост поступлений от НДФЛ в бюджет страны; рост страховых взносов во внебюджетные фонды вследствие роста фонда оплаты труда; рост теневизации заработной платы; рост инфляции. Одновременно возможно наступление таких социальных последствий как: рост среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников; уменьшение числа домохозяйств, претендующих на социальную помощь.

– Уважаемая Елена Валерьевна, благодарим Вас за интервью! Желаем дальнейшего профессионального роста! В заключение беседы разрешите задать Вам

традиционный вопрос: чтобы Вы хотели пожелать редакции, авторам и читателям нашего журнала?

– Прежде всего, мне хотелось бы выразить признательность редакции Евразийского юридического журнала за возможность более подробно рассказать об актуальном состоянии процесса реализации мероприятий по достижению национальных целей Российской Федерации в области повышения уровня жизни населения.

А еще хотела бы высказать слова благодарности тем людям, с которыми были связаны на разных этапах моей профессиональной жизни (написание дипломной работы, подготовка и защита кандидатской и докторской диссертации) мои успехи в научной деятельности – доктору экономических наук, профессору Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева Ароновой Светлане Анатольевне, доктору экономических наук, профессору Базикову Александру Александровичу (ныне покойному), Гуляевой Татьяне Ивановне – доктору экономических наук, профессору Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина.

Всем авторам и читателям Евразийского юридического журнала желаю укреплять свой интеллектуальный потенциал, успешно реализовывать научные идеи, творческого вдохновения и жизненной энергии! Спасибо!

Интервью брали:

**Бондаренко
Александр Викторович**
*заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент*

**Лукиянов
Михаил Юрьевич**
*ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент*

ПАВЛОВА Мария Александровна

заместитель начальника отдела правовой экспертизы решений Комиссии Правового департамента Евразийской экономической комиссии

ХАРИТОНОВА Евгения Михайловна

студент 3 курса Института права и национальной безопасности (специальность – таможенное дело) РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Настоящее исследование направлено на рассмотрение возможностей, особенностей и перспектив ведения бизнеса в рамках функционирования Евразийского экономического союза и нацелено на необходимость привлечения внимания всех заинтересованных субъектов к активизации взаимодействия с целью эффективной выработки согласованных подходов и механизмов по обеспечению ведения и развития евразийского бизнеса и международной торговли в целом.

Цель. Выявить функциональную значимость Евразийского экономического союза в части ведения евразийского бизнеса как составляющей мировой торговли.

Задачи. Проанализировать картину международного бизнеса, определить особенности международной торговли, осуществляемой в рамках интеграционных объединений, и в евразийском объединении, а также рассмотреть возможные перспективы развития бизнес-моделей на евразийском пространстве и осуществление международной торговли Евразийским экономическим союзом с учетом современных реалий.

Методология. В настоящей работе с помощью методов логического, сравнительного и прогностического анализа выявлены положительные тенденции к развитию международного бизнеса при главенствующем участии Евразийского экономического союза.

Результаты. Исследование показало, интеграция является эффективным инструментом для развития экономики и укрепления международных отношений. Евразийский экономический союз является именно таким инструментом, на платформе которого осуществляется взаимодействие и принятие стратегических решений, обеспечивающих развитие международной торговли.

Выводы. Евразийский экономический союз играет значимую роль в современном мире, обеспечивая своим участникам сравнительные преимущества и возможности для расширения бизнеса. Между тем, необходимо стимулировать развитие кооперации евразийских государств, в том числе, в производственной кооперации и специализации с учетом общих практик, активизации производственной и инновационной политики, уделяя внимание координации компонентов, синхронизация которых должна стать целью деятельности евразийского объединения.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международная торговля, интеграция.

PAVLOVA Mariya Alexandrovna

Deputy Head of Legal expertise of decisions of the Commission of the Legal Department of the Eurasian Economic Commission

KHARITONOVA Evgeniya Mikhailovna

student of the 3rd course of the Institute of Law and National Security (specialty – customs) of the RANEPА under the President of the Russian Federation

INTERNATIONAL BUSINESS IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

The present study is aimed at considering the opportunities, features and prospects of doing business within the framework of the functioning of the Eurasian Economic Union and is aimed at the need to attract the attention of all stakeholders to enhance interaction in order to effectively develop coordinated approaches and mechanisms to ensure the conduct and development of Eurasian business and international trade in general.

Aim. To identify the functional significance of the Eurasian Economic Union in terms of conducting Eurasian business as a component of world trade.

Tasks. To analyze the picture of international business, to determine the features of international trade carried out within the framework of integration associations and in the Eurasian union, as well as to consider possible prospects for the development of business models in the Eurasian space and the implementation of international trade by the Eurasian Economic Union, taking into account modern realities.

Methods. In this paper, using the methods of logical, comparative and predictive analysis, positive trends towards the development of international business with the predominant participation of the Eurasian Economic Union are revealed.

Results. The study showed that integration is an effective tool for economic development and strengthening international relations. The Eurasian Economic Union is precisely such an instrument on the platform of which interaction and strategic decision-making are carried out, ensuring the development of international trade.

Conclusion. The Eurasian Economic Union plays a significant role in the modern world, providing its members with comparative advantages and opportunities for business expansion. Meanwhile, it is necessary to stimulate the development of cooperation between the Eurasian states, including in production cooperation and specialization, taking into account common practices, activation of production and innovation policy, paying attention to the coordination of components, the synchronization of which should be the goal of the Eurasian association.

Keywords: The Eurasian Economic Union, the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, world trade, integration.

Павлова М. А.

Харитоновна Е. М.

Со второй половины XX века в мировой экономике наблюдается процесс развития и модернизации производства, в котором применяются наиболее эффективные средства производства, что, безусловно, приводит к росту деловой активности, а в мировом масштабе – к ускоренным темпам роста, в том числе, и в рамках функционирования интеграционных объединений. Начавшиеся в этот период либерализация торговли и внедрение технологических инноваций в области транспорта и телекоммуникаций, увеличили международный обмен факторами производства и конечной продукцией. В условиях глобализации и интеграции экономик страны все чаще сталкиваются с необходимостью совершенствовать международно-правовые гарантии в целях эффективного функционирования бизнес-сообщества. Участие государств в интеграционных объединениях, таких как, например, Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз), является приоритетным направлением стратегического развития бизнеса. В рамках интеграционного объединения расширяются рынки сбыта и осуществляется обращение продукции по единым правилам и требованиям, что, таким образом, значительно упрощает ведение международной торговли. Прежде всего, экономическая интеграция направлена на укрепление экономики государств, обеспечение их гармоничного развития и сближения, гарантирования устойчивого роста деловой активности, сбалансированной торговли и добросовестной конкуренции. Государства в рамках любого интеграционного объединения должны стремиться к выработке совместных действий для решения имеющихся задач по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики. Такие согласованные и скоординированные действия, кроме того, должны быть направлены на взаимовыгодное и равноправное сотрудничество с другими странами, а также международными интеграционными объединениями и международными организациями, тем самым, увеличивая кооперацию бизнес-сообщества¹.

Бизнес-модель в рамках интеграционных объединений, формируется под влиянием множества факторов, включая государственную политику, правовую систему, экономические условия, технологические достижения, культурные традиции и др. Чтобы добиться успеха в международном бизнесе, хозяйствующие субъекты должны уметь ориентироваться в этих сложных и динамичных факторах и адаптировать свои стратегии для удовлетворения потребностей различных рынков и заинтересованных сторон.

Чтобы начать анализировать картину международного бизнеса, необходимо иметь общее представление о том, почему бизнес выходит за пределы национальных границ. Можно рассматривать торговлю и инвестиции как выражение сравнительных преимуществ стран. То есть, предположить, что каждая нация, как правило, обладает исключительными преимуществами в производстве тех или иных товаров, услуг или и того, и другого. Это то, что известно, как сравнительное преимущество страны, и оно основано на имеющихся у страны факторах производства, таких как земля, труд и капитал. Поэтому страна будет экспортировать такие товары и услуги, которые в большей степени опираются на ее преобладающие факторы производства.

Поток инвестиций, один из самых универсальных и мобильных факторов производства, также может быть лучше объяснен с помощью концепции сравнительных преимуществ. Так, страна, богатая капиталом, но не имеющая достаточного количества рабочей силы, может инвестировать в другую страну с большим количеством рабочей силы, но меньшим количеством капитала, чтобы воспользоваться преимуществами этой страны.

Внешняя торговля является важным элементом для стран. Это торговля, которая осуществляется за пределами границ страны происхождения, все виды экономической деятельности, которые связаны с трансграничными сделками, классифицируются как международный или иностранный бизнес, а управление ими относится к сфере управления международной торговли. Можно выделить два элемента, это покупка и продажа, то есть экспорт и импорт.

Международная торговля охватывает всю коммерческую деятельность с участием двух или более государств, такую как продажи, инвестиции и логистика. Качество продукции и стандарты должны быть адаптированы к стране-покупателю.

Рассматривая особенности международного бизнеса, стоит обозначить, что интеграция – это процесс углубления экономических, политических и социальных связей между государствами и регионами с целью создания единого рынка, унификации правовых норм и стандартов, повышения конкурентоспособности и эффективности экономики. Международный бизнес в условиях интеграции – это комплекс процессов, связанных с взаимодействием различных экономических субъектов в рамках единого экономического пространства.

Существуют два макромасштабных фактора, которые подчеркивают тенденцию к усилению глобализации. Первый заключается в устранении барьеров для облегчения трансграничной торговли (например, свободное движение товаров и услуг, а также капитала, называемое «свободной торговлей»). Вторая – это технологические изменения, в частности, развитие технологий связи, обработки информации и транспорта. В последние десятилетия международный бизнес быстро развивается благодаря технологическому развитию, либерализации государственной политики в отношении трансграничного перемещения (товаров, услуг и ресурсов для их производства), развитию потребителей покупать иностранные товары и услуги, усилению глобальной конкуренции, изменению политической ситуации и сотрудничеству в решении трансграничных вопросов. Вследствие этих факторов субъекты хозяйственной деятельности все чаще используют зарубежные страны в качестве источника как производства, так и продаж.

Одной из основных особенностей международного бизнеса в условиях интеграции является необходимость соблюдения правовых норм и стандартов, в том числе, установленных международными организациями. Это касается не только торговли и инвестиций, но и защиты прав интеллектуальной собственности, экологических стандартов, прав работников. Другой особенностью является необходимость адаптации к различным культурным и социальным условиям в разных странах и регионах. Это касается не только языковых и культурных барьеров, но и различий в правовых и экономических системах, традициях и обычаях. Кроме того, к особенностям введения международного бизнеса следует отнести также усиление конкуренции на международном рынке, что требует от компаний повышения качества продукции и услуг, снижения затрат и улучшения маркетинговых стратегий.

Таким образом, международный бизнес в условиях интеграции имеет свои особенности, которые связаны с расширением географии бизнеса, увеличением конкуренции, необходимостью адаптации к местным условиям и управления рисками. Организации, которые учитывают эти особенности, могут успешно вести свой бизнес на мировом рынке.

Под экономической интеграцией следует понимать процесс объединения экономических систем разных стран в единую структуру, которая предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы в едином экономическом пространстве. Такая интеграция осуществляется путем создания различных механизмов сотрудничества, таких как таможенный союз, зона свободной торговли, экономический союз и др.

Основной целью экономической интеграции является увеличение объема торговых операций между странами-участниками, увеличение производительности и эффективности экономики, а также снижение издержек на производство благ и услуг. В результате экономической интеграции участники получают возможность увеличить свое экономическое благополучие.

Одним из примеров успешной экономической интеграции является ЕАЭС. Он начал функционировать 1 января 2015 года и на сегодняшний день объединяет пять стран – Республику Армения, Республику Беларусь, Кыргызскую Республику, Республику Казахстан и Российскую Федерацию². Союз предоставляет своим членам множество преимуществ, среди которых свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Благодаря этому государства-члены ЕАЭС достигли достаточно высокого уровня экономического развития за последние несколько лет.

Однако, экономическая интеграция также имеет свои недостатки. Например, она может привести к увеличению зависимости государств-членов друг от друга, а также к ухудшению

1 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Евразийская экономическая комиссия. М., 2016. 680 с.

2 Официальный сайт Евразийского экономического союза. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 16.06.2023).

условий для некоторых отраслей экономики. Кроме того, экономическая интеграция может стать причиной усиления конкуренции и снижения доходов для некоторых групп населения.

Таким образом, экономическая интеграция – это сложный процесс, успех деятельности которого, прежде всего, зависит от желания государств решить международно-правовые проблемы совместно в рамках экономического объединения. Важно учитывать все ее аспекты при принятии решения о вступлении в экономическую интеграцию и стремиться к максимальной выгоде для всех участников. Экономическая интеграция определяется как процесс, в ходе которого группа стран устраняет определенные экономические барьеры между ними.

Экономическая интеграция позволяет странам объединить усилия для достижения общих целей, устраняя барьеры, препятствующие развитию торговли, целью процесса экономической интеграции является объединение рынков путем облегчения рыночной деятельности.

Шлаев Д.В., Кипкеева Д.Р. в своей работе сущность и формы международной экономической интеграции подчеркивают следующее: «Одной из наиболее заметных особенностей мировой экономики с середины XX века является так называемый регионализм или возникновение экономических блоков, сформированных на основе региональных торговых соглашений или соглашений об экономической интеграции». Экономическая интеграция относится к процессам, в которых несколько стран, обычно географически близких друг к другу, обязуются устранить экономические барьеры между ними, что подразумевает, что это могут быть сложные соглашения, выходящие за рамки либерализации торговли.

Интеграция нескольких стран – это процесс, включающий не только экономические, но и далеко идущие политические, правовые и социальные последствия. Различные типы экономических границ, разделяющих рынки, а также обязательства, взятые на себя государствами-членами, приводят к появлению различных форм или этапов интеграции. Самой основной формой интеграции являются преференциальные торговые соглашения, которые предполагают предоставление одной страной определенных торговых преимуществ определенным товарам из другой страны или группы стран. Как правило, они не требуют взаимности и распространены между странами, находящимися на разных уровнях развития.

Существует несколько мотивов, по которым страна решает присоединиться к интеграционному процессу. С одной стороны, она рассчитывает получить ряд преимуществ, которые обеспечат ей экономический рост, что однозначно подразумевает положительный эффект, порождаемый интеграцией. Однако, с другой стороны, существуют и внеэкономические причины, поскольку интеграционные процессы имеют не только экономические, но и социальные, политические и стратегические последствия. Теория интеграции содержит внеэкономические причины, такие как убеждение, что более тесные экономические связи являются гарантией избежания будущих конфликтов, или большой экономической и политической вес региона и его большая переговорная сила на международных форумах. В современном контексте многие считают, что развитие регионализма отвечает необходимости повышения конкурентоспособности для того, чтобы противостоять вызовам, налагаемым экономической глобализацией.

Экономическая интеграция понимается как ситуация или процесс, когда маргинализация между национальными экономикami полностью отсутствует, то есть ситуация, когда границы и торговые барьеры становятся неактуальными. Она определяется как процесс, когда постепенно увеличивается политическая и экономическая открытость и взаимозависимость между странами, которые являются частью этого процесса. Это средство, с помощью которого ряд стран участвует в процессе с целью увеличения и облегчения торговли на своих территориях.

Экономическую интеграцию можно определить, как процесс, в ходе которого группа стран, обычно географически близких, соглашается устранить определенные экономические барьеры между ними, чтобы получить большой рынок, объединяющий более мелкие рынки стран. Таким образом, это процесс объединения рынков.

За решением страны присоединиться к интеграционному процессу стоят различные мотивы, среди которых стоит выделить следующие:

Воспользоваться эффектом масштаба. На более крупном рынке компании могут снизить затраты, ориентируясь на большее число потребителей, что в значительной степени оправдывает существование интеграционных процессов.

Разработка проектов и инфраструктур «как группа». Существует множество проектов и инвестиций (например, сети высокоскоростных железных дорог), которые являются непомерно дорогими для многих стран.

Однако, поскольку верно, что «единство – сила», наличие достаточно большой интегрированной группы позволяет воспользоваться преимуществами определенных инфраструктур, которые могут оказать положительное влияние на целое, избегая необходимости брать на себя высокие затраты по отдельности, если это не невозможно.

Достижение большей специализации. При устранении протекционистских барьеров (таких как тарифы и квоты) становится легче использовать сравнительные преимущества, которыми обладают разные страны по сравнению с другими.

Достижение большей производственной эффективности. При отсутствии тарифов организациям легче участвовать на одном и том же рынке, что усиливает конкуренцию между ними, заставляя их снижать цены и повышать качество предлагаемой продукции, чтобы избежать «изгнания» с рынка и остаться на нем.

Большая переговорная сила по отношению к другим державам. Когда формируется общий фронт для ведения переговоров на различных международных форумах, возрастает способность навязывать и отстаивать интересы интегрированной территории.

Несмотря на преимущества, экономическая интеграция имеет свои издержки. Они делятся на три категории:

1) Перенаправление торговли. То есть, торговля может быть перенаправлена от стран, не являющихся членами, к странам-членам, даже если это экономически невыгодно для страны-члена.

2) Эрозия национального суверенитета. Члены экономических союзов обычно обязаны придерживаться правил в области торговли, денежно-кредитной и фискальной политики, установленных невыборным внешним органом по выработке политики.

3) Перемещение и сокращение рабочих мест. Экономическая интеграция может заставить хозяйствующих субъектов перенести свои производственные операции в регионы экономического союза с более низкими ценами на рабочую силу. И наоборот, работники могут переехать в регионы с более высокими зарплатами и возможностями трудоустройства.

Поскольку современные экономисты и политики считают, что экономическая интеграция приводит к значительным выгодам, многие институты пытаются измерить степень экономической интеграции между странами и регионами. Методология измерения экономической интеграции обычно включает в себя множество экономических показателей, в том числе торговлю товарами и услугами, трансграничное движение капитала, трудовую миграцию и другие. Оценка экономической интеграции также включает в себя меры институционального соответствия, такие как членство в торговых союзах.

В современном мире экономической интеграция становится все более актуальной и важной для развития международного бизнеса. ЕАЭС – это один из примеров такой интеграции, созданный для укрепления экономических связей между этими странами и улучшения их конкурентоспособности на мировых рынках.

Одной из главных причин актуальности ведения международного бизнеса в условиях экономической интеграции является возможность расширения рынков сбыта. Благодаря ЕАЭС субъекты хозяйственной деятельности имеют возможность продавать свои товары и услуги не только в пределах таможенной территории Союза, но и за его пределами, что позволяет организациям увеличивать объемы производства и продаж, что в свою очередь способствует развитию экономик государств-членов.

Еще одной причиной актуальности ведения международного бизнеса в условиях экономической интеграции является возможность снижения затрат на производство. В рамках ЕАЭС участники взаимно снижают таможенные пошлины и другие торговые барьеры, что позволяет организациям снижать затраты на импорт сырья и комплектующих из других стран. Кроме того, благодаря единому рынку труда компании могут нанимать квалифицированных специалистов из других государств-членов, что также способствует снижению затрат на производство.

Однако, несмотря на все преимущества, ведение международного бизнеса в условиях экономической интеграции также имеет свои риски и вызовы. Как было отмечено выше, по отношению к функционирующим в мире интеграционным объеди-

нениям, один из главных вызовов – это различия в правовых и налоговых системах между евразийскими государствами. Компании должны быть готовы к тому, что правила бизнеса могут отличаться в каждой стране, что может привести к сложностям в управлении бизнесом.

Также стоит учитывать, что в условиях экономической интеграции конкуренция между компаниями становится более жесткой. Хозяйствующие субъекты должны быть готовы к тому, что на рынке могут появиться новые профессиональные игроки, что может привести к снижению их прибыли.

Тем не менее, в целом ведение международного бизнеса в условиях экономической интеграции на примере ЕАЭС имеет большие перспективы для развития бизнес-среды. Расширяя рынки сбыта и снижая производственные издержки, организации могут значительно увеличить свою прибыль и конкурентоспособность на мировых рынках. Однако для успешного ведения бизнеса в условиях экономической интеграции необходимо учитывать все вызовы и риски, связанные с этим процессом.

В заключение можно сказать, что международный бизнес в контексте интеграции представляет новые возможности и вызовы для хозяйствующих субъектов. Они должны быть готовы адаптироваться к новым правилам и стандартам, многовековым традициям и особенностям, которые сформировались для того, чтобы успешно работать на общем рынке.

В настоящее время ЕАЭС активно развивает сотрудничество с третьими странами, что позволяет увеличить экономический потенциал региона и создать новые возможности для развития бизнеса в ближайшем будущем.

На данный момент одной из главных стратегических целей ЕАЭС является укрепление экономических связей с государствами Азии, Латинской Америки и Африки. В частности, Союз активно сотрудничает с Китаем, Индией, Ираном, Монголией, Кубой, Южной Африкой и другими странами.

Одним из основных направлений сотрудничества ЕАЭС с третьими странами является развитие транспортной инфраструктуры. В частности, строительство транспортных коридоров, таких как Южный транспортный коридор и коридор Китай-Монголия, ускорит транспортировку грузов и улучшит логистику в регионе.

Еще одним важным направлением сотрудничества является развитие энергетического сектора. Совместные проекты в области добычи и транспортировки энергоресурсов, таких как нефть, газ и уголь, повысят экономическую эффективность региона и обеспечат его энергетическую безопасность.

Перспективным направлением сотрудничества также является развитие цифровой экономики. В частности, ЕАЭС активно сотрудничает с Китаем в развитии цифровых технологий и электронной коммерции, что позволяет увеличить объемы торговли и снизить логистические издержки.

Сотрудничество ЕАЭС с третьими странами является перспективным направлением для развития экономики региона. Развитие транспортной инфраструктуры, энергетического сектора и цифровой экономики увеличит экономический потенциал региона и создаст новые возможности для развития бизнеса.

В современных реалиях ЕАЭС определяет своими основными задачами создание имиджа значимого центра развития международной торговли, укрепление взаимовыгодного партнерства с евразийскими государствами и другими странами, создание новых форматов международного сотрудничества. Сегодня Союз наполнен реальным экономическим содержанием. Реализуются многосторонние проекты, прежде всего в ключевых отраслях экономики – энергетике и транспорте. В долгосрочной перспективе возможно формирование валютного союза. Развитие валютной интеграции, как составляющей экономического единства, предполагает процесс реализации согласованной политики стран ЕАЭС, а также создание и функционирование организаций, осуществляющих межгосударственное валютное регулирование.

Интеграционные процессы затрагивают интересы предпринимателей всех стран Евразии, что делает мнение бизнес-сообщества ценным при выработке соответствующих решений. Ведущие бизнес-организации стран ЕАЭС и Деловой совет ЕАЭС должны постоянно поддерживать диалог с правительствами и уполномоченными органами государств-членов, Евразийской экономической комиссией.

В 2023 году Россия председательствует в ЕАЭС. В повестке дня российского председательства – разработка документов долгосрочного стратегического планирования до 2030 и 2045 годов, а также цепочек сотрудничества; обеспечение техноло-

гического суверенитета; цифровая трансформация, продовольственная и энергетическая безопасность; формирование единого финансового пространства; координационное развитие транспортно-логистического потенциала; активизация сотрудничества в гуманитарной сфере; совместные подходы к решению вопросов климатической повестки дня; реализация потенциала ЕАЭС во многом как самодостаточного макрорегиона.

«Мы продолжаем обсуждать пути создания новых инструментов поддержки евразийского бизнеса, что, несомненно, укрепит ЕАЭС и сделает его экономически более привлекательным для евразийских стран»³.

Связи с экономическими партнерами на Западе, которые развивались десятилетиями, разрушаются. Вероятно, они будут ухудшаться и дальше. В таких условиях бизнесу важно искать новые рынки сбыта в таких регионах, как Азия, Африка и Латинская Америка. Необходимо искать и находить новые деловые контакты, развивать новые транспортно-логистические коридоры, создавать независимую финансовую инфраструктуру, обеспечивающую взаиморасчеты при трансграничных сделках в этих регионах. По сути, эти направления сегодня являются приоритетными в работе по созданию комфортных условий для ведения международного бизнеса и выхода субъектов предпринимательской деятельности на новые международные рынки как на уровне национальных правительств, так и на уровне органов Союза.

Тесное сотрудничество бизнеса и государственных структур внутри ЕАЭС и на внешнем треке должно обеспечить евразийским государствам технологический, финансовый и интеллектуальный суверенитет, а также устойчивое развитие их экономик в это непростое время.

В заключении можно сделать вывод о том, что интеграция является эффективным инструментом для развития экономики и укрепления международных отношений. ЕАЭС является именно таким инструментом, на платформе которого осуществляется взаимодействие и принятие стратегических решений, обеспечивающих развитие международной торговли.

ЕАЭС играет значимую роль в современном мире, обеспечивая своим участникам сравнительные преимущества и возможности для расширения бизнеса. Между тем, необходимо стимулировать развитие кооперации государств – членов Союза, в том числе, в производственной кооперации и специализации с учетом общих практик, активизации производственной и инновационной политики, уделяя внимание координации компонентов, синхронизация которых должна стать целью деятельности евразийского объединения.

Пристатейный библиографический список

1. Шумский Н. Интеграция в Содружестве Независимых Государств: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 11.
 2. Официальный сайт Евразийского экономического союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 16.06.2023).
 3. Статистика внешней и взаимной торговли товарами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 16.06.2023).
 4. Шлаев Д. В., Кипкеева Д. Р. Сущность и формы международной экономической интеграции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46572379> (дата обращения: 16.06.2023).
 5. Alexei Overchuk's opening remarks at the 2023 Russian Business Weeks Integration Forum, Moving the Horizon: The Strategy of Eurasian Economic Integration in the New Conditions and the Role of Business – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/en/news/47932/> (дата обращения 17.06.2023).
- 3 Alexei Overchuk's opening remarks at the 2023 Russian Business Weeks Integration Forum, Moving the Horizon: The Strategy of Eurasian Economic Integration in the New Conditions and the Role of Business – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/en/news/47932/> (дата обращения 17.06.2023).

ЭФЕНДИЕВ Октай Фиридун оглы

доктор юридических наук, профессор международного права

АЗЕРБАЙДЖАНО-РОССИЙСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О СОЮЗНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ – ВАЖНЫЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АКТ СОВРЕМЕННОСТИ

В данной статье рассматриваются актуальные международно-правовые вопросы, касающиеся значения и необходимости заключения данной Декларации. Обосновывается необходимость не только признания Сторонами территориальной целостности друг друга, укрепления и развития многостороннего сотрудничества и партнёрства, но и скорейшего превращения Южного Кавказа в зону подлинного мира и добрососедства.

Ключевые слова: Московская декларация, союзническое взаимодействие, Россия, Азербайджан, международно-правовой акт, южно-кавказские государства, военная помощь, развитие взаимовыгодных внешнеэкономических связей.

EFENDIEV Oktay Firidun ogly

Ph.D. in Law, professor of international law

THE AZERBAIJANI-RUSSIAN DECLARATION ON ALLIED COOPERATION IS AN IMPORTANT INTERNATIONAL LEGAL ACT OF OUR TIME

This article discusses current international legal issues concerning the meaning and necessity of concluding this Declaration. The necessity is justified not only for the Parties to recognize each other's territorial integrity, strengthen and develop multilateral cooperation and partnership, but also for the speedy transformation of the South Caucasus into a zone of genuine peace and good-neighborliness.

Keywords: Moscow Declaration, allied cooperation, Russia, Azerbaijan, international legal act, South Caucasian states, military assistance, development of mutually beneficial foreign economic relations.

В теории современного международного права подобного рода международно-правовой документ, не зависимо от его названия или количества его участников, рассматривается как акт, в котором государства или стороны определяют, главным образом, дополнительные, особые принципы и нормы в области международных отношений [1]. С другой стороны, такого рода документ в даже в широком смысле, не рассматривается в качестве международно-правового источника или способа его образования, а скорее всего, как определённая форма, фиксирующая эти принципы и нормы, поскольку особенности самого международного права находят своё отражение в самой системе его источников [2].

Вместе с тем, подобного Декларация, может представлять собой определённую форму соглашения, в котором зафиксировано выражение согласованных волей сторон по поводу признания того или иного правила в качестве юридической нормы. Более того, Декларация, не является основным источником международного права, среди которых, как известно, выделяются международный договор и международный обычай, поскольку именно последние, способны создавать те или иные правила в качестве международно-правовых норм, их изменения или прекращения.

При всём этом, азербайджано-российская Декларация, благодаря определённому согласованию воли сторон, её подписавших, это – особый, односторонний, возможно производный или вторичный, но правомерный международно-правовой акт или категория, заключённый государствами при выражении их обязательного равноправия и добровольности, и могущий создать для них определённые последствия и обязательства. Сам по себе «акт» свидетель-

ствует о том, что речь идёт об определённом поступке, поведении, действии какой-либо стороны в связи с тем, что данное волеизъявление объективируется в конкретной форме, например, в союзническом взаимодействии.

С другой стороны – этот акт, как порождающий международно-правовые последствия для действий субъектов, совершенное в установленном ими порядке и зафиксированный в такой форме, отражает их намерение облечь результаты этого союзнического взаимодействия, именно в данную форму. Он также может быть призван оказывать регулирующее воздействие на их межгосударственные отношения в определённой, в том числе, военно-политической сфере.

Очевидно, что теория и доктрина современного международного права, в своей принципиальной основе, исходит из тесной взаимосвязи и взаимозависимости с договорным правом, как основной формой существования и применения, как и вся система международно-правовых принципов и норм, регулирующих отдельные разновидности международных отношений. Поэтому можно считать нормативность такого рода актов (декларации), как бы усиливающих юридическую сущность этих отношений, достигнутых заинтересованными сторонами, согласие относительно их взаимного поведения в процессе международного общения. А это, в свою очередь, существенно для правильного понимания самой юридической сущности и правового статуса такого акта в существующей системе международно-правовых документов, поскольку в основе их лежит согласованная воля субъектов, закрепляющая их общую волю.

Важной особенностью для такого рода нормативных международно-правовых актов является единое понимание необходимости строить свои взаимоотношения исключительно на основе широк-признанных принципов и норм, и других известных начал современного международного права. Естественно, реализация этих фундаментальных положений предполагает более тесное сотрудничество и взаимопомощь сторон в развитии различных областей их взаимоотношений.

Вместе с тем, понятие «декларация», как известно, употребляется для обозначения различных международных документов, хотя не во всех случаях являются юридически обязательными. Это понятие термин может намеренно выбираться для демонстрации того, что стороны не собираются устанавливать юридически обязательных обязательств, а лишь хотят декларировать определенные чаяния человечества [3]. Декларации также могут представлять собой договоры в общем смысле слова, которые должны иметь обязательную силу по международному праву. Иными словами, в каждом отдельном случае необходимо определять, намеревались ли стороны устанавливать юридически обязательные обязательства. Выяснение намерений сторон зачастую может быть сложной задачей. Некоторые документы, озаглавленные «декларации», как изначально предполагалось, не должны были иметь обязательной силы, однако позднее их положения могли стать отражением международного обычного права или приобрести обязательный характер в качестве нормы обычного права [4].

Наряду с этим, в современной доктрине международного права Декларации, которые должны иметь обязательную силу, классифицируются следующим образом, к примеру: а) декларация может быть договором в собственном смысле слова [5]; б) декларация о толковании представляет собой документ, который прилагается к договору с целью дать толкование или разъяснение его положений; в) декларацией может также называться неофициальное соглашение по какому-либо маловажному вопросу; г) ряд односторонних деклараций (заявлений) могут составлять соглашения, имеющие обязательную силу [6], е) односторонние декларации, в которых государство официально объявляет правовые нормы своего поведения в целях их признания другими странами [7], ж) декларации, в которых излагаются общие принципы международного права [8], и др.

Очевидно и то, что декларация, как бы она не называлась (односторонняя, двусторонняя или многосторонняя), представляет собой своеобразный международно-правовой документ, или нормативный акт, в котором государства или другие субъекты могут определять принципы и нормы в области политики, международных отношений или международного права.

Что касается азербайджано-российского документа об союзническом взаимодействии (февраль 2022 г.), то он, наряду с другими важными внешнеполитическими, международно-правовыми актами нашего государства последних лет, например, о прекращении вооружённого армяно-азербайджанского противостояния (ноябрь 2020 г.), тем более, Шушинская декларация о союзнических отношениях Азер-

байджана и Турции (июнь 2021 г.) [9] и некоторые другие, рассматривается не только как новый этап развития двусторонних отношений, но и как перспективный план на будущее, как документ, подводящий итоги 30-летних дипломатических отношений между Азербайджаном и Россией. Анализируемый акт можно также рассматривать как знаковый политический результат в рамках стратегии поддержания устойчивого баланса в отношениях Азербайджана с его так называемыми опорными партнёрами какими являются Россия и Турция.

Так или иначе, Декларации о союзническом взаимодействии содержит более 40 пунктов и является важным документом, в первую очередь, для обеих стран. «Подписание Декларации о союзническом взаимодействии – очень хорошая иллюстрация того, как активно мы работали последние годы и наращивали потенциал взаимного сотрудничества. Это были не просто слова, не просто намерения, но и конкретные дела», подчеркнул И. Алиев. Вместе с тем, сам факт принятой Декларации, подводящей определённые политические итоги отрезка азербайджано-российских отношений и переводящей их на качественно новый уровень, свидетельствует о высоком уровне этих отношений, наличии тесных контактов между лидерами, а также сложных тем, требующих всестороннего анализа и принятия взвешенных и компетентных решений.

Примечательно и то, что стороны, по мнению лидеров обеих государств, приступили к работе над Декларацией больше года назад, что свидетельствует о том, что итоги 44-дневной войны за восстановление территориальной целостности Азербайджана, непосредственно повлияли на процесс дальнейшего сближения азербайджано-российских позиций по ключевым направлениям взаимодействия.

В этом аспекте, безусловно и закономерными являются требования Президента Азербайджана И. Алиева о том, что армянская сторона обязана полностью выполнять все пункты Декларации (от 10 ноября 2020 г.), о выводе всех армянских войск с территории Карабаха, а также открытия коммуникаций между основной частью Азербайджана и Нахчываном. По его словам, Азербайджан спустя год после окончания войны уже сотрудничает с Арменией в рамках двух международных форматов, что свидетельствует о позитивных намерениях азербайджанской стороны. «То, что по прошествии чуть более года Азербайджан и Армения задействованы как минимум в двух международных форматах, а именно рабочей группы на уровне вице-премьеров России, Азербайджана и Армении, а также платформы «3+3», куда входят Россия, Турция, Иран, Азербайджан и Армения, уже является показателем наших намерений» (интернет-ресурс).

Поэтому, более чем убедительны слова И. Алиева, оценивая значимость этой азербайджано-российской Декларации, что она является «...очень хорошей иллюстрацией того, как активно мы работали в последние годы и наращивали потенциал взаимного сотрудничества. Это были не просто слова, намерения, но и конкретные дела. И Декларация достаточно обширная - более 40 пунктов, охватывает важнейшие сферы нашего взаимодействия и будет иметь

важнейшее значение для будущего наших двусторонних отношений».

Особо был выделен её п. 1, в котором сказано, что «две страны строят свои отношения на основе союзнического взаимодействия, взаимного уважения независимости, государственного суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ двух стран, а также приверженности принципам невмешательства во внутренние дела друг друга».

Понятно и закономерно, что сторонами первостепенное внимание было уделено проблемам и последствиям ещё не разрешенного до конца Нагорно-карабахского вооружённого конфликта, несмотря на достигнутые определённые позитивные изменения и договорённости. В конкретном плане, п. 1 Декларации не оставляет каких-либо реальных надежд Республике Армения рассчитывать на содействие Российской Федерации в вопросе, как мы отмечали ещё 10 лет назад, признания независимости так называемой «Нагорно-Карабахской Республики».

А сама Декларация переводит Армению из положения единственного стратегического союзника России на Южном Кавказе на роль одного из двух союзников с той лишь разницей, что на территории одного имеются российские военные базы, а на территории другого их нет, но на временной основе действует миротворческий контингент. Кроме того, начиная с момента ратификации данной Декларации, российские миротворцы в Азербайджане рассматриваются в качестве союзных, по существу, для нашей страны, войск.

Иными словами, и что тоже важно для де-окупации нашей территории, Азербайджан имеет все основания обращаться к миротворцам за содействием в решении вопросов, связанных с собственной безопасностью. Достаточно отрезвляющим предостережением реваншистским попыткам армянской стороны является, по сути, содержание п. 11, где сказано, что «Российская Федерация и Азербайджанская Республика решительно пресекают на своих территориях деятельность организаций и лиц, направленную против государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности другой стороны».

В этой связи выглядят достаточно позитивными и благоприятными высказывания пресс-секретаря МИД Армении о том, что «...подписание декларации о союзническом взаимодействии между Москвой и Баку может создать дополнительные возможности для реализации трехсторонних заявлений лидеров России, Армении и Азербайджана...», и что «союзнические отношения Армении с Россией основаны на многовековой дружбе народов двух стран...Наше сотрудничество не обусловлено отношениями с другими странами, если другие стороны не развивают их в ущерб союзу Армении и России» (интернет-ресурс).

Исключительно принципиальное, главным образом, политико-экономическое значение, по мнению Президента Российской Федерации, имеет и тот факт, что «достигнутые определённые договорённости с точки зрения не только обеспечения безопасности всех людей, которые проживают в Азербайджане и в Армении, но и по развитию интеграционных процессов на пространстве Содружества незави-

симых государств (СНГ), торгово-экономических связей в мировом масштабе, разблокированию региональных транспортных коммуникаций, и т.д. «Я думаю, что мы можем, несмотря на те проблемы, которые в текущей жизни еще возникают, все-таки быть удовлетворены тем, что мы достигли того уровня, на котором сейчас находимся», - резюмировал российский президент.

Президентом Азербайджана И. Алиевым справедливо и объективно была подчеркнута заинтересованность всех соседних государств, чтобы нагорно-карабахская проблема до конца была бы разрешённой, с учётом той важной роли и значения Российской Федерации, которую она сыграла в прекращении военных действий в Карабахе между Азербайджаном и Арменией. Как было заявлено азербайджанским лидером: «...сегодня Москва продолжает помогать этим странам установить нормальные соседские отношения, ...и, что Баку очень ценит эту помощь».

Одновременно, нельзя не уделить внимания благоприятному развитию и решению проблемы Южного Кавказа как зоны мира и региональной безопасности, важной предпосылкой которой является факт безоговорочной Победы Азербайджана, результатом чего произошло возвращение под свою юрисдикцию значительной части, бывшей своей оккупированной территории. Новые реалии позволяют утверждать, что так называемая «южно-кавказская безопасность» больше уже не напоминают коллапс региональной безопасности, не имеют эффекта «мины замедленного действия». И как очевидно, что после скорого урегулирования этого, навязанного Азербайджану, межэтнического вооружённого конфликта, реально стали возникать условия и возможности для устойчивого экономического развития государств и территорий данного географического региона, для крупномасштабных инвестиций, полноценной интеграции существующих в нём стран в мировое сообщество.

Примечательно и то, что идеи формирования эффективной системы региональной безопасности на ограниченном южно-кавказском пространстве, без непосредственного участия таких соседних государств, как Россия, Турция и Иран, других возможных «игроков», оказались бы нежизнеспособными, значит, и бесперспективными, что имеет, в свою очередь, принципиальное значение при решении проблем глобальной безопасности.

При этом важно исходить из того, что в условиях глобализирующихся процессов, в частности, углубления внешнеэкономического взаимодействия государств, каким бы они размером и потенциалом не обладали, невозможно развивать свою экономику изолированно от мирового сообщества. Примечательно также, что эти процессы и факторы все более актуализируются благодаря широкому внедрению взаимовыгодного сотрудничества и эффективного партнёрства.

Данный постулат имеет значение и смысл особенно стран на постсоветском пространстве, включая Азербайджан, одной из перспективных задач которого является, например, реформирование собственной экономики с учётом позитивного опыта промышленно-развитых государств и

поступательного интегрирования в систему современных мирохозяйственных связей [10].

Возвращаясь к вопросу о международно-правовом значении и важности азербайджано-российской Декларации, необходимо подчеркнуть, что её положения, безусловно, имеют и важный международный аспект, поскольку она не обращена против интересов третьих стран, а, напротив, создаёт необходимую международно-правовую основу, стимулирующую активное сотрудничество и партнёрство государств, в частности, в южно-кавказском регионе.

Так, в п. 19 документа особо отмечено, что Российская Федерация и Азербайджанская Республика рассматривают «Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря» от 12 августа 2018 г. в качестве надёжной правовой основы для поддержания и укрепления безопасности и стабильности в Каспийском регионе, включая продвижение согласованных мер доверия, атмосферы добрососедства и взаимопонимания, уважения интересов всех прикаспийских государств и их народов, населяющих регион.

Как видно, концентрация внимания на укреплении и развитии двустороннего экономического сотрудничества и партнёрства носит принципиальный характер, что фактически закреплено в п. 24, в котором подчёркнуто: «Российская Федерация и Азербайджанская Республика намерены углублять взаимовыгодное торгово-экономическое, инвестиционное и научно-техническое сотрудничество, вывести на качественно новый уровень производственную и научную кооперации, прямые связи между хозяйствующими субъектами всех форм собственности». Подтверждением тому является, как известно, рост абсолютных и относительных цифр товарооборота, который, достигнув ныне трёх миллиардов долларов, приближается к рекорду в четыре миллиарда по данным на 2012 г. [11].

Главное и решающее – не цифры, а так называемые стратегические резервы развития такого сотрудничества и партнёрства поскольку благодаря Азербайджану южно-кавказский регион в настоящее время поступательно формируется как определённый узел, или даже как центр, ресурсного, транспортного и логистического обмена.

С другой стороны, это, определённое пространство, без которого невозможно осуществить геоэкономические связи самой России в южном направлении. Вместе с тем, имеет первостепенное значение не только создание пространства для обеспечения на южном направлении от Каспия до Индийского океана [13], но и формирование общего информационного, финансово-промышленного сообщества определённого количества государств. Наглядным примером тому является реализация в настоящее время Россией около 60 инвестиционных проектов общим объёмом в 6 млрд. долл., предназначенных для поставок продукции в ближневосточные страны.

Понятно и фактически бесспорно, что некоторые из постсоветских государств, включая Азербайджан, будучи естественным «евро-азиатским мостом», имеют уникальное геополитическое положение, безусловно, являющееся эко-

номически выгодным для прохождения различных пассажирских и грузовых потоков.

Очевидно и то, что для современных международных, и первую очередь экономических, отношений, как фактор глобализации хозяйственной деятельности государств, является одной из приоритетных проблем, требующая в условиях формирования рыночных отношений, всестороннего совершенствования их транспортной системы [14]. Российская Федерация также обладает огромным транспортным потенциалом, что делает возможным удовлетворять не только её внутренние потребности, но организовывать транзитные перевозки между евро-азиатскими странами [15]. Однако, так или иначе, важнейшим определяющим фактором эффективности и целесообразности любого современного международного транспортного маршрута – есть его конкурентоспособность в рамках процесса всемирной, глобальной конкуренции.

В конкретном плане также становятся понятными вопросы, касающиеся, в частности, ограничения импорта высоких технологий, с которыми Азербайджан сталкивался как при покупках вооружений, так и в вопросах взаимодействия с Ираном. Свою долю в нефтегазовых проектах нашего государства увеличивают и компании Российской Федерации, обладающая внушительной финансово-экономической конструкцией, обеспечивающей себя определённой стабильностью и безопасностью, формируя, как и Азербайджан, новые, устойчивые экономические платформы для собственного развития. Так или иначе, вопросы безопасности государств, с точки зрения экономики, продолжают оставаться одним из актуальных и обсуждаемых понятий [16]. Содержащее определённые положения, относящиеся к состоянию национальной экономики, такого рода безопасность это – не только одна из составляющих национальной безопасности, но и охватывающая оборонную, экологическую области, а также первостепенные задачи и интересы развития и существования государства. Представляется, что такой подход закономерен, фактически, для любой страны, тем более на постсоветском пространстве, включая Азербайджан, поскольку это обуславливается универсальностью понятия о безопасности, выступающим ключом в связке экономики и безопасности.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что международно-правовое значение Декларации о союзническом взаимодействии между Российской Федерации и Азербайджанской Республикой, как важного международно-правового акта современности, обусловлено принципиальными особенностями и обстоятельствами, отмеченными самими договорившимися Сторонами, в том числе, касающимися тридцатилетнего опыта дипломатических отношений.

Во-первых, данный документ, по признанию её авторов, не только подводит черту под многолетней совместной работе, но и реально открывает обозримые перспективы на будущее благодаря наращиванию политического взаимодействия, поддержке друг друга в международных структурах, а также наращивания объёмов взаимной торговли, углублением сотрудничества и партнёрства в транспортной области, в увеличения взаимовыгодных возможностей в

деле взаимных инвестиций как в двустороннем, так и многостороннем, региональном формате с учётом новых геополитических южно-кавказских реалий.

Однако, как представляется, основной акцент в Московской декларации сделан на положения первых двух её статьях, в которых говорится о взаимном уважении независимости, суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ двух стран, а также равноправие и невмешательство во внутренние дела друг друга. Таким образом, документ обязывает обе страны признавать территориальную целостность друг друга, по существу, означающий, что Российская Федерация считает Нагорный Карабах территорией Азербайджана, поскольку ранее она об этом официально не заявляла. Россия также никогда официально и явно не подтверждала, на высшем уровне, признание территориальной целостности Азербайджана, ни при каких обстоятельствах, даже в многосторонних контекстах.

Закономерно, что в целях обеспечения безопасности, поддержания мира и стабильности Российская Федерация и Азербайджанская Республика могут рассмотреть возможность предоставления друг другу военной помощи на основании Устава ООН, отдельных международных договоров и с учетом существующих международно-правовых обязательств каждой из сторон. Вместе с тем, была достигнута договорённость воздерживаться от любых действий, наносящих, по мнению одной из сторон, ущерб стратегическому партнерству и союзническим отношениям двух государств.

Во-вторых, в интересах не только укрепления дружбы договаривающихся Сторон, но и принятия логистических, технологических решений, которые нацелены на развитие всего региона с его важнейшим элементом, в частности, системы известных коммуникаций «Север-Юг», с Зангезурским коридором, вокруг которого намечено строительство новой инфраструктуры, кстати, как для Азербайджана, так и для соседних стран, в частности, для Турции и Армении. Это, само по себе, является важным определяющим фактом поствоенного мира, подчеркивающий ещё раз основательность и серьёзность его создания, в том числе и для Российской Федерации, поскольку очевидно, что и она намерена использовать данный коридор в своих конкретных экономических и политических интересах.

Что касается исключительно Зангезурского коридора, то этот вопрос во многом связан с тем, что Турция пытается в определённой степени снять те опасения, которые есть у Армении в отношении южного транспортного маршрута, который планируется открыть в рамках имплементации трехстороннего заявления по Карабаху [17]. И что особо значимо – была предпринята попытка показать, что Турция готова к конструктивным отношениям с Арменией для того, чтобы способствовать миру и процветанию региона.

В-третьих, экономический аспект – был и остаётся приоритетным, что однозначно подчеркнуто в Московской декларации, где закреплена необходимость « воздерживаться от осуществления любой экономической деятельности, которая прямо или косвенно наносит ущерб интересам

другой стороны и что Стороны будут и дальше развивать экономические связи между предприятиями металлургии, нефтегазового и тяжелого машиностроения, авиационной, автомобильной, химической, фармацевтической и легкой промышленности, сельскохозяйственного, строительного и пищевого машиностроения, и что есть планы по углублению сотрудничества, в частности в транспортной сфере, и другое.

Таким образом, подытоживая общий вывод, следует подчеркнуть, что, была и остаётся, жизненная необходимость соответствующего правового регулирования внешнеэкономических, иных взаимовыгодных межгосударственных связей исключительно на многосторонней, международно-правовой основе с использованием ими согласованных норм и принципов, в том числе, посредством углубления отдельных процессов, интернационализации национальных проектов, создания региональных образований, развитием национальных торгово-экономических комплексов.

В данном контексте Московская российско-азербайджанская декларация воспринимается как форма согласия, согласованности, договорённости относительно прав и обязанностей сторон, предназначенных для регулирования их соответствующих взаимоотношений посредством создания определённых международно-правовых обязательств.

Пристатейный библиографический список

1. Подробнее см., например, Шуршалов В. М. Основные вопросы теории международного договора. Изд-во АН СССР, М., 1959; Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. М.: Юриздат, 1962; Лисовский В. И. Международное право. Киев: Изд-во КГУ, 1955; Лукин П. И. Источники международного права. Изд-во АН СССР. М., 1960; Курс международного права в шести томах. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1967. С. 167-195; Международное публичное право. Учебник. Отв. ред. К. А. Бекашев. М.: Изд-во «Проспект», 2008. С. 25-31; Курс международного публичного права. Учебник. Общая часть. Т. 1. Баку, 2018. С. 226-308 (на азербайджанском языке) и др.
2. См. Дипломатический словарь. Т. 1. М.: «Политиздат», 1960. С. 427; Международное право. Учебник. Отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М., 2006. 4-ое издание. С. 33-48; Международное право. Учебник. Л. П. Ануфриева и др., отв. ред. К. А. Бекашев. М., 2015. С. 26-31; П. Н. Бирюков. Международное право. Учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. Гл. 5. С. 119-133 и др.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azertag.az/ru/xeber/> (дата обращения: 22.02.2022).
4. См. О. Ф. Эфендиев. О несостоятельности попыток армянской стороны в армяно-азербайджанском конфликте, юридически обосновать «право нагорно - карабахского населения на самоопределение, вплоть до отделения от Азербайджана // «Транспортное право». Баку. ВАК. 2012. № 3. С. 66-78.

5. Примером является Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г.
6. Это касается, в частности, Всеобщей декларации прав человека 1948 г.
7. К примеру, Совместная декларация Соединенного Королевства и Китая по вопросу о Сянгане 1984 г.
8. Типичным примером являются декларации (заявления) в соответствии с факультативным положением Статута Международного Суда, которые создают правовую связь между делающими их сторонами, хотя они прямо и не обращены друг к другу; или; сделанная Египтом в 1957 г. односторонняя Декларация о Суэцком канале и порядок ее действия, которая рассматривалась как обязательство международного характера, и др.
9. Подробнее см. О. Ф. Эфендиев. О международно-правовом значении Шушинской декларации о союзнических отношениях Азербайджана и Турции // *ELMI-NEZERI, TECRUBI*. Баку. 2021. № 3. С. 28-38 и др.
10. Такова, к примеру, швейцарская Декларация о постоянном нейтралитете, признанная другими странами, и юридически обязала как государство, сделавшим её, так и другие государства; или Стокгольмская декларация о нейтралитете 1938 г., подписанная Данией, Норвегией, Финляндией и Швецией, определившая правила допуска судов воюющих держав в порты и территориальные воды нейтральных государств; Берлинская декларация о поражении Германии и о взятии на себя верховной власти правительствами четырёх союзных держав 1945 г., и др.
11. Об этом подробнее см., например, В. М. Шумилов. *Международное экономическое право в эпоху глобализации*. Изд-во «Международные отношения». М., 2003; О. Ф. Эфендиев, Э. А. Алиев. *Внешнеэкономическая деятельность современного Азербайджана*. Изд-во «Зардаби». Баку, 2007 и др.
12. Заметим, что важность российского рынка для Азербайджана определяется его привлекательностью для производителей отраслей не-нефтяного сектора, развитию которого в Азербайджане придается исключительное значение. Так, продукция агропромышленного сектора, включая продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье занимает в структуре азербайджанского экспорта в Россию ведущие позиции, составляя 61,14 % от всего объема.
13. Транспортным обслуживанием этого южного направления будут заниматься участники проекта «Агроэкспраесс» - азербайджанская компания «Альянс-логистик» и компания «Российские железные дороги» (РЖД).
14. Подробнее см., например, Э. А. Алиев. *Современное международное транспортное право*. Учебник. Общая часть. LAP Lambert Pub. (Germany), 2015; о н и ж е. *Международное транспортное право и его институты*. Учебник. Изд-во «Гюнеш». Баку. 2016; О. Ф. Эфендиев. К вопросу о международно-правовом урегулировании некоторых современных транспортных маршрутов (путей) // *Журнал «Транспортное право»*. 2019. № 1. С. 10-22 и др.
15. Так, только в 2021 г. состоялись более 150 двусторонних встреч между российскими компаниями, государственными компаниями Азербайджана, по итогам которых были заключены ряд договоров. К примеру, договор между ГК «ЕВРАЗ» с подрядчиком АЖД на поставку предназначенной для реконструкции Зангезурского коридора и других железнодорожных линий в рамках МТК рельсовой продукции на сумму 25 млн. доллар.; были реализованы несколько флагманских проектов российского бизнеса в Азербайджане; запущено в эксплуатацию сборочное производство коммерческих грузовых автомобилей (Группа ГАЗ), создан вертолетный сервисный центр (АО «Вертолеты России»), поставлено на конвейер производство зерноуборочных комбайнов NOVA-340 (ООО «Ростсельмаш»), идут поставки вагонов российского производства в Азербайджан (АО «Алтайвагон»), и др.
16. См., к примеру, *Экономическая безопасность России: Общий курс*. Учебник. Под ред. Сенчагова В. К. 2-ое издание. М. «Дело». 2005; Л. П. Гончаренко. *Управление безопасностью*. Учебное пособие. М., 2005, и др.
17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zerkalo.az/prezidenty-azerbajdzhana-i-turtsii-podpisali-shushinskuyu-deklaratsiyu/>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-27-30

ДРОЗДОВА Мария Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I

УДАЛОВА Дарья Викторовна

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I

ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КАРКАС КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В РАМКАХ ЕАЭС

В статье рассматриваются актуальные тренды развития транспортно-логистической отрасли в рамках ЕАЭС, формирование актуальной базы международно-правового регулирования в указанной сфере, проводится анализ новых межгосударственных и национальных нормативно-правовых актов, регламентирующих трансформацию парадигмы транспортного развития евразийского региона. Сложная геополитическая ситуация ставит новые задачи в обеспечении логистической связанности России с ее международными партнерами, цифровизация экономики и внедрение технологий Индустрии 4.0 создают как новые возможности, так и необходимость повышать инновационный потенциал отрасли для обеспечения ее конкурентоспособности на мировом уровне. Исследования перспективности реализации проекта «Евразийский транспортный каркас» с учетом существующей социально-экономической ситуации и наложенных на Россию международных санкций, позволяет сформулировать предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы для повышения эффективности транспортно-логистической политики в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: международное право, международно-правовое регулирование транспорта, международные транспортно-логистические экосистемы, ЕАЭС.

DROZDOVA Maria Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of History, philosophy, political science and sociology sub-faculty of the Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

UDALOVA Darya Viktorovna

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of Accounting and auditing sub-faculty of the Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

THE EURASIAN TRANSPORT FRAMEWORK AS A DRIVER FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE TRANSPORT AND LOGISTICS SECTOR WITHIN THE EEU

The article examines the current trends in the development of the transport and logistics industry within the EAEU, the formation of the current basis of international legal regulation in this area, the analysis of new interstate and national regulations governing the transformation of the paradigm of transport development of the Eurasian region. The complex geopolitical situation poses new challenges in ensuring logistical connectivity of Russia with its international partners, the digitalization of the economy and the introduction of Industry 4.0 technologies create both new opportunities and the need to increase the innovative potential of the industry to ensure its competitiveness at the global level. The study of the prospects of implementing the project "Eurasian transport framework", taking into account the current socio-economic situation and the international sanctions imposed on Russia, allows us to formulate proposals for improving the regulatory framework to improve the effectiveness of transport and logistics policy within the EAEU.

Keywords: international law, international legal regulation of transport, international transport and logistics ecosystems, EAEC.

Сложная геополитическая ситуация в 2022 и 2023 гг., наложенные на Россию международные санкции, разрыв логистических маршрутов с Европой, повлекший переориентацию международного экономического сотрудничества России на восток, создали необходимость развития транспортно-логистической экосистемы ЕАЭС с учетом новой парадигмы формирования как экономического сотрудничества, так и необходимой для его обеспечения конвергенции транспортных систем государств-участников ЕАЭС, формирования международно-правовой базы межгосударственного взаимодействия, направленной на устранение существующих барьеров для развития межстрановой торговли и реализации интеграционного потенциала ЕАЭС.

Новые цифровые решения на транспорте, цифровые логистические сервисы, обеспечивающие беспшовность международных перевозок, развитие электронного документооборота, а также внедрение таких технологий Индустрии 4.0, как

Интернет вещей, Big data, искусственный интеллект, включая беспилотные транспортные технологии, крупномасштабная межмашинная коммуникация являются ведущими драйверами развития транспортно-логистической отрасли [1], [2], [4], [5], [6], [8], [9], [10], [13], [15]. Новые проекты, направленные на реализацию транзитного потенциала Евразийского региона, включают задачи по развитию автоматизации процессов и обмена данными в рамках существующих киберфизических систем, поскольку именно они являются залогом конкурентоспособности предприятий отрасли на международном рынке, обеспечивая снижение издержек и сокращение времени транспортировки товаров.

Одним из центральных документов, регламентирующих реализацию единой транспортной стратегии в рамках ЕАЭС? является Решение ВЕАК «Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной транспортной политики» [12]. В соответствии с указанным документом, го-

Рисунок 1. Схема транспортных коридоров Евразии. Источник: официальный сайт Евразийского Банка развития [7].

сударства-участники ЕАЭС обязаны обеспечить снятие ограничений при осуществлении перевозок в рамках ЕЭС, а также реализацию мероприятий по созданию единого рынка транспортных услуг.

Одним из крупных проектов в рамках интеграции транспортных систем государств-участников ЕАЭС является «Евразийский транспортный каркас».

Проект направлен на создание сети международных транспортно-логистических коридоров в Евразии по осям Север-Юг, Восток-Запад. Странами-участницами проекта являются Беларусь, Казахстан, Россия, Таджикистан. Предполагается, что ожидаемый синергетический эффект предполагает увеличение трафика на 40 %, сокращение времени доставки грузов в Европу из Индии и Китая в два раза, снижение углеродного следа на 25 % по сравнению с морскими транспортными маршрутами, активно используемыми до 2022 года. На данный момент проект находится на стадии разработки предпроектной документации. Бюджет мегапроекта оценивается в 7 млрд. рублей.

Евразийский транспортный каркас реализуется в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП), что позволяет объединить ресурсы и разделить риски государства и частных компаний, участвующих в проекте. Для государства ГЧП представляет интерес в виду возможности ускорить сроки реализации крупных инфраструктурных проектов, отложив финансирование на более поздний срок. В рамках ЕАЭС Евразийский банк развития предоставляет широкий спектр кредитных и не кредитных предложений для проектов ГЧП, обеспечивает доступность финансовых ресурсов и техническое содействие в формировании документации для таких проектов, как Евразийский транспортный каркас.

При этом следует отметить, что, несмотря на то, что законодательство стран ЕАЭС о ГЧП основывается на схожих принципах определения, правового регулирования и правового положения государственного и частного партнеров, в

вопросах формы, процедуры отбора проектов ГЧП, а также в размере бюджетных возможностей в законодательствах стран имеются отличия. Евразийский Банк Развития, помимо оказания помощи в финансировании ГЧП проектов в ЕАЭС, разрабатывает рекомендации для упрощения процедуры составления проектной документации, а Евразийская экономическая комиссия составила практическое руководство «Государственно-частное партнерство в странах Евразийского Экономического Союза» [14]. В настоящее время самыми значимыми и капиталоемкими являются транспортные ГЧП-проекты в рамках ЕАЭС, такие как Евразийский транспортный каркас.

Страны ЕАЭС включают огромную территорию с населением около 84 млн. человек. Транзитный потенциал Союза предоставляет большие возможности для повышения уровня социально-экономического развития региона путем развития транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей транспортную связанность региона.

Сопряжение с проектом строительства третьего пограничного железнодорожного перехода на китайско-казахстанской границе должно положительно повлиять на скорость роста товарообмена в регионе и увеличить скорость осуществления перевозок, что является важной задачей в связи с формированием новых логистических маршрутов в связи с наложенными на Россию международными санкциями.

С учетом тренда развития мультимодальных перевозок в Евразии, включающих транспортировку товаров железнодорожным и автомобильным транспортом, развитием контейнерных перевозок, представляется, что сопряжение проекта с существующей железнодорожной инфраструктурой, должно повысить его эффективность за счет синергетического эффекта.

Для повышения конкурентоспособности Евразийского транспортного каркаса необходимо обеспечить как законодательную, так и техническую возможность использования

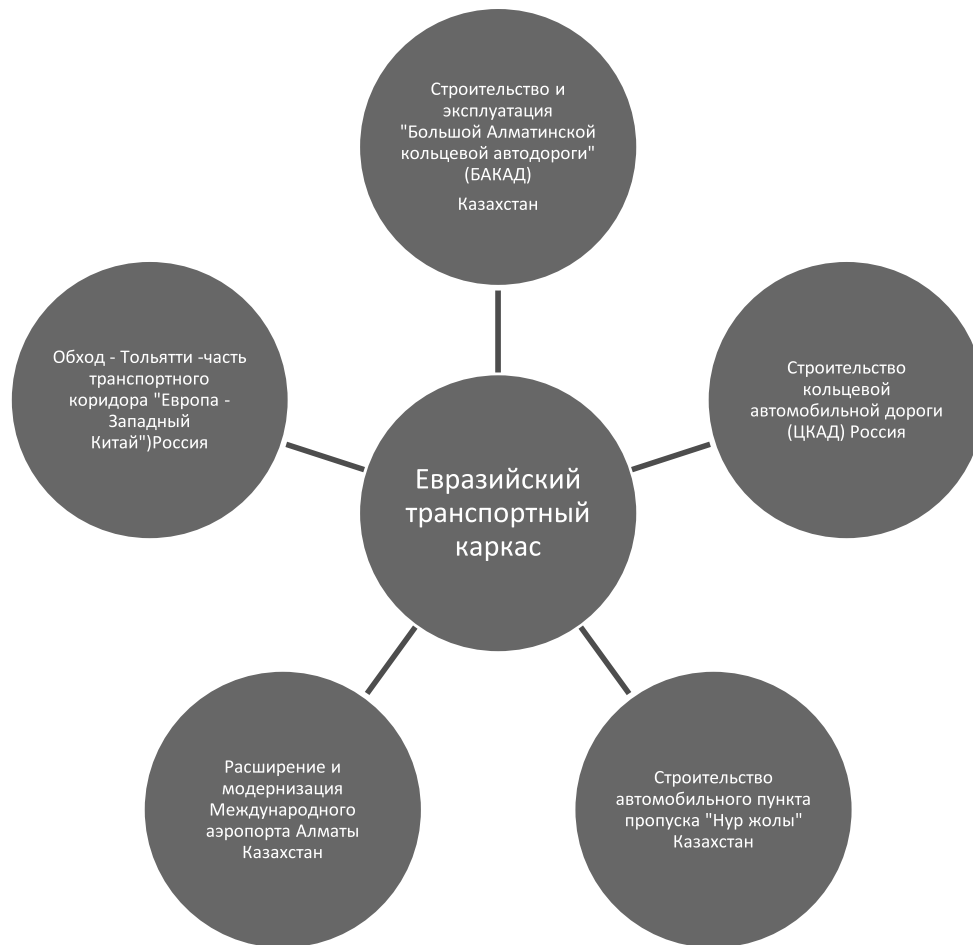

Рисунок 2. Схема подпроектов в рамках проекта «Евразийский транспортный каркас».

грузовых беспилотных перевозок, являющихся одним из главных трендов повышения эффективности и конкурентоспособности логистической отрасли. Проект «Беспилотные логистические коридоры», направленный на внедрение беспилотной перевозки грузов автомобильным транспортом, в рамках которого на трассе М-11 «Нева» была создана цифровая инфраструктура для обеспечения безопасности функционирования беспилотных автомобилей, должен стать образцом для дальнейшего развития движения беспилотного транспорта в рамках Евразийского транспортного каркаса. Правовое регулирование беспилотного транспорта в РФ основано на Постановлении Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415, регламентирующем экспериментальный порядок применения указанных технологий на дорогах г. Москвы, Республики Татарстан, г. Санкт-Петербурга и еще 10 субъектов РФ с 2018 по 2022 гг. В настоящее время завершается подготовка федерального закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах, основанного на результатах экспериментальных правовых режимов. Представляется необходимым разработка подобного документа и в рамках ЕАЭС для обеспечения конкурентоспособного инновационного потенциала мегапроекта.

В рамках ЕАЭС еще в 2021 году была разработана рекомендация ЕЭК по развитию кооперационного сотрудничества стран ЕАЭС в сфере совместного производства беспилотных летательных аппаратов [11]. В настоящее время именно механизмы «мягкого права» в рамках ЕАЭС представляются наиболее актуальными для развития нормативной базы для сотрудничества в сфере цифровизации

подпроектов Евразийского транспортного каркаса, которые позволят гармонизировать законодательство стран-участниц в сфере внедрения цифровой инфраструктуры на различных видах транспорта.

Значимым шагом на пути реализации крупных проектов в формате государственно-частного партнерства в рамках ЕАЭС стало снятие с 1 июня 2023 года снятия барьера для доступа поставщиков из других государств-участников ЕАЭС на рынок российских госзакупок. Протекционистские меры, не в полной мере отвечающие требованиям союзного договора, в частности, ст. 3, предусматривающей соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции [3], а также предоставление поставщикам из стран ЕАЭС национального режима доступа к госзаказу других государств-участников, были отменены постановлением Правительства РФ № 579 от 10.04.2023. Коллегия ЕЭК на заседании, состоявшемся 13.06.2023 зафиксировала «снятие препятствие с признаками барьера» в области обеспечения равного доступа к госзаказу поставщиков стран ЕАЭС.

Для интенсификации интеграционных процессов в сфере транспорта необходима гармонизация правового регулирования транспортно-логистической отрасли государств-участников ЕАЭС как в сфере технического регулирования (например, Правил технической эксплуатации железнодорожного транспорта), так и использования электронного документооборота.

Таким образом, основными направлениями развития международно-правового регулирования в транспортно-логистической сфере в рамках ЕАЭС для обеспечения норма-

тивного регулирования крупных проектов, включая Евразийский транспортный каркас должны стать:

– унификация требований к электронному документообороту,

– разработка единым правовых основ, включая и технические требования к цифровой инфраструктуре, в области использования беспилотного транспорта,

– создание единого подхода и требований к обеспечению безопасности цифровой транспортной инфраструктуры,

– гармонизация нормативно-правовой базы, регламентирующей государственно-частное партнерство в странах ЕАЭС, включая вопросы его субсидирования.

Развитие международно-правового регулирования конвергенции транспортно-логистических систем в Евразийском регионе должно обеспечивать актуальную нормативную базу для достижения «бесшовности» перевозок путем их цифровизации, поскольку реализация такого важного для обеспечения транспортного суверенитета России проекта как Евразийский транспортный каркас требует актуального и слаженного правового регулирования как на уровне ЕАЭС, так и на уровне государств-участников Союза.

Пристайный библиографический список

- Баритко А. Л., Куренков П. В. Организация и технология внешнеторговых перевозок // Железнодорожный транспорт. – 1998. – № 8.
- Воскресенская Т. П., Покровская О. Д. Методика и алгоритмизация принятия решений по формированию терминальной сети в регионе // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2010. – № 3 (7). – С. 74-84.
- Договор о Евразийском экономическом союзе от 24.05.2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/f522bc8a58357bd36f913d4c94e11cb76231d9e2/ (дата обращения: 01.05.2023).
- Куренков П. В., Вакуленко С. П. Финансово-экономическое решение проблемы пригородных перевозок // Экономика железных дорог. – 2012. – № 12. – С. 96.
- Мохонько В. П., Исаков В. С., Куренков П. В. Ситуационное управление перевозочным процессом // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2004. – № 11. – С. 14.
- Мохонько В. П., Исаков В. С., Куренков П. В. Проблемы создания ситуационно-аналитической системы управления перевозочным процессом на железнодорожном транспорте // Бюллетень транспортной информации. – 2004. – № 9. – С. 22.
- Официальный сайт Евразийского Банка развития. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/mega-projects/evraziyskiy-transportnuy-karukas/?ysclid=liy84agswt776263060> (дата обращения: 01.05.2023).
- Покровская О. Д., Самуйлов В. М., Неволлина А. Д. Инфраструктура международных транспортных коридоров // Инновационный транспорт. – 2013. – № 3 (9). – С. 33-37.
- Покровская О. Д. Классификация узлов и станций как компонентов транспортной логистики // Вестник транспорта Поволжья. – 2016. – № 5 (59). – С. 77-86.
- Покровская О. Д. Логистическое руководство: математические основы терминалистики, маркировка, классификация и идентификация логистических объектов железнодорожного транспорта. – Казань, 2017. – 281 с. – ISBN: 978-5-906873-52-1.
- Рекомендация ЕЭК от 09.11.2021 № 26. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/21rk0026/?ysclid=lj40gk7umz20406030> (дата обращения: 08.05.2023).
- Решение ВЕЭС от 26.12.2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414442/scd_11042017 (дата обращения: 01.05.2023).
- Формирование системы финансового менеджмента: теория, опыт, проблемы, перспективы / Коллективная монография: Сафронова А. А., Рудакова Е. Н., Куренков П. В. и др. – Москва, 2018. – 228 с.
- Евразийская экономическая комиссия. «Государственно-частное партнерство в странах Евразийского Экономического Союза. Практическое руководство». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/38c/Evrazes_Book_2017_A4_Web.pdf?ysclid=lj45jyf7yw3963664813 (дата обращения: 08.09.2023).
- Pokrovskaya O. Terminalistics as the methodology of integrated assessment of transportation and warehousing systems // MATEC Web of Conferences. 10th International Scientific and Technical Conference “Polytransport Systems”, PTS 2018. – 2018. – С. 02014.

МАНЕВИЧ Виктория Васильевна

аспирант кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

КИБЕРАТАКИ И КИБЕРВОЙНЫ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ КИБЕРПРОСТРАНСТВА КАК ПРЕДМЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

В работе автор акцентирует внимание на проблемах и вызовах, связанных с регулированием кибератак и кибервойн в киберпространстве в рамках международного гуманитарного права; освещает вопросы применения МГП и необходимости его дополнения новыми нормами, рассматривает вопросы ответственности за кибератаки во время вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, кибератаки, кибервойна, киберпространство, международное гуманитарное право, вызовы, проблемы.

MANEVICH Viktoriya Vasiljevna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MIA of Russia

CYBERATTACKS AND CYBERWARFARE IN ARMED CONFLICTS OF CYBERSPACE AS A SUBJECT OF REGULATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

The author focuses on the problems and challenges related to the legal regulation of cyberattacks and cyberwarfare in cyberspace within the framework of international humanitarian law; highlights the issues of the application of IHL and the need to supplement it with new norms, examines the issues of responsibility for cyberattacks during armed conflicts.

Keywords: armed conflicts, cyberattacks, cyberwar, cyberspace, international humanitarian law, challenges, problems.

Маневич В. В.

Современные вооруженные конфликты все чаще используют новые технологии, такие как кибератаки, автономные оружейные системы и дроны. Правовое регулирование этих технологий является важным фактором в обеспечении безопасности и соблюдения законности в мирное время и во времена войн [1].

Сергей Коротков, начальник аналитического отдела Национальной ассоциации международной информационной безопасности и генерал-майор и к. в. н. Александр Смирнов, кандидат юридических наук, эксперт по информационной безопасности утверждают, что существующая мировая среда цифровых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) активно развивается, при этом генерирует новые риски и оказывает трансформирующее воздействие на традиционные угрозы. Одним из таких рисков является киберпреступность – многообразные способы использования ИКТ в криминальных целях, существующие в международном информационном пространстве. Согласно высказыванию заместителя Председателя Правительства РФ Дмитрия Чернышенко перед президентом РФ Владимиром Путиным, количество кибератак на Россию (главным образом на ее государственный сектор) в 2022 году возросло на 80%. Директор Национального координационного центра по компьютерным атакам Сергей Корелов заявил в ноябре, что имеет данные об использовании злоумышленниками телеграмм-каналов для координации действий при кибератаках и агитации за их проведение в российском сегменте Интернет. Аналогично можно использовать статистические данные (например, от Роскомнадзора), указывая на количество заблокированных и удаленных экстремистских материалов, а также другую информацию о мерах, направленных на борьбу с угрозами в Интернете. Например, по данным Национального анти-террористического комитета в 2022 году были заблокиро-

ваны 5700 и удалены 25000 террористических материалов в Интернете. С начала текущего года по август включительно заблокировано или удалено 28588 экстремистских материалов, включая те, что с призывами к экстремистской деятельности, и с февраля было заблокировано более 3500 интернет-ресурсов, распространявших фейки о специальной военной операции.

Некоторые из основных правовых вопросов, связанных с использованием новых технологий вооруженных конфликтов, включают следующие аспекты:

1. Определение статуса беспилотных летательных аппаратов (дронов) в международном праве. Некоторые регулирующие положения, включают вопросы о применимом праве, ответственности за повреждение или уничтожение дронов и применении оружия на борту дрона.

2. Определение правового статуса автономных оружейных систем. Включает вопросы о том, на кого и как возлагать ответственность за действия автономных систем, а также о том, как применить соответствующие действия этих систем к международному праву с применением оружия.

3. Регулирование кибервойны. Определение, что считать кибератакой, какие действия являются незаконными и как обеспечить защиту критических информационных инфраструктур.

4. Определение правовых ограничений на применение новых технологий, чтобы обеспечить соблюдение международных стандартов и норм во время вооруженных конфликтов.

В последние годы киберпространство стало объектом интереса не только для специалистов IT, но и для правовых экспертов, которые озабочены растущим числом кибератак на государства и организации. В связи с этим возникает вопрос: как определить, когда происходит вооруженный конфликт в киберпространстве?

Наблюдают несколько определений вооруженного конфликта, однако они не подходят для киберпространства, т. к. конфликты не имеют физического проявления и в основном связаны с компьютерными системами.

Вместе с тем, определение наличия вооруженного конфликта в киберпространстве является сложной задачей, в первую очередь из-за недостаточной ясности самого понятия «вооруженный конфликт в киберпространстве».

В данной статье автор обращает внимание на необходимость разработки создания универсального определения вооруженных конфликтов в киберпространстве.

В целом, определение наличия вооруженного конфликта в киберпространстве остается сложной проблемой, которую необходимо решить, чтобы обеспечить более эффективное правовое регулирование. Для этого нужны коллективные усилия со стороны правовых экспертов и политиков, а также развитие международного сотрудничества в этой области [2, с. 12].

Одной из главных ошибок при оценке угрозы и необходимого ответа в вооруженных конфликтах киберпространства является недостаточное понимание характера этого вида конфликтов. Кибервойны и кибератаки могут угрожать критически важным инфраструктурам, таким как электростанции, транспортные системы, финансовые институты и т.д. Они могут привести к серьезным последствиям для экономики и общества в целом.

Однако возникает тенденция считать, что киберпространство может стать еще одной областью применения военной техники, но это мнение не принимает во внимание многие важные факторы, связанные с этой сферой.

В настоящее время нет универсальных норм международного гуманитарного права, которые регулируют вооруженные конфликты в киберпространстве. Однако существуют некоторые нормы, которые относятся к рассматриваемым конфликтам, (согласно статье 51 Женевской конвенции 1949 года), запрещение излишней силы (согласно статье 51 (5) пункта б) Женевской конвенции 1949 года) и применение норм, содержащихся в статье 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1977 года. Эти нормы должны соблюдаться для достижения пропорциональности во всех формах вооруженных конфликтов, включая кибервойну. Кроме того, государства должны предупреждать необоснованное разрушение и загрязнение при планировании, разработке, проектировании систем и методов ведения войны и ведении любых военных операций [3, с. 265].

Несмотря на отсутствие четких норм, МПП может быть применено к кибервойне. Одним из вызовов в данной области является необходимость разработки новых правовых норм для защиты кибербезопасности. Активно обсуждаются вопросы усиления защиты критических информационных инфраструктур и борьбы с кибертерроризмом. МПП применяет международные правовые нормы и стандарты, но испытывает трудности в определении ответственности за кибератаки и в установлении однозначных критериев для агрессии в киберпространстве. Тем не менее, необходимо продолжать совместные усилия ООН, стран, международных организаций и экспертных сообществ для разработки новых норм и стандартов в данной области.

Одной из основных проблем является отсутствие единой интерпретации международных правовых норм в сфере кибербезопасности. Например, вопрос о том, что является киберпреступлением и какие действия можно считать агрессией в киберпространстве, до сих пор не определен однозначно. Это затрудняет формирование единой системы

международных правовых норм, направленных на защиту киберпространства [4, с. 156].

Еще одной проблемой является сложность определения ответственности за кибератаки. Интернет позволяет совершать действия анонимно, что затрудняет идентификацию обвиняемых и установление их причастности к киберпреступлениям. Кроме того, в киберпространстве возможны атаки, организованные таким образом, чтобы ответственность за них несли не только, кто их совершил, а и другие лица или государства [5, с. 238].

Международное сотрудничество в правовом регулировании МПП вооруженных конфликтов в киберпространстве играет важную роль в обеспечении мировой стабильности и безопасности.

ООН, страны, международные организации, экспертные сообщества и другие участники в правовом регулировании МПП вооруженных конфликтов в киберпространстве работают совместно по разработке и утверждению международных договоров и соглашений, которые регулируют использование кибероружия во время вооруженных конфликтов. Одним из основных документов, регулирующих использование кибероружия во время вооруженных конфликтов, является Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года. Этот протокол содержит положения о защите жертв вооруженных конфликтов и запрещении применения определенных видов оружия, в том числе кибероружия.

Однако, некоторые государства не признают международные конвенции и документы о регулировании кибероружия, что создает опасность для мировой безопасности. Для решения этой проблемы необходимо усиление международного сотрудничества и разработки единой стратегии по противодействию кибератакам и кибер-водевристам.

В рамках международного сотрудничества экспертные сообщества имеют важное значение в разработке международных норм и стандартов в области кибербезопасности и правового регулирования использования кибероружия. Внедрение и соблюдение этих норм может существенно снизить вероятность возникновения вооруженных конфликтов, вызванных кибератаками [6].

Продолжение работы над разработкой международных договоров и стандартов, увеличение количества союзников и поддерживающих стран, а также усиление мер противодействия кибератакам и кибер-водевристам являются основными вызовами для международного сообщества в этой области.

Несмотря на сложности, связанные с применением международных правовых норм в киберпространстве, работа МПП способствует развитию международного сотрудничества в сфере кибербезопасности и созданию эффективной системы защиты от кибер-угроз.

Существующие международные нормы и соглашения, касающиеся вооруженных конфликтов в киберпространстве, до сих пор остаются несовершенными. Это связано с тем, что многие правила, разработанные для классических вооруженных конфликтов, недостаточно приспособлены для урегулирования кибервойн. Одна из главных проблем заключается в том, что существующие соглашения не детализируют критерии, определяющие отношение кибератак к вооруженному конфликту. Это оставляет пространство для различных толкований и интерпретаций.

Кроме того, существующие соглашения не описывают явно, какие средства и методы кибервойны запрещены. К примеру, запрет на использование химического, биологического и радиационного оружия не является применимым для кибервойны, что наряду с недостаточно точным опреде-

лением понятия кибератаки, может привести к нежелательным последствиям.

Существующие нормы не предусматривают механизмов для международной реакции на кибератаки. В случае применения традиционного оружия, имеется ряд механизмов для мониторинга ситуации и принятия мер, однако в случае кибератак идентификация и квалификация деятельности может быть гораздо более сложной.

Проблемы с определением атакующей стороны и ответной реакции в киберпространстве возникают из-за отсутствия определенных правил и конвенций, которые регулируют вооруженные конфликты. Существует возможность использования анонимных средств передачи информации, что может усложнить отслеживание и идентификацию атакующей стороны.

Кроме того, в киберпространстве могут возникнуть проблемы с правомерностью ответной реакции на атаку. Некоторые действия, направленные на защиту сети или устранение последствий атаки, могут нарушать законы или привести к негативным последствиям [7, с. 194-201].

Важно отметить, что в вооруженных конфликтах киберпространства также возникают проблемы определения начала военных действий и соответствующих правил воздействия.

Таким образом, существующие международные нормы и соглашения, касающиеся вооруженных конфликтов в киберпространстве, требуют дополнительной детализации и уточнения. Необходимо разработать новые правила, которые будут учитывать специфику кибервойны.

Сегодня, киберпространство – это, одно из самых важных мировых инфраструктурных объектов, от которого зависит все, от простых машин до промышленных систем и государственных структур. Является ли киберпространство объектом вооруженного конфликта и какими могут быть его юридические аспекты? Эти вопросы становятся очень важными при рассмотрении технологий, используемых в кибербезопасности, при рассмотрении угроз, с которыми сталкиваются государства.

Сейчас нет единой и ясной позиции в мире по поводу того, считается ли киберпространство объектом вооруженного конфликта. Некоторые исследователи считают, что кибервойна уже существует. Кибератаки используются как одно из важнейших оружий в борьбе между государствами и организациями. Они могут наносить вред системам управления, банкам, энергетическим компаниям и прочим важным структурам, и это уже способствует росту угроз в кибербезопасности.

В настоящее время существует законодательство по контролю за кибер-нападениями, но не обладает общепризнанным статусом международного права. Кроме того, отсутствие механизма рассмотрения и разрешения вооруженных конфликтов в киберпространстве может привести к опасным последствиям. В случае военного конфликта, который может привести к сетевым операциям, государства могут столкнуться с импотентностью в плане определения воздействия кибер-нападений на другие виды вооруженных конфликтов и могут попытаться прибегнуть к аналогии с другими видами войн. Однако, это не эффективно и может иметь серьезные юридические последствия [8].

С ростом числа кибератак и злоумышленников, задействованных в киберпреступлениях, возросла необходимость в правовой защите от кибер-угроз. Однако, вопрос о том, как определить последствия кибератак на жизнь и здоровье людей в вооруженных конфликтах киберпространства, является сложным и, часто, не имеет однозначного ответа.

Существующие международные конвенции и правовые документы не определяют явно кибератаки как оружие и не предусматривают специальные идентификаторы для описания киберпреступлений, что усложняет правовое регулирование на международном уровне. В этой ситуации правительства начинают применять национальные правовые нормы, но они могут быть неэффективными в противостоянии кибератакам, приходящим из других стран [9, с. 81].

Таким образом, вопрос о правовом регулировании последствий кибератак на жизнь и здоровье людей в вооруженных конфликтах киберпространства остается многогранным и дискуссионным. Новейшие международные и национальные нормы и правила, а также технические меры для защиты критически важных систем, могут решить проблему.

В современном мире кибербезопасность играет важную роль в вооруженных конфликтах и геополитических процессах. Кибератаки могут быть использованы как для экономической, так и для военной разведки, атак на критическую инфраструктуру, национальные системы коммуникации и т.д.

Одним из основополагающих юридических документов в этой области является Конвенция о киберпреступности, которую приняла ООН в 2001 году. Она включает в себя многочисленные статьи, направленные на предотвращение и борьбу с киберпреступностью, но не регулирует деятельность стран в киберпространстве во время вооруженных конфликтов [10, с. 128-130].

В 2015 году в Гааге состоялась Международная конференция по кибербезопасности, на которой была представлена идея о создании международной Конвенции о кибер-вооружении (CCWA). Она должна была стать новым юридическим документом, определяющим правила деятельности государств в киберпространстве в рамках использования кибер-вооружения во время вооруженных конфликтов. К сожалению, проект пока не принят.

Тем не менее, Совет Европы в 2011 году принял Договор о кибербезопасности, который предполагает сотрудничество государств в этой области, а также формализовал соответствующие процедуры. Однако, как и другие действующие правовые акты, он не регулирует вопросы кибер-вооружений во время военных конфликтов [11, с. 720-723].

Киберпреступления могут быть совершены за пределами одной страны, а жертвами могут стать граждане и организации из различных стран. В этом контексте важно разрабатывать единую стратегию и политику, которая будет позволять более эффективно бороться с кибер-угрозами.

Один из лучших примеров успешной международной координации и сотрудничества в сфере кибербезопасности - конвенция о киберпреступности, соглашение между 55 странами, которое было принято в 2001 году. Эта конвенция содержит определения киберпреступности, которые являются основой для разработки законов в этой области. Существует также ряд других международных организаций, занимающихся кибербезопасностью.

Таким образом, международное сотрудничество и координация действий в сфере кибербезопасности являются важным аспектом, который требует дальнейшего развития. Нужно создать единую концепцию и стратегию, для более эффективной борьбы с киберугрозами во всем мире [12, с. 253-256].

В качестве выводов можно отметить:

1. киберпространство становится более важным объектом современных вооруженных конфликтов, с перспективой регулирования МПП;
2. существует множество вызовов и проблем в области правового регулирования МПП в киберпространстве, таких

как отсутствие общепринятого определения кибератаки, сложность атрибуции нападений, неясность национальности участников конфликта и т.д.;

3. существует потребность в разработке новых международных норм МПП, которые отражают специфические характеристики кибервойн;

4. в качестве основных принципов МПП в вооруженных конфликтах в киберпространстве можно предложить следующие: уважение к гражданским правам и свободам, отсутствие незаконного и необоснованного использования киберсредств для военных целей, соблюдение принципов пропорциональности и необходимости и т.д.;

5. кроме того, стоит уделить внимание разработке более точных определений таких понятий, как кибервойна или кибератака, которые могут быть рассмотрены как кибернетическая атака в рамках МПП.

В целом, регулирование МПП в киберпространстве является сложной, но крайне важной задачей для международного сообщества. Разработка соответствующих норм и принципов станет важным шагом в обеспечении безопасности в сети и предотвращении возможных киберугроз, которые могут привести к серьезным последствиям не только для военных, но и для гражданских лиц. Роль ООН, стран, международных организаций, экспертных сообществ и других участников в правовом регулировании вооруженных конфликтов в киберпространстве важна. Также необходимо улучшить координацию между государствами и иными участниками в этой области, а также создать «инструменты», которые обеспечат эффективность правового регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве.

В заключении правовое регулирование вооруженных конфликтов в киберпространстве является актуальной проблемой, требующей дальнейших исследований и разработки международных норм в данной области. Необходимо улучшить координацию между государствами и иными участниками, а также создать новые «инструменты», которые помогут обеспечить эффективность правового регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве. Кроме того, необходимо продолжать работу по улучшению международного сотрудничества в этой области и разработке новых норм гуманитарного права, чтобы обеспечить защиту прав граждан и минимизацию воздействия вооруженных конфликтов на их жизни и здоровье.

Сегодня киберпространство является одним из основных пространств ведения вооруженных конфликтов. В связи с этим возникают проблемы, потому что большинство стран не имеют законодательства, которое бы регулировало использование кибероружия во время вооруженных конфликтов.

Необходимо разработать законодательство, стратегии и политику, чтобы урегулировать и ограничить использование кибероружия. В основном, это должно быть сделано путем усиления международного права и применения его к новым технологиям. Необходимо также использовать дипломатические методы для достижения транспарентности в использовании кибероружия.

Существует несколько международных документов, которые направлены на регулирование использования кибероружия. Например, Конвенция ООН по киберпреступности в некоторой степени подробно регулирует эти проблемы и вырабатывает стандарты для государств, которые присоединяются к Конвенции.

Тем не менее, использование кибероружия как средства проведения войны остается сложным и трудным вопросом, который требует обсуждения и регулирования на междуна-

родном уровне. Какие-то конкретные решения на данный момент не приняты, а то, что происходит в киберпространстве, остается очень опасным и нестабильным.

Пристатейный библиографический список

1. Коротков С., Смирнов А. О взаимосвязи киберпреступлений и международного гуманитарного права в контексте обеспечения международной информационной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/38329?ysclid=lhg6dbyzv926009014>.
2. Кордула Дрëре. Номер 886, том 94: «New technologies and warfare» Слезай с моего облака: кибернетическая война, международное гуманитарное право и защита гражданских лиц. С. 58. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/IRRC_886_extractRUS_Get_off_my_cloud.pdf.
3. Данельян А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/HP/Downloads/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-kiberprostranstva%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/HP/Downloads/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-kiberprostranstva%20(1).pdf).
4. Верхелст Э., Ваутерс Я. Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС // Вестник международных организаций. 2020. № 2. С. 141-172.
5. Красиков Д. В. Международно-правовая ответственность государств в киберпространстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-otvetstvennost-gosudarstv-v-kiberprostranstve/viewer>.
6. Зиновьева Е. Международная информационная безопасность в двусторонних отношениях России и США. 22 февраля 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-v-dvustoronnikh-otnosheniyakh-rossii-i-ssha/?ysclid=lhllu4z6s8602015415>.
7. Гаркуша-Божко С. Ю. 2023. «Определение вооруженного конфликта в киберпространстве» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 1: 194-210. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbul4.2023.112>.
8. Кибервойна, так ли она опасна и какие могут быть последствия для воюющих сторон. 14. 03. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://warways.ru/tehnologii/kiberataka.html?ysclid=lhha7y0ry899742386>.
9. Мороз Н. О. 2016. Международно-правовые основы обеспечения международной информационной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.mitso.by/bitstream/edoc/1799/1/2016%20%20-%201-079-083.pdf>.
10. Левашова О. В. Виток А.А. Положения Конвенции Совета Европы о кибербезопасности // Закон и право. 2021. № 11. С. 128-130.
11. Шматкова Л. П. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями: состояние и перспективы Шматкова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). С. 720-723.
12. Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. К вопросу о международном сотрудничестве в сфере противодействия кибертерроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 253-256.

МОНАХОВ Герман Дмитриевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

БУДУЩЕЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

В данной статье автором рассматриваются тенденции развития системы международного уголовного правосудия, а также предлагается ее потенциальный вариант. Автор в своей статье приходит к выводу о том, что именно регионализация является ведущей тенденцией развития международного уголовного правосудия. Данные выводы основаны на проблемах легитимности МУС в странах Африки, на постепенно нарастающей тенденции регионализации универсальной юрисдикции в рамках Африканского Союза, а также на анализе процесса принятия региональных африканских документов о наказании за международные преступления. Автору представляется, что более эффективной моделью системы международного уголовного правосудия будет модель, которая отражает региональные особенности судебных систем и правосознания местных жителей, что наиболее актуально именно для африканских стран. Также автор приходит к выводу о том, что регионализация международного уголовного права не приведет к значительным уголовным последствиям именно в том случае, если региональные органы системы международного уголовного правосудия будут привержены общим принципам уголовно-процессуального права, а также основным правам человека.

Ключевые слова: МУС, Африканский Союз, регионализация международного уголовного права, регионализация универсальной юрисдикции, дело Хабре, Малабский протокол, геноцид в Руанде.

MONAKHOV German Dmitrievitch

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

THE FUTURE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE SYSTEM

In this article, the author examines the trends in the development of the international criminal justice system, and also suggests its potential variant. The author in his article comes to the conclusion that regionalization is the leading trend in the development of international criminal justice. These conclusions are based on the problems of the legitimacy of the ICC in African countries, on the gradually increasing trend of regionalization of universal jurisdiction within the framework of the African Union, as well as on the analysis of the process of adoption of regional African documents on the punishment of international crimes. It seems to the author that a more effective model of the international criminal justice system will be a model that reflects the regional peculiarities of judicial systems and the legal consciousness of local residents, which is most relevant for African countries. The author also comes to the conclusion that the regionalization of international criminal law will not lead to significant criminal consequences precisely if the regional bodies of the international criminal justice system are committed to the general principles of criminal procedure law, as well as fundamental human rights.

Keywords: ICC, African Union, regionalization of international criminal law, regionalization of universal jurisdiction, Habre case, Malaba Protocol, genocide in Rwanda.

Регионализация как ключевая тенденция международного уголовного правосудия в Черной Африке

Отношения между МУС и Африканским Союзом можно охарактеризовать как изначально гладкие, за которыми последовал спад. В первые дни после принятия Статута МУС и учреждения МУС отношения между МУС и Африканским союзом были многообещающими. Африка составляла и продолжает составлять наибольшее число государств-участников Статута МУС. Кроме того, некоторые африканские государства передали в МУС кейсы в своих государствах, а именно: Уганда, Демократическая Республика Конго, Центральноафриканская Республика, Кот-д'Ивуар и Мали. Однако отношения между МУС и Африкой пошатнулись из-за проблем, вызванных некоторыми факторами в контексте регионализации международного уголовного правосудия в Африке. Африканские государства через АС обвиняют Суд в предвзятом отношении к африканцам» [1]. Этот тезис не будет сосредоточен на отношении между Африкой и МУС и обоснованность обвинений сводится к тому, что ухудшение отношений между МУС и Африканским союзом сыграло определенную роль в призыве к регионализации международного уголовного правосудия в Африке [7].

Комитет ООН против пыток в 2001 году вынес решение, в котором Сенегалу было предложено либо судить Прези-

дента Хабре, либо выдать его другому государству-участнику Конвенции ООН против пыток¹. На основании этого решения бельгийский судья, выступавший от имени одной из жертв, имевшей бельгийское гражданство, обратился к Сенегалу с просьбой выдать его Бельгии для судебного преследования. Правительство Сенегала, не желая выдавать африканца западной стране, передало это дело на рассмотрение Африканского союза. Своим решением 127(VII) от июля 2006 года Конференция глав государств и правительств Африканского союза постановила, что дело Хабре подпадает под его юрисдикцию в соответствии со статьями 3(h), 4(h) и 4(o) его Учредительного акта, которые запрещают совершение геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности. Признавая отсутствие регионального судебного органа для рассмотрения этого дела, Конференция обратилась к Сенегалу с просьбой предпринять необходимые шаги для судебного разбирательства дела г-на Хабре. Это способствовало разработке концепции доктрины «региональной юрисдикции» Африканского союза в отношении основных международных преступлений, совершаемых в Африке [9].

1 Selected Decisions of the Committee Against Torture (Принят на 38-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3 апреля 2008 г., Женева/Нью-Йорк).

22 августа 2012 года, после решения Международного суда, Африканский союз и правительство Сенегала подписали соглашение о создании смешанного суда, Африканских чрезвычайных палат («АЕС») в рамках судебной системы Сенегала, для рассмотрения дел подозреваемых в совершении международных преступлений, совершенных в Чаде в период с 8 июня 1982 года по 1 декабря 1990 года, что соответствует правилу Хабре. Это соглашение было ратифицировано Сенегалом 28 декабря 2012 года, который впоследствии обнародовал закон, интегрирующий его в национальное законодательство.

С начала разбирательства Хабре и его адвокаты возражали против законности судебного разбирательства, отрицая, в частности, какую-либо юрисдикцию АЕС в отношении первого [6]. С этой целью они задействовали Конституционный и административный суды Сенегала. 2 марта 2015 года Конституционный суд также постановил, что Соглашение о создании АЕС не нарушает Конституцию Сенегала, и рассматривал последний как

Со своей стороны, Судебная палата АЕС основывала свою юрисдикцию на Соглашении между Сенегалом и Африканским союзом, направленном на соблюдение международных обязательств, касающихся судебного преследования лиц, совершивших международные преступления, и положения которого были должным образом интегрированы в сенегальскую правовую систему. Удивительно, что судьи АЕС не сослались на решение Международного суда, предписывающее Сенегалу предпринять необходимые шаги либо для судебного разбирательства, либо для экстрадиции Хабре в Бельгию. Они постоянно ссылались на свой Статут как на основу своей юрисдикции *ratione materiae* в отношении международных преступлений.

Принятие Малабского протокола 2014 года, распространяющего мандат Африканского суда по вопросам правосудия и прав человека на международное уголовное право, а также Политические рамки Африканского союза в области правосудия переходного периода в Африке 15 представляют собой два важных ориентира в реализации принципа «африканской региональной юрисдикции». 27 июня 2014 года (в Малабо, Экваториальная Гвинея) Конференция глав государств и правительства Африканского союза приняла Протокол, вносящий поправки в Шарм-эш-Шейхский протокол 2008 года об учреждении Африканского суда правосудия и по правам человека, распространяя свой мандат на международное уголовное право. Малабский протокол 2014 года в своих статьях 28А-28М объединяет несколько преступлений, включенных в Статут МУС (геноцид, преступления против человечности и военные преступления), в региональную правовую базу. В дополнение к регионализации этих международных преступлений Протокол также кодифицировал и развил набор региональных преступлений.

В эти преступления включаются деяния, связанные с неконституционной сменой правительства, терроризмом, наемничеством, коррупцией, отмыванием денег, торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков, незаконным оборотом опасных отходов и незаконной эксплуатацией природных ресурсов. Что касается институциональных механизмов, то Малабский протокол 2014 года предусматривает создание Секции международного уголовного права («ICLS») в дополнение к Секции по общим вопросам (своего рода региональный международный суд) и Секции по правам человека и народов (которая заменит фактический Африканский суд по правам человека). Права народов). Организация и процедура предлагаемого ICLS в значительной степени вдохновлены МУС, включая палату предварительного производства, судебную палату и апелляционную палату (статья 19bis). Она включает в себя Канцелярию прокурора (статья 22А), помощника секретаря, возглавляющего персонал, работающих в ICLS, под руководством секретаря Суда (статья 22В) и канцелярию защиты.

В соответствии со ст. 46А Протокола Малабо 2014: «Никакие обвинения не могут быть выдвинуты в Суде против действующего главы государства и правительства Африканского союза или любого лица, действующего или имеющего право

действовать в таком качестве, или других высокопоставленных должностных лиц в соответствии с их функциями, во время их пребывания в должности». Это положение включает в себя пункт об иммунитете глав государств и правительств против преобладающей нормы по этому вопросу на универсальном уровне. Это ответ на безуспешные попытки африканских государств добиться того, чтобы МУС применил такой иммунитет к главам государств, подвергающимся судебному преследованию. Однако это положение Протокола Малабо противоречит статье 27 Статута МУС.

Отношения между Африкой и МУС и усилия Африканского союза по развитию регионального уголовного права и системы правосудия обсуждаются уже несколько лет. Что касается применения универсальной юрисдикции, то некоторые ученые предсказывают ее регионализацию в Африке [11]. Вопреки этой позиции, этот автор придерживается мнения, что вместо регионализации универсальной юрисдикции возникает африканская «региональная юрисдикция». Эта тенденция иллюстрируется постепенным внедрением доктрины Африканского союза о его юрисдикции в отношении международных преступлений, совершенных в Африке, в том числе посредством судебной практики АЕС по делу Хабре, принятием Протокола Малабо об учреждении регионального уголовного суда (секция ICL ACJHR), а также политической деятельностью Африканского союза. Рамки правосудия переходного периода в Африке.

В некоторых своих положениях эти документы противоречат принципу универсальной юрисдикции и важным принципам, регулирующим международное уголовное правосудие, а именно принципу взаимодополняемости и положению об иммунитете в Статуте МУС. Завершая свой вклад в серию кратких изложений политики FICHL № 56, авторы справедливо предвидели риск обращения к предлогу противоречивых обязательств африканских государств, в данном случае Южной Африки, по выходу из Статута МУС.

Решение АЕС по делу Хабре получило всеобщее одобрение и высокую оценку как важная веха в борьбе с безнаказанностью в Африке. Это также стало важной вехой для нового руководства Африканского союза в развитии региональной системы уголовного правосудия. В некоторых случаях, как показано на примере Хабре, региональная система могла бы играть позитивную дополняющую роль. Однако в других странах формирующаяся африканская система уголовного правосудия сопряжена с рисками для существующей архитектуры международного правосудия.

Особую озабоченность вызывает введение принципа двойной взаимодополняемости между африканскими государствами-участниками и МУС, а также положения об иммунитете действующих глав государств и высокопоставленных должностных лиц и представителей. Это дает зеленый свет судебному преследованию бывших глав государств в отличие от применения иммунитета к действующим главам государств и должностным лицам. В этой связи формирующаяся африканская региональная юрисдикция, вероятно, усилит оппозицию африканских государств к МУС и будет способствовать распространению культуры справедливого уголовного правосудия в Африке.

Модель системы международного уголовного правосудия будущего

По мере увеличения числа трибуналов, независимо рассматривающих аналогичные правовые вопросы без каких-либо иерархических процедур пересмотра, увеличивается и возможность изменений в содержании международного права. Томас Бюргенталь, судья Международного суда, отметил, что «увеличение числа международных трибуналов может... иметь неблагоприятные последствия...» [3]. Возьмем, к примеру, понятие преступления против человечности. Стандартное определение преступлений против человечности, сформулированное МУТР, – это любое из серии перечисленных деяний, включая убийство, совершенное против гражданского населения в рамках широкомасштабного и си-

стематического нападения². Основными элементами преступления являются (1) широкомасштабное и систематическое нападение на (2) гражданское население [8]. Если бы региональный суд хотя бы незначительно изменил определение понятия «широко распространенный» или «систематический», могли бы возникнуть значительные различия в том, что представляет собой преступление против человечности.

Например, может возникнуть система, в которой преступления против человечности в Африке требуют увязки с международным конфликтом, исключая из определения многие преступления против человечности, совершаемые во время внутренних конфликтов, особенно частых в Африке. Европейское определение, возможно, не требует такой взаимосвязи, тем самым расширяя сферу охвата преступления. Различия в существенных элементах преступлений могут проявиться таким образом, что международные преступления будут иметь различные региональные определения. Такое развитие событий было бы опасным по целому ряду причин. Во-первых, международные преступления, которые предположительно носят универсальный характер, утратили бы ощущение универсальности и глобального осуждения, поскольку они стали бы иметь региональные различия. Во-вторых, могут быть созданы лазейки, с помощью которых лица, совершившие международные преступления, могли бы избежать осуждения, полагаясь на региональные различия в определениях преступлений. В-третьих, судьи в определенных регионах, возможно, могли бы изменить международное уголовное право таким образом, чтобы позволить конкретным лицам избежать осуждения.

Наконец, легитимность международного уголовного права может оказаться под серьезной угрозой. Чарни отмечает: «В той мере, в какой международные трибуналы заявляют о различных взглядах на нормы общего международного права, легитимность этих норм в этом хрупком сообществе может быть поставлена под угрозу» [4]. Чтобы оценить региональное применение уголовного законодательства, необходимо оценить, реальна ли угроза фрагментации материального международного права. Свидетельства увеличения числа судов общего международного права и характер самого международного уголовного права свидетельствуют о том, что серьезная фрагментация материального международного уголовного права крайне маловероятна. За последние несколько десятилетий число судов, рассматривающих вопросы общего международного права, значительно увеличилось, в настоящее время в их число входят Международный суд, ВТО, Европейский суд по правам человека и бесчисленное множество международных арбитражных органов.

Рассматривая судебную практику более чем десяти международных трибуналов в восьми основных областях, таких как источники права, право ответственности государств и право исчерпания внутренних средств правовой защиты, Чарни обнаружил удивительно незначительные различия в материальном международном праве. Фактически, он обнаружил, что различные трибуналы разделяют согласованное понимание этого права. Он приходит к выводу: различия между трибуналами, решающими вопросы международного права, не настолько значительны, чтобы ставить под сомнение его согласованность и легитимность как правовой системы.

Предварительный ответ в отношении международного уголовного права заключается в том, что создание дополнительных трибуналов на региональном уровне не будут угрожать этой согласованности и совместности. На самом деле, некоторые незначительные изменения в юриспруденции на самом деле могут быть положительным событием в той мере, в какой они допускают определенную степень экспериментов и исследований. Незначительные эксперименты в международном праве вполне могут помочь найти наилуч-

шее правило, которое послужит международному сообществу в целом [10]. Это та же концепция, присущая Майклу Дорфу и аргумент Чарльза Сэйбелка в пользу демократического экспериментализма [5]. Конечно, грань между незначительными экспериментами и серьезной фрагментацией очень тонка, но это тот подход, который был успешным в общем международном праве и, вероятно, может быть успешным и в международном уголовном праве [5].

Вторым и гораздо более вероятным результатом регионализации международного правоприменения в области уголовного права является появление процессуальной дифференциации между регионами в контексте универсального материального права. Между национальными правовыми системами существуют заметные процессуальные различия в уголовном праве. Например, существует множество различий между состязательной системой общего права и системой расследования по гражданскому праву. Еще более велики различия между правосудием по шариату в исламском мире и, скажем, традиционным правосудием по руандийским законам Гасаса. Смещение традиций общего права и гражданского права уже давно является проблемой наднационального правоприменения в области уголовного права. Дэрил Мундис наблюдал заметный сдвиг в судебной практике [МТБЮ] от... разбирательства по общему праву... в направлении подхода, основанного на гражданском праве [10]. Эта напряженность во многом определила реформу Правил процедуры и доказывания МТБЮ и была особенно неприятна многим его членам [12].

Регионализация международного правоприменения в области уголовного права позволила бы региональным вариантам в процедуре, структуре и формате международных трибуналов. Европейский суд, несмотря на возможное сопротивление Великобритании, мог бы использовать подход, более ориентированный на гражданское право, со следственными судьями, письменными показаниями под присягой [12] и активной судебной коллегией. Североамериканский суд мог бы предпочесть более ориентированный на общее право подход. Аналогичным образом, в африканском или азиатском суде были бы возможны вариации в других процедурных элементах, которые могли бы лучше отражать традиции и систему ценностей таких стран.

Вторая причина региональной дифференциации может быть вызвана ограниченностью финансовых ресурсов. Например, региональный суд в Африке вполне может располагать меньшим количеством имеющихся ресурсов или принять решение распределить имеющиеся ресурсы на большее число дел, чем это мог бы сделать лучше финансируемый суд в Европе с меньшим количеством дел для рассмотрения. Такое разнообразие далеко от идеала и, по общему признанию, привело бы к различному качеству правосудия, осуществляемого в каждом суде. Хотя в идеальном мире изменения, основанные на финансовых ресурсах, не были бы необходимыми, учитывая ограниченность ресурсов, имеющихся во многих регионах, где международные преступления совершаются особенно часто, и относительное нежелание государств-доноров вносить значительный вклад в восстановление судебной системы, такие изменения, к сожалению, могут оказаться неизбежными [13].

Возможно, было бы гораздо лучше противостоять этим финансовым реалиям лицом к лицу, позволяя судам реагировать на свои финансовые обстоятельства так, как они считают наиболее эффективным, одновременно поощряя донорскую помощь и поддержку, а не скрывая тот факт, что судебные ресурсы распределены по всему миру неравномерно. Каким бы ни был уровень судебной помощи со стороны развитых стран, МУТР не смог судить более 100 000 подозреваемых в Руанде. В соответствии с принципом субсидиарности, согласно которому решения принимаются на самом низком возможном уровне, на котором могут быть адекватно достигнуты цели [2], трудный выбор между сложными процессуальными разбирательствами для немногих и безнаказанностью для остальных или более гибкой процедурой для всех, возможно, лучше всего оставить на усмотрение региона [2]. Вместо того, чтобы заставлять суды следовать, скажем,

2 Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Республики Югославия (принят 25 мая 1993 г. Резолюцией 827 на 3217-ом заседании Совета Безопасности ООН).

сравнительно дорогостоящей англо-американской процедуре в условиях огромных ресурсных ограничений, предоставляя им гибкость в распределении имеющихся ресурсов более эффективно, скажем, с помощью руандийского Гасаса, это могло бы улучшить общий процесс отправления правосудия.

Это процессуальное разграничение будет происходить в универсальном контексте, как с точки зрения материального права, так и основных процессуальных прав. Как обсуждалось выше, представляется наиболее вероятным, что основные материально-правовые нормы международного уголовного права будут по-прежнему применяться во всех регионах с некоторой степенью единообразия. Аналогичным образом, процедурные вариации были бы ограничены основными универсальными гарантиями прав. Право на свободное и справедливое судебное разбирательство признается всеми основными политическими, социальными, религиозными и культурными системами.

Из этих многочисленных международных документов вытекают пять основных принципов надлежащей международной правовой процедуры: презумпция невиновности; право на скорейшее судебное разбирательство; право на адвоката по выбору; право на очную ставку с доказательствами и свидетелями на публичном форуме; и право на апелляцию³. В по крайней мере, на практике любой региональный суд, где бы он ни заседал, был бы, таким образом, связан этими основными гарантиями справедливого судебного процесса. В то время как регионам пришлось бы заимствовать из судебной практики Европейского суда понятие оценки, в рамках которого можно было бы учесть их особые ценности и предпочтения, они были бы ограничены основными универсальными гарантиями.

Таким образом, процессуальная дифференциация между региональными судами в рамках универсальной системы отражала бы то, что Энтони Апиа называет луниверсалистским космополитизмом: торжество различий, сохраняющее приверженность существованию универсальных стандартов. Государствам и регионам было бы разрешено в ограниченной степени следовать своим собственным предпочтениям и ценностям, оставаясь при этом приверженными более широкой универсальной системе международного уголовного права и являющимися ее частью.

По мере развития международного уголовного права и поиска новых средств его применения, по крайней мере, стоит изучить возможности регионального правоприменения. Хотя регионализация ни в коем случае не является панацеей, она дает важные преимущества. В отличие от наднациональных механизмов правоприменения, региональное правоприменение может быть значительно менее дорогостоящим, обладать большей легитимностью в затронутых сообществах, способствовать восстановительному правосудию, вовлекать национальные суды в восстановительные усилия и способствовать принятию более глубоких обязательств государствами, которые сталкиваются с более низкими издержками членства в организации. По сравнению с внутренним правоприменением региональные суды могут располагать большими ресурсами, быть менее восприимчивыми к политическому захвату и обладать большей легитимностью в международном сообществе.

Таким образом, тенденция регионализации системы международного уголовного правосудия является собой наиболее явную тенденцию в ее изменении. Регионализация механизмов осуществления международного уголовного правосудия могла бы решить проблемы с финансированием, легитимностью и привлечением отдельных лиц к международной уголовной ответственности. Такая система включала бы МУС, осуществление универсальной юрисдикции нетерриториальными государствами и специальные полумеждународные суды, а также региональные механизмы правоприменения. Более того, многие из этих уже существующих

вариантов правоприменения открывают возможности для регионализации, которая на сегодняшний день изучена недостаточно. Таким образом, можно было бы повысить общую легитимность, эффективность и увеличить будущие перспективы развития системы международного уголовного правосудия.

Пристайный библиографический список

1. Akena M. Acholi Leaders Criticize ICC's Operations // *The Monitor Paper*. – 2009. – August. – С. 63-71.
2. Bermann G. A. Taking Subsidiarity Seriously: Federalism in the European Community and the United States // *Columbia University Paper*. – 1994. – С. 331-338.
3. Buergenthal T., Proliferation of International Courts and Tribunals: Is It Good or Bad? // *Leiden Journal of International Law*. – 2001. – June 1. – С. 267-272.
4. Charney J. Is International Law Threatened by Multiple International Tribunals // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. – 1998. – С. 105-125.
5. Dorf M., Sabel C. A Constitution of Democratic Experimentalism // *Cornell Law Faculty Publications*. – 1998. – March. – С. 267-473.
6. Fall M. The Extraordinary African Chambers: The Case of Hissène Habré // *Africa and the International Criminal Court Asser Press* – 2014. – С. 117-131.
7. Flintoft C. Our Silence on Sudan Shames Us // *The Globe and Mail*. – 2008. – June 16. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/our-silence-on-sudan-shames-us/article23003670/>
8. Mettraux G. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda // *Harvard International Law Journal*. – 2002. – № 43. – С. 237-216.
9. Mubiala M. Vers une justice pénale régionale en Afrique // *International Review of Penal Law*. – 2012. – № 83. – С. 547-557.
10. Mundis D. From "Common Law" Towards "Civil Law": The Evolution of the ICTY Rules of Procedure and Evidence // *Leiden Journal of International Law*. – 2001. – № 14. – С. 367-382.
11. Tessema M., Vesper-Gräske M. Africa, the African Union and the International Criminal Court: Irreparable Fissures? // *Torkel Opsahl Academic EPublisher*. – 2016. – № 56. – С. 1-3.
12. Wald P. To Establish Incredible Events by Credible Evidence: The Use of Affidavit Testimony in Yugoslavia War Crimes Tribunal Proceedings // *Harvard International Law Journal*. – 2001. – № 2. – С. 535-554.
13. Williamson, J. The Jurisprudence of the International Criminal Tribunal for Rwanda on War Crimes // *New England Journal of International & Comparative Law*. – 2005. – № 5. – С. 64.

3 Учредительный акт Африканского Союза (принят 11 июля 2000 г. в Ломо, Того). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из "African Union official website".

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-39-40

МКРТЧЯН Гаяне Яшаевна

Первый секретарь Посольства Республики Армения в Российской Федерации, аспирант 2 курса кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

На сегодняшний день в мире существует более 400 миллионов представителей различных коренных народов, в совокупности они составляют лишь 5 % от всего мирового населения, однако на них приходится около 15 % беднейших жителей в мире, ввиду чего представляется, что коренные народы являются социально-экономически незащищенными слоями населения, ввиду чего они нуждаются в особой защите со стороны всего мирового сообщества. Для данных целей на международном уровне происходит формирование международных стандартов защиты прав коренных народов, которые будут рассмотрены в рамках настоящей статьи.

Ключевые слова: права человека, коренные народы, международные стандарты.

МКРТЧЯН Gayane Yashaevna

First Secretary of the Embassy of the Republic of Armenia in the Russian Federation, postgraduate student of the 2nd course of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

INTERNATIONAL STANDARDS FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES

With over 400 million distinct indigenous peoples in the world today, who together represent only 5 % of the world's population but account for around 15 % of the world's poorest people, it would appear that indigenous peoples are socially and economically unsaved and therefore in need of special protection by the global community. For these reasons, international standards for the protection of indigenous peoples' rights are being developed, and will be discussed within this paper.

Keywords: human rights. Indigenous peoples, international standards.

Нормы международного права представляют собой основу формирования стандартов обеспечения и защиты прав коренных народов. За счет формирования массива данных стандартов на международном уровне при дальнейшей их имплементации на национальном уровне обеспечивается демократизация режимов тех государств, на чьих территориях проживают коренные народы. Приверженность того или иного государства к международным стандартам в области защиты прав коренных народов в рамках формирования внутригосударственной системы данного института напрямую обеспечивает сохранение и развитие проживающих на нашей земле коренных народов.

Важнейшими международными организациями, внесшими вклад в накопление массива международных стандартов в сфере защиты прав коренных народов, являются Организация Объединенных Наций (далее – ООН) и Международная Организация Труда (далее – МОТ).

Так, основным стандартом в рассматриваемой сфере выступает равенство прав больших и малых наций, что следует из существа положений Преамбулы Устава ООН¹, дальнейшее развитие международных стандартов защиты прав коренных народов происходит на уровне отдельных международных правовых актов, среди которых:

- Всеобщая декларация прав человека 1948 года²;
- Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года³;

1 Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII. - М., 1956. - С. 14–47.

2 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. - № 67. - 05.04.1995.

3 Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Принята 14.12.1960 Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН) // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на пятнадцатой сессии. Т. 1. 20 сентября - 20 декабря 1960 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятнадцатая сессия. Дополнение № 16 (A/4684). - Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1961. - С. 74-75.

- Декларация ООН о правах коренных народов⁴;
- Конвенция № 169 МОТ о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах⁵;
- и многие другие.

Всеобщая декларация прав человека устанавливает универсальный стандарт признания и соблюдения прав каждого человека. Не менее значимый документ в области международных стандартов защиты прав коренных народов – это Декларация ООН о правах коренных народов, принятая в 2007 году. Этот документ признает права коренных народов на жизнь, культуру, язык, землю и территории, а также право на самоопределение и участие в принятии решений, которые затрагивают их жизнь и будущее.

Далее значительный пласт специальных стандартов, направленных исключительно на защиту прав коренных народов, содержится в Конвенциях МОТ, в частности Конвенция № 169 устанавливает стандарт сохранения исторической традиционной среды проживания коренных народов. Также в рамках данного акта устанавливается стандарт обеспечения прав коренных народов на сохранение и развитие собственных традиционных обычаев и социальных институтов.

4 Резолюция № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (Принята в г. Нью-Йорке 13.09.2007 на 107-м пленарном заседании 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС Консультант Плюс.

5 Конвенция № 169 Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Заключена в г. Женеве 27.06.1989) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957 - 1990. Т. II. - Женева: Международное бюро труда, 1991. - С. 2193-2207.

Мкртчян Г. Я.

Конвенция также устанавливает запрет дискриминации представителей коренных народов, в частности, ведущих племенной образ жизни, устанавливается стандарт использования особых мер для обеспечения защиты коренных народов в тех случаях, когда те или иные народы, их жизненный уклад нуждаются в правовой охране.

Особое место в системе стандартов защиты прав коренных народов занимает право на землю, территорию и природные ресурсы: данный стандарт представляет собой особое значение для целей защиты прав коренных народов, так как с его помощью обеспечивается традиционный уклад жизни коренных народов.

Основу данного стандарта составляет запрет на выселение коренных народов с занимаемых ими земель, данный запрет раскрывается на уровне Конвенции МОТ № 169, в специальном разделе, посвященном вопросам, связанным с землей. На внутригосударственном уровне для целей обеспечения соблюдения данного стандарта государства должны производить идентификацию подобных земель, а также создавать особые правовые механизмы для целей разрешения споров, которые могут возникать в отношении данных территорий. Данный стандарт также предполагает право коренных народов на использование и распоряжение природными ресурсами, которые расположены на территории данных земель, что, в частности, следует из существа ст. 15 Конвенции МОТ № 169.

Данный стандарт также раскрывается в ст. 25 Декларации ООН о правах коренных народов. В рамках данной нормы подчеркивается духовная связь коренных народов с их землями и природными ресурсами, устанавливается право укреплять и поддерживать данную связь.

Также ст. 3 названной выше Декларации устанавливает право коренных народов на самоопределение. Данный стандарт предполагает, что коренные народы вправе самостоятельно определять свой политический статус и осуществлять свое развитие во всех сферах общественной жизни.

Другие важные международные стандарты включают Конвенцию Международной организации труда о коренных и племенных народах в независимых странах, которая защищает права коренных народов в сфере труда, и Соглашение Международной организации по биоразнообразию, которое признает важность сохранения и защиты знаний, традиций и практик коренных народов в связи с биоразнообразием.

Помимо тех международных стандартов, которые были сформулированы нами выше, Андриченко Л. В. относит к данной системе также следующие виды стандартов:

- право народов на самоопределение, данный стандарт предполагает возможность народов самостоятельно определять свой политический статус, а также самостоятельно принимать решения по вопросам местного значения;
- право на самостоятельное определение векторов дальнейшего развития;
- право определения принадлежности коренного народа к конкретной народности или коренной общине;
- право сохранять и укреплять свои особые политические, правовые, экономические, социальные и культурные институты; право на полное участие в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства;
- право семей и общин коренных народов на сохранение совместной ответственности за воспитание, обучение, образование и благополучие их детей в соответствии с правами ребёнка;
- право на сохранение и развития собственной традиционной медицины, представляющей собой часть культуры коренного народа;
- право на соблюдение и развитие культурных традиций и обычаев, на возрождение, использование, развитие и передачу будущим поколениям своей истории, языков, традиций устного творчества, письменности и литературы, а также право давать свои собственные названия и имена общинам, местам и лицам и сохранять их;
- и другие стандарты [1].

Представляется, что государства должны реализовывать и развивать действие данных международных стандартов на

национальном уровне, однако, на сегодняшний день этому может препятствовать ряд следующих причин:

1. Недостаточная осведомленность. Многие члены правительства или парламента могут не иметь достаточного представления о правах коренных народов и обязательствах, возложенных на государства международными договорами и стандартами.

2. Государственные интересы. В отдельных случаях государства могут видеть в выполнении прав, признанных международными стандартами, угрозу своим интересам или суверенитету.

3. Промежуточные и технические проблемы. Реализация международных стандартов может потребовать изменений в национальном законодательстве, административной практике и т.д., что может быть трудным или долгим процессом.

4. Культурные различия. Некоторые права, признанные международными стандартами, могут не соответствовать местным культурным или религиозным традициям, что может вызывать противодействие или недоверие.

5. Проблемы доступа и участия. Коренные народы могут сталкиваться с проблемами доступа к информации и возможности участия в процессе реализации международных стандартов, в том числе в связи с языковыми, географическими и другими препятствиями.

По нашему мнению, обозначенные выше проблемы возможно преодолеть путем совместных усилий мирового сообщества и осуществления сотрудничества государств в данном направлении. Также, на национальном уровне для целей имплементации соответствующих стандартов и их соблюдения предлагаются следующие рекомендации:

1. Провести аналитическую работу по сравнительно-правовому анализу международных стандартов прав коренных народов и национального законодательства для определения того, какие из международных стандартов еще не имеют отражения в национальном законодательстве.

2. Принимать активное участие в информационной и просветительской деятельности со стороны международных организаций.

3. Разработать план действий для имплементации этих стандартов в национальное законодательство, включить заботу о правах коренных народов в национальные конституции, законы и политики.

4. Проводить консультации со стороны представителей коренных народов при разработке законов и политик. А также создать механизмы, гарантирующие прозрачность и участие коренных народов в процессе принятия решений, которые затрагивают их права, обеспечив эффективную систему защиты прав коренных народов и сделать ее доступной для всех.

Выполнение этих шагов поможет решить проблемы имплементации международных стандартов прав коренных народов в национальное законодательство.

Таким образом, проведенный анализ позволяет делать вывод о том, что на сегодняшний день на международном уровне сформировалась развитая система международных стандартов защиты прав коренных народов за счет существования значительного числа международных правовых актов в данной области. Закрепление и обеспечение соблюдения данных стандартов имеет особое значение для поддержания культурного разнообразия человечества, самобытности существующих коренных народов, сохранения их численности и высокого уровня жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Анализ российской и зарубежной правовой базы, международно-правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. - М.: Издание Государственной Думы, 2019. - 272 с.

СОШНИКОВ Антон Борисович

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЗАКОННЫЕ УЧАСТНИКИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

В настоящей статье автор рассматривает правовые рамки для определения того, кто квалифицируется как «участник» вооруженных конфликтов в соответствии с международным гуманитарным правом. Автор утверждает, что четкое понимание правового статуса участников необходимо для защиты гражданского населения и других некомбатантов в зонах военных действий, а также для привлечения к ответственности тех, кто нарушает правила ведения боевых действий. Автор рассматривает соответствующие положения Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним 1977 года, а также нормы обычного международного права, чтобы определить различные категории участников вооруженных конфликтов, включая комбатантов, военнопленных и гражданских лиц. В статье также рассматривается правовой статус негосударственных вооруженных групп и частных военных компаний. Автор приходит к выводу, что при определении правового статуса участников вооруженных конфликтов необходим тонкий и гибкий подход, учитывающий эволюционирующий характер современных конфликтов и меняющиеся роли различных субъектов в этих конфликтах. Данная статья представляет собой ценный вклад в продолжающиеся дискуссии о правовых рамках вооруженных конфликтов и будет интересна ученым, политикам и практикам в области международного гуманитарного права.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, международное гуманитарное право, Женевские конвенции 1949 года, Дополнительные протоколы 1977 года, комбатанты, военнопленные, гражданские лица, негосударственные вооруженные группы, частные военные компании, правила ведения боевых действий, эволюционирующий характер конфликтов.

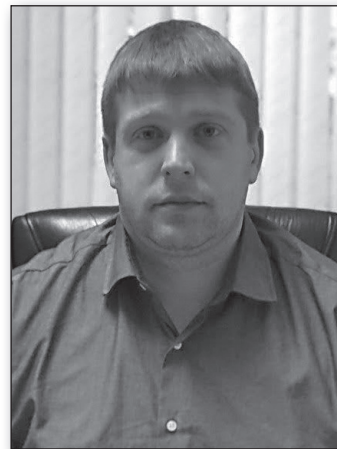
SOSHNIKOV AntonBorisovich

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL PARTICIPANTS IN ARMED CONFLICTS THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

In this article, the author examines the legal framework for determining who qualifies as a «participant» in armed conflicts under international humanitarian law. The author argues that a clear understanding of the legal status of participants is necessary to protect civilians and other non-combatants in war zones, as well as to hold accountable those who violate the rules of engagement. The author reviews the relevant provisions of the 1949 Geneva Conventions and their 1977 Additional Protocols, as well as customary international law, to identify different categories of participants in armed conflicts, including combatants, prisoners of war, and civilians. The article also examines the legal status of non-state armed groups and private military companies. The author concludes that a nuanced and flexible approach is necessary in determining the legal status of participants in armed conflicts, taking into account the evolving nature of contemporary conflicts and the changing roles of the various actors in those conflicts. This article is a valuable contribution to the ongoing debate on the legal framework of armed conflicts and will be of interest to scholars, policymakers and practitioners of international humanitarian law.

Keywords: armed conflicts, international humanitarian law, Geneva Conventions of 1949, Additional Protocols of 1977, combatants, prisoners of war, civilians, non-state armed groups, private military companies, rules of engagement, evolving nature of conflicts.

Сошников А. Б.

В вооруженных конфликтах, как международных, так и немеждународного характера, участвует широкий круг субъектов, включая государства, негосударственные вооруженные группы и отдельных лиц. Эти субъекты известны как законные участники вооруженных конфликтов, а их роли и обязанности регулируются международным гуманитарным правом (далее – МГП) и другими соответствующими правовыми нормами.

Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года обеспечивают основную правовую базу для ведения боевых действий и защиты гражданских лиц и других некомбатантов во время вооруженных конфликтов [10, сс. 10-21]. Эти правовые документы определяют, кто может участвовать в вооруженных конфликтах, что они могут и чего не могут делать, и какие меры защиты предоставляются гражданским лицам и другим некомбатантам [7, с. 85-95].

К законным участникам вооруженных конфликтов относятся вооруженные силы государств, являющихся сторонами конфликта, негосударственные вооруженные группы и порой даже отдельные лица, принимающие непосредственное участие в боевых действиях [3, с. 96]. Согласно МГП, законные участники обязаны соблюдать принципы избирательности, пропорциональности и военной необходимости [9, с.80]. Эти принципы требуют, чтобы комбатанты проводили различие между военными целями и гражданскими объектами, а также чтобы любые военные действия были пропорциональ-

ны ожидаемому военному преимуществу и не причиняли ненужного вреда гражданскому населению и гражданским объектам [12, с. 14-20].

Понимание правовой базы, регулирующей деятельность законных участников вооруженных конфликтов, важно по нескольким причинам. Во-первых, это гарантирует, что комбатанты и другие участники знают свои права и обязанности и могут действовать соответствующим образом. Во-вторых, это помогает предотвратить или смягчить гуманитарные последствия вооруженных конфликтов, включая защиту гражданского населения и других некомбатантов. Наконец, она способствует подотчетности и гарантирует, что те, кто нарушает МГП, будут привлечены к ответственности за свои действия.

Таким образом, правовая база, регулирующая деятельность законных участников вооруженных конфликтов, играет важнейшую роль в обеспечении соблюдения МГП, защите гражданского населения и других некомбатантов, а также в содействии привлечению к ответственности за нарушение норм международного права.

МГП содержит нормы и принципы, которые регулируют ведение вооруженных конфликтов и защищают лиц, которые не участвуют или уже не участвуют в военных действиях. Одним из ключевых аспектов МГП является разграничение между комбатантами и некомбатантами. Соответствующие положения МГП можно найти в четырех Женевских конвенциях 1949 года и Дополнительных протоколах к ним 1977 года, а также в обычном международном праве.

Комбатанты — это лица, которые имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях. Согласно МПП, комбатанты — это военнослужащие вооруженных сил одной из сторон конфликта. К ним относятся члены регулярных вооруженных сил, ополчения, добровольческих отрядов и организованных движений сопротивления. Комбатанты имеют право на статус военнопленного, если они попадают в руки врага.

С другой стороны, гражданские лица — это люди, которые не являются членами вооруженных сил или других организованных вооруженных групп. К гражданским лицам относятся, в частности, женщины, дети и пожилые люди. Они имеют право на особую защиту в соответствии с МПП, которая включает защиту от нападения, грабежа и репрессий. Гражданские лица не могут быть мишенью или объектом нападения, если только они не принимают непосредственного участия в военных действиях. В таких случаях они теряют свою защиту и становятся законными объектами нападения.

Кроме того, МПП признает статус медицинского персонала и гуманитарных работников [1, с. 136]. К медицинскому персоналу относится медицинский персонал вооруженных сил, а также гражданский медицинский персонал. Они защищены от нападения и могут быть задержаны только в случае подозрения в совершении враждебных действий. Гуманитарные работники, такие как сотрудники Международного Комитета Красного Креста (МККК), также находятся под защитой и могут быть задержаны только в случае подозрения в шпионаже или других враждебных действиях.

МПП также признает статус комбатантов, которые находятся в состоянии «hors de combat» [8, с. 14] или больше не участвуют в боевых действиях [4, с. 146-150]. К ним относятся комбатанты, которые больны, ранены, потеряли кораблекрушение или были захвачены врагом. Они имеют право на гуманное обращение и защиту от насилия, репрессий и других вредных действий.

Следует отметить, что МПП обеспечивает важную защиту для различных категорий участников вооруженных конфликтов, включая комбатантов, гражданских лиц, медицинского персонала, гуманитарных работников и лиц, не участвующих в боевых действиях. Эти меры защиты направлены на минимизацию человеческих страданий, вызванных вооруженными конфликтами, и обеспечение гуманного и достойного обращения с людьми.

Рассматривая подробнее категории лиц в зоне вооруженного конфликта следует проанализировать статус комбатантов, военнопленных, гражданских лиц, негосударственных акторов и представителей частных военных компаний.

Комбатанты:

Комбатанты — это члены вооруженных сил или других организованных вооруженных групп, которые являются сторонами вооруженного конфликта. Они имеют определенные права и защиту в соответствии с МПП. Комбатантам разрешено участвовать в военных действиях, и они могут быть законными мишенями для вражеских комбатантов, но на них также налагаются определенные обязательства, включая обязательство отличать себя от гражданских лиц и соблюдать правила ведения вооруженных конфликтов. Они также могут быть привлечены к ответственности за военные преступления и другие нарушения МПП.

Военнопленные:

Военнопленные — это комбатанты, захваченные противником во время вооруженного конфликта. Они имеют право на защиту в соответствии с Третьей Женевской конвенцией 1949 года, которая устанавливает правила обращения с военнопленными. С ними должны обращаться гуманно, их нельзя подвергать пыткам или другим формам жестокого обращения. Они имеют определенные права, включая право на получение почты, право на посещение представителями Международного Комитета Красного Креста (МККК), другими беспристрастными гуманитарными организациями и право на справедливый суд в случае обвинения в военном преступлении.

Гражданские лица:

Гражданские лица — простыми словами, это лица, которые не являются членами вооруженных сил или других организованных вооруженных групп. Они имеют право на защиту в соответствии с МПП, включая обязательство прово-

дить различие между комбатантами и гражданскими лицами и принимать меры предосторожности, чтобы избежать причинения вреда гражданским лицам [14, с. 136]. Гражданские лица не могут быть прямым объектом нападения, и любой вред гражданским лицам должен быть пропорционален преследуемой военной цели. Гражданские лица, не принимающие участия в боевых действиях, являются защищенными лицами в соответствии с четвертой Женевской конвенцией, и с ними следует обращаться гуманно. Они не могут подвергаться пыткам или другим формам жестокого обращения и имеют право на получение медицинской помощи и других видов помощи.

Негосударственные вооруженные группы:

Негосударственные вооруженные группы — лица, которые не входят в состав вооруженных сил государства, но участвуют в вооруженном конфликте [5, с. 59-61]. На них распространяются те же правила МПП, что и на государственные вооруженные силы, и они обязаны проводить различие между комбатантами и гражданскими лицами, принимать меры предосторожности, чтобы не причинить вреда гражданским лицам, и соблюдать правила ведения вооруженных конфликтов. Негосударственные вооруженные группы также могут быть привлечены к ответственности за военные преступления и другие нарушения МПП.

Частные военные компании:

Частные военные компании (далее - ЧВК) — это частные лица или компании, которые предоставляют военные или охранные услуги государствам, международным организациям или негосударственным субъектам. Правовой статус ЧВК несколько неясен, но в соответствии с МПП они обычно считаются гражданскими лицами. На ЧВК распространяются те же правила, что и на других гражданских лиц, и они не могут принимать непосредственного участия в боевых действиях. Однако они могут быть уполномочены применять силу в целях самообороны или для защиты своих клиентов или имущества. ЧВК также могут быть привлечены к ответственности за военные преступления и другие нарушения МПП [4, с. 91-94].

В целом, различные участники вооруженных конфликтов имеют различные правовые статусы и обязательства. Комбатанты имеют право участвовать в боевых действиях, но на них также распространяются определенные правила и обязательства. Военнопленные имеют право на защиту в соответствии с Третьей Женевской конвенцией. Гражданское население имеет право на защиту в соответствии с МПП и не может быть объектом прямого нападения. Негосударственные вооруженные группы и ЧВК подчиняются тем же правилам, что и государственные вооруженные силы, и могут быть привлечены к ответственности за военные преступления и другие нарушения МПП.

Правовая база, регулирующая вооруженные конфликты, призвана обеспечить набор правил и руководящих принципов для регулирования поведения сторон, вовлеченных в конфликт [3, с. 24-26]. Однако меняющийся характер современных конфликтов и роли, которые играют различные субъекты, создают значительные проблемы и ограничения для применения правовой базы.

Одной из основных проблем является размытое различие между государственными и негосударственными субъектами. В прошлом право вооруженных конфликтов применялось в основном к конфликтам между государствами. Сегодня негосударственные субъекты, такие как вооруженные группы, повстанцы и террористические организации, являются основными участниками многих конфликтов. Правовая база плохо приспособлена для урегулирования таких ситуаций, поскольку в ней нет четкого определения правового статуса и обязательств негосударственных субъектов. Отсутствие ясности создает проблемы в обеспечении соблюдения правовых норм, определении ответственности и защите гражданского населения, оказавшегося под перекрестным огнем [2, с. 18-24].

Еще одной проблемой является использование новых технологий в военных действиях. Появление кибератак, беспилотников и автономных систем вооружений бросает вызов традиционным принципам разграничения, пропорциональности и необходимости. Эти технологии часто затрудняют проведение различия между комбатантами и гражданскими

лицами и оценку соразмерности атак. Правовая база с трудом поспевает за быстрыми темпами технического прогресса, что затрудняет эффективное применение правил.

Кроме того, современные конфликты часто характеризуются сложной межгосударственной и внутригосударственной динамикой, в них участвуют многочисленные стороны и преследуются различные цели. Это затрудняет определение того, кто несет ответственность за нарушения права вооруженных конфликтов, и кто должен быть привлечен к ответственности. Более того, во многих конфликтах границы между военными и гуманитарными субъектами становятся все более размытыми, что создает проблемы для применения правовой базы.

Наконец, изменение характера конфликтов привело к изменению характера причиняемого вреда. Сегодня конфликты чаще приводят к причинению вреда гражданскому населению, чем военнослужащим, и традиционная правовая база не учитывает этот сдвиг должным образом. Принципы соразмерности и различия труднее применять, когда вред наносится преимущественно гражданским лицам, которые могут не быть непосредственно вовлечены в конфликт.

Меняющийся характер современных конфликтов и роли, которые играют различные субъекты, создают значительные проблемы и ограничения для применения правовой базы, регулирующей вооруженные конфликты. Важно признать и решить эти проблемы, чтобы право вооруженных конфликтов оставалось актуальным и эффективным в регулировании поведения сторон, вовлеченных в конфликт.

Привлечение к ответственности за нарушение правил применения оружия и защиты гражданского населения и некомбатантов в вооруженных конфликтах крайне важно по нескольким причинам.

Во-первых, ответственность гарантирует, что те, кто совершает злодеяния, понесут ответственность за свои действия. Это дает понять, что такие действия не будут терпеть, и удерживает других от совершения подобных преступлений. Это может способствовать предотвращению будущих нарушений и в конечном итоге привести к созданию более мирного и стабильного общества.

Во-вторых, привлечение к ответственности необходимо для защиты прав человека и верховенства закона. Она поддерживает фундаментальные принципы справедливости и честности, которые необходимы для поддержания справедливого и равноправного общества. Она также демонстрирует, что государство серьезно относится к своим обязанностям по защите своих граждан и что оно стремится содействовать соблюдению прав человека и международного гуманитарного права.

В-третьих, подотчетность способствует прозрачности и укрепляет доверие к военным и государственным институтам. Когда виновные в нарушениях привлекаются к ответственности, это показывает, что военные и правительство готовы признать и исправить допущенные ими ошибки. Это может помочь восстановить общественное доверие и уверенность в этих институтах, что необходимо для их эффективности.

Наконец, подотчетность может способствовать примирению и оздоровлению общества, пострадавшего от вооруженного конфликта. Привлекая к ответственности виновных в нарушениях, она может дать чувство справедливости и завершенности жертвам и их семьям. Это может способствовать примирению и построению более мирного и стабильного общества.

Привлечение к ответственности за нарушение правил ведения боевых действий и защиты гражданского населения и некомбатантов имеет важное значение для продвижения прав человека, поддержания верховенства закона, укрепления доверия к институтам, предотвращения будущих нарушений и содействия примирению в обществах, пострадавших от вооруженных конфликтов [11, с. 15-26].

В заключении хочется отметить, что в данной статье рассмотрена правовая база для определения того, кто квалифицируется как участник вооруженных конфликтов в соответствии с международным гуманитарным правом. Проведя обзор соответствующих положений Женевских конвенций, Дополнительных протоколов к ним и обычного междуна-

родного права, мы определили различные категории участников вооруженных конфликтов, включая комбатантов, военнопленных и гражданских лиц. Мы также рассмотрели правовой статус негосударственных вооруженных групп и частных военных подрядчиков.

Анализ показал важность нюансированного и гибкого подхода к определению правового статуса участников вооруженных конфликтов, принимая во внимание эволюционирующий характер современных конфликтов и меняющиеся роли различных субъектов в этих конфликтах. Кроме того, важнейшими соображениями остаются ответственность за нарушение правил применения вооруженной силы и защита гражданских лиц и некомбатантов в вооруженных конфликтах.

В дальнейшем необходимо продолжить исследования по применению правовой базы к современным конфликтам и проблемам, возникающим в связи с изменением характера вооруженных конфликтов. Кроме того, политикам следует уделять приоритетное внимание усилиям по обеспечению ответственности за нарушения международного гуманитарного права и защите гражданских лиц и некомбатантов в вооруженных конфликтах.

В заключении следует отметить, что четкое понимание правового статуса участников вооруженных конфликтов необходимо для защиты гражданского населения и некомбатантов и привлечения к ответственности тех, кто нарушает правила ведения боевых действий. Благодаря постоянным исследованиям и политическим усилиям мы можем укрепить правовую базу, регулирующую вооруженные конфликты, и способствовать более строгому соблюдению международного гуманитарного права.

Пристайный библиографический список

1. Абашидзе А.Х. Международное гуманитарное право и защита некоторых категорий лиц // Юрист-международник. М.: Современная экономика и право, 2007.
2. Арцибасов И. Н., Егоров С. А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения, 1989.
3. Бисултанов А. К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов. Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2016.
4. Бисултанов А. К. Действие международного гуманитарного права *in personae* и вооруженные группы // Закон и право. 2015. № 11. С. 146-150.
5. Бисултанов А. К. Деятельность частных военных и охранных компаний: необходимость регулирования в рамках международного гуманитарного права // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 6. С. 59-61.
6. Бисултанов А. К. Международная уголовная юстиция и борьба с нарушениями международного гуманитарного права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9.
7. Блищенко И. П. Обычное оружие и международное право. М.: Междунар. отношения, 1984. С. 85-95.
8. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права. М.: Издательский дом «ВПК», 2004. С. 14.
9. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Открытого университета Брюсселя. М.: Международный комитет Красного Креста, 2000.
10. Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997.
11. Калугин В. Ю. Курс международного гуманитарного права. Мн.: Тесей, 2006. С. 15-26
12. Кальсховен Ф. Пределы методов и средств ведения войны. М.: МККК, 1999.
13. Мартыненко Е. В., Бисултанов А. К. Гибридная война и международное гуманитарное право // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6. С. 24-26.
14. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 2000.

ЛАВОРЕНКО Сабрина Юрьевна

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ И КВАЗИСУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Статья посвящена проблеме закрепления и толкования права на неприкосновенность частной жизни в практике судебных и квазисудебных органов. В рамках статьи была проанализирована практика Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных жалоб. В результате автор приходит к выводу о том, что при всех различиях в подходах к толкованию содержания права на частную жизнь, практика Комитета в высокой степени обеспечивают правовую защиту от вмешательства в право на неприкосновенность частной жизни, однако содержание права на неприкосновенность частной жизни настолько стремительно развивается, что это требует поиска новых подходов к обеспечению его соблюдения и защиты.

Ключевые слова: права человека, право на неприкосновенность частной жизни, Международный пакт о гражданских и политических правах, Комитет ООН по правам человека, международное право.

LAVORENKO Sabrina Yurjevna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE RIGHT TO PRIVACY IN THE CONTEXT OF JUDICIAL AND QUASI-JUDICIAL BODIES

The article is devoted to the problem of securing and interpreting the right to privacy in the practice of judicial and quasi-judicial bodies. Within the framework of the article, the author analyzes the practice of the Human Rights Committee on the consideration of individual complaints. As a result, the author comes to the conclusion that despite all the differences in approaches to the interpretation of the content of the right to privacy, the Committee's practice to a high degree provides legal protection against interference with privacy, but the right to privacy is developing so rapidly that it requires new approaches and mechanisms to protect it.

Keywords: human rights, right to privacy, International Covenant on Civil and Political Rights, UN Human Rights Committee, public international law.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года составляет основу реализации права на неприкосновенность частной жизни в рамках международного права прав человека. Если охватывать некоторые другие международные и внутригосударственные документы, включая конституции, можно заключить, что в настоящее время сложилась прочная правовая основа в области обеспечения соблюдения и защиты права на неприкосновенность частной жизни. Отсутствие единого правового определения понятия «частная жизнь», а также различия в подходах к толкованию относительно пределов допустимости вмешательства в частную жизнь индивида на протяжении многих десятилетий создает предпосылки для осмысления этих вопросов со стороны международных органов по защите прав человека.

Исходя из позиции международных органов, это право следует рассматривать как сложное явление. Наиболее значимой правовой позицией, с нашей точки зрения, является позиция Комитета ООН по правам человека (далее – КПЧ).

Анализируя практику Комитета по правам человека, наблюдается некая неопределённость относительно того, что представляет собой «личная жизнь» (в рамках настоящего исследования будет использоваться термин «частная жизнь» – как более широкое понятие, которому невозможно дать исчерпывающее определение). Комитет так же, как и, например, Европейский суд по правам человека (далее – Суд), не выработал единую и чёткую позицию относительно толкования понятия «частная жизнь», а именно, круг тех правоотношений, которые данным термином охватываются.

Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт) выделяет 4 группы правоот-

ношений, защищаемых данной статьей: личная и семейная жизнь, неприкосновенность жилища, тайна корреспонденции, честь и репутация [1, ст. 17].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – ЕКПЧ) выделяет такие же группы правоотношений, за исключением чести и репутации. Однако, такой подход не означает, что Судом не рассматриваются дела, связанные с нанесением ущерба чести и репутации личности. Напротив, Суд, как и Комитет, придерживается подхода, согласно которому указанные правоотношения являются лишь своего рода группами в общей структуре классификации, к которым можно отнести и иные права, так или иначе относящиеся к сфере частной жизни лица.

Причём Судом всё же определённая классификация выработана. Это связано с тем, что, во-первых, ежегодно в Суд поступает огромное количество жалоб – только в 2022 году в Комитет было подано около 40 тысяч жалоб [2], во-вторых, при нарушении ЕКПЧ заявителю присуждается определённая компенсация, выраженная, в основном, в материальном эквиваленте, что даёт преимущество Суду в сравнении с Комитетом.

Перед определением классификации в рамках жалоб, рассмотренных Комитетом по правам человека, предпочтительно, на наш взгляд, для общего понимания всё же кратко раскрыть классификацию, разработанную в рамках деятельности Суда.

Так, в практике Европейского суда по правам человека выработана следующая классификация правоотношений, регулируемых статьей 8 ЕКПЧ «Право на уважение частной и семейной жизни»:

1. Под частной жизнью Суд понимает широкий спектр вопросов. Дела, подпадающие под это понятие, сгруппированы в три широкие категории, где, в свою очередь, каждая категория делится на подгруппы:

1) физическая, психологическая или моральная неприкосновенность (жертвы насилия; права в области охраны репродуктивного здоровья; здравоохранение и лечение; психические заболевания; вопросы, связанными с уходом из жизни; вопросы, связанные с инвалидностью; вопросы, связанными с погребением; экологические вопросы; сексуальная ориентация; профессиональная и предпринимательская деятельность) [3].

2) неприкосновенность частной жизни (право на изображение и фотографии; защита личной репутации, клевета; сбор и хранение персональных данных; конфиденциальность; информация о здоровье человека; слежка, полицейское наблюдение, обыск; идентичность; право на развитие личности; предпочтительный внешний вид; право на определённые религиозные убеждения) [3].

2. Семейная жизнь.

В делах о семейной жизни основные вопросы, рассматриваемые Судом, охватывают следующие отношения [3]: однополые браки; искусственное оплодотворение; связи между биологическими родителями; международное похищение семей; патронатные семьи.

3. Жилище.

Самый главный вопрос в данных жалобах – это установление судом обстоятельств, по которым можно считать то или иное место “жилищем”. Соответственно, чтобы решить вопрос о том, является ли то или иное место жительства «жилищем», зависит от обстоятельств, а именно от существования достаточных и постоянных связей лица с конкретным местом [3].

На наш взгляд, Суд значительно продвинулся в толковании сферы частной жизни и выработке классификации. Представляется целесообразным выбрать такой же путь и классифицировать жалобы, рассматриваемые Комитетом ООН по правам человека, ведь в него поступают индивидуальные жалобы из числа стран, ратифицировавших Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, а именно, из 117 государств; в то время, как в Европейский суд по правам человека можно обратиться с жалобой о нарушении со стороны лишь 46 государств-членов Совета Европы. В свою очередь, это говорит об универсальности и о возможности провести анализ различных правовых систем и подходов в рамках национального законодательства. Итак, как уже было отмечено выше, статья 17 Пакта выделяет четыре группы правоотношений, каждая из которых состоит из подгрупп.

1. Частная жизнь.

А. Физическая, психологическая и моральная неприкосновенность.

– жертвы насилия. В практике Комитета рассматривались дела об изнасиловании. Например, в деле Фулмати Ньяя против Непала, заявительница утверждала о том, что, будучи ребенком, ее принуждали к половому сношению. Однако, заявительница указывала не только на факт изнасилования, но и на последствия, возникшие в связи с совершённым деянием – в результате изнасилования она столкнулась

с общественной стигматизацией и маргинализацией, и государство-участник не приняло никаких мер для ее защиты. Интересным представляется то, что, будучи в местах содержания под стражей, она неоднократно пыталась воспользоваться предусмотренными национальными механизмами по расследованию нарушений, однако всегда получала отказ ввиду того, что дела об изнасиловании имеют срок давности в государстве регистрации 35 дней. В свою очередь, Комитет посчитал, что такой срок является неоправданным в делах об изнасиловании и явно не соответствует степени тяжести преступления, а также оказывает негативное воздействие на права лиц, подвергшихся изнасилованию.

Тяжесть этих преступлений характеризуется так же тем, что, например в данном случае, из-за перенесённых физических и психических травм, включая общественное осуждение и стигматизацию, а также ввиду отсутствия доступа к информации о возможных средствах правовой защиты в государстве, автор смогла добиться отправления правосудия за деяния, которым она подвергалась, лишь спустя 9 лет. Более того, Комитет не раз выражал озабоченность ввиду столь короткого срока давности в делах об изнасиловании в Непале, например, в делах Махарджан и другие против Непала и Мая против Непала [4, п. 9].

Стоит отметить неоспоримую роль Комитета по правам человека, решения которого носят рекомендательный характер. Пример Непала показывает, что государства-участники Пакта признают полномочия Комитета в определении наличия или отсутствия нарушений Пакта и что государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, признаваемые в Пакте права и предоставлять – в случае установления факта нарушения – эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты. Таким образом, в непальском законодательстве всё же был увеличен срок рассмотрения дел об изнасиловании с 35 дней до одного года [4, п. 7.9.]

– экологические вопросы. Стоит сразу отразить то, что Комитет не может похвастаться такой же внушительной базой рассмотренных дел, связанных с защитой экологических прав, как Европейский суд по правам человека. Напротив, Комитет в своих решениях по экологическим вопросам, ссылается на практику Суда, например на дело Лопез Остра против Испании, тем самым подтверждая его роль в становлении и защите прав человека в этой области [5]. Так, хотя ЕКПЧ и не содержит положений о защите экологических прав, как и Пакт, но нарушение права на уважение частной жизни имеет место, когда экологическая опасность возрастает до такой степени, что она значительно ограничивает возможности лица пользоваться своим жилищем и правом на личную или семейную жизнь. Таким образом, отрицательный уровень благоприятной окружающей среды может снизить уровень благополучия человека.

В деле Нормы Портлио Касерес и других против Парагвая заявители утверждают, что статью 17 Пакта следует трактовать с точки зрения эволютивного толкования в свете судебной практики Европейского суда, так как заявители считают, что в их деле существует причинно-следственная связь между масштабным распылением агрохимикатов, загрязнением ими бытовой питьевой воды и их отравлением, а также смертью мужа заявительницы [6, п. 3.6], [8].

– репродуктивное здоровье, включая вопросы, связанные с прерыванием беременности. В жалобах, связанных с правом на аборт, Комитет отмечает, что необходимо установить баланс между защитой плода и правами женщины.

В деле Карен Ноэлии против Перу – заявительницу оповестили о неизлечимой болезни ее плода, после чего она приняла решение о прерывании беременности, однако перуанским уголовным законодательством аборт квалифицируется как преступление, которое карается тюремным заключением, даже тогда, когда существует вероятность того, что при рождении ребенок будет страдать серьезными физическими или умственными дефектами. Говоря о терапевтическом аборте, то в национальном законодательстве закреплено, что женщина может прервать беременность только в случае, если имеется серьезный риск для ее жизни и когда прерывание беременности было единственным способом спасти жизнь беременной женщины или избежать серьезно и необратимого ущерба ее здоровью [8, п. 2.3].

Более того, соблюдаемый государством, так называемый, принцип благополучия будущего ребенка причинил заявительнице серьезный вред, поскольку ее без необходимости заставляли переносить беременность, смертельный исход которой был известен заранее, и это в значительной степени способствовало возникновению симптомов глубокой депрессии в связи с тем, что автор знала о наличии смертельной болезни и тем, что ее ребенок умер спустя 4 дня после рождения, что серьезно повлияло на развитие ее личности (заявительница была беременна будучи в 17-летнем возрасте) и будущее психическое здоровье заявительницы.

Таким образом, по мнению автора жалобы, государство-участник, отказав ей в возможности обеспечить медицинское вмешательство для прерывания беременности, произвольно вмешалось в ее частную жизнь. Комитет отмечает, что в обстоятельствах данного дела отказ действовать в соответствии с решением автора о прерывании беременности не был оправданным и представлял собой нарушение статьи 17 Пакта [8, п. 6.4].

Б. Неприкосновенность частной жизни.

– гендерная идентичность. Вопросы гендерной идентичности имеют два аспекта. Во-первых, наличие возможности в государстве провести операцию по смене пола, во-вторых, даже при наличии возможности у лица сменить пол при самоидентификации зачастую существуют проблемы в юридическом признании таких изменений.

В деле Кориел и Орик против Нидерландов Комитет признал, что идентичность является одним из важных аспектов личной жизни и что личная жизнь «относится к сфере жизни лица, в которой он или она может свободно выражать свою идентичность, будь то путем установления взаимоотношений с другими или самостоятельно. Комитет, в свою очередь, обращается к практике Европейского суда по правам человека, который в своих решениях подчёркивает, что ограничение или запрет на установление лицом даже незначительных деталей своей идентичности, таких как написание фамилии, например, является вмешательством в частную жизнь. Суд, ссылаясь на свою многочисленную практику в данном вопросе, утверждает, что лицо может говорить о том, что он является жертвой ущемления ввиду отсутствия юридического признания смены пола в государстве (например

дело Гудвин против Соединенного Королевства ЕСПЧ) [9, п. 5.6].

Такие жалобы, с другой стороны, часто имеют признаки дискриминации. В статье 26 Пакта закреплено, что «все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона» [1]. Стоит отметить, что статья 26 не рассматривается Комитетом как отдельное нарушение, он сначала решает, было ли нарушено какое-либо материальное положение, и только потом переходит к рассмотрению возможного нарушения Статьи 26, рассматриваемого в сочетании с этим материальным положением.

– информация о здоровье человека. Право на неприкосновенность частной жизни так же актуально в случаях, если речь идёт о защите конфиденциальности информации о ВИЧ, в связи с тем, что раскрытие таких сведений может привести к разрушительным последствиям как для частной жизни, так и для социального положения человека. Так, в деле Андреа Вэндома в отношении Республики Кореи, государство не представило разумных аргументов касательно необходимости предоставления информации о ВИЧ заявителем. По данной жалобе заявитель ходатайствовал о продлении визы, где, в свою очередь, государство-участник продлило ему визу на определённый срок с условием предоставления медицинского сертификата об отсутствии ВИЧ/СПИД, причём такие требования предъявлялись лишь к лицам, которые не являются гражданами государства-участника и которые не являются этническими корейцами.

Комитет посчитал, что предоставление информации о ВИЧ в качестве условия для продления визы для иностранных преподавателей является мерой достаточно интрузивной, чтобы составить «вмешательство» в частную жизнь автора по статье 17 Пакта. Комитет отмечает, что речь идёт о законности или незаконности таких действий со стороны государства [10, п. 8.6].

– Защита личной репутации, клевета. Статья 17 не только обеспечивает защиту личного достоинства и репутации как таковых, но и закрепляет обязанность государства предусмотреть механизмы по восстановлению нарушенного права. Так, в деле Хидирназара Аллакулова против Узбекистана, заявитель не смог восстановить свои права ввиду правовой неопределённости законодательства государства. Вмешательство генерального прокурора в дело и, как следствие, отмена надзорной инстанцией решений, разъясняющих порядок исполнения решения, исключила возможность его исполнения на практике [11]. Например, в деле Индиры Умаровой против Узбекистана, Комитет признал жалобу неприемлемой по статье 17 ввиду ее недостаточной обоснованности для целей приемлемости жалобы по этой статье [12, п. 7.4].

В уже упомянутом деле Хидирназара Аллакулова против Узбекистана, репутация заявителя была подорвана в связи с тем, что он являлся ректором вуза и был отстранён от должности, а в последующем и вовсе уволен [11]. И подтверждение комитетом нарушения аналогичной статьи Пакта говорит об определённом уровне серьёзности, что нанесло ущерб ввиду посягательства на репутацию и в последующем невозможности восстановить нарушенные права.

– сбор досье или данных службами безопасности, прослушивание телефонных переговоров. В деле Андрея Санникова против Беларуси государство незаконно вело прослушивание телефонных разговоров и применяло записи в качестве

доказательства вины автора жалобы в Суде. Заявителем были обжалованы данные действия в Генеральной прокуратуре, однако ответа не последовало, в связи с этим Комитет посчитал, что в отсутствие каких-либо комментариев со стороны государства имеет место нарушение ст. 17 Пакта [13, п. 6.9].

Позиция Европейского суда по правам человека представляет интерес. Так, Суд признает, что заявитель имеет право утверждать, что он является жертвой нарушения статьи Конвенции лишь при наличии факта существования мер тайного наблюдения (дело Роман Захаров против России) [3, с. 34]. Таким образом, Суд считает, что национальным законодательством регламентирована определённая свобода усмотрения при принятии лучшей политики в этой сфере, однако это вовсе не означает, что у государства имеются неограниченные дискреционные полномочия для установления тайного наблюдения.

– обыск. Значительное количество жалоб приходится на дела, связанные с производством незаконного обыска. Комитет отмечает, что сам факт производства обыска без ордера или постановления говорит о нарушении статьи 17 Пакта, а именно, это нарушает право заявителя на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь [14], [15].

Существуют и исключения, когда Комитет придерживается позиции, что в отсутствие ордера должно быть основание считать, что заявитель совершил какое-либо уголовно-наказуемое деяние [15]. Европейский суд по правам человека придерживается такой же позиции, что проникновение сотрудников полиции в дом в отсутствие заявителя, при существовании лишь незначительной опасности беспорядков или преступления либо при полном отсутствии такой опасности, является несоразмерным преследуемой законной цели [16].

Комитетом не конкретизированы критерии, установив которые можно полагать, что заявитель совершил какое-либо уголовно-наказуемое преступление. На наш взгляд, это можно сравнить с положениями, закреплёнными в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств. Например, в Республике Беларусь закреплено положение об исключительных случаях, в рамках которых можно провести обыск без соответствующего ордера, однако с последующим уведомлением в течение 24 часов о проведенном обыске соответствующему лицу [17, ст. 210].

– право на имя. Комитет установил, что вопросы, касающиеся имени и фамилии лица, подпадают под защиту права на частную жизнь. Так, в деле Леонида Райхмана против Латвии, Комитет подчёркивает, что к неприкосновенности частной жизни относится и та сфера жизни человека, в которой он может, тем или иным образом, свободно выражать свою самобытность. В данном деле автор утверждал, что в связи с требованиями Закона о государственном языке и других соответствующих правил, его фамилия и имя были изменены, в том числе и в официальных документах, для обеспечения соблюдения латышских грамматических норм, что после срока непрерывных лет использования его имени и фамилии привело к значительным повседневным сложностям и вовсе породило ощущение произвола, поскольку, по его мнению, его имя и фамилия в видоизменённом формате звучали несколько странно.

Таким образом, Комитет принял важное решение, обозначив, что принудительное изменение фамилии представляет собой вмешательство, которое не соответствует цели за-

щиты государственного языка. Комитет отметил, что статья 17 Пакта устанавливает право выбирать или менять свое имя и обеспечивает защиту от пассивного принуждения к изменению имени со стороны государства [18, п. 8.3].

2. Семейная жизнь.

– Решения о депортации и высылке. Государство обладает исключительным правом на контроль по въезду иностранцев на их территорию и, соответственно, проживание там. Однако, существуют проблемы по жалобам, связанным с высылкой одного из членов семьи или семьи полностью. К таким трудностям следует отнести: языковой барьер, разрушение эмоциональной связи между членами семьи, в особенности с детьми, и сложный процесс социализации. Высылка, прежде всего, нарушает право на семейную жизнь. Например, в деле Зеяда Халафа Хамади эль-Гертани против Боснии и Герцеговины, автор жалобы подлежал депортации в Ирак в то время, как его жена и несовершеннолетние дети являются гражданами Боснии и Герцеговины. В случае, если его семья решит последовать вместе с заявителем в Ирак, это отрицательно на них скажется в связи с тем, что они не владеют арабским языком, не знают особенностей арабской культуры, а само государство высылки находится в стадии внутренних вооружённых конфликтов [19, п. 10.9].

В данном деле Комитет выразил важную позицию о том, что государство-участник должно не просто указывать причину высылки лица, но и провести надлежащую оценку причин для его высылки, то есть дать четкие объяснения, почему то или иное лицо представляет угрозу безопасности страны. По жалобе Зеяда Халафа Хамади против Боснии и Герцеговины государство-участник не смогло продемонстрировать серьёзные и объективные причины для вмешательства в семейную жизнь, тем самым осуществив неправомерное вмешательство [19, п. 10.9].

Антиподом вышеупомянутого дела является дело Р. М. и Ф. М. против Дании, в котором автор заявил о нарушении статьи 17 Пакта, но не представил сведений или доказательств того, каким образом их права по этим статьям будут нарушены государством-участником ввиду их высылки в Афганистан [20].

– право заключённого на общение. Важным элементом на уважение семейной жизни является обязанность исполнительной системы содействовать заключённому в поддержании связей с его близкими родственниками. Это выражается в том числе и в пассивном поведении в части предоставления информации. Например, в деле Изабель Моралес Торнель и другие против Испании тюрьма не предоставила заявителям информацию о тяжёлой болезни их родственника и нахождении его в медицинском учреждении, что, несомненно, оказало значительное влияние на их семейную жизнь и может быть охарактеризовано как произвольное вмешательство в семью и нарушение пункта 1 статьи 17 Пакта. В то же время государство-участник не продемонстрировало, что такое вмешательство было разумным или совместимым с целями и задачами Пакта [21, п. 7.4].

3. Жилище.

– Содержание понятия «жилище».

Решая вопрос об отнесении того или иного места к категории «жилище», Комитет анализирует фактические

обстоятельства, а именно, наличие достаточных и постоянных связей с конкретным местом. Интересными представляются мнения, согласно которым к месту с наличием постоянных связей следует относить в том числе и общество, в котором проживает определённое лицо. В деле Стефана Ларса Нюстром против Австралии автор утверждал, что понятие «жилище» должно трактоваться в широком смысле и, в том числе, охватывать общество, в котором проживает само лицо или члены его семьи. Мнение автора небезосновательно, поскольку государство лишило автора проживания в стране, которую он знал, оборвав при этом все его коммуникации с членами семьи, друзьями и работой, выслав его в страну-гражданства, в совершенно незнакомую для него среду, без каких-либо средств поддержки, помощи в размещении или надежды успешно интегрироваться, таким образом нарушив его право на неприкосновенность жилища [22].

Однако отнесение общества, с которым заявитель тесно связан, в категорию «жилище» не нашло поддержки ни в решениях Комитета, ни в решениях Европейского суда по правам человека.

4. Честь и репутация.

Дела, касающиеся чести и репутации, зачастую носят политический или иной характер. Зачастую такие дела являются громкими и резонансными. Так, в деле А.М.Х. эль-Хагога Джумаа и др. против Ливии заявителя утверждали о продуманном намерении повредить их чести и репутации и настроили против них общественность из-за их родственных связей с Ашрафом эль-Хагогом, который являлся палестинским врачом, арестованным 29 января 1999 года по обвинению в совершении преднамеренного убийства и в заражении 393 детей ВИЧ/СПИДом в детской больнице Аль-Фатах. Комитет заключил, что государство нарушило статью 17 Пакта в части противоправного посягательства на честь и репутацию [23].

В деле Индиры Умаровой против Узбекистана Комитет посчитал, что заявительница недостаточно обосновала свою позицию касательно посягательства на честь и репутацию ее мужа [12, п. 7.4]. Однако Комитетом так и не установлены критерии установления пределов допустимого вмешательства в делах о посягательстве на честь и репутацию – остается непонятным, в каких случаях клеветнические сведения будут считаться таковыми, а в каких нет.

Таким образом, вышеперечисленный анализ позволил, с одной стороны, показать те категории жалоб, по которым Комитет выработал принципиально новую позицию, а с другой стороны, наоборот, продемонстрировать приверженность своей обычной позиции.

Во-первых, согласно практике Комитета, частная жизнь – это сфера жизни лица, в рамках которой лицо может беспрепятственно выражать свою идентичность, в том числе, через установление связей с другими людьми или же самостоятельно.

Во-вторых, касательно термина «семья»: Комитет требует, чтобы это понятие или толковалось в широком смысле, включая всех членов семьи, или понималось как в соответствующем законодательстве государства [19]. Согласно решениям Комитета, нельзя дать исчерпывающее определение термину «семья», поскольку по определённым аспектам это

понятие может отличаться в зависимости от государства или более того, разных районов одного государства.

Комитет выработал конкретные обстоятельства, которые, принимает во внимание при решении вопроса о вмешательстве в семейную жизнь. К таким критериям относятся: количество и возраст детей, включая новорожденных; травмирующий опыт заявителя и детей, находящихся в длительном иммиграционном заключении; трудности, с которыми заявитель и дети столкнутся в случае перемещения в страну-высылки; отсутствие у государства-участника аргументов, оправдывающих высылку в этих обстоятельствах [19, п. 10.9].

В-третьих, Комитетом так и не были сформулированы критерии установления пределов допустимого вмешательства в делах о посягательстве на честь и репутацию – остается непонятным, в каких случаях клеветнические сведения будут считаться таковыми.

Приставленный библиографический список

1. Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 11.01.2023).
2. European Court of human rights statistics 1/1-30/11/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_month_2022_ENG.PDF (date of application: 21.01.2023).
3. Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_8_RUS.pdf (дата обращения: 13.01.2023).
4. HRC. Case of Fulmati Nyaya v. Nepal. Application No. CCPR/C/125/D/2556/2015. Judgment of 21 March 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?Lang=en&symbolno=CCPR%2FC%2F125%2FD%2F2556%2F2015 (date of application: 13.01.2023).
5. ECHR. Case of López Ostra v. Spain. Application No. 16798/90. Judgment of 09 December 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-57905%22%7D> (date of application: 15.01.2023).
6. HRC. Case of Norma Portillo Caceres v. Paraguay. Application No. CCPR/C/126/D/2751/2016. Judgment of 30 September 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCPR%2FC%2F126%2FD%2F2751%2F2016&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (date of application: 13.01.2023).
7. Братусь С. Н. Юридический словарь. - Москва: Госюриздат, 1953. - 784 с.
8. HRC. Case of Karen Noelia Llanto Huamán v. Peru. Application No. CCPR/C/85/D/1153/2003. Judgment of 13 November 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCPR%2FC%2F85%2FD%2F1153%2F2003&Lang>

- uage=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False (date of application: 13.01.2023).
9. HRC. Case of Coeriel et al. v. The Netherlands. Application No. CCPR/C/52/D/453/1991. Judgment of 9 December 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/undocs/html/vws453.htm> (date of application: 06.06.2023).
 10. HRC. Case of Andrea Vandom v. Republic of Korea. Application No. CCPR/C/123/D/2273/2013. Judgment of 12 July 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCPR%2FC%2F123%2FD%2F2273%2F2013&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (date of application: 15.01.2023).
 11. HRC. Case of Khidimazar Allakulov v. Uzbekistan. Application No. CCPR/C/120/D/2430/2014. Judgment of 19 July 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F120%2FD%2F2430%2F2014&Lang=ru (date of application: 15.01.2023).
 12. HRC. Case of Indira Umarova v. Uzbekistan. Application No. CCPR/C/100/D/1449/2006. Judgment of 26 January 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F100%2FD%2F1449%2F2006&Lang=ru (date of application: 18.01.2023).
 13. HRC. Case of Andrey Sannikov v. Belarus. Application No. CCPR/C/122/D/2212/2012. Judgment of 6 April 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/133/04/PDF/G1813304.pdf?OpenElement> (date of application: 18.01.2023).
 14. HRC. Case of Malika bint-Jael and Merwan Ben-Jael v. Algeria. Application No. CCPR/C/128/D/2893/2016. Judgment of 27 March 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F128%2FD%2F2893%2F2016&Lang=en (date of application: 18.01.2023).
 15. HRC. Case of Corinne Horvath v. Australia. Application No. CCPR/C/110/D/1885/2009. Judgment of 27 March 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F110%2FD%2F1885%2F2009&Lang=es (date of application: 22.01.2023).
 16. ECHR. Case of McLeod v. the United Kingdom. Application No. 72/1997/856/1065. Judgment of 23 September 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://policehumanrightsresources.org/content/uploads/2019/08/CASE-OF-McLEOD-v.-THE-UNITED-KINGDOM.pdf?x19059> (date of application: 22.01.2023).
 17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 24.01.2023).
 18. HRC. Case of Leonid Reichman. v. Latvia. Application No. CCPR/C/100/D/1621/2007. Judgment of 28 October 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/hrcommittee/Rview1621sess100.html> (date of application: 25.01.2023).
 19. HRC. Case of Zeyad Khalaf Hamadi El-Gortani. v. Bosnia and Herzegovina. Application No. CCPR/C/109/D/1955/2010. Judgment of 01 November 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F109%2FD%2F1955%2F2010&Lang=en (date of application: 25.01.2023).
 20. HRC. Case of R. M. and F. M. v. Denmark. Application No. CCPR/C/126/D/2685/2015. Judgment of 24 July 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCPR%2FC%2F126%2FD%2F2685%2F2015&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (date of application: 25.01.2023).
 21. HRC. Case of Isabel Morales Tornel, Francisco Morales Tornel and Rosario Tornel Roca v. Spain. Application No. CCPR/C/95/D/1473/2006. Judgment of 20 March 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F95%2FD%2F1473%2F2006&Lang=en (date of application: 26.01.2023).
 22. HRC. Case of Stefan Lars Nystrom v. Australia. Application No. CCPR/C/102/D/1557/2007. Judgment of 18 July 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/711078?ln=ru> (date of application: 26.01.2023).
 23. HRC. Case of A.M.H. el-Hagog Jumaa et al. v. Libya. Application No. CCPR/C/111/D/1958/2010. Judgment of 21 July 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCPR%2FC%2F111%2FD%2F1958%2F2010&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (date of application: 26.01.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-50-52

МЕЛЬНИКОВ Фёдор Александрович

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИХ РЫНКОВ ЕАЭС КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

В статье обосновывается развитие интеграционных процессов стран-членов ЕАЭС на основе межгосударственных отношений стран-членов ЕАЭС в условиях формирования многополярного мирового сообщества. В статье также проводится анализ факторов, которые влияют на интеграционные процессы ЕАЭС, и указывается на необходимость дальнейшего развития интеграционных отношений государств-членов ЕАЭС. Анализируются основные тенденции интеграции и факторы, определяющие ее эффективность. Рассматриваются факторы, препятствующие развитию интеграции стран-членов Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: многополярность, региональная интеграция, интеграционный процесс, Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

MELNIKOV Fedor Alexandrovich

postgraduate student of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE FORMATION OF COMMON MARKETS IN THE EAEU AS A NATURAL DEVELOPMENT OF THE FORMATION OF AN INTEGRATION ASSOCIATION

The article substantiates the development of integration processes of EAEU member states on the basis of interstate relations of EAEU member states in the conditions of multipolar world community formation. The article also analyzes the factors that affect the integration processes of the EAEU and points to the need for further development of integration relations of EAEU member states. The main trends of integration and factors determining its effectiveness are analyzed. Factors hindering the development of integration of Eurasian Economic Union member states are considered.

Keywords: многополярность, региональная интеграция, интеграционный процесс, Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Мельников Ф. А.

1. Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена сложной геэкономической обстановкой в мировой экономике и усилением противодействия процессу перехода к многополярной конфигурации [6]. Таким образом, улучшенная координация и согласованные стратегические направления развития национальных экономик стран-членов ЕАЭС в двусторонних и многосторонних контактах отвечают задачам повышения национальной конкуренции стран-членов организаций, достижения ими устойчивого развития в условиях перехода к многополярности, используя взаимный потенциал и взаимодополняющую практику, пока они продвигаются в своем развитии. Экономисты предупреждают, что растущий разрыв между богатыми и бедными странами мира чреват серьезными проблемами для всего человечества. На фоне глобального экономического спада многие эксперты все больше обеспокоены ситуацией в странах с формирующимся рынком.

Согласно существующим интеграционным теориям, их итерации в виде региональных интеграционных объединений считаются высшей формой процесса регионализации, так как имеют институционально закреплённые рамки и компетенции, строго определённые задачи и цели. В связи с этим, можно говорить о том, что они являются наиболее эффективной и эффективной формой интеграции. Так, например, Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) была создана в 1957 году, а Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1993 году. Процесс создания этих объединений был длительным и сложным, в нем принимали участие многие государства Европы. И, тем не менее, именно

эти объединения, которые просуществовали более 50 лет, сформировали структуру единого европейского рынка [5].

В интеграционном сообществе могут быть различные уровни интеграции, различающиеся по степени вовлеченности участников (например, от уровня государств-наций до уровня конфедераций и альянсов). Региональные интеграционные объединения, или региональные группировки, представляют собой наиболее типичную форму процесса регионализации. Согласно теории регионального развития, они представляют собой совокупность субъектов и объектов регионализации в рамках определенного географического пространства. Региональная интеграция как форма регионализации представляет собой процесс взаимодействия субъектов на основе их собственной инициативы, предполагающий создание новых региональных структур. В качестве объектов региональной интеграции рассматриваются отдельные регионы или их группы, отдельные типы регионов, региональные органы власти, а также отдельные субъекты, которые могут входить в состав регионов или выходить из них.

2. Методы

Теоретическая база исследования базируется на идеологической эпистемологии необходимости возникновения наднациональности в интеграционных объединениях в условиях биполярности. Переход к многополярности в современных условиях влияет на трансформацию институтов и механизмов функционирования интеграционных образований, что следует из анализа практики реализации НАФТА или Ев-

росоюза, что позволяет дать рекомендации по развитию сотрудничества в рамках ЕАЭС.

3. Данные, анализ и результаты

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – региональное экономическое объединение, основанное на принципе интеграционного взаимодействия. Как подчеркивается в Концепции внешней политики Российской Федерации, «международные отношения переживают переходный период, суть которого заключается в формировании полицентричной международной системы. Этот процесс не является гладким; сопровождается усилением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях» [1].

В России и странах Евразийского экономического союза распространено мнение, что «классически правильная интеграция» – это Евросоюз. Ученые-исследователи считают, что интеграционный процесс евразийского пространства должен идти по этому пути [3]. Они считают, что интеграция может быть только в рамках единого экономического пространства. Однако, как показывает практика, интеграционные процессы должны проходить во всех сферах жизни. И прежде всего, это касается вопросов безопасности. Евразийский Союз – это не просто пространство, а пространство безопасности. С одной стороны, у нас существует единое экономическое пространство, а с другой – участники могут производить все, что необходимо для жизни и, естественно, для безопасности людей. Кроме того, интеграция – это не только выгодно экономически, но и позволяет обеспечить безопасность и стабильность в регионе. Эксперты считают, что в будущем интеграционные процессы в Европе будут развиваться в направлении Евразийского экономического союза.

Теория развития интеграции, разработанная в 70-х годах прошлого века, была направлена на обоснование следующего порядка установления (или формы реализации) интеграции: зона свободной торговли (соглашение о тарифах и инструментах нетарифного регулирования странами-членами в отношении третьих стран), таможенный союз (устранение дискриминации при перемещении товаров и согласование уровня тарифов в отношении третьих стран – не членов таможенного союза), общий рынок, формирующий комплексные условия для экономического интеграция в форме экономического союза. В своей окончательной форме (или наиболее результативной на тот период мирового развития) экономический союз предполагает унификацию монетарной, фискальной и социальной политики; совместная политика против циклического развития рыночной экономики, которая должна сформировать полноценную наднациональную политическую власть, решения которой обязательны для исполнения всеми странами-участницами интеграционного союза.

Что касается интеграционных издержек, то они включают сокращение бюджетных поступлений в связи со снижением таможенных тарифов и структурными изменениями в национальных домашних хозяйствах, что приводит к сокращению рабочих мест в неэффективных отраслях и предприятиях переподготовке кадров, увеличению бюрократических расходов на содержание офисов, а также затрат на содержание предприятий, выполняющих функции, которые раньше были возложены на государственные ведомства. Как правило, эти преимущества получают более экономически развитые страны, тогда как менее развитые экономики сталкиваются с явно негативными последствиями. В числе таких последствий – снижение темпов экономического роста, увеличение неравенства и сокращение социальных расходов. Рост экономики в развитых странах приводит к тому, что более бедные страны начинают зависеть от импорта, а также от иностранных инвестиций, которые в свою оче-

редь могут привести к потере рабочих мест и падению уровня жизни [4].

4. Обсуждение

ЕАЭС представляет собой значительную часть мировой экономики. По данным Всемирного банка, совокупный валовой внутренний продукт ЕАЭС (измеряемый по паритету покупательной способности) в 2020 году составил 4,9 трлн долларов. Для сравнения, в Германии он составил 4,5 трлн долларов. В экспорте ЕАЭС преобладают полезные ископаемые (нефть, газ, цветные металлы, уголь), которые составляют 54 процента от общего объема. В основном их производит Россия, хотя вклад Казахстана также достаточно велик [4].

Создание Таможенного союза в 2010 г. укрепило уже существующие механизмы свободной торговли, привело к принятию единого Таможенного кодекса и весьма символической отмене внутреннего таможенного контроля в 2011 г. [5].

Необходимо обратить внимание на то, что на то, что вопросы экономического взаимодействия базируются на принципах и соглашениях ВТО, которые в настоящее время не работают (из-за введенных санкций против России, которые не предусмотрены соглашениями ВТО; в связи с контрмерами, предпринятыми Российской Федерацией; и в связи с формированием Федерации; а также в связи с формированием новой правовой базы рядом стран в результате подготовки и подписания трансокеанских партнерств), но представляют значительные трудности для интеграционного взаимодействия между странами-членами ЕАЭС. Особо хотелось бы выделить процессы гармонизации и унификации, которые касаются различных сегментов экономики.

Формально унификация происходит только в случае наднациональных объединений, что же касается межгосударственных объединений она может иметь место только при очень высоком уровне взаимодействия национальных экономических субъектов [3].

В основе ЕАЭС лежит не торговля, а общие принципы и стандарты, поскольку ЕАЭС это организация, которая была создана на основе соглашения о создании экономического союза. ЕАЭС объединяет пять стран: Россию, Армению, Белоруссию, Казахстан и Киргизию. ЕАЭС добился определенного прогресса в организации и создании институтов по сравнению со своими предшественниками. Во многом организация ЕАЭС была вдохновлена организацией ЕС, хотя ЕАЭС отличается во многих аспектах от Европейского союза как по структуре, так и по институциональной системе. Но при этом мы считаем, что нам есть куда стремиться. В частности, по ряду направлений у нас еще не все хорошо. Например, нам необходимо определить свою роль в процессе евразийской интеграции, определить, кто из нас является интеграционным центром, а кто – периферией. Мы должны определить условия формирования единого экономического пространства.

ЕАЭС имеет четырехуровневое управление, структура которой является более пирамидальной, чем рассредоточенные процессы принятия решений в ЕС. Евразийский экономический союз – это союз с четырьмя уровнями управления. Первый уровень – это Высший Евразийский экономический совет, который формируется из глав правительств. Второй уровень – Евразийская экономическая комиссия, которая формируется из экспертов. Третий уровень – межправительственные комиссии. В составе Комиссии 23 отдела, которые возглавляют представители разных государств-членов. Последней административной единицей являются Консультативные органы, и при каждом из них существуют различные Консультативные комитеты (Евразийская экономическая комиссия).

Хотя за последние 25 лет на евразийском пространстве проводились многочисленные эксперименты по интеграционным усилиям, наиболее эффективной инициативой стал

ЕАЭС с его амбициозной целью создания полноценного экономического союза с единой валютой и языком. Фактически Россия выступила с инициативой создания союза и играла ведущую роль в организации, расширении, регулировании и разрешении конфликтов, не предоставляя места или роли другим членам. Российское лидерство в этом интеграционном процессе, возможно, понравилось не всем государствам-членам, но никто не протестовал, опасаясь вызвать раздражение у нынешних российских лидеров.

Гармонизация политик и режимов экономической деятельности является достаточно трудоемким и невыгодным для национальных бюджетов процессом в условиях межгосударственности и усиленного противодействия со стороны развитых стран евразийской интеграции как таковой, поэтому гармонизация продвигается очень медленно и не всегда соответствует с национальными интересами и приоритетами стран-членов ЕАЭС. Экономия бюджетные ресурсы, страны ЕАЭС интегрируются в жизненно важные для национальных экономик сферы и сегменты. Например, в рамках ЕАЭС в сфере энергетики активно работают три интеграционные структуры – Евразийская энергетическая комиссия (ЕЭК), Евразийский энергетический совет (ЕврАзЭС) и Евразийский межправительственный совет. Евразийская энергетическая Комиссия – орган региональной энергетической системы, отвечающий за выработку, согласование и реализацию единой энергетической политики союза. Цель ЕЭК – обеспечение свободного перемещения услуг в энергетике и эффективное развитие рынка электроэнергетики ЕАЭС.

Общий вывод нашего исследования заключается в том, что подписанные соглашения являются той инфраструктурой, которая создаст возможности для отношений между странами, для торговли и бизнеса, для экономического роста. В первую очередь речь идет о договоре о ЕАЭС, Таможенном кодексе ЕАЭС. Но незначительный рост взаимности торговли ЕАЭС позволяет сделать выводы о недостаточности только институциональной поддержки роста интеграции. На наш взгляд, наличие препятствий уменьшится, когда взаимная торговля станет более внутриотраслевой, а значит, она должна строиться вокруг увеличения потока промежуточных товаров для обеспечения кооперации, а эффективность конечных экспортных результатов зависят от эффективности партнеров на едином рынке ЕАЭС.

5. Заключение

Таким образом, в настоящее время необходимо стимулировать развитие производственной кооперации стран-членов ЕАЭС, в том числе производственной кооперации и специализации с учетом общих практик, активизации производственной и инновационной политики, уделяя внимание согласованию компонентов, синхронизация которых должна быть целью деятельности международных организаций, в том числе ЕАЭС. Среди предпочтительных сфер производства все страны ЕАЭС выделяют те, которые имеют достаточно высокий потенциал развития. В связи с тем, что ряд сфер в странах-членах ЕАЭС различен, полагаю, что было бы крайне желательно активизировать усилия по согласованию инструментов промышленной политики (т.е. синхронизации), что позволит направить предпринимателей на развитие взаимного сотрудничества. В частности: это синхронизация фискальных инструментов поддержки бизнеса, в том числе бизнеса на региональном и местном уровнях, которые используются в странах ЕАЭС при реализации проектов на основе кооперации и специализации; это устранение барьеров на пути движения товаров, услуг и капитала, обеспечивающих международную специализацию и кооперацию производства (МСКП); именно синхронизация денежно-кредитной политики, обеспечивающая производственную кооперацию хозяйствующих субъектов в областях, согласованных сторонами; это создание на территории ЕАЭС и третьих

стран агентств и торговых домов по реализации продукции. Однако здесь следует учитывать и некоторые особенности, характерные для стран ЕАЭС. Так, например, в Казахстане приоритетное развитие получила сфера промышленности с высокой добавленной стоимостью. И это не случайно, поскольку в стране в течение многих лет ведется политика поддержки и развития именно этой сферы. При этом в сфере производства потребительских товаров, как и в России, наблюдается тенденция к снижению объемов.

При этом важно учитывать, что взаимодействие в рамках ЕАЭС осуществляется в условиях жесткой конкуренции на внешних рынках. Поэтому необходимо, чтобы при принятии решений о мерах государственной поддержки промышленным предприятиям учитывался мировой опыт стимулирования экономического роста и конкурентоспособности. Для этого нужны меры по улучшению бизнес-климата, в том числе по снижению административных барьеров. В настоящее время в ЕАЭС прорабатываются вопросы дальнейшего совершенствования законодательства в части создания эффективной системы защиты прав на интеллектуальную собственность.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева Е. В., Битиева З. Р., Ярошенко А. С. Специфика современных интеграционных процессов: ЕАЭС в глобализирующемся мире // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 3.
2. Байков А. А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 4. – С. 38–53.
3. Вьюнов В. Н., Филиппова М. Г., Мамедов Р. М., Коротковский В. В., Рзаева Е. А., Кофанов В. А. Некоторые перспективы и противоречия развития ЕАЭС // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 520–523.
4. Евразийская экономическая интеграция-2020. – М.: ПУБЛИКАЦИИ ЕАБР, 2020. – 80 с.
5. Изотов В. С., Мешкова Т. А., Теплов А. С. Перспектива формирования единого финансового рынка ЕАЭС с точки зрения российских интересов: возможности и ограничения // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 129–152.
6. Миграция А. А., Шавина Е. В. Формирование общих рынков электроэнергии и газа в ЕАЭС: модели рынков, барьеры и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 220–245.
7. Текст Договора о Евразийском экономическом союзе // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreementeurasian-economic-union> (дата обращения: 02.06.2023).

Li Jing

postgraduate student of the School of Law of the Sun Yat-sen University; lecturer of the School of Foreign Languages of the Hunan University of Finance and Economics

FRAGMENTATION OF INTERNATIONAL DIGITAL TRADE RULES

The fragmentation of international digital trade rules is manifested in the coexistence of bilateral and regional trade agreements, WTO multilateral mechanisms and special agreements, which makes digital trade rules crisscross and overlap. The trend of fragmentation is not only related to different political will of various parties, but also related to the lack of economic growth drivers. However, the most fundamental reason is the difference in development level between developing countries and the least developed countries and developed countries. The plurilateral negotiations on e-commerce under the framework of WTO provide a possible path for constructing a set of binding international digital trade rules suitable for the whole world. To this end, the conclusion of an International Digital Trade Agreement should be actively promoted.

Keywords: Digital Trade, Fragmentation, International Agreement.

Ли Цзин

аспирант Юридического факультета Университета Сунь Ятсена; преподаватель факультета иностранных языков Хунаньского финансово-экономического университета

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРАВИЛ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦИФРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Фрагментация правил международной цифровой торговли проявляется в сосуществовании двусторонних и региональных торговых соглашений, многосторонних механизмов ВТО и специальных соглашений, в результате чего правила цифровой торговли пересекаются и дублируют друг друга. Тенденция к фрагментации связана не только с разной политической волей различных партий, но и с отсутствием факторов экономического роста. Однако наиболее фундаментальной причиной является разница в уровне развития между развивающимися странами, наименее развитыми странами и развитыми странами в целом. Многосторонние переговоры по электронной торговле в рамках ВТО открывают возможный путь для разработки набора обязательных правил международной цифровой торговли, подходящих для всего мира. С этой целью следует активно продвигать заключение Международного соглашения о цифровой торговле.

Ключевые слова: Цифровая торговля, фрагментация, Международное соглашение.

Ли Цзин

1. Introduction

Emerging digital technologies, such as big data, cloud computing, blockchain and artificial intelligence, have accelerated the process of digitized trade, have changed and will continue to change the content and methods of trade, and will fundamentally change the pattern of international trade. For example, an item produced by 3D printing is an item in the sense of consumption, but also may constitute cross-border delivery as a design service - the question is, is this traditional trade in goods or services, or is it classified as digital trade? 'Electronic commerce' or 'digital trade', as it is now more frequently referred to, is a topic that has steadily moved up on the priority list of trade negotiators. Hereinafter, this article employs international digital trade rules uniformly to replace both electronic commerce and digital trade provisions, except for otherwise specified.

In the past decade, more and more bilateral and regional trade agreements covering digital trade rules have emerged, and agreements specifically regulating digital trade have emerged. This obviously increases the degree of fragmentation of digital trade rules, which is not conducive to the formation of a unified regulatory, coordination and cooperation system at the international multilateral level.

2. The Tendency of Fragmentation of International Digital Trade Rules

Since the 21st century, the process of constructing international digital trade rules is not smooth, and the fragmentation trend is increasingly intensified.

2.1 Multilateral Process Stuck

In May 1998, promoted by the United States, the WTO introduced the topic of e-commerce for the first time and adopted the *Declaration on Global Electronic Commerce (Declaration)*. In

addition to declaring duty-free electronic transmissions, the *Declaration* called for the establishment of «a comprehensive work programme to examine all trade-related issues relating to global electronic commerce»¹.

In September 1998, the General Council of the WTO, according to the *Declaration*, adopted the *Work Programme on Electronic Commerce (Work Programme)*, [2] which allocates trade-related issues relating to global electronic commerce by nature and category to the Council for Trade in Services, the Council for Trade in Goods, the Council on TRIPs and the Committee for Trade and Development. Cross-cutting issues shall be examined by the General Council². The first dedicated discussion took place on 15 June 2001 under the auspices of the General Council. The issue raised and main views expressed by delegations in the course of the discussion under each of the cross-cutting issues identified are summarized and circulated by the Secretariat [3] However, over the next 10 years, except for regular discussions under the auspices of the General Council, the relevant work has progressed slowly and no substantive breakthroughs have been

1 Ministerial Conference Second Session, "Declaration on Global Electronic Commerce Adopted on 20 May 1998", *WTO WT/MIN(98)/DEC/2*, 25 May 1998.

2 Ibid. For instance, the Council for Trade in Services shall examine and report on the treatment of electronic commerce in the GATS legal framework, including the following issues (articles of GATS): scope, MFN, transparency, increasing participation of developing countries, domestic regulation, standards, and recognition, competition, protection of privacy and public morals and the prevention of fraud, market-access commitments on electronic supply of services, national treatment.

made, hence the multilateral process has been stuck for a long time.

2.2 Bilateral and Regional Trade Agreements Emerging

It is under the above stuck background that e-commerce issues are gradually included in bilateral and regional negotiations, and the constructive paradigm of international digital trade rules has changed from multilateral to bilateral and regional levels.

2.2.1 Bilateral FTAs Creating Rules for Electronic Commerce

On October 24, 2000, the *United States-Jordan Free Trade Agreement* named e-commerce stipulated the worldwide earliest E-commerce provisions in Article 7³. In addition, the *Australia-Singapore Free Trade Agreement*, which firstly includes a separate Electronic Commerce chapter, came into force on 28 July 2003. In the year and a half since then, four more bilateral agreements, including Electronic Commerce chapters, have come into force. «Each of these involved Australia, Singapore, the United States, or some combination thereof. These included the US–Chile FTA and the US–Singapore FTA (both of which entered into force on 1 January 2004), as well as the US–Australia FTA and the Thailand–Australia FTA (both of which entered into force on 1 January 2005).» [1].

It is noteworthy that the *United States-South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA)* signed on 30 June 2007 stipulates that «recognizing the importance of the free flow of information in facilitating trade, and acknowledging the importance of protecting personal information, the Parties shall endeavor to refrain from imposing or maintaining unnecessary barriers to electronic information flows across borders»⁴. This is the first time for the United States to explicitly set cross-border data flow clauses in the Electronic Commerce chapter of bilateral FTA with other country. From the perspective of the content and wording of provisions, although it is not beyond the common expression of the United States, it is the first time to regulate cross-border data flow through bilateral FTA. It is a reminder of the broadening scope of e-commerce regulation and the beginning of recognition of the critical role of cross-border data flows.

2.2.2 Regional Trade Agreements Expanding Rules for Electronic Commerce

Represented by the *Trans-Pacific Partnership Agreement (TPP)* led by the United States, international digital trade rules developed from bilateral agreements to regional trade agreements. It was counted that «out of the 354 PTAs entered into between 2000 and 2021, 195 contain provisions relevant for digital trade; 114 have specific electronic commerce provisions and 84 have dedicated electronic commerce chapters.» [5]

On the one hand, mega-regional trade agreements with many a participant, covering a wide range of areas and setting complicated issues are superimposed. For instance, the Chapter 14 Electronic Commerce of the *TPP* is richer than the provisions of the *KORUS FTA*, and the Electronic Commerce chapter in the *Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP)*, which replaced *TPP* later, almost completely copied the contents of *TPP*. After the US withdrew from *TPP*, the *US-Mexico-Canada Agreement (USMCA)*, which was negotiated to upgrade the *North American Free Trade Agreement (NAFTA)*, changed the previous Electronic Commerce chapter into Digital Trade chapter, and the specific rules of *CPTPP* were slightly adjusted, increased or decreased relatively compared with those of *CPTPP*. In addition, the *Regional Comprehensive*

Economic Partnership Agreement (RCEP) also includes an Electronic Commerce chapter.

On the other hand, as a whole, although these regional agreements basically cover the main topics of international digital trade rules, the differences in the scope of regulations between them lead to the different content of the rules. For example, in terms of source code, *RCEP* only mentions that the current and emerging source code should be considered when conducting dialogue on Electronic Commerce, while *CPTPP* and *USMCA* both have specific provisions on this, and *USMCA* adds open government data clause compared with *RCEP* and *CPTPP*. Even on the same issue, the degree of regulation is not the same; The *USMCA* even set up so-called «poison pill» provisions with a clear intention of exclusivity⁵.

2.2.3. Specialized Digital Trade Agreements Emerging

First, on 7 October 2019, the *Agreement between the United States of America and Japan concerning Digital Trade (USJDT)* was signed. It is a specialized agreement specifically for digital trade, separate from the *Trade Agreement between the United States of America and Japan* signed on the same day. The negotiation of *USJDT* originates after the withdrawal of the United States from *TPP*, which is closely related to the strong boosting of the United States. On the one hand, it may be influenced by the worldwide largest FTA concluded and effective between European Union and Japan– *EU-Japan Economic Partnership Agreement*; [13] on the other hand, it may also be aiming to fill the gap left by the withdrawal from *TPP*.

Second, the *Digital Economy Partnership Agreement (DEPA)* signed by Chile, New Zealand and Singapore on 11 June 2020 is the world's first agreement specifically for the digital economy and represents a new paradigm of digital trade rules. *DEPA* is presented in modular form and covers almost all relevant digital trade rules⁶.

To sum up, no matter bilateral, regional or specialized digital trade agreements, more and more digital trade rules are included, and there are also differences in the content and degree of regulation among these agreements, which undoubtedly aggravate the degree of fragmentation.

3. Causes and Responses to the Fragmentation of International Digital Trade Rules

3.1 Causes of the Fragmentation of International Digital Trade Rules

Causality itself is a complex proposition. There are both one cause to many effects situation and two or more causes to one effect situations. The causes behind the fragmentation of international digital trade rules are complex and variable. From the political point of view, both the multilateral process under the WTO framework and the emergence of bilateral, regional and specialized trade agreements actually depend first on the political will of the participants. The parties have different views on priority issues out of political necessity, thus consensus is difficult to achieve. From the economic perspective, the global economic recovery was overshadowed by the Asian financial crisis in the late 20th century, the bursting of the Internet bubble and the financial crises triggered by the US subprime mortgage crisis in the early 21st century. The combination of economic cycles and unexpected events has further undermined the incentive and confidence of all parties to build rules. From the perspective of negotiation, compared with the 23 contracting parties of the GATT, the large increase in the number of WTO members objectively makes it more difficult to reach a consensus. In addition, the inadequacy of the *Work Programme* and the defects of the WTO negotiation mechanism are factors that cannot be ignored.

However, the author believes that the most fundamental reason is the difference in the level of development between the underdeveloped countries (both developing countries and the least developed countries) and the developed countries, which

3 Article 7 says «..... each Party shall seek to refrain from: (a) deviating from its existing practice of not imposing customs duties on electronic transmissions; (b) imposing unnecessary barriers on electronic transmissions, including digitized products; and (c) impeding the supply through electronic means of services subject to a commitment under Article 3 of this Agreement, except as otherwise set forth in the Party's Services Schedule in the Party's Services Schedule in Annex 3.1.»

4 Free trade agreement between the United States of America and the Republic of Korea, Chapter Fifteen Electronic Commerce, Article 15.8, see. [Electronic resource]. – Access mode: https://ustr.gov/sites/default/files/uploads/agreements/fta/korus/asset_upload_file816_12714.pdf, [Accessed 2023.4.30].

5 See Article 32.10.

6 *Digital Economy Partnership Agreement*, see. [Electronic resource]. – Access mode: <http://images.mofcom.gov.cn/gjs/202111/20211111093601709.pdf>, [Accessed 2023.4.30].

leads to different or even opposite demands for core interests. Although there are differences among countries, as a whole, underdeveloped countries and developed countries naturally have different positions, core interests, and values due to their different development stages. For example, in the view of many developing countries, special and differential treatment, which constitutes the cornerstone of WTO rules, is an unshakable principle in any case. However, it is increasingly questioned and challenged by some developed countries. There is a particular need for all parties to be acutely aware of these above causes. In this regard, the global governance concept of «extensive consultation, joint contribution and shared benefits» proposed by China offers a new possibility of achieving win-win results and has important implications for the construction of international coordination rules for digital trade. Only a balanced, effective and inclusive plan is the feasible way forward and can win the widest support.

3.2 Response to the Fragmentation of International Digital Trade Rules

Although the fragmentation of international digital trade rules tends to intensify, the general trend of trade globalization and rule globalization remains unchanged. The key is how to respond in face of difficult situation? In this regard, the author believes that China should adhere to multilateralism and give preference to construct international digital trade rules under the WTO framework. The ongoing and expanding plurilateral negotiation on Joint Initiative E-commerce (*JSI E-commerce Negotiations or Negotiations*) provides a possible way to construct a set of international harmonized rules for digital trade at the multilateral level. China should work together with other participants in the negotiations to promote the conclusion of a *General Agreement on International Digital Trade* on this basis.

3.2.1 Progress of JSI E-commerce Negotiations

In December 2017, 71 WTO members issued a *Joint Statement on Electronic Commerce (Joint Statement)* at the 11th WTO Ministerial Meeting to carry out exploratory discussions. [12] In January 2019, 76 WTO members, including China, issued the second *Joint Statement*, confirming intention to commence WTO negotiations on trade-related aspects of electronic commerce. [10] In February 2023, Kyrgyzstan became the 88th party to join the *Negotiations*, while these participants in total accounting for more than 90 percent of global trade⁷. By 31 December 2022, the *Negotiations* had produced 90 instruments, including communications and reports, 60 of which had been produced in 2019⁸.

Based on the proposals of the participants, discussions were held under six main themes: promotion of electronic commerce, openness and e-commerce, trust and e-commerce, cross-cutting issues, telecommunications and market access. Groups have also been set up on e-invoicing, e-transaction framework and cyber security. On September 8, 2021, the third revised negotiating text was formed and the *Negotiations* made progress. Shortly, the released *WTO Joint Statement Initiative on E-commerce Statement by Ministers of Australia, Japan and Singapore* highlights the need for global rules governing digital trade in the context of the COVID-19 pandemic, noting that participants have achieved good convergence on 8 articles of the 10, which are online consumer protection, electronic signatures and authentication, unsolicited commercial electronic messages (or spam), open government data, electronic contracts, transparency, paperless trading, and open internet access. [6] It also noted that provisions that enable and promote the flow of data are key to high standard and commercially meaningful outcome, and it will intensify negotiations in other areas, including on customs duties on electronic transmissions, cross-border data flows, data localisation, source code, electronic transactions frameworks,

cybersecurity, and electronic invoicing, as well as advanced discussions on market access. Public information shows that on 22 December 2022, a more streamlined fourth negotiating text was formed.

3.2.2 Focus of Disputes in the JSI E-commerce Negotiations

There are two major disputes about the *Negotiations*: firstly, the legitimacy of plurilateral *Negotiations*; secondly, disputes over specific issues and some differences exist between the positions of the participants as the world major economies over those specific issues. For the legitimacy of plurilateral *Negotiations*, India and South Africa saw plurilateral *Negotiations* as «be detrimental to the functioning of rule based multilateral trading system», which would «create a precedent for any group of Members to bring any issue into the WTO without the required consensus, bypass the collective oversight of Members for bringing in any new rules or amendments to existing rules in the WTO, and fragment the multilateral trading system and undermine the multilateral character of the WTO» [7], [11]. However, «roughly three-quarters of WTO Members participate in one plurilateral process or another. Proponents generally agree that plurilaterals are nothing new and that they inject life into a troubled organization. They point out that any outcomes will be implemented in a manner consistent with the WTO's Most Favored Nation principle and that the meetings are transparent and open to all WTO members.»⁹.

For the disputes over specific issues, they mainly include the definition and classification of e-commerce, duty exemption from electronic transmission, critical proprietary information and cross-border data flow rules. Judging from the progress of the *Negotiations* so far, the two issues critical proprietary information and rules on cross-border data flow are focus of disputes and key issues. As for critical technology secrets, the US proposal states that proprietary information protection include protecting source code, barring forced technology transfer and barring discriminatory technology requirements. Firms should not have to share their source code, trade secrets, or algorithms as a condition of market access. Most of the participants have some leeway. The EU, for example, takes much the same position on source code, but emphasizes a variety of exceptions, including general exception and security exception, regulatory activities against unfair competition, intellectual property protection, military and national interests¹⁰.

As for cross-border data flow, this includes both cross-border data flow and data localization rules. The US proposal goes even further, combining cross-border transfer of data, preventing data localization and prohibiting web blocking under the rules for Free Flows of Information. However, it also points out that «Meaningful trade rules can support the role of the digital economy in promoting global economic growth and development while also allowing governments to address the growing concerns of Internet users about the security and privacy of their personal data»¹¹. This may indicate that the United States recognized at the time of its proposal that its claims would not be accepted in full by the other parties. Instead of using the language of free flow of information (data), the EU proposal employs an exclusionist list of four situations in which cross-border data flows cannot be restricted and states that «the protection of personal data and privacy is a fundamental right and that high standards in this regard contribute to trust in the digital economy and to the development of trade»¹², meanwhile «members may adopt and maintain the safeguards they deem appropriate to ensure the protection of personal data and privacy, including through the adoption and application of rules for the cross-border transfer of personal data. Nothing in the agreed disciplines and

7 “E-commerce negotiations enter final lap, Kyrgyz Republic joins initiative”, WTO (2023.2.6). [Electronic resource]. – Access mode: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/ecom_17feb23_e.htm, [Accessed 2023.4.30].

8 This data is compiled by the author through the WTO file system (docs.wto.org) according to the following steps: first login the website, then click *by topic* and choose *Joint Initiatives*, finally click *Electronic Commerce*. [Accessed 2023.4.30].

9 Keith M. Rockwell, “Plurilaterals show a way forward for the WTO”, see <https://www.hinrichfoundation.com/research/article/wto/plurilaterals-a-way-forward-wto/>, [Accessed 2023.4.30].

10 European Union, “Joint Statement on Electronic Commerce Initiative”, *INF/ECOM/22*, April 26, 2019, pp. 3-4.

11 United States, “Joint Statement on Electronic Commerce Initiative”, *INF/ECOM/5*, March 25, 2019, pp. 1-2.

12 European Union, “Joint Statement on Electronic Commerce Initiative”, *INF/ECOM/22*, April 26, 2019, p. 4.

commitments shall affect the protection of personal data and privacy afforded by the Members' respective safeguards.»¹³. It is clear that the EU is trying to set reasonable exceptions for cross-border data flows based on data protection as well as privacy.

While the Chinese proposal does not explicitly address cross-border data flows, it affirms that «It's undeniable that trade-related aspects of data flow are of great importance to trade development. However, more importantly, the data flow should be subject to the precondition of security, which concerns each and every Member's core interests. To this end, it is necessary that the data flow orderly in compliance with Members' respective laws and regulations.» [9, p. 4] «Therefore, to advance the negotiation, differences in Members' respective industry development conditions, historical and cultural traditions as well as legal systems need to be fully understood. Bearing in mind the aforementioned differences, Members should respect each other's design of the electronic commerce development paths, and the legitimate right to adopt regulatory measures in order to achieve reasonable public policy objectives.» [9, p. 3] In addition, Henry Gao points out that cross-border data flows and data localization are not mentioned in the 2nd and 3rd proposals submitted by China. But «China also specifically pointed out in the second proposal that the new agreement 'shall not prevent Members from adopting or maintaining any measures for the purposes of guaranteeing cyber-security, safeguarding cyberspace sovereignty, protecting the lawful rights and interests of its citizens, juridical persons and other organizations and achieving other legitimate public policy objectives, provided that such measures are not applied in a manner which would constitute a means of arbitrary or unjustifiable discrimination or a disguised restriction on trade, and are no more than necessary to achieve the objectives' [3] «Based on above analysis, the author would like to point out in particular that, from the perspective of the provisions of this paragraph, its discourse follows the expression of Article 14 of *General Agreement on Trade in Services (GATS)*¹⁴, and the latter half of the sentence is completely consistent with the expression of Paragraph 3 (a) of Article 14.11 of CPTPP and Paragraph 2 (a) of Article 19.11 of USMCA. This would seem to suggest that, apart from a more secure and sovereign position on cross-border data flows, China's copywriting on exceptions is closer to that of the EU and does not differ substantially from that of the US.

4. Conclusion

To sum up, the author believes that the *JSI E-commerce Negotiations* have reached important consensus. Although there are still some differences in positions on some key issues, there is no significant substantive difference among major economies in the cross-border data flow issue, which is the core of international digital trade rules. The *Negotiations* provide a possible way to build balanced, effective and inclusive international digital trade rules at the multilateral level. For reference to the existing agreements, the outcome of the *Negotiations* could be named as *General Agreement on International Digital Trade*.

Firstly, China should base on its advantages of rich data resources, large digital trading country and strong digital technology, focus on improving its voice and competitiveness in making international digital trade rules, and actively promote the *Negotiations* at the sprint stage to demonstrate its responsibility as a major country.

Secondly, considering the plurilateral nature of the *Negotiations*, existing consensus and pending disputes, in terms of the design of specific rules, in order to maximize the outcome of the negotiation, the author suggests that: taking DEPA's modular innovation model as reference, the classified commitment approach for the content of the topics would be adopted, that is, allowing participants to only make commitments to some topics

or temporarily reserve commitments to other topics; the principle of most-favored-nation treatment would be applied to ensure that the outcomes of the *Negotiations* benefits other WTO members that have not joined the *Negotiations*, so as to be balanced and effective.

Thirdly, for underdeveloped countries, the special and preferential treatment should be insisted on and the commitment to the transition period should be endowed to show inclusiveness. For instance, with regard to exception rules restricting cross-border data flows, member countries are granted commitments and transition period commensurate with their level of development to gradually achieve a high level of international regulation, coordination and cooperation.

Bibliography

1. Ministerial Conference Second Session, "Declaration on Global Electronic Commerce Adopted on 20 May 1998", WTO WT/MIN(98)/DEC/2, 25 May 1998.
2. WTO, "Work Programme on Electronic Commerce" Adopted by the General Council on 25 September 1998, WTO WT/L/274, 30 September 1998.
3. WTO, "Dedicated discussion on electronic commerce under the auspices of the General Council on 15 June 2001", WTO WT/GC/W/436, 6 July 2001.
4. WuMark, "Digital Trade-Related Provisions in Regional Trade Agreements: Existing Models and Lessons for the Multilateral Trade System", *RTA Exchange. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and the Inter-American Development Bank (IDB)*, 2017, P. 6.
5. Mira Burri, "Approaches to Digital Trade and Data Flow Regulation across Jurisdictions: Implications for the Future ASEAN-EU Agreement", *Legal Issues of Economic Integration*, Vol. 49, No. 2, 2022, Pp. 150-151.
6. Hayashi Yoshimasa, Hagiuda Koichi & Gan Kim Yong, "WTO Joint Statement Initiative on E-commerce Statement by Ministers of Australia, Japan and Singapore", WTO, December 2021; also see WTO, "WTO Annual Report 2022", June 2022.
7. WTO, "The Legal Status of 'Joint Statement Initiatives' and their Negotiated Outcomes", WT/GC/W/819, 19 February 2021.
8. Henry Gao, "Across the Great Wall: E-commerce Joint Statement Initiative Negotiation and China", in Shin-yi Peng, Ching-Fu Lin, & Thomas Streinz (Eds.), *Artificial Intelligence and International Economic Law*, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, P. 310.
9. China, "Joint Statement on Electronic Commerce Initiative", INF/ECOM/19, 24 April 2019.
10. WTO, "Joint statement on electronic commerce", WT/L/1056, 25 January 2019.
11. WTO, "The Legal Status of 'Joint Statement Initiatives' and their Negotiated Outcomes", WT/GC/W/819/Rev.1, 30 April 2021.
12. WTO Ministerial Conference Eleventh Session, "JOINT STATEMENT ON ELECTRONIC COMMERCE", WT/MIN(17)/60, 13 December 2017.
13. European Union & Japan, "Agreement between the European Union and Japan for an Economic Partnership", *Official Journal of the European Union*, L 330, December 27, 2018, Pp. 3-899.

¹³ Ibid.

¹⁴ Article 14 of GATS says "Subject to the requirement that such measures are not applied in a manner which would constitute a means of arbitrary or unjustifiable discrimination between countries where like conditions prevail, or a disguised restriction on trade in services, nothing in this Agreement shall be construed to prevent the adoption or enforcement by any Member of measures:....."

ПАНОВА Полина Сергеевна

аспирант кафедры международного права Юридического институт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СОВЕТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье анализируется эволюция воззрений советских учёных на международное право и право целом. Раскрывается уникальность подходов к пониманию сущности международной правосубъектности в ранние периоды развития советской правовой науки. В статье содержится периодизация учений в зависимости от смены политического контекста, приводятся точки зрения зарубежных исследователей на советское международное право.

Ключевые слова: международное право, международная правосубъектность, доктрина международного права, наука международного права, субъект права наций, буржуазное право.

PANOVA Polina Sergeevna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE SOVIET CONCEPT OF INTERNATIONAL LAW

The article analyzes the evolution of Soviet scientists' views on international law and law in general. The uniqueness of approaches to understanding the essence of international legal personality in the early periods of the development of Soviet legal science is revealed. The article contains the periodization of the doctrines depending on the change of the political context, the points of view of foreign specialists on the Soviet international law are given.

Keywords: international law, international legal personality, doctrine of international law, the science of international law, the subject of the law of nations, bourgeois law.

В период геополитического кризиса последнего десятилетия всё большее внимание привлекает к себе международное право: как оно отвечает на противостояние непримиримых политических блоков, на возрастающий градус международных конфликтов, на разницу в подходах к толкованию его норм в зависимости от интересов государств и их объединений.

Полярные интересы государств приводят к тому, что некоторые его нормы – объединяющие и согласовывающие – в сегодняшних реалиях применяются настолько по-разному, как если бы их не существовало вовсе.

В свете сказанного, представляется крайне своевременным исследовать подходы к сущности международного права для оценки его способности поддерживать международный мир и безопасность; развивать дружественные отношения между нациями; осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам, как то закреплено в статье 1 Устава Организации Объединённых Наций.

В частности, особенно ценно исследование взглядов отечественных учёных на международное право. Чрезвычайный интерес в указанном контексте представляет советская доктрина международного права, поскольку СССР, являясь флагманом социалистических государств, страной-победителем во Второй мировой войне, стоявшей у истоков создания ООН, несомненно, оказал на установление миропорядка в XX и в XXI веке определяющее влияние.

Прежде чем проанализировать советскую доктрину международного права, уместно сказать несколько слов о советских представлениях о государстве и праве в целом.

В письме к А. Бебелю от 18 марта 1875 года [12, с. 31-32] Ф. Энгельс в нескольких строках резюмировал марксистскую теорию государства: государство не существовало всегда, многие века до его образования как явления существовали общества, обходившиеся без правительственной власти. Однако экономическое развитие, давшее пророст классам, послужило тому, что государство стало необходимым. Прогресс производства постепенно сотрёт классы, соответственно, также будет стираться государство: «Общество, которое

вновь организует производство по принципу свободного и равноправного общества производителей, поставит государственную машину на подходящее ей место: в музей древностей рядом с прялкой и бронзовым топором» [12, с. 32].

Между возникновением государства и прекращением его существования, по представлению К. Маркса, должен пройти переходный период - период, когда государство может быть исключительно революционной диктатурой пролетариата, впоследствии погибшее как пережиток классового общества [3, с. 11].

Такие воззрения на государство упрочились в контексте советской эпохи, однако с течением времени и со сменой политической конъюнктуры после прихода к власти И. В. Сталина видение стало иным.

Соглашаясь с указанной мыслью Ф. Энгельса, И. В. Сталин, тем не менее, делает акцент на том, что эта мысль может развиваться только в отрыве от международной обстановки.

Так, вопрос об «отмирании» государства может стоять в одном из двух случаев:

- если исследовать социалистическое государство в отрыве от международной обстановки, делая акцент на внутренних факторах;
- если предположить победу социализма во всём мире или большей его части, так, чтобы не имелось потребности защищаться от капиталистических государств, используя армию [9, с. 30].

Пока государство перешло в первую фазу – социалистическую, оно является государством, но вопрос о том, сохранится ли оно во вторую – коммунистическую, зависит от остального мира, а именно, от существования капиталистических стран. Пока от них исходит угроза ввиду самого их существования, государство даже в эпоху коммунизма не исчезнет [9, с. 33].

Таким образом, обобщая подход И. В. Сталина к пониманию государства в СССР в первой половине XX столетия, можно отметить отношение к нему как к необходимости при противостоянии капиталистическим странам. При этом остальные государства воспринимаются как враждебные, или, по крайней мере, как источник постоянной угрозы.

Вместе с тем, провозглашенные в рамках отчетного доклада И. В. Сталина о работе ЦК ВКП(б) XVIII съезда тезисы

внешней политики были направлены на подчёркивание суверенитета СССР, укрепление пусть и не дружественных, но «деловых» связей: «Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны» [9, с. 10].

Такое решительное декларирование разумного сосуществования разных государств, на наш взгляд, подчёркивает осознание советскими политическими деятелями того, что как государство СССР может существовать длительное время, поскольку угроза внутренним интересам со стороны капиталистических стран обещала быть постоянной.

Тем не менее, несмотря на «холодное отношение» к остальному миру, международному праву и сотрудничеству, идеологические истоки социализма внесли значительный вклад в развитие общей теории международного права.

Так, Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным событием не только для истории российского государства, но и оставила неизгладимый след в эволюции международного права. На арену вышли два взаимосвязанных новых принципа [11, с. 105]:

- 1) мирного сосуществования стран, при отсутствии зависимости от их социального строя;
- 2) права всех без исключения наций и народов на государственное самоопределение.

Переходя непосредственно к анализу советской концепции международного права, необходимо констатировать, что её развитие можно выразить в четырех этапах.

Зарубежные учёные, исследующие историю развития правовой мысли в Советском Союзе, заключали, что данная концепция носит идеологический характер, так как советские юристы всегда проявляли первостепенную заботу о том, чтобы отразить марксистскую мысль [4, с. 37].

Первый этап, совпавший с созданием первого в мире социалистического государства – СССР – длился примерно с 1917 по 1929 год. Его символом служит один из известнейших советских правоведов Е. А. Коровин, написавший фундаментальный труд «Международное право переходного периода» [7].

Е. А. Коровин отмечает, что появление первого в мире социалистического государства меняет характер международных отношений. В основе этих отношений лежат две группы интересов: с одной стороны, интересы интеллектуального (идеологического) характера, с другой – потребности экономического характера. Е. А. Коровин указывает, что интеллектуальные отношения между советским государством и капиталистическими государствами явно исключены, и право, регулирующее их, становится неактуальным. Но он считал нормальным, чтобы между капиталистическим блоком и СССР развивались экономические и торговые отношения, и чтобы они подчинялись правилам, которые в совокупности составят международное право переходного периода, то есть взаимодействие противоположных по идеологии миров, один из которых обречён исчезнуть в пользу развития другого [5, с. 104].

В 1926 году Е. А. Коровин определил международное право как «совокупность действующих юридических норм, определяющих права и обязанности коллективов правящих классов, участвующих в международных отношениях» [5, с. 107]. Из указанного следует, что Е. А. Коровин признает юридический характер международного права.

Однако следует заметить, что он не упоминает государство в качестве его основного субъекта, поскольку последнее является лишь формой, придаваемой ему правящим классом, который и является реальным субъектом права наций.

Таким образом, учитывая, что в начале становления СССР мысль о том, что государство рано или поздно «отомрёт», что это механизм, функционирующий исключительно, пока существуют классы, идея о международном праве носила специфический, уникальный характер.

Начиная с 1929 года, понятие права как явления обесценивается. Второй этап связан с автором многочисленных научных трудов по теории и истории государства и права,

международному праву, хозяйственному праву Е. Б. Пашуканисом (1891–1937), занимавшим с ноября 1936 года должность заместителя наркома юстиции СССР.

Его воззрения касательно права можно тезисно обозначить следующим:

- право может полноценно выражаться только в капиталистическом обществе [10, с. 19].
- исчезновение категорий капиталистического (буржуазного) права не предполагает появления аналогичных категорий права социалистического, оно будет являться исчезновением права – юридических взаимоотношений – в целом [10, с. 22].

Из вышеуказанного следует отвержение идеи возможности появления социалистического права: то, что функционировало в СССР, представляло капиталистическую правовую настройку, со временем должную исчезнуть.

Следовательно, Е. Б. Пашуканис, считал тщетными любые попытки определить природу международного права. По его мнению, международное право представляет собой юридическую форму борьбы капиталистических государств друг с другом за господство над остальным миром; его реальное историческое содержание – это борьба капиталистических государств друг с другом. Но с рождением советского государства и его появлением на международной арене международное право становится формой временного компромисса между двумя антагонистическими классовыми системами [5, с. 107].

Такой компромисс охватывает период, когда капиталистический мир уже не способен поддерживать господство, а социалистический – только наращивает свой потенциал, ввиду чего международное право – это не более чем межклассовое право.

Однако к 1935 году СССР начал ощущать опасность, исходящую от нацистской Германии. Ввиду этого Советский Союз посчитал необходимым более тесно интегрироваться в международную политику и подчинить её ряду обязательных правил [5, с. 108].

Третий этап, начавшийся в 1937 году с объявления «врагом народа» Е. Б. Пашуканиса, ознаменовался возвращением к концепциям Е. А. Коровина, позиция которого была расширена и адаптирована к потребностям времени.

4 июля 1938 года Секция международного права Академии наук СССР созвала собрание своих членов для изучения международного права в его традиционных аспектах: право войны, понятие агрессии, вопросы гражданства, режим временных правительств, торговое право, морское право, воздушное право и консульское право. Через несколько дней после собрания состоялась конференция по советской государственной науке и праву.

Именно по этому случаю А. Я. Вышинский представил и получил признание своих двенадцати тезисов, которые составляют основу советского международного права [8, с. 111].

В частности, первый тезис даёт определение международного права, которое рассматривается как особая отрасль; второй и третий тезис раскрывают сущность международного права как порождения буржуазного мира и при формальном провозглашении формального равенства этот мир подчиняется более сильным государствам. Четвёртый тезис констатирует, что СССР вступил в уже существующее международное право, а это означает, что он должен принять некоторые его нормы, а также, согласно тезису шестому, может заключать договоры с буржуазными государствами по вопросам экономики, торговли, дипломатических отношений [6, с. 37–38].

Примечателен седьмой тезис, согласно которому требуется признание юридического равенства капиталистической и социалистической систем на международном уровне. Он же перечисляет принципы международного права, признаваемые СССР: противодействие сферам влияния, режиму капитуляций, тайной дипломатии; поддержка самоопределения, международного равенства, всеобщего разоружения, организации коллективной безопасности [6, с. 39].

Именно со времен А. Я. Вышинского советское международное право приобрело реалистичный облик и смогло

повлиять на эволюцию общего международного права, по мнению зарубежных учёных [5, с. 109].

После смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 года советское международное право сделало упор на мирное сосуществование.

Однако предпосылки к этому, несомненно, крылись в преодолении опыта жесточайшей войны и в осознании необходимости поддерживать международный мир и безопасность. Даже при идеологической приверженности коммунизму и признанию капитализма в качестве чуждой идеологии стало совершенно очевидно, что сохранение мира особенно важно, и ради этого можно пожертвовать прежними воззрениями.

Затрагивая вопрос членства СССР в ООН, особенно ценно проанализировать взгляд иностранных учёных на советские подходы к пониманию сущности международного права.

Так, по мнению американского историка, политолога и специалиста по международным отношениям А. Даллина, какими бы ни были призывы СССР к универсальным целям и ценностям на арене ООН, Союз не рассматривает мир как единое международное сообщество. Более того, какими бы энергичными ни были его заявления о солидарности с азиатскими странами, СССР фактически не признает постоянного раскола земного шара на три взаимно антагонистических сегмента: основное противоречие видится только между социализмом и империализмом [1, с. 28].

Мнение учёного звучит весьма резко в контексте анализа отношения СССР к ООН - обычной целью СССР было защитить свою собственную свободу действий и в целом свести к минимуму влияние Организации. СССР и его союзники никогда не выносили ни одного спора между собой на рассмотрение ООН, когда другие государства поднимали вопросы, касающиеся «социалистического лагеря» [1, с. 28].

Провозглашаемый Союзом принцип мирного сосуществования американские ученые толкуют так, что СССР видит возможность дружественных отношений только со странами, разделяющими его ценности подобно пониманию этого принципа В. И. Лениным – «принципа мирного сосуществования стран с различными социальными системами» [2, с. 716].

На наш взгляд, любое государство отстаивает, прежде всего, собственные ценности и идеи, что в целом соответствует международному праву, признающему уникальность и суверенитет государств. Как СССР защищал свои взгляды на площадке ООН, так и, в том числе, США и другие государства, зачастую успешно, защищали свои. Кроме того, большой вклад во включение в текст Устава ООН принципа мирного сосуществования внёс именно СССР, что демонстрирует его нацеленность на сотрудничество не только со странами из социалистического блока, но и с иными государствами.

Анализ концепции международного права в СССР показывает, как менялось представление о регулировании межгосударственных отношений в разные эпохи развития страны. Более ранние труды раскрывают уникальное представление о международном праве, поскольку его субъекты – государства – рассматриваются как временное явление, которые при переходе от социализма к коммунизму исчезнут, следовательно, отпадёт потребность и в самом международном праве.

Дальнейшее становление СССР меняет подход к международному праву: оно признаётся важным и необходимым элементом сосуществования пусть и противостоящих идеологических блоков, но имеющих экономические, торговые и политические связи.

Вместе с тем, советские ученые признают, что международное право – продукт права буржуазного, и для эффективной деятельности на международной арене СССР должен принять часть его норм. Из тезисов А. Я. Вышинского следует, что те ценности, которые поддерживал Советский Союз и видел будущее международного права в их реализации, – самоопределение народов, международное равенство, коллективная безопасность – в современном международном праве наиболее актуальны и универсальны.

Участие и вклад СССР в развитие ООН требует отдельных научных исследований, однако следует отметить, что множество предложений со стороны Советского Союза в рамках подготовки Устава ООН, иных международно-правовых договоров самым благотворным образом повлияло на тот мир, в котором мы продолжаем жить: один лишь принцип самоопределения народов помог десяткам государств избавиться от колониального гнёта и сегодня развиваться в качестве суверенных государств.

Пристатейный библиографический список

1. Dallin A. The Soviet View of the United Nations // International Organization. – 1962. – № 16 (1). – P. 20-36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0020818300010791> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Freeman, A. Some Aspects of Soviet Influence on International Law // American Journal of International Law. – 1968. – № 62 (3). – P. 710-722. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2197288> (дата обращения: 25.04.2023).
3. Marcel Merle, La Vie internationale. – Paris: Armand Colin, 1970. – P. 304.
4. Marcou L. Le mouvement communiste international depuis 1945, 2e édition refondue. – Paris: Presses universitaires de France, 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/mn_484qo_communiste_international_1934-1978_cle8c98d5.pdf (дата обращения: 25.04.2023).
5. Patry A. La conception soviétique du droit international. Canadian Yearbook of International Law/Annuaire Canadien De Droit International. – 1971. – № 9. – P. 102-113.
6. Вышинский А. Я. Советское государственное право. Учебник. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 652 с.
7. Коровин Е. А. Международное право переходного времени / 2-е изд., доп. – Москва: Гос. изд-во, 1924. – 143 с.
8. Осин П. С. Вклад А. Я. Вышинского в развитие марксистской философии права: теория и современность // Обозреватель – Observer. – 2020. – № 1 (360). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-a-ya-vyshinskogo-v-razvitie-marksistskoj-filosofii-prava-teoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 01.05.2023).
9. Отчётный доклад т. Сталина на XVIII-ом съезде партии о работе ЦК ВКП(б) / Проблемы экономики, т. 3. – М.: СОЦЭЖИЗ, 1939. – 240 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/61147/problemy_ekonomiki_no3_1939.pdf (дата обращения: 26.03.2023).
10. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Издание 3-е. – М., 1927. – 135 с.
11. Тлепина Ш. В. Основные политико-правовые концепции советской юриспруденции // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-politiko-pravovye-kontseptsii-sovetskoy-yurisprudentsii> (дата обращения: 20.04.2023).
12. Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю, Лондон, 18—28 марта 1875 г. Девятнадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Государственное издательство политической литературы. – М., 1961. – 671 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t19.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).

ПРИМАК Александр Вадимович

студент Дальневосточного федерального университета

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ «СЕВЕРНОГО ПОТОКА – 2» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Транспорт и транспортные пути выступают фактором силы, фактором формирования политических элит. Являются методом интеграции и глобализации, а также выступают «щитом» от изоляции, в силу экономической зависимости стран-реципиентов ресурсов. Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2», соединявших Россию и Германию, в сентябре 2022 года стал первым актом против трансграничной энергетической инфраструктуры континентального масштаба и глобального значения. В статье автором рассмотрена политическая роль «Северного потока-2» во взаимоотношениях России и ЕС.

Ключевые слова: транспорт, транспортные пути, ресурсы, Европейский союз, интеграция, политическая роль.

PRIMAK Alexander Vadimovich

student of the Far Eastern Federal University

Примак А. В.

THE POLITICAL ROLE OF NORD STREAM 2 IN RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION

Transport and transport routes are a factor of strength, a factor in the formation of political elites. They are a method of integration and globalization, and also act as a “shield” from isolation, due to the economic dependence of the recipient countries of resources. The undermining of the gas pipeline “Nord stream” and “Nord stream-2” connecting Russia and Germany, in September 2022 was the first act against cross-border energy infrastructure on a continental scale and global significance. In the article, the author examines the political role of Nord Stream-2 in relations between Russia and the EU.

Keywords: transport, transport routes, resources, European Union, integration, political role.

Транспорт – это не только важнейший компонент продуктивной инфраструктуры, самостоятельная отрасль экономики страны и мирового хозяйства в целом, но и инструмент государственной политики (в том числе геополитических стратегий). Надежная и эффективная работа транспортного комплекса, по словам Президента РФ В. В. Путина, «обеспечивает территориальное и экономическое единство страны, развитие и углубление межрегиональных связей, формирование полноценного внутреннего рынка и освоение природных богатств». В конечном счете, «политика и экономический вес страны не в последнюю очередь определяются доступом к глобальным транспортным коридорам»¹. Такие определения даются в учебниках по транспортной политологии и указаны в стратегии транспортного развития России.

Транспорт и транспортные пути выступают фактором силы, фактором формирования политических элит. Являются методом интеграции и глобализации, а также выступают «щитом» от изоляции, в силу экономической зависимости стран-реципиентов ресурсов.

Газопроводы – это система трубопроводов, предназначенных для транспортировки природного газа от мест добычи до конечных потребителей. Они являются неотъемлемой частью инфраструктуры энергетического сектора и играют

важную роль в обеспечении энергоснабжения различных стран.

Газопроводы являются важной частью транспортной системы, которая обеспечивает перевозку газа от места добычи до потребителей. Главным преимуществом использования газопроводов является возможность доставки большого объема газа на большие расстояния без необходимости его перекачки, что уменьшает затраты на транспортировку и повышает эффективность процесса.

История проекта «Северный поток – 2», экономические перспективы и выгоды: 4 сентября 2015 года было подписано соглашение акционеров, создающее международный консорциум из 6 компаний, который должен осуществить прокладку газопровода «Северный поток-2» по дну Балтийского моря. В отличие от проекта «Северный поток», в новом проекте сразу изъявили желание принять участие 6 компаний из России и стран Европы. В частности, акционерами нового проекта стали: ПАО «Газпром», Винтершелл холдинг Гмбх, Юнипер С.Е., Роял Датч Шелл, ОМВ, Энгие С.А. Проект объединил в себе компании из России, Германии, Австрии, Великобритании и Франции, поэтому он по праву считается общеевропейским проектом.

Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2», соединявших Россию и Германию, в сентябре 2022 года стал первым подобным актом против трансграничной энергетической инфраструктуры континентального масштаба и глобального значения. Взрывы продемонстрировали уязвимость глобальной энергетической системы безопасности, ставя под сомнение надежность одного из ключевых способов доставки энерго-

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (далее - Стратегия) разработана в соответствии с: Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosavtdor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda?ysclid=lfj1oucqh0893587872>.

ресурсов от поставщика к потребителю. Энергетическая безопасность является одним из важнейших аспектов национальной, региональной и глобальной безопасности. На постсоветском пространстве основные объемы поставок нефти и газа идут посредством трубопроводов. В этой связи возрастают риски для всей нефте- и газопроводной системы, что актуализирует вопросы по обеспечению ее надежности и безопасности [15].

Наиболее выраженный экономический эффект от реализации проекта «Северный поток-2» ощутят на себе:

- Страны, в которых происходят крупные строительные работы, связанные с проектом: Россия, Германия, Финляндия, Швеция;
- Страны, традиционно связанные с оффшорной нефтегазовой промышленностью: Нидерланды, Великобритания, Норвегия, Италия;
- Штаб-квартиры основных международных поставщиков услуг.

Так, для России экономический эффект в результате строительства и запуска газопровода мог составить 2,2 млрд евро (общие расходы – 1,3 млрд евро), для Германии – 2,2 млрд евро (общие расходы – 1,1 млрд евро), для Нидерландов – 1,5 млрд евро (общие расходы – 719 млн евро), для Финляндии – 426 млн евро (общие расходы – 201 млн евро) [14]. Теперь, учитывая рост цен на энергоносители и изменения конъюнктуры рынка, доходы в случае восстановления газопровода оцениваются гораздо выше. Экономистами отмечалось, что косвенные выгоды также возникнут из-за появления на европейских рынках дополнительных объемов конкурентного газа и снижения стоимости декарбонизации, как следствия снижения цен на газ, конкурирующего с нефтью и углем. Сейчас мы видим, что на рынок продолжают пытаться войти и закрепить своё влияние компании из США, пользуясь желанием ЕС обезопасить себя от газовой зависимости. Экономическое влияние проекта «Северный поток-2» в решающей степени зависит от развития рынка сжиженного природного газа (СПГ). Сам процесс ценообразования на европейских газовых рынках сегодня условно можно представить как результат конкуренции между СПГ и традиционным российским трубопроводным газом.

Наиболее выраженный экономический эффект от реализации проекта «Северный поток - 2» должны были ощутить на себе:

- Страны, в которых происходят крупные строительные работы, связанные с проектом: Россия, Германия, Финляндия, Швеция;
- Страны, традиционно связанные с оффшорной нефтегазовой промышленностью: Нидерланды, Великобритания, Норвегия, Италия;
- Штаб-квартиры основных международных поставщиков услуг.

Линии политического соперничества, связанные с реализацией проекта «Северный поток – 2»: события 26 сентября 2022 года, когда на газопроводах «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» произошли теракты на участках в районе датского острова Борнхольм, разделили в некоторой степени европейское общество на два лагеря.

Также отмечалось, что на месте взрывов были обнаружены и изъяты посторонние предметы со следами взрывчатых веществ, сообщили в Службе безопасности Швеции. Данное событие стало главной повесткой дня и новым поводом информационного противостояния.

Соединённые Штаты Америки – Российская Федерация

Поддерживая курс ЕС на выстраивание принципиально новой модели энергетической безопасности, США приветствовали возможный отказ стран Европы от российских энергоресурсов, предлагая взамен собственные топливные ресурсы сланцевого газа, цена на который в ближайшее время будет расти. Несмотря на то, что ЕС уже достаточно давно предпринимает попытки по диверсификации энергетических ресурсов [8], разрабатывая совместные проекты с государствами Северной Африки и Ближнего Востока, отказ от российского углеводородного сырья пока не представляется возможным. Украинские события 2014 года, а также почти сразу возникшие обоюдные претензии и споры России и Украины, касающиеся газовых вопросов, только укрепили возникшие на западе теории и гипотезы использования Россией своих углеводородных ресурсов в качестве геополитического оружия. Так, совокупность факторов, отрицательно сказывающихся на уже ослабленных энергетических отношениях России и Европы, фактически должна свести любые углеводородные и минерально-сырьевые проекты к минимуму, кроме того, зелёная энергетика Европы должна была ударить по политической роли энергоресурсов РФ. Однако европейские страны вынуждены идти российской стороне на уступки, дабы удовлетворить свои индустриальные мощности топливными ресурсами, а также решить вопрос с обеспечением общеевропейской энергетической безопасности, что в нынешних условиях практически невозможно без сотрудничества с Россией [11]. Рекордные цены на энергоносители показали, что политическая изоляция РФ невозможна в силу газовой зависимости Европы, что увеличивает градус напряжённости в противостоянии за рынок энергоносителей, которое инициирует США. Поставки из Катара и Саудовской Аравии не способны удовлетворить постоянно растущий спрос Европейского союза, а главы этих стран сами заявляли, что в краткосрочной перспективе нарастить объёмы поставок до необходимого уровня не представляется возможным. Линия противостояния Россия – США существовала как до диверсии на газопроводе, так и после, поэтому диверсии на газопроводах выгодны для штатов. Обострения на данной линии противостояния связаны и с обвинением в причастности США в событиях 26 сентября. Такая геополитическая повестка с учётом признания непричастности России к подрывам даёт ей преимущество, возможность выступать не с позиции агрессора, как это происходило всегда, а потерпевшего, который требует защиты своих прав.

Европа «за» - Европа «против»

Столкновение интересов европейских государств внутри ЕС, через территорию которых будет организован транзит российского газа при непосредственном участии крупных государственных и частных компаний (Германия – E.ON, BASF, Wintershall, Uniper; Нидерланды и Великобритания – Shell, Wasco Coatings Europe BV; Австрия – OMV; Франция – Engie; Чехия – NET4Gas; Финляндия – Fortum, Wasco; Швейцария – Allseas AG; Норвегия – Kvaerner) и государств, территориально расположенных в Европе, через территорию которых прокладка трубопроводных систем СП-2 не предусмотрена – Литва, Латвия, Эстония, Украина [12], Молдавия, Румыния и Польша. Более того, на стороне противников системы СП-2 стоит такой крупный политический и экономический игрок, как США, которые, однако, преследуют свои интересы в европейском регионе. Такой расклад сил существовал до

24 февраля 2022 года, однако после этого ситуация еще более обострилась, так как поддержка реализации проектов, в которых участвует РФ, могло рассматриваться, как позиция поддержки. При этом мотивации и причины поддержки или не поддержки данного проекта остаются прежними.

США – Германия, Франция, Нидерланды, Австрия

Противодействие, оказываемое совместными силами США и странами, пытающимся сорвать успешную реализацию СП-2, жестко сталкивается с интересами Германии, Нидерландов, Франции, Австрии и ряда других европейских стран, находящихся в выигрышном положении согласно условиям рассматриваемого газового проекта, что по существу подводит к возрастанию градуса напряженности по линии энергетического противостояния США – Германия, Франция, Нидерланды, Австрия. США и Польша имеют свои интересы в поставках энергоносителей, при этом страны, которые выступают за функционирование трубопровода, могут получить выгодные цены, бесперебойность поставок, надежность, меньшая протяженность, выход напрямую к потребителю, всё это в том числе достигается путём исключения Украины, как одной из стран-транзитов, соответственно сокращение длины и сложности маршрута. Все эти факторы сделали бы гонку США и России бессмысленной, так как соотношение цена-качество было бы на стороне РФ по всем показателям.

Теперь необходимо сказать о том, что диверсии на газопроводах удовлетворяют интересы ряда стран Европы, а также США, но несут отрицательные последствия для ряда других стран, которые были намерены извлечь выгоду из данного проекта. Сейчас «Северный поток – 2» не функционирует, не идут работы по его восстановлению, а ведутся расследования, которые должны установить виновников взрывов. «В ЕС даже не сформировали единую общеевропейскую комиссию. Это говорит о том, что внутри союза не доверяют даже друг другу, не то, что РФ — ведущий аналитик Фонда национальной энергетической безопасности Игорь Юшков в комментарии RT. Соответственно политическое влияние оказывается на всю Европу посредством нефункционирующего газопровода. Страны ЕС ведут свои независимые расследования, скрывая при этом материалы и заключения, которые имеют на данный момент, происходит открытая внутренняя конфронтация между сторонами противоборствующих линий, но эта борьба не может вестись в полном объёме в силу геополитической повестки, которая связана с проведением СВО. На фоне этого диверсии не являются главным предметом обсуждения, а также невозможно открытое высказывание своих позиций.

Политическая роль СП-2 в данной ситуации, еще до возможного восстановления газопровода заключается в тех необходимых условиях, от соблюдения которых зависит работа по запуску СП-2. Конечно, завершение расследований и определение виновной стороны, и последующие выплаты сторонам, осуществлявшим реализацию проекта – то, что хотела бы видеть РФ, но это маловероятный сценарий. С большей вероятностью мы увидим нового инвестора, мотивацией которого будет возместить ущерб, но не по результатам признания своей виновности, а в виде добровольных инвестиций, или же использование средств ЕС. Привлечение капитала российской стороны возможно, но для этого необходимо наладить контакты между государствами – соответственно придётся отступить от реализации плана политической изоляции РФ, снизить санкционное давление. Всё

это поможет России восстановить свои позиции в Европе, наладить экономическое сотрудничество. «Северный поток – 2» станет «ниточкой», потянув которую, Российская Федерация сможет нивелировать свои политические, экономические (в тех отраслях, где восстановится сотрудничество), имиджевые потери. «РФ будет готова ремонтировать «Северные потоки», только если у неё будут гарантии того, что они в дальнейшем точно начнут использоваться. Технические же возможности для восстановления трубопроводов у России есть. Но для их реконструкции нужны в первую очередь политическая воля со стороны европейских чиновников и их готовность отодвинуть антироссийскую политику на второй план», — заключил Юшков, ведущий аналитик Фонда национальной энергетической безопасности, эксперт Финансового университета при Правительстве РФ.

Теперь обратимся к основным экономическим и геополитическим достоинствам этого проекта, которые будут актуальны при восстановлении СП-2:

1) экспортный маршрут СП-2 от ресурсной базы (Ямал) до потребителя (Северо-Запад Европы) на 2000 км короче маршрута через Украину;

2) реализация проекта обеспечивает более низкие и экономичные эксплуатационные затраты по сравнению с другими магистральными газопроводами;

3) транспортный тариф «Газпрома» (как акционера) определен в размере 2,1 дол. за 1000 м³ на 100 км, а через территорию Украины он составляет 2,5 дол. за 1000 м³ на 100 км, а эксплуатационные затраты по транзиту газа в Европу будут в 1,6 раза ниже, чем на украинском маршруте;

4) существенное уменьшение объемов вредных экологических выбросов;

5) отсутствие посредников между производителем и потребителем, что исключает политическую составляющую проекта.

6) развитие газотранспортной инфраструктуры между РФ и ЕС, что будет содействовать укреплению энергетической безопасности ЕС, а также геополитической стабильности в регионе.

Кроме того, он будет удовлетворять не только экономическим запросам государств ЕС: в рамках процесса получения разрешений в соответствии с законодательством Германии оператор Nord Stream — 2 весной 2017 года опубликовал для общественности обширную документацию по проекту. В этих документах представлена информация о необходимости дополнительных поставок газа в Европу при сокращении добычи газа в ЕС; о строительстве газопровода как наиболее экономически и экологически эффективного способа поставок газа в сравнении с импортом СПГ из США; о результатах мониторинга работы «Северного потока», которые показывают, что влияние газопровода на экологию ограничено, локально и краткосрочно. Показано, что использование газа «Северного потока — 2» для замены угля в производстве электроэнергии сократит выбросы углекислого газа в объеме, равном выбросам, совершенным 30 млн автомобилей [10].

В ходе подготовки и написании работы появились новости, которые подтверждают тот ход мыслей, который был представлен мною выше. Сначала обратимся к заявлению представителей Швеции: Швеция рассчитывает осенью предъявить обвинения лицам, ответственным за теракт на «Северных потоках», заявил шведский прокурор Матс Юнгквист, возглавляющий расследование обстоятельств диверсии на газопроводах.

«Мне кажется, что мы приближаемся к финальной стадии. Расследование может быть завершено осенью. Я надеюсь, что мы по крайней мере осенью сможем занять позицию по вопросу обвинения», – сказал Юнгквист в интервью шведской общественной телекомпании SR, добавив, что шведские следователи сотрудничают с немецкими коллегами.

В апреле Юнгквист заявлял агентству Reuters, что в качестве основной следствие рассматривает версию о том, что за атакой на газопроводы стояло государство или группа, поддерживаемая государством². Это показывает заинтересованность одной из линий противостояния по вопросу теракта на газопроводах в успешном завершении расследования, нахождении виновных с целью дельнейшего восстановления повреждённых объектов, если бы такой цели не стояло, то расследование так и не началось, или бы Швеция не стремилась к установлению правосудия.

Теперь обратимся к новостям из Венгрии: серьёзного расследования терактов на «Северных потоках» до сих пор нет, и это возмущает, заявил глава МИД Венгрии Петер Сийярто на полях ПМЭФ.

«Серьёзного расследования пока не проводилось. Это возмутительно. Мы должны знать, кто совершил атаку», – сказал Сийярто журналистам, говоря о взрывах на «Северных потоках». Это подтверждает суждение об отсутствии коммуникации и открытости по поводу проведения расследования, а также показывает заинтересованность в расследовании и установлении виновных. Две страны, входящие в Европейский союз практически в одно время, представляют информацию, прямо противоречащую друг другу, но объединяет их общая цель.

Итак, Северный поток – 2 один из крупнейших проектов, в реализацию которого был вовлечён ряд стран Европы, но в силу санкций и диверсии он так и не был запущен, при этом сохраняются предпосылки для восстановления данного трубопровода. Существуют реальные основания, которые свидетельствуют как о технической возможности ремонта, так и о заинтересованности сторон в восстановлении СП-2.

Исходя из проделанной работы, можно резюмировать, что транспорт имеет важное значение для мировой экономики, политики, создавая условия для интеграционных процессов, и при этом, являясь фактором влияния и силы. Газопроводы, как часть транспортной системы, продолжают набирать своё значение, увеличивается их протяженность и пропускная способность.

Транспорт – важная часть международных отношений. Находясь в непрерывном развитии, транспортные пути и коридоры начинают оказывать все более влияние на экономику и политику. Газопроводы – это большая часть данного процесса, их протяженность растёт, соответственно растёт и их значение. Растущие мощности европейской промышленности порождают необходимость в энергоресурсах, которые будут поставляться стабильно, в большом количестве и по выгодной цене. За этот рынок борются ряд стран, «Северный поток – 2» остановил бы эту гонку, закрепив за РФ главенствующие позиции. Он является связующим звеном между РФ и ЕС, путем формирования обязательств двух сторон, необходимости экономического взаимодействия порождается необходимость политических контактов. Этот проект выгоден

не только для РФ, но и для стран ЕС, о чём заявляют политические лидеры стран. Теракт на газопроводах не исключил фактор «Северного потока – 2» в международной политике, мы рассмотрели предпосылки восстановления данной ветки.

Пристатейный библиографический список

1. Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Международные отношения в XXI веке. - М.: Восток – Запад, 2011. - 167 с.
2. Барковский А. Н., Алабян С. С., Морозенкова О. В. Последствия западных санкций и ответных санкций РФ // Российский внешнеэкономический вестник. - 2015. - № 9.
3. Бессель В. В., Кучеров В. Г., Лопатин А. С., Мартынов В. Г. Смена парадигмы на мировом энергетическом рынке // Газовая промышленность. - 2017. - № 4. - С. 28–33.
4. Введенский Б. А. Малая советская энциклопедия. Т. 3. - М.: Советская энциклопедия, 1959. - С. 222.
5. Волошин В. И. Энергетическая политика США и сотрудничество Россия-ЕС в нефтегазовом обеспечении // Российский внешнеэкономический вестник. - 2018. - № 9. - С. 58-75.
6. Гамзаев Б. А. Состояние и особенности развития трубопроводного транспорта России на современном этапе // Молодой ученый. - 2019. - № 3 (241). - С. 155-159.
7. Гиниятов Ф. М. Расширение НАТО на восток и позиция России // Вестник экономики, права и социологии. - 2012. - № 1. - С. 176-178.
8. Гуляев М. М. Развитие энергетического сотрудничества России и ЕС: результаты первых двух десятилетий диалога // Economics. - 2017. - № 9. - С. 38-42.
9. Жизничин С. З., Тимохов В. М. Влияние энергетики на устойчивое развитие // Мировая экономика и международные отношения. - 2017. - Т. 61. № 11. - С. 34-42.
10. Жизнин С. З., Тимохов В. М. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока – 2» // Балтийский регион. - 2019. - Т. 11. № 3. - С. 25-42.
11. Манойло А. В., Катков И. Е. Политические аспекты реализации проекта «Северный поток – 2» // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. - 2020. - Т. 5. № 1. - С. 16-24.
12. Мургаш Р. Я. Реверс газа на Украину: суть проблемы и ее влияние на международные отношения в сфере энергетики // Вестник МГИМО-Университета. - 2017. - № 4. - С. 272-288.
13. Стариковс Андрейс «Северный поток-2»: Дилеммность европейских энергетических интересов // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». - 2017. - Том 9. № 6.
14. Уразгалиев В. Ш., Титков М. В. Газовая составляющая энергетической безопасности России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. - 2018. - Т. 34. № 2. - С. 176-216.
15. Якубов И. Х. Антитеррористический фокус сближения Индии и Таджикистана // Постсоветские исследования. - 2023. - № 1 (6). - С. 20-29.

2 Шредер назвал запуск «Северного потока-2» самым простым решением кризиса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62ea0f589a79470e93997fcc>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-64-65

СОБИН Антон Андреевич

MBA, DBA, выпускник Высшей Школы корпоративного управления, Высшей Школы международного бизнеса РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЗИНГОВОЙ КОМПАНИИ

Актуальность работы заключается в необходимости осознания того, что понимание и соблюдение правовых основ имеет решающее значение для бесперебойной и законной работы лизинговой компании, это помогает защитить права и интересы как компании, так и ее клиентов, обеспечивает соблюдение применимых законов и нормативных актов, а также укрепляет доверие к лизинговой отрасли. Объект исследования – правовое пространство экономических систем, предмет исследования – лизинговая деятельность субъекта хозяйствования.

В статье отмечается, что правовые основы деятельности лизинговой компании могут различаться в разных странах и юрисдикциях, поэтому лизинговые компании должны тщательно изучать и соблюдать соответствующие законы и нормативные акты, чтобы обеспечить законность и этичность своей деятельности, а также защиту прав и интересов своих клиентов.

Ключевые слова: законодательная инициатива, интеллектуальная собственность, федеральный закон, лизингополучатель, лизинговая услуга.

SOBIN Anton Andreevich

MBA, DBA, graduate of the Graduate School of Corporate Governance, Graduate School of International Business of the RANEPa under the President of the Russian Federation

LEGAL BASIS OF THE LEASING COMPANY

The relevance of the work lies in the need to realize that understanding and compliance with the legal framework is crucial for the smooth and legitimate operation of a leasing company, it helps to protect the rights and interests of both the company and its customers, ensures compliance with applicable laws and regulations, and also strengthens trust in the leasing industry. The object of research is the legal space of economic systems, the subject of research is the leasing activity of a business entity.

The article notes that the legal basis for the activities of a leasing company may vary in different countries and jurisdictions, therefore leasing companies should carefully study and comply with relevant laws and regulations to ensure the legality and ethics of their activities, as well as the protection of the rights and interests of their customers.

Keywords: legislative initiative, intellectual property, federal law, lessee, leasing service.

Основная часть

Основные правовые законодательные и нормативные акты и иные элементы правового обеспечения лизинговой деятельности в России следующие: Гражданский кодекс Российской Федерации¹; Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»²; Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге³; Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 16-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге»; Приказ Минфина РФ от 17 февраля 1997 г. № 15 «Об отражении в бухгалтерском учете операций по договору лизинга»⁴; Приказ МВД РФ от 24 ноября 2008 г. № 1001 «О порядке регистрации транспортных средств». Правовые основы деятельности лизинговой компании являются важным аспектом ее функционирования и регулируются соответствующими законодательными актами и нормативными документами. Национальное законодательство и правовое обеспечение лизинговой деятельности основывается на международном законодательстве, далее рассмотрим подробнее некоторые из основных правовых аспектов, связанных с деятельностью лизинговых компаний [1], [2], [3].

Многие страны имеют специальное законодательство, регулирующее деятельность лизинговых компаний национальные законы определяют правовые основы лизинго-

вых отношений, права и обязанности сторон, процедуры заключения и исполнения лизинговых договоров, а также правила защиты прав и интересов клиентов и лизингодателей. Лизинговая компания заключает договоры лизинга с клиентами, которые определяют условия и права сторон, договора лизинга должны соответствовать требованиям законодательства и обеспечивать защиту прав и интересов обеих сторон, обычно включают информацию о стоимости лизинговых платежей, сроке лизинга, условиях использования лизингового объекта и ответственности сторон. Лизинговые компании могут подпадать под финансовое регулирование, особенно если они предоставляют финансовые услуги, связанные с лизингом (финансовые лизинги), что предусматривает требования к лицензированию, резервированию капитала, отчетности и соблюдению финансовых нормативов. Финансовое регулирование направлено на обеспечение финансовой устойчивости и защиту интересов клиентов лизинговых компаний. Лизинговые компании имеют тесную и продолжительную связь с потребителем (лизингополучателем) поэтому обязаны соблюдать законы и нормы, которые обеспечивают защиту прав потребителей, включая правила о прозрачности информации, предоставлении четких и понятных условий лизинга, праве на отказ от договора и возможности обращения в суд в случае споров. Лизинговые компании, как и другие организации, должны соблюдать законы о защите персональных данных клиентов: соблюдение правил сбора, хранения и использования персональных данных, а также обеспечение безопасности и конфиденциальности этих данных. Лизингодатель также подпадает под налоговое законодательство, которое определяет обязанности по уплате налогов и предоставляет правила и льготы, связанные

1 Ст. 665 – 670.

2 Вред. Федеральных законов от 29.01.2002 № 10-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 18.07.2005 № 90-ФЗ, от 26.07.2006 № 130-ФЗ, от 08.05.2010 № 83-ФЗ, с изм., внесенными Федеральными законами от 24.12.2002 № 176-ФЗ, от 23.12.2003 № 186-ФЗ.

3 Оттава, 28 мая 1988 г.

4 С изм. и доп. от 23 января 2001 г.

с лизинговой деятельностью, что предусматривает уплату налогов на прибыль, налогов на добавленную стоимость и другие налоги, которые могут варьироваться в зависимости от юрисдикции.

Центральным элементом правовых основ деятельности лизинговой компании выступает договорное право, так как договора лизинга являются юридически обязательными договорами, в которых определяются права и обязанности как арендодателя (лизинговой компании), так и арендатора (клиента). В этих контрактах оговариваются условия аренды, включая графики платежей, обязанности по техническому обслуживанию и ремонту, а также положения о расторжении договора. Договорное право наряду с имущественным правом гарантирует защиту и соблюдение прав и обязанностей обеих сторон. Имущественное право имеет отношение к лизинговым компаниям, поскольку они занимаются сдачей в лизинг (аренду) активов или имущества. Он регулирует право собственности, передачу и использование имущества. Лизинговые компании должны гарантировать, что у них есть законное право собственности или право сдавать в лизинг (аренду) активы, которые они предлагают клиентам, имущественное право также охватывает вопросы, связанные с состоянием и обслуживанием арендованного имущества в течение срока аренды.

На лизинговые компании распространяются законы о защите прав потребителей, которые направлены на защиту прав и интересов потребителей, включая положения, касающиеся прозрачной практики, раскрытия положений и условий, защиты от несправедливых условий контрактов и механизмов разрешения споров между лизингодателем (лизинговой компанией), банком и лизингополучателем. Лизинговые компании должны соблюдать различные нормативные требования, характерные для их отрасли и юрисдикции, такие как: требования к лицензированию и регистрации, обязательства по финансовой отчетности, правила борьбы с отмыванием денег и законы о защите данных, соблюдение нормативных требований гарантирует, что лизинговые компании работают в рамках законодательства и соответствуют стандартам, установленным регулирующими органами. Лизинговые компании могут столкнуться с проблемами интеллектуальной собственности при сдаче в лизинг (аренду) активов, защищенных правами интеллектуальной собственности, такими как патенты, товарные знаки или авторские права. Лизинговым компаниям важно обеспечить правовые основы защиты интеллектуальной собственности, уважать и защищать права интеллектуальной собственности других лиц и обеспечивать наличие у них необходимых лицензий или разрешений на аренду таких активов, также лизинговые компании часто собирают и обрабатывают персональные данные своих клиентов. Следовательно, они должны соблюдать законы о защите данных и неприкосновенности частной жизни, чтобы обеспечить безопасность и конфиденциальность информации о клиентах необходимо получение соответствующего согласия на сбор и обработку данных, внедрение мер безопасности для защиты данных и соблюдение требований к хранению и удалению данных.

Лизинговые компании также должны соблюдать трудовое законодательство, регулирующее их взаимоотношения с сотрудниками, эти законы охватывают такие области, как трудовые договоры, рабочее время, заработная плата, льготы, охрана здоровья и техника безопасности, а также достаточная оплата их деятельности (вознаграждения). Соблюдение трудового законодательства обеспечивает справедливое отношение к сотрудникам и способствует созданию благоприятной рабочей среды. В случае возникновения споров или конфликтов лизинговыми компаниями, возможно, потребуется участвовать в процессах разрешения споров, включая переговоры, посредничество или, в некоторых случаях, судебное разбирательство. Понимание правовых механизмов разрешения споров и наличие соответствующих договорных положений могут помочь разрешать конфликты в коллективе лизинговой компании эффективно и справедливо согласно национальному законодательству.

Лизингодатель подчиняется принципам и нормативным актам корпоративного управления, которые регулируют их внутреннее управление и процессы принятия решений данные принципы способствуют прозрачности, подотчетности и этичному поведению внутри организации, так как соблюдение стандартов корпоративного управления помогает обеспечить ответственную и этичную деятельность лизинговой компании.

Следует отметить, что деятельность лизинговых компаний в части финансовой аренды регулируется Федеральным закон № 115-ФЗ⁵ так как возникают ряд угроз использования инфраструктуры лизингового сектора в легализации доходов, полученных преступным путём, основным видом выявляемых преступлений выступают: мошенничество (ст. 159 УК РФ) и хищение имущества, в том числе бюджетных средств (ст. 160 УК РФ), и уже как следствие таких деяний - легализация преступных доходов (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ). При этом необходимо отметить, что лизинговые компании достаточно редко выступают фигурантами правонарушений в выявленных Росфинмониторингом схемах ОД, так как основной объём финансовых правонарушений приходится на деятельность лизингополучателей.

В зависимости от характера арендуемых активов лизинговым компаниям может потребоваться соблюдать экологические нормы, которые направлены на защиту окружающей среды и обеспечение устойчивой практики в экономической деятельности лизингодателя, что возможно, потребует соблюдать экологические стандарты, получать необходимые разрешения или сертификаты и внедрять экологически безопасные методы. Если лизинговая компания осуществляет трансграничные лизинговые операции, она должна соблюдать международные торговые и таможенные правила данные правила регулируют импорт, экспорт и таможенные процедуры в отношении лизингового (арендованного) имущества. Соблюдение международных торговых и таможенных правил обеспечивает соблюдение торговых соглашений, таможенных пошлин и требований к документации, отсюда лизинговые компании должны иметь соответствующее страховое покрытие для защиты от потенциальных рисков и обязательств, включая страхование ответственности, страхование имущества или другие виды покрытия, характерные для лизинговой отрасли. Соблюдение правил страхования и управления рисками помогает снизить потенциальные финансовые потери и защищает интересы лизинговой компании и ее клиентов.

Заключение

Понимание и соблюдение этих правовых основ имеет важное значение для бесперебойной и законной работы лизинговой компании, так как помогает снизить юридические риски, защищает права и интересы всех заинтересованных сторон и укрепляет доверие к лизинговой отрасли. Лизинговым компаниям следует обратиться за юридической консультацией и быть в курсе соответствующих законов и нормативных актов, чтобы обеспечить постоянное соблюдение требований и этическое поведение в своей деятельности на действительных правовых основах, принятых в национальном и международном законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Nevitt P. K., Fabozzi F. J. Equipment leasing. – John Wiley & Sons, 2000. – Т. 60.
 2. Merrill T. W. The economics of leasing // Journal of Legal Analysis. – 2020. – Т. 12. – С. 221-272. - DOI 10.1093/jla/laaa003/
 3. Tomescu R. A. The Financial Leasing Market from the Perspective of Current Legal Realities // Persp. L. Pub. Admin. – 2022. – Т. 11. – С. 246.
- 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://115fz.pro/info/articles/lizingovym-kompaniyam/priznaki-podozritelnykh-operatsiy-lizingovykh-kompaniy/>

СУББОТИН Анатолий Павлович

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ БЕЗЭКИПАЖНЫХ СУДОВ

В статье автор предпринял попытку анализа существующей нормативно-правовой базы по регулированию и эксплуатации безэкипажных морских судов. Проблема использования передовых технологий, в том числе, систем управления с помощью искусственного интеллекта в области торгового мореплавания заключается в том, что на сегодняшний день существующая международно-правовая модель регулирования не способна ответить вызовам современности. Автор предлагает пути развития института регулирования деятельности по использованию автономных технологий как во внутренних водах, так и в открытом море.

Ключевые слова: международное морское право, автономное надводное судоходство, искусственный интеллект, внешний капитан, торговое мореплавание, международная морская организация.

SUBBOTIN Anatoliy Pavlovich

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE PROBLEM OF REGULATORY REGULATION OF THE DEVELOPMENT AND OPERATION OF CREWLESS VESSELS

In the article the author made an attempt to analyze the existing legal framework for the regulation and operation of manned ships. The problem of using advanced technologies, including artificial intelligence control systems in the field of merchant shipping is that the current international legal model of regulation is not able to meet the challenges of our time. The author proposes ways of development of the institute of regulation of activity on the use of autonomous technologies both in internal waters and on the high seas.

Keywords: international maritime law, autonomous surface navigation, artificial intelligence, external captain, merchant shipping, international maritime organization.

Постоянное развитие научно-технического прогресса со все большей глубиной проникновения его результатов в повседневную жизнь общества является причиной возникновения новых общественно-правовых взаимоотношений, которые ранее не затрагивались и не регулировались законодательством ни международным, ни национальным, и эксплуатация безэкипажных судов (далее - БЭС) является одним из таких случаев.

В 2018 году, при Секретариате Международной морской организации [7] была сформирована рабочая группа, целью которой была установлена разработка теоретического базиса БЭС. Данная работа ведется в соответствии со Стратегическим планом ИМО на шестилетний период с 2018 по 2023 гг. (Resolution A.1110(30). Adopted on 6 December 2017. Strategic plan for the organization for the six-year period 2018 to 2023), и ее главной целью является сохранение баланса между преимуществами, полученными в результате внедрения новой инновационной технологии и вопросами обеспечения безопасности судоходства, а также вопросами недопущения или сокращения негативного воздействия морского судоходства на окружающую среду, упрощения международной торговли и регулирования статуса экипажа, обслуживающего технического персонала на борту (при его наличии), так и на берегу прибрежного или иного государства.

Профильные специалисты в судоходной отрасли также сходятся с правоведами во мнении, что одной разработки и внедрения систем удаленного и автономного управления БЭС будет недостаточно для эффективного развития на региональном и международном уровнях, поскольку морские перевозки как явление обладает международно-правовой природой, ведь главным регулятивным органом, осуществ-

ляющим как разработку новых норм, так и контроль за соблюдением действующих осуществляет Международная морская организация (ИМО).

В рамках деятельности ИМО по разработке понятийного аппарата, было сформулировано определение морского автономного надводного судна, которое стоит понимать как «судно, которое в той или иной степени может функционировать независимо от человеческого участия», а также была разработана классификация автономности данных судов:

1 уровень автономности морского судна. Высокотехнологичное морское судно с системами автоматизации процессов управления морским судном на борту: автопилот, сенсоры LIDAR, иные электронные помощники под управлением искусственного интеллекта. Экипаж морского судна находится на борту в полном объеме с возможностью принятия решений и самостоятельного контроля над системами управления морского судна;

2 уровень автономности морского судна. Полностью идентично морским судам 1 уровня автономности, такое морское судно обладает двумя системами управления – автоматизированной и ручной. Экипаж на борту присутствует в полном объеме, однако, непосредственного участия в управлении морским судном не принимает: вмешательство в работу автоматики происходит лишь в случае нештатной ситуации (чрезвычайной);

3 уровень автономности морского судна. Высокотехнологичное морское судно, управление которым осуществляется внешним капитаном удаленно из центра управления на береговой линии. Экипаж на борту морского судна присутствует частично (скорее, даже, штучно) и представлен техническими специалистами для контроля

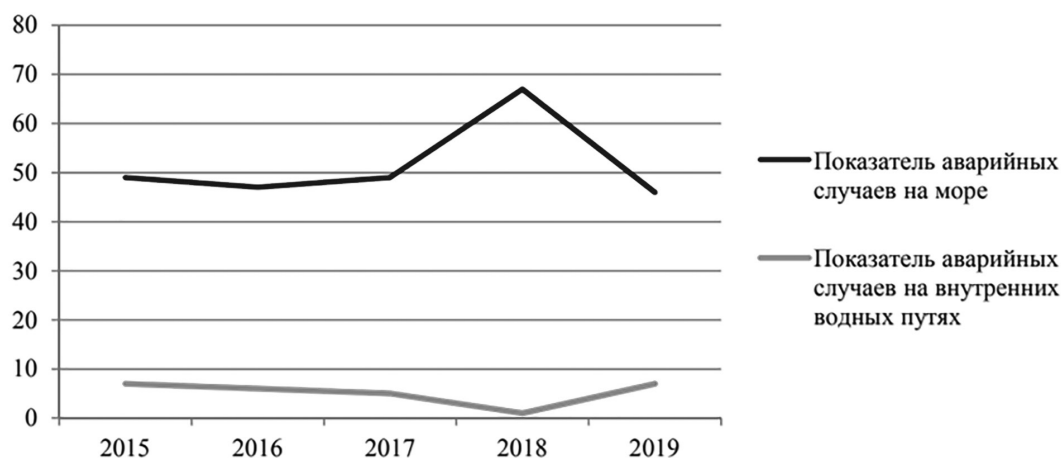

Рисунок 1

за работами судовых систем и предотвращения внештатных ситуаций (без возможности вмешательства в процесс управления).

4 уровень автономности морского судна. Полностью автономное морское судно, управление которым осуществляется искусственным интеллектом (компьютерными системами на борту морского судна, получающими, анализирующими и обрабатывающими информацию при помощи датчиков и сенсоров), экипаж на борту морского судна отсутствует.

Разработка и принятие к использованию подобных понятий, по мнению автора, является весомым поводом для пересмотра профильных международных документов в соответствующих частях, а именно: Конвенцию ООН по морскому праву [8], Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС-74) [9], Конвенцию о Международных правилах предупреждения столкновения судов в море (МППСС-72) [10], Международную конвенцию по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (была изменена принятием Протокола к ней в 1978 году; МАРПОЛ-73, МАРПОЛ-78) [11], Международную конвенцию о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года [12]. Следствием изменения международных источников, которые согласно правовой доктрине Российской Федерации, главенствуют над национальным законодательством, должно быть приведение в соответствие таких российских источников права как Конституция Российской Федерации [4], Гражданский кодекс [3] и Кодекс торгового мореплавания [5], а также различных подзаконных актов профильных ведомств, таких как, например, Министерство транспорта.

Одним из первых вопросов, который должен быть законодательно урегулирован, по мнению автора, является правовой статус внешнего капитана автономного надводного морского судна, так как на сегодняшний день определить его (международно-) правовой статус, характер ответственности и компетенцию исходя из всех особенностей осуществляемой им профессиональной деятельности невозможно ни через призму национального законодательства, ни при помощи международного права.

Главной сложностью разработки, внедрения и полноценной эффективной реализации нормативно-правового регулирования использования БЭС является гармонизация международных источников с национальными государствами-членам различных международных орга-

низаций и органов, что возможно лишь при условии абсолютного единства мнения в обсуждаемых вопросах, что достаточно сложно.

Однако, помимо выработки гармоничной нормативно-правовой системы, которая будет регламентировать использования БЭС, необходима кропотливая разработка принципов действия и поведенческих шаблонов искусственного интеллекта, который будет осуществлять управление судами, поскольку использование искусственного интеллекта должно быть ответственным, разумным и соответствовать принципам гуманизма.

В 2017 году проводилась Асиломарская конференция, в рамках которой обсуждались аспекты безопасной работы с искусственным интеллектом, а результатом этой конференции стали сформулированные 23 принципа работы с искусственным интеллектом [2].

Использование искусственного интеллекта, по мнению автора, содержит в себе ряд проблем, таких как полное исключение человеческого фактора при управлении морским транспортом может привести к тому, что принимаемые искусственным интеллектом решения могут не соответствовать принципам гуманизма, а также разительная разница между логикой человека и машины, поскольку последняя не может объяснить логику своих поступков человеку.

Учеными-робототехниками регулярно проводятся эксперименты по решению так называемой «проблемы вагонетки», задачи, которая представляет собой моральный выбор при решении вопроса о нанесении вреда одному человеку или группе лиц во имя спасения большего количества людей. В достаточно большом количестве подобных экспериментов ученые получали весьма интересный результат, поскольку высокоранговый искусственный интеллект пользовался некоторым подобием гибридной морально-этической логики, поскольку считал допустимым причинение вреда лицу в случае, если это приведет к достижению общего блага [1].

Еще одной проблемой развития мировой системы эксплуатации БЭС является различный уровень технологического развития стран. Данная проблема является комплексной и состоит из нескольких элементов:

- в мире насчитывается небольшое количество стран с развитой экономикой и достаточным уровнем научно-технического прогресса, благодаря которым они могут себе позволить разработку, постройку и спуск на воду БЭС с последующей коммерческой эксплуатацией;

– подготовительная работа по эксплуатации БЭС заключается также в разработке и внедрении координационно-управленческих центров, что также является расходной статьей бюджета, а также необходимо осуществить модернизацию портов для возможности захода в них автономных судов;

– нерешенным является также вопрос о способах взаимодействия классических и автономных судов в целях предотвращения аварий на море.

В качестве проблемы локального использования БЭС стоит упомянуть пагубное влияние человека на экологию и окружающую среду в целом, что может затруднить или же очень быстро сделать невозможным использование автономных судов не только на море и в океане, но и в стесненных навигационных условиях (узкие или мелководные районы, ограниченная ширина судового хода, высокая плотность навигационных опасностей). В данной плоскости важен постоянный мониторинг состояния судоходных путей, своевременный и оперативный обмен актуальной информации о состоянии судоходных путей, а также усовершенствования автоматических систем поддержки принятия решений, что способно снизить общие показатели аварийности на водном транспорте. Для осуществления данного проекта также необходимы существенные инвестиции частного и государственного капитала. Статистика за период с 2015 по 2019 год об аварийности на морских и внутренних водных путях в Российской Федерации представлена на схеме (См. рис. 1.)

Таким образом, подводя итог статьи, можно сделать следующие выводы:

– разработка нормативно-правового регулирования и эксплуатации БЭС на сегодняшний день находится на начальном этапе, поскольку государства и международные органы лишь начали свою работу по формулированию понятийного аппарата, который планируется использовать в отраслевых нормативных и правовых актах;

– важным аспектом при разработке нормативного правового регулирования и эксплуатации БЭС является тесное международное сотрудничество, поскольку это масштабный международный институт, затрагивающий своей природой большое количество смежных отраслей права, которые должны быть приведены в гармоничный с ним вид;

– при разработке нормативного правового регулирования должны учитываться морально-этические аспекты использования искусственного интеллекта, поскольку использование искусственного интеллекта должно соответствовать принципам гуманизма.

Несмотря на большое количество затруднений, которые уже имеются и которые будут возникать перед государственными законодательными органами и международными профильными организациями, использование БЭС является перспективной отраслью, которая способна принести положительные изменения в уровень жизни мирового сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Pereira L. M., Saptawijaya A. Modelling Morality with Prospective Logic // International Journal of Reasoning-based Intelligent Systems, 2009, режим доступа Интернет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/2ecc/67e7929cf613976d33ff6479589b7b62dfce.pdf> (дата обращения: 13.05.2023).

2. Леонов В. Двадцать три принципа Асиломара // Современное машиностроение: научно-технический журнал. – 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sovmash.com/node/348> (дата обращения: 12.05.2023).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями от 16.05.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.05.2023).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.05.2023).
5. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 №81-ФЗ (ред. от 28.02.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.05.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.05.2023).
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 марта 2018 года №534-р «Об утверждении плана мероприятий (дорожной карты) по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению “Маринет”». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201804060052> (дата обращения: 13.05.2023).
7. Сайт Международной морской организации, режим доступа Интернет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imo.org/> (дата обращения: 13.05.2023).
8. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.05.2023).
9. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901765675> (дата обращения: 13.05.2023).
10. Конвенция о Международных правилах предупреждения судов в море 1972 года (с изменениями от 29 ноября 2001 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901005> (дата обращения: 13.05.2023).
11. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (с изменениями от 26 сентября 1997 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901764502> (дата обращения: 13.05.2023).
12. Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901985669> (дата обращения: 13.05.2023).

ВОЙКОВА Наталья Андреевна

кандидат юридических наук, доцент Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

БЕРМАН Алиса Михайловна

ассистент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС В РАМКАХ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Европейский экономический союз (далее ЕАЭС) пришел на смену Евразийскому экономическому сообществу (ЕврАзЭС). Цель создания и развития ЕАЭС, в том числе, — обеспечить стабильное развитие экономик стран-участниц, модернизировать их и повысить уровень жизни населения. Чтобы достичь этой цели, члены объединения проводят «скоординированную, согласованную или единую экономическую политику». В настоящее время в состав ЕАЭС входят пять стран: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. В представленном исследовании пойдет речь о статусе и деятельности особых юридических лиц в ЕАЭС, о возможности интеграции законодательств указанных стран и о необходимых, по мнению авторов, изменениях и конкретизации отношений указанных стран для реализации направлений их политик.

Ключевые слова: интеграция, унификация, юридические лица, внутренний контроль, результативность работы.

VOYKOVA Natalya Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

BERMAN Alisa Mikhailovna

assistant of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Law Institute of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

SOME ASPECTS AND PROSPECTS OF COOPERATION OF THE EAEU MEMBER STATES IN THE FRAMEWORK OF CORPORATE RELATIONS

The European Economic Union (hereinafter EAEU) replaced the Eurasian Economic Community (EurAsEC). The goal of the creation and development of the EAEU, among other things, is to ensure the stable development of the economies of the participating countries, modernize them and increase the standard of living of the population. To achieve this goal, the members of the association carry out "coordinated or unified economic policies." Currently, the EAEU includes five countries: the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. The presented study will discuss the status and activities of special legal entities in the EAEU, the possibility of integrating the laws of these countries and the necessary, according to the authors, changes and specifics of relations between these countries for the implementation of their policies.

Keywords: integration, unification, legal entities, internal control, performance

Юридические лица со специальным статусом

Государства наделены правом создавать юридические лица, которые выполняют задачи государства (создаются для решения публичных задач) в определенных и конкретных сферах, они имеют соответствующие цели деятельности. Обширный круг задач и обязанностей, предполагающий в целях исполнения и реализации последних предполагает создание органов, которые будут эти функции выполнять и которым можно эти функции делегировать, а также являться распределителями и администраторами бюджетных средств. При этом, как правило, для осуществления функций государства создаются министерства – органы исполнительной власти, которые обеспечивают исполнение задач государства.

Однако, у министерств, несмотря на специализацию, присутствуют различные направления деятельности. Деятельность Министерства строительства Российской Федерации

включает 28 функций, а внутренняя структура насчитывает 28 департаментов. Для максимально эффективного достижения социально и государственно важных целей при минимизированном излишнем бюрократическом администрировании, некоторые государства создают так называемые профильные «квазимилистерства» - самостоятельные юрлица, которые получают бюджетные средства, эти средства «преобразовываются», после выделения из бюджета, в целевые («имущественный взнос»), и могут быть использованы только для установленных законом или иным учредительным документом целей – в интересах «курирующего» министерства. При этом подобные «квазимилистерства»:

- не имеют целью извлечение прибыли – являются некоммерческими организациями;
- их цели и задачи – цели и задачи государства;
- у таких юридических лиц публичные функции – не связанные с извлечением прибыли;
- они сами своим имуществом отвечают по своим обязательствам, - на наш взгляд, это один из механизмов для того, чтобы указанные «квазимилистерства» были заинтересованы в том, чтобы качественно реализовывать свои функции и решать возложенные на них задачи;

* Информация о финансировании. Публикация выполнена в рамках Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН, проект № 090222-2-000 «Разработка концепции и моделей цифрового разрешения споров в контексте создания единого информационного пространства стран ЕАЭС» (науч. рук. Фролова Е. Е.).

Таблица 1

	Российская Федерация – государственные корпорации	Республика Армения – государственная некоммерческая организация	Республика Казахстан – некоммерческие акционерные общества
Субъектный состав учредителей	Российская Федерация	Республика Армения	Республика Казахстан, Центральный банк, акционеры – есть несколько возможностей
Цель деятельности	социальные, управленческие или иные общественно-полезные цели	Культура, здравоохранение, социальные, области спорта, образования, науки, охрана природы и иные некоммерческие области	Различные публичные цели деятельности; выпуск акций с целью привлечения средств для осуществления своей деятельности, доходы от выпуска используются для развития этой организации
Вещное право на имущество	Собственность	Собственность	Собственность
Органы управления	Генеральный директор, наблюдательный совет или совет директоров, правление	Директор (единоличный исполнительный орган) и может быть создан коллегиальный	Совет директоров, общее собрание учредителей и исполнительного органа, правление
Имущественная ответственность по обязательствам	Отвечает по своим обязательствам своим имуществом	Отвечает по своим обязательствам своим имуществом	В некоммерческое АО можно преобразовать образовательные организации
Ликвидация	Возможность указана в Федеральных законах	По решению учредители или вследствие банкротства	Может быть ликвидирована добровольно или принудительно
Банкротство	Не применимо	Применимо	н/д
Учредительный документ	Федеральный закон	Устав	Закон, Устав
Аудит	Структурное подразделение внутреннего аудита, обязательный внешний аудит	Осуществляется учредителем, внешний аудит, органы государственного управления	Контрольный орган (ревизионная комиссия, ревизор), служба внутреннего аудита, система внутреннего контроля

• они «рискуют» и своей репутацией, и государственными средствами;

• их имущество, переданное государством, – их собственность.

По итогам рассмотренных признаков, указывающих, на наш взгляд, на отличный, отдельный и исключительный статус специально создаваемого для осуществления функций государства и реализации его интересов хозяйствующего субъекта, считаем разумным провести краткое исследование и описание подобных юридических лиц.

Так, Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает создание государственных корпораций и публично-правовых компаний, законодательство Казахстана предусматривает создание некоммерческих акционерных обществ, в Армении – государственных некоммерческих организаций. В Беларуси недавно зарегистрировали первую государственную корпорацию («Белкосмос»).

Несмотря на то, что предметом настоящего интереса авторов являются страны-участницы ЕАЭС, считаем необходимым предоставить краткую справку по подобным юридическим лицам вне рамок стран постсоветского пространства для понимания наличия или отсутствия тенденций и общемировой практики по поводу существования подобного рода юридических лиц. Если говорить о странах из различных правовых семей, то в США юридическими лицами с подобными характеристиками и признаками, присущими упомянутым выше, являются федеральные корпорации, в Японии – неприбыльные организации, в Китае – некоммерческие юридические лица (созданные для общего блага, и цели которых не связаны с получением прибыли), а также государственные

корпорации – в КНР государственные компании рассматриваются в качестве «руководящей силы национальной экономики», а также «ключевым звеном в реформировании экономической системы», они призваны сыграть ведущую роль также и в процессе перехода китайской экономики к новому типу развития, в котором доминирует не фактор дешевой рабочей силы, а инновации. Относительно федеральных корпораций в США, например, есть мнение, что они становятся менее доминирующей формой организации коммерческих предприятий, поскольку институциональные инвесторы, такие как пенсионные фонды, или финансисты, такие как Уоррен Баффет и Майкл Делл, все чаще берут крупные корпорации в частную собственность на долгосрочной основе.

Однако, аналогов государственным корпорациям, публично-правовым компаниям, некоммерческим акционерным обществам или государственным некоммерческим организациям по присущим им признакам, больше нет. Подобного рода виды юрлиц встречаются на территории сегодняшнего Евразийского экономического союза.

Считаем необходимым представить таблицу, в которой рассмотрены перечисленные выше юрлица в РФ, Казахстане, Армении. В Республике Беларусь и в Кыргызской республике подобных юридических лиц, о которых идет речь в данном исследовании, нет. Государственная корпорация «Белкосмос», несмотря на «говорящую» организационно-правовую форму, не является юридическим лицом с подобным статусом. (См. табл. 1)

По мнению авторов, табличный анализ условно называемых в настоящей статье «квазиминистерств» показал, что в некоторых постсоветских странах создаются юридические

лица для осуществления полномочий государства. В США же и в КНДР, как было указано, прослеживается тенденция к коммерциализации подобных государственных юридических лиц с целью развития экономики.

Сравнивая указанные формы хозяйствующих субъектов в трех государствах, отметим, что все они имеют публичные цели своей деятельности, имущество в их собственности, не имеют членства, отвечают по своим обязательствам своим имуществом. Вероятно, данные организационно-правовые формы появились в перечисленных странах в силу схожести национального законодательства в силу политических факторов.

Таким образом отмечаем, что в трех странах-участницах ЕАЭС наблюдается разнообразие юридических лиц с крайне схожими функциями. Есть ли смысл в разнообразии юридических лиц или есть смысл в унификации организационно-правовой формы приведенных в таблице юридических лиц? Тенденция к унификации законодательства ускоряется, начиная с договора 2015 года О ЕАЭС.

Считаем, также, разумным, отметить признание группой государств единой во многих отраслях системы координат: таможенный союз, топливный союз и прочее (причем разных тематик)¹, и своеобразной «точкой отсчёта» для создания унифицированных систем функционирования различных отраслей.

Как уже было отмечено, ЕАЭС — относительно новая международная организация, созданная на постсоветском пространстве Договором 2015 года. ЕАЭС основан на прошлых инициативах региональной интеграции. При рассмотрении правовой природы и функционирования ЕАЭС становится обоснованным тезис о том, что ЕАЭС квалифицируется как автономная правовая система.

Отметим, что Беларуси, Казахстану и России удалось создать достаточно жизнеспособное «ядро», способное продвигать интеграцию вперед и в конечном итоге оформить ее в рамках Договора ЕАЭС 2015 года, к которому потом присоединились еще 2 страны. Представляется, что стратегически верно иметь единую так называемую точку отсчета для нового союза, чтобы у стран-участниц были свои региональные, «союзные» критерии и гарантии в силу особенностей сложившихся международных отношений. Упомянутая унификация законодательства и процедур в странах, которые имеют общие интересы, взаимное признание и уважение, перспективы развития с учетом международных санкций, представляется архиважной и крайне необходимой. Обоснованием данного тезиса может стать следующий пример: объем сделок в национальных валютах во взаимных международных расчетах на территории Евразийского экономического союза (Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан и Киргизия) вырос до 75% (Михаил Мишустин на заседании Евразийского межправительственного совета в августе 2022). Данный показатель не может не отражать особенный взаимный интерес стран-участниц ЕАЭС друг к другу в свете международной ситуации.

Рейтингование юридических лиц

Для того, чтобы в практике стран постсоветского пространства «уйти» от необъективного европейского рейтингования, от субъективной оценки в силу принадлежности рейтингуемой организации к России или же Беларуси, нужно разъяснить, что государства-члены ЕАЭС вправе, на основании Договоров, установить свои критерии оценивания и с помощью своих рейтинговых агентств коллегиально присваивать рейтинги «квазиминостерствам». Однако, это должно иметь под собой смысл. Для чего создание единой шкалы оценивания и признания представляется обоснованным? Для того, чтобы эти юрлица могли перенимать опыт друг у друга, проводить совместные совещания, совместную деятельность (скажем, ГК Роскосмос, Белкосмос и АрмКосмос), обмениваться новыми идеями и иное. Позитивным итогом видится то, чтобы страны-участницы учитывали наличие рейтинга всех стран ЕАЭС, который мог бы стать гарантией надежного партнерства. Также, представляется перспективной идея о введении возможности купли-продажи облигаций между странами-участницами ЕАЭС, поскольку введение единого экономического пространства и тенденция к унификации законодательств, деятельности, правил предоставляет такую возможность.

В связи с изложенным выше, авторами предлагается идея принятия Соглашения об облигационной деятельности стран-участниц ЕАЭС, а также разработки и утверждения Методики анализа рейтингуемых лиц в рамках сотрудничества. Безусловно, обоснованно говорить о единой системе рейтингования. На сегодняшний день, в частности, российское Аналитическое кредитное рейтинговое агентство АКРА присутствует на рынке Казахстана и Беларуси, и это обстоятельство, по нашему мнению, отражает идею единой системы координат, поскольку АКРА рассматривает и присваивает рейтинги почти всем основным отраслям экономики в данных странах.

Отмечается необходимость рейтингования не только прибыльных или зарабатывающих в рамках осуществлению основной деятельности предприятий, но и социально ориентированных, с установленными государством некоммерческими целями. Так, Российская Федерация вправе наделять специальные юридические лица правом выпуска облигаций, выдачи кредитов государственным органам управления, кредитным организациям и иными возможностями заработка, который необходим для достижения целей деятельности организации при одновременном снижении объема выделяемых из бюджета средств.

При этом презюмируется, для прохождения процедуры рейтингования по одинаковым критериям, что юридические лица в странах-участницах ЕАЭС, соответственно, осуществляют деятельность в рамках единых стандартов и критериев качества. Также, предполагается схожесть их признаков, таких как, например: публичные цели деятельности, связь их с государством с учетом его прочной поддержки, наличие важного субфактора — социальной роли, а также предлагается внедрение института контроля, который будет осуществляться непосредственно должностными лицами — Наблюдательным советом (или аналогичным органом), который будет состоять из чиновников заинтересованных государств.

Создание контролирующего органа обусловлено в том числе необходимостью совершенствования процессов управления, обеспечения и контроля качества и для квалифицированного потенциала, обеспечивающего перспективное развитие юридических лиц. Система управления качеством,

¹ «Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств - членов Евразийского экономического союза», Соглашение об осуществлении аудиторской деятельности в рамках Евразийского экономического союза, Соглашение о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй, в рамках Евразийского экономического союза, Соглашение о принципах ведения налоговой политики в области акцизов на табачную продукцию государств - членов Евразийского экономического союза и т.д.

в свою очередь, является одним из элементов системы внутреннего контроля и аудита в организациях.

Внутренний контроль и система управления качеством в хозяйствующем субъекте

Для чего нужны внутренний контроль и аудит в хозяйствующем субъекте? Для того, чтобы минимизировать риски и взять управление над ними. На наш взгляд, наличие единой системы внутреннего контроля и аудита может стать предметом следующего Договора ЕАЭС. Деятельность описываемых в данном исследовании «квазиминистерств» — это деятельность, делегированная государством, осуществляемая от лица государства. По причине того, что подобные юридические лица отвечают своим имуществом по своим обязательствам, им необходима система внутреннего контроля и управления рисками для предотвращения нецелевого и неэффективного расходования (использования) бюджетных средств.

Добавим, что оценивание эффективности работы организации разумно проводить (в Российской Федерации уже несколько лет таким образом проводится оценивание юридических лиц, созданных государством) посредством утверждения и расчет коэффициентов показателей эффективности (КПЭ). Результаты коэффициентов эффективности определяют, в том числе, качество работы организации, качество ее организационного устройства, эффективность менеджмента и результативность работы, что в совокупности отражает итоги работы организации в целом.

Системой управления качеством организации занимается подразделение, на которое возложены функциональные обязанности по обеспечению функционирования системы внутреннего контроля и аудита в организации.

Юридические лица, или «квазиминистерства», о которых идет речь в данной статье, получают средства из бюджета государства в виде имущественного взноса, и, соответственно, получают в управление заметные суммы, и распоряжаются ими в соответствии с правоустанавливающими документами. Например, эти средства, пока являются временно свободными, могут быть инвестированы в ценные бумаги или депозиты в кредитных организациях — что уже по определению является рискованной деятельностью. Системы внутреннего контроля и аудита направлены на предупреждение и минимизацию рисков организаций, в которых они существуют. Инвестирование временно свободных средств — риск крайне высокого уровня.

Основываясь на приведенных тезисах, полагаем необходимым разработку и принятие нормативного правового акта (договора, меморандума) совместно странами ЕАЭС, который будет унифицирован, будет распространяться на всех стран-участниц, и данное обстоятельство позитивно отразится на регулировании рисков деятельности всех стран, и на унификации законодательств указанных стран.

Цель создания юридических лиц — «квазиминистерств», как авторы обозначают их в данном исследовании — не номинальная, ведь они осуществляют функции создавших их государств для целей публичных, целей общественного блага, и представляется, что их работа должна быть эффективно организована и проносить благо, задуманное государством при их учреждении. Цели создания юридических лиц, описываемых в исследовании, крайне важны для их учредителей. Учитывая полную закрытость от международного сообщества и низкий уровень международного сотрудничества, представляется актуальным заняться внутренними проблемами, для

этого, в рамках союзного Договора ЕАЭС, необходима разработка унифицированных стандартов для работы публичных госкомпаний, в том числе и в контрольной деятельности.

Перечисленные авторами выше инструменты и разработки необходимы для оптимизации внутреннего и внешнего правового регулирования законодательства интегрирующихся стран. Тенденция к интеграции идет очень активно, и почти каждый день в новостных каналах появляется информация о том, что рождаются новые инициативы для совместных решений, которые в перспективе могут быть приняты странами.

Кроме того, что рассматриваемые юридические лица обладают, по сути, функциями государственных органов, в их главе стоит топ-менеджмент: генеральный директор, правление (совет директоров). В бизнес-литературе и литературе по управленческому учету есть тенденция делать упор на системы, процедуры, модели и методы, предназначенные для улучшения планирования и контроля деловой активности. Перекладывая термин «деловая активность» на государственные корпорации и прочие «квазиминистерства», определим, что для них применим термин «операционная активность» или «функциональная» — выполнение целей, поставленных перед ними государством. В свете такой трактовки полагаем, что в подобных организациях крайне высока необходимость во внутренних контролерах и/или аудиторах, поскольку по ходу деятельности по достижению целей организации могут возникать определенные непредсказуемые явления, называемые рисками. Также, при работе с рисками, есть необходимость в разработке и наличии систем, процедур, моделей и методов, предназначенных для улучшения планирования и управления бизнес-процессами.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-73-76

ЖУК Валерия Сергеевна

магистрант программы «Корпоративное и международное частное право» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ЛИШАК Анастасия Дмитриевна

бакалавр юриспруденции Российского государственного университета правосудия, стажер адвоката в МКА «ВИНДИКТА»

О ПРАВЕ ИНОСТРАННОГО БАНКА ВОЗБУДИТЬ ДЕЛО О БАНКРОТСТВЕ РОССИЙСКОГО ДОЛЖНИКА В ОТСУТСТВИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ И ПО ТРЕБОВАНИЮ, ПОДЧИНЕННОМУ АРБИТРАЖНОЙ ОГОВОРКЕ

Закон о банкротстве (№ 127-ФЗ) наделяет кредитные организации правом возбудить процедуру банкротства, не подтверждая долг судебным решением. Однако дословное толкование этой нормы создает неопределенность: по каждому ли требованию банк обладает таким преимуществом? Что происходит, если дело осложнено иностранным элементом на стороне кредитора? Влияет ли на возбуждение дела арбитражная оговорка? – об этом настоящее исследование.

Ключевые слова: банкротство, трансграничное банкротство, арбитражная оговорка, арбитрабельность, права кредитных организаций, возбуждение дела о банкротстве, иностранный элемент.

ZHUK Valeriya Sergeevna

magister student of the program "Corporate and International Private Law" of the National Research University "Higher School of Economics"

LISHAK Anastasiya Dmitrievna

bachelor of Law of the Russian State University of Justice, trainee lawyer in the ICA "VINDICTA"

ABOUT THE RIGHT OF A FOREIGN BANK TO FILE A PETITION AGAINST A RUSSIAN DEBTOR IN THE ABSENCE OF A JUDGMENT ON A CLAIM THAT FALLS WITHIN THE SCOPE OF ARBITRATION AGREEMENT

The Bankruptcy Law (127-FZ) grants credit institutions the right to initiate bankruptcy proceedings without confirming the debt by a court decision. However, literally this norm creates uncertainty: does a bank have this advantage on every claim? What happens if the case is complicated by a foreign element on the creditor's side? Does the arbitration clause affect the initiation of the case? – this is what the present study is about.

Keywords: insolvency, bankruptcy, cross-border bankruptcy, arbitration clause, arbitrability, rights of credit institutions, initiation of bankruptcy proceedings, foreign element.

1. Выбор юрисдикции и применимого права для возбуждения дела о банкротстве

Преимущество банка обратиться в суд в отсутствие судебного решения предусмотрено российским Законом о банкротстве¹. Однако очевидно, что участие в деятельности должника иностранного капитала, свидетельствует о ведении им многонациональной деятельности. В связи с этим актуален вопрос – в какой юрисдикции должно быть возбуждено дело о банкротстве такого должника и какое право подлежит применению при проведении банкротных процедур.

В России международная подсудность по делам о банкротстве не урегулирована законодательно, в связи с чем суды рассматривают дела, осложненные иностранным элементом, ориентируясь на Главу 32 АПК РФ и международные правовые принципы. Например, в деле о банкротстве Н. В. Кузнецовой суд прямо указывал на возможность заполнения пробельности правового регулирования путем обращения к общепризнанным подходам, выработанным в международной практике².

Наибольшую известность в разграничении компетенций судов на современном этапе получил критерий центра основных интересов должника (*center of main interests of the*

debtor), сокращённо – COMI [5, с. 752]. COMI-стандарт предполагает выбор места основного производства дела о банкротстве по стране, с которой должник имеет наиболее тесную связь. COMI-стандарт – не формальный критерий, по которому одной прописки или регистрации должника достаточно, чтобы признать страну местом его имущественных интересов (данный факт представляет собой опровержимую презумпцию [5, с. 752]). Он предполагает необходимым учитывать реальные связи должника и государства, к которым могут относиться:

– фактическое место жительства должника-физического лица (п. 3 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ, абз. 4 п. 1 ст. 3 Регламента ЕС № 1346/2000 от 29.05.2000 о процедурах несостоятельности № 2015/848 от 20.05.2015);

– осуществление должником предпринимательской деятельности на территории государства и наличие у него имущества в государстве (Постановление АС Московского округа от 08.07.2016 по делу № А40-186978/2015) и иные связи.

Благодаря такому подходу российское законодательство допускает возбуждение основного дела о банкротстве в отношении иностранных должников, чьи имущественные интересы тесно связаны с Российской Федерацией³. Такой

1 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)».

2 Определение АС Ямало-Ненецкого автономного округа от 30.06.2016 по делу № А81-6187/2015.

3 Например, дело о банкротстве гражданина Германии Штрасса Хорста Хайнриха Вернера № А28-8319/2016; дело о банкротстве гражданина Германии Брискина Аркадия Эмильевича № А40-186978/2015.

подход представляется справедливым, ведь практика знает случаи, когда юридическое лицо вело всю свою предпринимательскую деятельность на территории России и не имело никаких других привязок к иностранному государству, кроме места юридической регистрации⁴.

Определяя право, подлежащее применению при трансграничной несостоятельности, используется специальная коллизионная привязка *lex fori concursus* – применение права государства места возбуждения производства [5, с. 769].

На примере преамбулы Регламента ЕС 2015/848⁵ можно сделать вывод, что право государства места возбуждения дела о банкротстве регулирует условия открытия производства, его ведения и закрытия (рассмотрение «основного дела»), а также порядок подачи, проверки и установления требований к должнику (рассмотрение «обособленных споров о включении требований в реестр»).

Объектом настоящего исследования является порядок возбуждения дела о банкротстве в России в отсутствие подтверждающего задолженность решения. Соответственно, одновременно затрагиваются и вопросы возбуждения процедуры банкротства, и проверки обоснованности требований. Оба этих вопроса подлежат урегулированию в соответствии с российским законодательством, если основное дело о банкротстве возбуждено в России. А значит, поскольку российское законодательство допускает банкротство иностранных лиц, не имеет значения, является ли должник иностранным лицом или резидентом России, если в отношении него в России возбуждено основное банкротное производство.

2. Право кредитора-кредитной организации на возбуждение дела о банкротстве в отсутствие судебного решения, подтверждающего задолженность

По общему правилу для возбуждения дела о банкротстве в России требуется подтвердить наличие задолженности судебным решением. Такое решение является обязательным, а изложенные в нем доводы не могут быть преодолены никак иначе чем через отмену этого решения⁶. Правом на обжалование решения, которым кредитор подтверждает возникшие

перед ним обязательства, обладают иные кредиторы, предъявившие свои требования в реестр⁷.

Подобное регулирование процедуры возбуждения дела о банкротстве призвано снимать с суда, рассматривающего дело о банкротстве, необходимость разрешения спора между сторонами (ведь наличие долга может быть и опровергнуто), и обязывает суд проверить лишь наличие признаков несостоятельности, разрешить вопросы дальнейшего финансирования процедуры банкротства. Такой подход представляется правильным, так как в противном случае:

– и без того существенно загруженные профильные специалисты в области несостоятельности будут разрешать обычные гражданские споры между хозяйствующими субъектами;

– будут нарушены положения о подведомственности, ведь разрешение гражданских споров с участием физических лиц подведомственно судам общей юрисдикции (за исключением, например, корпоративных требований), в то время как банкротство физических лиц также подведомственно арбитражным судам (п. 1 ст. 33 Закона о банкротстве).

При этом с наличием вступившего в законную силу судебного решения связывают **право кредитора на обращение в арбитражный суд** с заявлением о признании должника банкротом (п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве).

С. А. Кузнецов указывает, что обращение кредитора с заявлением об установлении своего требования в реестре представляет собой не способ защиты права, а порядок (форму) защиты права [2]. Данная позиция соответствует подходу Верховного Суда о невозможности пересмотреть судебный акт, на основании которого кредитор основывает свои требования, в рамках дела о банкротстве. Однако необходимо отметить, что кредитор-заявитель обязан доказать наличие у должника признаков неплатежеспособности, а принцип всеобщая ответственности судебного решения в данном случае будет применим только к факту наличия задолженности и ее размера. Поэтому подача заявления о признании должника банкротом сочетает в себе признаки и способа, и формы защиты права.

Право кредитной организации обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом без необходимости предварительно получать судебное решение предусмотрено абз. 2 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве, то есть также отнесено к процессуальным правам кредитора.

Как было сказано ранее, специальная коллизионная привязка *lex fori concursus* предполагает применение принципов как материального, так и процессуального права государства места возбуждения основного дела о банкротстве. Вместе с этим и п. 5 ст. 1 Закона о банкротстве предусматривает применение его положений к отношениям с участием иностранных лиц в качестве кредиторов, а значит и иностранные кредитные организации могут использовать предоставленное им преимущество.

Судебная практика указывает, что Закон о банкротстве не делит банки на российские (имеющие лицензию ЦБ) и иностранные. Поэтому если организация является банком в соответствии с иностранным законодательством, она облада-

4 Дело № А76-31539/2021 о банкротстве Pandora consulting LC – компании, которая вела коллекторскую деятельность в России, будучи зарегистрированной на острове государства Сент-Китс и Невис. Это первый случай возбуждения в России дела о банкротстве в отношении иностранного юридического лица. До этого Арбитражный суд Московского округа по делу № А40-15873/17 признал законным прекращение процедуры банкротства в отношении кипрской компании Limited Liability Company Fndreas Neocleous & Co LLC, так как ликвидационные процедуры подчиняются праву страны регистрации юридического лица. Такой подход представляется неверным, так как процедуры банкротства в первую очередь имеют своей целью восстановление платежеспособности должника, а меры ликвидационного характера являются крайними.

5 Регламент № 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О процедурах банкротства (новая редакция)» (Принят в г. Страсбурге 20.05.2015).

6 Исходя из положений ст. 16 АПК РФ, ст. 13 ГПК РФ, п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве требование кредитора, подтвержденное судебным актом, подлежит включению в реестр требований кредиторов должника без возможности новой оценки обстоятельств дела, ревизии сделанных судами ранее выводов. См. Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2015 № 308-ЭС15-9306.

7 П. 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»; Определение Верховного Суда от 21.08.2018 № 5-КГ18-122, Определение Верховного Суда от 27.02.2019 № 305-ЭС18-19058.

ет теми же правами, что и российские банки (ч. 1 ст. 254 АПК РФ, ч. 5 ст. 1 Закона о банкротстве)⁸.

Рассмотрим, имеются ли ограничения в правах кредитных организаций по возбуждению дел о банкротстве без вступившего в законную силу судебного акта. Для этого необходимо процитировать абз. 2 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве:

«Право на обращение в арбитражный суд возникает у конкурсного кредитора – кредитной организации, у кредитного управляющего по договору синдицированного кредита (займа) (глава X.1 настоящего Федерального закона), а также у конкурсного кредитора – государственной корпорации «ВЭБ.РФ» с даты возникновения у должника признаков банкротства, установленных настоящим Федеральным законом.»

Из буквального толкования нормы, в отрыве от целей и принципов банкротного законодательства, а также схожих по содержанию норм, может следовать вывод, что кредитным организациям в принципе нет необходимости подтверждать наличие перед ними обязательств судебным решением. Ведь в отношении кредитного управляющего закон прямо указывает на обязательства, возникающие из договоров синдицированного кредита, в то время как про обязательства кредитных организаций никаких уточнений не дается.

Однако такое понимание нормы шло бы вразрез со схожими нормами Закона о банкротстве и целями, которые преследовал законодатель, наделяя кредитные организации преимущественными правами. Необходимо отметить, что схожие положения касаются и налоговых органов, имеющих право обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом на основании собственного решения (абз. 2 п. 3 ст. 6 и абз. 3 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве).

Предоставление банкам права на упрощенный порядок возбуждения дел о банкротстве связано с тем, что требования банков, возникшие ввиду неисполнения кредитных обязательств, зачастую, являются «бесспорными», то есть подтверждены стандартным объемом доказательств, которые крайне редко опровергаются на практике: договоры заключаются по стандартной форме, выдача денежных средств производится безналично, расчет задолженности производится специальное программное обеспечение в автоматическом режиме, в связи с чем процесс доказывания их наличия и размера фактически носит упрощенный характер [3, с. 167-172.].

Глава Закона о банкротстве, регулирующая несостоятельность физических лиц, также содержит категории дел, по которым предварительное подтверждение долга в судебном порядке не требуется. Согласно п. 2 ст. 213.5 Закона о банкротстве к ним относятся:

- требования об уплате обязательных платежей;
- требования, основанные на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте или недатировании акцепта;
- требования, подтвержденные исполнительной надписью нотариуса;
- требования, основанные на документах, представленных кредитором и устанавливающих денежные обязательства, которые гражданином признаются, но не исполняются;

8 Определение АС г. Москвы от 02.02.2016 по делу А40-125301/15-73-267 «Б», где кредитором являлась кредитная организация (банк) по законодательству Чешской Республики; Постановление АС Московского округа от 15.02.2019 по делу № А40-191346/2016, где статус кредитной организации по закону Латвийской Республики подтвержден лицензией на деятельность кредитного учреждения.

– требования, основанные на нотариально удостоверенных сделках;

– требования, основанные на кредитных договорах с кредитными организациями;

– требования о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанные с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц.

Вышеописанные требования также можно отнести к категории «бесспорных», поскольку они основаны на стандартных доказательствах (решения налоговых органов, кредитные договора) или подтверждены совершением нотариальных действий.

Поэтому целью внесения таких изменений являлось сокращение количества исков и снижение нагрузки с судов, которые вынуждены рассматривать дело для формального подтверждения обстоятельств, а не наделяние кредитных организаций всеобъемлющем преимуществом ввиду полного снятия с них бремени доказывания. Конституционный Суд также отмечает, что законодатель установил подобное право банков, принимая во внимание характер и природу их денежных требований⁹.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда¹⁰ указано, что в качестве критерия, допускающего возбуждение дела о банкротстве подобным способом, должен рассматриваться не сам статус кредитной организации, обращающейся с соответствующим заявлением, а реализуемая ею деятельность по осуществлению банковских операций на основании специального разрешения (лицензии).

Развивая эту мысль, Верховным Судом было рассмотрено два дела о возбуждении дел о банкротстве по заявлениям процессуальных правопреемников кредитных организаций. В Определении № 305-ЭС18-10166 Верховный Суд указал, что переход права требования к другому лицу в силу закона (ст. 313, 384, 387 и 407 ГК РФ) сохраняет за правопреемником банка право обратиться в суд без предварительного получения судебного решения. Аналогичная позиция высказана и в отношении перехода права требования долга от банка по договору цессии (Определение Верховного Суда № 306-ЭС21-19450¹¹).

Отсюда следует вывод, что право кредитной организации обратиться в суд без предварительного получения судебного решения не связано со статусом банка как кредитной организации, а основано на материальных правоотношениях, возникающих из деятельности по осуществлению банковских операций. То есть не по всякому требованию банк обладает таким преимуществом, однако требования, обладающие таким преимуществом, сохраняют его и при процессуальном правопреемстве.

Следовательно, право обратиться в суд без судебного акта, подтверждающего размер задолженности, вытекает из

9 Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 351-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы автономной некоммерческой организации «Детско-юношеская спортивная школа «Траст» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 2 статьи 7 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

10 П. 1 раздела 1 «Практика применения законодательства о банкротстве» Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2016) на основе Определения Верховного Суда № 306-ЭС16-3611.

11 Вошло в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022).

существования самого требования и непосредственно следует за ним, а значит является материальным.

3. Влияние арбитражной оговорки на право возбуждения дела о банкротстве в отсутствие судебного решения

Необходимо определить, арбитрабельны ли те споры, по которым кредитная организация имеет право возбуждать процедуру банкротства без судебного решения. При определении арбитрабельности от общего круга дел, допустимых к передаче в арбитраж (обычно это экономические споры гражданско-правового характера), по соображениям публичного порядка отсекаются споры, в которых присутствует «чувствительный» для общества элемент [3].

Не арбитрабельными являются оговорки о передаче спора о банкротстве международному коммерческому арбитражу, третейскому суду (п. 3 ст. 33 Закона о банкротстве), так как споры о несостоятельности носят публичный характер, затрагивают интересы широкого круга лиц [3].

Как было сказано ранее, далеко не каждое требование кредитной организации может стать основанием для возбуждения дела о банкротстве в отсутствие судебного решения. В связи с этим необходимо установить, являются ли споры, вытекающие из выдачи кредита, арбитрабельными, то есть допустима ли передача спора на разрешение международного коммерческого арбитража.

Полагаю, необходимо рассмотреть цель включения в договор арбитражной оговорки. Закон предоставил сторонам договора право самостоятельно определять порядок разрешения споров между ними: делать выбор в пользу арбитражного разбирательства, вместо того, чтобы полагаться на усмотрение государственных судов. Особое значение данный выбор приобретает во внешнеэкономических контрактах, где международный коммерческий арбитраж представляет собой разумную альтернативу разрешению внешнеэкономических споров государственными судами [1].

Таким образом, арбитражная оговорка включается в договор с целью определить суд, в котором стороны хотят разрешить спор, в случае его возникновения. С этой точки зрения арбитражную оговорку можно сравнить с соглашением о выборе подсудности, которое может быть заключено любыми участниками гражданского оборота¹². По общему правилу признание арбитражным судом ничтожности договора не влечет за собой автоматическую недействительности арбитражной оговорки¹³. Аналогичные правила применяются и к соглашениям о подсудности¹⁴.

Заключение соглашений о подсудности является обычной практикой для кредитных организаций. Однако производство по делу о банкротстве все равно производится в суде по месту регистрации ответчика, за исключением случаев пресечения злоупотреблений в виде «банкротного туризма».

Таким образом, включение в договор арбитражной оговорки преследует цели определить орган, компетентный

рассмотреть спор между сторонами, и не затрагивает производство о банкротстве, а сами по себе споры, вытекающие из исполнения кредитных договоров, являются арбитрабельными.

Целью же абз. 2 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве является снижение числа споров, предшествующих возбуждению процедуры банкротства. Следовательно, наличие в договоре арбитражной оговорки, определяющей компетентный суд, не влияет и не должно влиять на право кредитора возбудить дело о банкротстве без обращения в суд.

4. Выводы

При возбуждении дела о банкротстве в России в силу специальной коллизионной привязки *lex fori concursus* применяется российское право. Данное правило применяется вне зависимости от того, является ли должник физическим или юридическим лицом.

В силу прямого указания на то законодателя иностранные кредиторы в делах о банкротстве, рассматриваемых российскими судами, пользуются теми же правами, что и резиденты Российской Федерации.

Право кредитной организации обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом без предварительного рассмотрения спора в компетентном суде прямо предусмотрено Законом о банкротстве, а значит им могут воспользоваться и иностранные кредиторы. Наличие в договоре, на основании которого возникло требование, арбитражной оговорки не влияет на данное право кредитной организации.

Без предварительного рассмотрения спора в компетентном суде возможно возбуждение дел о банкротстве только в случаях, прямо предусмотренных законом. Исходя из системного толкования норм, для юридических лиц – это требования, возникшие ввиду деятельности банка по осуществлению банковских операций на основании специального разрешения (лицензии). Для физических лиц круг требований прямо определен п. 2 ст. 213.5 Закона о банкротстве.

По иным требованиям банки-кредиторы как российские, так и иностранные имеют право обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом только в случае наличия вступившего в законную силу решения суда, подтверждающего задолженность.

Пристатейный библиографический список

1. Анищенко А. А. и Юрьева М. В. Арбитражная оговорка – скрытое оружие // «Промышленно-торговое право». – 2008. – № 03 // СПС Консультант Плюс.
2. Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства). – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – § 3 гл. 3 // СПС «Консультант Плюс».
3. Лунаева Т. А. «Международный коммерческий арбитраж: Учебник» (выпуск 9) (2-е издание, переработанное и дополненное) (науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов) («Редакция журнала «Третейский суд», «Статут», 2018). – § 6.2.1 // СПС Консультант Плюс.
4. Мертвищев А. В. Особенности возбуждения процедуры несостоятельности (банкротства) по заявлению кредитной организации // Экономическое правосудие в Уральском округе. – 2018. – № 4. – 218 с.
5. Мохова Е. В. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т. 2. – М.: Статут, 2019. – 848 с.

12 В спорах о защите прав потребителей соглашение о подсудности, ограничивающее право потребителя определить подсудность по своему выбору согласно ч. 7 ст. 29 ГПК РФ и п. 2 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» будет ничтожно, что также «роднит» его с арбитражной оговоркой.

13 П. 2 ст. 21 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ.

14 П. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

ЕРМАКОВА Елена Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

КОГДА «ПРОАРБИТРАЖНАЯ» ПОЛИТИКА США СТАНОВИТСЯ АГРЕССИВНОЙ*

В статье отмечается, что принятие в США Федерального Арбитражного Акта (ФАА) в 1925 году ознаменовало признание преимуществ арбитража и установило национальную политику, благоприятствующую арбитражу. До этого момента единственным источником правового регулирования арбитража в США были судебные прецеденты, а федеральные суды неохотно принуждали стороны к арбитражному разрешению споров на основании арбитражных соглашений. Действующая с 1925 года «проарбитражная» политика США в настоящее время становится все более и более агрессивной. Примером этого служит решение по делу «GE Energy Power Conversion France SAS, Corp v. Outokumpu Stainless USA, LLC» от 01.06.2020, в котором Верховный суд США единогласно постановил, что Нью-йоркская конвенция 1958 г. не препятствует принуждению стороны, не подписавшей арбитражное соглашение, к арбитражному разбирательству на основании эстоппеля по праву справедливости.

Ключевые слова: арбитраж США, «проарбитражная» политика, Федеральный арбитражный акт, арбитрабельность, эстоппель.

ERMAKOVA Elena Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

WHEN THE "PRO-ARBITRATION" POLICY OF THE UNITED STATES BECOMES AGGRESSIVE**

The article notes that the adoption of the Federal Arbitration Act (FAA) in the USA in 1925 marked the recognition of the advantages of arbitration and established a national policy favorable to arbitration. Up to this point, the only source of legal regulation of arbitration in the United States were judicial precedents, and federal courts were reluctant to force the parties to arbitrate disputes on the basis of arbitration agreements. The "pro-arbitration" policy of the United States, which has been in force since 1925, is now becoming more and more aggressive. An example of this is the decision in the case "GE Energy Power Conversion France SAS, Corp v. Outokumpu Stainless USA, LLC" dated 01.06.2020, in which the US Supreme Court unanimously ruled that the New York Convention of 1958 does not prevent the coercion of a party that has not signed an arbitration agreement to arbitration on the basis of estoppel by right of equity.

Keywords: US arbitration, "pro-arbitration" policy, Federal Arbitration Act, arbitrability, estoppel.

1. Введение

С момента принятия в 1925 году основного закона об арбитраже в США – Федерального арбитражного акта (The Federal Arbitration Act)¹ (далее - ФАА) – федеральное правительство провозгласило США как страну с «проарбитражной» политикой. До этого времени федеральные суды неохотно принуждали стороны к арбитражному разрешению споров. «Самое большее, суд мог обязать сторону возместить номинальный ущерб за нарушение соглашения об арбитраже. Это не означало, что арбитраж сам по себе был чем-то необычным, или что суды активно препятствовали арбитражной практике. Безусловно, суды справедливости регулярно приводили в исполнение арбитражные решения», – отмечал М. Стэнфорд (Калифорнийский университет, Правовая школа Беркли) [8].

До начала 1920-х годов единственным источником правового регулирования арбитража в США были судебные прецеденты, некоторые из которых датировались 17-м и 18-

веками. Мнение лорда Коука (Coke) по делу «Vunior» (1609 г.) легло в основу доктрины общего права, согласно которой «1) любая сторона могла отказаться от арбитража в любое время до момента постановления решения по существу спора; и 2) соглашение об арбитраже будущего спора противоречит публичному порядку и не подлежит исполнению». Прецедент, установленный в деле «Vunior» (из которого было экстраполировано, что стороны спора «не могут вытеснить суд из своей юрисдикции», что означало, что суды не могут быть лишены своих полномочий даже по частному соглашению) стал «контролирующим решением в американском арбитражном праве» до принятия ФАА в 1925 году, – подчеркивал американский арбитр С. Сертилман [6]. Отдельные штаты вскоре последовали этому примеру, и с тех пор соглашения об арбитраже будущих споров стали «юридически обязательными и имеющими юридическую силу». Это стало поворотным моментом для широкого использования арбитража в США.

Принятие ФАА в 1925 году ознаменовало признание преимуществ арбитража установило национальную политику, благоприятствующую арбитражу. ФАА был разработан специально для преодоления ранее существовавшей враждебности судов по отношению к арбитражу, которая, по мнению американских авторов, явилась следствием традиции английских судов. «Хорошо известно, что английским судьям выплачивались гонорары в зависимости от количества дел, по которым они принимали решения. Таким образом, арбитраж посягал на их средства к существованию» [6].

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

1 Arbitration // U.S. Code. 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title9&edition=prelim> (дата обращения: 08.02.2023).

Однако, в последние годы арбитраж в США вызывает все большую критику. «Хотя некоторые юристы рассматривают арбитраж как источник быстрого, недорогого и беспристрастного правосудия, другие считают его как тайным и необъяснимым актом институционального подрыва, который передает в частные суды те споры, которые в противном случае предназначались бы для зала суда. Такая враждебность, пожалуй, наиболее ощутима по отношению к включению шаблонных, не подлежащих обсуждению арбитражных оговорок в справочники по трудоустройству и соглашения о купле-продаже», – писал М. Стэнфорд [8].

Комментаторы и законодатели обратили внимание на растущую частоту договорных арбитражных разбирательств как не подлежащего обсуждению условия многих соглашений в США (договоров купли-продажи, трудовых соглашений) [4]. Действительно, редкий человек не подпадает под действие по крайней мере одного предварительного арбитражного соглашения, имеющего обязательную силу [7].

2. Понятие и элементы «проарбитражной» политики США

В решении Апелляционного суда второго округа США 2010 года по делу «Ragone v. Atlantic Video at Manhattan Center» (2d Cir. 2010) указывалось, что «США проводят «проарбитражную» федеральную политику; соответственно, суды отказывают в исполнении арбитражных соглашений только в ограниченных обстоятельствах, таких как: (1) когда соглашение подлежит международно-признанной защите (включая принуждение, ошибку, мошенничество, недобросовестность и отказ) или (2) когда оно противоречит публичному порядку государства-форума»².

Но вопрос о понятии «проарбитражной» политики не представляется ясным и прозрачным. Как правило, международные арбитражные комментаторы дискутируют о национальной политике или практике, является ли она «про-» или «анти-арбитражной» [1], [2]³. Постановка вопроса таким образом предполагает общее понимание того, что делает или не делает политику или практику «проарбитражной». Д. Берманн (Правовая школа Колумбийского университета) замечал, что способы, которыми государственная политика или судебная практика могут повлиять на международный коммерческий арбитраж, многообразны; они могут даже явно способствовать международному коммерческому арбитражу в некоторых отношениях, в то же время столь же явно подрывая его в других» [5].

Если мыслить абстрактно, то правительственная политика или судебная практика благоприятны для арбитража в той мере, в какой они способствуют достижению целей международного арбитража, какими бы мы их ни считали. В более широком смысле вся правовая система может быть описана как «проарбитражная», если особенности ее арбитражного режима, рассматриваемые в совокупности, также в достаточной степени способствуют достижению целей арбитража. Причем, однажды стране достаточно заслужить звание сторонника арбитража, чтобы в последующем про-

сто считаться таковой. Отчасти, так произошло с США. FAA 1925 года был объявлен как положивший конец судебной враждебности по отношению к арбитражу в США, и страна стала считаться «проарбитражной».

По мнению американских юристов, существует целый ряд критериев для определения про- или анти-арбитражного характера национального законодательства и судебной практики. Неисчерпывающий перечень способов оценки характера политики или судебной практики может выглядеть следующим образом [5]. В какой степени государственная политика и судебная практика: 1) делают арбитраж экономичным с точки зрения времени или стоимости? 2) обеспечивают согласие на арбитражное разбирательство и расширяют возможности автономии сторон? 3) это влияет на вероятные намерения или ожидания сторон? 4) согласуются с *lex arbitri* или институциональными регламентами, выбранными сторонами? 5) в соответствии с намерением стороны позволяют арбитражному трибуналу осуществлять разумные дискреционные полномочия и гибкость в вопросах арбитражной процедуры? 6) обеспечивают независимость и беспристрастность арбитров? 7) защищают право стороны быть заслушанной? 8) сводят к минимуму вмешательство национальных судов в арбитражный процесс? 9) способствуют обеспечению того, чтобы полученное решение было эффективным? 10) позволяют полученному арбитражному решению противостоять оспариванию при отмене или приведении в исполнение? 11) расширяют категории юридических требований, рассматриваемых как подлежащие арбитражу?

Мы полностью разделяем мнение Д. Берманна, что приведенный выше неисчерпывающий перечень показывает, что оценка характера «проарбитражности» конкретного закона или судебного решения ни в коем случае не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Статья 2 FAA требует, чтобы арбитражные соглашения были «в письменной форме». Определение «соглашение в письменной форме» понимается в смысле п. 2. статьи II (2) Нью-йоркской конвенции: термин «письменное соглашение» включает арбитражную оговорку в договоре, или арбитражное соглашение, подписанное сторонами, или содержащееся в обмене письмами или телеграммами.

Согласно статье 2 FAA, все арбитражные соглашения «должны быть действительными, безотзывными и подлежащими исполнению, за исключением таких оснований, которые существуют по закону или праву справедливости для аннулирования любого контракта». По заявлению любой стороны судебное разбирательство приостанавливается по любым вопросам, которые, как было определено, подлежат передаче в арбитраж. До тех пор, пока арбитражное соглашение считается подлежащим исполнению, а спор – арбитражному разбирательству, FAA оставляет за сторонами и арбитрами право определять, как должны проводиться арбитражные разбирательства. Американские авторы подчеркивали, что «в то время как FAA допускает некоторый судебный пересмотр арбитражных решений, основания, на основании которых может быть вынесен приказ об отмене арбитражного решения, являются ограниченными и исключительными и, как правило, предназначены для предотвращения мошенничества, превышения юрисдикции или процедурной несправедливости, а не для того, чтобы переоценить достоинства решения панели арбитров»⁴.

2 Ragone v. Atlantic Video at Manhattan Center, 595 F.3d 115, 121 (2d Cir. 2010). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.leagle.com/decision/infco20100217072>.

3 Schimmel D. et al. Arbitration Procedures and Practice in the United States: Overview // Thomson Reuters. 01-Jul-2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://uk.practicalcallaw.thomson-reuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicalcallaw.thomson-reuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 10.02.2023).

4 Carter J. et al. The International Arbitration Review: USA // Law Business Research. 14 July 2022. – [Электронный ресурс]. – Pe-

В международном контексте политика США в поддержку арбитража подтверждается соблюдением положений Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (Нью-Йоркской конвенции) и Межамериканской конвенции о международном торговом арбитраже 1975 г. (Панамской конвенции), которые были включены в качестве глав 2 и 3, соответственно, в FAA.

Таким образом, подход FAA в значительной степени отражает федеральную политику США, решительно поддерживающую арбитраж в качестве альтернативы иногда перегруженным, громоздким и неэффективным судам. Как правило, в подтверждение проарбитражной политики США, американские авторы приводят два судебных прецедента – дело «Moses» 1983 г. и дело «Mitsubishi Motors» 1985 г. В первом деле «Moses H Cone Mem'l Hosp. v. Mercury Constr. Corp.» 1983 года Верховный суд США утверждал: «Раздел 2 FAA является декларацией Конгресса о либеральной федеральной политике, благоприятствующей арбитражным соглашениям, несмотря на любую материальную или процедурную политику штата, утверждающую обратное»⁵. Именно эта про-арбитражная политика привела к тому, что Верховный суд в 1985 году расширил толкование арбитражной оговорки, включив в нее требования в сфере антимонопольного законодательства в решении по делу «Mitsubishi Motors Corp v. Soler Chrysler-Plymouth»⁶, позволяя арбитрам обеспечивать соблюдение федерального антимонопольного законодательства наравне с судьями.

3. Существуют ли вопросы, которые не могут быть включены в арбитражное соглашение?

Арбитражные соглашения, как правило, не могут быть приведены в исполнение в США, когда они содержат условия, затрагивающие вопросы государственной политики, которая должна обеспечиваться в судебном порядке. Например, не-арбитрабельными (non-arbitrable) в США считаются все уголовные дела и те, за которые предусмотрены штрафы. Но законодательство постепенно изменяется. Некоторые вопросы, которые ранее считались не-арбитрабельными, теперь могут быть переданы в арбитраж, в том числе иски, возникающие в соответствии с антимонопольным законодательством, законами о ценных бумагах, законами о защите работников, Законом о перевозке товаров по морю 1893 г. в ред. 2006 г. (Carriage of Goods by Sea Act) и Законом о рэкетирских и коррумпированных организациях 1970 г. (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act). Суды могут также пересмотреть вопрос об арбитрабельности арбитражного соглашения на этапе принудительного исполнения арбитражного решения или его подтверждения.

4. Распространение арбитражных соглашений на не подписавших их лиц

жим доступа: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-international-arbitration-review/usa> (дата обращения: 08.02.2023).

- 5 Moses H Cone Mem'l Hosp v. Mercury Constr Corp, 460 US 1, 24 (1983) // Casetext. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/case/moses-h-cone-hospital-v-mercury-constr-corp/analysis?citingPage=1&sort=relevance&sortCiting=date-descending> (дата обращения: 08.02.2023).
- 6 Mitsubishi Motors Corp v. Soler Chrysler-Plymouth, Inc, 473 US 614 (1985) // Justia. U.S. Supreme Court. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/473/614/> (дата обращения: 08.02.2023).

Американские авторы подчеркивали, что «путаящим примером искажения целей арбитража является широко обсуждаемое в США распространение арбитражных соглашений на не подписавших их лиц. Если лицо, привлеченное в качестве ответчика в национальном суде, не подписывало спорный договор, то это лицо имеет право доказывать в суде, что его не следует рассматривать подписавшего. Однако в случае наличия арбитражной оговорки дело обстоит иным образом, писали адвокаты Д. Картер, К. Салас и Р. Чилддри⁷.

1 июня 2020 года Верховный Суд США вынес решение по делу «GE Energy Power Conversion France SAS, Corp v. Outokumpu Stainless USA, LLC»⁸, в котором единогласно постановил, что Нью-Йоркская конвенция 1958 г. не препятствует принуждению стороны, не подписавшей арбитражное соглашение, к арбитражному разбирательству на основании справедливого эстоппеля⁹.

Русакова Е. П. отмечала, что «термин «справедливый эстоппель» включает в себя два различных варианта доктрины. Первый вариант предусматривает, что сторона может быть лишена права утверждать, что отсутствие ее подписи в договоре препятствует приведению в исполнение арбитражной оговорки по этому договору, когда она последовательно указывала, что другие положения того же договора должны быть соблюдены в его пользу. Второй вариант справедливого эстоппеля используется для того, чтобы помешать подписавшим сторонам, которые пытаются обратиться в суд, отрицать существование арбитражной оговорки. Не подписавшая сторона не может быть лишена права отрицать существование такой оговорки» [3].

Факты дела. Компания «ThyssenKrupp Stainless USA, LLC», заключила три контракта с «F. L. Industries, Inc.» на строительство станов холодной прокатки на заводе по производству стали в Алабаме. Каждый контракт содержал пункт, требующий арбитражного разбирательства любого спора по контракту. Затем «F. L. Industries» заключила соглашение о субподряде с истцом («GE Energy») на поставку девяти двигателей. После того, как двигатели для станов холодной прокатки якобы вышли из строя, компания «Outokumpu Stainless USA, LLC» (которая приобрела право собственности на завод) и ее страховщики подали в суд штата Алабама на компанию «GE Energy». «GE Energy» передала дело в федеральный суд на основании § 205 раздела 9 U.S.C. Федеральный суд принял решение отказать в иске «GE Energy» и принудить стороны к арбитражу, опираясь на арбитражные оговорки в контрактах между компаниями «F. L. Industries»

7 Carter J. et al. The International Arbitration Review: USA // Law Business Research. 14 July 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-international-arbitration-review/usa> (дата обращения: 08.02.2023).

8 GE Energy Power Conversion France SAS, Corp v. Outokumpu Stainless USA, LLC // Oyez. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oyez.org/cases/2019/18-1048> (дата обращения: 20.03.2023).

9 Эстоппель, или запрет на противоречивое поведение – правовой принцип, согласно которому лицо в силу некоторых обстоятельств утрачивает право ссылаться на какие-либо факты в обоснование своих притязаний. В результате применения такого принципа сторона может лишиться права оспорить или расторгнуть договор. Оценить все юридические риски и решить, исполнять ли договор, в котором есть правовые дефекты, следует до его заключения или в крайнем случае перед началом исполнения. Умолчание о дефектах в сочетании с исполнением, даже частичным, лишает сторону возможности успешно потребовать признания договора недействительным или незаключенным. – прим. автора.

и «ThyssenKrupp». Окружной суд удовлетворил ходатайство, придя к выводу, что и компании «Outokumpu», и «GE Energy» были сторонами соглашения.

Апелляционный суд Одиннадцатого округа отменил решение суда первой инстанции. Суд пришел к выводу, что Нью-Йоркская конвенция 1958 года допускает приведение в исполнение арбитражного соглашения только сторонами, которые фактически подписали соглашение, и что компания «GE Energy» не подписывала его.

Верховный суд США в своем решении единогласно постановил, что положения Нью-Йоркской конвенции 1958 года не противоречат внутренним доктринам эстоппеля по праву справедливости, которые допускают приведение в исполнение арбитражных соглашений сторонами, не подписавшими Конвенцию. Верховный суд отметил, что Глава 1 FAA не меняет базовые принципы законодательства штата, включая такие доктрины, как эстоппель по праву справедливости, который разрешает принудительное исполнение контракта стороной, не подписавшей договор. Глава 2 FAA предусматривает, что Глава 1 применяется к искам и разбирательствам, возбужденным в соответствии с настоящей главой, в той мере, в какой Глава 1 не противоречит настоящей главе или Конвенции. Соответствующее положение Конвенции гласит, что суды договаривающихся государств «должны... направить стороны в арбитраж», когда стороны спора заключили письменное соглашение об арбитраже и одна из сторон просит о передаче дела.

Судья Верховного суда С. Сотомайор написала особое мнение, в котором отметила, что применение внутренней доктрины, такой как лишение права возражения на основе права справедливости, должно основываться на принципе согласия на арбитраж.

Хотя решение Верховного суда по делу «GE Energy Power Conversion France SAS v. Outokumpu Stainless USA LLC» разрешает узкую проблему толкования договора, оно ставит множество новых юридических вопросов, возникающих в связи с правоприменением. Это включает в себя потенциал принудительного исполнения арбитражных решений в отношении сторон, не подписавших арбитражное соглашение, - отмечал американский автор М. Макнил¹⁰.

Выводы.

Вопрос о «проарбитражности» конкретного государственного режима является сложным комплексным вопросом. При этом оценка характера «проарбитражности» конкретного закона или судебного решения ни в коем случае не так проста, как может показаться на первый взгляд. Отметим, что стране однажды достаточно заслужить звание сторонника арбитража, чтобы в последующем просто считаться таковой. Отчасти, так произошло с США. FAA 1925 года был объявлен как положивший конец судебной враждебности по отношению к арбитражу в США, и страна стала считаться «проарбитражной».

Полагаем, что внедряя концепцию «проарбитражности» в конкретной стране не следует искажать цели арбитража и распространять арбитражные соглашения на не подписавших их лиц. Арбитраж – это добровольный механизм

разрешения споров. Заключая соглашение о рассмотрении спора арбитражем, стороны выводят свой спор из-под юрисдикции государственных судов, передавая его на разрешение альтернативного органа – арбитража. При этом сторона знает последствия такого решения. Лишая сторону права на обращение в суд в принудительном порядке, государственный суд тем самым подрывает одно из основных конституционных прав – право на судебную защиту.

Приставленный библиографический список

1. Карабельников Б. Р. Опять арбитрабельность, или Новая песня на старый лад // Закон. – 2018. – № 10. – С. 148-157.
2. Курочкин С. А. Арбитрабельность и подведомственность: вопросы теории. – 2015. – № 1 (97). – С. 32-45.
3. Русакова Е. П., Йонг Домингес Э. Х. Распространение арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны: уроки сравнительного права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. № 1. – С. 144-154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.22>.
4. Ситкарева Е. В. Проблемы использования арбитража в групповых исках при разрешении финансовых споров в США // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Международной научно-практической конференции памяти профессора В. К. Пучинского, Москва, 12 октября 2018 года / Российский университет дружбы народов. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 331-339.
5. Bermann G. What does it mean to be 'pro-arbitration'? // Arbitration International. – 2018. Vol. 34. – P. 341-353. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/arbint/aiy025> (дата обращения: 03.03.2023).
6. Certilman S. Throw Down the Muskets, Seek Out the Town Elders. This Is a Brief History of Arbitration in the United States // New York Dispute Resolution Lawyer. – Spring 2010. – Vol. 3. No. 1. – Pp. 10-13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=1690512> (дата обращения: 04.03.2023).
7. Emerson R., Hunt Z., Franchisees, Consumers, and Employees: Choice and Arbitration // William & Mary Business Law Review. – 2022. – Vol. 13. Iss. 2. – P. 487-572 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scholarship.law.wm.edu/wmblr/vol13/iss2/5> (дата обращения: 10.02.2023).
8. Stanford M. Odd Man Out: A Comparative Critique of the Federal Arbitration Act's Article III Shortcomings // California Law Review, Inc. – 2017. – Vol. 105. Iss. 3. – Pp. 929-984. DOI: <https://dx.doi.org/10.15779/Z38GH9B835>.

¹⁰ McNeil M. Supreme Court Overturns Rule that Only Signatories Can Compel International Arbitration // Arentfox schiff LLP. June, 11, 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.afslaw.com/perspectives/international-arbitration-dispute-resolution-blog/supreme-court-overturns-rule-only> (дата обращения: 20.03.2023).

КОМЛЕВА Татьяна Михайловна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРОЦЕДУРА ОБЪЯВЛЕНИЯ НАСЛЕДНИКОВ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНУ В ИСПАНИИ*

Настоящая статья посвящена некоторым вопросам наследования по закону в Испании. Рассматривается процедура объявления наследников при наследовании по закону, приводится ее определение, указываются те случаи, при наступлении которых наследственное дело будет открываться по закону, приводится перечень основных документов, необходимых для начала указанной процедуры, обозначены лица, которые правомочны проводить данную процедуру, а также ее порядок. По результатам процедуры объявления наследников составляется Декларация наследников, которая является обязательным документом для открытия наследственного дела по закону. В статье раскрывается ее смысл и содержание. Автором приводится общая очередность наследников при наследовании по закону. Анализируется нормативная база и другие доктринальные источники.

Ключевые слова: наследование, наследственное право, Испания, нотариус, процедура объявления наследников по закону, Декларация наследников в Испании.

КОМЛЕВА Tatyana Mikhaylovna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROCEDURE FOR DECLARATION OF HEIRS WHEN INHERITING BY LAW IN SPAIN**

The article is devoted to some issues of inheritance by law in Spain. The author, based on normative and doctrinal sources, analyzes procedure for declaring heirs when inheriting by law in Spain and gives its definition; identifies situations when an inheritance case is to be opened by law; shows a list of the main documents required to start this procedure; indicates the persons who are authorized to carry out this procedure. Based on the results of the procedure for declaring heirs, a Declaration of heirs is drawn up; such Declaration is a mandatory document for opening an inheritance case by the law. The author demonstrates its meaning and content as well as gives the general order of heirs when inheriting by law.

Keywords: inheritance, inheritance law, Spain, notary, procedure for declaring heirs by law, Declaration of heirs in Spain.

Институт наследования, известный еще с древнейших времен, с одной стороны, направлен на упорядочение отношений собственности, а с другой – является одним из гарантов социальной справедливости, гарантирующим каждому человеку возможность распорядиться нажитым за всю жизнь имуществом на случай своей смерти. Именно поэтому детальное изучение правового регулирования наследственных отношений представляется наиболее значимым. Рано или поздно все люди становятся их участниками, выступая в роли наследника или наследодателя [8, с. 192].

Под наследованием понимают охраняемый законом порядок перехода после смерти наследодателя принадлежащих ему на праве частной собственности вещей, иного имущества, а также имущественных прав и обязанностей к одному или нескольким наследникам в порядке универсального правопреемства.

Под основаниями возникновения, изменения и прекращения наследственного правоотношения следует понимать юридические факты. Юридические факты – это обстоятельства, с которыми в данном случае закон связывает возникновение, изменение и прекращение наследственного правоотношения.

В качестве основания наследования главными выделяют закон и завещание [6].

В Испании правовые нормы при наследовании будут применяться только в тех случаях, которые прямо предусмотрены в законодательстве. Так статья 912 Гражданского кодекса Испании устанавливает те случаи, при наступлении которых наследственное дело будет открываться по закону:

1. когда человек умирает без завещания, или в последующем оно признано недействительным;

2. когда в завещании не указан наследник в отношении всего или части имущества или не содержит всего того, что принадлежит наследодателю. В этом случае правопреемство будет иметь место только в отношении неуказанного имущества;

3. когда наследник не соответствует условию, поставленному завещателем, или наследник умирает раньше наследодателя, или отказывается от наследства, не имея замены и без права увеличения.

4. когда указанный наследник в завещании признан недостойным наследником [16].

Существует очередность наследования при наследовании по закону. В Испании в общих чертах можно сказать, что первыми к наследованию призываются дети и их потомки, вторыми – родители и предки, далее – овдовевший супруг или супруга, затем прибавляются законные наследники: братья и племянники, другие боковые родственники до четвертой степени кровного родства, а при отсутствии всех – государство.

Одной из особенностей наследственного права Испании является наличие таких документов как Декларация наследников и Свидетельство об актах последней воли умершего.

Настоящая статья будет посвящена процедуре объявления наследников при наследовании по закону, дано ее понятие, определены случаи, когда она применяется, обозначены лица, которые ее проводят, а также Декларации наследников как основного документа, который составляется по итогам процедуры объявления наследников.

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

Объявление наследников – это юридическая процедура, которая ставит своей целью определение лиц, которые будут призваны унаследовать имущество, права и обязанности умершего. Важно знать, что данная процедура не регулирует распределение самого имущества, а только определяет тех лиц, которые призываются к наследованию. По результатам этой процедуры составляется документ, который называется Декларация наследников.

В настоящее время в зависимости от случаев Декларация наследников в Испании может быть составлена судом или нотариусом.

Только с вступлением в силу нового Закона № 15/2015 от 2 июля о добровольной юрисдикции [14], вышеупомянутый процесс может осуществляться нотариусом, что упрощает процесс. Таким образом, когда у умершего есть родственники по восходящей, нисходящей линии или супруг, декларация наследников может быть произведена через нотариуса, однако, когда этих наследников нет, процедура будет более сложной и наследники будут обязаны обратиться в суд [13].

Процедура объявления наследников также регулируется статьями 55 и 56 Закона о нотариате [15].

Чтобы приступить к объявлению наследников, заинтересованные лица должны обратиться к компетентному нотариусу, который оформит акт о известности. Нотариус будет правомочен, когда он находится в одном из следующих мест:

- последний адрес или постоянное место жительства умершего;
- место, где умер наследодатель;
- место, где находится большая часть имущества умершего;
- районы, прилегающие к вышеперечисленным;
- при отсутствии вышеперечисленного компетентен нотариус по месту жительства лица, инициирующего процесс.

Любое лицо, имеющее законный интерес, может потребовать от компетентного нотариуса начать процесс объявления наследников.

В нотариальном акте будут указаны имена и адреса лиц, которые считаются имеющими право на наследство. Кроме того, при наличии несовершеннолетнего или недееспособного заинтересованного лица нотариус должен будет уведомить прокурора, чтобы можно было назначить судебного защитника [9].

Следующим шагом будет предоставление документальных доказательств, подтверждающих факты, на которых основан ваш запрос:

- удостоверение личности умершего;
- оригинал свидетельства о смерти;
- свидетельство об актах последней воли умершего, которое запрашивается в Реестре актов последней воли умершего и содержит запись о наличии или отсутствии завещаний умершего;
- свидетельства о рождении наследников;
- семейные книги или свидетельства, выданные органами регистрации актов гражданского состояния, подтверждающие родственные связи с умершим или умершими людьми, претендующими на некоторые права на наследство;
- другие документы, необходимые для подтверждения права на наследство по закону.

Заявитель должен заявить о достоверности предоставленных документов и фактов, а также предоставить свидетельские показания, данные не менее двух свидетелей, которые должны быть предложены заявителем и не иметь прямой заинтересованности в наследстве. Свидетельские показания должны быть даны относительно того факта, что умерший не составлял завещаний и что указанные лица являются его единственными наследниками, а также указать известные ему положительные и отрицательные факты [13].

Нотариус должен добиваться слушания для заинтересованных лиц, используя при этом информацию, полученную от заявителя, информацию, направленную на подтверждение их личности, места жительства, гражданства, применимое иностранное право, которую нотариус сам запрашивает, а также в случае необходимости может потребовать помощь реестров, государственных, консульских и иных органов и ор-

ганизаций, которые в силу своей компетенции могут предоставить соответствующую информацию [10].

Если нотариус не может установить личность или адрес кого-либо из заинтересованных лиц, он обязан опубликовать запрос посредством объявления, опубликованного в «Официальном государственном вестнике», и может, если он сочтет это целесообразным, использовать другие дополнительные средства связи. Также необходимо вывесить объявление о записи на досках объявлений мэрий, соответствующее последнему месту жительства умершего, месту смерти, если оно отличается, или месту, где находится большая часть его недвижимого имущества [15].

С момента публикации у заинтересованных сторон есть один месяц, чтобы воспользоваться своим правом на возражения, а также для предоставления документов или других элементов суждения.

После завершения предыдущих процедур и истечения двадцати рабочих дней, считая с момента подачи первоначального запроса или с момента окончания месячного срока, предоставленного для предъявления возражений в случае публикации объявления, нотариус должен зафиксировать свое решение о подтверждении фактов и предположений, на которых основано заявление наследников. Каким бы ни было решение нотариуса, запись будет завершена, а ее протоколирование продолжится.

После этого нотариус приступает к доработке Декларации наследников, в которой указываются родственники умершего, являющиеся наследниками по закону, а также права, которые им соответствуют по закону. Право на обращение в суды за теми, кто не доказал, по мнению нотариуса, свое право на наследство, и за теми, местонахождение которых не могло быть установлено, сохраняется и фиксируется в протоколе. Те, кто считает себя ущемленным в своем праве, также могут прибегнуть к соответствующему декларативному процессу.

После того, как будет составлена Декларация наследников останется только принятие наследства. Каждый из названных наследников должен выразить свое намерение принять указанное имущество [10].

Как было упомянуто выше, процедура объявления наследников может быть произведена через нотариуса или суд.

Объявление наследников судом является более сложным вариантом и осуществляется при отсутствии супруга, нисходящих или восходящих родственников. Другими словами, если нет близких родственников (дети и их потомки, родители и предки, супруги). В таком случае процедуру должны инициировать племянники и братья и дальнейшие родственники по линии родства. Это довольно дорогой процесс.

Первое, что нужно сделать, это воспользоваться услугами юриста, специализирующегося по наследству. Однако, если наследство составляет менее 2404,05 евро в этом случае нет необходимости нанимать специализированного юриста, только если ради ускорения процедур и экономии времени в суде рекомендуется иметь адвоката.

В целом, сама процедура схожа с той, которую осуществляет нотариус. Заинтересованным лицам, считающие себя наследниками, необходимо предоставить следующие документы:

- свидетельство о смерти;
- регистрацию умершего, для подтверждения места жительства умершего;
- свидетельство об актах последней воли умершего, которое запрашивается в Реестре актов последней воли умершего, которое подтверждает отсутствие завещания;
- свидетельство о рождении детей умершего;
- свидетельство о браке умершего;
- различные другие свидетельства из ЗАГСа;
- другие документы, необходимые для подтверждения родства, а также права на наследство по закону.

Кроме того, им необходимо также представить двух совершеннолетних свидетелей, которые знают семью, которые подтвердят, кто является родственником умершего.

После процедуры обязательно должен пройти срок 20 рабочих дней, по истечению которых составляется Декларация

ция наследников о признании наследниками без завещания. После получения данного документа возможно произвести раздел наследства [9].

Если по истечению двух месяцев с момента вызова заинтересованных лиц никто не явился, а также если отсутствуют наследники у умершего лица, которые могут получить наследство, то наследство будет объявлено вакантным, т.е. признано выморочным. В таком случае наследником будет признано государство (настоящее положение закреплено в ст. 956 Гражданского кодекса Испании) и будет начата соответствующая процедура объявления наследником [10].

Заключение.

В отличие от Российской Федерации, процесс открытия наследственного дела по закону в Испании является более сложным. Законным наследникам необходимо пройти процедуру объявления наследников, которая выглядит не совсем просто. По итогам данной процедуры необходимо составить Декларацию о наследниках, после получения которой, возможно принять наследство и приступить к самому разделу наследственного имущества. Как мы видим в настоящей статье сказано, что нотариус, как участник данного процесса, стал только в 2015 году, после принятия закона о добровольной юрисдикции. Можно сделать вывод о том, что до 2015 года получить Декларацию о наследниках возможно было только через суд, что являлось сложно, дорого, долго, а также необходимо было привлечение соответствующих специалистов-юристов. Поэтому, безусловно, вышеуказанный закон упростил данную процедуру и разгрузил суды. Однако, законодатель все равно оставил суд как участника процедуры объявления наследников по закону в определенных случаях (когда нет близких родственников). Усложненная процедура, создающая дополнительные трудности бюрократического характера, безусловно, является негативным следствием применения такого подхода, но отчасти компенсируется формированием у граждан понимания о преимуществах составления завещаний и самостоятельного ясного выражения своей воли. Проанализировав нормативную базу, доктринальные источники можно сказать, что испанский законодатель, установив такую процедуру, таким образом также способствует более тщательной проверке наличия оснований для наследования и учета интересов наследников.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация наследников. Гражданское право, Наследство. Conceptos Juridicos.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.conceptosjuridicos.com/declaracion-de-herederos/> (дата обращения: 15.01.2023).
2. Декларация наследников: что это такое и как ее делать? LEAN Abogados. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.leanabogados.com/especialistas-herencias/declaracion-de-herederos/> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Декларация объявления наследников без завещания. Rodenas Abogados. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rodenasabogados.com/declaracion-de-herederos-abintestato/#Declaracion_de_herederos_por_el_Juzgado (дата обращения: 15.01.2023).
4. Закон 15/2015 от 02 июля о добровольной юрисдикции, опубликован в «BOE» ном. 158, от 03/07/2015, вст. в силу 23/07/2015, ссылка: BOE-A-2015-7391. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-7391&p=20221020&tn=2> (дата обращения: 25.01.2023).
5. Закон о нотариате от 28 мая 1862, опубликован в «Gaceta de Madrid» ном. 149 от 29/05/1862, вст. в силу 19/06/1862. Ссылка: BOE-A-1862-4073. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1862-4073&p=20210710&tn=1#a55> (дата обращения: 10.02.2023).
6. Корнеева И. Л. Наследственное право: учебник и практикум для вузов. – 6-е изд., испр. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 282 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15982-0. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/516905> (дата обращения: 07.02.2023).
7. Королевский Декрет от 24 июля 1889, об утверждении Гражданского кодекса, опубликован в «Gaceta de Madrid» номер 206 от 25 июля 1889, вст. в силу 16/08/1889. Ссылка: BOE-A-1889-4763. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763&p=20211216&tn=1> (дата обращения: 15.01.2023).
8. Наследственное право: учебник / Под общ. ред. Р. А. Курбанова, О. В. Шведковой. – Москва: Проспект, 2022. – 192 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/357523000_Nasledstvennoe_pravo_ucebnik_Pod_obs_red_R_A_Kurbanova_R_A_Kurbanov_E_V_Bogdanov_T_E_Zulfugarzade_i_dr_-_Moskva_Prospekt_2022_-_192_s (дата обращения: 07.02.2023).
9. Declaracion de herederos abintestado. Rodenas Abogados. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rodenasabogados.com/declaracion-de-herederos-abintestato/#Declaracion_de_herederos_por_el_Juzgado (fecha de la solicitud: 15.01.2023).
10. Declaración de herederos. Derecho Civil, Herencias. Conceptos Juridicos.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.conceptosjuridicos.com/declaracion-de-herederos/> (fecha de la solicitud: 15.01.2023).
11. Derecho de sucesiones: libro de texto / ed. edición R. A. Kurbanova, O. V. Shvedkova. - Moscú: Avenida, 2022. – 192 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/357523000_Nasledstvennoe_pravo_ucebnik_Pod_obs_red_R_A_Kurbanova_R_A_Kurbanov_E_V_Bogdanov_T_E_Zulfugarzade_i_dr_-_Moskva_Prospekt_2022_-_192_s (fecha de la solicitud: 07.02.2023).
12. Korneeva I. L. Derecho de sucesiones: libro de texto y taller para universidades / I. L. Korneeva. - 6ª ed., rev. - Moscú: Editorial Urayt, 2023. – 282 p. – (Educación más alta). – ISBN 978-5-534-15982-0. – Texto: electrónico // Plataforma educativa Urayt [sitio web]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/516905> (fecha de la solicitud: 07.02.2023).
13. La declaración de herederos: ¿qué es y cómo debe hacerse? LEAN Abogados. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.leanabogados.com/especialistas-herencias/declaracion-de-herederos/> (fecha de la solicitud: 15.01.2023).
14. Ley 15/2015, de 2 de julio, de la Jurisdicción Voluntaria, publicado en «BOE» núm. 158, de 03/07/2015, entró en vigor 23/07/2015. Referencia: BOE-A-2015-7391. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-7391&p=20221020&tn=2> (fecha de la solicitud: 25.01.2023).
15. Ley del Notariado de 28 de mayo de 1862, publicado en «Gaceta de Madrid» núm. 149 de 29/05/1862, entró en vigor 19/06/1862. Referencia: BOE-A-1862-4073. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1862-4073&p=20210710&tn=1#a55> (fecha de la solicitud: 10.02.2023).
16. Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil, publicado en «Gaceta de Madrid» núm. 206, de 25 de julio de 1889, entró en vigor 16/08/1889. Referencia: BOE-A-1889-4763. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763&p=20211216&tn=1> (fecha de la solicitud: 15.01.2023).

АРИСТОВ Владислав Владиславович

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЖИМОВ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВООПОРЯДКАХ

Целью настоящей публикации является проведение компаративного анализа, на основании которого предлагается новая классификация режимов имущественных отношений супругов: предлагается разделять данные правоотношения на отношения общности и отношения компенсационного характера вместо трехзвенного деления на режимы общности, отложенной общности, раздельности.

Ключевые слова: общая собственность супругов, режим общности, режим отложенной общности, режим раздельности, вклад в семейную жизнь.

ARISTOV Vladislav Vladislavovich

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CLASSIFICATION OF REGIMES OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN SPOUSES IN FOREIGN LEGAL SYSTEMS

The purpose of this publication is to conduct a comparative analysis, on the basis of which a new classification of marital property relations regimes is proposed. The proposition is made to divide these legal relations into community relations and compensatory relations instead of a three-tier division into commune spouse's property, deferred commune spouse's property, separation of spouse's property regimes.

Keywords: common property of spouses, community mode, deferred community mode, separation mode, contribution to family life.

Введение

В отечественной цивилистике сформировался определенный устоявшийся подход к определению классификации режимов имущественных отношений супругов. О. А. Хазова, наиболее полно разясняя разницу в данных режимах, выделяет три вида регулирования отношений, складывающихся по поводу супружеского имущества: общность, раздельность и смешанный режим, который иначе можно именовать «отложенная общность» [14], [15]. Данная концепция, как следует из работ множества исследователей (А. В. Егорова, Р. С. Бевзенко, А. В. Слепаковой, А. Ф. Пьянковой [11] и других) полностью воспринята доктриной семейного права.

Р. С. Бевзенко, критикуя существующий в данный момент режим общей совместной собственности в России, обращает внимание на правовые порядки Австрии и Германии, называя их правовыми порядками с «системой отложенной собственности» и не проводя между ними различия [2]. Аналогичной позиции придерживается А. В. Егоров [8]. Тем не менее, автор настоящей работы полагает, что анализируемые режимы общей собственности не являются абсолютно схожими, а сложившаяся классификация не позволяет исчерпывающим образом определить специфику режимов, используемых в зарубежных правовых порядках. Соответственно, настоящим предлагается альтернатива делению различных режимов имущества супругов на категории простой общности, отложенной общности и раздельности. Для уяснения существенных различий предлагаемых к восприятию подходов следует обратиться к правовым порядкам Франции, Квебека, Германии (отношения общности), Австрии, Великобритании (отношения компенсационного характера).

Режим общности имущества супругов

Режим общности подразумевает учёт специфики брачных отношений, направлен на регулирование отношений супругов, возникающих по поводу вкладов (как имущественных, так и неимущественных) в семейную жизнь.

Режим имущественных отношений супругов во Франции

Регулирование французским законодателем имущественных отношений супругов с течением времени претерпело значительные изменения. Исследуя развитие семейного права Франции Л. Ж. Морандьер указывает на различные этапы переосмысления имущественного положения супругов [10]. Стоит выделить следующие из них:

– Этап до начала реформ: муж является главой семьи, жена подвластна мужу в силу недееспособности. Статья 213 Французского гражданского кодекса (далее – ФГК) указывала: «Муж обязан оказывать жене попечение, жена мужу – послушание». Недееспособность жены объяснялась через концепцию *imbecillitas sexus*, что в принципе исключало наличие каких-либо имущественных прав в браке у женщины. Данная концепция имеет свои корни, как было показано, ещё с древнего римского права. Представляется, что её в полной мере перенял европейский законодатель ещё с появлением более ранних источников писанного права. Так, в Кутюмах Бовези существенно ограничиваются процессуальные права женщины в ходе судебного разбирательства: ей допускалось выступать в суде только «за себя и за детей» в случае получения разрешения от мужа [16]. А. В. Слепакова со ссылкой на

работы Жюллио де ла Морандьера указывает, что муж ко всему прочему мог распоряжаться личным имуществом жены по правилам законного режима имущественных отношений супругов [12].

– Переходный этап: Закон от 18 февраля 1938 года изменил положение жены в силу усиления общественной роли женщин и развития потребности общества в женщине как в профессиональном работнике. В ходе реформы была упразднена «*мужняя власть*», на замену которой пришло указание на мужа как на главу семьи, которое, по сути, указывает на социальную функцию мужа (или жены, к которой данная функция могла бы перейти). Тем не менее, Л. Ж. Морандьер отмечает, что реформа потеряла большую часть своего значения в связи с «*неограниченным объемом имущественных прав мужа*», который не был подвергнут изменениям законодателем.

– Окончательное становление во Франции современного имущественного режима супругов произошло в результате принятия закона от 22 сентября 1942 года. Эта реформа привнесла изменения режим общности имущества супругов (в случае, если сторонами не заключен брачный договор) и привела его в привычный для современного правового порядка вид.

Стоит отметить, что Л. Ж. Морандьер приводит анализ данных периодов, не ограничиваясь вопросом имущественного положения супругов. Автор показывает на примере смены общих тенденций в области семейного права эволюцию правового положения супругов в целом. Похожим образом происходило развитие регулирования семейных отношений супругов и в римском праве, что показано в главе I настоящей работы.

Феномен общности в понимании действующего ФГК [7]¹ можно вывести напрямую из названия соответствующего раздела ФГК: «Состав активов и пассивов общности имущества супругов». Не требуется скрупулёзный и длительный анализ, чтобы осознать подход французского законодателя: вышеуказанные проблемы узкого восприятия российским правоприменителем термина «имущество», отсутствия учёта активов и пассивов в общности (что по мнению некоторых приводимых выше исследователей не нуждается в корректировке) французскому правовому порядку неизвестны. Термин «общее имущество» в парадигме ФГК заменяется совокупностью терминов *activement des acquêts* (активы, состоящие из приобретений) и *passivement* (пассивы). Статья 1401 ФГК также решает проблему определения принадлежности доходов от личного имущества супругов через указание на источники общности: совместно нажитое имущество, личный труд, **сбережения и плоды, образовавшиеся от личного имущества**. Статья 1467 ФГК указывает на необходимость определения состава общности при её ликвидации и разделе имущества супругами. Соответственно, не имеет значения то, кем из супругов в период брачных отношений было приобретено имущество: по общему правилу оно считается совместно нажитым [20].

Тем не менее, французским законодателем в полной мере была воспринята теория трансформации. Статья 1406

ФГК устанавливает, что к личному имуществу супругов относятся права требования, возникшие в результате реализации личного имущества, а также статья 1407 ФГК, «продляющая» трансформацию в сравнении со статьёй 1406 ФГК ещё и на имущество, приобретенное взамен реализованного личного имущества. При этом любая разница в цене **должна быть либо компенсирована супругу или в общность**. То есть те правила, которые в российском правовом порядке закреплены на уровне судебной практики, в ФГК устанавливаются напрямую.

При этом, можно сказать, что французский законодатель пошёл дальше: статьи 1469, 1470 ФГК позволяют исчислять сальдо во «взаимоотношениях» супруга и общности с учётом правил о трансформации, что допускает сальдо в пользу супруга в ситуации, когда в период брака своё личное имущество он «трансформировал» в имущество более дешёвое. В таком случае супруг не только признаётся собственником этой более дешёвой вещи, но и получает право требования к супружеской общности на сумму разницы между первоначально находящимся в собственности супруга личным имуществом и более дешёвым, приобретенным им впоследствии. Во французской доктрине такой подход объясняется тем, что на стороне супругов возникают расходы, понесённые ими за счёт личного имущества, что порождает на стороне общности обязательство. При этом такое обязательство наступает с отсрочкой, в момент, когда общность готовится к расформированию [20, р. 193].

Интересным представляется восприятие общности французскими исследователями. На основании анализа судебной практики авторы приходят к выводу о том, что в ходе судебного процесса (который во французских судах может быть достаточно длительным) общность также наполняется за счёт того, что один из супругов продолжает пользоваться тем или иным общим имуществом. Так, супруг, продолжающий проживать в общей квартире будет обязан внести соответствующую компенсацию в общность [20, р. 435].

Способы же исчисления вкладов каждого из супругов в общность отсутствуют в ФГК. Статья 1475 ФГК устанавливает, что остаток на «балансе» общности делится между супругами поровну. Тем не менее, супруг, сохранение общности для которого явно нарушает его имущественные интересы, может потребовать установления режима раздельности в судебном порядке в случае, если другой супруг допускает ненадлежащее управление общностью (иными словами, вносит в общность отрицательный вклад, статья 1443 ФГК). То есть в случае, указанном в предыдущем абзаце, когда за счёт общности регулярно погашаются долги одного из супругов, другой супруг может требовать прекращения общности в судебном порядке и выплаты компенсации в счёт пассивов, привнесённым в общность другим супругом ранее.

Режим имущественных отношений супругов в Квебеке

Интересным представляется подход, используемый в законодательстве Квебека. Статья 414 Гражданского кодекса Квебека (далее – ГК Квебека) [5]² вводит категорию семейного имущества супругов, которое включает в себя всё имущество

1 Оригинальный актуальный текст ФГК: Официальный сайт источника опубликования французского законодательства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/2022-06-01/ (дата обращения: 05.06.2022).

2 Оригинальный текст Гражданского кодекса Квебека: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/en/document/cs/ccq-1991> (дата обращения: 05.06.2022).

супругов, приобретенное как в период брака, так и ранее вне зависимости от того, является ли такое имущество личным. Статья 415 ГК Квебека устанавливает состав семейного имущества супругов (например, квартира и предметы её обстановки, автомобиль и иное движимое имущество, используемое в совместном быту), а также состав имущества, которое в этот перечень не входит (например, то, что получено одним из супругов в порядке наследования или дарения). Здесь следует отметить, что перечень имущества, которое подлежит включению в состав общего семейного имущества, является закрытым: имущество, которое не попадает в список, указанный в статье 415 ГК Квебека (например, акции, приобретенные супругом до вступления в брак) остаётся личным. Это также следует из 432 ГК Квебека. В этом мы видим решение одной из проблем отечественного правопорядка: в анализируемом акте понятным образом определяется состав общего имущества супругов.

В силу же статьи 416 ГК Квебека в случае прекращения брака активы, из которых состоит семейное имущество супругов, подлежат пропорциональному разделу между ними. Не следует, однако, для усвоения порядка раздела имущества супругов ограничиваться одной этой статьёй, поскольку статьи 417, 418 Кодекса существенно её дополняют. Так, для раздела стоимости общего семейного имущества необходимо первоначально определить его чистую стоимость (*The net value*), а после её определения в силу закона из неё вычитаются: а) стоимость имущества, принадлежащего одному из супругов на момент вступления в брак на праве личной собственности; б) чистая стоимость имущественного вклада супруга, сделанного за счёт унаследованного, подаренного имущества; в) стоимость реинвестированного иного личного имущества каждого из супругов. В этом проявлении регулирования имущественных отношений супругов в Квебеке очень схоже с подходом немецкого законодателя, отчего А. В. Слепакова указывает на признаки отложенной общности в данных положениях ГК Квебека [12, с. 307]. Здесь следует заметить, что равно в рамках ГК Квебека (а как будет показано далее и в рамках Германского гражданского уложения) последствия общности начинают «ощущаться» супругами с момента заключения брака. Так, консолидация имущества в общность позволяет супругам управлять им совместно (статья 461 ГК Квебека), что является одним из контраргументов «отложенности» общности.

Интересным представляется то, что, как было упомянуто ранее, наравне с режимом общности в Квебеке существует институт компенсации (статья 427 ГК Квебека). Компенсация присуждается в том случае, если один из супругов своим вкладом (имущественным или трудовым) создал выгоду на стороне другого супруга.

Режим имущественных отношений супругов в Китае

Режим имущества супругов в Китае характеризуется общностью и схож с решением российского правопорядка, хотя не повторяет его полностью. Статьи 1062, 1064, 1065 Гражданского Кодекса Китайской Народной Республики [6] (далее – «ГК КНР») устанавливают перечень имущества, образующего совместную собственность супругов, а также возможность заключения брачного договора. В данном случае можно наблюдать сходство в самой идее общности имуще-

ства супругов, однако реализована она иначе. Перечень имущества, образующего совместную собственность супругов (*заработная плата, доходы от реализации интеллектуальных прав и проч.*) и перечень имущества, являющегося личным (*имущество, принадлежащее супругам до вступления в брак, предметы повседневной жизни и проч.*), не исчерпывающим образом определены в ст. 1062, ст. 1063 ГК КНР соответственно. Подобное решение имеет одновременно как положительный, так и отрицательный эффект.

Положительный эффект заключается в решении проблемы судебного нормотворчества, приводящего к такому применению закона, которое законодатель мог и не закладывать в норму. Так, пункт 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации содержит в себе правило о том, что общим имуществом супругов **также** является определенный перечень объектов, приобретенный за счёт **общих** доходов; тем не менее, как было описано ранее, в судебной практике устоялось расширительное толкование приводимого пункта, которое привело к выводу «от обратного»: имущество, приобретенное на собственные деньги одного из супругов, не входит в совместную собственность. Как полагает автор настоящей работы, такое достижение отечественной судебной практики является скорее отрицательным. Установив исчерпывающий перечень совместного и «индивидуального» имущества, китайский законодатель, кажется, предпринял попытку для исключения подобной тенденции.

Тем не менее, то, каким образом сформулированы нормы статей 1062, 1063 ГК КНР, не исключает проблему неопределенности в вопросе определения статуса имущества, полученного в период брака, так как всегда найдётся такое имущество, которое не относится ни к одному из двух перечней. В такой ситуации перед судом неизбежно встанет выбор между упомянутыми перечнями, которые, во-первых, оба являются открытыми, а, во-вторых, не содержат в себе признаков, позволяющих чётко разграничить их «охват». Например, случай компенсации морального вреда: он не имеет прямого отношения к пункту 2 статьи 1062 ГК КНР (компенсации в связи с вредом здоровью). К какому из открытых перечней отнести данную компенсацию? Кажется, что она очевидна связана с личностью потерпевшего, который получил данную компенсацию (а значит, должна входить в состав личного имущества): но ведь статья 1062 ГК КНР не содержит в себе указаний на какие-либо критерии отнесения имущества в тот или иной перечень. Соответственно, видится что законодатель так и не достиг цели исчерпывающего регулирования: решив одну проблему, китайский законодатель создал для правоприменителя иную сложность в определении критериев отнесения того или иного имущества к данным «размытым» перечням. Также стоит отметить, что ГК КНР в анализируемых нормах игнорирует полноценное понимание имущества не только как вещей и имущественных прав, но и как совокупности обязательств, что исключает таким образом справедливое распределение имущества в ходе его раздела.

Представляется, что подобное решение является характерным для ГК КНР, в котором упор сделан скорее на казуистику. Иной интересной иллюстрацией этого является подход законодателя к вопросу отнесения к совместной собственности имущества, **приобретенного в порядке наследования или дарения**. Так, согласно пункту 4 статьи 1062,

пункту 3 статьи 1063 ГК КНР, чтобы такое имущество считалось личным имуществом одного из супруга необходимо наличие соответствующего указания в договоре. Такое решение реализовано не через одну, но через две нормы: имущество, приобретенное подобным образом, попало сразу в оба перечня (личного и совместного имущества), при том что пункт 4 статьи 1062 ГК КНР указывает, что такое имущество считается общим за исключением пункта 3 статьи 1063 ГК КНР, который, в свою очередь, устанавливает правило о необходимости указания в договоре дарения, что имущество предназначается только одному из супругов. При избранном законодателем способе регулирования наличие пункта 4 статьи 1062 ГК КНР не требуется: даже при отсутствии этой нормы пункт 3 статьи 1063 ГК КНР будет действовать с тем же результатом.

Режим имущественных отношений супругов в Германии

Французскому правопорядку, согласно предлагаемой в отечественной цивилистике классификации, традиционно противостоит иное решение, предлагаемое правопорядком немецким. Здесь следует отметить, что зарубежные авторы не проводят столь яркой демаркационной линии между законодательством Франции и Германии, называя режимы регулирования имущественных отношений супругов в этих странах «французско-германским подходом к регулированию отношений из супружеской собственности в условиях действия режима общности» [18].

Пункт 2 § 1363 BGB [9] вводит понятие «Zugewinnngemeinschaft», которое устанавливает, что имущество мужа и жены не становится общим, но является нажитым в период брака и подлежит разделу при расторжении брака. При этом, на него распространяется режим «общности»³. К. Н. Анненков, комментируя положения относительно ранней редакции (начало 20 века) BGB, писал: «Супруги обязаны друг перед другом к совместной супружеской жизни», отмечая при этом, что раздельность имущества устанавливается в тех «немногих случаях», когда издержки супружеской жизни возлагаются не только на мужа (как по общему правилу), но и в том числе на жену [1].

Тем не менее среди отечественных исследователей доминирует позиция о создании данным положением режима «отложенной общности имущества супругов». Так, А. Ф. Пьянкова, аналогично позиции Р. С. Бевзенко, указывает следующее: «В период брака имущество считается раздельным; управление имуществом может осуществляться либо одним из супругов, либо совместно» [11]. Подобной позиции придерживаются и иные авторитетные отечественные исследователи: О. А. Хазова, А. В. Слепакова и другие. В целом, следует отметить, что среди отечественных публикаций невозможно найти иную точку зрения: традиционно принято считать, что немецкий правопорядок сформировал режим «отложенной собственности».

Немецкая доктрина в части толкования термина *Zugewinnngemeinschaft* сформировала следующий подход: «Die

Zugewinnngemeinschaft ist entgegen ihrem Namen keine Gemeinschaft»⁴. Отдельные англоязычные авторы указывают, что понятие режим *Zugewinnngemeinschaft* можно лишь в совокупности со всеми его правилами, без изоляции и попытки рецепции отдельных его частей [19]. Так, Kevin J. Gray приходит к выводу о существовании преимущества «*Zugewinnngemeinschaft*» перед другими системами, имеющими место в некоторых штатах США, где главенствует режим общности имущества супругов. Так, в режиме совместной собственности правопорядок должен определить то, каким образом будет осуществляться управление общей собственностью супругов. Автор же указывает, что несомненное преимущество немецкой модели заключается в том, что она эту проблему «игнорирует», откладывая наступление «общности» до момента расторжения брака или иного основания его прекращения. С последним приводимым доводом невозможно согласиться, поскольку BGB всё же устанавливает своеобразный режим общности, который ограничивает распоряжение сторонами имуществом супругов. Подобную особенность BGB отмечает и Н. R. Nahlo [22], указывая, что несмотря на четкое разделение имущества каждого из супругов, на него накладывается своеобразный «отпечаток»: «... but neither spouse may, without the other's consent, dispose of his or her whole estate or of household goods»⁵. Автор описывает «*Zugewinnngemeinschaft*» как некое сообщество, в котором супруги принимают участие, имея различный объем долей. Имеется в виду следующее: так, согласно §1373-§1375 BGB при расторжении брака оценивается имущественное состояние каждого супруга как до брака, так и на момент прекращения общности, на основании чего в пользу одного из супругов может быть присуждена компенсация в зависимости от размера имущественного прироста, имевшего место в период брака на стороне другого супруга. В ходе сопоставления имущественного состояния можно сделать вывод, например, что супруг «А» имея 1000 условных единиц на момент расторжения брака сохранил 1500 условных единиц, тогда как супруг «Б» не получил видимого изменения собственного имущественного положения. При таких условиях упомянутые 500 единиц считаются «прибылью» (как это называет Н. R. Halo) супруга «А», которую он должен разделить с супругом «Б» посредством выплаты последнему компенсации.

Таким образом, можно заключить, что утверждение об отложенном характере общности имущества не позволяет раскрыть всю специфику немецкой модели регулирования имущественных отношений супругов. В *Zugewinnngemeinschaft* можно увидеть и элементы режима общности (хотя, как пишут немецкие авторы, приводимые выше, данный режим

3 Перевод автора: п. 1 § 1363 BGB: «К правоотношениям супругов применяется режим общности имущества, нажитого каждым из супругов во время брака, если брачным договором не согласовано иное».

4 Перевод автора: «Общность имущества супругов в противоположность ее названию не образует общую массу», Krause R.L. *Eheliches Güterrecht*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://silo.tips/download/eheliches-gterrecht-3> (дата обращения: 05.06.2022); автор ссылается на судебный акт финансового суда Германии: BFH NJW 2002, 2974 ff. (2975) (IV R 1/01). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexetius.com/2002,831> (дата обращения: 05.06.2022). Аналогичную позицию высказывает и Von Markus Schnabel *Eine Gemeinschaft, die gar keine ist*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.badische-zeitung.de/eine-gemeinschaft-die-gar-keine-ist-83589781> (дата обращения: 05.06.2022).

5 Перевод автора: «Но без согласия другого супруга, супруг не может распоряжаться всем своим имуществом, включая предметы домашней обстановки».

не подразумевает образование общности) и отражение действия института компенсации. Режим «общности» с точки зрения BGB в его необычном проявлении имеет место с момента заключения брака. Значимое различие с общей совместной собственностью в России, которое может быть воспринято в качестве предпосылки для констатации отсутствия общности собственности супругов в Германии (или отложенной общности – до момента прекращения брака), заключается в том, что в период брака супруги свободны в реализации имущественных прав в отношении имущества, составляющих их собственность. Однако из этого правила есть исключение в силу действия пункта 1 § 1363 BGB, который налагает на собственность каждого из супругов своеобразные ограничения. Супруг, который приобрел имущество (до брака или в период брака), обладает им на праве собственности, однако в отношении него распространяется «Zugewinnngemeinschaft». Наиболее строгой в этом отношении является норма §§ 1365, 1369 BGB в соответствии с которой супруг может распоряжаться собственным имуществом только с согласия другого супруга. Другим примером является абзац 2 § 1377 BGB, согласно которого каждый из супругов вправе потребовать от другого супруга подробный перечень (опись) имущества. Данная норма BGB в принципе опровергает тезисы вышеприведенных авторов о том, что BGB «обходит стороной» вопросы совместного управления имуществом, составляющего собственность каждого из супругов. **На основании приведенных доводов можно заключить, что «Zugewinnngemeinschaft» можно квалифицировать даже не как общность, а как квазиобщность, поскольку реального обобществления имущества супругов не происходит в принципе, хоть и порядок накладывает некоторые ограничения на распоряжение каждым из супругов личным имуществом.**

Интересно, что §1558 - §1563 BGB устанавливают порядок ведения реестра имущественных отношений супругов; в этот реестр, тем не менее, может быть внесена запись только по ходатайству супругов, что делает его менее информативным для третьих лиц.

Из вышеописанного следует, что немецкий порядок не проводит линию режима общности вовсе. **Имущество супругов никогда не будет считаться общим: ни в период брачных отношений, ни после их прекращения.** Тем не менее, «сообществом приобретений» этот брак делает действие института похожего на институт общей собственности. Так, вернувшись к положениям ГК Квебека, обратимся к статьям 414, 415 Кодекса, устанавливающих понятие family patrimony: как его именует А. В. Слепакова «семейное имущество». Данное имущество в период брака считается общим вне зависимости от того, в какой момент оно было приобретено (например, даже если квартира была куплена супругом до заключения брака). Тем не менее, с прекращением общности супруг имеет право потребовать указанное имущество обратно. Похожим образом действуют и положения BGB, которые хотя и прямо не устанавливают «общность» приобретенного имущества, но ограничивают права супругов на распоряжение собственным имуществом.

Институт компенсации вклада в семейную жизнь

Предлагаемый к восприятию институт компенсации вклада в семейную жизнь, ограничиваясь анализируемыми

в настоящей работе источниками, можно увидеть в нормах ГК Квебека и BGB. Ниже предлагается рассмотреть действие института компенсации на примере правопорядков Австрии и Великобритании: данные примеры хотя и сложно сопоставимы, но имеют в себе схожую черту, которая заключается в действии в этих странах режима раздельности. Если в ГК Квебека, в BGB (и частично во Франции) компенсация призвана восполнить неспособность распределения общности между супругами полностью удовлетворить цель справедливого уравнивания имущественных прав и интересов супругов, то в предлагаемых к анализу правопорядках в компенсацию целиком и полностью «закладывается» функция такого уравнивания.

Очевидно, что вступление в брачные отношения фактически порождает общность супружеской жизни: именно обоснованию этого тезиса отчасти работа автора об истории развития супружеских отношений общности. Законодатель, который сознательно игнорирует эти общественные отношения, не преобразуя их правоотношения, должен найти иной способ достижения ранее обозначенной цели. Именно за этим и существует режим компенсации в приводимых ниже правопорядках.

Режим имущественных отношений супругов в Австрии

Хотя и в отечественных источниках превалирует иной подход, автор настоящей работы полагает, что Всеобщий гражданский кодекс Австрии [3] (далее – ABGB) регулирует имущественные отношения супругов иным образом в сравнении с BGB. Это проявляется в том, что ABGB, в отличие и от ГК РФ, и от BGB, законный режим общего имущества не устанавливает вовсе.

Такой подход связан с исключительной социальной ориентированностью регулирования в ABGB вопросов прав и обязанностей супругов. Так, § 90 ABGB регулирует общественные отношения содействия профессиональной деятельности супруга, соблюдения верности и подобающего обращения, а § 94 устанавливает обязанность внесения «вкладов», но не в общее имущество, а в «семейную жизнь». Соответствующий вклад, в зависимости от его характера (будь то вклад в профессиональную деятельность одного из супругов или же ведение домашнего хозяйства) даёт в соответствии с п. 2 § 94, § 98 право требовать содержания или же имущественного возмещения соответственно. В результате, с точки зрения обозначенной «культуры» восприятия брачных отношений, консервативной и опирающейся на вопросы морали политики австрийского законодателя, режим общего имущества супругов не является востребованным. Необходимость в нём отпадает постольку, поскольку регулирование вкладов в «семейную жизнь» означает более глубокий и гибкий уровень абстракции, который позволяет разрешить конкретный спор, исходя из представлений bonae fidei и в зависимости от обстоятельств дела.

Таким образом, мы видим явное различие между режимами собственности супругов по ABGB и BGB. Австрийский подход характерен тем, что хотя ABGB равно как BGB не устанавливает общность в привычном её понимании, но дополнительно к этому вовсе устраняется от регулирования отношений супругов, связанных с владением, пользованием, распоряжением собственным имуществом. Австрийский

правопорядок закрепляет ответственность супругов друг перед другом только на основании несоблюдения или ненадлежащего соблюдения взаимных обязательств, вследствие нарушения которых в последующем ими могут заявляться имущественные требования друг к другу.

Требования, что важно заметить, не о разделе имущества (поскольку разделять нечего), а о возмещении вклада в «семейную жизнь». Отдельным подтверждением отсутствия общности является § 1237 ABGB – устанавливая раздельность имущества супругов, данный параграф не предусматривает необходимости согласования сделок, совершаемых одним из супругов в отношении собственного имущества, в отличие от положений BGB. Правопорядок ФРГ же отличается тем, что устанавливает категорию имущества, нажитого в браке § 1373, которое подлежит разделу и режим общности имущества, в силу которого супруги, хотя они и совершают сделки в отношении собственного имущества, должны эти сделки согласовывать друг с другом. Таким образом, как констатируют немецкие авторы, общность имущества распространяется на имущество, приобретенное в период брака [21], [23], [24]. Из этого правила, как было отмечено ранее, есть исключение в виде § 1369 BGB.

Соответственно, австрийский законодатель оставляет без внимания феномен общности совместного супружеского быта, если она не устанавливается брачным договором (§1233 ABGB указывает, что сам факт заключения брака не образует общности имущества). При этом, как уже было отмечено ранее австрийский законодатель достигает известной цели путём установления института компенсации. Так, супруг, который занят ведением домашнего хозяйства вправе требовать содержания (пункт 2 § 94 ABGB); супруг, который своими усилиями содействует в осуществлении другим супругом профессиональной деятельности, имеет право требовать справедливой компенсации своего содействия (§ 98 ABGB); наконец, при расторжении брака супруг, чья вина в прекращении брачных отношений оценивается как пропорционально меньшая вине другого супруга, имеет право требования убытков и упущенной выгоды в связи с расторжением брака (§ 1266 ABGB). Таким образом, компенсация носит как объективный (в связи со вкладом в семейную жизнь), так и субъективный (в связи с несением убытков) характер.

Режим имущественных отношений супругов в Великобритании

Особенность регулирования имущественных отношений супругов в странах с англо-саксонской системой права составляет комбинация режима раздельности имущества супругов и института компенсации. В подобной модели можно найти ряд преимуществ: исключаются ранее констатированные проблемы российского правопорядка определения дефиниции общего имущества супругов и его состава; включения или невключения в общность «пассивов»; действия теории трансформации и связанные с этим сложности. Строго говоря, устранение режима общности решает большинство проблем, характерных для отечественного правопорядка. Однако, как ранее констатировано в настоящей работе, любой законодатель неизбежно встаёт перед целью справедливого «уравнивания» положения супругов после прекращения совместной семейной жизни. И хотя в отечественной литературе не встречается подобного сравнения, подход ан-

ло-саксонского и австрийского правопорядков видятся схожим, поскольку в анализируемых источниках можно видеть решение упомянутой цели через присуждение «пострадавшему» супругу компенсации.

В 1882 году режим раздельности имущества супругов был введен Законом о собственности замужних женщин, согласно которому «*все депозиты, ... все суммы, ... которые на момент вступления в силу настоящего Закона являются собственностью замужней женщины, а также все акции, долговые обязательства, ... считаются, до тех пор, пока не будет обратное, ... имуществом такой замужней женщины*»⁶.

Следующий законодательный акт от 1935 года указывает на возможность замужней женщины владеть и распоряжаться любой собственностью: «*... Все имущество, которое... являлось отдельной собственностью замужней женщины или предназначалось для ее отдельного использования по праву справедливости; или же принадлежит на момент вступления в брак с женщиной, вышедшей замуж после принятия настоящего Закона; или же приобретено замужней женщиной или переходит к ней, должно принадлежать ей во всех отношениях, она может соответственно распоряжаться им*»⁷.

Затем законодательство Великобритании развивается по иному пути, устанавливая особый статус отдельного имущества, приобретенного в период брака. Так, согласно положениям Закона об имуществе замужних женщин от 1964 года деньги, предоставленные мужем жене на расходы для целей ведения общего хозяйства и любое имущество, приобретенное на эти деньги, должны, при отсутствии соглашения между супругами об обратном, считаться собственностью мужа и жены в равных долях⁸. Данный акт до сих пор сохраняет свою актуальность.

Закон о бракоразводных процессах и собственности от 1970 года устанавливает: если супруг вносит существенный денежный вклад в улучшение имущества, которое принадлежит другому супругу, то такой супруг имеет права бенефициара в согласованном между супругами объеме или же определено судом на основании принципов справедливости и соразмерности⁹. При признании за одним супругом права на определенную долю в имуществе другого супруга размер этой доли устанавливается только в судебном процессе. В делах «Петтит против Петтит»¹⁰ и «Гиссинг против Гиссинг»¹¹ члены Палаты лордов указали что супруг, который вносил улучшения в имущество, принадлежащее другому супругу, должен иметь право на справедливую долю в праве собственности. Ключевым моментом является то, что стороны долж-

6 Married Women's Property Act 1882. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/45-46/75/contents> (дата обращения: 03.06.2022).

7 Law Reform (Married Women and Tortfeasors) Act 1935. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/25-26/30/contents> (дата обращения: 03.06.2022).

8 Married Women's Property Act 1964. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1964/19/contents> (дата обращения: 03.06.2022).

9 Matrimonial Proceedings And Property Act 1970. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1970/45/contents> (дата обращения: 03.06.2022).

10 Pettitt v Pettitt [1969] UKHL 5 (23 April 1969). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1969/5.html> (дата обращения: 03.06.2022).

11 Gissing v Gissing [1970] UKHL 3 (07 July 1970). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1970/3.html> (дата обращения: 03.06.2022).

ны были иметь общее намерение разделить собственность по справедливости, которое может быть подтверждено соглашением или «доверием на риск» стороны, не являющейся законным владельцем (*detrimental reliance* – конструкция, при которой сторона разумно вынуждена полагаться на обещание, данное другой стороной). В обоих делах Палата лордов не усмотрела намерения супругов разделить имущество, в которые были внесены улучшения, каким-либо образом между собой (соответственно, суд не признал за супругом, вносившим улучшения в имущество другого супруга, право на это имущество).

Тем не менее, любой законодатель неизбежно встаёт перед целью справедливого «уравнивания» положения супругов после прекращения совместной семейной жизни. И хотя в отечественной литературе не встречается подобного сравнения, подход англо-саксонского и австрийского правовых порядков видятся схожим, поскольку в анализируемых источниках можно видеть решение упомянутой цели через присуждение «пострадавшему» супругу компенсации.

В англо-саксонском правовом порядке основанием компенсации служат, прежде всего, потребности супруга, который после расторжения брака становится «слабой» стороной.

Так, в деле FF против KF судья Мостин обратил внимание на потребности супруги и разъяснил, что потребности – это «художественный термин», оценка которого определяется в зависимости от состояния супруга, который находится в «сильной» позиции, продолжительности брака, возраста и состояния здоровья «слабого» супруга, а также уровня жизни семьи. Главное правило состоит в том, что потребности должны состоять в причинно-следственной связи с браком. Исходя из этого принципа, супруге было присуждено 4,25 миллиона фунтов стерлингов именно на основании потребностей супруги, в которые входили как ежедневные потребности, так и «квартира в той части Лондона, в которой она чувствовала себя счастливой и ей было удобно»¹². Такой подход поддерживается и в других судебных решениях: в деле VB против JP сэр Марк Поттер подчеркнула, что компенсация «является не более чем аспектом справедливости» и «лучше всего решать ее посредством щедрой оценки повседневных потребностей жены, не ограниченных чисто бюджетными соображениями»¹³.

Помимо этого, еще одним критерием, который может быть воспринят судом во внимание, выступает та совокупность благ и возможностей, от которой одному из супругов пришлось отказаться ради благополучия семьи. Дело «Макфарлейн против Макфарлейн» – это, как указывает лорд Никколс, «образцовый случай для присуждения компенсации в связи со значительным будущим экономическим неравенством, понесенным женой, в результате того, как стороны вели свой брак». Супруга отказалась от карьеры, сделав выбор в пользу воспитания детей, в то время как супруг имел возможность продолжить свою карьеру.

При этом, ранее упоминаемый английский автор Н. Р. Hahlo, рассуждающий в одной из своих работ о регулировании имущественных отношений супругов в немецком правовом порядке, приходит к выводу о том, что вклад каждого супруга и с опорой на немецкое право, и с опорой на англо-саксонское право одинаково ценен вне зависимости от привнесения им материальной выгоды¹⁷⁹ (наиболее распространенный пример: *domestic effort* – уход за совместным бытом со стороны одного из супругов). Соответственно, Kevin J. Gray указывает на необходимость распределения между супругами имущества в равных долях с отступлением от этого правила лишь в исключительных случаях.

В деле же «Макфарлейн против Макфарлейн» учитывался и такой фактор, как вклад супругов в благополучие семьи. Лорд Никколс пояснил, что при разводе женщина, которая ограничила свою способность зарабатывать во время брака, понесет двойную потерю: уменьшение ее собственной способности зарабатывать и потерю доли в доходе ее мужа, которая была увеличена за счет ее вклада в брак. Вклад сторон в брак был разным, но равным. Вклад жены позволил мужу создать рабочую среду, приносящую большее вознаграждение, «из которого она должна была получить свою справедливую долю». Она продолжала вносить вклад в семью, воспитывая детей в семье. Этот вклад не закончился, когда стороны разошлись. С учетом «жертвы» супруги своей карьерой, а также её вклада в благополучие семьи, ей была присуждена компенсация в размере 5 миллионов фунтов стерлингов¹⁴.

Соответственно, можно заключить, что институт компенсации в Великобритании базируется скорее на субъективных факторах, связанных с личностью супругов: компенсация присуждается исходя из соображений об упущенной выгоде (несостоявшаяся карьера супруга, посвятившего себя домашнему хозяйству) или на разумных ожиданиях, вызванных «пребыванием» в брачных отношениях (определенный уровень жизни, который сильная сторона обеспечивала слабой стороне).

Режим имущественных отношений супругов в странах Востока

Интересным для анализа представляется режим имущественных отношений супругов на востоке, где регулирование по данному вопросу развивалось самобытно и необычно. Для заключения брака в некоторых странах Востока необходимо заключить брачный договор (статья 1 сирийского закона, статья 1 закона ЙАР, статья 2 иорданского закона) [13]. Несмотря на полную раздельность имущества супруга, одним из условий действительности брачного договора является соответствие материального положения мужа положению жены, из чего следует дальнейшая обязанность мужа поддерживать определенный уровень жизни жены и всей семьи. Формальным подтверждением соблюдения данного требования, как представляется, являлся институт брачного выкупа, совершаемого мужем [17]. Таким образом, муж вместе с рядом прав, присущих домовладке, перенимает обязанность по содержанию собственной семьи, тогда как жены не участвуют в несении хозяйственных расходов (сохраняя при этом всю триаду правомочий собственника).

12 FF v KF [2017] EWHC 1093 (Fam) (12 May 2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Fam/2017/1093.html&query=\(title:\(+FF+\)\)+AND+\(title:\(+v+\)\)+AND+\(title:\(+KF+\)\)+AND+\(title:\(+.2017.+\)\)+AND+\(title:\(+EWHC+\)\)+AND+\(title:\(+1093+\)\)](https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Fam/2017/1093.html&query=(title:(+FF+))+AND+(title:(+v+))+AND+(title:(+KF+))+AND+(title:(+.2017.+))+AND+(title:(+EWHC+))+AND+(title:(+1093+))) (дата обращения: 03.06.2022).

13 VB v JP [2008] EWHC 112 (Fam). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Fam/2008/112.html&query=\(VB\)+AND+\(v\)+AND+\(JP\)+AND+\(.2008.\)+AND+\(EWHC\)+AND+\(112\)+AND+\(Fam\)\)](https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Fam/2008/112.html&query=(VB)+AND+(v)+AND+(JP)+AND+(.2008.)+AND+(EWHC)+AND+(112)+AND+(Fam))) (дата обращения: 03.06.2022).

14 McFarlane v McFarlane [2004] EWCA Civ 872 (07 July 2004). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKHL/2006/24.html&query=\(Miller\)+AND+\(v.\)+AND+\(Miller\)\)](https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKHL/2006/24.html&query=(Miller)+AND+(v.)+AND+(Miller))) (дата обращения: 03.06.2022).

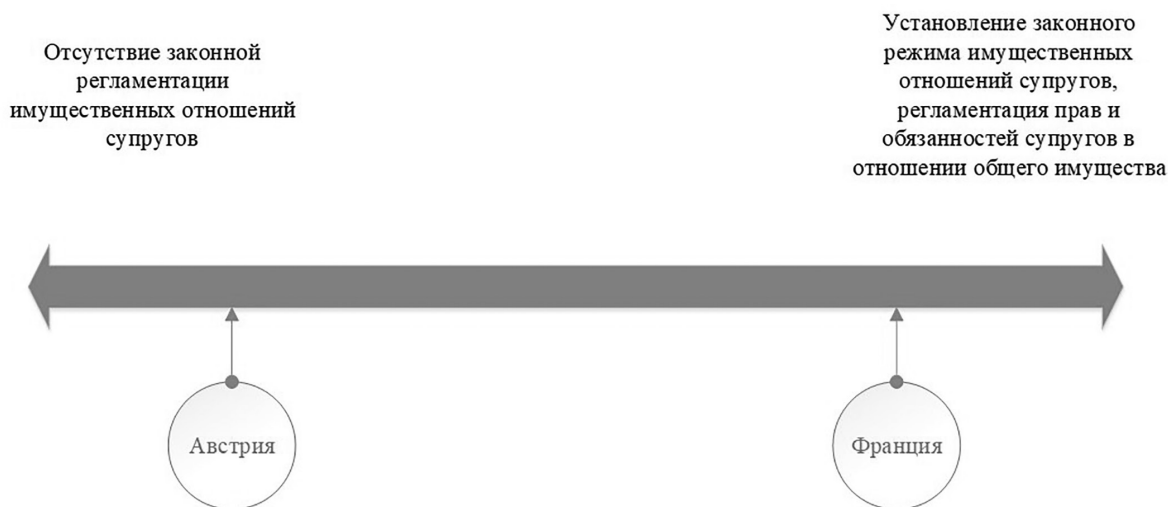

Рисунок 1

Выводы по результатам проведения компаративного анализа

Как предполагается, проведенное в настоящей работе исследование показывает, что деление, предлагаемое на сегодняшний день, может быть уточнено в части определения подходов правопорядков в области регулирования имущественных отношений супругов. Представляется, что четкое и явное разграничение правовой политики регулирования в анализируемой области принципиально невозможно. Это связано с тем, что цель законной регламентации исследуемых общественных отношений заключается в установлении справедливой компенсации слабой стороне (при этом, кажется неуместным определение такой стороны исходя из гендерных стереотипов), а для её достижения законодателями используется совершенно различный правовой инструментарий. Главенство указанной цели в определении того или иного имущественного режима супругов является бесспорным, будучи следствием неизбежного развития любого правопорядка.

В итоге можно сделать вывод, что правопорядки стремятся к достижению одной и той же цели: «выравниванию» имущественного положения супругов как в ещё длящихся брачных отношениях, так и после их прекращения. Аналогичный вывод можно сделать и из анализа генезиса регулирования в области имущественных отношений супругов на примере римского права, а также на примере истории развития отечественного регулирования (ещё К. А. Граве указывал на необходимость достижения равноправия в отношениях между супругами, что, по мнению автора настоящей работы, и подразумевает соблюдение баланса интересов сторон и обеспечение справедливой компенсации в случае прекращения брачных отношений [4]).

Тем не менее, возможно разграничение избираемых правопорядками инструментов для достижения указанной цели. Однако, в этой части следует считать уже сформировавшееся в отечественной доктрине разграничение имущественных режимов отношений супругов нуждающимся в уточнении.

Применительно к избираемому правопорядком инструментариям кажется необходимым отметить следующее: несмотря на общую цель, подходов в регулировании имуще-

ственного положения супругов может быть всего два, и проведение между ними строгой демаркационной линии представляется невозможным. Сочетание данных подходов, их смешение, является нормальным следствием поиска законодателем оптимального решения для установления баланса интересов каждой стороны брачного правоотношения. При том кажется логичным, что в зависимости от страны, её правовых традиций, разные правопорядки могут более или менее тяготеть к одному из двух анализируемых подходов.

Наиболее отчётливо данный тезис можно проиллюстрировать на примере сравнения правопорядков Австрии и Франции. (См. рис. 1.)

ABGB устраняется от регулирования имущественных правоотношений между супругами в случае длящихся брачных отношений. Тем не менее, нельзя сказать, что австрийский законодатель избрал политику полного невмешательства в вопросы имущественного положения каждого из супругов. Как было описано в настоящей главе, в случае расторжения брака супругу, сделавшему значительный вклад в семейную жизнь, полагается выплата от супруга, рассчитываемая пропорционально сделанному им вкладу.

Регулирование же, предлагаемое ФГК, носит более строгий (и привычный российскому правопорядку) характер: регулируются и имущественные правоотношения супругов в ещё длящихся брачных правоотношениях. И вместе с тем, невозможно утверждать о тотальной регламентации законом имущественных отношений супругов в силу существования брачного договора и диспозитивности режима общности.

Из показанного соотношения можно сделать вывод о возможности дополнения классификации режимов имущественных отношений супругов «общность-отложенная общность-раздельность». Строго говоря, по результатам проведенного исследования можно утверждать о несостоятельности выделения режимов отложенной общности в Германии и Австрии (например, фокус в немецком правопорядке делается не на «отложенность» а на установление компенсации, рассчитываемой определенным образом).

Из проведенного анализа, наконец, следует, что правопорядки в части избранного в них способа регулирования имущественных правоотношений супругов, можно подразделять по следующим признакам: а) как устанавливающих

компенсационные обязательства в отношении одного из супругов для «выравнивания» положения другого супруга (Австрия, Германия...¹⁵); б) как предусматривающих особый имущественный режим в отношениях супругов, внешне делающий схожими брачные отношения с товариществом. Необходимо отметить, что некоторые правовые порядки, которым присуще прямое закрепление обязанности по компенсации одним из супругов вклада, сделанного в семейную жизнь, могут вбирать в себя и некоторые особенности подхода «б» в части установления порядка владения, пользования, распоряжения имуществом, приобретенным в период брака (§1365, §1369 BGB).

Пристатейный библиографический список

1. Анненков К. Н. Указ. соч. - С. 151.
2. Бевзенко Р. С. Сделка с супружеским имуществом без согласия другого супруга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2016. - № 11. - С. 124 - 134.
3. Всеобщий гражданский кодекс Австрии. - М.: Инфотропик Медиа, 2011. - С. 3 – 261.
4. Граве К. А. Имущественные отношения супругов. - М.: Госюриздат, 1960. - 117 с.
5. Гражданский кодекс Квебека = Code civil du Québec / Науч. ред. и авт. предисл.: О. М. Козырь, А. А. Маковская; Авт. введ.: Джон Е. К. Брайерли. - М.: Статут, 1999. - 470.
6. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / Отв. ред. П. В. Трощинский. - М.: Синосфера, 2020.
7. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). - М.: Инфотропик Медиа, 2012. - С. 4 - 592.
8. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930 - 2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах и др.; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. - Москва: Статут, 2020. - 480 с.
9. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб. - М.: Инфотропик Медиа, 2015. - С. VIII – XIX, 1 – 715.
10. Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / Пер. с фр. и вступительная статья Е. А. Флейшиц. Том 1. - М.: Изд-во иностранной лит., 1958. - С. 395-413.
11. Пьянкова А. Ф. Право общей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов // Закон. - 2019. - № 12. - С. 138-147.
12. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. - М.: Статут, 2005. 444 с.
13. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право и семейное законодательство стран Арабского востока. - Щербинка.: НИИмаш, 1984. - 146 с.
14. Хазова О. А. Брак и развод в буржуазном семейном праве. Сравнительно-правовой анализ. - М.: Наука. - С. 78-96.
15. Хазова О. А. К вопросу о брачных договорах и брачных соглашениях за рубежом // Закон. - 2020. № 10. - С. 154-165.
16. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. М. Корецкого. - М.: Госюриздат, 1961. - С. 580-599.
17. Шарль Р. Мусульманское право. - М.: Издательство иностранной литературы – 1959. - С. 34.
18. Atkin B. The International Survey of Family Law 2011 Edition. - Wellington: Jordan Publishing. - P. 207.
19. Bromley P. Reallocation of Property on Divorce. Abingdon. - Oxon.: Professions Books Ltd, 1977 // The Cambridge Law Journal. - № 37 (2).
20. Cresp M., Hauser J., Marion H., Sandrine S., Droit de la famille. - Bruxelles: Bruylant, 2018. - P. 188.
21. Dethloff N. Familienrecht. Ein Studienbuch. - Munchen, 2012. - P. 101-102.
22. Hahlo H. R. "Matrimonial Property Regimes: Yesterday, Today and Tomorrow" // Osgoode Hall Law Journal 11. - № 3 (December 1973). - P. 455-478.
23. Hohbch G. Familienrecht. Stuttgart; Munchen; Hannover; Berlin; Weimar; Dresden, 2002. - P. 247-248.
24. Muscheler K. Familienrecht. - Munchen, 2012. - P. 170-172.

¹⁵ Дополнительно следует пояснить, что французский правовой порядок не следует причислять к числу стран, реализовавших в национальном законодательстве институт компенсации, поскольку, хотя и в ФГК можно встретить упоминание *compensation*, производится она средствами общности и в связи с её прекращением. Наиболее явным же примером совмещения режима общности и института компенсации, помимо Германии, является Квебек: так, ГК Квебека содержит два следующих друг за другом раздела: *Family Patrimony* (регулирующий понятие общее семейное имущество) и *Compensatory Allowance* (устанавливающий правомочие суда в присуждении за счёт одного из супругов компенсации другому супругу).

РУСАКОВА Екатерина Петровна

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЧЕРНЫШЕВА Татьяна Анатольевна

студент Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

«СИСТЕМА ZHI» – «НОВАЯ ВЕХА» В ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ С НИМИ ПРАВ В ИНТЕРНЕТ-СУДЕ ГУАНЧЖОУ*

В связи с активным развитием интернет-технологий большинство сделок совершаются в виртуальной реальности, а вопросы связанные с установлением авторства выходят на первый план. Статья посвящена феномену новой платформы агрегации «системы ZHI», которая способствует развитию интерактивного судебного разбирательства по спорам об авторских и смежных с ними правах в интернет-суде Гуанчжоу. Приводится понятие «системы ZHI», раскрываются аспекты работы данной платформы. В работе исследовано законодательство Китая, доктринальные источники, мнения судей, а также проведен анализ судебной практики с использованием данной операционной системы.

Ключевые слова: интернет-суд Гуанчжоу, электронное правосудие в Китае, «система ZHI», цифровизация судопроизводства, интерактивное судебное разбирательство, искусственный интеллект (ИИ), авторские права.

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CHERNYSHEVA Tatyana Anatoljevna

student of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

«ZHI SYSTEM» – «NEW MILESTONE» IN COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS PROTECTION IN GUANGZHOU INTERNET COURT**

In connection with active access to Internet technologies, most of them acquire value in real life, and issues related to establishing authorship come to the fore. This article focuses on the phenomenon of new aggregation platform "ZHI system" which facilitates the development of online litigation for copyright and related rights disputes in Guangzhou Internet Court. The concept of "ZHI system" is introduced, and aspects of the platform are disclosed. Chinese legislation, doctrinal sources, judges' opinions and court practice analysis using this operating system are researched in the paper.

Keywords: Guangzhou Internet Court, e-justice in China, "ZHI system", digitalization of litigation, interactive litigation, artificial intelligence (AI), copyright.

На современном этапе развитие общества происходит путем интенсивного внедрения информационных технологий, которые в свою очередь изменяют и открывают новые способы взаимодействия во всех сферах социальной жизни населения любого государства. Несмотря на то, что человечество относительно недавно вступило в цифровую эру, а ее особенности еще до конца не были сформированы, можно все же проследить, что новые феномены модели коммуникаций оказали значительное влияние на изменение судопроизводства. В частности, учитывая особенности формирования новой действительности, Китай стал одним из первых государств, которое положило начало становления новой парадигмы судопроизводства – учреждение интернет-судов: интернет-суд в Ханчжоу (18 августа 2017 г.), интернет-суд в Пекине (9 сентября 2018 г.) и интернет-суд в Гуанчжоу (28 сентября 2018 г.) [8, с. 187-192].

Сформированные КНР новые реалии стали революцией, отвечающей нашему времени [9]. К примеру, обращаясь

к официальной статистике Интернет-суда Гуанчжоу, за три года, прошедшие с момента его создания, судом было принято в общей сложности 156 179 дел, среднее время судебного разбирательства составило около 25 минут, а средний период судебного разбирательства – около 37 дней. В местных же низовых судах Китая среднее время судебного разбирательства составило около 66 минут, а средний период рассмотрения споров – около 121 дня¹. Учитывая то, что данный суд обладает централизованной юрисдикцией в отношении всех споров, связанных с авторскими и смежными с ними правами на произведение, впервые опубликованные как в самом Интернете, так и на производстве, опубликованные или распространяемые онлайн², подавляющее количество дел в данном суде касалось защиты именно авторских и смежных с

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

1 景汉朝. 互联网法院的时代创新与中国贡献 // 中国法学. 2022. №4. (Цзинхань. Инновации в эпоху интернет-судов и вклад Китая // Журнал Китайское законодательство. 2022. №4.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=3uoqlhG8C44YLTlOAIrKibYlV5Vjs7iJTKGjg9uTdeTsOI_ra5_XWpV4gyhwv6BIV77roERvwGQ99l7Rg1yLeuZj-7cEMKE&uniplatform=NZKPT (дата обращения: 19.03.2023).

2 最高人民法院关于互联网法院审理案件若干问题的规定: 2018年9月6日最高人民法院审判委员会第1747次会议通过. (Регламент Верховного народного суда КНР по ряду вопросов, касающихся рассмотрения дел интернет-судами: 1747-я сессия Арбитражной комиссии Верховного народного суда 6 сентября 2018 года.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-116981.htm> (дата обращения: 05.10.2022).

ними прав. Поэтому, в связи с колоссальной нагрузкой суда делами по спорам в интернете, а также, исходя из Решения Постоянного комитета ВСНП³ и «Пилотных мер по внедрению реформы упрощенного механизма отвода гражданского процесса» Верховного народного суда КНР⁴, 23 июля 2021 года интернет-суд Гуанчжоу внедрил в свое разбирательство новую агрегационную платформу – «систему ZHI»⁵.

Новая платформа представляет собой операционную систему для интерактивного судебного разбирательства, включающую в себя синергию способов облегчающих такие процессы как: подачу исков, сохранение, анализ и автоматическое сравнение доказательств, автоматическое преобразование судебных процедур и вынесенных по аналогичным делам решений, а также применение трехуровневого механизма разрешения споров, включающего «консультации, посредничество и судебное разбирательство» для рассмотрения дел различной степени сложности.

Безусловно, уникальность этой «системы ZHI» состоит и в том, что для ее применения необходимо соблюдение ряда условий⁶:

- стороны договорились проводить судебное разбирательство в интерактивном формате, используя данную систему;
- все стороны удостоверились и подтвердили свою возможность связаться друг с другом в интерактивном пространстве системы;
- оспариваемые вопросы касаются споров по мелким искам, где факты ясны, споры незначительны, а также обстоятельство дела могут быть установлены без проведения судебного разбирательства.

Сам процесс применения данной системы начинается с заполнения стандартизированных шаблонов для быстрой подачи заявления о рассмотрении спора в интернет-суде Гуанчжоу через данную агрегационную платформу в режиме онлайн. Кроме того, для однородных дел также существует возможность проведение слушаний сразу по всем искам. Все это позволяет осуществить, работая на технологии 5-G,

модуль подачи исковых заявлений, который также способен обрабатывать одновременную подачу материалов около 5 000 дел⁷. Данная возможность была продиктована опытом самого суда, в котором в последние годы было около 9 823 дел, в которых одна компания приобрела авторские права на определенные музыкальные произведения у других звукозаписывающих компаний, а после подала в суд на крупные музыкальные платформы и поставщиков мобильных телефонов с музыкальными плеерами. Подчеркнем также, что с внедрением данной системы подать заявление в суд могут не только адвокаты или лица, имеющие юридическое образование, но также и обычные физические лица. С момента запуска системы физические лица самостоятельно подали в общей сложности 2 551 иск, что примерно на 30 % больше, чем за аналогичный период прошлого года⁸. Сами протоколы судебного заседания синхронизируются в конце процесса, что позволяет сократить время, денежные траты и затраты энергий сторон.

В ядро данной системы была заложена «Карта знаний элементов судебного решения по авторским и смежным с ними правам» – основа, состоящая из более чем 1500 элементов. Она была сформирована путем анализа и обработки более 40 000 онлайн дел судьями, специализирующимися на разрешении споров о защите авторских и смежных с ними прав.

Как указывает сам суд, в большинстве споров проблемы связаны с электронными доказательствами. В первую очередь суд заявляет о видовом разнообразии, которое с эпохой цифровизации расширилось и начало включать в себя такие разновидности, как цифровые фотографии, электронные книги, электронные черновики, веб-страницы, данные управления фоном веб-сайта, компьютерное программное обеспечение, доменные имена, электронные контракты, электронные заказы, электронные финансовые счета, электронную почту, текстовые сообщения с мобильного телефона, сообщения WEIBO, сообщения WeChat, записи QQ-чатов, факсы, мультимедийные видео онлайн, электронные подписи [11, с. 16]⁹. Поскольку их идентификация возможна только с помощью электронного оборудования, а также во избежание изменений, влияющих на их применения в судебном процессе, «система ZHI» была подключена к интеллектуальной кредитной экосистеме «WangtongFalian», основанной на базовой технологии блокчейн, для реализации объединения нескольких цепочек данных и облегчения формирования доказательственной базы для правообладателей.

В данной системе правообладатель вправе сразу сохранять доказательства с самого начала создания произведения. При этом сбор доказательств и проверка их подлинности в режиме онлайн возможны в течение 24 часов, что помогает решить проблемы их сбора и подтверждения, а также обеспечить защиту цифровых произведений на протяжении всего их жизненного цикла [4].

- 3 全国人民代表大会常务委员会关于授权最高人民法院在部分地区开展民事诉讼程序繁简分流改革试点工作的决定: 2019年12月28日第十三届全国人民代表大会常务委员会第十五次会议通过。(Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о разрешении Верховному народному суду провести пилотную работу по реформе традиционного и упрощенного разделения процедур гражданского судопроизводства в некоторые регионы: 28 декабря 2019 года на 15-м заседании Постоянного комитета 13-го Всекитайского собрания народных представителей). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201912/f5b96258cb2047ef9367b72f1c4e199d.shtml> (дата обращения: 20.03.2023).
- 4 最高人民法院民事诉讼程序繁简分流改革试点方案: 2020年1月15日。(Пилотные меры по внедрению реформы упрощенного механизма отвода гражданского процесса: 15 января 2020 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202001/e5c754d40c2040c8962c9e8c1882bba7.shtml> (дата обращения: 20.03.2023).
- 5 广州互联网法院. 广州互联网法院研发网络著作权纠纷全要素审判“ZHI系统”. (Интернет-суд Гуанчжоу. Интернет-суд Гуанчжоу разрабатывает «Систему ZHI» для всестороннего рассмотрения споров по авторским и смежным с ними правам в Интернете.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gzinternetcourt.gov.cn/#/articleDetail?id=uzpj9c02270cf925xoi1qrf2ygdjkkffg&titleType=judicialInnovation&type=InnovationInitiative&apiType=routine> (дата обращения: 15.03.2023).
- 6 张春和, 陈斯杰, 李婷. 网络著作权纠纷交互式审理的构建与适用——以广州互联网法院ZHI系统实践为对象 // 中国应用法学. – 2021. – № 3. (Чжан Чуньхэ, Чэнь Шицзе, Ли Тин. Разработка и применение интерактивного судебного разбирательства онлайн-споров об авторских правах – использование практики системы ZHI интернет-суда Гуанчжоу в качестве объекта // Журнал Китайское прикладное право. – 2021. – № 3.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=3uoqIhG8C44YLtIOAiTRKibYIV5Vjs7iy_Rpms2pqbWFRUtoUImHW4e5WmXbP1kp239BfUV3-l2TgIvXsGYmZ19JBVRe&uniplatform=NZKPT (дата обращения: 19.03.2023).

- 7 广州日报. 全国首创“ZHI系统”破解审判难题, 当事人可一键上传5000件案件. (Guangzhou Daily. Первая в стране «система ZHI» для разрешения судебных споров, в которой стороны могут загрузить 5000 дел одним щелчком мыши.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1662628360290919067&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.03.2023).
- 8 广州互联网法院. 4·26特辑 | 为司法审判赋能加速, “ZHI系统”超乎你想象. (Интернет-суд Гуанчжоу. 4-26 Special | «ZHI System» – это больше, чем вы можете себе представить.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ols.gzinternetcourt.gov.cn/?gdbTokenId=null%20ools.gzinternetcourt.gov.cn> (дата обращения: 23.03.2023).
- 9 张春和, 邓丹云. 广州互联网法院网络著作权纠纷案件的审理思路. // 中国应用法学. – 2019. – № 25. (Чжан Чуньхэ, Дэн Даныун. Размышления о судебном разбирательстве онлайн-споров об авторских правах в интернет-суде Гуанчжоу // Журнал Народное правосудие. – 2019. – № 25.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=N6L1kuKE8iKHtCxxJT-091dTonXJRwfyYcB2achOzLSDQuLASEeqTkSQ7KdrB3Pr-3N5sa2BOFouBetwnragS3H_spv051-ICF72eq3S2crmbCW2uyeFWQXRou1HcMS1A1KbfQk20EgpyrFpZdrAnBg=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (дата обращения: 19.03.2023).

Модуль интеллектуального сравнения электронных доказательств, основанный на алгоритме глубокого обучения, позволяет проводить многомерное сравнение сходств, признаков и свойств документов различных типов произведений путем анализа матрицы пикселей [3, с. 289-307]. Используя алгоритм гистограммы, посредством поиска изображений, автоматического нахождения нарушающих право областей, сравнения цветового сходства и сравнения структурного сходства, искусственный интеллект (далее – ИИ) может автоматически захватывать предполагаемые нарушающие права изображения и тексты, и посредством нормализации и одномерной обработки автоматически сопоставлять точки характеристик, разделять изображения и тексты на мелкозернистые области и использовать алгоритм коэффициента Бартоломео для получения результатов сходства¹⁰.

Для автоматического обобщения сути спора, извлечения и внесения достоверной информации, такой как элементы иска, элементы права на присвоение авторства и элементы факта нарушения, в стандартный стиль шаблона и создание первого проекта документа используется OCR. Данный модуль направлен на облегчение работы судей в процессе установления фактов нарушения и сравнения объектов авторских и смежных с ними прав.

Как и в традиционном процессе в ходе разбирательства также происходит опрос сторон, однако его проводит ИИ [5, с. 17-27]. Опрос проводится по очереди между сторонами процесса. При этом судья продолжает участвовать в процессе и может задать дополнительные или уточняющие вопросы. В систему был заложен модуль, позволяющий обнаружить «посторонние слова» в случае, если одна из сторон нарушит ход разбирательства. Данный модуль применяется автоматически и предупреждает судью о вмешательстве в судебный процесс.

После окончания слушания с помощью «системы ЗНИ» происходит моделирование стенограммы процесса вместе с ответами сторон. В дальнейшем ее подтверждает судья, а после и стороны процесса¹¹.

Благодаря упомянутой выше Карте знаний элементов судебного решения по авторским и смежным с ними правам, агрегационная платформа способна самостоятельно и в кратчайший срок сгенерировать практически все процессуальные документы.

Для дел, рассмотрение которых не было занесено в эту Карту, с высокой степенью сложности система ИИ способна самостоятельно, основываясь на имеющихся данных по аналогичным делам, сформировать элементы дела, а также путем анализа найти схожие элементы прежде, чем сгенерирует решение с предполагаемыми аргументами, причем до 95 % его содержания будет выполнено автоматически. В дальнейшем они подлежат опубликованию в личных кабинетах сторон процесса после подтверждения их подлинности судьями. Внедряя в свой процесс данную платформу, интернет-суд Гуанчжоу стремился облегчить регулирование судьей применения в процессе по спорам о защите авторских и смежных с ними прав ИИ, с целью устранения сомнений в сознании граждан о возможной ошибке при вынесении су-

дебного решения, а также сокращения длительности судебного рассмотрения¹².

Очевидным преимуществом данной системы видятся доступность самого процесса и поэтапное участие сторон в разбирательстве, поскольку за сторонами судебного процесса сохраняется не только право использования «системы ЗНИ» в определенный период времени, но также и право выбора времени для завершения своих выступлений, защиты, представления доказательств, перекрестного допроса, принятия вопросов и полного выражения своих взглядов в рамках процесса интерактивного онлайн-суда.

Заметим, что при рассмотрении дел в большинстве случаев само судебное заседание занимает в среднем около 15 минут. Однако есть и иные случаи, например, в деле *Cai Mouhao V. Guangzhou Branch of an International Travel Agency Limited*, рассмотренном с помощью «системы ЗНИ», включая 10-минутный перерыв для обсуждения, потребовалось уже 35 минут, чтобы завершить установление фактов нарушения, резюмировать суть спора и вынести судебное решение. В рассмотрении дела приняли участие в общей сложности 156 депутатов НПК и более 200 000 нетизенов¹³.

Роль судьи в основном сосредоточена на анализе представленных сторонами доказательственных баз и ответам на вопросы для более детального и всестороннего изучения дела. При этом, судья в любое время может обратиться к протоколам, что свидетельствует о сосредоточении внимания судьи на ключевых аспектах разбирательства, таких как выявление и установление фактов и применение закона [6, с. 193-199].

Безусловно, у многих граждан, при внедрении ИИ в работу данной платформы, возникли опасения, касающиеся возможных юридических рисков, поскольку существующая система с поддержкой искусственного интеллекта, посредством изучения и обработки огромных объемов данных и информации, использует заранее заданную вычислительную логику для анализа применимых сценариев закона, чтобы выдвигать юридические аргументы [7, с. 141-187]. Однако, по мнению многих юристов, нейтральность самого алгоритма не гарантирует достоверности полученных данных. Субъективные факторы, которые отмечают информацию в массивном банке юридических выборов, а также само расположение Карты могут привести к появлению сбоев и предвзятости алгоритма. Однако данные аргументы не соотносятся с действительностью, поскольку с момента запуска «системы ЗНИ», более 1 000 случаев «замыливания» статей и более 2 000 случаев фотошопа изображений были обнаружены благодаря интеллектуальному сопоставлению контрафактных произведений ИИ. Таким образом, внедрение ИИ ускорило не только сам процесс установления фактов нарушения авторских и смежных с ними прав, но и помогло сторонам разрешить споры независимо и разумно, что также повлияло на значительное повышение доверия граждан к эффективности разрешения споров данной платформой¹⁴.

Кроме того, генерация документов, как было отмечено выше, происходит автоматически также через ИИ, что приводит к согласованному и логическому внедрению в процессуальные документы предоставленных сторонами сведений, а

10 张春和, 陈斯杰, 李婷. 网络著作权纠纷交互式审理的构建与适用 ——以广州互联网法院ZNI系统实践为对象 // 中国应用法学. 2021. № 3. (Чжан Чуньхэ, Чэнь Шичзе, Ли Тин. Разработка и применение интерактивного судебного разбирательства онлайн-споров об авторских правах – использование практики системы ЗНИ интернет-суда Гуанчжоу в качестве объекта // Журнал Китайское прикладное право. – 2021. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=3uoqIhG8C44YLtIOAiTRKibYlV5Vjs7iy_Rpms2pqwbFRRUtoUImHW4e-5WmXbP1kpP239BfUV3-l2TgIvXsGYmZ19JBVRe&uniplatform=NZKPT (дата обращения: 19.03.2023).

11 广州互联网法院. 广州互联网法院研发网络著作权纠纷全要素审判“ZNI系统”. (Интернет-суд Гуанчжоу. Интернет-суд Гуанчжоу разрабатывает «Систему ЗНИ» для всестороннего рассмотрения споров по авторским и смежным с ними правам в Интернете.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gzinternetcourt.gov.cn/#/articleDetail?id=uzpj9c02270cf925xoi1qrf2ygdjkkfg&titleType=judicialInnovation&type=InnovationInitiative&apiType=routine> (дата обращения: 15.03.2023).

12 广州互联网法院. 广州互联网法院研发网络著作权纠纷全要素审判“ZNI系统”. (Интернет-суд Гуанчжоу. Интернет-суд Гуанчжоу разрабатывает «Систему ЗНИ» для всестороннего рассмотрения споров по авторским и смежным с ними правам в Интернете.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gzinternetcourt.gov.cn/#/articleDetail?id=uzpj9c02270cf925xoi1qrf2ygdjkkfg&titleType=judicialInnovation&type=InnovationInitiative&apiType=routine> (дата обращения: 15.03.2023).

13 广州互联网法院. 4·26特辑 为司法审判赋能加速, “ZNI系统”超乎你想象. (Интернет-суд Гуанчжоу. 4-26 Special | «ZNI System» – это больше, чем вы можете себе представить.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_12411969 (дата обращения: 23.03.2023).

14 广州互联网法院. 4·26特辑 为司法审判赋能加速, “ZNI系统”超乎你想象. (Интернет-суд Гуанчжоу. 4-26 Special | «ZNI System» – это больше, чем вы можете себе представить.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_12411969 (дата обращения: 23.03.2023).

также быстрой генерации решений по делу о защите авторских прав. Только за последний год система смогла сгенерировать до 90 % документов, а также доказала свою эффективность при применении функций помощи при составлении документов – до 99,9 %, что позволило судьям более чем на 40 % эффективнее составлять судебные акты¹⁵.

Взаимосвязь «системы ZHI» с интеллектуальной кредитной экосистемой «WangtongFalian» также облегчает судебный процесс, поскольку данная связь обеспечивает надежную платформу электронных доказательств, основанную на принципах безопасности, беспристрастности, нейтральности и открытости, соединяющуюся с участниками платформы посредством блокчейна и других технологий, хранящую все виды электронных данных и гарантирующую невозможность фальсификации электронных данных во время хранения и передачи. Только за последний год количество дел, депонированных с помощью электронных средств, таких как блокчейн и временная метка, составило более 20 000, количество онлайн авторских прав, депонированных в сети, превысило 100 миллионов, объем данных – 100 Гб, более 1 000 доказательств получены, и 3 129 онлайн авторских дел эффективно разрешены¹⁶.

«Система ZHI» четко очерчивает права и обязанности сторон процессов, обеспечивая этим их автономное сопровождение на различных этапах судебного процесса. К примеру, разбираясь с защитой ответчика, суд предоставляет структурированный состязательный документ, ориентируя ответчика на защиту с точки зрения уже выявленных ИИ признаков произведения, принадлежности авторских прав, фактов нарушения и ответственности за нарушение, упрощая процесс защиты и помогая ответчику быстро и стандартно составить защиту [10, с. 71-76]. Данный аспект системы ZHI может помочь избежать чрезмерных затрат на сопровождение дела адвокатом малым и микропредприятиям в защите собственных прав, поскольку структурированная защита помогает формированию аргументов ответчика, экономит время судьи на расследование фактов и ускоряет судебный процесс.

Именно благодаря этой инновационности в судебном процессе, «система ZHI» получила свидетельство о регистрации авторского права на компьютерное программное обеспечение, патент на изобретение «системы, метода и электронного оборудования для слушания дела», патент на промышленный образец «генерации документов» и патент на «сравнение доказательств».

Данная агрегационная платформа также начала использоваться при разрешении споров в Народном суде Южного округа города Циндао для рассмотрения дел об интеллектуальной собственности¹⁷.

Внедрение Китаем «системы ZHI» в основанную на технологиях модель быстрого судебного разбирательства, которая представляет собой полезное исследование экспериментальных мер реформы традиционной и упрощенной практики перенаправления, стало отправной точкой для продвижении потокового рассмотрения сложных и простых споров по авторским и смежным с ними правам в Интернете, а также способствовало повышению эффективности судебных процессов. Учитывая безграничный потенциал ин-

новаций интернет-суда Гуанчжоу, в скором времени также возможно внедрение системы в направление интерактивной медиации, которая также продолжит содействовать реинжинирингу всех судебных процессов.

Пристатейный библиографический список

1. 张春和, 陈斯杰, 李婷. 网络著作权纠纷交互式审理的构建与适用 — 以广州互联网法院ZHI系统实践为对象 // 中国应用法学. — 2021. — № 3. (Чжан Чуньхэ, Чэнь Шичэ, Ли Тин. Разработка и применение интерактивно-судебного разбирательства онлайн-споров об авторских правах — использование практики системы ZHI интернет-суда Гуанчжоу в качестве объекта // Журнал Китайское прикладное право. — 2021. — № 3). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=N6L1kuKE8iKHTCxXjT-o91dTONXJRwfyYcB2chOzLSDQuLASEeqTkSQ7KdrB3Pr-3N5sa2BOFouBctwnragS3H_sp0v51-ICF72eq3S2crmbCW2uyefWQXR0u1HcMS1A1KbFQk2oEgpyrFpZdpAnBg=&uniplatform=NZKPT (дата обращения: 19.03.2023).
2. 张春和, 邓丹云. 广州互联网法院网络著作权纠纷案件的审理思路. // 中国应用法学. — 2019. — № 25. (Чжан Чуньхэ, Дэн Даныон. Размышления о судебном разбирательстве онлайн-споров об авторских правах в интернет-суде Гуанчжоу // Журнал Народное правосудие. — 2019. — № 25). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=N6L1kuKE8iKHTCxXjT-o91dTONXJRwfyYcB2chOzLSDQuLASEeqTkSQ7KdrB3Pr-3N5sa2BOFouBctwnragS3H_sp0v51-ICF72eq3S2crmbCW2uyefWQXR0u1HcMS1A1KbFQk2oEgpyrFpZdpAnBg=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (дата обращения: 19.03.2023).
3. Bezbakh V. V., Frolova E. E. Artificial intelligence in the regulatory context of industry 4.0 and epistemological optimism // *Advances in Research on Russian Business and Management*. — 2022. — Vol. 2022. — P. 289-307.
4. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. — Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2021. — 224 с. — (Гражданский и арбитражный процесс).
5. Frolova E. E., Ermakova E. P. Utilizing Artificial Intelligence in Legal Practice // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. — 2022. — Vol. 254. — P. 17-27. — DOI 10.1007/978-981-16-4621-8_2.
6. Gronic I. A. On Some Aspects of Case Management in Electronic Courts of Indonesia // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. — 2022. — Vol. 288. — P. 193-199. — DOI 10.1007/978-981-16-9808-8_21.
7. Кожокарь И. П. Инновации и инновационная деятельность: правовой аспект // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. — 2020. — Т. 15. № 3. — С. 141-187. — DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-3-kozokhar.
8. Rusakova E. P., Frolova E. E. Procedural Standards for Civil Proceedings in China's Internet Courts // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. — 2022. — Vol. 288. — P. 187-192. — DOI 10.1007/978-981-16-9808-8_20.
9. Русакова Е. П., Гроник И. А., Купчина Е. В. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. — Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. — 173 с.
10. Соловьев А. А. Цифровые технологии в судопроизводстве: зарубежный опыт // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. — 2022. — № 3. — С. 71-76. — DOI 10.46279/ASMO.2022.92.43.004.
11. Zakharkina A., Kuznetsova O. Foreign civil doctrine of smart contracts // *SHS Web of Conferences: 14th Session of Euro-Asian Law Congress "The value of law" 2021, Ekaterinburg, 03-04 июня 2021 года*. — Vol. 134. — Ekaterinburg: EDP Sciences, 2022. — P. 00016. — DOI 10.1051/shsconf/202213400016.

15 广州互联网法院. 4·26特辑 | 为司法审判赋能加速, “ZHI系统”超乎你想象. (Интернет-суд Гуанчжоу. 4-26 Special | «ZHI System» — это больше, чем вы можете себе представить.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_12411969 (дата обращения: 23.03.2023).

16 广州互联网法院. 4·26特辑 | 为司法审判赋能加速, “ZHI系统”超乎你想象. (Интернет-суд Гуанчжоу. 4-26 Special | «ZHI System» — это больше, чем вы можете себе представить.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_12411969 (дата обращения: 23.03.2023).

17 广州互联网法院. 广州互联网法院研发网络著作权纠纷全要素审判“ZHI系统”. (Интернет-суд Гуанчжоу. Интернет-суд Гуанчжоу разрабатывает «Систему ZHI» для всестороннего рассмотрения споров по авторским и смежным с ними правам в Интернете.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gzinternetcourt.gov.cn/#/articleDetail?id=uzpj9c02270cf925xoi1qf2ygdjkkfg&titleType=judicialInnovation&type=InnovationInitiative&apiType=routine> (дата обращения: 15.03.2023).

ПОТАПЕНКО Дарья Андреевна

бакалавр Факультета права Национального исследовательского института «Высшая школа экономики»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования международных расчетов электронными денежными средствами. Изучено нормативное правовое регулирование, существующее на международном уровне, основанное на актах рекомендательного характера, а также национальное законодательство США, ЕС и РФ в области регулирования электронных денежных средств. В статье также рассматриваются проблемы российского регулирования электронных денег и представлены предложения по реформированию российского законодательства.

Ключевые слова: электронные денежные средства, международные расчеты, трансграничные платежи, перспективы развития российского законодательства.

POTAPENKO Darya Andreevna

bachelor of the Faculty of Law of the National Research University «Higher School of Economics»

LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL SETTLEMENTS USING ELECTRONIC MONEY

The article discusses the features of the legal regulation of international payments by electronic money. The regulatory legal regulation existing at the international level, based on acts of a recommendatory nature, as well as the national legislation of the USA, the EU and the Russian Federation in the field of regulation of electronic money, has been studied. The article also discusses the problems of Russian regulation of electronic money and presents proposals for reforming Russian legislation.

Keywords: electronic money, international payments, cross-border payments, prospects for the development of Russian legislation.

Потапенко Д. А.

Электронные денежные средства (далее – ЭДС) уже достаточно плотно вошли в современную жизнь и стали использоваться в качестве инструмента оплаты как потребителями, так и коммерческими лицами. Электронные деньги получили свою популярность благодаря удобству, скорости и дешевизне совершаемых транзакций, что сделало платежный инструмент привлекательным для международных расчетов. В силу этого, достаточно актуальным является нормативное регулирование международных расчетов с использованием электронных денежных средств.

Международные расчеты электронными деньгами осуществляются в рамках трансграничных расчетов в целом. Под международными расчетами понимаются переводы денежных средств, осуществляемые из одного государства в другое. Трансграничные расчеты имеют место также, если такие расчеты осуществляются в юрисдикции, отличной от места нахождения хотя бы одного контрагента по сделке¹. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ «О НПС») понимает под трансграничными переводами денежных средств такие переводы, в которых плательщик или получатель находятся за пределами РФ и (или) перевод обслуживается иностранным банком². Международные расчеты осложнены иностранным

элементом, который выражается в иностранном субъекте, то есть нахождение сторон правоотношения в разных странах, или в иностранных провайдеров платежных услуг.

Международные расчеты осложняются проблемой выбора применимого права. В настоящий момент практически не существует международных соглашений в этой области и регулирование преимущественно осуществляется нормами национального права. Стоит отметить, что сфера расчетов подвержена достаточно сильному влиянию норм публичного порядка, касающихся валютного и пруденциального контроля. Именно поэтому достаточно сложно иметь международное соглашение в данной области, так как в таком случае необходимо учитывать публичные нормы различных стран.

Правовое регулирование трансграничных расчетов находится только в стадии становления. Однако, на международном уровне существуют акты рекомендательного характера, так называемое *soft law* или «мягкое право», которое выступает руководством к развитию расчетных правоотношений. Акты «мягкого права», как правило исходят от уполномоченных государственных органов [6]. *Soft law* может быть по форме представлено в виде резолюций, стандартов, руководств, рекомендаций и иных документов, разрабатываемых международными организациями [3]. Акты «мягкого права» не имеют законодательной силы и не являются обязательными к исполнению. В этом смысле *soft law* противопоставляется *hard law*, которое выражено в санкционированных государством законах. Однако, несмотря на рекомендательный характер акты «мягкого права» учитываются и позволяют

1 Глоссарий терминов, используемых в платежных и расчетных системах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/48362/92> (дата обращения: 14.04.2023).

2 Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // «Российская газета», № 139, 30.06.2011.

улучшать нормативное регулирование определенной сферы путем заполнения пробелов в праве.

Среди актов «мягкого права» в сфере регулирования трансграничных расчетов отдельное место занимают акты Совета по финансовой стабильности. Так, была разработана дорожная карта по совершенствованию международных платежей, которая указала на основные проблемы и закрепила предложения по развитию трансграничных платежей. Среди проблем отмечена высокая стоимость операций, низкая скорость, ограниченность доступа к платежным системам, недостаток прозрачности проводимых операций³. Помимо указанных проблем стоит отнести также требования о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, закрепленных в законодательстве различных стран. В качестве предложения по улучшению трансграничных расчетов в документе указаны выработка концепции общего видения платежей, налаживание взаимодействия между платежными системами, улучшения доступа к ним, внедрение надзорных правил по работе с платежными системами и другие⁴.

На международном уровне расчетные правоотношения регулируются в основном актами рекомендательного характера. Как отмечалось ранее, сфера расчетов сильно подвержена публичному регулированию, в связи с этим достаточно сложно иметь унифицированный акт из-за невозможности согласования интересов и норм публичного порядка государств. Однако, такие акты *soft law* могут стать ориентиром для формирования норм национального права. Стоит отметить, что государства учитывают данные рекомендательные акты и формируют политику в финансовой сфере с учетом данных актов. Так, Банк России уже вырабатывает механизмы регулирования на основе рекомендательного нормотворчества. Основными направлениями работы является снижение транзакционных издержек, снятие барьеров на доступ к платежным системам и разработка нормативной документации, устраняющей существующие проблемы регулирования⁵. Тем самым, развитие нормативного правового регулирования расчетов, в том числе электронными денежными средствами, в ближайшее время будет формироваться именно за счет актов национального права, а международное регулирование будет в основном представлено в форме рекомендательного нормотворчества, нежели в унифицированном формате.

Регулирование международных расчетов электронными денежными средствами в основном осуществляется нормами национального права. В связи с этим важно рассмотреть нормативное регулирование электронных денег в разных странах. В статье будет рассмотрено законодательство Европейского Союза, США и России.

Европейское законодательство одним из первых закрепило понятие электронных денег, под которыми, согласно

Директиве Европейского парламента и Совета от 18 сентября 2000 г. № 2000/46/ЕС «О деятельности в сфере электронных денег и пруденциальном надзоре над институтами, занимающимися этой деятельностью» (далее - Директива 2000/46/ЕС) понимались средство платежа, хранящееся на электронном устройстве и являющееся prepaid instrumentом⁶. Кроме того, Директива 2000/46/ЕС определила институты ЭДС, к которым отнесла и учреждения в сфере электронных денег, не являющимися кредитными организациями и эмитирующими электронное средство платежа⁷. Однако, Директива закрепила ограничения деятельности институтов электронных денег. Учреждения, выпускающие электронные деньги вправе были предоставлять только те финансовые и нефинансовые услуги, которые непосредственно связаны с выпуском электронных денег⁸. Были установлены также требования к первоначальному капиталу институтов, который составил не менее 1 млн. евро⁹. В дальнейшем правовое регулирование расчетов электронными деньгами было дополнено Директивой ЕС от 16 сентября 2009 г. № 2009/110/ЕС «Об организации деятельности и пруденциальном надзоре за деятельностью организаций в сфере электронных денег» (далее - Директива 2009/110/ЕС), которая расширила определение электронных денег, добавив к нему такие признаки платежного инструмента как право требования к эмитенту и электронное хранение¹⁰. Директива 2009/110/ЕС изменила уровень уставного капитала для институтов электронных денег с 1 млн. до 350 тыс. евро, что позволило расширить количество участников платежных систем электронных денег¹¹. Стоит также отметить, что Директива закрепила право пользователей на безвозмездный возврат денежных средств, что во многом способствовало развитию обращения электронных денег. Кроме того, в Директиве 2009/110/ЕС были усовершенствованы положения о пруденциальном контроле за обращением электронных денег. Анализируя законодательство Европейского союза, можно отметить, что оно достаточно передовое, так как впервые закрепило понятие электронных денег и дало регламентацию расчетов с их использованием. Регулирование осуществляется в рамках специального нормотворчества, регламентирующего деятельность институтов и порядок обращения ЭДС. Европейское законодательное регулирование электронных денег во многом выступило моделью для многих других правовых порядков.

Регулирование электронных денежных средств в США имеет более общий характер и делится на регулирование на

3 Cross-border Payments. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fsb.org/work-of-the-fsb/financial-innovation-and-structural-change/cross-border-payments/> (date of access: 14 April 2023).

4 Ibid.

5 «Группа 20». Банк России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/about_br/ip/momo/g20/#highlight=%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0 (дата обращения: 02.05.2023).

6 Директива Европейского парламента и Совета от 18 сентября 2000 г. № 2000/46/ЕС «О деятельности в сфере электронных денег и пруденциальном надзоре над институтами, занимающимися этой деятельностью» // Официальный Журнал Европейского Союза. – № L275. – 2000. – С. 39-43.

7 Директива Европейского парламента и Совета от 18 сентября 2000 г. № 2000/46/ЕС «О деятельности в сфере электронных денег и пруденциальном надзоре над институтами, занимающимися этой деятельностью» // Официальный Журнал Европейского Союза. – № L275. – 2000. – С. 39-43.

8 Там же.

9 Там же.

10 Директива ЕС от 16 сентября 2009 г. № 2009/110/ЕС «Об организации деятельности и пруденциальном надзоре за деятельностью организаций в сфере электронных денег» // Официальный Журнал Европейского Союза. – № L267. – 2009. – С. 7.

11 Там же.

уровне федерации и штатов. Общий характер проявляется в том, что в США нет специализированных актов, которые закрепляют понятие электронных денежных средств и особенностей их обращения. Правила «Об электронном переводе средств» (*Electronic Funds Transfers (Regulation E)*) действуют на федеральном уровне и применяются как к банковским, так и не банковским кредитным организациям, предоставляющие платежными услуги¹². Правила устанавливают признаки устройства доступа к электронным деньгам, к которым относят карты, коды и другие способы доступа к счету пользователя¹³. Кроме того, Правила устанавливают порядок выпуска устройств доступа и проведения операций о переводе электронных денежных средств. Стоит также отметить, что Правила «Об электронном переводе» защищают интересы пользователей, в частности, потребителей и закрепляют основные права и обязанности пользователей и финансовых институтов в сфере электронного перевода. На уровне штатов действует Акт «Об унификации денежных услуг» (*Uniform Money Services Act*), который расширил традиционное понимание денег и закрепил понятие «денежная стоимость», включившее в себя и электронные деньги. В соответствии с Актом «Об унификации денежных услуг», электронные деньги – это денежные субституты, преобразующиеся в информацию, хранящиеся на электронном устройстве и передающиеся через информационные сети¹⁴. Эмиссия электронных денег, согласно Акту, осуществляется в моменте денежного перевода, а выпуск ЭДС могут осуществлять банковские и небанковские организации, осуществляющие денежные переводы¹⁵. Акт «Об унификации денежных услуг» содержит также положения, которые касаются пруденциального контроля за деятельностью институтов денежных услуг. Стоит также отметить, что при регулировании расчетов электронными денежными средствами в США также применяется банковское законодательство штатов. Банковское законодательство применимо в том случае если переводы осуществляются с банковских счетов. Банковским законодательством также регламентируются вопросы банковской тайны и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Обобщая анализ американского законодательства об электронных деньгах, стоит отметить, что оно более общее и регулирование в целом выстраивается в рамках электронного денежного обращения, но несмотря на отсутствие специализированного законодательства, выбранная в США модель правового регулирования позволяет развивать расчеты электронными деньгами.

12 *Electronic Funds Transfers (Regulation E)*, 61 Fed. Reg. 19, 696 (1996). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.federalreserve.gov/boarddocs/supmanual/cch/efta.pdf> (date of access: 17 April 2023).

13 *Ibid.*

14 *Uniform Money Services Act July 28 - August 4, 2000 (Last Revised or Amended in 2004)*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://higherlogicdownload.s3-external-1.amazonaws.com/UNIFORM-LAWS/ea9b104-5c44-2898-0037-e27ab4e3e847_file.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAVRDO7IEREB57R7MT&Expires=1681752197&Signature=g%2F3Vou7AhvCj1ZQumsIPeBAEzs%3D (date of access: 17 April 2023).

15 Там же.

Рассмотрев две модели законодательного регулирования расчетов электронными денежными средствами, можно отметить, что европейское законодательство специализированное, в то время как в США оно носит более общий характер. В двух правовых порядках на законодательном уровне существует разное понимание электронных денег. Законодательство ЕС под электронными деньгами представляет средство платежа, когда как американское законодательство под ЭДС понимает денежные услуги. Некоторые исследователи отмечают, что в США более либеральное правовое регулирование в силу действия политики либерализации услуг финансовых институтов [1]. Однако, нельзя не отметить демократичность европейского законодательства, которое устанавливает минимальные требования к институтам электронных денег, что позволяет вовлекать большее количество участников. Как отмечал, М. Krueger нормативное регулирование электронных денег в США в большей степени сосредоточено на платежных услугах, когда как в ЕС внимание акцентируется на деятельности банковских учреждений [5]. Определенно можно сказать, что в странах сформулирован разный подход к регулированию электронных денежных средств, однако, опыт зарубежного законодателя может быть полезен для формирования норм отечественного права в области регулирования расчетов электронными денежными средствами.

Российское законодательное регулирование расчетов электронными денежными средствами в некоторой степени переняло опыт зарубежных правовых порядков, однако, сформулировало свою собственную модель. Одним из основополагающих актов в сфере расчетов электронными деньгами являются ФЗ «О НПС», который содержит основные положения о понятии, порядке выпуска и обращении ЭДС. Кроме того, нормы об электронных денежных средствах также содержатся в ряде подзаконных актов Центрального Банка РФ, в частности, Информационное письмо Банка России от 26.10.2021 № ИН-04-45/84 «О предоставлении клиентам – физическим лицам информации об использовании электронных денежных средств клиентами – физическими лицами», Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», Положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» и другие. ФЗ «О НПС» под электронными денежными средствами понимает предварительно предоставленные денежные средства, хранящиеся в электронном виде и предназначенные для осуществления платежей¹⁶. Подход к пониманию электронных денег достаточно схож с европейским, однако, определение электронных денег в российском законе сформулировано с учетом особенностей публичного порядка в РФ.

Закон «О НПС» содержит такой термин, как оператор электронных денежных средств. Согласно ч. 1 ст. 12 ФЗ «О НПС» к операторам электронных денежных средств относятся банковские и небанковские кредитные организации, имеющие право на осуществление денежных переводов без

16 Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // «Российская газета». – № 139. – 30.06.2011.

открытия банковского счета¹⁷. Оператор осуществляет учет денежных средств, предоставленных клиентам, и является посредником в передаче этих денежных средств от клиента к получателю. В соответствии с Положением Банка России от 24.11.2022 № 809-П «О Плана счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения» учет электронных денег осуществляется на специальных балансовых счетах, отличных от банковских расчетных счетов¹⁸. Расчеты электронными деньгами осуществляются на основании указанного в ч. 1 ст. 7 ФЗ «О НПС» договора между оператором ЭДС и клиентом¹⁹.

Стоит отметить, что требования к операторам электронных денежных средств в РФ выше, чем в зарубежных правовом порядке. Как отмечал Д. А. Петров, российское право сосредоточено на регулировании деятельности кредитных организаций при особой надзорной роли Центральному Банку РФ, что формирует более жесткий публичный контроль за обращением электронных денег в России, нежели чем в других юрисдикциях [2]. Существует позиция, что регулирование электронных денег в зарубежных правовом порядке более либерально, чем в России [4]. Однако, с таким выводом можно согласиться лишь отчасти, так как нормы о пруденциальном контроле, скорее, являются особенностями российского регулирования, чем новшеством, так как такой контроль существует и в других странах. Тем самым, несмотря на схожесть некоторых положений закона, в РФ сформулирована своя собственная модель регулирования расчетов электронными денежными средствами.

Международные расчеты электронными денежными средствами практически не урегулированы в российском законодательстве. ФЗ «О НПС» содержит определение трансграничных переводов, а также требования к оператору, который осуществляет такие переводы. Некоторые акты Центрального Банка РФ также содержат техническую информацию для кредитных организаций по сопровождению трансграничных переводов. К международным переводам электронных денег в целом применимы все правила о переводе ЭДС, но с учетом особенностей международного аспекта. Однако, существующее российское нормативное регулирование не полное и требует доработки. К примеру, может быть уточнено понятие «международные расчеты электронными денежными средствами», определен правовой статус участников международных платежей электронных денег и уточнены особенности проведения операций. При реформировании российского законодательства может быть полезен опыт зарубежных стран и использованы рекомендательные акты международных организаций. Тем самым, российское правовое регулирование международных расчетов электронными денежными средствами сформулировало свою собственную модель, однако, оно требует доработки для дальнейшего развития и совершенствования платежей электронными деньгами.

Подводя итог, регулирование международных расчетов электронными денежными средствами не получило своей регламентации на международном уровне в виде унифицированного акта и лишь осуществляется в рамках рекомендательного нормотворчества. Расчеты электронными денежными средствами, преимущественно, регулируется национальным правом. Российское нормативное регулирование международных расчетов электронными денежными средствами требует доработки, в чем может быть полезен опыт зарубежных стран и акты рекомендательного характера международных организаций.

Приставительный библиографический список

1. Колесников Ю. А. Понятие электронных денег по законодательству России и зарубежных стран // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 187-191.
2. Петров Д. А. Правовое регулирование расчетов с использованием электронных средств платежа: возможности имплементации опыта Европейского союза // Банковское право. – 2019. – № 4. – С. 67-74.
3. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. – 2013. – № 5. – С. 37 - 48; № 9. – С. 43-51.
4. Хрусталева А. В. Электронные денежные средства в Российской Федерации и Европейском союзе // Банковское право. – 2016. – № 3. – С. 55-62.
5. Krueger M. E-money regulation in the EU // E-Money and Payment Systems Review. – 2002. – С. 239-251.
6. Guzman A. T., Meyer T. L. International soft law // Journal of Legal Analysis. – 2010. – Т. 2. № 1. – С. 171-225.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Положение Банка России от 24.11.2022 № 809-П «О Плана счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // «Российская газета». № 139. – 30.06.2011.

РУДОЙ Петр Игоревич

выпускник Факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКИХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ

В настоящей статье рассматриваются ключевые понятия и принципы исламского банкинга. Автором описывается ряд положений российского права, которые затрудняют деятельность исламских финансовых институтов в России, и приводятся примеры из юридической практики Великобритании и Люксембурга, с опорой на которые можно усовершенствовать российское законодательство для облегчения работы исламских банков.

Ключевые слова: исламский банкинг, мушарака, мурабаха, сукук, такафул, банковское право, право Великобритании, право Люксембурга.

RUDOY Petr Igorevich

graduate of the Faculty of Political Science of the M. V. Lomonosov Moscow State University

PROSPECTS FOR IMPROVING RUSSIAN LEGISLATION TO FACILITATE THE ACTIVITIES OF ISLAMIC FINANCIAL INSTITUTIONS

In this article key concepts and principles of Islamic banking are considered. The author describes a number of Russian law provisions that hamper the activities of Islamic financial institutions in Russia and gives examples of the legal practice of the UK and Luxembourg, with support of which Russian legislation can be improved to facilitate the work of Islamic banks.

Keywords: Islamic banking, musharakah, murabahah, sukuk, takaful, banking law, UK law, Luxembourg law.

Рудой П. И.

Начиная с 2014 года, когда против России начали вводиться широкомасштабные экономические санкции, в российском общественно-политическом дискурсе стали активно обсуждаться источники вовлечения дополнительных средств в экономику. Среди прочих предложений заслуживают внимания идеи привлечения капиталов от инвесторов из мусульманских стран, которые в настоящее время трудно реализуемы в связи с недостаточной приспособленностью российского правового регулирования к ведению хозяйства в соответствии с экономическими принципами их религии. Дело в том, что ислам запрещает процентные ссуды и ряд других институтов, привычных для российской экономики. Без сомнения, правовые реформы в этой сфере смогут поспособствовать не только укреплению торговых связей с государствами Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, но и увеличению количества денег, поступающих в российский банковский сектор от представителей мусульманских народов России и стран СНГ.

Нельзя не отметить и тот факт, что ряд стран Европы, традиционно немусульманских, стремится развивать у себя исламский банковский сектор ради притоков капитала из-за рубежа и обеспечения лояльности местных мусульманских диаспор. Изучение их опыта развития такого рода институтов представляет научную ценность, равно как и изучение подобного опыта в исламских странах. Ниже мы рассмотрим зарубежный опыт регулирования деятельности исламских финансовых институтов и перспективы совершенствования российского законодательства для её облегчения.

Исламская религия стремится реализовывать своё понимание социальной справедливости и для этой цели содержит в себе ряд положений, касающихся хозяйственных

вопросов. Банковская деятельность – важная часть любой современной экономики. Принципы, о которых далее пойдёт речь, с мусульманской точки зрения, должны распространяться и на неё.

В исламе запрещены операции, которые попадают под один из следующих терминов: «гарар», «мейсир» или «риба».

«Гарар» при дословном переводе с арабского языка означает «опасность». Смысл арабского корня этого слова – «вводить в заблуждение», «сворачивать», «подвергать риску». Исламское право к данному понятию относит целый ряд сделок:

Договор купли-продажи товара, не имеющегося у продавца на момент его заключения;

Договор купли-продажи, в котором не вполне ясен его предмет или предмет которого не совпадает с тем, что заявляется (к примеру, груз на терпящем бедствие судне);

Сделка без указания определённой цены или определённого момента её исполнения;

Сделка, исполнение которой зависит от какого-то события в будущем, время и реальность наступления которого нельзя с точностью предугадать [6, с. 178-182].

Термин «мейсир» по значению близок к «гарару». Перевод этого слова – «азартная игра». Мусульманское религиозное право обозначает данным понятием такой доход, который возник не как результат заработка или продуктивного использования ресурсов, а как результат счастливого для бенефициара стечения обстоятельств. То есть, имело место не взаимовыгодное сотрудничество сторон, а игра с нулевой суммой: выигрыш одного означает проигрыш другого. В ситуациях, описываемых понятием «мейсир», также не приращает общественное богатство и не создаётся никаких

новых благ. Спекуляции, в том числе биржевые, – частный случай подобного экономического поведения [9, с. 86].

«Риба» по-арабски значит «приращение», «превышение». Корень этого слова, присутствуя в глаголах, даёт словам значения «расти», «возрастать», «превышать», «увеличиваться». Мусульманское религиозное право запрещает ситуации «рибы» в связи со своими взглядами на природу и экономическое значение денег. Оно считает, что средством обращения и сбережения могут быть лишь деньги, подкреплённые в действительности имеющимися благами. Исламская юридическая мысль признаёт допустимым и морально оправданным только такое получение прибыли, которое сопряжено с принятием на себя риска безвозвратной утраты денег, вкладываемых в тот или иной проект, без гарантий какой-либо определённой награды за свои вложения, что идёт вразрез с идеей предоставления денег в долг под процент. Институт ссудного процента подразумевает, что сторона, предоставляющая деньги, будет получать награду, находящуюся в зависимости от самих же денег, а не от масштабов благ, реально произведённых вследствие финансирования бизнес-проекта. В таких случаях деньги не обеспечиваются подлинными товарами или услугами и финансирующая сторона получает вознаграждение вне зависимости от результатов финансируемого. С точки зрения ислама, это не справедливо, а потому должно запрещаться. Чтобы финансирование бизнес-проекта происходило без нарушения принципа справедливости в её исламской интерпретации, банк, работающий по принципам исламского вероучения, не обладает привилегированным в сравнении с предпринимателем положением. Так же, как и у предпринимателя, его претензии на доход могут ограничиться лишь частью прибыли предпринятия [3, с. 22-23].

Для того чтобы деятельность банка, претендующего на то, чтобы называться исламским, не нарушала принципы мусульманского вероучения даже в достаточно неординарных ситуациях, в каждом подобном банке функционирует особый наблюдательный орган – шариатский совет или совет по принципам исламского финансирования. Он проверяет предоставляемые клиентам продукты и услуги банка на предмет соответствия религиозным нормам; без его одобрения они просто не могут быть предложены. То же касается и отдельных крупных сделок исламского банка [2, с. 148-149].

Описанные выше концепции реализованы в банках ряда государств Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, где мусульманская религия играет важную роль в жизни общества.

В экспертном сообществе выделяется ряд наиболее перспективных продуктов исламского банкинга: мушарака, мурабаха, сукук, такафул. Смысл каждого из этих понятий нуждается в разъяснении.

Мушарака – это совместное долевое предприятие, одним из собственников которого может являться исламский банк. Его прибыли, равно как и убытки, делятся в пропорциях, напрямую зависящих от доли каждого из участников. Исламский банк в этом случае обогащается за счёт прибыли предприятия, которое он беспроцентно финансирует, причём он замотивирован при выборе проекта, в который будут вложены его капиталы, отдавать предпочтение наименее связанным с неопределённостью и рисками бизнес-планам [5, с. 341-344].

Мурабаха – банковский продукт, помогающий клиенту совершить крупную покупку. От имени клиента банк покупает сырьё или оборудование, чтобы сразу после этого перепродать его клиенту по цене, завышенной на сумму, о которой договорились заранее, и с разрешением выплачивать деньги в рассрочку [7, с. 91-92].

Сукук – это исламский эквивалент облигаций, который позволяет эмитенту привлекать дополнительные средства в свой бизнес, не нарушая принципов, запрещающих предоставлять и брать деньги в долг под процент. Эмитент исламской облигации, принимая деньги от вкладчика, покупает на них актив, и обладатель сукука становится владельцем конкретного актива, с которого он в конечном итоге получает доход. В будущем эмитент обязан будет выкупить у инвестора облигацию по номинальной цене [8, с. 61-64].

Такафул – исламский вариант системы страхования. Стороны соглашения такого типа берут на себя обязательства финансово поддерживать друг друга в случаях причинения ущерба той или иной его стороне. В типичном договоре о такого рода сотрудничестве стороны обязательно закрепляют правовой механизм распределения рисков и предоставления друг другу гарантий, а также условия участия в совместной предпринимательской деятельности и дележа прибыли от неё. Особенно важно отметить, что такая система страхования, в отличие от традиционной, не содержит элементов «гарара» и «рибы» [1, с. 268-269].

В целях привлечения капиталов от мусульман финансовые институты тех стран, для которых описанные выше экономические концепции не являются традиционными, стремятся заимствовать в свою деятельность элементы исламского банкинга. Такие заимствования неизбежно требуют появления и развития их правового регулирования.

В российском банковском праве, а точнее в ФЗ «О банках и банковской деятельности», имеется чёткое определение кредитных организаций и банков (ст. 1), а также перечень тех экономических операций, которые они могут осуществлять; все эти операции связаны исключительно с оборотом денег и драгоценных металлов, право на оказание услуг в сфере торговли за ними не признаётся (ст. 5). ФЗ «О банках и банковской деятельности», говоря о вкладах (депозитах), признаёт за кредитной организацией право устанавливать по ним процентные ставки по соглашению с клиентами, а также лишает их права в одностороннем порядке их изменять, за исключением ситуаций, предусмотренных договором с клиентом или федеральным законом. Отметим, что в рамках действующего российского законодательства ставка по вкладу (то есть, плата банка за пользование деньгами клиента) может быть только процентной (ст. 29).¹ Банк может обещать клиенту только такое вознаграждение за пользование его деньгами, которое находится в строгой зависимости от самих же денег. Хотя банк в некоторых ситуациях и может изменять порядок определения выплачиваемого клиенту вознаграждения, оно всё равно будет представлять собою некоторое количество денег, которое зависит именно от денег, а не от какого-либо актива. Данный порядок вещей совершенно логичен в свете того, что все разрешённые кредитным организациям опера-

1 Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1.

ции связаны исключительно с оборотом денег и драгоценных металлов, как об этом говорилось ранее.

Очевидно, такое положение дел попадает под шариатский термин «гарар» и не может быть допустимо в исламской экономике. Ради устранения данного препятствия для деятельности исламских банков российское право нуждается в корректировке ряда своих положений. Исследователь исламского банкинга А. Ю. Журавлёв отмечает, что среди государств с преимущественно немусульманским населением дальше всех в совершенствовании правового поля для внедрения институтов исламского банкинга продвинулись Великобритания и Люксембург [3, с. 79]. Рассматривая способы совершенствовать российское законодательство для данных целей, мы считаем целесообразным обращаться к примерам этих двух стран.

Британское право даёт заслуживающий внимания пример способа устранить описанное выше препятствие для деятельности исламских финансовых институтов, существующее в России. В законодательстве Великобритании о банках и банковской деятельности учреждениям такого рода разрешено заниматься деятельностью в сфере торговли (в т.ч. товарами и объектами недвижимости, что необходимо для договоров типа «мурабаха»). Помимо этого оно разрешает банкам называть не точную ставку по вкладу, а примерную, что необходимо для ведения деятельности банком в соответствии с нормами шариата, запрещающими обещать прирост денег на строго определённую долю, находящуюся в зависимости от самих же денег [3, с. 90].

Подобные практики в Великобритании становятся юридически возможными, поскольку право этой страны даёт такое определение банковской организации, в соответствии с которым она имеет право предоставлять услуги «альтернативного финансирования». Под этим термином обычно понимают услугу, которая предоставляется вне традиционных банковских учреждений. К ним могут относиться услуги микрофинансирования, а также некоторые субстандартные ипотечные кредиты, займы под залог имущества (например, автомобиля), равноправное кредитование, краудфандинг.

Отметим, что британский законодатель стремится к большей конкретизации правового регулирования услуг «альтернативного финансирования». Так им было введено регулирование такого рода банковских операций с недвижимостью (к примеру, право поставщика альтернативных финансовых услуг на объект недвижимости, совместная с покупателем услуги собственность на объект). Подобные операции британский законодатель в соответствии с Законом о бюджете на 2013 г. (статья 157 части 3 и приложение 40) освободил от 15%-ного гербового сбора.² Наряду с этими мерами в Законе о бюджете на 2015 г. (статья 68 раздела 2) он также позволил лицам, которые не являются банками и строительными обществами и при этом обладают разрешением на предоставление жилищной ипотеки, получать льготы при уплате гербового сбора при предоставлении этого продукта в компании альтернативного финансирования.³

Сукук, как уже говорилось ранее, представляет собой исламский эквивалент облигации, существующий для того,

чтобы привлекать дополнительный капитал для развития бизнеса без использования инструментов, подразумевающих процентные доходы. Сукук устанавливает связь между прибылью от долгового финансирования и чётко определённым активом, собственником которого становится владелец сукука. Держатель исламской облигации, по сути, становится обладателем сертификата, подтверждающим право собственности на актив, который приобретает эмитент сукука на вырученные деньги. Эмитент не считается должником инвестора, и прибыли последнего являются следствием его владения активом. При этом эмитент берет на себя обязательства выкупа исламской облигации в будущем [8, с. 61-64].

Очевидно, что в рамках действующего российского законодательства сукук будет подлежать большему налогообложению, чем обычные облигации. Налогооблагаемая база в подобных случаях увеличена за счёт материальных активов, которые фигурируют в операциях такого типа. Способ разрешить данную проблему представлен в праве Люксембурга. Законодательство этой страны в той части, которая касается сукуков, провозглашает, что когда речь идёт о налогообложении, к исламским облигациям следует относиться как к долговым инструментам, несмотря на тот факт, что доход по ним определяется результатами управления базовым активом. В связи с этим для управления сукуками применим тот же налоговый режим, что и к классическим облигациям. В соответствии с Циркуляром директора Службы прямого налогообложения № 55 «Исламские финансы» считается, что прибыль, приносимая исламскими облигациями, фискально эквивалентна процентной прибыли (статья 3.2). Таким образом выплаты по исламским облигациям сокращают налогооблагаемую базу эмитента.⁴

Правовой опыт Великобритании также может быть полезен для совершенствования российского права в данной сфере. Благодаря положениям Закона о бюджете на 2007 г. (статья 53 раздела 3), которые вносили поправки в Закон о бюджете на 2005 г., в государстве были созданы комфортные условия для выкупа инвестиционных облигаций альтернативного финансирования. Понятие подобного рода облигаций в законодательстве Соединённого Королевства включает в себя договорённости, согласно которым одно лицо (держатель) берёт на себя обязательство выплатить некоторое количество денег (капитал) другому лицу (эмитенту), при том, что в такой договорённости обозначаются:

актив (класс активов), которые становятся собственностью эмитента ради того, чтобы эмитент получал доход; момент, с которого договорённости более не действует; обязательство эмитента ликвидировать базовый актив (если он ещё может им распоряжаться) с выплатой держателям всех средств в рассрочку или единовременным платежом в то время, пока облигация действует, или в конце этого срока (погашение), осуществлять иные выплаты держателям облигаций; владелец облигации в праве передать другому лицу те зафиксированные облигацией права.

Облигация представляет собой ценную бумагу, имеющую листинг на одной из признанных бирж, и по своему юридическому смыслу является финансовым обязательством

2 Закон Соединённого Королевства о бюджете на 2013 г. (Finance Act 2013).

3 Закон Соединённого Королевства о бюджете на 2015 г. (Finance Act 2015).

4 Циркуляр директора Службы прямого налогообложения Великого Герцогства Люксембург от 12.01.2010 № 55 «Исламские финансы» (Circulaire du directeur des contributions L.G.-A n 55 du 12 janvier 2010. Objet: Finance islamique).

лица, выпустившего её, в соответствии с международными стандартами финансовой отчётности.⁵ Таким образом, сумма выплачиваемых налогов при переходе собственности на облигации становится меньше, что, несомненно, позитивно влияет на исламский сектор экономики государства.

Исламская система страхования – такафул – отличается от привычной для российского обывателя. Страхователи, в соответствие с этой концепцией, вкладывают свои средства в компанию, принадлежащую страховщику, и получают по истечению года некий процент её прибыли. Этот процент находится в зависимости в том числе и от наступления страхового случая у того или иного страхователя. В типовом договоре такафула описывают механизм распределения рисков и предоставления взаимных гарантий; условия принадлежности к системе страхования, где каждый участник имеет долю в фонде такафула; условия управления денежными средствами, вложенными в фонд (с запретом на их инвестирование в запрещённую шариатом деятельность); условия дележа прибыли [4, с. 228].

Все российские банки, которые привлекают деньги частных лиц, в соответствии с законодательством, должны входить в систему обязательного страхования вкладов. Банки, являющиеся членами этой системы, отчисляют взносы в фонд страхования вкладов. Для исламских банков вступление в эту систему нежелательно, поскольку её работа по ряду аспектов противоречит исламским религиозным нормам. К примеру, в традиционной системе страхования, с мусульманской точки зрения, присутствует недопустимый гарар (неопределённость): страхователю обещается некая выплата, факт получения и размер которой находятся в зависимости от случая, факт и обстоятельства наступления которого в будущем неизвестны. Также в случае уплаты мусульманином страховых взносов ему не даются гарантии того, что его деньги не будут использованы для операций, запрещённых шариатом.

Заслуживающий внимания метод разрешения противоречия между обязательностью членства банка в системе страхования и стремлением исламских финансовых институтов соблюсти шариатские нормы можно обнаружить в юридической практике Великобритании. В Соединённом Королевстве страхование вкладов так же, как и в России, является обязательным, что так же идёт вразрез с исламским пониманием приемлемых рисков в экономической деятельности. В этом государстве имел место юридический прецедент удачного разрешения коллизии между британским национальным правом и положениями шариата. Банк «Ар-райан», вступая в национальную систему страхования вкладов, внёс в условия вкладов, подпадающих под страховое возмещение, ряд положений, удовлетворяющих как секулярному, так и религиозному закону. Клиент ставится в известность, что, согласно действующему законодательству, в случае убытка (отрицательной доходности) по вкладу банк предложит покрыть возникшую отрицательную разницу между суммой, изначально внесённой клиентом, и суммой, зачисленной на отчётную дату на лицевой счёт после проведения банком активных действий с клиентскими средствами. Клиент в праве как акцептировать это предложение, так и отказаться от него. Если предложение было акцептировано, но банк не выполнил

своё обязательство, то клиент может обратиться за компенсацией в национальную систему страхования вкладов. Однако если ранее клиент отказался от предложения банка, то его обращение в систему страхования вкладов не будет принято к рассмотрению. При этом банк обращает внимание клиента на то, что, по мнению шариатского совета, акцептируя предложение о компенсации, клиент отступает от принципов шариата [3, с. 90].

Привлечение в Россию мусульманских инвесторов – это заслуживающий внимания способ получения новых денег для экономики. Пока что правовое поле России относительно слабо приспособлено для работы мусульманских финансовых институтов. Однако потенциал его совершенствования для этой цели поистине велик, а опыт тех немусульманских стран, которые уже проделали долгий путь в данном направлении, способен стать хорошим подспорьем российскому законодателю в этом начинании.

Пристатейный библиографический список

1. Беккин Р. И. Организационно-правовые основы исламского страхования (такафула) // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1 (49). – С. 268-271.
2. Беккин Р. И. Особенности шариатского надзора в исламских финансовых институтах: современный опыт мусульманских и немусульманских стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2014. – № 3. – С. 148-164.
3. Журавлёв А. Ю. Исламский банкинг. – «Садра», 2017 – (Экономика и право (Садра)).
4. Исаева П. Г., Алискеров М. С. Классификация исламских банковских продуктов и услуг по их актуальности и эффективности для клиентов коммерческих банков // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 1 (57). – С. 224-228.
5. Кузнецова А. Н., Тенберга И. Гражданско-правовая форма мушарака как инструмент прямого участия исламского банка в капитале: ретроспективный анализ и современность // Правоведение. – 2020. – Т. 64. № 3. – С. 326-351.
6. Кузнецова А. Н., Тенберга И. Купля-продажа и запрет неопределённости (гарар) в исламской традиции // Правоведение. – 2022. – Т. 66. № 2. – С. 162-192.
7. Нуриев Б. Д., Галиуллина В. В. Мурабаха как инструмент исламского банкинга // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2016. – № 1 (15). – С. 89-95.
8. Пашков Р. В. Сукук как финансирование по принципам шариата // Инновации и инвестиции. – 2017. – № 10. – С. 61-69.
9. Якунин С. В. Риски и стратегии банка на рынке ценных бумаг // Современная наука. – 2010. – № 2. – С. 83-87.

5 Закон Соединённого Королевства о бюджете на 2007 г. (Finance Act 2007).

БАЙНИЯЗОВА Зульфия Сулеймановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

МЕСТО И РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РФ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

В статье исследуется место и роль Конституции РФ в правовой системе. Обосновывается ценностный аспект влияния Конституции на развитие отечественной правовой системы. Автором высказывается тезис о том, что в цифровую эпоху вопрос осмысления роли Конституции приобретает повышенный научный интерес, учитывая происходящие процессы трансформации, которые влияют на правовую систему. В связи с этим обстоятельством анализ современного этапа конституционно-правового развития государства актуализирует необходимость обращения к направлениям развития правовой системы, исходя из основных ценностных ориентиров, закрепленных в самой Конституции. В статье большое внимание уделено рассмотрению значения конституционных ценностей, определяющих параметры организации и функционирования правовой системы.

Ключевые слова: Конституция, правовая система, конституционные ценности, цифровая эпоха.

BAINIYAZOVA Zulfiya Suleymanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and law theory sub-faculty of the Law Faculty of then. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University

THE PLACE AND ROLE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LEGAL SYSTEM: VALUE ASPECT

The article examines the place and role of the Constitution of the Russian Federation in the legal system. The article substantiates the value aspect of the influence of the Constitution on the development of the legal system. The author suggests that in the digital age, the issue of understanding the role of the Constitution is gaining increased scientific interest, given the ongoing transformation processes that affect the legal system. In connection with this circumstance, the analysis of the current stage of the constitutional and legal development of the state actualizes the need to address the directions of development of the legal system, based on the basic value orientations enshrined in the Constitution itself. In the article, much attention is paid to the consideration of the significance of constitutional values that determine the parameters of the organization and functioning of the legal system.

Keywords: Constitution, legal system, constitutional values, digital age.

Байниязова З. С.

В условиях происходящих трансформаций в обществе, обусловленных переходом на цифровой путь развития, актуализируется вопрос о значении Конституции для развития отечественной правовой системы. При всем существующем многообразии научных представлений, вопрос о месте и роли конституции в правовой системе до сих пор продолжает оставаться открытым, незавершенным в своем теоретико-правовом осмыслении. Новый этап конституционно-правового развития государства определяет необходимость обращения к рассмотрению ценностного потенциала Конституции в правовой системе.

На наш взгляд, в исследовании аксиологических характеристик Конституции, следует выделить ряд обстоятельств. Прежде всего то важное обстоятельство, что Конституция - это нормативная основа правовой системы. Она определила основы правового регулирования, параметры развития правотворчества и правоприменения. Конституция является главным ориентиром в вопросе организации правового регулирования в стране. Как отмечается в литературе, «Конституция определяет стратегию правового регулирования, составляя фундамент правовой системы...» [1, с. 182]. Учитывая то, что приоритетные направления развития отечественной правовой системы во многом связываются с уровнем разви-

тия правотворчества, правоприменения, определяются механизмом правового регулирования, вопрос о влиянии Конституции на правовую систему приобретает особый интерес.

Следующим обстоятельством является то, что содержащиеся в ней конституционные ценности выражают собой аксиологический вектор развития правовой системы. В этом отношении Конституция является не только нормативной, но и ценностной основой правовой системы. Выделенные два обстоятельства взаимосвязаны тем, что закрепленные в Конституции нормативные ориентиры в то же время выражают собой ценностные параметры, в рамках которых должна быть организована правовая система. Это является актуальным, учитывая социально-правовые трансформации, которые влияют на правовую систему. Приоритеты, ценностные ориентиры развития правовой системы связаны с Конституцией.

В современных условиях, учитывая динамично развивающиеся общественные отношения, актуализируется вопрос, связанный с направлениями развития российской правовой системы. С учетом новых потребностей общественного, государственного и правового развития возникает необходимость исследования ценностного потенциала правовой системы, тех ее качественных характеристик и юридических

возможностей, которые бы соответствовали вызовам времени. Прежде всего речь идет об обеспечении устойчивого и сбалансированного развития правовой системы, что сегодня в особенности является актуальным, значимым в социально-юридическом отношении. И это обстоятельство, безусловно, выводит на необходимость рассмотрения конституционных ценностей. Нельзя говорить об устойчивом, эффективном развитии правовой системы, если она не основывается на конституционных ценностях. От того, в какой мере правовая система способна быть ориентированной на реализацию конституционных ценностей, во многом зависят ее функциональные возможности в различных сферах жизни общества и государства, а также это необходимо для оказания ею эффективного воздействия на общественные отношения. С учетом конституционных изменений, в контексте нового этапа конституционного развития современного Российского государства, возникает важный, обусловленный объективными закономерностями, вопрос о возможности правовой системы проецировать конституционные ценности на общественные отношения, что является необходимым условием устойчивого, поступательного развития общества и государства. Как подчеркивается в литературе, «именно ценности могут стать средством объединения общества, государства, его граждан, ориентиром и фактором стабильности и динамичного развития страны» [2, с. 97].

Осмысление социальной ценности правовой системы в условиях развития информационного общества во многом связано с вопросом реализации конституционных ценностей, в рамках которых соответственно должны выстраиваться параметры организации и функционирования правовой системы, и тем самым оказываться ее влияние на развитие информационного пространства. Среди конституционных ценностей прежде всего следует выделить ценность прав человека, закрепленный в ст. 2 и ст. 18, можно рассматривать как важный параметр выстраивания основ устойчивого развития правовой системы, а также таких ее составляющих, как правотворчество и правоприменение. Выражая ценностные правовые ориентиры, российская Конституция определила конституционные параметры развития правового статуса личности, которые должны быть реализованы в правовой системе. Такие конституционные принципы правового статуса личности, как признание и гарантированность прав и свобод человека и гражданина, их неотчуждаемый и естественный характер являются ориентирами для развития правовой системы, укрепления ее правозащитных свойств, что в особенности необходимо для адекватного реагирования на современные вызовы в условиях динамизма общественных отношений, вызванных переходом на цифровой путь развития.

В рамках исследования данного вопроса следует подчеркнуть ориентирующее значение ценности прав человека, в соответствии с которым должна определяться необходимость становления качественно новых характеристик правовой системы, адаптирующих ее к современным условиям. Человек, права человека всегда должны быть в центре права, правовой системы, в особенности в условиях ориентированности государства на цифровизацию общества. Уважение личности, ее прав и свобод является ценностным основанием упрочения права, правотворчества, правоприменения, в целом всей правовой системы. Социальная ценность правовой системы во многом выражается в степени реализации прав человека как одного из основных ценностных ориентиров ее развития. Обращенность к исследованию правовой системы

в то же время актуализирует потребность в объяснении ценности прав человека, представляющей большой теоретический и практический интерес [3, с. 40]. При этом с исследованием вопроса о ценности прав человека связан ряд иных вопросов, прежде всего относящихся к правовому статусу личности, учитывая то, что современные процессы социально-правовых трансформаций влияют не только на состояние прав человека, но в целом на правовой статус личности. Анализ правового статуса личности, несмотря на существующее многообразие теоретических представлений, выявляет новые вопросы, нуждающиеся в своем осмыслении. К числу таких вопросов, в частности, можно отнести соотношение прав и обязанностей в правовом статусе личности. В целом следует подчеркнуть, что гуманистические ценности, закрепленные в Конституции России, обеспечивают механизм адаптации правовой системы к общественным изменениям.

Очевидно, что сегодня в цифровую эпоху возрастает повышенное внимание к параметрам организации и функционирования отечественной правовой системы. А вместе с этим актуализируется необходимость осмысления ценности Конституции по отношению к правовой системе. Эффективность воздействия права, в целом правовой системы на общественные отношения во многом определяется действием конституционно-правовых механизмов.

В новых условиях важна выраженность ценностных аспектов правовой системы на всех уровнях ее структурной организации и с точки зрения своего функционального выражения. От состояния и уровня развития правовой системы и всех ее составляющих правовых явлений во многом зависит реализация целей цифровизации. Возможности права, в целом правовой системы, должны быть согласованы с вызовами времени, учитывая необходимость обеспечения их состояния, адекватного новым потребностям общественного, правового и государственного развития. В этой связи важна ориентирующая роль Конституции по отношению к правовой системе, в которой закрепленные ценности позволяют обеспечить сбалансированность правовой системы, необходимое ее соответствие современным вызовам времени. Правовая система, с точки зрения своего функционирования, должна находиться в логике конституционного развития, учитывая то важное обстоятельство, что Конституция является ее нормативно-ценностной основой. Теоретическая значимость осмысления вопроса о месте и роли Конституции в правовой системе определяется необходимостью придания ей вектора устойчивого развития, как необходимого условия обеспечения траектории поступательного общественного, государственного и правового развития в цифровую эпоху.

Пристатейный библиографический список

1. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 560 с.
2. Комкова Г. Н. Категория «ценность» в конституционном праве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. № 2. С. 97-99.
3. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009. 384 с.

КАБАЛЬНОВ Дмитрий Александрович

аспирант 1 года обучения Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

ДОГОВОР АРЕНДЫ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье представлены основные эволюционные этапы развития отечественного законодательства, его отдельных положений, выступающих регулятором договора аренды. Сконцентрировано внимание на особенностях развития и анализе соответствующих норм ключевых нормативных историко-правовых актов. Сформирована авторская периодизация российского законодательства в области договора аренды. Рассмотрены особенности правовой регламентации договора аренды на всех этапах, сформулирован и обоснован вывод о преемственности правовых положений о договоре аренды различных этапов.

Ключевые слова: договор, договор аренды, имущественный найм, нормативные акты, условия договора аренды, стороны договора аренды.

KABALNOV Dmitriy Alexandrovich

postgraduate student of the 1st year of study of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

LEASE AGREEMENT: STAGES OF EVOLUTION IN RUSSIAN CIVIL LEGISLATION

The article presents the main evolutionary stages of the development of domestic legislation, its individual provisions, acting as a regulator of the lease agreement. The attention is focused on the peculiarities of the development and analysis of the relevant norms of key normative historical and legal acts. The author's periodization of the Russian legislation in the field of the lease agreement has been formed. The features of the legal regulation of the lease agreement for all periods are considered, the conclusion about the continuity of the legal provisions on the lease agreement of different periods is formulated and substantiated.

Keywords: contract, lease agreement, regulations, terms of the lease agreement, parties to the lease agreement.

Договор выступает элементом механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений. Договор реализуется наряду с законом, используется в целях упорядочения договорных обязательств.

Система договоров в российском гражданском законодательстве формировалась и эволюционировала на протяжении столетий. Одним из приоритетных направлений исследований современной юридической науки является исследование в исторической ретроспективе особенностей становления и развития правового договора аренды.

Договор аренды (найма имущества) следует отнести к перечню классических договорных конструкций. Популярность договора аренды обеспечивается следующими факторами:

- экономический фактор – стороны договора преследуют определенные экономические цели: арендодатель рассчитывает на вознаграждение, арендатор – на получение необходимого ему объекта;
- организационно-юридический фактор – договор аренды на всех этапах эволюции не рассматривался только как юридическая конструкция, воспринимался как экономическая составляющая фактических отношений [10, с. 149].

Научный анализ историко-правовых положений, посвященных аренде, позволяет не только осмыслить объективные причины появления аренды, но и сформировать предложения в области совершенствования действующего законода-

тельства в рассматриваемой области. Длительность истории договора аренды диктует необходимость формирования периодизации.

Первый период – XV – середина XVII вв. (период соответствует определенным периодам российской государственности – политической раздробленности, становлению и развитию Московского централизованного государства).

Период представлен рядом нормативных правовых актов, содержащих гражданско-правовые предписания, в том числе в области регуляции арендных отношений, – Псковская судная грамота [1], Судебник 1497 г. [2], Судебник 1550 г. [3]. Отметим, что в научной литературе не сложилось однозначного мнения в отношении наличия/отсутствия норм, регулирующих арендные отношения в Русской правде. Большинство авторов [11, с. 8] приходят к мнению, что Русская правда не содержала соответствующих положений. Однако в науке обосновано и другое мнение, например, К. Неволин пришел к выводу, что в поздних списках Русской правды представлены нормы, регулирующие найм земли и рабочего скота [13, с. 114].

Нормы, направленные непосредственно на регламентацию арендных отношений (отношений в области имущественного найма), представлены в ПСГ. Аренда земли регламентировалась ст.ст. 42, 44, 51, 75.

В соответствии с положениями, содержащимися в указанных нормах, найм мог быть прекращен только в осенние

Кабальнов Д. А.

Филипово заговенье; защищались права землевладельца и арендатора; устанавливался запрет на судебные иски арендатора в отношении землевладельца, если последний получил ссуду от нанимателя; предусматривалась возможность продажи имущества арендатора, в случае его бегства и не предоставлении арендной платы. Статья 103 ПСГ содержит положение о найме жилого помещения.

Судебники 1497 и 1550 г. отразили особенности становления права Московского централизованного государства.

В юридической литературе отмечается, что судебники содержали предписания, относящиеся к имущественному найму:

- установление обязанности крестьян внесения арендной платы за землю, которая занята посевами;
- регламентация обязанности землевладельца и арендатора при уплате подати государству (при этом отмечается, что обязанности сторон закреплены не подробно, что свидетельствует о низком уровне разработанности договора) [14, с. 262].

Характерными чертами правовой регламентации отношений имущественного найма первого периода выступают:

- казуистичность правовой регламентации (законодатель фиксировал случаи, которые наиболее часто встречались на практике);
- договор мог заключаться как в отношении недвижимого имущества, так и в отношении движимого имущества, однако, большее внимание законодатель уделит недвижимости.

Второй период – вторая половина XVII – середина XIX вв. (период соответствует формированию предпосылок для перехода к абсолютной монархии, формированию и развитию империи). Основополагающим нормативным правовым актом данного периода выступает Соборное уложение 1649 г. [4], фактически документ оставался основой отечественной правовой системы до середины XIX в.

Данный период не представлен широким кругом правовых положений, выступающих регулятором общественных отношений в области имущественной найма. Объяснить подобную ситуацию можно многими причинами. Соборное уложение было принято в период расцвета феодальных отношений, много внимания законодатель уделит регламентации различного рода отношений, связанных с землей. Соборное уложение окончательно сформировало крепостное право. Большая часть крестьянства, в силу крепостного положения, не могла выступать в качестве стороны договора. Потребность в арендно-земельных отношениях сводилась к минимуму.

Однако имущественный найм получил распространение в городах (торговые лавки, ремесленные мастерские складские помещения). В научной литературе отмечается, что Уложение 1649 г. содержало соответствующие нормы, но подлинных текстов не сохранилось [11, с. 8].

В некоторой степени недостаточность регламентации имущественного найма Соборным уложением восполнилась законодательством периода Петра I и Анны Иоанновны, в соответствии с положениями которого земли могли сдаваться в наем под застройку [11, с. 8].

Характерными чертами правовой регламентации отношений имущественного найма второго периода выступают:

- отсутствие детальной регламентации имущественного найма (характеристика относится, прежде всего, к отношениям объектом, которых выступает земля);
- слабая востребованность регламентации отношений в области имущественного найма (в силу крепостного состояния большей части населения страны).

Третий период – середина-вторая половина XIX – начало XX вв. (период соответствует периоду модернизации отечественного права, существенным изменениям основ российской государственности и социальной сферы, в частности, систематизация и кодификация права, реформы буржуазного характера).

Основным источником данного периода, регламентирующим договорные отношения, выступает Свод законов гражданских, вступивший в силу в 1835 г. [5]. Свод достаточно детально регламентирует отношения имущественного найма. Свод представил дефиницию имущественного найма: договор, по которому одна сторона обязывалась предоставить другой стороне определенную вещь за определенное вознаграждение (ст. 1691). Законодатель предусматривал регламентацию таких вопросов как срок

Вехой в эволюции института имущественного найма стала крестьянская реформа 1861 г. Одним из следствий реформы стало стремительное развитие института аренды. Большинство освобожденных крестьян были вынуждены заключать договор аренды земли.

Историк отечественного права М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что достаточно четко система договорных отношений сложилась только к началу XX столетия, при этом аренда стала структурным элементом института найма, имущественного характера вещей, услуг, а также работ [9, с. 587].

Характерными чертами правовой регламентации отношений имущественного найма третьего периода выступают:

- систематизация норм, направленных на регламентацию договорных отношений в области имущественного найма;
- регламентация имущественного найма земельных участков (таковая наиболее интенсивно начала эволюционировать после проведения крестьянской реформы 1861 г.

Четвертый период – 1917-1991 г. (период соответствует советскому периоду российской государственности).

Арендные отношения (отношения в области имущественного найма) регламентировались гражданско-правовыми кодификациями 1922 и 1964 гг. [6,8], земельными кодификациями [7].

Первая советская кодификация посвятила целый раздел регуляции имущественного найма. Статья 152 представила легальное определение исследуемого договора: договор имущественного найма предполагает следующее – наймодаватель принимает на себя обязанность представить нанимателю какое-либо имущество в целях временного пользования за определенное вознаграждение.

Советский законодатель детально регулировал отдельные аспекты отношений имущественного найма, в частности, найм коммунальных и государственных предприятий (ст.

153), срок (ст. ст. 154-155), порядок предоставления имущества по договору (ст.ст. 157-158), осуществление ремонта найтого имущества (ст.ст. 159, 161), сборы, страхование, плата (ст.ст. 163-167), поднаем имущества (ст. 168), основания для досрочного расторжения договора (ст. 171) и т.д.

Вторая кодификация РСФСР гражданского законодательства, в целом, повторив положения предыдущей кодификации, включила в круг регулируемых вопросов новые, в частности, особенности заключения рассматриваемого договора без закрепления срока (ст. 278), пользование имуществом (продолжение пользования) после окончания срока договора (ст. 279), право (преимущественное) на возобновление договора, принадлежащие социалистической организации (ст. 280), возможные последствия непредоставления оговоренного в договоре имущества (ст. 282), порядок возвращения имущества (ст. 291), ответственность, предусмотренная в отношении нанимателя, в случае ухудшения имущества (ст. 292), регулирование вопросов улучшения имущества (ст. 293), особенности проката (ст. 294). Кроме того, детальной регламентации (выделение самостоятельной главы) подвергся договор найма жилого помещения (данному договору посвящена глава 28).

Советская идеология, а также законодательство свидетельствуют об особом статусе земель. Земельный кодекс 1922 г. содержал раздел, посвященный трудовой аренде, предусматривал возможность аренды землю трудовыми коллективами.

Характерными чертами правовой регламентации договора аренды (имущественного найма) на данном этапе выступают:

- отражение идеологической составляющей советской эпохи (закрепление преимущественного права социалистических организаций, изъятие из арендных отношений земель (за исключением случаев, предусмотренных земельным законодательством), установление ограничений имущественного найма в отношении жилых помещений);
- детальная регламентация различных аспектов договора имущественного найма.

Подводя итог, акцентируем внимание на следующих аспектах эволюции регуляции арендных отношений (отношений имущественного найма). Договор аренды и его правовая регуляция привлекали внимание отечественного законодателя на протяжении многих столетий, что обуславливает необходимость периодизации. Эволюция правовых положений об аренде (найме имущественного характера) взаимосвязана с развитием общества (социальной структуры), экономики, политических институтов. Правовые положения об аренде эволюционировали поступательно, отражая тенденцию преемственности на различных периодах.

Пристатейный библиографический список

1. Псковская судная грамота // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Составитель Ю. П. Титов. М., 2007.
2. Судебник 1497 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Составитель Ю. П. Титов. М., 2007.
3. Судебник 1550 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Составитель Ю. П. Титов. М., 2007.
4. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т.3. Акты Земских соборов. Отв. ред. тома А. Г. Маньков. М., 1985.
5. Свод законов Российской империи. Т. X. Свод законов гражданских. СПб., 1857.
6. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
7. Земельный кодекс 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
8. Гражданский кодекс 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону. 1995.
10. Гагиев А. Г. Анализ развития законодательства об аренде объектов недвижимого имущества. В сборнике: Корпоративный юрист: магистерская научная школа. Сборник статей. Сост. и редакторы Л. Т. Кокоева, С. Р. Чеджемова. 2020. С. 148-155.
11. Иванова Е. В., Владимиров Н. Н. Аренда земли в истории российского государства // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 4. С. 7-13.
12. Иванников Д. С. Эволюция развития российского законодательства об арендных отношениях // *Молодой ученый*. 2020. № 45. С. 86-90.
13. Неволин К. История российских гражданских законов. СПб., 1851.
14. Смирнова М. В. Историко-правовой анализ становления и развития правового института аренды в России // *Молодой ученый*. 2019. № 5 (243). С. 261-264.

НАУМЕНКО Иван Николаевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В статье представлена характеристика методов экономической функции государства. Рассмотрен традиционный научный взгляд на градацию методов на прямые и косвенные. Представлены вариации их реализации в контексте современной правовой действительности в России. Учтена вариабельность их практического применения с учетом существования внешнеэкономических угроз в условиях санкций, вызванных проведением специальной военной операции. Сформулирована авторская гипотеза о трансформации традиционного практического восприятия применения конкретных методов реализации экономической функции в кризисных условиях.

Ключевые слова: экономическая функция государства, методы реализации экономической функции, прямые экономические методы, косвенные экономические функции, система государственного управления экономикой.

NAUMENKO Ivan Nikolaevich

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

METHODS FOR REALIZING THE ECONOMIC FUNCTION OF THE STATE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS IN CRISIS PHENOMENA

The article presents the characteristics of the methods of the economic function of the state. The traditional scientific view on the gradation of methods into direct and indirect ones is considered. Variations of their implementation in the context of modern legal reality in Russia are presented. The variability of their practical application is taken into account, taking into account the existence of foreign economic threats under the conditions of sanctions caused by a special military operation. The author's hypothesis is formulated about the transformation of the traditional practical perception of the use of specific methods for the implementation of the economic function in crisis conditions.

Keywords: economic function of the state, methods of implementing the economic function, direct economic methods, indirect economic functions, system of state management of the economy.

Науменко И. Н.

Формирование центральных институциональных процессов любого государства возможно к реализации в случае грамотно выстроенной экономической функции. В современной правовой действительности экономической стабильность определяет базис для безопасности любого государства, особенно Российской Федерации, в столь непростых условиях существования внешних и внутренних угроз. По этой причине исследование вопросов эксплуатации конкретной методики осуществления экономической функции государства видятся актуальным как в теоретическом, так и в практическом срезе.

В науке теории государства и права экономическая функция определена как наиболее важная в части формирования жизнеспособности любого государства [6], [7], [8], [9], [10]. Для формирования ее наиболее успешного воплощения предусмотрена специфичная методика ее реализации. Однако, в представленной части научная мысль не всегда единообразно фиксирует набор методов, реализуемых государством.

Наиболее традиционная форма представлена двумя основополагающими методами, имеющими отражение в политике практически любого государства:

- прямые методы;
- косвенные методы.

Специфика их содержательных характеристик представлена теми механизмами, которыми пользуется государственный аппарат при регулировании экономической функции. В целях настоящего научного исследования представляется необходимым их характеристика. Так прямые методы, как наиболее традиционные, представляют собой систему конкретных моделей поведения для

участников экономических процессов в государстве. Речь в данном случае идет именно об устройстве экономической деятельности, через призму которой просматривается осуществление экономической функции государства. Необходимо определить, что использование прямых методов связано с непосредственным воздействием на экономические процессы. Экономическая функция в данном случае выражена жесткими критериями запретов на определенные виды деятельности, либо передачу этих видов деятельности исключительно структурам публично-правового механизма. К примеру, в России существование военно-промышленного комплекса передано исключительно государственным структурам, которые включают в себя и научно-исследовательские центры, и крупные промышленные объекты по производству результатов ВПК, а также организационные механизмы, связанные с возможным оборотом и обеспечением результатами ВПК как внутренние структуры, так и продажа их во внешнегосударственном пространстве.

Следует отметить, что это не единственное проявление эксплуатации прямого метода. Так, организация контрольно-надзорных функций [2], [4] относительно субъектов экономической деятельности представляет базу прямого метода. Лицензирование определенных видов деятельности также является эксплуатацией прямого метода.

В целом, представленные примеры прямого метода воздействия в рамках реализации экономической функции позволяет выделить его характерные черты:

- жесткое регулирование со стороны государства;
- формирование четких критериев запретов и ограничений;

• отсутствие вариабельности для субъектов экономической деятельности.

Представленные характеристики иллюстрируют снижение инициативности у субъектов в процессе осуществления деятельности, что может служить элементом торможения на пути к повышению эффективности экономики с одной стороны, и возможности снижения рисков экономической безопасности для государства с другой.

Очевидно, что существование экономики, использующей исключительно прямые методы, не позволяет говорить о ее долговечности и эффективности в условиях внешних угроз. Примером попыток построения экономической функции можно считать советское государство с его плановой экономикой, которая могла быть эффективным инструментарием только на непродолжительные рискованные периоды. Отказ от необходимой экономической перестройки используемых методов повлекли неблагоприятные последствия для всего государства. В то же время ослабление прямых методов и включение косвенных методов правового регулирования экономической функции в Китае позволили вывести экономику страны в ряд ведущих держав мира.

В указанном контексте следует рассмотреть косвенные методы реализации экономической функции государства. Суть их состоит в том, что государство при определении своих экономических интересов представляет такие условия субъектам экономической деятельности, при которых им выгоднее реализовывать свою деятельность в рамках этих государственных интересов. Наиболее частым примером в науке теории государства и права представлен метод таможенно-тарифного регулирования [1], [3].

Современные условия, с которыми столкнулось Российское государство, безусловно, породило массу дополнительных форм реализации косвенных методов. Наиболее проблематичной, в условиях санкций, стала зона импортозамещения. В российской экономике с началом специальной военной операции появилось значительное количество «серых» зон, то есть ранее закрывающие определенные сферы товаров, сырья и прочие субъекты экономики либо покинули рынок, либо попали под запрет и не могут обеспечивать отечественный рынок соответствующими объектами. Так, наиболее уязвимой сферой стал рынок полупроводников, однако, дефицит образовался и в системе медикаментов и медицинского оборудования, и в обеспечении механизмов транспортной сети и т.д.

Очевидно, что применение прямых методов реализации экономической функции государства не только не принесли бы положительный эффект, но и вызвали бы коллапс в экономике страны в целом. В этих условиях Россия принимает решение о возможном приоритете экономической безопасности страны над некоторыми видами прав интеллектуальной собственности и включает в работу механизм параллельного импорта [5].

Это не единственная форма проявления косвенных методов, которые удалось эксплуатировать в системе реализации экономической функции государства в кризисный момент. На современном этапе государством разработано значительное количество специальных программ, стимулирующих приоритетные направления экономической деятельности. Так, представлены программы льготного кредитования предпринимательской деятельности в отдельных отраслях, представлена возможность занять место ушедших с российского рынка компаний, занимающих значительное место в структуре экономической функции государства с учетом необходимости сохранения рабочих мест и общей концепции предприятия (наиболее значимым и ярким в данном случае явилась трансформация деятельности компании «Вкусно и точка»).

Представленное позволяет говорить о том, что традиционное восприятие прямых методов, как антикризисных и косвенных, как стимулирующих к развитию беспрепятственных экономических государственных систем не состоятельно в условиях современной правовой действительности России. Разумеется, поставить экономику на косвенные методы регулирования в современных условиях массового внешнего

негативного воздействия, при котором целью прозападных структур является разрушение государственности в России, было рискованным. Но в представленных условиях, снижение прямого (жесткого) метода и превалирование косвенных стимулирующих форм позволило достичь удивительных результатов. Россия не просто не пала в экономическое пике после начала СВО, но и стремительно движется в направлении абсолютной экономической независимости от прозападного негативного элемента.

Подводя итоги, необходимо резюмировать, что баланс прямых и косвенных методов реализации экономической функции государства позволяет грамотному построению экономической безопасности государства. Очевидно, что стандартные модели преваляции в рискованных экономических ситуациях прямых методов реализации экономических функций уже не столь эффективны. Актуализация косвенных методов позволяет обеспечить экономическую безопасность и обозначить рост экономики страны в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза от 11.04.2017 (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 12.06.2023).
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 03.08.2020. - № 31 (часть I). - Ст. 5007.
3. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 15.12.2003. - № 50. - Ст. 4850.
4. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (ред. от 10.03.2023) // Собрание законодательства РФ. - 14.03.2022. - № 11. - Ст. 1715.
5. Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (ред. от 02.03.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2023).
6. Анцупов В. В. Экономическая функция государства. Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004.
7. Колоколенков Д. С. Роль права в регулировании экономики, обеспечении экономической свободы и безопасности. Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2010.
8. Соколова И. Л. Экономическая функция современного федеративного государства. Дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007.
9. Хусаинов З. Ф. Экономическая функция российской государственности: вопросы теории, истории и политико-правовой практики. Дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2008.
10. Щербаковский Г. З. Государство и экономическая система общества: теоретико-правовые и прагматические основания соотношения и взаимодействия. Дис. ... докт. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006.

ПРОНИНА Ксения Юрьевна

преподаватель кафедры философии и истории Академии ФСИН России

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ И МЕРЫ МИНИМИЗАЦИИ

В статье рассматриваются понятия правового нигилизма и его разновидности – правового нигилизма государственных служащих. Анализируются причины, способствующие возникновению, существованию и распространению данного явления. Подчеркивается необходимость реализации мер, направленных на минимизацию правового нигилизма государственных служащих. Рассматриваются авторские классификации причин и мер минимизации правового нигилизма государственных служащих.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правосознание, правовой нигилизм государственных служащих, причины правового нигилизма государственных служащих, минимизация правового нигилизма государственных служащих.

PRONINA Kseniya Yurjevna

lecturer of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL NIHILISM OF CIVIL SERVANTS: CONCEPT, CAUSES AND MINIMIZATION MEASURES

The article deals with the concepts of legal nihilism and its variety - the legal nihilism of civil servants. The reasons contributing to the emergence, existence and spread of this phenomenon are analyzed. The necessity of implementing measures aimed at minimizing the legal nihilism of civil servants is emphasized. The author's classifications of causes and measures to minimize the legal nihilism of civil servants are considered.

Keywords: legal nihilism, legal awareness, legal nihilism of civil servants, causes of legal nihilism of civil servants, minimization of legal nihilism of civil servants.

В настоящее время стоит констатировать недостаточно высокий уровень правовой культуры, правосознания не только у граждан вообще, но и у государственных служащих в частности. Правовой нигилизм чиновников наносит существенный вред отдельному человеку, обществу и государству в целом. В связи с этим исследование сущностных аспектов правового нигилизма государственных служащих приобретает особую актуальность и необходимость детального изучения.

Правовой нигилизм в большинстве случаев рассматривается как один из видов деформации правосознания, под которым в наиболее общем виде понимается система взглядов, представлений, эмоций по отношению субъекта к действующему или желаемому праву. В теоретической юриспруденции присутствуют различные подходы к определению структурных элементов правосознания.

Нам близка точка зрения В. В. Сафронова, выделяющего следующие структурные элементы правосознания: 1) отношение гражданина к праву (оценочно-психологическая сторона правосознания); 2) знание правовых явлений (познавательная-идеологическая сторона правосознания); 3) готовность личности к правомерному поведению (поведенческая сторона правосознания) [5, с. 14].

Поведенческий аспект занимает важное место в структуре правосознания. Как представляется, это обусловлено тем, что «правосознание личности проявляет свое реальное содержание в правовом поведении. Поэтому в правосознании целесообразно выделить компоненты, которые оказывают влияние на поведение, что выражается в готовности личности к деятельности в юридически значимых ситуациях» [3, с. 52]. Полагаем, что правовой нигилизм формируется в сознании, а проявляется в конкретном поведении лица (как правомерном, так и противоправном). Правовой нигилизм преимущественно рассматривается как негативное явление, соответственно, отрицательные последствия обусловлены в первую очередь конкретными действиями субъектов общественных отношений.

Пронина К. Ю.

Необходимо отметить, что правовой нигилизм, помимо отрицательного влияния, наносящего огромный вред общественным отношениям, может оказывать определенное позитивное воздействие. Он вскрывает несовершенства правового регулирования, обличает проблемные аспекты, возникающие в правотворческой и правоприменительной деятельности, то есть выступает своеобразным индикатором.

Правовой нигилизм – многогранный социальный феномен (явление), возникающий в результате деформации правосознания, полностью или частично отрицающий ценность права, проявляющийся в негативно-пренебрежительном отношении к праву и формирующемся на его основе поведении, оказывающий не только деструктивное влияние на социум, но и требующий повышения эффективности правового регулирования общественных отношений.

Правовой нигилизм государственных служащих выступает одним из видов правового нигилизма, ему присущи как общие, так и отличительные черты. Специфические признаки правового нигилизма государственных служащих обусловлены особой сферой и субъектами, которые для достижения целей используют свои властные полномочия.

Правовой нигилизм государственных служащих – явление, обусловленное различными причинами. Изучение данного феномена позволило выделить следующие группы причин:

1. Общие причины, обусловленные объективными обстоятельствами.

Социально-экономические причины обусловлены социальной напряженностью и в целом экономической нестабильностью в обществе. Конкретными показателями, отражающими состояние социально-экономической сферы общества применительно к правовому нигилизму государственных служащих, являются: уровень заработной платы, рост цен, инфляция.

Политико-правовые причины связаны с деятельностью государственного аппарата. Несовершенства в правотворче-

ской деятельности приводят к наличию в современном законодательстве множества диспозитивных норм, предоставляющих государственным служащим возможность выбирать желаемый способ реализации субъективного права.

Исторические причины обусловлены тем фактом, что правовой нигилизм возникает вместе с правом и является его неизменным спутником. Особо хотелось бы подчеркнуть влияние менталитета на зарождение и существование правового нигилизма государственных служащих. В самом общем виде под менталитетом понимается «некая характерная для конкретной культуры или субкультуры специфика социально-психической жизни определенной группы людей, детерминированная исторически сложившимися экономическими и политическими условиями их существования» [2, с. 139]. Следовательно, зная особенности национального менталитета, можно заранее спрогнозировать уровень правового нигилизма вообще, и государственных служащих в частности, и разработать комплекс мер, препятствующих избыточной бюрократизации государственной системы управления, исключающих неформальные властно-подчиненные отношения, противодействующих протекционизму, делающих бюрократическую систему сложной и пронизанной коррупцией и т.д.

2. Особенности причины, обусловленные субъективными качествами, личными установками и целями конкретного государственного служащего.

Корыстно-материальные причины связаны с получением личной финансовой выгоды, когда общественные интересы не занимают преобладающее значение.

Морально-нравственные причины обусловлены наличием отрицательных субъективных качеств у государственных служащих: чиновничье-бюрократическая аморальность, безнравственность, уверенность в своей неуязвимости, безнаказанности и другие.

Культурные причины правового нигилизма государственных служащих обусловлены уровнем правосознания и правовой культуры, связаны с осознанием лицом аксиологического предназначения права, сформированностью его поведенческих установок на правомерное поведение.

3. Частные причины правового нигилизма государственных служащих включают в себя аналогичные действия коллег и указания вышестоящего руководства. Данные причины являются специфичными, поскольку исходят от иного источника и по внешней форме являются объективными, при этом по внутреннему содержанию представляются субъективными.

Таким образом, причины правового нигилизма государственных служащих разнообразны, нельзя утверждать о преобладании конкретных факторов, способствующих нигилистическим проявлениям, поскольку в каждом отдельном случае решающими могут оказаться различные причины или их совокупность.

Несмотря на определенное позитивное воздействие, правовой нигилизм государственных служащих является отрицательным явлением, компрометирующим государственную службу, подрывающим доверие населения к чиновникам, препятствующим достижению основных целей и решению ключевых задач государства. Данное обстоятельство обуславливает необходимость реализации мер, направленных на минимизацию правового нигилизма государственных служащих. Полагаем возможным выделить общие меры, создающие необходимую базу для плодотворного функционирования общества и государства и особенные меры, направленные непосредственно на государственных служащих.

Общие меры [4]:

1. Совершенствование законодательства: качественное проведение экспертизы нормативных правовых актов; повышение уровня юридической техники; минимизация влияния «административного усмотрения» на процесс принятия управленческих решений (усмотрение связано с субъективными представлениями государственного служащего, с уровнем его правосознания и правовой культуры, при этом важно, чтобы усмотрение не переросло в произвол власти).

2. Меры по борьбе с правонарушениями носят многоаспектный характер, одним из направлений является ужесточение ответственности государственных служащих, при котором наказание будет неотвратимым, справедливым и качественно исполненным.

3. Повышение уровня правовой культуры, формирование системы основополагающих ценностей посредством уделения более пристального внимания правовому воспитанию, обучению и просвещению. Важная роль отводится средствам массовой информации, которые фактически контролируют ценностные установки общества, пропуская их через себя, выделяют отдельные элементы из общей массы, придавая одним особый вес, понижая ценность других [1, с. 106].

Особенные меры:

1. Совершенствование процедуры отбора (эффективная кадровая политика), аттестации и повышения квалификации государственных служащих. Полагаем, возможно выделить два самостоятельных, но взаимосвязанных направления при аттестации и повышении квалификации:

1) профессионально-образовательное, в рамках которого необходимо мотивировать государственных служащих к получению новых профессиональных знаний, навыков и умений; осуществлять эффективный контроль за внедрением данных знаний в практическую деятельность; не допускать формализма при итоговой аттестации;

2) превентивно-коррупционное направление подразумевает необходимость включения в программы антикоррупционной практико-ориентированной составляющей; проверки знания законодательства; особенности формирования комиссии и включения в ее состав представителей судебных, надзорных, следственных и уголовно-исполнительных органов.

2. Систематическое проведение обучающих семинаров, в том числе регулярное ознакомление с материалами судебной практики по преступлениям, совершаемым государственными служащими, с целью углубления и совершенствования профессионально-значимых, морально-волевых качеств государственных служащих, позволяющее качественно исполнять свои профессиональные обязанности.

Таким образом, правовой нигилизм государственных служащих – один из видов правового нигилизма, возникающий в сфере управленческой деятельности, проявляющийся в сознательном, негативно-пренебрежительном, корыстном отношении к праву и формирующемся на его основе поведении лица, занимающего должности государственной службы, наносящий вред ценностям общества, и являющийся маркером проблем в сфере организации публичной власти. Правовой нигилизм государственных служащих имеет как общие черты с правовым нигилизмом, так и специфичные, что проявляется во всех рассмотренных выше аспектах: понятии, причинах и мерах минимизации.

Приставейный библиографический список

1. Гулина О. Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Уфа, 2002. – 180 с.
2. Гуляихин В. Н. Правовой нигилизм в России: монография. – Волгоград: Перемена, 2005. – 280 с.
3. Морозевич В. С. Воздействие правосознания на правовое поведение личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 1 (25). – С. 52-55.
4. Пронина К. Ю. Меры минимизации негативного воздействия правового нигилизма на общественные отношения // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2017. – № 4. – С. 192-198.
5. Сафронов В. В. Правосознание гражданина: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Красноярск, 2004. – 242 с.

АЛИЕВА Набисат Шамиловна

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

РАДЖАБОВ Фикрет Газиахмедович

кандидат юридических наук, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ СУБЪЕКТЫ

Данная научная статья посвящена исследованию конституционно-правовых отношений и их субъектов. В работе осуществляется анализ основных аспектов и характеристик конституционно-правовых отношений, их значимости и роли в правовой системе. Авторы статьи рассматривают понятие конституционно-правовых отношений и их сущность, выявляют основные элементы, включающие субъекты, объекты, правовые нормы и принципы, регулирующие данную сферу. Основное внимание уделяется анализу субъектов конституционно-правовых отношений, таких как государство, граждане, органы государственной власти, политические партии и другие участники правовых отношений в контексте конституционного права. Рассматриваются их правовой статус, компетенция, взаимодействие и влияние на формирование и реализацию конституционных принципов и прав.

Ключевые слова: конституционно-правовые отношения, субъекты, государственные органы, негосударственные организации, взаимодействие, конституционное право, конфликты и разрешение споров.

ALIEVA Nabizat Shamilovna

magister student of the 2 years of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

RADZHABOV Fikret Gaziakhmedovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RELATIONS AND THEIR SUBJECTS

This scientific article is devoted to the study of constitutional and legal relations and their subjects. The paper analyzes the main aspects and characteristics of constitutional and legal relations, their significance and role in the legal system. The authors of the article consider the concept of constitutional and legal relations and their essence, identify the main elements, including subjects, objects, legal norms and principles governing this sphere. The main attention is paid to the analysis of subjects of constitutional and legal relations, such as the state, citizens, public authorities, political parties and other participants in legal relations in the context of constitutional law. Their legal status, competence, interaction and influence on the formation and implementation of constitutional principles and rights are considered.

Keywords: constitutional and legal relations, subjects, state bodies, non-governmental organizations, interaction, constitutional law, conflicts and dispute resolution.

Конституционно-правовые отношения представляют собой особую категорию правовых отношений, которые возникают в сфере конституционного права. Субъекты, связанные с конституционными нормами и принципами, выражают взаимодействие и отношения между собой.

Сущность конституционно-правовых отношений заключается в их специфическом характере, основанном на применении и обеспечении конституционных норм. Конституционные нормы представляют собой основополагающие правовые акты, которые определяют организацию и функционирование государства, устанавливают основные права и свободы граждан, а также регулируют взаимодействие между различными субъектами права.

Конституционно-правовые отношения обладают уникальными свойствами, объединяющими различные составляющие, такие как права, обязанности, компетенция и ответственность субъектов. Конституционно-правовые отношения могут возникать между государственными органами, такими как законодательная, исполнительная и судебная власть, а также между государством и гражданской общественностью, включая негосударственные организации [4, с. 37].

Конституционные нормы и принципы могут определяться как основополагающие положения, закрепленные в конституции государства. Они служат основой для организации и функционирования государства, установления прав и обязанностей граждан, а также определяют принципы взаимодействия государственных органов и общества.

Особенности конституционно-правовых отношений по сравнению с другими видами правовых отношений заключаются в их специфическом характере и особой значимости:

1. Конституционно-правовые отношения основаны на применении и интерпретации конституционных норм. Конституция является основным законом государства, который определяет его организацию, функции и основные права, и свободы граждан. В отличие от других правовых отношений, конституционные нормы обладают особой юридической силой и приоритетом перед остальными нормами права.

2. Конституционно-правовые отношения характеризуются высшей юридической силой конституции. Они отражают основные принципы и ценности, на которых основывается правовой порядок государства. Конституция имеет верховенство перед другими нормативными актами и является основой для разработки и принятия законов и иных правовых актов.

3. Одной из основных особенностей конституционно-правовых отношений в Российской Федерации является защита основных прав и свобод граждан. Защита этих прав и свобод является важной задачей государства и основой правового государства. Российская Конституция признает и гарантирует широкий перечень основных прав и свобод граждан. Эти права и свободы включают, например, право на жизнь, свободу личности, свободу выражения мнений, свободу вероисповедания, право на собственность, право на справедливое судебное разбирательство и многие другие.

4. Конституционно-правовые отношения регулируют взаимодействие между различными органами государственной власти, определяемое Конституцией. Компетенция и функции каждого органа, а также принципы их взаимодействия являются основополагающими элементами в конституционно-правовых отношениях. Эти отношения особенно важны при реализации принципа разделения властей и соблюдении конституционных принципов.

5. Конституционно-правовые отношения отличаются высокой значимостью и стабильностью. Конституция, являющаяся основным законом государства, является фундаментом для правовой системы. Они характеризуются длительностью и устойчивостью, поскольку изменение конституции требует особых процедур и согласия множества правовых субъектов [7, с. 257].

В целом, конституционно-правовые отношения имеют особую природу и значимость, связанную с применением конституционных норм, защитой основных прав и свобод, регулированием государственной власти и обеспечением стабильности правового порядка государства.

Предмет конституционного права включает разнообразные явления, отношения и принципы, которые подлежат регулированию в рамках конкретной страны или государства. Конституционное право выступает в качестве фундамента для организации государства, закладывает основы принципа разделения властей, определяет полномочия государственных органов и гарантирует основные права и свободы граждан.

Конституционно-правовые отношения в Российской Федерации (РФ) можно классифицировать по различным критериям.

Горизонтальная классификация отношений подразделяет их на взаимодействия между органами государственной власти на одном уровне. Например, это отношения между законодательной, исполнительной и судебной властями РФ.

Вертикальная классификация отношений касается взаимодействия между органами власти на разных уровнях государственной системы. В РФ такие отношения осуществляются между федеральными и региональными органами власти.

Конституционно-правовые отношения между государством и гражданами включают права и обязанности граждан, а также гарантии их конституционных прав. Это могут быть отношения в области гражданских свобод и прав, политических прав, социальных и экономических прав и т.д.

В РФ существует система местного самоуправления, и отношения между государством и органами местного самоуправления регулируются конституционными нормами. Эти отношения определяют компетенцию местных органов власти, финансовые отношения, вопросы сотрудничества между федеральными и региональными органами власти и т.д.

Конституционные отношения между федеральным правительством и субъектами РФ определяются принципами федерализма. Это включает распределение властных полномочий между федеральными и региональными органами власти, финансовые отношения, сотрудничество в сфере законодательной и исполнительной деятельности и т.д.

Российская Федерация является членом международных организаций, и конституционно-правовые отношения между РФ и этими организациями определяются конституцией и международными договорами. Это включает взаимодействие в сфере международного права, участие в создании и деятельности международных институтов, защиту прав и интересов РФ на международной арене и т.д.

Классификация конституционно-правовых отношений в РФ может быть более подробной и включать дополнительные аспекты в зависимости от контекста и специфики исследования или изучения данной области права. [5, с. 89].

Субъекты конституционно-правовых отношений представляют собой активные участники конституционной систе-

мы, которые обладают определенными правами, обязанностями и возможностями в рамках данной системы. Субъекты конституционно-правовых отношений могут включать различные группы лиц, организаций и институтов, которые имеют определенную роль и положение в конституционной жизни государства. Эти субъекты могут быть разделены на две основные категории: публичные и частные.

Публичные субъекты конституционно-правовых отношений представляют государственные органы, которые наделены публичной властью и осуществляют функции, предусмотренные конституцией. К таким субъектам относятся, например, президент, парламент, правительство, судебная система и другие органы, которые осуществляют управление и управленческие функции в государстве. Публичные субъекты конституционно-правовых отношений обладают определенными прерогативами и полномочиями, а также несут ответственность за исполнение своих обязанностей.

Частные субъекты конституционно-правовых отношений включают отдельных граждан, общественные объединения, корпорации, некоммерческие организации и другие частные субъекты, которые также имеют определенные права, свободы и обязанности в рамках конституционной системы. Они обладают гражданскими правами, такими как право на жизнь, свободу слова, собственность и другие, а также могут участвовать в политической деятельности и формировании общественного мнения.

Сущность субъектов конституционно-правовых отношений заключается в их взаимодействии и влиянии на формирование и развитие конституционной системы. Они не только соблюдают и выполняют конституционные нормы и принципы, но и могут обращаться к конституционным правам и судебной защите в случае нарушения своих прав. Субъекты конституционно-правовых отношений формируют политическую и правовую среду государства, влияют на принятие законов и принятие конституционных изменений.

Важно отметить, что субъекты конституционно-правовых отношений обладают не только правами, но и обязанностями. Они должны соблюдать конституционные нормы, уважать права других субъектов и работать в интересах общества и государства. Таким образом, субъекты конституционно-правовых отношений играют важную роль в конституционной системе, обеспечивая ее стабильность, развитие и соблюдение принципов правового государства.

В Российской Федерации субъектами конституционно-правовых отношений являются различные участники, которые играют важную роль в конституционной системе. Рассмотрим подробнее основные субъекты конституционно-правовых отношений в РФ:

1. Граждане. Граждане Российской Федерации являются одним из главных субъектов конституционно-правовых отношений. Конституция РФ гарантирует им основные права и свободы, такие как право на жизнь, свободу выражения мнения, равенство перед законом, свободу совести и др. Граждане имеют право на участие в выборах, референдумах, а также на защиту своих прав в суде.

2. Государство. Государство, представленное органами государственной власти, такими как президент, правительство, законодательная и судебная власти, является ключевым субъектом конституционно-правовых отношений. Государство обязано соблюдать конституцию и обеспечивать реализацию конституционных прав и свобод граждан, а также осуществлять свои полномочия в соответствии с конституционными нормами.

3. Органы местного самоуправления. Субъектами конституционно-правовых отношений являются также органы местного самоуправления, которые осуществляют управление на местном уровне. Они имеют свои полномочия и компетенцию, определенные конституцией и законодатель-

ством, и взаимодействуют с гражданами и органами государственной власти в рамках своих функций.

4. Федеральные органы исполнительной власти. Российская Федерация имеет федеральные органы исполнительной власти, которые осуществляют реализацию законодательства на федеральном уровне. Эти органы, такие как министерства и ведомства, являются субъектами конституционно-правовых отношений и осуществляют свою деятельность в соответствии с конституционными нормами и полномочиями, предоставленными им законом.

5. Судебная система. Судебная система, включая конституционный суд, является важным субъектом конституционно-правовых отношений. Она имеет задачу охраны конституционных принципов и обеспечения соблюдения конституционных прав и свобод граждан. Судебная власть рассматривает конституционные споры, контролирует законность нормативных актов и обеспечивает защиту конституционных норм [6, с. 50].

Это основные участники конституционно-правовых отношений в Российской Федерации. Они взаимодействуют друг с другом и оказывают влияние на формирование и развитие конституционной системы страны. Включенные в список субъекты конституционно-правовых отношений являются общими для всех государств. Однако в некоторых странах присутствуют субъекты, которые отличаются от других, такие как церковь, главой которой зачастую является монарх.

Сущность наличия власти в государстве заключается в обеспечении безопасности его граждан. Поэтому одной из важнейших задач федерального центра в ближайшем будущем является демонстрация своей необходимости перед населением регионов России. С другой стороны, региональные органы власти в федеративном государстве также обладают своими специфическими вопросами, касающимися удовлетворения потребностей граждан, особенно тех, которые связаны с конкретными характеристиками и проблемами данного региона [1, с. 63].

В конституционно-правовых отношениях в Российской Федерации имеется законодательное разнообразие и некоторые вопросы решаются на уровне субъектов, где они принимают самостоятельные решения. Важно отметить, что такая правотворческая деятельность субъектов не должна противоречить федеральному законодательству.

В Российской Федерации существует проблема, связанная с большим количеством регионов в стране, что создает неудобства при пересечении границы каждого региона и уточнении применяемых законов. Возникает вопрос, почему нельзя разделить всю территорию страны на федеральные округа. В настоящее время в России существует 8 федеральных округов, и почему бы не присвоить им статус отдельных субъектов, чтобы вместо 85 регионов было всего 11. Эти 11 регионов будут состоять из 8 федеральных округов и 3 городов федерального значения.

Такое нововведение уже соответствует требованиям современности и требует лишь законодательного закрепления. Отметим, что присвоение статуса субъекта Российской Федерации 8 федеральным округам позволит им иметь общий бюджет и собирать налоги, которые будут направляться в бюджет субъекта и распределяться внутри региона. Это позволит обеспечить равномерную государственную поддержку для всех регионов и устранить дисбаланс между ними.

Преимущества такого подхода очевидны, более простая и понятная система управления, упрощение процесса принятия решений и унификация законодательства внутри каждого федерального округа. Кроме того, это способствует улучшению координации между регионами и созданию единой стратегии развития на уровне округа.

Однако следует отметить, что такое изменение требует тщательного изучения и детального планирования, включая распределение полномочий и ресурсов между федеральными

округами и городами федерального значения. Необходимо учитывать особенности каждого региона и обеспечивать защиту интересов всех граждан Российской Федерации.

Процесс реорганизации и перехода к такой системе требует широкого обсуждения, консультаций с экспертами и разработки соответствующего законодательства. Однако, рассмотрение и реализация данного предложения могут способствовать устранению некоторых проблем, связанных с многообразием регионального законодательства и дисбалансом между регионами, а также содействовать более эффективному управлению и развитию страны.

Пристатейный библиографический список

1. Аминов И. Р. Развитие законодательства в России: вызовы современности // В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. - С. 131-135.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России. В 2-х т. Т. 1.: Учебный курс: Учебное пособие; МГУ им. М.В. Ломоносова (МГУ). - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. - 864 с.
3. Кужиков Д. А. Правовые способы изменения государственно – территориального устройства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 8. - С. 58-64.
4. Карпов Н. Н. Конституционно-правовые отношения: приоритетность и перспективы совершенствования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. - 2018. - № 6 (68). - С. 37-41.
5. Лунгу Е. В. Конституционные правоотношения в науке конституционного права Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2019. - № 34. - С. 89-96.
6. Темникова М. П. К проблеме субъектов конституционно-правовой ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2018. - № 2. - С. 50-53.
7. Фархутдинова А. С., Аминов И. Р. Конституционно-правовые отношения и их субъекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 10-2 (61). - С. 257-260.

МАМЕЕВ Ибрагим Тагирович

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ИСАЕВА Карина Мустнгировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья посвящена вопросам осуществления общественного контроля в Российской Федерации. В рамках исследования установлено, что институт общественного контроля занимает важную роль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества. Его значение состоит в ограничении возможного злоупотребления полномочий органами государственной и муниципальной власти, учет мнения граждан при принятии политически значимых решений, затрагивающих жизненно важные сферы функционирования населения, реализация права граждан на законодательные инициативы, содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов в обществе и государстве.

Ключевые слова: общественный контроль, общественные организации, гражданское общество, субъекты общественного контроля.

MAMEEV Ibrahim Tagirovich

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

ISAEVA Karina Mustngirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF PUBLIC CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the issues of public control in the Russian Federation. The study found that the institute of public control plays an important role in the constitutional and legal interaction of public authorities and civil society institutions. Its importance consists in limiting the possible abuse of powers by state and municipal authorities, taking into account the opinions of citizens when making politically significant decisions affecting vital areas of functioning of the population, exercising the right of citizens to legislative initiatives, promoting the prevention and resolution of social conflicts in society and the state.

Keywords: public control, public organizations, civil society, subjects of public control.

Формирование отношений между институтами гражданского общества и публичной властью являются необходимым условием существования демократичного и правового государства. А. В. Малько под гражданским обществом понимал совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать [1, с. 159]. Н. П. Игнатъев отмечал, что гражданское общество существует в диалектически противоречивом единстве с государством [2, с. 131].

Немаловажную роль в формировании укреплении взаимоотношений между институтами гражданского общества и публичной играет общественный контроль. В. С. Мокрый отмечал особую роль общественного контроля в деятельности государства, которая выражается в учете интересов общественности при принятии политических решений в целях дальнейшей реализации [3, с. 145].

Общественный контроль воплощает в себе основные принципы демократического государства, а именно гласность и прозрачность деятельности органов государственной власти, участие населения в важных вопросах управления. Деятельность по осуществлению общественного контроля, основы, принципы, цели и задачи регламентируются Феде-

ральным законом № 212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Законодатель определил общественный контроль как деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемую в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций.

Среди субъектов, проводящих общественный контроль законодатель выделяет следующее: Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Данный перечень субъектов не является исчерпывающим, так как законодательно предусмотрена возможность создания также общественных наблюдательных комиссий, общественных инспекций, групп общественного контроля, а также иные формы, которые могут быть предусмотрены законодательством РФ.

Однако, стоит отметить, что в законодательстве РФ ещё не предусмотрены правовые основы создания и деятельности указанных субъектов. Участие гражданина в деятельности общественного контроля является исключительно добровольным, то есть принуждение запрещается в любой форме.

Кроме того, не все общественные организации можно отнести к субъектам общественного контроля, даже если в уставе отражено проведение последнего в качестве основной функции деятельности. К примеру, можно привести Постановление арбитражного суда Московского округа от 20.02.2020 г. отражено, что общественный контроль вправе осуществлять исключительно субъекты общественного контроля. Некоммерческие организации, в том числе общественные объединения к субъектам общественного контроля не относятся. Исключения составляют прямо предусмотренные законом случаи.

Исходя из материалов дела следует, что организация А обратилась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением к Главному управлению Минюста России по Москве (далее - Главное управление) о признании недействительным предупреждения. Установлено, что организация М является унитарной некоммерческой организацией, не имеющей членства, созданной в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Главным управлением было выдано предупреждение организации М, поскольку из информации Федеральной антимонопольной службы России следует, что последняя осуществляет функцию общественного контроля в форме общественного мониторинга. Поскольку согласно российскому законодательству на Минюст РФ возложены функции по осуществлению контроля за соответствием деятельности некоммерческих организаций (общественных объединений) их уставным целям и задачам, а также законодательству Российской Федерации, государственным органом были осуществлены контрольные мероприятия и выдано по результатам проверки предупреждение.

Согласно Уставу организации М предусмотрено осуществление общественного контроля в сфере ценообразования на территориях субъектов Российской Федерации посредством анализа, наблюдения и опубликования результатов мониторинга цен (тарифов).

Оставив решение суда апелляционной инстанции в силе, кассация ссылается на то обстоятельство, что круг субъектов общественного контроля определен положениями статьи 9 Закона об общественном контроле, к которым организация М не относится. Лица, изъявившие желание участвовать в институте общественного контроля, проявляют свою гражданскую позицию. Предусмотрены две формы участия граждан в общественной деятельности: общественные инспектора и общественные эксперты.

Возможность участия граждан в рамках общественного контроля также предусмотрена в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

В рамках указанного контроля граждане и объединения имеют право на подачу предложений по совершенствова-

нию законодательства в указанной сфере; направлять заказчикам запросы о предоставлении необходимой информации по заключённым контрактам; проводить независимый мониторинг закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд; обращаться с заявлениями в органы государственной власти о проведении проверки по проведённой закупке, в том числе обращаться в правоохранительные органы.

Так, в рамках реализации указанных полномочий, при Министерстве экономического развития России создан Экспертный совет по контрактным отношениям.

Среди основных функций Экспертного совета является рассмотрение обращений граждан и общественных организаций о необходимости повышения эффективности закупок и совершенствования законодательства Российской Федерации в данной сфере, выработку предложений по повышению открытости, доступности информации в рамках контрактных отношений.

На практике нередко встает вопрос о соотношении ФЗ № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Проблема данного соотношения возникает в связи с порядком, процедурой проведения любой формы общественного контроля в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В качестве примера судебной практики можно привести Апелляционное определение Самарского областного суда от 02.08.2018.

Исходя из материалов дела следует, что общественная организация «Т» по защите прав потребителей обратилась в суд к супермаркету «А» о защите прав и законных интересов неопределенного круга потребителей, прекращении противоправных действий.

Противоправные действия были выявлены в ходе осуществления организацией «Т» общественного контроля и заключались в следующем: на прилавках магазина были выставлены позиции продуктов с просроченным сроком годности без соответствующей маркировки, наличия товаров с отсутствием необходимой и достоверной информацией, которая позволит правильно ее выбрать и подтвердить качество и безопасность.

Суд первой инстанции признал указанные действия магазина «Т» противоправными и обязал их прекратить и разместить решение суда на сайте общественной организации «Т».

Не согласившись с выводами суда первой инстанции, представители магазина Т подали апелляционную жалобу, в которой просили отменить решение суда по следующим основаниям.

Общественная организация Т не уведомила представителей магазина о планируемой проверке заблаговременно; проверка осуществлена без обращения граждан (потребителей); отсутствие доказательств по делу, а именно фото и видеосъемки.

Суд апелляционной инстанции, рассмотрев жалобу не нашел нарушений норм процессуального и материального права суда первой инстанции и указал на следующее.

В случае признания указанных действий изготовителя, индивидуального предпринимателя, импортера неправомерными, суд обязывает данных субъектов довести решение суда до потребителей путем опубликования решения на сайте организации либо довести другим способом.

Отклоняя довод представителя магазина «А» о том, что общественная организация «Т» не имела право осуществлять общественную проверку суд указал на различие ФЗ N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Обличительной чертой указанных законов является разница в составе объектов и субъектов, возникших правоотношений. Так, в отличие от ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», в ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», установлено, что инициатором проверки могут быть не только указанные в Законе субъекты, но и иные субъекты общественного контроля, к которым, в силу положений ГК РФ, ФЗ «О некоммерческих организациях», ФЗ «Об общественных объединениях», Закона РФ «О защите прав потребителей», относится ТОО ЗПП «ЩИТ».

В уставе общественной организации «Т» указана, что она вправе осуществлять общественный контроль за соблюдением прав потребителей и при необходимости, направление в орган государственного надзора и органы местного самоуправления информации о фактах нарушений прав потребителей для проведения проверки этих фактов.

Во исполнение функций, задачи и прав, предоставленных организации «Т», последняя, провела общественную проверку. Согласно положениям ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» организатор общественной проверки по ее завершению должен подготовить итоговый документ, в котором отражаются основания проведения проверки, материалы, которые были исследованы при осуществлении проверки и подтверждающие факт нарушения прав граждан.

Помимо прочего, в итоговом документе также содержатся предложения по недопущению и устранению нарушений. В рамках приведенного судебного дела, к итоговому документу были приложены чеки, подтверждающие приобретение товаров в данном магазине, товарные чеки, поручение, чеки, подтверждающие возврат товаров по причине предоставления некачественной продукции. Таким образом, суд апелляционной инстанции оставил жалобу без удовлетворения, решение суда первой инстанции без изменения.

Следовательно, можно заключить, что общественные объединения играют важную роль в осуществлении общественного контроля и в защите прав и интересов неопределенного круга лиц в жизненно важных сферах деятельности людей.

Таким образом, можно заключить, что институт общественного контроля занимает важную роль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества. Его значение состоит в ограничении возможного злоупотребления полномочий органами государственной и муниципальной власти, учет мнения граждан при принятии политически значимых решений, затрагивающие жизненно важные сферы функционирования населения, реализация права граждан на законодательные инициативы, содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов в обществе и государстве.

В российском законодательстве предусмотрены различные формы общественного контроля, каждая из которых обладает своей спецификой и порядком проведения.

Пристатейный библиографический список

1. Малько А. В., Струсь К. А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (обзор материалов всероссийского научно-практического круглого стола) // Государство и право. – 2011. – № 9. – С. 159-164.
2. Игнатъев Н. П. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы // Ученые записки казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 151, кн. 1. – 2009. – С. 131-141.
3. Мокрый В. С. Местное самоуправление в Российской Федерации как институт публичной власти в гражданском обществе. – Самара, 2003. – 336 с.

ХАБИБУЛЛАЕВ Хаджимурад Султанович

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

САЙБУЛАЕВА Саида Ахмедовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРАВО ГРАЖДАНИНА НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА: ФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена актуальной проблеме обеспечения участия в управлении делами государства как права граждан, вытекающего из основополагающего принципа конституционного строя Российской Федерации – народовластия. Особое внимание уделено закреплению данного права граждан Российской Федерации в нормативных актах государства. Права граждан влиять на содержание различных государственных решений являются выражением такого понятия как демократичность в правовом государстве. В статье также рассматривается сущность конституционного права на участие граждан в управлении государством, показывается значение этого института для становления в России демократии, построения гражданского общества и повышения эффективности публичного управления. Проведен анализ природы права граждан на участие в управлении государственными делами, речь идет о двойственной роли такого права. Уделяется внимание предусмотренным законодателем формам такого участия: непосредственному или через представителей.

Ключевые слова: право граждан, управления делами государства, гражданское общество, государственные органы, политические права граждан, принцип народовластия.

KHABIBULLAEV Khadzhimurad Sultanovich

magister student of the 2nd year of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

SAYBULAYEVA Saida Akhmedovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE RIGHT OF A CITIZEN TO PARTICIPATE IN THE MANAGEMENT OF STATE AFFAIRS: FORMS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The article is devoted to the urgent problem of ensuring participation in the management of state affairs as a right of citizens arising from the fundamental principle of the constitutional system of the Russian Federation - democracy. Special attention is paid to the consolidation of this right of citizens of the Russian Federation in the normative acts of the state. The rights of citizens to influence the content of various state decisions are an expression of such a concept as democracy in a state governed by the rule of law. The article also examines the essence of the constitutional right to citizens' participation in government, shows the importance of this institution for the formation of democracy in Russia, the construction of civil society and improving the efficiency of public administration. The analysis of the nature of the right of citizens to participate in the management of public affairs is carried out, we are talking about the dual role of such a right. Attention is paid to the forms of such participation provided by the legislator: directly or through representatives.

Keywords: the right of citizens, the management of state affairs, civil society, state bodies, political rights of citizens, the principle of democracy.

Государственное управление направлено на благополучие народа. В современном государстве управление осуществляется правительством, которое избирается народом непосредственно демократическим методом. Представители народа контролируют администрацию. Политические руководители формулируют политику правительства, а администрация политической исполнительной власти претворяет эту политику в жизнь. Участие граждан имеет решающее значение для развития и укрепления демократии, но расширение участия граждан в процессе принятия решений правительством не должно быть целью только по этой причине. Участие граждан в местном управлении также не должно быть целью местного самоуправления только потому, что это модно. Участие граждан имеет гораздо более широкое значение. С одной стороны, это очень важный инструмент управления, который повышает эффективность управления в местных органах власти и, при широком понимании, может привести к реальному и ценному государственно-частному партнерству [1, с. 285].

Право граждан участвовать в управлении делами государства в силу его важности для политической жизни общества декларируется на конституционном уровне (ст. 32 Конституции РФ) и само по себе не является нововведением конституционного права, это право было признано и в провозглашенном советском строе и долгое время считалось важнейшим достоянием

революции и последующего советского государственного строительства [6, с. 108].

Гражданин может воспользоваться своим избирательным правом по достижении определенного возраста:

1. С 18 лет гражданин имеет право избирать кандидатов на те или иные посты, принимать участие в референдуме и быть избранным в Депутаты представительного органа местного самоуправления;
2. С 21 года гражданин может быть избран в Государственную Думу РФ и быть должностным лицом органа местного самоуправления;
3. С 25 лет может быть судьей в РФ;
4. С 30 лет может быть должностным лицом субъекта РФ;
5. С 35 лет может быть Президентом РФ.

Преимущество реализации прав граждан на участие в управлении делами государства в том, что они подготовлены по программам, которые понимают современные взгляды и тенденции, таким как онлайн-магистр государственного управления. Образование, предоставляемое в рамках магистерской программы, может подготовить кандидатов к расширению сферы государственного управления и повышению вовлеченности граждан в их организацию [3, с. 36].

Гражданская активность означает, что общественности предоставляется выбор и возможность высказывать свое мнение. С помощью таких средств, как выборы, общественные форумы

и доступность информации, администраторы могут работать в координации с общественностью, продвигая политику и программы в позитивном направлении. Стремясь получить высшее образование, государственные администраторы могут приобрести знания и навыки, необходимые для построения прочных отношений, помогая себе и своим сообществам достигать своих целей.

Выборы могут быть самым ярким примером вовлеченности граждан, демократическое правительство не может существовать без них. Выборы дают гражданам право оценивать прогресс, достигнутый их избранными должностными лицами, и решать, следует ли этим членам продолжать работу. Решение об отстранении от должности должностных лиц или назначении на должность конкретных должностных лиц может изменить направление управления страной. Чем больше участие граждан в выборах, тем больше вероятность того, что эти выборы отразят волю народа [4, с. 517].

В связи с растущим признанием ценности вовлеченности граждан перед государственными учреждениями стоит задача повысить этот показатель. Вовлечение граждан позволяет представителям обществности обеспечивать подотчетность своих правительственных программ, политики и администраторов, позволяя им гарантировать, что решения, влияющие на их жизнь, отвечают наилучшим интересам всего сообщества. Предоставляя гражданам возможности быть услышанными, государственные администраторы могут направлять программы и политику в правильном направлении. Практика вовлечения граждан позволяет государственным администраторам принимать решения в наилучших интересах большей части населения. Консультируясь с общественностью, можно понять, что гражданское участие может означать для новых проектов, и это может быть разницей между общественным противодействием и общественным принятием или участием. Работая с общественностью, администраторы способны вносить позитивные изменения в свои сообщества, реализуя проекты и программы, которые улучшают жизнь других и направляют к позитивным переменам.

Для решения проблем представительного участия граждан в управлении делами государства необходимо предпринять следующие меры.

Внесение в Конституцию Российской Федерации положений и норм, устанавливающих основу избрания высших органов государственной власти в целях неизменности данного права. В настоящее время Конституция закрепляет только принципы избрания Президента Российской Федерации, при этом ничего не говорится о принципах, способах, системе, процедуре избрания депутатов Государственной Думы. Это в полной мере относится и к органам государственной власти субъектов Российской Федерации. В ч. 2 ст. 11 Конституции лишь говорится о том, что государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти, а согласно ч. 1 ст. 77. их система устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами строя и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти. По словам Д. А. Авдеева «отечественное избирательное законодательство развивается весьма динамично, о чем свидетельствуют его постоянные изменения и корректировки». При этом, полагаем, что данные преобразования российского законодательства не должны создавать затруднения различного рода при реализации гражданами своих политических прав и. прежде всего, права избирать и быть избранным [7, с. 18].

В современном мире государственное управление является неотъемлемой частью процесса развития и призвано сыграть значительную роль в гигантской задаче национального развития. Было бы ошибкой, если бы важность государственного управления не была полностью признана теми, кто участвует в национальном развитии.

Все больше и больше стран, особенно развивающихся стран и Организации Объединенных Наций (Отдел государственного управления), в настоящее время придают слишком большое значение государственному управлению как механизму национального развития. Само собой разумеется, что характер государственного управления варьируется от страны к стране в зависимости от политических, социальных и экономических систем. Он функционирует в определенных условиях окружающей среды [8, с. 9].

Таким образом, любая попытка обсудить тему государственного управления в многообразии систем и ситуаций чревата опасностью чрезмерного упрощения при обобщениях. Тем не менее, существует совпадение опыта в отно-

шении возрастающей роли правительства в общих усилиях по национальному развитию. Это возлагает все большую ответственность на государственную администрацию, государственный сектор и его эффективное функционирование, следовательно, стали признаваться ключевыми факторами национальных усилий по экономическим и социальным изменениям.

Во-первых, правительство развивающейся страны должно играть центральную роль в содействии экономическому и социальному развитию. Во-вторых, для выполнения этой роли необходимо расширить административные возможности на всех уровнях государственного управления. В-третьих, государственное управление должно само адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, если оно хочет быть механизмом развивающегося процесса.

Но, несмотря на все это, государственное управление само по себе не может достичь целей, не связанных с развитием, если оно не пользуется поддержкой, сотрудничеством и участием широких слоев населения. Общеизвестно, что качество государственного управления в стране во многом зависит от качества людей, которые это понимают. Таким образом, именно обычный человек, независимо от того, присоединяется он к государственному управлению или нет, является наиболее важным элементом демократической системы.

Участие людей стало важной частью современного управления, когда его масштабы и цели многократно возросли в современном государстве всеобщего благосостояния. Вовлечение и соучастие людей является важной составляющей разработки и реализации планов развития.

На наш взгляд, важные вопросы, связанные с выборами, предпочтительно регулировать в Конституции, что сделает избирательное законодательство более стабильным и позволит гражданам эффективнее осуществлять свои избирательные права.

Пристайный библиографический список

1. Бузаков А. Ю. Направления совершенствования правового регулирования реализации права граждан на участие в управлении делами государства // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 285-287.
2. Гаврилова Д. Д., Линкин В. Н. Право граждан на участие в управлении делами государства // Фундаментальные основы правового государства и актуальные вопросы реформирования современного законодательства: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 июня 2018 года / Ответственный редактор Гуляев Герман Юрьевич. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 15-17.
3. Евсиков К. С. Механизмы реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Журнал российского права. – 2019. – № 6 (270). – С. 36-49.
4. Обухова А. Д. Обеспечение права граждан на участие в управлении делами государства // Аллея науки. – 2019. – Т. 2. – № 6 (33). – С. 517-527.
5. Плечистов Н. С. Проблема реализации права граждан на участие в управлении делами государства // Международный студенческий научный вестник. – 2020. – № 1. – С. 33.
6. Сидоров Р. Д. Право граждан на участие в управлении делами государства // Молодой ученый. – 2022. – № 30 (425). – С. 108-110.
7. Тепляшин И. В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 5. – С. 18-21.
8. Хорунжий С. Н. Общероссийское голосование как субсидиарная форма реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 3 (36). – С. 9-15.
9. Цымбал И.А. Некоторые исторические аспекты развития конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Проблемы в российском законодательстве. – 2020. – № 1. – С. 31-35.
10. Цымбал И. А. Конституционное право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства через органы судебной власти // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. № 1. – С. 116-120.

ХИЗРИЕВ Гасан Магомедович

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

КУРБАНОВ Курбан Рамазанович

преподаватель Юридического института Дагестанского государственного университета

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАВНОПРАВИА И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная научная статья исследует конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов Российской Федерации. Автор анализирует положения Конституции России, касающиеся прав и свобод народов, и обсуждает практику их реализации. Основной акцент делается на гарантиях прав меньшинств и принципе самоопределения народов, включая аспекты культурного, языкового и религиозного многообразия. Статья также рассматривает вопросы защиты национальных меньшинств, включая механизмы противодействия дискриминации и насилию на этнической основе. В заключение автор делает выводы о необходимости соблюдения и укрепления конституционных принципов равноправия и самоопределения народов для поддержания многонационального единства и гармонии в Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционно-правовые основы, равноправие, самоопределение, народы, Российская Федерация, Конституция, меньшинства, многообразие, дискриминация, насилие, единство.

KHIZRIEV Hasan Magomedovich

magister student of the 2nd year of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

KURBANOV Kurban Ramazanovich

lecturer of the Institute of Law of the Dagestan State University

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF EQUALITY AND SELF-DETERMINATION OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

This scientific article explores the constitutional and legal foundations of equality and self-determination of the peoples of the Russian Federation. The author analyzes the provisions of the Constitution of Russia concerning the rights and freedoms of peoples and discusses the practice of their implementation. The main emphasis is placed on guarantees of minority rights and the principle of self-determination of peoples, including aspects of cultural, linguistic and religious diversity. The article also deals with the protection of national minorities, including mechanisms to counter discrimination and violence on an ethnic basis. In conclusion, the author draws conclusions about the need to respect and strengthen the constitutional principles of equality and self-determination of peoples in order to maintain multinational unity and harmony in the Russian Federation.

Keywords: constitutional and legal foundations, equality, self-determination, peoples, Russian Federation, Constitution, minorities, diversity, discrimination, violence, unity.

Конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов Российской Федерации представляют собой фундаментальные принципы, заложенные в Конституции страны, которые обеспечивают защиту прав и свобод всех народов, проживающих на территории России, и поддерживают их право на самоопределение и развитие своей культуры, языка, религии и традиций.

Один из важнейших аспектов конституционного равноправия народов заключается в признании и гарантировании равных прав и свобод для всех этнических групп, независимо от их численности или статуса. Конституция России подтверждает принцип недопустимости дискриминации на основе национальности, расы, языка или религии. Она признает и защищает право каждого народа на свободное развитие своей культуры, сохранение и использование своего языка, а также свободное исповедание своей религии [2, с. 11].

Принцип самоопределения народов, также закрепленный в Конституции, предоставляет народам Российской Федерации право определять свой политический, экономический, социальный и культурный статус, а также формы и способы самоуправления. Это подразумевает возможность народов принимать решения, касающиеся их собственного

развития, сохранение своей идентичности и участие в управлении делами, затрагивающими их интересы.

Конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов включают также меры, направленные на защиту прав и интересов национальных меньшинств. В России существуют механизмы, предназначенные для предотвращения дискриминации, насилия и иных форм нарушения прав национальных меньшинств. Конституция гарантирует защиту прав меньшинств и обязывает государство принимать меры по их сохранению, развитию и предоставлению равных возможностей [3, с. 229].

Однако, несмотря на существующие конституционно-правовые основы, вызовы и проблемы по-прежнему существуют. Некоторые народы и национальные меньшинства могут сталкиваться с ограничениями в свободном выражении своей культуры и языка, а также с проблемами доступа к образованию, здравоохранению и другим социальным благам. Это требует дальнейшего усилия в сфере правовой защиты и укрепления равноправия и самоопределения народов в России.

Конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов Российской Федерации занимают центральное место в обеспечении справедливого и гармо-

ничного развития многонационального государства. Эти принципы призваны гарантировать уважение к различным этническим группам, обеспечить их право на свободу и самоопределение, а также поддерживать многообразие культур, языков и традиций.

Равноправие народов закреплено в Конституции России, которая признает каждый народ Российской Федерации равным в правах и свободах. Все народы имеют равные возможности для свободного развития своей культуры, использования и сохранения своего языка, а также свободного исповедания своей религии. Этот принцип подразумевает, что каждый народ имеет право на своеобразие и уникальность, которые должны быть уважаемы и поддержаны государством и обществом.

Принцип самоопределения народов предоставляет каждому этническому сообществу право определять свою политическую, экономическую, социальную и культурную судьбу. Это означает, что народы имеют право на самоуправление и формирование своих институтов, которые отвечают их потребностям и интересам. В рамках конституционных норм каждый народ имеет возможность развивать свою автономию, обладать региональными особенностями и принимать решения, касающиеся их жизни и будущего.

По своей конституционной сущности права народов состоят из совокупности прав граждан, а правом на самоопределение обладает весь многонациональный российский народ. При этом гарантированное народам право на самоопределение закреплено в нормах международного права – актах и соглашениях. Но и при неукоснительном соблюдении данного права это может приводить к разрушению конституционного порядка и целостности страны (например, проблемы самоопределения Украины). В этой связи, с международно-правовых позиций рассматриваемые права должны реализовываться народами как демократический принцип в отстаивании своих прав и свобод, так как «самоопределение не обязательно должно проявляться в политическом отделении, но без признания свободы отделения нет права на самоопределение [1, с. 70].

Обобщение апробированного в мировой конституционной практике опыта регулирования равноправия и самоопределения народов, адаптированного к современным условиям, его использование в конституционной практике определили необходимость углубленного исследования данной проблематики. В то же время, обеспечение конституционно-правовых отношений в области равноправия и самоопределения народов Российской Федерации зависит от укрепления суверенных национально-этнических, межконфессиональных взаимоотношений, направленности стратегического курса на развитие многонациональных общественных отношений в субъектах Федерации, их дальнейшую социально-экономическую и политическую модернизацию на основе нерушимости конституционного строя и государственности. При этом, руководители субъектов Федерации, ее территорий, составляющих нашу многонациональную страну, должны рассматривать вопрос сохранения межнационального единства, равноправия и самоопределения народов как вопрос существования нашего государства [1, с. 70].

Однако, реализация этих принципов не всегда происходит без трудностей. Существуют вызовы и проблемы, такие как социальное неравенство, дискриминация и недостаточная защита прав национальных меньшинств. Некоторые этнические группы могут сталкиваться с ограничениями в доступе к образованию, здравоохранению и другим социаль-

ным услугам. Это требует дальнейших усилий для совершенствования правовой системы, обеспечения равных возможностей и укрепления защиты прав всех народов [4, с. 63].

Государство имеет важную роль в обеспечении конституционных принципов равноправия и самоопределения народов. Оно должно разрабатывать и реализовывать политику, направленные на поддержку и развитие многонационального общества, создание условий для сохранения и развития культурного и языкового многообразия. Важно также обеспечить эффективные механизмы защиты прав национальных меньшинств, противодействия дискриминации и насилию на этнической основе [5, с. 71].

В заключение, конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации играют важную роль в поддержании многонационального единства и гармонии. Эти принципы обеспечивают защиту прав и свобод всех народов, поддерживают многообразие культур и языков, а также способствуют развитию демократического общества, где каждый народ имеет возможность свободно выражать свои уникальные идентичность и интересы.

Приставленный библиографический список

1. Аминов И. Р. Конституционно-правовое обеспечение самоопределения народов Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2014. – № 4 (25). – С. 69-71.
2. Акиева П. Х. Право народа на самоопределение в России: проблемы теории и реальности // Либерально-демократические ценности. – 2020. – Т. 4. № 1-2. – С. 1-13.
3. Морозова О. Г. Конституционное и международное право Российской Федерации в трактовке принципа «права наций на самоопределение» // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 5. – С. 229-231.
4. Минова И. Г. Конституционно-правовые основы регулирования национальной политики в Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 12 (115). – С. 63-65.
5. Симонов В. А. Проблемы конституционного обеспечения равноправия и самоопределения народов России // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 06 декабря 2018 года / Ответственный за выпуск М. А. Бучакова. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 71-72.

ГОРДЕЕВ Кирилл Владимирович

магистрант кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПОРЯДОК ВОССТАНОВЛЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

После выхода Российской Федерации из институтов Совета Европы в российском обществе возникла дискуссия о восстановлении смертной казни. В свою очередь это вызвало споры о механизме её восстановления. Автор анализирует сложившиеся точки зрения: изменение позиции Конституционного Суда Российской Федерации по этому вопросу; необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации. На основе анализа конституционного текста автором делается вывод о невозможности восстановления смертной казни на данном этапе конституционного развития России, в связи с чем для восстановления такого уголовного наказания как смертная казнь потребуется принятие нового конституционного текста.

Ключевые слова: смертная казнь, Конституция, конституционно-правовой режим, мораторий, позиции Конституционного Суда, принятие новой Конституции.

GORDEEV Kirill Vladimirovich

magister student of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

THE PROCEDURE FOR RESTORING THE DEATH PENALTY IN THE RUSSIAN FEDERATION: A CONSTITUTIONAL AND LEGAL STUDY

After the withdrawal of the Russian Federation from the institutions of the Council of Europe, a discussion arose in Russian society about the restoration of the death penalty. In turn, this caused controversy about the mechanism of its restoration. The author analyzes the prevailing points of view: the change in the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue; the need to adopt a new Constitution of the Russian Federation. Based on the analysis of the constitutional text, the author concludes that it is impossible to restore the death penalty at this stage of the constitutional development of Russia, in connection with which the adoption of a new constitutional text will be required to restore such a criminal punishment as the death penalty.

Keywords: death penalty, Constitution, constitutional and legal regime, moratorium, positions of the Constitutional Court, adoption of a new Constitution.

Дискуссия о смертной казни продолжается в юридической науке уже продолжительное время. В настоящее время, в связи с изменениями международно-правовой реальности эта дискуссия вспыхнула с новой силой (главным образом с точки зрения конституционного права). Предметом настоящего исследования является не оценка смертной казни как уголовного наказания. Нас интересует вопрос возможности восстановления смертной казни, главным образом механизма её восстановления.

Прежде, чем приступить к раскрытию вопроса, следует отметить, что на данный момент в Российской Федерации по отношению к смертной казни действует специальный конституционно-правовой режим. Такой режим обусловлен несколькими аспектами.

Во-первых, данный конституционный режим связан с общей тенденцией мирового сообщества по укоренению смертной казни¹ как варварской и негуманной меры уго-

ловного наказания. Утверждение запрета на применение смертной казни в международном праве связывается с установлением в качестве основного принципа уважения прав и основных свобод человека, а также общим признанием права на жизнь, в том числе в качестве права абсолютного [3, с. 175].

Во-вторых, следует отметить временный (переходный) характер смертной казни, закреплённый «отцами-основателями» российской Конституции. Действительно норма, закреплённая в части 2 статьи 20 Конституции Российской Федерации² сконструирована таким образом, что возможность применения казни ограничивается моментом её запрета.

Следует отметить и третий аспект – наличие международно-правовых обязательств Российской Федерации. В связи с вступлением в 1996 году российского государства в Совет Европы оно обязывалось подписать Конвенцию о

¹ По данным Информационного центра смертной казни (Death Penalty Information Center) на данный момент 108 государств на законодательном уровне установили запрет на применение смертной казни, в 36 государствах смертная казнь, хотя и предусмотрена на законодательном уровне, но не применяется. [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deathpenaltyinfo.org> (дата обращения: 12.05.2023).

² Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 07.06.2023).

защите прав человека и основных свобод³, что было исполнено. Более того, Российская Федерация в 1997 году подписала Протокол № 6 к указанной Конвенции «Относительно отмены смертной казни»⁴, но он не был ратифицирован. При этом отсутствие ратификационной процедуры не являлась проблемой, поскольку в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров⁵ (статья 18) в случае подписания государством международного договора на него возлагается обязанность воздерживаться от действий, лишающих такой договор своего объекта и цели. В связи с тем, что объектом Протокола № 6 являлась отмена смертной казни как таковой, наличие практики её применения на территории Российской Федерации de-jure означало бы нарушение взятых на себя российским государством обязательств. На данный момент Российская Федерация перестала связывать себя указанными обязательствами поскольку с 16 сентября 2022 года не является высокой стороной⁶ Конвенции о защите прав человека и основных свобод. По этой причине конструкция конституционно-правового режима смертной казни обуславливается лишь тенденциями мирового сообщества и временным (переходным) характером её действия.

Содержание конституционно-правового режима смертной казни образует мораторий на её применение в качестве уголовного наказания. При этом такой мораторий перерос из переходного в постоянно действующий правовой режим [2]⁷. Этот тезис подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р⁸, действующим в нормативном единстве с ранее вынесенным Постановлением от 2 февраля 1999 года № 3-П⁹. В данном решении Конституционный Суд указывает на тот факт, что в результате длительного отсутствия применения смертной казни в Российской Федерации сложились «устойчивые гарантии» права на жизнь в том смысле, что российское государство фактически отказалось применять принуждение, выражающееся в насильственном лишении человека его жизни за совершённое им преступное деяние. Тем самым можно говорить о том, что в

Российской Федерации сложилась фактическая отмена смертной казни [1]¹⁰.

После отказа Российской Федерации участвовать в международно-правовых актах Совета Европы в юридическом сообществе и в российском обществе в целом, с новой силой вспыхнула дискуссия о восстановлении смертной казни. Отметим, что в настоящее время существует несколько точек зрения на вопрос о порядке восстановления этого явления в российскую правовую действительность.

Первая точка зрения заключается в том, что восстановление смертной казни в правовом поле российского государства возможно путём изменения позиций Конституционного Суда Российской Федерации¹¹, то есть, в случае если орган конституционного контроля примет соответствующее решение. Эту позицию можно назвать путём конституционного толкования. В свою очередь иная точка зрения¹² заключается в том, что восстановление смертной казни возможно путём изменения конституционного текста (назовём его путём конституционного нормотворчества).

В Конституции Российской Федерации установлен механизм, в соответствии с которым смертная казнь может быть применена «впредь до её отмены»¹³ (часть 2, статья 20 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем авторы конституционного текста не могли предположить возникновения ситуации, когда смертная казнь будет отменена de-facto, без соответствующих изменений федерального законодательства. На данный момент это является «камнем преткновения».

Отметим, что текст Конституции Российской Федерации необходимо воспринимать в качестве целостной системы. По этой причине положения о применении смертной казни необходимо толковать во взаимосвязи с иными конституционными нормами, главным образом

3 Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 07.06.2023).

4 Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод – Относительно отмены смертной казни ETS № 114 (Страсбург, 28 апреля 1983 г.) // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 07.06.2023).

5 Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 07.06.2023).

6 Информация Европейского Суда по правам человека от 23 марта 2022 г. № ECHR 099 (2022) «Пленарное заседание Суда принимает Резолюцию о последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы» // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 07.06.2023).

7 Этой же позиции придерживаются Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский.

8 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 08.06.2023).

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 08.06.2023).

10 Как указывает судья Конституционного Суда Российской Федерации А. Н. Кокотов сложившийся конституционно-правовой режим можно оценить как обыкновение конституционной практики, легализованное Конституционным Судом в качестве конкретизации права на жизнь.

11 Так, например, данную позицию разделяет экс-президент Российской Федерации, заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20221208/kazn-1837205411.html> (дата обращения: 07.06.2023).

12 Указанную точку зрения поддерживает председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников, председатель комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/16452853> (дата обращения: 07.06.2023); [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/13406343> (дата обращения: 07.06.2023); [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gbc.ru/politics/25/03/2022/623da9da9a794763ff42baod> (дата обращения: 07.06.2023).

13 Указанная норма содержит одновременно в себе как дозволение, так и запрет. До момента отмены – смертная казнь в Российской Федерации допускается к применению в качестве уголовного наказания, а после соответствующей отмены – находится под запретом.

положениями, устанавливающими основы конституционного строя Российской Федерации.

В качестве одной из основ современного российского государства признаётся приоритет прав и свобод человека, тем самым человек (сама его жизнь, его права) признаётся высшей конституционной ценностью (статья 2 Конституции Российской Федерации), что предопределяет смысл, содержание норм, а также их правоприменение¹⁴. На наш взгляд, основываясь на принципе приоритета прав человека, в том числе и права на жизнь, которое образует первооснову всех других прав и свобод человека [4, с. 49], положения части 2 статьи 20 Конституции Российской Федерации следует толковать широко. Таким образом, о наличии отказа государства от применения смертной казни может свидетельствовать не только отказ, оформленный в форме федерального закона, но также и отказ, выраженный в позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который является органом государственной власти, направлениями деятельности которого является охрана Конституции, а также прав и свобод человека. По этой причине, основываясь на этих конституционных постулатах следует признать надлежащей фактическую отмену смертной казни. Более того отсутствие правоприменения на протяжении более чем двадцати лет сформировали в обществе правомерные ожидания отказа государства от применения такой меры уголовного наказания. В свою очередь, изменение Конституционным Судом Российской Федерации своей позиции по данному вопросу приведёт к нарушению таких ожиданий в связи с тем, что отмена моратория вызовет незамедлительное применение соответствующих норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. По этой причине, на наш взгляд, смертная казнь в Российской Федерации, хотя и без изменения уголовного закона, но была упразднена.

Опираясь на эту конституционную конструкцию достаточно просто установить механизм восстановления данного уголовного института. В связи с тем, что положения части 2 статьи 20 Конституции Российской Федерации ставят под запрет применение смертной казни после её отмены, восстановление смертной казни путём изменения позиции Конституционного Суда Российской Федерации невозможна, в связи с наличием прямого конституционного запрета. Таким образом, для её восстановления требуется изменить содержание указанной конституционной нормы. При этом статья 135 Конституции Российской Федерации устанавливает запрет Федеральному Собранию осуществлять пересмотр трёх глав конституционного текста, в их числе – вторая глава (права и свободы человека и гражданина), в содержание которой входит анализируемая нами статья 20. По этой причине, для её изменения требуется принять новый конституционный текст в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации.

Подводя итог вышеуказанному следует отметить следующее. В связи с тем, что в Российской Федерации сложилась фактическая отмена смертной казни, её восстановление на данном этапе конституционного развития российского государства не представляется возможным из-за жёсткого характера Конституции Российской Федерации. По этой причине восстановление данного правового явления возможно лишь в одном случае – в случае если авторы новой Конституции посчитают такой институт уголовного наказания необходимым, а многонациональный народ Российской Федерации поддержит такое конституционное установление.

Пристатейный библиографический список

1. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и защита прав и свобод // *Lex Russica*. – 2020. – № 10.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учётом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021.
3. Лепешкина О. И. Смертная казнь. Опыт комплексного исследования. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2010.
4. Цалиев А. М. Право на жизнь и смертная казнь // *Законность*. – 2013. – № 12.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2023 г. № 8-П // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 08.06.2023).

БАДЫШЕВА Маржанат Ибрагимовна

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

РАДЖАБОВ Фикрет Газирахмедович

кандидат юридических наук, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Данная научная статья исследует конституционный принцип политического многообразия в российском законодательстве и практику его реализации. Автор анализирует конституционные нормы, регулирующие политическое многообразие в России, и изучает их соответствие международным стандартам и принципам демократии. Статья также рассматривает практику реализации этого принципа в российской политической системе, включая процедуры регистрации политических партий, выборы и доступ к медиа-ресурсам. Автор проводит критический анализ существующих проблем и вызовов, связанных с реализацией конституционного принципа политического многообразия, и предлагает возможные пути для его совершенствования.

Ключевые слова: конституционный принцип, политическое многообразие, российское законодательство, международные стандарты, демократия, политические партии, выборы, медиа-ресурсы, проблемы, усовершенствование.

BADYSHEVA Marzhanat Ibragimovna

magister student of the 2nd year of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

RADZHABOV Fikret Gaziakhmedovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF POLITICAL DIVERSITY IN RUSSIAN LEGISLATION AND THE PRACTICE OF ITS IMPLEMENTATION

This scientific article explores the constitutional principle of political diversity in Russian legislation and the practice of its implementation. The author analyzes the constitutional norms regulating political diversity in Russia and studies their compliance with international standards and principles of democracy. The article also examines the practice of implementing this principle in the Russian political system, including registration procedures for political parties, elections and access to media resources. The author conducts a critical analysis of the existing problems and challenges associated with the implementation of the constitutional principle of political diversity, and suggests possible ways to improve it.

Keywords: constitutional principle, political diversity, Russian legislation, international standards, democracy, political parties, elections, media resources, problems, improvement.

Действующая Конституция РФ закрепляет принцип идеологического многообразия как одну из основ конституционного строя страны. Этот принцип прежде всего исключает возможность существования в России государственной или обязательной идеологии. «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Тем самым в Российской Федерации должно быть обеспечено идеологическое многообразие, признанное государством [1, с. 19].

Конституционный принцип политического многообразия является важной составляющей демократической системы и гарантирует разнообразие политических взглядов, идей и интересов в обществе. В российском законодательстве этот принцип закреплен в ряде конституционных норм, которые регулируют политическую деятельность и обеспечивают равные возможности для различных политических сил и граждан выражать свои взгляды и участвовать в политической жизни страны [2, с. 64].

Одним из важных аспектов конституционного принципа политического многообразия в России является свобода создания и деятельности политических партий. Законодательство предоставляет процедуры для регистрации политических партий и участия в выборах. Они могут представлять различные политические направления, интересы и ценности, и конкурировать между собой за поддержку избирателей. Это способствует формированию политического плю-

рализма и дает возможность гражданам выбирать из разных альтернатив [3, с. 275].

В РФ ФЗ «О политических партиях» установил требования к партиям: в партии должно состоять не менее 50 тыс. членов, при этом более чем в половине субъектов РФ партия должна иметь региональные отделения численностью не менее 500 членов, а в остальных — не менее 250. Партии, не отвечающие этим требованиям Закона, подлежат преобразованию в общественные объединения или ликвидации. Запрещено создание и деятельность партий, цели которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных и военизированных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Не допускается создание структурных подразделений партий в органах государственной власти и органах местного самоуправления, в Вооруженных Силах, в правоохранительных и иных государственных органах, на предприятиях и в учреждениях, вмешательство партий в учебный процесс. Закон устанавливает порядок регистрации партий, которую осуществляет Министерство юстиции РФ, внутреннее устройство партии, а также государственную поддержку и государственное финансирование партий, их участие в выборах и референдумах. Регламентирован порядок приостановления деятельности и ликвидации политических партий [1, с. 20].

Политические партии действительно являются неотъемлемой составной частью свободного демократического общества и играют ключевую роль в реализации принципа идеологического многообразия и многопартийности. Они представляют различные политические взгляды, идеологии и интересы граждан, а также создают платформу для дискуссии, формирования общественного мнения и принятия политических решений [4, с. 66].

Политические партии играют важную роль в формировании политического ландшафта общества. Они представляют разнообразные идеологии и программы, отражающие различные социальные, экономические и культурные интересы различных групп населения. Партии помогают представлять эти интересы и конкурировать за голоса избирателей [5, с. 136].

В российском законодательстве также устанавливаются правила проведения выборов, которые должны обеспечивать честность, прозрачность и равные возможности для всех участников. Это включает доступ к выборной кампании, равные условия для распространения информации о политических партиях и кандидатах, а также независимость избирательных комиссий. Цель этих мер – обеспечить свободное выражение воли избирателей и их возможность выбирать представителей, отражающих их интересы и взгляды.

Однако, в практике реализации конституционного принципа политического многообразия в России существуют некоторые вызовы и проблемы. Некоторые критики указывают на ограничения и препятствия, с которыми сталкиваются оппозиционные политические партии, включая сложности с регистрацией, ограничение доступа к медиа-ресурсам и ограничения на проведение массовых митингов и протестов. Также существуют опасения относительно недостаточной политической конкуренции и неравного распределения политической власти.

Для усовершенствования реализации конституционного принципа политического многообразия в России возможны различные меры. Это может включать усиление гарантий свободы создания и деятельности политических партий, совершенствование процедур проведения выборов, повышение прозрачности и открытости политического процесса, а также обеспечение равных возможностей для всех политических сил в доступе к медиа-ресурсам. Также важно продолжать диалог и обмен опытом с другими странами, чтобы учиться наилучшим практикам и стимулировать развитие демократических институтов.

Однако, несмотря на существующую правовую основу и законодательство, реализация конституционного принципа политического многообразия в России сталкивается с некоторыми вызовами и проблемами. Некоторые критики указывают на ограничения, которые ограничивают возможности оппозиционных политических партий и граждан выражать свои политические взгляды и участвовать в политической жизни страны.

Одна из основных проблем заключается в сложностях с регистрацией политических партий. Некоторые партии сталкиваются с ограничениями и бюрократическими препятствиями при прохождении процесса регистрации. Это может затруднять возможность новых политических сил вступать на политическую арену и конкурировать с уже существующими партиями.

Также существуют опасения относительно неравного доступа к медиа-ресурсам. Возможности политических партий и кандидатов получить доступ к телевидению и другим медиа-платформам могут быть ограничены, что снижает возможности для равного представления и демократической дискуссии. Это может приводить к неравнолюбию в информационном пространстве и ограничению доступа к альтернативным политическим взглядам.

Другой вызов связан с ограничениями на проведение массовых митингов и протестных акций. Некоторые политические группы и граждане сталкиваются с препятствиями при организации и проведении мирных демонстраций. Это может ограничивать возможность граждан выражать свою политическую позицию и участвовать в общественном диалоге.

Для усовершенствования реализации конституционного принципа политического многообразия в России необходимо принять соответствующие меры. Это может включать усиление гарантий свободы создания и деятельности политических партий, совершенствование процедур регистрации, обеспечение равного доступа к медиа-ресурсам и создание условий для свободного выражения политических взглядов. Кроме того, важно развивать диалог и сотрудничество между государственными органами, политическими партиями и гражданским обществом для поиска наилучших практик и решений, способствующих развитию демократии и политического многообразия в стране.

В заключение конституционный принцип политического многообразия в российском законодательстве играет важную роль в обеспечении демократического развития страны. Его реализация требует постоянного анализа, обсуждения и усовершенствования, чтобы обеспечить широкий спектр политических взглядов и интересов, участие граждан в принятии решений и достижение справедливого и эффективного управления.

Пристатейный библиографический список

1. Булгучева Ф. Б. Конституционные принципы идеологического и политического многообразия как руководящие начала формирования современной партийной системы в Российской Федерации // Юридический факт. – 2022. – № 177. – С. 19-24.
2. Бердиев Х. А., Хевсаков А. В. Идеологическое многообразие в системе основ конституционного строя // Актуальные проблемы права: Сборник научных статей магистрантов / Под редакцией Б. Г. Койбаева. Том Выпуск 5. – Владикавказ: ИП Цопанова А. Ю., 2019. – С. 64-70.
3. Гетманский Д. О. Проблемы реализации в Российской Федерации конституционных принципов идеологического и политического многообразия в сфере информационных технологий // Молодой ученый. – 2019. – № 25 (263). – С. 275-278.
4. Головченко В. И. Специфика реализации конституционного принципа политического многообразия в процессе демократических преобразований в России // Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы: Материалы XI Международного Конституционного Форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, 10–12 декабря 2019 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. – С. 66-69.
5. Исаев М. У., Исаева К. М. Конституционно-правовой механизм реализации принципа политического многообразия // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11 (162). – С. 136-137.

САЛМАНОВ Низам Назирмагомедович

магистрант кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность статьи определяется в первую очередь необходимостью усовершенствования способов реализации государственной власти в современной России на уровне не только Российской Федерации, но и на уровне субъектов Российской Федерации.

Статья посвящена исследованию концепции разделения властей и ее реализации в структуре современного государства.

В статье рассматриваются полномочия Президента Российской Федерации с позиций его конституционно-правового статуса, изучены его функции и полномочия как главы государства.

Ключевые слова: президент, конституция, государство, власть, полномочия, вето, система, субъект, государство, указ.

SALMANOV Nizam Nazirmagomedovich

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the article is determined primarily by the need to improve the ways of implementing state power in modern Russia at the level of not only the Russian Federation, but also at the level of the constituent entities of the Russian Federation.

The article is devoted to the study of the concept of separation of powers and its implementation in the structure of the modern state.

The article deals with the powers of the President of the Russian Federation from the standpoint of his constitutional and legal status, studied his functions and powers as the head of state.

Keywords: president, constitution, state, power, powers, veto, system, subject, state, decree.

Салманов Н. Н.

Современное российское государство представляет трудную социальную систему, и среди ее элементов главное место занято общественной властью с институтами. Государственные структуры, которые убеждают обеспечить эволюционное развитие общества в условиях политических, экономических и социальных преобразований.

Реализация принципа разделения властей предполагает разделение не просто функций (законодательных, исполнительных, судебных и др.), но и властных полномочий. Такое единство необходимо для согласованного управления обществом. Поэтому главной задачей демократического государства является разграничение полномочий различных властных органов, исходя из принципа единства государственной власти, а также установление начал взаимодействия этих органов.

Термин «разделение властей» описывает, по крайней мере, три объекта: политическую теорию; нормативную структуру, присутствующую в некоторых правовых системах; концепцию, относящуюся к теории права, которая позволяет анализировать наличествующие в некоторых правовых системах нормативные структуры распределения компетенции [1]. Вместе с тем самостоятельность ветвей власти обуславливается возможностью обеспечения ими независимого положения не только отдельных органов, выполняющих возложенные на них функции, но и относительной независимостью должностных лиц этих органов, которая может проявляться в различных способах:

– по порядку наделения их полномочий;

– обладания неприкосновенностью, что характерно в большей степени для членов законодательных органов власти;

– провозглашение принципа о недопустимости замещения должностным лицом иных государственных и муниципальных должностей и т.д.

В настоящее время Президент Российской Федерации занимает свое особое место в системе органов государственной власти. С одной стороны, он не входит ни в одну из ветвей власти, а с другой стороны, его полномочия настолько обширны и значительны, что он может оказывать прямое или косвенное воздействие на их функционирование. Принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную обеспечивает создание таких условий, при которых они ограничивали бы друг друга на основе системы «сдержек и противовесов».

Такое распределение функций необходимо, прежде всего для того, чтобы исключить сосредоточение всех полномочий в ведении какого-либо органа власти и соответственно предотвратить произвол в государстве. Тем не менее, все ветви власти остаются целостными и едиными, осуществляют взаимодействие между собой и взаимный контроль, что обеспечивает отсутствие возможности для допущения нарушений законов.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Принцип разделения властей не означает застывшее состояние выделенных ветвей власти, а предполагает динамичный процесс их постоянного взаимодействия,

согласованного функционирования, совместного поиска наиболее оптимальных решений вопросов, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации с помощью специальных правовых процедур, установление и развитие которых он обуславливает. Конечно, у каждой власти есть свое место и назначение. Однако в их расстановке могут быть субъективные подходы, в значительной мере предопределенные характером и традициями государственного строя. Споры по вопросу о том, какая из властей является главной, первенствующей, важнейшей, очевидно, нескончаемы [2].

В целом, схема построения системы органов государственной власти субъектов РФ и взаимоотношений законодательной и исполнительной власти должна быть в основном аналогична федеральной, но может учитывать особенности тех или иных субъектов РФ. Отклонение от общей схемы допускается в той мере, в какой такие отклонения соответствуют принципам федерализма и самостоятельности деятельности органов государственной власти субъектов Федерации в определенных законодательством пределах [3].

Для российского государства конституционный принцип разделения властей является важнейшим при организации органов государственной власти, поскольку позволяет избежать концентрации власти в одних руках, что рано или поздно приводит к злоупотреблению ею и утверждению тоталитарных форм правления. В то же время, данный принцип позволяет законодательной, исполнительной и судебной ветвям власти контролировать друг друга через систему «сдержек и противовесов». Эта система основана на том, что у органов одной ветви власти есть средства воздействия на органы других ветвей. Взаимное влияние приводит к тому, что различные органы государственной власти как бы уравновешивают друг друга при принятии того или иного решения.

Для эффективности системы сдержек и противовесов важно, чтобы в государстве не существовало высшего органа власти, способного подменить все остальные и соединяющего в себе их черты. Поэтому при установлении системы сдержек и противовесов надо исходить из того, что органы государственной власти должны обладать возможностями воздействия друг на друга, но не могут использовать их для того, чтобы поставить себя выше других и в результате поставить под угрозу осуществление в полном объеме прав и свобод человека.

Одним из элементов системы сдержек и противовесов следует назвать президентское вето. Законопроект, принятый Государственной Думой РФ, это еще не закон. Он будет законом, если его примут обе палаты и подпишет глава государства. По утверждению А. Г. Пуятиной, «право вето Президента на принятые Федеральным Собранием законы стимулирует повышение их качества, устранение имеющихся пробелов и дефектов».

Налагая вето, глава государства, как правило, составляет акт, в котором излагаются его возражения против законопроекта [4].

В современной юридической науке принцип подразделения властей можно нести на основании демократической конституционной системы. Это означает, что у этого есть основная ценность при решении о конкретных вопросах строительства машины правительства.

Главная суть принципа разделения властей проявляется в следующем:

1) каждая ветвь власти занимается своими юридическими делами;

2) ветви власти самостоятельны, не имеют права вмешиваться в дела друг друга;

3) каждая ветвь власти обладает средствами воздействия на другие ветви власти, чтобы они принимали решения, в которых у данной ветви (данного уровня) власти есть интерес, и чтобы обеспечивался баланс властей, а также соблюдалась законность в их деятельности.

Реализация принципа разделения власти в субъектах РФ преследует цель упорядочивания отношений в системе органов государственной власти. По своей сути это законодательное разграничение компетенции между органами, закрепление за ними полномочий, осуществляемых в строгом соответствии с законом.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что в Российской Федерации, имеющей свой уникальный путь развития государственности, на конституционном уровне допускается возможность разделения властей в субъектах, но не конкретизируются подробности осуществления этого принципа. Проведенный анализ, не претендуя на всесторонность освещения проблематики, позволяет предположить, что в России выбран способ закрепления разделения властей, близкий к централизованным федеративным государствам, в которых на федеральном уровне определяются не только общие принципы, но и отражаются допустимые варианты их реализации. При этом принцип разделения властей, реализуемый на уровне субъектов Федерации, выступает в роли мощного системообразующего фактора и способствует объединению иных принципов, норм и институтов, регулирующих региональные общественные отношения, в единую правовую и политическую систему.

Пристатейный библиографический список

1. Чепурнова Н. М. Сущность и содержание конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 2. - С. 86.
2. Карасев А. Т., Морозова А. С. Глава государства в системе разделения властей: некоторые вопросы характеристики полномочий // Конституционное и муниципальное право. - 2013. - № 8. - С. 65.
3. Столица Ю. А., Фомина М. Г. Система органов государственной власти в субъектах Российской Федерации // Лучшая научная статья 2017: сборник статей XIV международного научно-практического конкурса. - М., 2017. - С. 160.
4. Кутафин О. Е. Глава государства. Монография: учебное пособие. - Москва: Издательство Проспект, 2021. - С. 28.

БАКУЛИНА Ирина Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ*

Анализ статистических показателей в области здравоохранения позволяет сделать вывод о неэффективности проводимой административной реформы. В комплексе причин критического состояния системы здравоохранения выделяются проблемы соотношения полномочий органов исполнительной власти, проблемы координации их деятельности по организации иммунопрофилактики инфекционных болезней, организации врачебной помощи инфекционным больным. Неоптимальное распределение функций между органами приводит к размыванию ответственности, неэффективному использованию бюджетных средств, усугубляет другие проблемы. Сформулированы предложения по совершенствованию системы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России.

Ключевые слова: инфекционные болезни, санитарно-эпидемиологическое благополучие человека, государственное управление в области здравоохранения.

BAKULINA Irina Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theoretical and public law disciplines sub-faculty of the Tyumen State University

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE REFORM OF THE SYSTEM OF ENSURING SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL WELFARE OF THE POPULATION

The analysis of statistical indicators in the field of healthcare allows us to conclude that the ongoing administrative reform is ineffective. In the complex of reasons for the critical state of the health care system, the problems of the correlation of the powers of executive authorities, the problems of coordinating their activities for the organization of immunoprophylaxis of infectious diseases, the organization of medical care for infectious patients are highlighted. The suboptimal distribution of functions between bodies leads to a dilution of responsibility, inefficient use of budget funds, and aggravates other problems. Proposals are formulated to improve the system of ensuring the sanitary and epidemiological welfare of the population in Russia.

Keywords: infectious diseases, sanitary and epidemiological well-being of a person, public administration in the field of healthcare.

Бакулина И. П.

Экспертным и профессиональным врачебным сообществом состояние современной системы здравоохранения России оценивается как катастрофическое. Специалисты считают, что общество и государство недооценивают существующих угроз здоровью нации.

В качестве показателей ухудшения ситуации упоминается высокая смертность населения, особенно в период пандемии COVID-19. За 2020 и 2021 годы в России дополнительно умерли почти 1 млн человек в сравнении с 2019 г. Таким образом, по итогам 2021 г. общая продолжительность жизни снизилась на 3,2 года и составила только 70,1 года. Данный показатель по России ниже на 5 лет, чем в странах Европейского Союза, близких к России по уровню экономического развития (Польша, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Словакия, Словения, Чехия).

Систематизированная аналитическая информация о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в регионах России ежегодно отражается в государственных докладах о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России. Её представляет

Роспотребнадзор лишь спустя с полгода. Поэтому на данный момент мы располагаем подробной информацией лишь по итогам 2021 года.

Тенденция ухудшения санитарно-эпидемиологической ситуации в России продолжает оставаться во всех регионах страны. Не исключение – Тюменская область, которая в антирейтинге отмечена в упомянутом докладе на лидирующих позициях. Область занимает третье место в России по заболеваемости острыми инфекциями верхних дыхательных путей множественной и неуточненной локализации, четвертое место по заболеваемости ВИЧ в России, девятое место по туберкулёзу.¹

В комплексе причин критического состояния системы здравоохранения названы: хроническое недофинансирование со стороны государства; нетерпимое положение медицинских работников; дефицит коечного фонда стационаров; недостаточная обеспеченность населения лекарствами в амбулаторных условиях и другие.

Одной из ключевых проблем видится несовершенство построения и неэффективность функционирования данной системы. Центральными федеральными органами исполни-

* Статья подготовлена в рамках реализации и при поддержке совместного гранта РФФИ и Тюменской области № 20-411-720006 «Разработка системы стратегического планирования и развития регионального законодательства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия Тюменской области».

1 Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rospotrebnadzor.ru>.

тельной власти, относящимися к системе здравоохранения, являются Министерство здравоохранения (Минздрав), Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), Федеральное медико-биологическое агентство (ФМБА), Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор).

На уровне общей стратегии государственного управления наличие всех трёх видов органов в одной отрасли должно позволять оптимально разграничить функции по разработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, оказанию медицинских услуг. Однако практика их деятельности показывает, что эффективно скоординировать деятельность указанных органов без корректировки закреплённых за ними функций и полномочий невозможно. Проблемы координации деятельности органов в случае возникновения чрезвычайной ситуации могут усугублять опасные последствия.

В соответствии с Указом Президента РФ № 21 от 21.01.2020 года «О структуре федеральных органов исполнительной власти». ФМБА и Роспотребнадзор выведены из подчинения Минздрава и подчиняются непосредственно Правительству РФ. Такая организация государственного управления порождает многочисленные проблемы функционирования системы здравоохранения, приводит к дублированию функций, размыванию ответственности за результаты, неэффективному расходованию средств и невозможности координации действий из единого профессионального центра при возникновении эпидемии [1].

В условиях городов децентрализация усугубляется тем, что ответственность за состояние здоровья городского населения размывается между больницами и поликлиниками, поскольку руководят их деятельностью разные лица, не находящиеся в оперативном подчинении.

Функции по проведению государственного санитарно-эпидемиологического надзора, организации санитарно-эпидемиологической службы, разработке и утверждению санитарно-эпидемиологических правил, включая введение ограничительных мероприятий закреплены за Роспотребнадзором. Минздрав России не осуществляет управление санитарно-эпидемиологической службой. Такая организация управления санитарно-эпидемиологическим благополучием населения в условиях пандемии не способствовала эффективной борьбе с распространением инфекции. Контрольно-надзорные и ограничительные мероприятия не были скоординированы с оказанием медицинской помощи. В результате должные меры не были приняты своевременно.

Разработка вакцин также производилась в рамках разных ведомств, между которыми возникла неоправданная конкуренция.

Неоптимальным остаётся разделение полномочий по борьбе с социально значимыми заболеваниями по разным ведомствам. Функции по борьбе с туберкулезом закреплены за Минздравом, а по борьбе с ВИЧ/СПИД - за Роспотребнадзором. При этом медицинскую помощь таким пациентам оказывают учреждения системы Минздрава.

Мониторинг заболеваемости и смертности от инфекционных болезней по-прежнему ведётся и в Минздраве, и Роспотребнадзоре с разными подходами к анализу данных.

Одной из главных причин сокращения инфекционных стационаров, а следовательно, и врачей, стала страховая модель финансирования медицинских услуг и использование рыночных механизмов, поскольку инфекционные больные

не приносят достаточного количества денежных средств в алгоритме «деньги идут за пациентом». Указанная модель финансирования воспринимается врачебным сообществом как пагубная [2], [3].

В отрасли здравоохранения одни направления не должны развиваться за счёт других, как это получилось с развитием высокотехнологичной медицины за счёт сокращения медицинских учреждений в сельской местности, инфекционных больниц [4]. Система здравоохранения должна финансироваться планомерно. Только в этом случае могут быть реализованы базовые принципы оказания медицинской помощи - территориальная доступность и координация помощи пациентам.

Таким образом, для разработки и эффективной реализации единой государственной политики по борьбе с инфекционными болезнями, по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения следует централизовать систему органов государственного управления, подчинить Министерству здравоохранения все остальные органы федерального уровня.

Функции санитарно-эпидемиологической службы, разработки и утверждения санитарно-эпидемиологических правил, включая введение ограничительных мероприятий следует передать Росздравнадзору, подчинённому Минздраву, а за Роспотребнадзором оставить функции, связанные с надзором в сфере защиты прав потребителей.

С чрезвычайными ситуациями, вызванными возбудителями инфекционных болезней не могут справиться органы, которые не имеют отношения к организации лечения инфекционных больных. Поэтому центр управления такими чрезвычайными ситуациями следует создать именно при Минздраве России по примеру зарубежных стран, которые успешно справлялись с распространением пандемии.

Для организации эффективной системы заблаговременной готовности к чрезвычайным ситуациям, связанным с распространением инфекционных заболеваний следует обязать Минздрав ежегодно подготавливать государственный доклад о готовности к чрезвычайным ситуациям по конкретным показателям, включая резервы коечных мощностей, которые должны быть научно обоснованными.

С учётом статистических показателей по ВИЧ/СПИД по регионам России борьба с инфекционными заболеваниями должна стать одним из приоритетных направлений государственной политики с необходимостью разработки соответствующей государственной программы.

Пристатейный библиографический список

1. Здравоохранение России 2022–2023 гг.: неотложные меры в условиях особого положения в экономике и социальной сфере. Проблемы и предложения. // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. - 2022. - Т. 8, № 2. - С. 22-47.
2. Колесников А. В. Здравоохранение в сельской местности // Вестник сельского развития и социальной политики. - 2019. - № 3 (23). - С. 30-37.
3. Подухина М. Г. Формирование доступности медицинского обслуживания на селе как ключевого элемента устойчивого развития // Региональная экономика: теория и практика. - 2019. - Т. 17. № 2. - С. 308-330.
4. Чернышев В. М., Воевода М. И., Мингазов И. Ф. О несостоятельности кадровой политики в здравоохранении России // Сибирский научный медицинский журнал. - 2019. - № 6. - С. 107-115.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-133-136

ГОРОВЕНКО Сергей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ, ВЫЗВАННОЙ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАБОЛЕВАНИЯ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ*

Защита населения от чрезвычайных ситуаций является одним из приоритетов государственно-управленческой деятельности. Действующее законодательство в данной сфере не в полной мере приспособлено к противодействию распространению опасных заболеваний. При этом, как показывает практика борьбы с эпидемией COVID-19, основное бремя принятия управленческих решений и контроля за их реализацией возлагается на органы власти субъектов Российской Федерации. Вследствие чего требует анализа возможность совершенствования регионального законодательства в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций. В этой связи предложены к внедрению специальные правовые режимы готовности к чрезвычайным ситуациям данного вида, проанализированы основания для их введения и отмены. Также обоснована необходимость передачи части полномочий в сфере санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) на региональный и муниципальный уровень при введении в действие таких режимов.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, контроль (надзор), эпидемия, санитарно-эпидемиологическое благополучие.

GOROVENKO Sergey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Public health and healthcare sub-faculty of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

IMPROVEMENT OF THE REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM IN AN EMERGENCY SITUATION CAUSED BY THE SPREAD OF A DISEASE THAT POSES A DANGER TO OTHERS

Protection of the population from emergency situations is one of the priorities of state management activities. The current legislation in this area is not fully adapted to counteract the spread of dangerous diseases. At the same time, as the practice of combating the COVID-19 epidemic shows, the main burden of making managerial decisions and monitoring their implementation rests on the authorities of the constituent entities of the Russian Federation. As a result, the possibility of improving regional legislation in the field of protection of the population from emergency situations requires analysis. In this regard, special legal emergency preparedness regimes of this type are proposed for implementation, the grounds for their introduction and cancellation are analyzed. The necessity of transferring part of the powers in the field of sanitary and epidemiological control (supervision) to the regional and municipal level when such regimes are put into effect is also justified.

Keywords: emergency situation, control (supervision), epidemic, sanitary and epidemiological well-being.

Введение. Опыт борьбы с эпидемией COVID-19 показал необходимость оценки эффективности государственно-управленческой деятельности в сфере противодействия распространению опасных для общества заболеваний. Как ранее неоднократно отмечалось в научной литературе, организация противодействия распространению эпидемии вызвала множество вопросов о готовности отечественного правового механизма к вызовам подобного рода [1, с. 14].

В проведенном исследовании акцентировано внимание на региональном аспекте управления (на примере Тюменской области) при введении специальных режимов в условиях распространения опасных заболеваний.

Методы. В ходе исследования применялись частнонаучные и специальные методы познания: формально-логический, аналогии и обобщения при разработке к внедрению в законодательство соответствующих предложений.

Методы системного и сравнительно-правового анализа использовались при изучении нормативных правовых актов федерального и регионального значения.

Обсуждение и результаты. Нормативное определение чрезвычайной ситуации закреплено статьей 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и терри-

торий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ о ЧС). Основанием возникновения чрезвычайной ситуации может быть, в том числе, распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих. В законодательстве Тюменской области¹ данное основание определено как «биолого-социальный источник (инфекционные заболевания людей (эпидемии), инфекционные заболевания животных, поражение сельскохозяйственных растений болезнями и вредителями)».

Термин «заболевание, представляющее опасность для окружающих» в федеральном законодательстве детализирован в Постановлении Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». Следовательно, право на существование имеет вопрос о возможности применения ФЗ о ЧС при распространении заболевания, не включенного в данный перечень. Формулировка федерального понятия чрезвычайной ситуации это не исключает, но и прямо не предусматривает, что оставляет достаточно широкое поле усмотрения для применения положений указанного Федерального закона.

Необходимо отметить, что каких-либо кардинальных изменений в законодательство о чрезвычайных ситуациях на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720006 «Разработка системы стратегического планирования и развития регионального законодательства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия Тюменской области».

1 Статья 4 Закона Тюменской области от 28.12.2004 № 323 «О предупреждении и ликвидации природных и техногенных чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера» (далее – Закон ТО о ЧС).

федеральном уровне, ни на уровне Тюменской области после эпидемии коронавируса внесено не было.

В этой связи очевидным является, что правовой механизм реагирования на чрезвычайную ситуацию, вызванную распространением заболевания, представляющего опасность для окружающих, не приспособлен к данному типу вызовов общественной безопасности [2, с. 16], [3, с. 55] и нуждается в дальнейшей актуализации.

В первую очередь следует детализировать процесс принятия решения о введении чрезвычайной ситуации по причине возникновения биолого-социального источника опасности. В соответствии с пунктом 2.1 части 2 статьи 3 Закона ТО о ЧС принятие решения об отнесении возникших чрезвычайных ситуаций к чрезвычайным ситуациям регионального или межмуниципального характера, введение режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций отнесено к полномочиям исполнительных органов государственной власти Тюменской области в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Однако критерии принятия такого решения ни закон Тюменской области, ни федеральный закон в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций не предусматривает.

Следует отметить, что с 04.01.2021 действует Указ Президента РФ от № 12 «Об утверждении Порядка действий органов публичной власти по предупреждению угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с заносом на территорию Российской Федерации и распространением на территории Российской Федерации опасных инфекционных заболеваний» (далее – Указ № 12). Указом предусмотрено, что при возникновении угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию населения, заноса на территорию Российской Федерации и распространения на территории Российской Федерации опасных инфекционных заболеваний Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека устанавливает соответствующие уровни риска, предполагающие осуществление отдельных мероприятий по их нейтрализации, в том числе, органами власти субъектов Российской Федерации. Также предусмотрено создание Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по предупреждению угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с заносом на территорию Российской Федерации и распространением на территории Российской Федерации опасных инфекционных заболеваний.

Исходя из приведенной формулировки оснований применения положений Указа № 12, еще раз отметим не согласованность используемой терминологии. Понятие «опасное инфекционное заболевание» по нормативному содержанию шире, чем «заболевание, представляющее опасность для окружающих». Таким образом, положения Указа № 12 подлежат применению при распространении заболеваний, не включенных в соответствующий перечень, предусмотренный ранее обозначенным Постановлением Правительства РФ.

Учитывая, что Указом № 12 не регламентируются полномочия субъектов РФ по введению режима чрезвычайной ситуации при возникновении любого уровня риска распространения опасного заболевания, логично было бы предположить обязательность введения соответствующего специального правового режима реагирования на опасность распространения заболеваний. Следовательно, установление Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор) соответствующего уровня риска распространения опасных заболеваний является основанием для реализации полномочий органов власти субъектов РФ по защите населения от чрезвычайной ситуации такого рода и не требует дополнительного подтверждения от каких-либо уполномоченных структур федерального уровня.

Использование норм «чрезвычайного» законодательства предполагает введение специальных правовых режимов, которые содержат в себе установленный алгоритм поведения органов власти на территории субъектов РФ. В действующем

законодательстве о чрезвычайных ситуациях формализовано два режима: режим повышенной готовности и режим чрезвычайной ситуации. По мнению отдельных ученых, в законе отсутствуют четкие критерии, которые позволили бы провести между ними разграничение [4;10]. Также отдельными исследователями были предложены к дискуссии следующие разновидности таких режимов [5, с. 312].

Режим обычной (повседневной) деятельности – действует при нормальной санитарно-эпидемиологической, социальной и экономической ситуации. Применительно к Закону ТО о ЧС можно говорить о применении положений статьи 6 закона, а именно «Мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, предупреждению ситуаций, которые могут привести к нарушению функционирования систем жизнеобеспечения населения».

Режим повышенной готовности – вводится для подготовки системы реагирования на чрезвычайную ситуацию органов здравоохранения и санитарного надзора к появлению и распространению инфекционных, массовых неинфекционных. Данный режим может быть применен на уровне субъекта РФ при установлении Роспотребнадзором первого уровня риска в соответствии с Указом № 12 – «эпидемиологическое распространение опасных инфекционных заболеваний на территориях иностранных государств с возможностью их трансграничного распространения, создающее угрозу заноса опасных инфекционных заболеваний на территорию Российской Федерации». Введение данного режима особенно актуально в приграничных субъектах РФ, к которым также относятся и Тюменская область. Учитывая положения Указа № 12, на органы власти субъекта РФ возлагается обязанность по проведению в пределах полномочий оценки готовности медицинских организаций к приему пациентов с опасными инфекционными заболеваниями, наличия необходимых лекарственных средств, оборудования, средств индивидуальной защиты, коечного фонда, а также оценки готовности иных материальных запасов. Применительно к действующему законодательству Тюменской области данные действия охватываются положениями статьи 6 Закона ТО о ЧС, но в иных формулировках.

Режим сложной эпидемиологической ситуации – вводится при резком увеличении количества заболевших, когда возбудителями инфекции может быть неопределенный круг лиц. Данный режим может быть применен на уровне субъекта РФ при установлении Роспотребнадзором второго уровня риска в соответствии с Указом № 12 – «наличие выявленных единичных случаев и локальных очагов опасных инфекционных заболеваний на территории Российской Федерации». Дополнительно к мерам, применяемым при возникновении первого уровня риска, на органы власти субъектов РФ возлагается обязанность по обеспечению подготовки медицинских организаций к приему больных в целях оказания им медицинской помощи, а также формирование запаса средств диагностики и лечения опасных инфекционных заболеваний, дезинфекционных средств, средств индивидуальной защиты, а также по планированию дополнительных мероприятий по обеспечению безопасности водоснабжения и питания.

Очевидным является тот факт, что за исключением планирования мероприятий по обеспечению безопасности водоснабжения и питания обязанности органов власти субъектов РФ не претерпевают кардинальных изменений при повышении Роспотребнадзором уровня риска в соответствии с Указом № 12.

Также необходимо обратить внимание еще на один аспект, а именно: режим «сложной эпидемиологической ситуации» или второй уровень риска означает обязательность введения режима чрезвычайной ситуации (эпидемии) на муниципальном уровне, что отвечает полномочиям органов местного самоуправления, предусмотренным частью 2 статьи 11 ФЗ о ЧС. Таким образом, в субъекте могут одновременно существовать несколько правовых режимов реагирования на чрезвычайную ситуацию в зависимости от уровня принятия решения. Данное понимание достаточно важно при рассмо-

трени вопроса о реализации правоограничений при введении соответствующего правового режима.

Режим эпидемии (пандемии). Данный правовой режим соответствует третьему уровню риска в соответствии с Указом № 12, который дает основание для применения всех ограничительных мер, с которыми столкнулись жители России при эпидемии коронавируса.

Исходя из изложенного, логично было бы предположить, что на уровне субъекта РФ чрезвычайная ситуация может быть формализована при установлении Роспотребнадзором 2 или 3 уровня риска в соответствии с Указом № 12. При этом обязательным должно являться введение соответствующего режима реагирования на чрезвычайную ситуацию. Закрепление в законодательстве субъекта РФ данного алгоритма поведения органов власти позволит максимально использовать «антиковидные поправки», которые были внедрены в законодательство в период эпидемии коронавируса.

Например, если мы возьмём подготовку органами власти РФ медицинских организаций регионального и местного уровня к приему пациентов, пополнение запасов необходимого оборудования, материалов и т.п., возникает вопрос о механизме реализации такой обязанности. При отсутствии режима чрезвычайной ситуации закупки для государственных нужд осуществляются в соответствии с требованиями законодательства о закупочной деятельности с соблюдением правил конкурентной борьбы. Положения пункта 9 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» позволяют отказаться от применения конкурентных способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), требующих затрат времени, при введении режима чрезвычайной ситуации. Таким образом, реализация обозначенного выше алгоритма позволит оперативно реагировать на изменение эпидемической обстановки.

Также следует обратить внимание на неурегулированность процедуры отмены чрезвычайной ситуации или снижения уровня готовности к ней. Ни на федеральном уровне, ни на уровне субъектов в профильных законах такая процедура формально не закреплена. Практика борьбы с коронавирусной инфекцией демонстрирует, что вирусная инфекция подобного рода не исчезает. Следовательно, основания для реализации соответствующего «чрезвычайного» режима не утрачиваются. В то же время, учитывая, что соответствующий «чрезвычайный» режим предполагает установление правоограничений для участников правоотношений, необходимым является определение алгоритма отмены чрезвычайной ситуации или снижения уровня готовности к ней.

В настоящее время такой алгоритм предусмотрен МР 3.1.0178-20. 3.1. Профилактика инфекционных болезней. Методические рекомендации. «Определение комплекса мероприятий, а также показателей, являющихся основанием для поэтапного снятия ограничительных мероприятий в условиях эпидемиологического распространения COVID-19», утвержденными Главным государственным санитарным врачом РФ 08.05.2020, в соответствии с которыми решение о поэтапном снятии ограничений принимается высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации (руководителями высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей субъектов Российской Федерации.

Хотелось бы отметить, что в условиях отсутствия должного правового регулирования могут быть использованы данные рекомендательные нормы. Более того, существуют точки зрения об обязательности методических рекомендаций [6, с. 124]. Тем не менее, на наш взгляд, правоограничения должны соответствовать уровню реагирования на чрезвычайную ситуацию или угрозу её возникновения. В этой связи, по сути, единственным вариантом остается установление взаимосвязи между понижением уровня риска, предусмотренного Указом № 12, и изменением соответствующего правового режима готовности к чрезвычайной ситуации.

При введении указанных специальных правовых режимов возникает вопрос о возможности установления правоограничений в отношении граждан, проживающих на территории субъекта РФ.

С нормативной точки зрения возможность ограничения прав региональными органами власти косвенно предусматривается статьей 11 ФЗ о ЧС. В частности, подпунктом «у» предусмотрено, что органы власти субъекта РФ вправе устанавливать обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Также подпунктом «ф» допускается установление дополнительных обязательных правил поведения, если решение о введении режима чрезвычайной ситуации принято на федеральном уровне в случае угрозы возникновения и (или) возникновения чрезвычайной ситуации федерального или межрегионального характера. Если обратиться к нормативному содержанию понятия «обязательное правило поведение», то в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» может предусматриваться, например, ограничение свободы распространения информации.

Можно согласиться с мнением о том, что сами по себе ограничения, преследующие цель остановки пандемии, незаконными не являются. В то же время принцип верховенства права требует, чтобы эти ограничения как минимум были соразмерными, оправданными и вводились в строгом соответствии с действовавшим законодательством [7, с. 33].

Учитывая расплывчатость формулировок в указанном Постановлении Правительства РФ, заслуживает внимания подход, предложенный В. А. Винокуровым, который заключается во включении в Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» нормы, которая позволяла бы вводить ограничения определенных прав и свобод человека и гражданина в условиях эпидемии или пандемии, и порядок предоставления гарантий, связанных с вводимыми ограничениями [8, с. 54], [9, с. 17].

Также следует отметить, что объем возможных правоограничений на территории субъекта РФ может быть различен, учитывая возможность введения различных режимов реагирования на чрезвычайную ситуацию на региональном и муниципальном уровне. Как следствие, орган местного самоуправления, принявший решение о введении режима чрезвычайной ситуации в муниципальном образовании, также должен обладать возможностью введения соответствующих правоограничений.

Следующим аспектом, на который следует обратить внимание при актуализации механизма управления в условиях чрезвычайной ситуации, является проблема осуществления регионального государственного надзора в рассматриваемой области, который подразделяется на федеральный и региональный надзор (ст. 27 ФЗ о ЧС).

Часть 3 статьи 7 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» предусматривает принцип компетентности, означающий, что контрольные (надзорные) мероприятия осуществляются уполномоченным органом только в пределах своей компетенции. Применительно к рассматриваемой сфере необходимо разграничить предмет государственного надзора в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) в случае возникновения угрозы эпидемии или при ее распространении.

Предмет федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) обозначен статьей 44 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», в который входит выполнение санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий. Под такими мероприятиями в соответствии с данным законом понимаются организационные, административные, инженерно-технические, меди-

ко-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на устранение или уменьшение вредного воздействия на человека факторов среды обитания, предотвращение возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) и их ликвидацию. Таким образом, в полной мере и без каких-либо противоречий санитарно-эпидемиологический контроль (надзор) может осуществляться только в режиме обычной (повседневной деятельности).

При повышении уровня реагирования (введении иного режима), введение правоограничений, которые представляют собой мероприятия профилактической направленности, составляющие предмет санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) и которые, фактически, должны составлять предмет регионального государственного надзора в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

В какой-то степени данная проблематика может быть нивелирована «подменой» контрольно-надзорной деятельности органов Роспотребнадзора в сфере санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) на административно-юрисдикционную деятельность в сфере привлечения к административной ответственности за неисполнение обязательных правил поведения, которые, как уже было ранее сказано, вправе установить субъект Российской Федерации. Например, Кодексом Тюменской области об административной ответственности от 27.12.2007 № 55 предусмотрена статья 3.6. «Невыполнение или ненадлежащее выполнение нормативных правовых актов Тюменской области по защите населения от чрезвычайных ситуаций». Однако такая «подмена» не решает проблемы в целом, так как использование процедуры производства по привлечению к административной ответственности предполагает использование правил Кодекса РФ об административных правонарушениях в части надлежащего использования повода к возбуждению дела об административном правонарушении. Таковым в рассматриваемой ситуации может выступить только получение информации от какого-либо внешнего источника, но не непосредственное выявление признаков состава административного правонарушения, так как иное свидетельствовало бы о проведении проверки, подпадающей под сферу санитарно-эпидемиологического контроля (надзора).

В этой связи, учитывая ограниченность ресурсов Роспотребнадзора при проведении проверок соблюдения санитарного законодательства в условиях действия специальных правовых режимов противодействия чрезвычайным ситуациям, вызванных распространением опасных заболеваний, необходимым является рассмотрение вопроса о передаче части полномочий по проверке отдельных обязательных санитарных требований на региональный (муниципальный) уровень при введении в действие таких режимов. Конечно, существуют и иные точки зрения. Например, о праве органов местного самоуправления осуществлять муниципальный контроль за соблюдением санитарно-эпидемиологических требований, ссылаясь на статью 17.1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10, с. 37]. Доводы автора заслуживают внимания, но формально речь идет о контроле за исполнением муниципальных норм. В этой связи использование статьи 17 указанного федерального закона проблему разграничения видов контроля не решает.

Заключение.

Подводя итог, можно отметить, что действующее региональное законодательство в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций подлежит трансформации. При этом является разумным, на наш взгляд, принятие отдельного закона регионального уровня, учитывающего особенности государственного управления в условиях подготовки и противодействия чрезвычайным ситуациям, вызванных распространением опасных заболеваний. Тем самым это создаст возможность внедрения в нормативное поле различных правовых режимов, коррелирующих с положениями Указа № 12, определения объема правоограничений, которые мо-

гут быть введены на уровне субъекта РФ или муниципально-образованного. Также такой закон позволит сформировать правовую основу для совершенствования системы регионального и муниципального контроля (надзора) в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Конечно, реализация данной идеи возможна с учетом внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций и законодательство о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения.

Пристатейный библиографический список

1. Шафигулин К. В. Угроза национальной безопасности, связанная с проблемой государственного управления по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 3. – С. 11-15.
2. Винокуров В. А. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция: проблемы правового регулирования // Медицинское право. – 2020. – № 4. – С. 9-19.
3. Пьянкова А. Ф. Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. – 2020. – № 5. – С. 53-59.
4. Верецагин А., Румак В. Пандемия продемонстрировала, что децентрализация делает власть более эффективной [Интервью с С. А. Беловым] // Закон. – 2020. – № 5. – С. 8-13.
5. Сахно А. И., Сиволапов М. П. Актуальные вопросы правового регулирования режимов деятельности органов государственной власти в период угрозы распространения инфекционных, массовых неинфекционных заболеваний в Российской Федерации // IV Сибирские правовые чтения: государство и право в условиях глобальных ограничений: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, г. Тюмень, 30 октября 2020 г. – С. 310-313.
6. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 111-126.
7. Коновалов А. М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 7. – С. 32-34.
8. Винокуров В. А. Проблемы правового регулирования, возникающие при ликвидации нового вида чрезвычайных ситуаций // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 49-55.
9. Попова Н. Ф. Меры административного принуждения, применяемые для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Российская юстиция. – 2021. – № 3. – С. 16-19.
10. Усманова Р. М. К вопросу о деятельности органов местного самоуправления в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 8. – С. 35-39.

КЕРАМОВА Саида Назировна

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

АБУСАЛИМОВ Зайнутдин Абубакарович

магистрант кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В настоящей статье рассматривается прокурорский надзор в сфере исполнительной власти как способ обеспечения законности в нашей стране. Обращается внимание на то, что прокурорский надзор в данной сфере выступает в качестве общего надзора за соблюдением российской Конституции и законов органами исполнительной власти. Говорится о значении законности в сфере исполнительной власти в связи с тем, что в России совершается множество нарушений законности, проявляющихся в виде коррупции, взяточничества, злоупотребления служебным положением. Перечислены некоторые проблемы, возникающие при проведении прокурорского надзора. Сделан вывод о том, что требуется ввести новые методы прокурорского надзора взамен потерявших актуальность форм деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, законность, нормативные правовые акты, прокуратура, органы государственной власти.

KERAMOVA Saida Nazirovna

senior lecturer of administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University

ABUSALIMOV Sainutdin Abubakarovich

magister student of Civil law sub-faculty of the Dagestan State University

PROSECUTOR'S SUPERVISION AS A WAY TO ENSURE THE RULE OF LAW IN THE SPHERE OF EXECUTIVE POWER

This article examines the prosecutor's supervision in the sphere of executive power as a way to ensure the rule of law in our country. Attention is drawn to the fact that the prosecutor's supervision in this area acts as a general supervision of compliance with the Russian Constitution and laws by executive authorities. It is said about the importance of legality in the sphere of executive power due to the fact that many violations of legality are committed in Russia, manifested in the form of corruption, bribery, abuse of official position. Some problems that arise during prosecutorial supervision are listed. It is concluded that it is necessary to introduce new methods of prosecutorial supervision to replace the forms of activity that have lost relevance.

Keywords: prosecutor's supervision, legality, regulatory legal acts, prosecutor's office, public authorities.

Керамова С. Н.

Абусалимов З. А.

Исполнительная власть является необходимым компонентом единой системы государственной власти. На органы исполнительной власти возложено непосредственное управление делами государства. В настоящее время в связи с тем, что в стране совершается множество нарушений законности, проявляющихся в виде коррупции, взяточничества, злоупотребления служебным положением [5, с. 23], исполнительная власть претерпевает определенные сложности. Появляются спорные вопросы, связанные с необходимостью совершенствования правового регулирования их деятельности, разработкой механизма предупреждения данных проблем, увеличения их ответственности за принимаемые решения.

Нарушением законности должностными лицами органами исполнительной власти являются совершенные ими правонарушения в виде отклонений от требований законов и иных правовых норм в ходе выполнения служебных обязанностей, если ими причинен ущерб правам субъектов общественных отношений.

Статьей 45 Конституции РФ в России гарантируется защита государством прав и свобод граждан, а решения и действия органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц, общественных объединений можно обжаловать в суде¹.

Согласно статье 15 российской Конституции органами государственной власти, а также местного самоуправления, должностными лицами, всеми гражданами должны соблюдаться

требования Конституции и законов. Таким образом, в Конституции России зафиксирован принцип законности как основополагающий принцип государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц.

Большое значение данного принципа для исполнительной власти обуславливается следующим:

- соблюдение законности исполнительной властью следует считать важным условием ее гармоничного функционирования и разрешения поставленных задач;
- органами исполнительной власти реализуется правоприменительная деятельность, которая должна исполняться на основе принципа законности;
- от эффективной деятельности данных органов на базе строгого следования законам зависит объективное и быстрое решение проблем гражданского населения;
- при осуществлении правотворческой деятельности, выраженной в издании нормативных актов, исполнительная власть опирается на принцип законности;
- органы исполнительной власти имеют широкие полномочия в сфере применения административного принуждения. Однако в РФ до сих пор острой проблемой остается, как подчеркивает А. А. Кармолицкий, «состояние законности в данной сфере» [2, с. 34].

Для того чтобы обеспечить законность в исполнительной власти, государство применяет множество способов, среди которых наиболее значимым является участие российской прокуратуры. Ее целью, в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» (ч. 2 ст. 1), является «обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражд-

1 Конституция Российской Федерации. Москва, 2022.

данина, а также охраняемых законом интересов общества и государства»².

Прокуратура в России – один из важнейших органов государственной власти, не относящийся ни к одной из ветвей власти. Она осуществляет свою деятельность независимо от других ветвей власти. Она также выполняет огромную роль в реализации гражданами своих прав и свобод, а также в сфере исполнительного производства.

Следовательно, представляя собой единую федеральную централизованную систему органов, российская прокуратура исполняет надзор над соблюдением Конституции России и российских законов, действующих на ее территории.

В этой связи существенное значение имеет прокурорский надзор, выступающий в качестве гарантии соблюдения законности и прав российских граждан, государственных интересов. Это объясняется, по мнению ряда ученых, широтой объекта и предмета надзора, непрерывностью реализации и разнообразием прокурорских полномочий, направленных, как пишут В. Е. Лапшин, А. А. Юнусов и О. О. Егорова, на «обнаружение, предупреждение, устранение нарушений действующего законодательства» [3, с. 164].

Согласно Закону о прокуратуре в качестве предмета общего надзора выступает надзор:

– за соблюдением российской Конституции и исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом, представительными (законодательными) и исполнительными органами госвласти субъектов федерации, органами местного самоуправления, военного управления, контроля, их должностными лицами, субъектами общественного контроля над обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, которые там находятся; органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций;

– за соответствием правовых актов, издаваемых данными органами, российским законам (статья 21)³.

Следовательно, прокурорский надзор тесно связан со всеми ветвями государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной, однако не является составляющей ни одной из ветвей.

За последние несколько лет органы прокуратуры были существенно реформированы, в частности, организация прокурорского надзора. На законодательном уровне в качестве предмета отдельной отрасли теперь выступает надзор за соблюдением прав и свобод человека.

Как было подчеркнуто выше, среди важных функций прокуратуры, которые отражают ее основное предназначение, ведущую роль играет надзор за исполнением законов. Надо также сказать, что надзор прокуратуры не только касается соответствия нормативного правового акта Конституции России и закону, но и обеспечивает соблюдение требований Президентских указов и постановлений российского Правительства. Из вышеназванного закона видно, что, кроме надзора за единообразием и точностью исполнения законов исполнительной властью, прокуратурой России исполняется надзор над деятельностью местного самоуправления, общественных, коммерческих и некоммерческих объединений и т.д.

Прежде всего, представляется необходимым определить понятие «надзор прокуратуры в сфере исполнительной власти» и перечислить его объекты. Как считают ученые, это – «осуществление функции общего надзора за соблюдением положений российской Конституции и требований законов при осуществлении деятельности органов исполнительной власти» [2, с. 35].

В статье 21 Федерального закона «О прокуратуре РФ» (ч. 1) изложен полный перечень объектов прокурорского надзора, к которым причислены «федеральные министерства и иные федеральные органы исполнительной власти, органы законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления» и др.

В качестве основания для проверки, согласно пункту 2 этой же статьи данного закона, служит поступившая в прокуратуру информация о нарушении законов в виде обращений граждан, должностных лиц, средств массовой информации и из прочих источников, и материалов, «свидетельствующих о наличии

правонарушений, требующих вмешательства прокуратуры» [4, с. 55].

В связи со сказанным необходимо отметить, что при осуществлении данного надзора существуют определенные проблемы.

Одной из основных проблем остается низкая исполнительность судебных и иных юрисдикционных актов в России и во многих ее субъектах. Среди причин этого следует назвать недостаточный контроль со стороны прокуратуры и пробелы в законодательстве.

Важной проблемой является проблема защиты прав и свобод граждан, которая решается прокуратурой. Данный прокурорский надзор основан на проверке заявлений граждан, поступивших в прокуратуру. Однако следует сказать, что не все нарушения прав граждан установлены Законом о прокуратуре.

Думается, необходимо расширить данный перечень и круг граждан, обратившихся за защитой своих прав.

Проблемой, по мнению Н. В. Ереминой, представляется и то, что в федеральном центре и его субъектах имеются случаи противодействия органам прокуратуры, вмешательство в их деятельность по установлению и устранению нарушений закона, хотя их деятельность выступает одной из главных гарантий обеспечения законности в Российском государстве [1, с. 10].

Значимой проблемой следует считать отсутствие добросовестного и качественного выполнения требований прокуроров вследствие пробелов в законодательстве и административных барьеров, несмотря на то, что имеется множество законов, в которых эти требования закреплены.

В контексте данной статьи хотелось бы также обратить внимание на то, что, по нашему мнению, прокурорский надзор над деятельностью исполнительных органов не может ограничиваться только сравнением правовых норм на соответствие нормам российской Конституции и действующего законодательства, поскольку органы прокуратуры должны одновременно учитывать специфику политических процессов.

В заключение краткого анализа данного вида прокурорского надзора следует сделать определенные выводы.

Законность является важной составляющей функционирования государства как единого целого, поэтому очень важна его роль в обеспечении законности во всех сферах деятельности общества и, в первую очередь, органов исполнительной власти.

Для того чтобы обеспечить законность в сфере исполнительной власти, государство применяет множество способов, среди которых наиболее значимой является деятельность прокуратуры РФ, в частности, надзорная деятельность. Основным предназначением прокуратуры РФ является надзор за исполнением законов.

Для осуществления прокуратурой надзора как способа обеспечения законности в сфере исполнительной власти требуется введение действенных средств прокурорского реагирования на законодательном уровне, новых методов прокурорского надзора взамен потерявших актуальность форм деятельности.

Для решения вышеназванных проблем требуется внесение изменений в законодательство для эффективного исполнения прокуратурой своих надзорных полномочий.

Пристатейный библиографический список

1. Еремина Н. В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2009. – 29 с.
2. Кармолицкий А. А. Прокурорский надзор в сфере исполнительной власти // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. – 2013. – № 1. – С. 34-45.
3. Лапшин В. Е., Юнусов А. А., Егорова О. О. Основные направления осуществления прокурорского надзора в России на современном этапе // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2021. – № 2. – С. 164-168.
4. Непейн Г. Г. О некоторых проблемах осуществления прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями // Криминалистика. – 2017. – № 1 (20). – С. 55-59.
5. Сагдиева Э. М., Максимова М. А. Обеспечение законности в деятельности органов исполнительной власти // Colloquium-Journal. – 2019. – № 10-4 (34). – С. 22-23.

2 О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 янв.1992 г. № 2202-1: в ред. от 29 дек.2022 г.; с изм. и доп. от 9 янв. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3 Там же.

ПОПОВА Юлия Александровна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

ИВАНЕНКО Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета

О ЛИЦАХ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Лица, участвующие в деле, выступают в качестве главенствующих субъектов, дающих ход и движение административному делу. Административный истец, относящийся к данной категории участников, начинает процесс по делу, без административного ответчика его продолжение не представляется возможным, участие прокурора и публичных органов в разрешении спора в ряде случаев носит характер обязательного. В рамках данной работы рассматривается проблема отсутствия легального определения лиц, участвующих в деле. Настоящая работа также посвящена анализу лиц, участвующих в деле, в административном судопроизводстве. Работа раскрывает специфические особенности лиц, участвующих в деле, в административном судопроизводстве, которые позволяют обособить данный вид производства от иных, предусмотренных законом. Выявляются некоторые проблемные и спорные аспекты действующего российского процессуального законодательства, регламентирующие процессуальный статус лиц, участвующих в деле, в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: лица, участвующие в деле, взыскатель, должник, прокурор, государственные властные органы, заинтересованные лица, правопреемство, соучастие, административное судопроизводство, арбитражное судопроизводство, гражданское судопроизводство.

POPOVA Yuliya Alexandrovna

Ph.D. in Law, professor, Head of Civil and administrative proceedings sub-faculty of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice

IVANENKO Igor Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil process and international law sub-faculty of the Kuban State University

ABOUT THE PERSONS PARTICIPATING IN THE CASE, IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The persons participating in the case act as the main subjects giving the course and movement to the administrative case. An administrative plaintiff belonging to this category of participants begins the process on the case, without an administrative defendant, its continuation is not possible, the participation of the prosecutor and public authorities in resolving the dispute in some cases is mandatory. Within the framework of this work, the problem of the lack of a legal definition of the persons involved in the case is considered. This work is also devoted to the analysis of persons involved in the case in administrative proceedings. The work reveals the specific features of the persons involved in the case in administrative proceedings, which make it possible to separate this type of proceedings from others provided for by law. Some problematic and controversial aspects of the current Russian procedural legislation regulating the procedural status of persons participating in the case in administrative proceedings are identified.

Keywords: persons participating in the case, the recoverer, the debtor, the prosecutor, state authorities, interested persons, succession, complicity, administrative proceedings, arbitration proceedings, civil proceedings.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) относит стадию подготовки дела к судебному разбирательству к числу обязательных и, несомненно, важных. Главенствующая роль данной «фазы» сводится к совершению ряда процессуальных действий, необходимых для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела. Первостепенные задачи данной стадии, которые к тому же определены в тексте процессуального закона, традиционно включают в себя уточнение фактических обстоятельств дела, определение закона, подлежащего применению, примирение сторон, сбор доказательственного материала, а также разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса (ст.132 КАС РФ [1]).

Последнюю задачу судебный орган разрешает путем совершения некоторых процессуальных действий, закрепленных соответственно в п.3 ч.3 ст.135 КАС РФ (разрешается

вопрос о вступлении в административное дело других административных истцов, административных ответчиков и заинтересованных лиц, а также вопрос о замене ненадлежащего административного ответчика) [1].

Такое понятие, как «лица, участвующие в деле» не раскрывается в тексте процессуального закона. Причем, если сделать попытку провести аналогию закона, то можно прийти к выводу, что ни гражданское, ни арбитражное процессуальное законодательство не дает легального определение данному понятию. Законодатель использует данную юридическую конструкцию исключительно путем перечисления действующих участников того или иного процесса. В связи с чем считаем необходимым, рассматривая данную часть вопроса, обратиться непосредственно к юридической доктрине.

Так, представители юридического сообщества дают следующие определения дефиниции «лица, участвующие в деле»:

– Это субъекты судопроизводства, имеющие самостоятельный юридический интерес к исходу дела, которые, в целях постановления соответствующего их интересу решения суда, действуют в процессе от своего имени, участвуют в осуществлении отдельных процессуальных действий (юридических фактов), влекущих за собой возникновение, развитие и прекращение производства по конкретному делу [2, с. 124].

– Это юридически заинтересованные в разрешении дела участники судопроизводства, выступающие от своего имени, имеющие право совершать определенные законом действия, влияющие на развитие и движение гражданского судопроизводства [3, 14 с.].

– Это основные участники процесса, имеющие прямое отношение к разрешаемому судом делу, заинтересованные в исходе дела, процессуальная деятельность которых активно влияет на весь ход процесса, от действий которых зависит движение процесса, переход из одной стадии в другую [4, 36 с.].

На основании приведенных выше определений «лиц, участвующих в деле», можно выделить следующие существенные признаки, присущие данной категории субъектов процесса:

1. Наличие юридической заинтересованности в результате рассматриваемого судом дела – как правило, характер такой заинтересованности предполагается или материальным (получение определенной выгоды, а именно удовлетворение требования), или процессуальным (получение судебной защиты);

2. Осуществление процессуальных действий – совершая действия, предусмотренные процессуальным законом, данные субъекты способствуют процессуальному движению рассматриваемого судом дела, иными словами (если исходить из анализа теории права в целом), каждое конкретное действие субъекта выступает в роли юридического факта, которое априори способствует возникновению/ изменению/ прекращению конкретного правоотношения. Так, например, административное дело возбуждается путем подачи административным истцом административного искового заявления, т.е. истец возбуждает процесс по делу, совершая определенные физические действия, условно говоря, «поднимается с дивана, составляет иск, добирается до судебного органа, передает составленный иск в суд», и данные физические действия тесно взаимосвязаны с возникновением юридических действий, поскольку без совершения первых невозможно существование последних. Каждое физическое действие субъекта является основанием к совершению юридического действия, порождающего, изменяющего или прекращающего правоотношение, и соответственно, приводящее процесс по делу в определенное движение.

3. Действия данные лица совершают от своего имени – например, административный ответчик подает возражение на административное исковое заявление, действуя от своего имени. Или прокурор, давая заключение по административному делу, действует также от своего имени.

4. Итоговое постановление суда по рассмотренному делу распространяет в одинаковой степени свое действие на лиц, участвующих в деле.

Следовательно, под лицами, участвующими в деле, исходя из анализа приведенных выше доктринальных понятий и выделенных признаков, следует понимать участников процесса, имеющих самостоятельный юридический интерес (материальный или процессуальный) к исходу дела, действующие в процессе от своего имени, имеющие право на совершение процессуальных юридических фактов-действий, направленных на возникновение, изменение, прекращение

процесса, и на которых распространяется законная сила судебного постановления.

На наш взгляд, закрепление в законе легального определения лиц, участвующих в деле, не лишено целесообразности, поскольку отсутствие данной дефиниции порождает терминологические неточности, споры и противоречия.

Возникающие в доктрине и практике вопросы о правильном определении состава лиц, участвующих в деле – далеко не новелла российского законодательства. Участие определенных субъектов в судебном разбирательстве определяется, как правило, характером спорного материального правоотношения и наличием материально-правового интереса. При этом усматривается правовая коллизия в подходах вышестоящих судебных инстанций в отношении вопроса об определении состава участников судебного разбирательства. Согласно правовой позиции Верховного суда Российской Федерации, разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в процессе – право суда [5], в то же время Конституционный суд Российской Федерации в своем постановлении указывает на обязательный характер данного действия для судебного органа [6]. На наш взгляд, выявление правильного состава участников судебного разбирательства однозначно выступает первостепенной задачей российского правосудия, следовательно, необходимо положения, отраженные в текстах процессуальных кодексов трактовать исключительно как императив, обязывающий суд правильно вычислять участников судебного процесса.

КАС РФ раскрывает состав лиц, участвующих в деле, в главе 4. К их числу относятся: стороны; взыскатель и должник по административным делам о вынесении судебного приказа; заинтересованные лица; прокурор; органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц либо привлекаемые к участию в судебном процессе для дачи заключения по административному делу (ст. 37 КАС РФ).

Известно, что КАС РФ не так давно появился и закрепился среди иных процессуальных кодексов, и, на наш взгляд, данное «закрепление» не лишено практической значимости в силу специфики административного судопроизводства, которая отражается, в т.ч., и на составе лиц, участвующих в деле. Проводя сравнение с иными процессуальными кодексами следует отметить, что специфика КАС РФ в данном вопросе прослеживается в отсутствии третьих лиц, заявителей и заинтересованных лиц по делам особого производства (что характерно для гражданского и арбитражного процессов) и по «банкротным» делам (что свойственно арбитражному судопроизводству). Вместо таковых законодатель в п. 2 ст. 37 КАС РФ предусматривает «заинтересованных лиц».

В связи с этим вполне актуально рассмотреть существующую в юридической доктрине проблему неопределенности правовой природы заинтересованных в деле лиц в административном судопроизводстве. В данном направлении сложилось четыре основных подхода: 1) заинтересованные лица – это те, кто наделен правом на обращение в суд за судебной защитой; 2) это все лица, участвующие в деле; 3) заинтересованные лица – это лица, участвующие в деле, и занимающие самостоятельное процессуальное положение в зависимости от вида судопроизводства могут быть лицами, участвующими в особом производстве, в гражданском и арбитражном процессах, либо это заинтересованные лица в административном судопроизводстве; 4) заинтересованными лицами – это могут быть лица, которые в деле не участвовали, но права и обязанности которых были затронуты судебным решением.

На наш взгляд, правовая природа заинтересованных лиц в административном судопроизводстве тождественна правовой природе третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора в гражданском процессе, поскольку и те и те являются лицами, права которых могут быть затронуты при рассмотрении и разрешении дела, при этом данные лица выступают на стороне истца или ответчика, могут вступить в процесс по собственной инициативе/ инициативе суда/ инициативе лиц, участвующих в деле, к тому же данные субъекты не обладают распорядительными процессуальными действиями. В то же время нельзя полноценно утверждать об одноименности и однородности данных субъектов в силу специфики самого «спора» в административном судопроизводстве.

Возникает закономерный вопрос: «Чем руководствовался законодатель, исключив из текста КАС РФ третьих лиц, но включив при этом заинтересованных?». На наш взгляд, позиция законодателя обосновывается некоторыми факторами. Во-первых, если принять во внимание тот аспект, что самый первый проект КАС РФ 2003 года практически полностью дублировал нормы ГПК РФ (неудивительно, что проект так и не был одобрен) законодателю необходимо было внести «разнообразие» в текст нового процессуального Кодекса, ведь иначе можно было бы прийти к выводу о нецелесообразности «разножения» кодифицированных актов, отличающихся друг от друга лишь условным обозначением (названием) кодекса. Во-вторых, третьи лица в гражданском и арбитражном судопроизводствах могут иметь заинтересованность либо к предмету спора, либо к результату спора, но во всех случаях этот интерес является материальным (или производным от него). А, как известно, в административных делах нет классического спора о праве (в силу специфики спора в административном судопроизводстве), следовательно, и характер заинтересованности у заинтересованных лиц тоже «не классический», ведь, в сущности, материального интереса у данных лиц в административном судопроизводстве нет.

В п. 1.1 ст. 37 «административного процессуального закона» выделяется нетипичная для других кодексов категория лиц, участвующих в деле – взыскатель и должник, в чем, собственно, и проявляется еще одна особенность административного судопроизводства в аспекте исследуемого в работе вопроса. При этом вовсе не понятно чем руководствовался законодатель, разрабатывая данное положение, поскольку данные субъекты также имеются и в гражданско-процессуальном (п. 2-3 ч. 2 ст. 124 ГПК РФ [7]) и в арбитражно-процессуальном законодательствах (п. 2-3 ч. 2 ст. 229.3 АПК РФ [8]) в рамках приказного производства, однако ГПК РФ и АПК РФ не обособляют взыскателя и должника в ст. 34 ГПК РФ и ст. 40 АПК РФ, как это сделано в административном судопроизводстве. Мы полагаем, что указанное действие законодателя не имеет под собой конкретной цели, более того, данное выделение никак не прокомментировано в тексте пояснительной записки к проекту КАС РФ [9], и вполне возможно совершенно для того, чтобы внести определенное разнообразие в текст самого процессуального закона, поскольку достаточно многие положения КАС РФ дублируют и ГПК РФ и АПК РФ. Другие варианты обоснования данного выделения, к сожалению, в настоящий момент отсутствуют, в том числе и в юридической доктрине.

Стороны в административном судопроизводстве именуется как «административный истец» и «административный ответчик». Казалось бы, добавление слова «административный» перед словами «истец» и «ответчик», на первый взгляд, лишь нормотворческая прихоть законодателя, не имеющая под собой особой практической значимости. Однако, указан-

ный прием законодательной техники существенно отразился на деятельности представителей по административным делам в период начала введения в действия КАС РФ, поскольку доверенности, оформленные до 15.09.2015 года и не отражающие специальное полномочие на представление интересов именно «административного» истца или «административного» ответчика, не позволяли представителям в ряде случаев полноценно участвовать в административном судопроизводстве. Некоторые суды не признавали полномочия представителей и, соответственно, не допускали таких субъектов к участию в судебном процессе [10]. В связи с этим полагаем, что данный прием законодательной техники создан не просто с целью разграничения административного судопроизводства от иных видов судопроизводств, но и также обуславливается спецификой административного судопроизводства в целом, «переходом» дел, возникающих из публичных и иных административных правоотношений из положений ГПК РФ в новый процессуальный закон.

Специфика сторон в административном судопроизводстве, обособляющая его от арбитражного и гражданского, проявляется также в том, что ч. 2-5 ст. 38 КАС РФ дает полное определение данным субъектам, ч. 2-3 ст. 44 АПК РФ содержит небольшое указание на то, кто выступает в качестве истца и ответчика. ГПК РФ вовсе никак не определяет указанных лиц, при этом гражданско-процессуальный и арбитражно-процессуальный кодексы упоминают о том, что истец и ответчик пользуются равными процессуальными правами и обязанностями, в то время как КАС РФ не закрепляет данного положения. На наш взгляд, подход законодателя в данном вопросе имеет под собой положительное зерно, поскольку терминологическая определенность в данном аспекте безусловно важна для целей правоприменительной практики и юридической доктрины.

Характеризуя стороны, как отдельных лиц, участвующих в деле, необходимо также отразить специфику института соучастия в административном судопроизводстве. КАС РФ содержит положения об обязательном соучастии по отдельным категориям дел, в связи с чем суд самостоятельно вправе привлечь соучастников в дело. В ч. 4 ст. 41 КАС РФ отражено положение, дублирующее норму, содержащуюся в ч. 4 ст. 46 АПК РФ – соистцы вправе вступить в процесс до вынесения судом первой инстанции дела по существу. В ст. 40 ГПК РФ подобного положения не содержится. Следует отметить, что ч. 6 ст. 41 КАС РФ содержит положение, аналогичное ч. 7 ст. 46 АПК РФ о вынесении судом определение в результате вступления в дело процессуального соучастника. Однако, в ч. 6 ст. 41 КАС РФ законодатель делает акцент на том, что данное определение суда должно быть мотивировано. В то же время, положения ст. 40 ГПК РФ не регламентируют оформление вступления в дело соистца, соответчика или отказа в этом. В некогда данных разъяснениях ныне упрозженной вышестоящей судебной инстанции сказано, что процессуальный срок рассмотрения дела, установленный АПК РФ, начинает исчисляться заново с момента вынесения арбитражным судом определения о вступлении в дело соистца, о привлечении соответчика [11]. КАС РФ (ст. 41) устанавливает правило о необходимости осуществления подготовки административного дела к судебному разбирательству и разбирательства административного дела с самого начала, которая не применяется в случае ведения данного дела через представителя, действующего от имени всех административных истцов (административных ответчиков).

Институт процессуального правопреемства в административном судопроизводстве также содержит некоторые особенности. Так, если административным ответчиком по

административному делу выступает государственный властный орган, то, как правило, правопреемство в данном случае будет всегда. Также необходимо отметить отличительную для административного судопроизводства от гражданского судопроизводства особенность в институте ненадлежащего ответчика. Так, если ответчик признан ненадлежащим, и при этом истец не согласен на его замену, то суд по своей инициативе вправе привлечь для участия в деле второго ответчика, являющегося надлежащим.

Прокурор в административном судопроизводстве, как лицо, участвующее в деле, характеризуется двумя формами участия (что является традиционным в процессуальной доктрине). Во-первых, он вступает в процесс в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц, занимая, тем самым, процессуальное положение истца по всем правам и обязанностям. Во-вторых, прокурор вступает в процесс с целью дачи заключения по рассматриваемому делу. При этом специфика КАС РФ проявляется в отсутствии примерного перечня категорий дел, по которым прокурор выступает в процессе как истец, и по которым прокурор вступает в процесс с целью дачи заключения по делу, кодекс содержит лишь односложное указание «...в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами» (ч. 1,7 ст. 39 КАС РФ). В связи с чем можно сделать вывод о том, что такими категориями дел могут быть абсолютно любые.

Следует отметить, что фигура прокурора в административном судопроизводстве весьма неоднозначна. Положения административного процессуального закона позволяют сделать вывод о том, что прокурор выступает в судопроизводстве как непосредственно прокурор, т.е. инициирует возбуждение дела в суде и в случаях дачи своего заключения по делу, а так же как административный истец (ч. 2 ст. 38 КАС РФ). При этом необходимо отметить, что прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело уже понято к производству суда на основании его административного искового заявления (ч. 7 ст. 39 КАС РФ). Таким образом административное судопроизводство специфично в вопросе о возможности участия прокурора в деле одновременно в двух формах. Поскольку таковое участие действующим процессуальным административным законодательством не предусматривается.

Еще одной категорией лиц, участвующих в деле, в административном судопроизводстве являются такие лица, как государственные и муниципальные органы, другие органы, организации и граждане. Необходимость закрепления непосредственного участия и, следовательно, наделения публично-правовых образований процессуальной правоспособностью, в частности административной процессуальной, обусловлена созданием для граждан и организаций дополнительных гарантий реализации права на судебную защиту при определении административного ответчика и обеспечением надлежащей реализации права на судебную защиту для самих публично-правовых образований. Особенность данных участников обусловлена тем, что КАС РФ (ч. 1-3 ст. 40) в отличие от иных процессуальных кодексов более подробно раскрывает данный круг субъектов, путем непосредственного перечисления некоторых из них (Центральный Банк, Уполномоченный по правам человека, общественные объединения и другие).

Таким образом, лица, участвующие в деле, в административном судопроизводстве имеют определенную специфику, проявляющуюся от состава самих участников в целом, до особенностей процессуального статуса каждого из них – в отдельности.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ.
2. Кононцев Н. А. К вопросу о классификации субъектов гражданских процессуальных правоотношений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 122-125.
3. Артебякина Н. А. Теоретические и практические проблемы института лиц, участвующих в деле: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 23 с.
4. Мохов А. А., Воронцова И. В., Семенова С. Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / Отв. ред. А. А. Мохов. М.: ООО «Юридическая Фирма Контракт», 2017. 384 с.
5. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 г. № 11 // Российская газета. 2008. № 140.
6. По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 320, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2010 г. № 10-П // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
9. Пояснительная записка «К проекту Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, проектам федеральных законов «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2023).
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2023).
11. О процессуальных сроках: Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 25.12.2013 г. № 99 (ред. от 23.12.2021) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3.

БАКУЛИНА Ирина Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ИММУНОПРОФИЛАКТИКЕ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ*

Официальная статистика инфекционных заболеваний в России показывает, что по итогам прошлого года зафиксирован достаточно высокий уровень их распространённости, в том числе отнесённых к социально значимым. Для снижения уровня угроз национальной безопасности поставлена задача формирования эффективной системы профилактики таких заболеваний. Решение указанной задачи вменено в ответственность государственным органам федерального и регионального уровня, а также органам местного самоуправления. Однако из отчётных документов органов государственного управления в области здравоохранения следует, что такая система до настоящего времени не создана. Контрольно-надзорная деятельность Роспотребнадзора направлена в основном на выявление нарушений и привлечение к ответственности, в то время как вопросы иммунопрофилактики предполагают поиск баланса публичных и частных интересов в административно-правовом регулировании.

Ключевые слова: инфекционные заболевания, иммунопрофилактика, санитарно-эпидемиологическое благополучие человека, санитарно-эпидемиологическая служба.

BAKULINA Irina Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theoretical and public law disciplines sub-faculty of the Tyumen State University

PROBLEMS OF LEGAL PROVISION OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL WELFARE OF THE POPULATION AND ACHIEVING A BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN THE IMMUNOPROPHYLAXIS OF INFECTIOUS DISEASES

Official statistics of infectious diseases in Russia show that according to the results of last year, a fairly high level of their prevalence was recorded, including those classified as socially significant. In order to reduce the level of threats to national security, the task of forming an effective system for the prevention of such diseases has been set. The solution of this task is the responsibility of state bodies at the federal and regional levels, as well as local self-government bodies. However, it follows from the reporting documents of public administration bodies in the field of healthcare that such a system has not been created so far. The control and supervisory activities of Rospotrebnadzor are mainly aimed at identifying violations and bringing to justice, while the issues of immunoprophylaxis involve the search for a balance of public and private interests in administrative and legal regulation.

Keywords: infectious diseases, immunoprophylaxis, sanitary and epidemiological well-being of a person, sanitary and epidemiological service.

По официальным данным Роспотребнадзора в 2022 г. в России зарегистрировано 56997002 случая инфекционных и паразитарных заболеваний. В сравнении с 2021 годом рост заболеваемости составил 12 %. Вследствие роста заболеваемости экономический ущерб только от 33 самых распространённых инфекционных болезней составил около 1014,7 млрд рублей.

Распространение инфекционных заболеваний наносит существенный урон не только экономическому развитию страны, но и ухудшает демографическую ситуацию. Рост количества социально-значимых заболеваний, таких как туберкулез, ВИЧ-инфекция увеличивает смертность среди населения трудоспособного возраста, снижает рождаемость.

Появление новых инфекций, рост эпидемиологической значимости условно-патогенных микроорганизмов, увеличение частоты заболеваний, вызываемых инфекциями, у лиц

с иммунодефицитными состояниями, распространение инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи Указом Президента РФ «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» отнесены к угрозам национальной безопасности. Профилактика распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих, совершенствование системы государственного санитарно-эпидемиологического надзора обозначены в качестве приоритетных направлений развития здравоохранения.

В указанной Стратегии Президентом РФ поставлена задача формирования эффективной системы профилактики заболеваний, предусматривающей в том числе ответственность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья граждан.

Функции санитарной службы в России выполняет Роспотребнадзор. Итоги работы службы за 2022 год отражены в Докладе «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2022 году». Как следует из доклада, общая санитарно-эпидемиологическая ситуация за 2022 г. оценивается как устойчивая, контро-

Бакулина И. П.

* Статья подготовлена в рамках реализации и при поддержке совместного гранта РФФИ и Тюменской области № 20-411-720006 «Разработка системы стратегического планирования и развития регионального законодательства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия Тюменской области».

лируемая. Между тем отдельные показатели по инфекционным заболеваниям свидетельствуют о их росте по сравнению с предыдущим годом. Наиболее показательными инфекциями в этом отношении являются энтеровирусные инфекции – рост в 1,8 раза (в том числе энтеровирусный менингит – в 8,3 раза), а также стрептококковая инфекция – рост в 2,8 раза (в том числе скарлатина – в 3 раза).

Территориальные органы Роспотребнадзора готовят аналогичные публичные доклады. Так, например, в Докладе «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Тюменской области в 2022 году» отражён итоговый вывод о том, что за счёт применения контрольно-надзорных и профилактических мероприятий территориального органа удалось сохранить стабильную санитарно-эпидемиологическую обстановку и обеспечить санитарно-эпидемиологическое благополучие населения Тюменской области.

Однако некоторые численные показатели заболеваемости, особенно в сравнении с другими субъектами, а также с показателями предыдущих лет демонстрируют, что существуют угрозы санитарно-эпидемиологической безопасности. Так, в 2022 г. в Тюменской области рост заболеваемости отмечен по 38 нозологическим формам инфекционных болезней, в том числе заболеваемость ОРВИ выросла на 13 %, энтеровирусной инфекцией в 2,4 раза, стрептококковой инфекцией в 2,3 раза, клещевым энцефалитом в 4,6 раза. Общая заболеваемость инфекционными болезнями была выше уровня 2021 года на 33 %.

Как показывает отчёт центрального федерального органа, самая высокая заболеваемость острыми инфекциями верхних дыхательных путей множественной и неуточненной локализации выявилась в Ямало-Ненецком автономном округе, где был зарегистрирован рост в полтора раза по сравнению с прошлым годом. Тюменская область в данном антирейтинге заняла 4 место с ростом заболеваемости в 1,7 раза по сравнению с прошлым годом. Ханты-Мансийский автономный округ - Югра занял 10 место с ростом в полтора раза по сравнению с прошлым годом.

Тюменская область находится на втором месте среди всех субъектов РФ по уровню заболеваемости внебольничными пневмониями в 2022 году. На этом общем фоне снижение заболеваемости внебольничными пневмониями в 2,8 раз в сравнении с 2021 г., отражённое в региональном отчёте, уже не выглядит оптимистично.

Снижение выявленной первичной заболеваемости ВИЧ на 4,9 % по сравнению с 2021 годом также не внушает большого оптимизма. Поскольку показатель поражённости инфекцией в Тюменской области даже с учётом исключения умерших составляет 1 070,5 на 100 тыс. населения.

Роспотребнадзором в качестве приоритетной задачи регионального уровня на 2023 год определено усиление информирования населения по вопросам иммунопрофилактики для повышения эффективности предупреждения распространения инфекционных заболеваний, управляемых средствами вакцинопрофилактики. В свою очередь Управлением Роспотребнадзора по Тюменской области запланировано продолжение информационной кампании о приверженности граждан к профилактическим прививкам.

К сожалению, применение вакцинопрофилактики нередко вызывает негативную реакцию общественности, так как затрагивает различные интересы и права граждан, например, не исключает риск поствакцинальных осложнений и может повлечь ограничение права ребёнка на получение образования [4], [5].

В период высокого риска массового распространения инфекционных заболеваний ограничения, устанавливаемые государством в виде карантинных мер, необходимы для обеспечения безопасности. Но применение ограничительных мер на региональном уровне в период пандемии вызвало не только массовое недовольство населения, но и справедливую

критику многих учёных, так как вошло в противоречие с конституционными гарантиями прав и свобод граждан [2], [3].

При постановке государством вопросов обязательной вакцинации для возможности осуществления трудовой или учебной деятельности выявляется проблема дисбаланса публичных и частных интересов. Обострение противоречий между интересами личности и государства может негативно сказаться на авторитете закона, авторитете органов государственного управления и уровне правосознания граждан. Перед государством стоит задача поиска механизмов преодоления возникающих противоречий и достижения равновесия между публичными и частными интересами [1].

С точки зрения представителей врачебного сообщества многие граждане не проявляют адекватной настороженности в отношении опасных инфекционных заболеваний, недооценивают рисков для жизни и здоровья своих детей. Этому способствуют оптимистичные выводы в государственных докладах о том, что эпидемиологическая обстановка в регионе стабильная и особых проблем не выявлено. Подобные выводы не могут мотивировать население на принятие активных мер по вакцинопрофилактике в отношении себя и своих детей.

Таким образом, применения различных видов мер административного принуждения для эффективного обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения явно недостаточно. Сайты органов государственного управления в области здравоохранения и их территориальных подразделений должны предоставлять гражданам актуальную систематизированную аналитическую информацию с отражением реальных санитарно-эпидемиологических проблем, выявленных на конкретных территориях. Поэтому при подготовке государственных докладов о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения, особенно территориальными управлениями Роспотребнадзора, разделы о проблемных вопросах не должны быть формальными и занимать минимальное место в докладе, как это выглядило по состоянию на 2022 год. В свою очередь разделы о приоритетных задачах на региональном уровне должны разрабатываться с учетом актуальности санитарно-эпидемиологических проблем на конкретной территории. Планирование информационного взаимодействия с гражданами должно предполагать не только размещение научно-популярных материалов на сайте органа, но и реальные живые встречи граждан со специалистами в области вакцинопрофилактики.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В., Шмаева Т. А. Вакцинация населения: право, обязанность граждан или интерес государства // Закон и право. - 2021. - № 3. - С. 38-42.
2. Астафичев П. А. Проблемы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2021. - № 1 (89). - С. 42-53.
3. Бандурин А. П., Самыгин П. С., Сизова Н. М. Проблемы защиты конституционных прав и свобод граждан России в период пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 6. - С. 75-79.
4. Щепельков В. Ф., Оленников С. М. К вопросу о социальной обоснованности и конституционно-правовой оправданности принудительной вакцинации населения // Криминалистика. - 2020. - № 3 (32). - С. 28-36.
5. Ястребов О. А. Обязательная вакцинация: социальное благо или нарушение индивидуальных прав // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2022. - Т. 26. - № 1. - С. 210-235.

КУРБАНОВ Ахмед Рамилович

студент 2-го курса заочного платного отделения Юридического института при Дагестанском государственном университете по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция квалификационная степень магистр

ГИМБАТОВ Гамзат Мурадovich

студент 2-го курса заочного платного отделения Юридического института при Дагестанском государственном университете по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция квалификационная степень магистр

АКАЕВА Камила Тимурлановна

студент 2-го курса заочного платного отделения Юридического института при Дагестанском государственном университете по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция квалификационная степень магистр

ГАСАНАЛИЕВ Айгум Шапиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются общие проблемы развития исполнительной власти в Российской Федерации, описываются пути решения, даются рекомендации по улучшению уровня развития исполнительной власти в Российской Федерации.

Система исполнительной власти является одной из ключевых составляющих политической системы любого государства. Она играет важную роль в реализации законодательства, обеспечении стабильности и эффективного функционирования государства. В Российской Федерации, исполнительная власть имеет особое значение, взаимодействуя с законодательной и судебной властями для обеспечения реализации государственных политик и защиты интересов граждан.

Ключевые слова: исполнительная власть, коррупция, меры ответственности, государственные органы, система государственного управления.

KURBANOV Ahmed Ramilovich

student of the 2nd course of the extramural paid department of the Institute of Law of the Dagestan State University, majoring in 40.04.01 Jurisprudence, aiming for a Master's degree

GIMBATOV Gamzat Muradovich

student of the 2nd course of the extramural paid department of the Institute of Law of the Dagestan State University, majoring in 40.04.01 Jurisprudence, aiming for a Master's degree

AKAEVA Kamila Timurlanovna

student of the 2nd course of the extramural paid department of the Institute of Law of the Dagestan State University, majoring in 40.04.01 Jurisprudence, aiming for a Master's degree

GASANALIEV Aigum Shapievich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative, financial, and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

PROBLEMS OF EXECUTIVE POWER DEVELOPMENT. RECOMMENDATIONS FOR IMPROVING THE EXECUTIVE POWER SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the general problems of the development of the executive branch in the Russian Federation, describes the ways to solve them, and provides recommendations for improving the level of development of the executive branch in the Russian Federation.

The executive branch of government is one of the key components of the political system in any country. It plays an important role in implementing legislation, ensuring stability, and facilitating the effective functioning of the state. In the Russian Federation, the executive branch holds special significance as it interacts with the legislative and judicial branches to ensure the implementation of state policies and the protection of citizens' interests.

Keywords: executive power, corruption, accountability measures, government agencies, system of public administration.

В настоящее время, в Российской Федерации, исполнительная власть занимает важное место в системе власти и управления. Однако, существует ряд проблем, связанных с ее развитием, которые мешают эффективной работе государственных органов. В данной статье мы рассмотрим главные проблемы развития исполнительной власти в России.

Низкая квалификация чиновников

Одной из главных проблем на пути развития исполнительной власти в Российской Федерации является низкая квалификация чиновников. Низкий уровень квалификации чиновников в органах исполнительной власти является одной из проблем, с которой сталкиваются многие государства.

Это явление имеет серьезные последствия для эффективности и качества работы государственных органов и, в конечном итоге, для развития общества в целом. Важно отметить, что низкая квалификация чиновников не является результатом отсутствия высшего образования. Здесь речь идет о недостаточном уровне профессиональных знаний и навыков, а также отсутствии обновления знаний и поддержки их профессионального развития. Нередко они не знают или плохо знают законы, не умеют работать с информацией и технологиями, не способны решать сложные проблемы. Одной из основных причин низкой квалификации чиновников является неправильная система подбора и оценки персонала. Часто при на-

боре сотрудников в органы исполнительной власти не уделяется достаточного внимания опыту и знаниям, предпочтение отдается патронажу и связям. Это приводит к тому, что на должности попадают люди, не обладающие необходимыми навыками для эффективной работы. Выше сказанное в свою очередь ведет к замедлению и неэффективности работы государственных органов. Описанная проблема может быть решена с применением следующих мер, например:

1. необходимо улучшить систему подбора квалифицированных кадров, основываясь на прозрачности и заслугах.

2. государство должно создать условия для регулярно повышения квалификации чиновников через обучение и профессиональную переподготовку.

3. необходимо установить систему оценки профессионального качества работы чиновников и внедрить мотивационные программы, стимулирующие их профессиональное развитие.

3. Необходимо усилить либо же ужесточить внутренний контроль органа исполнительной власти.

Коррупция

Еще одной серьезной проблемой, связанной с развитием исполнительной власти, является коррупция. В России она широко распространена на различных уровнях управления, от муниципальных до федеральных. Основные причины ее возникновения в органах исполнительной власти являются: такие как недостаточная прозрачность, неполноценные системы социального контроля, низкая заработная плата и отсутствие этического сознания. Коррупция приводит к несправедливому распределению ресурсов, ухудшению качества работы государственных органов, приводит к неравенству и разрушению доверия граждан к государственным институтам. Важным аспектом борьбы с коррупцией является предупреждение и преодоление этой проблемы, а также применение следующих мер:

1. Прежде всего, следует улучшить прозрачность деятельности органов исполнительной власти. Это может быть достигнуто путем введения электронных реестров, где будут отражены все процедуры и решения, принятые органами. Это позволит гражданам и экспертам отслеживать течение документооборота и контролировать его законность.

2. Вторым шагом является укрепление независимости антикоррупционных органов. Необходимо обеспечить их финансовую и административную автономию, чтобы они могли эффективно расследовать факты коррупции и привлекать виновных лиц к суду. Кроме того, важно создать законы, гарантирующие защиту жалобщиков, чтобы они не сталкивались с угрозами и репрессиями со стороны коррумпированных должностных лиц.

3. Третьим шагом является повышение этичности и ответственности государственных служащих. Необходимо проводить регулярные учебные программы, которые помогут им осознать последствия своих действий и понять важность этических норм поведения. Введение обязательной этической аттестации перед возложением должности, а также контроль за соблюдением этических правил, поможет предотвратить коррупционные проявления среди госслужащих.

4. Наконец, необходимо обеспечить эффективное наказание за коррупцию. Судебная система должна функционировать беспристрастно и эффективно, чтобы обеспечить исполнение закона. Важно, чтобы коррумпированные должностные лица не оставались безнаказанными. Суровые наказания за коррупцию будут служить сдерживающим фактором и способствовать созданию честной и ответственной системы государственного управления.

Недостаточное финансирование

Еще одной проблемой, мешающей развитию исполнительной власти в России является недостаточное финансирование. Эта проблема оказывает негативное влияние на эффективность и качество предоставляемых государственных

услуг. Органы исполнительной власти, такие как министерства, департаменты и агентства, испытывают недостаток средств для осуществления своих функций и выполнения задач, возложенных на них. Часто государственным органам не выделяются необходимые средства на осуществление своей деятельности, что ведет к неэффективности и отставанию в вопросах модернизации и развития технологических возможностей.

В первую очередь, необходимо рассмотреть причины недостаточного финансирования в органах исполнительной власти. Одна из возможных причин - неправильное распределение бюджетных средств, когда слишком много средств направляется на определенные области или проекты, в то время как другие сферы не получают достаточного финансирования. Это может быть вызвано недостаточной учетной политикой или коррупцией в системе.

Другая причина - недостаток государственных доходов. В некоторых случаях экономические факторы, такие как рецессия или сокращение налоговых поступлений, могут привести к снижению финансирования органов исполнительной власти. Важно провести анализ этих факторов и разработать стратегии для повышения государственных доходов.

Чтобы решить проблему недостаточного финансирования в органах исполнительной власти, необходимо предпринять ряд мер.

1. Во-первых, важно разработать более эффективную бюджетную политику чтобы гарантировать справедливое распределение ресурсов между разными органами.

2. Во-вторых, важно предусмотреть механизмы контроля и аудита, чтобы предотвратить случаи ненадлежащего использования средств.

3. В-третьих, необходимо работать над повышением государственных доходов. Это может быть достигнуто путем улучшения налоговой системы, борьбы с коррупцией и стимулирования экономического развития.

Несовершенство системы управления

Система управления в России не признана эффективной, и ее необходимо модернизировать. Существует слишком много уровней управления, что затрудняет оперативное принятие решений. Кроме того, существуют ключевые области управления, которые занимает государство, но ее ресурсов не хватает на правильную работу и эффективное исполнение обязанностей. В современном обществе эффективное управление органами исполнительной власти является важным аспектом обеспечения стабильности и развития государства. Однако несовершенства в системах управления в органах исполнительной власти могут стать серьезным препятствием на пути к достижению успеха и решения общественных проблем. В данной статье мы рассмотрим некоторые из этих проблем и предложим возможные пути их решения.

1. Одной из главных проблем, с которой сталкиваются органы исполнительной власти, является недостаточная прозрачность в принятии решений и отсутствие обратной связи с обществом. Часто граждане и заинтересованные стороны не имеют возможности участвовать в процессе принятия решений или высказать свои мнения. Для решения этой проблемы необходимо внедрение механизмов публичной консультации и участия общественности в принятии ключевых решений. Такой подход поможет государственным органам получать обратную связь и учесть мнение граждан.

2. Еще одной проблемой является бюрократическая избыточность и сложность в системах управления. Часто процедуры и правила становятся излишне запутанными, что затрудняет эффективное функционирование государственных структур. Введение процессов автоматизации, цифровизации и упрощения процедур может помочь в решении этой проблемы. Также, важно оптимизировать бюрократические

процессы и сократить количество необходимых документов и разрешений.

3. Еще одним важным аспектом является недостаточная квалификация и компетентность сотрудников органов исполнительной власти. Часто они не обладают достаточными знаниями и навыками для эффективного выполнения своих обязанностей. Обучение и подготовка персонала должны стать приоритетом, чтобы обеспечить качественное исполнение государственной деятельности. Также, важно создать систему мотивации и стимулирования развития профессиональных компетенций сотрудников.

4. Кроме того, одной из проблем является недостаточное использование информационных технологий и современных инструментов управления. Внедрение эффективных IT-решений и использование цифровых платформ поможет улучшить процессы управления органами исполнительной власти, автоматизировать операции, обеспечить доступность информации и улучшить взаимодействие с общественностью.

Недостаток государственной жесткости в исполнительной власти

В России отсутствует механизм наказания серьезных проступков государственных служащих в исполнительной власти. Это часто приводит к проявлению коррупции или злоупотреблению должностными полномочиями. Необходимо проводить переориентацию от советов к правилам с жесткой ответственностью и наказанием за их нарушение. Эта проблема может привести к нарушению закона и порядка, коррупции, непродуктивности и неэффективности в государственном аппарате. Рассмотрим некоторые возможные пути решения этой проблемы.

1. Усиление правового регулирования: один из способов решения проблемы недостатка государственной жесткости в исполнительной власти - усиление правового регулирования. Важно создать четкие и строгие законы, которые определяют полномочия и обязанности должностных лиц. Также необходимо обеспечить независимость судебной системы, чтобы она могла наказывать нарушителей закона без вмешательства исполнительной власти.

2. Профессиональная подготовка и развитие государственных служащих: Необходимо инвестировать в профессиональную подготовку и развитие государственных служащих. Только высококвалифицированные и мотивированные специалисты смогут эффективно исполнять свои обязанности. В этом случае они смогут лучше противостоять коррупции и другим формам неправомерного поведения.

3. Использование информационных технологий: Современные информационные технологии могут значительно улучшить работу исполнительной власти. Создание единой информационной системы позволит автоматизировать процессы, упростить доступ к информации и сократить бюрократию. Также важно использовать программные решения, такие как например: chat GPT, чтобы получить быстрые и точные ответы на вопросы и проблемы, связанные с государственным управлением.

4. Расширение роли независимых институтов: Независимые институты такие как здравоохранение, образование и судебная система, играют важную роль в поддержании государственной жесткости. Поэтому следует рассмотреть возможность расширения их роли и компетенций, чтобы они могли контролировать и регулировать работу исполнительной власти.

Таким образом, мы рассмотрели главные проблемы развития исполнительной власти в России, такие как низкая квалификация чиновников, коррупция, недостаточное финансирование, несовершенство системы управления и недостаток государственной жесткости в исполнительной власти. Решение этих проблем является необходимым шагом для

повышения эффективности и авторитетности государственных органов в глазах граждан

За последние годы Россия провела значительную работу по совершенствованию системы исполнительной власти. Однако, помимо уже принятых мер, существует ряд рекомендаций по дальнейшему улучшению работы исполнительной власти в РФ, которые способствуют повышению эффективности и качества ее деятельности.

Первая рекомендация – улучшение системы государственного управления. Необходимо улучшить структурирование системы власти, а также оптимизировать деятельность всех государственных органов. Для этого может оказаться полезным объединение их функций и упрощение процедур, связанных с оказанием государственных услуг.

Вторая рекомендация – совершенствование управления государственными программами. Для более эффективной их реализации необходимо создать систему мониторинга, анализа и оценки эффективности программ. Также надо обеспечить возможность отзывать для исполнительной власти в случае нарушения рамочных условий программ.

Третья рекомендация – улучшение регулирования в сфере исполнения власти. Для этого можно провести реформу правовых норм, регулирующих деятельность исполнительной власти, а также определения процедур, которые позволят ускорить и упростить легализацию использования правовых актов для отдельных групп общества.

Четвертая рекомендация – совершенствование мер, направленных на увеличение ответственности исполнительной власти. Для этого необходимо разработать порядок взыскания штрафов и иных наказаний за нарушения, со стороны представителей исполнительной власти, а также улучшить контроль за их деятельностью в целом.

Пятая рекомендация – расширение возможностей гражданского общества для участия в улучшении работы исполнительной власти. Для этого необходимо проводить консультации, лекции и курсовые проекты для граждан, а также улучшить доступ граждан к информации обо всех аспектах работы системы исполнительной власти.

В целом, принятие этих рекомендаций скорее всего позволит улучшить работу системы исполнительной власти в РФ, повысить качество и эффективность ее деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев И. А., Станкевич Г. В., Цапко М. И., Свистанов А. А., Белявский Д. С., Хабибулина О. В. Административное право. Учебник. - М.: Проспект, 2020. - С. 199-205.
2. Алехин А. П. Практикум Административное право Российской Федерации. - М.: Зерцало, 2020. - С. 80-86.
3. Иванов Д. В. Административное право Российской Федерации. - М.: Издательский дом Университета «Синергия», 2020. - С. 73-77.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-148-149

ШМЕЛЕВ Иван Валерьевич

кандидат юридических наук, ассистент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

МУРАТОВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ АНГЛОСАКСОНСКИХ СТРАН

Представленное исследование обобщает полученные на протяжении 5 лет результаты изучения англосаксонской административной юстиции. В данной статье акцентируется внимание на особенностях судебного контроля в сфере публичной власти на примере англосаксонских стран. Рассмотрены наиболее характерные примеры из судебной практики, а также дается анализ правовых доктрин и действующих законов для более тонкого понимания специфики судебного контроля в данной правовой системе.

Ключевые слова: административная юстиция, англосаксонская правовая семья, административные трибуналы, судебный контроль за публичной администрацией, судебный пересмотр, доктрина пропорциональности.

SHMELEV Ivan Valerjevich

Ph.D. in Law, assistant of Administrative and financial law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

MURATOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FEATURES OF JUDICIAL CONTROL IN THE SPHERE OF PUBLIC POWER ON THE EXAMPLE OF ANGLO-SAXON COUNTRIES

The presented study summarizes the results of the study of Anglo-Saxon administrative justice obtained over 5 years. This article focuses on the features of judicial control in the sphere of public power on the example of Anglo-Saxon countries. The most characteristic examples from judicial practice are considered, as well as an analysis of legal doctrines and current laws is given for a more nuanced understanding of the specifics of judicial control in this legal system.

Keywords: administrative justice, Anglo-Saxon legal family, administrative tribunals, judicial control over public administration, judicial review, the doctrine of proportionality.

Суды не вправе оставлять без реагирования установленные при рассмотрении уголовных и гражданских дел факты бюрократизма, бесхозяйственности, разбазаривания имущества, а также другие правонарушения и недостатки в деятельности предприятий, учреждений, организаций и отдельных должностных лиц, оказывающие отрицательное влияние на состояние законности¹.

Стандарты административной деятельности, применяемые судами, будут варьироваться в зависимости от предмета спора и вида интересов, о которых идет речь.

Суды играют законную роль в том, чтобы требовать от лиц, принимающих решения, обоснования установленных ими приоритетов.

При этом надо учитывать, что чем больше политическое содержание решения и чем более далек предмет решения от обычного судебного опыта, тем более нерешительно суд будет считать решение не законным.

1. По сути, конечная роль судов заключается в том, чтобы выступать в качестве механизма контроля качества принятия административных решений, реализуя необходимость восстановления баланса между администрацией и гражданином через суд.

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 1 сентября 1987 г. О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений (в редакции постановлений Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11 и от 6 февраля 2007 г. № 7.

Например, в Соединенных Штатах судебный контроль относится к полномочиям суда рассматривать действия органов государственного сектора с точки зрения их законности, или проверять конституционность закона или договора, или пересматривать административный регламент на предмет соответствия закону, договору или Конституции².

Однако ряд факторов, связанных с различиями в структуре и роли между правовыми системами США и РФ, препятствуют успешному пониманию особенностей и нюансов. Особое значение имеют положения о надлежащей правовой процедуре и равной защите. В США развитие прав может быть прогрессивным интересом общества, привлекающим конституционную защиту. Более того, надзорные суды Соединенных Штатов гораздо более опытные и квалифицированы в рассмотрении социальных последствий решений и вопросов, касающихся более широких общественных прав. Такие правовые механизмы, как Brandeis или Amicus Brief, позволяют проводить более сложные прения.

Amicus curiae – это лицо, которое не является стороной в деле. Оно помогает апелляционному суду, предлагая дополнительную, относящуюся к делу информацию или аргументы, которые суд, возможно, пожелает рассмотреть до вынесения своего решения. Фраза «amicus curiae» по-латыни означает «друг двора». Сводки Amicus – сокращение от официального термина “сводки amicus curiae” – это юридические сводки, поданные в апелляционные суды amicus curiae.

2 См.: Administrative Procedure Act (5 U.S.C. Subchapter II). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archives.gov/federal-register/laws/administrative-procedure>.

Они представлены по конкретному рассматриваемому делу. По сути, они показывают суду, что его окончательное решение повлияет не только на стороны, но и на других людей.

Сводки Amicus подаются людьми, которые обычно занимают позицию одной из сторон в деле, в процессе поддерживают причину или аргументы, которые имеют некоторое отношение к предмету спора. Группы, которые с наибольшей вероятностью подадут сводки amicus, – это предприятия, ученые, государственные учреждения, некоммерческие организации и торговые ассоциации.

В США средства правовой защиты, как правило, более эффективны. И наконец в нашей конституционной системе существуют ограничения на использование правовых методов для осуществления социальных изменений, если правительство выступает против.

В контексте законодательства Соединенного Королевства термин «судебный пересмотр» относится к полномочиям судебной власти осуществлять надзор за деятельностью государственных органов на основе норм и принципов публичного права, которые определяют основания судебного пересмотра. Это касается полномочий судей проверять и контролировать деятельность и решения правительственных органов, трибуналов, судов нижней инстанции [1].

Судебный контроль является основополагающим механизмом для удержания государственных органов в должных рамках и поддержания верховенства закона [2, р. 33-34].

2. Принципы пропорциональности, равенства, определенности и ряд процессуальных прав, разработанные Европейским судом, могут быть адаптированы и к нашей системе.

Уэйд и Форсайт заявили, что в законодательстве ряда европейских стран существует «принцип пропорциональности», который предписывает, что административные меры не должны быть более радикальными, чем это необходимо для достижения желаемого результата [2, р. 366].

Концепция пропорциональности берет свое начало в гражданском праве континентальной Европы:

1. Законодательная цель достаточно важна, чтобы оправдать ограничение основного права;

2. Меры, разработанные для достижения законодательной цели, рационально связаны с ней; и

3. Средства, используемые для ущемления права или свободы, не превышают того, что необходимо для достижения цели³.

У данной доктрины есть несколько особенностей с точки зрения ее эффективности по отношению к правилам обычного судебного пересмотра административных решений.

Во-первых, доктрина пропорциональности может потребовать от суда, проводящего пересмотр, оценки баланса, достигнутого лицом, принимающим решения, а не просто того, находится ли само решение в диапазоне рациональных или обоснованных решений.

Во-вторых, критерии пропорциональности может выходить за рамки традиционных оснований для пересмотра, поскольку они могут потребовать обратить внимание на относительный вес, придаваемый интересам и соображениям сторон.

В-третьих, интенсивность воздействия данного принципа на процедуру судебного пересмотра гарантируется двойными требованиями о том, что ограничение права было необходимо в демократическом обществе, в смысле удовлетворения насущной социальной потребности, и вопрос о том, действительно ли вмешательство было соразмерно преследуемой законной цели [3].

Соразмерность была принята Высоким судом Австралии в качестве критерия конституционной законности в отношении определенных решений глав ветвей власти. Однако она не была одобрена в качестве независимого критерия действительности подзаконных актов.

3. Тем не менее, вопрос о том, какие органы должны быть вовлечены и какие решения подлежат судебному пересмотру, часто формулируется в терминах разделения публичной и частной процедур, что является одним из наиболее неразрешенных вопросов в публичном праве.

Также необходимо провести различие между решениями, касающимися политики (возможные варианты и их принятие), и осуществлением этих политических решений (администрированием). Поскольку суды как правило воздерживаются от вмешательства в политические решения, трудность заключается в определении того, является ли решение вопросом политики или нет.

К примеру, суды будут неохотно вмешиваться, если на самом деле оспаривается распределение ресурсов; это также рассматривается как вопрос политики. Ответственность за халатность в данном случае может косвенно повлиять на распределение ресурсов и фактически помешать государственным органам осуществлять важные предусмотренные законом полномочия.

Однако аргументация, лежащая в основе судебных решений, заключалась бы в том, что возможность использования средств правовой защиты публичного права должна регулироваться ссылкой на характер функций, выполняемых лицом, принимающим решения, а не исключительно ссылкой на источник его полномочий.

Даже будучи частью системы государственных органов, орган может действовать как в публично-правовом, так и в частно-правовом поле [4].

Поскольку граница между публичным и частным является нечеткой и эволюционирующей, решающим фактором при принятии решения о том, должны ли те, кто будет затронут, пользоваться защитой публичного права, должен быть характер деятельности, а не характер органа.

В принципе, можно выделить два критерия отнесения спора к публичному: имеется ли публичный интерес в данном деле и защищен ли он частно-правовыми средствами [5]?

4. Обязанность и юрисдикция судов по пересмотру административных действий не должна выходить за рамки применения закона, который определяет пределы и регулирует осуществление полномочий органа. Если, поступая таким образом, суд избегает административной несправедливости или юридической ошибки, пусть будет так; но суд не обладает юрисдикцией просто устранять административную несправедливость или ошибку самостоятельно.

При этом, с технической точки зрения бремя доказывания лежит на заявителе, но ответчику придется предоставить больший или меньший объем доказательств относительно того, какие факторы были или не были учтены и как они повлияли на решение.

Таким образом, в целом, хотя суды, осуществляющие судебный контроль, могут не вмешиваться в существо решения, это не ограничивает административную юстицию исполнительной властью. Нарушение стандартов судебного надзора рассматривается судами как ведущее к административной несправедливости, форме юридической ошибки, по которой они действительно могут принять соответствующее решение.

Приставленный библиографический список

1. Cumper Peter & with Walters Terry, *Constitutional & Administrative Law* // Oxford University Press, 2001. – P. 291.
2. Wade H. W. R. & Forsyth C. F. *Administrative Law* / 9th ed. – Oxford University Press, 2004.
3. Attorney General (NCSW) v Quin (1990) 170 CLR at 35-36 per Brennan J Justice McClellan. – P. 16.
4. Bamforth N. The public law–private law distinction: a comparative and philosophical approach, in Leyland, P and Woods, T (eds) // *Administrative Law Facing the Future: Old Constraints and New Horizons*. – 1997, London: Blackstone.
5. Cranston. 'Reviewing judicial review', in Richardson and Genn (eds), *Administrative Law and Government Action*, 1994.

3 См. de Freitas v Permanent Secretary of Ministry of Agriculture, Fisheries, Lands and Housing [1999] 1 AC 69 at 80.

БАШИЛОВ Борис Игоревич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, старший партнер юридической фирмы «Башилов, Носков и Партнеры»

ОЛЕЙНИК Антон Денисович

студент Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ И ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК С ПРЕДПОЧТЕНИЕМ*

В статье авторы анализируют законодательные положения, научные работы, связанные с правовым регулированием сделок, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами, выявляют проблемы современного подхода к оспариванию сделок.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок должника, сделки с предпочтением, судопроизводство, арбитражный процесс.

BASHILOV Boris Igorevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

OLEYNIK Anton Denisovich

student of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROCEDURAL AND LEGAL FEATURES OF ESTABLISHING THE SUBJECT OF EVIDENCE AND CHALLENGING PREFERENTIAL TRANSACTIONS**

In the article the authors analyze the legislative provisions, scientific works related to the legal regulation of transactions entailing giving preference to one of the creditors to other creditors, identify problems of modern approach to the challenge of transactions.

Keywords: bankruptcy, disputing debtor transactions, preferential transactions, court proceedings, arbitration process.

Порядок удовлетворения требований кредиторов, признанных таковыми в порядке арбитражного производства при рассмотрении дел о несостоятельности, является неотъемлемым компонентом достижения целей процедуры банкротства при условии признания лица должником.

Нарушение законодательного порядка удовлетворения требования с точки зрения арбитражного процесса возможно в исключительных случаях, когда такие требования будут соответствовать критериям разумности и необходимости сохранения баланса публичных и частных интересов как, например, когда прекращение деятельности должника-организации или ее структурных подразделений может повлечь за собой техногенные и/или экологические катастрофы либо гибель людей или когда, например, «прекращение (или снижение объема ниже минимально необходимого для безопасного состояния опасного производственного объекта) поставки энергоресурсов по договору, ранее заключенному в рамках обычной хозяйственной деятельности должника, может создать реальную угрозу возникновения техногенной и (или) экологической катастрофы либо гибели людей, что предполагает оплату энергоресурсов поставщику вне очереди преимущественно перед любыми другими требованиями кредиторов по текущим платежам»¹: такие требования погашаются вне

очереди преимущественно перед любыми другими требованиями кредиторов по текущим платежам также погашаются расходы на проведение мероприятий по недопущению возникновения таких последствий (п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве).

Примечательно, что все неустраимые сомнения по вопросу наличия или отсутствия негативных факторов, которые могут возникнуть вследствие удовлетворения в преимущественном порядке таких требований применительно к опасным производственным объектам, должны толковаться в пользу их наличия².

По причине недопустимости нарушения законодательного порядка удовлетворения требований кредиторов существует механизм, препятствующий совершению действий как со стороны должника, так и со стороны его контрагента, позволяющий создать необходимые условия с целью препятствия совершения таких сделок, которые в результате их исполнения или заключения несправедливым образом нарушат порядок удовлетворения требований кредиторов – такой механизм именуется оспариванием сделок, влекущих за

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 № 4-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDecision581535.pdf> (дата обращения: 13.03.2023).

2 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.11.2022 № Ф05-16262/2016 по делу № А40-242524/2015. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b4176843-10ba-4984-b90c-9f5a9e30c5ff/afb40038-a494-4cf8-ab64-d6437cd59e96/A40-242524-2015_20221103_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.03.2023).

собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами.

С учетом смысла, придаваемых в ходе правоприменительной деятельности удовлетворение требований основывается на двух принципах: принципе равенства кредиторов в праве на удовлетворение заявленных требований, а также принципе очередности прав кредиторов на удовлетворение заявленных требований. На первый взгляд эти два принципа являются противопоставимыми, однако разделение на порядок удовлетворения требований по текущим платежам и общий порядок удовлетворения требований является проявлением необходимости создания условий для справедливого обеспечения экономических и юридических интересов всех кредиторов, в том числе лиц, в отношении которых необходимо введение дополнительных гарантий (например, трудовых), так и в целях наиболее полного удовлетворения требований кредиторов. Такое разграничение в конечном итоге направлено на предоставление таким кредиторам равных правовых возможностей ввиду недостаточности имущества должника для справедливого его распределения между кредиторами³.

Существование иного порядка удовлетворения требований кредиторов не отвечало бы критериям соразмерности, так как в таком случае позволяло бы выводить имущество из конкурсной массы недобросовестным должникам и их контрагентами с помощью заключения выгодных для таких сторон сделок.

В юридической доктрине такой вид сделок именуется «сделки с предпочтением», что полноценно раскрывает содержание термина и не требует дальнейшего раскрытия содержания определения.

В рамках рассмотрения термина сделки необходимо отметить следующее: в контексте данной публикации понятие «сделка» следует толковать расширительно. Ограничительное толкование не соответствовало бы целям и задачам института оспаривания сделок в целом как самостоятельного и достаточно обширного института и выводило бы большинство действий, направленных на изменение порядка удовлетворения требований кредиторов, вне процедуры оспаривания сделок по специальным основаниям.

Аналогичный подход при определении рамок понятия «сделки» в процедуре банкротства, а также вне ее предпринимается высшей судебной инстанцией в лице Верховного Суда Российской Федерации⁴.

Законодательно определен ряд критериев, по которым сделка может быть оспорена как совершенная с предпочтением:

- сделка совершена с целью нарушения порядка удовлетворения требований кредиторов и была совершена до

возникновения обязательств перед такими иными кредиторами;

- сделка привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки или момент исполнения обязательства по сделке наступил позже, чем по иным сделкам с другими кредиторами, но был исполнен;

- сделка привела к тому, что отдельному кредитору оказано или может быть оказано большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности в соответствии с законодательством о банкротстве.

Отличительной особенностью данного вида сделок является то, что ее совершение должно быть произведено после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом: в таком случае стоит разграничивать момент заключения и исполнения сделки, ведь заключение сделки не всегда сопровождается ее одномоментным исполнением. Только в данный период совершения сделки по общему праву является оспоримой по основаниям, указанным в п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве, однако в некоторых случаях, предусмотренных законом, при установлении судом осведомленности другой стороны по сделке о признаке неплатежеспособности (недостаточности имущества) или обстоятельствах, позволяющих сделать вывод о наличии таких признаков, такой срок может составлять шесть месяцев.

Следует отметить, что срок на оспаривание таких сделок исчисляется с момента, когда первоначально утвержденный внешний или конкурсный управляющий (или лицо, его заменяющее) узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания такой сделки.

В отношении существования такого метода стоит отметить, Ковалев С. И. указывает на наличие «прокредиторского» подхода в ущерб принципу законности при исчислении срока давности, когда суды в качестве начала течения таких сроков используют дату введения конкурсного производства или внешнего управления [1, с. 70].

Стоит отметить, что указанные сделки, формально соответствующие признакам оспоримости, не могут быть оспорены в том случае, если такая сделка была совершена в период обычной хозяйственной деятельности и, если размер встречного исполнения должником не превышает один процент стоимости активов должника, определяемой на основании бухгалтерской отчетности должника за последний отчетный период.

Такая отчетность должна отражать действительное финансовое положение экономического субъекта, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период, по общему правилу составляемая ежегодно. Соответственно, установлена презумпция достоверности бухгалтерской отчетности должника, когда в бухгалтерской отчетности должника должна быть отражена действительная стоимость чистых активов общества⁵.

3 Определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 1951-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Инвест-аудит» на нарушение его конституционных прав абзацем третьим пункта 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision632503.pdf> (дата обращения: 13.03.2023).

4 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400312/ (дата обращения: 17.03.2023); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 17.03.2023).

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25814/ (дата обращения: 18.03.2023).

К примеру, типовым предметом доказывания является также то обстоятельство, что сделка была совершена за пределами обычной хозяйственной деятельности должника. Однако само бремя доказывания совершения сделки вне обычной хозяйственной деятельности должника лежит на заявителе. Обязывание доказывания факта добросовестности или будь то совершения сделки вне обычной хозяйственной деятельности являлось бы недопустимым с точки зрения поддержания баланса сторон спора в арбитражном процессе и нарушало бы процессуальные права сторон процесса⁶. Стоит понимать, что под отрицательным фактом понимается не то, что какого-либо события не было, а то, что такое событие не может подлежать принудительному доказыванию в противовес интересам этой стороны, так как это будет являться невыгодным обстоятельством для стороны ввиду его противоположной позиции по спору, соответственно данные факты не могут быть включены в предмет доказывания [2, с. 778]. Что для одной стороны является отрицательным фактом, то для другой - положительным, на основании чего должно происходить возложение обязанности по доказыванию судом.

Соответственно, при оспаривании сделок по основанию превышения встречного исполнения законодательно установленного порога, не исключена возможность параллельного оспаривания финансовых показателей бухгалтерской отчетности должника.

Необходимым элементом доказывания является установление наличия признаков предпочтительного удовлетворения требований одного кредитора перед другими кредиторами должника, без чего оспаривание сделки недопустимо, так как не будет установлена материально-правовая связь между основанием недействительности, а также требованием заявителя в связи с тем, что не будет установлен факт наличия таких кредиторов, перед которыми было оказано предпочтение другому лицу⁷.

Согласно общепринятому подходу, арбитражные суды при квалификации сделки как сделки с предпочтением устанавливают наличие иных кредиторов должника. Наличие или отсутствие иных кредиторов может быть установлено на основании реестра требований кредиторов [3, с. 106].

В перечень юридически значимых обстоятельства при оспаривании таких сделок также необходимым для установления является то, что было ли оказано предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования в противовес принципу очередности по сравнению с иными кредиторами должника, а также должно ли лицо, получившее исполнение, было знать о недостаточности имущества должника в обусловленный период по некоторым категориям сделок⁸.

Примечательно, что не всегда установление недобросовестности является необходимым для оспаривания сделки: если такая сделка была совершена после принятия судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия судом заявления о признании должника банкротом, то для признания ее недействительной не требуется установление иных обстоятельств, свидетельствующих, например, о недобросовестности стороны⁹. Так, к примеру, могла быть осуществлена банковская операция, направленная на погашение задолженности по очередному платежному периоду, однако в силу необходимости соблюдения принципа очередности такая банковская операция может быть оспорена как совершенная с предпочтением, хотя лицо, получившее исполнение не знало о недостаточности имущества, необходимого для погашения ко всем обязательствам перед другими кредиторами, а в случае осведомленности о такой признаке после удачного оспаривания такой сделки заявителем обязательства между должником и контрагентом подлежат прекращению полностью или частично, что означает полную ликвидацию юридической связи между сторонами этого обязательства по таким сделкам [4, с. 136] и не предоставляет право на судебную защиту такой стороны.

Приставленный библиографический список

1. Ковалев С. И. Отдельные проблемы оспаривания в рамках процедуры банкротства сделок «с предпочтением» // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2014. - С. 67-74.
2. Кадлец В. А., Зеленская Л. А. К вопросу о доказывании отрицательных фактов // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. - 2017. - С. 778-779.
3. Сысоева О. В. Сделки с предпочтением: проблемы правоприменения // Вестник Омского университета. Серия: право. - 2013. - С. 105-111.
4. Панченко П. В., Фролова Е. Е. Реализация принципа содействия сторон при прекращении обязательства и после прекращения // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - № 4. - С. 136-142.
- 6 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017)». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219925/ (дата обращения: 17.03.2023).
- 7 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 301-ЭС20-21102(2) по делу № А43-6209/2019. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2220cb7c-fe76-4578-9845-72183f8732e3/cc714703-4cb7-47e9-a326-7b039a5baa40/A43-6209-2019_20221219_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.03.2023).
- 8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2022 № 305-ЭС22-188(4) по делу № А41-87429/2019. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e53dobe-0667-4d80-837e-5d80caaca85d/a7b240bb-24d7-4b6f-83bb-2f8ca1d5f8cb/A41-87429-2019_20221207_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.03.2023).
- 9 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923/ (дата обращения: 17.03.2023).

ЛЕЙС Александр Владимирович

аспирант кафедры муниципального права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОРИЕНТИРЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

В условиях проводимой в стране муниципальной реформы и неопределенности с будущими характеристиками организационных основ местного самоуправления необходимо обратиться к практике Конституционного Суда РФ, который уже сейчас способен определить ориентиры для реформирования местного самоуправления в России. Автор исследует ряд актов конституционного контроля за период 2020-2023 годы, принятых уже в новых конституционных условиях, и поднимает ряд актуальных для данной сферы проблем, с которыми придется столкнуться в ходе муниципальной реформы.

Ключевые слова: местное самоуправление, единая система публичной власти, Конституционный Суд РФ.

LEIS Aleksandr Vladimirovich

postgraduate student of Municipal law sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Лейс А. В.

GUIDELINES FOR MUNICIPAL REFORM IN THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the conditions of the municipal reform being conducted in the country and the uncertainty regarding the future characteristics of the organizational foundations of local self-government, it is necessary to refer to the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, which is already capable of defining guidelines for the reform of local self-government in Russia. The author examines a series of acts of constitutional control during the period from 2020 to 2023, adopted under the new constitutional conditions, and raises a number of relevant issues for this sphere that will have to be faced during the municipal reform.

Keywords: local self-government, unified system of public power, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Введение.

Местное самоуправление относится к одной из важнейших основ конституционного строя Российской Федерации. В условиях федеративного устройства нашего государства система местного самоуправления является наивысшей формой народовластия. Об этом, например, писал судья Конституционного Суда РФ (далее – Суд / КС РФ) А. Н. Кокотов в своем особом мнении на постановление КС РФ № 30-П 2015 года, называя его третьим уровнем федерализма [1].

Данный правовой институт является одним из наиболее проблемных в российской правовой системе, что обусловлено многими причинами, среди которых, в частности, отсутствие сложившейся за столетия существования государства устойчивой модели местного самоуправления. На всей протяженности истории он переживал неоднократные изменения, ряд из которых носили революционный характер и не учитывали весь накопленный опыт [3, с. 30].

На сегодняшний день местное самоуправление в России переживает очередной виток реформирования, отправной точкой для которого стала конституционная реформа 2020 года. Она внесла изменения в конституционные гарантии территориальной организации, сделала акцент на более тесном взаимодействии органов публичной власти и воздействии органов государственной власти на органы местного самоуправления, например путем расширения возможностей участия первых в формировании последних. Знаковым здесь стало введение в конституционный текст категории «единая система публичной власти», вокруг которой возникло множество споров в научной среде, ряд исследователей посчитали это мерой по ограничению самостоятельности органов местного самоуправления.

Следующим шагом стало принятие ряда законодательных актов, среди которых законы о Государственном совете РФ, об организации единой системы публичной власти в субъектах РФ.

В настоящее время на рассмотрении Государственной Думы РФ находится проект нового базового закона об организации местного самоуправления в России. Ввиду наличия множества противоречий данный законопроект в настоящий момент заморожен в целях проработки текста. Сложность в принятии обусловлена тем, что данный закон предлагает полное изменение территориальной организации местного самоуправления, изменение статусов органов местного самоуправления и выборных должностных лиц, их полномочий.

В этой связи важно исследовать актуальную практику Конституционного Суда РФ, которая может стать ориентиром для федерального и региональных законодателей в вопросах организации местного самоуправления в России в целом и в каждом отдельном субъекте РФ.

Наиболее знаковые позиции КС РФ датируются началом 2000-х, последнее фундаментальное постановление в сфере местного самоуправления было принято в 2015 году, однако принимались они в условиях другого содержания Конституции РФ. Встает вопрос – останутся ли прежние правовые позиции Суда актуальными или будут изменены им в новых судебных актах. Особенно это относится к вопросам территориальной организации, пределах участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, применения институтов прямой демократии и взаимодействия органов публичной власти в рамках единой системы.

Анализ практики КС РФ в период 2020 – 2023 гг.

В 2020 году было принято несколько знаковых судебных актов, первым из которых стало Заключение КС РФ от 16.03.2020 № 1-3, в котором Суд разъяснил сущность категории публичной власти, в основе которой лежит принцип народовластия, местное самоуправление выступает неотъемлемой частью публичной власти, как одна из форм осуществления народом своей власти, а органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти и взаимодействуют с органами власти других уровней в интересах граждан и общества¹.

К сожалению, федеральный законодатель не воспроизвел в последующих за этим нормативных актах центральное место граждан в единой системе публичной власти, а свел данную кате-

1 Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета, № 56, 17.03.2020.

горию лишь к органам власти. Представляется, что целесообразнее было бы ввести понятие единой системы органов публичной власти, являющейся важной, но не единственной составляющей единой системы публичной власти в целом [2, с. 243].

В рассматриваемый период большое внимание в практике КС РФ уделяется институту прямых выборов и избрание должностных лиц местного самоуправления в целом.

Интерес вызывает Постановление от 23.10.2020 № 43-П, в котором Суд рассматривал противоречивую правоприменительную практику, складывающуюся во многих регионах. Так, избирательные комиссии отказывали в регистрации списков кандидатов от политических партий в том случае, если голосование производилось не за весь список, а за каждого кандидата по отдельности. Кроме того, пакет документов, который обязана предоставить политическая партия в избирательную комиссию должен был включать приложение со списком кандидатов. На предоставление такого приложения становилось основанием для отказа в регистрации списка кандидатов. Конституционный Суд РФ указал, что подобная практика является необоснованным ограничением электоральной политической конкуренции, а также социальным необоснованным ограничением прав граждан. Суд обосновал это тем, что избирательная комиссия отказывает в регистрации списка кандидатов по формальным основаниям, в то время как уже обладает сведениями, отражаемыми в приложении².

Постановлением от 12 марта 2021 года № 6-П КС РФ дал оценку конституционности пункта 11 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Указанная норма была признана не противоречащей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она обязывает избирательную комиссию равным образом по отношению ко всем кандидатам осуществлять в установленный законом срок проверку представленных ими документов и в указанных случаях извещать кандидатов об установленных недостатках. Также определен конституционный смысл данного положения закона для случаев, когда кандидатом при регистрации на выборах изначально представлены недостоверные сведения. Если избирательная комиссия не известит заинтересованных лиц, это обстоятельство исключает отмену решения избирательной комиссии о регистрации кандидата.

Необходимо также упомянуть Постановление от 23 ноября 2021 года № 50-П, в котором Суд дал оценку конституционности пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³. Данная норма позволяла главе муниципального образования, избранного из состава прежнего представительного органа, находиться в должности и после избрания нового состава представительного органа, при условии, что вновь избранные депутаты не смогли преодолеть барьер в 2/3 голосов. Такая ситуация фактически препятствовала сменяемости публичной власти на территории муниципального образования. Таким образом, муниципалитеты должны предусмотреть механизмы временного замещения должности главы муниципального образования иным лицом.

В 2022 году сложно выделить Постановления КС РФ, которые вносят существенный вклад в развитие местного самоуправления. В то же время в первой половине 2023 года мы можем наблюдать сразу несколько важных судебных актов.

Наибольший интерес вызывает недавнее Постановление КС РФ от 30.05.2023 № 27-П, в котором Суд провел большое исследование взаимоотношений органов публичной власти различных уровней в рамках единой системы. В частности, Суд пришел к выводу, что по вопросам совместного ведения РФ и субъектов РФ муниципальные образования не должны быть единственным фактическим исполнителем законодательных предписаний (а скорее пробелов) и нести всю материальную ответственность за счет средств местного бюджета. Федеральные и региональные органы государственной власти должны содействовать органам

местного самоуправления в реализации общегосударственных целей, в том числе путем софинансирования реализуемых полномочий или возмещения расходов на их реализацию⁴.

Также можно отметить Определение КС РФ от 28.02.2023 № 252-О, согласно которому население субъекта РФ имеет право путем референдума определить способ избрания главы муниципального образования, являющегося административным центром субъекта РФ. Суд пришел к выводу, что сложившаяся правоприменительная практика, в соответствии с которой порядок избрания определялся только на основании закона субъекта РФ не соответствует Конституции РФ и действующему законодательству, необоснованно ограничивает конституционное право граждан на участие в управлении делами государства⁵.

Вывод.

Резюмируя, можно прийти к выводу, что местное самоуправление и его отдельные элементы занимают важное место в практике Конституционного Суда РФ. Кроме того, именно КС РФ зачастую определяет направление реформирования данного института и противопоставит правоприменительной практике, которая противоречит Конституции РФ.

Местное самоуправление находится на этапе его реформирования и возможного пересмотра его основ: территориальных, экономических, управленческих. Тем более внимательно необходимо относиться к правовым позициям КС РФ, ведь накопленный им опыт позволит находить сущность местного самоуправления во многих спорных вопросах.

Мы видим, что КС РФ значительно внимание уделяет институтам прямой демократии на местном уровне, особенно муниципальным выборам, несмотря на то что на практике мы видим сокращение числа должностных лиц местного самоуправления, избираемых на выборах, если речь идет о главе муниципального образования или главе местной администрации. Кроме того, с отказом от поселенческой основы местного самоуправления сократится и число избираемых представителей граждан.

На сегодняшний день прежние правовые позиции Суда сохраняют свою силу, КС РФ активно ссылается на них в своих последних решениях, тем не менее все может измениться с принятием нового базового федерального закона о местном самоуправлении. Остается надеяться, что реформа положительно повлияет на развитие данного института в России. Однако всегда важно помнить о преемственности правовых институтов и правового регулирования, в том числе и в краткосрочной перспективе, поскольку это позволит устойчиво развиваться местному самоуправлению в любых, даже самых сложных, условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Голещихин В. С. Институт уставов муниципальных образований как сакральный рудимент федерального законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 11-20. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.011-020.
2. Лейс А. В. Местное самоуправление в новых конституционных условиях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 235-252. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-235-252.
3. Полещенко Д. А. Чертков А. Н. Соотношение государственной власти и местного самоуправления в России: история земств и современность. Клинцы: Издательство ГУП «Клинцовская городская типография», 2011. 208 с.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»... // Российская газета, № 126, 09.06.2023.

5 Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2023 № 252-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мангиловой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.krsf.ru/decision/KSRFDecision669524.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.10.2020 № 43-П «По делу о проверке конституционности подпунктов «а», «е» пункта 14.1 статьи 35, подпункта «в» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»... // Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2020

3 Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2021 год – Текст: электронный // Конституционный Суд РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 21.05.2023).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье подробно рассматривается необходимость укрепления и развития профсоюзного движения в России как института становления гражданского общества. Анализируются объективные проблемы, которые сильно затрудняют осуществление эффективной деятельности профсоюзом по защите прав и интересов работников. Также подробно рассматриваются актуальные пути развития и совершенствования профсоюзного движения, которые необходимо осуществить всеми участниками социального партнерства и в первую очередь государства.

Ключевые слова: профессиональный союз, рынок труда, работник, работодатель, минимальный размер оплаты труда, социальное партнерство, правовая защита работников, государственная программа, судебный процесс, гражданское общество.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE TRADE UNION MOVEMENT IN MODERN RUSSIA

This article examines in detail the need to strengthen and develop the trade union movement in Russia as an institution for the formation of civil society. Objective problems are analyzed that make it very difficult for the trade union to carry out effective activities to protect the rights and interests of workers. It also examines in detail the current ways of developing and improving the trade union movement, which must be implemented by all participants in the social partnership and, first of all, the state.

Keywords: trade union, labor market, employee, employer, minimum wage, social partnership, legal protection of workers, government program, litigation, civil society.

Любое сильное государство на сегодняшний день возможно только в условиях полноценного развития демократических механизмов, которые невозможно себе представить без масштабного формирования по всей стране гражданского общества. Одним из важнейших институтов гражданского общества должен являться профессиональный союз. Именно данная организация должна стать проводником между работником и работодателем, обеспечивающих защиту прав и свобод, а также формирования полноценного демократического рынка труда в современной экономике ярко выраженным капиталистическим уклоном.

Для более детального понимания темы настоящего исследования необходимо предоставить общее понятие профессионального союза. Действующее российское законодательство дает легальное определение в ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», в соответствии с которым под профсоюзом понимается добровольное обще-

ственное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов [1].

В современной России профсоюзы являются одним из важнейших институтов, защищающих права и интересы работников. В связи с этим особую значимость и остроту приобретают вопросы, связанные с регулированием социальной напряженности, общественных отношений в сложившихся условиях [2]. Однако, несмотря на значительные усилия профсоюзных организаций, существуют серьезные проблемы, которые мешают эффективной работе и ограничивают их возможности. И это не случайно, ведь культура деятельности профсоюзов унаследована во многом из старого доброго советского прошлого. В годы советской власти был совершенной иной колорит, который для того времени был актуален. В годы советской власти формально отпала необходимость борьбы работников за свои права, поскольку вся собствен-

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

ность в государстве считалась общенародной, а работники считались владельцами всех предприятий [3]. Но на сегодняшний день в условиях рыночной экономики правила игры изменились и возникло большое количество проблем и несовершенств системы профсоюзного движения.

Одной из главных проблем профсоюзов в России является низкий уровень членства. И такое положение дел не является случайным. Это связано с недостаточной информированностью о возможностях членства, отсутствием мотивации и доверия к профсоюзам. Более того необходимо отметить, что на сегодняшний день имеется тенденция сокращения численности профсоюзных организаций. Если она сохранится и в дальнейшем, то профсоюзы могут потерять преимущественное право представлять интересы и права работников в социальном партнерстве, а также при разрешении как коллективных, так и индивидуальных трудовых споров.

Необходимо отметить основные причины снижения численности профсоюзных организаций. Ими является низкая эффективность защитной деятельности профсоюзов в сфере решения конкретных проблем работников, также низкая информированность работников о деятельности профсоюзов, нежелание в своей массе профсоюзных организаций проводить разъяснительную работу в целях привлечения большего количества новых членов в свои ряды, и конечно же недостаточное финансирования работы профсоюзов в целом, в том числе и по увеличению их численности.

Другой проблемой является отсутствие единой системы профсоюзов в России. Существует множество различных профсоюзных организаций, которые не всегда могут договориться между собой и координировать свои действия. Это приводит к слабости профсоюзного движения в целом и затрудняет его влияние на социально-экономические процессы в стране.

Третьей проблемой является недостаточная защита прав работников со стороны профсоюзов. Нередко профсоюзы не могут эффективно защитить интересы своих членов, особенно в случаях, когда работодатель является мощным и влиятельным игроком на рынке труда. Кроме того, профсоюзы не всегда готовы к резким и неожиданным изменениям в экономической ситуации, что также ограничивает их возможности. Необходимо отметить, что большое количество профсоюзных организаций создаются работодателями, и ими же финансируются, представляя тем самым интересы последнего. При таком положении дел не представляется возможным говорить о финансовой независимости и как следствие самостоятельности в принятии решений таких объединений. При таком положении дел профессиональный союз будет позиционироваться как зависимый компонент, находящийся под властью работодателя.

Четвертой проблемой является не ярко выраженная эффективность деятельности профсоюзов, которая проявляется в отсутствии желания к применению новых механизмов деятельности и возможностей, отсутствию принципиально новых векторов развития и идей. К сожалению, многие профсоюзы занимаются не решением проблем работников, а проведением и организацией праздников, спортивных соревнований и иными схожими вопросами, но только не

защитой прав работников. В результате работники не чувствуют со стороны профессиональных союзов поддержки и ощущают себя брошенными на произвол судьбы, где им придется самостоятельно бороться с работодателями в целях своей защиты. В большинстве случаев профсоюзы выполняют формульную роль по защите интересов работников и коллектива в целом.

Пятой проблемой является наличие мощных рычагов влияния работодателя на своих работников. В случае возникновения серьезных разногласий между работником и работодателем, последний может направить своего подчиненного на, так называемый, «голый тариф» где работник будет испытывать нехватку деталей или иных ресурсов и как следствие будет гораздо меньше зарабатывать. Необходимо отметить, что у работодателя большое количество административных рычагов на работников. Все это будет, безусловно, снижать эффективность деятельности профсоюзов и неизбежно будет приводить в лучшем случае к стагнации, а скорее всего к полной деградации профессиональных союзов в Российской Федерации.

Шестой такой проблемой можно с уверенностью выделить наличие серьезных трудностей в осуществлении защиты прав и интересов работников в судебном процессе.

Практика показывает, что далеко не всегда профсоюзам удается эффективно защитить права своих членов в суде. Одной из основных трудностей является ограниченность правовых возможностей профсоюзов. В большинстве стран профсоюзы имеют ограниченные права на представительство интересов своих членов в суде. Кроме того, профсоюзы не имеют права на обращение в суд от имени своих членов. Более того защита прав работников в суде может быть очень дорогостоящей и не всегда профсоюзы себе могут ее позволить. Оплата адвоката может быть не по карману организации. Более того необходимо отметить, что суды не всегда склонны учитывать интересы работников. Часто судебные решения принимаются в пользу работодателей, которые могут обладать большими ресурсами и влиянием. Еще одним затруднением является сложность доказательства нарушений прав работников. Для того, чтобы доказать нарушение прав, необходимо обладать достаточными доказательствами. Однако работники могут не иметь доступа к необходимой информации или документам, что затрудняет процесс защиты их прав в суде. Наконец, профсоюзы могут столкнуться с проблемой недостатка информации о правовых нормах и процедурах, так как указывалось выше найм дорогостоящих адвокатов могут позволить себе далеко не все профсоюзы.

Для полноценной реализации деятельности профсоюзного движения в России необходимо предпринять следующий комплекс мер.

Первой такой мерой будет являться увеличение численности профсоюзного движения. Для этого необходимо мотивировать именно представителей молодого поколения для вступления в профсоюзы. Если это будет реализовано, то можно с уверенностью сказать, что численное обновление профсоюзных организаций будет реализовано на долгосрочную перспективу. Более того необходимо выявить причины

почему молодежь не испытывает большого желания вступать в профсоюзы.

Во-вторых, необходимо укрепить организационно профессиональные союзы, а для этого в свою очередь необходимо преодолеть их раздробленность, то есть осуществить их укрупнение посредством реорганизации их подразделений. Более мелкие профсоюзы не могут содержать в достаточном количестве работников, а также обеспечивать деятельность своих профсоюзных территориальных объединений.

В-третьих, профессиональные союзы должны более эффективно осуществлять свою деятельность. Так, например профсоюзы должны добиваться более удобного графика работы для людей, что позволит сэкономить большее количество времени и сил для работников и обеспечит им большие возможности для занятия творчеством в свободное от работы время. Более того необходимо предпринять меры по снижению большой разницы между низкими доходами обычных наемных работников и высокими и самыми высокооплачиваемыми работниками. Также необходимо отметить, что профсоюзы должны добиваться обеспечения социальными гарантиями всех членов профсоюза, взаимодействовать с органами законотворческой власти с целью принятия последними такой нормативно правовой базы, которая будет в полной мере способствовать защите прав и законных интересов работников. Профсоюзы должны эффективно наладить взаимодействие со всеми членами социального партнерства в сфере труда, а также предпринять меры для организации массовых действий в поддержку интересов работников. А для всего для этого необходимо чтобы структура современных профсоюзных организаций соответствовала рыночной экономике. А на практике не редко все это сводится к имитационной деятельности и основные задачи, которые должны реализовывать профсоюзы, решаются лишь поверхностно. Как правило, деятельность профсоюзных организаций ограничивается требованиями повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума. Необходимо достичь такого уровня эффективности деятельности профсоюзов, на основе которого у работников не возникнет и тени сомнения в реальной их поддержке профсоюзами.

В-четвертых, необходимо улучшать финансовую подпитку деятельности профсоюзов. Это, пожалуй, должно выступать основным направлением совершенствования профсоюзной деятельности. Финансовая основа — это тот фундамент, на котором должно зиждиться практически любое серьезное начинание. Осуществить это без поддержки государства будет достаточно сложно и именно поэтому государство должно разработать соответствующую государственную программу, направленную на финансовую поддержку профсоюзного движения в нашем государстве.

В-пятых, необходимо улучшать правовую защиту работников и расширять возможности профсоюзов для представления интересов своих членов в суде. Для этого необходимо улучшать правовую базу и улучшать финансирование профсоюзных организация, для того чтобы они могли нанимать квалифицированных специалистов в области права для защиты интересов работников в судебных органах. Эти меры необходимо осуществлять, потому что защита прав работ-

ников профсоюзами в судах является сложным и многогранным процессом, который требует больших усилий со стороны профсоюзов и работников.

Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью констатировать, что профсоюзное движение является очень важным институтом гражданского общества, обеспечивающим защиту прав и интересов работников. Именно профсоюзы, обладая оперативностью и непосредственной близостью к работнику, в отличии от государственно контрольно-надзорных органов, имеют возможность быстрого реагирования на запросы своих членов, тем самым повышая эффективность во взаимодействии. В этом взаимодействии находят свое выражение теоретические и практико-прикладные вопросы, которые непосредственно требуют решений. При успешной реализации тех положений, которые рассмотрены в настоящем исследовании, можно с уверенностью говорить о выходе отечественных профсоюзов на принципиально иной уровень и качественном решении вопросов, связанных с защитой законных прав и интересов работников.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».
2. Тезиев Т. М. Профсоюзы – политический институт стабильности общества и государства // Социально-экономические науки гуманитарные исследования. – 2016. – № 13. – С. 130-136.
3. Побегайлов О. А. Профсоюзы в политической и экономической жизни России конца XX – начала XXI века // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – 2020. – № 8. – С. 124-133.

БАЙСОВ Мурат Муссович

магистрант Северо-Кавказской государственной академии

ОДЕГНАЛ Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказской государственной академии

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСЛУГ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТЕЖЕЙ

В статье рассматриваются понятие и виды Интернет-платежей. Уделено внимание правовому регулированию интернет-платежей. Проводится отграничение Интернет-платежей от урегулированных нормами главы 46 Гражданского кодекса Российской Федерации расчетных отношений. Раскрываются виды платежных услуг. Классификация платежных услуг связана с видами Интернет-платежей. В статье формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования Интернет-платежей.

Ключевые слова: Интернет-платеж, Интернет-банкинг, дистанционная оплата, электронные денежные средства, правовое регулирование.

BAISOV Murat Mussovich

magister student of the North-Caucasian State Academy

ODEGNAL Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus State Academy

LEGAL REGULATION OF INTERNET PAYMENT SERVICES

The article discusses the concept and types of Internet payments. Attention is paid to the legal regulation of Internet payments. The separation of Internet payments from settlement relations regulated by the norms of Chapter 46 of the Civil Code of the Russian Federation is carried out. The types of payment services are disclosed. The classification of payment services is related to the types of Internet payments. The article formulates proposals for improving the legal regulation of Internet payments.

Keywords: Internet payment, Internet banking, remote payment, Electronic money.

Актуальность темы исследования. В современных условиях широкого распространения информационных технологий, появления в обороте и некоторой урегулированности в праве цифровых финансовых активов, цифровых прав, Интернет-платежи стали бесконечно востребованными. Проведение платежных операций, оплата приобретения разных товаров, авиа- и железнодорожных билетов, получения и погашение кредитов, открытие вкладов и другие действия теперь совершаются дистанционно посредством Интернет-платежей.

Важнейшим условием совершенствования процессов глобализации является становится технический прогресс и связанные с ним результаты финансовых инноваций¹.

Интернет-платежи должны быть не только удобными и быстрыми, но и безопасными.

Учитывая то, что Интернет-платежи трансграничны, в идеале правовое регулирование в данной сфере должно быть унифицированным.

Несмотря на огромную распространенность Интернет-платежей имеются следующие основные проблемы: 1) правовое регулирование Интернет-платежей отстает от фактического развития отношений в данной сфере; 2) в законодательстве существует множество пробелов в правовом регулировании Интернет-платежей, даже отсутствует легальная дефиниция Интернет-платежа; 3) в правовой доктрине уде-

лено незначительное внимание к изучению Интернет-платежей. Наибольший вклад в разработку вопросов правового регулирования Интернет-платежей внесла Шахбазян М. Г. [4]

В Федеральном законе «О национальной платежной системе»² содержится понятие электронных денежных средств, из которого следует, что электронные денежные средства не тождественны безналичным денежным средствам.

Особенностью Интернет-платежа является то, что используется Интернет-канал связи, нет необходимости открывать счет.

В Российской Федерации подавляющее большинство Интернет-платежей осуществляют кредитные организации, в связи с чем принято считать платёжную систему банковской. Несмотря на это в проведении Интернет-платежей задействованы банковские и небанковские платежные агенты (в том числе со статусом индивидуального предпринимателя), платежные агрегаторы и Почта России.

Анализ законодательства позволяет выделить три вида платежных услуг:

- прием платежей,
- переводы денежных средств,
- почтовые переводы.

1 Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (работаны Банком России) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872.

Учитывая то, что многие аспекты осуществления Интернет-платежей попадают в правовой пробел, в законодательстве не уделено внимания классификации Интернет-платежей.

В Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) не упоминаются электронные денежные средства, ни в главе о расчетах, ни в статье, регламентирующей объект гражданских прав. Не ясно, можно ли их относить к цифровым имущественным правам. Этот пробел порождает такую практическую проблему, что не ясен момент надлежащего исполнения обязательства по осуществлению Интернет-платежа.

В связи с выявленными недочётами в законодательстве считаем возможным предложить следующие изменения в ГК РФ:

- из статьи 316 ГК РФ следует исключить указание на необходимость уплаты денежных средств по месту нахождения кредитной организации, осуществляющей обслуживание кредитора;

- закрепить правило о том, что перевод денежных средств, в том числе электронных считается исполненным с момента зачисления денежных средств на счет, указанных для этих целей клиентом.

В ст. 141.1 ГК РФ и в Федеральном Законе «О национальной платежной системе» закрепить указание на то, что электронные денежные средства являются цифровым имущественным правом.

Ввиду отсутствия в законодательстве дефиниции Интернет-платежа и отсутствия правового регулирования видов Интернет-платежей, данный вопрос следует рассматривать через указанную выше классификацию видов платёжных услуг.

В услуге по приёму платежа задействован такой субъект, как платежный агент, который принимает наличные деньги плательщика (должника) и зачисляет или обеспечивает зачисление денежных средств на свой (а не клиента) специальный банковский счет. Банк (реже небанковская кредитная организация) осуществляет перечисление денежных средств на специальный банковский счёт получателя.

Не имеет значение, что послужило предысторией операции по внесению платежа.

Такая услуга является составным обязательством, зародившимся до совершения операции по приёму платежа, а закончится она после зачисления надлежащим образом средств на указанный клиентом счет.

Однако может быть и ситуация, когда клиент переводит средства между своими счетами.

Прием платежей осуществляется платежными агентами. Закон не требует, чтобы это были именно кредитные организациями. Но субъектный состав данных отношений всё равно является специальным. Платежные агенты должны отвечать установленным требованиям [3] в частности, они должны быть зарегистрированы в Росфинмониторинге.

Прием платежей не является самостоятельной услугой. На ее основе осуществляется перевод денежных средств, в том числе электронных.

При приеме платежей осуществляется обезличивание и объединенное зачисление денежных средств на специальный банковский счет финансового посредника, которым является платежный агент. Таким образом плательщик при совершении Интернет-платежа не открывает счет, а посредник, оказывающий платежную услугу использует специальный банковский счет.

Прием платежей вправе осуществлять банковские платежные агенты и платежные агрегаторы. Денежные средства зачисляются кредитной организацией на специальный банковский счет банковского платежного агента и на банковский счет получателя (кредитора).

Платёжные агенты, подконтрольные Росфинмониторингу и другим органам, выполняют посреднические функции. Они принимают участие в переводах денежных средств. Дают возможность использовать программные и технические устройства в целях инициирования платежных операций на условиях, определенных кредитной организацией, проводят идентификацию либо упрощенную идентификацию плательщиков.

В системе Интернет-платежей широкое распространение получили услуги посредников, не являющихся кредитными организациями (к примеру, Robokassa).

Основными моделями организации приема платежей на Интернет-сайтах являются:

- формирование условий для финансового контроля и получения комиссии за перевод электронных денежных средств,

- заключение договоров с кредитными организациями или платежными агрегаторами,

- принятие денежных средств,

- зачисление средств на счёт, указанный клиентом.

Данная модель позволяет снизить размер ответственности получателя средств – владельца сайта перед клиентом.

Однако услуги финансового посредника оплачиваются посредством комиссии, уплачиваемой клиентом.

Применение агрегаторов упрощает работу Интернет-магазинов.

До недавнего времени отсутствовало правовое регулирование правового статуса субъектов, принимающих наличные и электронные денежные средства на Интернет-сайтах.

Только с 03.07.2019 года впервые в отечественном законодательстве закреплена дефиниция платежных агрегаторов. «Платежный агрегатор – это юридическое лицо, которое осуществляет следующие функции:

- обеспечивает прием электронных средств платежа юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и иными лицами, указанными в части 13 статьи 14.1 Федерального закона «О национальной платежной системе» (далее – юридические лица и индивидуальные предприниматели);

- участвует в переводе денежных средств в пользу юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по операциям с использованием электронных денежных средств.

Платежные агрегаторы предоставляют клиентам технические и программные средства для инициирования совер-

шения операций по переводу платежа, а также участвуют в переводах денежных средств³.

Указанное определение не дает понимания особенности платежных услуг, торые оказывают платежные агрегаторы, так как все финансовые посредники участвуют в переводах денежных средств.

При применении агрегаторов электронные денежные средства плательщиков зачисляются на специальные банковские счета платежных агрегаторов. Кредитная организация перечисляет денежные средства со специальных банковских счетов платежных агрегаторов на банковские счета юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, указанные клиентом-плательщиком.

Кредитные организации и платежные агрегаторы заключают соглашения об оказании услуг платежных агрегаторов и договоры банковского счета, посредством которых платежные агрегаторы пользуются специальными банковскими счетами, открытыми в кредитных организациях. Клиент также заключает с агрегатором соглашение о его посредничестве. Последнее может оформляться прямо на Интернет-сайте.

Согласно положениям Федерального закона «О почтовой связи» «почтовым переводом денежных средств является услуга организаций федеральной почтовой связи по приему, обработке, перевозке (передаче), доставке (вручению) денежных средств с использованием сетей почтовой и электрической связи».

Почтовые переводы выдаются в соответствии с указанными на них адресами или в объектах почтовой связи, а также иными способами, определенными оператором связи.

Операторы связи также, как и платежные агрегаторы, находятся под контролем Росфинмониторинга.

Проведение почтовых переводов основывается на заключении договора оказания услуг между клиентом и субъектом, оказывающим услуги связи.

На понимании классификации видов платёжных услуг можно сделать вывод о том, что Интернет-платежи исполняются в рамках платежных услуг по переводу денежных средств. Платежные услуги по приему платежей и почтовые переводы Интернет-платежами не являются, так как при совершении операции по приему платежей клиенты предоставляют наличные деньги платежному агенту, но в случае с Интернет-платежами объектом являются безналичные и электронные денежные средства. Почтовые переводы осуществляются в почтовых отделениях Почты России, и, следовательно, не реализуются (осуществляются) в сети Интернет.

Совершение Интернет-платежей не требует наличных денежных средств.

К Интернет-платежам следует относить разные разновидности переводов. Они могут быть безналичными и электронными, совершаемыми с соответствующей формой денежных средств. И все они проводятся в сети Интернет. С развитием технологий искусственного интеллекта и нейросетей появятся новые виды Интернет-платежей, но на сегодняшний день в качестве видов Интернет-платежей выступают следующие:

– дистанционное банковское обслуживание (Интернет-банкинг, смс-банкинг, мобильный банк и др.);

– расчеты платежными картами;

– операции по переводу электронных денежных средств, в том числе посредством платежных систем: Яндекс.Деньги, PayPal, QIWI.

В целях повышения эффективности платежных систем по переводам электронных денежных средств целесообразно уравнивание правового режима счетов, по которым осуществляются переводы безналичных и электронных денежных средств: повышение лимитов, установленных при переводах электронных денежных средств; определение возможности обмена электронных денежных средств на наличные денежные средства без ограничений; установление права плательщиков совершать операции по пополнению своих электронных счетов без использования банковских счетов посредством внесения наличных денег.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3418.
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872.
4. Шахбазян М. Г. Гражданско-правовое регулирование интернет-платежей в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Шахбазян М. Г. Некоторые аспекты правового регулирования интернет-платежей (опыт стран Европейского союза) // Юрист. 2017. № 4.

3 См. пп. 31 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872.

БОЧКАРНИКОВА Валерия Андреевна

специалист кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

БУРХАНОВ Рустам Давурович

магистрант 3 курса Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

БУРХАНОВА Софья Давуровна

председатель СНО Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УТРАЧЕННОГО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Авторы определяют гражданское правоотношение как отношение, урегулированное нормами гражданского законодательства. Выявляется, что особое место в системе гражданских правоотношений занимает правоотношение по возмещению утраченного. Делается вывод, что правоотношение по возмещению утраченного возникает по причине особого юридического факта – причинения вреда, независимо от наличия или отсутствия договора между субъектами гражданского оборота. Констатируется, что в основе правоотношения по возмещению утраченного лежит правонарушение, а для правильной его квалификации необходимо выявление всех элементов состава.

Ключевые слова: правоотношение по возмещению утраченного, элементы отношения, субъект, объект и содержание правоотношения, юридические факты, элементы состава правонарушения.

BOCHKARNIKOVA Valeriya Andreevna

specialist of Civil law sub-faculty of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

BURKHANOV Rustam Davurovich

master student of the 3rd course of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

BURKHANOVA Sofya Davurovna

Chairman of the SSS of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

THE LEGAL ESSENCE OF THE LEGAL RELATIONSHIP TO COMPENSATE FOR THE LOST: THEORETICAL APECTS AND PROBLEMS OF APPLICATION PRACTICE

The authors define a civil relationship as a relationship regulated by the norms of civil law. It is revealed that a special place in the system of civil legal relations is occupied by the legal relationship to compensate for the lost. It is concluded that the legal relationship to compensate for the lost arises due to a special legal fact - causing harm, regardless of the presence or absence of an agreement between the subjects of civil circulation. It is stated that the basis of the legal relationship for the compensation of the lost is an offense, and for its correct qualification it is necessary to identify all the elements of the composition.

Keywords: legal relationship to compensate for the lost, elements of the relationship, subject, object and content of the relationship, legal facts, elements of the offence.

Гражданские правоотношения традиционно рассматриваются как отношения, урегулированные нормами гражданского законодательства [4, с. 127], а основаниями возникновения, изменения и прекращения их признаются юридические факты, а именно жизненные обстоятельства, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Юридические факты весьма разнообразны и классифицируются по различным признакам, а перечень их законодатель оставил открытым, что позволяет учитывать и другие обстоятельства в жизни людей, иных участников гражданских правоотношений для констатации их в качестве юридических фактов. А субъектный состав любого правоотношения весьма разнообразен, но во всех случаях участвуют

управомоченная и обязанная сторона [1, с. 92].

Особое место в системе гражданских правоотношений занимает отношение по возмещению утраченного. Но в научной литературе оспаривается обязательственная природа такого правоотношения, поскольку обязательства возникают из договоров и сделок. Правоотношение из причинения вреда является отношением особого рода, поскольку возникает между субъектами не связанными относительноными правоотношениями и не имеющими никаких предварительных обязательств по отношению друг к другу, которые не основаны на добровольном участии и перемещении мате-

Бочкарникова В. А.

Бурханов Р. Д.

Бурханова С. Д.

риальных благ между такими участниками [2, с. 124]. Правоотношение по возмещению утраченного возникает исключительно на основании юридического факта – неправомерного поведения участника гражданского оборота.

Тем не менее, законодатель в ст. 307 Гражданского Кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) оперирует термином «обязательство», определяя правоотношения в следствии причинения вреда и неосновательного обогащения, что вызывает проблему для понимания юридической сущности данных отношений в главе 59 и 60 ГК РФ.

Важно учитывать, что субъекту при нормальном течении событий обязанности причинителя имущественного вреда корреспондирует право требования управомоченной стороны [3, с. 116]. Гражданское правоотношение по возмещению утраченного в данном случае представляет собой наличие обязанностей, обеспеченных возможностью применения к их нарушителям государственно-принудительных мер имущественного характера, что отличает их от других гражданско-правовых отношений [5, с. 147].

Правоотношение по возмещению утраченного в практическом плане также вызывает массу вопросов, а именно в выявлении самого факта причинения вреда имуществу или личности, причинной связи и противоправности поведения причинителя вреда и наличием его виновности. Анализ судебной практики показывает, что отсутствие причинно-следственной связи и противоправного характера поведения вызывает проблему квалификации правоотношения по возмещению утраченного и защиту интересов истца. Так, например, если суде по факту причинения вреда здоровью гражданина не удалось выявить противоправность и виновность причинителя вреда, то суд отказывает в иске² даже при наличии самого факта причинения вреда. Следует отметить, что противоправность поведения должен доказать сам потерпевший (управомоченный субъект в правоотношении по возмещению утраченного). Поскольку в гражданском праве не предусмотрена ответственность при причинении вреда правомерными действиями (ст. 1064 ГК РФ)³, за исключением случаев, предусмотренных законами. Стоит отметить, что подобные случаи в законодательстве практически отсутствуют либо существуют формально, содержа отсылку к другим законам, в которых нет реальной возможности возмещения вреда⁴. Вполне логично, что суды отказывают в удовлетворении иска, ведь у них нет иной возможности сослаться на конкретную норму права, даже при необходимости вынесения справедливого решения в случае причинения вреда правомерными действиями.

Также в процессе квалификации правоотношения по возмещению утраченного необходимо учитывать, что факт доказывания причинения вреда и его размера возлагается на потерпевшего со ссылкой на необходимость таких затрат по вос-

становлению имущества, а не только их наличие⁵. Кроме того, не имеет значение отсутствие договора между субъектами правоотношений по возмещению утраченного, ведь само это правоотношение возникает независимо от наличия других относительных правоотношений между субъектами гражданского оборота⁶, а по причине особого юридического факта – причинения вреда.

Главной задачей в выявлении причинно-следственной связи лица, требующего возместить утраченное, является доказательство факта того, что вредоносный эффект поведения причинителя вреда выразился не только в наличии упречного поведения воли и мышления лица, но и находился в прямой связи с таким эффектом. Зачастую суды отказывают в удовлетворении иска по причине недоказанности причинно-следственной связи, а такое неравномерное распределение презумпций на потерпевшего истца не гарантирует защиту его прав и законных интересов и требует переосмысления законодателем и правоприменителем.

Виновность же причинителя вреда как необходимый элемент состава правонарушения предполагается, однако часто судебная система это игнорирует и возлагает на потерпевшую сторону представление ее доказательств в поведении причинителя вреда, хотя эта презумпция вытекает из ст. 401 ГК РФ и 1064 ГК РФ. Некая презумпция противоправного поведения причинителя вреда вытекает от обратного общего правила о презумпции добросовестности, что не согласовывается с поведением субъекта гражданского правоотношения по возмещению утраченного. На наш взгляд, позиция судов должна следовать разъяснению Постановления Пленума Верховного Суда РФ о том, что суды могут предполагать причинную связь в случае нарушений гражданско-правовых обязательств и исходить из презумпции противоправности причинителя вреда⁷.

Таким образом, правоотношение по возмещению утраченного занимает особую роль в системе гражданско-правовых отношений и возникает по причине юридического факта – причинения вреда, независимо от наличия или отсутствия договора между субъектами гражданского оборота. Констатируется, что в основе правоотношения по возмещению утраченного лежит правонарушение, а для правильной его квалификации необходимо выявление всех элементов состава такого нарушения.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Гражданское право в вопросах и ответах. 2-е изд., перераб. и доп.: учеб. пособие / Под ред. С. С. Алексеева. – Екатеринбург: Институт частного права, 2014. – 536 с.
 2. Белов В. А. Обязательственное право: учебное пособие для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2023 – 424 с.
 3. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е. А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2014. – 720 с.
 4. Невзгодина Е. Л. О проблеме гражданско-правового представительства // Вестник Омского университета. – 2008. – № 2. – С. 127-133.
 5. Подсвиров В. В. Содержание гражданского правоотношения: проблемы теории и практики гражданско-правового регулирования // Вестник экспертного совета. – 2020. – № 1. – С. 147-151.
 6. Определение Верховного Суда РФ от 10.08. 2021 г. по делу № А78-10606/2019 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
 7. Определение Верховного Суда РФ от 19.10. 2021 г. по делу № А56-92037/2018 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
 8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
- 1 Гражданского кодекса Российской Федерации Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
 - 2 Определение Верховного Суда РФ от 07.02. 2014г. по делу № 2-1032/2012 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система; Определение Верховного Суда РФ от 08.08. 2014г. по делу № 2-484/2013 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
 - 3 Гражданского кодекса Российской Федерации Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. № 23, 24, 25.
 - 4 О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Российская газета. 2008 г. № 266; О таможенном регулировании в Российской Федерации: федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018 г. № 32 (часть I) ст. 5082; Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 г. 3 7-ФЗ // Российская газета. 2002. № 6.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-163-166

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

САМСОНОВ Евгений Дмитриевич

аспирант Самарского государственного экономического университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОБУСЛОВЛЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена одному из самых актуальных вопросов в сфере общей части обязательственного права, а именно, практике применения института обусловленного исполнения, появившегося в российском гражданском праве при проведении реформы 2015 года. В настоящее время имеется множество глубоко теоретических работ, посвященных данной теме, однако остаются вопросы, ответы на которые до сих пор вызывают дискуссии среди российских цивилистов. К таким доктринальным проблемам, в частности, относятся вопросы соотношения указанного института с другими частно-правовыми явлениями, а также исследование возможности «трансформации» условий при изменении фактических обстоятельств спора.

Ключевые слова: обусловленное исполнение обязательства, условная сделка, потестативные условия, отлагательные условия, отменительные условия.

DELTSOVA Natalya Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

SAMSONOV Evgeniy Dmitrievich

postgraduate student of the Samara State University of Economics

CURRENT PROBLEMS OF APPLICATION OF THE INSTITUTE OF CONDITIONAL PERFORMANCE OF OBLIGATIONS

The article is devoted to one of the most pressing issues in the field of the general part of the law of obligations, namely, the practice of applying the institution of conditional performance, which appeared in Russian civil law during the 2015 reform. Currently, there are many deeply theoretical works devoted to this topic, but there are questions, the answers to which still cause discussions among Russian civilists. Such doctrinal problems, in particular, include questions of the correlation of this institution with other private law phenomena, as well as the study of the possibility of "transforming" the conditions when the actual circumstances of the dispute change.

Keywords: conditional fulfillment of an obligation, conditional transaction, potestative conditions, suspensive conditions, resolutive conditions.

В связи с принятием Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ существенно изменились положения общей части гражданского законодательства об обязательствах. Положения статей части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)² были изложены в новой редакции, в частности, субъекты гражданского права приобрели возможность конструирования своих договорных отношений при помощи институтов частного права, получивших свое легальное закрепление в законе. К ним относятся заверения об обстоятельствах, межкредиторские соглашения, опционный договор, опцион на заключение договора, а также обусловленное исполнение обязательства и многие другие. Проведенная реформа, существенно повлиявшая на институты исполнения обязательств, внесла определенную ясность в имеющиеся программы договорных отношений и создала перспективные условия для более гибкого регулирования обязательственных структур. Одному из вышеуказанных институтов, а именно обусловленному исполнению обязательства (ст. 327.1 ГК РФ), посвящена настоящая статья.

Появление в гражданском праве положений об обусловленном исполнении обязательства в контексте длительного и довольно противоречивого развития практики применения

норм ГК РФ об условных сделках не является случайностью. Очевидно, что основной целью законодателя при внедрении института обусловленного исполнения обязательства в российскую систему частного права являлась коррекция развивающейся не в русле общеевропейской доктрины об условных сделках и обязательствах практики применения ст. 157 ГК РФ. Такой шаг законодателя можно охарактеризовать исключительно положительно, особенно в условиях наметившейся в последние годы тенденции к либерализации гражданского законодательства, задачами которой являются упрощение структурирования гражданских отношений, применение институтов, которые ранее могли в контексте трактовки принципа свободы договора быть отторгнуты судами в силу, например, противоречия императивным нормам, а также внесение правовой определенности в механизмы развития обязательственных отношений. Одним из политико-правовых оснований для этого, конечно же, послужило желание остановить начавшееся с начала столетия стремительное использование в международных частных отношениях применение институтов зарубежного частного права.

Ошибочное толкование судами положений об условных сделках в научной литературе, как правило, определяется в качестве основного триггера к появлению норм ст. 327.1 ГК РФ. На эту же проблему указывалось и в пояснительной записке к законопроекту федерального закона № 47538-6, в котором впервые была поддержана идея о включении соответствующего института в ГК РФ. Конечно же, стремление из-

1 Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

2 Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 2998.

менить правоприменительную практику путем дополнения ГК РФ новыми нормами, является довольно радикальным способом решения формировавшейся годами проблемы. Стоит отметить, что некоторые юрисдикции, столкнувшиеся с аналогичными проблемами, не предпринимали попыток изменения законодательства. Так, германское гражданское право не знакомо с термином «обусловленное исполнение обязательства», а имеющиеся противоречия в практике применения норм частного права были разрешены за счет системного толкования существовавших в Германском гражданском уложении положений об условных сделках [1]. Как будет описано далее, такой подход имеет свои плюсы, концептуальным из которых является отсутствие вновь возникающих проблем на почве применения новелл, что является безусловным следствием расширения нормативной базы.

В чем же состояли противоречия в применении положений об условных сделках, удалось ли их разрешить при помощи института обусловленного исполнения обязательства, и не привело ли это к возникновению новых вопросов о месте этого института в системе гражданского законодательства.

Ключевых проблем при применении судами ст. 157 ГК РФ было две.

Первая состояла в ошибочно сформировавшемся мнении о запрете на применение потестативных условий, а вторая касалась вопроса о реализации отлагательных и отменительных условий в контексте постановки под условие не всей сделки в целом, что следует в случае ограничительного толковании пункта три этой статьи, а отдельных прав и обязанностей.

При описании указанных проблем нельзя кратко не рассмотреть вопросы о понятии и видах условий. Применительно к гражданскому праву дефиниция «условие» имеет два основных значения. Первое – это условие соглашения сторон (условие договора), второе – определенное жизненное обстоятельство, которое может наступить после совершения сделки и с которым стороны связывают наступление определенных последствий (например, возникновение обязанности по уплате неустойки после умышленного нарушения стороной принятого на себя обязательства). Не признаются в доктрине подлинными условиями такие обстоятельства, которые хотя и наступили на момент совершения сделки, но о наступлении которых сторонам сделки по различным обстоятельствам могло быть не известно [2].

В доктрине гражданского права выделяются различные критерии классификации условий, хотя нормативное закрепление получили лишь отлагательные и отменительные условия, определения которых можно найти в пунктах один и два ст. 157 ГК РФ.

Несмотря на то, что деление условий в зависимости от волевого признака не нашло своего нормативного закрепления, тем не менее термины «потестативные условия» или «случайные условия» используются в судебных актах. Так, например, в решении Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации от 09.03.2021 по делу № М-82/2020 указано, что «... условие оплаты, полностью зависящее от успешного прохождения входного контроля вследствие односторонних действий Ответчика, расценивается коллегией арбитров как исключительно потестативное условие»³. В постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 11.08.2021 по делу № А49-5118/2020 отмечено, что: «В пункте 7.3 контракта фактически согласовано условие о зависимости исполнения

обязанности стороны от действий третьего лица, частично находящиеся в сфере контроля ответчика (потестативные условия), состоящего с указанным лицом в договорных отношениях»⁴.

Деление условий на потестативные и случайные является общепризнанным и активно используется в теории условий обязательств.

К случайным условиям относят такие жизненные обстоятельства, которые не зависят от воли стороны сделки. Например, при согласовании условий соглашения о поставке сельскохозяйственной продукции случайным будет условие о влиянии погодных условий на урожайность и соответственно возможность одной из сторон исполнить свое обязательство. В свою очередь наступление потестативных условий полностью или в части будет зависеть от волеизъявления субъекта. Так, возникновение обязанности у генподрядчика оплатить оставшуюся часть денежной суммы за выполненные работы субподрядчику может определяться наступлением такого условия, как сдача всего объекта заказчику и получением от него гонорара. В этом случае сдача итогов строительных работ заказчику зависит от волеизъявления генподрядчика. В случае не выполнения условий контракта, генподрядчик может не получить оплату и соответственно обязанность по выплате долга субподрядчику может не возникнуть. Хотя в научной литературе о возможности использования таких условий идут споры и многие полагают, что разрыв синаллагмы в таком случае не возможен.

Внутри потестативных условий выделяются просто потестивные (смешанные) условия и чисто потестативные, иногда именуемые «исключительными», в научной литературе также называемые «голыми» волеизъявлениями.

Смешанные условия зависят как от волеизъявления лица, так и внешних обстоятельств. В вышеуказанном примере со сдачей генподрядчиком объекта строительства имеется прямое волеизъявление должника, однако наступление условия этим не ограничивается и может зависеть от иных обстоятельства (например, отказ заказчика оплачивать работы в связи с наличием дефектов).

С другой стороны, если бы обязанность генподрядчика по оплате работ субподрядчика была связана исключительно с волеизъявлением должника, то имело бы место чисто потестативное условие.

В настоящей статье будем исходить из наиболее популярного подхода о разделении потестативных условий на две основные группы. Тем более, что этот вопрос во многом снят с повестки за счет формулирования законодателем нормы ст. 327.1 ГК РФ, которая прямо предусматривает наличие условий, полностью зависящих от воли одной из сторон обязательства.

Имеются и другие классификации условий по иным признакам, тем не менее, поскольку они не связаны напрямую с проблематикой работы, их описание опустим, также как и различные подходы иностранных правовых порядков к выделению категорий потестативных условий.

До проведения реформы гражданского права суды негативно оценивали любые потестативные условия, и признавали действительными лишь случайные. Критерием для отделения условий случайных от потестативных служила «неизбежность наступления обстоятельства». Например, условие договора о реализации доли в обществе, предполагающее выплату ее стоимости после оформления правоустанавливающих документов признавалось ничтожным, что влекло для обязанной стороны необходимость уплатить стоимость доли (предоставить экономический эквивалент) вне зависи-

3 Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации от 09.03.2021 по делу № М-82/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apkrfkod.ru/pract/reshenie-kollegii-arbitrov-mkas-pri-tpp-rf-ot-09032021-po-delu-n-m-822020/> (дата обращения: 18.06.2023).

4 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.08.2021 по делу № А49-5118/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

мости от ее оформления в свою собственность⁵. В таком же русле складывалась и практика нижестоящих судов.

Однако и до установления разрешения на использование потестативных условий в ст. 327.1 ГК РФ применительно к отдельным обязательственным конструкциям суды допускали возможность их применения.

В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»⁶ указано, что механизм поручительства мог быть запущен, например, в случае изменения состава руководящих органов поручителя – юридического лица. Такие решения о допущении использования потестативных условий носили точечный характер и господствующим оставался запрет на их применение.

После появления ст. 327.1 ГК РФ уже Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях стал последовательно проводить идею о возможности использования потестативных условий.

Так, в п. 52 Постановления от 23.06.2015 № 25 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷ Верховный Суд Российской Федерации описал на примере банковской гарантии и договора аренды возможные случаи зависимости наступления условий от действий стороны сделки, а немного позднее и допустил ситуацию, при которой получение субподрядчиком денежных средств от генподрядчика зависит от наступления условия – оплаты работ заказчиком⁸.

Судебные инстанции исходят из того, что применение потестативных условий в обязательствах является реализацией принципа «... свободы договора, основным началом гражданского законодательства и в целом фундаментом современного гражданского оборота, соответственно, его ограничения возможно только в пользу равновесных или более значимых ценностей. При этом сама по себе власть стороны над наступлением потестативного условия не может быть основанием ограничения свободы договора»⁹.

Нетрудно заметить, что во всех рассматриваемых ситуациях Верховный Суд Российской Федерации разрешал споры, в которых имели место согласованные смешанные условия. Что же до «голых» волеизъявлений, допускает ли их современная судебная практика или есть иные более существенные фундаментальные начала гражданского права, которые требуют защиты, вследствие чего свобода договора подлежит ограничению.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в одном из рассмотренных дел отметила, что положения ст. 327.1 ГК РФ не предоставляют сторонам полной свободы в выборе условий, волеизъявление стороны на исполнение принятого на себя обязательства должно быть ограничено какими-либо разумными обстоятельствами¹⁰.

Арбитражный суд Поволжского округа, развивая эту идею в одном из постановлений при рассмотрении спора, в котором условием оплаты продавцу денежной суммы за поставленный товар, являлась оплата товара последующим покупателем (который оказался аффилированным лицом), пришел к обоснованному выводу о том, что условие зависит от волеизъявления и действий должника по взысканию денежной суммы с последующего покупателя в принудительном порядке при условии поставки ему купленного у кредитора товара. А поскольку такие действия могут никогда не быть исполнены должником, то в спорной ситуации условие необходимо считать наступившим и, следовательно, к обязательству должника применять положения п. 2 ст. 314 ГК РФ, то есть правила об исполнении обязательства до востребования¹¹.

Из вышеуказанных судебных актов можно сделать вывод, что введение новой ст. 327.1 ГК РФ с указанием на допустимость применения условий, полностью зависящих от волеизъявления одной из сторон, конечно же, решило существовавшую проблему о запрете на применение потестативных условий. Однако, с другой стороны, это не сняло с судов необходимость изучения в каждом конкретном случае вопроса о потестативности примененного сторонами условия, только уже в рамках имеющегося деления на смешанные и чисто потестативные.

Вышеприведенный пример с условием об оплате товара после получения стоимости от последующего покупателя не многим отличается от также описанной в работе ситуации с генеральным подрядчиком и субподрядчиком. Тем не менее, можно прийти к выводу о том, что внешне смешанное условие при определенных обстоятельствах (например, если вместо независимого заказчика появляется аффилированный покупатель) может «трансформироваться» в «голое» волеизъявление на исполнение обязательства.

Как правило, оценка применения чисто потестативных условий в научной литературе ограничивается указанием на необходимость их исключения из правового оборота.

Однако позволим себе немного углубиться в размышления о применении чисто потестативных условий в рамках описываемой нами ст. 327.1 ГК РФ. Так, во всех вышеперечисленных случаях, когда суды приходили к выводу о запрете на применение чисто потестативных условий, рассматривались ситуации, при которых управомоченная сторона (например, в деле о поставке товара – продавец) претерпевала неблагоприятные последствия в виде не получения от обязанной стороны встречного исполнения, то есть исполнение обязательства должника ставилось в зависимость от его воли. Однако ст. 327.1 ГК РФ говорит о том, что от условий зависит не только исполнение обязанностей, но и реализация прав. В этом случае конструкция «заплачу, если захочу» («голое» волеизъявление), может быть дополнена условием о праве должника произвести исполнение в пользу другой стороны,

5 Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.04.2012 № вас-34-39/12 по делу № А32-33325/2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/decision/vas_obraz (дата обращения: 18.06.2023).

6 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.07.2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/decision/vas_obraz (дата обращения: 18.06.2023).

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

8 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2017) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

9 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.06.2021 по делу № А39-5547/2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

10 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2021 № 305-ЭС21-10216 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

11 Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 11.08.2021 № Ф06-6673/2021 по делу № А49-5118/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 05.10.2022).

которое будет иметь определенную бонусную функцию, то есть выходить за рамки эквивалента встречного исполнения. Если соглашение о купле-продаже товара будет содержать условие о том, что покупатель обязан заплатить продавцу цену с надбавкой в случае поставки ему товара, например, в двойном размере, то в данном случае мы будем иметь дело с обязанностью покупателя в рамках исполнения встречного обязательства, а потестативным условием будет являться поставка товара в двойном размере, которая запускает обязанность оплатить товар с надбавкой. Иная ситуация будет иметь место, когда у покупателя, в случае поставки ему товара в двойном размере, не будет автоматически возникать обязанность по оплате товара с надбавкой. Вместо обязанности соглашение может предусматривать право покупателя на оплату товара с надбавкой. При этом экономическое обоснование для таких ситуаций может быть вполне логичным – например, покупатель получает необходимые ему объемы продукции.

Из вышеописанных ситуаций следует, что, во-первых, чисто потестативные условия должны допускаться в тех случаях, когда обязанная сторона осуществляет первоначальное, а не встречное исполнение, и во-вторых, когда у стороны есть право на предоставление исполнения свыше встречного эквивалента. При этом необходимо поставить вопрос о том, насколько такое исполнение «сверх нормы» является обязательством по смыслу ст. 307 ГК РФ.

Позволим перейти к рассмотрению второй обозначенной нами проблеме. Негативным следствием ограничительного толкования ст. 157 ГК РФ являлось установление запрета на постановку под отлагательное или отменительное условие отдельных прав и обязанностей по ней. Например, по мнению ряда авторов, ст. 327.1 ГК РФ была введена с целью вывода обусловленного исполнения из сферы применения ст. 157 ГК РФ, которая посвящена сделкам, совершенным под условием [3].

Странники такого подхода указывают, что положения ст. 327.1 ГК РФ о потестативных условиях не должны применяться к условным сделкам [4]. Иначе говоря, продолжая данную логику, следует признать, что условные сделки могут заключаться только с применением случайных условий. То есть «обусловить» отдельные права и обязанности в рамках сделки чисто потестативными условиями возможно, а все права и обязанности – нет. С таким подходом согласиться нельзя, поскольку он является абсолютно необоснованным и создает правовой вакуум: с одной стороны для условных сделок, к которым, по каким-то не совсем понятным причинам не применяются положения о потестативности условий, указанные в ст. 327.1 ГК РФ, а с другой теряется возможность применения к положениям об обусловленном исполнении обязательства сформировавшейся годами практике применения ст. 157 ГК РФ.

Как верно отмечается в литературе, вопрос о том, что ставится под условие в условной сделке по правилам ст. 157 ГК РФ (несмотря на название статьи) является схоластическим [5]. Действительно, в некоторых случаях, стороны могут поставить под условие правовой эффект вступления в обязательственное отношение. Например, стороны договорились о том, что договор поставки продукции вступает в силу не в момент его подписания, а после отмены санкций. В этом случае, конечно, возникает проблема состояния «вечной подвешенности», однако она может решаться как путем указания на предельный срок в договоре, в течение которого условие может наступить, или исходя из принципов гражданского права, не допускающих возможность надеяться на исполнение контракта по истечении десяти лет с момента его подписания.

Поэтому, по нашему мнению, имеются все основания для системного толкования положений статей 157 и 327.1 ГК РФ. В этой связи считаем возможным следовать немецкой

доктрине, в которой не возникает вопросов о том, что ставится под условие – все права и обязанности из договора вместе или в отдельности. Например, параграф 158 ГГУ говорит об условных сделках, а параграф 160 ГГУ о правах, поставленных под условие.

В целом судебная практика всегда, в том числе, и до появления ст. 327.1 ГК РФ, исходила из возможности постановки под условие отдельных обязанностей или реализацию прав по договору, говоря о «частично условной сделке» и «полностью условной сделке»¹².

Пристатейный библиографический список

1. Нам К. В. Сделки: Комментарий к Глоссе. Условные сделки. Немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 75-108.
2. Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1496 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)
3. Мельниченко О.А. Некоторые вопросы обусловленного и встречного исполнения обязательств // Закон. 2017. № 1. С. 122-135.
4. Захаркина А. В. Позитивация института обусловленного исполнения обязательств как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Вестник Пермского университета. 2018. С. 240-263.
5. Громов С. А. Тезисы к круглому столу юридического института «М-Логос» «Проблемные вопросы условных сделок». 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchnyi_kruglyi_stol_problemye_voprosy_uslovnyh_sdelok/.

¹² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда РФ от 13.07.2010 № 15АП-2694/2010 по делу № А32-52923/2009-73/931 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

ДОНСКОЙ Олег Олегович

студент специальности юриспруденция, специализация: «Правовое сопровождение бизнеса (бизнес-юрист)». Уровень образования: Магистратура Юридического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ В РФ И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В работе рассматривается правовое регулирование цифровых финансовых активов (криптовалют), а также определяются недостатки существующей нормативно-правовой базы. Определяется вектор развития законодательства в рамках регулирования цифровых финансовых активов и отношение к данному явлению государственных органов Российской Федерации. Делается вывод о том, что в существующей нормативно-правовой базе Российской Федерации отсутствует регулирование для некоторых видов токенов и криптовалют, которые имеют разный функционал и структуру, отсутствует регулирование майнинга, который предопределяет в целом криптобизнес. Определяется важность правового регулирования майнинга в связи с тем, что данный вид деятельности наносит определённый вред экологической безопасности, потому что процесс добычи криптовалют потребляет много электрической энергии.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, налогообложение, правовое регулирование, законодательство, токены, криптовалюты, блокчейн.

DONSKOY Oleg Olegovich

student of the majoring in Jurisprudence, specialization: "Legal Support of Business (Business Lawyer)". Level of education: Master's degree of the Faculty of Law of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR LEGAL REGULATION

The paper examines the legal regulation of digital financial assets (cryptocurrencies) and identifies the shortcomings of the existing regulatory framework. The vector of legislation development within the framework of regulation of digital financial assets and the attitude of state bodies of the Russian Federation to this phenomenon is determined. The conclusion is made that the existing regulatory framework of the Russian Federation lacks regulation for certain types of tokens and cryptocurrencies, which have different functionality and structure, there is no regulation of mining, which predetermines the whole crypto-business. The importance of legal regulation of mining is defined due to the fact that this type of activity causes certain damage to environmental safety, because the process of mining cryptocurrencies consumes a lot of electrical energy.

Keywords: digital financial assets, taxation, legal regulation, legislation, tokens, cryptocurrencies, blockchain.

Донской О. О.

Понятие цифровых финансовых активов является новеллой современного мира и представляет собой объемную структуру качественно нового рынка криптовалют, который семимильными шагами развивается на сегодняшний день. Основы правового регулирования в рамках Российской Федерации были заложены 01.01.2021 года вместе с вступлением в силу Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту ФЗ № 259)¹. Его рассматривали почти три года и в значительной мере дорабатывали, определяя все существенные моменты в попытках успеть за активно развивающимся рынком объекта правового регулирования данного ФЗ № 259. Несмотря на данные попытки, данный закон был очень негативно принят юридическим сообществом. Во многом это связано с тем, что на момент начала разработки вышеуказанного

закона рынок криптовалют существовал уже 9 лет. Определенная терминология, разработанные понятия и конструкции, которые были установлены криптосообществом в ФЗ № 259 игнорируются или упускаются по большей части. Именно поэтому, три проекта федеральных законов, которые непосредственно касались регулирования криптовалютной рыночной среды, а также административной и уголовной ответственности за правонарушения и преступления при проведении операций с ними, были направлены на доработку, которая ведётся и сегодня. Также законодатель однобоко подходит к рассмотрению правового статуса криптовалют, упуская из своего регулирования такие «особенные» моменты рынка как:

1. Токены NFT, которые не взаимозаменяемы и исключительны. Они используются чаще всего современными творческими личностями для создания своего собственного уникального произведения искусства;

2. Регулирования такой исключительной криптовалютной платформы как Ripple (XRP);

3. Регулирование налогообложения доходов, получаемых с купли-продажи криптовалют до сих пор возможно только на бумаге, действенного способа контроля налогообложения в этой сфере законодателем разработано не было.

1 Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ// Официальный сайт Справочно-правовой системы «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/74451466/> (дата обращения: 16.06.2023).

Юридическое и бизнес-сообщество ожидали от данного закона максимально всеобъемлющего регулирования, которое регламентирует положение криптовалют и все виды деятельности, которые с этим связаны, но он лишь закладывает основы для цифровой унификации активов Российской Федерации, помогая выпускать государственные дубликаты ценных цифровых активов. Это вызывает ещё больше вопросов к правовому регулированию цифровых активов в Российской Федерации, так как реализовывать вышеуказанные дубликаты очень проблемно в рамках международного рынка. Некоторые нормы в данном законе противоречат друг другу, например нормами ФЗ № 259 цифровые валюты признаются средствами платежа и могут быть платформой для инвестиций, однако в этом же законе указывается, что у юридических и физических лиц отсутствует возможность принимать криптовалюты в качестве «бартера» за предоставленные товары или услуги. Этот очень важный момент во многом снижает и без того скромный экономический интерес к криптовалютам в среде консервативно настроенного российского бизнеса. Мы можем увидеть, что понятийный аппарат, который так важен для криптовалют, законодательное определение, которое обосновывает криптовалюты как токены, по которым отсутствует обязанная сторона максимально обширно и по своей сути предопределяет соотношение с криптовалютой различные аккаунты, электронные валюты на различных кошельках (например QIWI). Именно поэтому законодатель дополняет своё определение существенными поправками, что криптовалюта — это отнюдь не любые записи, а те, которые могут являться либо средством для инвестиций, либо средством осуществления платежных операций.

Необходимо также отменить разносторонний подход к принятию данной системы, так, сегодня в России рассматривают возможность полного запрета криптовалют. Председатель думского комитета по финансовому рынку Анатолий Аксаков придерживается позиции, при которой власти РФ должны рассмотреть два подхода к регулированию криптовалютного сектора — от полного запрета, до налогообложения и легализации криптовалютных бирж [1]. Все дискуссии, связанные с тем, как определять соответствующие новые инструменты и как их налогооблагать, должны быть в весеннюю сессию обязательно завершены, для того чтобы в следующий налоговый период, в две тысячи двадцать первом году, Россия могла войти с полным пониманием, как криптобизнес должен регулироваться. Есть подход очень консервативный, который говорит о необходимости полного запрета приобретения и владения криптовалютами. Также, есть взгляд, который отражает необходимость обязательного наличия соответствующих криптообменников и легализации правового положения криптобирж для того, чтобы все было прозрачно, понятно регулирующим органам, таким как Федеральная налоговая служба, так как ИФНС необходимо налогооблагать эти операции. Майнеры должны платить налог за свою деятельность и оплачивать электроэнергию по тарифам промышленных потребителей, ведь если мы майнинг определяем как вид бизнес-деятельности, значит, он должен приобрести ОКВЭД и соответствующим образом налогооблагаться. Данная позиция отражает необходимость правового регулирования, в том числе с точки зрения налогообложения и потребления электроэнергии как бизнес-института, а не как физических лиц, которые получают электроэнергию по льготным тарифам.

Необходимо также отметить достаточно консервативный взгляд Банка России, который запретил паевым инве-

стиционным фондам инвестировать в криптовалюту. Центральный банк России продолжает придерживаться строгой политики в отношении криптовалютной индустрии, официально запрещая паевым инвестиционным фондам инвестировать в такие криптовалюты, как биткойн (BTC). 13 декабря Банк России опубликовал официальное заявление о регулировании инвестиционных возможностей паевых инвестиционных фондов.² Несмотря на увеличение количества активов, доступных для инвестирования паевыми фондами, документ запрещает управляющим фондами покупать криптовалюты, а также «финансовые инструменты, стоимость которых зависит от цен на цифровые активы». В заявлении подчеркивается, что паевые инвестиционные фонды не имеют права предоставлять криптовалюту как квалифицированным, так и неквалифицированным инвесторам. Артем Деев, глава аналитического отдела брокерской компании AMarkets, сказал, что в России пока есть только один отраслевой биржевой фонд (ETF) [2]. По словам Деева, фонд управляется акционерной управляющей компанией BrokerCreditService и инвестирует в компании, специализирующиеся на децентрализованном хранении данных и блокчейне, включая такие фирмы, как Block Джека Дорси, PayPal и Broadcom. Глава Sber по управлению активами Василий Илларионов сообщил, что их банк также планирует запустить ETF, ориентированный на блокчейн. ETF будет называться «Экономика блокчейнов» и будет инвестировать в акции, связанные с блокчейн-компаниями. Илларионов отметил, что фонд не подпадает под ограничения Банка России и может быть предложен частным инвесторам.

Таким образом, мы видим, что в ФЗ № 259 отсутствует регулирование для некоторых видов токенов и криптовалют, которые имеют разный функционал и структуру. При этом определение цифровых финансовых активов по своей сути может включать бонусы и электронные сертификаты, которые активно используются в коммерческих целях. Также в вышеуказанном законе абсолютно игнорируется такой основополагающий момент как майнинг, который предопределяет в целом криптобизнес. Важность правового регулирования майнинга определяется ещё тем, что данный вид деятельности наносит определённый вред экологической безопасности, потому что процесс добычи криптовалют потребляет много электрической энергии. Во многих ведущих странах лица, который добывают криптовалюты с помощью майнинга вносят плату за электроэнергию по тарифу предприятий, что хоть как-то окупает вред, который наносится окружающей среде.

Пристатейный библиографический список

1. Карелина С. А., Фролов И. В. Правовой режим криптовалюты и институт несостоятельности (банкротства): проблемы правовой регламентации // Право и цифровая экономика. — 2019. — № 4. — С. 14-18.
2. Павлов И. Ю., Ким О. Л. Влияние ограничений в условиях пандемии на экономические показатели бизнеса в России // Государственное и региональное развитие: возможности и ограничения в условиях пандемии. — 2021. — С. 252-256.

² Информация Банка России от 13 декабря 2021 г. «Расширяются инвестиционные возможности ПИФ» // Официальный сайт Справочно-правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403103756/> (дата обращения: 16.06.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-169-171

ЗУБКОВА Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Института права Самарского государственного экономического университета

ИБРЯШКИНА Анастасия Сергеевна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

БИНАРНЫЙ ОПЦИОН: ПОНЯТИЕ, СПЕЦИФИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Активно растущие масштабы цифровизации и глобальное технологическое перевооружение финансовых рынков на основе современных информационных технологий предопределили появление нового вида получения дохода – трейдинг на онлайн площадках финансовых активов. На данный момент одним из самых актуальных и приспособленных для непрофессиональных трейдеров является рынок бинарных опционов, за короткий срок ставший очень популярным. Настоящая статья посвящена изучению понятия «бинарный опцион», видам существующих бинарных опционов, а также проблемам использования бинарных опционов в современных условиях.

Ключевые слова: опцион, финансовый инструмент, срочная сделка, ценные бумаги.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna

Ph.D.in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Law Institute of the Samara State University of Economics

IBRYASHKINA Anastasia Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

BINARY OPTION: CONCEPT, SPECIFICS, PROSPECTS

The rapidly growing scale of digitalization and the global technological re-equipment of financial markets based on modern information technologies have predetermined the emergence of a new type of income generation - trading on online platforms of financial assets. At the moment, one of the most relevant and adapted for non-professional traders is the binary options market, which has become very popular in a short time. This article is devoted to the study of the concept of "binary option", the types of existing binary options, as well as the problems of using binary options in modern conditions.

Keywords: option, financial instrument, term transaction, securities.

Одной из причин высокой популярности бинарных опционов было отсутствие нормативно-правовой базы и отраслевых стандартов, что предоставляло стратегическое преимущество перед форекс-инструментами, деривативами и другими более сложными рынками по мнению начинающих игроков. Простота и доступность рынка бинарных опционов привлекла огромное количество участников с недостаточным капиталом, что размывало имидж сервиса и привело к неправильному восприятию бинарных опционов, больше похожих на азартные игры и мошенничество, чем на торговлю [2]. Основная проблема связана с тем, что определение достаточного капитала, если оно выполняется в соответствии с обязательными правовыми нормами в отношении требований к собственным средствам, может ввести в серьезное заблуждение. Особенно это касается краткосрочных бинарных опционов [3].

Переход к иному, более совершенному состоянию рассматриваемой сферы отношений предполагает соответствующую реакцию государства, направленную на создание необходимой, в том числе и правовой базы, целью которой

является реализация нового вектора политики, проведение трансформационных процессов во всех взаимосвязанных институтах. Будучи «в ногу со временем», Правительство Российской Федерации (далее – РФ), разработало и утвердило Программу «Информационное общество»¹. Отдельный акцент был сделан на том, что данные, содержащиеся в цифровой форме – тот базис, который необходим для статуса государства как конкурентного участника цифрового пространства. Соответственно, государство в лице исполнительного органа власти официально указывает приоритетным скорейшее становление безопасной и развитой национальной цифровой системы и последующее участие, интеграцию с глобальной.

Переходя к непосредственному анализу сущности бинарного опциона как «оппонента» опциона (срочной сделки), необходимо отметить, что последний закреплен в п. 2

Зубкова М. Н.

Ибряшкина А. С.

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 29.04.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество».

Указания Банка России², указывающего на то, что опционный договор, традиционный производный инструмент в своем «истинном» понимании, представляет собой:

– договор, который предусматривает обязанность стороны такого договора при предъявлении требований иной стороной периодически и (или) единовременно уплачивать денежные суммы в зависимости от изменения цен базисного актива и (или) наступления обстоятельства, являющегося базисным активом;

– а также это такой вид договора, который содержит уникальный для него, исчерпывающий перечень обязанностей, характерных для данного договора. Несмотря на достаточно четкую формулировку понятия опционного договора, закрепленную на официальном уровне, в цифровом пространстве наличествуют дезориентирующие предложения по получению, в частности, услуг дилинговых центров, содержащих некорректные определения, чей смысл и природа происхождения не соответствуют понятиям, установленным нормативной базой.

В связи с вышеизложенным, необходимо акцентировать внимание на том, что опцион как срочная сделка и бинарный опцион – не тождественны друг другу, в отношении них зачастую прослеживается подмена понятий, которая пагубно влияет как на инвестиционную привлекательность производных финансовых инструментов, так и на развитие безопасного цифрового пространства.

Бинарным (зачастую его еще именуют – цифровой) считается опцион, суть которого заключается в выборе одного из двух возможных вариантов развития событий – роста или падения стоимости актива. В случае если участник торгов окажется прав, то он получает прибыль. Если же нет – то потеряет средства, потраченные на покупку такого опциона. Ключевыми условиями сделки являются фиксация прибыли и промежутка времени, в течение которого меняется цена актива.

Иными словами, бинарный опцион есть некая «ставка» или прогноз на то, что, например, курс рубля к доллару к конкретному моменту времени возрастет в рамках курса рубля к доллару на данный момент времени. Если клиент «угадал», то он получит не только инвестированные им ранее денежные средства, но и процент от внесенной им суммы, который в свою очередь определяет дилинговый центр, ставя его в прямую зависимость от вероятности наступления указанного условия – события. В противном случае клиент теряет все свои инвестиции.

По видам бинарные опционы бывают:

– классическими (Call/Put или «Вверх/Вниз»), для совершения сделки, по которым достаточно нажать одну их данных клавиш. В случае если участник торгов угадает относительно динамики изменения стоимости актива, то получает вложенные средства плюс прибыль, если нет – то теряет;

– «одно касание» (One Touch). В рамках данного опциона участник может зафиксировать предполагаемый им результат относительно изменения цены в любой момент до

момента завершения сделки. Противоположным по содержанию является опцион «без касания» No Touch, который предполагает указание участником цены актива, которая, наоборот, не будет достигнута [1];

– «Range» («Диапазон»), в рамках данного опциона возможно устанавливать ценовой коридор, в пределах которого может оказаться цена актива до истечения срока экспирации;

– опцион «Спрэд» предполагает дополнительное требование к участникам в виде прогнозирования ими как направления изменения цены, так и его величины;

– парный («Pairs»), содержание которого составляет сравнение стоимости двух активов, и участник должен решить какой из этих активов к моменту экспирации окажется наиболее прибыльным;

– лестница («Ladder»), данный опцион относится к категории наиболее рискованных. Здесь участник торгов должен выбрать несколько «ступеней», подразумевающих разную доходность, а получить прибыль будет возможно в случае, если до окончания торгов цена актива достигнет выбранный трейдером уровень.

Что касается различий между бинарным опционом и классическим опционом как срочной сделкой (опционного договора) то они сводятся к следующим моментам:

– опционы выполняются по требованию самого покупателя;

– опционная премия в рамках такого вида договора возврату не подлежит;

– сам размер платежей взаимозависим от динамики цены базисного актива, то есть не является заранее установленным;

– при заключении срочных сделок стороны не могут знать суммы платежей, так как не имеют информации относительно динамики валютных курсов.

Самым важным отличием двух указанных ранее видов сделок в том, что при заключении бинарного опциона клиент уже обладает информацией о конкретном размере получаемой им прибыли, учитывая, что она не коррелирует с изменениями валютных курсов, то есть важно лишь само отклонение: вырос курс или же упал. Соответственно, природа понятия бинарного опциона существенно разнится с той, что указана в п. 2 Указания Банка России, а значит, бинарный опцион не является срочной сделкой в ее «классическом» понимании, что также часто принимается во внимание спекулятивной стороной рынка для дезориентации и введения в заблуждение клиентов.

В силу того, что трейдер делает ставку на рост или падение цены актива, причем в очень в краткосрочном периоде – от нескольких минут до суток – можно сказать, что он делает просто ставку на то, что-то или иное событие в будущем либо произойдет, либо нет. То есть данные операции очень сильно напоминают обычные ставки в букмекерских конторах. А любая сфера, связанная с азартными играми, как известно, представляет собой благодатное место для деятельности мошенников³.

2 Указание Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // Справочная - правовая система «КонсультантПлюс».

3 Директор департамента Банка России по противодействию недобросовестным практикам Валерий Лях: «... в принципе би-

28 марта 2020 года вступили в силу поправки внесенные в конце 2019 года в Федеральный закон от 29 декабря 2006 года N 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁴ относительно совершения с физическими лицами сделок, предметом которых являются обязательства со сроком исполнения менее трех дней с момента заключения таких сделок. Отныне такие сделки закон признал азартными играми и обязал их заключать только в казино и залах игровых автоматов, расположенных в игорных зонах.

В подтверждение вышеуказанному, необходимо отметить: несмотря на то, что в рамках еще непродолжительной практики рассмотрения судами дел по заключению бинарных опционов и спекуляций, связанных с ними, не так много, уже сейчас можно заметить неблагоприятную тенденцию. Например, в рамках Определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 № 77-1691/2021 Приговор: по п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ (незаконная организация и проведение азартных игр), велась незаконная деятельность игорного бизнеса, которая «прикрывалась» заключением опционных договоров, а в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.12.2020 № 77-2938/2020 Приговор: по п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ (незаконная организация и проведение азартных игр), сотрудники «Дилингового центра» также «маскировали» оборудование для азартных игр под оборудование для бинарных опционов, не имея понятия, что они из себя представляют, тем самым вовлекая клиентов в игорный бизнес. В рамках Решения от 27 июля 2020 г. по делу № А34-2842/2020 о банкротстве, должник ссылается на то, что участвовал в сделках по заключению бинарных опционов, получал прибыль, однако в связи с падением их стоимости претерпел убытки, которые также явились основанием для обращения в суд о признании его банкротом.

Иными словами, положение бинарного опциона в рамках экономико-правовой среды в РФ не урегулировано исчерпывающе, настолько, чтобы исключить использование подмены понятий (бинарный опцион – опцион). Также он сопряжен с огромными финансовыми рисками, чей характер и природа сравнимы со ставками в букмекерских конторах – дилинговых центрах, а также спекулятивными схемами. Кроме того, он используется в теневой экономике под «сокрытием» реально осуществляемой незаконной деятельности.

Таким образом, бинарный опцион – относительно новое явление в экономико-цифровой среде нашего государства, а потому и нуждается в тщательном, детальном

урегулировании с целью создания безопасного цифрового пространства, отслеживания валютных движений и установления соответствующего налогообложения. Также установление «места» бинарного опциона в рамках современной отечественной экономики и правовой сферы предполагается наряду с учетом релевантного опыта зарубежных коллег. В частности, компания Google объявила запрет любых рекламных кампаний относительно криптовалютных отношений в связи с тем, что подобные данные вводят в заблуждение, побуждают предпринимать неверные решения, а также сама информация, содержащая сведения о криптовалюте, выступает широким полем для осуществления спекулятивных и мошеннических действий⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Марков С. Н., Череповецкий П. С. Бинарные опционы: понятие, виды и проблемы // Научные исследования: от теории к практике. - 2015. - № 3. - С. 329-331.
2. Pietrzyk, Radoslaw & Rokita, Pawel. (2018). Determination of the Own Funds Requirements for the Risk of Binary Options. 10.1007/978-3-319-76228-9_3.
3. Victor Yekimetsky. Binary options. Gambling or financial instrument? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nasdaq.com/articles/binary-options-gambling-or-financial-instrument-2016-01-04>.

нарные опционы — это нормальный финансовый инструмент. Другое дело — он не имеет никакого отношения к тому, что продавалось у нас в стране под таким наименованием. И то, что людям пытались преподнести как предложения по инвестициям, было самой настоящей игорной деятельностью». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/6268e5969a79475c24599cceehttps://quote.rbc.ru/news/article/6268e5969a79475c24599ccee>.

4 Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 1 (1 ч.). - Ст. 7.

5 Google заподозрили в недобросовестной конкуренции на рынке криптовалют // Информационное агентство «Рамблер». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/internet/40012030/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

КУЗЬМИНА Карина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета

КЛЫШЕВСКИЙ Александр Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета

ВРОНСКАЯ Мария Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Дальневосточного федерального университета, кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РФ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

В статье рассматривается правовое функционирование добровольного медицинского страхования в РФ. Авторы выделяют типы добровольного медицинского страхования и рассматривают их особенности, в том числе и уделяют внимание страхованию иностранцев и лиц без гражданства. Также проанализированы существенные преимущества и вытекающие из них недостатки данного вида страхования. Считаем, что развитие данной темы позволит расширить спектр данных правоотношений, увеличить спрос на заключение данного договора страхования.

Ключевые слова: добровольное медицинское страхование, полис, страховщик, страхователь, застрахованное лицо, договор страхования.

KUZMINA Karina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University

KLYSHEVSKY Alexander Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University

VRONSKAYA Mariya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Far Eastern Federal University, Civil law disciplines sub-faculty of the Vladivostok State University

FUNCTIONING OF VOLUNTARY MEDICAL INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, TYPES, ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

The article examines the legal functioning of voluntary health insurance in the Russian Federation. The authors identify the types of voluntary medical insurance and consider their features, including paying attention to the insurance of foreigners and stateless persons. The essential advantages and the resulting disadvantages of this type of insurance are also analyzed. We believe that the development of this topic will expand the range of these legal relations, increase the demand for the conclusion of this insurance contract.

Keywords: voluntary medical insurance, policy, insurer, policyholder, insured person, insurance contract.

Развитие добровольного медицинского страхования (далее ДМС) дает значительные преимущества для людей разных возрастов; разных национальностей; для людей, с разным видом деятельности: например, работа, которых связана с повышенной травмоопасностью; также для людей, проживающих в различных областях, например, проживающих в эпидемиологически опасных зонах.

В связи с этим рассмотрим, какое бывает добровольное медицинское страхование. Предлагаем классифицировать их по следующим критериям.

Во-первых, по субъектному составу: семейные полисы, для детей, для иностранцев, для мигрантов, корпоративное ДМС. Самым распространённым является именно корпоративное медицинское страхование. Почему же данный тип пользуется таким спросом? Так как это выгодно как работодателям, так и работникам. Работодатели, которые могут предложить своим сотрудникам корпоративное медицинское страхование будут являться для граждан более предпочтительными, при выборе места работы. Для работодателей ДМС является средством материального стимулирования работников, а также элементом повышения работоспособ-

ности сотрудников за счет заботы о здоровье персонала [3, с. 5]. Что касается программ коллективного страхования, то рассмотрим на примере одной их страховых компаний, которая предлагает включение в полис ДМС - консультации врачей, плановое наблюдение, исследования, диагностики, оплату медикаментов, плановую госпитализацию и другое. Необходимо обозначить здесь еще одно разделение. Работодатель может приобрести как комплексное страхование для всех сотрудников, так и выборочное – для отдельных специалистов. Например, для тех, кто отправляется в командировки в другие страны.

ДМС для беременности и родов. Для указанной категории лиц создаются специальные программы, которые способствуют получению медицинской помощи в связи с беременностью и родами. Страховые компании обычно предоставляют полный список клиник, где можно будет впоследствии получить услуги по полису ДМС. Программы от страховых компаний обычно предоставляют услуги по получению квалифицированной помощи у гинеколога с привлечением узких специалистов и проведением лечебно-диагностических исследований. Перечень узких специалистов

также должен быть обозначен в договоре. У различных компаний определен перечень специалистов. У кого-то можно встретить только акушеров-гинекологов, у других - целый спектр специалистов от стоматологов до офтальмологов.

Семейная форма страхового полиса позволяет выбор конкретного специалиста-терапевта, который будет закреплен за семьей. В функции данного специалиста будет входить как наблюдение за здоровьем членов семьи в периоды обострения сезонных заболеваний, так и амбулаторное лечение в клинике. Также возможно и привлечение других врачей. Также возможно включение условия о сопровождении врача, если есть необходимость госпитализировать больного.

Существуют и страховые услуги, разработанные для иностранных граждан, прибывших на территорию Российской Федерации. Срок страхования для таких физических лиц обычно устанавливается по месяцам. Например, в одной из таких компаний можно наблюдать срок заключения договора о добровольном медицинском страховании от 3-х до 12-х месяцев. В опции обычно входят те же услуги, что и для граждан РФ.

Во-вторых, можно выделить ДМС по формату обслуживания: онлайн и общий режим. Тип ДМС онлайн – является нововведением, которое позволяет получение медицинской помощи в плановой форме с применением телемедицинских технологий в формате консультаций. А средством получения консультации может являться любой компьютер или телефон. Это могут быть как аудио консультации, видео консультации, так и личные сообщения. В опции обычно входят консультации врачей-специалистов, расшифровка результатов анализов и обследований.

Общий режим ДМС обычно включает услуги, определенные в программах «Амбулаторная помощь» и «Стационарная помощь». В страховке, предлагаемой некоторыми компаниями, можно обнаружить оплату, например, физиотерапевтических процедур: массаж и другие различные терапии, проводимые по назначению лечащего врача.

В-третьих, по виду предоставляемых услуг. Например, ДМС защита от клещевого энцефалита, ДМС защита от тяжелых заболеваний и травм, ДМС стоматология и другие. Соответственно, в каждом из договоров предоставляются услуги, связанные именно с определенными видами предоставляемых услуг.

Считаем, что самым первостепенным для тех, кто собирается получить полис ДМС является внимательное изучение преимуществ и недостатков данного института. Хотелось бы заострить внимание сначала на преимуществах ДМС.

Во-первых, добровольное медицинское страхование позволяет пациентам экономить время и избежать сложностей, в случае если в государственной поликлинике не окажется необходимого специалиста, или если у необходимого врача расписана запись за месяц вперед. При оформлении полиса ДМС пациент может быть уверен, что попадет к необходимому специалисту в более короткие сроки. Так как страховые компании в большинстве случаев сотрудничают по ДМС именно с частными клиниками, в которых явно уменьшен срок ожидания помощи.

Во-вторых, еще одним преимуществом является расширенный субъектный состав данных правоотношений. Имеется в виду рассмотренные нами возможности включения в полис членов семьи, в том числе детей, а также иностранных граждан, имеющие временную регистрацию в России.

В-третьих, это возможность выбора, которая позволяет определять наполнение страховки. В отличие от ОМС, ДМС является не обязательным и более полным. ДМС предполагает дополнительные медицинские услуги, которые не включены в программы ОМС [4, с. 2]. Так, в полис ДМС могут входить сложные медицинские вмешательства, может быть определен список узких специалистов. Также можно, с целью снижения цены ограничить количество обращений и процедур.

В-четвертых, отсутствуют сложности с обращением, оформлением, которые часто встречаются при обращении в клиники по ОМС. Например, по полису ДМС пациент, осознавая свою потребность сразу пойдет в одну из обусловленных договором клиник, где ему окажут необходимую медицинскую помощь сразу. Это позволяет сэкономить время и сразу решить проблему, так как пациент, заключив договор, будет уверен, куда ему обращаться сразу и помогут ли ему. Что касается полиса ОМС, то пациент может прийти в одну поликлинику, а его перенаправят в другую, это приводит к трате времени и затягиванию решению проблемы. Данная ситуация возникает в связи с тем, что полис ОМС не содержит условий куда можно обратиться конкретно и какую помощь смогут оказать в той или иной клинике, а тем более не каждый сайт государственной поликлиники содержит данную информацию.

В-пятых, немаловажным является то, что можно заключить договор с условием действия его за границей. Для граждан, которые часто выезжают в командировки в другие страны или просто на отдых, это преимущество будет несравненным.

В-шестых, что касается обслуживания, то в наше время категория «качество обслуживания» пользуется высоким спросом, и является одной из определяющих при выборе гражданами той или иной услуги. Этим преимуществом и наделен полис ДМС. Высокое качество медицинских услуг заключается в быстром отклике, высоком уровне обслуживания, комфортных условиях, современном оборудовании. Это обусловлено тем, что из-за коммерческой основы ДМС качество предоставляемых услуг постоянно и жестко контролируется страховыми компаниями.

В-седьмых, работодатели кажутся наиболее привлекательными для работников, если могут предложить своим сотрудникам корпоративный полис ДМС. Так как в данном случае для работников – это социальные гарантии, а для работодателей - это возможность привлечь и удержать ценные кадры.

В-восьмых, еще одним плюсом является стремительное развитие ДМС в отличие от государственного ОМС. Ярким примером служит проект одной из страховых организаций, который заключается в предложении своим клиентам технологии «uber-медицины», с помощью которой можно вызвать врача на дом, используя приложение. Большое преимуще-

ство в том, что граждане могут через мобильное устройство выбрать врача, отслеживать через приложение его маршрут, и тем самым, знать точное время, когда будет доктор.

Но из каждого нами выделенного пункта преимуществ вытекают существенные недостатки, которым также необходимо уделить внимание.

Несмотря на то, что пациент экономит время на ожидания в очереди, на поиск подходящего врача, несмотря на качество обслуживания - цена договора ДМС не является для всех привлекательной. Высокая стоимость на полис ДМС объясняется тем, что большая часть рынка ДМС — это корпоративное страхование, которое оформляется именно юридическими лицами. Также исходя из рассмотренных нами преимуществ можем наблюдать, что ДМС развивается, это касается как качества обслуживания и повышения квалификации врачей, так и внедрением современных высокотехнологических методов лечения. Также рост числа заболеваний граждан влияет на повышение стоимости, так как увеличивается спрос на медицинские услуги [1, с. 4]. Эта проблема является актуальной в современном мире, так, например, пандемия, которая оставила много последствий на здоровье людей.

В связи с тем, что большинство ДМС корпоративного типа, то можно отметить и второй недостаток, который заключается в том, что объем страховой программы и перечень лечебных учреждений обычно формируется исходя из кадровой политики работодателя. Поэтому, есть риск, что потребуются медицинские услуги, которые не включены в договор страхования, тогда страховая компания откажет в компенсации лечения.

Если развить далее тему про отказы страховых компаний, то здесь необходимо обратить внимание на следующий аспект. Клиентам с распространенными хроническими заболеваниями могут отказать в оформлении полиса ДМС, это касается и недееспособных граждан. Это объясняется тем, что целью страховых компаний является получение прибыли, поэтому им не выгодно оплачивать затратное и постоянное лечение многих заболеваний [2, с. 2]. Некоторые, выходя из данной ситуации, увеличивая стоимость страховки, но остается тогда здесь будет иметь место первый недостаток, касаемый цены договора страхования.

Еще одним недостатком, можно выделить тот факт, что договор ДМС определяет условия обращения за помощью, которые устанавливают возможность получать услуги в определенной клинике. То есть, в договорах, обычно включен список организаций, куда можно обратиться. В этом и находим недостаток, так как если застрахованное лицо находится в другом регионе, там может не оказаться той организации, в которую он имеет право обратиться. Но тут взамен придет полис ОМС, при наличии, которого можно обратиться в любую государственную поликлинику РФ, а также есть возможность в случае долгого отъезда прикрепиться по месту временной регистрации.

И последним недостатком можно считать ограниченный срок действия полиса. Это требует дополнительные затраты на заключение нового договора, в случае если срок

истек, а также необходимость следить, чтобы вовремя не упустить время.

Пристатейный библиографический список

1. Бондарь Ю. В. О содержании внутренних и внешних проблем в развитии добровольного медицинского страхования в России // *Baikal Research Journal*. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-vnutrennih-i-vneshnih-problem-v-razvitii-dobrovolnogo-meditsinskogo-strahovaniya-v-rossii> (дата обращения: 07.06.2023).
2. Гераскина О. А. Проблемы и перспективы обязательного медицинского страхования и добровольного медицинского страхования в России // *Политика, экономика и инновации*. 2016. № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-i-perspektivy-obyazatel'nogo-meditsinskogo-strahovaniya-i-dobrovol'nogo-meditsinskogo-strahovaniya-v-rossii> (дата обращения: 07.06.2023).
3. Землячева О. А., Мерзликина Ю.В. Обязательное и добровольное медицинское страхование в России // *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2015. № 2 (31). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnoe-i-dobrovolnoe-meditsinskoe-strahovanie-v-rossii> (дата обращения: 07.06.2023).
4. Шарифьянова З. Ф., Минигазинова Л. Ф., Мухаметьянова Л. Р. Добровольное медицинское страхование (ДМС) и обязательное медицинское страхование (ОМС): сравнительный анализ // *Инновационная наука*. 2016. № 5-1 (17). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnoe-meditsinskoe-strahovanie-dms-i-obyazatelnoe-meditsinskoe-strahovanie-oms-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 07.06.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-175-177

МАСАЛИМОВА Альбина Алмазовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В статье автором выявлены особенности правовой природы договора транспортной экспедиции. Сделан вывод о том, что он является поименованным рамочным договором. Исследована проблема определения существенных условий договора транспортной экспедиции в связи с тем, что Закон РФ «О транспортно-экспедиторской деятельности» перечисляет только структурные элементы этого договора. Определена классификация условий договора транспортной экспедиции, исследована целесообразность такой классификации.

Ключевые слова: договор транспортной экспедиции, существенные условия договора, предмет договора транспортной экспедиции, транспортно-экспедиционные услуги.

MASALIMOVA Albina Almazovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

TO THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF THE LEGAL NATURE AND CONDITIONS OF THE TRANSPORT EXPEDITION CONTRACT

In the article, the author identified the features of the legal nature of the transport expedition agreement. It was concluded that it is a named framework agreement. The problem of determining the essential conditions of the contract of the transport expedition was investigated due to the fact that the Law of the Russian Federation «On Forwarding Activities» lists only the structural elements of this contract. The classification of the terms of the contract of the transport expedition was determined, the feasibility of such a classification was investigated.

Keywords: contract of transport expedition, material terms of the contract, subject of contract of transport expedition, transportation and expeditionary services.

Масалимова А. А.

Условия любого гражданско-правового договора имеют двойственное значение для сторон сделки: во-первых, наличие и достаточность определенных условий свидетельствует о заключении договора, о возникновении договорного правоотношения; во-вторых, непосредственно определяют права и обязанности сторон обязательственного правоотношения.

Кратко характеризуя общее учение об условиях гражданско-правового договора, можно отметить следующее. В цивилистической доктрине сложилось две позиции по поводу круга условий договора и их классификации. Одна группа ученых выделяет дифференцированную систему условий договора, подразделяя их на существенные (конституирующие договор, без этого условия договорной связи не может быть как такового), обычные (условие, о котором настояла одна из сторон или по совпавшей позиции обеих сторон) и случайные (условия, относительно которых не было согласования, ни одна сторона не возражала против его включения в договор, а инициатора этого условия невозможно установить однозначно). Каких-либо конкретных правовых оснований в обоснование такой концепции условий договора, ни в советском, ни в современном договорном праве не приводилось.

Другая группа ученых-цивилистов настаивают на том, что условиями договора могут быть только существенные, и все одержимые в договоре условия а priori существенные сами по себе. Правовым основанием данной позиции является п. 1 ст. 432 ГК РФ, согласно которой договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в

законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, «а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение». Именно на основе последнего критерия в перечне условий и основывается данная концепция. Все условия существенные, ибо стороны, не будь они заинтересованы в этих условиях, не выговорили бы его себе. Что касается условий, которые по первой концепции включены в договор случайно, то это объясняется тем, что является согласием стороны на предложенные другой стороной условия [1, с. 315].

Мы также придерживаемся второй концепции, основанной именно на буквальном и телеологическом толковании п. 1 ст. 432 ГК РФ. У впервой концепции о подразделении условий договора на три подвидов имеются существенные недостатки.

Во-первых, отсутствие правовых оснований такой классификации указывает на сугубо доктринальный, схоластический характер этой концепции.

Во-вторых, признание трехчленной классификации условий договора, как на уровне закона, так и на уровне судебной практики путем иного толкования п. 1 ст. 432 ГК РФ может привести к аннулированию правоприменительного потенциала множества гражданско-правовых норм, направленных на обеспечение правопорядка и стабильности гражданского оборота. Так, для применения некоторых договорных конструкций особое значение имеет сопоставление договорных возможностей, а также выяснение обстоятельства того, по чьей инициативе были включены те или иные условия в договор. Можно привести следующие примеры:

– признание оспаривания сделки недобросовестной ввиду того, что сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, знала или должна была знать при проявлении ее воли об основаниях оспоримости сделки (абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ). Обстоятельство осведомленности устанавливается прежде всего путем установления инициатора включения оспоримого условия сделки в договор. Признание наличия случайных условий может нивелировать значимость этой нормы;

– заключение договора на основании решения суда о разрешении преддоговорных споров (ст. 445, 446 ГК РФ). Применительно к таким ситуациям могут возникнуть проблемы с соотношением условий, указанных в судебном акте, и условий, согласованных самими сторонами договора (последние являются существенными или вовсе случайными?);

– судебный контроль *ex post* и *ex ante* в отношении условий публичного договора, договора присоединения, особые условия ничтожности потребительских договоров. Градация условий договора на существенные, обычные и случайные может привести к злоупотреблению субъектов с сильными договорными возможностями, большего усугублению в стабильности судебной практики. Например, навязанные потребителю договорные условия могут быть признаны случайными, от которых потребитель действительно мог отказаться, однако так как выразил свое согласие, недопустимо от них отказываться (ст. 310 ГК РФ).

Для такого договора, как транспортная экспедиция, которая осуществляется предпринимателем, трехчленная классификация условий договора также недопустимо. Дело в том, что транспортная экспедиция – нетипичный договор для гражданского права, так как является договором с открытыми условиями. В ходе осуществления экспедиционного сопровождения груза могут возникнуть дополнительные расходы, может потребоваться смена маршрута, выговоренного клиентом и т.д. Признание случайных и обычных условий договора также потребует решения вопроса о соотношении открытых условий и с этой доктриной на трех уровнях: в теории гражданского права, законодательстве и судебной практике [2, с. 21].

Итак, все позиции заключенного договора транспортной экспедиции относятся к существенным условиям. Однако, сами существенные условия также не лишены недостатка в необходимости к дифференциации. Среди них выделяются условия о предмете и все остальные условия (цена оказываемых услуг, срок исполнения обязательств, порядок привлечения третьих лиц (по согласованию с клиентом или своей волей экспедитора), необходимость предоставления отчета, порядок расчета и оплаты расходов и т.д.).

Если клиент и экспедитор согласовали предмет транспортной экспедиции, не выразили намерение включить иные условия в договор, то соглашение должно считаться заключенным (гл. 41 ГК РФ и положения Закона № 87-ФЗ) не содержат условий, которые должны быть урегулированы сторонами в силу закона [3, с. 3].

Предметом договора признаются действия, на которые вправе претендовать и требовать совершения кредитор (клиент от экспедитора). В советском гражданском праве О.С. Иоффе настаивал на том, что предметом транспортно-экспедиционного обслуживания является как действия должника в пользу кредитора, так с материальный объект – груз, перевозку которого организует экспедитор. Однако, вскоре после признания учения о том, что главным отличительным признаком подряда от услуг является наличие овеществленного результата и отсутствие последнего в услугах, от двусоставного предмета транспортной экспедиции пришлось отказаться. На данный момент общепризнанно, что предметом транспортной экспедиции являются только экспедитора по обеспечению доставки груза – экспедиторские услуги.

Ст. 801 ГК РФ, Закон № 87-ФЗ, другие транспортные кодексы и уставы не содержат понятия или признаков экспедиторских услуг. Общее определение приведено в Правилах транспортно-экспедиционной деятельности. Так, транспортно-экспедиционные услуги – услуги по организации перевозки груза, заключению договоров перевозки груза, обеспечению отправки и получения груза, а также иные услуги, связанные с перевозкой груза¹.

В Генеральных условиях экспедиторов Ассоциации экспедиторов Российской Федерации экспедиторские услуги определены более подробно и представляют собой любые действия, относящиеся к организации и осуществлению перевозки, консолидации, хранения, складирования, обработки и доставки груза адресату по назначению, а также вспомогательные и консультационные услуги, относящиеся к выполнению вышеперечисленных работ, включая услуги, связанные с таможенным оформлением, прохождением карантинного и фитосанитарного контроля, решением налоговых вопросов, декларированием, обеспечением страхования, производством платежей, оформлением документов, относящихся к грузам и их перевозке².

Как видим, в подзаконном нормативном акте и в рекомендательном документе некоммерческой организации – союзе экспедиторов, не находит подтверждение подразделение на основные и дополнительные услуги. Данная дифференциация по своей сущности была ошибочной, так как фактически соответствовала делению экспедиторских услуг на исполнимые как юридические и фактические действия экспедитора.

Рекомендательный акт придерживается иного подхода, не отказываясь от классификации экспедиторских услуг. Транспортно-экспедиционное обслуживание подразделяется на две группы услуг:

– услуги, непосредственно связанные с доставкой груза или иными словами с перемещением его из одного пункта в другой (услуги, воздействующие на груз как на материальный объект). К этой группе можно отнести заключение экспедитором договора перевозки, договора организации перевозки, упаковка, взвешивание, погрузка, обеспечение охраны в пути и т.д.;

– услуги, направленные на создание условий для доставки груза в надлежащий пункт назначения (услуги, не воздействующие на груз как на материальный объект). К данной группе относится прохождение таможенных процедур, прохождение карантинного и фитосанитарного контроля, выполнение функции налогового представителя и т.д.

Как мы уже указывали, договор транспортной экспедиции является не типичным для гражданского права, так как допускает открытые условия, в том числе относящиеся к предмету договора. Например, возможно заключение экспедиционного обслуживания, согласно которому экспедитор обязуется обеспечить доставку груза по заявкам клиента (в большинстве случаев экспедиционный договор в таком содержании и заключается), определив только ареал деятельности (порты, аэропорт, железнодорожные станции и т.д.) [4, с. 46].

В некотором смысле договор транспортной экспедиции можно признать поименованным рамочным договором. Согласно п. 1 ст. 429.1 ГК РФ рамочным договором (договором

1 Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2006 г. № 554 «Об утверждении Правил транспортно-экспедиционной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023).

2 Генеральные условия экспедиторов Ассоциации экспедиторов Российской Федерации // Официальный сайт Российской ассоциации экспедиторских и логистических организаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.far-aerf.ru> (дата обращения: 22.05.2023).

с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, «подачи заявок одной из сторон» или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. В той конструкции, который указан в п. 1 ст. 429.1 ГК РФ, рамочный договор был распространен среди отдельных видов обязательства уже до принятия соответствующих изменений³.

К таковым однозначно относятся: договор поставки, кредитный договор с условием резервирования денежных средств (открытие кредитной линии), договор складского хранения, договор об организации перевозки грузов и т.д.

Таким образом, рамочный договор, в том числе транспортной экспедиции – договор с определенным предметом, существо которого, однако установлено соглашение (совершение экспедиционных услуг, поставка продовольственных товаров, заем денежных средств и т.д.).

При обсуждении проекта новелл о рамочном договоре имели в виду, прежде всего, рамочный договор наподобие договора с примерными условиями. Такой рамочный договор не подлежал исполнению, а «оживал» полностью или в части с конкретизированными условиями после заключения договора с условиями, указанными в этом рамочном договоре (п. 1 ст. 429.1 ГК РФ – могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров). Однако, потерпев поражение в поиске отличительных свойств этого рамочного договора и примерных условий, разработанных сторонами соглашения (п. 3 ст. 427 ГК РФ), разработчики законоположения прибегли к индукции частных норм об отдельных договорах в общую норму о рамочном договоре [5, с. 186].

В итоге можно констатировать, что договор транспортной экспедиции – рамочный договор, в котором в виде существенного условия может быть определен только родового предмет договора с некоторыми конкретизациями (например, экспедиционные услуги исключительно связанные с перевозкой автомобильным транспортом в пределах одного региона).

Судебная практика также склоняется к тому, что подача заявки завершает согласование условий о предмете транспортной экспедиции⁴.

Конкретные экспедиторские услуги указаны в доверенности, фактически заменившей заявку. Экспедитор, сославшись на несогласованность конкретных услуг, подал иск о признании незаключенным договора транспортной экспедиции (после предъявления к нему иска о взыскании стоимости поврежденного груза). Суд, указав, что по существу договора транспортной экспедиции конкретный перечень услуг может быть определен односторонней волей клиента экспедитора.

Однако, столь расширительное толкование предмета договора может привести к его неисполнимости. Так, если между клиентом и экспедитором заключен договор полного транспортно-экспедиционного обслуживания без указания сфер деятельности, экспедитор может получить от клиента заведомо для него неисполнимую заявку. Например, экспедитор специализируется в железнодорожной и автотранспортной сфере. Получив заявку на отправку груза через аэропорт, экспедитор может отказаться, сославшись на от-

сутствие в штате специалистов по воздушно-транспортной экспедиции, отсутствие транспорта и т.д. Такие договора необходимо признавать незаключенными [6, с. 40].

По нашему мнению, для того, чтобы договор транспортной экспедиции был заключен, а условие о предмете согласовано, необходимо предусмотреть следующие условия в договоре:

1) Совершение исполнителем экспедиционных услуг полного цикла, либо связанного с отправкой или получением грузов, либо вовсе с вспомогательным оформлением;

2) Определение вида (видов) используемого транспорта, с использованием которого связано экспедирование доставки груза;

3) Территория деятельности экспедитора (субъект Российской Федерации, один или несколько муниципалитетов, межрегиональная деятельность, международное экспедирование и т.д.);

4) Первоначальные пункты приемки экспедитором груза от клиента и для клиента (можно также рассматривать как конкретизацию ареала деятельности).

Остальные виды услуг (погрузка, упаковка, охрана) могут быть конкретизированы заявкой клиента либо определены экспедитором самостоятельно по мере необходимости

Анализируя круг условий договора транспортной экспедиции, необходимо иметь в виду также следующее. Ранее упомянутым Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ введен п. 3 ст. 307 ГК РФ, согласно которому при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Отметим, что генеральный принцип добросовестности, наряду с законом, подзаконными актами и волей сторон, будет дополнительным фактором в определении условий договора транспортной экспедиции.

Постатейный библиографический список

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.
2. Гудовских Т. С. Система рамочных договоров в сфере перевозок // Транспортное право. 2018. № 3. С. 21-23.
3. Морозов С. Ю. О предмете и субъектном составе договора транспортной экспедиции // Гражданское право. 2017. № 6. С. 3-7.
4. Иванова А. И. Подводные камни договора транспортной экспедиции // Административное право. 2011. № 1. С. 45-50.
5. Райников А. С. Рамочный договор: комментарий к комментарий // Вестник гражданского права. 2019. № 5. С. 186-202.
6. Каменков В. С. Предмет договора транспортной экспедиции // Транспортное право. 2014. № 3. С. 40-46.

3 Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023).

4 Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 марта 2017 г. № Ф03-831/2017 по делу № А51-22378/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-178-180

УЛАЕВА Наталия Львовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ ВЕТЕРИНАРНЫХ УСЛУГ

В статье анализируются положения общего и специального законодательства, регулирующего возмездные (платные) ветеринарные услуги, рассматриваются отдельные проблемные аспекты, возникающие на практике, связанные с вопросами заключения договора и его условиями, особенностями предмета и субъектного состава, вытекающих из специфики и потребительских свойств оказываемых платных ветеринарных услуг. Также в статье уделяется внимание отдельным проблемным вопросам гарантированности оказания возмездных (платных) ветеринарных услуг и защиты прав и законных интересов потребителей.

Ключевые слова: возмездные услуги, платные ветеринарные услуги, договор возмездного оказания услуг, гарантии безопасности, защита гражданских прав.

ULAEVA Nataliya Lvovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia.

CERTAIN LEGAL ASPECTS OF THE PROVISION OF PAID VETERINARY SERVICES

The article analyzes the provisions of general and special legislation regulating paid (paid) veterinary services, examines certain problematic aspects that arise in practice related to the issues of concluding a contract and its terms, the specifics of the subject and subject composition arising from the specifics and consumer properties of paid veterinary services. The article also pays attention to certain problematic issues of guaranteeing the provision of paid (paid) veterinary services and protecting the rights and legitimate interests of consumers.

Keywords: paid services, paid veterinary services, contract for paid services, security guarantees, protection of civil rights.

Сегодня вряд ли можно найти семью, в которой никогда не было бы любимчиков - животных, так необходимых каждому из нас, чтобы хоть на минутку в условиях стремительной жизни окунуться в мир детства, добра и условного способа ощутить частичку природы. Для каждого из нас животные представляют свою ценность и сторону жизни: душевную (моральную), эстетическую, познавательную, для кого-то даже выступают способом показать свой социальный статус и благополучие. Однако каждого добросовестного владельца того или иного животного объединяет одно - желание обеспечить нормальное содержание, уход и здоровье своего питомца. Содержание, безусловно, в первую очередь зависит от владельца и его субъективных качеств и человечности. Уход - также опирается на человечность, осознанный выбор вида животного и понимание с чем предстоит столкнуться в процессе жизненного цикла животного. Добросовестные владельцы всегда при осознанном выборе изучают специфику содержания и ухода, понравившегося вида животного и трудности с которыми возможно предстоит столкнуться, включая присущие определенному виду генетические предрасположенности к заболеваниям. Конечно, в этой сфере много, не побоимся этого слова, инфантильных личностей, которые о вышесказанном даже не задумываются, но хотелось бы верить, что добросовестных владельцев с точки зрения, как юридической, так и моральной - все же большинство. Вот на этом большинстве и хотелось бы остановиться, рассматривая

Улаева Н. Л.

юридический аспект оказания ветеринарных услуг в России.

Специфика оказания услуг многогранна и многоаспектна. Это связано, прежде всего, с тем, что, как известно, общие положения оказания возмездных услуг установлены в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее - ГК РФ)¹, который предусматривает весьма скромную 39 главу (всего 6 статей - 779-783.1), посвященную общим вопросам, базовым положениям оказания возмездных услуг. В свою очередь специфика оказания услуг того или иного вида подробно регламентируется специальным законодательством, не являющимся исключением и ветеринарные услуги.

По общему правилу заказчиками и исполнителями возмездных услуг могут выступать и физические, и юридические лица. Как показывает практика, сегодня в большинстве случаев заказчиками платных ветеринарных услуг выступают именно физические лица, в силу чего возникающие правоотношения характеризуются потребительскими свойствами, и, соответственно, подпадают под действие Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2022 № 135-ФЗ) «О защите прав потребителей» (далее - Закон РФ № 2300-1)². Если ветеринарные услуги

1 Гражданский Кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, четвертая. Официальный текст (текст Кодекса приводится по состоянию на 01.02.2023). М.: Омега-Л, 2023. 624 с.
2 ВСНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766; СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3021.

оказываются коммерческой организацией, предоставляющей соответствующую информацию о профиле своей деятельности, содержащую оферту (предложение) ко всем и каждому кто обратится, договор приобретает характер публичного договора (ст. 426 ГК РФ). Это означает, что порядок заключения и условия договора по конкретному виду ветеринарной услуги (согласно имеющегося прайса) не могут быть изменены по отношению к оказанию идентичных ветеринарных услуг. В тоже время, согласно п. 2 ст. 426 ГК РФ цена ветеринарных услуг может различаться в зависимости от категории потребителей (например, для постоянных клиентов, по программе лояльности, инвалидов, пенсионеров и т.д.). Также могут возникать ситуации, когда необходим индивидуальный подход в силу специфики вида или породы животного, заболевания и других особенностей. В этом случае стоимость ветеринарных услуг и порядок расчетов определяются протоколом-соглашением или дополнительным соглашением, или указанием в основном договоре о том, что стоимость ветеринарных услуг будет определена «по предъявлению счета».

Не затрагивая дискуссионные вопросы относительно предмета договора возмездного оказания услуг (осязаемости и неосязаемости оказанных услуг или выполненных работ), животных как объекта гражданских прав или же рассматриваемых в качестве объекта гражданских правоотношений, ведущихся в научных кругах, стоит отметить, что животные в целом наделены признаком одушевленности. В тоже время согласно ст. 137 ГК РФ приравниваются к имуществу и в силу этого могут выступать объектами гражданских прав, а, следовательно, и быть предметом сделок, но в целом имуществом в чистом виде не являются. Стоит согласиться с мнением Н.В. Иванюхиной которая считает, что объект услуг является сложным - «объект в объекте» [1, с. 106-107], поскольку здоровье - благо нематериальное, в то время как само животное выступает в качестве объекта вещных прав. Следовательно, объект услуги, нематериальное благо в материальном благе.

По мнению Садикова О.Н., необходимо учитывать, что во многих договорах возмездного оказания услуг достижение поставленной перед ними цели зависит от объективных обстоятельств, на которые исполнитель услуги не может в полной мере воздействовать. Следствием чего является невозможность безусловного достижения того результата, ради которого заключается договор, что должно вести к ослаблению ответственности исполнителя при условии проявления им должной квалификации и заботливости в ходе оказания услуги [2, с. 216]. В рамках ветеринарных услуг, считаем данную позицию спорной. Во-первых, потому, что, учитывая положения ст. 1. 1 «Специалисты в области ветеринарии» Закона Российской Федерации от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 28.04.2023 № 149-ФЗ) «О ветеринарии»³, специалистами в области ветеринарии являются физические лица, имеющие высшее или среднее ветеринарное образование (п. 1), занимающиеся предпринимательской деятельностью в области ветеринарии и зарегистрированные в уполномоченном в обла-

сти ветеринарии органе исполнительной власти субъекта Российской Федерации (п. 3). Во-вторых, весьма сложная категория в данном контексте «должная заботливость». Конечно, нормы гражданского законодательства предполагают добросовестность и должное отношение к своим профессиональным обязанностям, но может ли обычный потребитель правильно оценить и понять так ли на самом деле происходит необходимое ветеринарное обслуживание или имеется недобросовестное отношение к своим обязанностям? Ясно, что физическое лицо, не являясь медицинским работником и тем более ветеринаром, не может объективно оценивать качество оказываемых услуг применительно к манипуляциям медицинского характера, применяемых к животному. Законодатель несправедливо думает, что гражданин способен объективно оценить ситуацию и обратиться, как это установлено Законом РФ № 2300-1 с письменным заявлением (жалобой) о нарушении своих прав - прав потребителя. Обычный потребитель ветеринарных услуг не сможет даже обосновать по каким именно основаниям необходимо применить защиту своих гражданских прав посредством соразмерного уменьшения цены (вознаграждения) за ветеринарные услуги; повторного выполнения ветеринарной услуги (услуг); поручения выполнения ветеринарной услуги (работы) другому специалисту и т.д. Обычный потребитель даже не знает о том, что при нарушении срока выполнения ветеринарных услуг он имеет право не только расторгнуть договор, но и потребовать возмещения убытков.

Перечень платных ветеринарных услуг и порядок их оказания регулируется непосредственно Правилами оказания платных ветеринарных услуг, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.08.1998 № 898 (ред. от 04.02.2021 № 114)⁴, регламентирующих соответствующий перечень ветеринарных услуг, которые население (физические лица) приобретают для личных и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Стоит подчеркнуть, что, несмотря на четкое определение перечня ветеринарных услуг, понятие «ветеринарные услуги» до сих пор отсутствует и рассматривается исключительно с доктринальной точки зрения, т.к. не имеет нормативного закрепления. Ради справедливости, стоит отметить, что легально понятие все же имело место быть только в области системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности. Так, в Налоговом кодексе Российской Федерации (ч. 2) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 24.06.2023 № 268-ФЗ)⁵ ранее в ст. 346.27 под ветеринарными услугами понимались услуги, оплачиваемые физическими лицами и организациями по перечню услуг, предусмотренными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также Общероссийским классификатором услуг на-

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://normative.kontur.ru> (дата обращения 25.06.2023)

5 СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; СПС Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.garant.ru> (дата обращения: 25.06.2023).

3 ВСНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857; СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4622.

селению. Однако с 02.08.2021 года данная норма утратила силу⁶.

Контроль и надзор за соблюдением вышеназванных правил осуществляется территориальными органами и подведомственными организациями Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее - Роспотребнадзор)⁷.

Так, если физическое лицо обращается с жалобой, например, о ненадлежащем качестве оказанных услуг, в этом случае он выступает в качестве потребителя и подпадает под действие выше названного Закона РФ № 2300-1. При этом потребителю ветеринарной услуги следует учитывать, что возможность обращения в Роспотребнадзор с соответствующим заявлением (жалобой) появляется у него только после соблюдения претензионного порядка обращения в соответствующее ветеринарное учреждение (клинику). Так же следует учитывать потребителю, что при обращении в территориальный орган Роспотребнадзора необходимо предоставить документы, подтверждающие и факт оказания ветеринарных услуг соответствующим ветеринарным учреждением, организацией и позволяющих доказать их, например, неполноту, не своевременность, отсутствие качества и т.д. Однако, обращаясь к выше обозначенным Правилам оказания платных ветеринарных услуг, стоит отметить, что не всегда в процессе оказания ветеринарных услуг заключается договор, так, п.10 раздела IV рассматриваемых Правил к договору приравнивается оформление абонементного обслуживания, выдача талона, жетона, кассового чека, квитанции, а также других документов установленного образца. Что делать в этом случае потребителю, если в результате ветеринарного обслуживания причинен вред животному, как и, чем подтверждать факт причинения ущерба? Явно кассовый чек или жетон в этом вопросе не смогут объяснить в процессе чего и из-за чего произошло непредвиденное. Это, конечно на руку недобросовестным ветеринарным работникам и существенно упрощает им процедуру благоприятного разрешения возникшей неприятной ситуации, в то время как потребитель может остаться не с чем, если не считать душевную боль и несправедливость.

Весьма спорна точка зрения о том, что ветеринарные услуги не могут быть гарантированы, поскольку носят вероятностный характер. В тоже время согласно Правилам оказания платных ветеринарных услуг (п.п. 7, 8 раздел III) в обязанности исполнителя входит обеспечение применения лекарственных средств и методов, исключающих отрицательное влияние на животных, гарантирует безопасность ветеринарных мероприятий для здоровья и продуктивности животных. Конечно, в ходе выполнения ветеринарных

услуг государственными или частными (коммерческими) организациями должны соблюдаться требования об информировании потребителя об осуществляемых медицинских вмешательствах и иных манипуляциях медицинского характера, применяемых непосредственно в стационарных условиях и назначаемых препаратах, их эффективности, последствиях применения и рисках. Однако на практике, за исключением случаев оперативного вмешательства, соответствующая информация сводится к минимуму, а порой не доводится и вовсе. Обычной практикой является, например, назначение препарата в силу необходимости, по мнению специалиста для лечения выявленного заболевания, а в отношении прививок вообще минимизируется, как правило, информацией о возможных аллергических реакциях. Так, где же имеют проявление выше обозначенные гарантии безопасности выполнения ветеринарных мероприятий и как в этом случае можно вести вопрос об ослаблении ответственности исполнителя ветеринарных услуг в целом. Конечно это не единственные проблемные стороны действующего специального ветеринарного законодательства. Существует множество сложных и пока не имеющих ответа правовых вопросов в рассматриваемой сфере, на которые пока и в нынешних условиях невозможно найти ответ, но стоит задуматься и сделать все возможное, чтобы данная группа правовых отношений была урегулирована в полной или максимально возможной степени.

Пристатейный библиографический список

1. Иванюхина Н. В. Правовое регулирование договорных отношений по оказанию ветеринарных услуг (на пример города Москвы): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - С. 106-107.
2. Гражданское право: Учебник. Т. II / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. О.Н. Садикова. - М.: «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2010. - С. 216.

6 Федеральный закон от 02.07.21 № 305-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publikation.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2023).

7 Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 322 (ред. от 02.10.2021 № 1676) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2899; 2021. Ст. 6985.

ЮСУПОВА Зилия Фаниловна

Нотариус Приволжского федерального округа Республики Башкортостан, Чекамгушевского района

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются характерные особенности совместного завещания супругов по законодательству Российской Федерации, отличающие его от аналога в зарубежных правовых порядках. Автор анализирует пробелы правового регулирования данных отношений. Определено, что главной проблемой является отсутствие гарантированности выполнения условий совместного завещания. В заключении сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования реализации совместного завещания супругов.

Ключевые слова: наследство, совместное завещание супругов, брак, свобода завещания, тайна завещания.

YUSUPOVA Zilya Fanilovna

Notary of the Volga Federal District of the Republic of Bashkortostan, Chekmagushevsky District

LEGAL FEATURES OF THE JOINT TESTAMENT OF THE SPOUSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the characteristic features of the joint testament of the spouses under the legislation of the Russian Federation, distinguishing it from its counterpart in foreign law and order. The author analyzes the gaps in the legal regulation of these relations. It is determined that the main problem is the lack of assurance of the fulfillment of the conditions of a joint testament. In conclusion, proposals were formulated to improve the legal regulation of the implementation of the joint testament of the spouses.

Keywords: inheritance, joint testament of spouses, marriage, freedom of testament, secret of testament.

Юсупова З. Ф.

Распоряжения наследодателя, выраженные в завещании, касающиеся перехода наследственного имущества после наступления его смерти к назначенным им наследникам, объясняются гарантированной Конституцией Российской Федерации возможности свободного распоряжения имущественными правами, в том числе правом частной собственности¹.

Институт совместного завещания супругов до недавнего времени был чужд и неизвестен нашему отечественному законодательству, хотя в зарубежных странах, данная конструкция завещания пользуется спросом и используется уже достаточно давно. Так, например, обозначенный институт закреплен в законодательстве следующих стран: Федеративной Республики Германии, Соединенных штатов Америки, Соединенном Королевстве Великобритании, Украины, Грузии, Туркменистана и др.

Внесенные Федеральным законом от 19 июля 2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» изменения в наследственное право, положили начало развитию данного нового вида завещания, нормы которого вступили в действие с 1 июня 2019 года. Инициаторы рассматриваемого изменения подчеркивали, что «конструкция совместного завещания супругов расширит действие принципа диспозитивности в правоотношениях между членами семьи, позволит обеспечить реализацию достигаемых де-факто в семьях договоренностей о наследовании имущества, а также о порядке содержания отдельных членов семьи»².

Заметим, что вопросы исследуемого института уже на протяжении долго времени рассматриваются учеными-цивиристами, например, в работах А.А. Демичева [1, с. 11], В. В. Долинской [2, с. 10], А. М. Эрделевского [3], это можно объяснить, во-первых, его новизной для российского права, а во-вторых, в немногословности, сжатости законодателя при их регулировании.

Действующее российское законодательство закрепляет, что супруги в таком завещании «вправе по обоюдному усмотрению определить...последствия смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно»³. Изучив данное положение можно определить, что основными критериями такого завещания являются, прежде всего, взаимный характер завещательных распоряжений завещателей – супругов, определение в качестве наследников не только друг друга, но и третьих лиц.

Необходимо подчеркнуть, что положения о завещании и совместном завещании супругов никак не разграничены, законодатель лишь дополнил статью 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) новыми нормами, позволяющими сделать вывод, что они являются общими как для единоличного завещания, так и собственно для завещания между супругами.

часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации (о совместных завещаниях и наследственных договорах) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/451522-7> (дата обращения: 22.05.2023).

3 Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с посл. изм. и доп. с изм. от 1 апреля 2023 № 121-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023).

1 Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023).

2 Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 451522-7 «О внесении изменений в статью 256 части первой и

Выделим особые признаки исследуемого завещания между супругами, позволяющие отличать его от иных смежных институтов в наследственных отношениях.

Во-первых, следует указать на личный характер совершения такого завещания, который, в целом, идентичен положениям личного характера, обозначенным и в единоличном завещании. Указанный признак характеризуется в обязательном требовании, содержащемся в п. 3 ст. 1118 ГК РФ, о том, что общее волеизъявление супругов в таком завещании должно совершаться только ими лично и не предполагает участия представителей.

Установление данного требования можно связать с тем, чтобы исключить постороннее вмешательство на истинную волю супругов. Обязанностью нотариуса при составлении проекта общего завещания является выявление истинной воли завещателей. Способами выявления истинной воли может служить частный разговор, в процессе которого нотариус, временно исполняющий обязанности нотариуса убедится «о действительном и свободном намерении завещателя составить завещание в отношении определенных лиц и определенного имущества»⁴.

Во-вторых, субъектный состав исследуемого завещания ограничен и таким правом наделяются только граждане, состоящими между собой в момент его совершения в легитимном браке между двумя лицами – мужчиной и женщиной. Семейным кодексом РФ легитимным признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния⁵. Следовательно, сожительство, ведение общего хозяйства, воспитание совместных детей, браки, совершенные по традиционным, религиозным обрядам и тому подобное не может заменить регистрацию заключения брака в органах ЗАГС и не дает право таким лицам воспользоваться составлением подобного завещания.

В зарубежных государствах допускаются такие завещания, которые могут составлять либо супруги (ФРГ, Австрия), либо иные лица, состоящие в близких отношениях (Дания, Швеция), а также «взаимные завещания» [4, с. 41].

В-третьих, свобода завещания. Свобода завещания, как основополагающий принцип наследственного права, предполагает, что супруги имеют право распорядиться любым имуществом, принадлежащим на день составления завещания, так и имуществом, которое будет приобретено им в будущем.

Содержание рассматриваемого принципа находит свое отражение также в имеющемся праве лица завещать принадлежащее ему имущество любым физическим и юридическим лицам, по своему усмотрению определять доли потенциальных наследников или же наоборот лишать их наследства. Кроме того, наследодатель наделен правом прописать в своем завещании и иные распоряжения, имеющие для него значение, однако не противоречащие нормам права.

Особое значение при этом имеет обоюдное усмотрение супругов при совершении такого завещания, которое носит лично-доверительный характер, поскольку супруги при этом согласовывают свою последнюю волю лично и только между собой.

В-четвертых, законодатель строго регламентирует форму обозначенного завещания между супругами. Согласно

статье 1124 ГК РФ такое завещание составляется в письменной форме и нотариально удостоверяется. Последствием несоблюдения данного условия является ничтожность завещания. Если сравнивать с допустимыми формами завещания, совершенным одним лицом, можно сделать вывод, что законодатель ограничил волеизъявление супругов в их завещании лишь одной формой – нотариальной. На наш взгляд это целесообразно, так как процедура нотариального удостоверения позволит выявить подлинную волю завещателя.

В-пятых, тайна завещания. Лицу, которое в силу своих полномочий удостоверяло завещание, а также лицам, действующим в составлении и удостоверении завещания, т.е. переводчикам, свидетелям, гражданину подписывающему завещание запрещается разглашать до открытия наследства любые сведения. Тем не менее, к супругам-завещателям не применяется запрет на разглашение сведений до открытия наследства, и соответственно, данное завещание расходуется с содержанием одного из главных принципов завещания – его тайной. Говорить о конфиденциальности сведений при составлении такого завещания уже спорно.

Выполнение обязанности по защите тайны завещания может стать проблемой на этапе исполнения такого завещания, в том случае если, к примеру, один из супругов умер. Следовательно, содержащиеся распоряжения пережившего супруга могут находиться под угрозой разглашения. Согласно гражданскому законодательству нотариус и душеприказчик при наступлении этого события вправе разглашать только сведения, касающиеся его последствий (абз. 5 ст. 1123 ГК РФ).

Согласно положениям методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, все необходимые материалы наследственного дела по письменному запросу как самих наследников, так и лиц, имущественные права которых непосредственно затронуты в рамках данного дела, должны быть представлены нотариусом данным субъектам для ознакомления⁶.

Возникает вопрос, каким способом знакомить наследников с общим волеизъявлением супругов в завещании? Видится проблематичным выделение из обозначенного завещания, именно те положения, которые непосредственно касаются интересов умершего супруга. Также неясно, каким способом передавать материалы наследственного дела в суд, в случае оспаривания общей воли супругов, изложенной в завещании, не нарушая при этом положения о тайне такого волеизъявления пережившего супруга.

Довольно много дискуссий вызывает проблема соотношения положений закона о завещании между супругами и наследственным договором между супругами [5, с. 28]. В этой ситуации имеет значение то, что собственно сам законодатель определяет предмет, субъектный состав, форма удостоверения, основания признания их недействительными, как абсолютно одинаковые.

Отличительной чертой, все-таки подчеркивающей существующие различия между указанными выше документами, является их совершенно разная правовая природа. Завещание между супругами – односторонняя сделка, а собственно сам наследственный договор – двухсторонняя сделка. Особенностью договора в наследственных отношениях является то, что он имеет приоритетное значение в случае обоюдного волеизъявления супругов в завещании и последующем. Изменить, либо отменить заключенный ранее договор в таких отношениях такое завещание не может. И даже наличие

4 Методические рекомендации по удостоверению завещаний, принятию нотариусом закрытого завещания, вскрытию и оглашению закрытого завещания (утв. Решением Правления ФНП от 1-2 июля 2004, Протокол № 04/04) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023).

5 Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (с посл. изм. и доп. с изм. от 28 апреля 2023 г. № 150-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023).

6 Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023).

права отказа от наследственного договора супругов-наследодателей влечет определенные последствия – обязанность возместить понесенные другой стороной убытки, возникшие в результате отказа от такого обязательства. Такие последствия являются основой договорных отношений, к которым и относится договор, применяемый в наследственных отношениях.

Конечно же, исследуемое единое завещание супругов обладает спецификой и в своем содержании. Так, представляется возможным в рамках их обоюдного усмотрения прописать последствия смерти каждого из таких субъектов, либо в случае наступления их смерти одновременно:

- завещать все общее имущество супругов, либо имущество каждого из них по отдельности, лицам, прямо определенным в таком завещании;

- на свое обоюдное усмотрение обозначить доли потенциальных наследников;

- конкретизировать имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если это в целом не нарушает прав третьих лиц.

Необходимо определиться, что собственно законодатель имел в виду в такой оговорке как : «не нарушая права третьих лиц». Представляется, что её смысл сводится в недопущении злоупотребления супругами своими правами при распределении наследственного имущества. К таковым «третьим лицам», следует отнести: обязательных наследников супругов; кредитора наследодателя, который исключил общее имущество из состава своей наследственной массы, при этом лишив возможности кредитора предъявить свои требования к его наследственной массе;

- не указать в завещании какого-либо из потенциальных наследников по закону (лишить наследства);

- прописать в едином завещании, в том числе и другие завещательные распоряжения, что напрямую предусмотрено п. 4 ст. 1118 ГК РФ.

Важно, что перечисленные условия обозначенного завещания, прежде всего, не должны противоречить положениям ГК РФ об обязательной доле в наследстве (ст. 1149 ГК РФ, право на которую появилось после составления такого единого завещания между супругами, а также о запрете наследования недостойными наследниками (ст. 1117 ГК РФ).

Стоит отметить, что такой основополагающий принцип, как свобода завещания (ст. 1119 ГК РФ) находит свое отражение в правомочии каждого из супругов изменить, либо отменить данное завещание и даже после смерти умершего супруга. Заметим, что законодатель в целом, не обозначая каких-либо особенностей такого завещания, применяет к нему, соответственно, общий принцип о силе завещания. То есть, если в последующем, после составления общего для супругов завещания, будет составлено единоличное завещание одного из супругов, составленное ранее единое завещание утрачивает силу.

Обращаясь к германской правовой системе, из которой отечественный законодатель заимствовал основные положения о завещании между супругами, следует выделить ее особенности, которые не были учтены в национальной правовой системе. Так, согласно немецкой позиции законодателя, именно обоюдное волеизъявление супругов в их завещании имеет приоритет над единоличным завещанием каждого из них. Это положение является весьма оправданным с позиции совместно нажитого имущества супругов в браке.

Думается, что рецепирование положений о едином завещании супругов должно быть все-таки с учетом всех важных норм немецкой правовой системы, согласно которой оформление единоличного завещания каждого из супругов допустимо, но не в отношении имущества, определенно указанного в обоюдном волеизъявлении супругов.

Кроме того, отечественному законодателю следовало бы учесть классификацию завещаний между супругами, обозначенную в немецкой правовой системе. Так в зависимости от

согласования супругами обоюдного волеизъявления, можно выделить следующие разновидности такого исследуемого завещания:

- 1) завещание, в котором содержатся отдельные распоряжения супругов вовсе не согласованные между собой;

- 2) единое завещание супругов, собственно, где их волеизъявления сделаны в пользу друг друга, но, тем не менее, могут быть свободно изменены каждым из них;

- 3) взаимозависимое завещание супругов, в рамках которого, действительность распоряжений одного из супругов напрямую зависит от действительности распоряжений другого (так называемые взаимосвязанные распоряжения согласно § 2270 ПУ)⁷.

В отличие от немецкой формы завещания между супругами, конструкция единого завещания между супругами в Российской Федерации включает два их волеизъявления, которые в свою очередь формируются в единый документ, следовательно, происходит распоряжение имуществом односторонним порядком.

Поводя итог вышеизложенному исследованию, следует сказать, что новый для российского наследственного права институт совместного завещания, безусловно, расширяет возможности супругов в выражении их общей воли в наследственных отношениях, однако имеет ряд недоработок и противоречий. При этом главной проблемой действующих норм о таком завещании, является отсутствие гарантированности выполнения его условий ввиду предоставления законодателем каждому из супругов права как на отмену, так и права на одностороннее изменение каких-либо положений совместного завещания. Целесообразно, создать надлежащий правовой механизм, эффективно способствующий исполнению совместной воли супругов, через установление запрета на одностороннее изменение условий такого завещания, как при жизни другого супруга, так и после его смерти для защиты прав наследников.

Постатейный библиографический список

1. Демичев А. А. Совместное завещание супругов в российском праве // *Наследственное право*. 2018. № 4. С. 11-13.
 2. Долинская В. В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 10. С. 13-13.
 3. Эрделевский А. М. О новых институтах наследственного права // *Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=117165> (дата обращения: 22.05.2023).
 4. Абраменков М. С. Основные положения наследственного права зарубежных стран // *Наследственное право*. 2018. № 1. С. 40-44.
 5. Чашкова С. Ю. Сущность и пределы обоюдного усмотрения супругов при совершении ими совместного завещания и наследственного договора // *Наследственное право*. 2019. № 4. С. 27-31.
- 7 Гражданское уложение Германии от 18 августа 1896 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#HoUCXnSspG3RBOvA1> (дата обращения: 22.05.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-184-185

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

«Ленинградская областная коллегия адвокатов», филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ДОГОВОРАХ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ НА ПРОВЕДЕНИЕ ПЛАСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

При оказании медицинской помощи медицинские организации обязаны отражать персональные данные пациентов в договорах возмездного оказания медицинских услуг. Это необходимо как для того, чтобы гарантировать надлежащее оказание медицинской помощи, так и для того, чтобы, при отсутствии гарантированного результата, несмотря на качественный процесс оказания медицинской услуги, или в случае причинения вреда здоровью пациента, а также наступления вредных последствий, привлечь клинику или другое медицинское учреждение к правовой ответственности в рамках гражданского судопроизводства. Рост количества пластических операций в России актуализирует необходимость тщательного и комплексного анализа институциональных особенностей отражения персональных данных в договорах возмездного оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: медицинская документация, персональные данные, медицинские услуги, медицина, пластические операции, договора, медицинская организация, клиника.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

«Leningrad regional lawyer association», Law firm «Pelevin and partners», Lawyer

THE FEATURES OF THE REFLECTION OF PERSONAL DATA IN CONTRACTS FOR THE PROVISION OF PAID MEDICAL SERVICES FOR PLASTIC SURGERY

Medical organizations are required to reflect the personal data of patients in contracts for the provision of paid medical services. It is necessary both to guarantee the effective provision of medical care, and in the case of the absence of a guaranteed result, despite the high-quality process of providing medical services, to sue a clinic or other medical organization to legal responsibility in the framework of civil and law relationships. There is the increase in the number of plastic surgeries in Russia. In it necessary to analyze the institutional features of the reflection of personal data in contracts for the provision of paid medical services.

Keywords: medical documentation, medical services, personal data, medicine, contracts, plastic surgery, medical organization, clinic.

Ястремский И. А.

Интерес к пластической хирургии в социуме связан с изменениями в идеалах и эстетических образах, которые оцениваются как «привлекательные» или «красивые». Но рост количества пластических операций приводит также к увеличению числа споров между пациентами и медицинскими организациями, в т.ч. по поводу договоров по оказанию услуг в области пластической хирургии.

В соответствии с действующим законодательством¹ медицинские организации в гражданских правоотношениях пациента и клиники являются по своей функциональной роли операторами персональных данных своих пациентов. Медицинские клиники и другие учреждения, работающие в области пластической хирургии², предоставляющие возмездные медицинские услуги [4], в ходе повседневной профессиональной деятельности собирают, систематизируют, накапливают, хранят, уточняют, обновляют, изменяют, распространяют и уничтожают персональные данные, к которым относится информация как таковая, которая в той или иной степени относится к некоторому физическому лицу. Медицинская организация, которая проводит пластические операции, получает персональные данные от пациента при

первом контакте по вопросу оказания медицинской помощи и подписания соответствующего договора.

В момент подписания их правовые роли обретают новые институциональные особенности [2]: пациент как субъект персональных данных передает права на пользование этими данными медицинскому учреждению как оператору персональных данных.

В качестве оператора персональных данных медицинский центр пластической или эстетической хирургии или центр по оказанию косметологических услуг [4] может не только обрабатывать персональные данные, но и устанавливать цели обработки таких данных, состав персональных данных, которые нужно обрабатывать, подвергаются операциям или действиям, которые могут совершать с персональными данными. И к такого рода данным предъявляются определенные институциональные требования, вытекающие из специфики гражданско-правового регулирования прав потребителей при оказании медицинских услуг [3].

Центр пластической хирургии обязан выполнять целый ряд институциональных требований, установленных законодательством³, в частности, в области криптографической защиты информации. При этом нужно учитывать, что оказание медицинских услуг в сфере пластической хирургии со-

1 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

2 Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 мая 2018 года № 298-н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия» (с изменениями и дополнениями).

3 Приказ ФСТЭК № 21 от 18.02.2013 № 21 «Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».

проводятся большим количеством правовых коллизий и институциональных сложностей [1].

Обычно центры пластической хирургии запрашивают следующие сведения у пациента: ФИО, номер телефона, дату рождения, адрес электронной почты, адрес проживания. Некоторые данные (например, номер телефона и/или адрес электронной почты) используются медицинским учреждением для коммуникации пациентом.

Характер запрашиваемых медицинских сведений зависит как от оказываемых медицинских процедур, так и от используемой центром пластической хирургии медицинской информационной системы. Такая система для защиты данных должна быть сертифицирована ФСТЭК.

Состав запрашиваемых у пациента персональных данных должен соответствовать медицинским целям. Поэтому медицинская организация не может запрашивать сведения, которые не являются необходимыми.

Запрос должен содержать письменное согласие на обработку персональных данных, в которые вносят паспортные данные и другие персональные данные пациента. Согласие является одним из основных документов, которые необходимы для первичного обращения в медицинское учреждение.

Другие документы, обычно необходимые для центров пластической хирургии, включают в себя: договор, план лечения, информированное добровольное согласие. Пациент должен получить копии всех документов, которые способны защитить его права. Эти документы (в зависимости от характера медицинской процедур) необходимо тщательно сохранить в течение нескольких лет после операции. Персональные данные, которые приводятся в медицинских документах, должны соответствовать реальности и не противоречить друг другу. Если персональные данные, которые приводятся в согласии на обработку персональных данных, не отвечают действительности (по причине, например, невнимательного заполнения формы или неточного внесения информации) является одним из наиболее часто встречающихся и типовых нарушений у операторов персональных данных.

Медицинские учреждения, у которых хорошая репутация, тщательно следят за тем, чтобы персональные данные были отражены, и чтобы пациент подписал соответствующее согласие. Если пациент выражает свое недовольство или отказывается подписать согласие на обработку персональных данных, центр пластической хирургии не должен продолжать оказывать медицинские услуги, даже если пациент требует продолжить оказывать услуги. В противном случае у медицинской организации возникает риск привлечения к административной ответственности со стороны регулирующих организаций, поскольку предоставление персональных данных является обязательным в соответствии с федеральными законами. И в этом институциональном аспекте медицинские услуги отличаются от других видов основных социальных услуг.

Чтобы уменьшить количество случаев отказа пациентов на подписание согласия на обработку персональных данных, центры пластической хирургии должны опубликовать политику обработки персональных данных, адаптированную под конкретные медицинские услуги, которые оказывают медицинские организации, на сайтах своих организаций, так, чтобы можно было их легко открыть и прочитать. Также медицинские учреждения должны пояснять случаи возможного использования персональных данных, например, передачу персональных данных организациям ДМС. Также можно пояснить, что во всех договорах медицинского учреждения с третьими лицами тщательно прописаны и действуют пункты о конфиденциальности, т.е. даже при вызванной объективными причинами передаче персональных данных эти данные защищены. Если удается убедить пациентов, что медицинская организация собирает персональные данные в соответствии с принятым законодательством и полностью соблюдает правила хранения, обработки и уничтожения персональных данных, то необходимое согласие удается подписать.

В некоторых случаях медицинские учреждения размещают на сайте персональные данные врачей и другого медицинского персонала. Это является распространением персо-

нальных данных и на публикацию подобной информации на сайте нужно получить отдельное разрешение. Также необходимо разрешение, чтобы размещать на сайтах информацию о пациенте.

Иногда в деятельности медицинских учреждений возникают случаи, когда при подписании согласий на обработку персональных данных пациенты хотят скорректировать или изменить уже данное согласие, убирая те операции с персональными данными, которые их не устраивают. Например, пациенту может не понравиться, что медицинское учреждение будет хранить его персональные данные. Такие действия могут привести к проблемам как у медицинских организаций, поскольку обычно отсутствуют технические возможности исключения отдельных операций с данными, так и у пациентов, поскольку они могут не получить доступ к необходимой им медицинской услуге.

Медицинская организация должна обосновать свою правовую позицию, например, тем, что пациента, который отказывается подписать согласие на обработку персональных данных, сложно четко идентифицировать и надлежащим образом оформить. Или необходимостью придерживаться общественно-полезных задач: сведения могут использоваться для предоставления правоохранительным органам в случаях, когда это предписано законодательством.

Еще одним институциональным отличием предоставления медицинских услуг в области пластической хирургии является наличие врачебной тайны. Это особенно важно, если целью комплекса мероприятий в области пластической хирургии является устранение анатомических или функциональных дефектов подлежащих и покровных тканей. Для передачи информации о врачебной тайне другой организации необходимо предварительно получить у пациента отдельное согласие в отношении врачебной тайны⁴.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что необходимость отражать персональные данные пациентов в договорах возмездного оказания медицинских услуг [5] обусловлена как потребностью в институциональных гарантиях в области проведения пластических операций, так и для того, чтобы воспользоваться своим правом на привлечение клиники или другого медицинского учреждения к правовой ответственности в рамках гражданского судопроизводства. Рост количества пластических операций и активное развитие косметологии в России актуализирует необходимость как тщательного гражданско-правового регулирования [6], так и комплексного анализа институциональных особенностей отражения персональных данных в договорах возмездного оказания медицинских услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Архипова Н. Н. Некоторые медико-социальные аспекты оценки качества оказания медицинских услуг во врачебной косметологии // Вестник «Здоровье и образование в XXI». - 2011. - № 8. - С. 353.
2. Барбащин М. Ю. Социальные свойства инститов // Социс. - 2018. - № 2. - С. 25-34.
3. Болотина М. В. Гражданско-правовое регулирование прав потребителей при оказании медицинских услуг: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Московский университет МВД РФ. - М., 2009. - 198 с.
4. Мограбян А. С. Актуальные проблемы в сфере оказания косметологических услуг: частноправовой аспект // Lex Russica. - 2018. - № 10 (143). Октябрь. - С. 58-69
5. Плотнокова А. В. Понятие и юридическая характеристика договора возмездного оказания медицинских услуг // Научно-методический электронный журнал Концепт. - 2019. - №1 (январь).
6. Пронин И. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере эстетической медицины. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2012. - 26 с.

4 Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

ЛЯПУСТИНА Наталья Александровна

магистрант кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ПОЛОЖЕНИЙ О ВОЗМЕЩЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПОТЕРЬ В СПОРАХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Научная статья посвящена определению современных направлений развития судебной практики в области применения положений о возмещении имущественных потерь в спорах, вытекающих из договора строительного подряда. Результаты проведённого анализа споров, рассмотренных арбитражными судами разных регионов и дошедших до апелляционной и кассационной инстанций, позволяют получить представление о применении на практике положений статьи 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в рамках споров по договорам строительного подряда и предположить возможные перспективы судебного разбирательства.

Ключевые слова: имущественные потери, договор строительного подряда, подрядчик, заказчик, соглашение о возмещении имущественных потерь.

LYAPUSTINA Natalia Alexandrovna

magister student of Civil law and process sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

TRENDS OF THE APPLICATION OF INDEMNITY BY COURTS IN CASES UNDER A CONSTRUCTION CONTRACT

This scientific article is devoted to the identification of modern trends in the development of judicial practice in the field of application of indemnity in disputes arising from a construction contract. The results of the analysis of cases which were considered by arbitration courts of different regions and brought to the appellate and cassation instances make it possible to gain an understanding of the application in practice of the Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation in litigation under construction contracts and to suggest possible prospects for litigation.

Keywords: indemnity, construction contract, contractor, customer, agreement on indemnity.

Ляпустина Н. А.

Заключая договор, стороны, так или иначе осознают, что при его исполнении существуют риски возникновения потерь у какой-либо из сторон, и зачастую стараются обеспечить минимизацию возможных трат. «Причем во многих случаях такие потери не вытекают из факта нарушения договорного обязательства другой стороной, а связаны, в первую очередь, с заключением, исполнением или прекращением договора» [1]. Чтобы избежать ещё больших потерь и споров, связанных с ними, стороны могут заключить соглашение, в котором распределят между собой риски возникновения возможных потерь. Такое соглашение позволяет заключить введённая в 2015 году статья 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регулирующая институт возмещения имущественных потерь.

В связи с тем, что данная конструкция ранее не была известна отечественному гражданскому праву, представляет интерес применение её судами в российских правовых реалиях, особенно в ходе разрешения споров, возникающих в сложной, но при этом достаточно стабильной и быстро развивающейся отрасли российской экономики как строительстве. Анализ соответствующих судебных решений поможет проследить тенденцию применения судами рассматриваемых положений, предположить возможные перспективы судебного разбирательства и, как следствие, сформулировать в соглашении наиболее точные условия для того, чтобы в дальнейшем они были применены судом с тем смыслом и в тех целях, которые предполагались сторонами, и не были пере-квалифицированы.

В качестве первого примера судебной практики приведём Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2016 № 06АП-5545/2016 по делу № А73-507/2016,

в котором суд фактически посчитал применимыми к мировому соглашению нормы ст. 406.1 ГК РФ. В рассматриваемом деле субподрядчик выполнил работы с отступлением от проекта, что повлекло существенные недостатки работ. Заказчик обратился в суд с иском к генподрядчику о взыскании предстоящих расходов на устранение недостатков. Мировым соглашением на генподрядчика была возложена обязанность по возмещению расходов заказчика. В дальнейшем генеральный подрядчик обратился в суд с требованием к субподрядчику о взыскании своих расходов, понесенных им в связи с оплатой по мировому соглашению, и вызванных ненадлежащим исполнением субподрядчиком работ. Однако суд указал, что в связи с тем, что субподрядчик не участвовал в судебном споре между заказчиком и подрядчиком, условия мирового соглашения на него не распространяются.

Заключением эксперта были обозначены варианты устранения недостатков, в том числе в качестве альтернативы был представлен способ менее затратный, чем тот, расходы на который выплатил генподрядчик по условиям мирового соглашения. Также доказательства того, что в отношении недостатков предпринимались действия по их устранению, отсутствуют, несмотря на то, что генподрядчиком была выплачена сумма на соответствующие цели.

Суд посчитал обоснованной защиту интересов генерального подрядчика, однако указал, что «соглашение о возмещении потерь, заключенное в соответствии со статьей 406.1 ГК РФ, не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон, а потому, если размер осуществленного возмещения потерь превышает размер убытков, которые подлежат возмещению третьим лицом по правилам статьи 15 ГК РФ, статей 393 или 1064 ГК РФ, соответствующая раз-

ница не подлежит взысканию с такого третьего лица (пункт 3 статьи 308 ГК РФ)». Таким образом, суд пришёл к выводу, что мировое соглашение в данном случае по своей сути является соглашением о возмещении потерь и не создаёт обязанности для третьих лиц, поэтому с субподрядчика, как с лица, не являющегося стороной соглашения, может быть взыскана только сумма в пределах убытков, возникших по его вине, и подлежащая возмещению согласно ст. ст. 15, 393 или 1064 ГК РФ.

Однако вывод о применимости норм ст. 406.1 ГК РФ к данному мировому соглашению представляется сомнительным. Соглашение о возмещении имущественных потерь представляет собой алеаторную, то есть рисковую сделку, которая предполагает незнание сторон о том, наступят ли определённые обстоятельства, от которых будет зависеть исполнение по сделке. В то же время «мировое соглашение - это компромисс, на который идут стороны уже во время спора» [2], как это и сделали заказчик и генподрядчик, заключив соглашение уже после того, как обстоятельство наступило, и они об этом узнали.

На основании п. 3 ст. 706 ГК РФ генподрядчик несет перед заказчиком ответственность за последствия ненадлежащего исполнения обязательств субподрядчиком, далее генподрядчик вправе взыскать уплаченную сумму в порядке регресса. То есть, несмотря на то, что фактически генподрядчиком не было нарушено обязательство, в споре с заказчиком он был надлежащим ответчиком и в целях процессуальной экономии имел право заключить мировое соглашение с истцом. Переквалификация мирового соглашения на соглашение о возмещении имущественных потерь не является рациональной и не основана на законе, так как Гражданским кодексом РФ уже предусмотрена ответственность генподрядчика перед заказчиком за действия субподрядчика. В то же время условия о возмещении потерь предусматриваются для того, чтобы покрыть те расходы, которые не получится покрыть по правилам о договорной ответственности, наступающей в случаях неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательства, возникшего из договора. Соответственно, возместить убытки являлось обязанностью генподрядчика, а не правом, и заключить соглашение, предусмотренное статьёй 406.1 ГК РФ, в данном случае генподрядчик и заказчик не могли.

Интересно, что в некоторых трудах можно встретить мнение о возможности предусмотреть условие, касающееся возмещения потерь, в мировом соглашении. В качестве примера приводится Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.08.2015 № Ф09-5885/15 по делу № А07-4379/2014, которым утверждено мировое соглашение с условием об обязанности возместить имущественные потери контрагентом, если суд не утвердит соглашение. Размер возмещения потерь составлял сумму, равную сумме процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ). При этом сторона, имеющая право требовать возмещения, и так получила бы выплату, если бы мировое соглашение не было утверждено. Данное дело в научной литературе рассматривается некоторыми исследователями, как пример неправильного применения ст. 406.1 ГК РФ к конструкции совершенно другой правовой природы, в отличие от возмещения имущественных потерь относящейся к мере ответственности [3].

В следующем примере практики – Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2019 № 09АП-48973/2019 по делу № А40-225923/2018 указано, что договором предусмотрена обязанность подрядчика в порядке ст. 406.1 ГК РФ возместить генподрядчику в полном размере имущественные потери, которые генеральный подрядчик понес или неизбежно понесет, в случаях, не связанных с нарушением субподрядчиком условий договора. Такими случаями указаны предъявление генеральному подрядчику органами, осуществляющими государственный (муниципальный) контроль (надзор), или иными лицами каких-либо требова-

ний, жалоб, претензий, исков или начисление генеральному подрядчику каких-либо обязательных к уплате платежей, если они прямо или косвенно вытекают из договора и связаны с действиями или бездействием субподрядчика или с его юридическим статусом.

Как следует из дела, генеральный подрядчик понёс потери в связи с удержанием с него конечным заказчиком суммы неустойки за просрочку выполнения при оплате стоимости работ. Данная неустойка была связана с нарушением сроков выполнения работ субподрядчиком, и в связи с этим суды посчитали, что неполученный генподрядчиком доход им доказан, доказана причинно-следственная связь, поэтому требование генподрядчика о взыскании с субподрядчика «убытков» подлежит удовлетворению.

К сожалению, по данному делу все инстанции вплоть до кассационной со ссылкой на статьи 15, 406.1 ГК РФ и п. 6.18 договора (о возмещении имущественных потерь) признавая требования генподрядчика обоснованными, назвали спорную сумму «убытками». Термин «убытки» является ошибочным в отношении ст. 406.1 ГК РФ и п. 6.18 договора между субподрядчиком и генподрядчиком, так как эти институты имеют разную правовую природу.

Также требует внимания тот факт, что стороны прямо предусмотрели в договоре, что субподрядчик возмещает потери генподрядчика в случаях, не связанных с нарушением подрядчиком условий договора. Однако неустойка, в размере которой субподрядчик должен был возместить потери, возникла именно вследствие нарушения подрядчиком условий договора о сроках выполнения работ. В этом же пункте договора указано, что потери могут быть связаны с действиями или бездействием субподрядчика. Однако, по всей видимости, в данном предложении подразумевается, что потери, хотя и связаны с действиями субподрядчика, «но не связаны с нарушением обязательства его стороной», иначе условия пункта договора противоречили бы друг другу и статье 406.1 ГК РФ. Таким образом, указанные обстоятельства позволяют усомниться в правильности применения ст. 406.1 ГК РФ, так как в рассматриваемом споре речь идёт об убытках.

В следующем споре, возникшем из отношений договора строительного подряда, суды, рассматривая доводы соистцов о недобросовестных действиях ответчиков, ссылаются на п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», касающийся возмещения имущественных потерь, и подменяют термин «убытки» термином «имущественные потери». Стоит отметить, что соглашение, предусмотренное ст. 406.1 ГК РФ не заключалось.

В Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2017 № 09АП-27829/2017-ГК, 09АП-27830/2017-ГК по делу № А40-221822/16 имеется ссылка на п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», где фактически не разграничиваются понятия потерь и убытков. Однако данное постановление было принято до введения статьи 406.1 в Гражданский кодекс РФ, и термин «возмещения имущественных потерь» не следует понимать в смысле ст. 406.1 ГК РФ.

Смещение понятий не повлияло на исход решения, Верховный суд РФ поддержал позицию суда о недоказанности недобросовестного поведения ответчиков по данному делу. Тем не менее, приравнивание двух отличных друг от друга терминов обращает на себя внимание.

В Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.05.2017 № 18АП-2813/2017 по делу № А76-14585/2016 также дан комментарий о применимости ст. 406.1 ГК РФ. Однако в данном деле суд верно указал на то, что заявитель, ссылаясь на указанную статью, не учитывает её

фактического содержания. Соглашение о возмещении имущественных потерь между сторонами заключено не было, требования заказчика основаны на взыскании расходов по устранению недостатков выполненных работ, соответственно, выводы о применимости ст. 406.1 ГК РФ несостоятельны.

Следующий пример интересен выводами суда о возможности применения ст. 406.1 ГК РФ в государственных контрактах (решение Арбитражного суда Свердловской области от 15.01.2018 по делу № А60-55553/2017). Подрядчик обратился в арбитражный суд с иском к заказчику о возмещении потерь, возникших при исполнении договора строительного подряда на выполнение работ для государственных нужд. Заказчик в одностороннем порядке отказался от договора, и подрядчик в рамках настоящего дела обратился с требованием о возмещении заказчиком потерь, понесённых им при покупке и поставке необходимых материалов во исполнение договора. Спорная сумма представляет собой разницу между оплаченной заказчиком суммой сметной стоимости материалов и суммой, оплаченной подрядчиком при покупке у поставщика. Обосновывая наличие прав на указанное взыскание, подрядчик сослался на протоколы технического совещания по объекту строительства, которыми, по его мнению, «стороны согласовали удорожание стоимости материалов, что по существу, как полагает истец, равно соглашению о возмещении потерь».

Заказчик, будучи федеральным государственным казенным учреждением, утверждает, что, во-первых, ст. 406.1 ГК РФ не применяется к государственным контрактам, а, во-вторых, контракт не содержит условие о возмещении имущественных потерь, и какое-либо дополнительное соглашение между сторонами заключено не было.

Суд, отказывая в удовлетворении требований, указал, что субъектный состав не удовлетворяет требованиям ст. 406.1 ГК РФ, соответствующее соглашение отсутствует, а также, что «к отношениям, возникшим из государственного контракта, ст. 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не применяется в силу специального регулирования данных отношений положениями законодательства о контрактной системе».

Примечательно, что ни суд, ни ответчик не указали, какие именно специальные нормы нарушены и не позволяют включить условия ст. 406.1 ГК РФ в государственный контракт. «Анализ Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ на предмет прямых указаний об этом результатов не дал» [4]. В то же время другой суд в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2021 № 17АП-14877/2020-ГК по делу № А71-7523/2020 признал обоснованным принятие пункт государственного контракта в редакции истца и регулирующей возмещение имущественных потерь по правилам ст. 406.1 ГК РФ. Также у Арбитражного суда Калужской области в решении от 25 сентября 2020 г. по делу № А23-4377/2020 не возникло сомнений о применимости к спору пункта контракта, основанного на ст. 406.1 ГК РФ. В связи с этим представляется спорным довод Арбитражного суда Свердловской области о том, что к отношениям, возникшим из государственного контракта, ст. 406.1 ГК РФ не может применяться.

В решении Арбитражного суда Республики Бурятия от 18 марта 2021 г. по делу № А10-8022/2019 статья 406.1 ГК РФ упоминается применительно к штрафу, определённого в договоре. Стороны предусмотрели обязанность подрядчика в случае просрочки выполнения работ выплатить штраф заказчику. Видится, что в данном случае речь идёт о применимости ст. 330 ГК РФ, которую также упомянул суд, но не ст. 406.1 ГК РФ, которой установлено, что возникновение потерь не должно быть связано с нарушением обязательства стороной соглашения.

В решении от 28 декабря 2020 г. по делу № А33-19606/2019 Арбитражный суд Красноярского края квалифицировал со-

глашение, предусматривающее обязанность заказчика обеспечить оплату проезда работников подрядчика до объекта и обратно, как соглашение по статье 406.1 ГК РФ. Толкование такого положения как обязанность возместить имущественные потери выглядит неоднозначно. С одной стороны, соглашение не противоречит положениям ст. 406.1 ГК РФ, с другой стороны, не предполагает какого-то риска и неожиданности наступления обстоятельства, то есть вряд ли предполагает тот вариант применения, на который рассчитывал законодатель.

В решении от 4 июня 2019 г. по делу № А34-13192/2018 Арбитражный суд Курганской области упомянул ст. 406.1 ГК РФ как применимую, рассматривая условие договора об ответственности подрядчика перед заказчиком за некачественные работы, что, естественно, не является верным.

Как видно из анализа, на практике, как стороны споров, так и суды ещё только находятся на пути к пониманию, как работает данная статья. Стороны, заключившие соглашения, в суде, предъявляя требования, путаются в терминологию, и называют предусмотренные потери «убытками» со ссылкой на ст. 406.1 ГК РФ и одновременно ст. 15, 393 ГК РФ. Также среди анализируемых ситуаций можно встретить, что стороны закрепили в соглашении о возмещении имущественных потерь положения, которые фактически отражают обязанность возместить убытки, возникшие вследствие нарушения обязательств, или неустойку в порядке ст. 330 ГК РФ.

Однако неверно применяют нормы статьи, к сожалению, не только стороны, но и суды. В большинстве проанализированных дел по рассматриваемой категории споров, дошедших до апелляции и даже до кассации, суды не применили термин «возмещение имущественных потерь» корректно. По ряду дел квалификация спорной суммы как «возмещения имущественных потерь» была либо неверной, либо достаточно спорной. Несмотря на то, что статья существует уже не первый год, судебная практика не просто не складывается единообразно, но и переполнена примерами неправильного применения. Большинство ошибок, допускаемых судьями, связаны с неспособностью разграничить «возмещение имущественных потерь» и другие институты: неустойки, возмещения убытков в связи с нарушением стороной обязательства и т.д.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что, несмотря на то, что положения ст. 406.1 ГК РФ могут стать достаточно эффективным инструментом для защиты интересов, риск неправильного её применения высок. Если стороны всё же планируют заключить соглашение о возмещении имущественных потерь, при его составлении следует детально проработать содержание условий, чтобы в случае возникновения спора не возникало проблем с квалификацией и толкованием предусмотренных положений.

Пристатейный библиографический список

1. Набережный А. Д. Стороны включили в договор условие о возмещении потерь. Какие сюрпризы их ждут в суде // Арбитражная практика для юристов. – 2016. – № 11. – С. 38.
2. Вагантов В. Судебные споры: как убедить контрагента пойти на мировую? И стоит ли? // Практическая бухгалтерия. – 2021. – № 6. – С. 57.
3. Подузова Е. Б. Возмещение потерь при неисполнении организационного обязательства: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 7. – С. 64.
4. Молоканова Д. С., Мухаметшин А. Э. Возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ), в судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 11. – С. 181.

МАКАРОВ Станислав Александрович

аспирант Московского Финансово-Промышленного университета «Синергия»

ИНСТИТУТ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена анализу истории возникновения института фирменного наименования, а также вопросам правового регулирования данного института на современном этапе. В статье автором рассматриваются ключевые этапы возникновения права на фирменное наименование, история развития законодательства, регулирующего институт фирменного наименования. Также в статье проанализировано само понятие фирменного наименования, его сущность, особенности, специфические характеристики и правовые отношения, возникающие в институте фирменного наименования.

Ключевые слова: фирменное наименование, правовое регулирование, историческое развитие института фирменного наименования, исключительное право, защита прав, товарный знак.

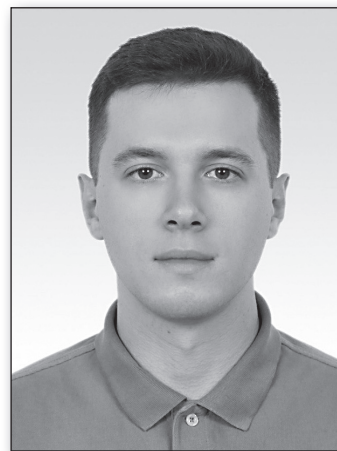
MAKAROV Stanislav Alexandrovich

postgraduate student of the Moscow Financial and Industrial University «SYNERGY»

CORPORATE NAME INSTITUTE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

This article is devoted to the analysis of the history of the emergence of the institution of the brand name, as well as the issues of legal regulation of this institution at the present stage. In the article, the author considers the key stages in the emergence of the right to a company name, the history of the development of legislation governing the institution of a company name. The article also analyzes the very concept of a company name, its essence, features, specific characteristics and legal relations that arise in the institution of a company name.

Keywords: trade name, legal regulation, historical development of the institute of trade name, exclusive right, protection of rights, trademark.

Макаров С. А.

Институт фирменного наименования представляет собой совокупность правовых норм, которые регулируют использование, регистрацию и защиту фирменных наименований.

Фирменное наименование представляет собой уникальное название или знак, идентифицирующий товары или услуги определенной компании или предприятия. Оно служит для различения предлагаемых товаров и услуг от конкурентов, создания узнаваемости и привлечения потребителей.

Особенностью института фирменного наименования является его правовая защита. Владелец фирменного наименования имеет право исключительного использования этого наименования в торговле, что позволяет предотвратить неправомерное использование или подражание со стороны других субъектов. Зарегистрированное фирменное наименование придает его владельцу юридическую защиту и возможность обращаться в суд при нарушении прав.

Институт фирменного наименования также отражает эволюцию технологий и международного бизнеса. С развитием интернета и глобализации торговли, защита фирменных наименований стала важной и на международном уровне. Международные соглашения и стандарты, такие как Парижская конвенция по охране промышленной собственности [6], регулируют правила регистрации и защиты фирменных наименований в различных странах.

В целом, институт фирменного наименования играет значимую роль в бизнесе, обеспечивая правовую защиту и уникальность для предприятий, способствуя развитию конкуренции и защите интересов потребителей.

Рассмотрим подробнее процесс исторического развития института фирменного наименования. Для начала отметим, что история развития института фирменного наименования

уходит в очень древние времена, во времена зарождения самого понятия торговли. Данный институт регулярно претерпевал разного рода изменения, которые затрагивали не только исторические факторы, но и экономические, геополитические и многие другие аспекты.

Первый этап развития института фирменного наименования затрагивает древние времена, когда торговля только начинала развиваться. М. А. Алексеева отмечает, что «Самые первые предпосылки к формированию права на фирменное наименование возникли еще в древнем обществе, и представляли собой наскальные рисунки (которые выступали в качестве отметки места пребывания человека)» [2].

Родоплеменной этап развития института фирменного наименования можно охарактеризовать тем положением, что определенное лицо или группа лиц могли идентифицировать себя для других людей (групп людей) с помощью своего названия. Название группы могло быть связано с теми местами, откуда происходит группа людей, либо же с родом их деятельности. Также название могло быть посвящено тем навыками, которыми владеет человек (группа людей).

Благодаря таким названиям люди могли индивидуализировать себя, а также находить тех, кто схож с ними (имеет общие корни, выполняет аналогичную работу, имеет похожие навыки и т.д.).

Таким образом, даже в этот период торговцы осознавали важность создания уникальных знаков для идентификации своих товаров. Это могли быть простые символы, эмблемы или марки, которые помогали потребителям опознать продукцию конкретного торговца. Согласно исследованию «The Making of the Consumer: Knowledge, Power and Identity in the Modern World» автора Майкла Спрага, древние цивилизации, такие как Месопотамия, Египет и Китай, использовали печати, марки для обозначения владения, торговых сделок.

Следующий этап развития института фирменного наименования припадает на средневековье.

В средневековой Европе гильдии были ключевыми игроками в развитии фирменного наименования. Гильдии контролировали качество продукции и разрабатывали гербы, знаки и символы, которые стали первыми фирменными наименованиями. По мнению исследователя Гильярда Рили, гильдии в средневековой Европе использовали эти гербы и знаки для отличия своих товаров и услуг от товаров других мастеров. Такое мнение он озвучил в исследовании под названием «The Development of Corporate Identity in Medieval Europe».

Н. А. Внуков, Е. В. Матвеева и С. А. Абрамов пишут о том, что «Средневековые купцы вывешивали в местах, где вели торговлю, определенные опознавательные знаки, ставили клеймо на своих товарах. При этом в связи с низким уровнем грамотности в виде обозначений использовались фигуры животных» [3].

Третий этап заключается в появлении полноценных товарных знаков. Это произошло в 19-м веке. В то же время начинают появляться законодательные акты, признававшие и регулирующие фирменные знаки. В США был принят закон о товарных знаках 1870 года (Е. Б. Абакумова в своем исследовании отмечает, что данный закон еще трактуется, как «Закон об авторском праве» или «Закон о патентах»). [1] Более детальное развитие законодательного регулирования института фирменного наименования будет рассматриваться автором далее в статье.

Следующий этап развития анализируемого института – появление международных соглашений по фирменным наименованиям. В 20-м веке появился интерес к унификации правил и защите фирменного наименования на международном уровне. Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года стала одним из важных международных соглашений, регулирующих регистрацию и защиту фирменных знаков. Данному периоду развития фирменных наименований посвящено множество исследований зарубежных авторов. К примеру, автор Джеймс Нест в своем исследовании «International Intellectual Property: A Handbook of Contemporary Research» анализирует исторический контекст и значение международных соглашений для защиты интеллектуальной собственности, включая фирменные наименования.

И ключевой период развития института фирменного наименования припадает на технологическую эру. В современной эпохе, с развитием интернета и цифровых технологий, фирменное наименование получило новые вызовы и возможности. В данный период также было проведено множество исследований и написано много работ о том, как правильно организовать институт фирменного наименования самым эффективным образом, а также о том, как урегулировать защиту фирменного наименования на законодательном уровне. Одним из ключевых исследований в данном периоде выступает статья «Trademark Law in the Digital Age», написанная Рональдом Бетанкур. Статья была опубликована в известном зарубежном журнале «Berkeley Technology Law Journal».

В статье Бетанкур исследует изменения, вызванные цифровыми технологиями и Интернетом, на традиционные правовые принципы, связанные с фирменными наименованиями и торговыми марками. Автор обсуждает уникальные вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются предприятия в эпоху цифровых коммуникаций и электронной торговли.

Основной акцент статьи состоит в исследовании влияния технологий на регистрацию и защиту фирменных наименований в онлайн-среде. Бетанкур обсуждает проблемы, связанные с доменными именами, такими как киберсквоттинг (незаконное использование или регистрация доменных имен, связанных с известными брендами), и предлагает раз-

личные подходы и решения для защиты прав владельцев фирменных наименований.

Кроме того, мы считаем важным вопросом рассмотрение влияния социальных сетей на фирменные наименования. Данная тема также поднимается автором в анализируемой статье. Мы можем сделать вывод о том, что с развитием социальных платформ и пользовательских аккаунтов, становится все сложнее защитить фирменные наименования от неправомерного использования и подделки. Бетанкур анализирует различные случаи исключительности, связанные с фирменными наименованиями в социальных сетях, и предлагает рекомендации по защите прав владельцев.

За последние пять лет институт фирменного наименования продолжил свое развитие, а также столкнулся с новыми вызовами и тенденциями.

В последние годы наблюдается усиление международной координации и сотрудничества в области фирменного наименования. Организации, такие как Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирная организация по торговле (ВТО), продолжают работать над унификацией правил и стандартов в области регистрации и защиты фирменных наименований между странами.

Современная экономика стимулирует компании и предпринимателей создавать уникальные бренды и регистрировать фирменные наименования. Во многих странах за последние годы отмечается значительный рост числа заявок на регистрацию фирменных знаков. Например, в США в 2019 году было подано рекордное количество заявок на регистрацию торговых марок.

Стоит отметить, что на современном этапе социальные сети играют важную роль в коммуникации и маркетинге. Владельцы фирменных наименований сталкиваются с вызовами, связанными с неправомерным использованием и подделкой своих брендовых наименований в социальных сетях. За последние годы разработаны новые стратегии и подходы к защите фирменных наименований в социальных сетях, включая сотрудничество с платформами социальных медиа и мониторинговые инструменты.

Современные тенденции показывают, что фирменные наименования используются не только для идентификации товаров и услуг, но и для создания имиджа и ассоциаций у потребителей. Компании все чаще создают и продвигают свои бренды, стремясь выделиться на рынке и установить эмоциональную связь с потребителями. Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное развитие института фирменного наименования отражает динамику современного бизнеса, технологические изменения и изменение потребительских предпочтений. Оно требует постоянного обновления правовых и организационных механизмов для эффективной защиты и управления фирменными наименованиями в современной экономической среде.

Далее проведем анализ правового регулирования института фирменных наименований: его развития и современного состояния.

Р. Р. Дачева и А. С. Чалова пишут о том, что «В 19-м веке, в период бурного экономического развития, в России появились юридические лица, которые стали новыми субъектами гражданского права. Данная категория стала употребляться как право торговца на фирму. На законодательном уровне право на фирму было закреплено в ст. 2148 Законов гражданских Свода законов Российской империи, где говорилось, что каждая компания учреждается под определенным наименованием. Соответственно, наряду с имущественными начали развиваться и неимущественные отношения» [5].

Д. Ю. Чежия, А. А. Молчанов и В. В. Ковязин отмечают, что «Положение о фирме 1927 года использовало формулировки «фирма предприятия, принадлежащего ...», при этом в дальнейшем советское законодательство считало фирму наименованием предприятия, а не обозначением владельца.

Несмотря на законодательное закрепление права на фирму, реализация Положения 1927 года не осуществлялась. При советской власти фирменные наименования были изъяты из сферы правового регулирования и упоминались в советском законодательстве очень редко» [7].

Ближе к нашему времени начало происходить возрождение анализируемого института. Большим шагом для развития неимущественных отношений стало принятие Гражданского кодекса РФ. В данной документе весь гражданско-правовой институт нематериальных благ был выведен в отдельную главу кодекса, что позволило начать активное развитие института фирменных наименований. Одна из частей Гражданского кодекса, а именно четвертая часть регулирует правовой статус и защиту фирменных наименований, которые являются одним из видов объектов интеллектуальной собственности.

Статья 1475 ГК РФ определяет фирменное наименование как обозначение, предназначенное для индивидуализации юридического лица, его товаров или услуг. Регистрация фирменного наименования осуществляется в установленном порядке и дает его владельцу эксклюзивное право на его использование в определенной сфере деятельности. [4]

Статья 1476 ГК РФ устанавливает, что владелец фирменного наименования имеет право использовать его в своей деятельности и запрещать другим лицам его использование без его согласия. Право на фирменное наименование охраняется на территории всей Российской Федерации. [4]

Статья 1479 ГК РФ устанавливает ответственность за нарушение прав на фирменное наименование, включая установление обязанности уплаты компенсации вреда и возмещения причиненных убытков. [4]

В целом, ч. 4 ГК РФ предусматривает различные меры защиты фирменного наименования. Владелец фирменного наименования имеет право требовать прекращения незаконного использования его наименования, возмещения причиненного ущерба, а также применения иных мер защиты, предусмотренных законом.

На сегодняшний день основные понятия, определения и отношения, возникающие в институте фирменного наименования все также описаны в ч. 4. Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ ч. 4), а, точнее в главе 75-ой, которая называется «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий». Разумеется, с момента принятия данного документа до его современного вида было принято множество правок и дополнений. [4]

Основная проблема исследования заключается в том, что в международном праве, которое регулирует деятельность института фирменного наименования, основные определения и термины объединены в единое понятие. В нашем отечественном гражданском праве данный термин приобретает некоторый дуалистический характер, так как он выражен двумя понятиями «фирменное наименование» и «коммерческое обозначение».

Из-за такой неточности перевода, трактовок на сегодняшний день возникает множество споров по теме фирменных наименований. Это происходит, в первую очередь, по причине стремления правового урегулирования норм российского законодательства и международных правовых отношений. Такое урегулирование позволит решить большинство существующих проблем и противоречий.

По состоянию на 2023-ий год проблема соотношения «фирменного наименования» и «коммерческого обозначения» остается нерешенной. Мы считаем, что именно по этой причине важно на законодательном уровне проработать понятие «фирменное наименование» и привести его к статусу элемента правосубъектности юридического лица, предусмотрев его в качестве обязательного признака юридического лица.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что исследование проблемы фирменного наименования юридического лица имеет важное значение по нескольким причинам.

Во-первых, фирменное наименование является важным элементом идентификации и индивидуализации юридического лица. Оно помогает создать узнаваемый бренд и установить связь между компанией и ее товаром или услугой. Исследование проблемы фирменного наименования позволяет понять, как правильно создать и применять фирменное наименование для достижения максимального эффекта в бизнесе.

Во-вторых, защита фирменного наименования юридического лица является важным аспектом правовой защиты интеллектуальной собственности. Исследование этой проблемы позволяет разобраться в механизмах регистрации и защиты фирменных наименований, а также определить возможные нарушения и способы их предотвращения или пресечения.

В-третьих, изменяющаяся экономическая и технологическая среда оказывает влияние на проблемы, связанные с фирменным наименованием. В современной цифровой эпохе, с распространением интернета и социальных сетей, возникают новые вызовы и возможности для использования и защиты фирменных наименований. Исследование позволяет анализировать эти изменения и разрабатывать стратегии для эффективного использования и защиты фирменных наименований в новых условиях.

Таким образом, исследование проблемы фирменного наименования юридического лица имеет значимость как с практической, так и с теоретической точек зрения. Оно способствует развитию научных знаний в области интеллектуальной собственности, помогает бизнесу в создании и защите своего бренда, а также способствует правовой защите прав на фирменное наименование.

Пристатейный библиографический список

1. Абакумова Е. Б. Эволюция института авторского права эволюция института авторского права в контексте признания естественных прав человека // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 9-16.
2. Алексеева М. А. Исторический аспект развития института фирменного наименования // Молодой ученый. – 2019. – № 2 (29). – С. 618-623. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37203604> (дата обращения: 24.06.2023).
3. Внуков Н. А., Матвеева Е. В., Абрамов С. А. О соотношении коммерческого обозначения и фирменного наименования // Право и экономика. – 2018. – № 8 (366). – С. 37-42.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.
5. Дачева Р. Р., Чалова А. С. Развитие законодательного регулирования фирменного наименования юридических лиц // Эпомен. – 2019. – № 34. – С. 107-114.
6. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/.
7. Чежия Д. Ю., Молчанов А. А., Ковязин В. В. Становление и развитие законодательства о фирменных наименованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44540440_46481149.pdf.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ

В статье авторы рассматривают направленность образовательного процесса в современный период времени на переход в новую среду с использованием новейших технологий. С учетом изменений требований к выпускникам, введением профессионалитетов на государственном уровне, а также внедрением цифровизации обучения на основании уже пережитых новых социальных рисков и требований ФГОС, в исследовании предпринимается попытка определения статуса отдельных нововведений, не предусмотренных нормами законодательства, которыми пользуются обучающиеся. Даются примеры такого использования, а также вносятся отдельные предложения по законодательному регулированию таких процессов.

Ключевые слова: гражданское законодательство, образование, обучение, применение технологий, нововведения.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

DIGITALIZATION OF EDUCATION AND THE LATEST TECHNOLOGIES IN EDUCATION

In the article, the authors consider the orientation of the educational process in the modern period of time to transition to a new environment using the latest technologies. Taking into account the changes in the requirements for graduates, the introduction of professionals at the state level, as well as the introduction of digitalization of education on the basis of already experienced new social risks and requirements of the Federal State Budgetary System, the study attempts to determine the status of individual innovations that are not provided for by the norms of legislation that students use. Examples of such use are given, as well as separate proposals for the legislative regulation of such processes are made.

Keywords: civil legislation, education, training, application of technologies, innovations.

История образовательного процесса постоянно претерпевает изменения. На него влияет не только развитие гражданского общества, но и требования работодателей к выпускникам. Полноценное будущее и независимость государства возможны только при наличии профессиональной системы образования, которая способна в полной мере обеспечить подготовку кадров, необходимых для развития страны. И нужно понимать, что с каждым годом знаний и информации становится все больше, и поэтому необходимо подготовить достаточное количество высококвалифицированных специалистов, способных выполнять необходимую работу самостоятельно, чтобы выполняемый ими объем работ был эффективным и своевременным. Для всего этого необходимо создать систему образования, соответствующую реалиям современной действительности.

Одной из естественных особенностей современного образования, несомненно, будет переход в онлайн-сре-

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

ду. Именно эта модель, на наш взгляд, может обеспечить самый быстрый, безболезненный и в целом вполне доступный образовательный механизм для большинства населения, максимально эффективно обучать и воспитать молодое поколение, а также обеспечить качественное среднее и последующее образование для более зрелых людей, поддерживать возможность обучения в удобном для них формате [1, с. 75].

Цифровизация всех сфер человеческой жизнедеятельности не могла не затронуть основную из них, которой является система образования. Переход образовательного процесса на цифровые платформы – это процесс, связанный с использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для улучшения качества образования и обучения. Этот процесс включает в себя использование различных цифровых инструментов и ресурсов, таких как электронные учебники, онлайн-курсы, видеоуроки, вебинары, интерактивные

задания и тесты, а также виртуальные классы и лаборатории [2, с. 10].

Переход на цифровые платформы позволяет преподавателям и студентам получать доступ к образовательным материалам и ресурсам из любой точки мира, что расширяет возможности обучения и обмена знаниями. Кроме того, использование ИКТ позволяет учителям индивидуализировать обучение, учитывая потребности каждого ученика, а также повышать эффективность обучения, сокращая время на подготовку и проведение занятий.

Однако, переход на цифровые платформы также представляет некоторые вызовы, такие как необходимость обучения учителей и студентов использованию новых технологий, а также необходимость обеспечения доступности цифровых ресурсов и инфраструктуры для всех участников образовательного процесса.

В целом, переход на цифровые платформы является важным шагом в развитии современного образования, который позволяет профессорско-преподавательскому составу и студентам использовать современные технологии для достижения лучших результатов в обучении и развитии.

Это стало возможно, в том числе благодаря разработке специальных программ, базирующихся на Generative Pre-trained Transformer, что в переводе на русский означает в буквальном смысле «натренированная модель, которая генерирует текст».

Чат-боты – это программы, которые могут имитировать разговор с человеком посредством текстовых сообщений. Они могут использоваться для автоматического ответа на вопросы студентов, а также для предоставления информации о расписании занятий, оценках и других аспектах обучения.

Использование чат-ботов может значительно упростить коммуникацию между студентами и преподавателями, особенно в случаях, когда большое количество студентов обращаются к преподавателю с однотипными запросами. Чат-боты могут также помочь студентам быстро получать ответы на свои вопросы, не ожидая ответа от преподавателя.

Однако, использование чат-ботов также может иметь некоторые ограничения. Например, чат-боты могут быть ограничены в своих возможностях ответить на сложные вопросы, требующие индивидуального подхода. Кроме того, некоторые студенты могут предпочитать общаться с преподавателями лично или по телефону, а не через чат-боты.

В целом, использование чат-ботов может быть полезным инструментом для улучшения образовательного процесса, особенно в случаях, когда они используются в сочетании с другими технологиями и методами обучения.

Только объем желающих обучающихся использовать такие технологии привел к необходимости установления правового регулирования данных ботов. Уже появились и определённые вопросы, связанные с правовым регулированием интеллектуальной собственности, а также новые пробелы в законодательстве, касающиеся авторского права. Основная трудность оказалась в том, что большинство разработок на основе искусственного интеллекта создаются автоматическим способом. Ярким примером служат чат-боты (ChatGPT и подобные ему) на основе генеративно-преобразовательной

сети и их защита как объектов интеллектуальной собственности.

Проблемы правового регулирования коснулись не только изучения юридической защиты нейросетей, но и установления их авторских прав. В частности, сегодня законодателю необходимо проанализировать проблемы правовой защиты нейросетей; изучить направлений развития правового регулирования сферы интеллектуальной собственности в их отношении. Для этого потребуются выявить основные технологии и методы, используемые для создания, обучения и работы с нейросетями на основе примеров их практического использования. Желательно установить кто же является автором созданного нейронной сетью результата интеллектуальной деятельности – пользователь или сама сеть.

Оценка перспектив развития данной области в свете быстрого технологического прогресса и возможных вызовов в области правовой защиты прав интеллектуальной собственности уже проводится. Ученые пытаются сравнить искусственный интеллект с разными типами объектов интеллектуальной собственности, такими как патенты, средства индивидуализации (товарные знаки), объекты авторского права. Описание благоприятных последствий для разработчиков и общества при защите нейросетей институтом интеллектуального права видится весьма очевидным. И это потребует вклада в изменение части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Практика уже знает несколько кардинально противоположных случаев использования и оформления работы ChatGPT. Такими примерами являются дипломная работа студента Российского Государственного Гуманитарного Университета [3] и опубликованная на сайте ЛитРес книга «Скайнет в эпоху киберпанка. Теория сверхума и вызовы перед человечеством в XXI веке». В качестве авторов книги указаны Антон Платунов, Андрей Глебов и ChatGPT. В данном литературном произведении нейросеть сгенерировала диалоги и монологи, добавила детали и идеи для развития сюжета [4]. В обоих случаях фиксируется большой объём работы, проделанный именно машиной. Однако стоит отметить, что человек всё равно подвергает полученные данные редактуре. Тогда возможно рационально было бы считать нейронные сети лишь инструментом для написания трудов творческой деятельности.

Приведенные примеры показывают, что даже специалисты пока не могут решить к какой категории отнести нейронные сети. Являются ли они самостоятельными «авторами» или средством для создания литературных и научных произведений.

Однако, норма действующего отечественного законодательства устанавливает следующий момент, связанный с легально закрепленным законом определением автора. Автором произведения науки, литературы или искусства может быть только гражданин, то есть физическое лицо, творческим трудом которого оно создано. Эта норма закрепляет, что творчество – это деятельность присущая исключительно человеку, поэтому в Российской Федерации не охраняются авторским правом любые произведения, созданные не человеком [5]. С учетом этого в отечественном законодательстве

акценты уже расставлены, и значит результат применения искусственного интеллекта в нашем государстве уже определен и отнесен к использованию новейших цифровых технологий.

Однако, все же стоит определить должен ли искусственный интеллект являться объектом интеллектуальной собственности. Сегодня уже можно выделить основные признаки для возможности признания искусственного интеллекта объектом интеллектуальной собственности. Он является результатом творчества и процессов интеллектуальной деятельности человека. В этом видится его схожесть с другими объектами интеллектуальной собственности.

Искусственный интеллект может генерировать на основе заложенной в него информации инновационные научные и технические решения. В свою очередь такие результаты могут быть объектом патентной защиты. Он практически всегда имеет и будет иметь коммерческую ценность. Если использование каких-либо ресурсов приводит к увеличению прибыли компании или организации, то такие технологии, как правило, неоднократно продаются их правообладателями, либо на основе подобных интеллектуальных объектов могут создаваться монополии. Для передачи прав на использование искусственного интеллекта можно использовать лицензионное соглашение или иные формы отчуждения интеллектуальной собственности, что предполагает правовую защиту данного объекта гражданских правоотношений. Признание искусственного интеллекта объектом интеллектуальной собственности может стимулировать инновационную деятельность разработчиков и исследовательских компаний, что даст возможность привести к технологическому и экономическому прогрессу целые отрасли. Кроме всего перечисленного искусственный интеллект по своим характеристикам полностью подпадает под такой вид объектов гражданских прав как цифровые объекты.

Думается, если нейросети будут признаны объектами интеллектуальной собственности, то изначально стоит решить такую проблему как определение вида исключительных прав, к которым следует их отнести. Некоторые юристы уже сегодня предлагают выделить для них новую категорию в законодательстве. Затем стоит определить, на основе чего будет осуществляться защита самого алгоритма и технологии искусственного интеллекта, используемых для создания, например, чат-ботов. В дополнение также потребуются создать для разработчиков таких объектов механизм защиты от конкурентов, которые могут использовать ту же технологию для своих целей. Для этого также надо произвести обновление и внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты. С другой стороны, описывая работу нейросетей чаще всего используют термин «технологии», не означает ли это достаточно большую схожесть с цифровыми программами и алгоритмами действий, заложенными в них и, как следствие, уже проявляющуюся сущность в виде правовой охраны наукой и технологий.

Следовательно, в связи с вышеперечисленным целесообразно признать нейросети новыми объектами интеллектуальной собственности. Для этого понадобится провести большую работу по рассмотрению изменений в действующее

законодательство, которое должно проводиться квалифицированными специалистами в данной области, так как все же вопрос касается цифровых технологий пусть и с возможностью их самостоятельного обучения. Для того, чтобы гражданским законодательством были урегулированы отношения между разработчиками и пользователями нейронных сетей, а также, думается, что в связи с широкой популярностью применения нейросетей в различных областях, их важность и ценность будет только расти. Следовательно, изменения образовательного процесса проходят в соответствии с требованиями общества и его развитием. ФГОСы всего лишь отражают желание работодателей видеть соответствующие характеристики у молодых специалистов и, как следствие, это не только переход образования на новый цифровой уровень, но и разработка государственных профессионалитетов. Однако, не стоит переводить обучение полностью на уровень технологических возможностей. Этот вариант может привести к подмене получения знаний самим обучающимся, использованием результатов деятельности нейронных сетей или иных самостоятельных технологических платформ.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Перспективы цифрового развития отечественного образования // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 8 (212). – С. 75-77.
2. Ананьева Е. О. Проблемы организации высшего образования в современной России // В сборнике: Подготовка кадров в современных условиях развития образования: реалии и перспективы. сборник материалов научно-методической конференции. – Рязань, 2022. – С. 9-12.
3. Нейросеть за сутки написала диплом за студента. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2023-02-05/446665-neyroset_za_sutki (дата обращения: 18.05.2023).
4. В России вышла написанная в соавторстве с искусственным интеллектом книга. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230510/knigi-1870773626.html> (дата обращения: 13.05.2023).
5. Яковлев Н. Ю. В Государственной думе предложили закреплять права на интеллектуальную собственность, созданную с помощью ИИ, за его разработчиками. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/11/14/v_gosudarstvennoj_dume_predlozhili_zakrepyat_prava_na_intellektualnuyu_sobstvennost_sozdannuyu_s_po (дата обращения: 23.05.2023).

АМИРХАНОВ Амирхан Магомедович

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (по направлению 5.1.3 частно-правовые (цивилистические науки)), юрист в ООО «Юридическая компания «МААТ»

ЗАЩИТА ПРАВ НА ЦИФРОВУЮ ВАЛЮТУ: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

С учетом возможных правок в действующее гражданско-правовое регулирование остро стоит вопрос о правовой защите владельцев цифровой валюты. В статье кратко рассмотрена правоприменительная практика судов, научные труды о возможных способах защиты прав на цифровую валюту. Автор отмечает наличие пробелов в действующем законодательстве, отсутствие как правовой, так и технической возможности восстановления нарушенного права. Также в работе сделан вывод о том, что защита прав на цифровую валюту возможна с помощью мер уголовно-правового характера, а также путем использования принципа генерального деликта.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, гражданский оборот, объекты гражданских прав, имущество, электронная валюта, судебная защита, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность.

AMIRKHANOV Amirkhan Magomedovich

postgraduate student of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (in the direction 5.1.3 private law (civil sciences)), a lawyer in LLC "Law Company "MAAT"

PROTECTION OF DIGITAL CURRENCY RIGHTS: MAIN METHODS, PROBLEMS, LEGAL REGULATION

Taking into account possible amendments to the current civil law regulation, the issue of legal protection of owners of digital currency is acute. The article briefly discusses the law enforcement practice of courts, scientific works on possible ways to protect the rights to digital currency. The author notes the existence of gaps in the current legislation, the absence of both the legal and technical possibility of restoring the violated right. The author also concludes that the protection of digital currency rights is possible through criminal law measures, as well as through the use of the principle of general tort.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, civil turnover, objects of civil rights, property, electronic currency, judicial protection, criminal liability, civil liability.

Амирханов А. М

Основным началом защиты любого субъективного права и законного интереса человека выступает закрепление Конституцией Российской Федерации признания прав и свобод как высшей ценности государства. С принятием основного нормативно-правового акта по сегодняшний день происходит становление современной отечественной правовой системы.

В целях создания условий для реализации прав и свобод человека в настоящее время создана система федеральных, региональных и местных органов власти. При этом создаются и наделяются властными полномочиями наднациональные органы с учетом вхождения государства в соответствующие образования.

Поскольку гражданский оборот находится в постоянном развитии, с появлением новых объектов гражданских правоотношений возникает необходимость в их правовой регламентации, закреплении природы, правового статуса и способов их защиты от посягательств третьих лиц. В силу динамичности оборота, в постоянном развитии находятся также права и интересы субъектов, что приводит к отставанию существующих механизмов и правовых средств защиты нарушенных прав.

Как известно, нормативно-правовой акт, регламентирующий понятие цифровой валюты, а также определяющий некоторые особенности ее оборота принят и вступил в силу сравнительно недавно. Таковым актом является Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – 259-ФЗ). С указанного момента каких-либо изменений в части

регулирования оборота цифровой валюты в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не внесено. Законодательные инициативы находятся на стадии рассмотрения и, как следует из информации с официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, требует дополнительных правок.

Несмотря на отсутствие в перечне объектов гражданских прав ст. 128 ГК РФ цифровой валюты, судебная практика начала складываться еще до принятия 259-ФЗ, признавая за субъектами возможность защиты прав на нее. Но говорить и каком-либо сформировавшемся едином правовом подходе судов в указанное время не целесообразно.

Между тем, практика свидетельствует о наличии права на судебную защиту на цифровую валюту у субъектов гражданского оборота, а также о реализации положений ст. 46 Конституции РФ, согласно которой в государстве гарантируется судебная защита прав и свобод не только физических лиц, но и организаций.

Основной формой защиты прав на цифровую валюту, как следует из практики, является юрисдикционная. Как известно, соответствующая форма предполагает обращение в уполномоченные государственные органы, которые посредством применения правовых норм к конкретным правоотношениям издадут обязательные акты, содержащие предписания правового характера и направленные на восстановление нарушенных прав граждан и юридических лиц.

Центральное место в сфере защиты прав на цифровую валюту занимают судебные органы. Указанное обусловлено как характером основных отношений между субъектами по её обороту, так и широким использованием сделок. Таким

образом, с учетом выраженной экономической (имущественной) ценностью цифровой валюты, защита прав на нее осуществляется, в основном, в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.

Указание на арбитражный вид судопроизводства появилось в содержании Конституции лишь после внесения в нее поправок в 2020 году. В новой редакции Конституции также был изложен исчерпывающий перечень судов, образующих судебную систему РФ. Согласно п. 3 ст. 118 Конституции судебную систему образуют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Федерации.

Для защиты прав на цифровую валюту принципиальное значение имеет правовое предписание, появившееся с принятием ФЗ о цифровых финансовых активах. В частности, п. 6 ст. 14 закона предусмотрено, что требования лиц, которые не вправе использовать цифровую валюту в качестве средства платежа, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством РФ о налогах и сборах. Очевидно, что указанная норма была введена с целью побудить владельцев цифровой валюты выйти из тени и задекларировать ее в порядке, предусмотренном налоговым законодательством.

Примечательно, что указанное положение закона уже нашло свое отражение в судебной практике. Как указано в решении Мещанского районного суда города Москвы от 29.11.2021 по делу № 2-5221/21, в случае отсутствия информирования налогового органа о факте обладания цифровой валютой требования о её взыскании не подлежат судебной защите.

Соответствие указанного положения ст. 46 Конституции Российской Федерации является спорным. До принятия 259-ФЗ суды рассматривали дела, связанные с переводом денежных средств контрагентам для приобретения цифровой валюты, реализацией её через электронные средства в сети Интернет и т.д. В рамках уголовного судопроизводства стали разрешаться дела о хищениях цифровой валюты. Некоторые суды квалифицировали указанный объект не как средство платежа, а как товар. Так, Верховный суд Республики Башкортостан, рассмотрев гражданское дело по апелляционной жалобе К.Е.Б. на решение суда первой инстанции, которым постановлено в удовлетворении исковых требований К.Е.Б. к М.Р.Д. о взыскании суммы неосновательного обогащения, понесенных судебных расходов, отказать, установил, что истец и ответчик участвовали в Интернет-проекте по продаже электронной валюты «E-dinar». Истец утверждал, что по ошибке перевел ответчику денежную сумму в размере 150 000 рублей, из которых ответчик возвратил лишь 50 000 тысяч, оставшуюся сумму он возвращать отказался, на досудебную претензию не ответил. Судом установлено, что денежные средства были переведены истцом не без оснований, а в связи с участием в интернет-проекте, в рамках которого истцом у ответчика была приобретена электронная валюта в размере 2459 «E-Dinar»¹.

Имели место случаи, когда суды отказывали в удовлетворении исковых требований по причине отсутствия законодательной базы в области регулирования оборота цифровой валюты. Примером может служить спор, рассмотренный Рязским районным судом в 2017 году. Бушаев М. Н. обратился с иском к индивидуальному предпринимателю Р. В. Бояркину с требованием о взыскании неустойки, штрафа и возмещении морального вреда в рамках закона о защите

прав потребителей. Свои требования истец обосновывал тем, что он воспользовался услугами по обмену цифровой валюты на сервере, владельцем которого являлся ИП Бояркин Р. В., перевёл на указанный сервер принадлежащую ему валюту с целью её обмена на российские рубли. Однако соответствующая денежная сумма так и не поступила на счет истца, в связи с чем он обратился в суд.

Суд, отказывая в удовлетворении исковых требований, указал на отсутствие какой-либо правовой базы в Российской Федерации для регулирования платежей «виртуальной валюты». Помимо отсутствующего порядка, в акте указано также на отсутствие какого-либо регулирования торговых интернет-площадок, биткоин-бирж. По сути, все операции по переводу виртуальной валюты осуществляются на свой страх и риск².

Основное, чаще всего цитируемое в научных работах судебное дело № А40-124668/2017 рассмотрено Арбитражным судом города Москвы, решение которого впоследствии отменено Девятым арбитражным апелляционным судом. Первая инстанция заняла позицию о невозможности квалификации цифровой валюты в качестве объекта гражданских прав, руководствуясь ее отсутствием в ст. 128 ГК РФ. Однако, суд апелляционной инстанции занял иную позицию и отнес цифровую валюту к имуществу, включив её в конкурсную массу должника. Суд указал, что цифровая валюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество.

Такой подход поддержан и некоторыми авторами в научной литературе [1]. Но имеется и отличная точка зрения, занимаемая, к примеру, Е. Н. Абрамовой, утверждающей в своей работе, что нынешняя редакция ст. 128 ГК РФ позволяет отнести к категории иное имущество лишь обязательственные права. При этом автором признается необходимость создания иной, альтернативной концепции объектов гражданских прав [2].

Поскольку 259-ФЗ для целей применения законодательства в различных сферах определяет цифровую валюту в качестве имущества, постольку возможно и ее хищение. В примечании 1 к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации³ предусмотрено, что под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Следовательно, с точки зрения уголовного права предмет хищения должен отвечать физическому признаку, согласно которому предметом хищения может быть только объект материального мира. Цифровую валюту нельзя отнести к о вещественным объектам, поскольку она представляет собой совокупность электронных данных, обладающих определенной экономической ценностью.

М. А. Коваленко полагает, что цифровую валюту можно отнести к особой категории бестелесного имущества и предоставить ей уголовно-правовые меры охраны [3]. Похожей точки зрения придерживается и А. И. Савельев, который пишет, что категория «имущество» имеет весьма емкое содержание и не может ограничиваться лишь о вещественными предметами материального мира.

Помимо того, что цифровая валюта может быть предметом хищения, совершаемого, например, в форме мошенничества в сфере компьютерной информации, существуют вы-

1 Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 20.02.2017 по делу № 33-3487/2017 // Документ опубликован не был.

2 Решение Рязского районного суда № 2-160/2017 2-160/2017-М-129/2017 М-129/2017 от 26 апреля 2017 г. по делу № 2-160/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l/ (дата обращения: 03.06.2023).

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

сокие риски распространения более тяжких преступлений для завладения доступом к криптокошелькам и вывода цифровой валюты посредством использования насилия, опасного для жизни и здоровья, угроз и т.д. [4]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что права на цифровую валюту могут быть защищены уголовно-правовыми средствами.

В части защиты прав на цифровую валюту гражданско-правовыми способами стоит учесть присущее континентальному праву деление прав на вещные, обязательственные и интеллектуальные. Такое деление предполагает существование специфичных способов защиты указанных прав. Цифровая валюта не является результатом интеллектуальной деятельности, следовательно, ее собственники не могут претендовать на защиту своих прав посредством способов, предусмотренных для интеллектуальной собственности.

Права на цифровую валюту в полной мере не являются обязательственными в связи с отсутствием обязанного лица. Из чего можно сделать вывод, что отношения, объектом которых является цифровая валюта, наиболее приближены к вещным, то есть тем, что связаны с принадлежностью имущества определенным лицам.

Вышеизложенное предполагает использование основных вещно-правовых способов защиты прав на цифровую валюту. Таким образом, следовало бы исходить из возможности подачи виндикационного и негаторного исков.

Между тем, как справедливо заметил М. М. Валеев: «... вещь – это предмет материального мира, могущий быть в обладании человека и служащий удовлетворению его потребностей» [5]. Признак материальности или телесности вещей означает их физическое существование как предметов материального мира.

Учитывая тот факт, что цифровая валюта не отвечает критерию материальности и индивидуальной определенности, к ней не могут быть применены вещно-правовые способы защиты. С похожей проблемой российской правовое сообщество столкнулось с появлением бездокументарных ценных бумаг.

Рассматриваемая проблема не первый год обсуждается в юридической литературе, и многие авторы сходятся во мнении, что для защиты прав на цифровую валюту может быть применен принцип генерального деликта, в соответствии с которым собственник имеет право на возмещение любого понесенного им ущерба [6].

Для предъявления виндикационного и негаторного исков необходимо достоверно и точно знать лицо, физически владеющее истребуемым имуществом. Соответствующее замечание справедливо также и для деликтного иска. В случае же с цифровой валютой при её обращении в децентрализованном распределенном реестре установить текущего владельца затруднительно.

В настоящее время защита прав на цифровую валюту возможна посредством использования мер уголовно-правовой охраны и принципа генерального деликта. Р. М. Янковский со ссылкой на А. И. Савельева рассуждает о том, что защита прав владельца цифровой валюты носит деликтный, а в рамках договорных правоотношений – кондикционный характер. По его мнению, само по себе признание цифровой валюты в качестве «имущества» достаточно для распространения защиты на указанные отношения [7]. Однако остается открытым вопрос практики возмещения нанесенного вреда или возврата неосновательного обогащения. Анализ работы бирж показывает, что в случае перевода цифровой валюты на иной кошелек по ошибке, вернуть переведенное имущество не получится. Вызывает вопрос и возможность установления неосновательно обогатившегося лица в связи с уже упомянутым принципом анонимности.

Само по себе использование принципа генерального деликта в целях защиты прав является обоснованным, но вопросы реализации указанного механизма в отношении циф-

ровой валюты в действующем законодательстве не проработаны. Помимо пробелов в законодательстве, мы в том числе сталкиваемся с техническими проблемами, так как органы принудительного исполнения не оснащены средствами поиска и контроля транзакций, их попросту все еще нет.

Таким образом, ответ на вопрос о возможности защиты прав на цифровую валюту в ситуации её фрагментарного правового регулирования является положительным. Однако, с учетом сложности фактического восстановления нарушенного права, эффективность такой защиты вызывает много вопросов, что требует от законодателя внести соответствующие изменения в имеющиеся нормативно-правовые акты.

Пристатейный библиографический список

1. Аюшеева И. З., Богданова Е. Е., Булаевский Б. А., Малеина М. Н., Микрюков В. А., Микрюкова Г. А., Моргунова Е. А., Соифер Т. В., Соменков С. А., Суворов Е. Д., Тягай Е. Д. Гражданское право (учебник; в двух томах, том первый; под ред. д.ю.н., проф. Е. Е. Богдановой). – М.: Проспект, 2020. – 440 с.
2. Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., доц. В. А. Вайпана, д.ю.н., проф. М. А. Егоровой). – МГУ им. М. В. Ломоносова, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Моск. отделение Ассоциации юристов России, Междунар. союз юристов и экономистов (Франция). – М.: Юстицинформ, 2021. – 276 с.
3. Коваленко М. А. Возможность признания криптовалюты и токенов предметом хищения в условиях развития цифровой экономики // Международный журнал экспериментального образования. – 2020. – № 4. – С. 40-41.
4. Можяева Л. Е., Савченко Д. Г. Наложение ареста на криптовалюту, полученную преступным путем, как механизм обеспечения защиты прав граждан и организаций, потерпевших от преступлений против собственности, совершенных с использованием интернета: проблемы и перспективы развития // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – 2021. – С. 72-80.
5. Валеев М. М. Понятие и классификация вещей // Гражданское право: учебник: в 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. – М., 2016. – 511 с.
6. Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ. – Москва: Издательство «4 Принт», 2020. – 307 с.
7. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 43-77.

БАВИН Дмитрий Евгеньевич

студент Юридической Школы Дальневосточного федерального университета

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ (BIG DATA) КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА

Настоящая статья посвящена проблеме правового регулирования объекта цифровых отношений – больших данных (*big data*). В исследовании рассматриваются вопросы, связанные с защитой прав на большие данные (*Big Data*) в контексте интеллектуального права. Автор статьи анализирует различные аспекты этой проблемы, такие как понятие больших данных, их характеристики и особенности, а также правовые аспекты, связанные с использованием и защитой больших данных.

Ключевые слова: интеллектуальное право, большие данные, *big data*, объект гражданского права, цифровые правоотношения, защита права.

BAVIN Dmitriy Evgenjevich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

BIG DATA (BIG DATA) AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL LAW

This article is devoted to the problem of legal regulation of the object of digital relations – *big data*. The study examines issues related to the protection of rights to *big data* (*Big Data*) in the context of intellectual property law. The author of the article analyzes various aspects of this problem, such as the concept of *big data*, their characteristics and features, as well as legal aspects related to the use and protection of *big data*.

Keywords: intellectual property law, *big data*, *big data*, object of civil law, digital legal relations, protection of law.

Бавин Д. Е.

В настоящее время существует большой пробел правового регулирования деятельности в цифровой среде с использованием технологий «большие данные» (*Big Data*). Ввиду того, что данная технология всё больше приобретает свою актуальность, отношения, возникающие между субъектами правоотношений по поводу *big data* требуют соразмерного правового регулирования. Однако существует ряд сложностей, которые негативно влияют на реализацию контроля и регулирования общественных отношений в цифровой среде.

В частности, проблема связана с тем, что технологию «большие данные» сложно определить в качестве объекта гражданского права из-за особенностей её осуществления. Легальное определение закреплено п.п. «к» пункте 4 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 который устанавливает, что **большие данные** – это структурированная и неструктурированная информация, поступающая из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников информации, в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время. А также, ГОСТом Р ИСО/МЭК 20546-2021, подготовленным «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» - **большие данные** (*big data*): Идентифицируемая совокупность данных, к которой можно получить доступ или скачать в одном или нескольких форматах, отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа.

Исходя из легального определения следует: первое, что большие данные – это структурированная и неструктурированная информация, где структурированная – это обработанная информация, содержащаяся в какой-либо информационной системе, а неструктурированная – информация, которая либо не имеет заранее определенной модели данных, либо не организована заранее определенным образом. И если мы говорим о структурированной информации, то отношениям, возникающим по поводу такого характера информации, можно придать правовую определенность, но в случае неструктурированной информации, ситуация совершенно неоднозначная: в доктрине существуют различные позиции по регулированию таких данных.

Для начала о правовой характеристике структурного элемента больших данных (*big data*) – **структурированной ин-**

формации, в отношении которой можно было бы применить аналогию закона на основе статьи 1260 ГК РФ, где объектом интеллектуального права является база данных (составное произведение). В международной практике сложился доктринальный подход к пониманию производных/составных произведений называемый «*sweat of the brow*», перевод которой означает нечто похожее на наше «в поте лица». Согласно доктрине «**в поте лица**», создатель авторской работы, даже если ее элементы абсолютно лишены оригинальности (то есть созданы другим лицом), имеет право на защиту своих усилий и затрат, и никто другой не может использовать такую работу без разрешения. Классическим примером является телефонный картотека. По закону такой справочник не может быть скопирован, вместо этого, автор нового справочника должен самостоятельно собирать информацию.

Вместе с тем и данная доктрина не является абсолютом: на практике возникает большое количество сложностей, связанных с доказыванием «уникальности» подбора информации в единую систему, базу.

Так, доктрина была применена в апелляционном определении Верховного суда Республики Башкортостан № 33-8372/2015.

В данном споре предметом спора, в первую очередь, являлись журналы, в отношении которых истец требовал признать авторское право согласно ст. 1260 ГК РФ о составных произведениях. Суд не удовлетворил требования истца, основываясь на том, что уникальной классификации истцом не было предложено, а наличие на каждой странице журнала графического изображения не индивидуализирует такое произведение.

Исходя из вышеназванного решения суда можно сделать несколько выводов. Первое, это то, что правовая доктрина «*sweat of the brow*» применяется в России и пусть самостоятельно не уникальные, но структурированные уникальным образом элементы (данные) могут быть самостоятельным объектом интеллектуального права, второе – это имеющаяся проблема доказывания такой уникальности.

По поводу применения данной правовой доктрины также сложилась зарубежная судебная практика:

- Решение новозеландского суда апелляционной инстанции по делу Университета Вайкато к Бенчмаркинг Сервисез (*University of Waikato v Benchmarking Services Ltd*). Предметом спора стал обзор финансовых данных, касающихся бизнеса в Новой Зеландии, который ежегодно в течение многих лет пу-

бликовался Университетом и был использован вторым лицом без его разрешения.

«Но есть ряд необычных или уникальных особенностей, которые явно являются результатом значительных творческих усилий и мастерства со стороны заявителя. К ним относятся принятые заголовки; порядки, в котором они отображаются; выбор и расчет коэффициентов; представление и расчет цифр и процентов... а также общий формат и представление отчета» (формулировка суда).

Получается, при оценке базы данных суд отклонился от принятых во всем мире принципов охраны формы объекта, а не содержания, что и указывает на возможность рассмотрения содержания структурированной части больших данных, без выделения их в отдельный субъект, но рассматривая их в качестве субъектного состава баз данных.

• Австралийское дело *Десктоп Маркетинг Системс и Телстра Корпорейшн (Desktop Marketing Systems Pty Ltd v Telstra Corporation Ltd)*.

Извлечение из судебного акта: «Руководство Соединенного Королевства и Австралии признает, что оригинальность в подборке фактов может заключаться в трудозатратах, связанных со сбором информации, содержащейся в работе, в отличие от» творческого «применения навыков или суждений или приложения интеллектуальных усилий».

Суд определил зависимость оригинальности составного произведения от трудозатрат, связанных с информацией, помещенной в составном произведении. Учитывая вышеуказанное, получается, что структурированные большие данные все же могут являться базами данных в странах, где поддерживается доктрина «в поте лица», даже при условии, что они не обладают оригинальностью по своей форме. Да, это так, но с одной лишь оговоркой.

Придание информации объективной формы должно осуществляться исключительно усилиями физических лиц. Данный вывод следует на основании решения суда по делу *Телстра Корпорейшн к Фон Директорией Кампани (Telstra Corporation Ltd v Phone Directories Co Pty Ltd)*, в котором суд указывает, что признание системы изложения уникальной информации не может быть признана составным произведением в силу того, что действия человека заключались лишь в контроле над программным обеспечением, которое в автономном порядке категорировало информацию в определенную систему, исходя из чего суд сделал вывод, что такая производная форма не может быть признана авторским правом.

Так, именно активные действия человека могут признаваться «творчеством», порождающим авторское право (ст. 1228 ГК РФ), что добавляет ещё одну переменную, как субъект больших данных (тот, кто производит обработку), аналогичным образом усложняя правовое регулирование big data, поскольку в подавляющем большинстве случаев, обработка больших данных осуществляется искусственным интеллектом/роботом/компьютерной программой пусть и под руководством человека, что не может признаваться результатом интеллектуальной деятельности, ввиду непризнания искусственного интеллекта и роботов субъектами права.

Подводя итог по **структурированным** данным, структурированной информации, как автором было упомянуто выше, такая категория данных в рамках «больших данных» может регулироваться по аналогии с базами данных без особых трудностей, поскольку уже выработаны подходы, которые позволяют определить деятельность по категорированию и систематизированию как результат авторской деятельности.

Однако, большие данные не делятся по видам на структурированные и неструктурированные, это единое правовое явление, поэтому нормы о базах данных и доктрина «В поте лица» не могут компенсировать пробел в законодательстве.

Возвращаясь к **неструктурированным** данным в рамках больших данных, следует отметить, что режим авторского права вовсе не способен придать таким активам легальной формы, поскольку невозможно определить ни форму объекта, ни содержание (как в случае с базой данных). Однако, защитить такой вид данных тоже возможно путём расширительного толкования нормы, указанной в ст. 1465 ГК РФ.

Спасением в этом случае является режим **коммерческой тайны**, который модно применить в отношении больших данных, признав их секретом производства (ноу-хау). Стоит упомянуть то определение, которое даётся в проекте федерального закона, опубликованного на сайте Минкомсвязь, где большие данные - это совокупность неперсонифицированных

данных, классифицируемая по групповым признакам, в том числе информационные и статистические сообщения, сведения о местоположении движимых и недвижимых объектов, количественные и качественные характеристики видов деятельности, поведенческие аспекты движимых и недвижимых объектов, полученных от различных владельцев данных либо из различных структурированных или неструктурированных источников данных, посредством сбора с использованием технологий, методов обработки данных, технических средств, обеспечивающих объединение указанной совокупности данных, ее повторное использование, систематическое обновление, форма представления которых не предполагает их отношение к конкретному физическому лицу. На основании этого определения можно провести анализ нормы ст. 1465 ГК, в которой в общих чертах описывается круг объектов (сведений), которые могут являться секретом производства. Сравнительный анализ определения и нормы показывает сходство двух этих категорий, что даёт возможность «ухищрения» для правоприменения. К секретам производства не применяются строгих требований об их содержании, ни согласно статье 1465 (ноу-хау) Гражданского кодекса РФ, ни исходя из судебной практики. Единственное, что можно отметить, это возможность «засекречивания» информации, отсутствующей в публичном доступе, но при условии огромной оговорки соблюдения необходимых требований к признаку совокупности данных коммерческой тайною.

Подводя общий итог исследованию, можно отметить неоднозначность позиций по регулированию отношений в сфере применения больших данных. С одной стороны, существуют нормы интеллектуального права, которые могли бы по аналогии применяться к отношениям с большими данными, с другой стороны, нормы не могут быть применены по аналогии, ввиду сложности самого явления «big data», которое состоит как из структурированной информации, так и неструктурированной, что делает невозможным регулировать отношения лишь по одному признаку, поэтому на данный момент большие данные нельзя назвать объектом интеллектуального права ни по форме, ни по содержанию. В научной литературе высказываются различные позиции по регулированию больших данных, однако до легального закрепления ещё далеко. Законодателю необходимо создать нечто новое, что могло бы восполнить брешь в праве.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ, глава 70 (КонсультантПлюс).
2. Минкомсвязь опубликовала проект закона о регулировании больших данных. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.ac.gov.ru/news/4318/>.
3. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/06fz0149/>.
5. Рабец А. П. К вопросу о соотношении понятия «большие данные» с понятием «база данных» // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 76-4. – С. 63-67. – DOI 10.18411/lj-08-2021-136. – EDN WRXFUH.
6. «Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях» А. Савельев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.ru/Publication/igzakon/7498>.
7. Апелляционное определение № 33-8372/2015 от 21 мая 2015 г. по делу № 33-8372/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/led3lkq8pcgP/>.
8. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О коммерческой тайне». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/.
9. Гражданский кодекс РФ, глава 75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/185ffcdcb35b3874a436f9bf6c66f2fe28d2642e/.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-200-202

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

КУЗНЕЦОВ Кирилл Алексеевич

аспирант Самарского государственного экономического университета

МАШИН Алексей Сергеевич

аспирант Самарского государственного экономического университета

ЭНЕРГИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье исследуются теоретические вопросы, связанные с квалификацией энергии в качестве объекта гражданско-правового регулирования. Рассматриваются представленные в научной литературе подходы к определению места энергии в числе объектов гражданских прав. Авторами делается вывод о необходимости комплексной правовой регламентации отношений в сфере энергетики с учетом экономической и социальной значимости энергии как ресурса. С учетом проведенного анализа частно-правовых концепций и современной законодательной трактовки, используя функциональный подход, предлагается относить энергию к числу материальных благ, имеющих вещные признаки.

В аспекте частно-правовых отношений энергия, по мнению авторов, может относиться к категории имущества и является как объектом вещных, так и обязательственных отношений.

Ключевые слова: энергия, правовое регулирование, объект гражданских прав, функциональный подход, энергетика.

DELTSOVA Natalya Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

KUZNETSOV Kirill Alekseevich

postgraduate student of the Samara State University of Economics

MASHIN Alexey Sergeevich

postgraduate student of the Samara State University of Economics

ENERGY AS AN OBJECT OF CIVIL LAW REGULATION: A FUNCTIONAL APPROACH

The article examines theoretical issues related to the qualification of energy as an object of civil law regulation. The approaches presented in the scientific literature to determining the place of energy among the objects of civil rights are considered. The authors conclude that there is a need for comprehensive legal regulation of relations in the field of energy, taking into account the economic and social importance of energy as a resource. Taking into account the analysis of private law concepts and modern legislative interpretation, using a functional approach, it is proposed to attribute energy to the number of material goods that have material characteristics.

In the aspect of private law relations, energy, according to the authors, can belong to the category of property and is both an object of real and binding relations.

Keywords: energy, legal regulation, object of civil rights, functional approach, energy.

Активное развитие отношений в сфере энергетики, формирование рынков энергетических ресурсов формирует стойкий научный интерес к категории «энергия» как объекту правового регулирования. Современное российское законодательство характеризуется разнообразием нормативно-правовых актов различного уровня, содержащих отдельные аспекты правового режима энергии: определения ее видов, порядка учета, использования, оборота и т.п.

Гражданский кодекс РФ¹ (далее – ГК РФ) закрепляет в качестве отдельного правового института конструкцию договора энергоснабжения. Указанное иллюстрирует, что энергия представляет интерес для сферы частно-правового регулирования в контексте договорных связей субъектов. Однако сама энергия как объект гражданских прав не поименована и не определена в числе объектов, указанных в ст. 128 ГК РФ.

Гражданское законодательство и доктрина закладывают объектно-ориентированный подход к определению особенностей правового режима всех благ, которые попадают в гражданско-правовую сферу. В случае с квалификацией

энергии как объекта гражданских прав исследователи сталкиваются с определенной проблематикой, поскольку ее природные (по природе ее происхождения) свойства не позволяют однозначно отнести ее к какому-либо определенному объекту. Указанное в концептуальном аспекте породило некоторые доктринальные подходы к решению данного вопроса.

Вещный подход – предлагает рассматривать энергию именно как разновидность вещи. Традиционное представление о вещи как объекте гражданских прав предполагает ее характеристику через ее материальное воплощение (как объект материального мира). Именно наличие физических характеристик у вещи позволяет считать ее объектом права собственности. Определенное влияние на формирование данного подхода оказал концепт «нетелесной вещи», который возник в исследованиях, посвященных праву собственности. Однако данный подход не нашел широкой поддержки в научных работах. По мнению С. А. Свиркова, использование категории бестелесной вещи представляет собой лишь попытку определить правовой режим вновь возникающих в правовом поле объектов и является, по сути, правовой фик-

1 Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

цией, в результате которой право собственности распространяются на явления, которые таковыми не являются [9].

В литературе встречается характеристика энергии применительно к предмету договора энергоснабжения в качестве движимой, делимой вещи, которая определена родовыми признаками [4]. Некоторые исследователи признают энергию вещью, но с особыми свойствами [5].

Отметим, что современный законодатель также придает энергии вещно-правовые характеристики, рассматривая энергию в качестве объекта договора энергоснабжения, регламентированного главой 30 ГК РФ, равно как и нормы Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.11.2009 № 261-ФЗ (далее – закон об энергосбережении) допускают заключение договоров купли-продажи, поставки энергетических ресурсов (ст. 20 Закона об энергосбережении).

Обязательственный подход, в рамках которого энергия не может быть каким-либо самостоятельным объектом, поскольку сама по себе является результатом функционирования других вещей- механизмов, устройств и т.п. Такой позиции в своих трудах придерживаются М. М. Агарком, Д. Д. Гримм, С. М. Корнеев. При этом за энергией признается возможность существования в качестве объекта гражданско-правового обязательства. В качестве квалификации обязательственно-правовой связи субъектов представителями данной концепции предлагается использовать конструкции договоров подрядного типа. Однако и при таком подходе, возникает необходимость осуществления правовой квалификации и определения результата действий, осуществляемых в рамках данных договоров.

Отдельные исследователи придерживаются смешанной позиции, предлагая наделять энергию свойствами родовой вещи, которые проявляются во вне только в результате ее использования и подлежат фиксации (учету) приборами учета по определенным параметрам единиц измерения [8]. Представляется, что при таком подходе усматриваются вещные элементы в трактовке энергии как объекта обязательства. В научной полемике указывается на определенную ограниченность данного подхода. В частности, О. А. Городов подчеркивает порочность данной теории в связи с невозможностью использования энергии вне рамок обязательств [3], с чем, на наш взгляд, безусловно можно согласиться.

Определенный интерес представляет концепция, в рамках которой энергия относится в категории имущества особого рода. Основой данного подхода является законодательно установленная классификация объектов гражданских прав в рамках ст. 128 ГК РФ, где «имущество» трактуется более широко, чем понятие вещь. Имущество, исходя из буквального толкования норм закона, может включать как вещи, так и имущественные права, что позволило отнести к актуальным объектам гражданских прав бездокументарные ценные бумаги и интеллектуальную собственность, физические характеристики которых также обладают значительной спецификой. Некоторые современные исследователи признают за энергией нематериальную природу и предлагают рассматривать ее как объект имущественных прав по аналогии с интеллектуальной собственностью [11]. Однако, по нашему мнению, применение данного правового приема в отношении энергии не будет являться целесообразным, поскольку энергия (независимо от вида) по своим характеристикам подлжит измерению, фиксации, способна к передаче (то есть

способна к обороту в силу ее естественных свойств). В данном случае имеются определенные признаки, характерные для вещи. Этим она отличается от объектов, признаваемых интеллектуальной собственностью. Последние как результаты деятельности интеллектуально-творческой деятельности не обладают подобными характеристиками. Кроме того, законодатель устанавливает особую группу прав в отношении интеллектуальной собственности, которая определяет правообладателя и обеспечивает оборот данных объектов.

Возвращаясь к формулировке ст. 128 ГК РФ, подчеркнем, что она позволяет говорить об «ином имуществе». По сути, законодатель таким образом оставляет право на появление новых видов имущества, способных быть объектами гражданских прав и участвовать в обороте. Сторонниками данного научного подхода являются В. А. Белов, А. Н. Лысенко, И. А. Лукьянец и другие. Действительно, представляется, именно через категорию «имущество» возможно расширять круг объектов, подлежащих гражданско-правовому регулированию, в данном случае. Оборот энергии и ее стоимостная оценка не вызывают сомнения и не подлежат доказыванию.

Другой подход предлагает рассматривать энергию как особый объект прав – *Sui generis*. Энергия рассматривается здесь как благо особого рода, не относящиеся ни вещам, ни имуществу, поскольку имеет свои уникальные характеристики [7]. Ряд современных исследователей поддерживают эту позицию, подчеркивая при этом необходимость юридической привязки к управомоченному субъекту «через принадлежность источников и средств получения и передачи (носителей) соответствующей энергии» [2].

Таким образом, до настоящего времени, теоретическая проблема остается до конца неразрешенной и здесь, безусловно, фактором, который оказывает влияние на построение удовлетворительного концептуального результата, является значение энергии как социально-экономического блага, стратегического ресурса государства. Основы правового регулирования отношений в сфере энергетики закладываются Конституцией РФ², согласно которой федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы находятся в компетенции Российской Федерации (п. «и» ст. 71 Конституции РФ).

Энергоснабжение в трудах исследователей позиционируется как услуга, которая имеет высокую экономическую и социальную значимость, что повышает статус энергии как «особого публичного объекта» гражданско-правового регулирования [1].

Частно-правовые нормы – лишь часть глобального механизма правового регулирования, они призваны обеспечить оборот данного блага. Следовательно, применительно к энергии должен быть определен такой механизм правового регулирования, который бы обеспечивал баланс частного-правового и публичного (общественного) интереса.

Определение места энергии в системе объектов гражданских прав, по убеждению авторов настоящей статьи, является во многом методологической проблемой. Она требует своего разрешения, исходя из целей построения эффективной системы нормативно-правового регулирования в целом. И в данном случае для выработки оптимального решения возможно использовать инструментарий функционального подхода в юриспруденции.

2 Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

В традиционном понимании функциональный подход для целей юридических исследований позволяет проанализировать функции различных правовых явлений для обеспечения целостности и устойчивости системы, в которую данные явления включены [10].

В настоящее время энергия не обозначена в числе объектов гражданских прав, не дано ее определение. Однако законодатель в рамках ГК РФ четко определил, что энергия является предметной характеристикой договора энергоснабжения, определяя вид и количество энергии в качестве существенных условий договора. В рамках гражданского законодательства через нормы договора энергоснабжения определен механизм включения энергии в число объектов, которые обладают оборотоспособностью и могут быть отчуждены за плату, следовательно, обладают товарными характеристиками. Научные исследования правового феномена энергии, включая те, что затрагивают сравнительно-правовой аспект, показывают адекватность данного подхода [6]. По нашему мнению, энергия в гражданско-правовой сфере – это материальное оборотоспособное благо, способное удовлетворять потребности субъектов частного права, обладающее экономической ценностью и свойствами товара. Данная характеристика энергии обуславливает ее функциональную роль. В связи с чем, на наш взгляд, представляет интерес юридическое понятие энергии как теоретико-правовой конструкции, «под которой понимается материальное явление, имеющее свою юридическую привязку через принадлежность определенным субъектам источников и средств получения и передачи (носителей) соответствующей энергии» [2]. Данное определение позволяет установить именно материальную (имущественную) природу энергии и установить ее связь с управомоченным субъектом для целей дальнейшего введения ее в гражданский оборот и установления правил формирования договорных отношений. Данное определение не вступает в противоречие с функциональной ролью энергии как блага и позволяет определить в качестве управомоченного субъекта собственником энергии.

Следует отметить, что согласно п. 3 ст. 539 ГК РФ: «К отношениям по договору энергоснабжения, не урегулированным настоящим ГК РФ, применяются законы и иные правовые акты об энергоснабжении, а также обязательные правила, принятые в соответствии с ними». Особый порядок установлен лишь для электроэнергии, где устанавливается приоритет специальных нормативных актов. Данная норма подчеркивает комплексный подход к формированию нормативно-правового регулирования в сфере оборота энергии, где могут устанавливаться правила, определяющие особенности правового режима отдельных видов энергии. И здесь следует согласиться с С. А. Свирковым, что именно самостоятельный правовой режим выступает тем критерием, который позволяет разграничить отдельные объекты прав, входящих в имущественную группу [9].

Таким образом, современная характеристика энергии как объекта гражданских прав и договорных отношений должна, по нашему мнению, опираться как на свойства самой энергии как блага, так и на ту функцию, которая она выполняет в гражданском обороте.

Следует признать вполне оправданным подход законодателя, связанный с построением системы нормативно-правового регулирования в указанной сфере. В аспекте частных правовых отношений энергия как объект гражданских прав относится к категории имущества и является как объектом вещных, так и обязательственных отношений.

Иные аспекты энергетических отношений осуществляются специальными нормативными актами, учитывающими специфику разных видов энергии и порядок взаимоотношений субъектов, связанных с введением ее в оборот.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. – Москва, 1982. – 359 с.
2. Белова Е. Б. Энергия как самостоятельный объект прав // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 37-43.
3. Городов О. А. Введение в энергетическое право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2015. – 224 с.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2., отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – Москва: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005. – 848 с.
5. Жанэ А. Д. Электроэнергия как особого рода вещь // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 93-94.
6. Корепанов К. В. Юридическая природа права на электроэнергию // Вестник гражданского права. – 2015. – № 1. – С. 45-70.
7. Лахно П. Г. Энергия как объект правового регулирования // Экология и энергетика. – 2007. – № 40. – С. 11.
8. Саватье Р. Теория обязательства. Юридический и экономический очерк. – М.: Прогресс, 1972. – 440 с.
9. Свирков С. А. Правовая квалификация энергии как объекта гражданских прав // Lex Russica (Русский закон). – 2012. – № 3. – С. 477-491.
10. Чернявский А. Г. Функциональный подход к сущности права // Образование и право. – 2018. – № 4. – С. 73-78.
11. Шведкова О. В. Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе // Журнал российского права. – 2016. – № 7. – С. 52-57.

КАРПОВА Юлия Сергеевна

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН: ОПЫТ KLEROS*

Многие ученые сходятся во мнении, что цифровые права не образуют нового объекта гражданских прав, являются всеми известными обязательственными правами, которые перечислены в Гражданском кодексе Российской Федерации. Иными словами, существование цифровых прав обусловлено возникновением новой формы фиксации традиционных гражданских прав.

Полагаем уместным согласиться с определением цифровой формы объектов гражданских прав, предложенным А. А. Щелоковой: «это такая невещественная форма, при которой объекты гражданских прав фиксируются с помощью какой-либо из цифровых технологий посредством создания записи о них в информационной системе, в которой и происходит взаимодействие между участниками гражданских правоотношений по поводу этих объектов» [1].

Некоторые авторы говорят о появлении новой формы удостоверения имущественных прав – цифровой – наряду с давно существующими формами удостоверения прав – государственной регистрацией прав и нотариальным удостоверением [2], [3].

Вместе с тем, какова бы не была правовая природа цифровых прав, очевидно, что их осуществление и реализация возможны только при условии создания надлежаще функционирующего механизма их защиты.

Так, общеизвестно, что одним из важнейших технологических достижений последних лет является технология блокчейн. Актуальным представляется вопрос о том, как добиться наиболее эффективного разрешения споров, связанных с применением технологии блокчейн, в том числе вытекающих из смарт-контрактов? Имеется ли необходимость создания иных (помимо традиционных) альтернативных форм защиты прав, учитывая особую природу цифровых прав? [4]

Отвечая на этот вопрос, можно выделить два подхода к высказанной проблеме. Сторонники первого подхода настаивают на достаточности разрешения споров, возникающих при применении технологии блокчейн, посредством традиционных институтов. Сторонники второго подхода, напротив, утверждают о необходимости создания новых специфичных механизмов для разрешения споров, возникающих в глобальной децентрализованной среде. При этом сторонники второго подхода предлагают для разрешения споров применять особый механизм решения споров, основанный на технологии блокчейн – блокчейн-арбитраж [5].

Вместе с тем, такой проект уже успешно реализуется и применяется и будет рассмотрен в рамках настоящей статьи. Речь идет о децентрализованной квазисудебной системе Kleros.

Ключевые слова: блокчейн, блокчейн-платформа, смарт-контракты, разрешение споров, децентрализованная судебная система.

KARPOVA Yuliya Sergeevna

postgraduate student of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, assistant of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

DISPUTE RESOLUTION USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGY: KLEROS EXPERIENCE**

Many scientists agree that digital rights do not form a new object of civil rights, they are all known binding rights that are listed in the Civil Code of the Russian Federation. In other words, the existence of digital rights is due to the emergence of a new form of fixation of traditional civil rights.

We believe it is appropriate to agree with the definition of the digital form of objects of civil rights proposed by A.A. Shchelokova: "this is such an immaterial form in which objects of civil rights are fixed with the help of any of the digital technologies by creating a record about them in an information system in which interaction between participants in civil legal relations about these objects takes place" [1].

Some authors talk about the emergence of a new form of certification of property rights – digital – along with long-existing forms of certification of rights - state registration of rights and notarization [2], [3].

At the same time, whatever the legal nature of digital rights, it is obvious that their implementation and realization are possible only if a properly functioning mechanism for their protection is created.

So, it is well known that one of the most important technological achievements of recent years is the blockchain technology. The question of how to achieve the most effective resolution of disputes related to the use of blockchain technology, including those arising from smart contracts, seems relevant. Is there a need to create other (besides traditional) alternative forms of protection of rights, given the special nature of digital rights? [4]

Answering this question, we can distinguish two approaches to the problem expressed. Proponents of the first approach insist on the sufficiency of resolving disputes arising from the use of blockchain technology through traditional institutions. Proponents of the second approach, on the contrary, argue about the need to create new specific mechanisms for resolving disputes arising in a global decentralized environment. At the same time, proponents of the second approach propose to use a special dispute resolution mechanism based on blockchain technology – blockchain arbitration for dispute resolution [5].

At the same time, such a project has already been successfully implemented and applied and will be considered within the framework of this article. We are talking about a decentralized quasi-judicial system Kleros.

Keywords: blockchain, blockchain platform, smart contracts, dispute resolution, decentralized judicial system.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation № НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

Безусловно, с развитием цифровых технологий появляется все большее количество механизмов разрешения споров, в том числе различных цифровых платформ, позволяющих преодолевать экономические, географические, языковые, психологические и культурные барьеры, которые могут возникнуть перед участниками спора на пути к правосудию.

Платформы для разрешения споров впервые возникли в контексте коммерческих онлайн-споров, когда рост электронной коммерции потребовал эффективного механизма оперативного разрешения споров между покупателями и продавцами, находящимися под юрисдикцией различных государств. Возникновение споров в правоотношениях, возникающих в электронной торговле, повлекло за собой реализацию проектов онлайн-платформ по разрешению споров и развитие так называемого «платформенного» права. Одним из первых и самых известных примеров является механизм разрешения споров eBay [6].

Платформы для разрешения споров обладают большим количеством преимуществ перед традиционными судебными органами, в том числе оперативностью, удобством, экономичностью, относительной свободой действий участников спора. Целью создания таких платформ выступает создание эффективного, недорогого и доступного пространства для разрешения возникающих споров.

Вместе с тем широкое распространение технологии блокчейн повлекло за собой возникновение новых тенденций в области разрешения споров - создание принципиально новых, уникальных по своей сути платформ, основанных на технологии блокчейн, специально предназначенных для разрешения споров, возникающих из применения технологии блокчейн, в том числе смарт-контрактов. Блокчейн-платформа является одной из разновидностью платформ для разрешения споров, «осложненной» применением технологии блокчейн и спецификой предмета подлежащих рассмотрению споров.

Так, безусловно, ценность технологии блокчейн обусловлена не только технологическими возможностями или инновациями, представленными технологией, но и повышенным уровнем доверия к ней в силу отсутствия необходимости в существующих государственных институтах [7].

Технология блокчейн является автономной, децентрализованной и непубличной, не опирается ни на государственное регулирование, ни на систему государственного принуждения.

В результате разбирательства посредством децентрализованной блокчейн-платформы присяжными заседателями выносится решение, которое автоматически исполняется посредством смарт-контракта и не требует признания и исполнения, исполнительного производства. Изложенное свидетельствует об отказе от традиционного института признания и исполнения решений иностранных судов и арбитражей, что свидетельствует о формировании автономного, самостоятельного арбитража, не нуждающегося в государственных институтах.

Создание платформ разрешения споров на основе технологии блокчейн позволяет говорить о существовании истинно частной системы рассмотрения и разрешения споров, полностью автономной от государства.

Компания Kleros декларирует следующие цели своей деятельности:

- создание новой бизнес-модели отправления правосудия, которая ставит технологию блокчейн в центр технологий разрешения споров;
- проведение научных исследований в области технологии блокчейн и ее применения в юриспруденции;
- продвижение идеи о необходимости проведения масштабной судебной реформы, создание «другой системы правосудия» [8].

Создатели компании Kleros охвачены идеей децентрализованного правосудия, при этом прозрачного, открытого и доступного для всех участников споров.

Рассмотрение споров посредством платформы на основе технологии блокчейн позволяет преодолеть сложности, возникающие в связи с нахождением участников спора под юрисдикцией различных государств, а также исключает сложности признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и арбитражей. Рассматриваемая платформа Kleros обеспечивает более эффективный механизм урегулирования споров, который не зависит от национальных юрисдикций и централизованных судов.

Kleros называет национальные суды искусственными, исторически неэффективными, не имеющими ничего общего с подлинными формами общественного участия в отправлении правосудия (имеется ввиду древнегреческая демократия) и прозрачностью принятия решений. Суды считаются неспособными решать современные проблемы, возникающие в связи с деятельностью в сети Интернет и электронной торговлей из-за их зависимости от национальной юрисдикции.

Опять же, в научной литературе высказывается предположение о том, что высокий потенциал таких систем, которые не полагаются на государство и аппарат государственного принуждения для исполнения решений, рано или поздно приведет к формированию «безгосударственного глобального общества» [9]. При этом государство, как устаревший институт, будет отвергнуто обществом и полностью заменено «глобальным правительством», функционирующим на основе технологии блокчейн.

Вместе с тем, полагаем высказанные опасения преждевременными. Цифровизация, безусловно, влияет на социальную сферу, экономику и другие сферы деятельности государства, однако она не приводит и не может привести к отмиранию основных функций государства, равно как и самого государства. Вместе с тем, указанный тезис не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

В рамках настоящей статьи также следует установить суть и принципы функционирования рассматриваемой в настоящей статье блокчейн-платформы Kleros.

Блокчейн-платформам, как и любым другим онлайн-платформам, свойственна делегализация. Создатели и разработчики блокчейн-платформ могут не ориентироваться на существующий и устоявшийся в государствах порядок проведения разбирательств, в связи с чем некоторые правила могут показаться достаточно непривычными.

Разрешение споров осуществляется присяжными заседателями. В качестве присяжных заседателей выступают зарегистрированные на соответствующей платформе пользователи, которые выбираются при помощи метода генерации случайных чисел и остаются анонимными для сторон спора.

Для отбора присяжных заседателей Kleros публикуется информация о предстоящем споре. Откликаясь на опубликованное объявление, потенциальный присяжный заседатель делает ставку – вносит в соответствующий раздел платформы токены. При этом чем выше ставка, тем выше вероятность того, что именно он будет выбран в качестве присяжного заседателя.

После утверждения присяжных заседателей им направляются факты дела и имеющиеся в деле доказательства. Присяжные заседатели исследуют представленные доказательства и голосуют за принятие того или иного решения. Решение принимается простым большинством.

Присяжные, проголосовавшие в соответствии с большинством, получают долю от внесенных всеми заседателями токенов, а те, кто проголосовал в соответствии с меньшинством, теряют права на свои токены. Изложенное, как утверждается, побуждает присяжных заседателей голосовать

честно, при этом материально наказывая «нечестных» присяжных заседателей.

В одном из исследований блокчейн-платформа Kleros описывается следующим образом: «...многоцелевая система, способная разрешать любые споры. Это автономная организация Ethereum, которая работает как децентрализованная третья сторона для разрешения споров, возникающих на основе смарт-контрактов, от очень простых до очень сложных. Каждый этап разбирательства (обеспечение доказательств, выбор присяжных заседателей и т. д.) полностью автоматизирован».

Компания Kleros полагается не на честность нескольких человек, являющихся присяжными заседателями, а на экономические стимулы, основанные на теории игр» [10].

Действительно, Kleros опирается на теорию игр, которая может представить математическое обоснование оценки рисков принятия присяжными заседателями несправедливых решений. Так, честность присяжных заседателей регулируется правильно выстроенной системой стимулов. Как уже отмечалось ранее, при разрешении споров на блокчейн-платформе Kleros вознаграждение получают только те присяжные заседатели, которые проголосовали в соответствии с большинством. Другие же теряют права на внесенные ими токены. Таким образом, те присяжные заседатели, кто голосует непоследовательно, несут материальную ответственность.

Иными словами, Kleros поощряет потенциальных присяжных заседателей вести себя наиболее предсказуемым способом и принимать наиболее вероятные решения, в противном случае применяя к ним материальную ответственность. Отправление правосудия в данном случае выступает синонимом консенсуса группы присяжных заседателей, мотивированных получением финансовой выгоды.

Компания Kleros акцентирует внимание на ценности мотивированных присяжных заседателей в части вынесения ими надежных и заслуживающих доверия решений. Обратной стороной медали, полагаем, является возможность вынесения присяжными заседателями решений на основе предсказания того, какая из сторон, вероятнее, выиграет, а не на основании исследования представленных сторонами доказательств.

Более того, правилами блокчейн-платформы Kleros также предусмотрена процедура обжалования вынесенного присяжными заседателями решения. Сторона, которая полагает вынесенное решение несправедливым, вправе подать апелляцию. Каждая новая апелляционная инстанция будет иметь вдвоем большее количество присяжных заседателей и еще одного дополнительного. Стоимость рассмотрения дела для стороны увеличивается пропорционально количеству присяжных заседателей. Право стороны многократно обжаловать вынесенное решение исключает риск принятия несправедливого решения в результате подкупа присяжного заседателя. В случае отмены решения при апелляционном обжаловании, арбитры, принявшие такое решение, теряют право на получение вознаграждения.

Итак, подводя итог проведенному исследованию, хотелось бы обратить внимание на следующее.

Доступ к правосудию реализуется через гарантию того, что все люди имеют возможность доступа к институтам и инструментам, необходимым для справедливого решения возникающих споров. Изложенное выступает фундаментальным принципом построения правового государства.

Вместе с тем, иногда доступ к правосудию носит формальный характер в силу ряда факторов, таких как высокая стоимость судебных расходов, длительность рассмотрения судебного спора, территориальной недоступности судебных органов и других факторов.

Цифровые технологии, такие как блокчейн, могут решить вышеперечисленные сложности и обеспечить до-

ступ к правосудию к любой точке мира при наличии соответствующего подключения. Блокчейн-платформа Kleros представляет собой наглядный пример применения технологии блокчейн в онлайн-разрешении споров, при этом платформа не только полностью решает трудности с исполнением принимаемых присяжными заседателями решений, но и обеспечивает прозрачность и процесса их принятия.

Однако здесь нельзя не отметить определенные риски, существующие при принятии решения присяжными заседателями. Так, регистрация присяжных заседателей означает, что присяжные заседатели осознают риск наступления последствий принятия решения не в соответствии с большинством, при этом этот риск может влиять на принятие ими решения при рассмотрении конкретного спора.

Присяжные заседатели априори предвзяты при рассмотрении спора в силу того, что они нацелены на защиту своих финансовых интересов в рамках рассматриваемого ими спора. В результате чего разбирательство объединяет несколько сторон с конфликтующими интересами - истцов, ответчиков и присяжных заседателей, конкурирующих за получение финансовой выгоды от спора.

Итак, безусловно, в настоящее время назрела потребность в проведении дальнейших исследований влияния субъективных факторов на принятие решений присяжными заседателями при рассмотрении споров и их дальнейшего учета в правилах рассмотрения споров на блокчейн-платформах.

Существующие риски, рассмотренные в данной статье, нуждаются в предложении грамотных решений, повышающих эффективность и надежность рассмотрения споров посредством блокчейн-платформ.

Пристатейный библиографический список

1. Щелокова А. А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // *Гражданское право*. - 2021. - № 4. - С. 11-13.
2. Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // *Актуальные проблемы российского права*. - 2022. - № 10. - С. 141-147.
3. Rusakova E. P., Frolova E. E., Gorbacheva A. I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. - 2020. - Vol. 1100. - P. 665-673.
4. Rusakova E. P., Frolova E. E., Gorbacheva A., Kupchina E. V. Implementation of the smart-contract construction in the legal system of Russia // *6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities*. - 2019. - P. 748-753.
5. Qin, M. The Arbitrage Strategy for Cryptocurrency: Principle and Feasibility Based on Blockchain Technology. Conference Paper. Jan, 2023.
6. Katsh E., Rabinovich-Einy O. (2017). *Digital justice: Technology and the internet of disputes*. Oxford University Press. 1st edition. April, 2017.
7. Herian R. Taking blockchain seriously // *Law and Critique*. - 2019. - № 29 (2). - С. 163-171. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10978-018-9226-y>.
8. Ast, F., O'Rorke, W. Kleros' legal structure, explained: A French cooperative to change the world. 2018.
9. Ortolani P. The impact of blockchain technologies and smart contracts on dispute resolution: Arbitration and court litigation at the crossroads // *Uniform Law Review*. - 2019. - № 24 (2). - С. 430-448. <https://doi.org/10.1093/ulr/unz017>.
10. Lesage, C., Ast, F., George, W. Kleros short paper v.1.0.7. 2019. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://kleros.io/assets/whitepaper.pdf>.

ЛАБАБУЕВА Ольга Сергеевна

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

В статье рассмотрены законодательные подходы к пониманию термина «электронная торговля» в разных странах, прежде всего – в государствах-участниках СНГ. Проведено соотношение понятий «электронная коммерция» и «электронная торговля», проанализированы мнения ученых и законодательные акты стран-участниц СНГ о содержании данного явления, предложено авторское понятие «электронная торговля».

Ключевые слова: электронная торговля, товары, услуги, информационные системы, информационно-коммуникационная сеть, электронные процедуры.

LABABUEVA Olga Sergeevna

postgraduate student of Civil and corporate law sub-faculty of the St. Petersburg State University of Economics

THE CONCEPT OF ELECTRONIC COMMERCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGISLATIVE TERMS

The article considers legislative approaches to understanding the term “electronic commerce” in different countries, primarily in the CIS member states. The correlation between the concepts of “electronic commerce” and “electronic commerce” is carried out, the opinions of scientists and legislative acts of the CIS member countries on the content of this phenomenon are analyzed, the author’s concept of “electronic commerce” is proposed.

Keywords: e-commerce, goods, services, information.

Лабабуева О. С.

С развитием торговли и сети Интернет, а также с появлением пандемии COVID-19 все больше потенциальных клиентов, приобретателей благ, переходят в поисках товара (блага) в сеть Интернет. В связи с этим возникает множество вопросов о правовом регулировании данной сферы торговли. Для обозначения данной сферы в юридической и экономической литературе применяется термин «электронная торговля», однако, как показывает анализ нормативных правовых актов разных стран и мнений ученых, нет единого подхода к определению понятия «электронная торговля».

Согласно ст. 2 Модельного закона «Об электронной торговле»¹ от 25 ноября 2008 года под электронной торговлей понимается торговля, осуществляемая с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети и электронных процедур. Однако несмотря на наличие данного рекомендательного акта, в разных странах на территории СНГ существуют совершенно разные подходы к указанному понятию.

Во-первых, анализируемое явление в законодательстве обозначается разными терминами: или «электронная торговля», или «электронная коммерция». В научной литературе можно встретить мнение авторов, которые отождествляют эти два явления. Так, Д. Козье прямо определяет электронную коммерцию как электронную торговлю,

отмечая при этом, что использование электронных сетей придает ей гибкость [4].

Другие авторы понимают под ними два разных явления. Например, Л. С. Климченя считает электронную торговлю частным случаем электронной коммерции [2].

Д. Эймор и И. Голдовский имеют иной взгляд на явление. Они рассматривают электронную коммерцию как интернет-торговлю [1], [5].

Представляется, что понятие электронной коммерции намного шире, чем понятие электронной торговли, согласно мнениям ученых, под электронной коммерцией понимается любая форма бизнеса, не только исключительной торговой деятельностью.

Однако, в большинстве случаев в законодательных актах придерживаются термина «электронная торговля». Определение термина электронной торговли, рассматриваемый далее, ученые не отождествляют с термином электронной коммерции.

О. А. Кобелев придерживается мнения, что электронная торговля часть электронной коммерции, рассматривая под этим термином предпринимательскую деятельность [3]. Подобное мнение можно встретить у Д. Козье.

Представляется возможным согласиться с мнением О. А. Кобелева, так как дефиниция «электронная торговля» включает в себя часть признаков от понятия «электронная коммерция». Однако, как показал анализ законодательных подходов к этим двум разным по звучанию терминам в

¹ Модельный закон «Об электронной торговле» от 25 ноября 2008 года.

нормативных актах, под ними зачастую понимают одно и то же явление. Следовательно, по нашему мнению, термин «электронная торговля» и термин «электронная коммерция» можно отождествлять между собой в целях правовой экономии, чтобы не порождать лишние сущности без необходимости. В подтверждение мнения можно добавить тот факт, что авторы говорят об этих явлениях как о составных частях части друг друга.

Так, в Законе Республики Узбекистан «Об электронной коммерции»² под последней понимается купля-продажа (ст. 4 Закона РУ «Об электронной коммерции»). При этом некорректно использование выражения «купля-продажа работ и услуг», поскольку продать работу или услугу нельзя, более корректным представляется использовать следующие словосочетания: «выполнение работ» и «оказание услуг». Главной особенностью такого договора указывается его заключение через электронную торговую площадку с использованием информационных систем в рамках предпринимательской деятельности. Таким образом, под «электронной торговлей» понимается любой вид предпринимательской деятельности, если при этом договор заключается в информационной системе.

В Законе Китая под электронной коммерцией понимается предпринимательская деятельность (ст. 2 Закона Китайской Народной Республики «Об электронной коммерции»³). Стоит отметить, что по сравнению с законом Республики Узбекистан в китайском законодательстве применили правильно словосочетание «оказание услуг». В Законе Китая не указано, в какой форме и с помощью какой информационной системы или же привычной для всех формой носителя информации (бумажной) заключения сделок должна осуществляться такая деятельность.

Определение понятия «электронная коммерция» в законе США имеет отличия. Согласно Закону об электронных подписях в глобальной и национальной коммерции США и Положению об электронных операциях США под электронной коммерцией понимается любая сделка. Отличие заключается в положениях законов стран СНГ установлено, что электронная коммерция - предпринимательская деятельность. Второе отличие от определений терминов, указанных в законах стран СНГ, заключается в том, что в Законе США установлено, сделка направлена на передачу права собственности на товар или услугу и все последующие правомочия. В законах стран-участниц СНГ указано, что с помощью предпринимательской деятельности осуществляется только продажа товара или услуги.

Так, законодатель Азербайджанской Республики понимает под «электронной торговлей» деятельность (ст. 1 Закона Азербайджанской Республики «Об электронной торговле»⁴). В рамках такой деятельности предполагается осуществлять ряд действий: продавать товар, оказывать услуги. Однако, по сравнению с другими определениями в

данном понимании явления расширено содержание такой деятельности за счет нового ее вида - выполнение работ. В законах Китая и США выполнение работ не было указано в определениях понятий. Признак осуществления деятельности в информационной сети также присутствует в указанной дефиниции, что может служить обоснованием квалификации ее как предпринимательской деятельности.

В Республике Беларусь «электронная торговля» имеет другое определение. Под явлением понимается исключительно торговля (ст. 13 Закон РБ)⁵. Законодатель считает, такая торговля связана в большей степени с заказом товара, а выполнения работ и оказания услуг в Законе РБ нет. Стоит отметить, как и в большинстве рассматриваемых законодательств, в Законе РБ торговля осуществляется при помощи информационных систем и сетей. Таким образом, под электронной торговлей принято понимать торговлю и выполнение заказов по приобретению товаров в информационной системе.

В Приказе Министра торговли и интеграции Республики Казахстан⁶ под явлением «электронная торговля» понимается то же явление, что и в Законе Азербайджанской Республики и Модельном законе СНГ. Общим признаком является то, что под электронной торговлей понимается предпринимательская деятельность. Однако, законодатель Республики Казахстан рассматривает в рамках осуществления такой деятельности, в отличие от остальных законов, только реализацию товаров в ИКС (информационно-коммуникационной сети), оказание услуг и выполнение работ в Законе Казахстана не указано.

В ст. 4 Закона Республики Молдова «Об электронной торговле»⁷ под явлением «электронная торговля» понимается, как и в других законах, деятельность по продаже вещей, выполнению работ и предоставлению услуг. Такую деятельность можно назвать предпринимательской. Признаки предпринимательской деятельности можно выделить в законах нескольких странах, например, в Законах Узбекистана, Республики Азербайджан и Казахстане. Однако, рассматриваемое явление «электронная торговля» в Законе Республики Молдовы дополнено иными условиями. Так, например, при осуществлении деятельности участвуют физические и юридические лица, во всех рассматриваемых законах не было указано это.

Однако правовой неопределенности об участии юридических и физических лиц не было. В рассматриваемых определениях законодатели подразумевали, что при купле-продаже или продаже товаров участвуют несколько лиц, это и юридические лица, и физические лица. По нашему мнению, условие про участие лиц носит более уточняющий характер. Представляется возможным, что указание про юридических и физических лиц излишне. Таким

2 Закон Республики Узбекистан от 29.04.2004 г. № 613-П «Об электронной коммерции».

3 Китайской Народной Республики «Об электронной коммерции» от 31.08.2018 г.

4 Закон Азербайджанской Республики от 10 мая 2005 года №+908-ПГ «Об электронной торговле».

5 Закон Республики Беларусь 231-З от 28.07.2003 г. «О торговле».

6 Приказом Министра торговли и интеграции Республики Казахстан от 19 июля 2019 года № 5/1 были внесены изменения в приказ исполняющего обязанности Министра национальной экономики Республики Казахстан от 27 марта 2015 года № 264 «Об утверждении Правил внутренней торговли».

7 Закон Республики Молдова от 22 июля 2004 года № 284-XV «Об электронной торговле».

образом, под электронной торговлей можно понимать предпринимательскую деятельность в ИКС.

Так, общим признаком в большинстве определений является то, что под торговлей понимается деятельность по продаже с использованием электронных средств, а также в законах указанных стран сказано, что под электронной торговлей понимается деятельность по продаже товара или выполнению услуг.

Схожее мнение законодателя об явлении «электронная торговля» выражается в Законе Украины в ст. 3 «Об электронной коммерции»⁸. Законодатель указал, что под электронной торговлей понимается хозяйственная деятельность. Однако имеются и отличия от остальных правил. Например, в определении понятия указано, что это деятельность по заключению сделок, связанные с куплей-продажей. Выше рассмотрены определения, в которых под явлением «электронная торговля» понимаются или сделка (например, в законе США), или договор (например, в законе Китая). В определении законодатель Украины отмечает, что деятельность оказывается дистанционным способом при помощи информационной системы. Данное определение имеет общую характеристику с определением из Модельного Закона. Общая характеристика связана с применением информационно-телекоммуникационных систем, а также, что деятельность по купле-продаже.

Учитывая сказанное, можно на основе проанализированных легальных признаков электронной торговли предложить собственное авторское определение понятия «электронная торговля», так как определение, указанное в Модельном Законе, имеет недостатки. Во-первых, не до конца раскрыта сущность электронной торговли. Законодатель в законе указал, что это только торговля, таким образом ограничивая выбор формы участия в электронной торговле для участников сделки. Однако, в большинстве странах участницах СНГ на базе электронной торговли можно совершать сделки по выполнению работ и оказанию услуг. Во-вторых, не ясно из определения в какой форме проходит заключение сделки, в форме договора или просто записи в личном кабинете о сделке.

На основании вышесказанного и проведенного анализа, представляется возможным, во-первых, определить, какой термин будет использоваться. По нашему мнению, для приведения к единообразию стоит использовать термин «электронная торговля», так как в Модельном законе используется именно данный термин.

Во-вторых, представляется возможным дополнить определение «электронная торговля» в Модельном законе словами «..., заключения договора...». Дополнение позволит отслеживать участников сделки, суммы сделок, предмет сделок, а также позволит выстраивать правовую защиту участников сделки в случае, если их права будут нарушены.

Предлагается в определении электронной торговли заменить слово «- торговля...», на следующие слова «деятельность по купле-продаже товаров, выполнению работ,

оказанию услуг...». Предложенное дополнение шире охватывает явление, а также предоставляет более широкий выбор форм участия в сделках для участников сделок в информационной платформе. Внесение изменений позволит минимизировать риск различных толкований явления.

В целях указания всех содержательных признаков обозначаемого явления обоснованным представляется следующее определение: «Электронная торговля - деятельность по купле-продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг посредством заключения договора с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети».

Пристатейный библиографический список

1. Годовский И. Безопасность платежей в Интернете. - СПб.: Питер., 2001. - 240 с.
2. Климченя Л. С. Электронная коммерция: Учеб. пособие. - Мн.: Выш. шк., 2004. - 191 с.
3. Кобелев О. А. Электронная коммерция: Учеб. пособие - Под ред. С. В. Пирогова. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. - 684 с.
4. Козье Д. Электронная коммерция - Пер. с англ. - М.: Издательско-торговый дом «Русская редакция», 1999. - С. 2.
5. Эймор Д. Электронный бизнес. Эволюция и/или революция. - М.: Вильямс, 2001. - 320 с.

⁸ Закон Украины «Об электронной коммерции» от 03.09.2015 № 675-VIII.

РОГОВ Артур Александрович

аспирант 1-го курса Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО НОТАРИАТА

В статье рассматривается трансформация института нотариата в Российской Федерации. Освещён аспект исторического развития институт нотариата. Раскрываются понятия “нотариус”, “нотариальная палата”, а также полномочия и юридическая сила деятельности государственных и частных нотариусов в Российской Федерации. Проведён анализ статистических данных Министерства Юстиции Российской Федерации, которые показывают, что за последние годы численность государственных нотариусов резко сократилась, а в нынешних реалиях не осталось ни одного государственного нотариуса. Автором также обосновывается необходимость изменения ряда нормативно-правовых актов, направленных на упразднение правовых норм, связанных с деятельностью государственных нотариусов.

Ключевые слова: государственные нотариусы в Российской Федерации, нотариат, институт нотариата в Российской Федерации, частные нотариусы в Российской Федерации.

ROGOV Artur Alexandrovich

postgraduate student of the 1st course of the Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF THE DOMESTIC NOTARY

The article discusses the transformation of the institute of notary in the Russian Federation. The aspect of the historical development of the Institute of notaries is highlighted. The concepts of “notary”, “notary chamber”, as well as the powers and legal force of the activities of public and private notaries in the Russian Federation are revealed. The analysis of statistical data of the Ministry of Justice of the Russian Federation, which show that in recent years the number of state notaries has sharply decreased, and in the current realities there is not a single state notary left. The author also substantiates the need to change a number of normative legal acts aimed at abolishing legal norms related to the activities of state notaries.

Keywords: state notaries in the Russian Federation, notary, institute of notary in the Russian Federation, private notaries in the Russian Federation.

Рогов А. А.

Исторически возникновение нотариата связано с развитием гражданского оборота и гражданского общества. Нормативно-правовые акты должны были иметь внешнее выражение, то есть оформлены в письменной форме, в связи с чем появились писари. Истоки своего исторического развития институт нотариата берёт в Италии, а именно в середине восьмого века. Пробразом современного нотариата был древнеримский институт табеллионов (tabelliones, или notarii) - лица, осуществляющие свою деятельность по созданию юридических актов под контролем органов государственной власти. Во Франции, в период правления Карла Великого приходящийся на окончание девятого века, была создана концепция образца института нотариата. В основе этой концепции подразумевалось, что нотариус осуществлял деятельность по составлению соглашений, которые он передавал на визирование судье. Спустя непродолжительное время нотариусы уже имели более серьёзные полномочия, наравне с представителями судебной системы они имели в пользовании государственную печать, следовательно, были непосредственными представителями органов государственной власти, имеющими властные полномочия удостоверить соглашения, что очень схоже с нотариатом в наше время. Уже тогда для получения властных полномочий будущему нотариусу, как заинтересованному в данной должности лицу, необходимо было не менее шести лет проработать в нотариальной конторе. Помимо этого необходимо было сдать специальный квалификационный экзамен для получения столь статусной должности [1, с. 295].

Раскрыть понятие «нотариальная палата» в современной России нам позволяет статья 24 Основ законодательства о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее - Основы)¹,

в которой нотариальная палата трактуется, как некоммерческая организация, в основе которой лежит обязательная система профессионального объединения нотариусов, которые в свою очередь осуществляют частную практику.

Собственно, сам нотариус (с латинского происхождения – писец или секретарь) в настоящее время – уполномоченное должностное лицо, который ввиду вмененных ему обязанностей осуществляет нотариальные действия. Для реализации на практике данным нотариусу полномочий и для выполнения своих должностных обязанностей, а именно, нотариальных действий (нотариальное удостоверение сделок, решение наследственных вопросов и т.п.), был создан нотариат. Нотариат – структура, представляющая собой, единую целостность государственных органов и должностных лиц, которые уполномочены удостоверить бесспорные факты и права, а так же совершать иные предусмотренные законом нотариальные действия [2, с. 142].

На протяжении всего периода развития различных государств и правовых теорий, нотариат являлся неотъемлемой частью правовых систем всех стран, это обусловлено объективной востребованностью института нотариата и осуществляемыми им функций, что крайне необходимо в странах с развитыми направлениями в экономике и гражданском обороте.

В соответствии с отечественным законодательством на сегодняшний день в России существует два вида нотариусов по форме осуществления деятельности – государственные и частнопрактикующие. По юридической силе нотариальные действия государственных и частнопрактикующие нотариусы не отличаются. Государство осуществляет руководство и контроль за деятельностью нотариата. Эта функция возложе-

1 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462 - 1) (ред. от 28.04.2023). [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 02.06.2023).

Количество государственных нотариусов в Российской Федерации

Рисунок 1

на на Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы в субъектах Российской Федерации. Законодательство о нотариате находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Частнопрактикующий нотариус независим от государства, действует на основе самофинансирования. При этом совершает нотариальные действия от имени государства, под контролем органов профессионального самоуправления и органов юстиции. Нотариальная деятельность не является предпринимательством и не преследует цели извлечения прибыли. За причинение ущерба гражданам и юридическим лицам несет полную имущественную ответственность.

Можно определить частнопрактикующих нотариусов как вид «свободной», «самозанятой» профессии, объединенных в сообщества — профессиональные объединения, которым государство делегирует полномочия по совершению нотариальных действий. Государственный нотариат входит в систему органов юстиции и является органом исполнительной власти, видом государственной службы.

В Российской Федерации законодательно закреплены понятия государственный и частный нотариус.

Однако, стоит отметить, что по данным Федеральной нотариальной палаты уже в 1995 году на территории Российской Федерации лишь около 30% нотариусов имели статус государственных нотариусов, а примерно 70% нотариусов имели статус частнопрактикующих нотариусов.²

Более того, в ходе проведенного мною анализа сведений о нотариате в Российской Федерации за 2019³ и 2020⁴ годы подготовленные Министерством юстиции Российской Федерации я пришёл к выводу, что государственных нотариусов на территории РФ в нынешних реалиях вовсе не осталось. При тщательном анализе подготовленных вышеуказанных отчетов можно проследить тенденцию к сокращению численности осуществляющих нотариальную деятельность государственных до значения. Так в 2019 году на территории Российской Федерации было 5 работающих в государствен-

ных нотариальных конторах нотариусов: 3 нотариуса в Хабаровском крае и 2 нотариуса в Чукотском автономном округе. Ниже приведён рисунок для более наглядного представления о количестве государственных нотариусов в Российской Федерации за период с 2017 года по 2022 год. (См. рис. 1.)

Данное обстоятельство говорит о том, что правовое регулирование деятельности государственного нотариуса в России осталось исключительно в законодательстве Российской Федерации и доктринальных источниках. Нотариус осуществляет свою деятельность от имени государства вне зависимости от того, государственным или частным он является.

Таким образом, в связи со значительными изменениями института нотариата в России, а так же ввиду фактического отсутствия государственных нотариусов совершающих нотариальные действия с 2019 года существует противоречие между нормативно-правовой базой и нынешними реалиями. Считаю необходимым внести корректировки в части нормативно-правового регулирования деятельности государственных нотариусов во всех нормативно-правовых источниках Российской Федерации в частности: признать утратившими силу нормы права регулирующие деятельность государственных нотариусов в основах законодательства о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, например статья 7 “государственные нотариальные конторы” и другие.

Пристайный библиографический список

1. Нотариат: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. И. Коновалов, И. И. Кубарь, М. И. Никитин [и др.]; под редакцией Г. Б. Мирзоева, Н. Д. Эриашвили, М. Н. Илюшиной. — 6-е изд. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 295 с. — ISBN 978-5-238-02629-9. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/81514.html> (дата обращения: 02.06.2023).
2. Гурьева Е. В. Нотариат России: учебное пособие. — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. — 142 с. — Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/1370.html> (дата обращения: 02.06.2023).

2 Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/federal-notary-chamber/o-notariate/istoriya-notariata-v-rossii/> (дата обращения: 02.06.2023).

3 Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 02.06.2023).

4 Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2020-god/> (дата обращения: 02.06.2023).

ДОНСКОЙ Олег Олегович

студент специальности юриспруденция, специализация: «Правовое сопровождение бизнеса (бизнес-юрист)». Уровень образования: Магистратура Юридического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

NFT И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе рассматривается правовое регулирование Non-fungible token, а также определяются недостатки существующей нормативно-правовой базы. Определяется вектор развития законодательства в рамках регулирования Non-fungible token и отношение к данному явлению государственных органов Российской Федерации. Делается вывод о том, что в существующей нормативно-правовой базе Российской Федерации отсутствует регулирование Non-fungible token. Определяется важность правового регулирования Non-fungible token в связи с тем, что данный вид деятельности должен включаться в налогооблагаемую базу государством.

Ключевые слова: Non-fungible token, NFT, налогообложение, правовое регулирование, законодательство, токены, криптовалюты, блокчейн.

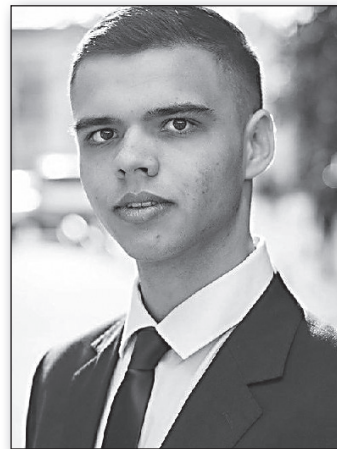
DONSKOY Oleg Olegovich

student of the majoring in Jurisprudence, specialization: "Legal Support of Business (Business Lawyer)". Level of education: Master's degree of the Faculty of Law of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

NFT AND THEIR LEGAL REGULATION WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION.

The paper examines the legal regulation of Non-fungible token, as well as determines the shortcomings of the existing regulatory framework. Determines the vector of development of legislation within the regulation of Non-fungible token and the attitude to this phenomenon of the state bodies of the Russian Federation. The conclusion is made that the existing legal framework of the Russian Federation does not regulate Non-fungible token. The importance of the legal regulation of Non-fungible token in connection with the fact that this type of activity should be included in the taxable base of the state.

Keywords: Non-fungible token, NFT, taxation, legal regulation, legislation, tokens, cryptocurrencies, blockchain.

Донской О. О.

Non-fungible token в переводе с английского языка означает «невозмозаменяемый токен» (далее по тексту -«NFT») и представляет собой феномен современного мира. По своей сути NFT выступает как отдельный вид криптографических токенов, представленный уникальным актином, который основывается на технологии Blockchain. NFT на сегодняшний день образуют огромный пласт в рамках разрабатываемого авторского права NFT. Большинство творческих прогрессивных людей начинают использовать NFT как платформу для создания своих произведений. Обосновано это определенными неотъемлемыми признаками, которые присущи NFT как новой платформе:

1. В основе существования NFT лежат Blockchain технологии, образующие «цепочку», которая существует как определенного рода надстройка над базой, созданной криптовалютами.

2. NFT не могут быть заменяемыми и являются уникальными, т.к. это набор уникального кода, который может быть присвоен только один раз и только одному объекту, который составляет NFT.

В рамках современного мира субъекты рынка привыкли к тому, что любой объект можно скопировать, переняв присущие ему индивидуализированные характеристики. Музыкальные, художественные и иные произведения возможно скопировать или переиздать. NFT исключает эту возможность и образует определенного рода единственную по своей сути, уникальную вещь, которая составляет объект имущественных правоотношений, напоминая таким образом бесценные работы великих художников Леонардо да Винчи, Пикассо и других. Каждый NFT отличается от другого и не может быть заменён или скопирован. Именно поэтому инте-

рес к данной новинке вызван в большем случае у людей творческих направлений. Однако есть и исключительные случаи. Например, Швейцарский банк цифровых активов Sygnum выпустил NFT картины Пикассо, объединившись с компанией Artemundi, чтобы токенизировать картину Пабло Пикассо Fillette au béret. Artemundi в своих заявлениях отражала уникальность данного события, говоря о том, что это первый в истории случай, когда права собственности на Пикассо или любое другое произведение искусства токенизируются в публичном Blockchain регулируемом банком. Всего будет выпущено 4000 токенов, обеспечением которых станет доля владения картиной. Приобрести к прекрасному можно будет по цене примерно \$6000, однако, покупка NFT, составляющую часть знаменитой картины не даст покупателю прав на владение всей картиной. Работа, по-прежнему, будет храниться в Швейцарии.

Также стоит отметить, что зачастую базу творческого NFT в искусстве составляет объект, относящийся к объектам авторского права, или средствам, индивидуализирующим его. Само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права¹. В соответствии с законодательством Российской Федерации, определенные результаты интеллектуальной деятельности признаются охраняемым объектом,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

если они созданы творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом [1, с. 65-73].

У любого человека, который интересуется вышеуказанной темой, возникает соответствующий вопрос: «Какой объект авторского права реализуют собственники NFT и что получает приобретатель NFT после совершения сделки купли-продажи?». Ответ на данный вопрос дать очень сложно из-за достаточно слабой проработанности Российского законодательства, а в частности Федерального закону от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской империи Федерации» (далее - «ФЗ № 259 о ЦФА и ЦВ»)² в рамках определения понятие цифровых финансовых активов, криптовалюта, NFT и др. Представляя собой новеллу современного мира, образующую объемную структуру качественно нового рынка криптовалют, который семимильными шагами развивается на сегодняшний день, ФЗ № 259 о ЦФА и ЦВ за три года разработки все равно упускает многочисленные важные детали, отставая во многом от развития данной сферы. Именно поэтому экономическое и юридическое сообщество говорит о том, что вышеуказанное законодательство попросту не учитывает такие объекты цифрового пространства как NFT. Отсутствие проработанности вопроса рождает большинство проблем, возникающих в рамках реализации NFT на рынке. Все чаще мы видим, как собственники реальных произведений искусств предъявляют искивые требования к лицам, переводящим принадлежащие им творческие произведения в NFT. Так, фронтмен группы Rammstein Тилль Линдеманн перевел картины, находящиеся в Эрмитаже в NFT, и выставил их на продажу. В связи со сложностью определения статуса NFT при защите интересов Эрмитажа, представители сталкиваются с многочисленными проблемами применения законодательства в рамках данного спора. В связи с этим, охарактеризовать NFT как результат творческого труда представляется очень сложным процессом. В связи с этим возникает необходимость в определении правового статуса NFT, закреплении понятия NFT в нормах права, определение способов защиты и вопросов применения того или иного законодательства в рамках исследуемых и разрешаемых ситуаций. В Госдуму внесен законопроект, который предлагает «признавать NFT-токены как неэквивалентный токен уникального цифрового актива (изображений, видео или другого цифрового контента или актива) в виде неэквивалентных данных, хранящихся в системе распределённого реестра (системе блокчейн)».

Интерес к данному явлению проявляют также и крупные организации, такие как ООО «В Контакте» (ОГРН1079847035179). Соцсеть ВКонтакте анонсировала запуск маркетплейса для NFT-токенов. Данные интерес в сторону NFT позволяют решить две немаловажные проблемы:

1. Защитить авторский контент;
2. Монетизировать авторского контент.

Однако, для данного вида деятельности организациям, проявляющим интерес к данному явлению необходимо разработать систему, позволяющую защитить контент пользователей.

Тенденция регулирования NFT происходит повсеместно во множестве государств. В качестве примера: Европейский Союз может внедрить закон, который заставит криптовалютные компании предоставлять подробную информацию об

активах своих клиентов. Также криптофирмы обяжут регистрироваться в налоговых органах, даже если они базируются за пределами блока или предлагают NFT. Закон об обмене данными должен быть согласован министрами финансов. После его внедрения все 27 стран-членов ЕС смогут обмениваться данными. Рынок криптовалют приобрел большую значимость и увеличил свою капитализацию существенно и быстро за последние 10 лет. Криптовалюты представляют собой цифровое представление ценности или права, которое может быть передано и сохранено в электронном виде, с использованием технологии распределенного бухгалтерского учета или аналогичной технологии. В государствах-членах действуют правила и рекомендации, для налогообложения дохода, полученного от операций с криптовалютами. Однако децентрализованный характер криптовалют затрудняет налоговым администрациям государств-членов обеспечение налогового соблюдения.

NFT представляет собой уникальную, неделимую и неэквивалентную цифровую запись в Blockchain, которая содержит конкретный цифровой объект или ссылку на цифровой объект (картину, фотографию, музыкальное произведение и т.п.), подтверждает права на цифровой объект и его подлинность. Неэквивалентный токен может быть связан с уникальным физическим объектом. Определение NFT возможно дать если аккумулировать известные признаки NFT, которые в значительной степени описаны в интернет-ресурсах зарубежных государств и интернете. NFT, материальной ценностью и интересны в рамках инвестиций, формируют обособленную группу инвестиционных NFT. NFT характеризуется уникальным набором факторов, признаками, которые делают NFT неэквивалентным по сравнению с иными цифровыми активами, которые на данный момент существуют. Если криптовалюты были созданы в качестве средства платежа и обмена, то NFT отличается именно уникальностью, наличием в «единственном числе» и являются зачастую элементами коллекции. Учитывая особенности участников правоотношений в сфере утилитарных цифровых прав и характера использования NFT неэквивалентные токены не могут считаться утилитарными цифровыми правами.

NFT сегодня представляют особый элемент, продиктованный веяниями современного мира. Они становятся интересны не только в рамках инвестирования, но и в формате реализации творческого потенциала художников, музыкантов и других лиц, позволяя монетизировать результат творческого процесса в формате продажи NFT. Именно поэтому для данного элемента просто необходимо проработанное законодательное регулирование.

Пристатейный библиографический список

1. Харитонов Ю. С. Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности // Юрист. - 2021. - № 9. - С. 65-73.

2 Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ// Официальный сайт Справочно-правовой системы «Гарант» [HTML] (<https://base.garant.ru/74451466/>) (дата обращения: 10.06.2023).

СВЕРДЛОВА Юлия Валентиновна

аспирант кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета «РИНХ»

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИМУЩЕСТВА НАСЛЕДОДАТЕЛЯ ФОНДАМ ПРИ ЖИЗНИ И В ПОРЯДКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ

В статье рассмотрены особенности передачи имущества наследодателя фондам при жизни и в порядке наследования в соответствии с изменениями, внесёнными статьями 123.-20 в Гражданский Кодекс Российской Федерации. При жизни физическое лицо по российским законам может передать личному, общественно-полезному фонду. Если же наследодатель желает пользоваться и распоряжаться своим имуществом до своей смерти, то он может написать завещание с учреждением наследственного фонда. Это влечёт различные правовые последствия, которые описаны в статье.

Ключевые слова: наследственное право, наследодатель, наследственное имущество, наследственный фонд, личный фонд.

SVERDLOVA Yuliya Valentinovna

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Rostov State Economic University «RINE»

FEATURES OF THE TRANSFER OF PROPERTY OF THE TESTATOR FUNDS DURING LIFE AND BY SUCCESSION

The article discusses the features of the transfer of the testator's property to funds during his lifetime and in the order of inheritance in accordance with the changes made by articles 123.-20 to the Civil Code of the Russian Federation. During his lifetime, an individual, according to Russian laws, can transfer it to a personal, publicly useful fund. If the testator wishes to use and dispose of his property until his death, then he can write a will with the establishment of a hereditary fund. This entails various legal consequences, which are described in the article.

Keywords: inheritance law, testator, hereditary property, hereditary fund, personal fund.

Свердлова Ю. В.

Вопрос передачи имущества состоятельного гражданина Российской Федерации личным фондам при жизни, или наследственным фондам после смерти имеет прямое отношение к финансовому обеспечению государственного и муниципального управления, так как фонды как юридические лица обеспечивают рабочие места и пополняют бюджеты различных уровней. По этой причине вопрос наследования крупного бизнеса, дорогостоящего имущества актуален для общества: для бюджета РФ желательно, чтобы фирмы и системообразующие предприятия наследовались резидентами нашего государства: физическими и юридическими лицами – личными фондами. Реалии сегодняшнего дня таковы, что бизнес в зарубежной юрисдикции может быть попросту экспроприрован властями США и их союзников [6]. Международное право не исключает возможности национализации иностранных активов [9]. По этой причине актуальны вопросы наследования имущества граждан России, находящиеся за рубежом. Способом их защиты может стать перевод зарубежных активов в личные и наследственные фонды, зарегистрированные в России. ГК РФ содержит правовой механизм, который гарантирует реализацию конституционного права гражданина России «завещать любое принадлежащее ему на праве собственности имущество и свободно определять круг наследников...». Актуальны также вопросы передачи наследства в личные фонды и составление завещаний с учреждением наследственного фонда для сохранения бизнеса от раздробления и неэффективного менеджмента со стороны наследников, так как не все наследники умеют эффективно управлять собственностью [5]. Ввиду отсутствия апробации механизма передачи имущества фондам при жизни и по наследству [10] была предпринята попытка оценить механизм наследственного правопреемства в свете произошедших изменений.

Цель статьи: анализ особенностей передачи имущества наследодателя фондам при жизни и в порядке наследования.

В ходе исследований был сделан логический и сопоставительный анализ проблематики наследственного правопреемства.

Новизна авторского подхода определена предметом исследования – новеллами гражданского законодательства.

При проведении сопоставительного анализа наследственного законодательства было выявлено, что совершенствование заключается во введении в правовое поле общественно полезных и личных фондов [2] наследственных фондов [7], совершенствование статей закона, касающихся отмеченных фондов [3].

Отмечая, что наследство образует моральные и материальные связи между наследодателями предшествующего поколения (родители, бабушки, дедушки) и наследниками, относящимися к нисходящей ветви поколений, – заметим изменчивость и сложность процесса передачи имущества по наследству. Это особенно относится к семейному бизнесу, дорогостоящему недвижимому имуществу, ценным цифровым активам и произведениям искусства. Для передачи дорогостоящих активов стоимостью – от ста миллионов рублей – гражданам России предоставлена возможность передавать такое имущества личным, общественно полезным фондам при жизни, а по завещанию с учреждением наследственного фонда – и после ухода из жизни отмеченному фонду. Эта возможность предоставлена изменениями, внесёнными в ст. 123.20-4 ГК РФ. Модификация наследственного права была инициирована профессором П. В. Крашенинниковым с целью упорядочения передачи среднего и крупного бизнеса от наследодателей к фондам [4]. С 01.09.2022 г. вступили в силу изменения отдельных статей (123.20-4; 123.20-5; 123.20-6; 123.20-7; 123.20-8) ГК РФ, которые изменили механизм передачи наследственной массы личным фондам. Новый институт – правосубъектный фонд «... представляет собой правоспособную организацию, и ... фонд не представляет собой союз лиц или не основан на союзе лиц» [1].

Появление института новых общественно-полезных фондов (ОПФ) привело к редактированию ряда статей Кодекса. Утратили силу статьи 123.-20 1, 123.20-2, 123.20-3. Изменения коснулись пятого раздела: он был дополнен нормами о некоммерческих унитарных организациях (НУО): личный и общественно полезный фонды (Р. V, § 7 ГК РФ). К неком-

мерческим унитарным организациям были отнесены ОПФ, НФ и личные фонды (ЛФ). По мнению ряда правоведов, эти изменения «... являются следствием конвергенции континентального и российского права» [4]. Вместе с тем, изменения вызвано не только мотивами «... конвергенции, имплементацией международных соглашений в области нотариата, но и существенными пробелами в законодательном регулировании наследственных фондов, осуществляемых до 1.03.2022 г., о чём достаточно аргументировано заявлено в научных публикациях» [1]. Отказ от традиционного завещания в пользу ононого, но с учреждением наследственного фонда, имеет ещё одно обоснование: значимые изменения в наследственной массе и её стоимости. Рост благосостояния отдельных граждан потребовали изменения традиционных моделей передачи семейного богатства.

Личный и наследственный фонды имеет учредителя, наблюдательный совет, управляющего и бенефициаров. За выполнением воли учредителя наследственного фонда будет следить наблюдательный совет, состав которого установит завещатель. Личный фонд также имеет в собственности имущество, в отношении которого действует управляющий, для выгода бенефициара. Имущество имеет и наследственный фонд в соответствии с завещанием наследодателя. Одно из основных предназначений данных фондов, хотя и не единственная цель, это преимущества защиты активов бизнеса: бенефициар личного фонда может пользоваться имуществом, находящимся в доверительном управлении, не имея юридического право собственности, и это обеспечивает защиту от кредиторов бенефициара, нежелательных наследников. Бенефициары наследственного фонда получают установленную в завещании выгоду в виде денежных средств на существование или иных выплат: прав на проживание, возможность наслаждаться произведением искусства, принадлежащего фонду и т. д. Однако распорядиться имуществом фонда они не имеют законного права. И личным, и наследственным фондом будет руководить наёмный управляющий, скорее всего, тот же директор, который управлял бизнесом собственника при его жизни: человек, проверенный наследодателем в деле [7]. Наследники будут бенефициарами наследственного фонда в пределах, определённых его создателем. Бенефициаром личного фонда может быть собственник имущества до его передачи в личный фонд. Возможны проблемы при оформлении наследства, о которых упомянула профессор Т. С. Яценко [11].

В процедуре учреждения фондов есть отличия: наследственный фонд учреждается после смерти наследодателя, а личный – при его жизни.

В случае, когда воля о создании наследственного фонда (НФ) выражена в завещании, имущество личного фонда передаётся в наследственный фонд, в который преобразовывается личный. Для собственника крупного состояния, например, собственника бизнеса, более разумным является вариант создания при жизни личного фонда, п. 2 ст. 123.20-4 ГК РФ. Это позволит при жизни отработать функционирование фонда, впоследствии оставить завещание с поручением нотариусу о создании наследственного фонда. Минимальное наполнение фонда имуществом составляет в денежном выражении, как отмечено выше, 100 млн. рублей и более, поэтому беспокоиться менее состоятельным гражданам не о чем.

В наследственном праве формальные требования являются примером императивного права. Однако между разницей во времени между написанием завещания с учреждением наследственного фонда и открытием наследственного дела с последующим учреждением нотариусом фонда, волю к созданию которого выражена в завещании, процесс завещания [12] предполагает созданию субсидиарного права.

На наш взгляд, появление института указанных выше личных фондов позволяет планировать наследственное правопреемство: будущий наследодатель может при жизни решить, какое имущество он оставит наследственному фонду, а кому из наследников – определённые предметы личного имущества. Однако вопрос о том, какие наследникам придётся платить налоги с полученного имущества (бенефициар налогооблагаемого наследства платит налоги на полученное в собственность недвижимое и движимое имущество, например, здание и автотранспорт). То есть вопрос распределения дорогостоящего имущества – это ещё и вопрос о распределении, какой налог будут платить наследники – физические и юридические лица (граждане и фонд). Таким образом, при

планировании передачи наследства необходимо сделать это таким образом, чтобы налоги от полученного наследства были распределены справедливо.

Заключение. Значимые изменения в наследственной массе и её стоимости, рост благосостояния собственников бизнеса потребовали изменения традиционных моделей передачи семейного богатства. Действующее законодательство с целью сохранения бизнеса от дробления и неумелого управления наследниками, не имеющими на то нужные знания, умения и навыки, предусматривает создание личных, общественно-полезных и наследственных фондов. Решение о том, куда передать имущество: при жизни личному фонду, или по наследству – наследственному, зависит от собственника имущества. Если собственник имущества сомневается в сохранении своего бизнеса или дорогостоящего имущества после своей смерти (например, имущество будет разделено на доли между наследниками, или не уверен в управленческих способностях своих наследников), то он, скорее всего, примет решение о создании фонда, в который будет передано принадлежащее ему имущество.

И личным, и наследственным фондом будет руководить наёмный управляющий. За выполнением воли учредителя фонда следит наблюдательный совет. Наследники, если в том будет воля завещателя, будут являться бенефициарами наследственного фонда в пределах, определённых его создателем. Бенефициаром личного фонда может быть собственник имущества до его передачи в личный фонд.

Создание личного и наследственного фонда позволяют посмертно планировать использование имущества завещателя, сохранить бизнес от разбиения на доли и защитить от притязаний наследников и кредиторов.

Пристатейный библиографический список

1. Арсланов К. М. Конвергенция российского и германского опыта гражданско-правового регулирования: история, современность и перспектива / Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Казань, 2019.
2. Быковская Е. А. Правовой статус наследственного фонда в Российской Федерации // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (15). – С. 51-56.
3. Дёмкина А. В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 12 (243). – С. 63-74.
4. Крашенинников П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). – Litres, 2022.
5. Лебедь Е. В. Наследственный фонд для российских предпринимателей // Синергия наук. – 2018. – № 25. – С. 550-560.
6. Магомедов М. Ш. Деофшоризация в Евразийском пространстве, или не все иностранные юрисдикции одинаково полезны // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 5. – С. 34-37.
7. Казанцева А. Е. Новый наследственный фонд // Вестник МГПУ. – 2022. – № 2 (46). – С. 36-39.
8. Свердлова Ю. В. Институт личного фонда: предпосылки создания, диспозитивность, механизм учреждения и управления // Нотариальный вестник. – № 8. – С. 43-53.
9. Фархутдинов К. З. Национализация иностранных инвестиций и международное право // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2011. – № 2 (22). – С. 80-87.
10. Шатковская Т. В., Жуковская А. А., Кочергин П. В. Наследственные фонды в России: пробелы законодательного регулирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 11. – С. 90-93.
11. Яценко Т. С. Установление правоспособности иностранных юридических лиц в деятельности нотариуса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 8. – С. 87-93.
12. Langbein J. H. The Twentieth-Century Revolution in Family Wealth Transmission // Mich. L. Rev. – 1987. – Т. 86. – С. 722.

СТЫСЛОВИЧ Анатолий Петрович

аспирант первого года обучения Международного института информатизации и государственного управления имени Г. А. Столыпина

ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦАМИ, ЗАЧАТЫМИ ПОСЛЕ СМЕРТИ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

В статье рассматриваются вопросы наследования лицами, зачатыми после смерти наследодателя, также, как и некоторые аспекты наследования интеллектуальных прав являются недостаточно исследованными в настоящее время. Кроме того, действующее законодательство в указанных сферах гражданско-правового регулирования является во многом «пробельным». В частности, имеется ряд нерешенных отечественным законодателем проблем, касающихся наследования по закону лицами, зачатыми после смерти наследодателя и некоторые аспекты наследования интеллектуальных прав, что делает исследование указанных вопросов актуальным. В связи с распространяющейся общемировой и отечественной практикой экстракорпорального оплодотворения все более актуализируются вопросы вступления в наследство лиц, рожденных и зачатых уже после смерти своих биологических родителей, чаще всего, отца. Признание наследниками детей, рожденных после истечения установленных действующим законодательством трехсот дней после смерти наследодателя, может быть проблематичным ввиду отсутствия детальной правовой регламентации рассматриваемых аспектов наследования по закону.

Ключевые слова: биологические материалы, биологическое родство, донор, имплантация, круг наследников, наследование, наследник, наследодатель, отцовство, очередь наследников, посмертное зачатие, правообладатель, музыкальное произведение, репродукция, родство, субъект права наследования, суррогатная мать, тест ДНК, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), эмбрион.

STYSLOVICH Anatoliy Petrovich

postgraduate student of the 1st year of study of the P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration

QUESTIONS OF INHERITANCE BY PERSONS CONCEIVED AFTER THE DEATH OF THE TESTATOR

The article deals with the issues of inheritance by persons conceived after the death of the testator, as well as some aspects of the inheritance of intellectual property rights are insufficiently researched at present, in addition, the current legislation in these areas of civil law regulation is largely “gap”. In particular, there are a number of unresolved problems by the domestic legislator concerning inheritance by law by persons conceived after the death of the testator and some aspects of inheritance of intellectual rights, which makes the study of these issues relevant. In connection with the spreading global and domestic practice of in vitro fertilization, the issues of inheritance of persons born and conceived after the death of their biological parents, most often the father, are becoming increasingly relevant. Recognition as heirs of children born after the expiration of the three hundred days established by the current legislation after the death of the testator may be problematic due to the lack of detailed legal regulation of the aspects of inheritance under consideration by law.

Keywords: biological materials, biological relationship, donor, implantation, circle of heirs, inheritance, heir, testator, paternity, succession of heirs, posthumous conception, copyright holder, musical composition, reproduction, kinship, subject of inheritance, surrogate mother, DNA test, in vitro fertilization (IVF), embryo.

Наследование в силу закона предполагает соблюдение очередности в количестве восьми очередей призываемых к наследованию родственников наследодателя, перечень или круг которых отечественный законодатель закрепил в нормах. «Исчерпывающий круг наследников», в частности упоминает Н. П. Чалай [3], помимо этого, субъекты права наследования по закону должны быть живы на момент открытия наследства либо как минимум быть прижизненно зачатыми, имеется в виду «зачатыми при жизни наследодателя». В связи «с приходом» в практику правоприменения детей – потенциальных наследников, зачатых с помощью технологий экстракорпорального оплодотворения некоторые положения в правоприменительной практике получают новую трактовку. О рождении «посмертных» детей, зачатых методом ЭКО в частности после смерти наследодателя, говорится и в некоторых научных исследованиях, в частности, такие вопросы рассматриваются М. Л. Шелютто [4]. По общему правилу имплантация в полость

матки матери (или суррогатной матери) эмбриона считается моментом зачатия. Хотя вряд ли это представляется верным, ведь отсчет начала беременности в рамках технологий экстракорпорального оплодотворения начинается как правило с положительного результата анализа крови на ХГЧ – хорионический гонадотропин человека, не говоря уже о том, что данный факт должен быть подтвержден как минимум результатами ультразвукового исследования (УЗИ) с наличием сердцебиения у плода. В настоящее время период установления отцовства после смерти наследодателя охватывается тремястами днями, то есть наследник должен быть рожден в течение не более 300 дней после смерти наследодателя, что на практике, в связи с массовым внедрением в практику технологий ЭКО представляется неверным, учитывая современные возможности хранения биоматериала, необходимого для зачатия в условиях криоконсервации длительный период, который может достигать и нескольких десятков лет.

Стыслович А. П.

Вопрос состоит в том, следует ли детей, зачатых методом ЭКО после смерти наследодателя отнести к особому кругу наследников, и насколько целесообразной является специальная регламентация прав детей, зачатых методом экстракорпоральной репродукции в современных условиях правоприменения и судебной практики. В рассматриваемой сфере нет единообразной судебной практики, поскольку посмертная репродукция в нашей стране никак не регулируется законом, что представляет собой огромное «поле» деятельности для судебного усмотрения, когда применяются законы по аналогии. В исследуемой ситуации, в частности, можно прибегнуть к такому существующему нормативному акту, как часть 1 ст. 68 Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где говорится, в том числе, об использовании органов тела и тканей умершего, тем не менее в законе ничего не сказано о возможности применения биоматериалов умершего с целью репродуктивных технологий и получения потомства, то есть рождение ребенка от умершего отца. Следует согласиться с тем, что отсутствие регулируемой законом процедуры установления родства и признания наследником и отказа в признании таковым в случае посмертно зачатых методом ЭКО генетически родных наследодателю детей, является явной недоработкой законодателя, и, в связи с увеличением год от года количества случаев экстракорпорального оплодотворения следовало бы внести соответствующие изменения и дополнения в действующее законодательство.

Вызывают интерес в контексте проводимого исследования вопросы нахождения эмбриона, полученного в результате репродуктивных технологий в статусе наследника или его потенциальной возможности быть таковым. Исследованием данного вопроса, в частности, занимался В. Ю. Куликов. Указанный автор, в том числе, задается вопросом наличия правового статуса криоконсервированных эмбрионов наследодателя, если таковые имелись к моменту его смерти [1]. В контексте действующего законодательства эмбрион является биоматериалом, и не обладает специальным правовым статусом, при этом очевидно, что такой биоматериал, способный дать жизнь будущему человеку и гражданину не может приравниваться к таким биоматериалам человека как кровь или слюна, или другие подобные материалы жизнедеятельности. Поэтому представляется, что эмбрион должен быть наделен законодателем определенным статусом, если не как субъект, то по крайней мере, как объект гражданского права. В законе должны содержаться условия, при которых эмбрион, полученный с помощью репродуктивных технологий может стать «будущим субъектом прав», в настоящее время есть только критерии живорождения – ими признаются младенцы, имеющие при рождении вес не менее пятисот граммов и двадцати двух недель гестации от момента их зачатия (не имеет значение, было ли зачатие естественным или с помощью вспомогательных репродуктивных технологий). Тогда как в нормах международного права упоминается и такой юридический феномен, как «право на жизнь с момента зачатия», что подразумевает охрану прав не уже рожденных младенцев, являющихся полноправными гражданами, а именно эмбрионов как таковых (имеется в виду, например, ст. 4 Американской конвенции о защите прав человека¹). Следует отметить то обстоятельство, что по замыслу отечественного

законодателя эмбрион до момента его трансплантации в полость матки будущей роженицы (биологической или суррогатной матери) является объектом гражданских прав, его можно передать третьим лицам по различным гражданско-правовым договорам, как указывают некоторые авторы, его можно завещать, подарить, в дальнейшем разумеется встанет вопрос о признании родительских прав: материнства или отцовства в отношении ребенка, родившегося из этого эмбриона, особенно если между рожденным ребенком и лицом, которому был передан эмбрион нет биологического родства. Представляется, что ввиду большой практической актуальности и этической составляющей данного вопроса, он должен быть детально урегулирован нормами действующего законодательства. Учитывая текущую несформированность законодательства по указанным выше вопросам, суд может как отказать в признании наследником лица, родившегося по истечении трехсот дней после смерти законодателя, так и приняв во внимание такие представленные суду материалы, как: согласие владельца биоматериала на проведение процедуры экстракорпорального оплодотворения в случае его смерти; текст ДНК, сделанный наследодателем прижизненно для установления биологической принадлежности ему полученных эмбрионов; результаты посмертной экспертизы ДНК, выполненной с соблюдением действующего законодательства, подтверждающего биологическое родство с наследодателем и другие документы.

Представляется целесообразным, в связи с тем, что такая практика становится реальной в настоящее время, растет количество программ ЭКО, установить определенные условия для признания наследниками детей наследодателя, биологическое родство с которыми доказано с помощью экспертизы ДНК и на рождение которых было полученное прижизненное согласие наследодателя, в частности, увеличить срок их признания наследниками, ограничив его не сроком в 300 дней, а увеличив его до 450 дней. Все остальные дети, рожденные за пределами данного срока не должны признаваться наследниками, даже в случае их доказанного биологического родства с наследодателем. Срок следует ограничить определенным количеством дней, поскольку отсутствие такого ограничения могло бы привести к признанию наследником и через 10 и через 20 лет, поскольку биологический материал, способный послужить зачатием, может храниться в условиях криоконсервации достаточно долгое количество времени, к тому же, технологии консервации и хранения биоматериалов постоянно развиваются, и, возможно, в дальнейшем они будут еще увеличиваться. Увеличение сроков признания наследником несомненно повлияет и на действие смежных правовых норм и потребует их соответствующей корректировки.

Если некоторые вопросы прижизненности зачатия потенциального наследника в связи с изложенным выше, все еще остаются открытыми, что же касается аспекта признания наследника живым на момент смерти наследодателя, то здесь ситуация с законодательным регламентированием обстоит, казалось бы, значительно лучше: смерть мозга связывается законодателем с наступлением непосредственной смерти человека, то есть смерть мозга теоретически означает смерть человека и невозможность его быть как наследником, так и наследодателем. Несмотря на кажущуюся беспроblemность данного аспекта наследования, следует подробнее остановиться не только на критериях смерти мозга, но и на проблемах, которые могут возникнуть на практике, в частности, это касается детей наследодателя, которые могут иметь статус

1 Американская конвенция о защите прав человека от 22 ноября 1969 года. Вступила в силу в 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2559460/>.

паллиативных, у которых функционирует лишь часть мозга или его «ствол», который отвечает за функции глотания, дыхания, и то не всегда, то есть, вопрос состоит в том, можно ли «неработающий» мозг без потенциальной возможности восстановления его функций считать «живым». Данный вопрос имеет не только этический характер, но, несомненно, требует своего регулирования и с целью упорядочивания судебной и правоприменительной практики. Поэтому законодателю необходимо выделить новые критерии «смерти мозга», а также уделить должное внимание тому, может ли быть наследником лицо, которое живо по биологическим показателям, но при этом мозг фактически умер и более не восстановится, тем не менее, в таком состоянии, которое является по медицинским критериям «вегетативным» человек может находиться десятки лет. Поскольку, как отмечают некоторые авторы, и по смыслу закона, наследник после смерти наследодателя может заменять его в соответствующих правоотношениях и, начинает располагать некоторым объемом правомочий [2]. Также возникает много вопросов относительно ситуации, в которой согласие наследодателя на репродукцию (создание) эмбрионов с участием его биоматериалов, в случае его смерти, имелось, однако сами эмбрионы, способные к зачатию, были получены репродуктологами уже после его смерти, в результате процедуры ЭКО родился ребенок или дети, которые имеют подтвержденное биологическое родство с умершим наследодателем, фактически он является их биологическим отцом, давшим согласие на их рождение в случае и после его смерти. Представляется, что данный момент также должен быть проработан законодателем, в частности, должны быть установлены разумные сроки признания рожденных при таких обстоятельствах детей наследниками, а также должны быть четко установлены обстоятельства, препятствующие их признанию в качестве таковых, в частности, это могут быть определенные, установленные законодателем сроки, они должны быть более 300 дней, но иметь разумные пределы. Определенные вопросы возникают также при рассмотрении прав детей, зачатых методом экстракорпорального оплодотворения в программах с использованием донорского материала, а также донорского биологического материала для зачатия эмбриона, который впоследствии будет вынашиваться суррогатной матерью. В настоящее время некоторые аспекты донорства в сфере ЭКО регулируются разделом IV Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457)».

В целом нельзя назвать рассматриваемую сферу достаточно урегулированной действующим законодательством, что может породить ряд проблемных ситуаций, требующих своего решения. Так, на практике может, например, создаться такая ситуация, когда будущий претендент на наследство – потенциальный наследник, будет зачат после смерти наследодателя, причем имеется его прижизненное согласие на проведение процедуры искусственного экстракорпорального зачатия своей законной супруге, после его смерти каким то образом могли измениться медицинские показания и процедура была проведена с использованием его биологического материала не супруге наследодателя, а суррогатной матери, которой и был успешно выношен впоследствии и рожден ребенок. Если ребенок родился по истечении установленных законом 300 дней, при этом ребенок юридически и биологически является сыном или дочерью умершего наследодателя, не вполне понятно, чем должен руководствоваться нотариус

или суд при включении или исключении данного ребенка в состав наследников.

Учитывая, как уже отмечалось выше, то, что законодательное регулирование рассмотренных аспектов все еще недостаточно разработано, требуется внесение дополнений и изменений в законодательство о наследовании. Должны быть также разработаны общепринятые рекомендации в форме Методических указаний, в частности, касающиеся назначения и проведения посмертных экспертиз установления родства наследодателя с детьми, зачатыми методом ЭКО в случае возникновения спорных ситуаций, особенно, как отмечалось выше это касается потенциальных наследников, зачатых после смерти наследодателя и рожденных уже после истечения установленных действующим законодательством 300 дней.

Пристатейный библиографический список

1. Куликов В. Ю. Актуальные вопросы правового статуса «наследника из пробирки». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovogo-statusa-naslednika-iz-probirki/viewer>.
2. Попова Ю. А. Правоотношения и правопреемство при наследовании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravootnosheniya-i-pravopreemstvo-pri-nasledovanii/viewer>.
3. Чалая Н. П. Правовая природа наследования по закону // Актуальные исследования. – 2020. – № 12 (15). – С. 59-61.
4. Шелютто М. В. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti-zachatye-posle-smerti-roditelya-ustanovlenie-proishozhdeniya-i-nasledstvennyye-prava/viewer>.

FOKIN Anton Yurjevich

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE SITES FOR RELIGIOUS PURPOSES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article examines some aspects of the protection of cultural heritage for religious purposes in the context of legal globalization. In the issue of protection of cultural heritage of religious purpose, both the experience developed in the national legislation of different countries and international experience in this field are very important. International cooperation itself plays a key role in the context of globalization, which extends to all spheres of life, including the legal one.

Keywords: objects of cultural heritage, objects of cultural heritage of religious purpose, globalization, legal globalization, legislation.

ФОКИН Антон Юрьевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕЛИГИОЗНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты охраны культурного наследия религиозного назначения в условиях правовой глобализации. В вопросе охраны культурного наследия религиозного назначения очень важен как опыт, выработанный в национальных законодательствах различных стран, так и международный опыт в данной сфере. Само международное сотрудничество играет ключевую роль в условиях глобализации, распространяемой на все сферы жизни, в том числе и на правовую.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, объекты культурного наследия религиозного назначения, глобализация, правовая глобализация, законодательство.

Modernity poses us important and at the same time difficult questions, one of which is how to preserve our national cultural heritage in the era of globalization and at the same time to be an active participant in international cooperation in this field, to contribute to the formation of the cultural dialogue between countries.

It is very important to have effective legal mechanisms in national legislation for these purposes.

This article deals with objects of cultural heritage for religious purposes.

The foundation of the state control in this area is a well-built system of normative-legal acts regulating public relations in the sphere of preservation and use of religious cultural heritage. The Constitution of Russian Federation¹ and Federal law of 25.06.2002 № 73 (Rus. № 73-FZ) (rev. from 14.04.2023) "On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of Nations of Russian Federation"² play a special role here for Russian society.

In accordance with the Federal Law of 25.06.2002 № 73-FZ "On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of Nations of the Russian Federation", objects of cultural heritage are divided into the following types:

monuments – separate structures, buildings and constructions with historically established territories (including monuments of religious purpose, which in accordance with Federal Law of 30.11.2010 № 327 (Rus. № 327-FZ) "Transfer of State or Municipal Property to Religious Organizations are religious property"³); memorial flats; mausoleums, separate

burials; works of monumental art; works of science and technology sites, including military; archaeological heritage sites;

ensembles are groups of isolated or united monuments, buildings and structures of fortification, palace, residential, public, administrative, commercial, industrial, scientific, educational purposes, as well as monuments and structures of religious purpose, including fragments of historical layouts and settlement buildings, which can be attributed to urban planning. ensembles; works of landscape architecture and landscape art (gardens, parks, squares, boulevards), necropolises; archaeological heritage sites;

sites of interest – creations created by man, or joint creations of man and nature, including places of traditional existence of folk art crafts; centers of historical settlements or fragments of urban planning and development; memorable places, cultural and natural landscapes associated with the history of the formation of peoples and other ethnic communities on the territory of the Russian Federation, historical (in including military) events, the lives of outstanding historical figures; objects of archaeological heritage; places of religious rites; burial sites of victims of mass repressions; religious and historical sites.

In accordance with article 2(1) of Federal Law of 30.11.2010 № 327 property of religious purpose is immovable property (premises, buildings, structures, constructions, including objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation, monasteries, temples and (or) other religious complexes), built for implementation and (or) provision, including material and other, of such activities of religious organizations as performance of religious services, other religious rites and ceremonies, holding prayer and religious meetings, religious education, professional religious education, monastic activities, charitable activities, social services, religious veneration (pilgrimage), including buildings for temporary accommodation of pilgrims As well as movable property for religious purposes (items of interior decoration of religious buildings and constructions, items intended for religious services and other religious purposes).

When considering the cultural heritage in the context of the globalization process it is important to refer both to international experience in the sphere of cultural heritage protection and to the analysis of the Russian model of preservation of cultural wealth. The experience of countries such as Italy, France and the United Kingdom in implementing cultural policies is of interest, considering the example of building a system of legal protection of cultural heritage objects and the successful functioning of

1 Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved by a nationwide vote on 01.07.2020). – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2 Federal Law of 25.06.2002 № 73 (Rus. № 73-FZ) (rev. from 14.04.2023) "Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of Peoples of the Russian Federation". – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

3 Federal Law of 30.11.2010 № 327 (Rus. № 327-FZ) (rev. from 01.07.2021) "Transfer of State or Municipal Property to Religious Organizations" are religious property". – [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107378/.

institutions created for these purposes [1]. Currently in the world community there is a tendency of transition from protection of only tangible heritage to intangible heritage and its integration into everyday life.

It is important to note that there are still threats of destruction, destruction of cultural monuments (vandalism, commercial development, unprofessional approach to restoration). At present the issue of preserving religious monuments of culture is particularly acute.

The main problems of legal regulation of the protection of religious cultural heritage include the lack of an unambiguous definition of religious heritage at both the national and international levels; the corresponding lack of consensus about which religious spaces are worthy of protection and which are not. An analysis of the scientific literature in this area allows us to talk about the existence of three main legislative models of protection of religious cultural heritage that have developed in international law. The first model involves the use of special (heightened) rules for protection when the importance of the site and its historical uniqueness is beyond doubt (for example, Jerusalem). The second is where the religious character justifies an exception to the general application of the relevant legal provisions (buildings used for worship, for example). Finally, a third model, in which the religious character of the object of protection is recognized as an additional, but unique, attribute of particular places or sites falling within the scope of the general legal provisions [2].

The study of any legal phenomenon should begin with the clarification of the essence of this phenomenon, so the study of the globalization process in the first place should begin with the knowledge of the term "globalization" itself by identifying the distinctive features of this phenomenon and comparing it with related concepts (unification, integration).

The following questions remain debatable in the scientific community: whether the process of globalization is finite or infinite, and whether this phenomenon is spontaneous or deliberate.

Globalization in the sphere of law has a number of features, which include: the creation of new branches of law, the impact of the globalization process on most elements of the legal system of the state, its penetration into all branches of law without exception, the need for public recognition of international rules and the increasing role of interstate associations in the regulation of law [3].

Recognizing the importance of religious cultural heritage sites, States in the field of international cooperation in the context of globalization could follow a policy aimed at ensuring its preservation by common efforts. These policies could encompass various aspects, including conservation, restoration, research and the promotion of respect for cultural heritage of religious sites. Suggestions for key elements of such a policy for the preservation of religious cultural heritage in the context of globalization are as follows:

1. Regulatory framework. States have taken all possible measures to ensure legal protection of cultural heritage of religious sites. The most effective legal mechanisms in this sphere are monitored.

2. Conservation and restoration. States encourage and support initiatives for the preservation and restoration of cultural heritage sites of religious purpose. Financial assistance, grants and technical expertise are provided to facilitate the maintenance and repair of these significant cultural assets.

3. Research and documentation. States should encourage research and documentation related to cultural heritage sites of religious significance. This includes archaeological excavations, historical research and the compilation of comprehensive reports to enhance understanding of these sites and objects.

4. Education and awareness. Raising public awareness and appreciation of cultural heritage sites of religious sites is an essential component of preservation policies. States shall organize educational programs, exhibitions and cultural events to engage the public and inculcate a sense of responsibility towards these valuable sites.

5. Cooperation and partnerships. States should actively cooperate with religious organizations, non-governmental organizations and international organizations to protect and preserve religious cultural heritage sites. Partnerships facilitate the exchange of knowledge, expertise and resources, contributing to the effective protection of these sites.

The main prerequisite for the preservation of objects of cultural heritage for religious purposes at the present time must be

the improvement of state policy based on comprehensive account of the composition and condition of objects of cultural heritage, the current socio-economic conditions of society development, the real capacities of authorities, local government, public and religious organizations, other persons, the specific national and cultural traditions of the peoples of the Russian Federation and a host of other factors.

Cultural heritage sites also have an important economic function. As a significant factor in the development of cities and countries, they can generate substantial profits. Most countries effectively promote their cultural heritage in order to attract not only tourists and pilgrims in the case of religious heritage sites, but also professionals, experts in the protection and restoration of historical and cultural monuments, and make great efforts to organize and strengthen cooperation in this field.

The acuteness of this situation is largely due to the dramatic decline in the volume and quality of monument maintenance (repairs, restoration, etc.) over the past decades, the increasingly widespread dereliction, the marked decline in overall efficiency and condition, and the reduction in funding.

Lack of means and powers of state supervision over the protection of objects of cultural heritage in a number of cases can be compensated by means of prosecutorial oversight over the implementation of laws in this area of legal relations.

Taking into account the social significance of social relations on the protection and use of objects of cultural heritage, it seems that it is possible to distinguish prosecutorial supervision in this area, within which the function of the prosecutor's office to supervise compliance with the Constitution of the Russian Federation and the enforcement of laws is implemented, as a direction of activity of the prosecutor's office.

It is essential to recognize that the preservation of cultural heritage sites for religious purposes is not only the responsibility of States and organizations themselves, but also of individuals. Public participation, respect and responsible tourism and pilgrimage practices are vital to preserve the integrity and authenticity of these sites for future generations.

The protection of cultural heritage sites of religious significance is an ongoing challenge. It requires constant commitment, resources and cooperation at all levels. By valuing and protecting these treasures, States not only preserve their past, but also enrich their present and future. These places serve as bridges between generations, fostering cultural understanding and bringing people together through shared history and spirituality.

The process of globalization is inevitable, it affects all spheres of society, including the religious. The unification of cultural worlds does not occur without the destruction of the basic values of national cultures, can be an instrument of imposing foreign values, contributing to the spread of Western, mass culture, which becomes the cause of new disagreements of socio-cultural nature. The attempt to achieve a reasonable organization of the world order is impossible without the recognition of the identity and uniqueness of the national religious and cultural heritage of individual states and the simultaneous priority of international rules over domestic ones. Religious heritage plays an important role in the modern world, because it is nothing but traditions and history, which were formed by our ancestors, especially in the context of globalization. That is why the preservation of religious heritage is an important task for all states. In order to protect religious monuments in a territory or country, it is necessary to conduct regular research, restoration work, and to bring the results of one's activities to scientific discussion and international cooperation in this field will also play an important role.

Bibliographical list

1. Nikolaeva Yu. V., Bogoliubova N. M. Protection of cultural heritage: international and Russian experience // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 4 (21).
2. Artyukhova P. A., Chepurova M. O. Legal Basis for the Protection of Religious Cultural Heritage // Theological Bulletin of Smolensk Orthodox Theological Seminary. – 2022. – № 2. – С. 7.
3. Morozov I. K. Features of legal globalization in the modern world // Concept. – 2018. – № 9. – С. 1-6.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-220-221

ШУБНЫЙ Владислав Сергеевич

аспирант 1 курса, научная специальность 5.1.3. частно-правовые (Цивилистические) науки кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА В ЧАСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ЕГО СОБСТВЕННИКАМИ

В работе выявлены некоторые проблемы регулирования управления многоквартирными домами. Освещен вопрос места и роли управления общим имуществом многоквартирного дома. Автор предлагает конкретные способы по улучшению реализации прав собственников и членов ТСЖ и правил построения взаимоотношений кооперативов, управляющих многоквартирным домом (далее – МКД) и собственников, не являющихся его участниками. Цель исследования заключается в разработке предложений, для решения практико-теоретических проблем, связанных с управлением общим имуществом МКД в Российской Федерации. Методологическая основа исследования: используется комплекс методов научного познания, таких как: формально-юридический метод, диалектический метод, метод сравнительного анализа и т.д. Результаты исследования: выявлены некоторые способы усовершенствования законодательства в сфере общего имущества в МКД по реализации прав всех его членов. Выводы: на законодательном уровне необходимо более детально регламентировать положения главы 14 Жилищного кодекса, в части отношений, сторонами которых являются кооператив, управляющий многоквартирным домом и собственники, не являющиеся его членами.

Ключевые слова: гражданское право, жилищное право, общее имущество, многоквартирный дом, нежилое здание, жилой дом.

SHUBNY Vladislav Sergeevich

postgraduate student of the 1st course in the scientific specialty 5.1.3. private law (civilistic) sciences of Civil law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

PRACTICAL PROBLEMS OF MANAGING THE COMMON PROPERTY OF AN APARTMENT BUILDING IN TERMS OF DECISION-MAKING BY ITS OWNERS

The paper reveals some problems of regulating the management of apartment buildings. The question of the place and role of managing the common property of an apartment building should be highlighted. The author suggests specific ways to improve the implementation of the rights of owners and members of the HOA and the rules for building relationships between cooperatives, managers of MKD and owners who are not its participants. The purpose of the study is to develop proposals for solving practical and theoretical problems related to the management of the common property of an apartment building in the Russian Federation. Methodological basis of the research: a set of methods of scientific knowledge is used, such as: the formal-legal method, the dialectical method, the method of comparative analysis, etc.. Research results: some ways of improving the legislation in the field of common property in an apartment building in relation to the implementation of the rights of all its members have been identified. Conclusions: at the legislative level, it is necessary to regulate in more detail the provisions of Chapter 14 of the Housing Code, in terms of relations, the parties to which are the cooperative, the manager of the apartment building and the owners who are not members of it.

Keywords: civil law, housing law, common property, apartment building, non-residential building, residential building.

Шубный В. С.

На актуальность темы указывает следующее, жилищный кодекс (далее - ЖК) – это один из последних источников, ещё советского периода, не вступавший в законную силу на протяжении нескольких лет¹. Можно предположить, что данный факт вызван не до конца сформированным пониманием о месте жилищного права в системе российского права.

Если рассматривать права на общее имущество МКД отдельно, то его отличительной чертой является зависимость в области распоряжения вышеупомянутым имуществом. Вызвано это тем, что право на общее имущество не может быть передано отдельно от жилого и нежилого помещения в многоквартирном доме. Уникальность данных правоотноше-

ний можно дополнить тем, что они могут реализовываться посредством:

1) управляющей организации, которая выбирается и нанимается собственниками жилья;

2) управляющей организации, выбираемой на конкурсной основе представителями местных, исполнительных органов власти.

На данный момент второй способ выбирается чаще. Причиной этому является то, что граждане не желают, а иногда и не могут решить какой способ управления многоквартирным домом им подходит.

Второй фактор, на который необходимо обратить внимание в рассмотрении правоотношений в области общего имущества МКД, является множество изменений ЖК РФ. А именно факт того, что поправки были направлены в большей степени на права органов государственной власти, органов власти субъектов РФ и органов местного само-

1 Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. - 03.01.2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 14.

управления. Также вносились изменения, относящиеся к конкретным жилищным правам:

1) Более подробно освещены проблемы предоставления прав собственникам жилых помещений при изъятии государством земельных участков.

2) Освещены основные проблемы процедуры и условий по отбору управляющей организации и дальнейшее заключение договора управления на конкурсной основе.

Но, формирование рынка недвижимости, а также возможность выбора формы управления собственниками сегодня имеет множество теоретических и практических проблем. При проведении анализа по указанной теме в теории права необходимо выделяются следующие:

1) Отсутствие формально определенного и многогранного содержания таких понятий, «жилой дом блокированной застройки», «многоквартирный жилой дом».

2) В правоприменительной практике отношения между председателем и собственниками жилых помещений не редко, принятые решения действующим председателем не совпадают с интересами собственников.

3) Действующее законодательство не в полной мере предусматривает корпоративное управление МКД. То есть принятие соответствующего административного решения имеет первостепенное значение.

4) Созываемое общее собрание часто является несанкционированным.

Рассматривая первую проблему, обратим внимание на понятие «многоквартирный жилой дом» оно употребляется в федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)»². Однако, законодателем определение как «многоквартирный жилой дом» не раскрыто.

Говоря о блокированной застройке, отметим, что п. 1 ч. 2 ст. 49 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), предусматривает под объектами индивидуального жилищного строительства отдельно стоящие жилые дома с количеством этажей не более чем три, предназначенные для проживания одной семьи³. Из этого следует что, свойства объекта индивидуального строительства, охарактеризованы действующим законодательством РФ.

В то же время, исходя из смысла вышеупомянутой статьи, многоквартирный дом является жилым и в силу своей конструкции может быть как блокированной, так и неблокированной застройкой. В этом случае жилые дома блокированной застройки должны иметь выход на общественную территорию из каждого блока.

Также обратим внимание, что в соответствии с частью второй статьи 161 Жилищного кодекса РФ управление многоквартирными домами может осуществляться тремя способами.

Из указанного перечня собственники вправе выбрать только один способ, утвердив его на общем собрании.

Во-вторых, следует обратить внимание, что права членов ТСЖ на участие в управлении невелики, а информация и контроль деятельности ТСЖ ограничены.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что общее собрание собственников квартир дома не в полной мере имеет корпоративный характер. Кроме того, из-за трудностей созыва и проведения общего собрания собственников помещений в МКД, а также подсчета голосов по вопросам, поставленным на голосование, процедуры передачи выданного протокола заседания и прилагаемых документов в орган государственного жилищного надзора, замена собственников помещений в многоквартирных домах органами государственной власти. Возникает необходимость формирования более структурированной системы уведомления собственников о проведении общего собрания. Посредством создания механизма, который будет использовать дублирование отдельных методов

уведомления и в то же время хранить сообщения в доступных местах у каждого входа в дом или на участке.

Что касается созыва собрания зачастую оно несанкционированно, из-за халатного отношения собственников помещений в МКД, то есть не имеет права принимать решения. И результат подготовительных и призывных мероприятий в данном случае не имеет смысла. Кроме того, тот факт, что собрание носит несанкционированный характер, не побуждает владельцев и инициаторов во второй раз его проводить.

Из вышесказанного можно отметить, теоретически до сих пор нет однозначного представления о том, что такое управление многоквартирным домом и каков объем управленческой деятельности.

В данном исследовании рассматривается определение понятия «управление многоквартирным домом». Прежде всего, жилищный кодекс не имеет определения «управления многоквартирным домом», хотя в нем, имеется раздел, регулирующий вышеуказанные правоотношения. Более того имеются цели данной деятельности. Также обратим внимание, что в соответствии с частью второй статьи 161 Жилищного кодекса РФ управление многоквартирными домами может осуществляться тремя способами.

Из указанного перечня собственники вправе выбрать только один способ, утвердив его на общем собрании.

Проблема, которую следует проанализировать, также заключается в том, что права членов ТСЖ на участие в управлении бизнесом невелики, а информация о деятельности ТСЖ и контроль за ней ограничены.

Для решения вышеуказанных проблем следует дополнить ст. 45 ЖК РФ положением: «при проведении общего собрания в случае отсутствия нужного количества собственников, проводится повторное собрание с пониженным количеством участников». А также расширить положения главы 14 Жилищного кодекса Российской Федерации, предусматривающие возможность реализации прав членов ТСЖ на участие в общих собраниях и правила взаимоотношений между кооперативом, управляющим МКД и собственниками, не являющимися его членами. Эта форма не только побудит владельцев посещать созываемые собрания акционеров, но и даст владельцам возможность решать текущие проблемы, не блокируя их из-за нерадивых владельцев.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. - 03.01.2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 14.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 28.08.2020) // Собрание законодательства РФ. - 03.01.2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 16.
4. Бажилин В. В. Проблемы при проведении общего собрания собственников помещений многоквартирного дома // Законность. - 2014. - № 9. - С. 53-56.
5. Генцлер И. В., Прокофьев В. Ю. Концептуальные предложения по развитию института управления общим имуществом в многоквартирном доме собственниками такого имущества // Городской альманах / Под ред. Н. Б. Косаревой. - М.: Фонд «Институт экономики города», 2017. - Вып. 7. - С. 10-23.
6. Гордеев Д. П. Изменение правового статуса товариществ собственников жилья как объединения собственников жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме. Часть I // Имущественные отношения в РФ. - 2016. - № 11. - С. 74-87.

2 Ст. 75 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. - 20.07.1998. - № 29. - Ст. 3400.

3 Ст. 49 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-222-223

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, Ленинградская областная коллегия адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ИНФОРМИРОВАННОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ ПАЦИЕНТА НА ПРОВЕДЕНИЕ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Статья посвящена актуальной проблеме законодательного регулирования, которая, на первый взгляд, достаточно глубоко изучена. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении, обзор публикаций отечественных авторов свидетельствует о том, что раскрывается правовая природа информированного согласия пациента, но без внимания остается ряд аспектов, раскрывающих правовой механизм интеграции в правоотношения медицинской организации и пациента. За последние годы, учитывая возрастающую популярность пластической хирургии и появление результатов правоприменительной практики, механизм информированного согласия пациента институционализировался. Тем не менее, исследование данного вопроса остается актуальным в связи с тем, что пластическая хирургия – динамично развивающаяся отрасль медицины, в рамках которой возникают новые виды услуг, требующих детального правового изучения.

Ключевые слова: медицинские услуги, информированное согласие, договор, пластическая хирургия, инвазивные медицинские процедуры.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

lawyer, Leningrad regional lawyer association, Law firm «Pelevin and partners»

INFORMED VOLUNTARY CONSENT OF THE PATIENT TO PLASTIC SURGERY: LEGISLATIVE REGULATION, MEANING AND CONTENT

The article is devoted to the current problem of legislative regulation, which, at first glance, is quite deeply studied. Nevertheless, upon closer examination, a review of the publications of domestic authors indicates that the legal nature of the informed consent of the patient is disclosed, but a number of aspects that reveal the legal mechanism of integration into the legal relations between the medical organization and the patient remain ignored. In recent years, given the increasing popularity of plastic surgery and the emergence of the results of law enforcement practice, the patient's informed consent mechanism has been institutionalized. Nevertheless, the study of this issue remains relevant due to the fact that plastic surgery is a dynamically developing branch of medicine, within the framework of which new types of services arise that require detailed legal study.

Keywords: medical services, informed consent, contract, plastic surgery, invasive medical procedures.

Ястремский И. А.

Информированное согласие пациента затрагивает как вопросы юридического характера, так и современные тенденции биоэтики.

В обобщенном виде, информированное согласие подразумевает под собой не только согласие пациента на определенные виды медицинского вмешательства, но и информированность его о сути и рисках данного вмешательства.

В. И. Бояринова обращает внимание на тот факт, что в практике медицинских организаций, к информированному согласию относятся достаточно формально, не разъясняя пациенту все детали предполагаемых действий. Это сказывается на судебной практике, которая возникает как следствие, где именно на медицинскую организацию возлагается необходимость доказать правомерность действий в информированности пациентов [3].

Говоря же о правовой природе информированного согласия, В. И. Бояринова отмечает, опираясь на анализ ученых правоведов, что оно может быть отнесено к иным юридическим действиям, а относить его к сделкам не является целесообразным [2].

В то же время, анализ судебной практики указывает на то, что информированное согласие не является в полной мере выражением воли пациента.

История информированного согласия, как считает ряд исследователей, указывает на то, что эта практика появилась в США в 50-60-х гг. XX века и была связана с рядом проблем некачественного лечения и судебной практики компенсации

нанесенного ущерба. Принято считать, что это позволило расширить возможности пациентов корректировать и контролировать собственное лечение [7].

Содержание информированного согласия тесно связано с проблемами профессиональной медицинской этики, которое получает свою юридическую форму.

О. В. Пыжова, Т. А. Чальцева отслеживают историческую эволюцию информированного согласия пациента в России. При этом, они отмечают, что непосредственно юридическое определение датировано 1924 годом и связано с Декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» [9].

Широкое распространение пластической хирургии и эстетической медицины способствовало тому, что данная проблематика стала острее для общества.

Исследователи отмечают все большую экспансию эстетического отношения к собственному телу как к характерной потребности современного человека, что сравнимо с влиянием современных электронно-цифровых технологий [8].

Это свидетельствует о том, что определенные социально-этические границы, которые были связаны с пластической хирургией, были преодолены и сделали ее обычной практикой. Тем не менее, вопросы правового регулирования по-прежнему остались открытыми, в связи с тем, что индустрия пластической хирургии – динамичная система, представляющая новые виды услуг.

Пластическая хирургия, безусловно, относится к инвазивным медицинским процедурам, то есть предусматривает воздействие на тело человека хирургическим путем.

С. В. Горovenko рассматривает проблему с точки зрения административных правонарушений.

Он обращается к части 1 статьи 6.32 Кодекса об административных правонарушениях РФ, выявляя, что существует две формы выражения противоправного деяния, а именно, непредоставление пациенту всей полноты информации и осуществление непосредственно медицинского вмешательства без получения информированного согласия пациента [4].

Безусловно, в случае тяжелых последствий для организма человека, вызывающих нарушение трудоспособности или смерть, возникает основание для уголовной ответственности.

В. В. Сергеев, Е. В. Горлова, проанализировав нормативно-правовую базу, результаты судебной практики и теоретические подходы ученых-правоведов, пришли к выводу о том, что существует алгоритм информирования пациента, включающий в себя три этапа:

1) определение методов оказания медицинской помощи и их разъяснение пациенту;

2) предоставление наиболее полной информации о рисках, которые возникают в результате медицинского вмешательства;

3) определение надлежащего объема медицинских услуг и мер предотвращения рисков [10].

По мнению автора, прикладной задачей является установление достаточности информирования и документального подтверждения о достаточности информирования пациента.

В практике пластической хирургии, которая относится к коммерческому сегменту здравоохранения, проблему информирования пациента частично решает договор, который содержит соответствующие разделы, а также приложения.

В то же время, информированное согласие – отдельный документ.

Даже сравнивая отечественную и зарубежную практику, отмечается, что судебные споры возникают в заявительном порядке, так как большинство пациентов не обращаются в правоохранительные органы, если медицинское воздействие без информированного согласия не имело тяжелых последствий для организма. Это затрагивает как опыт России, так и опыт США, где в результате прецедента в Калифорнийском апелляционном суде в 1957 году, который подтвердил виновность медицинского специалиста в случае утаивания им фактов, определяющих осознанное согласие пациента на медицинское вмешательство [5].

Широкое распространение цифровизации, которое, с одной стороны, позволяет пациенту заранее детально ознакомиться с предстоящей процедурой и ее обстоятельствами, также вносит и свои противоречия, связанные с трудностями признания или непризнания электронной подписи, договора, заключенного в дистанционном режиме и его юридической силы.

Также проблемы связаны с регулированием частного сектора медицины.

С точки зрения экономики, здравоохранение является частью рынка услуг. Медицинские услуги, в самой узкой интерпретации понимаются как лечение (терапия), в то же время, медицинская услуга в своей структуре имеет также консультирование, лекарственные препараты, медицинское оборудование и др., то есть медицинская услуга представляет собой процесс взаимодействия потребителя (пациента) и специалиста (врача), направленный на улучшение и сохранение здоровья.

Определение конкуренции медицинской услуги интерпретируется с позиции как ее стоимости, так и потребительских характеристик [6].

Как представляется, сложившаяся ситуация на российском рынке медицинских услуг указывает на необходимость разработки и внедрения новых подходов.

Отдельно следует обратить внимание на проблемы качества услуг в здравоохранении, так как качество является ключевой категорией в управлении конкурентоспособностью частных медицинских учреждений.

качественной категорией в управлении конкурентоспособностью частных медицинских учреждений.

Качество медицинской услуги, прежде всего, должно отвечать критериям безопасности.

М. Авотиня, рассматривая вопросы судебно-медицинской экспертизы в пластической хирургии, приходит к выводу, что информированное добровольное согласие является основой любого медицинского вмешательства, ссылаясь на Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1].

Значение информированного согласия для проведения медицинских процедур в области пластической хирургии не вызывает никаких сомнений.

Обращают на себя внимание ряд аспектов, таких как содержание информированного согласия, процедура его предоставления, применение в судебной практике.

Пристатейный библиографический список

1. Авотиня М. Судебно-медицинская экспертиза в оценке качества услуг эстетической пластической хирургии. – М.: Национальный институт медицинского права // Медицинское право: теория и практика. – 2022. – № 3-4 (17-18). – С. 11-17.
2. Бояринова В. И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 115–124.
3. Бояринова В. И. Правовое значение информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 66–74.
4. Горovenko С. В. Административная ответственность за нарушение требований законодательства о получении информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Юридическая наука и правоохранительная практика. – № 2(48). – 2019. – С. 44–51.
5. Казакова Е. Б., Зимина М. Ю. Доктрина информированного согласия пациента: сравнительно-правовой анализ зарубежной и российской медицинской и юридической практики // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2014. – № 1(5).
6. Карпов О. Э., Субботин С. А., Шишканов Д. В., Замятин М. Н. Цифровое здравоохранение. Необходимость и предпосылки // Врач и информационные технологии. – № 3. – 2017. – С. 6–22.
7. Кургузов А. О., Магомедов И. М. Информированное согласие пациента: проблема стандартизации // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16717> (дата обращения: 13.04.2023).
8. Попова О. В. Этика, эстетика, анестезика в контексте развития пластической хирургии // Вопросы философии. – 2017. – № 4.
9. Пыжова О. В., Чальцева Т. А. Информированное согласие пациента в советской системе здравоохранения: от этической теории к медицинской практике // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 2-4. – С. 14–27.
10. Сергеев В. В., Горлова Е. В. Информирование о риске, связанном с методами оказания медицинской помощи // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 65–70. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-65-70>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-224-226

АВДЕЕВА Яна Викторовна

председатель судебного состава, судья Арбитражного суда Тюменской области в отставке

ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ДАЧЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В данной статье автор рассматривает актуальную в рамках арбитражного процесса проблему фактического изменения норм арбитражно-процессуального права уполномоченными органами в рамках реализации своих полномочий по даче разъяснений по вопросам судебной практики. Автор акцентирует внимание на последствиях расширительного применения правовых подходов, сформулированных при осуществлении обозначенных полномочий по толкованию источников права, отмечает предпочтительность при их применении учета казуальных связей.

Ключевые слова: разъяснения по вопросам судебной практики, зачет встречных требований, встречный иск, возражения на иск, более выгодное процессуальное положение, злоупотребление процессуальным правом, принципы арбитражного процесса, задачи судопроизводства в арбитражных судах, нормы судебной нагрузки.

AVDEEVA Yana Viktorovna

Chairman of the judiciary, judge of the Arbitration Court of the Tyumen Region

THE PROBLEM OF CHANGING THE PROCEDURAL NORMS OF THE ARBITRATION PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION BY THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE EXERCISE OF ITS POWERS TO PROVIDE CLARIFICATIONS ON ISSUES OF JUDICIAL PRACTICE

In this article, the author considers the issue of the arbitration process of factually changing the norms of arbitration procedural law by authorities by exercising their powers to provide clarifications on issues of judicial practice. The author focuses on the consequences of the broad application of the legal approaches reflected in the exercise of the designated powers to interpret the sources of law, notes the preference for their application of taking into account causal relationships.

Keywords: clarifications on issues of judicial practice, set-off of counterclaims, counterclaim, objections to a claim, more favorable procedural position, abuse of procedural law, principles of the arbitration process, goals of legal proceedings in arbitration courts, norms of judicial workload.

Авдеева Я. В.

Как следует из положений ст. 126 Конституции Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации, помимо того, что является высшим судебным органом, он также осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики [1].

Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» в подпункте 1 части 7 статьи 2, устанавливающей полномочия Верховного Суда Российской Федерации, также определяет, что Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения.

Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», часть 4 статьи 170 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) изложена в редакции, включающей следующее установление о том, что ссылки на постановления как Пленума либо Президиума Верховного Суда Российской Федерации, так и сохранившие силу постановления Пленума либо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, касающиеся вопросов судебной

практики, а также и ссылки на обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, которые были утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации – могут быть включены в мотивировочные части решений.

Согласно положениям ст. 132 АПК РФ, до момента принятия арбитражным судом первой инстанции судебного акта по существу разрешения спора, ответчик обладает правом заявления встречного иска с целью рассмотрения его совместно с иском первоначальным [2].

При этом, встречный иск может быть предъявлен исключительно с соблюдением общих правил предъявления исков (часть 2 статьи).

Согласно части 3 данной статьи встречный иск подлежит принятию арбитражным судом при наступлении следующего: 1) требование встречного иска может быть предъявлено к зачету первоначального требования; 2) в случае удовлетворения встречного иска наступает ситуация, влекущая за собой невозможность удовлетворения полностью либо частично первоначального иска; 3) между исками наличествует взаимосвязь при том, что рассмотрение их в рамках одного дела будет способствовать экономии времени рассмотрения спора и повышению критерия правильности рассмотрения дела.

Арбитражный суд обязан со ссылкой на положения статьи 129 АПК РФ возратить встречный иск в случае, если ист-

цом по встречному иску не были соблюдены перечисленные в части 3 рассматриваемой статьи условия (часть 4 статьи).

Важно заметить также то, что частью 6 данной статьи предусмотрено рассмотрение дела с самого начала после того, как встречный иск был принят арбитражным судом.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» в абзаце втором пункта 19 изложены разъяснения, согласно которым даже после того, как предъявлен иск по одному из требований, обязательства также подлежат прекращению зачетом. При этом, сторона, по своему выбору имеет право заявить о зачете как путем предъявления встречного иска (статья 132 АПК РФ), так и посредством изложения его в своих возражениях на иск, поскольку суд обязан рассмотреть юридические и фактические основания требований о зачете равным образом (часть 1 статьи 64, части 1 - 3.1 статьи 65, часть 7 статьи 71, часть 1 статьи 168, части 3, 4 статьи 170 АПК РФ). Кроме того, после того как был предъявлен иск, ответчик имеет правовые основания для направления истцу заявления о зачете с указанием в отзыве на иск на то, что требование первоначального иска уже прекращено зачетом.

Применение указанных положений на практике, на взгляд автора статьи, привело к фактическому нивелированию положений кодифицированного федерального процессуального закона Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ), установленных статьями 4 (части 5), 49, 101, 132 АПК РФ, что выразилось в следующем.

Так, ответчик, как менее заинтересованная сторона судебного разбирательства (исходя из того, что инициатором судебного обращения являлся истец) в отличие от истца, который в силу установленных статьями 125, 126 АПК РФ обязан, в числе прочего, представить суду: - представить доказательства того, что им соблюден претензионный либо иной досудебный порядок (пункт 8 части 2 ст. 125, пункт 5 статьи 4); - подтверждение вручения либо направления иным участникам дела копий как самого иска, так и документов, составляющих приложение к иску и при этом, отсутствующих у этих лиц, даже, если иск подан в суд в электронном виде (пункт 1 части 1 ст. 126 в ред. Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ); - доказательства того, что истцом надлежащим образом произведена оплата государственной пошлины либо того, что истец имеет право и ходатайствует об этом перед судом о предоставлении ему отсрочки или рассрочки уплаты пошлины или просит об уменьшении ее размера (статья 101, пункт 2 части 1 ст. 126) – ставится в более выгодное процессуальное положение относительно истца.

ставится в более выгодное процессуальное положение относительно истца.

В этой связи необходимо иметь ввиду также то обстоятельство, что данное положение дел на практике приводит к злоупотреблению ответчиком своими процессуальными правами, поскольку наделяет его инструментом для затягивания судебного разбирательства, предоставляет возможность оказывать давление на спорящего оппонента без каких-либо последствий. В частности, в данном случае для ответчика, заявившего о своих встречных требованиях в отзыве на иск (например, о наличии права взыскания в его пользу с истца неустойки либо убытков), которые после дачи судом оценки их обоснованности были признаны несостоятельными, не наступают такие последствия, как для истца (в том числе истца по встречному иску) при отказе в иске, когда бремя оплаты государственной пошлины, иных судебных расходов, возлагается на неправую сторону, поскольку обязательства по оплате государственной пошлиной содержащихся в возражениях требований на ответчика, как на возражающую сторону, не возложены.

Как фактор злоупотребления правом представляется возможным рассматривать и освобождение возражающего ответчика от сбора доказательств до передачи спорного вопроса на рассмотрение суда, поскольку в случае подачи иска, встречного иска (предметом которого являются правоотношения контрагентов вне рамок договорных обязательств первоначального иска) в большинстве случаев договорных споров обязательен досудебный порядок, в рамках которого определяются позиции сторон, становятся очевидными обстоятельства на которых контрагенты основывают свои утверждения. В исследуемой ситуации, указанный процесс вынуждено происходит уже в ходе судебного разбирательства, причем зачастую, после завершения подготовки дела для его рассмотрения по существу.

Очевидно, что при закреплении такой диспозиции в процессуальной арбитражной практике, институт встречного иска в нормативно-правовом смысле АПК РФ обречен на утрату востребованности в силу лишения такого правового инструмента защиты права преимуществ (как временных, так и материальных) перед таким способом защиты своих прав, как заявление возражений в отзыве на иск.

Данное положение дел в целом, приводит к умалению одного из основополагающих принципов арбитражно-процессуального закона, такого, как равноправие сторон, изложенного в статье 8 АПК РФ, согласно части 1 и 2 которой судопроизводство в арбитражном суде осуществляется на основе равноправия сторон. Стороны пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление арбитражному суду своих доводов и объяснений, осуществление иных процессуальных прав и обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом.

Гук В. А., отмечая в своей статье «Закрепление принципа состязательности и равноправия сторон в нормах, регулирующих гражданское судопроизводство», что в любой отраслевой теории судопроизводства принято классифицировать принципы правосудия на конституционные, межотраслевые и отраслевые, настаивает на той позиции, что, будучи включенным в текст Конституции, принцип состязательности и равноправия сторон приобрел конституционный характер и, соответственно, силу Конституции РФ – высшую юридическую силу. Никакие изменения текущего законодательства не могут исключить его из процесса или изменить его конституционно-правовой смысл [3].

Более того, указанные обстоятельства имеют иные последствия для самого процесса отправления правосудия, а именно: отсутствие при заявлении рассматриваемых возражений ответчика возможности начать рассмотрение дела с самого начала, в отличии от ситуации принятия судом встречного иска, когда на законодательном уровне суду предоставлена возможность продления сроков рассмотрения дела. Вместе с тем, пунктом 3 ст. 2 АПК РФ в качестве одной из задач судопроизводства в арбитражных судах определено обеспечение справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Также в отличии от ситуации рассмотрения споров по первоначальным и встречным требованиям, зафиксировать статистически возрастание нагрузки на рассматривающего такое дело судью не представляется возможным, хотя при распространении такой практики, судья, принявший первоначальный иск с одним требованием, в ходе судебного разбирательства вынужден разрешать не один спор по одному правоотношению сторон (договору, сделке, деликту), а по нескольким спорам, иногда хотя и по денежным, но не связанным между собой правоотношениями сторон (например, по нескольким договорам как односторонним, так и различным,

которые существовали между истцом и ответчиком в период, предшествующий судебному спору).

Между тем, в итоговом Постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» съезд определил своей целью обеспечить реализацию такого конституционного права, как право на судебную защиту прав и свобод, в рамках достижения которой указал на необходимость закрепления на законодательном уровне норм судебной нагрузки, которые, в свою очередь, основывались бы на научных разработках и, одновременно, были адаптированы к современным реалиям. По мнению съезда, это позволило бы установить в законодательстве о бюджете на федеральном уровне нормативы штатной численности и судей и работников аппаратов судов, достичь необходимого уровня финансирования судебной системы.

Вместе с тем, съезд отметил, что достижение цели снижения судебной нагрузки только за счет увеличения штатной численности судей и работников аппарата судом не может быть признано отвечающим критериям рациональности и финансовой экономии. Очевидна необходимость применения комплексного подхода, который включал бы в себя совершенствование процессуального законодательства.

По мнению автора статьи, рассматриваемое в данном случае в качестве сложившейся практики рассмотрение возражений ответчиков, заявленных в ходе судебных разбирательств по предъявленным к ним искам, в качестве самостоятельных и полноценных (с точки зрения арбитражного процесса) судебных споров - не может быть процессуально оправдано целью определения судом завершающей обязанности сторон при прекращении договорных отношений полностью либо их отдельного этапа. Необходимость установления такого рода сальдирования взаимных обязательств без подачи встречного иска при рассмотрении споров в общеисковом порядке, когда истцом является кредитор, находящийся в процедуре банкротства, отражена в многочисленной практике ВС РФ, предшествующей исследуемой позиции ВС РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744 по делу № А75-7774/2018). Указанный подход обоснован предотвращением рисков получения организацией-банкротом в конкурсную массу денежных средств (для распределения ее между всеми остальными кредиторами и последующей ликвидации такой организации) при возможности установления в ходе судебного спора неравноценности осуществленного такой организацией встречного предоставления ответчику.

В отличие от ситуации, когда один из контрагентов находится в стадии прекращения своей деятельности путем реализации процедур банкротства, подавляющее большинство арбитражных споров, вытекающих из гражданских правоотношений, поданных в общеисковом порядке, не преследуют своей целью финализацию правоотношений сторон и в любой момент, как в ходе судебного процесса, так и после его завершения спорные правоотношения могут быть возобновлены, изменены, произведена новация (обязательств) либо иное, что само по себе способствует реализации такой задачи судопроизводства в арбитражных судах, как содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному урегулированию споров, формированию обычаев и этики делового оборота (пункт 6 ст. 2 АПК РФ).

Объективно более предпочтительным является такое разрешение спорной ситуации судом, когда после вынесения судебного акта для сторон конфликта возможность продолжения делового сотрудничества сохраняется. В этой связи, автор полагает справедливыми утверждения Новикова Н. А.

о том, что выражение «Худой мир лучше доброй ссоры» действует и в правовой плоскости [4].

Таким образом, смещение баланса интересов в сторону ответчика (должника) не может быть расценено как направленное на обеспечение принципа равенства всех организаций перед законом и судом независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, подчиненности, места нахождения и других обстоятельств, декларированного в части 1 статьи 7 АПК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что практические последствия реализации Верховным Судом Российской Федерации своих полномочий в сфере разъяснений по вопросам судебной практики, могут приобрести такой вектор воздействия, который повлечет возникновение препятствий в достижении единого понимания в совокупности с нормативным закреплением основополагающих принципов, регулирующих гражданское судопроизводство, принцип единства правового регулирования, а также может привести к нивелированию значения нормативно закрепленных правовых инструментов, к росту судебной нагрузки, уменьшению доверия общества к суду в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2023).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
3. Гук В. А. Закрепление принципа состязательности и равноправия сторон в нормах, регулирующих гражданское судопроизводство // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 4 (38). – С. 25-27.
4. Новиков Н. А. Судебное примирение в арбитражном судопроизводстве: теория и практика // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 5. – С. 46-53.

ЕРМАКОВА Елена Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЭРБУТАЕВА Зарина Комиловна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СПОРОВ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

Статья посвящена изучению внедрения новых цифровых технологий, таких как блокчейн, NFT и смарт-контракт в судопроизводство по частноправовым спорам. Авторами приведены определения таких понятий как «блокчейн», «NFT» и «метавселенная». Кроме того, в статье изучены недавно появившиеся в США, Англии и КНР судебные прецеденты использования технологии блокчейн и NFT в судопроизводстве. В результате проведенного исследования, авторами сделан вывод о том, что технологии блокчейна – довольно эффективные инструменты, способные упростить ряд процессуальных действий в суде.

Ключевые слова: блокчейн-технология, цифровые споры, метавселенная, NFT, арбитражный процесс, гражданский процесс, платформенное правосудие, право виртуальной реальности.

ERMAKOVA Elena Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ERBUTAIEVA Zarina Komilovna

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN RESOLVING PRIVATE LAW DISPUTES: MYTH OR REALITY?***

The article is devoted to the study of the introduction of new digital technologies such as blockchain, NFT and smart contract in private law disputes. The authors provide definitions of such concepts as "blockchain", "NFT" and "metaverse". In addition, the article examines recent judicial precedents for the use of blockchain and NFT technology in legal proceedings that have appeared in the United States, England and China. As a result of the study, the authors concluded that blockchain technologies are quite effective tools that can simplify a number of procedural actions in court.

Keywords: blockchain technology, digital disputes, metaverse, NFT, arbitration process, civil process, platform justice, virtual reality law.

I. ВВЕДЕНИЕ

Блокчейн, NFT, смарт-контракт и другие цифровые технологии, появившиеся в результате стремительной цифровизации, очень быстро стали популярны во всем мире. Сегодня мы можем наблюдать пик розничной онлайн-торговли на таких платформах, как «eBay», «Amazon» (США), Taobao (КНР), сделки по которым полностью опосредуются блокчейн-технологией, так называемых самоисполняющихся соглашений – смарт-контрактов [1]. Кроме того, среди коллекционеров и ценителей искусства широкое распространение получило использование NFT. Нет смысла отрицать, что цифровизация кардинально изменила общественные отношения. Цифровая экономика требует быстрого адаптивирования под нее окружающей среды, готовой к использованию

новых технологий, и цифровизация судопроизводства – не исключение. Уже сегодня некоторые информационные технологии активно применяются в государственных и третейских судах. Существуют инновационные приложения (такие как Cryptonomica, Juris, SAMBA, Aragon, BitCad, CrowdJury, Confideal, Jur, Kleros, Oath) которые, основываются на технологии блокчейн, и предполагают создание децентрализованной квазисудебной системы урегулирования споров [2].

Однако, несмотря на тот факт, что новые цифровые технологии, в частности блокчейн, NFT уже применяются некоторыми судами при разрешении споров, возникающих между пользователями метавселенной, некоторые юристы не имеют даже общего понимания о том, как интерпретировать такие понятия как «блокчейн», «NFT», «смарт-контракт» и «метавселенная» и как их можно использовать в судебном процессе.

II. ПОНЯТИЯ «БЛОКЧЕЙН», «NFT», «СМАРТ-КОНТРАКТ» И «МЕТАВСЕЛЕННАЯ»

1. БЛОКЧЕЙН

Понятие блокчейна пришло к нам из криптографии. Блокчейн представляет собой децентрализованный, неиз-

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

меняемый цифровой реестр совершенных его участниками транзакций. Другими словами, блокчейн-это своеобразная «база данных» которая хранит информацию обо всех совершенных на ней транзакциях. Блокчейн характеризуется высоким уровнем надежности, потому что обладает рядом преимуществ основными из которых являются: децентрализация, неизменность, прозрачность. Рассмотрим каждое из них подробнее.

А. Децентрализация

Первым преимуществом технологии блокчейн является децентрализация. Децентрализация технологии заключается в том, что работоспособность системы поддерживается всеми участниками, и они равны в правах пользования системой. Сама суть технологии делает невозможным существование какого-либо центра управления транзакциями. Технология блокчейн гарантирует, что ни одно лицо не может контролировать, отменять или приостанавливать совершаемые участниками транзакции, потому что цифровая копия реестра всех транзакций постоянно доступна каждому блокчейн-пользователю.

В. Неизменность

Второй ключевой характеристикой блокчейн-технологии является ее неизменность, которая заключается в том, что из-за множественного копирования реестра среди всех пользователей фактически отпадает возможность подменить, откорректировать или удалить информацию. Распределенный среди участников реестр защищен так называемой структурой шифрования «Дерева Меркла», согласно которой каждый вновь появляющийся блок включает в себя предыдущий, и в случае, если один из участников решит внести изменения в транзакцию это отразится на всей системе, участники быстро узнают о такой попытке и откажут в одобрении транзакции.

С. Прозрачность

Прозрачность блокчейна заключается в том, что каждый пользователь имеет доступ ко всему реестру, который содержит в себе информацию обо всех совершенных транзакциях (включая самую первую). Поэтому любой участник может в любое время проверить была ли совершена та или иная транзакция между двумя адресами.

Д. Анонимность

Некоторые ученые выделяют в качестве еще одного преимущества блокчейна – *анонимность*. Блокчейн-технология обеспечивает в случае необходимости анонимные транзакции. Обеспечивается эта возможность с помощью кодирования специальным закрытым ключом.

Однако вопрос безусловной анонимности зашифрованной транзакции – спорный. Так, в США есть несколько дел в процессе разрешения которых адвокаты отмечали: «Блокчейн-транзакции часто называют анонимными или, по крайней мере, псевдонимными, но так ли это на самом деле? По крайней мере, для некоторых пользователей частью привлекательности использования криптовалюты является воспринимаемая анонимность, которую она, по-видимому, предлагает. Но все чаще судебные решения и правоприменительная деятельность правительства показывают, что это восприятие ошибочно.

Индустрия инструментов анализа блокчейна теперь позволяет правительствам и сторонам в споре анализировать транзакции на блокчейне и во многих случаях проследить их до идентифицируемого пользователя, даже если такие пользователи предприняли шаги для сокрытия своей личности. Последние события показывают, как суды и правоприменительные органы используют эту технологию» [3].

2. NFT

Согласно определению, предложенному российскими учеными NFT (или невзаимозаменяемый токен) представляет из себя единицу учета, с помощью которой создается цифровой слепок для любого уникального предмета. Такими предметами могут быть картины, фотографии, песни и любой другой предмет, обладающий качеством уникальности.

NFT выступают ценным предметом цифрового искусства и пользуются особым спросом среди коллекционеров. NFT продаются в метавселенной посредством открытых торгов, а сделки их купли-продажи опосредуются смарт-контрактами. NFT хранятся на блокчейне, и соответственно информация о них расположена в цепочке транзакций блокчейна, является децентрализованной, неизменной и прозрачной. Поэтому приобретение NFT — это публичное заявление о своем праве на соответствующий уникальный токен.

Пик популярности NFT наступил в 2021 года, когда, по данным специалистов-аналитиков JPMorgan ежемесячные продажи цифровых токенов поднялись до уровня \$2 млрд, а общая рыночная капитализация вселенной «NFT» - до \$7 млрд [4].

Появление NFT в искусстве кардинально изменило подход к защите прав интеллектуальной собственности. Блокчейн-технология, опосредующая существование NFT –токенов предоставила «авторам возможность без агентов и посредников реализовывать цифровые произведения, а также получать выгоду с каждой их последующей продажи на вторичном рынке» [5].

3. СМАРТ-КОНТРАКТ

Смарт – контракт представляет собой необратимое соглашение, заключенное пользователями распределенного реестра посредством использования серии логических утверждений «если – то»

В первые концепция работы смарт-контракта предложена Ником Сабо, в 1994 году он интерпретировал смарт-контракт как «запрограммированный протокол, который выполняет условия соглашения сторон», как «как представленный в компьютерной программе набор обязательств между сторонами, включающий в себя условия исполнения этих обязательств» [6].

Для описания принципа функционирования смарт-контракта Сабо привел пример работы торгового автомата. Владелец автомата заранее устанавливает условия его работы («если покупатель внесет X монет, автомат выдаст ему Y товар») и автомат выдает желаемый товар только в случае соблюдения всех условий. Автомат не используется для других функций, но, если использовать ее по назначению, он всегда выдаст определенный продукт при внесении определенного количества монет, казалось бы, что это преимущество, однако, уверенность в функционировании автомата, ограничива-

ется доверием к его владельцу. Недобросовестный владелец автомата может внести изменения в условия его функционирования (например, «если покупатель вносит X монет, автомат высвечивает на табло «спасибо»»). Машина, не станет выдавать товар даже при внесении нужного количества монет, если условиями ее работы это не предусмотрено.

Сегодня воплощением идеи смарт-контракта является принцип работы любого сервиса такси (например, Яндекс. такси, Ситимобил или Uber). Приложение, с помощью которого пользователь осуществляет поиск и вызов машины является своеобразным посредником между пользователем и водителем, который в свою очередь заключают договор оказания услуг перевозки. Приложение обеспечивает исполнение сторонами обязательств по договору перевозки. Водитель – принимает на себя обязательство оказать пользователю услугу по перевозке до указанного заранее места, а пользователь – оплатить заранее выставленную приложением цену за оказанную услугу. После доставки водителем пользователю до места назначения, происходит автоматическая оплата оказанной услуги с помощью приложения [7].

Технология блокчейн предложила решение проблемы доверия к владельцу программы, который может изменить условия ее использования. Смарт-контракты, реализуемые с помощью использования распределенного реестра, не требуют наличия надзорной инстанции, которая будет осуществлять контроль за ними, тем самым увеличивая скорость исполнения обязательств сделки, уменьшают риски, связанные с недобросовестными действиями сторон.

Несмотря на свое название, смарт-контракт отличается от любых известных контрактов, потому что он представляет собой самоисполняющуюся часть компьютерного кода. В этой связи, совершенно логично, что споры, возникающие из смарт-контрактов, обладают особой спецификой и непохожи на традиционные договорные споры, как и механизмы их разрешения.

Существует два подхода к разрешению вопроса, о том, каким образом разрешать споры, возникающие из смарт-контрактов:

1) безблокчейновый арбитраж, который предусматривает возможность рассмотрения споров, возникающих из смарт-контрактов третейскими судами, при руководстве уже существующими правилами рассмотрения споров;

2) блокчейн-арбитраж, предполагающий создание инновационных приложений, которые, как и сам смарт – контракт основываются на технологии блокчейн, и, как отмечает Засемкова О. Ф., предполагают создание децентрализованной квазисудебной системы урегулирования споров [2].

4. МЕТАВСЕЛЕННАЯ

В результате цифровизации виртуальная реальность вышла далеко за границы игрового мира. Складывающаяся сегодня парадигма предусматривает возможности, позволяющие обладать собственностью в виртуальном мире, и получать реальные ресурсы [8].

Согласно мнению российских экономистов метавселенная представляет их себя взаимодействие физической, дополненной и виртуальной реальности в общем онлайн-пространстве.

Российский ученый А. Измайлова отмечала, что метавселенная представляет собой новую экономическую систему, которая даст возможность членам общества создавать, обменивать, распоряжаться и потреблять товар в виртуальном пространстве. Это новый виток развития экономики, который указывает на разрастающееся внимание к децентрализованным системам и способам взаимодействия с помощью цифровых активов. [9].

III. СУДЕБНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛОКЧЕЙ-ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.

То, что казалось невозможным для судебного процесса еще 5-10 лет назад, сегодня становится реальностью. Это подтверждается активно формирующейся судебной практикой.

Как мы отмечали, транзакции блокчейн-сети могут быть анонимными. И в случае недобросовестности зашифрованной стороны транзакции в судебном процессе возникает как минимум две проблемы:

1) Как идентифицировать анонимного ответчика?

2) Каким образом уведомлять анонимного о судебных слушаниях и передавать процессуальные документы?

Вопрос идентификации личности анонимного ответчика разрешен в деле *U.S. v. 280 Virtual Currency Accounts (2020, США)*, где Правительство США смогло идентифицировать неизвестных северокорейских субъектов, взломавших виртуальные валютные биржи с помощью аналитики блокчейна - Technology Assisted Review (TAR). TAR – это процесс выявления из большого массива документов – тех, которые могут иметь отношение к делу. Исследование производится с помощью специальной компьютеризированной системы, использующей человеческие суждения.

Для расследования киберпреступлений Правоохранительные органы США привлекают сторонних специалистов, оказывающих услуги по анализу блокчейна. **Мировой судья США Зии Фаруки (Magistrate Judge Zia Faruqi) меморандумом от 08.02.2022 года** поддержал указанный способ анализа блокчейна и признал его надежным доказательством в подобных делах.

Проблема уведомления анонимного ответчика впервые в судебной практике была разрешена в феврале 2022 года Судом первой инстанции города Нью-Йорк в рамках рассмотрения дела *LCX AG vs. John Doe (2022, США)*, по которому Истец просил суд заморозить украденные ответчиком цифровые активы на сумму около 1,3 млн долларов США.

Суд первой инстанции вынес судебный приказ (от 6 февраля 2022 года), разрешающий послать неизвестному ответчику электронное уведомление в виде NFT.

2 июня 2022 года Верховный суд штата Нью Йорк оставил приказ суда первой инстанции по делу LCX AG vs. John Doe в силе и вынес судебный акт, которым официально разрешил адвокату истца вручать процессуальные документы по делу неизвестному лицу или лицам, контролирующим адрес блокчейн-кошелька ответчика, через невзаимозаменяемый токен (NFT), содержащий гиперссылку на заранее созданный адвокатом сайт, где им были размещены необходимые для вручения ответчику процессуальные документы.

Кроме того, указанная гиперссылка при открытии помогала отследить открывшее ее лицо, и тем самым, способствовала его идентификации неизвестного ответчика.

Дело LCX AG vs. John Doe стало переломным в судебной практике и подтвердило возможность использования блокчейн-технологий (в частности NFT) в судебном процессе.

В последствии по аналогичным делам суды стали признавать законным и даже единственно возможным способом уведомления неизвестного ответчика - уведомление с использованием NFT.

В след за судебными актами США, Высокий суд Англии и Уэльса в деле *Fabrizio D'Aloia v. Persons Unknown, Binance Holdings Ltd. and Others (2022)* подтвердил право стороны процесса использовать NFT в качестве средства, способствующего вручению советуемого уведомления неизвестному ответчику. Истец по делу (Fabrizio D'Aloia) заявлял о том, что стал жертвой мошеннических действий неизвестного лица или группы лиц. Fabrizio D'Aloia – является разработчиком игровой онлайн-платформы Microgame и в жалобе он утверждал, что перевел цифровые активы в общем размере на 2,1 млн долларов неизвестному лицу или группе лиц, которые только представились американской торговой онлайн-платформой TD Ameritrade, а на самом деле оказались мошенническими, которым удалось вывести цифровые активы на внешний кошелек. Специалисты предполагают, что те, кто стоит за преступлением, использовали платформу для того, чтобы имитировать брокерскую деятельность и обмануть ничего не подозревающих инвесторов.

Напомним, что в Соединенном Королевстве надлежащим способом вручения процессуальных документов считается нарочная передача или отправка почтой первого класса, а электронные уведомления разрешены только в случае получения от стороны, которой будет оказано обслуживание, или ее адвоката письменного согласия обслуженными такими средствами.

В этой связи в рассматриваемом деле существовала серьезная процессуальная проблема, ведь единственным вариантом для истца вручить документы по иску ответчику был вариант направить эти документы на тот же кошелек, куда были переведены активы.

Будучи удовлетворенным доказательствами невозможности отправить уведомление ответчику традиционным способом суд вынес Приказ, которым разрешил истцу направлять неизвестным ответчикам документы по делу с помощью использования NFT.

Таким образом, в Соединенном Королевстве появился первый прецедент, разрешающий использование NFT в судебном процессе.

IV. ВЫВОДЫ

1. Цифровая экономика требует быстрого адаптирования под нее окружающей среды, готовой к использованию новых технологий, и цифровизация судопроизводства – не исключение.

2. То, что казалось невозможным для судебного процесса еще 5-10 лет назад, сегодня становится реальностью. Это подтверждается активно формирующейся судебной практикой.

Технологии блокчейна - довольно эффективные инструменты, способные упростить ряд процессуальных действий в суде.

Пристатейный библиографический список

1. Ermakova E. P. Blockchain, metaverses and NFT in civil procedure and arbitration in Russia, China and USA // RUDN Journal of Law. – 2023. – Vol. 27. – № 1. – P. 148-165. – DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-1-148-165. – EDN RIGRJN.
2. Засемкова О. Ф. (2020). О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex russica. – 2020. – Т. 73. № 4. – С. 9-20.
3. Schwinger R. (2022) Anonymous no more: Blockchain analytics in the court// nortonrosefulbright // New York Law Journal. – May 24, 2022. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.nortonrosefulbright.com/-/media/files/nrf/nrfweb/knowledge-pdfs/us_42855_reprint-pdf_anonymous-no-more_blockchain-analytics-in-the-courts_r3.pdf?revision=ef9df8dc-2175-441c-a1a5-67495ce2ef38&revision=ef9df8dc-2175-441c-a1a5-67495ce2ef38.
4. NFT and Metaverses: How can economies unite and digitalize? // Habr. 31.01.2022. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/648755/> [Accessed 14.11.22]. (In Rus).
5. Brisov Yu. V., Pobedkin A. A. The legal regime of NFT (nonfungible taken) in Russia: how to work in the absence of special legislative regulation? // Digital Law. – 2022. – Vol. 3. – № 1. – P. 44-66. – DOI 10.38044/2686-9136-2022-3-1-44-66. (In Rus).
6. Szabo N. Smart Contract Glossary // University of Amsterdam. – 1995. – P. 31.
7. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf.
8. NFT and Metaverses: How can economies unite and digitalize? // Habr. –31.01.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/648755/> [Accessed 14.11.22]. (In Rus).
9. Izmailova A. A. Metaverse as a new economic system // Modern Economy Success. – 2021. – № 6. – P. 175-179. (In Rus).

КОТОВ Иван Андреевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, юрист коллегии адвокатов г. Москвы «Старинский и партнеры»

БАШИЛОВ Борис Игоревич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, старший партнер юридической фирмы «Башилов, Носков и Партнеры»

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СУДЕБНОЙ НЕУСТОЙКИ К КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ: PRO ET CONTRA*

В статье рассматриваются вопросы взыскания судебной неустойки (астрента) в спорах, вытекающих из корпоративных правоотношениях, на основании арбитражной судебной практики. Авторы приходят к выводам о допустимости ее взыскания в указанных спорах по неимущественным требованиям, несмотря на то что суды формально относятся к указанному институту по причине отсутствия в законодательстве и судебной практике единых критериев определения ее размеров.

Ключевые слова: корпоративные правоотношения, корпоративные споры, неустойка, судебная неустойка, астрент.

KOTOV Ivan Andreevich

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Law Institute of the of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, lawyer of the Bar of Moscow «Starinsky and Partners»

BASHILOV Boris Igorevich

Ph.D. of Law, senior lecturer of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Law Institute of the of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, senior partner of the law firm «Bashilov, Noskov and Partners»

APPLICATION OF FORFEIT PROVISIONS TO CORPORATE DISPUTES: PRO ET CONTRA**

The article deals with the issues of recovery of a court penalty (astrent) in disputes arising from corporate legal relations, based on arbitration judicial practice. The authors come to the conclusion that it is admissible to collect it in these disputes on non-property claims, however, the courts formally refer to this institution due to the lack of uniform criteria for determining its size in the legislation and judicial practice.

Keywords: corporate legal relations, corporate disputes, forfeit, court forfeit, astrent.

Сложная экономическая ситуация, сложившаяся в результате санкционного давления, ухода многих иностранных юридических лиц с российского рынка, трансформации корпоративных правоотношений объективно влекут за собой появление все большего количества корпоративных споров, а как следствие приводят к увеличению нагрузки, как на судебную систему, так и на органы принудительного исполнения.

Учитывая особенности функционирования хозяйственного общества, необходимость своевременного устранения корпоративных конфликтов внутри юридического лица в целях обеспечения соблюдения прав участников (акционеров) и исключения возможности парализации его хозяйственной деятельности, особую значимость приобретают вопросы своевременного и надлежащего исполнения судебных решений по результатам рассмотрения судом корпоративного спора.

В случае принудительного исполнения судебного решения службой судебных приставов в рамках предоставленных им Законом «Об исполнительном производстве»¹ полномочий участники системы корпоративного управления могут потерять значительное количество времени по причине неэффективности исполнительного производства по рассматриваемой категории споров (затянутость сроков возбуждения исполнительного производства; безрезультативность мер принудительного исполнения; бездействие судебного пристава-исполнителя и пр.).

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы поиска эффективных механизмов своевременного и надлежащего исполнения обязанным лицом судебного решения, одним из которых и является институт судебной неустойки.

На необходимость научного осмысления новых способов обеспечения исполнения судебного решения в добровольном порядке обращают внимание Е. Е. Фролова [3], Е. П. Русакова [4] и др.

Нормативное регулирование института судебной неустойки (астрента), выраженное в материальной норме права – ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)², ос-

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation № НШ-3270.2022.2 «Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence».

1 Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 41. - Ст. 4849.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

новывается на следующих правилах ее взыскания: в случае если законом или договором не предусмотрено иное либо не вытекает из существа обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре; к процедуре установления судебной неустойки применяются общие правила взыскания неустойки (п. 1 ст. 330 ГК РФ); определение размера судебной неустойки, подлежащей взысканию, происходит на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

В свою очередь, правила установления судебной неустойки по некоторым категориям споров установлены в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»³ (далее – Постановление № 7), согласно которому правила ст. 308.3 ГК РФ не распространяются на случаи неисполнения денежных обязательств.

Существующий запрет на взыскание астрента за неисполнение денежных обязательств представляется оправданным, поскольку законодателем предусмотрены иные меры, обеспечивающие имущественные интересы кредитора, такие как: уплата процентов на сумму долга (п. 1 ст. 395 ГК РФ, в том числе до момента фактического исполнения обязательства (п. 48 Постановления № 7); взыскание неустойки (п. 1 ст. 330 ГК РФ), иное привело бы к нарушению принципа недопустимости двойной ответственности за одно нарушение и ошибочному толкованию правовой природы приведенных мер.

Однако весьма спорным является невозможность взыскания судебной неустойки по категориям дел, в которых отсутствует исполнение какой-либо гражданско-правовой обязанности. Верховным Судом РФ однозначно введен запрет на взыскание астрента по спорам, вытекающим из административных правоотношений; трудовых, пенсионных и семейных споров, вытекающих из личных имущественных отношений между членами семьи, а также споров, связанных с социальной поддержкой.

При этом от своевременности и полноты исполнения судебного решения по перечисленным спорам зависит скорейшее восстановление основополагающих прав гражданина в социальной сфере, права в которой в наибольшей степени подвержены риску нарушения или оспаривания со стороны публичных органов и третьих лиц, особенно по делам о восстановлении на работе, выплате заработной платы, выплате недополученной при жизни пенсии, перерасчете размера пенсии, передаче ребенка, определения порядка общения с ребенком и пр. Приведенная аргументация подтверждает необходимость распространения положений астрента на все судебные акты по гражданским неденежным требованиям.

В этой связи важно отметить, что Верховный Суд РФ в п. 30 Постановления № 7 не ввел запрета на взыскание судебной неустойки по корпоративным спорам.

Статьей 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)⁴ рассмотрение корпоративных споров отнесено к компетенции арбитражных судов. Учитывая, что судебной неустойкой обеспечивается только натуральное обязательство неимущественного характера, потенциал взыскания астрента по данной категории дел достаточно велик, начиная от споров, связанных с вступлением и выбытием из хозяйственного общества, заканчивая спорами, связанными с предоставлением информации участнику (акционеру).

Однако анализ релевантной судебной практики свидетельствует о том, что большинство корпоративных споров, в которых заявлено требование о взыскании судебной неустойки, связано с так называемыми «информационными спорами», то есть спорами, инициированными участниками (акционерами), о предоставлении информации и (или) документов о хозяйственной деятельности общества.

Как правило, суды в подавляющем количестве случаев удовлетворяют данные иски, при этом общество в отсутствие должных механизмов принуждения к их передаче заинтересованному лицу может длительное время уклоняться от исполнения возложенной судом обязанности. Институт судебной неустойки и призван в таких случаях, являясь стимулирующей мерой, обеспечить своевременное исполнение судебного решения.

Верховный Суд РФ в одном из определений⁵ разъяснил, что обязанность генерального директора по предоставлению документов и информации, связанной с деятельностью общества, является реализацией корпоративной обязанности директора действовать разумно и добросовестно.

И. В. Горбашев, комментируя данное определение Верховного Суда РФ, отмечает: «поскольку под. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ допускает применение общих положений об обязательствах к корпоративным правоотношениям, суд счел, что корпоративно-банкротная обязанность директора по передаче документации в натуре соответствует положениям ст. 308.3 Кодекса» [1, с. 183].

Среди информационных споров в корпоративных правоотношениях, в которых возможно взыскание судебной неустойки, стоит выделить группу споров, связанных с передачей документов и сведений старым генеральным директорам новому.

Анализ арбитражной судебной практики по данной группе споров показал, что размер взыскиваемой судебной неустойки судом варьируется от 1 000 руб. до 5 000 руб. за каждый день неисполнения судебного решения.

Например, Арбитражным судом Центрального округа остановлено в силе решение суда первой инстанции, которым взыскана судебная неустойка с бывшего генерального директора общества в размере 3 000 руб. за каждый день неисполнения судебного решения, при этом суд установил

3 О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Российская газета. - 2016. - № 70.

4 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.

5 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.07.2017 № 307-ЭС16-21419 по делу № А56-42909/2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 4.

прогрессивную шкалу судебной неустойки, предусмотрев ее увеличение на 3 000 руб. через каждый месяц просрочки⁶.

В иных случаях суды ограничивались формальным подходом к взысканию судебной неустойки, взыскивая 1 000–2 000 руб. за каждый день просрочки: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.06.2021 № Ф01-1932/2021⁷, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.06.2022 № Ф05-12754/2022⁸, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.09.2022 № Ф03-3875/2022⁹.

Встречаются случаи, когда суд в нарушение принципов, установленных п. 4 ст. 1 ГК РФ, снижал размер судебной неустойки до 50 руб. за каждый день неисполнения судебного решения, например постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2020 г.¹⁰

В корпоративных спорах также можно выделить споры, связанные с передачей документов и информации обществом участнику (акционеру). В выделенной категории дел размер взыскиваемой судебной неустойки за несвоевременное исполнение решения ничем не отличается от размеров, взыскиваемых судами при рассмотрении аналогичных споров с участием бывшего генерального директора, что также свидетельствует о формальном отношении судебной системы к анализируемому институту при рассмотрении дел, вытекающих из корпоративных правоотношений. Например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2021 г. № Ф05-11393/2021¹¹, постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.07.2022 № Ф05-15717/2022¹².

В целях обеспечения соблюдения прав участника (акционера) на проведение аудиторской проверки по своей инициативе и за свой счет для контроля за его хозяйственной деятельностью суды применяют правила о взыскании судебной неустойки по заявлению заинтересованной стороны в спорах о предоставлении доступа аудиторской организации к документам общества.

Так, судом первой инстанции взыскана судебная неустойка в споре об обязанности обеспечить проведение аудиторской проверки бухгалтерской (финансовой) отчетности по прогрессивной шкале в размере 500 руб. за каждый день неисполнения судебного решения с последующим ее увеличением на 100 руб. в каждом следующем месяце неисполнения

судебного акта¹³; решением Арбитражного суда г. Москвы взыскана судебная неустойка в размере 1 000 руб. в неделю по дате фактического исполнения судебного решения по аналогичному спору¹⁴.

Из общего числа судебных дел, связанных с корпоративными правоотношениями, где судами назначалась судебная неустойка за вынужденную необходимость претерпевать длительное неисполнение судебного решения по вине обязанного лица, можно обнаружить специфические, выделяющиеся из сложившейся общности, категории корпоративных споров, в которых заинтересованными лицами были предприняты попытки взыскания судебной неустойки. Среди них можно выделить следующие.

1. Требование участника к обществу, налоговому органу о признании недействительными заявления о выходе из состава участников, устава общества в новой редакции, решений налоговой в связи с принятием соответствующих документов юридическим лицом.

В данном деле участник общества в результате возникновения корпоративного конфликта среди прочих исковых требований просил установить судебную неустойку на случай несвоевременного исполнения налоговым органом решения в части внесения изменений в ЕГРЮЛ. Судом со ссылкой на запрет взыскания судебной неустойки в спорах административного характера, установленный в п. 30 Пленума ВС РФ № 7, в ее взыскании отказано¹⁵.

2. Требование акционера к акционерному обществу о расторжении договора купли-продажи ценных бумаг, обязанности возратить именные бездокументарные акции путем составления и передачи регистратором передаточного распоряжения, возложении обязанности на регистратора по внесению изменений в реестр акционеров.

Исковые требования были удовлетворены в полном объеме. Суд, рассматривая заявление истца о взыскании судебной неустойки, приняв во внимание длительный срок неисполнения судебного решения, и последствия такого неисполнения, как лишение акционера возможности участвовать в управлении деятельностью юридического лица и его имуществом; ограничение корпоративных прав акционера, реализация которых позволила бы предотвратить возбуждение в отношении акционерного общества дела о банкротстве, взыскал в пользу акционера единоразовую судебную неустойку в размере 500 000 руб.¹⁶

3. Требование участника общества, действующего в его интересах, к другим участникам о признании недействительным договора купли-продажи здания (экстраординарная сделка), применении последствий недействительности

6 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 05.07.2022 № Ф10-1675/2022 по делу № А62-2245/2021 // СПС КонсультантПлюс.

7 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.06.2021 № Ф01-1932/2021 по делу № А17-171/2020 // СПС КонсультантПлюс.

8 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.06.2022 № Ф05-12754/2022 по делу № А41-52219/2021 // СПС КонсультантПлюс.

9 Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.09.2022 № Ф03-3875/2022 по делу № А51-5335/2021 // СПС КонсультантПлюс.

10 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2020 № Ф05-13323/2020 по делу № А40-285728/2019 // СПС КонсультантПлюс.

11 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2021 № Ф05-11393/2021 по делу № А40-212725/2020 // СПС КонсультантПлюс.

12 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.07.2022 № Ф05-15717/2022 по делу № А40-221533/2021 // СПС КонсультантПлюс.

13 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.07.2021 № Ф04-2214/2021 по делу № А03-2189/2020 // СПС КонсультантПлюс.

14 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.02.2023 № Ф05-36718/2022 по делу № А40-84906/2022 // СПС КонсультантПлюс.

15 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.04.2017 № Ф05-3627/2017 по делу № А41-19851/16 // СПС КонсультантПлюс.

16 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2017 № 13АП-17660/2017 по делу № А56-15070/2015 // СПС КонсультантПлюс.

сделки. Учитывая недобросовестное поведение ответчиков, осуществление единоличным исполнительным органом деятельности, явно противоречащей имущественным интересам общества, отсутствие должного одобрения крупной сделки, суд взыскал судебную неустойку в размере 5 000 руб. за каждый день неисполнения судебного акта¹⁷.

4. Требование акционерного общества к ликвидатору общества о возложении на последнего обязанности внесения изменений в промежуточный ликвидационный баланс и его утверждения, включив в реестр требований кредиторов сведения о задолженности ликвидируемого общества. В приведенном деле суд взыскал астрент в размере 100 руб. за каждый день неисполнения судебного решения¹⁸.

Таким образом, приведенная судебная практика свидетельствует о большом количестве случаев взыскания судами астрента в делах, вытекающих из корпоративных правоотношений, связанных лишь с информационными спорами, то есть спорами о передаче документации и необходимых сведений о деятельности юридического лица.

Астрент в корпоративных спорах до настоящего времени не приобрел характер эффективного способа защиты нарушенных прав участников данных правоотношений. Основное предназначение исследуемого института в побуждении должника к своевременному исполнению судебного акта в корпоративных спорах практически нивелировано судами путем либо отказа в присуждении судебной неустойки, либо назначения столь малых сумм, которые объективно не могут оказать экономического давления на должника и устранить ситуации, когда неисполнение судебного акта гораздо выгоднее, чем его исполнение. При этом астрент обладает потенциалом в обеспечении восстановления правового статуса участников корпораций, особенно в делах о восстановлении корпоративного контроля.

Еще до введения института судебной неустойки в российский правовой порядок Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что обязательность исполнения судебных решений является неотъемлемым элементом права на судебную защиту, неисполнение судебного акта или неоправданная задержка его исполнения рассматривается как нарушение права на справедливое правосудие в разумный срок¹⁹. При этом суды на протяжении восьми лет с момента появления ст. 308.3 ГК РФ продолжают настороженно относиться к взысканию астрента по каким-либо неденежным требованиям.

М. А. Ерохова обращает внимание, что при взыскании астрента «суды следуют Постановлению 7 буквально и готовы применить судебную неустойку к решениям по обязательственным неденежным требованиям и к решениям по негативным искам. По остальным видам решений наблюдается осторожность, проявляемая либо в отказе, либо в при-

суждении незначительных сумм, сводящих смысл института к нулю» [2, с. 104].

Выборочное установление судом астрента по неимущественным требованиям в корпоративных спорах приводит к нарушению принципа равноправия сторон, закрепленного в ст. 8 АПК РФ.

Выявленные проблемы неэффективности судебной неустойки по корпоративным спорам на современном этапе связаны с отсутствием в материальном и процессуальном законодательстве однозначных критериев определения размера астрента, что влечет за собой постоянное увеличение судебной дискреции при разрешении судом вопроса о взыскании судебной неустойки.

Пристатейный библиографический список

1. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. - 2018. - № 4. - С. 154–202.
2. Ерохова М. А. О судебной неустойке в российском праве. Анализ практики 2015–2017 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2017. - № 7. - С. 97–111.
3. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР: монография / Е. П. Ермакова, Е. Е. Фролова. - М.: Юрлитинформ, 2021. - 223 с.
4. Русакова Е. П. Эволюция российского гражданского судопроизводства в «суперправосудие» // Сборник статей Международного научного юридического форума памяти профессора В.К. Пучинского. Москва, 15 октября 2021 г. / под. ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. - М.: РУДН, 2021. - С. 323–328.

17 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2021 № 13АП-10344/2021, 13АП-10393/2021 по делу № А56-90285/2020 // СПС КонсультантПлюс.

18 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.04.2018 № Ф09-7079/16 по делу № А47-7656/2015 // СПС КонсультантПлюс.

19 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 7. - Ст. 700.

КУПЧИНА Екатерина Валентиновна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЗАЩИТА ПРАВ АВТОРОВ ПРИ ПОМОЩИ СМАРТ-КОНТРАКТОВ*

В настоящей статье автором анализируется возможность применения технологии блокчейн и смарт-контрактов для создания эффективной системы управления и защиты прав авторов в цифровой среде. Основной целью законодательства об интеллектуальной собственности является содействие инновациям и творчеству путем создания эффективной системы управления и защиты прав на охраняемые объекты. Кроме того, рост трансграничной торговли услугами в сфере интеллектуальной собственности на фоне снижения трансграничной торговли товарами требует совершенствования правового обеспечения сделок по оказанию этих услуг. Мотивация создавать что-то полезное или красивое находится в рамках закона, предоставляя создателям произведений определенные права на получение выгоды от своего творения.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, цифровизация, интеллектуальная собственность, авторское право.

KUPCHINA Ekaterina Valentinovna

senior lecturer of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROTECTION OF THE RIGHTS OF AUTHORS USING SMART CONTRACTS**

In this article, the author analyzes the possibility of using blockchain technology and smart contracts to create an effective system for managing and protecting the rights of authors in the digital environment. The main purpose of intellectual property law is to promote innovation and creativity through the creation of an effective system for the management and protection of rights to protected objects. In addition, the growth of cross-border trade in services in the field of intellectual property against the background of a decrease in cross-border trade in goods requires the improvement of the legal support for transactions for the provision of these services. The motivation to create something useful or beautiful is within the law, granting the creators of works certain rights to benefit from their creation.

Keywords: smart contract, blockchain, digitalization, intellectual property, copyright.

Введение

Повышение интереса к теме использования технологии блокчейн и смарт-контрактов обусловлено необходимостью создания надежной и эффективной системы управления и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности. В контексте традиционного определения технологии блокчейн как неизменяемой распределенной базы данных, потенциальные возможности ее использования для интеллектуальной собственности, особенно в таких областях, как авторское право, а также творческих индустрий в целом, становится все более актуальным. Данная технология, в совокупности со смарт-контрактами используется для управления произведениями, защищенными авторским правом, путем регистрации, обеспечения соблюдения правил лицензирования, а также в качестве бизнес-модели, позволяющей осуществлять микроплатежи и отслеживать использование результатов интеллектуальной деятельности.

Цифровизация всех сфер человеческой жизнедеятельности диктует «свои условия» и вытесняет привыч-

ные вещи «аналогового мира»: печатные книги, газеты, офлайн-выставки и т.д. Подобная ситуация не могла не отразиться на вопросах управления и распоряжения правами авторов на результаты интеллектуальной деятельности. Отсутствие прозрачности и централизованной базы данных для организации информации о музыкальных, художественных произведениях и других объектах, защищенных авторским правом, может вызвать серьезные проблемы при попытке определить права владельцев на возможность последующего их использования. Зачастую информация о законном владельце авторских прав разбросана по базам данных издателей, звукозаписывающих компаний, ассоциаций по сбору платежей и других организаций, у которых нет стимула делиться этой информацией. Подобная ситуация приводит к колоссальным издержкам для пользователей цифрового контента при проведении различных транзакций, а также ставит под вопрос возможность использования произведения из-за неясного юридического статуса [1].

Кроме того, правообладатели не могут эффективно контролировать использование своих произведений в сети Интернет, поскольку создание цифровой копии оригинального произведения может осуществляться в «один клик» и не требует больших вложений. При этом технических ограничений на количество пользователей, которые могут получить доступ к этим цифровым произведениям, практически нет [2]. Учитывая децентрализованный характер сети Интернет, нарушение может осуществляться из любой точки мира и установить конкретное место не-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

возможно, что является основным препятствием для подачи претензии в суд.

Использование блокчейн и смарт-контрактов для совершенствования процессов лицензирования

Получение лицензионных сборов за использование произведений также является одной из основных проблем, поскольку объем контента, размещенного в сети Интернет, колоссален и его авторы могут находиться в разных юрисдикциях. Отсутствие единого подхода, связанного с обработкой платежей, может вызывать трудности. В большинстве случаев для облегчения уплаты лицензионных сборов пользователь и правообладатель должны подписать специальное соглашение, что увеличивает транзакционные издержки для обеих сторон. Традиционные лицензии на совместное использование не подходят для прямой коммерциализации произведений, поскольку они не требуют авторских отчислений¹. Лицензии с открытым исходным кодом для распространения программного обеспечения также содержат положения о бесплатном распространении. Следовательно, цена, уплачиваемая в виде лицензионных сборов, по-прежнему относится к категории исключительных лицензий.

В эпоху активного распространения информационно-коммуникационных технологий традиционные методы защиты авторских прав не могут обеспечить эффективную защиту цифровых объектов, охраняемых авторским правом. В сочетании с общей неправильной концепцией потребления и недостаточной осведомленностью о защите авторских прав цифровые продукты стали «зоной бедствия» для большинства авторов. Стремительное развитие технологий распознавания слов и пиратских веб-сайтов-агрегаторов создало серьезную проблему, связанную с утечкой личной информации, безудержным пиратством, что неминуемо приводит к возникновению огромного числа споров об авторских правах.

В настоящее время в цифровой индустрии существуют проблемы, связанные с несовершенным механизмом авторизации, сложной сертификацией авторских прав, временными затратами на выдачу лицензии и высокой стоимостью регистрации. Большинство из этих проблем являются серьезным препятствием на пути создания эффективной системы управления и распоряжения авторским правом.

Существует острая необходимость в передовых механизмах для решения различных проблем, существующих при регистрации, подтверждении и передаче цифровых прав в процессе их защиты. Одним из возможных решений является использование технологии блокчейн. Технология блокчейн возникла в 2008 году и первоначально использовалась в качестве общедоступной базы транзакций криптовалюты – биткойн [3]. Исследования показали, что блокчейн может широко использоваться для защиты авторских прав и управления ими. Цифровые данные об авторских правах содержатся в блоке. Каждый блок связан с цепочкой блоков в виде метки времени через хеш-указатель, указывающий на хеш-значение предыдущего блока. Таким образом, гарантируется невозможность манипулирования цифровой информацией об авторских правах. Блокчейн может значительно

снизить стоимость цифровой защиты авторских прав, повысить эффективность и предоставить новые способы сбора доказательств, торговли цифровыми активами и защиты прав авторов. Эта технология имеет большую прозрачность и централизованность, чем традиционная публикация произведений.

Одним из самых перспективных направлений использования блокчейн для интеллектуальной собственности являются смарт-контракты. Обычно они понимаются как закодированные параметры, записанные в блокчейн, которые устраняют необходимость взаимодействия с человеком [4]. Например, можно заключить смарт-контракт с местной библиотекой, в котором будет установлено, что если не вернуть книгу к определенной дате, то стоимость книги будет автоматически списана с электронного счета пользователя. Традиционный же договор предполагает, что библиотека должна выставить счет, который, потенциально, может быть не оплачен, что является прямым нарушением договора.

В самом широком смысле смарт-контракт представляет собой алгоритм, который выполняется на блокчейне, где стороны могут вступать в коммерческие отношения, полностью или частично закрепленные с помощью кода, а также использовать программное обеспечение для управления исполнением контракта.

Во-первых, это означает, что смарт-контракт должен быть компьютерной программой, которая следует за серией событий и предназначена для запоминания предыдущих инструкций или действий пользователя. Любой смарт-контракт начинается со строки компьютерного кода, который должен быть составлен на языке, способном делать утверждения «если это, то то-то». Кроме того, контракт должен быть детерминированным в том смысле, что одни и те же входные данные всегда должны давать один и тот же результат, а также содержать все возможности, вытекающие из контракта, выраженные в коде². Для кодирования контракта допускается использование любого компьютерного языка, однако существуют языки, которые разрабатываются специально для смарт-контрактов и содержат особое требование, которое заключается в том, что язык должен быть полным по Тьюрингу, то есть, чтобы каждая вычислительная задача могла быть решена точно или приблизительно с использованием одного и того же языка³.

Во-вторых, смарт-контракты создаются и работают в общедоступной децентрализованной криптографической базе данных – блокчейн, которая работает как открытый реестр всех записанных в ней транзакций. Ключевой особенностью блокчейн является то, что все записи являются неизменными и защищенными от несанкционированного доступа, так что они могут проверяться каждым участником сети⁴. Эти проверки осуществляются людьми, выполняющими расчеты, которые называются «майнинг» [5]. Эта система известна как доказательство работы. Доказательство работы защищает блокчейн от злоумышленников и спамеров, поскольку

1 Rose A. Blockchain: Transforming the registration of IP rights and strengthening the protection of unregistered IP rights // WIPO Magazine. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/en/2020/article_0002.html (дата обращения: 10.05.2023).

2 Christidis K. and Devetsikiotis M. Blockchains and Smart Contracts for the Internet of Things // IEEE Access 2292. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7467408> (дата обращения: 15.05.2023).

3 Teller A. Turing Completeness in the Language of Genetic Programming with Indexed Memory // Proceedings of the First IEEE Conference on Evolutionary Computation. IEEE World Congress on Computational Intelligence. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/document/350027> (дата обращения: 15.05.2023).

требует от участников выполнения некоторой работы в виде вычислительного времени.

В-третьих, смарт-контракты обеспечивают надежный способ проведения транзакций. Это обусловлено тем, что децентрализованный характер блокчейн избавляет от необходимости привлечения посредников для заключения контракта, поскольку основные инструменты для написания смарт-контракта имеют открытый исходный код и бесплатны для использования⁴. Любое заинтересованное лицо может научиться кодировать контракт и записать его в блокчейн. Исполнение контракта автоматизировано, вмешательство человека не требуется.

Использование блокчейн и смарт-контрактов для регистрации объектов авторского права

Специфика смарт-контрактов и блокчейн определяет множество вариантов использования данных инструментов для интеллектуальной собственности в целом, поскольку для эффективного управления и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности наличие неизменяемой и распределенной записи о праве собственности имеет крайне важное значение. В свою очередь смарт-контракты могут стать полезным инструментом для управления авторскими правами и получении вознаграждений за использование данных объектов.

Одной из наиболее острых проблем, определяющих эффективную систему охраны результатов интеллектуальной деятельности, является регистрация. В большинстве юрисдикций существует правило об обязательной регистрации для объектов промышленной собственности, которое прямо предусмотрено действующим законодательством и, как правило, не создает так много технических проблем. Тем не менее, существующая система смарт-контрактов могла бы помочь патентным ведомствам и ведомствам по товарным знакам повысить уровень безопасности, надежности и качества, предоставляемых ими услуг⁵. Например, использование реестра на основе блокчейн может позволить установить время, когда товарный знак был впервые подан, зарегистрирован, впервые использован в торговле, а также время когда дизайн, товарный знак или патент были лицензированы, переуступлены и т. д. Данное решение может способствовать уменьшению числа возникающих споров, а также решит практические вопросы сопоставления, хранения и предоставления доказательств по уже возникшим разногласиям.

В отличие от права промышленной собственности, авторские права возникают из факта создания произведения и не требуют обязательной регистрации. Тем не менее, в некоторых случаях добровольная регистрация может быть полезной и служить фильтром того, что является реальным произведением, защищенным авторским правом. Система регистрации в блокчейне, основанная на смарт-контрактах, позволит автору предоставить надежное доказательство права собственности, а также предоставит пользователю уникальный идентификационный адрес. Например, система регистрации изображений, использующая смарт-

контракты – Binded (пане Blockai)⁶. В Российской Федерации на базе российского Фонда «Сколково» была создана система IPChain, которая обеспечивает систему алгоритмизированных взаимовыгодных отношений независимых участников рынка интеллектуальной собственности, способствующих снижению транзакционных издержек при совершении сделок с правами и объектами интеллектуальной собственности, а также охране и защите прав на них за счет применения пакета цифровых технологий. В Европейском союзе Ведомство интеллектуальной собственности ЕС (EUIPO) созданы службы EUIPO TMView⁷ и DesignView⁸, которые предоставляют доступ к базе данных миллионов зарегистрированных товарных знаков и промышленных образцов. Существует множество аналогичных проектов, но общим знаменателем является использование блокчейна для неизменной и постоянной регистрации права собственности. Это свидетельствует о высоком потенциале применения смарт-контрактов в сфере интеллектуальной собственности, поскольку они обеспечивают постоянную и защищенную от несанкционированного доступа запись о праве собственности.

Управление правами

Несомненно, что регистрация объектов интеллектуальной собственности в целом может создавать ряд преимуществ. Однако использование смарт-контрактов для целей управления авторскими правами является наиболее прогрессивным направлением, способствующим автоматизации контроля за тем, кто имеет доступ к произведениям авторов и на каких условиях» [6]. Например, музыкальная индустрия является одним из тех направлений, где новый технический подход имеет больший эффект, поскольку существующие методы управления во многом устарели. Основная идея состоит в создании единой системы, основанной на публичных блокчейн реестрах и использующих смарт-контракты для управления правами. Этого можно достичь с помощью концепции токенизации и использования цифровых токенов в смарт-контрактах, поскольку любые данные могут быть преобразованы в цифровой токен в рамках смарт-контракта и выражать все виды прав. Например, токенизация информации об управлении правами (RMI) может быть полезна для выражения и управления авторскими правами посредством лицензирования. Кроме того, смарт-контракты могут взять на себя большое количество элементарных технических транзакций, что, к примеру, позволит идентифицировать и распределять и выплачивать роялти.

Одним из наиболее обсуждаемых потенциалов использования криптовалют и блокчейна является расширение возможностей рынка микроплатежей для произведений, защищенных авторским правом. Например, благодаря регистрации в блокчейне и DRM, каждый раз, когда воспроизводится песня, просматривается фильм или копируется изображение, осуществляется постоянная запись об этом использовании в публичной книге, а вознаграждение за использование произведения автоматически начисляется на

4 Atzori M. Blockchain Technology and Decentralized Governance: Is the State Still Necessary? 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papers.ssrn.com/abstract=2709713> (дата обращения: 12.05.2023).

5 Clark B. Blockchain and IP Law: A Match made in Crypto Heaven? // WIPO Magazine. – 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2018/01/article_0005.html.

6 См. например. Copyright made simple. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://binded.com/about> (дата обращения: 12.05.2023).

7 European Union Intellectual Property Network. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tmdn.org/#/> (дата обращения: 12.05.2023).

8 European patent database for design. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tmdn.org/tmdsview-web/welcome#/dsview> (дата обращения: 12.05.2023).

электронный кошелек пользователя. Пользователь платит им напрямую за музыку с помощью электронной валюты, которая затем позволяет им мгновенно скачать ее. Например, музыкальная платформа VOISE, работающая на Ethereum, позволяет исполнителям загружать свою музыку и устанавливать свои собственные цены⁹. Подобное решение способно существенно сократить пиратство и позволит создателям получать денежное вознаграждение через криптовалюты.

Контрафактная продукция

Контрафактная продукция является одной из самых серьезных угроз для правообладателей. Ежегодный оборот данной продукции только увеличивается. К примеру, только в Российской Федерации оборот контрафактной продукции на конец 2021 года составил 6,5 трлн. рублей. В этой связи использование технологий блокчейн и смарт-контрактов могут стать возможным решением проблемы. Токенизация товаров и внесение их в неизменяемый реестр может позволить проследить историю происхождения товаров вплоть до первоисточника.

Сторонники данной идеи считают, что, используя комбинацию технологий, включая чипы RFID (Radio Frequency Identification), можно использовать смарт-контракты, которые будут отслеживать товары, что придаст уверенности потребителям в законности приобретаемых товаров¹⁰. Например, использование блокчейн облегчает координацию цепочки поставок между производителями, грузоотправителями, посредниками и доставщиками, гарантируя, что только законные товары, доставляемые потребителям, входят в эту цепочку. Например, компания IBM была в авангарде продвижения смарт-контрактов для цепочки поставок, однако они используются только для доставки и розничной торговли и еще не применялись для выявления подделок. В свою очередь таможенные органы могут ссылаться на цепочки блокчейн поставок для проверки законных товаров или выявления контрафакта.

Однако, несмотря на очевидные преимущества использования блокчейн и смарт-контрактов для большинства указанных выше сфер, в настоящее время развернуто не так много приложений. Большинство предлагаемых проектов остаются на очень ранних стадиях разработки¹¹.

Еще одной потенциальной сферой применения смарт-контрактов для управления и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности является возможность лицензирования произведений. Поскольку смарт-контракты представляют собой инструкции, написанные в виде кода на блокчейне, то представляется возможным перевести условия лицензирования в код и преобразовать

в смарт-контракт, который можно использовать для сторон. Реализация такой лицензии на авторское право в виде смарт-контракта позволит владельцам записывать эти условия в неизменяемый код на блокчейне, и если кто-то захочет повторно использовать такой контент в коммерческих целях, то это можно будет сделать автоматически через лицензию. Подобная технология уже существует на платформах Ethereum и Solidity.

Вопрос защиты авторских прав всегда был достаточно сложным и до появления сети Интернет. С ростом числа одноранговых служб обмена файлами и появлением кнопки «поделиться» в каждой социальной сети и мессенджере несанкционированный обмен файлами возрос до рекордно высокого уровня. В этой связи, требуется уделять больше внимания созданию эффективных способов и инструментов для защиты авторских прав в цифровой среде. За последние несколько десятилетий было разработано множество методов защиты цифровых авторских прав, однако большинство из них оставляют много лазеек для недобросовестных пользователей, которые необходимо устранить. Сфера применения смарт-контрактов и решения, предложенные в данной статье способны решить часть проблем, возникающих в системе управления и распоряжения авторскими правами на цифровые объекты. Блокчейн и смарт-контракты способны создать систему автоматического управления полным жизненным циклом цифровых прав, что может способствовать снижению числа возникающих споров в сфере авторского права.

Пристатейный библиографический список

1. Купчина Е. В. Искусственный интеллект в интеллектуальной собственности: вопросы авторского права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 12(151). – С. 146-151.
 2. Raskin M. Law and Legality of Smart Contracts // Georgia Law Technology Review. – 2017. – 305, p. 309.
 3. Русакова Е. П. К вопросу использования блокчейн-депозитария в формировании доказательственной базы в интернет-судах Китая / Е. П. Русакова, Т. А. Чернышева // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 120-125.
 4. Voshmgir S. Token Economy: How Blockchains and Smart Contracts Revolutionize the Economy. – 2019. – Pp. 87-98.
 5. Narayanan A. and others. Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction // Princeton University Press. – 2016. – P. 27.
 6. Bodó B., Gervais D. and Quintais J.P. Blockchain and Smart Contracts: The Missing Link in Copyright Licensing? // International Journal of Law and Information Technology. – 2018. – 26:4.
- 9 Quintais, J. P., Bodó, B., Groeneveld, L. Blockchain Copyright Symposium: Summary Report. Kluwer Copyright Blog. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://copyrightblog.kluweriplaw.com/2017/08/03/blockchain-copyright-symposium-summary-report/?doing_wp_cron=1598381513.0876729488372802734375 (дата обращения: 20.05.2023).
- 10 Moller AP. Maersk, IBM Unveil Blockchain Shipping Solution // World Maritime News. 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldmaritimenews.com/archives/258600/maersk-ibm-unveil-blockchain-shipping-solution/> (дата обращения: 20.05.2023).
- 11 Collen B and others. Applications of Blockchain Technology to Trademark Protection, Enforcement, and Practice. – 2018. 73 INTA Bulletin 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inta.org/perspectives/features/applications-of-blockchain-technology-to-trademark-protection-enforcement-and-practice/> (дата обращения: 12.05.2023).

РАБЕЦ Анна Петровна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЕ Арина Енгировна

магистрант 1 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Качественно подобранные доказательства, то есть, отвечающие критериям допустимости, достоверности, относимости, достаточности и взаимной связи, обуславливают правильное рассмотрение и разрешение дела. Эффективность правовой защиты напрямую зависит от проработанности института доказательств. Усложнение правоотношений в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации является одним из факторов роста нарушений интеллектуальных прав в информационной среде. В данной статье рассматриваются проблемные аспекты использования электронных доказательств в делах о защите интеллектуальных прав. Автором на основе анализа судебной практики исследуется вопрос допустимости и достоверности электронных доказательств и их доказательственной силы.

Ключевые слова: цифровизация, гражданское процессуальное право, арбитражное судопроизводство, электронные доказательства, электронный документ, лог-файлы, скриншот, метаданные.

RABETS Anna Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Civil law and process sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

DE Arina Engirovna

magister student of the 1st course of the Law School of the Far Eastern Federal university

ELECTRONIC EVIDENCE IN INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS CASES

Qualitatively selected evidence, that is, meeting the criteria of admissibility, reliability, relevance, sufficiency and interconnection, determines the correct consideration and resolution of the case. The effectiveness of legal protection directly depends on the elaboration of the institution of evidence. The complication of legal relations in the field of intellectual property in the context of digitalization is one of the factors in the growth of violations of intellectual property rights in the information environment. This article discusses the problematic aspects of the use of electronic evidence in cases of protection of intellectual property rights. Based on the analysis of judicial practice, the author investigates the issue of the admissibility and reliability of electronic evidence and their probative value.

Keywords: digitalization, civil procedural law, arbitration proceedings, electronic evidence, electronic document, log files, screenshot, metadata.

Развитие информационных технологий является одним из величайших и революционных достижений современного общества. Широкое распространение цифровизации предоставляет огромные возможности в различных областях науки, экономики и права. Но с возможностями возрастают и риски нарушения прав и законных интересов. Как и другие сферы человеческой жизни, киберпространство не защищено от неправомерных действий. Все более нередкими стали случаи нарушения исключительных прав на средства индивидуализации, реализации контрафактной продукции на интернет-платформах для размещения объявлений о продаже товаров, незаконного копирования дизайна. Процессы цифровизации это хороший толчок не только к развитию интеллектуальной деятельности, но и к появлению новых способов нарушения прав интеллектуальной собственности. Именно поэтому современное развитое общество нуждается в эффективной и действенной защите прав на результаты интеллектуальной деятельности. Научная и практическая

значимость института интеллектуальной собственности вызывает необходимость в совершенствовании законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав. Коль скоро появляются новые виды правонарушений, доказательственные механизмы также нуждаются в совершенствовании.

Основным видом доказательств по делам о защите интеллектуальных прав являются письменные и вещественные. Вопрос о том, что из себя представляют данные виды доказательств и что может относиться к таковым, не возникает. В настоящее время актуальным является проблема использования электронных доказательств в делах о защите интеллектуальных прав. Несмотря на широкое практическое значение, процессуальное законодательство не содержит понятия «электронное доказательство», а лишь закрепляет, что документы, полученные с использованием сети Интернет, относятся к письменным доказательствам (ч. 3 ст. 75 АПК РФ, ч. 1 ст. 71 ГПК РФ). Несмотря на то, что перечень доказательств не является исчерпывающим (ст. 64 АПК РФ), на практике

Рабец А. П.

Де А. Е.

возникают трудности признания электронных доказательств в качестве допустимых.

Так, Верховный Суд РФ своим постановлением от 23.04.2019 г. № 10 разъяснил, что, поскольку законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которого устанавливается факт нарушений интеллектуальных прав, суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в частности доказательства, полученные с использованием сети «Интернет» (п. 55) [1]. В указанном пункте Верховный Суд РФ также отметил, что допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле *скриншоты*, которые подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами.

Важно также отметить, что электронный документ *не равно* электронное доказательство. Не всякий электронный документ будет являться электронным доказательством. Институт электронных доказательств, рассматривается нами как отдельная разновидность доказательств наряду с письменными и вещественными. Электронный документ – это лишь документированная информация, представленная в электронной форме [2], которая может рассматриваться судом в качестве письменных доказательств (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ). Верховный Суд РФ в постановлении от 26.12.2017 г. № 57 указал, что электронный документ – документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ [3].

Поскольку электронные доказательства, по сравнению с обычными или традиционными доказательствами, требуют специализированной и экспертной подготовки в области киберпространства, вопросы исследования и анализа данных, хранящихся на электронных носителях или извлеченных из них для целей представления в суде, являются первоочередной важности. На практике подтвердить достоверность электронных доказательств является непростой задачей. На сегодняшний день ни процессуальный закон, ни судебная практика не сформировали конкретных критериев достоверности и допустимости электронных доказательств. Как справедливо отмечает К.С. Заборовский: основной проблемой электронного доказательства, которая встает перед работником суда, является подтверждение соответствия представленного доказательства трем основным критериям, обозначенным в АПК РФ [4]. Второй проблемой стало отсутствие четкой нормативной базы, в связи с которой суды были «невосприимчивы» к электронным доказательствам [5]. Несмотря на указанные проблемы, правоприменительная практика все-таки рассматривает в качестве электронных доказательств информацию официальных сайтов публичных органов и организаций в сети Интернет, электронные сообщения, СМС и сообщения из мессенджеров, аудио-, видеозаписи и цифровые изображения, блокчейн [4].

Поскольку законодатель не признает электронные доказательства как отдельную разновидность доказательств, видится необходимость в обобщении практики использования судами доказательств, оригиналы которых представлены в электронной форме, в том числе в сети Интернет, на предмет допустимости и достоверности.

На основе произведенного анализа судебной практики арбитражных судов мы установили, что в качестве электронных доказательств (помимо тех, что указаны выше) суды рассматривают: *скриншоты*, *метаданные*, *лог-файлы*, *мета-теги*.

При этом практика использования одних доказательств, например, электронных сообщений, СМС сообщений и сообщений из мессенджеров, *скриншотов*, наиболее сложившаяся и устоявшаяся, что нельзя сказать о других доказательствах, таких как *метаданные*, *лог-файлы*, *блокчейн*. Однако несмотря на немногочисленную практику говорить о том, что в отношении последних она вовсе не сложилась безусловно. Рассмотрим позиции судов в отношении отдельных видов электронных доказательств.

Скриншот.

Как упоминалось ранее, использование и признание *скриншотов* в качестве электронных доказательств на практике получило широкое распространение. Суд по интеллектуальным правам указал, что *скриншоты* страниц, содержащихся в сети Интернет, являются надлежащими доказательствами, если они содержат дату изготовления *скриншота*, сетевой адрес, а также заверены подписью представителя [6]. Придание доказательственного значения *скриншотам* также усматривается в решениях арбитражных судов. С помощью *скриншотов* суды устанавливают различные имеющие значения для дела обстоятельства.

Так, Арбитражный суд Челябинской области установил факт ведения коммерческой деятельности посредством торговой площадки в сети Интернет (*скриншот интернет-страницы*) [7]. Арбитражный суд Ставропольского края, исследовав доказательства, в числе которых были *скриншоты интернет-страниц социальной сети Instagram* и *скриншоты результатов, выданных поисковой системой Яндекс* установил факт использования товарного знака истца [8]. Второй Арбитражный апелляционный суд установил факт реализации спорного товара, подтвержденный товарными, кассовыми чеками и *скриншотами, свидетельствующими о реализации* ответчиком спорного товара через интернет-площадки [9]. В деле № А45-20763/2022 Арбитражным судом Новосибирской области был установлен факт рекламирования и предложения к продаже ответчиком товаров, маркированного спорными обозначениями на основании доказательств, в частности *скриншотом видеозаписи и скриншотом панорамы улицы, полученным посредством сервиса Яндекс. Карты* [10].

Метаданные. Мета-теги.

Метаданные – это набор данных, который описывает и предоставляет информацию о других данных. В данном случае без явной тавтологии не обойтись. Другими словами, *метаданные* – это скрытые данные (*состав, содержание, объем, дата, время и место, происхождение, статус, формат, качество, условия доступа, авторские права и иные характеристики*), которые сопровождают каждое изображение, видео, файл, запрос, электронное сообщение, с которыми вы сталкиваетесь. Данный вид информации широко используется в сети Интернет. Несмотря на очевидное удобство, связанное с использованием *метаданных* для организации набора данных и управления ими, они могут представлять угрозу конфиденциальности и безопасности, если их не проверить.

Доказательства, удостоверяющие публикацию соответствующего контента в Интернете, могут быть построены путем анализа *метаданных*. Например, изображение может включать в себя информацию об авторе, дате создания и изменения или место, где оно было взято. Существуют различные способы получения *метаданных*. В зависимости от устройства (например, смартфона или цифровой камеры)

и того, где соответствующий файл сохранен, доступ к метаданным можно получить либо просто выбрав опцию «информация» на самом изображении или, используя более специализированное программное обеспечение, (например, метадаанные зрителей).

Мета-теги – это фрагменты текста, описывающие содержимое веб-страницы; они не отображаются на самой странице, а только в исходном коде сайта [11]. Мета-теги – это, по сути, небольшие дескрипторы контента, которые помогают сообщать поисковым системам, о чем веб-страница. То есть мета-теги – это области в HTML-коде, содержащие структурированные метадаанные о веб-сайте (*ключевые слова, заголовок, описание страницы в результатах поиска и др.*).

Поскольку все больше правонарушений в сфере интеллектуальной собственности происходят в сети Интернет, использование метадаанных и мета-тегов в качестве подтверждения того или иного факта нарушения интеллектуальных прав может стать еще одним средством доказывания. Так, например, Арбитражный суд Воронежской области в решении от 17 декабря 2018 г. по делу № А14-17816/2018 признал, что использование товарных знаков без согласия правообладателя в качестве ключевого слова *мета-тегах* является правонарушением, поскольку «размещение чужих товарных знаков в качестве ключевых слов в *метадаанных* сайта влияет на работу поисковых систем при обработке страниц – часто можно видеть, что сайт с контрафактными мета-тегами располагается сразу же после сайта с оригинальным контентом» [12]. Таким образом, потенциальному потребителю представляется, что сайт с контрафактными мета-тегами демонстрирует нужные ему товары.

При оценке доступности товарного знака или товаров и услуг в Интернете суды учитывают системы тегов, хэштеги и ссылки между поисковыми запросами и изображениями, актуальный контент на разных Интернет-платформах.

Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-133360/2019 пришел к выводу, что: «...размещение спорных обозначений в качестве ключевых слов в *метадаанных* интернет-страниц влияет на работу поисковых систем при обработке страниц, поскольку сайт с такими мета-тегами в поисковой выдаче чаще всего располагается рядом с официальным сайтом производителя товаров...» [13]. То есть суд признал, что, используя спорное обозначение в *мета-тегах* в качестве ключевого слова и в HTML-коде Интернет-страницы, ответчик влиял на работу поисковых систем, предоставляя пользователям доступ к информации об однородных товарах, для индивидуализации которых зарегистрированы товарные знаки истца, что приводило к перераспределению спроса на рынке в пользу ответчика. То есть размещение чужих товарных знаков в качестве ключевых слов в *метадаанных* Интернет-страниц влияет на работу поисковых систем при обработке страниц – часто можно видеть, что сайт с контрафактными мета-тегами располагается сразу же после сайта с оригинальным контентом. У потребителя появляется представление о том, что сайт с контрафактными мета-тегами демонстрирует нужные ему товары.

Восьмой арбитражный апелляционный суд в деле № А46-17099/2020 от 04.05.2020 использовал информацию в *метадаанных* в качестве факта, опровергающего доводы ответчика (подателя апелляционной жалобы). Ответчик в жалобе указал, что дата изменения видеофайла не совпадает с датой заключения договора купли-продажи. Однако суд признал довод необоснованным, поскольку дата, указанная в метада-

ных, является датой записи, согласно показаниям, устройства записи, которые выставляются пользователем и могут не совпадать с реальной датой производства записи [14].

Кроме того, *метадаанные* рассматривают и на предмет наличия в них информации об авторе произведения, в частности в Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 сентября 2022 г. по делу № А56-59832/2022 [15]. Так, в указанном решении суд установил, что произведение было создано творческим трудом автора, что подтверждается: наличием у него исходного оригинала (файла) произведения в высоком разрешении и указание на исходном файле сведений о себе как об авторе произведения, в метадаанных EXIF.

Лог-файлы.

Лог-файлы тесно связаны с метадаанными. Это текстовый файл о событиях в хронологическом порядке, содержащий сведения обо всех операциях, изменениях, происходящих на серверах в локальных и глобальных сетях, в частности на веб-сайтах. Используя лог-файлы в качестве доказательств, можно установить факт интенсивности неправомерного коммерческого использования интеллектуального права, в частности права на товарный знак. Посещаемость веб-сайта может быть фактором, который следует учитывать в случаях подлинного использования и приобретения товарного знака. В деле № А73-2976/2022 Арбитражного суда Хабаровского края по иску ООО «Юник Технолоджис» (далее - истец) к ответчикам ИП и ООО «Фарпост» о взыскании в солидарном порядке компенсации за нарушение исключительного права, а именно нарушения исключительного права на товарный знак в форме предложения о продаже товаров, маркированных товарным знаком истца (словесного обозначения в тексте соответствующих объявлений) ООО «Фарпост» было признано информационным посредником и освобождено от ответственности. Однако интересным с точки зрения нашего исследования является способ подтверждения ООО «Фарпост» своей невиновности. Последним в качестве доказательства своевременного принятия необходимых и достаточных мер для прекращения нарушения интеллектуальных прав были представлены *лог-файлы*. Из текста судебного решения: «... из состава и содержания *лог-файлов*, согласующихся с результатами нотариального осмотра доказательств, оформленных протоколом от 22.04.2022, усматривается, что исходные файлы объявлений №№ 86533391, 79730645 были удалены с сайта www.farpost.ru до момента обращения Истца за судебной защитой» [16].

Анализ законодательства и судебной практики привел нас к следующим выводам:

1. Отечественное процессуальное право не рассматривает электронное доказательство в качестве отдельного вида доказательств и не придает последнему самостоятельного значения. В связи с чем возникают трудности с допустимостью и в дальнейшем с оценкой электронных доказательств.

2. Различные арбитражные регламенты не имеют детального урегулирования процедур, связанных с принятием, удостоверением и истребованием электронных доказательств, как и критерии их допустимости, достоверности. В связи с этим перед сторонами и судом возникает правовая неопределенность, что дает некоторую свободу при принятии решений о раскрытии и допустимости электронных доказательств. Это, в свою очередь, порождает противоречивую, неустойчивую и не единообразную судебную практику.

3. Использование в делах о защите интеллектуальных прав таких средств доказывания как: скриншоты, метаданные, мета-теги, лог-файлы является сегодня неотъемлемой частью правоприменительного процесса и нуждаются в дополнительной проработке и урегулировании, что позволит определить их доказательственное значение. Круг электронных доказательств довольно широк, он не заканчивается теми, которые были рассмотрены в работе. Цифровизация объектов исключительных прав очевидно свидетельствует о необходимости в рассмотрении вопроса о судебной оценке электронных доказательств в качестве самостоятельного средства доказывания.

Пристатейный библиографический список

1. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 года № 149-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. Заборовский К. С. Электронные документы как доказательства в арбитражном процессе // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Второй международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 22 мая 2020 года / Под редакцией Д. В. Бахтеева. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет». – 2020. – С. 398-405.
5. Гаврик А. Е. Электронные доказательства по делам о защите прав интеллектуальной собственности в сети Интернет // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 67-6. – С. 27-29.
6. Информационная справка, подготовленная по результатам обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации по некоторым вопросам, возникающим при оценке доказательств, содержащих информацию, размещенную в сети «Интернет», утверждена Постановлением Президиума СИП от 14 сентября 2017 г. № СП-23/24. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
7. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 11 ноября 2022 г. по делу № А76-25339/2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 13.04.2023).
8. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 9 декабря 2022 г. по делу № А63-8357/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 12.04.2023).
9. Постановление Второго Арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2022 г. по делу № А17-1357/2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 13.04.2023).
10. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 18 октября 2022 г. по делу № А45-20763/2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 13.04.2023).
11. Meta Tags – How Google Meta Tags Impact SEO. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wordstream.com/meta-tags> (дата обращения: 21.04.2023).
12. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 17 декабря 2018 г. по делу № А14-17816/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 13.04.2023).
13. Решение Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 6 августа 2020 г. по делу № А56-133360/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 13.04.2023).
14. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 4 мая 2021 г. по делу № А46-17099/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 15.04.2023).
15. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 сентября 2022 г. по делу № А56-59832/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 15.04.2023).
16. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 10 августа 2022 г. по делу № А73-2976/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-cheliabinskoi-oblasti/?page=5>. (дата обращения: 13.04.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-243-246

БОРОВЧЕНКОВА Виктория Олеговна

эксперт Центра трудового права и права социального обеспечения Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАБОДАТЕЛЬСКОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящена работодателю контролю как междисциплинарной категории. Автором подчеркивается, что работодателю контроль, с одной стороны, является экономическим механизмом в сфере управления персоналом, который предназначен для своевременного повышения производительности и эффективности труда, а с другой стороны, признаком трудовых отношений. Работодателю контроль следует также рассматривать через призму поведенческой экономики, поскольку поведенческие эффекты помогут работодателю выработать эффективную систему контроля, учитывающую поведение работников.

Ключевые слова: трудовые отношения, работодателю контроль, управление персоналом, искусственный интеллект.

BOROVCHENKOVA Viktoriya Olegovna

expert of the Center for Labor and Social Security Law of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH ON EMPLOYER CONTROL

The article is devoted to the employer control as an interdisciplinary category. The author emphasizes, on the one hand, that the employer control is an economic mechanism in the field of personnel management, which is designed to improve the productivity and efficiency of labor in a timely manner, and on the other hand, a sign of labor relations. Employer control should also be considered through the prism of behavioral economics, as behavioral effects will help the employer to develop an effective control system that takes into account the behavior of employees.

Keywords: labor relations, employer control, personnel management, artificial intelligence.

Боровченкова В. О.

В связи с влиянием цифровой экономики и развитием цифровых информационных технологий происходит адаптация трудового права к новым условиям, в том числе это касается и трансформации работодателю контроля. Так, появляются новые способы осуществления контроля работодателем за выполнением трудовой функции работников, основанные на использовании технических средств и искусственного интеллекта.

Работодателю контроль является междисциплинарной категорией, изучаемой не только с точки зрения трудового права, но и с точки зрения управления персоналом. Такое комплексное изучение важно в контексте связи эффективного ведения бизнеса и выстраивания отношений с исполнителями труда (как с работниками, так и независимыми исполнителями) с использованием правовых конструкций, отражающих специфику деятельности организации.

Во-первых, контроль работодателя – это один из важнейших признаков, свидетельствующих о наличии трудовых отношений. Так, Трудовой кодекс Российской Федерации¹ (далее – ТК РФ) определяет трудовые отношения как отношения между работником и работодателем о выполнении последним трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя (ст. 15 ТК РФ). Кроме того, согласно

Рекомендации МОТ № 198 «О трудовом правоотношении»², к признакам трудового правоотношения относятся выполнение работы в соответствии с указаниями и под контролем другой стороны, интеграция работника в организационную структуру предприятия, выполнение исключительно или главным образом в интересах другого лица и т.д. В более общем виде контроль рассматривается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»³ как подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка. Это означает, что работодатель как организатор процесса труда контролирует не только выполнение трудовой функции работником, но и соблюдение правил, установленных трудовым законодательством и работодателем в локальных нормативных актах. Так, согласно ст. 22 ТК РФ работодатель имеет право требовать от

1 Трудовой кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). Ст. 3 (с послед. изм.).

2 Рекомендация № 198 МОТ «О трудовом правоотношении» (Принята в г. Женеве 15 июня 2006 г. на 95-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // СПС «КонсультантПлюс».

работников исполнения ими трудовых обязанностей, а также соблюдения правил внутреннего трудового распорядка, в то же время работники по ст. 21 ТК РФ обязаны добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка и трудовой дисциплины. Все это тесно переплетается с вопросами дискреции работодателя по определению того, как и где работник выполняет работу, в какие сроки и т.д.

Кроме того, понимание работодателю контроля как правовой категории важно в контексте отношений, складывающихся между субъектами платформенной экономики. Для гибкой локальной организации труда таких субъектов характерно перенесение предпринимательских рисков за пределы компании, сосредоточение на основной компетенции и «размывании» границ работодателя [1]. С данной точки зрения происходит изменение организации труда в контексте работодателю контроля. В настоящий момент по большей части в судебной практике Российской Федерации платформенные отношения не относятся к трудовым, но при этом во взаимодействии платформы и исполнителя (гиг-работника) прослеживаются элементы работодателю власти, что может привести к перекалфикации отношений. Например, суд признал отношения трудовыми между платформой и исполнителем, выполняющим функции курьера по доставке⁴. При этом стоит отметить, что суд фактически исходил из анализа понимания работодателю контроля при квалфикации отношений, поскольку сделал акцент на том, что исполнителю выдали должностную инструкцию, в которой прописаны обязанности, в том числе прибытие в рабочее время на рабочее место, проставление подписи в таблице учета рабочего времени, заполнение путевых листов, учет времени доставки, и обязали пройти медицинский осмотр. Данные аспекты дела свидетельствуют о том, что исполнитель подчинился внутреннему трудовому распорядку работодателя, находился под управлением и контролем в течение рабочего дня. Кроме того, к контролю работодателя в данном случае можно отнести тот факт, что исполнителю необходимо было пройти медицинский осмотр.

С одной стороны, Н. В. Закалюжная считает, что в сложившихся условиях видоизменяется организационный критерий трудового правоотношения в сторону ослабления власти работодателя в контексте привлечения к труду самозанятых, так как они экономически зависят от своей работы, а не от «работодателя» [2]. С другой стороны, фокус внимания смещается на то, что работники гораздо меньше зависят от работодателей, но при этом фактически усиливается зависимость работодателя от работников, поэтому он продолжает осуществлять значительную степень контроля [3].

Из анализа зарубежной судебной практики вытекает, что выделяется еще один признак, определяющий наличие трудовых или гражданско-правовых отношений в платформенной экономике, – степень контроля. Суды Флориды отмечают, что наемные работники и подрядчики подвергаются контролю в том или ином смысле со стороны работодателя или заказчика, но разграничение данных отношений заклю-

чается в том, на что именно распространяется контроль: на результат или на средства, которые используются для достижения результатов⁵. Контроль, направленный на средства, значительно шире, чем контроль, направленный на результаты. Таким образом, «простой» контроль результатов выполненной работы указывает на отношения независимого подрядчика, а контроль средств указывает на трудовые отношения. Так же отмечается, что важным для проведения различия между независимым исполнителем и наемным работником является именно право на осуществление контроля, а не сам фактический контроль или фактическое вмешательство в работу.

Во-вторых, современные системы управления персоналом должны быстро реагировать на изменчивую внешнюю среду организации, увязывать стратегию организации с трудовым и интеллектуальным потенциалом каждого работника. Таким образом, для работодателя как субъекта экономической деятельности важно осуществлять своевременный и эффективный контроль за деятельностью и выполнением происходящих в организации процессов. С данной точки зрения работодателю контроль является важной функцией в управлении персоналом.

Одной из задач контроля персонала является выявление немотивированных и неподходящих по квалфикации работников. В работах экономистов работодателю контроль находится в тесной связи с мотивацией персонала, производительностью и эффективностью труда. С одной стороны, отмечается, что одной из целей контроля является выявление и корректировка отклонений в управлении персоналом [4]. В этом смысле контроль выступает гибким инструментом работодателя, с помощью которого он может быстро реагировать на снижение производительности труда работников и пересмотреть политику организационной структуры в случае необходимости. То есть это некий позитивный аспект функции контроля в управлении персоналом для работодателя. Так, в ходе ряда исследований было установлено, что внедрение контроля за выполнением трудовой функции посредством использования технических средств благоприятно сказалось на повышении производительности труда работников в сторону увеличения. Например, в одном из исследований был сделан вывод о том, что внедрение электронных систем учета и контроля рабочего времени повлияло на повышение производительности труда на 6,38% на одного работника, поддержание трудовой дисциплины и соблюдение правил внутреннего трудового распорядка [5].

С другой стороны, существуют опасения, что электронный мониторинг обостряет психосоциальные риски работников и этические проблемы, касающиеся асимметрии информации, поскольку работодателю предоставляется большее количество персональных данных работников, и дискриминации отдельных категорий работников. Например, к уязвимой группе можно отнести работников старших возрастов, к которым могут применяться системы техниче-

4 Решение Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.07.2020 по делу № 2–1656/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Farmers Merchants Bank v. Vocelle, 106 So. 2d 92. District Court of Appeal of Florida, First District. – September 30, 1958. – № А-36. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/case/farmers-merchants-bank-v-vocelle#p95> (дата обращения: 16.06.2023).

ского контроля для оценки их деятельности [6]. В таком случае велик рост дискриминации по возрастному признаку, которая согласно ст. ст. 2,3 ТК РФ запрещена в сфере труда. В подтверждение данной точки зрения в конце XX века был проведен ряд исследований. Так, М. Смит и Б. Амик пришли к выводу, что мониторинг влияет на работников в сторону увеличения стресса [7]. При этом долгосрочные стрессовые эффекты от контроля работодателя негативно влияют на мотивацию работников и вызывают снижение их производительности. То есть прослеживается негативный аспект контроля как функции управления персоналом.

На междисциплинарный характер также указывает то, что с развитием цифровой экономики работодатели стали использовать технические средства не только в качестве средств автоматизации и оптимизации бизнес-процессов, но и в качестве контроля за выполнением трудовой функции работников, что тесно связано с их правом на неприкосновенность частной жизни и защитой персональных данных. Цифровизация, с одной стороны, открыла пространство для обмена знаниями, развития человеческого капитала работников, упрощения выполнения ряда задач работниками и т.д., но с другой стороны, может порождать злоупотребления со стороны работодателей в силу правовой неурегулированности проблематики использования цифровых информационных технологий в сфере труда.

Взаимосвязь трудового права и управления персоналом в контексте работодателского технического контроля прослеживается при анализе зарубежной судебной практики и судебной практики Российской Федерации. Например, суд Зеландии-Западного Брабанта (Нидерланды) сделал вывод о том, что требование работодателя включать веб-камеру на протяжении рабочего дня нарушает право работника на частную жизнь⁶. Суть дела состоит в том, что работодатель (американская компания Chetu Inc.) обязал дистанционного работника демонстрировать экран рабочего стола компьютера и включать камеру на протяжении всего рабочего дня. Такое решение работодателя можно объяснить с точки зрения экономической целесообразности его желанием контролировать работника, должное выполнение трудовых обязанностей которого, по сути, напрямую зависит от достижения целей организации. Работник отказался включать камеру, сославшись на вторжение в его личную жизнь, в связи с чем был уволен компанией Chetu Inc. Во-первых, суд указал, что установленная работодателем обязанность по включению видеокamеры в течение рабочего дня не является необходимой и целесообразной. Во-вторых, он сослался на статью 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷, регулиющую право на уважение частной и семейной жизни, и указал, что, несмотря на то что данное право по большей степени имеет силу в отношениях между государством и гражданами, при определенных обстоятельствах работник может ссылаться на это основное право и в частноправовых

трудовых отношениях, например, когда государство недостаточно защищает это основное право.

Несмотря на распространенность видеонаблюдения в общественной деятельности, существует судебная практика, в которой работники оспаривают право работодателя на осуществление видеонаблюдения за рабочим местом, полагая, что таким образом нарушается их частная жизнь⁸. Например, в Апелляционном определении Мурманского областного суда от 25.04.2022 № 33-978/2022 работник утверждал, что работодатель не вправе осуществлять постоянное видеонаблюдение, в том числе в период отдыха и приема пищи. Суд сделал вывод, что установка видеокamеры связана с обеспечением безопасности рабочего процесса и обусловлена повышенной опасностью организации, а следовательно, непрерывное видеонаблюдение на объекте работодателя не нарушает право работника на частную жизнь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарубежная судебная практика и судебная практика Российской Федерации соотносят цель работодателя по внедрению технического контроля в контексте реализации предпринимательской деятельности (экономико-управленческий аспект) с правами и интересами работников (трудоправовой аспект).

Работодательский контроль следует также рассматривать через призму поведенческой экономики, под которой понимается научное направление, объясняющее процесс принятия решений экономических субъектов с учетом поведения и психологических особенностей. Суть изучения контроля работодателем за выполнением трудовой функции в разрезе поведенческих эффектов состоит в том, чтобы выработать эффективную систему контроля, учитывающую поведение работников.

Работодатели часто прибегают к такому техническому средству как полиграф (детектор лжи) как при приеме на работу, так и для проверки действующих работников. Под полиграфом понимается прибор, который регистрирует поведенческие аспекты работника и его эмоциональное состояние и с помощью которого выявляется недобросовестность работника (обман во время беседы). Это делается с целью как выявления деловых качеств кандидата на должность, так и выявления нарушений трудовых обязанностей работника, хищения или их отсутствия. Стоит отметить, что законодательного запрета на использование работодателем полиграфа нет и суды не считают использование такого технического средства нарушением прав работника⁹. При использовании эффектов поведенческой экономики предложение работнику пройти полиграф повышает вероятность получения согласия работника на его прохождение и обработку персональных данных работника. Например, эффект фрейминга [8] предполагает, что форма подачи информации влияет на ее восприятие работником. Так, делая акцент на том, что по-

6 Rechtbank Zeeland-West-Brabant. 28-09-2022. № 10072897 AZ VERZ 22-61. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gdprhub.eu/index.php?title=Rb._Zeeland-West-Brabant_-_10072897_AZ_VERZ_22-61 (дата обращения: 16.06.2023).

7 «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

8 Апелляционное определение Мурманского областного суда от 25.04.2022 № 33-978/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 19.02.2019 по делу № 33-836/2019 // СПС «Гарант».

9 См. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2022 по делу № 88-16099/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2022 по делу № 88-33502/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

лиграф важная процедура при выявлении нарушений трудовых обязанностей, устанавливающая его невиновность или обстоятельства, при которых было совершено нарушение и которые могут служить основаниями для смягчения ответственности, а не направленная исключительно на установление его вины, работодатель увеличивает положительную реакцию работника.

Как отмечает А. А. Линец, использование искусственного интеллекта в трудовых отношениях имеет значение для функциональной гибкости локальной организации труда, то есть в этом смысле трудовая функция выполняется системами искусственного интеллекта и, по сути, выносится за пределы организации на аутсорсинг [1]. Это наиболее актуально в эпоху информационного общества и стремительного развития искусственного интеллекта, нейронных сетей, робототехники и т.д. Так, работодателю контроль в части использования нейронных сетей состоит в контроле объема использования работниками таких технических инструментов при выполнении трудовых обязанностей, контроле обеспечения защиты охраняемой законом тайны, в том числе коммерческой тайны работодателя, и контроля принятия решений на основе нейронных сетей.

Стоит отметить, что работодателю контроль и работодателю мониторинг в сфере труда соотносятся как общее и частное. Отличительным признаком работодателю контроля является принятие решений на основании полученных в ходе мониторинга результатов. В случае осуществления электронного мониторинга с использованием искусственного интеллекта происходит пересечение понятий работодателю контроля и мониторинга. Так, искусственный интеллект имеет возможность на основе анализа данных принять то или иное решение, поскольку такие системы наделены способностью выполнять задачи без контроля со стороны человека, самостоятельно обучаться, в том числе на своем опыте, подстраиваться под заданные разработчиком параметры и совершенствовать их в ходе своей деятельности.

Таким образом, контроль работодателя следует отнести к междисциплинарным категориям, поскольку он касается как трудового права, так и управления персоналом. С экономической точки зрения работодателю контроль является механизмом, используемым работодателями с целью повышения производительности и эффективности труда работников. В то же время работодателю контроль как правовая конструкция – это важнейший признак трудовых отношений, который свидетельствует о их наличии, что наиболее актуально в контексте разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений. Кроме того, использование эффектов поведенческой экономики при реализации работодателю власти нивелирует негативную реакцию работников на внедрение технического контроля. Работателю контроль является более широкой категорией по отношению к работодателю мониторингу. Данное различие важно в том числе при осуществлении работодателем мониторинга с использованием искусственного интеллекта. В современных условиях также используются в трудовой деятельности нейронные сети, которые, с одной стороны, повы-

шают эффективность рабочих процессов, а с другой стороны, несут в себе ряд правовых рисков.

Пристатейный библиографический список

1. Линец А. А. Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2022. – 509 с.
2. Закалюжная Н. В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2021. – 433 с.
3. Sprague R. Worker (Mis)Classification in the Sharing Economy: Trying to Fit Square Pegs in Round Holes // *Journal of Labor and Employment Law*. – 2015. – Pp. 53-76. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2606600>.
4. Юсупова С. М., Милованов Д. И. Контроль персонала в кадровом контроллинге // *Гуманитарный научный журнал*. – 2022. – № 1. – С. 45-51.
5. Побиянская А. В., Кипервар Е. А., Дубровин А. М. Системы контроля и учета рабочего времени как направление повышения производительности труда // *Экономика труда*. – 2021. – Том 8. – № 6. – С. 631-642.
6. Чернышов И. Н. Электронный мониторинг производительности: возможности и угрозы в изменяющемся мире труда // *Экономика труда*. – 2022. – Том 9. – № 1. – С. 23-36.
7. Smith M., & Amick B. (1989). Electronic monitoring at the workplace: Implications for employee control and job stress. *Job Control and Worker Health*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psy250.gofeet.info/pdf/smith.pdf>.
8. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. – Москва: АСТ, 2014. – 653 с.

ДЕНИСОВА Юлия Владимировна

аспирант кафедры юриспруденции Университета управления «ТИСБИ»

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Данная статья посвящается изучению и исследованию истории развития и становления медиации в российском правовом обществе во время крестьянских взаимоотношений. Автор рассматривал исторический аспект становления, предпосылки и процессы становления медиации в новой интерпретации, с помощью выделения главных этапов медиации в настоящем современном обществе в России. В процессе изучения и исследования были проанализированы литературные источники, нормативно-правовые акты и иные документы законодательного характера, которые способствовали определению проблемы процесса развития медиации в Российской Федерации в крестьянские времена и в настоящее время.

Ключевые слова: медиация, историческое развитие, разрешение споров, историческая справка, «посредники», правовая система, история развития медиации.

DENISOVA Yuliya Vladimirovna

postgraduate student of Jurisprudence sub-faculty of the University of Management «TISBI»

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MEDIATION IN RUSSIA

This article is devoted to the study and research of the history of the development and formation of mediation in the Russian legal society during peasant relations. The author considered the historical aspect of the formation, the prerequisites for the formation and formation of mediation in a new interpretation, by highlighting the main stages of mediation in a real modern society in Russia. In the process of study and research, literary sources, legal acts and other legislative documents were analyzed, which contributed to the definition of the problem of the development of mediation in the Russian Federation in peasant times and at the present time.

Keywords: mediation, historical development, dispute resolution, historical background, «mediators», legal system, history of mediation development.

Денисова Ю. В.

Посредничество – с юридической точки зрения, данный термин называется медиацией. Происхождение слова от английского слова «mediate», значение перевода и самого слова при этом объясняет понятие об осуществлении посреднической деятельности, выступать посредником.

Медиация является современным и альтернативным способом решения проблем внесудебного характера, то есть при решении проблемы участвует независимый эксперт, человек, который будет являться медиатором [18], [19].

В VI в. н. э. стали говорить о формировании нового витка решения проблем с помощью использования общественных отношений, которые были первыми историческими источниками и сведениями, указывающими на возникновение способов примирительных решений конфликтных ситуаций. Это говорило о необходимости заключать перемирие, которые ясно и четко показывали, как можно решить проблему. Исторические источники знаний, стали выступать как нормы, которые были взяты как прецеденты в решении тех или иных конфликтов [17].

Так как в древние времена частыми проблемами были конфликты на фоне кровной мести, то и решение данных проблем было невозможно без участия третьих лиц. В данном случае, старшее поколение славян, использовали обряд «побратимства», чтобы прийти к более цивилизованному способу решения проблемы. Обряд «побратимства» стал процедурой урегулирования, примирения и решения споров и конфликтов, которые возникали в общине и в самом обществе.

Восстановление справедливости при данном обряде имело место быть, но главным были примирение сторон и только после уже сама справедливость.

Члены племени, которые выступали в качестве примирителей, считали, что племя должно выживать и его целью конечно же является борьба за существование. Также данный

способ решения конфликтов, считался способом умирения агрессоров в племени, чтобы восстановить стабильность и мир. Понятие справедливости при решении конфликтов было второстепенным, как и само представление справедливости [16].

На Руси также использовали приемы медиации для решения возникающих проблем с княжескими междоусобицами. Представители духовенства являлись посредниками в решении таких проблем. Наименований их деятельности и их самих было множество: «посредничество», «ходатайство», «предложение добрых услуг».

Деловая культура Новгородской Республики стала неотделимой частью при использовании широкой воли самоуправления, невмешательства в частные дела государства. При удовлетворении потребностей государства инициатива и диспозитивность медиации использовались в решении споров и конфликтов без обращения в суд.

В настоящее время в библиотеках и в онлайн литературно-библиотечных фондах можно найти информацию о том, что ранее использовалась внесудебная процедура разрешения конфликтов и споров, которые описаны были в виде процедуры под названием «мировой ряд» или просто «ряд»¹. Часто эта процедура встречалась в Новгородской Республике, бюллетени «хранят» в себе информацию об их местоположении. Процедуру «мирового ряда» можно сравнить с третейским судом, так как смыслом и сутью дела, являлось нахождение решения возникшей ситуации или конфликта. Каждая сторона, приглашала «своих людей», то есть «рядцов», которые могли независимо оценить ситуацию или

1 Медиатор. Персональный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-699> (дата обращения: 20.06.2023).

конфликт и помочь решить спор. Непосредственное значение имел процесс разбора спора или конфликта. Это помогло найти способ решения проблемы, то есть возможности примирения, либо заключить новый договор в отношении предмета или предметов спора и конфликта. Проще говоря, составляли мирное соглашение между спорщиками, конфликтующими или враждующими [15].

Конечно же, в истории были описаны и другие виды судов, например, на Руси также существовал игуменский суд. Он состоял из нескольких людей, которых называли «братиями». Главой суда выступал игумен. Еще одним известным видом суда был митрополичий суд и главой суда являлся митрополит, еще митрополита называли суперарбитром.

Крупные источники русского права, описывали или упоминали о мирных соглашениях, например, такие записи были отмечены или упомянуты в Псковской Судной грамоте (1397), Судебнике Ивана III (1497), Соборном уложении (1649)². Имея в виду, что в Средние века исполнительная власть не имела разделений по ветвям, и в принципе четких границ тоже в области права. В возникающих конфликтных ситуациях были заключены мирные сделки по всем видам, по которым могли найти решение независимо от вида правонарушения или нарушения. Со временем исторические документы о соглашениях, которые описаны в данном абзаце, стали основой института гражданско-процессуального права. С более глубоким изучением и развитием, стали соблюдаться и делиться границы направлений права по ветвям власти.

С XVI в. процедуры старались решить досудебными процессами, либо же при отсутствии такой возможности с помощью судебных разбирательств и помощи третьих независимых лиц [14].

В онлайн библиотеках, источники, свидетельствуют о том, что процедуры примирения и решения похожих процессов использовались на протяжении долгого периода времени, независимо от того, что законодательство было уже развито, эти процедуры могли оформить и дать им юридическую силу. В XVIII-XIX вв. было решено, что примирение должно быть оформлено на законодательном уровне, этому процессу дали название *совестного суда*³. Способствовало этому то, что обычаи древних славян, во время данного периода развития страны и ее становления, так и становления народа все еще находилось относительно под влиянием пережитков прошлого.

Совестные суды, имели возможность рассматривать дела в части уголовного права, которые были связаны с малолетними, невменяемыми и т.д., а в основном их стезей выступали гражданские дела. Независимо от периода времени, века и развития страны и мира, самой частой проблемой в жизни, конечно же были вопросы родителей и детей. Судебные дела данного конфликта или спора изымались из подсудности обычных судов [13]. В отличии от предыдущих судов, которые ранее использовались для решения споров и конфликтов, Совестьный суд, пользовался не только законом, но и также понятием справедливости при решении проблем для примирения сторон.

Судьи Совестьного суда, обязаны были руководствоваться при решении конфликтов и споров, такими понятиями и чувствами, как «человеколюбие, почтение к особе ближнего и отвращение от утнетения». Для решения той или иной проблемы, Совестьный суд разрабатывал варианты для примирения. Решение могло быть самостоятельным, либо на основании решения

проблемы с помощью медиатора, то есть посредника. Требованием суда являлось обозначение средств к примирению сторон. При отсутствии компромиссного решения проблемы или конфликта, истцу и ответчику необходимо было найти медиаторов, по одному или по два человека с каждой стороны.

Медиаторы совместно с Совестьным судом, при решении споров и конфликтов искали пути решения проблемы. При похожем мнении медиаторов в решении проблемы, суд принимал их вариант и утверждал его с соглашением сторон. При расхождении и продолжении распрей, суд предлагал свои варианты решения проблем. Конечно, бывали случаи, когда и решение суда не устраивало конфликтующих, поэтому суд им давал срок на обдумывание и принятие мер. При отсутствии мер, предложений и новых способов решения проблемы, Совестьный суд мог перенаправить дела конфликтующих в гражданские суды.

В 1862 г., в связи с некомпетентностью, Совестьные суды перестали исполнять свои обязанности, что вызывало волну сопротивления в отношении их и их работы.

Автор В. О. Ключевский описал в своей работе процесс, что за 12 лет Уфимский Совестьный суд не рассмотрел даже 12 дел. Со слов автора, описанных в тексте: «его камердинер по просьбам виновных из тяжущихся сторон обыкновенно гонял всех челобитчиков» [4].

А вот автор О. Ю. Скворцов, в своей работе описал тот случай, который показал массовую или даже мировую тенденцию «неприживаемости» лиц правосудия негосударственного характера в российском окружении. Хотя общество также не оставляло надежды в помощи от государства в решении спорных и конфликтных ситуаций. Народ также продолжал обращаться в государственные суды [8].

В сентябре 1862 г. в документе «Основные положения преобразования судебной власти в России» законодательно было зафиксировано, что вместо Совестьного суда, утверждены мирные суды.

20 сентября 1864 г. народ получил «новую пищу» для размышления и использования, в виде «Судебных уставов», которые сформировали новую судебную власть с введением новых видов судов (мировые).

Главной целью мирового судьи являлось достижение и склонение сторон к мирному соглашению, то есть к их примирению. При невозможности достижения мирного соглашения, судья, пользуясь властью, которой он был наделен, мог вынести приговор или решение по текущему делу.

К сожалению, а возможно и нет, но в то время, судьями могли быть и лица не имеющие образования в области юриспруденции, так как процедура разбирательства была простой в решении споров или конфликтов.

Главными критериями на должность судьи являлись личные качества человека, его авторитет и уважение в обществе. В исторических очерках описано, что в обязанности мирового судьи входило: «...просьбы принимать везде и во всякое время, а в необходимых случаях и разбирать дела на местах, где оные возникли...» [12].

Так как население, должно было осознавать и понимать, что происходит, то мировой суд для народного понимая, был максимально приближен по характеру к народу, то есть система была ясной, простой и доступной для общества. На протяжении 25 лет мировой суд решал проблемы общества в таком виде. В последующем мировой суд был упразднен, но в крупных городах на основании Закона от 12 июня 1889г. мировой суд сохранялся еще в прежнем виде.

Возрождение мировой юстиции наблюдалась в 1912 г. в России. 24 ноября 1917 г. мировой суд полностью упразднили совместно с Декретом о суде.

Спустя 70 лет, в судебную систему вернули работу мировых судей. Это произошло 17 декабря 1998 г. на основании Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации».

2 Медиатор. Персональный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-2318> (дата обращения: 22.06.2023).

3 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.brocgaus.ru/text/093/200.htm> (дата обращения: 19.06.2023).

С конца XVIII в. и до середины XIX в. суды и медиаторы совместно решали споры и конфликты. Суды и медиаторы в какой-то степени являлись дополнением друг друга. Они улучшали систему в решении проблем, дополняя друг друга, вводили новшества в процессы при решении проблем для примирения сторон. Все это говорило о том, что примирение, является одним из важнейших элементов в судопроизводстве, при решении конфликтных ситуаций.

Государственным Советом от 20 ноября 1894 г. был принят Устав гражданского судопроизводства. Это была совместная работа медиаторов и третейского суда, которая описана в данном документе.

При новых нормах, мировые судья могли выступать в виде медиаторов при соглашении сторон в решение спора или конфликта. Весь этот процесс был зафиксирован на законодательном уровне по правилам третейского суда [10], [11].

В начале XIX в. стали работать коммерческие суды, но в процессуальном значении они не были такими, потому что половина судей могла быть в виде представителей из купечества, а в самом судебном процессе применяли нормы обычного права, которые использовали для решения споров.

Коммерческие суды пользовались не столько законами при решении дел, сколько местными нормами и обычаями, что влекло за собой ужатые сроки в рассмотрении дел, отказы в докладе дел, отмены заключение прокуроров или прокурора и так далее. Понятий отмены или изменения определений, или определения и вовсе не было, после принятия того или иного решения, потому что судебное решение основывалось на обычаях и одновременно законе. Решение же по делу оглашать должны были незамедлительно, после завершения конфликтных ситуаций.

Коммерческие суды упразднили, после принятия Декрета о суде № 1 Советской власти.

Подобным образом, можно сделать вывод, медиация прошла несколько этапов развития и становления. Все этапы были в виде прогресса или регресса в процессе развития медиации в области решения проблемных ситуаций граждан.

Необходимо отметить, что процедура медиации являлась популярным способом решения конфликтных и спорных ситуаций, с использованием понятий мирного решения проблемы. Развитие медиации по настоящее время, свидетельствует о том, что общество развивается в области юриспруденции и понимает, что есть возможности решения проблем мирными путями. Юридическая образованность в решении таких видов проблем, влияет и на более современное решение и становление законодательства в области права с помощью упрощения процедуры примирения сторон с помощью медиаторов и суда.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеенко Н. И. О подведомственности имущественных споров товарищеским судам // Вестник Ленинградского государственного университета. - 1961. - Вып. 1. - № 5. - С. 120.
2. Анохин В. С. Арбитражное процессуальное право России. - М.: Владос, 1999.
3. Баххауз Н. А. Об источнике обязанности государственного суда ex officio проверять решение третейского суда по предусмотренным в законе основаниям при рассмотрении заявления о его отмене // Третейский суд. - 2004. - № 3. - С. 52-59.
4. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций (комплект из 3 книг). - М.: Мысль, 1993. - 953 с.
5. Куницын А. П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. - СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1843. - С. 25.
6. Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Политическая медиация: учебное пособие. - Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала)

Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. - 370 с.

7. Рубинштейн Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. - С. 11.
8. Третейское разбирательство в Российской Федерации: учебное пособие / Под ред. О. Ю. Скворцова - М.: Издательство «Волтер Клуверс», 2010.
9. Шанин Т. Куда идет Россия? - М.: Аспект-Пресс, 1996. - С. 170.
10. Морозова В. В. Медиация как способ разрешения предпринимательских споров. // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты. - 2021. - С. 142-144. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47376495> (дата обращения: 23.06.2023).
11. Канзафарова Э. Р., Ерохина Е. В. Медиативное законодательство: зарубежные стандарты и Российская практика // Аналитика РОДИС. - 2021. - С. 23-33. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47156904> (дата обращения: 18.06.2023).
12. Устав гражданского судопроизводства с разъяснениями Сената по 1903 г. включительно. - Екатеринбург: Типография книгоиздательства Л. М. Ротенберга, 1904.
13. Сасов К. А. Как судебной практикой снизить количество налоговых споров в суде. // Представительная власть – XIX век: законодательство, комментарии, проблемы. - 2008. - С. 25-28. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12810899> (дата обращения: 22.06.2023).
14. Мкртумян А. Р., Григорян С. С. Состояние и проблемы института досудебного урегулирования налоговых споров в Российской Федерации и в Республике Армения в условиях членства в ЕАЭС // Аллея науки. - 2020г. - С. 719-728.
15. Куликова А. В. Медиативное соглашение как особый вид обязательств // Право. Общество. Государство. - 2020. - С. 162-166. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43069628> (дата обращения: 22.06.2023).
16. Кравчук Л. С., Бочарникова Л. Н., Землякова Т. А. О применении медиации в уголовных делах (из опыта правоприменительной практики Федеративной Республики Германии) // Историческая и социально образовательная мысль. - 2015. - С. 118-121. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25444600> (дата обращения: 18.06.2023).
17. Шамликашвили Ц. А., Островский А. Н., Кабанова Е. В., Сильницкая А. С. Медиация в здравоохранении: от правоприменения к диалогу о правах // Социология медицины. - 2017. - С. 75-81. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32505816>.
18. Машарова Т. В. Медиация как средство по разрешению конфликтов в современной образовательной среде // Мир науки, культуры, образования. - 2019. - С. 62-66. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39282090> (дата обращения: 22.06.2023).
19. Иванов О. Б. Медиация в деятельности ассамблеи народа Казахстана // Заметки ученого. - 2017. - С. 29-46. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32284352> (дата обращения: 23.06.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-250-253

АНИЩЕНКО Олег Александрович

магистрант Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ФЕДОРЕНКО Анастасия Сергеевна

магистрант 2 курса программы «Коммерческое и договорное право» Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО НАЛОГУ НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ: ОТ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО» КРИТЕРИЯ К «БУХГАЛТЕРСКОМУ» И ОБРАТНО

В статье отмечается, что длительное время судебная практика по делам об определении облагаемых налогом на имущество организаций объектов складывалась не в пользу налогоплательщика, так как суды применяли «гражданско-правовой» критерий разграничения движимого и недвижимого имущества. Целенаправленными усилиями Верховному суду эту практику удалось поменять, обратив внимание нижестоящих судов на необходимость применения категорий бухгалтерского учета. Вместе с тем, как следует из анализа новейшей судебной практики, некоторые арбитражные суды вновь стали возвращаться к прежним подходам, ранее опровергнутым вышестоящей инстанцией. Сам Верховный суд, однако, не только не принимает никаких мер, направленных на гармонизацию судебной практики, но как будто бы и вовсе не замечает проблему. Статья будет полезна тем, кто интересуется налоговым правом.

Ключевые слова: налог на имущество организаций, судебная практика, движимое и недвижимое имущество, бухгалтерский учет.

ANISHCHENKO Oleg Alexandrovich

magister student of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

FEDORENKO Anastasiya Sergeevna

magister student of the program «Commercial Law and Legal Fundamentals» of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

JUDICIAL PRACTICE ON CORPORATE PROPERTY TAX: FROM THE “CIVIL LAW” CRITERION TO THE «ACCOUNTING» ONE AND VICE VERSA

The article notes that the judicial practice in cases of determining the taxable objects of corporate property tax was not in favor of the taxpayers for a long time, for courts used to apply the “civil law” criterion for making a distinction between personal property and real estate. The Supreme Court has deliberately changed this practice by drawing the attention of lower courts to the need to apply accounting categories. Nevertheless, as it can be derived from the analysis of the latest judicial practice, some arbitration courts have once again returned to the approaches, which were previously refuted by a higher authority. The Supreme Court itself, however, not only does not take any measures aimed at harmonizing judicial practice, but does not seem to notice the problem at all. The article will be useful to those who are interested in tax law.

Keywords: corporate property tax, judicial practice, personal property and real estate, accounting.

В текущем году исполняется 10 лет с момента, когда законодатель инициировал процесс освобождения движимого имущества, учитываемого у налогоплательщика, из-под налога на имущество организаций. Однако несмотря на ряд последующих законодательных новел и открыто декларируемых целей налоговой политики, долгое время практика по налогу на имущество организаций складывалась не в пользу налогоплательщика – движимое, по мнению хозяйствующего субъекта, имущество очень часто переквалифицировалось судами в облагаемую недвижимость. В литературе столь существенное расхождение результатов правоприменительной деятельности с намерением законодателя в литературе с долей разочарования назвали восстановлением печально известного «налога на модернизацию» [6, с. 40].

В непредвиденную законодателем ситуацию пришлось несколько раз вмешиваться Верховному суду, который в буквальном смысле указывал судам на правильный с теле-

ологической точки зрения способ толкования вызывающих вопросы норм. Надо признать, что на определенное время авторитет высшей судебной инстанции на суды эффект произвел, а вероятность положительного для налогоплательщика исхода по данной категории споров существенно возросла, что, тем не менее, продлилось недолго. Недавно в ряде судебных решений намечилось возвращение к прежнему подходу, вступающему в открытое противоречие уже не столько со скрытой волей законодателя, сколько с отчетливо продвигаемой методологией самого Верховного суда. В целом, наличие расхождений в правовых позициях праву было свойственно всегда. Странно здесь то, что данные решения оспаривались, но Верховный суд не нашел оснований для пересмотра. Означает ли это, что изменились взгляды самой высшей судебной инстанции?

Прежде, чем дать на него ответ, необходимо разобраться в причинах противоречивости судебной практики. Представ-

Анищенко О. А.

Федоренко А. С.

ляется, они лежат в законодательной технике [3, с. 66]. Дело в том, что основной целью законодателя являлось «создание стимулов для обновления основных фондов»¹. Технически реализовать ее законодатель решил именно путем исключения движимых вещей из состава объектов налога на имущество организаций. При этом сам по себе способ установления круга облагаемых объектов путем указания на их учет в качестве основных средств в ст. 374 НК РФ был сохранен.

Здесь необходимо сделать упреждающую ремарку – именно наличие двух одновременно действующих критериев определения облагаемого имущества – отражение объекта в качестве основных средств по правилам ведения бухгалтерского учета (что само по себе обоснованно критикуется исследователями как прием, несоответствующий основным началам налогообложения [5, с. 20-29]), и его недвижимая природа – предопределило те противоречия, о которых пойдет речь далее. Если до 2013 года определяющим критерием являлся исключительно бухгалтерский [7, с. 24] (так как облагалось и движимое, и недвижимое имущество), то с появлением усложненной диспозиции суды, в отсутствие руководящих разъяснений, остались перед выбором – руководствоваться правилами гражданского законодательства, продолжать применять только стандарты бухучета, или пытаться их каким-то образом совмещать. Независимо от преимуществ или недостатков всех трех вариантов, необходимо признать, что суды предпочли пойти по первому пути.

Так, наглядной иллюстрацией методики размышления судов является мотивировочная часть Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.01.2019 № Ф07-15984/2018² (которое в дальнейшем, будучи оспоренным в Верховном суде, получит широкую известность как дело «Лесозавод 25»). Схематично решение судами вопроса о движимом/недвижимом характере спорного имущества произошло по следующему паттерну:

В начале кратко перечисляются критерии недвижимого имущества, установленные в ст. 130 ГК РФ, что выглядит разумным, учитывая прямое указание в ст. 374 НК РФ на недвижимое имущество как объект налогообложения, с учетом предписаний ч. 1 ст. 11 НК РФ.

Однако в подавляющем большинстве ситуаций один лишь критерий ст. 130 ГК РФ оказывается мало результативным. Например, пока приобретенное оборудование находится «в пути», до момента передачи его покупателю мало кто будет оспаривать его движимый характер. Но как только условный трансформатор установлен на фундамент внутри трансформаторной подстанции, подключен к энергосетям и тем самым становится частью производственного процесса, ответ о его природе уже не столь очевиден.

Далее, чрезмерная расплывчатость общих критериев недвижимого имущества побуждала суды продолжить аргументацию, но уже в русле непосредственного экономического назначения спорных объектов. Поэтому следующий шаг – ссылка на ст. 133 ГК РФ. Для подкрепления критерия неразрывной технологической связи суды также ссылаются на еще одну норму Гражданского кодекса – ст. 133.1, согласно которой единое назначение объединяет здания, сооружения и иные объекты в рамках единого недвижимого комплекса.

Именно на данном этапе аргументация завершается, и суды приходят к выводу, что «демонтаж и перемещение объ-

ектов... невозможен без несоразмерного ущерба назначению построенного здания и самого оборудования»³.

Корректность приведенных аргументов с точки зрения самого гражданского права в настоящей статье рассматриваться не будет. Важно иное. Налоговые органы и суды прекрасно осознавали назначение спорного имущества – его участие в производственном и ином хозяйственном процессе. Следовательно, при всем желании, упрекнуть их в непонимании экономической подоплеку деятельности налогоплательщика нельзя [1, с. 34-35]. Интересно, однако, то, что экономический взгляд налоговых органов с методологической точки зрения был односторонним, так как суды либо вовсе не ссылались на нормативные акты бухгалтерского учета в своей аргументации⁴, либо в лучшем случае упоминали их вскользь⁵.

Таким образом, анализируемое направление судебной практики, существовавшее как минимум до 2019 года, описывается на две существенные характеристики: 1) недостаточность критериев гражданского права при определении облагаемых налогом на имущество объектов и 2) подчиненный, комплементарный характер критериев бухгалтерских, предусматривающих отнесение того или иного имущества к основным средствам.

Несмотря на приоритет гражданского законодательства перед подзаконными актами Минфина, у данного направления судебной практики был один фатальный недостаток – экономически спорное оборудование и иные объекты *практически никогда*, с момента их принятия в качестве основных средств, не могут быть выведены из производственного процесса без сопутствующих затрат и нарушений производственных цепочек. Следовательно, какие бы меры не принимал налогоплательщик, объективное действие гражданско-правового критерия чаще всего приводит к необходимости квалифицировать спорное оборудование в качестве части сложной неделимой недвижимой вещи. А это, в свою очередь, полностью противоречило целям государственной налоговой политики, разработанной с учетом необходимости стимулирования модернизации производственных мощностей.

Решать это противоречие взялся Верховный суд. На определенное время весьма авторитетное определение по делу «Лесозавод 25» не только в известной степени дисциплинировало налоговые органы и суды, но и дало самим налогоплательщикам относительно понятный алгоритм их собственных действий [4, с. 14-16].

Кратко остановимся на основных содержательных характеристиках намечившегося поворота в судебной практике. Ключевое, что необходимо понимать – Верховный суд сознательно принял решение прибегнуть к телеологическому толкованию ст. 374 НК РФ. Сделал он это достаточно интересным способом, буквально развернув вспять логику судов нижестоящих инстанций.

Так, если ранее, как отмечалось, нижестоящие суды бухгалтерское определение основных средств в серьез никогда не учитывали, то аргументация Верховного суда этот пробел устраняет – «определенность налогообложения при взимании налога на имущество организаций обеспечивается за счет использования установленных в бухгалтерском учете формализованных критериев признания имущества налогоплательщика (движимого и недвижимого) в качестве

1 П. 1.4 «Основных направлений налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».

2 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.01.2019 № Ф07-15984/2018 по делу № А05-879/2018.

3 Там же. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.01.2019 № Ф07-15984/2018 по делу № А05-879/2018.

4 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.06.2018 № Ф07-6257/2018 по делу № А42-5598/2017.

5 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.04.2019 № Ф01-1073/2019 по делу № А29-4430/2018.

соответствующих объектов основных средств». Тем самым Верховный суд недвусмысленно дал понять, что анализ того, является ли то или иное имущество объектом налогообложения, необходимо начинать именно с его учета как основного средства.

Следующим логическим шагом является проведение классификации самих основных средств, часть которых, действительно, в соответствии с действующим в тот период ПБУ 6/01, относилась к зданиям и сооружениям (т.е., бесспорно, к недвижимому имуществу), а другая часть могла учитываться на балансе иначе, а как именно – указывается в Общероссийском классификаторе основных фондов (далее – ОКОФ). ОКОФ, в свою очередь, за прямо предусмотренными исключениями, предусматривает учет спорного оборудования в качестве отдельных, не относящихся к зданиям и сооружениям, инвентарных единиц. Следовательно, как делает вывод Верховный суд, «приобретенные в качестве основных средств объекты движимого имущества учитываются отдельно... в качестве самостоятельных инвентарных объектов... и подлежат налогообложению в таком качестве»⁶.

Таким образом, толкование, данное Верховным судом на данном этапе, предусматривает алгоритм разграничения движимого и недвижимого имущества, основанный именно на бухгалтерских характеристиках спорных объектов. Означает ли это, что нижестоящие суды, руководствуясь ст. ст. 130-134 ГК РФ, ошибались, и применять критерий технологической связи в данной ситуации недопустимо? Прямого ответа на этот вопрос Верховный суд не дал. Вместо этого он обратил внимание на то, что часто используемые ранее критерии технологической связанности, равно как и экономической целесообразности, *сами по себе* весьма расплывчаты и допускают двоякое толкование, не соответствуют принципу правовой определенности и, в конечном итоге, лишают налогоплательщика стимула нести затраты на обновление производственного оборудования.

Вместе с тем, говорить о том, что позиция по делу «Лесозавод 25» пресекала использование судами гражданско-правовых критериев, все-таки нельзя – Верховный суд, как усматривается из текста судебного акта, напрямую критерий технологической связи бесповоротно не опроверг. Поэтому какое-то время суды не спешили расставаться с частноправовым инструментарием (учитывая его большую ясность по сравнению с теми же категориями бухгалтерского учета).

Окончательное же формирование более строгой позиции Верховного суда произошло 2 годами позже при рассмотрении дела ООО «Юг-Новый Век»⁷, в рамках которого Верховный суд в достаточно жесткой форме отреагировал на идущую в разрез с его правовой позицией практикой нижестоящих судов. Так, суды первой⁸ и второй⁹ инстанции поддержали налогоплательщика, установив отсутствие тесной связи спорной электроустановки с землей. Суд кассационной инстанции, напротив, признал этот объект недвижимой вещью, обосновав свое решение как раз технологическим критерием – последующее перемещение установки де-факто

прервет процесс снабжения гостиницы электричеством¹⁰. При этом суды первой и апелляционной инстанции, сделав, по сути, правильный вывод, пришли к нему неверной дорогой и не принимали в расчет бухгалтерский подход, не используя в своей аргументации также и цель налоговой льготы на движимое имущество. Кассация же о предыдущих разъяснениях Верховного суда, вероятнее всего, была осведомлена, но, как следует из логики ее рассуждений, сочла бухгалтерский критерий субсидиарным по отношению к гражданскому (в частности, энергоустановка может быть и отражена как самостоятельный инвентарный объект, но за пределами гостиничного комплекса ее использование утрачивает экономический смысл).

Несмотря на диаметрально противоположный вывод, решения судов во многом схожи – все три инстанции апеллировали к критериям, предусмотренным гражданским законодательством. Столь существенное методологическое расхождение с изложенной ранее Верховным судом позицией не могло остаться без внимания. Так, Верховный суд указал, что оспариваемое решение не только противоречит тенденциям «формируемой Верховным судом судебной практики», но и не учитывает те цели, к которым стремился законодатель и которую в свое время поддержал Конституционный суд¹¹.

На этот раз Верховный суд высказался куда более ясно: да, действительно, как в случае обновления производственных мощностей, так и при модернизации зданий и сооружений «приобретаемые налогоплательщиком активы до окончания монтажа не имеют прочной связи с землей, а после начала эксплуатации – могут образовывать сложную вещь с объектом недвижимости, разделение которой без разрушения или повреждения становится невозможным или экономически нецелесообразным». Но именно для целей налоговой политики должен использоваться автономный бухгалтерский критерий признания имущества налогоплательщика (причем как движимого, так и недвижимого) объектом основных средств.

Необходимо особо подчеркнуть – проблема заключалась не столько в содержании самих ст. 130-134 ГК РФ, сколько в том, что при определении элементов состава налога на имущество они не позволяли достичь целей, поставленных законодателем [2, с. 70-71]. В свою очередь, критерии, установленные в бухгалтерском учете, не предопределяют гражданско-правовой статус имущества, равно как и наоборот – оперирование последним не должно влечь непредусмотренных законодателем налоговых последствий. Таким образом, Верховный суд де-факто призвал правоприменителей вернуться к прежней (до 2013 г.) практике – применять исключительно стандарты бухгалтерского учета.

Таким образом, принципиальная разница между двумя рассматриваемыми направлениями судебной практики заключается в том, какому из двух методов определения объекта налога отдается приоритет. «Гражданско-правовое» направление, господствовавшее до 2019 г. и частично сохранявшее свои позиции до 2021, в формуле ст. 374 НК РФ делало упор на деление имущества на движимое/недвижимое, а квалификация объектов в качестве основных средств оставалась субсидиарным критерием. «Бухгалтерский» подход, на котором весьма активно настаивал Верховный суд, фактиче-

6 Определение ВС РФ от 12.07.2019 № 307-ЭС19-5241 по делу № А05-879/2018.

7 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 17.05.2021 № 308-ЭС20-2322 по делу № А32-56709/2019.

8 Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 11.03.2020 по делу № А32-56709/2019.

9 Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2020 № 15АП-6863/2020, 15АП-6864/2020 по делу № А32-56709/2019.

10 Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2020 № 15АП-6863/2020, 15АП-6864/2020 по делу № А32-56709/2019.

11 Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2018 № 47-П.

ски расписывается в неспособности посредством категорий Гражданского кодекса создавать положительные стимулы для обновления производственных мощностей – в этой связи «разделительной линией» между облагаемым и необлагаемым с большей степенью надежности может выступать категория самостоятельного инвентарного объекта, определяемого уже на основании подзаконных актов.

Независимо от того, какой из подходов *de lege ferenda* стоит предпочесть, исследователям не оставалось ничего, кроме как признать, что давлением более «усиленной» позиции Верховного суда в положительную для налогоплательщика сторону стала складываться и судебная практика. Так, в 2021 – 2022 годах не подлежащими налогообложению судами признавались: система насосов очистных сооружений¹², оборудование нефтепереработки¹³, волоконные линии и линии электропередач¹⁴, системы трансформаторов¹⁵, и даже системы вентиляции и кондиционирования¹⁶.

Безусловно, усилия Верховного суда по направлению судебной практики «в русло» законодательной парадигмы следует признать эффективными. Ключевой же показатель их результативности выражается в принятии судами методики разрешения подобных споров, которая должна быть основана на критерии, который больше соответствует «духу закона» (судами отмечалась необходимость толковать спорные положения ст. 374 НК РФ с учетом целей налоговой политики, признавались недопустимыми ссылки налоговых органов на ст. 130-134 ГК РФ).

И если бы данная тенденция закрепились, в длительной дискуссии о «движимом/недвижимом» можно было бы поставить точку, констатируя, что имманентный недостаток законодательной техники был исправлен «правильным» толкованием. Однако, точку, как оказалось, ставить было преждевременно. Совсем недавно побежденный «гражданско-правовой» подход не просто вновь начал фигурировать в текстах судебных актов, но стал использовать аргументацию, эксплицитно опровергающую его собственный, как на это указывает Верховный суд, вспомогательный характер. Так, по мнению некоторых судов, при исчислении налога на имущество необходимо руководствоваться положениями ст. 130 ГК РФ¹⁷, которая, в свою очередь, не просто соответствует логике Налогового кодекса, но и имеет «первоочередное значение»¹⁸; невозможность самостоятельного хозяйственного использования вещи в отрыве от объекта капитального строительства однозначно свидетельствует об их единой неделимой природе (несмотря на учет первой в качестве самостоятельной инвентарной единицы)¹⁹; приостановление технологического процесса в результате, например, демонтажа, свидетельствует о неразрывной связи объектов между собой и предопределяет

их квалификацию в качестве единой недвижимой вещи по смыслу ст. ст. 133, 133.1 ГК РФ²⁰.

Разумеется, решения, вступающие в противоречие с правовой позицией Верховного суда, были обжалованы. Однако реакции высшей судебной инстанции не последовало. Верховный суд рассмотрел все 4 поданные жалобы, и по всем 4 были вынесены «отказные» определения²¹.

Данный факт может иметь несколько возможных объяснений. Нельзя исключать, что сдержанность Верховного суда может объясняться, как ни странно, правильностью выводов арбитражных судов, основанных на действительно специфичных фактических обстоятельствах. При таком, надо признать, оптимистичном варианте, ущерб единству судебной практики хоть и был нанесен, но преувеличивать его значение не стоит. Наконец, в самом пессимистичном варианте причина дисбаланса в судебной практике заключается в принципиальной смене парадигмы Верховного суда, обусловленной разочарованием самим «бухгалтерским» критерием, влияние которого на налоговую систему не так однозначно или пересмотром целей налоговой политики в целом.

Независимо от того, какая из возможных причин (в том числе неуказанных) имеет место быть в реальной действительности, следует признать – практика вынесения «отказных» определений скорее направлена на сохранение условного «статуса-кво», когда в рамках одной судебной системы, и даже в одном и том же звене судебной системы схожие дела могут разрешаться на концептуально противоречащих друг другу принципах. Полагаем, однако, что вопрос о том, нарушает ли сложившаяся ситуация принципы определенности налогообложения и определения права как «применения *равного* масштаба к неравным людям», скорее, риторический.

Пристатейный библиографический список

1. Артюх А. А. Споры о переквалификации движимого имущества в налогооблагаемую недвижимость: в поисках выхода // *Налоговед.* – 2019. – № 9.
2. Дейнега Н. Н. Движимое и недвижимое: куда идет практика // *Налоговед.* – 2022. – № 12.
3. Дейнега Н. Н. Квалификация имущества как движимого или недвижимого: развитие подходов Верховного суда РФ // *Налоговед.* – 2021.
4. Литвинова К. Ю., Сапогин Д. Г. Как развивается практика разграничения движимого и недвижимого имущества // *Налоговед.* – 2021. – № 4.
5. Ногина О. А. Деформация законодательной конструкции объекта по налогу на имущество организаций посредством подзаконного регулирования правил бухгалтерского учета // *Финансовое право.* – 2021. – № 10.
6. Попов П. А. От «налога на модернизацию» к обновленной «плате за землю» // *Налоговед.* – 2019. – № 9.
7. Сосновский С. А. Налог на основные средства или налог на недвижимость // *Налоговед.* – 2019. – № 9.
12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.02.2022 № Ф04-63/2022 по делу № А70-8599/2020.
13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.02.2023 № Ф04-4297/2020 по делу № А70-20210/2019.
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.03.2023 № Ф05-5882/2022 по делу № А40-549/2019.
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.06.2022 № Ф05-12585/2022 по делу № А40-102666/2020.
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2023 № Ф05-27009/2021 по делу № А40-110147/2020.
17. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.02.2022 № Ф06-14295/2021 по делу № А55-35398/2020.
18. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.03.2022 № Ф08-262/2022 по делу № А53-3299/2021.
19. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.11.2022 № Ф06-23801/2022 по делу № А12-33140/2021.
20. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.01.2023 № Ф03-5901/2022 по делу № А51-7270/2021.
21. Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2022 № 306-ЭС22-7514 по делу № А55-35398/2020; Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2022 № 308-ЭС22-7742 по делу № А53-3299/2021; Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2023 № 306-ЭС23-510; Определение Верховного Суда РФ от 14.04.2023 № 303-ЭС23-5254 по делу № А51-7270/2021.

КЕРАМОВА Саида Назировна

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

АБУСАЛИМОВА Айшат Абубакаровна

магистрант кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ДОТАЦИЯ КАК ФОРМА МЕЖБЮДЖЕТНОГО ТРАНСФЕРТА

В статье рассматриваются актуальные вопросы выделения дотаций российским регионам как форм межбюджетных трансфертов. Сказано, что многие регионы в России обладают низкой самообеспеченностью доходов, в связи с чем возникают диспропорции в региональных бюджетах. Актуальность темы заключается в том, что межбюджетные трансферты являются необходимым инструментом выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, а дотации – ключевым видом межбюджетных трансфертов. Цель данной статьи состоит в изучении проблемы распределения дотаций субъектам Российской Федерации, а также в разработке и обосновании возможных путей совершенствования федеральной политики в данной области. Сделан вывод о необходимости определения влияния различных факторов на возможности федерального бюджета по оказанию трансфертной помощи дотационным регионам России.

Ключевые слова: дотации, межбюджетные трансферты, дотационные регионы, финансовая поддержка, социально-экономическое развитие, самообеспеченность доходов.

KERAMOVA Saida Nazirovna

senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University

ABUSALIMOVA Aishat Abubakarovna

magister student of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

SUBSIDY AS A FORM OF INTER-BUDGET TRANSFER

The article deals with topical issues of allocation of subsidies to Russian regions as forms of inter-budget transfers. It is said that many regions in Russia have low self-sufficiency of income, and therefore there are imbalances in regional budgets. The relevance of the topic lies in the fact that inter-budget transfers are a necessary tool for equalizing the budgetary provision of the subjects of the Russian Federation, and subsidies are a key type of inter-budget transfers. The purpose of this article is to study the problem of distribution of subsidies to the subjects of the Russian Federation, as well as to develop and justify possible ways to improve federal policy in this area. It is concluded that it is necessary to determine the influence of various factors on the possibilities of the federal budget to provide transfer assistance to subsidized regions of Russia.

Keywords: subsidies, inter-budget transfers, subsidized regions, financial support, socio-economic development, income self-sufficiency.

Социально-экономическое развитие муниципальных образований непосредственно зависит от их финансового благосостояния. Однако благосостояние напрямую зависит от денежных средств, направляемых вышестоящими бюджетами в местные бюджеты в виде межбюджетных трансфертов с целью реализации полномочий в таких сферах, как коммунальная, социальная, поддержка малого и среднего предпринимательства, развитие комфортной городской среды.

Прежде всего, надо сказать, что многие регионы в стране обладают низкой самообеспеченностью доходов ввиду недостаточного и неэффективного использования экономического, управленческого, территориального, инвестиционного потенциала. Поэтому возникают диспропорции в региональных бюджетах. Основная цель дотаций – сглаживание диспропорций в уровне бюджетной обеспеченности различных регионов, то есть в доходах, которыми они располагают для самостоятельного решения вопросов, находящихся в их

компетенции. Вследствие сказанного большинство российских местных бюджетов являются дотационными и большая часть средств переводится на финансовую помощь, которая оказывается, в порядке межбюджетного перераспределения из вышестоящих бюджетов¹.

Таким образом, в России сохраняется проблема растущей зависимости регионов от финансовой помощи со стороны федерального бюджета, которая приобрела дотационный характер. В настоящее время благодаря такой финансовой помощи регионы способны в полной мере выполнять свои социальные обязательства.

Основными формами межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ традици-

Керамова С. Н.

Абусалимова А. А.

¹ Казакова О. В. Финансовый контроль межбюджетных трансфертов // Вектор экономики: Электронный научный журнал. 2021. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vectoreconomy.ru/

онно являются субвенции, субсидии и дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Хотя в последние годы появились иные формы межбюджетных трансфертов, в том числе дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов и иные цели, дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности по-прежнему составляют преобладающую долю общего объема дотаций. Вследствие этого в настоящей статье мы рассмотрим подробнее дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности.

В первую очередь, определим, что следует понимать под дотациями. Согласно ст. 6 Бюджетного кодекса РФ (ред. от 14.04.2023) дотации – это межбюджетные трансферты, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений их использования.

Дотации являются одним из основных инструментов бюджетного регулирования в Российской Федерации. В результате анализа федеральных законов «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» от 02.12.2019 г. № 380-ФЗ (с изм. и доп. от 18.03.2020 г.), «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» от 08.12.2020 г. № 385-ФЗ, «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» от 06.12.2021 г. № 390-ФЗ можно сказать, что с каждым годом возрастают суммы дотаций, выделяемых из федерального бюджета, что является доказательством гибкости дотационной политики Российской Федерации.

Хотелось бы подчеркнуть в контексте данной статьи, что федеральный бюджет может предоставлять дотации субъектам, которые впоследствии осуществляют межбюджетные трансферты бюджетам отдельных муниципалитетов. В качестве основных видов межбюджетных трансфертов в федеральном бюджете выступают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов, а также на поддержку сбалансированности российских бюджетов. Такого же мнения придерживается профессор А. З. Арсланбекова, называя основными видами дотаций из федерального бюджета дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности и дотации на поддержку сбалансированности бюджетов субъектов Федерации².

Что касается межбюджетных трансфертов, то, как отмечает З. Э. Гантемирова, это – «средства одного бюджета, то есть бюджетной системы Российской Федерации, перечисляемые другому бюджету в бюджетную систему Российской Федерации» [1, с. 316].

Выделение межбюджетных трансфертов и дотаций региональным бюджетам осуществляется федеральным Правительством. Межбюджетные трансферты из федеральной бюджетной системы РФ, предоставляемые в форме дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Федерации, распределяются между субъектами согласно единой методике, которая утверждена российским Правительством в соответствии с определенными требованиями.

Следует обратить внимание на то, что дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ предоставляются российским субъектам, у которых уровень расчетной обеспеченности не превышает уровень, установленного уровня в качестве критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности регионов, другими словами, дотации выделяются, главным образом, убыточным субъектам РФ, нуждающимся в финансовой помощи. Бюджеты таких субъектов РФ не могут функционировать без межбюджетных трансфертов, но необходимо обеспечить прозрачность распределения.

Надо также сказать, что в последнее время значимость межбюджетных трансфертов в нашей стране существенно возросла, в том числе в связи с распространением ковида [4, с. 131].

Дотации образуют Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов РФ. Проект распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации вносится в Государственную Думу вместе с проектом федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Указанный проект утверждается при рассмотрении проекта данного федерального закона во втором чтении.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности (далее – дотации) не имеют определенного целевого назначения и могут расходоваться на финансирование любых вопросов, которые Конституция РФ и федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» относят к совместному ведению Федерации и ее субъектов или к полномочиям субъектов РФ.

Однако при предоставлении дотаций субъектам имеется ряд проблем.

Одной из проблем, как считает П. В. Абрамов, является то, что выделение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности как таковых может формировать у регионов иждивенческие настроения и «демотивировать их к экономическому росту и увеличению бюджетной обеспеченности, потому что они всегда смогут рассчитывать на федеральную финансовую помощь» [2, с. 9].

Для решения эти проблемы и увеличить эффективности дотаций, думается, следует повысить заинтересованность государственных органов субъектов РФ в увеличении налоговых доходов в региональный бюджет, например, сохранить объем дотаций на следующий финансовый год после достижения уровня критерия выравнивания. Действенной мерой также можно считать постепенное снижение объема дотаций на основе показателей развития региона. К тому же, по мнению О. Г. Коваленко и А. Н. Киришкина, с которыми следует согласиться, требуется разработка инструментов повышения эффективности использования дотаций субъектами РФ, которые не обеспечивают развитие экономики региона [3, с. 130].

Как представляется, преобладание дотаций в структуре межбюджетных трансфертов резко снизило бы мотивацию к получению бюджетной самостоятельности публично-право-

² Арсланбекова А. З. Дотационное финансирование субъектов РФ (на примере Республики Дагестан) // Новый юридический вестник. 2023. № 2 (41). С. 6-8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/9/archive/247/8104/> (дата обращения: 11.05.2023).

выми образованиями, формировало бы иждивенческие настроения, замедляя социально-экономическое развитие.

Думается, следует повысить прозрачность финансовой поддержки территориальных бюджетов субъектов РФ, то есть дотаций, перечисляемых из федерального бюджета, что будет способствовать повышению доходного потенциала республик.

Необходимо отметить, что наиболее дотационными субъектами в России в 2022 году являлись республики: Дагестан, Чеченская, Крым, Тыва и Башкортостан, Саха (Якутия); Камчатский, Алтайский, Ставропольский края.

Проблемой является то, что в каждом российском регионе большинство пополнений отправляется в федеральный бюджет, так как благодаря этому регионы могут прожить. Однако почти все налоги распределяются в государственный бюджет при отсутствии каких-нибудь изменений в самом бюджете.

Проблема снижения уровня дотационности российских регионов, как полагает А. А. Белостоцкий, остается достаточно острой, а её скорейшее решение позволит ускорить инновационное и технологическое развитие как отдельных регионов, так и России в целом [5, с. 15].

Дотации могут быть направлены не только на поддержку региона в целом, но и на осуществление конкретных федеральных целевых программ и решение задач общегосударственного значения, которые выполняются в данном конкретном субъекте РФ.

За последние годы порядок предоставления Российской Федерацией дотаций на выравнивание бюджетам субъектов претерпел значительные изменения. Так, в качестве условий для получения дотации на выравнивание бюджетной теперь выступает обязательное заключение высшим должностным лицом субъекта РФ соглашения с Министерством финансов РФ. Содержанием соглашения являются региональные обязательства по снижению дотационности и развитию налогового потенциала. Думается, следует согласиться с Н. А. Шевелевой, которая к индикаторам выполнения обязательств относит: отмену неэффективных налоговых льгот, отказ от расходных обязательств по вопросам, не отнесенным к ведению субъектов Федерации и т.д. [6, с. 10].

В заключение сделаем ряд выводов.

Дотации регионам из федерального бюджета предоставляются субъектам для осуществления межбюджетных трансфертов бюджетам ряда муниципальных образований. В качестве основных видов дотаций, выступают: дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов, дотации на поддержку сбалансированности бюджетов субъектов РФ.

Выделение межбюджетных трансфертов и дотаций региональным бюджетам осуществляется федеральным Правительством. Их бюджеты не могут функционировать без межбюджетных трансфертов, но необходимо обеспечить прозрачность распределения. Поэтому политика федеральной власти в отношении межбюджетных трансфертов должна стремиться к прозрачности, к строгому контролю над правомерностью и обоснованностью расходования, поступивших в регионы бюджетных средств.

Надо определить влияние различных факторов на возможности федерального бюджета по оказанию трансфертной помощи дотационным регионам России.

Следует разобраться в потребностях каждого отдельно взятого региона, оказав финансовую помощь, но при этом Правительство и местные власти должны создавать условия, которые могли бы дать стимул для успешного социально-экономического развития региона.

Пристатейный библиографический список

1. Гантемирова З. Э. Формы межбюджетных трансфертов // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 6. – С. 316-321.
2. Абрамов П. В. Дотации субъектам РФ: подходы к повышению эффективности // Экономика нового мира. – 2022. – Т. 7. – № 2 (25). – С. 6-13.
3. Коваленко О. Г., Кирюшкина А. Н. К вопросу о дотациях на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ // Карельский научный журнал. – 2016. – № 5 (4). – С. 128-131.
4. Таран Н. Н. Правовое значение межбюджетных трансфертов в финансовом обеспечении субъектов Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 4 (67). – С. 130-135.
5. Белостоцкий А. А. Дотации - как инструмент финансовой поддержки территорий государства // Polish Journal of Science. – 2019. – № 20-2 (20). – С. 14-16.
6. Шевелева Н. А. Изменения в системе отношений дотирования субъектов РФ // Финансовое право. – 2019. – № 1. – С. 10-15.

УЛЫБИНА Олеся Викторовна

доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Бирского филиала Уфимского института науки и технологий

ДАШКОВ Тимур Камилевич

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

НАСЫРОВ Рамиль Расилевич

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСА ОБ ИНВЕСТИРОВАНИИ В ЦЕННЫЕ БУМАГИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

В статье авторами рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы инвестирования в ценные бумаги для государственных служащих, подробно разбираются запреты и ограничения, связанные с правовым статусом госслужащего. Приводятся примеры ведомственных нормативно-правовых актов, устанавливающих дополнительные аспекты правового регулирования по указанной теме. Детально разобран вопрос конфликта интересов при инвестировании в ценные бумаги. Отдельно рассмотрено направление иностранных ценных бумаг.

Ключевые слова: государственные служащие, декларация о доходах госслужащего, инвестирование для госслужащих, ценные бумаги, запреты и ограничения для госслужащих, конфликт интересов.

ULYBINA Olesya Viktorovna

associate professor of Pedagogy, psychology and social work sub-faculty of the Birsk branch of the Ufa Institute of Science and Technology

DASHKOV Timur Kamilevich

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

NASYROV Ramil Rasilevich

lecturer of the Cycle of Professional Service and Physical Training of the Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

LEGAL REGULATION OF THE ISSUE OF INVESTING IN SECURITIES FOR CIVIL SERVANTS

In the article, the authors consider the normative legal acts regulating the issues of investing in securities for civil servants, analyze in detail the prohibitions and restrictions related to the legal status of a civil servant. Examples of departmental regulatory legal acts establishing additional aspects of legal regulation on this topic are given. The issue of conflict of interest when investing in securities is analyzed in detail. The direction of foreign securities is considered separately.

Keywords: civil servants, declaration of income of a civil servant, investment for civil servants, securities, prohibitions and restrictions for civil servants, conflict of interests.

В настоящее время в интернете встречается много информации, касающейся темы возможностей и запретов в инвестировании в ценные бумаги для государственных служащих. Иногда некоторые «специалисты-блогеры» умудряются даже писать, что акции отдельных компаний «могут приобрести к себе в портфель военнослужащие и госслужащие», не вникая из какой именно сферы государственной службы может оказаться читающий эту рекомендацию и какие это может повлечь для него последствия. Зачастую эти сведения носят противоречивый характер, по той причине, что лица, её размещающие, не заинтересованы в повышении финансовой грамотности читателей. Как правило, их цели намного банальнее – заработать самим. Либо путём дальнейшего предложения своих услуг, только уже платных, либо набрать подписчиков создав образ «знающего» человека и монетизировать свой блог.

Теперь перейдём к рассмотрению непосредственно норм права. Согласно статье 2 ФЗ РФ от 27.05.2003 № 58-ФЗ [1] система государственной службы Российской Федерации в самом общем виде подразделяется на три основных вида:

- государственная гражданская служба;
- военная служба;
- государственная служба иных видов.

В статье 10 указанного нормативно-правового акта приводится определение самого понятия гражданский служащий, согласно которому в нашей стране есть два основных вида государственных служащих:

1. федеральные государственные служащие - сюда в т.ч. относятся все военнослужащие, представители правоохранительной системы, сотрудники министерств, федеральных служб и агентств;

2. государственные гражданские служащие субъектов РФ.

Как видим, деление происходит по принципу федерального типа устройства государства - федеральный уровень и уровень регионов. При этом, гражданские государственные служащие могут относиться как к федеральному уровню, так и к уровню субъекта, тогда как остальные (военнослужащие, сотрудники Прокуратуры, МВД и т.д.) - только к федеральному.

Переходя к запретам для государственных служащих, в первую очередь необходимо рассмотреть Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2], в котором обозначены наиболее общие ограничения, присущие всем видам государственной службы.

В частности, в пункте 3.1 статьи 4 данного закона указано, что государственному служащему запрещается заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц. Здесь сразу следует отметить, что инвестиционная деятельность не относится к предпринимательской, так как в соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя. В то же время, инвестирование в ценные бумаги через брокерский счёт или индивидуальный инвестиционный счёт не требует такой регистрации, следовательно, условие признания деятельности в качестве предпринимательской в данном случае не выполняется.

Также в пункте 4 вышеуказанной статьи имеется запрет государственным служащим приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым

может быть получен доход. Ключевая фраза в данном предложении – «в случаях, установленных Федеральным законом». В настоящее время в отечественном законодательстве существуют два таких «случая»:

1. госслужащим запрещено прямо и косвенно владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (ст. 7.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3]);

2. госслужащим запрещено приобретать ценные бумаги в случае, если владение такими ценными бумагами приводит или может привести к конфликту интересов (ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ).

Рассмотрим эти два момента подробнее, т.к. именно в них заключены все существующие ограничения в инвестировании для государственных служащих.

Запрет на вложения в иностранные финансовые инструменты. Данное ограничение относится не ко всем представителям государственной службы, а лишь к лицам, замещающим должности, перечисленные в пункте 1 статьи 7.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также депутатам представительных органов муниципальных районов и городских округов, осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, депутатам, замещающим должности в представительных органах муниципальных районов и городских, а также к супругам и несовершеннолетним детям указанных лиц. Перечислять все эти должности здесь не имеет смысла, так как их много и каждый желающий инвестировать в иностранные ценные бумаги может открыть и свериться, подпадает его должность в указанный перечень или нет.

Кроме того, нормативными правовыми актами федеральных государственных органов, субъектов Российской Федерации, нормативными актами Центрального банка Российской Федерации, государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, фондов и иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, устанавливаются ведомственные перечни должностей, подпадающих под действие вышеуказанной нормы. Список таких ведомственных НПА довольно широкий, начиная с приказа МВД России от 03.06.2015 № 658 и заканчивая приказом ФАС России от 29.10.2020 № 1050/20 (всего более ста ведомств).

Третий уровень данного запрета можно ещё встретить в своём трудовом договоре, служебном контракте и должностных инструкциях. Желающим заниматься инвестированием в финансовые инструменты и при этом продолжить службу в государственных органах без нарушений, необходимо их изучить.

Необходимо также отметить, что каждая ценная бумага, обращающаяся на бирже, имеет свой уникальный международный идентификатор – ISIN, представляющий собой буквенно-цифровое обозначение или шифр. Первые два знака обозначают страну эмитента. У акций российских компаний ISIN всегда начинается с букв RU. Например: компания «Фосагро», ISIN - RU000A0JRK78.

Это очень важный момент, так как только по нему можно достоверно определить в какой стране первоначально зарегистрирована ценная бумага. Такие, казалось бы, родные для россиян на слух компании, как Яндекс (ISIN – NL0009805522, акция, зарегистрирована в Нидерландах), Русагро (ISIN – US7496552057, депозитарная расписка, зарегистрирована на Кипре), несмотря на привлекательность их результатов в бизнесе, для большинства госслужащих запрещены к приобретению.

Сказанное о запрете инвестирования в иностранные финансовые инструменты в равной мере относится и к еврооблигациям, заграничным ETF фондам и даже к ПИФам, созданным на базе отечественных учреждений, но инвестирующих в иностранные ценные бумаги. Поэтому как бы ни хотелось диверсифицировать свой портфель по странам, это для ряда госслужащих под запретом.

С запретом инвестирования в иностранные финансовые инструменты всё в принципе понятно и ошибиться здесь сложно. Намного интереснее обстоит дело со вторым запретом – конфликт интересов – статья 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Говоря своими словами, личные интересы госслужащего как собственника ценных бумаг не должны противоречить его обязанностям как представителя государственной власти. Заповедка здесь кроется в том, что нет чёткого определения

границы, где конфликт интересов присутствует, а где его нет. Законодатель даёт лишь определение данного понятия, а оценивать подходит это определение или нет, применительно к каждой конкретной ситуации придется самому. Обратите внимание - владеть ценной бумагой запрещено если это уже приводит к конфликту интересов или может, например в будущем, привести к конфликту интересов.

При этом, надо ещё учесть такой момент, что может возникнуть ситуация, при которой мнение госслужащего и мнение должностных лиц, которые будут проверять его декларацию о доходах, относительно наличия или отсутствия конфликта интересов в отдельно взятом случае, может оказаться прямо противоположным. Поэтому, покупая ту или иную ценную бумагу, в первую очередь необходимо объективно изучить её эмитента на предмет отсутствия запретов и быть уверенным, что получится доказать это проверяющим органам со ссылкой на нормы закона и своей должностной инструкции.

Отдельно стоит отметить такой момент - пункт 3 части 1 статьи 7 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ запрещает государственным служащим участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией. В связи с чем, если госслужащий является держателем акций, рекомендуется игнорировать входящие сообщения от брокера и эмитентов о возможности принятия участия в собрании акционеров и голосовании. Принимать участие в таких собраниях и голосованиях это право как собственника, но не обязанность. Если фактически такие действия не осуществляются, то значит и нет участия в управлении организацией, следовательно проверяющие органы не смогут предъявить претензии по данному пункту.

Для сотрудников полиции запрет на прямое осуществление деятельности по приобретению и владению ценными бумагами предусмотрен Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел» в ч. 7 статьи 71 - «в случае, если сотрудник органов внутренних дел владеет ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), он обязан в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, пая в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством». При этом абсолютно не важно, подпадает ли деятельность организации, акциями которой владеет полицейский, каким-либо образом в круг его должностных полномочий. Например, организация может находиться и осуществлять свою деятельность в г. Москве, а участковому уполномоченному полиции, работающему на Дальнем Востоке, нельзя покупать акции этой организации. Формулировка данной нормы права является яркой иллюстрацией отношения к государственным служащим, при котором проще взять и всё запретить, чем пытаться создать благоприятные условия.

Итак, подытоживая сказанное, можно определить следующий алгоритм проверки ценной бумаги перед приобретением с ракурса юридической дозволенности: посмотреть в интернете либо приложении брокера обзор, проверить ISIN - должен начинаться с букв RU (если должность входит в перечень должностей, при замещении которых иностранные финансовые инструменты запрещены); логически поразмыслить, не входит ли эмитент данной ценной бумаги в круг организаций, в отношении которых государственный служащий осуществляет функции государственного управления или возможно имеет в силу служебных полномочий доступ к её инсайдерской информации; если ценная бумага не находится под каким-то из запретов, то тогда есть смысл далее рассматривать её с точки зрения экономической целесообразности к покупке в свой инвестиционный портфель.

Приставленный библиографический список

1. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2023).
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2023).
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2023).

ФАРИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье раскрывается сущность финансовой деятельности государства на основе научных исследований ученых Российского государственного университета правосудия. Статья посвящена анализу основных признаков финансовой деятельности государства, на базе которых сформулировано определение ее понятия. Проанализированы основные формы финансовой деятельности государства, раскрыто содержание каждой из них.

Ключевые слова: финансовое право, государственная деятельность, финансовая деятельность государства, государственное управление, государственный контроль, финансовый контроль.

FARIKOVA Ekaterina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

Фарикова Е. А.

THE DEFINITION AND LEGAL FORMS OF THE STATE FINANCIAL ACTIVITY

The article reveals the essence of the financial activity of the state on the basis of scientific research by scientists of the Russian State University of Justice and the main features of the financial activity of the state, on the basis of which the definition of its concept is formulated. The main forms of financial activity of the state are analyzed, the content of each of them is disclosed.

Keywords: financial law, state activity, financial activity of the state, public administration, state control, financial control.

В ч. 1 ст. 1 Конституции РФ¹ Российская Федерация провозглашена правовым демократическим государством, что определяет основной вектор развития российского государства и общества. Многообразие общественных явлений и процессов, которые существуют в современном мире, обуславливает многофункциональный характер государственной деятельности, которая направлена на достижение важных стратегических целей и решение актуальных задач.

Как отмечает Е. А. Бочкарева, «трансформация государственности России, начавшаяся в конце прошлого века, проходила весьма болезненно и сопровождалась значительными преобразованиями содержания, внутренней организации и механизма институционального регулирования бюджетной системы» [3, с. 3]. Переход к рыночной экономике изменил подход к регулированию финансовых отношений в России, однако государство и в современных условиях играет ключевую роль в регулировании экономики. Более того, как отмечается в науке, экономическая функция государства является универсальной и занимает главенствующее место в системе функций современного государства [2, с. 121]. В 2014 г. была разработана Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»², которая с учетом внесенных в нее изменений в качестве одной из основных целей предусматривает повышение эффективности государственного управления. Несмотря на определенные успехи в области развития экономики, наша страна столкнулась с рядом существенных проблем и глобальным кризисом, обусловленным сначала пандемией COVID-19, а затем санкционным давлением со стороны нескольких зарубежных государств в связи с тяжелой внешнеполитической обстановкой. В условиях масштабных экономических потрясений именно на государство возложена функция обеспечения стабильности и развития экономики, преодоления актуальных вызовов, с которыми сталкивается экономическая система России.

Экономическая функция государства имеет множество конкретных направлений государственной деятельности, одним из которых выступает финансовая сфера.

Специфическими признаками финансовой деятельности государства выступают следующие. Во-первых, ей свойственны все характерные черты государственной деятельности в целом: она является разновидностью социальной деятельности, урегулирована правовыми нормами, направлена на выполнение задач и функций государства, нацелена на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, реализацию положений Конституции РФ.

Во-вторых, предметная область государственной деятельности в рассматриваемом нами случае ограничивается финансовой сферой и, в частности, финансовыми правоотношениями, поскольку мы исследуем именно юридический аспект финансовой деятельности государства. В науке финансовые правоотношения определяются как «урегулированные нормами финансового права общественные отношения, участники которых выступают как носители юридических прав и обязанностей, реализующие содержащиеся в этих нормах предписания по образованию, распределению и использованию государственных и муниципальных, иных публичных денежных фондов и доходов» [11, с. 70]. Специфическими чертами финансовых правоотношений можно считать следующие: сфера возникновения и развития – финансовая деятельность государства или муниципальных образований; характер отношения – властный, т.к. одной из сторон всегда выступает властный субъект; связаны в большей степени с имущественными благами – денежными средствами [8, с. 260].

Традиционно государство рассматривается как ключевой участник финансовых правоотношений. Это обусловлено несколькими причинами. Так, в науке констатируется, что государственные финансы являются важнейшей частью финансовой системы всей страны [12, с. 196]. Кроме того, по замечанию Я. В. Охрименко, финансовые правоотношения возникают только там, где есть деятельность государства [9, с. 38]. Роль государства в финансовой сфере наиболее ярко проявляется в таких областях, как денежно-кредитная, налоговая, бюджетная система. При этом государство реализует свои функции в финансовой сфере не непосредственно, а

1 Российская газета. 2020. 4 июля.

2 Собрания законодательства РФ. - 2014. - № 18 (часть II). - Ст. 2162.

через государственные органы (общей компетенции, например, Правительство РФ, и специальной компетенции в финансовой сфере, например, Федеральную налоговую службу РФ, Счетную палату РФ, Центральный банк РФ и др.)

Таким образом, под финансовой деятельностью государства предлагается понимать систему действий государства в лице государственных органов общей и специальной компетенции, которая урегулирована нормами права и направлена на реализацию функций государства в финансовой сфере.

Поскольку государственная деятельность весьма разнообразна по своему характеру, можно выделить несколько основных форм финансовой деятельности государства.

Так, государство реализует свои функции в финансовой сфере в форме правотворческой деятельности. Как пишет Е. А. Бочкарева, «содержание всей государственной политики сегодняшней России декларирует стремление обеспечить сбалансированность и достаточность бюджетов всех уровней бюджетной системы ... Реализация данных задач входит в сферу обязанностей не только органов исполнительной власти, но и законодательных органов, решения которых являются основополагающими для дальнейшего администрирования» [4, с. 133]. Правотворческая деятельность государства проявляется в разработке и принятии органами законодательной власти законов, которые в той или иной степени регулируют финансовые правоотношения. В настоящее время существует большое количество законов, причем некоторые из них являются кодифицированными (например, НК РФ³, БК РФ⁴), регулирующих отдельные аспекты финансовой деятельности государства (порядок аккумуляции и распределения государственных финансов, полномочия органов финансового контроля и др.). Кроме того, правотворческая деятельность государства реализуется органами исполнительной власти, которые своими подзаконными актами конкретизируют положения законодательства.

Государство реализует свои функции в финансовой сфере в форме управленческой деятельности. В общем виде государственная управленческая деятельность понимается как «осуществление органами и должностными лицами государственной власти функций управления делами государства» [1, с. 17]. В контексте настоящего исследования управленческая деятельность рассматривается более узко, и акцент смещается на органы исполнительной власти. В таком понимании управленческая деятельность государства в финансовой сфере направлена на реализацию нормативно-правовых актов, регулирующих финансовые правоотношения, посредством осуществления органами исполнительной власти возложенных на них полномочий в соответствии с установленными административными процедурами и регламентами.

Правоохранительная форма финансовой деятельности государства может рассматриваться как частное проявление правоохранительной деятельности в целом, под которой понимается «вид юридической деятельности по охране права, обеспечению законности и правопорядка, связанный с профилактикой и предупреждением правонарушений, не исключающий применение юридических санкций» [6, с. 31]. Правоохранительная деятельность государства в финансовой сфере реализуется через выявление финансовых правонарушений, привлечение физических и юридических лиц к финансовой ответственности и др. Например, институт финансового ответственности находит свое выражение в сфере налогового права, поскольку НК РФ устанавливает ответственность за нарушения законодательства о налогах и сборах, состав налогового правонарушения, порядок привлечения лица к ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах и т.д.

Наконец, особой формой финансовой деятельности государства можно считать финансовый контроль. С одной стороны, финансовый контроль, как и любой вид государственного контроля, включается в структуру государственного управления (управленческой деятельности государства), однако специфика финансового контроля позволяет рассматривать его в качестве самостоятельной формы финансовой деятельности государства. Как отмечается в литературе, значимость контроля финансовых явлений и процессов со стороны государства обусловлена необходимостью упорядочивания и четкого регулирования соответствующих

правоотношений, поскольку от эффективности финансового контроля во многом зависит общее экономическое благосостояние государства [10, с. 157]. Справедливо замечание Е. А. Бочкаревой о том, что «при отсутствии или ненадлежащем качестве мероприятий финансового контроля высока вероятность того, что субъекты финансовой деятельности будут осуществлять свои функции неэффективно, а это, в конечном итоге, может поставить под угрозу экономическую безопасность всего государства» [5, с. 41].

Государственный (муниципальный) финансовый контроль может рассматриваться с двух основных позиций: в узком значении как контроль со стороны уполномоченных органов публичной власти, нацеленный на обеспечение соблюдения бюджетного законодательства; в широком значении – как деятельность уполномоченных органов, направленная на обеспечение соблюдения бюджетного, валютного, банковского, налогового и таможенного законодательства [7, с. 241].

Суммируя изложенное, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, нами определено понятие финансовой деятельности государства как системы действий государства в лице государственных органов общей и специальной компетенции, которая урегулирована нормами права и направлена на реализацию функций государства в финансовой сфере. Во-вторых, следует выделять четыре основные формы финансовой деятельности государства: правотворческую, управленческую, правоохранительную и контрольную.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев И. А., Свистунов А. А., Станкевич Г. В. и др. Административное право: учебник. - М.: Проспект, 2016.
2. Бирюкова Э. Р. К вопросу о взаимосвязи экономической функции государства с иными функциями современного российского государства // Современные проблемы экономики, управления и права: сборник научных статей / Отв. ред. Г. Ю. Гуляев. - Пенза: Наука и просвещение, 2019.
3. Бочкарева Е. А. Правовая модель сбалансированной бюджетной системы в Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2014.
4. Бочкарева Е. А. Финансово-правовые аспекты управления бюджетными ресурсами государства и его территорий // Право и практика. - 2020. - № 1. - С. 133.
5. Бочкарева Е. А. Финансовый контроль и экспертиза // Финансовый контроль в сфере публичных и частных финансов: материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. И. А. Цинделиани. - М.: РГУП, 2017.
6. Каинов А. С. Правоохранительная и правозащитная деятельность: соотношение понятий // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. - 2016. - № 2 (25).
7. Комарова Л. В., Фарикова Е. А. Место института финансового контроля в системе российского права // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 2 (165).
8. Комарова Л. В., Фарикова Е. А. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений в сфере финансов, контроля, надзора, аудита // Евразийский Юридический журнал. - 2019. - № 1. (128).
9. Охрименко Я. В. К вопросу о понимании государства как субъекта финансовых правоотношений // Chronos. - 2021. - Т. 6. - № 7 (57).
10. Фарикова Е. А. Субъекты государственного финансового контроля и аудита в современной России // Право и практика. - 2022. - № 1.
11. Финансовое право: учебник / Отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. - М.: ИНФРА-М, 2020.
12. Эррера Л. М., Седова И. Н., Черкасова Т. С., Троицкая Н. Г. Функции государственной финансовой политики // World science: problems and innovations: сборник статей XXV Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Г. Ю. Гуляев. - Пенза: Наука и просвещение, 2018.

3 Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.

4 Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.

МУТУЕВ Ахмед Ибрагимович

магистрант 2 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрено понятие налогов и порядок их перераспределения. Рассмотрен механизм налоговой оптимизации, определены способы его реализации. Обозначены риски оптимизации налоговой сферы в рамках политических и экономических преобразований. Используются примеры практики применения схем уклонения от уплаты налогов. Рассмотрены проблемы, приводящие к нарушению законодательства и ущербу государственного бюджета.

Ключевые слова: налог, налоговая оптимизация, налоговый контроль, налоговое законодательство, налоговая выгода.

MUTUEV Akhmed Ibragimovich

magister student of the 2nd course of the Institute of Law of the Dagestan State University

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMS OF OPTIMIZATION OF TAX ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the concept of taxes and the procedure for their redistribution. The mechanism of tax optimization is considered, the ways of its implementation are determined. The risks of optimizing the tax sphere within the framework of political and economic transformations are outlined. Examples of the practice of applying tax evasion schemes are used. The problems leading to violation of legislation and damage to the state budget are considered.

Keywords: tax, tax optimization, tax control, tax legislation, tax benefit.

Налоги возникли путем формирования классового деления общества, создания государства как формы организации жизни людей, требующей денежных ресурсов на содержание армии, судов, государственных служащих и др. В настоящее время налоги представляю собой основной инструмент перераспределения валового внутреннего продукта [3, с. 120].

Механизм перераспределения налогов осуществляется уполномоченными государственными органами власти с целью финансового обеспечения деятельности хозяйствующих субъектов и реализации государственных программ в различных секторах экономики, испытывающих потребность в ресурсах для своего эффективного функционирования. Налоги являются объективной необходимостью, ибо их взимание обусловлено потребностями общественного развития.

Механизм налоговой оптимизации представляет собой структурированную систему кооперации, состоящую из элементов хозяйственных отношений, деятельность которых ориентирована на минимизацию бюджетных платежей в условиях действующего правового поля. Грань между налоговой оптимизацией и уклонением от уплаты налогов носит достаточно условный характер.

Налогоплательщиками используются различные способы оптимизации своей деятельности. К законодательно установленным способам оптимизации деятельности хозяйствующих субъектов относят:

- изменение сроков уплаты;
- использование налоговых льгот;
- ценообразование для целей налогообложения;
- методы определения налоговой базы.

Налоговая оптимизация является важным инструментом для управления налоговыми платежами, подвергая рискам доходные источники бюджетов. В условиях санкций Западных стран изменились методы налоговой оптимизации. Новый курс ориентирован на перенос прибыли в другие страны через проведение реимпортных и реэкспортных

международных сделок. В этих условиях необходим пересмотр заключенных соглашений. В некоторых случаях, их прямая денонсация, введение новых налоговых правил.

Однако, налоговая оптимизация должна быть осуществлена в соответствии с законодательством и не должна противоречить целям и задачам органов исполнительной власти в сфере управления государством и обеспечение его безопасности. Если налогоплательщик использует способы налоговой оптимизации, которые не соответствуют законодательству, то это может квалифицироваться как налоговое правонарушение или преступление.

Каждый владелец бизнеса хочет оптимизировать налоги и воспользоваться льготами от государства, чтобы сэкономить и минимизировать затраты.

Налоговый кодекс РФ при применении общего режима налогообложения не содержит ссылки на «оптимизация». Однако, в соответствии со ст. 54.1 НК РФ не допускает уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и суммы налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни.

В России, при налоговой оптимизации, обычно задействованы такие налоги, как налог на прибыль организаций, НДС (налог на добавленную стоимость), налог на доходы физических лиц и другие налоги.

Налог на прибыль организаций — это налог, который взимается с прибыли организаций. Для его оптимизации могут применяться различные методы, например перенос прибыли в другие страны через международные сделки, использование налоговых вычетов и льгот, реорганизация предприятия и другие подходы.

НДС — это налог, который взимается с добавленной стоимости товаров и услуг. Для его оптимизации могут применяться такие методы, как оптимизация цепочек поставок, использование правил налогового вычета и другие подходы.

Налог на доходы физических лиц — это налог, который взимается с доходов физических лиц. Для его оптимизации

могут применяться различные методы, такие как использование налоговых льгот, оптимизация структуры доходов, использование налоговых вычетов.

В действующем Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 указано, что налоговая выгода – уменьшение размера налогов в том числе из-за уменьшения налоговой базы, получение налоговых вычетов и льгот, применение более низких ставок налога, возврат или возмещение налога из бюджета.

На уровне Верховного суда РФ поддержан способ оптимизации НДС при передаче активов участнику-физическому лицу: так, выплата дивидендов основными средствами не является реализацией (Определение ВС РФ от 29.07.2021 г. по делу А33-21086/2020). То есть если у организации есть здание, но нет денег для выплаты дивидендов, здание должно быть продано по рыночной стоимости, с реализации образуется НДС. Если здание сразу будет передано в счет выплаты дивидендов, необходимо будет только восстановить НДС с его остаточной стоимости. И это не единственный пример законной оптимизации, но не гарантирующий отсутствие судебного спора.

Неофициальная выплата зарплаты в наличной форме без уплаты НДФЛ и страховых взносов – незаконная оптимизация. Плюс ко всему возникает вопрос и к источнику происхождения наличных денег. Оптимизация взносов – часто спорный вопрос, причем требующий комплексного решения. Например, материальные вознаграждения работникам не облагаются взносами, но и не уменьшают налог на прибыль [4, с. 23].

Со второй половины 2022 г. активно используется АСК «ДФЛ» (не путать с АСК «НДС-2»), которая должна выявлять разрывы по НДФЛ. Звучит угрожающе, но фактически система ищет работодателей, выплачивающих заработную плату ниже МРОТ с учетом отраслевой принадлежности. По-прежнему популярна схема с подменой трудовых отношений договорами с ИП и плательщиками налога на профессиональный доход (самозанятыми). Риски обнаружения схемы налоговиками зависят не только от качества исполнения, но и особенностей региона.

Очень часто от собственников бизнеса можно услышать утверждение, что самое главное – оптимизация НДС, а уж налог на прибыль как-нибудь оптимизируется. Особенно популярно это у производителей, реализующих свой товар.

При оптимизации налога на прибыль нет откровенно плохих способов (это не покупка «бумажного» НДС): действительно, организация может нести расходы и на управление, и на роялти, и на различные услуги, включая агентские. Вопрос в деловых целях (в том числе способности ответить на вопрос «Зачем была заключена сделка?», не называя налоговые цели), и в исполнении, включая как подготовку документов, так и свидетелей.

В результате можно сделать вывод, что налоговая оптимизация представляет собой достаточно сложный механизм, на который оказывают влияние множество как позитивных, так и негативных факторов. Только соблюдение налогового законодательства может гарантировать успешную реализацию программы по налоговой оптимизации коммерческого хозяйствующего субъекта.

Основным законодательным актом, который регулирует налоговые отношения в России, является Налоговый кодекс РФ. Кроме того, существуют и другие законы и подзаконные нормативные акты, которые регулируют налоговую деятельность в России.

В России существует несколько проблем, связанных с оптимизацией налоговой деятельности, которые могут приводить к нарушениям законодательства и ущербу для государственного бюджета. Некоторые из этих проблем включают в себя:

1. Отсутствие единого понимания оптимизации налоговой деятельности. Оптимизация налоговой деятельности может включать в себя использование различных легальных методов, чтобы снизить налоговую нагрузку на предприятия и индивидуальных налогоплательщиков. Однако, в отсутствие четкого определения, что является легальной оптимизацией налоговой деятельности, предприятия могут злоупотреблять этим и использовать методы, которые не являются законными.

2. Низкая эффективность АИС, применяемой налоговыми органами, при проведении контрольных мероприятий. Налоговые органы должны контролировать налоговую деятельность предприятий и индивидуальных налогоплательщиков, чтобы предотвратить нарушения законодательства. Однако, некоторые налоговые органы не в состоянии эффективно осуществлять контроль, что позволяет предприятиям злоупотреблять налоговой оптимизацией.

3. Несовершенство налогового законодательства. В России существует несколько налоговых льгот и налоговых схем, которые могут быть использованы для оптимизации налоговой деятельности. Однако, некоторые из этих льгот и схем могут быть неопределенными или недостаточно четко определенными, что может привести к различным интерпретациям и спорам между налоговыми органами и налогоплательщиками.

4. Отсутствие мотивации у предприятий платить налоги. Некоторые предприятия могут продолжать злоупотреблять налоговой оптимизацией, потому что они не видят в этом никаких последствий или наказаний за нарушение законодательства. В некоторых случаях, уплата налогов для них обходится дороже, чем санкции материального характера.

5. Различия в налоговом законодательстве регионов. Налоговое законодательство может различаться в разных регионах России, что может привести к сложностям для предприятий, работающих в нескольких регионах. Некоторые предприятия могут использовать это для оптимизации своей налоговой деятельности и снижения налоговой нагрузки.

6. Политическая обстановка государства, влияющая на увеличение налоговой нагрузки за счет трансформации таможенных цепочек, приводит к невозможности реализации обязательств, что обуславливает необходимость изыскания новых путей развития экономики.

Таким образом, для решения этих проблем необходимо совершенствование законодательства путем увеличения эффективности деятельности налоговых органов, применения более жестких мер наказания за нарушение налогового законодательства и повышения уровня налоговой грамотности физически обязанных лиц.

Приставленный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 1 (от 31.07.1998 № 146-ФЗ (принят ГД ФС РФ 16.07.1998) (с изм. и доп.). Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2 (от 05.08.2000 № 117-ФЗ (принят ГД ФС РФ 19.07.2000) (с изм. и доп.). Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>.
3. Голубева М. Г. Налоговое планирование и налоговая оптимизация // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: Сборник статей по материалам X международной научно-практической конференции: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2018. – С. 23-26.
4. Крохина Ю. А. Налоговое право: учебник для вузов. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 503 с.

БАДМАДОРЖИЕВ Гарма Евгеньевич

магистрант кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ИНСТИТУТА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В ПРАКТИКЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ

В настоящей статье выявляются и анализируются проблемы применения института недействительности сделок в деле о банкротстве в практике арбитражных судов РФ. В ходе исследования автором исследуются материальные нормы гражданского права и нормы института несостоятельности (банкротства), закрепляющие основания недействительности сделок, применение которых возможно в рамках процедуры банкротства. Автор приходит к выводу, что применение судами норм института недействительности сделок в деле о банкротстве не лишено своих недостатков ввиду допущения произвольного применения общих и специальных оснований недействительности сделок. Помимо этого, автором формулируется и доказывается необходимость легального закрепления еще одного специального основания недействительности сделок должника в ФЗ о несостоятельности (банкротстве), поскольку такое закрепление позволит разрешить неопределенность в применении некоторых общегражданских оснований недействительности сделок в деле о банкротстве.

Ключевые слова: институт несостоятельности (банкротства), недействительность сделок, сделки, общие основания недействительности сделок, специальные основания недействительности сделок, арбитражные суды, правоприменение.

BADMADORZHIEV Garma Evgenjevich

magister student of Constitutional and administrative law sub-faculty of the School of Law of the Far Eastern Federal University

ON THE QUESTION OF SOME PROBLEMS OF APPLICATION OF THE NORMS OF THE INSTITUTE OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS IN A BANKRUPTCY CASE IN THE PRACTICE OF ARBITRATION COURTS

This article identifies and analyzes the problems of applying the institution of invalidity of transactions in a bankruptcy case in the practice of arbitration courts of the Russian Federation. In the course of the study, the author examines the material norms of civil law and the norms of the institution of insolvency (bankruptcy), fixing the grounds for the invalidity of transactions, the application of which is possible within the framework of the bankruptcy procedure. The author comes to the conclusion that the application by the courts of the norms of the institution of invalidity of transactions in a bankruptcy case is not without its shortcomings due to the assumption of arbitrary application of general and special grounds for the invalidity of transactions. In addition, the author formulates and proves the need to legally fix one more special ground for the invalidity of the debtor's transactions in the Federal Law on insolvency (bankruptcy), since such fixing will resolve the uncertainty in the application of some general civil grounds for the invalidity of transactions in a bankruptcy case.

Keywords: institution of insolvency (bankruptcy), invalidity of transactions, transactions, general grounds for the invalidity of transactions, special grounds for the invalidity of transactions, arbitration courts, law enforcement.

Как известно, институт несостоятельности (банкротства) (далее по тексту – институт банкротства) играет важную роль в обеспечении экономической безопасности государства, поскольку позволяет освободить экономику от неэффективных и убыточных хозяйствующих субъектов (организаций) [3, с. 88]. Кроме того, институт банкротства также способствует и избавлению от ставшими неподъемными, например, в силу изменившихся условий или положения субъекта, обязательств по задолженностям, которые взяли на себя физические лица. Тем самым, он выступает своеобразной индульгенцией для таких лиц, которые вынуждены лишиться всего, что они имеют для того, чтобы прекратить все имеющиеся отношения должествования и стать экономически свободными. В силу столь высокого для отечественной экономической системы и гражданского оборота значения данного института, столь важно то обстоятельство, чтобы при его применении на практике отсутствовали какие-либо спорные и дискуссионные вопросы, проблемы и неопределенности, которые могли бы затруднить достижение баланса интересов кредиторов и должника, безусловно одной из важнейших задач института банкротства. Во всем институте банкротства, столь обширном и всеобъемлющем, выделяется институт недействительности сделок должника ввиду его тесной вза-

имосвязи и одновременной обособленности от института недействительности сделок из отрасли гражданского права.

В предыдущей статье нами было установлено, что основания недействительности в деле о банкротстве можно подразделить на общие основания, вытекающие из ГК РФ, и специальные основания, закрепленные в ФЗ о несостоятельности (банкротстве) [1, с. 185-186]. При реализации положений о недействительности сделок в деле о банкротстве на практике наибольшие затруднения, как правило, возникают в случаях, когда необходимо разграничить ситуации, к которым применимы общие основания недействительности, от ситуаций, когда применению подлежат специальные основания недействительности сделок из ФЗ о несостоятельности (банкротстве)

В соответствии с позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, содержащейся в абз. 4 п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63, наличие в ФЗ о несостоятельности (банкротстве) специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных ст. 61.2 и 61.3 указанного закона, не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (ст. 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанно-

го на такой сделке¹. При буквальном толковании данного положения можно прийти к выводу, что в условиях, когда в рамках спора о недействительности сделки суд приходит к выводу о возможности применения специальных оснований недействительности главы III.1 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) и одновременно наличествуют обстоятельства, свидетельствующие о совершении сделки с злоупотреблением права, применение специального основания недействительности или основания недействительности сделки ввиду злоупотребления правом находится на усмотрении суда.

Подобное положение дел, по нашему мнению, представляет суду чрезмерную широту дискреционных полномочий, влекущую за собой возникновение у участников оборота правовой неопределенности ввиду непредсказуемости судебного решения. Неудобство такой неопределенности заключается в том обстоятельстве, что у специальных и общих оснований недействительности имеется существенное отличие в виде срока для оспаривания и применения последствий недействительной сделки.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной составляет три года. Течение срока исковой давности по указанным требованиям начинается со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки², в то время как сделки по специальным основаниям могут быть признаны недействительными, если они заключены должником в течение года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления (подозрительные сделки с неравноценным встречным исполнением – п. 1 ст. 61.2 ФЗ о несостоятельности (банкротстве)); в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления (подозрительные сделки с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов – п. 2 ст. 61.2 ФЗ о несостоятельности (банкротстве)), в течение месяца одного месяца до принятия заявления о признании должника банкротом, в течение шести месяцев до принятия заявления о признании должника банкротом либо после принятия такого заявления (сделки с предпочтением одному из кредиторов – ст. 61.3 ФЗ о несостоятельности (банкротстве)).

Таким образом, если следовать указанию приведенного выше Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ 23 декабря 2010 г. № 63, можно прийти к выводу, что арбитражный суд в ситуации, когда сделка была совершена должником за пределами сроков, указанных в ст. 61.2 и 61.3 ФЗ о несостоятельности (банкротстве), по своему усмотрению может посчитать сделку ничтожной по ст. 10 и 168 ГК РФ и применить последствия недействительности сделки, опираясь на срок, приведенный в п. 1 ст. 181 ГК РФ (а может

и не посчитать сделку недействительной и, соответственно, последствия недействительности не применять), ведь если разобраться в сущности специальных оснований недействительности, можно прийти к выводу, что все они предусматривают оспоримость действий, заведомо направленных на недобросовестное осуществление гражданских прав, т.е. на злоупотребление правом.

Подтверждением данного тезиса может служить п. 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», в соответствии с которым, исходя из недопустимости злоупотребления гражданскими правами (п. 1 ст. 10 ГК РФ) и необходимости защиты прав и законных интересов кредиторов в деле о банкротстве, по требованию арбитражного управляющего или кредитора может быть оспорена сделка, совершенная до или после возбуждения дела о банкротстве должника, которая направлена на нарушение прав и законных интересов кредиторов, в частности может быть оспорена сделка, направленная на уменьшение конкурсной массы путем отчуждения по заведомо заниженной цене имущества должника третьим лицам. В силу пункта 1 статьи 181 ГК РФ исковая давность по такому требованию составляет три года и начинает исчисляться со дня, когда лицо, которое оспаривает сделку, узнало или должно было узнать о наличии обстоятельств, свидетельствующих о таком нарушении права и являющихся основанием для признания сделки недействительной, однако не ранее введения в отношении должника первой процедуры банкротства³. В данном постановлении регулируемая на настоящий момент ст. 61.2 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) подозрительная сделка прямо указывается в числе оснований для оспаривания сделки ввиду ее направленности на злоупотребление гражданскими правами.

Следуя указанию абз. 4 п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63, Арбитражный суд Волго-Вятского округа по требованию заявителей квалифицировал сделку как недействительную одновременно по п. 2 ст. 61.2 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) и ст. 10 и 168 ГК РФ⁴. По нашему мнению, вынесение постановления арбитражного суда подобного содержания прямо противоречит логике недействительности сделок, которая следует из ст. 166 ГК РФ, в рамках которой сделки могут быть недействительны по основаниям, установленным законом, или в силу признания их таковыми судом (т.е. являться оспоримыми сделками), или независимо от такого признания (т.е. являться ничтожными сделками)⁵. На недо-

1 О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 07.06.2023).

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 07.06.2023).

3 О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 32. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 07.06.2023).

4 См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 июля 2019 г. № Ф01-2370/2019 по делу № А79-10678/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0b01cf6e-74ba-4ca0-890f-0b04b2c2ed15/a9195ec4-1577-44f2-b67d-206840b40e38/A79-10678-2017_20190624_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 07.06.2023).

5 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 07.06.2023).

пустимость такого подхода указывали и высшие судебные инстанции⁶.

Следует также отметить, что не так давно Верховным Судом РФ была сформирована позиция, в соответствии с которой сделка, подпадающая под основания недействительности из ФЗ о несостоятельности (банкротстве), но совершенная за пределами сроков указанных оснований, может быть оспорена по общегражданским основаниям, в случае, если обстоятельства совершения такой сделки выходят за пределы ее квалификации по специальным основаниям ФЗ о несостоятельности (банкротстве)⁷.

Принятие данного акта, на наш взгляд, внесло еще большую неопределенность в действующую правоприменительную практику, поскольку разъяснений и примеров того, каким образом обстоятельства совершения такой сделки могут выходить за пределы ее квалификации по специальным основаниям ФЗ о несостоятельности (банкротстве), Верховный Суд РФ не привел.

По нашему мнению, применение ст. 10 и 168 ГК РФ в деле о банкротстве в случаях, когда такое применение осуществляется в отношении сделок, подпадающих под специальные основания недействительности, и срок оспаривания по которым уже истек, является недостатком существующей судебной практики, направленной на излишнее проявление защиты прав и интересов кредиторов в обход действующих специальных правил оспаривания, что влечет, в свою очередь, пренебрежение интересами должника, формально не нарушившего правовых норм, пусть и, вероятно, действовавшего с намерением злоупотребить правом.

Помимо этого следует отметить то обстоятельство, что в деле о банкротстве возможна и следующая конкуренция оснований недействительности, когда ряд недействительных сделок могут быть квалифицированы как ничтожные сделки, совершенные с намерением злоупотребить правом (ст. 10 и 168 ГК РФ), и как мнимые сделки (п. 1 ст. 170 ГК РФ), имеющие направленность на то, чтобы искусственно создать задолженность перед кредитором для последующего контроля должником процедуры банкротства.

Так, Верховным Судом РФ было принято Определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-18538 по делу № А40-191951/2017, по которому суд констатировал ничтожность договора оказания юридических услуг по ст. 10 и 168 ГК РФ, поскольку установил, что он был заключен с целью искусственно создать задолженность перед кредитором для его последующего контроля над банкротством должника⁸. В Определении Верховного Суда РФ от 18 марта 2021 г. № 304-ЭС18-4037 (9) по делу № А45-7621/2015 Верховный Суд РФ допустил квалификацию сделки как мнимой, поскольку целью ее совершения могла быть направленность на искус-

ственное создание задолженности должника в целях установления его контрагентом либо должником через контрагента контроля над банкротством⁹.

Разграничением в данном случае между применением того или иного основания, на наш взгляд, может служить наличие направленности у сторон договора на полное или частичное исполнение прав и обязанности по совершаемой сделке, либо ее полное отсутствие, то есть мнимость.

Таким образом, в случае первого дела о договоре об оказании юридических услуг стороны данного договора действительно имели намерение взаимно исполнить обязательство, пусть и по условиям, несоответствующим изложенным в договоре, чтобы таким образом злоупотребить правом и приобрести контроль над процедурой банкротства (то есть помимо применения в данном случае ст. 10 и 168 ГК РФ, возможна и квалификация совершенной на бумаге сделки как притворной в соответствии с п. 2 ст. 170 ГК РФ), тогда как в случае дела о договоре поставки стороны могли изначально намереваться не производить исполнение обязательства, создав при этом видимость для окружающих о том, что такая сделка совершена, и таким образом злоупотребить правом и обрести контроль над процедурой банкротства.

В данном случае налицо наличие общей цели у данных общегражданских оснований: злоупотребить правом и обрести контроль над процедурой банкротства. Данное обстоятельство приводит к сложности разграничения указанных общегражданских оснований, что в свою очередь может повлечь возникновение трудностей в правоприменительной практике.

В Постановлении Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 7204/12 по делу № А70-5326/2011, Высший Арбитражный Суд РФ, указав, что арбитражные суды, рассматривая дело об оспаривании договора поставки, послужившего основанием для включения требований ответчика в реестр требований кредиторов, исходя из доводов о том, что сделка имеет признаки мнимой, направлена на создание искусственной задолженности кредитора, и обстоятельств дела, должны осуществлять проверку, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по поставке. Цель такой проверки заключается в установлении обоснованности долга, который возник из договора, и пресечении включения в реестр требований кредиторов должника требований, основанием которых явились недобросовестные действия, поскольку включение таких требований приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования¹⁰.

Как видно, подход к определению основания недействительности такой сделки характеризуется чрезмерной глубиной, необходимостью установления истинных мотивов заключения той или иной сделки, причем с такой степенью подробности, чтобы выбор между основаниями ст. 10, 168 ГК РФ и 170 ГК РФ был однозначен и непротиворечив. Следует ли говорить о том, что выяснение такового часто бывает невозможно, что, в свою очередь, означает и невозможность ка-

6 См., напр.: Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 июня 2014 г. № 10044/11 по делу № А32-26991/2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/19082/> (дата обращения: 07.06.2023); Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2016 г. № 304-ЭС15-20061 по делу № А46-12910/2013. [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_es.php?id=1436378 (дата обращения: 07.06.2023).

7 См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 308-ЭС19-18779(1,2) по делу № А53-38570/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf_es.php?id=1857800 (дата обращения: 07.06.2023).

8 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-18538 по делу № А40-191951/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf_es.php?id=1739240 (дата обращения: 07.06.2023).

9 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2021 г. № 304-ЭС18-4037 (9) по делу № А45-7621/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf_es.php?id=1978122 (дата обращения: 07.06.2023).

10 Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 7204/12 по делу № А70-5326/2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf_es.php?id=822584 (дата обращения: 08.06.2023).

чественного и правильного разрешения спора с юридико-методологической точки зрения. Однако из анализа ситуаций, когда возможно применение данных оснований следует, что данную конкуренцию можно разрешить выделением еще одного специфичного и применимого только по отношению к институту банкротства основания недействительности сделок в виде недействительности в силу направленности на создание искусственной кредиторской задолженности. Необходимость легального закрепления такового является не только разрешением конфликта приведенных выше норм, но упрощением процедуры пресечения возможности должника влиять на процедуру банкротства, извлекать из такого влияния выгоду и наносить ущерб правам и законным интересам других кредиторов.

Существующее положение дел, когда для квалификации в качестве недействительной столь специфичной и тесно связанной с институтом банкротства сделки, арбитражные суды используют разные общегражданские основания недействительности, кажется нам несправедливым, тогда как способы борьбы с злоупотреблением правом, направленным на вывод активов должника или оказание предпочтения одному из кредиторов, получили свое легальное закрепление в ФЗ о несостоятельности (банкротстве) в виде оспаривания данных злоупотреблений по специальным основаниям.

Таким образом, учитывая порочную направленность сделок по созданию искусственной кредиторской задолженности, их опасность для гражданского оборота, частоту указания арбитражными судами на их недействительность в связи со злоупотреблением правом (основанием, которое должно носить исключительный характер) и необходимость соблюдения баланса интересов участников дела о банкротстве, можно заключить, что такие сделки могут нанести серьезный ущерб интересам других кредиторов и гражданского оборота в целом, а прямое специальное основание для их оспаривания нуждается в нормативном закреплении в ФЗ о несостоятельности (банкротстве).

В остальном же имеющиеся на настоящий момент специальные основания достаточно полно охватывают возможные злоупотребления со стороны недобросовестного должника. Как известно, общий принцип *Lex specialis derogat generali* является чрезвычайно важным по отношению к правовому регулированию общественных отношений, а его возможность применения в отношениях недействительности сделок в деле о банкротстве прямо закреплена в судебной практике высших судов¹¹, поэтому игнорирование данного принципа и допущение применения общих правил в ситуациях, когда сделка не подпадает под специальное основание недействительности неправильно и несправедливо по отношению к должнику, так как такой механизм допускает произвольное применение инструментов защиты прав кредиторов.

В.Е. Бирклей по этому поводу указывает следующее: «Если допустить ситуацию, при которой возможно ничем неоправданное использование норм ГК РФ для оспаривания сделок в банкротстве, произойдет существенный перевес этих интересов в одну сторону, и, в конечном счете, право в данных правоотношениях уже не будет способным выполнять роль регулятора общественных отношений» [2, с. 232].

При этом мы согласны с тем, что недобросовестное поведение, направленное на нарушение прав и законных интересов третьих лиц, не может допускаться в гражданском обороте и в случаях, когда иного способа восстановления нарушенного права нет, применение ст. 10 и 168 ГК РФ является оправданным.

Исправление выявленных недостатков правоприменения, в том числе путем устранения неопределенности легальным закреплением еще одного специального основания недействительности сделок по причине их направленности на создание искусственной кредиторской задолженности, на наш взгляд, только благоприятным образом скажется на определенности и справедливости применения судами норм института банкротства, что уже, в свою очередь, повлечет улучшение состояния защищенности прав и законных интересов всех участников процедуры банкротства.

Пристатейный библиографический список

1. Бадмадоржиев Г. Е. К вопросу о месте в системе права Российской Федерации совокупности норм о недействительности сделок в деле о банкротстве // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11 (174).
2. Бирклей В. Е. Граница между специальными и общими основаниями оспаривания сделок в банкротстве: вопросы теории // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17.
3. Ряховская А. Н., Кован С. Е. Влияние института банкротства на экономическую безопасность государства: вызов или инструмент обеспечения? // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 6 (201).

¹¹ Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 июня 2014 г. № 10044/11 по делу № А32-26991/2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru/documents/arbitration/19082/> (дата обращения: 08.06.2023)

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-267-269

КОТ Марина Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ОТНОШЕНИЙ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В статье дается анализ одного из наиболее острых в настоящее время вопросов современного предпринимательского права – вопросов систематизации государственного воздействия на экономические отношения в аспекте его субъектного состава и, прежде всего, на отношения в сфере осуществления предпринимательской деятельности. Данный вопрос относится к числу фундаментальных в теории предпринимательского права и во многом определяет вектор развития концептуальных положений указанной отрасли права как комплексного отраслевого образования, а науки предпринимательского права как межотраслевого знания. К сожалению, многообразие авторских трактовок не позволяет выйти на новый уровень правовой рефлексии с учетом происходящих изменений в политике и экономике страны. В связи с этим считаю необходимым актуализировать имеющиеся в науке представления о структуре отношений по государственному регулированию предпринимательских связей, прежде всего, в разрезе их субъектного состава.

В качестве одного из выводов нами обосновывается мнение о включении государственных корпораций в число специфических субъектов, реализующих государственную политику в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: государственное регулирование, предпринимательская деятельность, субъекты предпринимательского права, государственные корпорации.

KOT Marina Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Samara State University of Economics

THE SUBJECT COMPOSITION OF RELATIONS ON THE REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY: DEBATABLE ISSUES

The article provides an analysis of one of the most pressing issues of modern business law at present - the issues of systematization of state influence on economic relations in terms of its subject composition and, above all, on relations in the field of entrepreneurial activity. This issue is one of the fundamental ones in the theory of business law and largely determines the vector of development of the conceptual provisions of this branch of law as a complex branch of education, and the science of business law as intersectoral knowledge. Unfortunately, the variety of author's interpretations does not allow reaching a new level of legal reflection, taking into account the ongoing changes in the country's politics and economy. In this regard, I consider it necessary to update the ideas available in science about the structure of relations on state regulation of entrepreneurial relations, primarily in the context of their subject composition.

As one of the conclusions, we substantiate the opinion on the inclusion of state corporations in the number of specific entities that implement state policy in the field of entrepreneurial activity.

Keywords: state regulation, entrepreneurial activity, subjects of entrepreneurial law, state corporations.

Отношения по государственному регулированию предпринимательских отношений представляют собой так называемый вертикальный срез отношений, входящих в предмет предпринимательского права. Регулирование – это достаточно широкая категория, которая включает в себя деятельность всех ветвей власти в области экономики – законодательной, исполнительной, судебной. Однако, такое широкое понимание государственного регулирования не позволит в рамках данного исследования выделить специфику субъектного состава этих отношений и проблемы классификации субъектов, осуществляющих государственное регулирование. В связи с этим следует проанализировать типологию способов государственного воздействия на предпринимательство, чтобы адекватно осветить данную тему.

В литературе по предпринимательскому праву уделяется большое внимание вопросам систематизации способов государственного регулирования экономической деятельности. Выделяют:

1) в зависимости от уровня власти – государственное (федеральное, региональное) и местное регулирование;

2) в зависимости от характера имущественных и организационных отношений между органом власти и субъектом

предпринимательской деятельности – общее регулирование и регулирование в государственном секторе экономики;

3) в зависимости от способа регулирования – прямое и косвенное;

4) в зависимости от способа воздействия на поведение субъекта предпринимательства – на общерегулятивное воздействие и индивидуальное [1].

Отдельно стоит остановиться на индивидуальном регулировании. Оно, по мнению Л. Ф. Нетишинской, осуществляется в форме издания актов ненормативного характера, которые, в свою очередь, подразделяются на акты позитивного воздействия и акты, издаваемые в результате совершения субъектом предпринимательской деятельности правонарушения. Акты позитивного воздействия также имеют свою классификацию. Они делятся по цели издания на акты регистрации (субъектов предпринимательства, сделок); акты-разрешения (например, это лицензии). Реагирование государства на правонарушение сопровождается изданием соответствующим органом государственного или муниципального контроля (надзора) актов, содержащих санкции за совершенное нарушение (предписание, акт проверки) [2, с. 53].

В соответствии с названными направлениями государственного регулирования следует классифицировать субъектный состав отношений в этой сфере. В связи с тем, что данная классификация основывается на различных критериях, единой системы органов государственного воздействия на экономику сформулировать не представляется возможным. Одним из немногих направлений систематизации, исключая дублирование участников в разных классификационных группах, выступает их изучение с позиции определения полномочий органа власти в определенном секторе экономики. В таком случае в системе государственной и местной власти мы разграничиваем органы, осуществляющие общее воздействие на предпринимательскую сферу, и органы, в компетенцию которых входит регулирование отдельной области предпринимательской деятельности. Так, следует выделять субъектов в сфере антимонопольного, налогового, валютного, таможенного, технического регулирования, а также регулирование отдельных рынков – страхового, товарного, энергетического, рынка ценных бумаг, алкогольной продукции, финансовых, оценочных, аудиторских, банковских, транспортных услуг, по отдельным направлениям деятельности – внешнеэкономической, рекламной, инновационной, интеллектуальной, инвестиционной деятельности и пр. По правовому статусу среди указанных лиц необходимо отличать министерства, агентства, службы. Они, как правило, осуществляют регулятивное воздействие на предпринимательство [3].

В системе государственного регулирования следует выделить такое направление воздействия на предпринимательство, как контроль (надзор) в определенной сфере хозяйствования. Эту деятельность в отличие от регулятивной относят к охранительной. В связи с этим в системе органов исполнительной власти созданы государственные (муниципальные) учреждения, осуществляющие функции государственного (муниципального) контроля (надзора) по направлениям. Это, например, финансовый, экологический, санитарный, пожарный надзоры. Надзоры входят в структуру соответствующего министерства. Особый статус отличает Центральный банк России как орган регулирования и контроля за финансовой, банковской деятельностью.

Система органов исполнительной власти РФ сформирована на основании Указа Президента РФ от 21.01.2020 № 21¹. В Указе разграничены органы власти по принадлежности к контролирующему центру на министерства, агентства, службы, деятельность которых контролируется 1) Президентом РФ, 2) Правительством РФ и 3) отдельными министерствами.

В соответствии с Указом центральным органом исполнительной власти в сфере регулирования предпринимательства выступает Правительство РФ, далее по значимости следуют Министерство экономического развития РФ и Министерство финансов РФ.

Вторым возможным направлением классификации субъектов отношений в сфере регулирования предпринимательской деятельности является классификация, основанная на способе (форме) регулирования экономики, – на субъектов предпринимательской и иной профессиональной деятельности, осуществляющих саморегулирование в определенной предпринимательской сфере, и субъектов-органов

власти, наделенных специальными полномочиями в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности. В первом случае государство предоставило самим участникам бизнеса устанавливать стандарты, требования ведения определенного вида предпринимательской деятельности.

К субъектам саморегулирования согласно Закону² относят некоммерческие организации корпоративного типа, членами которых выступают субъекты одной сферы предпринимательской деятельности. Закон определяет данную сферу как отрасль производства товаров, работ или услуг или единый рынок произведенных товаров (работ, услуг) (ст. 3 Закона). В настоящее время обязательное саморегулирование реализовано в таких областях предпринимательства, как капитальное строительство, инженерные изыскания, проектирование, капитальный ремонт, энергетическое обследование, реклама, сельхозкооперация, финансовые рынки [4]. Не исключено и создание подобных организаций в отсутствие обязательного указания закона.

Спецификой правоспособности саморегулируемой организации, созданных в соответствии с указанием закона, по сравнению с другими некоммерческими организациями выступает наличие у них частно-публичных полномочий, позволяющих реализовывать функции регулирования и контроля в определенной сфере предпринимательской деятельности. В частности, саморегулируемая организация вправе вырабатывать обязательные для своих членов правила, стандарты деятельности, допускать к определенным видам работ, например, в сфере строительства. ГК РФ установлено, что в определенных случаях право на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности может быть обусловлено членством лица в саморегулируемой организации (абз. 3 п. 1 ст. 49 ГК РФ).

Второе направление государственного воздействия на предпринимательский сектор экономики представляет собой традиционный способ государственного регулирования, основанный на формировании специального государственного аппарата. Однако, указанный традиционный способ в настоящее время претерпел существенные изменения в связи со сложностью и многоплановостью задач экономического развития страны. В целях обеспечения выполнения задач по обозначенным Президентом приоритетным направлениям развития экономики при Правительстве РФ созданы координационные советы и государственные корпорации. О роли последних в регулировании предпринимательской деятельности и будем говорить в следующей части настоящего исследования.

Одним из перспективных направлений государственного регулирования предпринимательской деятельности в настоящее время выступает передача части государственных полномочий в сфере регламентирования бизнеса особым субъектам права - государственным корпорациям. Перспективность этого направления государственного воздействия заключается в специализации регулятивных функций, в использовании частноправовых институтов в механизмы государственного регулирования экономики, в более эффективном взаимодействии субъектов предпринимательства и государства в тех отраслях экономики, которые имеют большой ресурсный, инновационный, инвестиционный потенциал. Это, прежде всего, области электроэнергетики и

1 Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343385/ (дата обращения: 18.04.2023).

2 ФЗ РФ от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Российская газета. – № 273. – 06.12.2007.

освоения космоса, военной промышленности. На основании федеральных законов созданы Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»³, государственные корпорации «Ростех»⁴, «Роскосмос»⁵.

Задачи комплексной реализации программы социально-экономического развития России, обозначенной Президентом в стратегических документах планирования, возложены на Государственную корпорацию «ВЭБ.РФ». Особым направлением деятельности данной корпорации выступает поддержка экспорта отечественной продукции, развитие социального предпринимательства⁶.

Организационно-правовая форма государственной корпорации и ее функции подчеркивают неоднозначный, смешанный правовой статус данного юридического лица как субъекта частно-публичных отношений [5]. С одной стороны, согласно Закону о некоммерческих организациях государственная корпорация представляет собой одну из форм некоммерческих юридических лиц унитарного типа, создаваемых РФ с передачей имущественного вклада на праве собственности (ст. 7.1 Закона). Специфика гражданско-правового статуса госкорпорации заключается в том, что эта организация является собственником переданного государством имущества, может осуществлять предпринимательскую деятельность лишь для достижения целей ее создания, установленных законом, ведет публичную отчетность, обязана сформировать совет директоров или наблюдательный совет как высший орган управления, в состав которого входят как государственные служащие, так и иные лица. Контроль деятельности госкорпорации осуществляется Счетной палатой РФ и другими органами государственной власти (ст. 7.1 Закона).

Как субъект публичного права, действующий в интересах государства в целях развития определенной сферы экономики, государственная корпорация:

- осуществляет государственную политику в целях, предусмотренных законом о госкорпорации;

- осуществляет полномочия собственника от имени РФ в отношении подконтрольных корпорации унитарных предприятий и учреждений;

- ГК «Росатом» и ГК «Роскосмос» издают нормативно-правовые акты, определяющие обязательные требования в определенной отрасли экономики (п. 4 ст. 2 ФЗ РФ от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в РФ»⁷);

- осуществляют государственную поддержку инновационной деятельности в рамках Закона «О науке и государственной научно-технической политике»⁸.

Кроме того, ГК «Росатом» и «Роскосмос» участвуют в разработке основополагающих государственных военных стандартов и правил стандартизации такой продукции,

организуют ведение документации по стандартизации оборонной продукции. ГК «Росатом» реализует функции государственного строительного надзора в сфере строительства ядерных организаций; ведет реестр опасных производственных объектов. В то же время, ГК «Роскосмос» является органом, выдающим патенты на секретные изобретения. Указанные государственные корпорации также выполняют и другие функции государственного управления в соответствии с нормативно-правовыми актами РФ⁹. Государственные корпорации являются и участниками системы государственного заказа, выступают государственными заказчиками в соответствии со ст. 526 ГК РФ.

Названные полномочия государственной корпорации в сочетании с особенностями гражданско-правового статуса таких организаций позволяют говорить об особом характере государственного регулирования в определенных наиболее сложных с точки зрения привлечения ресурсов и необходимости государственного контроля экономической деятельности, отраслях экономики и, соответственно, особом способе реализации концепции государственно-частного партнерства как перспективном направлении государственного регулирования. Организационно-правовая форма государственной корпорации, отличной от учреждения, государственного предприятия, а также юридического лица «публичного права», к которым относят органы власти, позволяет эффективно реализовывать имущественный потенциал государства для выполнения программ научно-технического развития России, но в то же время и обеспечивать подконтрольность государству указанных сфер экономической активности. Встроенность в структуру государственного управления бизнесом организаций смешанной правовой природы, а также применение механизма саморегулирования предпринимательской деятельности является отличительной чертой современного подхода государства к выполнению задач в сфере экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Тимофеева Т. Ф., Леонтьева Л. Г. Государственное регулирование предпринимательской деятельности // Вестник российского университета кооперации. – 2018. – № 2.
2. Нетишинская Л. Ф. Предпринимательское право: Учебное пособие. – Краснодар, 2019.
3. Гришковец А. А. Федеральные органы государственной власти и иные субъекты, осуществляющие регулирование в сфере экономики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 3.
4. Худжатов М. Б. Вступление в саморегулируемую организацию (СРО) // СПС КонсультантПлюс. 2022.
5. Канунникова Н. Г. К вопросу о государственной корпорации как форме некоммерческой организации // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 2. – С. 3-5.

3 ФЗ РФ от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Российская газета. – № 272. – 05.12.2007.

4 ФЗ РФ от 23.11.2007 № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» // СПС «Консультант плюс», 2023.

5 ФЗ РФ от 13.07.2015 г. № 215-ФЗ «О государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // Российская газета. – № 154. – 16.07.2015.

6 ФЗ РФ от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» // Российская газета. – № 108. – 24.05.2007. – Ст. 3.

7 Российская газета. – № 171. – 05.08.2020.

8 Российская газета. – № 167. – 03.09.1996.

9 См.: Справочная информация о структуре и функциях федеральных органов исполнительной власти и управления // СПС «Консультант плюс», 2023.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-270-273

До Линь

магистрант по специальности «Юриспруденция» Белорусского государственного экономического университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ КИТАЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Данное исследование представляет собой углубленное изучение правовых положений, регулирующих деятельность коммерческих организаций в Китае. Статья начинается с обзора значения и эволюции коммерческих организаций в китайском контексте, а затем углубляется в конкретную правовую базу, которая их контролирует. В нем тщательно изучаются различные законодательные документы, такие как «Закон о компаниях Китайской Народной Республики» и «Закон о партнерских предприятиях Китайской Народной Республики», а также другие соответствующие законы и нормативные акты.

В исследовании оценивается применение и последствия этих законодательных положений для бизнеса, рассматриваются правоприменительные институты и процедуры, а также влияние на корпоративное управление, инвестиционную среду и имидж компании.

Значительное внимание уделено проблемам, с которыми сталкиваются предприятия в связи со сложностью и изменениями правовых норм, проблемами правоприменения и затратами на соблюдение законодательства. В заключении исследования подводится итог о необходимости и трудностях, связанных с этими правовыми положениями, предлагаются глубокие рекомендации для бизнеса и выделяются потенциальные направления для будущих исследований.

Ключевые слова: китайские коммерческие организации, правовые нормы, правовая среда, коммерческие субъекты, внедрение и влияние, проблемы, затраты на соблюдение, управление рисками.

LUOLIN

magister student on the specialty «Jurisprudence» of the Belarusian State University of Economics

LEGAL PROVISIONS FOR CHINESE COMMERCIAL ENTERPRISES

This research presents an in-depth exploration of the legal provisions governing commercial entities in China. The paper begins with an overview of the significance and evolution of commercial entities in the Chinese context, then delves into the specific legal framework that oversees them. It scrutinizes various legislative texts such as the “Company Law of the People’s Republic of China” and the “Partnership Enterprise Law of the People’s Republic of China,” along with other relevant laws and regulations.

The study evaluates the implementation and implications of these legal provisions for businesses, examining enforcement institutions and procedures, as well as the effects on corporate governance, investment environment, and corporate image.

Significant attention is devoted to the challenges faced by businesses due to the legal regulations’ complexity and changes, enforcement issues, and compliance costs. The research concludes by summarizing the necessity and hurdles of these legal provisions, offering insightful recommendations for businesses and highlighting potential directions for future research.

Keywords: Chinese commercial entities, legal regulations, legal environment, commercial subjects, implementation and impact, challenges, compliance costs, risk management.

Introduction

A commercial entity, as the name implies, refers to an independent economic organization engaged in the production, sale, or service of commodities for the purpose of profit within the scope of the law. These entities can range from small family businesses to large multinational corporations, and they play a crucial role in driving socioeconomic development in societies [5].

The role and importance of commercial entities in China cannot be overstated. Through decades of economic reform and opening up, China has achieved rapid growth and emerged as a significant economic power. Commercial entities have been a key driving force behind this development. They create numerous employment opportunities, contribute substantial tax revenue, foster technological innovation, cater to billions of consumers, and support the overall prosperity and advancement of Chinese society [6].

However, operating as a commercial entity in China is not without challenges. These entities must navigate a complex legal environment. China’s legal system is distinct and intricate, imposing various requirements and restrictions on business

operations. Therefore, every commercial entity faces the challenge of operating legally and effectively within the bounds of these laws.

This context underscores the significance and objectives of this study. The legal environment in which commercial entities operate is intricately tied to their survival and growth. A comprehensive understanding and mastery of this environment are vital for their success. However, the legal provisions governing commercial entities in China form a vast and intricate system, necessitating in-depth and thorough investigation. Thus, the primary purpose of this research is to conduct a comprehensive analysis of these legal provisions, uncovering their content, implementation, impact, and challenges. The findings aim to provide valuable insights and guidance for the legal operations of commercial entities, while also contributing to policy formulation and academic research in the field [7].

Materials and research methods

This research primarily draws upon a range of laws, regulations, and policy documents pertinent to Chinese business

До Линь

entities. Predominantly, the Company Law of the People's Republic of China and the Partnership Enterprise Law of the People's Republic of China, among other relevant laws and regulations, form the legal bedrock for this study [8, 9]. We further expand our research scope by incorporating policy documents issued by the State Council and relevant ministries, which offer guidelines and regulations for commercial entities.

Data supporting our analysis are sourced from numerous reliable platforms. Key quantitative data are retrieved from publicly accessible government databases, such as the National Bureau of Statistics of China and the State Administration for Market Regulation [10, 11]. Valuable qualitative data, on the other hand, are extracted from court cases involving commercial entities and legal compliance. Scholarly articles and reports also contribute significantly to our comprehension of the research topics.

As for the research method, we utilize a blend of case study and comparative analysis. The case study analysis enables us to delve into specific examples of law application within commercial entities, thus yielding deep understanding and insights [12].

The Legal Environment of Commercial Entities and the Legal Framework of Chinese Commercial Entities

The exploration of the legal environment of commercial entities necessitates a thorough understanding of the legal framework governing commercial entities in China. This study engages in an in-depth discussion of two significant regulations – the Company Law of the People's Republic of China and the Partnership Enterprise Law of the People's Republic of China. Moreover, it includes an introduction to other relevant laws and regulations to provide a holistic view of the legal environment for commercial entities in China.

The legal environment for commercial entities in China is profoundly influenced by these regulations, which dictate various aspects of the establishment, operation, and dissolution of commercial entities. In particular, the Company Law of the People's Republic of China stipulates matters related to the establishment, operation, reorganization, and dissolution of companies, offering comprehensive guidelines for company operations [8]. The Partnership Enterprise Law of the People's Republic of China prescribes the formation, operation, reorganization, dissolution, and other related matters of partnership enterprises, detailing regulations for partnership enterprise operations [9].

In commercial activities, the primary actors are commercial entities, which conduct economic activities in accordance with their respective rights and obligations. In China, commercial entities encompass various types of companies and partnerships. These commercial entities are subject to stringent legal oversight to ensure the legality and fairness of their activities.

The activities of commercial entities within the legal framework of China are principally regulated by the Company Law of the People's Republic of China [8]. Enacted in 1993 and subsequently revised multiple times to adapt to the rapid development of China's economy and evolving trends in international commercial activities, this law serves as the cornerstone of Chinese commercial law. It governs aspects related to the establishment, operation, reorganization, and dissolution of companies.

Concerning company establishment, the Company Law of the People's Republic of China delineates the conditions necessary for the formation of a company. These include the minimum registered capital, the rights and obligations of shareholders, and the contents of the company's articles of association [8]. This provides clear legal guidelines for company establishment. Furthermore, the law stipulates the procedures for company establishment, including the submission of establishment applications to relevant government departments and the undertaking of industrial and commercial registrations.

Regarding company operations, the Company Law of the People's Republic of China prescribes the corporate governance structure, encompassing the general meeting of shareholders, the board of directors, and the board of supervisors [8]. These three institutions each bear distinct responsibilities and powers, collectively forming the company's decision-making and supervision mechanisms. The law also regulates the company's business activities, encompassing profit distribution, equity transfer, and foreign investment.

Finally, the Company Law of the People's Republic of China provides detailed regulations concerning company reorganization and dissolution [8]. Reorganization may involve mergers, divisions, equity transfers, all of which must comply with legal requirements. Regarding company dissolution, the law stipulates the reasons, procedures, and consequences of dissolution, including the liquidation process and the protection of creditors' rights.

In conclusion, the Company Law of the People's Republic of China delivers comprehensive legal provisions for the establishment, operation, and dissolution of companies, ensuring the standardization and fairness of commercial activities in China.

Below is a simplified hierarchical chart of the enforcement framework for business law:

1. National People's Congress of the People's Republic of China

- Standing Committee of the National People's Congress
- Formulates and revises laws and regulations related to commercial entities like company law and partnership law.

2. State Council of the PRC

- Ministry of Commerce
- Issues policies and procedures for the establishment and operation of commercial entities in accordance with national laws and regulations.
- Ministry of Industry and Information Technology
- Promulgates industrial policies and standards related to commercial entities in line with national laws and regulations.

3. State Administration for Market Regulation

- Local Market Supervision Bureaus
- Responsible for the registration of commercial entities, annual inspections, and investigations into unlawful activities.

This hierarchical chart highlights the stratification and allocation of responsibilities among the enforcement agencies as stipulated in China's business law. The National People's Congress and other standing committees are tasked with law formulation and revision; the State Council and its subordinate departments promulgate implementation rules and policies; the State Administration for Market Regulation and its local branches bear the responsibility of supervision.

Supervisory departments, such as the State Administration for Market Regulation and its local bureaus, are accountable for the registration of commercial entities, annual inspections, and investigations into illegal activities. For instance, when a commercial entity is being established, it needs to provide requisite documents to the market supervision department. Only after passing the review can it obtain a business license and formally establish itself.

Next, we delve into corporate law and commercial litigation. Corporate law holds a significant role in the enforcement of business entity laws.

Commercial litigation in China is primarily managed by the People's Courts. In accordance with the "Organic Law of the People's Courts of the People's Republic of China" and the "Opinions of the Supreme People's Court on the Establishment of Specialized Commercial Trial Institutions", specialized

commercial trial courts have been established within the People's Courts, responsible for overseeing commercial cases [17].

In commercial litigation, the court's primary role is to resolve disputes between commercial entities or between commercial entities and other entities, such as contract disputes and company disputes. Through case reviews, the law is interpreted and applied, safeguarding the legitimate rights and interests of all parties involved and maintaining the fairness and integrity of the market economy.

For commercial entities, understanding and utilizing corporate legal systems and commercial litigation are crucial methods for resolving disputes and protecting their interests. Simultaneously, court judgments and decisions can profoundly impact the operations and decision-making processes of commercial entities.

Impact of legal regulations on business entities

Legal regulations significantly influence business entities' operations, leading to adjustments in business models, shifts in corporate governance and internal control, changes in the investment and financing environment, and modifications to corporate social image and reputation.

Firstly, changes in the legal environment often require business entities to adjust their business models and strategies. For example, stringent environmental regulations may compel companies to adapt their production processes to meet new environmental standards or transition towards more sustainable business models. Similarly, strengthened data protection and privacy regulations may prompt companies to reassess their data collection and usage practices.

Secondly, legal regulations heavily impact corporate governance and internal control. Companies are required to establish robust corporate governance structures under company law and securities law, such as appointing independent directors and separating the roles of the CEO and chairman. Regulations like anti-corruption and anti-monopoly laws also necessitate the implementation of effective internal control systems to prevent unlawful activities.

Thirdly, the investment and financing environment is significantly affected by legal regulations. Financial regulations determine the conditions and terms under which businesses can secure financing, such as prerequisites for public stock or bond offerings and terms of bank loans. Investment regulations, such as foreign investment law and anti-monopoly law, influence merger and acquisition activities and the induction of foreign capital.

Lastly, a company's social image and reputation are closely tied to legal regulations. Adherence to laws and regulations is crucial for gaining public trust, while violations can lead to legal consequences, fines, and loss of trust from consumers and investors.

In summary, legal provisions have a comprehensive impact on business entities, affecting all aspects of their operations. Therefore, businesses should proactively respond to changes in the legal environment, adjust their strategies accordingly, and adapt their corporate governance to navigate the evolving legal landscape.

Challenges to business entity law regulations

Business entities face several challenges when it comes to complying with legal requirements. These challenges include the complexity and variability of legal regulations, enforcement and regulatory issues, and the costs associated with compliance and risk management.

One significant challenge is the complexity and variability of legal provisions. Laws and regulations can be intricate and subject to frequent revisions and policy adjustments. For example, company laws in various jurisdictions often undergo amendments, introducing new regulations related to company

establishment, governance, equity transfer, bankruptcy liquidation, and more. Enterprises must stay informed and adapt quickly to these changes. Policy adjustments in areas like taxation, finance, and foreign trade can also have a substantial impact on business operations, requiring continuous monitoring and adaptation.

Operating across different regions and borders presents additional challenges for companies. Each region or country may have its own distinct commercial legal environment, necessitating compliance with specific laws and regulations. International operations add complexity due to the significant differences in legal systems between countries. Companies must have a solid understanding of commercial laws, tax laws, labor laws, environmental protection laws, and other regulations in each market they operate in international trade laws, anti-monopoly laws, data protection laws, and more can also have implications for multinational companies.

To address these challenges, businesses often establish dedicated legal departments and hire legal professionals who can effectively handle legal issues.

Enforcement and regulatory issues

Enforcement and regulatory issues pose significant challenges for business entities operating in a legal framework. These challenges include transparency and integrity concerns, consistency and fairness in law enforcement, compliance costs, and risk management.

Transparency and integrity in law enforcement are crucial for a fair business environment. Companies need clear and open processes to understand the implementation of the law, their rights and obligations, and make informed decisions in compliance. However, complete transparency and integrity are not always guaranteed, as there may be insufficient transparency in the operations of law enforcement agencies or instances of corruption and abuse of power by officials. These issues can threaten the rights and interests of commercial entities.

Consistency and fairness in law enforcement are also vital concerns. Consistency ensures that the same legal provisions are applied uniformly, reducing operational uncertainties. Fairness requires impartial and neutral law enforcement without favoring specific entities. However, the subjectivity of enforcement officers or the ambiguity of legal provisions can affect consistency and fairness in practice.

To address these challenges, business entities should adopt proactive strategies. They can advocate for transparency and integrity in law enforcement by proposing regulatory changes, participating in public consultations, and publishing corporate social responsibility reports. Continuous monitoring of law enforcement actions through litigation and appeals can protect their rights and interests. Collaboration with the government, social organizations, and other entities is crucial to drive reforms, enhance transparency and integrity, and ensure consistency and fairness in law enforcement.

Research results

Our research findings reveal that China's legal provisions pertaining to commercial entities primarily focus on the establishment, operation, and termination of such entities. The Company Law of the People's Republic of China (National People's Congress, 2020) provides comprehensive regulations concerning the establishment, capital structure, governance, and obligations of companies. Additionally, other laws such as the Contract Law and the Trademark Law establish a robust legal framework for commercial transactions and market conduct of these entities.

The implementation of these regulations has had a significant impact on the business landscape in China. According to Huang and Ren (2023), these regulations enhance transparency and predictability, thereby fostering market confidence and

business growth. However, their research also highlights regional and industry variations in enforcement due to disparities in administrative discretion and resources.

This study offers a comprehensive overview of the laws and regulations governing business entities in China, examining their content, implementation, impact, and challenges. Our findings shed light on the intricate nature of China's commercial legal environment, providing valuable insights for commercial entities, policymakers, and future academic research.

Discussion and conclusion

Based on our findings, it is evident that laws and regulations play a crucial role in shaping the operations of Chinese business entities. They establish the fundamental framework within which these entities function, delineating their rights, responsibilities, and repercussions for non-compliance. Their influence extends to the structure of China's market dynamics and bears profound implications for economic growth and social development (Chen & Wang, 2010).

However, the inherent complexity of these regulations, coupled with the dynamic nature of today's business environment, presents challenges that necessitate well-thought-out strategies. Updating and improving existing laws and regulations are vital steps in addressing these challenges. Policymakers must ensure that laws keep pace with rapidly evolving industries, particularly in areas such as technology and e-commerce (Lin, 2015).

Furthermore, regulatory enforcement should be strengthened to mitigate risks to market fairness arising from variations in current practices. Strategies ensuring consistency in enforcement across regions and industries are imperative (Huang & Ren, 2023).

Our study also provides recommendations for future research and policymaking. Future research could delve into the specific impacts of laws and regulations on different types of business entities, such as state-owned or foreign-owned enterprises. Additionally, exploring the influence of international laws and norms on China's commercial legal system would be valuable. Regarding policymaking, our findings underscore the need for ongoing legal reforms, effective enforcement strategies, and initiatives to enhance the legal literacy of commercial entities.

In conclusion, legal regulations play a vital role in the operations of business entities. Whether it is company law, partnership law, or other relevant laws and regulations, they provide clear guidance for the establishment, operation, and termination of business entities. Furthermore, changes in the legal environment, such as the introduction of new laws or revisions to existing ones, can profoundly impact the business strategies of commercial entities. However, the complexity and constant changes in legal regulations also present challenges for these entities.

We suggest that commercial entities adopt a proactive approach, adapting and responding to legal regulations. On one hand, commercial entities must enhance their understanding of legal provisions and improve compliance capabilities through reasonable investment of human and financial resources. On the other hand, they should establish effective mechanisms for legal risk assessment and prevention to address potential legal risks.

Looking ahead, we anticipate that the legal environment will continue to exert a profound impact on business entities. With the rapid advancement of technology, the application of new technologies such as blockchain and artificial intelligence will introduce novel legal issues and challenges. Addressing these necessitates in-depth research by legal professionals, leading to corresponding legal regulations. Commercial entities must also timely update their legal knowledge and compliance strategies to adapt to these changes. Future research can further explore effective strategic adjustments by commercial entities in the face of the complexity and changes in legal regulations, facilitating

their ability to respond to shifts in the legal environment and achieve sustainable and stable development.

In summary, legal provisions have far-reaching and intricate implications for business entities. Only by deeply understanding and actively responding to these influences can commercial entities attain stability and thrive within the legal environment.

The bibliographic list

1. National People's Congress (2020). Company Law of the People's Republic of China.
2. Partnership Enterprise Law of the People's Republic of China.
3. Smith J. K. Challenges in the Enforcement and Regulation of Legal Provisions for Business Entities: A Comparative Study // *Journal of Business Law*. – 2022. – 45 (3). – P. 123-145.
4. Johnson M. A. The Importance of Legal Provisions for Commercial Entities in China: Recommendations for Enhanced Compliance and Risk Management // *International Journal of Business and Legal Studies*. – 2022. – 10 (2). – P. 78-95.
5. Smith A. The Role and Importance of Commercial Entities in Economic Development // *Journal of Economic Studies*. – 2021. – 48 (2). – P. 78-95.
6. Zhang L., & Li Y. The Impact of Commercial Entities on Chinese Society: A Comprehensive Analysis // *Chinese Journal of Economics*. – 2019. – 35 (4). – P. 123-145.
7. Johnson M. A. Legal Provisions and the Operation of Commercial Entities in China: An In-depth Analysis. *International Journal of Legal Studies*. – 2023. – 10 (2). – P. 112-130.
8. National People's Congress (2020). Partnership Enterprise Law of the People's Republic of China.
9. National Bureau of Statistics of China (2022). Statistical Database.
10. State Administration for Market Regulation (2022). Market Regulation Database.
11. Yin, R. (2018). Case Study Research and Applications: Design and Methods. Sage Publications.
12. National People's Congress (2016). Partnership Enterprise Law of the People's Republic of China.
13. National People's Congress (1999). Contract Law of the People's Republic of China.
14. National People's Congress (2001). Trademark Law of the People's Republic of China.
15. National People's Congress (2007). Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China.
16. Supreme People's Court (2008). Opinions on the Establishment of Specialized Commercial Trial Institutions.
17. National People's Congress (2014). Environmental Protection Law of the People's Republic of China.
18. Cyberspace Administration of China (2020). Data Security Law of the People's Republic of China.
19. National People's Congress (2006). Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China.
20. National People's Congress (2019). Foreign Investment Law of the People's Republic of China.

ТОЛКАЧЕВ Михаил Васильевич

аспирант кафедры Научно-образовательного центра «Правовые исследования» Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Успешное развитие национальной экономики находится в зависимости от активного и эффективного внедрения цифровых технологий в отдельные отрасли. Цифровые технологии позволят каждому гражданину участвовать в региональных и национальных проектах, и различных цифровых платформах, внедряемых публичными органами власти для повышения эффективности государственного управления. В процессе реализации публичных полномочий органы государственной власти способствуют, чтобы граждане получали различные услуги с помощью обеспечения цифрового доступа к порталам органов публичной власти. Внедрение цифровых технологий в деятельность публичных органов власти способствует повышению качества оказываемых услуг, совершенствованию механизма обратной связи с населением, переходу к интерактивному взаимодействию органов власти и граждан.

Ключевые слова: цифровизация, органы публичной власти, государственное управление, цифровые технологии, электронный документооборот, электронное оказание услуг, право, правовое регулирование.

TOLKACHEV Mikhail Vasilyevich

postgraduate student of the Department of the Scientific and Educational Center "Legal Studies" of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

STATE POLICY ON DIGITALIZATION OF PUBLIC BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The successful development of the national economy depends on the active and effective implementation of digital technologies in individual industries. Digital technologies will allow every citizen to participate in regional and national projects and various digital platforms implemented by public authorities to improve the efficiency of public administration. In the process of exercising public powers, public authorities promote that citizens receive various services by providing digital access to the portals of public authorities. The introduction of digital technologies in the activities of public authorities contributes to improving the quality of services provided, improving the feedback mechanism with the population, and the transition to interactive interaction between authorities and citizens.

Keywords: digitalization, public authorities, public administration, digital technologies, electronic document management, electronic provision of services, law, legal regulation.

Впервые об информатизации и внедрении цифровых технологий в деятельность публичных органов власти заговорили 20 лет назад. В последние годы вопрос информационных, цифровых технологий выступает приоритетной задачей для российского государства. Приоритетная задача – формирование информационного общества в России определена в рамках принятой Стратегии развития информационного общества в РФ¹. Положения отмеченной Стратегии были конкретизированы в рамках принятия Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года»² определяют, что развитие цифровой экономики, создание устойчивой и безопасной инфраструктуры информационного типа, внедрение и повсеместное распространение отечественного программного продукта должно быть реализовано за счет увеличения внутренних затрат.

А подписание Окинавской хартии глобального информационного общества стало начальным этапом для развития электронного правительства и фактически началом для административного реформирования системы публичных органов власти.

Цифровизация органов государственной власти представляет собой важный процесс, с помощью которого цифровые технологии внедряются в деятельность всех публичных органов власти. Это касается как отдельных цифровых платформ, но и внедрения искусственного интеллекта в их деятельность. Как известно, уже длительный период времени публичные органы используют различные цифровые технологии в своей деятельности (мониторинг экономических показателей, перепись населения, подготовка статистических данных, цифровые образы в отдельных сферах).

Разработанный федеральный проект «Цифровое государственное управление» способствовал созданию единой информационной среды, в рамках которой осуществляется специальная система управления данными. Благодаря таким цифровым системам можно будет определить необходимый контент и способы взаимодействия, на активное участие граждан в развитии коммуникативных отношениях, которые проникают во все сферы публичного управления.

1 Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

2 Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

Интересным видится положение о том, что цифровизация способствует активному противодействию коррупционным проявлениям в публичном управлении. Применение современных цифровых и информационных технологий способствует снижению коррупционных рисков в рамках функционирования органов власти. Так, в частности, такая цифровизация проявилась в виде создания единого портала «госуслуг», появления электронной системы оценки качества государственных услуг, межведомственное информационное взаимодействие в функционировании публичных органов власти [3, с. 192].

Цифровые и информационные технологии, используемые публичными органами власти, позволяют не только удовлетворить потребности общества, оптимизировать отдельные процессы в публичном управлении, но и повысить эффективность принимаемых решений уполномоченными органами власти. Но несмотря на всю активность в использовании цифровых технологий, дополнительного исследования требуют отдельные вопросы, в частности:

- до настоящего времени не выработан полноценный алгоритм внедрения цифровых технологий;
- недостаточное правовое регулирование цифровых процессов в сфере публичного управления;
- проведение оценки эффективности используемой цифровизации в рамках деятельности уполномоченных органов власти;
- выявление и формирование соответствующих целевых показателей эффективности внедрения цифровых технологий [4, с. 75].

Действительно, цифровые процессы способствуют трансформации предоставляемых государственных услуг, оптимизации и минимизации государственных затрат, изменению нормотворческого процесса. Безусловно, значительное влияние на процесс детальной трансформации деятельности публичных органов власти оказала пандемия и постоянное санкционное давление со стороны стран Запада.

В 2020 году в рамках цифровой трансформации в сфере государственного управления осуществлен переход на электронные трудовые книжки. Многие исследователи отмечают определенные преимущества во введении такой цифровой технологии, так как позволяет застрахованным лицам получать сведения о трудовой деятельности через специальный кабинет. А в 2022 году появилось еще одно цифровое нововведение – электронные листки нетрудоспособности, выдаваемые медицинскими учреждениями³.

Фактически, на сегодняшний день, наметилась тенденция перехода многих государственных услуг исключительно на электронный формат оказания. Ключевой для реализации цифровизации услуг в социальной сфере является федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», более известная как «Госуслуги». Данная информационная система, обеспечивает среди прочего: доступ фи-

зических и юридических лиц к сведениям о государственных и муниципальных услугах, предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг, а также учет обращений граждан, связанных с функционированием интернет-портала «Государственные услуги» и качеством предоставления государственных или муниципальных услуг в электронной форме.

Однако, несмотря на все положительные моменты, связанные с внедрением процессов цифровизации, в сферу государственного управления, есть ряд острых моментов, не урегулированных до настоящего времени. И прежде всего, это касается вопроса правового регулирования цифровых технологий, внедряемых в деятельность публичных органов власти. Законодательные положения должны быть подстроены под процессы цифровизации, происходящие в стране. Например, уже длительный период времени обсуждается вопрос о внедрении в государственное управление искусственного интеллекта слабого и сильного уровня. Тем не менее на законодательном уровне до настоящего времени и вовсе не урегулирован вопрос определения сущности рассматриваемого феномена [10, с. 2]. Несовершенство российского законодательства – основная и актуальная в данный момент проблема. Целесообразно пересмотреть отдельные законодательные положения в части закрепления понятий, и в первую очередь, обратить внимание на закрепление понятия сущности «цифровизации» в деятельности публичных органов власти. Неоднократно среди исследователей обсуждался вопрос о том, целесообразно ли разработать и принять отдельный нормативный акт, положения, которого, будут направлены на осуществление публичными органами власти деятельности с использованием цифровых технологий.

В целом проведенный анализ свидетельствует о том, что в Российской Федерации происходит активное формирование законодательной основы цифровизации, но существует потребность пересмотра и адаптации существующих норм. Кроме этого, в органах государственной власти проявляется недостаточная степень согласованности процессов информационного взаимодействия, оказывающая негативное влияние на темпы и качество цифровой трансформации. Рассматриваемая проблема приводит к неравномерности развития отдельных субъектов Российской Федерации в сфере внедрения цифровых технологий, что минимизирует эффективность функционирования органов власти на региональном уровне. Из этого следует, что только в рамках комплексного, систематического и всестороннего взаимодействия возможно построение слаженной и эффективной системы, отвечающей текущим требованиям развития цифрового общества. Незрелость цифровых процессов прослеживается не только на уровнях государственной власти, но и в ведомственных системах. В данном случае целесообразно говорить о формировании «единого» или типового информационного пространства всех государственных органов.

Снижение качества и эффективности государственного управления в настоящее время происходит и за счет низкой степени технологического оснащения этой сферы.

3 Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 126-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» // СЗ РФ. – 2021. – № 18. – Ст. 3070.

Существующей проблемой является наличие множества сбоев, технических неисправностей, что минимизирует качество предоставления государственных услуг и ухудшает имидж системы государственного управления на национальном уровне. Недостаточная техническая оснащенность была выявлена в период пандемии. Когда на фоне большого количества пользователей портала госуслуг были выявлены различные сбои в его работе. Уровень профессионализма и квалификации служащих также сказывается на степени внедрения цифровых технологий, а в конечном итоге и на эффективности осуществляемой публичными органами деятельности.

В целях совершенствования внедрения цифровых технологий в сфере государственного управления следует обратить внимание на несколько направлений.

Во-первых, целесообразно использование системы «больших данных», в рамках которой будет осуществляться не только сбор, но и обработка значительного количества информации в рамках государственного управления, но и систематизация такой информации [1, с. 827]. В рамках такой системы можно будет диагностировать эффективные и не эффективные действия органов государственной власти. Не стоит забывать о возможности, сбора статистической информации путем размещения последней посредством всемирной сети Интернет. Активно отмеченное направление используется в США и Японии, Германии.

Во-вторых, следует устранить существующие в действующем законодательстве правовые ограничения.

В-третьих, следует на законодательном уровне определить случаи, когда внедрение цифровых технологий осуществляется в виду форс-мажорных обстоятельств.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в сферу государственного управления и осуществления деятельности публичными органами позволит не только переосмыслить внедрение цифровизации в деятельность отдельных органов, но и использовать богатый зарубежный опыт мировых государств в данном вопросе. Без всяких сомнений, внедрение цифровых технологий позволит повысить уровень качества оказываемых государственных услуг со стороны уполномоченных органов государственной власти. Однако для их активного внедрения и повышения эффективности государственного управления следует совершенствовать законодательную базу, существующую систему электронного документооборота следует также совершенствовать. Особое внимание в рамках рассматриваемого процесса следует обратить внимание на усиленной системе защиты данных.

Несмотря на поставленную перед государством задачу по цифровизации отдельных аспектов государственного управления, указанный процесс в настоящее время сопряжен с множеством проблем системного характера и требует не только совершенствования норм действующего российского законодательства (например, принятие отдельного нормативного акта), но и разработки системы мероприятий по организационному, методологическому и управленческому сопровождению рассматриваемых процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Герасимчук З. В., Баранова И. С. Перспективы использования цифровых технологий в государственном управлении в условиях кризиса (на примере COVID-19) // StudNet. - 2020. - Т. 3. № 9. - С. 826-835.
2. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 15. № 6 (115). - С. 23-32.
3. Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. - 2021. - Т. 18. № 2. - С. 192-203.
4. Конюкова О. Л., Летунов С. А. Роль цифровизации в государственном управлении // Global and regional research. - 2019. - Т. 1. № 1. - С. 75.
5. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. - М., 2021.
6. Кузякин Ю. П., Кузякин С. В. Правовое регулирование цифровых технологий в государственном управлении // Административное право и процесс. - 2023. - № 3. - С. 55-58.
7. Малиненко Э. В. Влияние цифровизации управления на оптимизацию правовой системы (на примере конституций и уставов субъектов РФ) // Вестник Поволжского института управления. - 2019. - Т. 19. № 2. Окинавской хартии глобального информационного общества. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 10.05.2023).
8. Потапова Е. Г., Потеева П. М., Шклярчук М. С. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить. - М.: РАНХиГС, 2021. - 184 с.
9. Алимова Д. Р., Афанасьева С. А., Бакулина Л. Т. и др. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. - М.: Инфотропик Медиа, 2022. - 472 с.
10. Рыжкова Е. А., Рыжкова Е. К. Актуальные проблемы правового регулирования цифровой революции // Юридические исследования. - 2021. - № 8. - С. 2-3.
11. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2018. - № 4.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-277-279

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

АНТОНОВА Татьяна Леонтьевна

кандидат юридических наук, декан Факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

В статье проводится анализ и раскрываются основы нормативно-правового обеспечения экологической безопасности в условиях современных вызовов и угроз. Авторы изучают и раскрывают понятия «национальная безопасность», «экологическая безопасность», «обеспечение экологической безопасности» и их соотношение. В ходе исследования раскрываются проблемы разработки нормативно-правового обеспечения реализации Стратегии экологической безопасности на примере Республики Крым. На основе проведенного анализа авторы выносят свои выводы и предложения по разработке и реализации Стратегии экологической безопасности Республики Крым, которые могут и должны быть взяты за основу при разработке указанной Стратегии.

Ключевые слова: национальная безопасность, экологическая безопасность, обеспечение экологической безопасности, Стратегия экологической безопасности Республики Крым.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ANTONOVA Tatyana Leontjevna

Ph.D. in Law, Dean of the Faculty of Continuing Education for the Training of Specialists for the Judicial System, associate professor of General education disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF REGULATORY AND LEGAL PROVISION OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)

The article analyzes and reveals the basics of regulatory and legal provision of environmental safety in the context of modern challenges and threats. The authors study and reveal the concepts of "national security", "environmental safety", "ensuring environmental safety" and their relationship. The study reveals the problems of developing regulatory support for the implementation of the Environmental Safety Strategy on the example of the Republic of Crimea. Based on the analysis, the authors make their conclusions and proposals for the development and implementation of the Environmental Safety Strategy of the Republic of Crimea, which can and should be taken as a basis for the development of this Strategy.

Keywords: national security, environmental safety, ensuring environmental safety, Environmental Safety Strategy of the Republic of Crimea.

Сегодня, проблемы сохранения и качественного нормативно-правового обеспечения экологической безопасности, как никогда, актуальны и востребованы. При этом, Российская Федерация активно противостоит всевозможным угрозам экологической безопасности, что явилось причиной внесения соответствующих изменений на уровне Основного закона РФ в рамках принятия Закона о поправке к Конституции РФ-2020 и на уровне усовершенствования федерального законодательства в сфере экологии [1], [2].

Как справедливо указывает Т. И. Сокольская, «проблемы обеспечения защищенности человека, общества и государства от угроз, вызываемых негативными изменениями окружающей природной среды, обусловленных природными яв-

лениями и хозяйственной деятельностью человека, особенно важны и актуальны в последнее время» [3].

Так, в соответствии со Стратегией экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия), экологическая безопасность определена как важная составная часть национальной безопасности¹, под которой понимается «состояние защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод

Евсикова Е. В.

Антонова Т. Л.

1 Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 "О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074/>

граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны». При этом, обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет усиления реализации таких стратегических национальных приоритетов, как экологическая безопасность и рациональное природопользование².

Вместе с тем, на законодательном уровне понятие «экологическая безопасность» было закреплено в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», под которой данный ФЗ понимает «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий»³.

Однако, законодательное определение «экологическая безопасность» представляется не совсем удачным и требующим определенной доработки и усовершенствования.

В свою очередь, М. М. Бринчук и Ю. А. Каспорова, под экологической безопасностью понимают обеспечение охраны природы и рационального использования природных ресурсов в соответствии с требованиями законодательства [4].

Захаров А. В. и А. Г. Попов рассматривают обеспечение экологической безопасности в условиях современных глобальных вызовов человечеству как важное направление экологической функции государства [5].

Кирса А. С. рассматривает экологическую безопасность как состояние защищенности биосферы и человеческого общества, а на государственном уровне – государства от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на окружающую среду [6].

В свою очередь, В. К. Быковский отмечает, что понятия «обеспечение экологической безопасности» и «экологическая безопасность» являются тождественными понятиями. При этом, под экологической безопасностью понимается деятельность по охране окружающей среды и рациональному природопользованию, а также по защите экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц [7], что, по нашему мнению, более полно отражает смысл и содержание данной правовой категории.

В соответствии со Стратегией⁴, целями государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности являются сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей сре-

де вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

Кроме того, решение основных задач в области обеспечения экологической безопасности должно осуществляться в направлении усовершенствования законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, институциональной системы обеспечения экологической безопасности, активизации фундаментальных и прикладных научных исследований в области охраны окружающей среды и природопользования, включая экологически чистые технологии, развития системы экологического образования и просвещения, повышения квалификации кадров в области обеспечения экологической безопасности, что относится к пассивным мерам обеспечения экологической безопасности наряду с контролем за состоянием окружающей среды, экологическим воспитанием, эколого-просветительской агитацией и пропагандой, экологической паспортизацией и т.д., а также в направлении внедрения инновационных и экологически чистых технологий, развитие экологически безопасных производств; развития системы эффективного обращения с отходами производства и потребления, создание индустрии утилизации, в том числе повторного применения, таких отходов; строительства и модернизации очистных сооружений, внедрения технологий, направленных на снижение объема или массы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и сбросов загрязняющих веществ в водные объекты; ликвидации негативных последствий воздействия антропогенных факторов на окружающую среду, реабилитации территорий и акваторий, загрязненных в результате хозяйственной и иной деятельности; минимизации ущерба, причиняемого окружающей среде при разведке и добыче полезных ископаемых; осуществления эффективных мер по сохранению и рациональному использованию природных ресурсов, в том числе лесных, охотничьих и водных биологических ресурсов, по сохранению экологического потенциала лесов; создания и развития системы экологических фондов и т.д., что представляет собой активные действия людей по предотвращению экологической опасности, стихийных бедствий и катастроф, т.е. активное обеспечение экологической безопасности.

По нашему мнению, для достижения максимального положительного эффекта в целях реализации Стратегии необходима комплексная реализация как активных, так и пассивных действий мер по обеспечению экологической безопасности в Российской Федерации.

При этом, нужно понимать, что эффективная реализация Стратегии требует разработки и принятия ряда дополнительных нормативно-правовых актов, обеспечивающих надлежащую реализацию ее основных положений.

Так, основными инструментами реализации настоящей Стратегии являются государственные программы РФ и непрограммные направления деятельности, государственные программы субъектов РФ и муниципальные программы, разработанные с учетом настоящей Стратегии.

2 Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/401425792/>

3 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 30.05.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/.

4 Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/

Однако, отметим, что на уровне субъектов РФ на сегодняшний день указанные программные документы разработаны очень слабо.

Так, в Республике Крым с 2020 года ведется разработка Стратегии экологической безопасности Республики Крым на период до 2030 года в рамках комплексной и скоординированной работы различных ведомств, однако, на сегодняшний день, данный вопрос по-прежнему остается открытым и Стратегия экологической безопасности Республики Крым пока что не принята⁵.

Вместе с тем, Стратегия экологической безопасности Республики Крым, включающая принципы и положения экологического природопользования для каждой из отраслей хозяйственного комплекса региона с учетом общемировых, общероссийских и региональных экологических трендов на средне временном горизонте развития; систему стратегических экологических оценок в практике природопользования и территориального управления в Республике Крым; основные направления долгосрочной «Стратегической программы развития экологически и социально ответственного туризма на территории Республики Крым»; комплекс мер по экологическому мониторингу и природоохранным мероприятиям на особо охраняемых природных территориях и других ценных природных территориях по предупреждению негативных природных и техногенных процессов, развития болезней, распространения инвазивных видов, а также для адаптации к изменению климата; комплекс региональных методик оценки и регулирования рекреационных нагрузок на особо охраняемые природные территории с учётом их категорий; основные направления неистощительного и органического земледелия на территории Республики Крым; основные направления обращения и утилизации отходов органического происхождения (в том числе внедрения технологий по утилизации органических отходов в местах их образования), должна быть разработана с учетом современной экологической ситуации в Крыму, существующих экологических рисков и угроз, новых формирующихся трендов регионального развития, прогнозирования и моделирования экологического будущего Крыма.

Таким образом, указанные предложения могут и должны лечь в основу Стратегии экологической безопасности Республики Крым в целях обеспечения, поддержания и развития системы экологической безопасности на территории Республики Крым, формирование качественного нормативно-правового обеспечения экологической безопасности на территории Республики Крым и эффективной реализации системы экологической безопасности на территории Республики Крым для формирования максимально положительного опыта и правоприменительной практики по обеспечению экологической безопасности Республики Крым, что в конечном итоге приведет к пози-

ционированию Республики Крым как национального эталона обеспечения экологической безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В., Антонова Т. Л. Некоторые аспекты административно-правового регулирования экологической ответственности // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 4 (167). – С. 131-133.
2. Евсикова Е. В., Буц С. Б. К закону о поправке к Конституции Российской Федерации-2020 // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11 (162). – С. 133-135.
3. Сокольская Т. И. О проекте Стратегии экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года // Наука и современность. – 2016. – С. 142-149.
4. Бринчук М. М., Каспровая Ю. А. Экологическая безопасность как элемент единого пространства в Арктике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2020. – Т. 30. Вып. 4. – С. 528-534.
5. Захаров А. В. и Попов А. Г. Обеспечение экологической безопасности в условиях современных глобальных вызовов человечеству // Актуальные проблемы государства и права. – 2017. – Т. 1. № 1. – С. 131-140.
6. Кирса А. С. Концепция экологической безопасности // Молодой ученый. – 2022. – № 38 (433). – С. 123-126.
7. Быковский В. К. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2016. – № 2. – С. 90-98.

⁵ В Крыму разработают стратегию экологической безопасности. Дата размещения ресурса: 17 января 2020 года. Время размещения ресурса: 11:14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/v-strane/7542681>.

ПЕРЕЛЕХОВА Татьяна Сергеевна

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данной статье исследуются особенности и проблемы продуктивности земельного контроля и надзора в Российской Федерации, проводится анализ судебной практики по данному вопросу. Рассматривается зарубежный опыт контроля в сфере земельных отношений. Сделан ряд предложений по совершенствованию законодательства в сфере земельного контроля и надзора в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный земельный надзор, муниципальный контроль, земельные правонарушения, самовольная постройка, ответственность.

PERELEKHOVA Tatyana Sergeevna

magister student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of World politics sub-faculty of the St. Petersburg State University, associate professor of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PROBLEMS OF THE EFFICIENCY OF LAND CONTROL AND SUPERVISION IN THE CONTEXT OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION

This article examines the features and problems of the productivity of land control and supervision in the Russian Federation, analyzes the judicial practice on this issue. The foreign experience of control in the field of land relations is considered. A number of proposals have been made to improve legislation in the field of land control and supervision in the Russian Federation.

Keywords: state land supervision, municipal control, land offenses, unauthorized construction, responsibility.

Согласно статистике, из года в год растёт количество земельных правонарушений, что приводит к таким негативным проблемам, как ухудшение качества земель. Так, в 2022 году было обнаружено загрязнение отходами свыше 2,2 тысячи га земель сельскохозяйственного назначения, а на площади более 50,5 тысяч га снизилось плодородие земель. Вследствие этого решающая роль отведена охранительным функциям государства, одной из которых является государственный земельный надзор (далее – ГЗН), выполняющий предупредительную функцию и обеспечивающим как экономическую, так и экологическую безопасность общества и государства [1]. Именно ГЗН гарантирует исполнение требований земельного законодательства и представляет собой значимый элемент в сфере управления земельными ресурсами. Несмотря на наличие подробной правовой регламентации¹, предусматривающей ориентацию преимущественно на профилактическую работу, в настоящий момент, осуществление контрольно-надзорной деятельности в сфере земельных отношений не является эффективным, что подтверждается наличием большого количества земельных правонарушений, являющихся поводом для судебных разбирательств.

Долгое время препятствием к осуществлению эффективной контрольно-надзорной деятельности в сфере управления земельными ресурсами являлась проблема разделения полномочий Росреестра, Россельхознадзора и Росприроднадзора. По этой причине в судебной практике существовали случаи вынесения решения некомпетентным органом. В настоящее

время судами нередко полномочия указанных органов толкуются в зависимости не от статьи КоАП РФ, положения которой были нарушены, а от категории земель². Правовую неопределённость вызывают и полномочия Росприроднадзора осуществлять на региональном уровне как земельный, так и экологический виды надзора, разграничение которых никак не регламентировано, что влечет проблему, в частности, в случае выявления загрязнения земель отходами производства и потребления. Так, несмотря на принятие Положения о государственном земельном надзоре от 30.06.2021 № 1081, по некоторым вопросам отсутствует координация действий между Росприроднадзором и правоохранительными органами, а также прокуратурой при принятии решений. К примеру, возникают проблемы при установлении личности правонарушителей при отсутствии у инспекторов ГЗН сведений о них. Так, согласно статистике, за 9 месяцев 2021 года, органами в ГЗН было принято участие в 9 проверках с участием прокуратуры. Если обратиться к опыту зарубежных стран, особого внимания заслуживает британская модель управления земельными ресурсами, главным свойством которой является чётко регламентированное разделение функций между службами, осуществляющими картографическую деятельность, регистрирующими права собственности на землю, а также осуществляющими контрольно-надзорные мероприятия. Ещё одной существенной проблемой осуществления контрольно-надзорной деятельности в сфере земельного контроля является слабая вовлечённость органов исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления, несмотря на наличие соглашений, заключённых с муниципальными органами с целью повышения её эффективности. Так, количество и эффект подобных мероприятий находится в прямой зависимо-

1 Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 04.02.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»; Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 (ред. от 29.10.2022) «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» (вместе с «Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)») // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2023).

2 Статья 222 ГК РФ. Самовольная постройка. Судебная практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/gk-rf-chast1/razdel-ii/glava-14/statia-222/> (дата обращения: 04.03.2023).

сти от региона страны. В том числе, в большинстве субъектов РФ отсутствуют какие-либо нормативные акты о муниципальном земельном контроле, вследствие чего часто контрольные мероприятия не осуществляются в должной мере [4]. Кроме того, законодательство о ГЗН не содержит исчерпывающего перечня документов, которые муниципальные органы обязаны отправить в федеральный орган ГЗН вместе с актом проверки, содержащим описание выявленных нарушений. Существенная проблема видится также в том, что при проведении плановых проверок учитываются положения Федерального закона «О защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного надзора и муниципального контроля», предусматривающие их проведение не чаще, чем раз в три года. Вследствие этого контрольно-надзорная деятельность в сфере земельных отношений осуществляется поверхностно, что не способствует регулярному и всеобщему исполнению требований земельного законодательства во всех регионах России. Появившийся не так давно механизм изъятия земель сельскохозяйственного назначения, согласно данным Россельхознадзора, в настоящий момент осуществляется неэффективно. Проблемы осуществления земельного надзора связаны и со сложностью применимости законодательства в данной сфере на практике по причине его комплексного характера, а также наличия большого количества актов разного уровня. В частности, в ряде субъектов Российской Федерации возникают проблемы с применением на практике механизма изъятия неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения. Так, в 2022 году было обнаружено свыше 1,6 млн. га нарушенных земель, заросших кустарниковой растительностью. Отдельно следует обратить внимание на проблему выявления нарушений по статье 8.2 КоАП РФ, связанную с неисполнением требований по утилизации и обращению с отходами. Так, нередки случаи привлечения муниципальных органов к ответственности по причине того, что они компетентны организовывать деятельность, связанную с обращением с отходами. Тем не менее, саму деятельность по обращению с отходами конкретно данные органы не осуществляют. Согласно статистике, Россельхознадзором за 2022 и предыдущие годы выявлено 2235 несанкционированных свалок, из которых была ликвидирована лишь половина. Например, Министерством экологии Республики Башкортостан было ликвидировано 597 свалок из 1196. Ещё серьезнее дело обстоит с рекультивацией земель, на которых добывались общедоступные полезные ископаемые. Полагаем, что данный вопрос может быть урегулирован путём внесения соответствующих изменений в указанную статью закона относительно деятельности по обращению с отходами во избежание новых судебных дел и неправомерного наложения штрафов. Следует отметить также большое количество нарушений положений статьи 8.6 КоАП РФ, связанных с перемещением и снятием плодородного слоя почвы. Устранение указанных нарушений осложняется отсутствием органа, выдающего разрешения на осуществление указанной процедуры, а также несовершенством методик по исчислению экологического вреда. Вследствие этого возникает вопрос, когда нарушение соответствующей нормы влечёт наложение административной, а когда уголовной ответственности, так как не всегда удаётся определить степень вреда природной среде и здоровью граждан, что может проявиться спустя десятки лет. Неопределённость влечет также вопрос о привлечении лица к ответственности в случае если участок, прошедший кадастровый учёт находится на неразграниченных землях, а данные о нём и его владельце отсутствуют в информационных системах [4]. Аналогично обстоит ситуация и с самовольными постройками на муниципальных землях. В том числе, нередки случаи, когда принятые муниципальными органами программы муниципального земельного контроля распространяются только на федеральную собственность, а средства из федерального бюджета позволяют проводить кадастровые работы только в наиболее экономически развитых субъектах. Тем не менее, земельный налог относится к местным налогам и является одним из средств пополнения муниципального бюджета.

Обращаясь к зарубежному опыту, следует также отметить, что во Франции действуют муниципальные правила относительно застройки, что разрешает проблему нахождения участка на неразграниченных землях, а также вопросы контроля над неиспользуемыми землями сельскохозяйственного назначения. Представляется, что в целях разрешения подобного рода проблем в России и качества сведений в ЕГРН необ-

ходимо государственное финансирование кадастровых работ, что будет также способствовать росту продуктивности муниципального земельного контроля. На законодательном уровне необходима также регламентация процедуры осмотра земель, не прошедших кадастровый учёт, с целью определения их площади и иных уникальных характеристик во избежание неправомерного привлечения к ответственности местных администраций. Серьёзной преградой на пути к совершенствованию ГЗН является также проблема квалификации государственных инспекторов, нарушающих сроки и порядок привлечения к ответственности нарушителей [2]. Так, согласно решению Арбитражного суда Вологодской области по делу № А13-10496/2015 [4], действия Росреестра по наложению штрафа на предпринимателя были признаны неправомерными в связи с наличием ошибки, допущенной в кадастровых документах, о которой предприниматель на момент вынесения постановления не заявил. Одной из главных причин подобных ситуаций является отсутствие инструкций и методик, а также программ с учётом практико-ориентированной направленности по осуществлению контроля за использованием земель. Кроме того, привлечению квалифицированных сотрудников для прохождения службы в органах земельного надзора препятствует недостаточное финансирование. Как показывает практика, далеко не каждый инспектор обладает навыками по работе с геодезическим оборудованием. Нехватка технического оснащения также не способствует повышению уровня ГЗН, вследствие чего необходимо постепенное внедрение дистанционных способов реализации земельного надзора путём использования летательных беспилотных аппаратов [3]. Если опять же обратиться к зарубежному опыту, то следует отметить, что финансирование является основным условием контроля за использованием земель в Германии, где сама Федерация несет расходы, связанные с осуществлением конкретных контрольно-надзорных мероприятий.

Проблема видится также в отсутствии единого механизма планирования контрольно-надзорных мероприятий. Так, характерными чертами плана проведения проверок является выборочные проверки либо наличие жалобы в качестве основания их осуществления. Осложняет ситуацию его согласование с муниципальным планом, а также наличие положения ФЗ о защите прав юридических лиц, предусматривающего согласование проверок с органами прокуратуры. В связи с этим полагаем, что повышение эффективности ГЗН возможно путём осуществления комплекса мер, связанных с такими аспектами как: 1) ужесточение ответственности землепользователей за правонарушения в данной сфере, а также повышение правовой грамотности населения в сфере земельных отношений; 2) решение вопроса об ответственности инспекторов, осуществляющих ГЗН и нарушающих сроки и процедуру его проведения, а также повышение их квалификации и заработной платы специалистов; 3) усиление роли общественных организаций при осуществлении контрольно-надзорной деятельности; 4) совершенствование механизмов внесения сведений в ЕГРН; 5) внесение изменений в статью 8.2 КоАП РФ; 6) разъяснения Пленума Верховного Суда относительно специфики проведения земельного контроля и надзора; 7) совершенствование взаимодействия с правоохранительными органами и органами прокуратуры при осуществлении выездных проверок и иных контрольно-надзорных мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Липски С. А. Государственный земельный надзор в системе экологического надзора: организационно – правовые аспекты // Правовые вопросы строительства. – 2015. – № 1. – С. 12-16.
2. Дырда С. В., Мальцева В. В., Гагаринова Н. В. Государственный земельный надзор: задачи, порядок осуществления, ответственность за нарушения земельного законодательства // COLLOQUIUM – JOURNAL. – 2019. – № 3-4 (27). – С.33-36.
3. Карпенко Л. П. Соколов И. С. Проблемы реализации полномочий органов государственного земельного надзора // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 1 (53). – С.163-168.
4. Суворов И. С. Проблемы доказывания самовольного занятия земель при осуществлении государственного земельного надзора // Молодой ученый. – 2021. – № 10 (352). – С. 121-123.

ГАДЖИЕВА Айша Ансаровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Дагестанского государственного университета, филиала в г. Хасавюрт

ЮСУПОВА (КУРБАНОВА) Мерем Курбановна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

СУЩНОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ, ЕГО ФУНКЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ НАКАЗАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ОБОСНОВАН ЛИ РЕПРЕССИВНЫЙ ПОДХОД?

В статье рассматриваются вопросы, связанные с сущностью наказания, а также коррелирующие им функции уголовного наказания, а также дается практическая оценка эффективности наказаний в последние годы. Отмечено, что под сущностью наказаний следует рассматривать определенный баланс между карательными, восстановительными и социально-реабилитационными началами уголовного наказания, что получает соответствующее выражение в его функциях. Констатируется важность карательного элемента и оправданность карательного уклона в политике назначения наказаний за совершение отдельных видов тяжких и особо тяжких преступлений.

Ключевые слова: уголовное наказание, наказательная политика, репрессивный подход, социальная реабилитация.

GADZHIEVA Aisha Ansarovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Khasawurt

YUSUPOVA (KURBANOVA) Merem Kurbanovna

magister student of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE ESSENCE OF CRIMINAL PUNISHMENT, ITS FUNCTIONS AND TRENDS OF PUNITIVE POLICY IN THE MODERN PERIOD: IS THE REPRESSIVE APPROACH JUSTIFIED?

The article discusses issues related to the essence of punishment, as well as the correlating functions of criminal punishment, and also gives a practical assessment of the effectiveness of punishments in recent years. It is noted that the essence of punishments should be considered a certain balance between punitive, rehabilitative and socio-rehabilitative principles of criminal punishment, which is appropriately expressed in its functions. The importance of the punitive element and the justification of the punitive bias in the policy of sentencing for the commission of certain types of grave and especially grave crimes are stated.

Keywords: criminal punishment, punitive policy, repressive approach, social rehabilitation.

Проблемы, связанные с уголовным наказанием, продолжают оставаться актуальными в уголовно-правовой науке, так как оно служит одним из важнейших средств обеспечения общественной безопасности и общественного правопорядка. Как показывают научные исследования наиболее сложными вопросами уголовно-правового института наказания сегодня являются проблемы его соотношения с другими способами реакции общества на преступления, такими как: профилактика, реабилитация и восстановительное правосудие.

Уголовное наказание является неотъемлемой частью системы правосудия, в связи с чем важность наказательной политики представляется очевидной, что особенно проявляется в сложные либо переходные периоды государственно-правового развития. Так, в условиях специальной военной операции выявилась потребность в ужесточении ответственности за ряд существующих в УК РФ преступлений, совершение которых угрожает внешней и внутренней безопасности Российской Федерации (далее РФ), а также в срочном порядке были приняты меры законодательного реагирования на появление новых опасных для государства деяний, в оперативном режиме была осуществлена их криминализация и пенализация (к примеру, была введена ответственность и введены такие новые составы как публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ).

Парадигмой тематики наказания является его соответствие принципу соразмерности назначенного наказания совершенному преступному посягательству, иначе говоря,

назначаемое наказание должно быть одновременно справедливым и эффективным, чтобы оно могло обеспечивать цели предупреждения преступлений, предотвращать рецидивы преступных деяний и, в полной мере, защищать права жертв преступных посягательств.

В этой связи отправным моментом уголовно-правового института наказания остаются вопросы о сущности наказания, без чего нельзя ясно представить себе его содержание, направленность и цели, механизм предупредительного влияния и воспитательные возможности. А между тем Уголовный кодекс РФ 1996 г. обходит вниманием сущностный признак наказания и определяет его понятие не совсем удачно через категорию «мера государственного принуждения, назначаемая приговором суда», избегая при этом его карательный аспект. Такое определение может привести к недопониманию сути наказания, и привести к различным трактовкам и интерпретациям.

Специалистами в области уголовного наказания продолжают активно обсуждаться вопросы о карательной сущности уголовного наказания. Отдельные авторы утверждают, что наказание будучи основной формой выражения и материализации уголовной ответственности, по сути своей является карой за совершенное преступление [3, с. 85]. Другие ученые утверждают, что наказание не является просто ответом государства на зло, причиненное лицом, совершившим преступление, и не может быть сведено только к этическому измерению наказания [4, с. 74]. С их позиций некорректно

Таблица 1. Динамика назначенных наказаний и их видов в 2018-2022 гг. в РФ [6]

Год	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф	Исправительные работы	Обязательные работы	Принудительные меры к невменяемым
2018	658 291	1 446	187 794	169 030	22 966	85760	56 450	116 058	8 171
2019	598 214	1 523	172 914	157 051	20 394	75200	51 684	100807	52 460
2020	530 965	1 163	147 484	147 257	19 955	62 175	42 483	93 750	0
2021	565 317	1 147	156 776	158 182	19 976	68 774	47 679	91 469	7 642
2022	578 751	1093	165 704	153 248	21 539	74065	50 107	87 519	7 835

сводить наказание только к возмездию (каре) за совершенное преступное посягательство, так как в наказании всегда присутствуют социально-правовые начала, позволяющие учесть интересы всего общества в целом и жертв преступления. С учетом сказанного, считается, что наказание должно быть направлено на выполнение двух функций: предупреждения и восстановления, что обеспечивает справедливость наказания и позволяет защитить общество от преступлений. Кроме того, применение наказания к определенным категориям преступников таких как: несовершеннолетние и подростки, а также совершеннолетние лица, впервые совершившие преступные посягательства, не может преследовать строго карательные цели. В отношении данных лиц на первый план выдвигаются меры, направленные на оказание им социальной помощи и реабилитации. Гуманные и мягкие подходы наказательной политики по отношению к отдельным категориям преступников основаны на идеях школы новой социальной защиты [1, с. 105-106], так как зачастую такие категории преступников сами становятся жертвами системы, в которой они живут. Поэтому вместо наказания данный контингент лиц в первую очередь нуждается в ресоциализации и реадaptации.

Соглашаясь в целом с изложенными позициями, считаем, что нельзя говорить и о полном отрицании возмездного (карательного) характера наказания в современном уголовном праве. В наказании всегда содержится ответ государства на зло, причиненное лицом, совершившим преступление, а концепция возмездия (кары) в уголовном праве связана с идеей того, что виновный должен нести ответственность за свой поступок и понести соответствующее наказание за нанесенный им вред. По этому поводу в юридической литературе отмечается, что: «под возмездием и возмездным правосудием рассматривается классическая формула наказания как пропорционального воздаяния за вину в совершенном преступлении» [4, с. 85].

Отсюда можно выделить три относительно-самостоятельные и взаимосвязанные функции наказания.

– карательная функция наказания, обеспечивающая возможности исправления преступников и предупреждения продолжения ими преступной деятельности;

– восстановительная функция, учитывающая интересы жертв и общества и выполняется через компенсацию причиненного вреда, реабилитацию жертв и общества, а также через восстановление справедливости;

– функция социальной реабилитации преступников, заключающаяся в том, чтобы помочь им возвращаться в общество как полноценные граждане – члены социума.

Таким образом, сущность наказания состоит как в карательной, восстановительной и функции социальной реабилитации – они необходимы для обеспечения справедливости

и защиты общества от преступлений. Соответственно, в сущности, наказания должны охватываться не только карательная сторона, но также восстановительная и социально-реабилитационная стороны.

Изложенные соображения позволяют констатировать, что, в сущности, наказания получают отражение своеобразный баланс карательно-репрессивные, восстановительные и социально-реабилитационные начала. И от того насколько этот баланс будет обеспечен в практике во многом зависит эффективность наказания.

Оценка эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания является одной из наиболее значимых научных проблем, так как от уровня эффективности наказаний зависит решение задач уголовного права в целом. В этой связи исследования ученых нацелены на определение вопросов, насколько определенное наказание может снизить количество преступлений, и какие еще факторы влияют на предупредительный эффект уголовных наказаний. Практический интерес в этом плане имеют статистические данные о назначенных наказаниях за последние годы в России.

Анализ данных, приведенных в Таблице 1 свидетельствует, что в целом статистика осуждения по видам наказаний и иным мерам уголовно-правового характера год от года поступательно снижается, что обусловлено скорее всего тенденциями уменьшения числа совершаемых преступлений целом. Так, по официальным данным общее количество зарегистрированных в 2022 году на территории Российской Федерации преступлений по сравнению с 2021 годом снизилось на 1,9%, в том числе тяжких и особо тяжких – на 4,1% [7]. Хотя, по общему правилу в основе оценки эффективности наказания многими исследователями называются динамика показателей преступности, не следует отдавать предпочтение исключительно данному критерию, так как многие преступления остаются латентными.

Думается, критериями эффективности наказания является не только и не столько динамика показателей преступности, а, в первую очередь, об этом свидетельствует уровень рецидива преступлений и другие дополнительные характеристики преступления и наказания, такие как: уровень преступности в отдельных социальных группах; уровень рецидива среди осужденных различных социальных групп; динамика числа осужденных, в том числе совершивших преступления при рецидиве преступлений [2, с. 156].

Проблемы эффективности уголовного наказания имеют множество сторон и аспектов, не позволяющие ее решать просто и однозначно. Рассматриваемые проблемы нельзя сводить механически к эффективности примененного наказания с точки зрения достижения целей наказания, определенных в самом законе: в исправлении осужденного, в

предупреждении совершения им новых преступлений, и в предупреждении совершения преступлений иными лицами.

Особенно остро сегодня ставится вопрос об эффективности самого уголовного закона и установленных в нем санкций, угрозы наказанием в предупреждении преступлений, в побуждении правосубъектных лиц к законопослушанию. В этом ключе в последние годы отчетливо проявляется тенденция усиления репрессивности уголовного законодательства, причем «аномально репрессивный» уклон в законодательстве наблюдается практически во всех странах, не стала исключением и Россия. Начало 2023 года также сохранило в целом «репрессивный» уклон в нормотворческой политике государства: были увеличены сроки наказания в отношении отдельных видов преступления, и в частности усилена ответственность за уклонение от призыва на военную службу и за некоторые преступления против военной службы, внушительные сроки введены за сбор и контрабанду краснокнижных грибов, незаконный оборот метанола, содействие международному правосудию, госизмену и ряд террористических преступлений. Послабления в законе были введены исключительно для бизнеса в части налоговых преступлений, по которым возмещения причиненного материального ущерба или погашения задолженностей по налогам дает возможность избежать уголовную ответственность.

Несмотря на столь жесткий подход, уровень законопослушания за последние годы не изменился. По подсчетам Судебного департамента при Верховном суде РФ, почти 40% всех осужденных в 2022 году имели неснятые и непогашенные судимости (223 тыс. человек). Причем 49 тыс. из них имели сразу две судимости, а 54,3 тыс. – три и более. В 2020 – 2021 годах доля ранее судимых среди осужденных была на том же уровне – 39%. Реальные сроки получила лишь треть из них (7,8 тыс.). Почти на 48% увеличилось количество пожизненных приговоров – с 40 до 59. Больше было лишь пять лет назад (68). К показателям пятилетней давности вернулись и общее число приговоров со сроками свыше 20 лет (242), хотя в течение последних двух лет оно было существенно ниже (181 и 185). На таком фоне стабильно низким остается количество оправданных лиц – 2062 человека (в 2020 – 2021 годах – 1,9 и 2,1 тыс.) [5]. Репрессии, по существу, не коснулись чиновников и предпринимателей. В 2021 году из общего числа осужденных за коррупционные преступления 8,5 тыс. реальный срок лишения свободы получили всего 1,2 тыс. чиновников, всего 261 из которых получили длительные сроки в пределах от 5 до 15 лет. Оправдательные приговоры в отношении данной категории граждан выносились чаще, всего было оправданы судом 45 человек, к этому можно добавить цифру 1,6 тыс. обвиняемых, в отношении которых уголовные дела прекращались по различным основаниям [5].

Отсюда складывается впечатление, что репрессивный характер уголовной политики не всегда дает ожидаемые результаты в борьбе с преступностью. Более того, подобные меры могут приводить к повышению количества заключенных в тюрьмах, но не обязательно оказывают влияние на снижение уровня преступности. Вместе с тем, оправданность карательно-репрессивной политики назначения наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления вполне очевидна. Особенно это касается преступлений против жизни и здоровья граждан, террористических и экстремистских преступных посягательств, а также преступлений коррупционной направленности. При этом карательный уклон в наказании не является самоцелью, а представляет собой необходимый уровень жесткости наказаний, что преследует цели удер-

жания других потенциальных преступников от совершения аналогичных деяний. Пропагандируемые сегодня идеи экономии уголовной репрессии не должны касаться опасных и злостных преступников, в числе которых в одном ряду можно назвать: серийных убийц, террористов, экстремистов, педофилов и коррупционеров.

Пристатейный библиографический список

1. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). – М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. – С. 105-106.
2. Бытко С. Ю., Варыгин А. Н. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 43. – С. 146-177.
3. Пасюк Е. А. Понятие и цели наказания // Студенческий форум. – 2021. – № 28 (164). – С. 73-75.
4. Шеслер А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 1 (38). – С. 84-96.
5. Судебный департамент. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.06.2023 г.).
6. Судебная статистика РФ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 15.06.2023 г.).
7. Статистические сведения о состоянии преступности в 2022 году – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/news/item/35394944> (дата обращения: 15.06.2023 г.).

ИСМАГИЛОВА Галина Вячеславовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Института экономики, финансов и менеджмента Уральского государственного аграрного университета

ИСМАГИЛОВА Кристина Аркадьевна

аспирант Уральского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассмотрены основные правовые и экономические аспекты государственного регулирования земельных отношений, в частности вопросы определения границ «правовой свободы» собственника земли при осуществлении хозяйственной деятельности. Выявлены объективные и субъективные признаки налогового преступления, изучены подходы к проблемам отмены категоризации земельных участков, а также определены границы правовой свободы налогоплательщика в части использования земель промышленности.

Ключевые слова: налог на землю, категоризация земель, земли промышленности, государственное регулирование земельных отношений.

ISMAGILOVA Galina Vyacheslavovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics and management at metallurgical and machine-building enterprises sub-faculty of the Institute of Economics and Management of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural State University, associate professor of Management and economic theory sub-faculty of the Institute of Economics, Finance and Management of the Ural State Agrarian University

ISMAGILOVA Kristina Arkadjevna

postgraduate student of the Ural Institute of Management – branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation.

LEGAL REGULATION OF LAND USE IN THE ACTIVITIES OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

The article discusses the main legal and economic aspects of state regulation of land relations. From a legal point of view, the issues of land categorization, the type of permitted use, the rights and obligations of the land owner, from an economic point of view, taxation of industrial lands and price-forming factors of land plots are considered. Approaches to the problems of abolishing the categorization of land plots have been studied, and the boundaries of the taxpayer's legal freedom in terms of the use of industrial land have been determined.

Keywords: land tax, land categorization, industrial lands, waste disposal facilities, state regulation of land relations.

Вопрос, связанный с правовым регулированием использования земель в деятельности промышленных предприятий, носит междисциплинарный характер в рамках общественных наук и обсуждается представителями социально-гуманитарного знания.

Объекты производственного и непроизводственного характера¹, используемые для осуществления хозяйственной деятельности предприятиями, размещаются согласно ст. 88 ЗКРФ на землях промышленности. Регулирование землепользования в Российской Федерации осуществляется органами государственной власти в отношении правообладания, выбора вида разрешенного использования, распоряжения, и, как следствие, налоговой ответственности. Отсюда, с правовой точки зрения возникает необходимость соблюдения хозяйствующим субъектом налогового и земельного законодательства, которая с экономической позиции приводит к поиску путей оптимизации налоговых платежей, и как след-

1 Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Исмагилова Г. В.

Исмагилова К. А.

ствие вероятно привлечению к налоговой и уголовной ответственности. В следствие этого, ставится вопрос об определении границ «правовой свободы» собственника земли при осуществлении хозяйственной деятельности, которые могут трактоваться в качестве объективных или возможных субъективных признаков налогового преступления.

Как известно, государственное регулирование земельных общественных отношений направлено на защиту прав собственника, на владение и пользование землей. Комплекс организационных, правовых и экономических мер осуществляется с учетом недопустимости вмешательства государства в хозяйственную деятельность предприятия. Земельные отношения в Российской Федерации регулируются земельным, градостроительным, гражданским кодексами Российской Федерации и рядом федеральных законов. Закрепляя принцип свободы собственника, Конституция РФ также зафиксировала принцип возможности ограничения свободы собственника земли и других природных ресурсов ради общего блага: он свободно владеет, пользуется и распоряжается природными ресурсами до тех пор, пока при этом не

наносится ущерб окружающей среде и не нарушаются права и законные интересы иных лиц. Согласно ст. 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Согласно ст. 6 Земельного кодекса, объектами земельных отношений признаются земля как природный объект и природный ресурс, земельные участки, расположенные в пределах территории Российской Федерации, и части земельных участков.

Система государственного регулирования земельных отношений нацелена на поддержание, прежде всего, рационального использования земель и их охраны путем принятия экономико-правовых мер [1], основными функциями которой в том числе являются:

- определения целевого назначения земель, перевод их из одной категории в другую;
- планирование использования земель;
- охрана земель и контроль за их использованием;
- обеспечение исполнения земельного законодательства.

Определение целевого назначения земель, перевод их из одной категории в другую является основополагающей функцией для в установления границ правовой свободы использования земель промышленным предприятием, как собственником. Существующий принцип деления земель на категории позволяет обеспечить разрешенный тип регулирования закрепленных земельных территорий, дифференцированный подход к установлению правового режима земель в зависимости от их природно-экономических характеристик, а также устойчивость использования земли в целях выполнения остальных вышеперечисленных функций [2]. Согласно подпунктам 1 и 2 пункта 1 статьи 7 Земельного кодекса Российской Федерации земли классифицируются по целевому назначению на категории, в том числе могут быть отнесены к землям сельскохозяйственного назначения и землям промышленности. Согласно ст. 88 ЗКРФ землями промышленности признаются земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности организации и (или) эксплуатации объектов промышленности. Ни один нормативно-правовой акт не запрещает иметь в собственности земельные участки, относящиеся к разным категориям земли. В Земельном Кодексе Российской Федерации с 2001 г. установлен принцип, согласно которому правовой режим использования земли определялся не только в зависимости от категории земли, но и от вида разрешенного использования конкретного земельного участка. Такое заключение можно сделать из п. 8 ст. 1 ЗКРФ. Разрешенное использование – это одна из основных характеристик земли (земельного участка), которая влияет на определение правового режима использования земли и устанавливается в соответствии с зонированием территорий.

Приказом Минэкономразвития России от сентября 2014 г. № 540 утвержден классификатор, включающий 14 видов разрешенного использования земель (далее – ВРИ), без выделения объектов размещения отходов, в отдельную категорию. В 2020 г. вступил в силу приказ минэкономразвития, в котором утвержден новый классификатор видов разрешенного использования земель². Промышленные земли относятся к виду разрешенного использования земель «Производственная деятельность» под кодом 6.0. Применительно к землям промышленных предприятий существует категория «нарушенные земли», которые, как правило, являются объектами размещения отходов производства. Нарушенные земли – земли, деградация которых привела к невозможности

их использования в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием³. Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» регулируется деятельность по сбору, накоплению, утилизации, обезвреживанию, транспортировке и захоронению твердых отходов производства и потребления. В частности, общие требования в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления установлены Федеральным законом «Об охране окружающей среды». Согласно ст. 51 этого закона все вышеперечисленные действия с отходами производства и потребления на земельных территориях, должны быть безопасными для окружающей среды. Объекты размещения отходов согласно классификатору видов разрешенного использования земли относятся к ВРИ Специальная деятельность код 12.2⁴.

Например, промышленное предприятие, деятельность которого связана с размещением отходов производства использует в процессе своей деятельности категорию «земли промышленности» с несколькими видами разрешенного использования земель, так как занимает довольно большие территории, в состав которых входят земли под производственными площадями (код 6.0, 7.0) и земли под размещением отходов (код 12.2). На землях промназначения находятся цеха, помещения заводов и фабрик, постройки для администрирования производства и другие здания, необходимые для функционирования предприятий. Управленческие землями данной категории находится, в большей степени, в ведении соответствующих предприятий и организаций. Собственник земли, относящейся к категории «Земли промышленности» с видом разрешенного использования земли «Производственная деятельность» на основании соответствующего заявления имеет право перевести земельный участок, входящий в эту категорию в другой вид разрешенного использования земли с соблюдением градостроительного регламента. Отсюда следует, что категоризация земель является правовой свободой собственника с установлением границ в отношении налогообложения, оценки, использования и распоряжения землей.

Вместе с тем, деление земель на категории по мнению ряда ученых имеют и недостатки, в частности отмечают следующее [3]:

- категоризация земель не является надежным заслоном застройке земель сельхоз назначения;
- встречаются случаи, когда земельный участок относится к нескольким категориям земель;
- отсутствует полное распределение земель по категориям;
- нарушения, следствием которых является массовый необоснованный перевод ценных земель, в том числе под застройку;
- сложность процедуры перевода земель из одной категории в другую.

Например, подобный вопрос стал предметом рассмотрения Арбитражного суда Уральского округа. Поводом для обращения в Арбитражный суд стало нарушение прав и законных интересов предпринимателя путем издания приказа Министерства имущества и градостроительной деятельности Пермского края «Об отказе в переводе земельных участков из одной категории в другую». Как следует из материалов дела предприниматель, являясь арендатором земельного

2 Приказ Росреестра от 10.11.2020 № П/0412 (ред. от 23.06.2022) «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 № 61482).

3 Постановление Правительства РФ от 10.07.2018 № 800 (ред. от 07.03.2019) «О проведении рекультивации и консервации земель» (вместе с «Правилами проведения рекультивации и консервации земель»).

4 Приказ Росреестра от 10.11.2020 № П/0412 (ред. от 23.06.2022) «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 № 61482).

участка категории сельскохозяйственного назначения, получил лицензию на право пользования недрами и с целью разведки и добычи песчано-гравийной смеси, и строительного песка обратился в ведомство с заявлением о переводе земель сельскохозяйственного назначения в категорию земель промышленности. После семнадцатого заседания арбитражного суда, апелляции, кассационная жалоба Министерства была отклонена, а заявленные требования Арбитражным судом предпринимателя были удовлетворены.

Последнее время наблюдается публикационная активность в обсуждении вопроса об исключении из земельного законодательства принципа деления земель по целевому назначению.

По мнению правоведов отмена принципа деления земель на категории приведет к дезорганизации системы правового регулирования земельных отношений и ограничит обеспечение рационального природопользования [6]. В частности, с отменой категории земель промышленности иного специального назначения разрешенного использования земель в целях развития производства скорее всего будет устанавливаться градостроительными регламентами, которые утверждаются органами местного самоуправления. Это приведет к существенному снижению уровня правового регулирования земельных отношений, которое в настоящее время реализуется на федеральном уровне.

Законодательно, как было указано выше, регламентировано лишь право частной собственности на землю, которое предполагает её рациональное использование, которое, в свою очередь, подразумевает необходимость соблюдения целевого назначения земельных участков.

Рассмотрев обзор практики Президиума Верховного суда, изменение вида разрешенного использования в целях осуществления строительства, реконструкции либо иного использования земельного участка возможно в том случае, если планируемая деятельность не приведет к нарушению градостроительного регламента в части установленных в нем предельных (минимальных и (или) максимальных) размеров земельных участков, предельных параметров разрешенного строительства.

В рамках правового регулирования земель, рассматривая их со стороны права собственности, они могут находиться как на балансе организации, так и на праве возмездного пользования. Субъектами прав на данные земли являются, в основном, юридические лица разных форм собственности.

В земельном законодательстве закреплено понятие «земельный участок» (ст. 6 Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (далее – ЗК РФ), ст. 1 Федерального закона от 02.01.2000 г. № 28-ФЗ). Земельный участок определен не только как часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами, но и как объект земельных отношений⁵. Правоприменительные функции в сфере землепользования согласно приказу Министерства экономического развития и торговли РФ от 28 июня 2007 г. № 215 осуществляет федеральное агентство кадастра объектов недвижимости, основными функциями которого, помимо прочих, являются⁶:

- 5 Письмо Минэкономразвития РФ от 22.12.2009 № 22409-ИМ/Д23 «Особенности подготовки документов, необходимых для осуществления государственного кадастрового учета многоконтурных земельных участков, осуществления такого учета и предоставления сведений государственного кадастра недвижимости о многоконтурных земельных участках.
- 6 Приказ Минэкономразвития РФ от 28.06.2007 № 215 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства кадастра объектов недвижимости по исполнению государственной функции «Организация проведения государственной кадастровой оценки земель» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 26.07.2007 № 9913).

- предоставление сведений о налогооблагаемой базе при исчислении земельного налога и налогов на имущество;
- оказание услуг в сфере землеустройства, государственного кадастрового учета, государственной кадастровой оценки земель, оценки иных объектов недвижимости;
- проведение экспертизы землеустроительной документации.

Учет количества и качества земель ведется по фактическому состоянию и использованию. Учету подлежат все категории земель. При ведении учета устанавливается степень их ценности, выделяются нерационально используемые, нарушенные, малопродуктивные, деградированные и загрязненные опасными веществами земли. Данные государственного земельного кадастра подлежат обязательному применению при планировании использования и охране земель; их изъятии и предоставлении; создания основы для определения цены земли, земельного налога и арендной платы за землю и др.

Использование земель основано на принципах рационального природопользования, в основе которых лежат отношения, отвечающее совокупным интересам общества, собственников и пользователей земли, обеспечивающее наиболее целесообразное и экономически выгодное использование полезных свойств земли в процессе производства, оптимальное взаимодействие с окружающей средой, охрану и воспроизводство земельных ресурсов [4].

Понятие «рациональное использование земли» в экономическом аспекте включает в себя три категории: полное, правильное и эффективное использование земли. Под полнотой использования земель понимается: соотношение площади фактически используемой по целевому назначению к общей площади предоставленной территории землепользования или земельного участка. Смысл полноты использования земель в том, что государство заинтересовано, чтобы землепользователи максимально использовали предоставленную территорию по целевому назначению. Полное использование земель, достаточно звучит формально, если не определен эффект использования земель [5].

Эффективное использование земель – это использование земель, приносящее экономический, социальный, экологический или иной полезный результат. Эффективное использование можно рассматривать с двух сторон.

1) Эффективное использование земли как природного ресурса. Определяется минимальной потребностью земельной площадью для одного объекта или наибольшего количества размещения собственности на единицу площади.

2) Эффективное использование земли как средства производства определяют максимальной продуктивностью при минимальных затратах. Рассматривая эффективное использование земель как природного ресурса, выделяют две группы показателей: натуральные и стоимостные. В основном, данные показатели характерны для сельскохозяйственной отрасли (например, стоимостные показатели валовой продукции растениеводства).

Применительно к деятельности промышленного предприятия экономическая эффективность земли может быть определена в рамках общих и частных подходов комплекса показателей на усмотрение собственника (таких как величина добавочной стоимости на 1 га площади; величина экологических платежей на 1 га площади; величина текущих затрат на охрану окружающей среды на 1 га площади).

Таким образом, выбор хозяйственной деятельности остается за собственником земельного участка, и осуществляется на принципах эффективности, а выбор вида разрешенного использования земли должен основываться на применении принципов рациональности её использования. Однако согласно п. 2. Ст. 7 ЗКРФ любой вид разрешенного использования из предусмотренных зонированием территорий видов выбирается собственником земельного участка

Таблица 1. Сравнение подходов к оценке земельного участка

Кадастровая стоимость	Рыночная стоимость
Устанавливается массово, для целого списка (группы) объектов	Устанавливается индивидуально для конкретного объекта
Учитывает только те факторы, которые характеризуют все объекты группы	Учитывает все факторы, включая индивидуальные особенности конкретного объекта недвижимости
Устанавливается исключительно на основании документов и официальных сведений, осмотр объектов не предусмотрен	Устанавливается не только на основании документальных сведений, но и осмотра объекта, проведенного специалистом (оценщиком)
Устанавливается на конкретную дату и не меняется до следующей кадастровой оценки	Меняется при изменениях самого объекта или внешних условий (обстоятельств)

самостоятельно без дополнительных разрешений и процедур согласования. К тому же действующее законодательство не обязывает собственника земельного участка уведомлять о своем выборе вида разрешенного использования земли.

Механизмы выбора или изменения вида разрешенного использования земельного участка их правообладателями или внесения изменений в правила землепользования и застройки не вполне отлажены [3].

Суды по-разному понимают порядок и условия реализации собственником земельного участка, предоставленного ему права самостоятельного выбора вида его разрешенного использования. Единого подхода в судебной практике нет.

Позиция, согласно которой собственник должен провести кадастровый учет, в связи с выбором разрешенного использования земельного участка отражена в п. 1 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с изменениями ВРИ земельного участка, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации⁷.

Как показало обобщение судебной практики по вопросам использования собственником земельного участка суды в целом правильно применяют законодательство при рассмотрении дел по спорам об изменении вида разрешенного использования земельного участка. Однако на практике возникают сложности при установлении круга субъектов, уполномоченных на изменение вида разрешенного использования; при учете особенностей ситуаций, когда допустимость изменения вида разрешенного использования ограничена, и процедурных особенностей такого изменения; при определении последствий несоблюдения установленных процедур и последствий использования участка с нарушением предусмотренных ограничений.

Отсутствие единообразного понимания в данном вопросе влечет за собой риски привлечения юридических лиц к административной, уголовной ответственности, а с другой стороны, нарушение норм налогового законодательства.

Если исходить из того, что рациональное или нерациональное использование земли целесообразно отдельно по каждой категории, то в случае отмены категоричности земельных территорий, как будет определяться рациональное или нерациональное её использование? Законодательно регламентировано только целевое или нецелевое использование земли.

Среди мер экономического стимулирования рационального использования и охраны земель промышленности стоит отметить платность использования (земельный налог и арендная плата ст. 65 ЗКРФ), исходя из которой становится возможным выделение средств из различных уровней бюджета на восстановление плодородия почв и др.

Согласно ст. 396 НКРФ земельный налог начисляется, исходя из налоговой базы и ставки налога, установленной

нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований.

Земельный налог = налоговая база * налоговая ставка

По общему правилу налоговая база – это полная кадастровая стоимость земельного участка на 1 января того года, за который начисляется налог, определяется в первую очередь путем проведения государственной кадастровой оценки.

В особом порядке устанавливается стоимость вновь учтенных, ранее учтенных земельных участков и участков, в сведения о которых в ЕГРН внесены изменения. Также кадастровая стоимость определяется заново при исправлении ошибок, допущенных при ее определении, либо при ее оспаривании⁸.

С 01.01.2023 кадастровая стоимость может быть установлена в размере рыночной по общему правилу. Разница подходов к оценке земельного участка представлена в таблице 1.

При определении кадастровой стоимости земельного участка бюджетным учреждением должны учитываться:

- обеспеченность (наличие либо отсутствие) инженерной и транспортной инфраструктурой (наличие инженерного и транспортного обеспечения до границ земельного участка), социальной инфраструктурой;
- характеристики окружающей территории земельного участка;
- существующий рельеф земельного участка (при наличии информации о влиянии на стоимость).

При определении кадастровой стоимости земельного участка не должны учитываться права пользования недрами. Определение кадастровой стоимости включает в себя следующие мероприятия:

- определение ценообразующих факторов объектов недвижимости (далее - ценообразующие факторы);
- построение и анализ качества модели оценки кадастровой стоимости и обоснование выбора вида модели оценки кадастровой стоимости;
- расчет кадастровой стоимости;
- составление отчета об итогах государственной кадастровой оценки в порядке, установленном приказом Росреестра от 6 августа 2020 г. № П/0284 «Об утверждении Требований к отчету об итогах государственной кадастровой оценки».

Для земельных участков обязательному рассмотрению на предмет влияния на кадастровую стоимость подлежат сведения о местоположении земельного участка, нахождении объекта недвижимости в границах зоны с особыми условиями использования территории, а также ценообразующие факторы.

Все ценообразующие факторы разделяются на три типа:

- 1) факторы, характеризующие внешнюю среду объектов недвижимости;

7 Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г. // БВС РФ. – 2019. – № 5.

8 Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О государственной кадастровой оценке» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).

Таблица 2. Некоторые ценообразующие факторы земельных участков

	Общие сведения	
1	Категория земель (при наличии ее влияния), вид разрешенного использования	-
2	Площадь земельного участка, кв.м.	-
3	Вид использования	-
4	Коэффициент протяженности земельного участка по данным географических информационных систем (ГИС), пог.м.	Величина
		$k = \frac{P/4}{\sqrt{S}} > 1.2$, где
		k - коэффициент; P - периметр; S - площадь, свидетельствует о сильно вытянутой форме (> 1/3,5) участка
5	Наличие обременений (ограничений) земельного участка	Указывается вид обременений (ограничений) и площадь, попадающая под обременение. В случае наличия нескольких обременений (ограничений) требуется самостоятельное указание каждого (например, водоохранная зона, зона ограничения застройки, отнесение участка к историко-культурным или иным охраняемым объектам)
6	Характеристики застройки земельного участка	Отношение площади застройки всех зданий, сооружений к площади земельного участка, отношение общей площади всех зданий, сооружений к площади земельного участка

2) факторы, характеризующие непосредственное окружение и сегмент рынка объектов недвижимости;

3) факторы, характеризующие объект недвижимости.

Примерный перечень ценообразующих факторов земельных участков представлен в таблице 2.

Допускается установление дифференцированных налоговых ставок в зависимости от категорий земель и (или) разрешенного использования земельного участка. В соответствии с ст. 365 НК РФ размер налоговой ставки не может превышать 0,3 % в отношении сельскохозяйственных и 1,5 % в отношении прочих земель.

В ноябре 2021 г. Государственной думой принят закон о создании публично-правовой компании «Роскадастр», которая будет осуществлять полномочия Кадастровой палаты.

По данным росреестра кадастровая стоимость участка рассчитывается по формуле:

$S_k = P \cdot (K_i + K_l) \cdot K_p$. Части формулы означают:

S_k – кадастровая стоимость

P – площадь земельного участка

K_i – инфраструктура на участке в рублях на квадратный метр

K_l – специфический фактор, также в рублях на квадратный метр

K_p – переходный коэффициент.

Кадастровая стоимость земельного участка (за исключением случаев, предусмотренных пунктами 19 – 24 настоящего Порядка) определяется путем умножения площади земельного участка на среднее значение удельного показателя кадастровой стоимости земельных участков группы видов разрешенного использования, соответствующей категории и виду разрешенного использования для кадастрового квартала, в котором расположен земельный участок;

Также перед расчетом кадастровой стоимости выбираются один из методов:

– доходный – определяют размер прибыли, получаемой с эксплуатации участка и ее дальнейший приход;

– сравнительный – имеющуюся по земельному участку информацию анализируют;

– затратный – проводится экспертная оценка участка с определением его стоимости.

Обзор практики по вышеописанным вопросам показал, в отношении данной категории споров насчитывается немного. Некоторые примеры представлены в таблице 3.

Исходя из судебной практики по вопросам, связанным с взиманием земельного налога установлено, если кадастровая стоимость земельного участка на момент возникновения спорных правоотношений не установлена, арбитражным судам следует руководствоваться положениями статьи 65 Земельного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», согласно которым, если кадастровая стоимость земли не определена, в этом случае для целей налогообложения применяется нормативная цена земли⁹.

Судебная практика разрешения налоговых споров исходит из презумпции добросовестности налогоплательщиков и иных участников правоотношений в сфере экономики. В связи с этим предполагается, что действия налогоплательщика, имеющие своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданны, а сведения, содержащиеся в налоговой декларации и бухгалтерской отчетности, – достоверны¹⁰.

По результатам проведенного исследования можно установить следующие правовые свободы собственника земли:

– свобода выбора вида разрешенного использования земель, а также право на его изменение;

– изменение категории земель;

– изменение кадастровой стоимости.

Следующие ограничения:

– норма градостроения

Исходя из рекомендаций Верховного суда, судам необходимо иметь в виду, что следующие обстоятельства сами по

9 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 54 «О некоторых вопросах, возникших у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием земельного налога».

10 Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

Таблица 3. Практика рассмотрения судами дел в отношении платности использования земель

Категория спора	Требование	Обстоятельства	Решение
	О взыскании неосновательного обогащения в виде платы за фактическое пользование земельным участком	Из материалов дела следует, что за отдельный период пользования участком арендатор продолжал вносить платежи в размере, предусмотренном договором аренды, без учета изменения кадастровой стоимости земельного участка.	Требование удовлетворено, поскольку стороны обязаны руководствоваться предписанным размером арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, и не вправе применять другой размер арендной платы, доказательств внесения платы в надлежащем размере арендатором не представлено
Земельный налог	Об обязанности произвести перерасчет земельного налога	Из материалов дела следует, что истец указал, по решению суда была изменена кадастровая стоимость земельного участка, в связи с чем им было подано заявление о перерасчете земельного налога, но ответчиком отказано в перерасчете	Иск не удовлетворен
Оспаривание кадастровой стоимости	Об установлении кадастровой стоимости	Из материалов дела известно, что истец является собственником земельного участка и не согласен с его кадастровой стоимостью, считает её завышенной и не соответствующей рыночной стоимости.	Дело направлено на рассмотрение

себе не могут служить основанием для признания налоговой выгоды необоснованной:

- создание организации незадолго до совершения хозяйственной операции;
- взаимозависимость участников сделок;
- неритмичный характер хозяйственных операций;
- нарушение налогового законодательства в прошлом;
- разовый характер операции;
- осуществление операции не по месту нахождения налогоплательщика;
- осуществление расчетов с использованием одного банка;
- осуществление транзитных платежей между участниками взаимосвязанных хозяйственных операций;
- использование посредников при осуществлении хозяйственных операций.

Таким образом, рассматривая правовое регулирование использования земли в деятельности промышленного предприятия, можно сказать следующее:

- промышленное предприятие использует землю как природный ресурс для размещения собственности организации производственной деятельности и размещения отходов производства;
- использование земли в хозяйственности деятельности базируется на принципах эффективности и рациональности, хотя законодательно регламентировано лишь целевое и нецелевое использование земли, обусловленное категорией земель и видом их разрешенного использования. Обзор судебной практики показал наличие правовой свободы в возможности изменения категории и вида разрешенного использования земель при организации хозяйственной деятельности;
- одной из мер императивного экономического регулирования использования земель является земельный налог и арендная плата;
- основными компонентами формирования величины земельного налога является кадастровая стоимость и налоговая ставка;
- анализ правоприменительной практики позволил выявить, что границами правовой свободы землевладельца является величина кадастровой стоимости, которая может

быть изменена в соответствии с его интересами, а императивно-устанавливаемая ставка налога на землю является границей правовой свободы органов местного самоуправления, дальнейшей основной задачей является нахождение баланса интересов участников земельных отношений.

– реализация данных принципов позволила определить границы свободы участников земельных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Учетно-аналитическое обеспечение формирования налогооблагаемой прибыли: Учебник / Под. ред. О. П. Бозина. – Москва: ИЛ, 2014. – 172 с.
2. Нарышева Н. Г. Переход от деления земель по целевому назначению на категории к территориальному зонированию: за и против // Экологическое право. – 2015. – № 5. – С. 42-49.
3. Землякова Г. Л. Проблемы правового регулирования изменения видов разрешенного использования земельных участков в условиях отмены деления земель на категории // Экологическое право. – 2021. – № 1. – С. 28-34.
4. Исмагилова Г. В., Косточко К. А. О рациональном использовании земель промышленными предприятиями // Весенние дни науки ВШЭМ: сборник докладов XII Международной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Российские регионы в фокусе перемен», 20-23 апреля 2018 года; ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». – Екатеринбург. – С. 185-188.
5. Колесняк А. А., Колесняк И. А. Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2015. – № 2. Рациональное использование земель сельского хозяйства – основа обеспечения населения региона продовольствия.
6. Харьков В. Н. Принцип деления земель на категории по целевому назначению как основное начало государственного управления в сфере использования и охраны земель // Современное право. – 2016. – № 9. – С. 82-89.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассмотрены социально-психологические детерминанты преступного поведения несовершеннолетних. Особое внимание уделяется особенностям преступного поведения несовершеннолетних, которые часто нарушают правила социального поведения, традиционные порядки и нормы общества. Рассматриваются факторы детерминации, которые оказывают большое влияние на осуществление преступлений несовершеннолетними. Предлагаются возможные пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: детерминанты преступности, преступное поведение, социально-психологические факторы, противоправное поведение, несовершеннолетние.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF JUVENILE DELINQUENCY

The article examines the socio-psychological determinants of criminal behavior of minors. Special attention is paid to the peculiarities of criminal behavior of minors, which often violates the rules of social behavior, traditional orders and norms of society. The factors of determination that have a great influence on the implementation of crimes by minors are considered. Possible solutions to this problem are proposed.

Keywords: determinants of crime, criminal behavior, socio-psychological factors, illegal behavior, minors.

Зорина Н. С.

Преступное поведение несовершеннолетних является одной из наиболее значимых и актуальных проблем в современном обществе. Чаще всего такие преступления связаны с агрессивным поведением, наркоманией, алкоголизмом, проблемами в семье и общественной среде. Несмотря на то, что несовершеннолетние преступники составляют небольшую часть всех преступлений, их действия могут иметь серьезные последствия для жертв, самих правонарушителей и общества в целом. Влияние обще-социального причинного комплекса так или иначе преломляется через ближайшее окружение несовершеннолетнего [1].

Детерминанты преступности по роли в процессе совершения преступления делятся на первичные и вторичные. К первой группе детерминантов мы относим непосредственные причины, ставшие мотивом совершения конкретного преступления, это те факторы, которые приводят к достижению точки бифуркации, при которой возникает побуждение к совершению общественно опасного деяния. Вторая группа включает обстоятельства, способствовавшие наступлению тех или иных последствий преступления, а также служившие условием достижения преступного результата [2].

Одной из особенностей преступного поведения несовершеннолетних является то, что оно часто нарушает правила социального поведения, традиционные порядки и нормы общества. Это может происходить по многим причинам, таким как низкий уровень развития социальных навыков, подверженность влиянию со стороны среды обитания, проблемы в семейной жизни и так далее. Все это ведет к развитию негативных эмоциональных реакций и привычек, которые способствуют совершению преступлений.

Педагогические особенности девиантного поведения подростков связаны с недостаточной адаптацией подростков к социальному окружению, сложностями в общении и взаимодействии со сверстниками, трудностями в обучении, нарушением норм и правил поведения в школе. Школа играет

важную роль в профилактике девиантного поведения подростков.

Основными социально-психологическими детерминантами преступного поведения несовершеннолетних являются:

- семейные проблемы. Часто дети, которые растут в неблагополучной семье, становятся жертвами насилия со стороны родителей, что приводит к психологическим и эмоциональным проблемам. Это может способствовать совершению преступлений, так как они пытаются справиться с проблемами и негативными эмоциями путем поиска удовлетворения в запрещенных для них поступках;

В научной литературе отмечается, что «семья, которая едва сводит концы с концами, каждодневно борется за выживание, причем использует для этого морально далеко не безупречные, а порой и откровенно противоправные средства, перестает быть инструментом социализации» [3].

- учебный процесс. Однозначно, стоит отметить, что основной деятельностью у несовершеннолетних является учеба. Однако трудных подростков учебный процесс не интересует. Избыток свободного времени при низкой культуре его использования приводит личность к упадку нравственных ценностей, распаду духа, так называемой деморализации. Педагогически запущенные подростки, которые проводят свободное время в пустую, все больше развивают негативные качества личности. Зачастую различные методы асоциального поведения являются для них способом проведения досуга. Следовательно, недоразвитость и деформация личности трудных подростков приводит к нерациональному использованию свободного времени, что в дальнейшем может способствовать совершению правонарушений [4];

- общественная среда. Дети, которые растут в районах с высоким уровнем преступности, могут стать жертвами влияния со стороны стремящихся подростков и молодежных групп. Они могут быть связаны с преступной подростковой

группой, у которой есть власть и влияние на них. Это значительно повышает вероятность совершения преступлений.

– неравный доступ к образованию и другим ресурсам. Несовершеннолетние из малообеспеченных семей и неблагополучных районов могут терять мотивацию к обучению и развитию, что отрицательно влияет на их будущее. Нарушения законов становятся для них способом заработка и удовлетворения;

– наркотики и алкоголь. Употребление наркотиков и алкоголя может способствовать совершению преступлений. Они могут стать причиной изменений в поведении и мотивации, что приводит к нарушению законов;

Однозначно, стоит сказать, что, употребляя спиртные напитки, подростки, склонны к снижению общего нравственного и интеллектуального уровней личности, облегчает и ускоряет у них возникновение преступных замыслов, подавляет чувства долга, уважения к закону и морали. Злоупотребление алкоголем значительно ослабляет социально-позитивные связи несовершеннолетних с семьей, учебным коллективом, создает конфликтные ситуации в их взаимоотношениях с окружающими людьми. Подавляющее большинство всех преступлений подростки и юноши совершают в состоянии опьянения [5].

Среди типичных нравственно-психологических черт несовершеннолетних, совершивших преступления, выделяют эмоциональную неуравновешенность и равнодушие, тщеславие, упрямство, нечувствительность к страданиям других, жестокость. Так, каждый третий из опрошенных нами подростков признался, что может быть жестоким по отношению к окружающим, особенно если они не принадлежат к кругу лиц, которых он относит к значимым для себя объектам. Каждый десятый безразлично относится к себе и окружающим его людям [6].

Решение проблемы преступности несовершеннолетних требует комплексного подхода. Следующие меры могут помочь в решении проблемы:

1. Предотвращение нарушений законов и установление строгих наказаний для преступников, а также улучшение системы реабилитации.

2. Обязательное образование. Без хорошего образования дети не смогут выполнить свои профессиональные и гражданские обязанности, что может привести к преступлению.

3. Формирование социальной среды, которая будет способствовать развитию детей и молодежи, а также предоставлять им возможности для обучения, развития и реализации своих способностей.

4. Профилактика наркомании и алкоголизма. Профилактика употребления наркотиков и алкоголя, а также четкое понимание этой проблемы, могут помочь предотвратить много преступлений.

Для решения проблемы преступного поведения несовершеннолетних необходимо интегрированное предотвращение ее причин и следствий. Необходимо оказывать помощь на ранних этапах развития, создать условия для благоприятного роста и социализации, способствующей формированию здоровых и полезных привычек.

Важно вместе с тем проявить больше социальной ответственности и усилить контроль над социальными средами, где растут дети. Необходимо создавать модели социального устройства общества, где забота об организации адекватной среды для развития личности молодежи и предотвращения злоупотребления наркотиками и алкоголем будет основным чином деятельности.

Основопологающим нормативным правовым актом в данной сфере является — Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который систематизировал различные нормы, регулирующие вопросы профилактики правонарушений, закрепил единую систему органов и учреждений, осуществляющих профилактическую деятельность [7].

Основная цель профилактической работы — защита ребёнка, его жизни, достоинства, права на развитие в меняющихся условиях социальной реальности. Статьей 2 ФЗ–120

закреплены основные принципы деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в частности законности, гуманного обращения с несовершеннолетними, индивидуального подхода к ним, конфиденциальность полученной информации [8].

Таким образом, из вышесказанного, можно сделать вывод, что преступное поведение несовершеннолетних является серьезным вызовом для современного общества. Решения этой проблемы требуют комплексных мер, с целью создания условий для достойного воспитания и социализации детей, а также для уважения законов общества и индивидуальных прав. Осведомление с информацией о возможных путях и проблемах, вызывающих преступное поведение несовершеннолетних, социальная ответственность и более эффективная система образования и реабилитации может помочь положительно изменить ситуацию, что приведет к улучшению качества жизни наших детей и будущего нашего общества.

Пристатейный библиографический список

1. Писаревская Е. А. К вопросу о социально-психологических детерминантах насильственной преступности несовершеннолетних // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 11 (62). – С. 56-60.
2. Слободенюк М. А. Социально-психологические детерминанты насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2018. – № 1 (49). – С. 71-77.
3. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М., 2001.
4. Зорина Н. С. Особенности девиантного поведения подростков // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 259-260.
5. Миронов Д. Д. Формирование готовности студентов юридических специальностей к работе с подростками девиантного поведения // Word science: problems and innovations: Сборник статей XLIII Международной научно-практической конференции. В 2 частях, Пенза, 30 мая 2020 года. Том Часть 1. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. – С. 222-224.
6. Смольяков А. А., Гаврилова О. В. Изучение нравственно-психологических признаков личности несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления, как одна из составляющих профилактики преступности несовершеннолетних // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 5. № 2 (10). – С. 221-226. – EDN ANZBUF.
7. Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» Доступ из справ. - правовой системы «Консультант-Плюс».
8. Дугенец А. С., Павлова Л. В. О некоторых вопросах организации индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних как способа защиты их прав // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / Под общей редакцией А. И. Каплунова, сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 672-677.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-293-295

КОЛУПАЕВ Егор Олегович

стажер адвоката, Адвокатское бюро Томской области Юридическая группа «ПРИМ групп», г. Томск

ПРЕДМЕТ ВЗЯТКИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье анализируется содержание предмета взятки в законодательстве Российской Федерации и некоторых государств-участников Европейского союза. В работе дается описание и оценка некоторых выявленных особенностей зарубежного законодательства в отношении предмета взятки. Проводится оценочное сопоставление подходов к понятию предмета взятки в некоторых странах Европы и Российской Федерации. Раскрываются некоторые особенности отечественного подхода к понятию предмета взятки. Поднимается проблема неполного раскрытия предмета взятки в Российской Федерации в контексте личной выгоды взяткополучателя.

Ключевые слова: коррупция, подкуп, коммерческий подкуп, неправомерное преимущество, личная выгода, Европейский союз.

KOLUPAEV Egor Olegovich

attorney trainee, Advocatory bureau of the Tomsk region Yuridicheskaya gruppa "PRIM group", Tomsk

THE BRIBE ITEM IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SOME COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

In the present article, the author is analyzing the essence of the bribe item in the criminal codes of the Russian Federation, and some foreign countries-members of the European Union. In the article, the description and evaluation of some specific features of the foreign legislation related to the bribe item is presented. Carried out an estimated comparison of approaches to the essence of bribe item in certain European countries and the Russian Federation. Some features of the domestic approach to the essence of a bribe item are revealed. Raised problem of incomplete disclosure of bribe item in the Russian Federation in the context of the personal benefit of the bribetaker.

Keywords: corruption, bribery, commercial bribery, unlawful advantage, personal benefit, European Union.

Постановка проблемы. Соглашаясь с мнением Мартина Сайдика, дипломата и постоянного представителя Австрии в Организации Объединенных Наций о том, что «...борьба с коррупцией на национальном и международном уровнях является темой с неослабевающей актуальностью для Организации Объединенных Наций и ее государств-членов, поскольку нетерпимость к коррупции растет во всем мире»¹, нельзя не согласиться и с мнением Эдварда Дж. Эберли, профессора факультета права университета Роджер Уильямс, который в своей работе «Метод и роль сравнительного правоведения»² утверждает, что «...мы должны начать привлекать науку сравнительного правоведения, чтобы помогать решать проблемы, которые выходят за рамки национальных границ. В нашем мире, который становится все более глобализованным, мы все встречаемся со схожими проблемами, которым требуется решение. Нам нужно сфокусироваться на масштабных вопросах, так чтобы оценить их с другой стороны. Сравнительное правоведение здесь может предложить многое».

1 The Method and Role of Comparative Law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://openscholarship.wustl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1088&context=law_globalstudies/ (дата обращения: 02.04.2023).

2 The Method and Role of Comparative Law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://openscholarship.wustl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1088&context=law_globalstudies/ (дата обращения: 02.04.2023).

Колупаев Е. О.

В связи с тем, что коррупция и борьба с ней является темой глобальной и многогранной, сейчас представляется невозможным исследовать соответствующее законодательство всех государств мира.

По мнению Л. В. Иногамовой-Хегай [2], «...опасность коррупционного преступления состоит в «продажности» специального субъекта, уже стоворившегося или осознающего будущее заключение сделки с желанием извлечения любой выгоды, не только имущественной».

В данной статье мы бы хотели рассмотреть предмет взятки как обязательный признак, характеризующий объект преступления и описать содержательную сторону и формы объективации в уголовном законе Российской Федерации, некоторых странах Европейского союза (Австрийская Республика, Республика Польша, Венгрия, Федеративная Республика Германия), которые так же, как и Россия, принадлежат к странам романо-германской/континентальной правовой семьи³. Такое сопоставление может быть полезно при выявлении сходства и различий, которые установлены в разных государствах для борьбы с распространенным преступным явлением – взяточничеством, а также, как основа для дальнейшего теоретического исследования по теме.

3 The Influence of Roman Law on The Formation and Development of the Romano-Germanic Legal Family. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/354942706_The_influence_of_roman_law_on_the_formation_and_development_of_the_romano-germanic_legal_family/ (дата обращения: 03.04.2023).

Общая характеристика исследуемых уголовных законов. Все рассмотренные уголовные законы содержат значительное количество изменений и дополнений по сравнению со своими первоначальными версиями:

1) Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) введен в действие Федеральным законом «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с последними изменениями и дополнениями от 13 июня 2023 г.⁴

2) Уголовный кодекс Австрийской Республики (далее – УК Австрии) введен в действие Федеральным актом от 23 января 1974 г., с последними изменениями и дополнениями от 31 декабря 2021 г.⁵

3) Уголовный кодекс Венгрии (далее – УК Венгрии) введен в действие Актом с 2012 г. «Об Уголовном кодексе», вступил в силу 1 июля 2013 г. с последними изменениями и дополнениями от 22 декабря 2021 г.⁶

4) Уголовный кодекс Республики Польша (далее – УК Польши) введен в действие Актом от 6 июня 1997 г., с последними изменениями и дополнениями от 17 декабря 2021 г.⁷

5) Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия, введенный в действие Актом от 15 мая 1871 г., с последними изменениями от 22 ноября 2021 г.⁸

Все рассмотренные уголовные законы являются кодифицированными, имеют в своей структуре несколько частей:

- 1) УК РФ – Общая и Особенная части;
- 2) УК Австрии – Общая, Особенная и Заключительная части;
- 3) УК Венгрии – Общая, Особенная и Заключительная части;
- 4) УК Польши – Общая, Особенная части и Часть, применимая к военнослужащим.
- 5) УК ФРГ – Общая и Особенная части.

В целом, можно отметить, как структурное, так и содержательное сходство. Например, в Общей части всех рассмотренных уголовных законов закреплены принципы уголовного права, понятие вины, преступления, виды уголовного наказания, исключение наступления уголовной ответственности. В Особенной части рассмотренных уголовных законов закреплены конкретные составы преступлений, включая коррупционные, санкции за совершение преступлений.

Предмет взятки. Все элементы состава преступления неразрывно связаны между собой, и особенности предмета преступления имеют значение для определения объекта преступного посягательства, квалификации деяния, назначения наказания.

Существуют различные подходы к пониманию предмета преступления, и здесь мы бы хотели привести дефиницию, которую предлагает Б. В. Епифанов [1]: «...предмет преступления – это материальный (вещественный) элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе и находящийся в одной и той же ценностной плоскости, и взаимосвязи с охраняемыми общественными отношениями, путём противоправного воздействия на который всегда причиняется вред объекту преступления».

Российский законодатель не предлагает легальное определение предмета взятки, но раскрывает его содержание в ч. 1 ст. 290 УК РФ экстенсивно, перечисляя его виды: деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера, незаконное предоставление иных имущественных прав.

Верховный Суд Российской Федерации в п. 9 Постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁹ определил, что незаконное оказание услуг имущественного характера – предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатных либо по заниженной стоимости туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, исполнение обязательств перед другими лицами).

Согласно вышеуказанному пункту Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в случае, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.

Можно отметить, что российский законодатель и правоприменитель придает важное значение пониманию и детальному определению предмета взятки.

Согласно ч. 1 параграфа 304 (раздел 22 «Преступления против службы, коррупция и относящиеся преступления») УК Австрии под предметом взятки понимается, «выгода» («der Vorteil»). В иных статьях УК Австрии данного раздела более детального определения предмета взятки не предлагается.

В отличие от приведенного выше примера, в УК Венгрии подчеркивается незаконный, неправомерный характер предмета. Согласно ч. 1 параграфа 294 УК Венгрии (глава 27 «Коррупционные преступления») под предметом взятки понимается «неправомерное преимущество» («jogtalan előnyt»).

Согласно параграфу 1 ст. 228 УК Польши под предметом взятки понимается «материальная или личная выгода» («korzyść majątkową lub osobistą»), причем в параграфе 4 ст. 115 УК Польши предлагает такое разъяснение: «материальная или личная выгода – это выгода как для себя, так и для

4 Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // КонсультантПлюс: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.06.2023).

5 Strafrechtsgesetzbuch. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ris.bka.gv.at/?url=https%3A%2F%2Fwww.ris.bka.gv.at%2FGeltendeFassung.wxe%3FAbfrage%3DBundesnormen%26Gesetzesnummer%3D10002296/> (дата обращения: 01.04.2023).

6 A Büntető Törvénykönyvről. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1200100.tv/> (дата обращения: 31.03.2023).

7 Kodeks karny. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexlege.pl/kodeks-karny/> (дата обращения: 30.03.2023).

8 Strafrechtsgesetzbuch – StGB. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html#gl_p0012/ (дата обращения: 30.03.2023).

9 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // КонсультантПлюс: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 03.04.2023).

кого-то другого», также в предмете взятки нет разделения на материальные ценности и, например, оказание имущественных услуг.

Следует так же обратить внимание на Уголовный кодекс Федеративной республики Германия. Несмотря на общую тенденцию к понятию предмета взятки, как личной выгоды того или иного лиц в различном объеме, в данном Кодексе также прослеживается дифференциация коррупционных преступлений в зависимости от сферы общественных отношений, с указанием на отличительные черты. В качестве соответствующих примеров можно выделить статьи: 108b раздела 4 УК ФРГ – подкуп избирателей (во время парламентских выборов), 108e раздела 4 УК ФРГ – Дача взяток выборным должностным лицам и получение взяток от выборных должностных лиц. Следующим примером могут являться статьи 299-300 раздела 26 УК ФРГ – получение и дача взятки в коммерческой сфере, получение взятки в сфере здравоохранения, дача взятки в сфере здравоохранения и особо тяжкие случаи получения и дачи взятки в коммерческой деятельности и сфере здравоохранения. Данные статьи Уголовного кодекса ФРГ, раскрывающие дефиниции взятки в указанных сферах общественных отношений, расположены в хронологическом порядке, в контексте важности регулирования общественных отношений. Кроме того, в отличии от политических выборов, для уравнивания значимости всех сфер, в контексте коммерческой деятельности и здравоохранения, существует статья 300 раздела 26 УК ФРГ, которая устанавливает более значительную ответственность за дачу и получение взятки в крупном размере, а также совершение данного деяния в составе организованной преступной группы. Тем не менее, Уголовный Кодекс ФРГ не отходит от иных европейских стран в понимании предмета взятки. И несмотря на определенную дифференциацию общественных отношений, общим основанием для определения преступления, как взятки, остается получение тем или иным лицом определенной личной выгоды. Детально понятие личной выгоды также не раскрывается, и, вероятно, является в данном случае оценочным.

Кроме того, стоит обратить внимание, что несмотря на раскрытие законодателем взятки таким образом, каким это приведено в УК РФ (перечисление), в доктрине достаточно часто встречается мнение о том, что получение денег, ценных бумаг, иного имущества, незаконное оказание услуг имущественного характера, незаконное предоставление иных имущественных прав – все это так же является имущественной выгодой. Соответственно, несмотря на отсутствие легального определения предмета взятки, правоприменитель опосредованно применяет категорию «личная» или «имущественная» выгода при квалификации содеянного, как получение или дачу взятки.

Более того, в отечественном правопорядке, с учетом вышеизложенного, видится, что квалифицировать услуги неимущественного характера в качестве взятки проблематично. Если о неимущественных правах законодателем была сделана оговорка, то о необходимости квалификации неимущественных услуг до настоящего времени ведутся дискуссии. В качестве яркого примера такой «услуги» можно привести пример продвижения или же повышения по службе без повышения заработной платы. С точки зрения приведенных ранее правопорядков стран Евросоюза, такое деяние однозначно будет квалифицировано как взятка или подкуп. Так как несет прямую личную выгоду для получателя взятки.

Выводы. Предмет взятки является одним из конституирующих элементов состава коррупционного преступления.

Во всех рассмотренных уголовных законах закреплена ответственность за коррупционные преступления, взяточничество.

Отмечается значительное сходство в структуре и содержании (уголовные законы кодифицированы, присутствуют одинаковые по смыслу и содержанию части) уголовных законов Российской Федерации и государств-участников Европейского союза, что объясняется общим вектором в развитии европейского общества, принадлежностью национальных правовых систем к романо-германской/континентальной правовой семье, а также – в отношении государств-участников Европейского союза – принимаемыми при вступлении в Европейский союз обязательствами по гармонизации национального уголовного закона в соответствии с общеевропейскими требованиями.

Действующее законодательство Российской Федерации предлагает наиболее детальное определение предмета взятки, в то время, как в иных рассматриваемых уголовных кодексах дается лапидарное определение предмета взятки: под ним понимается выгода (Республика Польша, Австрийская Республика), преимущество (Венгрия), что может свидетельствовать о существующей тенденции к лингвистическому упрощению юридического текста, стремлению избежать различий в толковании, а также стремлению упростить работу правоохранительных органов при квалификации преступного деяния. В то же время подход российского законодателя позволяет наглядно проиллюстрировать, каким может быть предмет взятки, даже лицу, не обладающему специальными познаниями. Однако, видится логичным, что дополнение российского подхода упоминанием иных личных выгод, которые могут являться интересом взяткополучателя – может облегчить существующую правовую действительность в контексте квалификации как преступления тех деяний, которые в настоящий момент времени находятся в пограничной зоне между действиями, которые уголовным законом не квалифицируются как преступления и реальной коррупцией, которая крайне негативно влияет на развитие Российской Федерации, как на государство, которое ставит во главу угла Верховенство Закона и развитие правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Епифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2 (66). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-prestupleniya-ponyatie-i-problemy-pravotvorchestva> (дата обращения: 12.04.2023).
2. Иногамова-Хегай Л. В. Служебные преступления как единичные деяния и как множественность преступлений // Общество и право. – 2017. – № 1 (59). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnye-prestupleniya-kak-edinichnye-deyaniya-i-kak-mnozhestvennost-prestupleniy> (дата обращения: 09.04.2023).

КУЧМЕЗОВ Расул Абдулмуталифович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

Кучмезов Р. А.

КРИПТОПРЕСТУПНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последние годы современная мировая экономика активно применяет новые технологии, которые позволяют расширить использование платежных возможностей, применять блокчейн, криптовалюту. Спрос на криптовалюту, как выяснилось, наносит существенный вред экономике и несет угрозу национальной безопасности страны. Отечественная правоохранительная система может проконтролировать деятельность действующих на ее территории юридических лиц и запретить им пользоваться криптовалютами, однако отследить действия физических лиц намного сложнее. Кроме того, нет запрета на обмен криптовалютой на реальные деньги за пределами страны ввиду того, что международные биржевые рынки не подчиняются нормам национального права отдельных стран. Правоохранительная практика также отмечает существование проблемы и с интернет-сайтами, которые могут принимать оплату криптовалютой: они находятся вне российского правового поля, так как работают за пределами РФ и функционируют анонимно. Поэтому избежать оборота криптовалюты у РФ не получится.

Ключевые слова: криптопреступность, киберпреступность, преступные посягательства, информационные технологии, экономические преступления, международный характер преступления.

KUCHMEZOV Rasul Abdulmutalifovich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia of the MIA of Russia, major of police

CRYPTO CRIME AS A KIND OF CYBERCRIME

In recent years, the modern world economy has been actively applying new technologies that allow expanding the use of payment opportunities, using blockchain, cryptocurrency. The demand for cryptocurrency, as it turned out, causes significant harm to the economy and poses a threat to the national security of the country. The domestic law enforcement system can control the activities of legal entities operating on its territory and prohibit them from using cryptocurrencies, but it is much more difficult to track the actions of individuals. In addition, there is no ban on the exchange of cryptocurrencies for real money outside the country due to the fact that international exchange markets do not obey the norms of national law of individual countries. Law enforcement practice also notes the existence of a problem with Internet sites that can accept payments in cryptocurrency: they are outside the Russian legal field, as they work outside the Russian Federation and function anonymously. Therefore, it will not be possible to avoid the turnover of cryptocurrencies in the Russian Federation.

Keywords: cryptocrime, cybercrime, criminal encroachments, information technology, economic crimes, international nature of the crime.

Современная мировая экономика в последние годы активно применяет новые технологии, которые позволяют расширить использование платежных возможностей, применять блокчейн, криптовалюты. Широкое применение находят новые криптографические технологии. Многие финансовые учреждения используют современные технологии для ускорения и облегчения проведения многих операций и видят в этих технологиях перспективы. Однако возможности появляются и у киберпреступников, которым становится проще совершить преступление против корпоративных компаний и физических лиц, вымогать крупные суммы денег или получать их при помощи автоматических атак. Преступники, получив в руки современные технологии, а значит, и новые возможности, которые позволяют им совершать атаки на финансовые организа-

ции, личные счета граждан, совершать мошеннические действия, приобрели возможность незаконным путем добывать достаточно крупные суммы денежных средств.

В мире выросла популярность криптовалют, существенно поднялся их курс в особенности после карантина COVID-19. Однако спрос на криптовалюту как выяснилось наносит существенный вред экономике и несет угрозу национальной безопасности страны. Следует отметить, что криптопреступность не имеет национального характера, четко выраженной иерархии, она децентрализована. Сами преступники могут находиться в любой точке мира, действуют анонимно, что делает противодействие им малоэффективным [2], [3], [4].

Криптопреступность связана с использованием современных информационных технологий, появилась

сравнительно недавно и поэтому относится к новому виду преступных посягательств. Преступники в данной сфере нарушают установленный экономический порядок и вмешиваются в информационную деятельность страны. Из-за этого невозможно отнести криптопреступность только к финансовой сфере.

Обращаясь к криминологическому пониманию преступностью в целом, можно назвать явление, которое создает общественную опасность. Это определенные деяния, которые могут быть совершены как физическими, так и юридическими лицами в пределах определенного временного промежутка на территории отдельно взятого государства или находящихся на его территории объектов [1], [6].

Отечественная правоохранительная система может проконтролировать деятельность действующих на ее территории юридических лиц и запретить им пользоваться криптовалютами, однако отследить действия физических лиц намного сложнее. Кроме того, нет запрета на обмен криптовалюты на реальные деньги за пределами страны ввиду того, что международные биржевые рынки не подчиняются нормам национального права отдельных стран. Правоохранительная практика также отмечает существование проблемы и с интернет-сайтами, которые могут принимать оплату криптовалютой: они находятся вне российского правового поля, так как работают за пределами РФ и функционируют анонимно. Поэтому избежать оборота криптовалюты у РФ не получится.

Криптопреступность хотя и относится к новому виду преступлений, включает в себя свойства, присущие экономической преступности и киберпреступности, тем самым образует нечто среднее, что не дает возможности считать этот вид преступлений полноценно экономическим. В традиционном понимании криминология выделяет количественные и качественные особенности преступности, которые помогают дать ей точное определение, выделить основные стороны. К количественным показателям относятся: объем, динамика, интенсивность; к качественным относятся следующие параметры: территориальный признак, структура, степень общественной опасности.

Количественные показатели для криптопреступности подходят из раздела преступлений экономического характера. Качественные показатели исходят из судебной практики рассмотрения уголовных дел, особенностей расследования таких преступлений, а также юридического опыта не только российских, но и зарубежных правоохранителей [3], [5].

Совершенно очевидно, что криптопреступность носит общественно опасный характер не меньший, чем у преступлений экономической сферы и киберпреступности в целом. Если рассматривать долю подобных преступлений в сфере экономики и киберпреступлений, можно отметить, что она не столь значительна, однако такие преступления отличаются высокой латентностью. Их практически невозможно выявить. Правоохранительные органы испытывают значительные сложности при расследовании и пресечении таких преступлений, так как не имеют не-

обходимых для этого инструментов и технической оснащенности.

Если рассматривать территориальную принадлежность, то криптопреступность, как и киберпреступность, не скована рамками одного государства или пространства. Она носит интернациональный характер за счет использования цифрового пространства в качестве площадки для совершения преступлений. Для определения места криптопреступности в уголовном праве необходимо обозначить ее специфику и распознать отличительные признаки, которые указывают на киберпреступление в частности и экономическую преступность в целом.

В науке уголовного права содержание преступности связано с объектами посягательства. Кроме этого, в объектив внимания попадают субъект преступления, в какой общественной сфере совершается преступление, а также то, выбор способа совершения преступления, мотив злоумышленника. Все это в целом дает понять, что представляет собой определенный вид преступности, например, кибернетической или экономической.

Ряд исследователей отмечает параллель между экономической преступностью и социально-экономическими явлениями, поскольку она имеет социально-правовое происхождение и несет негативный характер, который складывается из совокупности преступлений, совершенных в разных странах за отдельно взятый временной промежуток. Такое определение можно отнести к классическому пониманию преступности криминологией. Другая категория исследователей отмечает, что экономическая преступность направлена только на собственность, и преступления совершаются в предпринимательской среде [4], [5]. Общим между указанными пониманиями выступает признание экономической преступности в качестве определенной сложной последовательности составов преступлений. Например, хищение, сокрытие, денежных средств полученных в результате неуплаты налогов, контрабанды. При этом к экономическим преступлениям можно отнести опасные деяния корпораций, направленные на работу государственной экономики или прочих корпораций, потребителей.

Таким образом, к экономической преступности можно отнести те деяния, которые совершаются в экономической сфере. Термин может иметь узкую трактовку, в которой понимается корыстное поведение субъектов права по подношению к другим субъектам права. В широком понимании это преступления против собственности, а также преступления в сфере экономики.

На сегодняшний день не существует общепринятого понятия, емко иллюстрирующего, что такое экономическая преступность. Однако установлено, что наука уголовного права не относит преступления против собственности к разделу экономических преступлений.

Относительно преступлений в сфере компьютерной информации отметим, что они более однозначны. Киберпреступность у разных исследователей имеет разные определения. Например, одни считают, что это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве,

в компьютерных сетях или системах или с их помощью. Важно, что преступники используют разнообразные средства, позволяющие им проникнуть в киберпространство, при помощи которого они совершают общественно опасные деяния. Другие считают, что преступность в цифровой сфере – это нечто более широкое, чем просто киберпреступность. Она включает в себя интернет-преступность, а также преступления, совершенные в сфере информационных технологий. Не все подобные деяния совершаются при помощи интернета, однако большинство из них происходит именно там. Рассматривая эти понятия и характеристики, можно выделить особенности преступности в сфере информационных технологий, имеющую экономическую направленность. Кроме этого, становится возможным выделить признаки этих видов преступлений, в частности криптопреступности, и выявить ее специфические черты [1], [2], [5]:

1. Криптопреступность частично относится к экономической преступности, так как посягает именно на общественные отношения, имеющие тесную связь с экономической средой. Она влияет на финансовую деятельность граждан, организаций и государства. Рассматривая мировую судебную практику, можно сделать вывод о том, что криптопреступности свойственны те объекты посягательств, которые выходят за привычные рамки главы 22 УК РФ. Криптовалюта не относят к видам собственности, однако возможно ее хищение, масштабы которого обычно большие, что наносит существенный ущерб участникам сделок и торгов с этим видом валюты.

2. Криптопреступность имеет общее с киберпреступностью, так как для совершения этого вида преступлений требуется наличие выхода в интернет и компьютера или иного устройства, способного выполнять определенные задачи. При этом криптовалюта не является компьютерной информацией и имеет совершенно иную природу.

Таким образом, анализ российской и зарубежной практики позволяет сделать вывод о том, что чем выше материально-технический прогресс, тем динамичнее развивается преступность в сфере высоких технологий, которая учится применять свои возможности в интернете. В частности, появляется специальное программное обеспечение, которое способно защитить злоумышленников от фиксации их действий, сделав их полностью анонимными. Это отличные возможности для преступников, так как можно не оставлять следов, ведя нелегальную деятельность, пользуясь криптовалютой и добывая ее. Существует достаточно большой арсенал средств, применимых преступниками, что значительно усложняет противодействие им. В отличие от классических экономических преступлений, а также киберпреступлений, криптопреступники действуют немного в другой сфере, преступление не наносит физический вред. Ущерб от него цифровой, что значительно усложняет не только фиксацию самого факта совершения преступления, но и сбор доказательственной базы. Для того чтобы собрать доказательства, потребуется специальное программное обеспечение, использование

современных технологий, например, подключение распределенного реестра, где работает криптовалюта.

Пристатейный библиографический список

1. Батуев Т. Б. Криптовалюта как цель и средство совершения преступления // Студенческий. - 2019. - № 20-5 (64). - С. 17-20.
2. Бушкевич Н. С., Якимов А. А. Характеристика основных проблем расследования криптопреступлений // Законность и правопорядок. - 2020. - № 4 (56). - С. 39-43.
3. Ганичева Е. А. Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. - 2022. - № 3. - С. 124-128.
4. Долгиева М. М. Криптопреступность как новый вид преступности: понятие, специфика // Современное право. - 2018. - № 10. - С. 109-115.
5. Долгиева М. М. Особенности объективной стороны преступлений, связанных с оборотом криптовалюты // Законность. - 2022. - № 12 (1058). - С. 24-28.
6. Солдатова Ю. А. Использование криптовалюты в преступной деятельности // В сборнике: Перспективы развития институтов права и государства. Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. - Курск, 2021. - С. 47-49.

ЛАТЫПОВА Динара Мансуровна

кандидат юридических наук, доцент ВАК, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИИ России

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СОТРУДНИКОМ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ОСУЖДЕННОГО, СОВЕРШИВШЕГО ПОБЕГ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Статья посвящена анализу условий правомочности причинения вреда при задержании осужденного, совершающего побег из исправительного учреждения. В статье проанализированы вопросы квалификации превышения мер, необходимых для задержания осужденного, совершающего противоправное деяние. Обоснована квалификация по совокупности уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 105 и ст. 286 УК РФ.

Ключевые слова: причинение вреда, условия правомочности, побег, осужденный, превышение мер.

LATYPOVA Dinara Mansurovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher Attestation Commission, associate professor of Criminal and penal law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CONDITIONS FOR THE LEGITIMACY OF CAUSING HARM BY AN EMPLOYEE DURING THE DETENTION OF A CONVICT WHO ESCAPED FROM A CORRECTIONAL INSTITUTION

The article is devoted to the analysis of the conditions for the legitimacy of causing harm during the arrest of a convicted person escaping from a correctional institution. The article analyzes the issues of qualification of exceeding the measures necessary for the detention of a convicted person committing an unlawful act. The qualification is substantiated by the totality of the criminal law norms provided for by Art. 105 and Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: infliction of harm, conditions of legality, escape, convict, excess of measures.

Эффективным средством обеспечения такого принципа уголовного права как неотвратимость уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление является законодательная регламентация такого обстоятельства исключаящего преступность деяния как причинение вреда при задержании преступника. Норма ст. 38 УК РФ предусматривает исключение уголовной ответственности в случае причинения вреда преступнику при его задержании, если иными средствами произвести задержание не представлялось возможным и вред является вынужденной мерой обусловленной внешними объективными признаками.

Немаловажным фактором являются условия правомочности обстоятельства, которые вытекают из толкования нормы ст. 38 и на основе анализа положений постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 посвященного вопросам применения положений уголовного законодательства регламентирующего необходимую оборону и причинение вреда при задержании преступника.

Содержание ч. 1 ст. 38 УК РФ позволяет выделить условия правомочности причинения вреда преступнику при его задержании, в том числе и при задержании лица, совершившего побег из исправительного учреждения сотрудником исправительного учреждения.

Первым условием выступает факт совершения задерживаемым именно преступления, то есть деяния, предусмотренного нормой уголовного законодательства. Право на задержание возникает у лица, при его осознании, что задерживает он именно преступника. Таким образом, в случае совершения побега осужденным из исправительного учреждения обосновано задержание лица, уже находящегося в местах лишения свободы и отбывающего уголовное наказание за совершенное преступление. Статус «осужденный» предполагает необходимость соблюдения правил внутреннего распорядка учреждения, в том числе находиться под надзором администрации исправительного учреждения. Предпринимая попытку совершения побега из исправительного учреждения, осужденный посягает на объект преступного посягательства – общественные отношения обеспечивающие

исполнение приговора суда о содержании лица в местах изоляции

Незаконное оставление осужденным исправительного учреждения представляет собой одно из условий, которое необходимо для законного и обоснованного задержания его сотрудником места лишения свободы.

Необходимым условием задержания является стремление преступника скрыться или избежать ответственности, что является также основанием для осуществления принудительных действий, необходимых для задержания лица в целях пресечения его противоправной деятельности.

Условием, характеризующим действия лица, осуществляющего задержание относится возможность причинения вреда только самому преступнику, исключая факты причинения вреда третьим лицам. Применительно к теме статьи отметим, что причинение вреда сотрудником подразделения охраны будет считаться правомочным в случаях, если оно совершено в отношении граждан, непосредственно совершающих общественно-опасное деяние. Так, например, при совершении осужденным побега из ИУ, сотрудник отдела охраны исправительного учреждения должен быть уверен, что именно этот осужденный пытался совершить побег, и именно к нему следует применить силу для его задержания. Обстоятельствами, указывающими на данное лицо при совершении побега, могут быть рваная и грязная одежда, например, в процессе преодоления осужденным заграждения запретной зоны. Кроме того, сам осужденный, как правило, одет в форму установленного образца. Таким образом, необходимо именно установить причастность задерживаемого лица к совершенному преступлению, к самовольному оставлению исправительного учреждения.

Цель задержания также является необходимым условием для реализации исследуемого обстоятельства исключаящего преступность деяния. Сотрудник подразделения охраны исправительного учреждения, пресекая побег, должен выполнить определенный алгоритм действий, который будет указывать на намерение сотрудника учреждения пресечь противоправные действия осужденного. Если впоследствии будет установлено, что субъект задержания преследовал та-

кие цели как месть, желание расправиться с осужденным за ранее высказанные оскорбительные действия или выражения, то правомерность задержания отсутствует и лицо несет ответственность за совершение умышленного преступления на общих основаниях.

В специальной литературе высказаны различные точки зрения по поводу тяжести вреда, причиняемого задерживаемому. Высказываются позиции, что вред должен быть минимальным, при этом смерть задерживаемого лица должна быть исключена в целях его дальнейшей передачи правосудию [1, с. 29].

Позиция представляется спорной, поскольку причинение задерживаемому тяжкого вреда здоровью, а в исключительных случаях и смерти правомерно в случаях, если иными способами пресечь общественно опасные, противоправные действия лица не представляется возможным. Важно при этом не нарушить границы мер, необходимых для задержания. Эти границы не определены в законе точно и исчерпывающе, и носят оценочный характер, что, в свою очередь, необходимо уточнить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Причинение вреда осужденному при его задержании будет правомерным, если иными способами, помимо как причинение вреда, пресечь противоправные действия виновного невозможно. В данном случае обстановку совершения преступления следует рассматривать комплексно исходя, например, из погодных условий совершения побега (когда часовой в условиях плохой видимости применяет специальные средства в отношении осужденного), или, например, поведение осужденного, которое дает основание полагать, что последний не собирается отказываться от своих противоправных действий после предупреждения часовым о намерении применить к осужденному специальные средства.

Порядок применения огнестрельного оружия сотрудниками УИС, в том числе сотрудниками подразделений охраны исправительных учреждений, регламентирован приказом Минюста РФ от 30 октября 2017 г. № 215 [2]. Пункт 8 указанного нормативно-правового акта отмечает, что в зависимости от обстановки, если другими мерами пресечь противоправные действия невозможно, сотрудник имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие после предупреждения о намерении применить оружие и предоставления достаточного времени для выполнения требований.

Основанием правомерности причинения вреда лицу при его задержании выделим недопущение превышения необходимых для задержания мер, или соразмерность причиненного вреда. Так, например, у сотрудника подразделения охраны исправительного учреждения при задержании осужденного, совершающего побег на месте преступления, нет никаких оснований наносить осужденному множественные удары по всему телу для дальнейшей его доставки в правоохранительные органы, а достаточно применения специальных средств с целью лишь предотвратить преступное посягательство. Также в случае, если осужденный, двигаясь по запретной зоне, услышал предупреждение часового о намерении выстрелить, если осужденный не прекратит свои противоправные действия, последний, в свою очередь, осознав свою вину и остановился, а сотрудник учреждения все равно совершил выстрел – то в данном случае имеет место несообразность причиненного вреда при задержании лица.

Отдельное внимание считаем необходимым обратить на то, что суд, при вынесении решения о правомерности действий сотрудника подразделения охраны исправительного учреждения, задержавшего осужденного при совершении побега и причинившего вред последнему, обращает внимание на действия осужденного при его задержании сотрудником УИС. Таким образом, если осужденный оказывает активное сопротивление сотруднику подразделения охраны, то соответственно, суд придет к выводу о соразмерности причиненного вреда сотрудником подразделения охраны ИУ. Кроме того, суд берет во внимание такие обстоятельства, как физические возможности осужденного, пол, возраст.

При несоблюдении сотрудником учреждения должностных инструкций, а также нормативно-правовых актов относительно применения огнестрельного оружия в служебной деятельности, действия сотрудника следует квалифицировать как должностное преступление, в частности – «Превышение должностных полномочий» (п. б ч. 3 ст. 286 УК РФ). Особенности квалификации имеют случаи причинения смерти осужденному при его задержании в случае совершения им побега при превышении необходимых для этого мер. В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» действия должностного лица, совершившего убийство при превышении должностных полномочий, рекомендуется квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 105 и соответствующими пунктами ч. 3 ст. 286 УК РФ. Данная квалификация представляется закономерной и оправданной поскольку умышленное причинение смерти отсутствует в числе квалифицирующих признаков в ст. 286 УК РФ.

Одним из вариантов квалификации действий лица, превышающего меры при задержании преступника является квалификация по ст. 108, 114 УК РФ. Однако в случае действий сотрудника исправительного учреждения, превышающего условия правомерности исследуемого обстоятельства указанные нормы не применимы, поскольку последовательность выполняемых сотрудником действий строго регламентировано нормами законодательства. Умышленно нарушая указанные предписания, сотрудник превышает предоставленные ему должностные полномочия, поэтому квалификация должна осуществляться по специальной норме УК РФ, а именно ст. 286 УК РФ.

Таким образом, при причинении тяжких повреждений, повлекших за собой смерть, если будет доказан умысел на убийство, то требуется квалификация как по ст. 286, так и по соответствующей части ст. 105 УК РФ. Менее тяжкие последствия в виде вреда здоровью, исходя из соотношения санкций, охватываются п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют.

При рассмотрении соотношения данных норм следует учитывать, что ст. 38 УК РФ разрешает причинение вреда лицу, совершившему преступление, в нашем случае – совершившему побег, т. е. пересекшему линию основного заграждения, при условии, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. Если часовой нарушает установленный ведомственными актами порядок действий по применению огнестрельного оружия, но это не влияет на общественную опасность действий лица, совершающего побег, и иными средствами задержать такое лицо не представляется возможным, и при этом не допускается превышения необходимых для этого мер, то причинение вреда такому лицу является оправданным.

Пристатейный библиографический список

1. Попов А. Н. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – С. 29.
2. Об утверждении Порядка ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста РФ № 215: [принят 30 октября 2017 г.] Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru, 17 ноября 2017 г.

МАЛЬЦЕВА Светлана Николаевна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета имени С. Ю. Витте

СУЛЕЙМАНОВ Талат Алиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, доцент кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета имени С. Ю. Витте

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОНВЕНЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

География торговли людьми, помимо России, охватывает среднеазиатские государства, Ближний Восток, Западную Европу. Объединяющей правовой основой противодействия конвенционным преступлениям выступает международное право, а деятельность национальных правоохранительных органов по борьбе с этим злом должна координироваться в рамках межгосударственного сотрудничества в этой сфере и взаимодействия полиции с Интерполом. В 2000 году Российская Федерация подписала Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, которые были ратифицированы Российской Федерацией в марте 2004 года. Вместе с тем уголовно-правовые вопросы (квалификации) борьбы с конвенционными преступлениями требуют дальнейшего развития для искоренения подобных явлений.

Ключевые слова: Европейский союз, международное право, конвенционные преступления, торговля людьми, использование рабского труда, ратификация международных соглашений.

MALTSEVA Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, Head of Criminal law and humanitarian disciplines sub-faculty of the Ryazan branch of the S. Yu. Witte Moscow University

SULEYMANOV Talat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia, associate professor of Criminal law and humanitarian disciplines sub-faculty of the Ryazan branch of the S. Yu. Witte Moscow University

CRIMINAL LIABILITY FOR THE COMMISSION OF CONVENTIONAL CRIMES UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

The geography of human trafficking, in addition to Russia, covers Central Asian states, the Middle East, and Western Europe. The unifying legal basis for countering conventional crimes is international law, and the activities of national law enforcement agencies to combat this evil should be coordinated within the framework of interstate cooperation in this area and police interaction with Interpol. In 2000, the Russian Federation signed the UN Convention against Transnational Organized Crime and its supplementary Protocol on the Prevention and Suppression of Trafficking in Persons, which were ratified by the Russian Federation in March 2004. At the same time, criminal law issues (qualifications) of combating conventional crimes require further development to eradicate such phenomena.

Keywords: European Union, international law, convention crimes, human trafficking, use of slave labor, ratification of international agreements.

Совершение конвенционных преступлений зачастую связано с международной организованной преступностью, в связи с чем противодействие отмеченным деяниям осуществляется и в государствах Европейского союза, и на международном уровне. Сказанное означает, что общественная опасность данных деяний имеет международное значение. Для совершения конвенционных преступлений государственные границы не являются преградой. Противодействие отмеченным деяниям требует межгосударственного сотрудничества наряду с деятельностью государственных правоохранительных органов.

Отправной точкой международного сотрудничества в сфере борьбы с рабством признается Венская декларация о прекращении торговли неграми (1814 г.). Помимо запрета рабства, в рамках международного права принимается ряд документов, направленных на защиту женщин и детей от

вовлечения их в занятие проституцией. Например, запрет на торговлю белыми рабынями (1904 г.), запрет на торговлю женщинами (1910 г.), Женевское соглашение о запрете торговли женщинами и детьми (1923 г.), Конвенция о запрете торговли людьми (1949 г.). Особо необходимо отметить Женевскую Конвенцию 1926 г. по борьбе против рабства и работорговли [1, с. 22].

Согласно перечисленным соглашениям, лицо, совершившее торговлю людьми, подлежало выдаче тому государству, которое возбудило уголовное преследование в отношении конкретного лица. Именно Конвенция о запрете торговли людьми (1949 г.) впервые использовало понятие «торговля людьми». Государства, которые присоединятся к данной Конвенции, брали на себя обязательство обеспечить неотвратимость уголовной ответственности в отношении лиц, которые занимались торговлей людьми или

организуют занятие проституцией [2, с. 215]. Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод человека (1950 г.) содержала тезис о том, что каждый человек свободен и неприкосновенен. В 1956 году ООН приняла Конвенцию об отмене рабства, работорговли и принудительного труда. Обращение человека в рабство объявлялось преступлением, за совершение которого предусматривалось наказание. Декларация о защите прав ребенка, принятая ООН в 1959 г., закрепило положение о недопустимости торговли несовершеннолетними и малолетними. Международный договор (пакт) о гражданских и политических правах человека, принятый в 1966 году, запретил нахождение человека в состоянии рабства или сходным с рабством состоянием, привлечении человека к принудительному труду.

Конференция по правам человека (1993 г.) приняла Венскую декларацию, где констатировалось недопустимость торговли лицами женского пола. Всемирная конференция по защите прав женщин (1995 г.) приняла резолюцию, где отмечалось, что торговля женщинами имеет тенденцию к росту, проблема рабского труда женщин, принуждение женщин к занятию проституцией стала мировой проблемой, которая требует безотлагательного разрешения. В 1999 году были приняты «Стандарты по правам человека, ставших жертвами торговли людьми», где публикуются деяния, образующие понятие «торговля людьми» [3, с. 11].

В 2000 году ООН принял дополнительный Протокол «О пресечении торговли людьми, в том числе женщин и детей, и неотвратимости наказания за данные деяния» в целях противодействия транснациональной преступности в сфере конвенционных преступлений. Но пока отмечается рост числа совершения торговли людьми и межгосударственное противодействие этому преступлению носит не результативный характер [4]. Преамбула Протокола отмечает, что для борьбы с торговлей людьми необходимо межгосударственное сотрудничество в странах, где происходит подготовка, приготовление и совершение конвенционных преступлений. Государства, которые ратифицировали Протокол, обязуются обеспечить защиту жизни и здоровья жертв торговли людьми, принять меры к судебной защите прав потерпевших от торговли людьми. Также в документе предусмотрены мероприятия, направленные на профилактику подобных преступлений, с участием правоохранительных органов стран участников этого соглашения. Странам-участницам предлагается разработать институт реабилитации потерпевших от данных видов преступлений, включая медицинскую, социальную, правовую поддержку.

Вместе с тем, принятый Протокол не предусматривает криминализации деяний по неоконченным преступлениям. Также у многих исследователей вызывает полемику содержание понятия «эксплуатация человека», который выступает целью объективной стороны состава преступления, по мнению ученых, содержание этого понятия весьма неопределенное, что приводит к различным версиям толкования международного документа. Государства, которые подписали протокол, делятся на три основные группы [5, с. 114]:

1. Государства, которые полностью применяют и исполняют законодательство в сфере борьбы с конвенционными преступлениями.

2. Государства, которые стараются, в основном, соблюдать международное законодательство в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, но осознанием инициативы для этого не прилагают.

3. Государства, которые подписали международные соглашения в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, но никаких шагов для реализации принятых обязательств не осуществляют. По мнению Муханова Б. Н., Российская Федерация относится ко второй группе стран-участниц международного соглашения по борьбе против конвенционных преступлений.

Следует отметить, что Российская Федерация присоединилась к международным конвенциям (2005 г.), которые запрещают торговлю людьми и использование рабского труда, и, соответственно, имплементировало международные нормы в национальное уголовное законодательство. Надо понимать, что несмотря на наличие международных документов против торговли людьми и использованию рабского труда, бороться с данными деяниями придется конкретному государству, от результата его работы будет зависеть возможность ликвидации современного рабства и использования рабского труда. Активную роль в борьбе с современным рабством и использованием рабского труда играет Интерпол, взаимодействие с иностранными правоохранительными подразделениями.

Государства, участники СНГ также внесли свой вклад по противодействию торговле людьми и использованию рабского труда, 25 ноября 2005 года было подписано соглашение о сотрудничестве против торговли людьми и использованию рабского труда [6, с. 85]. Принятие соглашения странами СНГ повлекло решения ряда организационных, правовых вопросов в сфере борьбы с торговлей людьми. Применительно к нашему вопросу, государства попытались обобщить уголовное законодательство в части торговли людьми, сделать его единым для всего пространства СНГ, что облегчило бы его применение на постсоветском пространстве, а также в правовом порядке закрепить нормы о защите прав потерпевших от торговли людьми. Но унифицировать правовую норму, предусматривающую ответственность за торговлю людьми и использованию рабского труда не удалось, в результате чего это обстоятельство осложнило межгосударственное сотрудничество в сфере борьбы с конвенционными преступлениями.

Большинство республик бывшего СССР содержат в уголовном законодательстве норму, предусматривающую ответственность за торговлю людьми, некоторые страны дополнительно предусматривают отдельную норму, предусматривающую ответственность за использование рабского труда. Перечисленные страны ратифицировали международные соглашения по борьбе с торговлей людьми, и в уголовное законодательство своих стран включили соответствующие нормы. По своей конструкции уголовно-правовые нормы стран бывшего СССР сходны с конструкцией уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за конвенционные преступления по УК РФ. Во всех перечисленных нормах за торговлю людьми предусматривается лишение свободы. Небольшое отличие имеется в

санкциях статей по нижнему и верхнему пределу размера наказания. Вместе с тем, уголовную ответственность за совершение конвенционных преступлений предусматривают не только УК бывших республик СССР, но и государства Западной Европы.

Вывод: обзор уголовного законодательства Европейского союза и бывших республик СССР, предусматривающего ответственность за торговлю людьми и использования рабского труда, позволяет сформулировать следующий тезис: единой редакции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за торговлю людьми и использования рабского труда не существует. Данные деяния запрещены в большинстве стран Европы, в государствах, бывших республик СССР, в Китайской народной республике. Редакция норм уголовного закона различается (в одних государствах признаки торговли людьми и использованию рабского труда описаны в диспозиции нормы детально, в других странах приведено лишь общее описание запрещенных деяний), отличие есть и в размере наказания (от шести месяцев в Швеции до пожизненного во Франции и смертная казнь в КНР), в основном за данные деяния предусматривается лишение свободы. Несмотря на существующий уголовно-правовой запрет совершения указанных деяний, правоохранные органы каждого государства по-разному относятся к вопросу борьбы с этим явлением.

Так же есть особенность, в одних странах установлена ответственность только за торговлю людьми, в других – предусмотрена ответственность за использование рабского труда, а в-третьих, предусмотрена ответственность за торговлю людьми и использования рабского труда. Несмотря на существующий уголовно-правовой запрет совершения указанных деяний, правоохранные органы каждого государства по-разному относятся к вопросу борьбы с этим явлением. Наличие трафиков и транзитных схем, из какой страны в какую поставляется «живой товар», данные факты свидетельствуют о степени результативности противодействия данным видам преступления. Открытым остается вопрос о судьбе жертв торговли людьми: в одних странах их депортируют на родину, устанавливая запрет на повторный въезд, в других – позволяют оставаться в стране для участия в судебном разбирательстве. Если будет доказана невиновность жертвы торговли, то ему могут предоставить документы для продолжения легальной трудовой деятельности.

Объединяющей правовой основой против торговли людьми и использования рабского труда выступает международное право, а деятельность национальных правоохранительных органов по борьбе с этим злом должно координироваться в рамках межгосударственного сотрудничества в этой сфере и взаимодействия полиции с Интерполом.

Торговля людьми и использование рабского труда относится к группе конвенционных преступлений, посягающих на личную свободу человека. Торговля людьми (рабство) и использование рабского труда связано с международными преступлениями, в связи с чем рабство и рабский труд запрещены во всем мире международной конвенцией.

Пристатейный библиографический список

1. Загорский Г. И., Кауфман М. А., Моисеева Т. Ф., Радутная Н. В. Судебное разбирательство о торговле людьми. - М., 2009. - С. 22.
2. Гордеева А. О., Чернова О. А. Международно-правовые основы борьбы с торговлей людьми // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». - 2014. - Том 5. - № 4. - С. 215.
3. Синицын Ф. Л. Международное законодательство по проблеме торговле людьми. – Пермь, 2000. - С. 11.
4. Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности»: принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи 15 ноября 2000 года.
5. Муханов Б. Н. Опыт борьбы с посягательствами на физическую свободу человека, связанными с его эксплуатацией в зарубежных странах // Вестник Челябинского государственного университета. - 2005. - № 9 (1). - С. 114.
6. Магомедов А. А. Проблемы межгосударственного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми на постсоветском пространстве // Состояние и пути совершенствования противодействия торговле людьми в России: сб. материалов науч.-практ. семинара 17 октября 2014 г., г. Москва / Под ред. Т. Л. Козлова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. - М., 2015. - С. 85.

МОЛЧАНОВА Елена Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики филиала Кубанского государственного университета в г. Тихорецке

УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается исторический аспект развития системы наказаний, применяемых в России за совершение уголовных проступков. Показано, что исторически это был долгий и сложный эволюционный путь, этапы которого обуславливались происходящими в тот период времени социально-экономическими и политико-правовыми процессами. Предложено дополнение УК РФ статьей 123.1.

Ключевые слова: уголовное наказание, проступок, диспозиция, преступление, ответственность, уголовное право.

MOLCHANOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal law, process and criminalistics sub-faculty of the branch of the Kuban State University in Tikhoretsk

CRIMINAL PENALTIES: HISTORY AND MODERNITY

The article examines the historical aspect of the development of the system of punishments used in Russia for committing criminal offenses. It is shown that historically it was a long and complex evolutionary path, the stages of which were determined by the socio-economic and political-legal processes taking place at that time. The addition of the Criminal Code of the Russian Federation Article 123.1 is proposed.

Keywords: criminal punishment, misconduct, disposition, crime, responsibility, criminal law.

Во все времена уголовное право выполняло охранительную функцию, запрещая под угрозой уголовного наказания те или иные актуальные формы общественно опасного поведения. Уровень общественной опасности преступления, слагаемый из таких компонентов, как характер и степень, определяет содержание уголовно-правового запрета и меру ответственности за его нарушение. Полагаем, что уголовная политика может быть эффективной и упорядоченной лишь в том случае, если ее акторы, преследуя общественно полезные цели, мыслят аксиологическими категориями.

Безусловным ориентиром при выборе последних выступают Конституция РФ¹ и актуальные угрозы интересам личности, общества и государства. Этот тезис как нельзя лучше иллюстрируют конституционные поправки 2020 г.² Их анализ показывает, что в современной государственной политике поставлены акценты: на суверенитет и территориальную целостность (ч. 2.1 ст. 67); исторически сложившееся, основанное на исторической памяти, традиционных идеалах и вере государственное единство (ч. 1-3 ст. 67.1) и т.д.

Отметим, что трансформация Конституции РФ отразилась на деликтной политике государства. Появились уголовно-правовые запреты, ужесточилась уголовная ответственность за ряд преступлений: насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131

и ч. 5 ст. 132 УК РФ³), незаконный оборот оружия и боеприпасов (ст. 222 УК РФ).

Если обратиться к историческому аспекту, то можно с уверенностью говорить о том, что развития самого понятия «уголовный проступок» также имеет довольно долгую и сложную историческую обусловленность, базирующуюся на выработке совокупности мнений и оценок обществом различных категорий преступных деяний от возникновения и установления общественных приоритетов, областей отношений, посягательства на которые предусматривало применение того или иного вида наказания до законодательного закрепления разных видов преступных деяний в Уставе благочиния, или Полицейском, 1782 г., положениями которого регламентировалось принятие решения по малозначительным деяниям вне судебного рассмотрения, полицейскими органами. Именно в данный период можно проследить классификацию преступных деяний на преступления и проступки [7].

В проекте Положения о Санкт-Петербургской полиции содержалась Особая часть, положениями которой устанавливался порядок привлечения к ответственности в случае совершения маловажных преступных деяний [9, с. 36].

Далее наступает этап законодательного оформления уголовного проступка в положениях Свода законов Российской империи, которые регламентировали понятие незначительных преступлений и проступков в качестве деяний, за которые предусматривалось наказание в виде легкого телесного наказания и т.д. [3, с. 49].

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2 Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [4, с. 18-32] за совершение проступков могло быть назначено то или иное исправительное наказание: замечание, внушение, выговор, розги, арест, заключение в крепость, тюрьму, ссылка в Сибирь [8, с. 11].

1864 год ознаменовался завершением судебной реформы. В положениях Устава о наказаниях закреплялась система наказаний, применяемых, например, за совершение неосторожных проступков. Установлениями Уголовного уложения 1903 г. также определялась категория уголовных проступков как преступных деяний, совершение которых влечет для виновного лица наказание: привлечение к аресту или взыскание с него денежной пени. Размер денежной пени находился в пределах не менее десяти и не более ста рублей [1, с. 216].

Всемирно известные народные волнения, обусловленные революцией 1917 г., вызвали кардинальные изменения в социально-правовой области, придав особое значение новому явлению – социалистической законности.

Установленные в качестве видов наказаний за совершение преступлений и проступков против советского народа штраф и конфискация имущества регламентировались положениями Постановления Народного комиссариата юстиции РСФСР «О революционном трибунале печати», не закрепляющими при этом конкретных размеров денежных штрафов и не исключающими возможность установления в отношении виновных лиц общеуголовной ответственности. При установлении вины суд рассматривал вопрос о применении вида наказаний за совершенное преступление. Положения Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. законодательно устанавливали обширную систему назначаемых за совершение проступков наказаний.

Анализ положений Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. показал, что все преступные деяния подразделялись на два вида – преступные посягательства против основ советского строя и все остальные преступления.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что развитие системы наказаний, применяемых за совершение уголовных проступков, имело долгий и сложный эволюционный путь.

Рассматривая более конкретно отдельные виды наказаний, предусмотренных в настоящее время уголовным законодательством РФ, изучим ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности». Исторический опыт свидетельствует о том, что на разных этапах человеческого развития отношение общества и законодателя к искусственному прерыванию беременности было неоднозначным. Изначально этому вопросу не придавалось серьезного значения, поскольку человеческий зародыш рассматривался исключительно как часть матери. Впоследствии по мере развития правоотношений и усложнения законодательств в некоторых странах изгнание плода из чрева матери стало преследоваться по закону. Причем в некоторых европейских странах за совершение искусственного прерывания беременности была предусмотрена смертная казнь (например, в Англии в 1524 году, Германии в 1533 году, Франции в 1562 году) [2, с. 31-35].

Ретроспективный анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что самое суровое наказание (смертная казнь) за искусственное плодизгнание было установлено Соборным уложением 1649 года. Примечательно, что первый уголовный кодекс в истории России, а именно Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, предусматривал меры наказания как для беременной женщины, так и для тех, кто с ведома и по согласию с ней умышленно производил изгнание ее плода, независимо от используемых при этом средств. Если в этом были изобличены врач, акушер, повивальная бабка или аптекарь, то для них устанавливалась более строгая мера наказания. Позднее в Уголовном уложении 1903 года (последнем фундаментальном законодательном акте Российской империи в области уголовного права) ответственность за такого рода преступления стала еще более мягкой.

Что же касается постреволюционного периода в истории России, то здесь следует отметить, что последний был ознаменован либеральным подходом к проблеме умышленного искусственного прерывания беременности. Причиной такого поворота событий стала возобладавшая на тот момент официальная позиция власти, заключающаяся в том, что решение данного вопроса должно лежать в сфере нравственного, а не государственного регулирования. Исходя из этого женщина наделялась правом самостоятельного выбора – быть ей матерью или нет. Таким образом, согласно высказыванию А. А. Попова, в середине 20-х годов в советской системе здравоохранения была создана настоящая «индустрия аборта» [6, с. 5-7].

Напряженная политическая и экономическая ситуации в постреволюционной России, а также отсутствие необходимых противозачаточных средств привели к тому, что в результате роста нежелательных беременностей медицинские учреждения не могли в полной мере справиться с поставленной перед ними задачей. Для ее разрешения уже в 1926 году правительство вынуждено было принять меры, направленные на частичное запрещение абортов. В итоге под запрет попали впервые забеременевшие женщины, так как последствием такой операции для них могло стать бесплодие, а также женщины, у которых с момента первого до последующего оперирования прошло меньше шести месяцев, так как в этом случае повторное операционное вмешательство могло негативно отразиться на здоровье пациентки. Целью принятия этих мер было стремление советской власти, с одной стороны, поднять рождаемость в стране, которая существенно упала в постреволюционные годы, с другой – стимулировать ответственность женщин в плане будущего материнства. Развившаяся через четыре года Вторая мировая война, а также послевоенная разруха гипотетически не могли привести к улучшению сложившейся ситуации.

Российская Федерация относится к числу государств, где законодательство об абортах носит либеральный характер. Правовые нормы, касающиеся этого вопроса, прослеживаются в Конституции РФ, и в УК РФ. При этом ни Конституция РФ, ни УК РФ не наделяют человеческий зародыш статусом субъекта права. Вместе с тем, в п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрена более суровая мера наказания за убийство

«женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности» по сравнению с убийством (умышленным причинением смерти другому человеку) без каких-либо отягчающих обстоятельств. Такая конструкция диспозиции, закрепленной в ч. 2 ст. 105 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что эмбрион рассматривается как часть материнского тела, поэтому причиненный ему вред расценивается как вред, нанесенный беременной женщине.

Анализ ст. 123 УК РФ в целом, а также ее сопоставление со статьей 116 Уголовного кодекса свидетельствуют как о значительной декриминализации преступного искусственного прерывания беременности по уголовному законодательству Российской Федерации, так и о смягчении предусмотренного за такое деяние наказания. На наш взгляд, такая законодательная позиция представляется не вполне обоснованной, а, учитывая современную демографическую ситуацию в России, – нелогичной.

Получается, что в России, с одной стороны, предпринимаются политико-правовые и социально-экономические меры, направленные на стабилизацию демографической обстановки, а с другой – мы видим, что в этих условиях наказание за преступное проведение аборт становится более либеральным. Исходя из этого полагаем, что опасения многих ученых и практикующих юристов относительно сложившегося на данный момент правового поля регулирования проблемы, связанной с незаконным производством искусственного прерывания беременности в нашей стране, вполне обоснованы и понятны. В рамках заявленной проблематики представляется также небезынтересным неоднократно высказываемое в юридической литературе мнение о предпочтительности формулирования бланкетной диспозиции и использования судебной практикой признаков незаконности искусственного прерывания беременности из нормативных актов медицинского характера [5, с. 418]. По мнению авторов этой идеи, такое законодательное нововведение позволило бы правоприменителю быть более гибким и объективным при оценке соответствующего деяния, поскольку по мере научно-технического прогресса и расширения знаний в области науки медицина, безусловно, также будет претерпевать значительные изменения. Это означает, что с течением времени будут меняться и оценочные критерии законности или незаконности проведения тех или иных медицинских манипуляций. Полагаем, что такая позиция заслуживает не только пристального внимания, но и более глубокого изучения в силу того, что современная редакция статьи 123 Уголовного кодекса в силу вышеобозначенных причин вызывает ряд серьезных вопросов. Более того, она является недостаточно эффективной и с точки зрения ее применения (несмотря на весьма высокую латентность криминальных аборт, по статистике число осужденных по указанной статье – единицы).

В завершение сделаем следующие выводы.

1. Целесообразным является дополнение УК РФ статьей 123.1, которая предусматривала бы ответственность за «оборот или использование в косметических, фармацевтических или лечебных целях останков, органов, тканей и клеток человеческого плода, полученных в результате преждевременно-

го, в том числе искусственного, прерывания беременности, и материалов на основе указанных объектов».

2. Развитие системы наказаний, применяемых за совершение уголовных проступков, имело долгий и сложный эволюционный путь, этапы которого обуславливались происходящими в тот период времени социально-экономическими и политико-правовыми процессами, реалиями жизни и соответствующими потребностями общества в уголовно-правовой охране тех или иных сфер общественных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях: в двух разделах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12. – С. 216.
2. Гецманова И. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство аборта: история, проблемы, перспективы // Медицинское право. – 2016. – № 5. – С. 31-35.
3. Горожанкина Д. В. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 г. как акт систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Право. – 2006. – Вып. 8. – Т. 2.
4. Гарбатович Д. А., Классен А. Н. Непреступные деяния в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Вестник ЮУрГУ. – Серия: Право. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 18-23.
5. Казакова В. А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья: Монография. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 436 с.
6. Попов А. А. Краткая история аборта и демографической политики в России // Планирование семьи в Европе. – 1994. – № 1. – С. 5-7.
7. Российское законодательство X – XX веков. Судебная реформа. – Т. 8: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.
8. Скреля К. Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 3 (21). – С. 11.
9. Титов Ю. П. История отечественного государства и права. – Ч. 1. – М., 1996.

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

СУЛЕЙМАНОВ Талат Алиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НЕИСПОЛНЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМ ПЕРСОНАЛОМ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Основная направленность медицинской деятельности — это сохранение здоровья и жизни человека. Медработники за совершение профессиональных преступлений подлежат уголовной ответственности, если в результате их действий наступили указанные в законе неблагоприятные последствия. Привлечение медработника к уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью или причинение смерти с неосторожной формой вины объясняется тем, что к перечисленным последствиям приводят наиболее грубые ошибки в профессиональной деятельности медперсонала. Данные деяния осуществляются медперсоналом в процессе исполнения своих профессиональных компетенций. Совершение профессиональной ошибки заключается в том, что медперсонал нарушает установленные правовые предписания в сфере оказания медицинской помощи. Отмеченные нарушения могут быть совершены с любой формой вины.

Ключевые слова: сохранение здоровья и жизни человека, медперсонал, профессиональная деятельность, профессиональная ошибка, уголовная ответственность, причинение смерти по неосторожности.

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SULEYMANOV Talat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF NON-FULFILLMENT BY MEDICAL PERSONNEL OF THEIR PROFESSIONAL DUTIES

The main focus of medical activity is the preservation of human health and life. Medical workers are criminally liable for committing professional crimes by negligence. Bringing a medical worker to criminal responsibility for causing serious harm to health or causing death by negligence is explained by the fact that the most serious mistakes in the professional activities of medical staff lead to the listed consequences. These acts are carried out by medical staff in the process of performing their professional duties by a person. The commission of a professional error is that the medical staff violates the established legal regulations in the field of medical care. The noted violations can be committed with both intentional and careless forms of guilt.

Keywords: preservation of human health and life, medical staff, professional activity, professional error, criminal liability, causing death.

В самой краткой форме ненадлежащее оказание медицинской помощи означает, что медработник в силу невежества или легкомыслия совершает профессиональную ошибку при проведении диагностики, лечения, выполнении процедур, в результате которого больному причиняется вред его здоровью или жизни. То есть медперсонал нарушает установленные правовые предписания в сфере оказания медпомощи и медуслуг. Судебная практика по преступлениям, совершаемым медперсоналом в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей, показывает, что медперсонал чаще привлекается к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 или ч. 2 ст. 118, нежели по ст. 124 УК РФ. Медицинский персонал подлежит уголовной ответственности и в случае заражения лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Перечисленные составы преступлений различаются между собой только по одному признаку, а именно видом наступивших последствий. Потерпевший заболевает ВИЧ-инфекцией [1, с. 53].

Объектом состава преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ выступает жизнь человека, как наиболее ценное благо, охраняемое уголовным законом. Применительно к нашему исследованию, уголовно-правовая охрана жизни человека запрещает производство эвтаназии. Жизнь человека — это биологическое состояние организма с момента рождения и до момента наступления смерти. Уголовный закон в равной мере охраняет жизнь каждого индивида, независимо от возраста, состояния здоровья и иных обстоятельств [2, с. 117]. Современная медицина и юриспруденция признают два вида наступления смерти: клиническую и биологическую смерть. Нахождение человека в

состоянии клинической смерти уголовный закон оценивает как нахождение человека в состоянии жизни. В этот период человеку могут быть оказаны реанимационные мероприятия, которые позволяют исключить наступление смерти и вернуть его в состояние жизни. Медицинский работник, при наличии реальной возможности, обязан оказать медицинскую помощь лицу, находящемуся в состоянии клинической смерти, в противном случае он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ за отказ оказать медпомощь больному.

Следующим объектом охраны прав и свобод человека является здоровье человека. Здоровье человека выступает непосредственным объектом преступления. Под здоровьем человека понимается состояние физического, социального и душевного благополучия, а также отсутствие болезней и физических дефектов. Здоровье человека с точки зрения уголовно-правовой охраны представляет собой защищенность, неприкосновенность человеческого организма от причинения ему вреда.

Информация о здоровье пациента учитывается при квалификации деяния медицинского работника, выполнявшего или не выполнявшего свои профессиональные обязанности, в результате которого был причинен вред здоровью пациента. Состав неосторожных преступлений против жизни и здоровья, в основном, материальный, поэтому для привлечения медработника к уголовной ответственности необходимо наличие неблагоприятных последствий, предусмотренных законом. Для квалификации действий медработника необходима оценка информации о здоровье больного на момент начала оказания медицинской помощи. Медперсонал не подлежит привлечению к уголовной ответственности за неоказание помощи больному,

если такая помощь не могла повлиять на неблагоприятный исход болезни [3, с. 83]. Объективная сторона преступления предусматривает совершение деяния (деяний), выражающихся в невыполнении обязательных правовых и медицинских предписаний, в результате которого наступает смерть потерпевшего. Причем между действием медработника и наступившими последствиями усматривается причинно-следственная связь. Наступившая смерть потерпевшего результат не течения болезни, а результат ошибочных действий медперсонала. Для квалификации деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 УК РФ, необходимо точно установить какое правовое предписание было нарушено медперсоналом и имеется ли причинно-следственная связь между нарушением установленных требований и наступившими последствиями. Разумеется, если медперсонал предпринял все необходимые действия для оказания медпомощи либо между нарушением установленных правил и наступившими последствиями нет причинной связи, то состав преступления отсутствует. Составы преступлений, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 109, ч. 2 ст. 118 и ч. 4 ст. 122 УК РФ по конструкции является материальными, т.е. для признания совершенного деяния, как оконченное преступление, обязательно наступление неблагоприятных последствий, указанных в законе. В качестве обязательного последствия по ч. 2 ст. 109 УК РФ необходимо наступление смерти пациента, а по ч. 3 ст. 109 УК РФ причинение смерти по неосторожности двум и более лицам. Для оценки по ч. 2 ст. 118 УК РФ требуется причинение пациенту тяжкого вреда здоровью, а по ч. 4 ст. 122 УК РФ необходимо, чтобы лицо заразилось ВИЧ-инфекцией. Для анализа объективной стороны преступления необходимо установить, в чем конкретно выразилось ненадлежащее исполнение медработником своих профессиональных обязанностей [4, с. 11].

Состав преступления будет отсутствовать, если неблагоприятные последствия (причинение смерти, вред здоровью) наступили в результате несчастного случая, т.е. медработник не мог и не должен их предвидеть и предотвратить. Установление действий медработника и их соответствие должностным обязанностям. Для объективной стороны преступления требуется становить, какие требования, правила не выполнил медработник при оказании медицинской помощи, лечения и т.д. Действия медработника не должны нарушать требований ведомственных инструкций, приказов, рекомендаций, стандартов и т.д.

Специфика квалификации ятрогенных преступлений заключается в том, что не всегда удается установить причинную связь между действием медперсонала и наступившим неблагоприятным исходом болезни. Объясняется это тем, что существует вероятность неблагоприятного исхода лечения при правильно поставленном диагнозе и назначенном лечении. Судебная практика идет по тому пути, что, если действия медработника были правомерны, но эти действия не смогли предотвратить наступление неблагоприятного исхода, то отсутствует основание для привлечения медработника к уголовной ответственности. В основном бездействием медработников, повлекшее смерть пациента, подлежит квалификации по ч. 2 ст. 109 либо по ч. 2 ст. 118 УК РФ. Оба этих деяния могут быть совершены, как путем действия, так и путем бездействия. Любое невыполнение медработником своих профессиональных обязанностей, в результате которого имело место причинение смерти или тяжкого вреда здоровью пациента, образует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ. Здесь требуется установить недобросовестность выполнения своих обязанностей, при наличии реальной возможности выполнения обязанностей медработником [5, с. 72].

Особо необходимо оговорить ситуации, связанные с оказанием медицинской помощи после рабочего времени, вне медицинского учреждения. Согласно сложившейся судебной практике, вне рабочего времени, вне медицинского учреждения, на медработника не возлагается правовая обязанность оказывать медицинскую помощь пострадавшим. Это личный выбор медработника вне рабочего времени оказывать медицинскую помощь. По смыслу закона для оказания неотложной медицинской помощи пострадавшему должна быть вызвана скорая медицинская помощь, после чего пострадавший должен быть доставлен в медицинское учреждение.

Уголовно-правовая оценка деяний медработника предполагает сопоставление его профессиональных обязанностей с его поведением в объективном мире на момент выполнения им своих профессиональных компетенций. Причинная связь между деянием медработника и наступившими последствиями будет установлена, если имелась вероятность того, что в случае оказания медицинской помощи удастся предотвратить наступление

неблагоприятных последствий для жизни или здоровья пациента. Степень вероятности подобного исхода определяется согласно заключению судебно-медицинской экспертизы.

В Особой части УК РФ медицинский персонал законодательно не закреплен в качестве специального субъекта преступления. Вместе с тем, квалификация составов преступлений, предусмотренных статьями ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 и ч. 4 ст. 122 УК РФ, предусматривает совершение перечисленных преступлений лицом, ненадлежащим образом исполняющим свои обязанности, к таким лицам судебная практика относит медицинский персонал.

Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины. Смерть потерпевшему причиняется в форме неосторожной вины в виде легкомыслия или небрежности. При неосторожной форме вины в виде легкомыслия медперсонал умышленно не выполняет установленные требования, рассчитывая, что сможет предотвратить наступление тяжких последствий, а при преступной небрежности медработник не осознавал, не предвидел наступление общественно-опасных последствий, хотя при должной внимательности и осмысленности мог и должен был предвидеть наступление общественно-опасных последствий [6, с. 34]. Для ятрогенных преступлений, совершаемых медицинским персоналом, требуется установление вины в форме неосторожности и наступление неблагоприятных последствий в результате их действий (бездействия). Если есть ненадлежащее выполнение медработником своих обязанностей с неосторожной формой вины, но отсутствует наступление указанных в законе последствий, то состав преступления исключается.

Вывод: рассматривая объективные признаки преступлений, совершаемых медработниками при выполнении своих профессиональных обязанностей, мы неоднократно оговоривались, что подобные преступления совершаются с неосторожной формой вины. При установлении объективных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ, в результате которых наступили неблагоприятные последствия, необходимо не только выявить нарушения стандарта лечения, но и зафиксировать своевременность постановки диагноза. Деяния медработников, которые причинили смерть или вред здоровью потерпевшего, подразделяют на три вида: медицинская ошибка, несчастный случай и преступления, совершаемые медработниками при выполнении ими своих профессиональных обязанностей.

В целом изучение вопроса о субъективной стороне преступления говорит о том, что для деяний, совершаемых медработниками в результате ненадлежащего выполнения своих обязанностей, характерно совершение преступлений с неосторожной формой вины. Умышленные преступления, совершаемые медработниками, относятся к общеуголовным преступлениям.

Пристатейный библиографический список

1. Расторопов С. В., Адылин Д. М. К вопросу о субъективной стороне заражения ВИЧ-инфекцией // Вестник Самарского юридического института. - 2018. - № 3 (29). - С. 53.
2. Раков А. А. Объективные признаки преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Челябинского государственного университета. - 2005. - № 9 (1). - С. 117-120.
3. Нагорная И. И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг: сравнительно-правовой анализ. - М., 2014. - С. 83.
4. Петрова Т. Н. Особенности расследования преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи при родовспоможении // Consilium Medicum. - 2017. - № 19 (6). - С. 9-31. DOI: 10.26442/2075-1753_19.6.9-31.
5. Винокурова М. А. Ответственность за преступно ненадлежащее оказание медицинской помощи (часть 2 статьи 109, часть 2 статьи 118 уголовного кодекса Российской Федерации) // Правопорядок: история, теория, практика. - 2016. - № 1 (8). - С. 72-75.
6. Кожухарик Д. Н., Савин П. Т. Юридический анализ состава преступления «Причинение смерти по неосторожности» // Право и практика. - 2017. - № 3. - С. 34.

НИКОЛАЕНКО Наталья Сергеевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ

Сегодня вопрос о необходимости введения уголовной ответственности для юридических лиц обусловлен рядом правовых, социально-экономических и политических факторов, которые связаны с ростом общего количества преступлений, совершаемых с помощью и в интересах юридических лиц. Данный факт повышает общую криминогенную обстановку в России, а также негативно влияет на ее инвестиционную привлекательность на международной арене, дестабилизирует фундаментальные основы экономики, и благоприятствует росту коррупции в стране.

Ключевые слова: юридические лица, уголовная ответственность, административная ответственность, опыт, континентальное право.

NIKOLAENKO Natalya Sergeevna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

DERENDYAEVA Sofya Dmitrievna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

MODERN FORMATIONS OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIA

Today, the question of the need to introduce criminal liability for legal entities is due to a number of legal, socio-economic and political factors that are associated with an increase in the total number of crimes committed with the help and in the interests of legal entities. This fact increases the general criminal situation in Russia, and also negatively affects its investment attractiveness in the international arena, destabilizes the fundamental foundations of the economy, and favors the growth of corruption in the country.

Keywords: legal entities, criminal liability, administrative liability, experience, continental law.

В англо-саксонской системе права, также и в правовой системе стран романо-германской правовой семьи, установлен институт уголовной ответственности юридических лиц. Фактически 80 % стран используют данный институт на практике, а вопрос о признании данного института в Российской Федерации до сих пор не нашел ответа и остается дискуссионным в отечественной юриспруденции.

Ученые-правоведы задаются вопросом, можно ли при этом использовать модели общего или континентального права для установления корпоративной ответственности в России.

Например, Н. Ф. Кузнецова говорит о том, что уже в тех группах стран, где такой вид ответственности работает в полную меру существует проблема у органов в виде материальных и процессуальных трудностей в реализации уже существующих постулатов закона по отношению к юридическим лицам [5].

В уголовном праве России уже достаточно долго обсуждается проблема уголовной ответственности юридических лиц. Она имеет тесную связь с понятием субъекта преступления как лица, совершившего преступление и способного нести уголовную ответственность [3].

Однако в уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в статье 19 устанавливается, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного возраста [1]», но ни слова об

ответственности юридических лиц. Поэтому одним из актуальных в науке уголовное право на сегодняшний день является вопрос об установлении в Российской Федерации данного института ответственности.

Введение института уголовной ответственности юридических лиц было необходимостью, которая определена рядом социально-экономических, правовых и политических факторов. Во-первых, следует отметить, что с переходом России к рыночной экономике появились не только обширные возможности для экономической деятельности, но и определённые негативные социальные явления, к одному из них можно отнести преступность юридических лиц. В принципе, это явление существует во всех развитых рыночных экономиках и играет всё большую роль в политической общественной жизни общества.

Следует отметить, что этот институт также существует во многих странах, например, в странах общего права, то есть англосаксонских странах и в странах с континентальным правом, за исключением Германии.

Что касается Германии, то даже если и институт уголовной ответственности юридических лиц там отсутствует, это не значит, что нет другого института, который бы привлекал юридических лиц к ответственности.

В Германии активно функционирует институт административной ответственности юридических лиц.

Так, в соответствии с законом Германии «Об административных правонарушениях» [2], на юридическое лицо

может быть наложен штраф в ходе уголовного преследования физического лица в размере до 1 миллиона евро, но не меньше размера финансовой выгоды, которую она могла бы получить в результате совершенного преступления, а также она получит запрет на участие в системе государственных закупок.

Германия рассмотрела возможность введения режима уголовной ответственности юридических лиц как на федеральном, так и на региональном уровне. На федеральном уровне существовало Коалиционное соглашение, в котором предлагалось рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц для транснациональных компаний, однако это предложение так и не получило официального характера. На региональном уровне бывшее правительство Северного Рейна-Вестфалии представило законопроект, который позже был отозван.

В качестве основной причины, из-за которой следует установить корпоративную уголовную ответственность, сторонники уголовной ответственности юридических лиц называют размер ущерба, причиняемого деятельностью юридических лиц, который не идет ни в какое сравнение с вредом, который может быть причинен отдельным физическим лицом [4].

Подводя итог, хотим отметить, что на сегодняшний день трудно ответить на такие вопросы как: будет ли действовать институт уголовной ответственности юридических лиц, какова его перспектива и т.д. Многие теоретики уверены, что введение данного института неплохо скажется на инвестиционном климате в России, благодаря чему будет позволено применять более серьезные санкции к недобросовестным участникам рынка. Но при этом, если данный институт хорошо функционирует в западных странах, это не значит, что западный опыт будет применим в России.

В полном объеме обеспечивать защиту прав данных субъектов, а также формирование механизма оказания защиты физическим лицам. Таким образом, уголовное воздействие на юридическое лицо должно обуславливать не его участие в совершении преступления, но наличие в действиях организации всяких признаков преступления в составе преступления (так же, как основанием административной ответственности юридических лиц является административное правонарушение).

Концепция юридической ответственности должна быть сформирована с учетом системы отраслевых взаимоотношений и основана на принципе, что юридическое лицо - самостоятельный полноценный субъект преступления, а не является юридическим лицом.

Только этот подход позволит полностью реализовать фундаментальные правовые принципы, без них существовать современная система права РФ не сможет.

На наш взгляд, применение юридической ответственности за ограниченные преступления может привести к большой правовой стабильности. Отметим, что такие изменения требуют того, чтобы законодатели, практикующие юристы и исследователи работали по одной и той же стороне.

На сегодняшний день экономика, как на национальном, так и на международном уровне, в основном функционирует через юридические лица. Это не индивидуальные предприниматели, а по большей части коммерческие компании, которые конкурируют в сфере государственных закупок, борются за получением различных лицензий и борются с государственными органами в различного рода надзорных процедурах.

Многие сектора контролируются крупными корпорациями, которые зачастую осуществляют деятельность на глобальном уровне. Поэтому в реальности в большинстве случаев коррупция на высшем уровне служит интересам юридических лиц.

В таком мире было бы неправильно, если бы уголовное законодательство распространялось только на деяния физических лиц. Наказание лишь физических лиц, даже если они являются членами высшего руководства, не является в нужной степени сдерживающим средством для имеющих преступные намерения корпораций.

Также сложные структуры управления и коллективные процессы принятия решений в юридических лицах затрудняют раскрытие и уголовное преследование таких преступлений. Исполнители и подстрекатели могут спрятаться за «корпоративную вуаль» и избежать ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021). – Доступ из СПС «Консультант Плюс». – Текст: электронный.
2. Федеральный закон об административных правонарушениях (в ред. офиц. публикации от 19 февраля 1987 г. (BGBl. 1987 I S. 602), с послед. изм. и доп.).
3. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Собрание законодательства РФ. – 23 апреля 2012. – № 17. – Ст. 1899. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 14.05.2016).
4. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ. – М., 1994. – С. 51-52.
5. Кузнецова Н. Ф. Новое уголовное право. Общая часть. – М., 1996. – С. 47.
6. Минин Р. В. Уголовная ответственность юридических лиц в законодательстве Франции // Журнал гражданского и уголовного права. – 2016. – № 1 (5). – С. 41-47.
7. Bose M. Corporate Criminal Liability in Germany // Pieth M., Ivory R. (eds). Corporate Criminal Liability. Dordrecht, Springer, 2011. *IusGentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*. – Vol. 9. – P. 227-254.
8. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Полит. лит., 1970. – Т. 45. – 730 с.
9. Белоусов С. А. Баланс и дисбаланс в российском законодательстве сквозь призму техники его специализации и унификации // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 336-340.
10. Бытко Ю. И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 2 (103). – С. 182-193.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-311-316

МУЛЮКОВ Фархад Батуевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и методики обучения праву Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

ИБРАГИМОВ Артур Гасангусейнович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КАЗАХСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

В статье исследуются системы преступлений против личности по уголовному законодательству Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан; рассматриваются системы и виды наказаний, а также виды и типы санкций за указанные преступления по уголовным кодексам вышеназванных государств. Приводятся авторские подсчёты количества всех видов и типов санкций, в том числе в процентном отношении, предусмотренных статьями разделов и глав о преступлениях против личности трёх исследуемых уголовных законов. В результате сравнительного анализа уголовного законодательства Российской Федерации, Казахстана, центрально-азиатских и ближневосточных государств предлагается использование полезного зарубежного опыта и дополнения в ч. 1 ст. 105, ст. 128, 153 и 157 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, личность, возмездие, воздаяние, закон, наказание, санкция, кодекс, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан.

MULYUKOV Farhad Batuevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and methods of teaching law sub-faculty of the Faculty of Law of the Kazan (Privolzhie) Federal University

IBRAGIMOV Artur Gasanguseynovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Faculty of Law of the Kazan (Privolzhie) Federal University

PUNISHMENT FOR CRIMES AGAINST THE PERSON UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF KAZAKHSTAN, TAJIKISTAN, AND UZBEKISTAN

The article analyzes the systems of crimes against the person in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan, analyzes systems and types of punishments, as well as types and types of sanctions for these crimes in the Criminal Codes of the above-mentioned states. The author's calculations of the number of all types and types of sanctions, including the percentage ratio, provided by the articles of the sections on crimes against the person of the three studied criminal laws are given. As a result of a comparative analysis of the criminal legislation of Russia, Kazakhstan, Central Asian and Middle Eastern states the use of useful foreign experience and additions to Part 1 of Article 105, Article 128, 153 and 157 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: crime, personality, retaliation, reprisal, punishment, sanction, Code, Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan.

Пониманию природы уголовного наказания, исследованию проблем «возмездия», «воздаяния» за виновное исполнение общественно опасного деяния, верному уяснению сущности карательного воздействия и формулированию дефиниции криминального деяния (а в познавательном плане идея наказания изначально исходит из идеи преступления) посвящены работы П. Д. Калмыкова («наказание есть возмездие злом за зло») [3, с. 145], Н. С. Таганцева [9, с. 93], А. А. Жижиленко [2, с. 14-15], И. С. Ноя («в данном случае наказание является возмездием») [7, с. 28], Ф. Р. Сундурова [10], Т. Г. Понятовской, предложившей определить наказание как выражающееся в установленных УК «лишении либо ограничении прав и свобод лица» [8, с. 131, 149]¹, Ф. Б. Мулюкова [5, с. 188-192], [6, с. 66-69] и многих других авторов.

1 «Возмездие это есть возмездие разумное, которое состоит в повторении ближе всего напоминающего подобного (преступления), но не совершенно равного зла» (Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Общая часть. В 2-х томах. – Т. 2. – М., 1994. – С. 93).

Понимание сущности уголовного наказания не должно сводиться только к его пониманию как карательного возмездия. Это отбросило бы, по убеждению Ф. Р. Сундурова, современный мир к воззрениям о наказании, господствовавшим в рабовладельческий и феодальный периоды [10, с. 26, 27, 100]. В то же время недопустимо и целиком отрицать наличие свойства кары в наказании, и мерилом имплементации основного правила – справедливости – в криминальном праве отечественное законодательство определяет соответствие взыскания характеру и степени социальной опасности преступного деяния и обстоятельствам его исполнения, а одним из условий избрания справедливого взыскания – необходимость учёта характера и степени социальной опасности содеянного². Итак, в Уголовном кодексе содержится предписание об избрании судом наказания, соизмеримого социальной опасности совершённого преступного деяния. Такая последовательность выражается в УК бывших союз-

2 См.: ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Мулюков Ф. Б.

Ибрагимов А. Г.

ных среднеазиатских республик СССР, в частности, Таджикистана и Узбекистана, а также и Казахстана, и в санкциях статей Особенной части российского уголовного закона – за преступные деяния, которые не представляют повышенной социальной опасности, установлены более мягкие меры наказания и, напротив, за тяжкие и особо тяжкие преступные деяния – более строгие. Лишение и ограничение прав и свобод виновного должны быть соизмеримыми опасности преступного деяния и социальной опасности лица, осуждённого за его исполнение. Не соблюдение данного требования говорит об избрании необоснованного наказания.

Законом от 16 июля 1997 г. № 167 штраф был установлен в 40 санкциях 37 статей глав 1-3 УК Республики Казахстан³. Установлено наказание и для специальных субъектов преступления – за преступные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших 18-летнего возраста, исполненных педагогом либо иным лицом, на которых Законом⁴ возложены обязанности по их воспитанию. Упразднение правомочия замещения конкретных должностей закреплено в 31 санкции глав 1-3⁵. Привлечение к общественным работам продолжительностью от 60 до 240 ч. (исполняются не более 4 часов в сутки, если осуждённый не имеет постоянного места работы или не занят на учёбе) – до восьми часов в сутки, но не более 40 ч. в неделю – в 17 санкциях 14 статей глав 1-3. Одна санкция предусматривает наказание продолжительностью от 60 до 120 ч.; 2 – от 60 до 180 ч.; 10 – от 120 до 180 ч.; 4 – от 180 до 240 ч. В 42 санкциях 35 статей глав 1-3 закреплены исправительные работы с перечислением из заработка от пяти до двадцати %⁶. Пожизненное заключение может устанавливаться за особо тяжкие деяния и как альтернатива высшей – исключительной – мере [16]. В 89 санкциях 48 статей глав 1-3 содержится лишение свободы⁷. Причем, 21 санкция предусматривает лишение свободы с упразднением

правомочия замещения конкретных должностей либо осуществлять конкретную деятельность, и 7 санкций – лишение свободы с конфискацией имущества; 7) смертная казнь (ч. 2 ст. 96 «Убийство»); 8) конфискация имущества – в 7 санкциях 5 статей⁸ глав 1-3.

В разделе VII УК Республики Таджикистан о преступных посягательствах на личность предусмотрены такие наказания, как: 1) штраф (ст. 49) – в 51 санкции 42 статей [17, с. 39]⁹; 2) аннулирование правомочия замещения конкретных должностей либо осуществлять конкретную деятельность продолжительностью от года до 10 лет за умышленное деяние и от года до 5 лет за неосторожное деяние в виде основного наказания (в 49 санкциях 32 статей)¹⁰; 3) исправительные работы с перечислением от двадцати до пятидесяти % – в 34 санкциях 32 статей¹¹; 4) ограничение свободы продолжительностью от года до 5 лет – в 30 санкциях 26 статей¹²; 5) арест продолжительностью от одного до шести месяцев – в 23 санкциях 22 статей¹³; 6) конфискация имущества¹⁴; 7) лишение свободы продолжительностью от 6 месяцев до двадцати лет – в 96 санкциях 58 статей¹⁵; 8) смертная казнь в виде расстрела устанавливается как исключительная высшая мера лишь за убийство (ч. 2 ст. 104) и изнасилование (ч. 3 ст. 138).

Статья 134 УК Таджикистана «Принуждение» за принуждение кого-либо к исполнению либо неисполнению какого-либо деяния посредством угроз потерпевшему либо его близким применением насилия, уничтожением либо повреждением их имущества, огласить позорящие, распространить клеветнические сведения, устанавливает наказание штрафом либо ограничением свободы на два года, либо лишением свободы на два года [17, с. 149-150].

Посягательствам на личность полностью посвящён раздел VII УК РФ, являющийся первым в Особенной части. Он включает 5 глав, которые расположены в зависимости от ценности видовых объектов [19]. Такой же порядок располо-

- 3 В главах: 1 «Преступления против личности», 2 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», 3 «Преступления против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина» помимо 1) штрафа предусмотрены ещё следующие виды наказаний: 2) упразднение правомочия занимать конкретные должности или осуществлять конкретную деятельность на период от 1-го года до 5 лет в виде основного и на период от 6 месяцев до 3 лет – в виде дополнительного наказания.
- 4 Предусмотрены в п. «д» ч. 3 и 4 ст. 120, п. «г» ч. 3 и 4 ст. 121, ч. 2 и 3 ст. 122, ч. 2 и 3 ст. 124 УК РК, упразднение правомочия замещать конкретные должности или осуществлять конкретную деятельность в виде дополнительного наказания устанавливается продолжительностью от 10 до 20 лет.
- 5 Одна санкция устанавливает наказание продолжительностью от года до двух лет; 22 – от года до трёх лет; 4 – от года до пяти лет; 4 – от двух до пяти лет.
- 6 Две санкции устанавливают наказание продолжительностью от двух до шести мес.; 13 – от двух мес. до одного года; 23 – от двух мес. до двух лет; 4 – от одного года до двух лет; 5) ограничение свободы продолжительностью от 1 года до 7 лет – в 42 санкциях 27 статей глав 1-3. Три санкции устанавливают ограничение свободы продолжительностью до одного года; 16 – от одного года до двух лет; 15 – от шести мес. до трёх лет; три – от одного года до четырёх лет; 5 – от одного года до пяти лет; 6) лишение свободы продолжительностью от 6 мес. до пятнадцати лет, а за особо тяжкие преступления – до двадцати лет либо пожизненно.
- 7 8 санкций устанавливают лишение свободы продолжительностью от шести мес. до года; семнадцать – от шести мес. до двух лет; пятнадцать – от шести мес. до трёх лет; две – от шести мес. до четырёх лет; семнадцать – от шести мес. до пяти лет; две – от шести мес. до шести лет; одна – от шести мес. до семи лет; одна – от шести мес. до восьми лет; две – от двух до семи лет; две – от трёх до пяти лет; шесть – от трёх до семнадцати лет; одна – от трёх до восьми лет; одна – от четырёх до семи лет; одна – от четырёх до восьми лет; одна – от пяти до восьми лет; пять – от пяти до десяти лет; одна – от шести до десяти лет; одна – от семи до десяти лет; одна – от семи до пятнадцати лет; 2 – от восьми до пятнадцати лет; одна – от десяти до пятнадцати лет; одна – от десяти до двадцати лет.

- 8 Статья 96, ч. 3 ст. 125, ч. 2 и 3 ст. 126, ч. 3 ст. 128, ч. 2 и 3 ст. 133 УК Республики Казахстан.
- 9 Законом от 21 мая 1998 г. № 575 штраф, подлежащий взысканию в счет возмещения морального и физического ущерба потерпевшему, был установлен в пределах, предусмотренных настоящей статьей за преступления: а) небольшой тяжести; б) средней тяжести; в) за тяжкие; г) за особо тяжкие.
- 10 Из них три санкции предусматривают наказание продолжительностью от года до двух лет; 21 – от года до трёх лет; тринадцать – от года до пяти лет; пять – от двух до пяти лет; четыре – от трёх до пяти лет; одна – от пяти до восьми лет; две – от пяти до десяти лет) и продолжительностью от года до 5 лет в виде дополнительного наказания.
- 11 Шесть санкций устанавливают наказание продолжительностью от двух мес. до года; одна – на два года; 25 – от двух мес. до двух лет; две – от года до двух лет.
- 12 Одна санкция содержит наказание в виде ограничения свободы продолжительностью в два года; восемь – от года до двух лет; двенадцать – от года до трёх лет; одна – от года до четырёх лет; семь – от года до пяти лет; одна – от двух до пяти лет.
- 13 Из них две санкции устанавливают арест продолжительностью от одного до трёх мес.; семь – от одного до четырёх мес.; десять – от одного до шести мес.; одна – от двух до шести мес.; две – от трёх до шести мес.; одна – от четырёх до шести месяцев.
- 14 Конфискация имущества – в трёх санкциях двух статей (ч. 2 ст. 104, ч. 2 ст. 110, ч. 3 ст. 110 УК Республики Таджикистан).
- 15 Две санкции устанавливают лишение свободы продолжительностью в два года и одна – на три года; 20 – от 6 мес. до 2 лет; 17 – от 6 мес. до трёх лет; одна – от шести мес. до четырёх лет; шесть – от шести мес. до пяти лет; одна – от года до пяти лет; двенадцать – от двух до пяти лет; десять – от трёх до пяти лет; одна – от трёх до шести лет; одна – от трёх до семи лет; одна – от трёх до восьми лет; одна – от пяти до семи лет; семь – от пяти до восьми лет; четыре – от пяти до десяти лет; одна – от семи до десяти лет; четыре – от восьми до двенадцати лет; одна – от восьми до пятнадцати лет; одна – от десяти до пятнадцати лет; одна – от двенадцати до пятнадцати лет; три – от пятнадцати до двадцати лет.

жения и названия глав установлен в разделе VII Особенной части УК Таджикистан [17, с. 124-185].

Необходимо отметить, что новое для отечественного уголовного законодательства расположение в системе Особенной части на первом месте раздела о посягательствах на личность не является современным российским открытием. Анализ уголовного законодательства зарубежных стран показывает, что, по сути, аналогично расставлены охраняемые им приоритеты (личность – общество – государство) и в уголовных кодексах развитых демократических государств.

Расположение на первом месте в системе Особенной части УК раздела о посягательствах на личность характерно также для уголовных кодексов ряда бывших союзных среднеазиатских республик СССР с населением, традиционно исповедующим ислам.

С посягательств на личность начинаются Особенные части УК Казахстана [16, с. 127-179]¹⁶, Таджикистана, Узбекистана.

Посягательства на жизнь и здоровье традиционно дифференцируются на 3 разновидности – на: 1) жизнь; 2) здоровье; 3) ставящие под угрозу жизнь либо здоровье. Именно так называются главы I, II, III раздела I об ответственности за посягательства на личность Особенной части УК Узбекистана [18, с. 127-179]¹⁷.

В УК Узбекистана – ст. 122, 123 [18, с. 156, 157],¹⁸ равно как и в УК Казахстана (в ред. от 16 июля 1997 г. № 167) – ст. 136, 140,¹⁹ в УК Таджикистана – ст. 177, 178, указан трёхмесячный период неуплаты алиментов, истечение которого влечёт за

собой уголовное наказание [17, с. 184, 185]²⁰, что отсутствует в УК РФ. Если в ст. 153 УК РФ и в ст. 124 УК Узбекистана обязательным основанием наступления уголовной ответственности за умышленную подмену ребёнка выступают «корыстные либо иные низменные побуждения» [18, с. 157]²¹, то в ч. 1 ст. 134 УК Республики Казахстан (в ред. от 16 июля 1997 г. № 167) [16]²² и в ч. 1 ст. 171 УК Таджикистана [17, с. 181]²³ мотивы аналогичного преступления не указаны, нашему государству целесообразно заимствовать данный опыт ближнего зарубежья в ст. 153 УК РФ), VI. Посягательства на свободу, честь и достоинство (отечественному законодателю следовало бы использовать и этот опыт Казахстана (ст. 129, 130 УК), Таджикистана (ст. 137 главы 17 УК) и Узбекистана, устанавливающего наказание за клевету и оскорбление, совершённые в течение года после наложения (применения) административного взыскания за такие же действия (ч. 1 ст. 139, ч. 1 ст. 140 УК). При этом ч. 2 и 3 ст. 139 и ч. 2 и 3 ст. 140 УК Узбекистана устанавливают ответственность без наложения административного взыскания [18, с. 167–168]), VII (об ответственности за посягательства на конституционные права и свободы граждан), а статьи о посягательствах на мир и безопасность размещены в разделе втором.

УК Казахстана в ч. 2 ст. 117 [16, с. 143] и УК Таджикистана в ч. 1 ст. 123 [17, с. 139] устанавливают уголовную ответственность за неправомерное прерывание беременности, совершённое как врачом с высшим медицинским образованием специального профиля²⁴, так и физическим лицом без высшего медобразования специального профиля (ч. 1 ст. 117 УК Казахстана [16, с. 142, 143]²⁵, ч. 2 ст. 123 УК Таджикистана [17, с. 141]²⁶, а также ч. 2 ст. 114 УК Узбекистана) [18, с. 149]²⁷. Часть 1 ст. 114 УК Узбекистана предусматривает штраф или упразднение конкретного правомочия до трёх лет либо исправительные работы до одного года за производство аборт-акушером или гинекологом при наличии медицинских противопоказаний.

В разделе I о посягательствах на личность УК Узбекистана от 22 сентября 1994 г. были установлены следующие

- 16 Так, в УК Казахстана, принятом Законом от 16 июля 1997 г. № 167, статьи о посягательствах на личность расположены в главах 1 (о посягательствах на личность (ст. 96-130), 2. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 131-140), 3 (о посягательствах на конституционные и иные права и свободы (ст. 141-155) и лишь в гл. 4 помещены статьи о посягательствах на мир и безопасность человечества, а в гл. 5 – статьи о посягательствах на основы конституционного строя и безопасности государства.
- 17 Продолжая сравнение с Особенной частью УК Узбекистана необходимо заметить, что его глава II о посягательствах на здоровье включает: умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 104), умышленное средней тяжести телесное повреждение (ст. 105), причинение умышленного тяжкого или средней тяжести телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения (ст. 106), причинение умышленного тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны (ст. 107), причинение умышленного тяжкого телесного повреждения при превышении необходимых мер задержания лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. 108), умышленное лёгкое телесное повреждение (ст. 109), истязание (ст. 110), причинение по неосторожности средней тяжести или тяжкого телесного повреждения (ст. 111). В главу III УК Узбекистана «Преступления, опасные для жизни и здоровья» входят: угроза убийством или применением насилия (ст. 112), распространение венерического заболевания или заболевания СПИД (ст. 113), преступный аборт (ст. 114), понуждение женщины к совершению аборта (ст. 115), ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей (ст. 116), оставление в опасности (ст. 117). Особенная часть УК Узбекистана начинается с раздела первого «Преступления против личности» (состоящем из глав: I. Преступления против жизни, II. Преступления против здоровья, III. Преступления, опасные для жизни и здоровья, IV. Преступления против половой свободы, V. Преступления против семьи, молодёжи и нравственности).
- 18 Наказывается штрафом или исправительными работами до трёх лет либо арестом до шести месяцев.
- 19 УК Республики Казахстан (в ред. от 16 июля 1997 г. № 167) предусматривал наказание в виде штрафа в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от 2 до 5 месяцев либо привлечения к общественным работам на срок от 120 до 180 часов, либо исправительными работами на срок до 2 лет, либо ограничением свободы на срок до 2 лет, либо арестом на срок до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 2 лет (ст. 136) и аналогичное наказание, но без лишения свободы, за злостное уклонение трудоспособного лица более трёх месяцев от уплаты

- средств на содержание нетрудоспособного супруга (супруги) (ст. 140).
- 20 По УК Республики Таджикистан наказывается штрафом либо исправительными работами сроком до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок (ст. 177), и ограничением свободы на срок до трёх лет либо арестом на срок до шести месяцев (ст. 178).
- 21 Наказывается штрафом или лишением свободы от трёх до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой (ст. 124).
- 22 Наказывалась штрафом в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от 2 до 5 месяцев либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок (ч. 1). То же деяние, совершённое из корыстных или иных низменных побуждений, наказывалось лишением свободы на срок от 3 до 7 лет (ч. 2 ст. 134).
- 23 Наказывается штрафом либо ограничением свободы до четырёх лет либо лишением свободы на срок до трёх лет (ч. 1). То же деяние, совершённое из корыстных или иных низменных побуждений наказывается лишением свободы на срок до пяти лет (ч. 2 ст. 171).
- 24 Наказывается штрафом в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до шести месяцев либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на тот же срок, либо арестом на срок до четырёх месяцев (ч. 2 ст. 117), штрафом или лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью до трёх лет (ч. 1 ст. 123).
- 25 Наказывается штрафом в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до шести месяцев либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на тот же срок, либо арестом на срок до шести месяцев (ч. 1 ст. 117).
- 26 Наказывается штрафом или лишением свободы на срок до двух лет (ч. 2 ст. 123).
- 27 Наказывается штрафом или исправительными работами от одного года до двух лет либо арестом до трёх месяцев (ч. 2 ст. 114).

основные наказания: 1) штраф²⁸; 2) исправительные работы²⁹ (ст. 46) – в 61 санкции 44 статей. Из них пять санкций устанавливают исправительные работы продолжительностью от 6 мес. до года, 19 – от 6 мес. до двух лет, 20 – от 6 мес. до трёх лет, три – от года до двух лет, 14 – от двух до трёх лет; 3) арест продолжительностью от одного до шести месяцев – в 41 санкции 34 статей. Девять санкций предусматривают арест продолжительностью от 1 до 3 мес., 1 – от 1 до 4 мес., 24 – от 1 до 6 мес., 7 – от 3 до 6 мес.; 4) лишение свободы продолжительностью от 6 мес. до 20 лет (более двадцати, но не свыше двадцати пяти лет может быть определено только за преднамеренное квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 97 УК) – в 66 санкциях 43 статей. Из них одна санкция предусматривает наказание на срок от 6 мес. до 1 года; 20 – от 6 мес. до 3 лет; 12 – от 6 мес. до 5 лет; 13 – от 3 до пяти лет; две – от трёх до семи лет; 5 – от 5 до 8 лет; 2 – от 5 до 10 лет; 2 – от 7 до 10 лет; 2 – от 8 до 10 лет; 1 – от 10 до 12 лет; 3 – от 10 до 15 лет; 3 – от 15 до 20 лет; 5) пожизненное заключение – только за квалифицированное преднамеренное убийство (ч. 2 ст. 97). Пожизненное заключение не может быть избрано женщине, несовершеннолетнему за посягательства в возрасте до восемнадцати лет, и мужчине старше 60 лет; и дополнительное наказание: конфискация имущества – в 5 санкциях 4 статей (ст. 130, ч. 1 и 2 ст. 131, ст. 135, ст. 137).

К пенсионерам и нетрудоспособным не применяются исправительные работы (ст. 46 УК Республики Узбекистан), общественные работы (в т. ч. инвалидам 1 и 2 группы) (ст. 42 УК Республики Казахстан). К тому же действующий УК Таджикистана предусматривал возможность замены нетрудоспособным лицам исправительных работ штрафом из расчёта суммы штрафа равной одному минимальному размеру заработной платы за один месяц исправительных работ.

В УК Республики Узбекистан впервые установлена уголовная ответственность с тринадцати лет за преднамеренное квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 97). Помимо этой возрастной границы предусматривается уголовная ответственность с четырнадцатилетнего возраста за ряд посягательств на жизнь (ч. 1 ст. 97, ст. 98), здоровье (ст.ст. 104-106), половую свободу (ст.ст. 118-119), за похищение человека (ст. 137) [18, с. 137-176].

В уголовном законодательстве некоторых государств убийство обособленно определяется как умышленное противоправное нанесение смерти иному лицу (см. ч. 1 ст. 139 УК Республики Беларусь) [15]. В ст. 96 УК Республики Казахстан также установлена уголовная ответственность за умышленное противоправное нанесение смерти иному лицу (убийство), за которое предусматривается лишение свободы по УК Казахстана продолжительностью от шести до пятнадцати лет [16, с. 127].

В ч. 1 ст. 105 УК РФ отсутствует понятие противоправности убийства. Поэтому полагают бы целесообразным российскому законодательству заимствовать положительный опыт указанных зарубежных государств.

В системе наказаний в мусульманском уголовном праве (в Иране, Ираке, Ливии, Объединённых Арабских Эмиратах, Пакистане, Саудовской Аравии и некоторых других странах) наказания категории кисас предполагают «воздаяние равным», однако возможна их замена другими мерами по желанию потерпевшей стороны. Например, за убийство полагается смертная казнь, но по желанию родственников убитого допускается принятие выкупа за кровь (дийа) [14, с. 55-56].

Смертная казнь предусматривается в УК Египта за преднамеренное убийство [9, с. 19], в Законе Афганистана о нака-

заниях 1976 г. за умышленное убийство [1, с. 27], в УК Японии за убийство, разбойное нападение, повлекшее смерть или сопряжённое с изнасилованием [20, с. 488], [11] в специальных уголовных законах Японии: Положении о дуэли 1889 г. за убийство на дуэли, Законе о наказаниях за вымогательство с использованием заложников 1978 г. за убийство заложников [4, с. 90]. В странах, где действует шариатское уголовное право, выносятся много смертных приговоров. Так, в Саудовской Аравии приговоры к смертной казни выносятся за умышленное убийство, прелюбодеяние лиц, состоящих в браке, веротступничество, изнасилование [9, с. 20]. В арабских странах и Японии (ст. 11 УК) [20, с. 35] смертная казнь, как правило, исполняется путём повешения внутри тюремного помещения [9, с. 20]. Противоречила принципу гуманизма система наказаний, сконструированная в духе раннефеодального уголовного права. Казнить по шариату и согласно ст. 27 УК самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия можно в любой день, публично и различными способами в зависимости от совершённого преступления: отсечением головы – за веротступничество, побиванием камнями – за прелюбодеяние. Смертная казнь за убийство исполнялась таким же образом, каким преступник лишил жизни свою жертву [9, с. 20].

Смертная казнь могла служить мерой наказания либо в соответствии с тем или иным установлением шариата, либо в качестве воздаяния равным, либо в качестве назидательного наказания. Она предусматривалась за прелюбодеяние, а за мужеложство в третий раз – наряду с пожизненным тюремным заключением.

Уголовным законодательством зарубежных государств предусмотрена ответственность за изнасилование, совершённое в отношении близкого родственника. Так, согласно ч. 2 ст. 118 УК Республики Узбекистан лицо карается изоляцией от общества продолжительностью от 10 до 15 лет.

За сексуальные действия с применением насилия к близкому родственнику ст. 139 УК Таджикистана, часть третья ст. 119 УК Узбекистана устанавливают лишение свободы на период от 10 до 15 лет [18, с. 153]³⁰.

Глава первая о посягательствах на жизнь УК Узбекистана включает 11 санкций³¹. В главе второй о посягательствах на

30 В разделе I о посягательствах на личность Особенной части УК Узбекистана содержатся такие типы санкций статей: 68 – простых, альтернативных, относительно-определённых (из них: 7 – в главе 1: в ч. 2 ст. 97, ст. 100, ст. 101, ч. 1 ст. 102, ч. 2 ст. 102, ч. 1 ст. 103, ч. 1 ст. 105; 10 – в главе 2: в ст. 106, ст. 107, ст. 108, ч. 1 ст. 109, ч. 2 ст. 109, ч. 1 ст. 110, ч. 2 ст. 110, ч. 1 ст. 111, ч. 2 ст. 111, ч. 3 ст. 111; 13 – в главе 3: в ч. 1 ст. 112, ч. 2 ст. 112, ч. 3 ст. 112, ч. 1 ст. 113, ч. 2 ст. 113, ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 114, ч. 3 ст. 114, ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 2 ст. 116, ч. 3 ст. 116, ч. 1 ст. 117; в главе 4: в ч. 4 ст. 118, ч. 1 ст. 121, ч. 2 ст. 121; 15 – в главе 5: в ст. 122, ст. 123, ч. 1 ст. 125, ч. 2 ст. 125, ст. 126, ч. 1 ст. 127, ч. 2 ст. 127, ч. 1 ст. 128, ч. 1 ст. 129, ч. 2 ст. 129, ч. 1 ст. 132, ч. 2 ст. 132, ч. 1 ст. 133, ч. 2 ст. 133, ст. 134; 7 – в главе 6: в ст. 136, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ч. 2 ст. 139, ч. 1 ст. 140, ч. 2 ст. 140, ч. 3 ст. 140; 13 – в главе 7: в ч. 1 ст. 141, ч. 2 ст. 141, ст. 142, ст. 143, ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 144, ч. 1 ст. 145, ч. 2 ст. 145, ч. 3 ст. 145, ст. 146, ст. 147, ч. 1 ст. 148, ч. 2 ст. 148), 25 – простых, единичных, относительно-определённых (из них: 4 – в главе 1: ч. 1 ст. 97, ст. 98, ст. 99, ч. 2 ст. 103; 4 – в главе 2: в ч. 1 ст. 104, ч. 2 ст. 104, ч. 3 ст. 104, ч. 2 ст. 105; 4 – в главе 3: ч. 3 ст. 113, ч. 4 ст. 113, ч. 4 ст. 116, ч. 3 ст. 117; 8 – в главе 4: ч. 1 ст. 118, ч. 2 ст. 118, ч. 3 ст. 118, ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 119, ч. 3 ст. 119, ч. 4 ст. 119, ст. 120; 2 – в главе 5: ч. 3 ст. 127, ч. 2 ст. 128; 3 – в главе 6: ч. 1 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ч. 3 ст. 139), 5 – кумулятивных, альтернативных, относительно-определённых (из них: 4 – в главе 5: ст. 124, ст. 130, ч. 1 ст. 131, ч. 2 ст. 131); 1 – в главе 6: в ч. 1 ст. 135), 2 – кумулятивные, единичные, относительно-определённые (обе – в главе 6: в ч. 2 ст. 135, ч. 2 ст. 137).

31 Из них: 7 – простых, альтернативных, относительно-определённых (71,43 %), 4 – простые, единичные, относительно-определённые (28,57 %).

28 84 раза в самых разных размерах штраф предусмотрен в санкциях 34 статей.

29 Исправительные работы продолжительностью от 6 мес. до 3 лет с перечислением от 10 до тридцати % заработка в госдоход.

здоровье УК Узбекистана предусмотрено 14 санкций³². Глава третья УК Узбекистана о посягательствах, представляющих опасность для жизни и здоровья, содержит 17 санкций³³. Главой четвертой УК Узбекистана о посягательствах на половую свободу предусмотрено 11 санкций³⁴. Глава пятая о посягательствах на интересы семьи, молодежи и нравственности УК Узбекистана включает 21 санкцию³⁵. В главе шестой о посягательствах на свободу, честь и достоинство УК Узбекистана использованы все возможные варианты разнообразных типов санкций³⁶. Глава седьмая о посягательствах на конституционные права и свободы граждан УК Узбекистана предусматривает 13 санкций³⁷. В разделе седьмом о посягательствах на личность Особенной части УК Республики Таджикистан имеются практически все описанные в литературе типы санкций статей³⁸. Глава шестнадцатая о посягательствах на жизнь и здоровье УК Республики Таджикистан содержит 51 санкцию³⁹.

- 32 Из них: 10 – простых, альтернативных, относительно-определённых (71,43 %); 4 – простые, единичные, относительно-определённые (28,57 %).
- 33 Из них: 13 – простых, альтернативных, относительно-определённых (76,47 %); 4 – простые, единичные, относительно-определённые (23,53 %).
- 34 Из них: 3 – простых, альтернативных, относительно-определённых (42,85 %), 8 – простых, единичных, относительно-определённых (57,15 %).
- 35 Из них: 15 – простых, альтернативных, относительно-определённых (73,34 %); 2 – простые, единичные, относительно-определённые (13,33 %), 4 – кумулятивные, альтернативные, относительно-определённые (13,33 %).
- 36 В итоге из 13 санкций: 7 – простых, альтернативных, относительно-определённых (50 %), 3 – простые, единичные, относительно-определённые (25 %), 1 – кумулятивная, альтернативная, относительно-определённая (8,33 %), 2 – кумулятивные, единичные, относительно-определённые (16,67 %).
- 37 Все – простые, альтернативные, относительно-определённые.
- 38 Содержатся следующие типы санкций статей: 65 – простых, альтернативных, относительно-определённых (из них: 25 – в главе 16: в ч. 1 ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 111, ст. 112, ч. 1 ст. 113, ч. 2 ст. 113, ст. 114, ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 119, ст. 120, ч. 1 ст. 123, ч. 2 ст. 123, ст. 124, ч. 1 ст. 125, ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 127, ч. 3 ст. 127, ч. 1 ст. 128, ч. 1 ст. 129; 10 – в главе 17: в ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 2 ст. 132, ст. 134, ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 135, ч. 1 ст. 136, ч. 2 ст. 136, ч. 1 ст. 137, ч. 2 ст. 137; 4 – в главе 18: в ч. 3 ст. 138, ст. 140, ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 146; 19 – в главе 19: в ч. 1 ст. 143, ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 146, ч. 3 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 ст. 149, ч. 1 ст. 150, ст. 152, ст. 153, ч. 1 ст. 154, ст. 155, ч. 1 ст. 156, ч. 2 ст. 156, ч. 3 ст. 156, ст. 157, ст. 158, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 162, ст. 164; 7 – в главе двадцатой: в ч. 1 ст. 166, ст. 168, ст. 170, ч. 1 ст. 171, ст. 172, ст. 177, ст. 178), 31 – простых, единичных, относительно-определённых (из них: 13 – в главе шестнадцатой: в ч. 1 ст. 104, ст. 105, ч. 2 ст. 106, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 110, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 117, ч. 2 ст. 117, ч. 1 ст. 121, ч. 2 ст. 121, ч. 2 и 3 ст. 125; 7 – в главе семнадцатой: в ч. 1 ст. 130, ч. 2 ст. 130, ч. 2 ст. 131, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132, ч. 1 ст. 133, ч. 3 ст. 135; 6 – в главе 18: в ч. 1 ст. 138, ч. 2 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ч. 2 ст. 139, ч. 4 ст. 139, ч. 1 ст. 141; 5 – в главе двадцатой: в ч. 1 ст. 165, ч. 3 ст. 165, ч. 4 ст. 165, ч. 1 ст. 167, ч. 2 ст. 171), 14 – кумулятивных, альтернативных, относительно-определённых (из них: 4 – в главе шестнадцатой: в ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 128; 7 – в главе девятнадцатой: в ч. 2 ст. 144, ч. 2 ст. 150, ч. 1 ст. 151, ч. 1 ст. 161, ч. 2 ст. 162, ч. 1 ст. 163, ч. 2 ст. 163; 3 – в главе двадцатой: в ч. 1 ст. 173, ст. 174, ст. 176), 27 – кумулятивных, единичных, относительно-определённых (из них: 9 – в главе шестнадцатой: в ч. 2 ст. 104, ч. 2 ст. 110, ч. 3 ст. 110, ч. 1 ст. 112, ч. 2 ст. 122, ч. 3 ст. 122, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 129, ч. 3 ст. 129; 1 – в главе 17: в ч. 2 ст. 133; 2 – в главе 18: в ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142; 9 – в главе девятнадцатой: в ч. 2 ст. 143, ч. 2 ст. 145, ч. 3 ст. 145, ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 149, ч. 2 ст. 154, ч. 3 ст. 154, ч. 2 ст. 160, ч. 2 ст. 161; 6 – в главе двадцатой: в ч. 2 ст. 165, ч. 2 ст. 166, ч. 3 ст. 167, ч. 2 ст. 173, ч. 1 ст. 175, ч. 2 ст. 175).
- 39 Из них: 25 – простых, альтернативных, относительно-определённых (49,02 %); 13 – простых, единичных, относительно-определённых (25,50 %); 4 – кумулятивных, альтернативных, относительно-определённых (7,84 %); 9 – кумулятивных, единичных,

Итак, в уголовном кодифицированном законодательстве Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Российской Федерации мы видим общую картину, а именно: полное отсут-

относительно-определённых (17,64 %). В главе семнадцатой о посягательствах на личную свободу, честь и достоинство УК Республики Таджикистан закреплено 18 санкций, причём, только 3 видов: 10 – простых, альтернативных, относительно-определённых (55,56 %); 7 – простых, единичных, относительно-определённых (38,89 %); 1 – кумулятивная, единичная, относительно-определённая (5,55 %). Меньше всего санкций включает глава восемнадцатая о посягательствах на половую свободу и половую неприкосновенность УК Республики Таджикистан – 12. Из них: 4 – простые, альтернативные, относительно-определённые (33,33 %); 6 – простых, единичных, относительно-определённых (50 %); 2 – кумулятивные, единичные, относительно-определённые (16,67 %). Глава 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК Республики Таджикистан состоит из 35 санкций: 19 – простых, альтернативных, относительно-определённых (54,29 %); 7 – кумулятивных, альтернативных, относительно-определённых (20 %); 9 – кумулятивных, единичных, относительно-определённых (25,71 %). В главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК Республики Таджикистан предусмотрена 21 санкция: 7 – простых, альтернативных, относительно-определённых (33,33 %); 5 – простых, единичных, относительно-определённых (23,81 %); 3 – кумулятивные, альтернативные, относительно-определённые (14,28 %); 6 – кумулятивных, единичных, относительно-определённых (28,58 %). В главах: 1 «Преступления против личности», 2 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», 3 «Преступления против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина» Особенной части УК Республики Казахстан содержатся следующие типы санкций статей: 63 – простых, альтернативных, относительно-определённых (из них: 39 – в главе 1: в ст. 97, ч. 1 ст. 98, ст. 99, ст. 100, ч. 1 ст. 101, ч. 2 ст. 101, ч. 1 ст. 102, ч. 2 ст. 102, ч. 1 ст. 104, ст. 105, ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 108, ст. 109, ст. 110, ч. 1 ст. 111, ч. 2 ст. 111, ч. 3 ст. 111, ч. 4 ст. 111, ст. 112, ч.ч. 1 и 2 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 117, ч. 2 ст. 117, ч. 3 ст. 117, ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 119, ст. 122, ст. 123, ст. 124, ч. 1 ст. 128, ч. 1 ст. 129, ч. 2 ст. 129, ч. 3 ст. 129, ч. 1 ст. 130, ч. 2 ст. 130; 6 – в главе 2: в ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 136, ч. 2 ст. 136, ст. 139, ст. 140; 18 – в главе 3: в ч. 1 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 143, ч. 2 ст. 143, ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 144, ч. 1 ст. 145, ч. 2 ст. 145, ч. 3 ст. 145, ч. 1 ст. 146, ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 148, ч. 2 ст. 148, ст. 149, ст. 150, ст. 154, ч. 1 ст. 155), 22 – простых, единичных, относительно-определённых (из них: 16 – в главе 1: в ч. 1 ст. 96, ч. 2 ст. 98, ч. 2 ст. 103, ч. 3 ст. 103, ч. 2 ст. 104, ч.ч. 2 и 3 ст. 113, ч. 3 ст. 116, ч. 1 ст. 120, ч. 2 ст. 120, ч. 3 ст. 120, ч.ч. 1–3 ст. 121, ч. 1 ст. 125, ч. 2 ст. 128; 6 – в главе 2: в ч.ч. 1 и 3 ст. 131, ч. 4 ст. 131, ч. 3 ст. 132, ч. 1 ст. 133, ч. 2 ст. 134), 12 – кумулятивных, альтернативных, относительно-определённых (из них: 3 – в главе 1: в ч. 2 ст. 96, ч. 2 ст. 115, ч. 1 ст. 118; 4 – в главе 2: в ч. 2 ст. 132, ст. 135, ст. 137, ч. 1 ст. 138; 5 – в главе 3: в ч. 3 ст. 143, ст. 147, ст. 151, ч. 1 ст. 152, ст. 153), 19 – кумулятивных, единичных, относительно-определённых (из них: 11 – в главе 1: в ч. 1 ст. 113, ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 114, ч. 4 ст. 116, ч. 4 ст. 117, ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 125, ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 3 ст. 128; 4 – в главе 2: в ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 133, ч. 3 ст. 133, ч. 2 ст. 138; 4 – в главе 3: в ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 144, ч. 2 ст. 152, ч. 2 ст. 155). Глава 1 «Преступления против личности» УК Республики Казахстан включает 69 санкций: 39 – простых, альтернативных, относительно-определённых (57,52 %); 16 – простых, единичных, относительно-определённых (22,19 %); 3 – кумулятивные, альтернативные, относительно-определённые (4,35 %); 11 – кумулятивных, единичных, относительно-определённых (15,94 %). Глава 2 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК Республики Казахстан состоит из 18 санкций: 6 – простых, альтернативных, относительно-определённых (33,33 %); 6 – простых, единичных, относительно-определённых (33,33 %); 2 – кумулятивные, альтернативные, относительно-определённые (11,11 %); 4 – кумулятивных, единичных, относительно-определённых (22,23 %). Глава 3 «Преступления против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина» УК Республики Казахстан 27 санкций, из них: 18 – простых, альтернативных, относительно-определённых (66,67 %); 5 – кумулятивных, альтернативных, относительно-определённых (18,52 %); 4 – кумулятивных, единичных, относительно-определённых (14,81 %).

ствии абсолютно-определённых санкций. Санкции статей УК Казахстана, Таджикистана и Узбекистана за преступные посягательства на личность содержат, главным образом, такие меры взыскания, как: штраф, упряднение правомочия замещать конкретные должности либо осуществлять конкретную деятельность, исправительные работы, арест, срочное лишение свободы, пожизненное заключение, смертная казнь.

Пристатейный библиографический список

1. Боронбеков С. Основные институты афганского уголовного и уголовно-исполнительного права; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Рязан. высш. шк. – Рязань: РВШ МВД РФ, 1992. – 43 с.
2. Жижиленко А. А. Очерки по общему учению о наказании. – Петроград, 1924. – 108 с.
3. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права, составленный по лекциям профессора П. Д. Калмыкова А. Любавским: Части: общ. и особ. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1866. – 535 с.
4. Лепешкина О. И. Смертная казнь как уголовно-правовой институт: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: СПбГУ. – СПб., 2003. – 188 с.
5. Мулюков Ф. Б. Идея воздаяния в наказании по уголовному законодательству мусульманских стран // Минбар: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Исламское образование в России и за рубежом» (27-30 сентября 2009 г.); ТГПУ, 2009; Российский исламский университет, 2009; Федерация университетов исламского мира (ФУИМ) / Отв. ред. Рустам Батыр. – Казань, Республика Татарстан: Изд-во ДУМ, 2009. – № 2 (4). – С. 188-192.
6. Мулюков Ф. Б. Наказание за преступления против личности по Уголовному уложению Федеративной Республики Германия // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 2. – С. 66-69.
7. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 173 с.
8. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права: Монография. – Ижевск: Изд-во Удмуртск. ун-та, 1996. – 231, [1] с.
9. Рамез А. Э. Наказание по уголовному праву арабских стран: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – М., 2002. – 30 с.
10. Сундуров Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. – Казань: Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005. – 300 с.
11. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Общая часть. В 2-х томах. – Т. 2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.
12. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Голованова Н. А., Еремин В. Н., Игнатова М. А., Козочкин И. Д., и др.; Под ред. и с предисл.: Козочкин И. Д. – М.: Изд-во Инс-та междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2001. – 576 с.
13. Уголовное право зарубежных стран: общая и особенная части: учебник / [Голованова Н. А. и др.]; под ред. И. Д. Козочкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 1034, [2] с.
14. Уголовное право: Уголовное право зарубежных государств. Разработка и реализация программ борьбы с преступностью за рубежом. Общая часть. Особенная часть: Курс лекций. Лекция 15 / Воробьев И. А., Жалинский А. Э., Игнатов А. Н., Князев В. В., и др.; Под ред.: А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова, П. Г. Пономарева. – М.: Норма, Инфра-М, 1997. – 176 с.
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 / Науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 474 с.; Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. – 1999. – № 24. – Ст. 420. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения 12.05.2023).
16. Уголовный кодекс Республики Казахстан (принятый Законом от 16 июля 1997 г. № 167) / Отв. ред. Р. М. Арсланов и А. И. Бойцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 127-179. – 466 с.; Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1997. – № 15-16. – Ст. 211. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00087> (дата обращения 12.05.2023); от 3 июля 2014 г. №226-V ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=2375 (дата обращения 16.05.2023).
17. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 575 / с предисл. А. В. Федорова. – СПб.: Юридический центр пресс, 2001. – С. 124-185. – 410 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=237375; http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325 (дата обращения 12.05.2023).
18. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII / Отв. ред. Р. М. Арсланов и А. И. Бойцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 338 с.; Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1995. – № 1. – Ст. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=111457; http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения 16.05.2023).
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
20. Уголовный кодекс Японии от 27 апреля 1907 г. / Науч. ред. А. И. Коробеев; пер. с яп. В. Н. Еремينا. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 226 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241616&subID=100097517,100097519,100097542,100097704#text> (дата обращения 29.04.2023).

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

ДВОРЖИЦКАЯ Марина Андреевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 264.1 УК РФ

В статье отмечается, что преступление, предусмотренное ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в настоящее время находится на первом месте по числу зарегистрированных преступлений среди дорожно-транспортных преступных посягательств. Авторами исследованы вопросы применения статьи 264.1 УК РФ. Выявлены трудности, которые возникают на практике в связи с уголовно-правовой и уголовно-процессуальной оценкой подобного рода деяний. Установлено, что большая часть уголовных дел возвращается прокурору в связи с недоказанностью признаков объективной стороны указанного деяния, проблемы носят доказательственный характер. Авторами обращается внимание на то, что именно этому аспекту правоприменителю необходимо уделить особое внимание.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения, управление транспортным средством, состояние опьянения.

PISAREVSKAYA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice

DVORZHITSKAYA Marina Andreevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice

ISSUES OF APPLICATION OF ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article notes that the crime provided for by Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is now in first place in terms of the number of registered crimes among road traffic criminal encroachments. The authors investigated the application of Article 264.1. The difficulties that are in practice in connection with the criminal law and criminal procedure assessment of such acts have been identified. It was established that most of the criminal cases are returned to the prosecutor because of the lack of evidence of signs of the objective side of this act, the problems are of an evidentiary nature. The authors tell that it is this aspect that the law enforcement officer needs to pay special attention.

Keywords: violation of traffic rules, driving a vehicle, state of intoxication.

Уголовное законодательство может быть эффективно применено на практике только при наличии адекватного процессуального порядка расследования соответствующего вида преступлений [1, с. 212]. Безусловно, применение ст. 264.1 УК РФ требует установления предусмотренных ст. 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих доказыванию. Однако доказательственная база по исследуемым уголовно наказуемым деяниям является специфичной, что обусловлено, в том числе и бланкетностью нормы, и строится на юридических действиях не только дознавателя, но и сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее ГИБДД). В ее основу кладется административный материал, оформленный сотрудниками ГИБДД, которые первыми выявляют исследуемое деяние.

Названные должностные лица в соответствии с административным законодательством фиксируют сведения, свидетельствующие о наличии в деянии лица состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ. При установлении данных фактов они воз-

буждают дело об административном правонарушении и осуществляют ряд обеспечительных мер. В результате чего оформляется административный материал.

Далее осуществляется проверка по базам Федеральной информационной системы ГИБДД (ФИС ГИБДД) и устанавливается наличие другого признака, который необходим для привлечения к уголовной ответственности. В том случае, если в совершенном деянии будут установлены признаки повторного подобного нарушения, то производство по делу об административном правонарушении должно быть прекращено. К материалу доследственной проверки приобщается также копия судебного решения о предшествующем нарушении, которое вступило в законную силу, а также составляется рапорт об обнаружении признаков преступления, который является поводом к возбуждению уголовного дела [2]. Фундамент будущего уголовного дела составляют те документы, которые предусмотрены административным законодательством, поэтому важная роль отводится именно оформлению административного материала сотрудниками ГИБДД. Нарушения,

Писаревская Е. А.

Дворжицкая М. А.

допущенные в процессе его формирования, могут повлечь и последующее прекращение расследуемого дела.

Далее дознаватель проверяет сообщение о преступлении и принимает решение о возбуждении уголовного дела. После этого устанавливаются предусмотренные ст. 73 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию, акцентируя внимание на подтверждении всех элементов состава преступления. После возбуждения уголовного дела дознаватель осуществляет допрос подозреваемого, допрашивает в качестве свидетелей очевидцев, понятых и сотрудников ГИБДД. При допросе последних уточняется порядок проведенных процессуальных действий, их обязанности, маршрут патрулирования, номер экипажа и обстоятельства выявленного нарушения и оформления материала. Однако данная категория лиц может выступить в качестве свидетеля исключительно по процедуре процессуального действия, если возникнут сомнения в допустимости доказательств. Не допускается их допрос в целях подтверждения комментариев и пояснений, которые давались подсудимым при его задержании и осуществлении административных процедур.

Кроме того, дознаватель производит осмотр чека прибора «Алкотектор», если лицо согласилось пройти освидетельствование на месте, на котором внимательно осматривает пропечатанные надписи с показаниями прибора, дату и время обследования, наличие подписей. Указанный чек признается вещественным доказательством и хранится в материалах уголовного дела. Подлежит следственному осмотру и носителю с видеозаписью «Дозора», который фиксировал все административные действия сотрудника полиции. Указанный носитель также приобщается к материалам и хранится в материалах уголовного дела. Однако также подлежат осмотру и приобщению к материалам уголовного дела, имеющие доказательственное значение документы административного материала¹.

Непосредственный объект исследуемого преступления – общественные отношения, складывающиеся в сфере безопасности дорожного движения. Вред указанным социальным отношениям причиняется путем воздействия на предмет преступления. Причем в материалах уголовного дела в обязательном порядке должны быть отражены необходимые технические характеристики, позволяющие отнести средство передвижения к категории механических транспортных средств, в частности информация о государственной регистрации, рабочем объеме двигателя в его соотношении с максимальной конструктивной скоростью и т.д. Отсутствие же указанной информации является причиной для возврата уголовного дела прокурору².

Объективная сторона названного преступления выражается в активном поведении и состоит в управлении одним из вышеуказанных транспортных средств, которое становится преступным лишь при установлении двух обязательных признаков. Во-первых, в указанный момент лицо должно находиться в состоянии опьянения; во-вторых, оно должно быть уже привлечено к административной ответственности за езду в нетрезвом виде, за отказ от прохождения от меди-

цинского освидетельствования на состояние опьянения или к уголовной ответственности по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ или ст. 264.1 УК РФ. Обобщение следственно-судебной практики позволило сделать вывод о том, что большинство ошибок, допускаемых органами предварительного расследования и судом, связано как раз с установлением и доказыванием объективной стороны исследуемого преступления. В уголовном деле должен быть доказан именно факт управления транспортным средством, то есть установлено, что лицо не просто находилось в автомобиле и сидело за рулем, а управляло транспортным средством. Так, приговор в отношении С., обвиняемого по ст. 264.1 УК РФ, был отменен, так как описанные в нем обстоятельства совершения преступления включали данные о том, что водитель лишь сел за руль автомобиля и был остановлен сотрудниками ГИБДД³. Однако отсутствовало указание то, что этому предшествовали действия водителя по осуществлению обязательных элементов управления автомобилем.

Обязательным признаком являются установленный в момент совершения преступления факт нахождения лица в состоянии опьянения и наличие у него административного наказания за ранее совершенное идентичное административное правонарушение. При этом для наличия второго признака необходимо, чтобы не истекли сроки административного наказания или судимости. Срок, в течение которого лицо является подвергнутым административному наказанию, установлен в статье 4.6 КоАП РФ. В этой связи необходимо проверить информацию, было ли исполнено постановление, если да, то когда, не было ли прекращено его исполнение, не истек ли установленный срок, было ли пересмотрено первое и последующие постановления, связанные с его исполнением, в порядке, предусмотренном гл.30 КоАП РФ. Например, в суде было установлено, что постановление об административном наказании было отменено, что повлекло за собой возврат уголовного дела прокурору для устранения препятствий по обстоятельствам его совершения⁴.

Наличие судимости или административного наказания должно подтверждаться собранными доказательствами. В свою очередь, отсутствие в материалах дела официальных сведений, свидетельствующих об отбытии назначенного административного наказания, является причиной отмены приговора. Так, вместо копии судебного решения сотрудником полиции был составлен и приобщен к материалам уголовного дела рапорт сотрудника полиции об обнаружении признаков преступления, содержащий указание на сроки отбытия административного наказания⁵.

В случае если лицо управляет транспортным средством в состоянии опьянения, будучи подвергнутым административному наказанию по ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ, но в то же время является судимым по ст. 264.1 УК РФ, то, соответственно, оно одновременно подлежит ответственности по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ и ч. 2 ст. 264.1 УК РФ. К примеру, суд, воз-

1 Постановление Томского районного суда по делу 1-262/2021 от 09 июля 2021 года // ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 07.06.2023).

2 Постановление Томского районного суда по делу 1-262/2021 от 09 июля 2021 года // ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 07.06.2023).

3 Апелляционное постановление № 22-1631/2022 от 2 августа 2022 г. по делу № 1-143/2022. // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения 07.06.2023).

4 Постановление Энгельского районного суда Саратовской области по делу 1-1112/2021 от 9 декабря 2021 года ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 07.06.2023).

5 Постановление суда района имени Лазо Хабаровского края по уголовному делу № 1-307/2019 от декабря года ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 07.06.2023).

вращая уголовное дело прокурору, указал на то, что предъявленное М. обвинение содержит действия, предусмотренные двумя частями вмененной статьи, в которых установлены два разных состава преступления⁶. Ключевое значение приобретает то, что водитель до сих пор является подвергнутым наказанию за подобное правонарушение. Следовательно, факт совершения преступления (ст. 264.1 УК РФ) не приостанавливает и не прекращает административное наказание за соответствующее административное правонарушение.

При этом лицо не должно нести одновременно и административную, и уголовную ответственность за одно и то же. Так, уголовное дело возвращено прокурору, поскольку по одним и тем же обстоятельствам в отношении П. было возбуждено уголовное дело по ст. 264.1 УК РФ и П. привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. На момент рассмотрения данного уголовного дела в суде производство об административном правонарушении не было прекращено, что явилось препятствием для вынесения приговора⁷.

Субъект исследуемого преступления – общий. Довольно часто дела по исследуемой статье расследуются в сокращенной форме дознания. Однако это невозможно, когда есть основания для применения принудительных мер медицинского характера, поэтому необходимо тщательно проверить информацию о наличии психических расстройств у обвиняемого. Но анализ опубликованной судебной практики по исследуемой категории дел свидетельствует о том, что зачастую данное требование игнорируется. В суд направляются уголовные дела, расследуемые в сокращенной форме, без проведения судебно-психиатрической экспертизы обвиняемого, когда такая экспертиза требовалась и подобная форма была не допустима. За этим следует возвращение уголовного дела прокурору для передачи его для производства дознания в общем порядке. В качестве примера приведем уголовное дело по обвинению гражданина А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Указанный гражданин воинскую службу не проходил, был признан ограниченно годным к военной службе, однако дознавателем не были выяснены причины этого и не исключены основания для проведения судебно-психиатрической экспертизы⁸. Данное решение является грубым нарушением уголовного и уголовно-процессуального законодательства как в части установления вменяемости субъекта преступления, так и его способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо осознает, что повторно садится за руль в нетрезвом виде, и желает совершить это. Необходимо установить, что виновный целенаправленно садится за руль в нетрезвом виде, зная, что повторно совершает нарушение. При этом согласно показаниям обвиняемых наиболее часто осужденные по ис-

следуемой статье направляются в такие места как: магазин; дача; гости; автозаправочная станция; аптека; дом; работа. Большинство подсудимых в своих показаниях отмечают, что они надеялись на то, что их не остановят сотрудники ГИБДД. Иными словами, прямой умысел должен быть подтвержден, недоказанность умысла может послужить причиной возвращения уголовного дела прокурору. Так, в предъявленном К. обвинении не был установлен должным образом умысел на совершение преступления. К. не был осведомлен о назначении ему административного наказания в виде лишения прав, так как копию постановления мирового судьи не получал, водительское удостоверение ранее не было изъято, изъятие состоялось в момент совершения К. уголовно-наказуемого деяния. Кроме того, в обвинительном акте указано, что К. совершил преступление, будучи ранее подвергнутым административному наказанию по ч.1 ст.12.8 КоАП РФ, однако в материалах уголовного дела содержатся данные о привлечении К. к административной ответственности и подвергнутого административному наказанию по ч.1 ст. 12.26 КоАП РФ. Указанные обстоятельства послужили поводом для возврата уголовного дела прокурору⁹.

Таким образом, возникающие в правоприменительной практике трудности при применении ст.264.1 УК РФ имеют в большей степени уголовно-процессуальный, доказательственный характер. В основном они связаны с установлением объективной стороны состава преступления. Именно на этот аспект в большей степени необходимо обращать внимание правоприменителю при расследовании уголовных дел.

Пристатейный библиографический список

1. Трухин С. А. Процессуальные проблемы доказывания по уголовным делам по статье 264. 1 УК РФ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 2 (42). – С. 211-220.
2. Новикова Е. А., Черкасова Е. И., Александров Е. А., Волченко А. В. Особенности предварительного расследования уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 264. 1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 289-292.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.01.2019 № 63-УДП18-3. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/> (дата обращения 07.06.2023).
7. Постановление Октябрьского районного суда г. Красноярск по делу 1-151/2021 от 18.02.2021 // ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 07.06.2023).
8. Постановление Октябрьского районного Суда г. Иркутск по делу 1-116/2019 // ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 07.06.2023).
9. Постановление Киренского районного суда Иркутской области по делу 1-39-2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 15.03.2023).

СТАВИЛО Сергей Петрович

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

БОХАН Андрей Петрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

АБДУЛЛАЕВА Виктория Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

ПАРАМЕТРЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ, ХАРАКТЕР И ОСНОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье анализируются наиболее актуальные вопросы уголовного права, посвященные поиску параметров криминализации общественно-опасных деяний, анализу характера и оснований определения общественной опасности преступления. Авторы предлагают осуществлять криминализацию и декриминализацию деяний на логически обоснованной, строго научной основе, не злоупотребляя этим видом правотворческой деятельности для достижения иных целей, не обусловленных целями уголовного права. Авторами предлагается ввести в научный дискурс обсуждение вопроса о необходимости принятия «Кодекса криминализации общественно-опасных деяний», который определял бы не только принципы, механизм, критерии криминализации, но и иные параметры в этой неоднозначной и сложной уголовно-правовой деятельности.

Ключевые слова: криминализация, общественная опасность, состав преступления, декриминализация.

STAVILO Sergey Petrovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Socio-economic and humanitarian disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

BOHAN Andrey Petrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal and criminal executive law, criminology sub-faculty of the Rostov State University of Economics (RINE)

ABDULLAEVA Viktoriya Sergeevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Criminal and penal law, criminology sub-faculty of the Rostov State University of Economics (RINE)

CRIMINALIZATION PARAMETERS, NATURE AND BASIS OF THE PUBLIC DANGER CRIME

The article analyzes the most pressing issues of criminal law devoted to the search for parameters of criminalization of socially dangerous acts, the analysis of the nature and grounds for determining the social danger of a crime. The authors propose to carry out the criminalization and decriminalization of acts on a logically justified, strictly scientific basis, without abusing this type of law-making activity to achieve other goals that are not determined by the goals of criminal law. The authors propose to introduce into scientific discourse a discussion of the need to adopt a "Code of Criminalization of Socially Dangerous Acts", which would define not only the principles, mechanism, criteria of criminalization, but also other parameters in this ambiguous and complex criminal law activity.

Keywords: criminalization, public danger, corpus delicti, decriminalization.

Уголовное право является отраслью публичного права, так как в уголовно-правовых отношениях стороны выступают как юридически неравноправные. Это, по сути, инициативные действия государства в интересах индивида и всего общества. В то же время именно в данной сфере кроется множество противоречий, связанных с обоснованием криминализации деяний. До сих пор отсутствуют правовые критерии криминализации. Доктринальный подход к этому процессу весьма разнообразен, но и он не предлагает универсального решения. Это касается, прежде всего, определения и учета характера и степени общественной опасности деяния, что позволит обоснованно отнести его к преступлению. Скажем так, только «достойные» общественно-опасные деяния могут называться преступлениями. То есть общественная опасность преступления должна быть достаточно высокой. Но именно данное качество деяния очень часто игнорируется в процессе правотворческой деятельности. Среди принципов криминализации в науке уголовного права приняты следующие: распространенность деяния, экономия репрессий (допусти-

мость использования не уголовно-правовых средств), учет возможностей системы уголовной юстиции для обеспечения неотвратимости наказания и др. Поэтому общие подходы к процессу криминализации общественно-опасных деяний должны быть ограничены широкими возможностями использования иных, не уголовно-правовых средств защиты общественных отношений, а криминализация должна осуществляться по принципу «лучше меньше, да лучше».

Использовать уголовно-правовые меры можно только в том случае, когда иные правовые меры не способны добиться определенного уровня правопорядка и общественной безопасности. При этом важно помнить, что уголовно-правовые запреты не должны ограничивать права и свободы человека и гражданина без реальной, прежде всего, социальной, необходимости, не должны вступать в явное противоречие с Конституцией РФ и подрывать принцип ее прямого действия. Поэтому считаем возможным открыть дискуссию о введении соответствующего «Кодекса криминализации общественно-опасных деяний», который определял бы не только принци-

пы, механизм, критерии криминализации, но и иные параметры в этой неоднозначной и сложной уголовно-правовой деятельности. Данный Кодекс позволил бы раскрыть достаточные причины, обоснования и процедуру криминализации деяний, на принципах объективной оценки, объемах и реальной необходимости в таком уголовно-правовом реагировании.

Определяя общие параметры криминализации общественно-опасных деяний мы исходим из того, что основным признаком криминализации и самого преступления должна быть общественная опасность, нашедшая в дальнейшем отражение в противоправности и обязательно закрепленная в качестве признака состава преступления.

Характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (ст. 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий и др.).

Ст. 6 УК РФ и Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 года «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» требует руководствоваться при назначении наказания характером и степенью общественной опасности преступления, особенностями личности преступника [1].

Противоправность определяют, как закрепленность признаков конкретного преступления в отдельной статье уголовного закона, что подчеркивает конкретность критериев уголовно-правовой оценки содеянного.

В истории нашей страны были времена, когда принцип законности игнорировался, а в процессе правоприменительной деятельности руководствовались революционным правосознанием и целесообразностью. Особенно это ярко присутствует в свидетельствах времен революции 1917 года, гражданской войны и последующего периода коллективизации и репрессий.

Так, русский писатель-диссидент Борис Николаевич Ширяев в своей работе «Неугасимая лампада» (Соловки 1925 – Капри 1950) отмечал, что уродливость советской «юриспруденции» доходила до невероятных гротесков, когда уголовной ответственности за антисемитизм был подвергнут эстрадный куплетист-еврей Жорж Леон, исполнявший еврейские песенки с акцентом.

В данный период фактически был реанимирован и закреплен принцип аналогии уголовного закона, что сейчас прямо противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ) и многие деяния определялись как «преступные» по воле правоприменителей. В п. 6 II раздела УК РСФСР 1922 года вообще не упоминался такой обязательный сейчас признак преступления, как противоправность.

Данное обстоятельство нашло отражение в лагерьном фольклоре и надолго закрепилось в общественном сознании: «...попы, шпана, каэры (контрреволюционеры) доживают век. Там статья для всех найдется, был бы человек!»

В этот период грубо нарушались: 1) принцип личной ответственности и вины, когда уголовной высылке подвергались невиновные (так называемые ЧСИРы – члены семьи изменника Родины); 2) принцип гуманизма – посредством введения уголовной ответственности с 12 лет, повышения максимального срока лишения свободы с 10 до 25 лет, отмены условно-досрочного освобождения; 3) принцип категоризации преступлений и дифференциации ответственности, когда посягательство на государственную собственность каралось несопоставимо строже (вплоть до смертной казни),

чем убийство, за которое суд мог назначить 10 лет лишения свободы [2, с. 168].

В действующем уголовном законодательстве (см. ч. 1 ст. 14 УК РФ) признается равноправность обоих основополагающих признаков преступления – общественной опасности и уголовной противоправности. С теоретической точки зрения закреплено формально-материальное определение понятия преступления, которое нарушается только с наличием условий, указанных в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Здесь говорится о том, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Отдельные ученые критически относятся к данному определению, однако подчеркивают, что любая попытка полностью формализовать данный оценочный уголовно-правовой институт, обречена на неудачу. Так, А. Н. Соловьев в своей работе «Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты» предлагает исследовать малозначительность деяния в двух аспектах: 1) как юридический факт и 2) правоприменительную ситуацию.

Предложенная им редакция нормы о малозначительности деяния выглядит следующим образом: «Не является преступлением малозначительное деяние, то есть поведение, хотя формально и содержащее систему признаков конкретного состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу отсутствия или незначительной степени общественной опасности не достигающее уровня общественной опасности, присущей преступлению» [3, с. 20-22].

Общественная опасность преступления определяется характером (качественный показатель) и степенью (количественная характеристика).

По мнению Ю. Е. Пудовочкина противоправность представляет собой сложный и многоаспектный юридический феномен, пронизывающий и определяющий содержание практически всех составных компонентов отрасли уголовного права [4, с. 70-81].

Известный французский ученый-криминалист России, по свидетельству другого известного ученого, но уже русского – Н. С. Таганцева, констатировал: «вести в закон такое деление – значит, сказать обществу: не трудитесь исследовать внутреннюю суть человеческих деяний, смотрите на власть: если она рубит голову кому-либо, вы должны заключить, что этот человек – великий злодей. Это деление свидетельствует о таком презрении к человечеству, таком притязании на деспотизм во всем, даже нравственности, что можно без особой смелости судить о духе целого кодекса по одной статье» [5, с. 58].

Проблема определения состава преступления является сложной и многогранной в теории уголовного права, не менее она сложна и в правоприменительной деятельности. Одно из основных направлений правоприменительной деятельности – это правильная квалификация преступлений, основанная на анализе признаков состава отдельного преступления.

По сути, состав преступления – это краеугольный камень уголовного права, основа, базис уголовной ответственности.

Необходимо уяснить, что же является составом преступления с точки зрения законодателя и что же такое состав преступления в теории уголовного права. На этот счет нет однозначного ответа и по сей день существует несколько мнений. Первое относится к рассмотрению состава преступления как «законодательной модели». Авторы этой точки зрения отождествляют состав преступления с диспозицией уголовно-правовой нормы, полагая, что это сложное правовое образование следует рассматривать наряду с понятием уголовного закона [6]. Следующее мнение основано на том, что состав преступления вообще не следует рассматривать в

качестве самостоятельного образования, относиться к нему необходимо лишь как к основанию уголовной ответственности [7, с. 110-113] (т. е. учитывается только прикладной аспект). Другое мнение определяет состав преступления как юридическую абстракцию, выработанную теорией уголовного права [8, с. 41]. Существует и множество других точек зрения: например, по-латыни «состав преступления» определяется как «*corpus delicti*» – достаточное основание для рассмотрения дела в суде – понятие, с XVI века играющее процессуальную роль в англосаксонской системе права [9, с. 170]. Этому посвящены и последние исследования в области уголовного права [10, с. 37-44].

Наиболее полное определение состава преступления дается в работах видных теоретиков уголовного права доктора юридических наук, профессора В.С. Устинова [11, с. 38] и доктора юридических наук, профессора А. И. Марцева [12, с. 44-46]. Анализируя оба определения, можно сказать, что высказывание В. С. Устинова касается содержательной стороны данного правового образования: состав преступления – это совокупность объективных и субъективных признаков, описанных в уголовно-правовой норме, необходимых и достаточных для признания совершенного деяния конкретным преступлением. Рассуждения А. И. Марцева относятся к его общей форме: состав преступления – это теоретическая модель, статистическая совокупность элементов и признаков, присущих общей массе преступлений. По сути, это формула преступления, сравнимая с математической, так как условные показатели заменяются фактическими данными. Отличие лишь в том, что условные показатели «условны», т. е. «разбросаны» и по Общей и по Особенной части, но при наличии явления образуют собой систему. Состав преступления представлен известными четырьмя ключевыми элементами.

В теории уголовного права встречаются термины «элементы состава преступления» и «признаки состава преступления» [13, с. 188-204]. Это связано с дуалистичностью (двойственностью) толкования данных категорий, как:

1) системы юридических элементов (признаков) безотносительно к конкретному преступлению, образующих его идеальную (абстрактную) модель;

2) элементов (признаков) состава конкретного преступления (убийства, кражи, разбоя).

Нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что понятия «элемент состава» и «признак состава» тождественны [14, с. 71]. Данные понятия соотносятся между собой как общее и особенное (специальное, частное) и смешивать их между собой нелогично.

Юридические признаки преступления предусмотрены: 1) в диспозициях запретительных норм Особенной части (индивидуализирующие признаки); 2) в нормах-дефинициях Особенной части, распространяющихся, как правило, на составы отдельной главы (признаки, характеризующие групповую принадлежность преступления); 3) в Общей части (общие).

Можно сказать, что состав конкретного преступления состоит из элементов, а элементы состава – из признаков. Именно такая система взаимосвязанных элементов и признаков состава преступления образует виновную общественную опасность преступления. Неполнота и недоказанность обязательных элементов и признаков состава преступления исключают наличие состава преступления.

Таким образом, можно констатировать, что основой криминализации общественно-опасных деяний и декриминализации деяний, утративших свою общественную опасность является характер и степень общественной опасности самого криминализуемого или декриминализуемого деяния. В правовых и доктринальных источниках принято, что характер общественной опасности деяния определяется в зависимости от его вредоносности (качественный признак),

а степень в зависимости от размера причиненного ущерба, вреда (количественный признак). Однако именно порядок определения этих признаков общественной опасности в законе не определен. Мы же считаем, что в предложенном нами «Кодексе криминализации общественно-опасных деяний» такой порядок будет представлен, он будет определять шкалу общественной опасности деяния, механизм его криминализации и определение местоположения той или иной предлагаемой уголовной-правовой нормы в структуре уголовного закона, включая процедуру обоснования криминализации, при условии, что определенный объект не может быть защищен никакими другими правовыми средствами кроме, как средствами уголовно-правовой охраны. При этом главным правовым инструментом непосредственной (технической) криминализации выступает состав преступления, который имеет четкую структуру, характеризующуюся соотношением соответствующих элементов и признаков состава преступления.

Пристатейный библиографический список

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22.12.2015 года (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56, от 18.12.2018 № 43) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. Февраль.
2. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. д.ю.н., проф. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб: Юридический центр Пресс, 2008. С. 168.
3. Соловьев А. Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 20-22.
4. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 70-81.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. М., 1994. Т. 1. С. 58.
6. Кузнецова Н. Ф., Вельцель Л. Уголовное право ФРГ. М., 1984.; Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.
7. Уголовное право России. Часть Общая. Отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: БЕК, 2000. С. 110-113.
8. Маритчак Т. М. Ошибки в квалификации преступлений. Киев, 2004. С. 41.
9. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. С. 170.
10. Галиакбаров Р. Р., Шульга А. В., Сокол А. В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 37-44.
11. Устинов В. С. Уголовное право России (Общая часть). Н.Новгород, 1997. С. 38.
12. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск: Омский ЮИ МВД России, 2000. С. 44-46.
13. Ораздурдыев А. М. Классификация единичных составов преступлений в зависимости от количества элементов и признаков состава в законе // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 4. С. 188-204.
14. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 71.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОДОЛЖАЕМОГО ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

В статье анализируются вопросы квалификации систематического вымогательства. Рассмотрены объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, которые в совокупности могут выступать основанием для признания систематического вымогательства единичным сложным продолжаемым преступлением. Также приводятся варианты квалификации продолжаемого вымогательства, которые связаны как с изменением обстановки совершения такого преступления, так и с трансформацией умысла виновного.

Ключевые слова: преступление, вымогательство, продолжаемое преступление, совокупность преступлений, оконченное преступление.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

SEPARATE ISSUES OF QUALIFICATION OF CONTINUED EXTORTION

The article analyzes the issues of qualification of systematic extortion. Objective and subjective signs of the corpus delicti provided for in Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation, which together can serve as a basis for recognizing systematic extortion as a single complex ongoing crime, are considered. There are also options for the qualification of continued extortion, which are associated both with a change in the situation of committing such a crime and with the transformation of the perpetrator's intent.

Keywords: crime, extortion, ongoing crime, set of crimes, completed crime.

Ступина С. А.

Согласно данным судебной статистики количество осужденных за вымогательство за последние двадцать лет (с 2003 г. по 2022 г.) снизилось на 66,7%, т.е. на две трети сократилось количество лиц, подвергнутых мерам государственного принуждения на основании приговора по ст. 163 УК РФ.

Вместе с тем, в соответствии с официальными данными МВД России, начиная с 2019 г. появляется стойкая тенденция к росту такого вида преступлений. Так, +25% прирост по итогам 2022 г. по отношению к 2021 г., +8,2% в 2021 г. (6556) по отношению к АППГ, +12,5% в 2020 г. (6058) и +5,6% в 2019 г. (5384).

Количество зарегистрированных преступлений по ст. 163 УК РФ в 2022 г. составило 8195, что на 23,5% по отношению к 2003 г., когда было зафиксировано 10715 фатов вымогательства.

Таким образом, видно, что количество регистрируемых фатов вымогательства растет и при наметившихся темпах прироста может вернуться к показателям двадцатилетней давности. Однако, независимо от такой тенденции количество осужденных за такие преступления существенно снижается.

Отчасти это коррелирует с количеством лиц, выявленных за совершение вымогательства. Так, в 2022 г. выявлено 2586 чел., в 2021 г. – 2599 чел., в 2020 г. – 2874 чел., в 2019 г. – 2864 чел., в 2018 г. – 3155 чел.

Сопоставительный анализ данных указанным официальными ведомств показал, что по зарегистрированным фактам совершения вымогательства выявляется виновный

только в каждом третьем случае. Либо ситуация может быть определена тем, что на одного виновного приходится в среднем до трех фатов совершения вымогательства.

Вместе с тем, в любом случае из приведенных официальных данных следует, что за десять совершенных вымогательств уголовной ответственности подвергнуты в среднем не более двух человек.

Полагаем, что одной из возможных правоприменительных дискуссий, влияющих в том числе и на статистическую картину, является вопрос о соотношении систематического, продолжаемого вымогательства с совокупностью таких единичных преступлений.

Отдельные аспекты систематического, продолжаемого вымогательства рассматривались в трудах Д. А. Гарбатович [1], А. И. Бойцова [2], В. С. Минской [3] и др.

В развитии научных взглядов полагаем возможным осветить отдельные вопросы квалификации систематического вымогательства, с учетом возможности применения традиционных положений о продолжаемом преступлении к вымогательству, для которого предусмотрена формальная конструкция состава, влияния изменения обстановки совершения преступления и трансформации умысла виновного на квалификацию продолжаемого вымогательства.

Систематическое вымогательство одной и той же суммы денег одними и теми же лицами у одного и того же потерпевшего в одних случаях рассматривается как совокупность, в других – как единое продолжаемое преступление.

Так, В. С. Минская считает, что поскольку вымогательство – преступление с формальным составом, то невозможно применение положений о продолжаемом преступлении, поскольку каждое последующее имущественное требование под угрозой образует самостоятельный состав преступления, а непредотвращение дальнейшей преступной деятельности вымогателя после совершения первого преступления не должно улучшать его положение в связи с совершением последующего самостоятельного вымогательства [3, с. 63-64].

Действительно, в таком случае получается, что совершение тождественных преступлений образует совокупность (ч. 1 ст. 17 УК РФ).

В основании такой позиции лежит признание того, что с учетом конструкции состава вымогательства, а также объектов посягательства общественная опасность выдвигаемых вымогателем тождественных требований под определенной угрозой к одному потерпевшему не может оцениваться ниже, чем ряд таких же противоправных действия, но в отношении нескольких лиц.

С одной стороны суждение по поводу характера и степени общественной опасности в приведенном варианте совершенно справедливы, но, с другой, стороны при обращении требований к одному потерпевшему при условии того, что они изначально охватывались умыслом потерпевшего как объединенный ряд тождественных действий, можно говорить о меньшем характер общественной опасности содеянного.

Так, согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» характер общественной опасности преступления определяется направленностью деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности.

Большинство авторов полагают, что для квалификации систематического вымогательства необходимо следовать критериям, определяемым судебной практикой, прежде всего, Высшим судебным органом РФ [4, с. 9], [5, с. 42].

Пленум ВС РФ в п. 8 своего постановления от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» разъясняет, что понимать под продолжаемым вымогательством.

Заметим, что Верховный Суд РФ предусматривает возможность продолжаемого преступления и в случае, если тождественные требования предъявляются нескольким потерпевшим.

В этом случае влияние на характер общественной опасности оказывает тот факт, что в постановлении отмечается, что такие требования должны иметь своей целью получение одного и того же имущества

Как видно Высший судебный орган РФ четко в соответствии с законодательной конструкцией состава вымогательства указывает на то, что для признания последнего продолжаемым преступлением необходимо установить, что действия в форме требования должны иметь общий умысел и единую цель, что, впрочем, традиционно для понимания продолжаемых преступлений [6, с. 16].

Для составов с формальной или усеченной конструкцией характерно в рамках субъективной стороны наличие только прямого умысла, который применительно к вымогательству следует определять, как осознание фактического характера и общественной опасности выдвигаемых под определенной угрозой требований, предвидение к какому результату должны привести такие действия и желание их совершения.

Конкретизированный умысел, по мнению Е. В. Хомякова, является критерием определения продолжаемого деяния [7, с. 13-15].

Для вымогательства, субъективная сторона которого характеризуется прямым умыслом, характерен конкретизированный вид умысла, а также альтернативный. Последний возможен в варианте осознания и предвидения виновного в отношении совершения своих противоправных действий, волевой момент которых определен желанием совершить именно требования под определенной угрозой, целеполаганием которых является достижение вариативного желания виновного на получение имущества или имущественных благ от требуемых от потерпевшего действий.

Д. С. Чикин справедливо указывает, что: «Если уголовно-правовое значение имеют количественные параметры цели – продолжаемое преступление необходимо считать юридически оконченным с момента достижения этой цели в объеме, имеющем уголовно-правовое значение».

Такое мнение поддерживается рядом ученых [8], [9].

Поскольку вымогательство окончено с момента выдвижения требования под указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, то в контексте такого подхода к окончанию продолжаемого преступления следует говорить о том, что уже при первом акте совершения действия, содержащего все признаки состава вымогательства, следует вымогательство считать оконченным, поскольку виновный полагает, что путем выдвижения требования под реальной для потерпевшего угрозой достиг своей цели.

Передача имущества или прав на имущество или совершение действий имущественного характера после выдвижения требования под определенной угрозой уже находится за рамками состава вымогательства и на квалификацию не влияет.

Соответственно, если изначально виновный намеревался регулярно, систематически получать от потерпевшего оговоренные или предполагаемые имущество или имущественные блага, то все последующие действия виновного после первого акта вымогательства, независимо от того содержат ли они все признаки состава преступления по ст. 163 УК РФ или только часть таких признаков, фактически не оказывают уже влияния на квалификацию содеянного, за исключением случаев, если происходит конкретизация требуемого, что влияет на размер: крупный, особо крупный.

Даже если при очередной требовании потерпевший отказывается от выполнения ранее оговоренных действий по передаче имущества или совершения действий имущественного характера, то применение, к примеру, к нему насилия в качестве мести требует квалификации по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим уголовную ответственность за посягательство на жизнь и здоровье.

Однако, заметим, если в процессе выдвижения очередного требования виновный вновь применит насилие, которое представляет большую опасность для потерпевшего нежели, чем ранее применяемое, то в таком случае следует говорить о трансформации умысла виновного и квалификации вымогательства по первоначальному акту с учетом последующих действий по реализации выдвигаемых требований.

Это же относится и к фактам, когда в последующем для получения очередного ранее оговоренного имущества и имущественных благ виновный начинает еще и шантажировать потерпевшего новыми или вновь ставшими известными виновному сведениями о потерпевшем или его близких.

Если после выдвижения требования по реально воспринимаемой потерпевшим угрозой виновный в очередной раз для реализации своего первоначального умысла привлечет других лиц, которые могут, к примеру, применять насилие или угрожать, то это также не влияет на квалификацию вымогательства, как продолжаемого преступления. Но, вместе с тем, влияет на квалификацию в части установления соответствующего вида или формы соучастия.

В кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 № 77-4534/2022 рассмотрены аналогичные вопросы продолжаемого деяния применительно к мошенничеству [10].

В целом, следует считать единым продолжаемым преступлением и случаи, когда потерпевший воспринял вымогательские угрозы реально, однако в силу различных обстоятельств не стал их выполнять, что вынудило вымогателя для достижения своей первоначальной цели и в дальнейшем вновь предъявлять требование и угрожать.

Кроме этого, следует понимать, что, если в первый акт действия виновного не содержали всех признаков состава вымогательства, например, не была конкретизирована угроза, то этот акт не подлежит квалификации и не может быть включен в состав продолжаемого вымогательства.

При установлении совокупности таких субъективных признаков, как конкретизированный или альтернативный умысел, момент его возникновения и цель, а также объективных: требование обращено к одному и тому же потерпевшему, угрозы направлены на воздействие именно этого потерпевшего и принуждения его к необходимому для вымогателя поведению, которое было доведено до потерпевшего изначально.

Следует понимать, что до того, как потерпевший воспринял угрозу как реально осуществимую и ощутил, к чему его склоняет субъект, систематические требования не могут образовывать состав оконченного вымогательства.

Если же будет установлено, что умысел виновного на очередной акт вымогательства у одного и того же потерпевшего возник в результате безнаказанности преступных действий, либо оказался результатом вновь возникших обстоятельств объективной, так и субъективной реальности у виновного, то следует вести речь о совокупности преступлений.

Таким образом, при признании систематического вымогательства, как единого продолжаемого преступления в полной мере применимы все критерии, выработанные Верховным Судом РФ. При этом важное значение следует прида-

вать времени и этапам формирования умысла вымогателя и цели, которую он преследует и реализует при определенных обстоятельствах.

Пристатейный библиографический список

1. Гарбатович Д. А. Периодическое (систематическое) вымогательство как продолжаемое преступление // Уголовное право. – 2020. – № 4. – С. 9-14.
2. Бойцов А. И. Преступления против собственности. – Санкт-Петербург, 2002. – 774 с.
3. Минская В. С. Уголовная ответственность за вымогательство. Некоторые вопросы квалификации и доказывания // Право и экономика. – 1997. – № 11-12. – С. 63-66.
4. Ляпунов Ю. Ответственность за вымогательство // Законность. – 1997. – № 4. – С. 4-10.
5. Ткаченко В. И. Вымогательство // Дело и право. – 1996. – № 6. – С. 40-45.
6. Архипов А. В. Единое продолжаемое хищение: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2017. – № 5. – С. 13-19.
7. Хомяков Е. В. Влияние конкретизированного умысла на квалификацию преступлений // Российский судья. – 2022. – № 3. – С. 13-15.
8. Долотов Р. О. Момент окончания продолжаемого хищения с конкретизированным умыслом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 3 (34). – С. 336-344.
9. Гарбатович Д. А., Сумский Д. В. Отграничение совокупности преступлений от единичных сложных преступлений // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 28-34.
10. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 № 77-4534/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

ШОНДИРОВ Руслан Хазраилович

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского Института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ: ЦЕЛИ, СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Киберпреступление — это преступная деятельность, которая осуществляется в цифровом пространстве интернета. Она имеет много компонентов и не ограничивается применением компьютера или вредоносного программного обеспечения. Особенно ярко преступления в цифровом пространстве проявили себя во время карантина, вызванного коронавирусом, когда большая часть населения вынуждена была перейти на удаленный режим работы. В это же время преступники нашли новые способы получения денег незаконно. Особый статус приобрели киберпреступления, для совершения которых требуется применение современных информационных технологий. Правоохранители отмечают, что киберпреступность не отстает от темпов развития технологий и стремительно внедряется во все сферы общественной жизни. На данный момент эта проблема признана глобальной и относится к международному уровню. Для совершения подобного рода преступлений требуются не самые сложные навыки, поэтому преступники быстро учатся, даже не имея специального образования.

Ключевые слова: киберпреступность, способ совершения преступления, преступные цели, квалификация преступления, фишинг, взлом сайтов, кибершантаж, кибершпионаж.

SHONDIROV Ruslan Khazrailovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, police major

CYBERCRIME: GOALS, METHODS OF COMMISSION, QUALIFICATION PROBLEMS

Cybercrime is a criminal activity that is carried out in the digital space of the Internet. It has many components and is not limited to the use of a computer or malicious software. Crimes in the digital space showed themselves especially vividly during the quarantine caused by the coronavirus, when most of the population was forced to switch to remote operation. At the same time, criminals have found new ways to get money illegally. Cybercrimes that require the use of modern information technologies have acquired a special status. Law enforcement officials note that cybercrime does not lag behind the pace of technology development and is rapidly being introduced into all spheres of public life. At the moment, this problem is recognized as global and belongs to the international level. To commit such crimes, not the most complex skills are required, so criminals learn quickly, even without special education.

Keywords: cybercrime, method of committing a crime, criminal goals, qualification of a crime, phishing, hacking sites, cyber-sabotage, cyber espionage.

Шондилов Р. Х.

В современных реалиях глобальная сеть интернет представляется чем-то привычным, используемым каждый день в любой сфере человеческой жизнедеятельности, начиная от работы и заканчивая развлечениями. Криминалитет также научился пользоваться всемирной сетью как инструментом и местом совершения преступлений. Преступники совершенствуют свои навыки, умения и способности, придумывают изощренные схемы совершения преступлений.

Особенно ярко преступления в цифровом пространстве проявили себя во время карантина, вызванного коронавирусом, когда большая часть населения вынуждена была перейти на удаленный режим работы. В это же время преступники нашли новые способы получения денег незаконно. Особый статус приобрели киберпреступления, для совершения которых требуется применение современных информационных технологий.

Правоохранители отмечают, что киберпреступность не отстает от темпов развития технологий и стремительно внедряется во все сферы общественной жизни. На данный момент эта проблема признана глобальной и относится к международному уровню. Связано это с тем, что при помощи глобальной сети преступник может совершить преступление в одной точке мира, находясь при этом совершенно в другом месте [1], [2].

Отмечая недостаточную квалификацию компьютерных преступлений, внимание привлекает в т.ч. и отсутствие законодательных норм, способных точно описать это явление. Не является исключением и УК РФ, нормы которого не всегда

учитывают наступивший технический прогресс. Это приводит к тому, что рассматриваемые преступления трудно квалифицировать, отследить и зафиксировать, поскольку они практически не оставляют следов. Ввиду этого остается открытым вопрос о создании единого информационного центра, способного обрабатывать поступающие в него статистические данные, касающиеся киберпреступлений. Вместе с тем правоохранители отмечают существование подобного учета, однако в него входят не все преступления, а лишь те, которые удалось им зафиксировать, чаще это локальные правонарушения.

Для совершения киберпреступления инструментом выступает интернет, а результатом — хищение денег со счетов, взлом аккаунтов в социальных сетях, мошенничество, в результате которого жертва сама переводит деньги на счет преступников. Преступления могут иметь дящийся характер или быть исполнены в виде коротких кибератак. Преступник может пользоваться компьютером или телефоном, но ему в 55% случаев нужен выход в интернет. Многие преступления, совершенные через глобальную сеть, связаны с кражей личных данных, взломом аккаунтов в социальных сетях.

Целью киберпреступников чаще всего выступают финансовые махинации. Их действия имеют разную направленность, например, возможно совершение краж, мошенничества. Жертвой могут стать как физические, так и юридические лица, включая крупные компании и банки.

Киберпреступление — это преступная деятельность, которая осуществляется в цифровом пространстве интернета.

Она имеет много компонентов и не ограничивается применением компьютера или вредоносного программного обеспечения. Некоторые преступники используют телефон и выход в интернет, они могут писать жертве или разговаривать с ней, использовать различные программы для связи [1], [6]. Для совершения подобного рода преступлений требуются не самые сложные навыки, поэтому преступники быстро учатся, даже не имея специального образования. Достаточно завладеть компьютером или иным средством связи, обладающим возможностью выхода в интернет. Чаще всего этим занимаются мошенники. Однако существуют и более высокоорганизованные группы, которые уже имеют специальные навыки и организуют хакерские атаки. Они могут заниматься не только кражами и мошенничеством, но и осуществлять более сложные преступные схемы. Например, такие группы легко взламывают сайты, могут использовать подобный навык для нанесения ущерба государственным структурам, совершать действия террористического характера, наносить серьезный вред компаниям, архивам государственных органов и экономической системе.

Вне зависимости от того, какие именно незаконные действия совершаются преступниками, их деятельность подпадает под уголовную ответственность. Отражение этого есть в различных внутригосударственных и международных нормативно-правовых актах, хотя понятие киберпреступности в российском законе не закреплено, но составы преступлений есть в разных статьях Уголовного Кодекса. Поскольку интернет является лишь инструментом совершения преступления, законодатель не считает нужным выделит киберпреступность в отдельную статью. Чаще всего киберпреступники действуют по политическим мотивам или имеют целью наживу. Реже преступления совершаются по личным мотивам, чаще всего это шпионаж и шантаж.

Киберпреступность многолика и имеет следующие виды: фишинг, взлом сайтов при помощи подбора паролей, кибершантаж, кибершпионаж, использование и распространение вирусов и иных вредоносных программ, в том числе для незаконного сбора данных [2], [5].

Самым распространенным способом получить пароли и данные жертвы является фишинг. Главная цель — заставить жертву перейти по вредоносной ссылке. После этого открывается окно, часто похожее на оригинальный сайт, куда планировала зайти жертва, где просят внести личную информацию, ввести пароль, номер карты и т.д. в зависимости от целей преступников и того, какой сайт ссылка копирует. Не попасться на эту уловку можно, нужно внимательно смотреть на адрес сайта, который открывается, он может быть похож на оригинал, но не бывает полностью ему идентичен.

Еще одним распространенным способом получения доступа к информации жертвы является взлом пароля, чаще всего для этого используется специальное программное обеспечение, которое путем подбора вводит нужный пароль. В некоторых случаях жертве подсовывают похожий сайт, и она, думая, что это, например, ее страница в социальной сети, сама вводит нужные преступникам данные.

Кибершантаж — не самый распространенный вид преступлений, однако в виртуальном пространстве он встречается. Чаще всего это выглядит как блокировка компьютера вредоносным ПО и требование от его владельца внести деньги на счет, чтобы разблокировать компьютер. Кибершпионаж может выглядеть как нелегальный доступ к информации, например хранящейся на сервере. Чаще всего от этого страдают крупные компании.

Киберпреступления делятся на несколько категорий:

1. Компьютер является основной целью преступников, например, когда его заражают вирусами, для того чтобы остановить или нарушить его работу, похитить данные.

2. Компьютер является инструментом для совершения преступления. Например, с его помощью распространяют вредоносное ПО или совершают иные незаконные действия.

Финансовые угрозы — это угрозы, возникающие, когда существует возможность похищения с карт данных. Например, в системе онлайн-банков может быть использовано вредоносное ПО, могут быть взломаны электронные кошельки или похищены криптовалюты. Для этого киберпреступники применяют фишинг, рассылают спам. Под последним понимается рассылка писем всем, чьи электронные адреса преступники смогут найти или подобрать. Спам редко конкрет-

тизирован, можно получить его и в сообщениях социальной сети. В спаме могут быть вредоносные ссылки и реклама.

Правоохранительная статистика отмечает, что чаще всего жертвами преступлений становятся банки. Киберпреступники стараются получить доступ к данным или совершить незаконную финансовую операцию. Например, нередко они пытаются осуществить получение копии банковской карты, которая позволяет обналичить деньги с чужого счета. Для повышения безопасности клиентов банка нужны комплексные меры защиты. В законодательной сфере отсутствуют полноценные механизмы, позволяющие защитить экономическую сферу от покушений киберпреступников. Продукты программного обеспечения не защищают от хакерских атак в должной мере [3], [4], [6].

Социальные сети — одна из наиболее удобных для преступников площадок используемых ими для кражи данных. Они могут использовать разные способы, не всегда требующие вступления с жертвой в контакт. Среди основных мотиваций киберпреступлений можно выделить: финансовую, политическую, террористическую.

Все виды подобных преступлений носят неявный характер. Для обеспечения безопасности киберпространства от преступников специалисты рекомендуют:

1. Использование антивирусного программного обеспечения.

2. Применение сложных паролей, в которые будут входить не только цифры, но и буквы, некоторые символы — такую комбинацию подобрать труднее.

3. Не открывать спам-сообщения, не переходить по неизвестным или подозрительным ссылкам, в особенности тем, которые выглядят не так как привычные, имеют новые символы.

4. Использовать безопасные каналы для передачи данных.

5. Проверять адреса сайтов, на которые заходит пользователь. Например, мошенники могут использовать сайт с похожим URL, но он не будет идентичен нужному.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что эффективно-противодействию киберпреступности способствует совершенствование законодательства. Так, оно должно включать нормативные акты, которые бы отвечали за регулирование отношений в киберпространстве, позволяли бы реагировать на киберпреступность и фиксировать преступления, повысить качество безопасности в киберпространстве. От законодательства требуется четкая реакция на киберпреступления, за счет которой можно будет фиксировать их, эффективно расследовать и задерживать киберпреступников, которые причиняют экономике и гражданам существенный финансовый вред. Будет также целесообразным проведение конференций, форумов, мероприятий, способствующих повышению компьютерной грамотности населения и госслужащих.

Пристайный библиографический список

1. Дауров А. И. Факторы, оказывающие влияние на состояние борьбы с киберпреступностью в современном мире // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 155-158.
2. Дементьева А. А. Киберпреступность в современной экономике // В сборнике: Обеспечение экономической безопасности России в современных условиях. Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции. - Москва, 2022. - С. 203-208.
3. Завгородняя Е. В. Киберпреступность в современной экономике // В сборнике: Державинские чтения. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Отв. редактор О. И. Александрова. - 2019. - С. 275-277.
4. Карцхия А. А., Макаренко Г. И. Правовые аспекты современной кибербезопасности и противодействия киберпреступности // Вопросы кибербезопасности. - 2023. - № 1 (53). - С. 58-74.
5. Теуважуков А. Х. Некоторые проблемы выявления и предупреждения преступлений, совершаемых в киберпространстве // Журнал прикладных исследований. - 2023. - № 4. - С. 152-155.
6. Швыряев П. С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. - 2021. - № 89. - С. 184-196.

ЧУБУКОВ Богдан Александрович

студент Института управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярск

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ СРЕДСТВ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ (СТ. 285.2 УК РФ)

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой охраны использования средств системы обязательного медицинского страхования. Представлены цели расходования для каждой структурной единицы в системе ОМС. Рассмотрен субъектный состав преступления при расходовании средств ОМС. Автором предложено изменение диспозиции анализируемой нормы уголовного закона с целью расширения субъектного состава преступления.

Ключевые слова: государственные внебюджетные фонды, нецелевое расходование средств, обязательное медицинское страхование.

CHUBUKOV Bogdan Alexandrovich

student of the Institute of Business Process Management of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk

SOME PROBLEMS OF MISUSE OF COMPULSORY MEDICAL INSURANCE FUNDS (ARTICLE 285.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article deals with the issues of criminal law protection of the use of funds of the compulsory medical insurance system. The expenditure goals for each structural unit in the MHI system are presented. The article considers the subject matter of the crime in the expenditure of MHI funds. The author suggests changing the disposition of the analyzed norm of the criminal law in order to expand the subject matter of the crime.

Keywords: state extra-budgetary funds, misuse of funds, compulsory medical insurance.

Государственные внебюджетные фонды (далее – ГВФ) являются частью финансовой системы РФ, целью существования которых является реализация публичных обязанностей и гарантий по пенсионному, социальному и медицинскому обеспечению. От целевого характера использования финансовых ресурсов фондов зависит эффективность реализации государственной политики в указанных сферах, и как следствие, качество и уровень жизни населения.

Для реализации права на медицинскую помощь в системе ГВФ создан Фонд обязательного медицинского страхования (далее – ФОМС). Структурно данный фонд представлен Федеральным фондом обязательного медицинского страхования (далее – ФФОМС) и территориальными фондами обязательного медицинского страхования (далее – ТФОМС), создание и порядок осуществления функций последних определяется законом субъекта РФ.

Нецелевое расходование средств ГВФ, то есть расходование средств на цели, не предусмотренные законодательством РФ, регулирующим деятельность фондов, совершенное в крупном размере, признается преступлением в соответствии с ст. 285.2 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). В связи с чем, задачей расследования данного вида преступлений является, в том числе, установление целей финансирования в системе обязательного медицинского страхования (далее – ОМС). На рисунке 1 представлена структура финансирования расходов в системе ОМС.

Для ответа на вопрос, какие цели расходования рассмотрены в системе ОМС необходимо обратиться к законодательству, регулирующему деятельность ФОМС. Так, на основании ст. 27 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»² (далее – Закон об ОМС) ФФОМС направляет денежные средства в ТФОМС в форме субвенции.

Основанием для перечисления денежных средств из ТФОМС в страховую медицинскую организацию (далее – СМО) является договор о финансовом обеспечении³. Между ТФОМС и СМО и медицинской организацией (далее – МО) заключен трехсторонний договор на оказание и оплату медицинской помощи⁴.

Согласно пункту 1.1 Типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию медицинская организация обязана оказать медицинскую помощь застрахованному лицу в соответствии с территориальной программой обязательного

1 Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 23.04.2023).

2 Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102143352> (дата обращения: 23.04.2023).

3 Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26.10.2022 № 703н «Об утверждении формы типового договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211220009> (дата обращения: 23.04.2023).

4 Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.12.2020 № 1417н «Об утверждении формы типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101130011> (дата обращения: 23.04.2023).

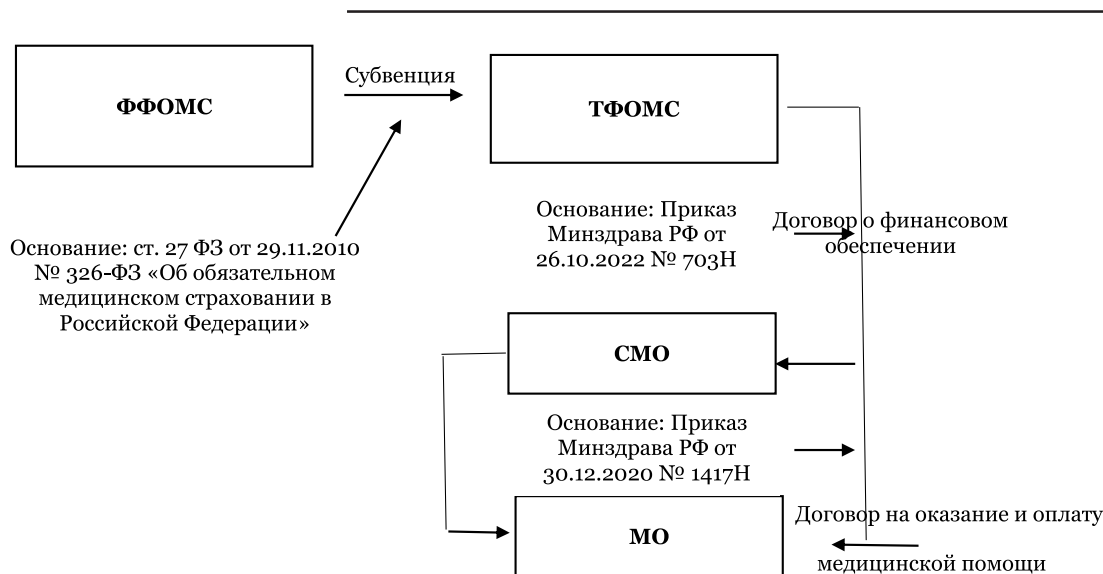

Рисунок 1. Структура финансирования расходов в системе ОМС

медицинского страхования и объемами предоставления и финансового обеспечения медицинской помощи⁵.

При осуществлении финансового контроля контрольно-ревизионными службами ТФОМС за использованием средств ОМС МО и СМО проверке подлежат денежные средства, полученные за оказанную медицинскую помощь по видам медицинской помощи и по структуре тарифа на оплату медицинской помощи⁶.

На основании вышеизложенного, можно согласиться с тем, что нецелевым расходованием средств ОМС будет являться [1, с. 84]:

- 1) со стороны ТФОМС расходование средств на цели, не предусмотренные условиями предоставления субвенции;
- 2) со стороны СМО расходование средств на цели, не предусмотренные условиями договора о финансовом обеспечении ОМС;
- 3) со стороны МО расходование средств на цели, не предусмотренные территориальной программой ОМС, а равно расходы на виды медицинской помощи и затраты (например, структура тарифа ОМС обеспечивает расходы на оплату труда, приобретение основных средств стоимостью до 100 000 руб. и т.д.) не предусмотренные данной программой.

Отдельное внимание при расследовании нецелевого расходования средств ОМС заслуживает установление субъекта данного преступления.

В литературе встречается позиция, что субъект данного состава специальный, который представлен должностным лицом соответствующего фонда, наделенным административно-хозяйственными или организационно-распорядитель-

ными полномочиями по распоряжению средствами фонда (например, председатель (управляющий территориального отделения фонда), главный бухгалтер) [1], [2].

Также существует мнение, что субъектом такого преступления, помимо указанных выше: «могут быть руководители и главные бухгалтеры муниципальных медицинских учреждений» [3, с. 73]. Данная позиция представляется, как более верная, но необходимо сделать замечание, что медицинские организации могут быть представлены, в том числе, государственными учреждениями и иными формами государственного участия.

С позицией об ограничении субъекта преступления должностным лицом соответствующего фонда можно поспорить, так как в диспозиции нормы отсутствует прямое указание на «должностное лицо фонда», и такой вывод не может вытекать из предположения о том, что средства фонда могут расходоваться (давать распоряжение к проведению расходных операций) только должностными лицами данных образований. Денежные средства, поступившие в МО в рамках системы ОМС для оплаты оказанной медицинской помощи, не являются собственными источниками финансирования деятельности, а то обстоятельство, что расходующие по нецелевому назначению средства ОМС на основании ч. 9 ст. 39 Закона об ОМС медицинской организацией подлежат возмещению обратно в ТФОМС указывают на расширение субъектного состава преступления.

Под медицинской организацией в соответствии со ст. 2 Закона об ОМС понимается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, предоставленной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Таким образом, в системе ОМС помимо государственных и муниципальных МО предусмотрены частные организации.

Данный аспект отражает недостаточность правовой конструкции рассматриваемого состава преступления, так как не содержит в себе указание на лицо, выполняющего управ-

5 Там же.

6 Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26.03.2021 № 255н «Об утверждении порядка осуществления территориальными фондами обязательного медицинского страхования контроля за деятельностью страховых медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, а также контроля за использованием средств обязательного медицинского страхования указанными страховыми медицинскими организациями и медицинскими организациями». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104210037> (дата обращения: 23.04.2023).

ленческие функции в коммерческой или иной организации по смыслу примечания к ст. 201 УК РФ.

Так, существует мнение, что частной медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в рамках ОМС (соответственно входящей в реестр организаций, оказывающих медицинскую помощь по ОМС), отказавшейся от авансирования не может вменяться нецелевое расходование средств. В данном случае речь идет не о преступлении, предусмотренном ст. 285.2 УК РФ, а о бюджетном правонарушении, что является следствием нарушения ст. 34 Бюджетного кодекса РФ⁷ (далее – БК РФ) или о внебюджетном правонарушении (в зависимости от признания средств ГВФ бюджетными или нет), при нарушении пп. 5 п. 2 ст. 20 Закона об ОМС. Указанное мнение мотивируется следующими доводами [4]:

1) при отказе от авансирования на оплату медицинской помощи по ОМС частная медицинская организация оказывает помощь за собственные средства, а возмещение получает после подачи реестра счетов и счетов на оплату медицинской помощи. Реестры проходят контроль (стоит отметить, что это формально-логический и медико-экономический контроль) в ТФОМС. То есть фактически денежные средства получены после проведения проверочных мероприятий;

2) частная медицинская организация не является получателем бюджетных средств и не оказывает на основании государственного задания по реализации Территориальной программы ОМС бесплатную медицинскую помощь;

3) получение целевых средств ОМС медицинскими организациями законом об ОМС не установлено.

Представляется необходимым не согласиться с указанной позицией по следующим основаниям:

4) реестр счетов и счета на оплату медицинской помощи проходят предварительный контроль, данное обстоятельство не снимает с организации обязанности по расходованию средств в соответствии с условиями территориальной программы. В рамках проведения контрольно-ревизионных мероприятий, оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий могут быть установлены посредством исследования иных отчетных и медицинских документов несоответствия данных, представленных в реестрах фактическим обстоятельствам, что повлечет за собой нецелевое расходование;

5) ч. 9 ст. 39 Закона об ОМС устанавливает, что: «За использование не по целевому назначению медицинской организацией средств, перечисленных ей по договору на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, медицинская организация уплачивает в бюджет территориального фонда штраф в размере 10 процентов ...».

Таким образом, в независимости от организационно-правовой формы МО и порядка получения средств ОМС (даже в случае отказа от авансирования) они будут являться целевыми в силу условий договора на оказание и оплату медицинской помощи и закона, регулирующего такие отноше-

ния. Правовая конструкция ст. 285.2 УК РФ представляется, как не совсем отвечающая характеру охраняемых уголовным законом отношений (в сфере распределения и перераспределения денежных средств ГВФ). В связи с чем, предлагается дополнить диспозицию данной норм субъектом «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации».

Пристатейный библиографический список

1. Упоров И. В., Эфрикян Р. А., Бушков Д. В., Кумыков А. А. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и проблемы ее законодательного регулирования. – Москва: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2016. – 144 с.
2. Бимбинов А. А., Боженок С. А., Грачева О. В. и др. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. – Москва: Проспект, 2020. – 688 с.
3. Соловьев О. Г., Авдеев О. Ю. Характеристика специальных признаков субъекта нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285 2 УК РФ) // Юридическая наука. – 2013. – № 1. – С. 71-74.
4. Ахохова А. В., Тхабисимова И. К., Тидокова М. З. [и др.] Правовые основы использования бюджетных средств по целевому назначению с позиции частной медицинской организации, работающей по договору ОМС // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2023. – № 1. – С. 404-417.

7 Бюджетный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.05.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054721> (дата обращения: 23.04.2023).

ХАРИСОВ Артур Сaitгареевич

преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ТРОФИМОВ Владимир Анатольевич

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов кинологов МВД России, капитан полиции

ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ И ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОСОБО ЦЕННЫХ РАСТЕНИЙ И ГРИБОВ, ЗАНЕСЕННЫХ В КРАСНУЮ КНИГУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется необходимость и актуальность криминализации уничтожения и незаконного оборота особо ценных растений и грибов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации. Авторы с целью формирования объективных выводов исследуют статистику применения наиболее близких по составу статей Уголовного кодекса Российской Федерации – ст. 258.1, 259, 260 УК РФ, а также случаи массового уничтожения объектов растительного мира на территории России. В результате исследования предлагаются некоторые структурные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; Красная книга Российской Федерации; экологическая безопасность; национальная безопасность; криминализация; флора; фауна.

KHARISOV Artur Saitgareevich

lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

TROFIMOV Vladimir Anatoljevich

lecturer of the Cynology Cycle of the Ufa School for the Training of Cynologists of the MIA of Russia, captain of police

INTRODUCING CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE DESTRUCTION AND FOR THE ILLEGAL TRAFFICKING OF ESPECIALLY VALUABLE PLANTS AND MUSHROOMS INCLUDED IN THE RED BOOK OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the necessity and urgency of criminalizing the destruction and illegal trafficking of especially valuable plants and mushrooms listed in the Red Book of the Russian Federation. In order to form objective conclusions, the authors study the statistics of the application of the articles closest in composition to the Art. 258.1, 259, 260 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as cases of mass destruction of flora objects on the territory of Russia. As a result of the study, some structural changes are proposed to the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability; Red Book of the Russian Federation; environmental Safety; National security; criminalization; flora; fauna.

Экологическая безопасность является одним из приоритетных направлений в рамках обеспечения национальной безопасности в целом [3]. Это положение отмечается, в том числе, в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года¹.

Большинство исследователей при этом отмечают необходимость в постоянном совершенствовании законодательства, регулирующего ответственность за противоправную деятельность в сфере экологической безопасности [2].

Законодатель, разделяя эту позицию, регулярно модернизирует и дополняет нормативные акты, обозначая ответственность за совершение экологических преступлений и правонарушений. Например, в 2013 году в Уголовный кодекс Российской Федерации была внедрена ст. 258.1 УК РФ, согласно которой были криминализованы незаконные добыча и оборот особо ценных, краснокнижных диких животных и водных биологических ресурсов. Актуальность криминализации незаконной добычи краснокнижных диких животных и водных ресурсов подтверждается значительным по меркам экологических преступлений количеством уголовных дел. Так, в 2022 году по ст. 258.1 УК РФ было осуждено 360 человек,

в 2021 году – 366 человек, в 2020 – 240 человек, в 2019 – 243 человека, в 2018 – 353 человека, в 2017 – 368 человек, в 2016 – 370 человек, в 2015 – 381 человек, в 2014 – 194 человека².

Таким образом, в период с внедрения ст. 258.1 УК РФ и до 2021 года наблюдалась тенденция постепенного снижения количества осужденных по ст. 258.1 УК РФ, что могло говорить о положительной тенденции – криминализация незаконной добычи краснокнижных диких животных и водных ресурсов привела к осознанию обществом важности законопослушного поведения в сфере экологии, бережного отношения к исчезающим, особо ценным видам животных и к водным ресурсам.

Однако в 2021 году произошел резкий скачок количества осужденных по ст. 258.1 УК РФ. С нашей точки зрения это означает строгую необходимость обратить внимание на эту сферу как законодателей, так и сотрудников правоохранительных органов.

Итак, согласно положениям ст. 258.1 УК РФ была введена ответственность за незаконную добычу краснокнижных диких животных и водных ресурсов. Также в Уголовном кодексе Российской Федерации уделено внимание ответственности за уничтожение критических местообитаний для орга-

1 Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176. // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074> (дата обращения: 18.04.2023).

2 Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 17.04.2023).

низмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259 УК РФ). Однако ст. 259 УК РФ справедливо можно охарактеризовать как «мертвую» – в период с 2016 по 2022 год по ней не было осуждено ни одного человека. Вероятно, в совокупности по двум причинам (рост количества преступлений против краснокнижных животных и водных ресурсов, «неработающая» ст. 259 УК РФ) в 2022 году группа сенаторов Российской Федерации и группа депутатов Государственной Думы Российской Федерации предложили законопроект в части установления уголовной ответственности за добычу и оборот объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации³.

Такую инициативу также, по аналогии с внедренной в 2013 году ст. 258.1 УК РФ, можно считать актуальной и обусловленной объективной необходимостью. Растения, наравне с фауной и водными ресурсами, представляют собой огромную ценность не только для экологии, но и в рамках культурного наследия отдельных регионов страны. Зачастую некоторые виды растений встречаются только в отдельных субъектах Российской Федерации, поэтому они вносятся в Красную книгу и особо охраняются как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на федеральном уровне.

При этом случаи массового уничтожения растений встречаются повсеместно. Например, 4 мая 2023 года эколог Алексей Лебедев в интервью Rostovgazeta.ru отметил, что аграрии в Ростовской области уничтожают целые поля с краснокнижными представителями флоры и фауны⁴. Осуществляться уничтожение особо охраняемых и ценных видов растений может в рамках вырубки лесных насаждений (Кондопожский район Карелии⁵). Вред может быть нанесен флоре даже в таких местах, которые охраняются как памятники природы (Пятигорск⁶). Таким образом, занесенные в Красную книгу растения и животные могут уничтожаться массово в различных регионах России непосредственно ввиду воздействия человеческого фактора.

По этой причине соглашаемся с инициаторами законопроекта и считаем необходимым внедрение новой статьи, закрепляющей ответственность за уничтожение и незаконный оборот особо ценных растений и грибов. Далее Правительству Российской Федерации предстоит долгая и кропотливая работа по формированию списка таких растений и грибов, которые нуждаются в особой охране, за уничтожение или добычу которых последует уголовная ответственность. Данная работа будет сложной, прежде всего потому, что целесообразность включения редких видов растений и грибов в

Красные книги изначально является дискуссионным вопросом [1].

Однако, отмечая актуальность криминализации уничтожения или повреждения, а равно незаконных добычи, сбора и оборота особо ценных, краснокнижных растений и грибов, также обращаем внимание на некоторую следующую за этим нелогичность расположения статей в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Можем предложить, что инициаторы криминализации незаконной добычи, сбора и оборота особо ценных, краснокнижных растений и грибов, связали ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и вновь вводимую ст. 261.1 УК РФ по принципу схожести объекта преступления – «лесные насаждения» и «растения / грибы».

По аналогии ранее законодатель связал незаконную охоту, закрепленную в ст. 258 УК РФ с составом ст. 258.1 УК РФ – «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации».

Нам кажется подобное структурное решение не совсем логичным. По этой причине предлагаем следующее: ст. 261.1 УК РФ, внедряемую в Уголовный кодекс Российской Федерации с 12 октября 2023 года, «релоцировать». Наиболее удачным кажется объединение трех «краснокнижных» составов в одну статью. Условно, это может быть ст. 259 УК РФ с охраной:

- 1) краснокнижных диких животных и водных ресурсов;
- 2) краснокнижных растений и грибов;
- 3) критических местообитаний краснокнижных организмов.

Такое преобразование будет логичным еще и потому, что сами инициаторы законопроекта отмечают аналогичную ответственность за преступления против объектов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации.

Также в результате анализа статистических данных и информации из открытых источников можем предположить, что вновь введенная статья об ответственности за уничтожение и за незаконный оборот особо ценных растений и грибов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, не станет «мертвой», как действующая ст. 259 УК РФ, а, ввиду своей актуальности, приведет к тому же эффекту, который был характерен для первых лет после внедрения ст. 258.1 УК РФ – постепенное снижение количества осужденных по статье ввиду более осознанного и законопослушного поведения граждан России по отношению к экологии. По этой причине мониторинг судебной практики по данному направлению считаем важным с научной и практической точки зрения.

Пристатейный библиографический список

1. Мулдашев А. А., Галеева А. Х., Маслова Н. В., Миркин Б. М. Красная книга Республики Башкортостан: опыт формирования списка редких видов растений // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2008. – Т. 13. № 3. – С. 8
2. Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. Экологическая безопасность: понятие, проблемы и перспективы правового обеспечения // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2015. – Т. 31. № 2 (199). – С. 122-125.
3. Ямщикова Н. В. Значимость экологической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Национальные приоритеты России. – 2018. – № 2 (29). – С. 67-70.

3 Законопроект № 231311-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 09.11.2022 года // СОЗД ГАС «Законотворчество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/231311-8> (дата обращения: 17.05.2023).

4 Эколог рассказал, как в Ростовской области уничтожают краснокнижную флору и фауну // Интернет-издание «Rostovgazeta.ru». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rostovgazeta.ru/news/2023-05-04/ekolog-rasskazal-kak-v-rostovskoy-oblasti-unichtozhayut-krasnoknizhnuyu-floru-i-faunu-2920384> (дата обращения: 17.05.2023).

5 Вырубки в Кондопожском районе Карелии уничтожили краснокнижные растения // Интернет-издание «Столица». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stolicaonego.ru/news/276890/> (дата обращения: 17.05.2023).

6 Шаповалов А. Бизнесмен из Пятигорска уничтожил краснокнижные растения на горе Юца // Интернет-издание «Комсомольская правда». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stav.kp.ru/online/news/4835521/> (дата обращения: 17.05.2023).

ЯМЩИКОВА Ирина Сергеевна

адъюнкт Факультета научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КАДАСТРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

Сравнительно недавно в российском уголовном законодательстве появилась норма, предусматривающая ответственность за внесение заведомо ложных сведений в кадастровые документы. Данная статья в настоящее время имеет ряд проблемных аспектов, которые препятствуют ее активному применению в практической деятельности. В связи с чем, необходимо обратиться к уголовному законодательству стран СНГ, и определить подход этих государств к преступлениям в сфере кадастровых отношений. В статье проведен сравнительно правовой анализ уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств в сфере охраны государственного кадастрового учета недвижимого имущества и кадастровой деятельности. Изучены вопросы квалификации преступлений в кадастровой сфере, а также определены положительные аспекты правоприменительной практики в рассматриваемых странах.

Ключевые слова: кадастровая деятельность, государственный кадастровый учет, подлог, регистрация незаконных сделок, кадастровый инженер.

YAMSHCHIKOVA Irina Sergeevna

adjunct of the Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

LIABILITY FOR CADASTRAL OFFENCES UNDER CIS LEGISLATION

Relatively recently, a norm appeared in Russian criminal law which provides for liability for knowingly entering false information into cadastral documents. This norm currently has a number of problematic aspects which hinder its active application in practice. In this regard, it is necessary to refer to the criminal legislation of the CIS countries and determine the approach of these states to the crimes in the sphere of cadastral relations. In the article the comparative legal analysis of the criminal legislation of the Commonwealth of Independent States countries in the field of protection of the state cadastral registration of immovable property and cadastral activity is carried out. The issues of qualification of crimes in the cadastral sphere are studied, as well as positive aspects of law enforcement practice in the countries under consideration are identified.

Keywords: cadastral activity, state cadastral registration, forgery, registration of illegal transactions, cadastral engineer.

Ямщикова И. С.

В российском уголовном законодательстве за внесение заведомо ложных сведений в технический план, межевой план или акт обследования предусмотрена уголовная ответственность. Данная норма появилась сравнительно недавно и в настоящее время имеет ряд несовершенств, которые мешают ее действенному применению на практике. Сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран позволит определить возможные пути решения данных проблем.

Наиболее близкой по структуре к отечественному уголовному законодательству является законодательство стран, входящих в Содружество Независимых Государств, это обусловлено как исторической составляющей, так и тем, что в основе уголовного законодательства стран-участников Содружества лежит Модельный уголовный кодекс. Стоит сразу отметить, что в Модельном кодексе не установлена ответственность за подлог кадастровых документов. Тем не менее, создание такого нормативно-правового акта было необходимо для сближения уголовного законодательства государств-участников Содружества. Такой подход обеспечит последовательность действий и сотрудничество в борьбе с преступностью. С момента появления Модельного кодекса уголовное законодательство стран СНГ развивалось независимо друг от друга, что привело к появлению различного подхода к регулированию отношений в кадастровой сфере

и установления уголовной ответственности за их нарушение. Законодательство стран СНГ, также как и отечественное, продолжает обновляться, в том числе и в сфере земельных отношений. Изменение законодательства происходит как реагирование на новые политические, экономические и социальные реалии [1].

Мы поддерживаем мнение В. Е. Дворцова относительно классификации стран СНГ на три группы, с учетом уголовного законодательства в сфере охраны государственного кадастрового учета недвижимого имущества (далее: регистрационный учет), а также кадастровой деятельности [2].

Первая группа включает в себя страны, которые устанавливают уголовную ответственность за регистрацию неправомερных сделок с землей. Данная норма включает в себя ответственность не только за учет противоправных сделок, но и за умышленное умаление размера платежей, а также внесение ложных сведений в Государственный кадастр недвижимого имущества. К этой группе стран следует отнести: Абхазию, Азербайджан, Грузию и Таджикистан.

В целом первую группу характеризует ряд общих признаков. Сами нормы по своей конструкции довольно схожи и отличаются только терминологическими расхождениями. Как мы уже ранее отметили, запрещенное уголовным законом деяние представляет собой регистрацию заведомо незаконных сделок с недвижимостью, искажение учетных данных

Государственного земельного кадастра, а равно умышленное занижение платежей за землю.

Объектом преступления во всех странах первой группы являются общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности. В Уголовном кодексе Российской Федерации избран такой же подход к определению объекта. Это обусловлено тем, что в первую очередь от совершения преступления страдает экономическая сфера, а именно сфера налогообложения, так как регистрационные базы данных являются первоначальным источником данных для установления налога на землю.

Объективная сторона в статьях уголовного законодательства Абхазии, Азербайджана, Грузии и Таджикистана идентична. Деяние выражено в форме действия и представляет собой альтернативу. В виду того, что должностное лицо заведомо знает о незаконности своих действий, данное преступление принято считать совершенным только с прямым умыслом. У должностного лица имеется корыстная или иная личная заинтересованность в совершении преступления. Как следствие, мотив в данном составе преступления является обязательным признаком. Если в отечественном законодательстве ответственность за внесение заведомо ложных сведений в кадастровые документы несет специальный субъект – кадастровый инженер, то в рассматриваемой группе стран субъектом преступления будет выступать должностное лицо регистрирующего органа. Небольшое различие в данной группе стран наблюдается только в санкциях статей.

Рассматривая уголовное законодательство Абхазии в части, касающейся преступлений в кадастровой сфере, стоит учесть, что в настоящее время действующей кадастровой системы в Абхазии нет. На сегодняшний день в Абхазии отсутствует система полноценного учета земель [3]. Тем не менее, даже при отсутствии четкой кадастровой системы, регулирующей учет земель, законодатель защищает право собственности на землю и сделок с ней. В статье 167 УК Республики Абхазия предусмотрена ответственность за нарушение права государственной собственности на землю. Сама норма разделена на две части. Первая часть устанавливает уголовную ответственность за совершение самовольного захвата земли. Последующая часть нормы предусматривает ответственность за проведение регистрации незаконных сделок с землей, искажение учетных сведений Государственного кадастра, а также за умышленное умаление размера платежа за землю.

Санкция данной нормы в части первой предусматривает наказание в виде штрафа либо лишения свободы на срок до двух лет. Санкция второй части устанавливает наказание, в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью¹.

Деятельность должностных лиц, регистрирующих органов в Азербайджанской Республике, регулируется Законом Республики Азербайджан, принятым 29 июня 2004 года № 713IIQ «О государственном реестре недвижимого имущества»², где законодатель устанавливает 3 формы не-

правомерных действий должностных лиц органов регистрации: это умышленное искажение, допущение ошибок и разглашение информации. В уголовном кодексе Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность за регистрацию нелегальных сделок с землей. Статья 191 УК АР содержит только одну часть, которая по своему содержанию схожа с частью второй статьи 167 Уголовного кодекса Республики Абхазия. Как мы ранее указывали в общих характеристиках, состав преступления в данной статье такой же.

Санкция в статье 191 УК АР, в отличие от уголовного законодательства Республики Абхазия, не предусматривает лишение свободы в качестве уголовного наказания за данное преступление. Ответственность предусмотрена в виде штрафа, лишения права занимать определенную должность, заниматься определенной деятельностью и исправительными работами на срок до двух лет.

Уголовная ответственность за незаконную регистрацию сделок с землей предусмотрена и в Грузии. В целом, реестровая система в Грузии отличается от привычной для нас системы в первую очередь тем, что земельные участки и расположенные на них здания и сооружения либо свободные участки, здания и сооружения (вне зависимости от их состояния) являются недвижимыми вещами, а не недвижимым имуществом. Все сведения о регистрации сделок с землей заносятся в реестр прав на недвижимые вещи, где регистрирующим органом является Национальное агентство прав на недвижимое имущество. При этом регистрирующий орган и его сотрудники несут ответственность за соответствие сведений действительности, а также за безопасность хранения таких сведений.³

В 191 статье Уголовного кодекса Грузии установлена уголовная ответственность за регистрацию неправомерных сделок с землей. Санкция статьи 191 Уголовного кодекса Грузии также вариативная. Должностное лицо может понести наказание, как в виде штрафа, так и в виде общественно полезного труда (общественных работ), лишения права занимать должности или заниматься деятельностью либо лишения свободы на срок до одного года. Санкция данной нормы предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, как и в УК Республики Абхазия, однако в данном случае, наказание меньше.

В Республике Таджикистан за совершение рассматриваемых деяний предусмотрена уголовная ответственность, согласно статье 261 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, а именно за регистрацию заведомо незаконных сделок с землей, искажение данных Государственного земельного кадастра и умышленное занижение размера платежей.

В качестве уголовной ответственности по данной норме предусмотрено только два вида наказания, а именно: назначение штрафа и лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. Это отличает данную норму от других ранее рассмотренных, так как в санкции этих статей помимо штрафа либо лишения права заниматься определенной деятельностью предусмотрено и лишение свободы, и исправительные работы.

В целом, уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок в данной группе стран по своему составу близка к статье 170 Уголовного кодекса Российской Федерации. Тем не менее, мы можем учитывать положительный

1 Уголовный кодекс Республики Абхазия. Принят Народным Собранием-Парламентом Республики Абхазия 28 декабря 2006 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vs-ra.org/images/DOCS/Reglament/UK_RA.pdf (дата обращения: 02.06.2023 г.).

2 Закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 года № 713IIQ «О государственном реестре недвижимого имущества». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30615032 (дата обращения: 02.06.2023 г.).

3 Закон Грузии «О публичном реестре». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/20560/21/ru/pdf> (дата обращения: 05.06.2023 г.).

опыт в части, касающейся применения уголовного законодательства в данной сфере. Так, например, в статье 170² УК РФ в диспозиции статьи не прописан мотив как обязательный признак объективной стороны.

Ко второй группе стран можно отнести уголовное законодательство Республики Молдова и России. В Уголовных кодексах стан второй группы предусмотрена ответственность за совершение преступления непосредственно в кадастровой сфере.

В статье 170³ УК РФ предусмотрена ответственность за внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технически план, акт обследования, проект межевания либо карту-план территории. Особенностью данной статьи выступает то, что субъектом здесь является кадастровый инженер, который обладает рядом специфических знаний и имеет возможность намеренно изменить данные в кадастровых документах.

Несмотря на то, что мы определили данные страны в одну группу, статья 193 УК Республики Молдова не схожа с нормой отечественного законодательства. В Республике Молдова ответственность устанавливается за незаконное завладение чужой недвижимостью, полное или частичное, совершенное с применением насилия или угрозой его применения либо путем уничтожения или перемещения межевых знаков.

Стоит отметить, что хоть в Земельном кодексе Республики Молдова предусмотрена ответственность разработчиков землеустроительной документации за качество ее разработки и экологическую безопасность, конкретной нормы определяющей уголовную ответственность для данных должностных лиц нет. В связи с чем, мы выделяем только статью 193 УК РМ.

Данная норма находится в главе «Преступления против собственности», что определяет объектом преступного посяательства именно чужую собственность. Противоправное деяние выражено в форме действия. Обязательным признаком объективной стороны в данной статье является способ совершения преступления. Способом может выступать применение насилия, а также угроза его применения, либо перемещение межевых знаков. В отличие от отечественного уголовного законодательства, субъект преступления статьи 193 УК РМ является общим.

Санкция статьи 193 УК Республики Молдова вариативна. За нарушение владения лицо может нести ответственность в виде штрафа, неоплачиваемого труда в пользу общества либо лишения свободы. В отличие от статьи 170² УК РФ в санкции статьи 193 УК Республики Молдова определена ответственность в виде лишения свободы, что в свою очередь упущено в отечественной норме.

К третьей, и заключительной, группе стран следует отнести уголовное законодательство Республик Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Туркменистана и Узбекистана. В уголовном законодательстве этих стран не установлена норма, охраняющая общественные отношения в кадастровой сфере. Такая позиция законодателя может объясняться несколькими причинами. Во-первых, это отличие в форме управления земельными ресурсами, во-вторых, особенности правовых систем государств [2].

Отсутствие специальной нормы не исключает ответственности должностных лиц за совершение преступлений в кадастровой сфере. Данная категория преступлений подпадает под действие статей, устанавливающих ответственность

за должностные преступления, например «служебный подлог».

В некоторых странах есть и нормы, устанавливающие ответственность за нарушение общественных отношений в сфере земельного оборота. Это статья 212 Уголовного кодекса Киргизской Республики – «Самовольный захват чужого земельного участка и самовольное строительство на землях сельскохозяйственного назначения с нарушением целевого назначения», статья 181¹ Уголовного кодекса Туркменистана – «Незаконная передача земли» и статья 229⁴ Уголовного кодекса Республики Узбекистан – «Нарушение порядка предоставления земель».

Стоит отметить, что в Республике Туркменистан подобная ситуация сложилась в виду того, что все земли государства находятся в его собственности, за исключением тех, которые предоставлены в частную собственность.

Анализ зарубежного законодательства позволяет нам определить положительные векторы деятельности уголовного законодательства в сфере кадастровой деятельности. Ввиду особенностей уголовной системы России некоторые положения не могут быть скопированы и внедрены в отечественную систему. Тем не менее, мы можем определить положительные аспекты и использовать их для улучшения правоприменительной практики по статье 170² УК РФ. Изучение зарубежного опыта стран СНГ позволяет еще раз подчеркнуть важность уголовной ответственности в сфере кадастровой деятельности ввиду значимости данной сферы, как для государства, так и для всего общества.

Пристатейный библиографический список

1. Ревин В. П., Ревина В. В. Уголовная ответственность за незаконные сделки с землей (опыт регламентации в странах СНГ и Европейского Союза) // Международное сотрудничество Евразийский государств: политика, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 152.
2. Дворцов В. Е. Преступления в сфере кадастровой деятельности по уголовному законодательству стран СНГ // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 352.
3. Барциц Т. З К вопросу о законодательном регулировании учета земель в Республике Абхазия // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 3 (195). – С. 152.

БРУНЬКОВСКИЙ Никита Николаевич

выпускник магистратуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ТЕЧЕНИЕ СРОКОВ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о возможности возобновления течения сроков давности в отношении лица, объявленного в международный розыск, при его задержании на территории иностранного государства для целей рассмотрения вопроса об экстрадиции. С этой целью автором проанализирована судебная практика Российской Федерации. В статье делается вывод о том, что при буквальном толковании ч. 3 ст. 78 Уголовного кодекса РФ имеется возможность возобновления течения сроков давности при задержании лица на территории иностранного государства.

Ключевые слова: задержание, международный розыск, экстрадиция, сроки давности, заключение под стражу, освобождение от уголовной ответственности.

BRUNKOVSKIY Nikita Nikolayevich

graduate of the Master 's degree program of the M. V. Lomonosov Moscow State University

THE PERIOD OF LIMITATION FOR CRIMINAL LIABILITY IN THE CASE OF DETENTION ON THE TERRITORY OF A FOREIGN STATE

This article is devoted the consideration of the issue of the possibility of renewal of statute of limitations period in relation to the person who has been announced in international search, at his detention in territory of the foreign state for the purpose of consideration of an extradition question. For this purpose, the author analyses the jurisprudence of the Russian Federation, as well as of the European Court of Human Rights. The article concludes that upon a literal interpretation of p. 3 art. 78 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is possible to resume the statute of limitations period if the person is apprehended on the territory of a foreign state.

Keywords: detention, international search, extradition, statute of limitations, custody, exemption from criminal liability.

Часть 3 статьи 78 УК РФ устанавливает основания для приостановления и возобновления течения сроков исковой давности. Течение сроков исковой давности должно быть приостановлено в случае, если разыскиваемое лицо уклоняется от следствия. Возобновляется течение сроков в случае задержания лица правоохранительными органами либо его явки с повинной.

Понятие «уклонения от следствия и суда» приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19¹ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Так, действия подсудимого, обвиняемого, подозреваемого по уклонению от задержания, либо направленные на избежание последующего привлечения к уголовной ответственности, согласно абзацу 2 пункт 19 Постановления Пленума являются уклонением от следствия и суда. Верховным судом к таким действиям отнесены: побег лица из-под стражи, намеренное изменение места жительства, нарушение обвиняемым, подозреваемым, подсудимым меры пресечения, избранной в отношении него.

Согласно позиции Г. А. Есакова, само по себе изменение места жительства, смена места работы не является уклонением от следствия и суда. Для признания данных действий таковыми необходимо наличие умысла, направленного на избежание уголовной ответственности.²

Основаниями для возобновления исчисления срока давности могут служить задержание преступника либо его явка с повинной. При этом не исчисление сроков давности начинается не с момента возобновления, а продолжается с учетом времени, которое истекло до факта уклонения лицом от следствия и суда.³

Однако и в Уголовном кодексе РФ, и в вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ отсутствует информация о том, что понимается под задержанием лица, с момента которого течение сроков давности возобновляется: входит ли в объем этого понятия задержание соответствующими правоохранительными органами иностранного государства или же только задержание в соответствии с главой 12 УПК РФ⁴ органом дознания, дознавателем или следователем.

По смыслу положение части 3 статьи 78 УК РФ⁵ имеет целью предотвращение истечения срока давности в тех случаях, когда органы предварительного следствия расследуют преступление, но подозреваемый намеренно скрывается от них целью избежать уголовной ответственности. В таких случаях причиной непривлечения к ответственности виновного являются намеренные действия этого лица.

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

2 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (9-е издание, переработанное и дополненное) (под

ред. Г. А. Есакова) («Проспект», 2021) // СПС «КонсультантПлюс».

3 «Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник» (отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев) («КОНТРАКТ», 2017) // СПС «КонсультантПлюс».

4 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 13.06.2023 года – Москва // СПС «КонсультантПлюс».

5 Уголовный кодекс Российской Федерации»: УК: от 13.06.1996 № 63-ФЗ текст с изменениями и дополнениями на 13.06.2023 года – Москва// СПС «КонсультантПлюс».

В то же время при задержании лица правоохранительными органами иностранного государства от него не зависит, как скоро он будет подвергнут суду и будет ли в принципе. Данные вопросы находятся в сфере влияния государственных органов иностранного государства, в котором лицо было задержано. Равным образом складывается ситуация в случае задержания лица российскими правоохранительными органами.

Время нахождения под стражей на территории иностранного государства в соответствии с запросом об оказании правовой помощи или выдаче лица Российской Федерации учитывается при расчете общего времени нахождения под стражей по смыслу пункта 4 части 10 статьи 109 УПК РФ.

Указанное означает, что УПК РФ признает заключение под стражу на территории иностранного государства. Логично, что задержание лица на территории иностранного государства, которое неизбежно предваряет заключение под стражу, должно так же признаваться задержанием в соответствии с УПК РФ. Другими словами, если лицо по запросу Российской Федерации было помещено под стражу в иностранном государстве и время его пребывания под стражей на территории иностранного государства засчитывается при расчете общего времени содержания под стражей (а в соответствии со статьей 72 УК РФ засчитывается и в срок назначенного наказания, в том числе в случае выдачи лица в соответствии с частью 4 указанной статьи), то и то и предваряющее применение меры пресечения задержание тоже должно быть признано задержанием в соответствии с главой 12 УПК РФ, влечь все последствия задержания по УПК РФ и гарантировать все предусмотренные законодательством права задержанного.

Таким образом, в соответствии с буквальным (грамматическим) толкованием положений части 3 статьи 78 УК РФ после задержания лица на территории иностранного государства для рассмотрения вопроса об экстрадиции возобновляется течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

К сожалению, Верховный Суд РФ не разделяет данную позицию.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ рассмотрела административное дело по административному исковому заявлению гражданина К.⁶ о признании недействующим подпункта 154.1 пункта 154 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола⁷.

Фабула дела состоит в том, что Гражданин К. был объявлен Российской Федерацией в международный розыск. Впоследствии Тверским районным судом в отношении него была избрана мера пресечения – заключение под стражу.

По запросу Российской Федерации гражданин К. был задержан властями Латвии. Суд Латвийской Республики также избрал в отношении гражданина К. меру пресечения в виде заключения под стражу с последующей экстрадицией.

6 Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № АПЛ18-412 // СПС «Консультант-Плюс».

7 Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола – Утверждена приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной таможенной службы от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971.

Следственным управлением ГУ МВД России по г. Москве гражданину К. было отказано в ходатайстве об отмене международного розыска. В обоснование следственный орган сослался на оспариваемую в административном исковом заявлении Гражданином К. норму пункта 154 Инструкции.

Пунктом 154 раздела «Прекращение международного розыска лиц» Инструкции поименованы основания вынесения решения о прекращении международного розыска обвиняемых, осужденных, разыскиваемых с целью ареста и выдачи, одним из которых является выдача или депортация разыскиваемого лица из иностранного государства в Российскую Федерацию (подпункт 154.1)⁸.

Гражданин К. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным исковым заявлением о признании недействующими со дня принятия подпункта 154.1 пункта 154 Инструкции⁹. Позиция административного истца состояла в том, что Инструкция противоречит нормам статьи 210 УПК РФ и статьи 78 УК РФ. По мнению гражданина К, Инструкцией установлены основания отмены международного розыска, противоречащие соответствующим основаниям в УК и УПК, что дает возможность правоохранительным органам Российской Федерации не прекращать международный розыск обнаруженных и находящихся за пределами Российской Федерации на законных основаниях лиц, несмотря на принятые иностранным государством меры пресечения в отношении данных лиц по запросу Российской Федерации. Данное положение, по мнению гражданина К, создает неравенство между положением граждан, обнаруженных на территории иностранного государства и на территории Российской Федерации.

Позиция Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ в Апелляционном определении от 18.10.2018 № АПЛ18-412 состояла в том, что в соответствии с частью 3 статьи 78 УК РФ приостановление течения сроков давности связано именно с уклонением лица, совершившего преступление, от следствия или суда, а не с объявлением его в розыск. В то же время возобновление течения сроков давности связано с фактом задержания разыскиваемого лица либо его явкой с повинной, а не с его отысканием согласно позиции административного истца.

В случае если местонахождение лица на территории иностранного государства установлено в результате проведения международных розыскных мероприятий, задержание возможно только после его выдачи Российской Федерации.

Позиция Верховного Суда РФ сформирована на основе положений пункта 154 указанной Инструкции, согласно которому для прекращения международного розыска недостаточно определения местоположения лица, объявленного в международный розыск. Для принятия решения о прекращении розыска необходимо решить вопросы выдачи разыскиваемого лица и его задержания на территории Российской Федерации.

Рассматриваемая позиция Верховного Суда РФ, основанная на межведомственной Инструкции и противоречащая

8 Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола – Утверждена приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной таможенной службы от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971.

9 Там же. См.: пункт 9.

положениям УК РФ и УПК РФ, стала опорой для отказов в удовлетворении жалоб, поданных в порядке статьи 125 УПК РФ, на постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайств о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности. Позиция Верховного суда РФ о возможности задержания лица только после выдачи на территории Российской Федерации, изложенная в апелляционном определении Апелляционного определения подтверждается актуальной судебной практикой.¹⁰

Некоторые суды все же согласились с доводами защитников о возобновлении течения сроков давности после задержания на территории иностранного государства¹¹, однако это было до формирования позиции Верховного суда РФ по данному вопросу. Одно из решений было отменено судом вышестоящей инстанции по иным основаниям, не связанным с рассматриваемой нормой, однако аргумент с позицией Верховного Суда РФ содержался в апелляционном представлении Прокурора, но остался без внимания суда¹².

Вопрос дошел до Конституционного суда, которым был рассмотрен ряд обращений о признании норм части второй статьи 9 «Действие уголовного закона во времени», пункта «б» части первой, части второй и третьей статьи 78 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» УК РФ, а также пункта 3 части первой статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела» УПК РФ не соответствующими статьям 17, 18, 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ¹³.

Проанализировав приведенные нормы, а также положения пункта 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о понятии уклонения от следствия и суда, Конституционный Суд РФ приходит к следующим выводам:

«часть третья статьи 78 УК Российской Федерации обуславливает приостановление течения сроков давности конкретными действиями лица, совершившего преступление, которые должны устанавливаться в рамках соответствующего уголовного дела».

Другими словами, Конституционный Суд РФ связывает неблагоприятные последствия приостановления течения сроков давности с противоправными действиями разыскива-

емого лица по уклонению от следствия и суда, однако не рассматривает в своих решениях содержание понятия «задержание» лица. Таким образом, Конституционный Суд РФ в своих решениях рассматривал только вопрос противоречия/непротиворечия Конституции РФ положений о приостановлении течения срока давности в целом, на рассматривая вопрос о включении в срок давности периода после задержания правоохранительными органами иностранного государства и периода последующего содержания под стражей до разрешения вопроса об экстрадиции лица.

Таким образом, несмотря на позицию, господствующую в судебной практике Российской Федерации, представляется, что ч. 3 ст. 78 УК РФ¹⁴ должна толковаться с учетом возможности возобновления течения сроков давности привлечения к уголовной ответственности с момента задержания лица на территории иностранного государства.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (9-е издание, переработанное и дополненное) (под ред. Г. А. Есакова) («Проспект», 2021) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник» (отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев) («КОНТРАКТ», 2017) // СПС «КонсультантПлюс».

10 Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10-6480/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 19.05.2020 по делу № 22к-466/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Приговор Ростовского областного суда от 03.02.2020 по делу № 22-190/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Ростовского областного суда от 06.06.2019 по делу № 44у-97/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 21.11.2019 по делу № 1-264/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 20.12.2019 по делу № 22-5472/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

11 Кассационное определение Красноярского краевого суда от 07.06.2011 по делу № 22К-3869/11 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Уссурийского районного суда Приморского края по делу № 3/1-177/19 от 03.12.2019 года // СПС «КонсультантПлюс».

12 Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-5472/2019 22К-5472/2019 от 20 декабря 2019 г. по делу № 3/1-177/19 // СПС «КонсультантПлюс».

13 Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1416-О // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 2864-О // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 791-О // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1171-О // СПС «КонсультантПлюс».

14 Уголовный кодекс Российской Федерации»: УК: от 13.06.1996 № 63-ФЗ текст с изменениями и дополнениями на 13.06.2023 года – Москва // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-339-342

АСАДУЛЛАЕВ Ульви Фамиль оглы

докторант по специальности «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право» кафедры уголовного права и криминологии Бакинского государственного университета, Азербайджан

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «НЕИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ»

В данной статье из круга субъектов, указанных в статье 306 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, выделяется специальный субъект этого преступления, даны его признаки - пол, возраст, семейное положение, общественное положение и т.д. На первый план выдвигался ущерб, причиненный общественным отношениям в результате совершения указанного преступления конкретным субъектом. Относительно того, является ли предмет данного преступления общим или специальным субъектом, были приведены мнения различных авторов, проанализированы их позиции.

Ключевые слова: приговор суда, решение суда, постановление, судебный приказ, Уголовный кодекс, наказание и т. д.

ASADULLAYEV Ulvi Famil ogly

doctoral student of the degree in "Criminal Law and Criminology, Penitentiary Law" of Criminal law and criminology sub-faculty of the Baku State University, Azerbaijan

CHARACTERISTICS OF THE SPECIAL SUBJECT OF THE CRIME "NON-EXECUTION OF JUDICIAL ACTS"

In this article, a special subject of this crime is singled out from the circle of subjects specified in Article 306 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, its signs: gender, age, marital status, social status, etc. are given. The damage caused to public relations as a result of the commission of this crime by a specific subject was brought to the fore. Regarding whether the subject of this crime is a general or a special subject, the opinions of various authors were given, their positions were analyzed.

Keywords: court verdict, court decision, ruling, court order, Criminal Code, punishment, etc.

Асадуллаев У. Ф.

Согласно статье 306.1 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики неисполнение судебных актов означает не объективное исполнение вступивших в законную силу постановлений, приговора, приказа, решения или распоряжения суда либо воспрепятствование исполнению этих судебных актов. Статья 306.2 предусматривает совершение тех же действий должностным лицом [2].

В соответствии с диспозицией статьи специальными субъектами неисполнения судебных актов являются представитель власти, государственный служащий, работник органа местного самоуправления, а также работник государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации.

В. Г. Павлов утверждает, что специальным субъектом исследуемой статьи является только представитель власти (должностное лицо) и государственные служащие, работники органа местного самоуправления, государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации. Предоставленные им права являются общим предметом преступления, связанного с обеспечением исполнения приговоров, постановлений и иных судебных актов [12, с. 396].

Надежность такого подхода сомнительна, поскольку автор не учитывает, что люди, которых он упоминает как общий субъект, обладают дополнительными социально значимыми характеристиками. По нашему мнению, такое деление субъектов преступления неисполнения приговора суда

необоснованно. Таким образом, необходимо обобщить темы, перечисленные в диспозиции статьи.

При решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики необходимо установить, что субъекты уголовного состава имеют в уставах, инструкциях, приказах и иных нормативных правовых актах функции исполнения судебного акта.

Можно отметить, что должностное лицо исполнительного органа, а также иные должностные лица, наделенные в установленном законодательством порядке административными полномочиями в отношении лиц, официально от него не зависящих, могут быть признаны специально уполномоченными в отношении действий, предусмотренных статьей 306 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики.

При выяснении специальных исследуемого уголовного состава мы можем показать в качестве примера представителей компетентных органов, сотрудников уголовно-исполнительной службы и пенитенциарной службы в соответствии с требованиями приговора суда в связи с применением определенных видов наказания, руководства дисциплинарной воинской части, уполномоченной на выполнение соответствующих функций, организации, в которой работает осужденный, уполномоченных представителей органов власти, наделенных полномочием аннулировать разрешение на занятие соответствующей деятельностью, уполномоченных представителей соответствующего органа исполнительной

власти, уполномоченных представителей, управляющих тюрьмами и пенитенциарными учреждениями, и т.д.

Исследователи не приходят к единому мнению по вопросу о признании должностных лиц органов исполнительной власти и службы пробации субъектами преступления, предусмотренного статьей.

Некоторые юристы предполагают, что судебный представитель-исполнитель не может быть субъектом преступления, предусмотренного рассматриваемой статьей. Они обосновывают свою позицию тем, что обязанность по исполнению судебного акта возлагается не на исполнителя, а на лицо, в отношении которого вынесен судебный акт. Исполнитель должен лишь побуждать и принуждать ответчика, должника к исполнению вступившего в законную силу правового акта. В случае ненадлежащего исполнения должностным лицом своих функциональных обязанностей он несет административную или уголовную ответственность за неисполнение своих обязанностей. Однако он не может быть привлечен к уголовной ответственности по статье 306 Уголовного Кодекса.

Однако другие группы юристов не согласны с этой точкой зрения. Таким образом, к субъектам неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта относят исполнителя. Согласно позиции этих исследователей, исполнитель также может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии со статьей 306 Уголовного Кодекса [15, с. 123].

Следует отметить, что согласно статье 2 Закона Азербайджанской Республики «Об исполнительном производстве» принудительное исполнение решений судов и других органов в Азербайджанской Республике осуществляется исполнительными должностными лицами. Полномочия должностных лиц определяются законодательством Азербайджанской Республики. Согласно статье 3 этого закона лица, не выполняющие требования должностных лиц в связи с исполнением решений судов и иных органов, а также препятствующие выполнению возложенных на них обязанностей, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Азербайджанская Республика [4].

Таким образом, исполнитель – это должностное лицо, которое имеет функции по исполнению судебных актов и выступает в качестве представителя органов власти. В результате при ненадлежащем исполнении им своих обязанностей, препятствующих исполнению судебного акта, он выступает субъектом преступления в соответствии со статьей 306 УК РФ. Кроме того, исходя из приведенного выше определения специального субъекта, исполнитель является участником правоотношения по исполнению судебного акта и способен влиять на общественное правоотношение «изнутри». При этом подчеркнем, что представитель государственной власти, безусловно, выступает в качестве должностного лица, но неисполнение им своих обязанностей, связанных с исполнением судебного акта, наносит ущерб общественным отношениям в сфере его исполнения, а это в конечном итоге подрывает правосудие.

Государственный служащий также может быть указан в качестве специального субъекта расследуемого преступле-

ния. При анализе категории «государственный служащий» необходимо обратиться к Закону «О государственной службе Азербайджанской Республики». В соответствии со статьей 1.1.3 указанного Закона, только сотрудник государственного органа, получающий государственное вознаграждение из источников, предусмотренных статьей 1.1.4 настоящего Закона, занимающий административную или вспомогательную государственную должность и получивший квалификацию в порядке, установленном настоящим Законом, принесший присягу на верность Азербайджанской Республике при первом приеме на должность постоянного государственного служащего на административную должность, являющийся гражданином Азербайджанской Республики, считается государственным служащим [4].

Авторами даны и другие определения этой категории. С точки зрения П. В. Агапова и А. Г. Безверхова, государственный служащий определяется как лицо, проходящее службу в государственных, муниципальных, общественных или частных организациях, обязанностью которого является оказание платной услуги по специальности или выполнение определенной обязанности перед государством. В данном случае авторы попытались отразить характеристики содержания самой служебной деятельности, под которой понимается не всякая деятельность, а только интеллектуальная деятельность.

Так, должностными лицами считаются лица, выполняющие организационно-дисциплинарные функции либо выполняющие организационно-распорядительные, распорядительные и хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях на основании постоянных, временных или специальных полномочий. Субъектами преступления выступают должностные лица, обладающие управленческими полномочиями (организационно-распорядительными, административно-хозяйственными) или полномочиями на исполнение судебного акта, если они не исполняют судебные акты, предусмотренные указанной статьей, или препятствуют его исполнению.

«Сотрудник органа местного самоуправления» включен в этот перечень как предмет исследуемой статьи. Поэтому сначала рассмотрим понятие «сотрудник органа местного самоуправления».

Согласно статье 1 Закона АР «О статусе муниципалитетов», местное самоуправление в Азербайджанской Республике представляет собой систему организации деятельности граждан, которая позволяет им осуществлять свое право самостоятельно и свободно решать вопросы местного значения в рамках закона и предоставляет возможность осуществлять часть государственных дел в соответствии с частью II статьи 144 Конституции Азербайджанской Республики в интересах местного населения [1], [3].

Муниципальная служба в соответствии с частью 9 статьи 2 этого закона является постоянной профессиональной деятельностью в этих органах по осуществлению полномочий органов местного самоуправления. Таким образом, лицо, работающее в муниципальных образованиях, считается муниципальным служащим.

Служащий органа местного самоуправления (муниципальный служащий) - понятие, четко определенное действующим законодательством, и определение данной категории не создает затруднений на практике. Следует отметить, что согласно статье 306 Уголовного Кодекса должностные лица органов местного самоуправления, уполномоченные на исполнение судебных актов, могут быть привлечены к уголовной ответственности за неисполнение или воспрепятствование исполнению судебного акта.

Организационно-распорядительные функции состоят в принятии решений, связанных с упорядочиванием деятельности других работников, которые влекут за собой правовые последствия или выступают одним из оснований возникновения таких последствий.

Административно-хозяйственные функции возникают в результате осуществления полномочий по управлению имуществом, распределению обязанностей подчиненных, надзору за ними и т. д.

Принимая во внимание такие субъекты, как работники коммерческих и иных организаций, отметим, что к данной категории относятся работники, осуществляющие организационно-распорядительную и иную деятельность, создающую юридически значимые последствия для субъектов правоотношений постоянно действующим, временным или специально уполномоченным органом.

Субъектами неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта могут выступать также работники коммерческих и иных организаций, не обладающие управленческими функциями, но осуществляющие юридически значимую деятельность.

Для привлечения к уголовной ответственности кого-либо из указанных в статье лиц необходимо установить, что эти лица находились в соответствующем положении при совершении преступления.

При изучении статьи 306 УК Азербайджанской Республики мы определяем, что данная статья предусматривает не только умышленное неисполнение судебного акта указанными субъектами, но и воспрепятствование его исполнению.

Большинство авторов считают, что субъектами, препятствующими исполнению судебных актов, являются лица, не исполняющие судебный акт намеренно. В частности, А. Михлин считает, что лицом, препятствующим исполнению судебных актов, является представитель органов власти, государственный служащий, работник органа местного самоуправления, а также работник государственного или муниципального органа, коммерческая или иная организация [10, с. 42].

Особенно важной темой является воспрепятствование исполнению судебных актов. Осознавая сложность и неоднозначность изучаемого предмета, исследователи предлагают различные варианты его понимания. Так, В. А. Галахова считает, что к ответственности могут быть привлечены и иные лица, не указанные в диспозиции статьи, но уклоняющиеся от исполнения судебных актов или препятствующие их исполнению при наличии определенных признаков преступления. В.Д. Иванов считает возможным привлечение к ответственности граждан, уклоняющихся или препятствующи-

щих исполнению судебных актов, за преступления против правосудия [9, с. 328].

А. И. Друзин отмечает, что препятствие, связанное с неисполнением судебных актов, вызывает как специальный, так и общий субъект (любое разумное лицо, достигшее 16-летнего возраста). Нам трудно согласиться с этой позицией [11, с. 355].

По мнению Л. В. Лобановой, неисполнение может быть совершено субъектами, прямо указанными в диспозиции статьи, а воспрепятствование может быть осуществлено любым лицом, кроме тех, которые составляют самостоятельное преступление. Л. В. Лобанова считает, что действующая редакция нормы предусматривает уголовную ответственность общего субъекта. Автор считает, что не следует включать исполнение судебного акта в обязанности лица по предупреждению [13, с. 389].

Завершая анализ различных мнений, мы еще раз анализируем приведенные выше судебные решения и констатируем, что данное преступление не может быть совершено общим субъектом, поскольку только лицо, входящее в систему правосудия, может исполнить приговор суда, а также воспрепятствовать его исполнению. Исходя из механизма причинения вреда общественным отношениям для исполнения судебного акта, считаем, что для привлечения к ответственности за воспрепятствование в соответствии со статьей 306 УК Азербайджанской Республики лицо должно быть участником этих отношений и должно быть обязано совершать определенные действия для исполнения судебных актов. Если предположить, что общий субъект «извне» совершает посягательство на общественные отношения, то в этом случае отсутствует охраняемый статьей 306 Уголовного Кодекса механизм причинения вреда общественным отношениям, поскольку нет преступного воздействия на субъектов ни на соответствующие отношения, ни на социальные отношения, ни на объект.

Отметим, что такой круг специальных субъектов влияет на степень общественной опасности преступления, поэтому законодатель предусмотрел уголовную ответственность этих лиц. Таким образом, уголовная ответственность наступает за неисполнение приговора, решения суда или иного правового акта указанными субъектами, а также за воспрепятствование их исполнению теми же лицами. Кроме того, правила толкования уголовного закона не предусматривают возможности расширительного толкования его норм, за исключением случаев, когда это прямо указано в тексте закона.

Для наиболее полного представления о субъекте преступления необходимо узнать личность преступника.

Наиболее полным представляется определение А. М. Лазарева, в котором подчеркивается, что личность преступника представляет собой сложную совокупность особенностей, свойств, связей, отношений, духовного мира, которая характеризует его в развитии, взаимодействии с социальной и индивидуальной жизни. В совокупности эти признаки называют на социальные, политические, экономические характеристики преступника, его моральный облик и общественную опасность [14, с. 269].

Важнейшими социальными показателями личности преступника являются пол, возраст, образование и род занятий.

Анализ уголовных дел позволил определить, что подавляющее большинство субъектов изучаемого общественно опасного деяния составляют мужчины - 77,8 %. Такое соотношение полов вполне объяснимо. В настоящее время социальная активность женщин постоянно возрастает. Они и по сей день занимают достаточно важные посты в государственных и коммерческих структурах, но при этом налицо традиционное доминирование мужчин в сфере управления.

Возрастные показатели имеют большое значение для криминологической характеристики преступников, так как возраст во многом определяет потребности человека, жизненные цели, интересы. Кроме того, он определяет способность лица выступать в качестве специального субъекта, наделенного полномочиями по исполнению судебных актов. Такие обязанности могут быть введены только по достижении определенного возраста. Степень зрелости также определяет вероятность совершения преступления по статье 306 УК.

К уголовной ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта чаще всего привлекаются лица в возрасте от 40 до 50 лет. Это естественно. С одной стороны, в этот период люди занимают ответственные должности, включающие в себя исполнение судебных актов. С другой стороны, эти люди обладают достаточным жизненным опытом и психологической зрелостью. В результате они менее подвержены общественному влиянию и юридическому контролю. В отношении этой группы будь то официальный контроль, осуществляемый государственными институтами, институтами гражданского общества, отдельными физическими лицами на основании предоставленных им в соответствии с действующим законодательством специальных полномочий, либо неофициальный контроль, осуществляемый институтом семьи, профессиональным коллективом, бытовой обстановкой – на них он влияет значительно меньше. Эта возрастная категория определяется профессионально, отличается в правоотношениях и выступает как специальный субъект в большей степени, чем другие группы.

Подавляющее большинство лиц, причастных к неисполнению приговора суда, решения суда или иного судебного акта, составляли лица с высшим образованием.

Кроме того, большое значение имеет и семейное положение субъектов изучаемого преступного состава. Большинство лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по статье 306 УК, состоят в браке. Наличие семьи характерно для социального статуса представителя власти, государственного служащего, служащего местного самоуправления, государственного и муниципального учреждения, работника коммерческой или иной организации.

Важную роль играет информация о роде занятий лиц, воспрепятствовавших исполнению судебного акта, которая показывает, в каких сферах общественной жизни чаще встречается рассматриваемое преступление. Это способствует созданию криминогенных факторов, имеющих особенностей в

зависимости от характера профессиональной группы населения.

Среди важных уголовно-правовых признаков специфичны для указанных анализов и факторы, свидетельствующие о повышенной общественной опасности лица. Анализ уголовных дел показывает, что подавляющее большинство лиц, совершивших данную статью, ранее не привлекались к уголовной ответственности.

Изучение личности специального субъекта статьи 306 УК Азербайджанской Республики позволяет составить примерный портрет лица, не исполняющего приговор суда, решение суда или иной судебный акт. Как правило, это мужчина 40-50 лет, с высшим образованием, с достаточным профессиональным опытом, с семьей, занимающий руководящую должность в коммерческой организации.

Полученные результаты соответствуют характеристике конкретного субъекта расследуемого преступления. Именно лица, относящиеся к данной категории, занимают функциональные должности, связанные с исполнением судебных актов. При этом подчеркнем, что субъектами данных правоотношений, склонных к неисполнению приговора суда, решения суда или иного правового акта, являются опытные, профессиональные взрослые субъекты.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Азербайджанской Республики.
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики.
3. Закон Азербайджанской Республики «О статусе муниципалитетов».
4. Закон Азербайджанской Республики «О государственной службе».
5. Закон Азербайджанской Республики «Об исполнительном производстве».
6. Агаев И. Б. Криминальный состав: Учебник. Баку: Просвещение, 2005. С. 496.
7. Бабаева С. М. Уголовное право: общая часть: учебник. Баку: Наука и образование, 2018. С. 550.
8. Самандаров Ф. Ю. Общая часть уголовного права. Учебник. Баку: Юридическая литература, 2002. С. 734.
9. Божедаров В., Михлин А. Эффективна ли статья 188 УК РСФСР // Социалистическая законность. 1989. № 5. С. 53-55.
10. Друзин А. И. Воспрепятствование исполнению судебного акта: монография. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2001. 184 с.
11. Павлов В. Г. Субъект преступления: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 318 с.
12. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 268 с.
13. Лазарев А. М. Субъект преступления. М.: «БЭК», 1981. 268 с.
14. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. 216 с.

НИКОЛАЕНКО Наталья Сергеевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ЗНАЧЕНИЕ

На протяжении развития общества всегда существовало такое социальное явление, как преступность. Под преступностью понимается негативный вариант отклоняющегося поведения личности, нарушающего установленные обществом правила. Но не всякое нарушение правил можно назвать преступлением, в силу значимости его неблагоприятных последствий. Логично, что все преступления имеют разную степень и характер общественной опасности деяния. По этой причине Уголовный кодекс РФ выделяет категории преступления, которые подразделяются на преступление небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкое преступление и преступление особой тяжести.

Ключевые слова: категории преступлений, преступность, отклоняющееся поведение, общественная опасность, особо тяжкое преступление, преступление средней тяжести.

NIKOLAENKO Natalya Sergeevna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

DERENDYAEVA Sofya Dmitrievna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

CATEGORIES OF CRIMES: CONCEPT, TYPES, MEANING

Throughout the development of society, there has always been such a social phenomenon as crime. Crime is understood as a negative variant of deviant behavior of a person that violates the rules established by society. But not every violation of the rules can be called a crime, due to the significance of its adverse consequences. It is logical that all crimes have a different degree and nature of the public danger of the act. For this reason, the Criminal Code of the Russian Federation distinguishes categories of crime, which are divided into crimes of minor gravity, medium gravity, grave crimes and crimes of special gravity.

Keywords: categories of crimes, crime, deviant behavior, public danger, especially grave crime, crime of average gravity.

В Уголовном законодательстве все преступления обладают определенными схожими квалифицирующими признаками, без классификации невозможно отнести их к определённой категории. Классификация преступлений предполагает их дифференциацию на определенные группы (классы), исходя из выбранного критерия. Основанием классификации преступлений может служить общественная угроза, как конкретный признак преступного деяния, так и сочетание таких признаков. Законодатель закрепил перечень категорий преступлений в статье 15 УК РФ.

В. С. Комиссарова и Н. Е. Крылова говорят, что общественная угроза — это количественное выражение элементов преступлений. В большинстве случаев степень социальной угрозы колеблется по величине причиненного вреда и ущерба объектам нападения - личностям, обществам, государствам. После этого на нее воздействуют субъективные факторы – степень виновности в умысле, внезапного умысла, грубой неосторожности, степень низкой мотивации действия и целенаправленности.

Опасность методов посягательства определяет также количественную степень социальной опасности: преступление совершено, к примеру, группой людей без предварительных сговоров или по соглашению, либо группой организованных лиц, либо группой преступного сообщества. Иными словами, соотношение характера и степени общественной опасности - суть взаимодействие качества и количества таковой [2].

В настоящее время вопрос понятия классификации преступлений остается дискуссионным. Наиболее авторитетное понятие категоризации преступлений предложила Н. Н. Маршакова, по её убеждению, «классификация в уголовном законодательстве – это специфический прием юридической техники, представляющих собой деление закрепленных правовых положений по единому критерию на определенные категории (группы, виды), обладающий нормативно-правовым характером и имеющий своей целью единообразное понимание и применение уголовно-правовых институтов и норм» [1].

Ориентируясь на существующие формы вины можно выделить такие категории как:

1. Преступления, совершенные с умыслом, т.е. совершенные с прямым или косвенным умыслом;

«В данный вид попадают преступления, совершенные прежде всего с прямым умыслом, в данном случае лицо обязано понимать уровень угрозы для общества, которая будет нанесена в результате совершаемых им действий или наоборот отсутствием действий, видело и понимало ход дальнейших событий, которые наступят или наступили неизбежно в результате его желания».

«Что касается косвенной вины, в данном случае лицо осознаёт общественную угрозу своих действий, но в его поступках отсутствовало желание наступления негативных последствий, но допуская, что они наступят или относился к ним безразлично»

2. Преступления, совершаемые неосторожным путем, то есть по легкомысленности или неосторожности.

«Данная подкатегория говорит нам, что легкомыслие наступает при условиях, что лицо предполагает вариант общественной угрозы, но надеясь на себя рассчитывает предотвратить наступивших последствий сторонними инструментами».

Привести к вреду конкретного предмета или создать условия угрозы такого вреда, как правило, рассматривается в качестве проявления общественной опасности. Однако причинение вреда охраняемым уголовным законодательством объектам – это еще не общественная угроза, а только ее предпосылка. Реальным вредом от конкретного преступления является то, из чего произрастает общественная опасность. В причинении вреда охраняемым уголовным законом объектам выражается общественная угроза в виде вредности преступления, лежащая в полости уголовного права.

Таким образом, в уголовном законодательстве РФ выделяют такие категории как: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, преступления тяжкие и преступления особо тяжкие.

Перечисленные выше стадии имеют особенную значимость в уголовном праве.

Самой первой категорией, которую выделяет законодатель, является преступления небольшой тяжести. Это преступления чаще всего либо умышленные, либо совершаются по неосторожности, здесь законодатель четко указал что вред общественный вред в данном случае не такой большой, в соответствии с этим в уголовном кодексе указано наказание не более трёх лет лишения свободы.

Следующая категория – это преступления средней тяжести. Преступления данного рода уже несут более серьезный вред обществу. Данного рода преступления, совершенные умышленно имеют срок наказания до пяти лет лишения свободы, если же совершено по неосторожности, то до трёх лет лишения свободы. Преступления данного рода в уголовном праве совершаются довольно часто и несут в себе такой элемент как рецидив.

Дальше рассмотрим такую категория преступления как, тяжкие преступления. Основой в данном случае выступает определённые формы вины как: прямой и косвенный умысел. В зависимости степени совершенного деяния, если лицо, имело желание и цель совершить преступление (в качестве примера, ч. 1 ст. 111 Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), здесь прямой умысел на нанесение вреда жизни и здоровью человека. Если же лицо понимало и предвидело общественную опасность своих действий, но цели наступления последствий преступления не желало или отнеслось с безразличием (Например, ст. 106 убийство матерью новорожденного ребенка), в данном случае лицо не имеет цели умышленно нанести вред, а лишь избавиться от пролём не думаю о последствиях.

Данного рода преступления совершаются рецидивистами и по очень тяжелым статьям таким как ст. 105 УК РФ (убийство) ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и др. Данная категория уже не рассматривает преступления, совершенные по неосторожности, здесь преступления либо умышленные.

И последней категорией, которую выделил законодатель, являются особо тяжкие преступления. Это преступления имеют самый высокий вред в сравнении с другими категориями. Преступления данного рода совершаются только умышленно, с использованием насилия и агрессии. Здесь

законодатель не поставил ограничение, так как преступления такой категории несут огромный вред для общества и государства, а также говорят о том, что, лицо, совершившее такого рода опасно, и нуждается в изоляции или лечении [1].

Также стоит затронуть вопрос можно ли изменить категорию и переквалифицировать преступления? Законодатель и судебная практика дают единогласный ответ да, посредством:

1. Переквалификации преступления в менее тяжкое преступление;

В данном случае уголовное дело могут возбудить по одной статье или части статьи Уголовного кодекса, в дальнейшем в ходе следственных действий или непосредственно в суде с учетом ряда обстоятельств могут переквалифицировать на менее тяжкую. Причинами данного действия могут, например, стать: ошибка следствия, намеренная гиперквалификация со стороны следователя (когда в ходе следствия происходит намеренное завышение тяжести совершенного преступления) или вовсе исключение доказательств из объёма обвинения.

Например, лицо совершило преступление, предусмотренное пункт «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ – кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение. Данное преступление средней тяжести. Но в ходе судебного заседания суд пришёл к выводу, что факта незаконного проникновения не было со стороны обвиняемого лица, а так как других признаков, позволяющих вменить данную часть нет, то преступление будет переквалифицировано на часть 1 ст. 158 УК РФ и данное преступление уже будет отнесено к категории небольшой тяжести.

2. Изменение категории преступления уже непосредственно судом;

Часть 6 статьи 15 УК РФ даёт нам право изменить категорию на менее тяжкую, при этом квалификация не изменяется. Из анализа данной статьи можно сделать выводы:

Итак, проводя анализ вышесказанного можно сделать вывод, о том, что в уголовном кодексе в ст. 15 можно увидеть определённую закономерность, все категории, выделенные в данной статье расположены в строгом иерархическом порядке в зависимости от вреда, нанесённого обществу. Начиная от самого меньшего вреда преступлений небольшой тяжести и заканчивая особо тяжкими преступлениями. Каждая категория даёт оценку преступления и лицу, которое совершило данное преступление, был ли умысел, каким образом он совершил данное деяние, какой вред нанес человеку или же его собственности.

Пристатейный библиографический список

1. Авакян М. В. Особенности криминалистической характеристики преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью // Теория и практика общественного развития. - 2017. - № 4. - С. 106-110.
2. Маршакова Н. Н. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ). - Нижний Новгород: Изд-во ин-та ФСБ России, 2009. - 208 с.
3. Комиссарова В. С., Крылова Н. Е., Тяжкова И. М. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. - 2-е изд. - Москва: Статут, 2014. - 880 с.

СТОЛБИН Никита Сергеевич

бакалавр Дальневосточного федерального университета

ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПОРТСМЕНОВ ЗА УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ СУБСТАНЦИЙ

За последние несколько лет мировое сообщество, в частности страны Европейского союза и США, ввели культуру отмены российского спорта, что свидетельствует о зависимости спорта от политики. В том числе это касается и допинговых скандалов, которые происходили с российскими спортсменами. В таком случае встает вопрос: чья вина в нарушении спортсменами антидопинговых правил? Понимают ли спортсмены, какова их ответственность за употребление допинга? Необходимо ли ужесточение санкций против своих же спортсменов? Каковы перспективы индустрии спорта в России в случае введения уголовной ответственности спортсменов?

Ключевые слова: спорт, спортсмены, уголовная ответственность, допинг, антидопинговые правила.

STOLBIN Nikita Sergeevich

bachelor student of the Far Eastern Federal University

INTRODUCING CRIMINAL RESPONSIBILITY OF ATHLETES FOR THE USE OF PROHIBITED SUBSTANCES

Over the past few years, the world community, in particular the countries of the European Union and the United States, have introduced a culture of canceling Russian sports, which indicates the dependence of sports on politics. This also applies to doping scandals that have occurred with Russian athletes. In this case, the question arises: whose fault is it in the athletes committing anti-doping rules? Do athletes understand their responsibility for doping? Is it necessary to tighten sanctions against their own athletes? What are the prospects for the sports industry in Russia in the event of the introduction of criminal liability for athletes?

Keywords: sports, athletes, criminal liability, doping, anti-doping rules.

Столбин Н. С.

В последние десятилетия появилась негативная практика игнорирования спортивных принципов и отдаление некоторых спортсменов от духа спорта. Причиной тому стало появление возможности обходить правила соревнований и улучшать свои спортивные результаты при помощи специальных препаратов – допинга.

И тем не менее большинство спортсменов поддерживают свою физическую подготовку упорными тренировками. Однако, существуют те, кто употребляют запрещенные субстанции и, к сожалению, добивается высоких результатов в мировых соревнованиях.

С целью предотвращения употребления допинга и становления спортивных соревнований справедливыми в 1999 году была создана антидопинговая неправительственная международная организация ВАДА.

В 2003 году принят Всемирный антидопинговый кодекс ВАДА, который содержит санкции в виде дисциплинарной ответственности спортсменов, тренеров, спортивного медицинского персонала и иных специалистов [1]. Действие данного кодекса распространяется в том числе и на отношения по борьбе с допингом в России. Законодательство РФ включает административные и уголовные нормы за нарушение антидопинговых правил.

Часть 1 статьи 6.18 КоАП РФ закрепляет административную ответственность за умышленное нарушение спортсменом установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним, выразившееся в использовании или попытке использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода [2].

То есть субъектами правонарушения по данной части могут быть только спортсмены, в отличие от части второй той же статьи. Помимо спортсмена в ч. 2 ст. 6.18 КоАП субъ-

ектами также являются тренер, специалист по спортивной медицине или иной специалист в области физической культуры и спорта. Ответственность по данной части наступает за распространение запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Указанные субъекты, следуя логике законодателя, могут привлекаться в том числе и к уголовной ответственности. Однако это не так. Субъектами преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, не являются спортсмены несмотря на то, что диспозиция ч. 2 ст. 6.18 КоАП отсылает к уголовному законодательству в случае совершения специальными субъектами по данной статье более тяжкого правонарушения.

Таким образом, спортсмены в случае нарушения антидопинговых правил не подлежат уголовной ответственности, что на первый взгляд является достаточно необычным в силу особого статуса спортсмена, так как для многих спортсмены являются примером для подражания. А употребление допинга, тем самым, ставится в пример для других.

Статья 230.1 УК РФ содержит следующую диспозицию: склонение спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте [3].

Статья 230.2 УК РФ предусматривает использование в отношении спортсмена независимо от его согласия тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, за исключением случая, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации о физической культуре и спор-

те использование запрещенных субстанций и (или) методов не является нарушением антидопингового правила [3].

Приказом Минспорта РФ «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» от 19.10.2022 № 838 утвержден перечень иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации, в который входят аналитик, инструкторы, специалисты [4].

Таким образом, спортсмены не могут являться субъектами преступления даже если они склонили другого спортсмена к употреблению допинга или совершили действия, направленные на непосредственное применение другим спортсменом запрещенных в спорте субстанций.

Объектом преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, являются отношения, связанные с охраной здоровья спортсменов. В таком случае возникает диссонансный вопрос: если один спортсмен склонил другого спортсмена принять допинг, то будет ли являться поведение первого посягательством на отношения, связанные с охраной здоровья спортсменов? Мне кажется, что да, так как с принятием запрещенного препарата на здоровье второго спортсмена посягнул первый.

Помимо данной проблемы, существует еще ряд причин, которые свидетельствуют о необходимости введения уголовной ответственности спортсменов за нарушение антидопинговых правил, а именно:

1. Общим объектом преступления по главе 25 УК РФ является защита здоровья населения и общественной нравственности.

Употребление допинга вредит здоровью человека и в мире происходили случаи, когда спортсмены умирали в результате принятия запрещенных препаратов [5]. Потребление допинга влияет не только на здоровье спортсменов, но также и противоречит морально-этическим постулатам спорта, таким как принципу *fair play* («честная игра»).

В связи с тем, что употребление допинговых препаратов значительным образом улучшает физические данные спортсмена, возникает неравенство, которое исходит не из уровня подготовки спортсмена к соревнованиям, а от количества употребляемого вещества [6]. Спортсмены подают плохой пример молодым людям, показывая, что можно добиваться результатов не через упорные тренировки, а путем употребления запрещенных субстанций.

Таким образом, принятие допинга спортсменами ставит под угрозу здоровье населения и противоречит нравственным устоям в мире спорта. Следовательно, в главу 25 УК РФ необходимо внести уголовную ответственность за употребление спортсменами запрещенных субстанций с целью защиты здоровья населения и общественной нравственности.

2. Всемирный антидопинговый кодекс ВАДА, применимый в России в отношении спортсменов и иных лиц, включает принцип строгой ответственности спортсменов [1]. Он означает, что вина спортсмена наступает с момента попадания допинга в организм, вне зависимости умышленно или по неосторожности это произошло.

У каждого спортсмена согласно положениям кодекса есть обязанность недопущения попадания запрещенной субстанции в свой организм. Примения кодекс ВАДА, мы подтверждаем данную обязанность. Отсутствие норм в уголовном праве России, регламентирующих уголовную ответственность спортсмена, противоречит принципу строгой ответственности.

Спортсмены занимают высокое положение в обществе, а значит должны вести себя ответственно, так как отсутствие специальной статьи, предусматривающей уголовную ответственность спортсменов, может способствовать злоупотреблению ими приема запрещенных препаратов.

3. Согласно ст. 230.2 УК РФ тренер, медперсонал и иные лица, использовавшие в отношении спортсмена запрещенные субстанции и (или) методы привлекаются к ответственности вне зависимости от умысла спортсмена на употребление допинга [3]. Исходя из смысла данной статьи, если спортсмен и его тренер согласовали, что первый будет употреблять допинг, то ответственным будет второй.

Если у него был прямой умысел, направленный на нарушение антидопинговых правил, некоторые авторы научных работ полагают было бы верно привлечь его к ответственности наравне с другими специальными субъектами, указанными в ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, но по другой статье Уголовного кодекса Российской Федерации [7].

4. В кодексе ВАДА содержится перечень санкций за нарушение антидопинговых правил спортсменами и иными лицами. Например, за употребление допинга спортсмена дисквалифицируют на определенный срок от участия в соревнованиях, лишают награды за период принятия допинга. За повторное нарушение или злостное употребление могут дисквалифицировать на пожизненный срок [1]. Использование кодекса ВАДА достаточно удобно. Однако, спортсмен помимо ответственности, предусмотренной данными нормами, еще и привлекается к административной ответственности, что является не совсем справедливым, так как за одно и то же правонарушение нельзя наказывать дважды. К тому же к административной ответственности спортсмены привлекаются достаточно редко, в основном санкции наступают по антидопинговому кодексу ВАДА. Но иногда возникают ситуации, когда привлекают спортсмена по КоАП РФ, о чем свидетельствует судебная практика [8]. Тогда возникает проблема понимания, в каких случаях действует кодекс ВАДА, а когда КоАП РФ.

5. Спортсмен также, как и тренер, медперсонал и иные специалисты проходит обучение по антидопинговым правилам. Они являются обязательными, но сейчас всесторонне используется практика проведения лекций, обучение и прохождение курсов по антидопинговым правилам. На сайте РУСАДА опубликован онлайн-курс Антидопинг 2023 [9]. Следовательно, у спортсменов есть все те же возможности, как у других специальных субъектов получить обучение, а значит они должны нести равную ответственность за нарушения антидопинговых правил.

Итак, приведенные проблемы антидопингового законодательства в России отражают действительное положение российских спортсменов на мировом рынке в данной сфере. Достаточно большое количество российских спортсменов находится во временной и пожизненной дисквалификации. Согласно данным Всероссийской федерации легкой атлетики только 85 легкоатлетов дисквалифицированы по данному виду спорта [10].

Для решения данной проблемы научные деятели предлагают свой вариант введения или исключения определенных положений в административном и уголовном законодательстве. Некоторые авторы предлагают принять отдельную статью в уголовный кодекс РФ – 230.3 для привлечения спортсменов за употребления допинга в следующей редакции: «Использованием спортсменом запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним (ст. 6.18 КоАП РФ), наказывается» [11].

Другим автором предлагается исключение статьи 6.18 КоАП РФ из-за того, что составы правонарушений по данной статье и статьям 230.1 и 230.2 УК РФ идентичны и в ней нет никакого смысла [12].

На мой взгляд оба варианта являются отчасти верными, но мною предложен иной вариант внесения изменений в статьи КоАП РФ и УК РФ.

За употребление допинга спортсмену предусмотрена дисциплинарная ответственность, которая является достаточно серьезной, учитывая, что спортсмены в среднем заканчивают карьеру в 35 лет. Дисциплинарная ответственность спортсмена по общему правилу составляет 4 года согласно антидопинговому кодексу ВАДА [1].

В связи с этим, предлагаю исключить из КоАП РФ статью 6.18, так как это её существование противоречит принципу *non bis in idem* («никто не должен нести двойное наказание за один проступок»).

А также предлагаю ввести в субъектный состав статей 230.1 и 230.2 УК РФ спортсменов, как субъектов преступления, так как склонение одного спортсмена другим в принятии допинга и совершение действий, повлиявших на употребление допинга, противоречит морально-этическим правилам спорта, а также ставит под угрозу жизнь и здоровье спортсмена.

Третьим изменением возможно введение дисциплинарной преюдиции для УК РФ по употреблению допинга спортсменом, согласно которой повторное умышленное нарушение антидопинговых правил, влечет уголовную ответственность. Важно уточнить, что именно повторное умышленное употребление препарата должно стать преюдицией, так как употребление по неосторожности противоречит объективной стороне главы 25 УК РФ. Данное преступление предусматривается статьей 230.3 УК РФ, которая будет составлена в следующей редакции: «За повторное умышленное нарушение антидопинговых правил, предусмотренных соответствующими положениями антидопингового кодекса ВАДА, спортсменом, наказывается...».

К тому же в часть вторую данной статьи предлагаю добавить квалифицирующие составы преступлений такие, как употребление во время или за несколько дней до соревнований запрещенных субстанций, те же деяния, совершенные с корыстной целью, совершенные группой лиц по предварительному сговору. А также добавить указанные составы в статьи 230.1 и 230.2 УК РФ. Данные пункты будут предусматривать различные ситуации по нарушению антидопинговых правил. Например, преступление, совершенное с корыстную целью спортсмена, будет защищать отношения, когда спортсменам в результате победы предусмотрены стимулирующие выплаты или награда в виде имущественного приза. А пункт «совершенное группой лиц по предварительному сговору» будет предусматривать отношения, в которых спортсмены, участвующие в командных видах спорта, совместно употребляют допинг с целью победы на соревнованиях.

Перечисленные изменения способствуют более простому определению вопроса ответственности спортсменов и иных лиц, а также справедливому и рациональному разрешению антидопинговых правонарушений.

Пристайный библиографический список

1. Всемирный антидопинговый кодекс ВАДА от 2003 г. (ред. от 01.01.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyy_antidopingovyy_kodeks.pdf (дата обращения: 23.06.2023).
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0a95fbc5e4b475c527bf557d6a592c9d42249cd2/ (дата обращения: 23.06.2023).
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>

- document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.06.2023).
4. Приказ Минспорта РФ «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» от 19.10.2022 № 838. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/352252386?marker=65801P> (дата обращения: 27.06.2023).
5. Информация взята из ресурса: www.matchtv.ru: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://matchtv.ru/doping/matchtvnews_NI1217254_30_let_zhizni_sportsmena_dla_chetyreh_italjancev_Istorija_kotoraja_uzhasajet (дата обращения: 28.06.2023).
6. Хиневич К. И. Социальные последствия употребления спортсменами субстанций, запрещенных для использования в спорте // Интернет-журнал Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-posledstviya-upotrebleniya-sportsmenami-substantsiy-zapreschyonnyh-dlya-ispolzovaniya-v-sporte> (дата обращения: 01.07.2023).
7. Мата С. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ // Интернет-журнал Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-predusmotrennyh-st-230-1-i-230-2-uk-rf> (дата обращения: 02.07.2023).
8. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2020 № 16-5623/2020; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2020 № 16-4911/2020.
9. Информация взята из ресурса: www.rusada.ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusada.ru/education/online-training/> (дата обращения: 03.07.2023).
10. Информация взята из ресурса: www.rusathletics.info. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusathletics.info/disk> (дата обращения: 04.07.2023).
11. Жмурин Д. В. Особенности привлечения к ответственности специальных субъектов преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ // Интернет-журнал ЮП. – 2020. – № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-privlecheniya-k-otvetstvennosti-spetsialnyh-subektov-prestupleniy-predusmotrennyh-statyami-230-1-i-230-2-uk-rf> (дата обращения: 04.07.2023).
12. Крылова Е. С. Вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за нарушение антидопинговых правил // Интернет-журнал Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (35). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-razgranicheniya-ugolovnoy-i-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narushenie-antidopingovyh-pravil> (дата обращения: 04.07.2023).

КЛИНЧУК Светлана Васильевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции

НИКОЛАЕВА Анастасия Павловна

слушатель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, младший лейтенант полиции

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК УСТРАНЕНИЯ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

В современной системе противодействия преступлениям Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в качестве основополагающего вида противодействия выделяет превенцию, в том числе это касается профилактики массовых беспорядков. Сложность профилактики таких преступлений заключается в том, что получателями представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, может быть большое количество, в связи с большим разнообразием причин и условий, способствовавших совершению массовых беспорядков.

Ключевые слова: противодействие преступлениям, профилактика преступлений, устранение причин и условий, общественная безопасность, массовые беспорядки, превентивная работа следователя, криминогенные причины.

KLINCHUK Svetlana Vasiljevna

Lecturer of Criminal process and forensic science sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

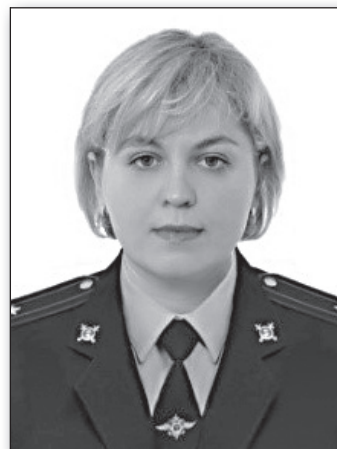
NIKOLAEVA Anastasiya Pavlovna

cadet of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, junior lieutenant of police

PROCEDURAL PROCEDURE FOR ELIMINATING THE CAUSES AND CONDITIONS CONTRIBUTING TO THE COMMISSION OF MASS RIOTS

There is a special provision of the criminal law, according to which criminals are brought to criminal responsibility, namely Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation "Fraud in receiving payments". The complexity of the investigation of such crimes lies in the fact that the person who carries out the preliminary investigation needs to be guided in the work of banks, credit organizations, to know the legislative framework, according to which various social benefits are accrued.

Keywords: crime prevention, crime prevention, elimination of causes and conditions, public safety, mass riots, preventive work of the investigator, criminogenic causes.

Клинчук С. В.

Николаева А. П.

Современная система противодействия преступлениям отдает приоритет превенции, что декларируется положениями Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Согласно законодательной концепции, данный вид деятельности понимается, как «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения», при том его осуществление допустимо лишь строго обозначенным кругом субъектов, определенных нормативно-правовым актом.

Несмотря на общепринятую дифференциацию противоправных деяний на правонарушения и преступления, Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» отождествляет их, объединяя в общий предмет нормативно-правового регулирования.

В качестве основных направлений профилактического воздействия, в ч. 1 ст. 6 вышеуказанного нормативно-правового акта определяется необходимость охраны общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий и обеспечение общественной безопасности. Притом, одним из способов достижения желаемой цели считается «выявление и устранение причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Однако, применимо к настоящему предмету исследования, допустимо говорить, что одно из наи-

более опасных преступлений против общественного порядка и общественной безопасности не имеет должного специального превентивного механизма, что не совсем соответствует его полиобъектному характеру, последствиям, степени причиняемого вреда охраняемым законом общественным отношениям. В то время, как порой сопряженные или сопутствующие акты экстремизма или терроризма, на законодательном уровне, имеют собственные нормативно-правовые особенности профилактики, предупреждения, пресечения и раскрытия. Подобный законодательный пробел не соответствует концепции обеспечения общественной и национальной безопасности.

Отличительная особенность превентивной работы следователя состоит в том, что принимаемые им меры осуществляются после того, как преступление было ранее совершено, а принимаемое им процессуальное решение – обоснованный нормативный документ реагирования, направленный на устранение причин и условий, способствующих совершению преступления, выносимый в порядке ст. 158 УПК РФ, при окончании предварительного следствия. Специфика данного процессуального мероприятия заключается в том, что путем проводимого расследования по факту противоправного посягательства, используя обширный комплекс следственных и процессуальных действий, правоприменитель выясняет все обстоятельства произошедшего, что ложится в основу предъявляемого обвинения виновным лицам. Следовательно, результативность устранения причин и условий способствующих совершению массовых беспорядков зависит от полного уяснения предмета доказывания уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного ст. 212 УК РФ, его пределов, полноты доказательственной базы материального и идеального характера. Анализ каждого противоправного факта рассматривается в своей совокупности, в тех связях, свойствах и признаках, знание

которых необходимо для решения практических задач уголовного судопроизводства, с целью полноценного и достоверного документирования обстоятельств, предписанных чч. 1, 2 ст. 73 УПК РФ.

Как утверждает Н. А. Кабанов, «причины и условия, способствовавшие совершению преступления, как правило, тесно связаны с обстоятельствами уголовно-правового характера» [2, с. 68]. С подобным выводом сложно не согласиться, так как выяснение криминогенных факторов в ходе проведения предварительного расследования тесно сопряжено с обстоятельствами уголовно-правового характера, позволяющими рассмотреть механизм совершенного преступления, персонализировать роли, определить степень активности, в последующем индивидуализировать меры ответственности.

Особый превентивный характер имеет объективная и субъективная сторона преступления, установить которую возможно лишь совокупностью проводимых следственных действий. Специфика массовых беспорядков заключается в сопутствующем хаосе среди множества лиц, повсеместной активности, отсутствии полноценной возможности документировать деяния обособленного лица, в том числе путем оперативно-разыскных мероприятий. Таким образом, результативность проводимого предварительного расследования во многом зависит от профессионализма следователя, грамотно выбранной тактики и полноты проведения следственных действий, в особенности качества проведения предъявлений для опознания, допросов, осмотра места происшествия, очных ставок и осмотров предметов, что в совокупности со своевременными проведенными судебными экспертизами позволяет установить обстоятельства произошедшего, способ совершения общественно опасного посяательства, умысел причастных лиц. Основной проблемой познавательной и доказательственной деятельности является характер собираемых доказательств, их зависимость от памяти участников массовых беспорядков, что обязывает следователя предварительно готовиться к каждому следственному действию, разрабатывать тактику проводимого мероприятия и предвидеть возможные варианты развития событий, целесообразные меры реагирования. Говоря о субъективной стороне преступления, то к ней традиционно относят вину, мотив и цель преступления.

Установив все обстоятельства совершения преступления допустимо говорить об осуществлении превентивного воздействия следователем, при том, профилактическое значение имеет не только противоправное деяние и общественно опасные последствия, но и причинная связь между ними, установление которой позволяет проследить взаимозависимость явлений, принять меры к ликвидации криминогенных причин. В основу любого предупредительного мероприятия, вне зависимости от формы его проявления и сопряженных юридически значимых событий, ложатся познания, характеризующие особенности:

1. деятельности активных групп, вовлеченных в проведение массовых беспорядков;
2. социальные, физиологические, светские особенности лиц, участвующих в противоправных посяательствах;
3. вовлеченность преступников в маргинальные слои населения, приверженность определенным идеологиям, взглядам, членство в незаконных сообществах и организациях, криминальный опыт;
4. применяемое оружие, а также предметы, используемые в его качестве для реализации преступного умысла;
5. место происшествия, предпринятые органами государственной и муниципальной власти к обеспечению общественной безопасности и правопорядка;
6. потерпевшие (как физические, так и юридические лица), которым был причинен ущерб, имела ли в их действиях небрежность или легкомыслие, повлекшие данные последствия;
7. политические, социальные, культурные причины общесоциального характера, способствовавшие наступлению массовых беспорядков.

В рамках проведения предварительного расследования по факту совершения массовых беспорядков, на основании комплексного предварительного расследования и собранных доказательств, осуществляется анализ произошедшего, что позволяет выявить подлинные причины и условия совершения преступления, обстоятельства, позволяющие реализовать преступный умысел или же облегчающие его. Вынесение соответствующего представления должно осуществляться исключительно в рамках проведения досудебного расследования, а его правомерность и обоснованность определяется установлением криминогенных факторов. Результативность выносимого нормативно-правового акта обусловлена достоверностью выводов о причинах и условиях, породивших преступление, то есть в случаях, когда они дока-

заны в полной мере. Поспешное или необоснованное принятие соответствующего процессуального решения может привести к игнорированию подлинных причин и условий совершения преступления, что является грубым нарушением служебной дисциплины, законодательства и претит сущности правоохранительной деятельности, влечет за собой дискредитацию органов государственной власти.

Процессуальный порядок направления представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона закреплен в ст. 158 УПК РФ и осуществляется исключительно в рамках предварительного расследования. С учетом положений о подследственности, а именно п. «а» ч. 1 ст. 151 УПК РФ проведение предварительного следствия по уголовным делам, квалифицируемым по ст. 212 УК РФ относится к компетенции Следственного Комитета Российской Федерации, что, в общем порядке, означает вменение обязанностей по вынесению соответствующих документов реагирования сотрудниками федерального органа государственной власти. Получателем является организация или должностное лицо, в чьих действиях (бездействиях) установлена причастность к совершению массовых беспорядков или выявлены обстоятельства, воспрепятствовавшие установлению истины по делу (затруднившие установление истины по факту произошедшего). При том, законодателем не указывает количественные ограничения получателей соответствующих документов, что указывает на его множественность, то есть адресатами является неограниченное количество субъектов, однако, в рамках предварительного расследования необходимо установить их причастность.

Представление о принятии мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступления обязательно к рассмотрению, с письменным уведомлением о достигнутых результатах, сроком не превышающим 30 суток. В случае невыполнения законных требований следователя, организация или виновное должностное лицо привлекается к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ.

На основании вышесказанного допустимо говорить, что устранение причин и условий способствующих совершению массовых беспорядков, в рамках предварительного расследования, происходит исключительно на стадии досудебного производства, уполномоченным лицом – следователем Следственного Комитета Российской Федерации – путем выполнения требований ч. 2 ст. 158 УПК РФ, а именно вынесения представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления. В основу данного документа ложится доказательственная база, собранная проводимыми следственными и процессуальными действиями, в полной мере обосновывающая наличие состава преступления, а также обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. Выносимый документ реагирования направляется адресату – организации (физическому или юридическому лицу) или же должностному лицу и обязательно для рассмотрения в течении 30 суточный срок с письменным уведомлением о принятых мерах отправителю, в противном случае наступает административная ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Ведяшкин С. В. Становление и реформа профилактики административных правонарушений в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2018. - № 1. - С. 85-93.
2. Кабанов Н. А. К вопросу о совершенствовании профилактики и предотвращения массовых беспорядков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2019. - № 2. - С. 67-73.
3. Хабибуллин А. Р. Предотвращение массовых беспорядков // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 2020. - № 2. - С. 240-243.
4. Чеченов А. М. Некоторые вопросы профилактики массовых беспорядков, столкновений на межнациональной или религиозной почве // Теория и практика общественного развития. - 2016. - № 5. - С. 209-211.

РУБЕКО Георгий Леонидович

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

КАТАЛАЕВА Регина Олеговна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

КОРНИЛОВ Михаил Викторович

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ПОЛНОМОЧИЯ ЗАЩИТНИКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются отдельные вопросы правового положения защитника в уголовном судопроизводстве. В частности, выявляются предпосылочные аспекты участия адвоката в качестве защитника в уголовном процессе. Кроме того, исследуются отдельные правомочия адвоката в производстве по уголовному делу. Показывается, что сторона защиты обладает гораздо меньшими возможностями в представлении доказательственной базы в материалы уголовного дела. Показана взаимосвязь между такими обстоятельствами и реализацией принципов уголовного процесса. В статье предлагается рассмотреть возможность расширения полномочий защитника в уголовном процессе. Одним из возможных направлений расширения полномочий защитника является предоставление ему возможности вести т.н. адвокатское расследование.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, защитник, адвокат, адвокатское расследование.

RUBEKO Georgiy Leonidovich

Ph.D. in Law, Head of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

KATALAEVA Regina Olegovna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

KORNILOV Mikhail Viktorovich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

THE POWERS OF A LAWYER IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article deals with certain issues of the legal status of the defender in criminal proceedings. In particular, the background aspects of the lawyer's participation as a defender in criminal proceedings are revealed. In addition, separate powers of a lawyer in criminal proceedings are being investigated. It is shown that the defense side has much less opportunities in presenting the evidence base in the materials of the criminal case. The relationship between such circumstances and the implementation of the principles of criminal procedure is shown. The article proposes to consider the possibility of expanding the powers of the defender in criminal proceedings. One of the possible ways to expand the powers of the defender is to give him the opportunity to conduct a so-called lawyer investigation.

Keywords: criminal proceedings, defense counsel, lawyer, lawyer investigation.

Субъекты уголовно-процессуального права традиционно подразделяются на три большие группы. В частности, одна из групп представлена субъектами, которые действуют на стороне защиты. Среди них особо выделяется лицо совершившее преступление. В зависимости от стадии уголовного процесса данный субъект имеет различное наименование и соответственно обладает отличающимся набором прав и обязанностей. Так, на стадии предварительного расследования он именуется обвиняемым. На судебных стадиях процесса – подсудимым.

Обвиняемый (подсудимый), как правило, не является профессиональным юристом. Поэтому для квалифицированной защиты своих прав он нуждается в помощи профессиональных юристов. В связи с этим одним из основных прав обвиняемого (подсудимого) является право на защиту. Суть этого права выражается в том, что государство гарантирует получение обвиняемым (подсудимым) квалифицированной юридической помощи. Для этого уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена целая система правомочий и гарантий. В частности, закрепляется право, что на любой стадии уголовного процесса лицо, которое обвиняется в совершении преступления, имеет право на привлечение защитника. При этом обвиняемому предоставляется право выбора пользоваться или нет услугами защитника. В то же время некоторым лицам, указанным в законе, защитник предоставляется в обязательном порядке. В том случае, если у обвиняемого не имеется средств на оплату услуг защитника, то ему предоставляется бесплатная юридическая помощь. Имеется в виду, что услуги защитника оплачиваются государством.

Российское законодательство предусматривает, что в роли защитников могут выступать, за некоторыми исключениями, только адвокаты. Адвокатами являются лица, занимающиеся адвокатской деятельностью и зарегистрированные в установленном порядке в Адвокатской палате соответствующего региона. Деятельность адвокатов регулируется специальным Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». Данный закон регулирует целый ряд вопросов, связанных с осуществлением адвокатской деятельности. В том числе он регулирует отношения, связанные с взаимоотношением клиента и адвоката в различных видах судопроизводства.

Российское законодательство предусматривает т.н. адвокатскую «монополию» применительно к уголовному судопроизводству. Это означает, что в роли защитников могут выступать только адвокаты. Лишь в исключительных случаях защитниками могут быть иные лица. Обычно в их качестве выступают лица, которые являются законными представителями обвиняемого. Как правило, такими лицами являются родители (усыновители, попечители) обвиняемого (подсудимого). Как видно такие лица профессиональными юристами не являются и, поэтому квалифицированной юридической помощи оказать не могут. Поэтому их основная функция выражается в осуществлении функции представительства.

Таким образом, для того чтобы стать защитником в конкретном уголовном процессе лицо должно доказать наличие у него статуса адвоката. Делается это в большинстве случаев представлением адвокатского удостоверения, а также оформленно-

го в установленном порядке ордера. Наличие статуса адвоката позволяет в определенной степени гарантировать качественное предоставление адвокатских услуг в уголовном процессе.

Сущность полномочий защитника вытекает из его наименования. В других видах процесса данное лицо именуется представителем. Соответственно использование различных наименований для таких лиц, обусловлено, прежде всего, не совпадающими их полномочиями. Защитник в уголовном процессе защищает интересы обвиняемого (подсудимого) на различных его стадиях. Цель такой защиты состоит в том, чтобы по возможности минимизировать те последствия, которые возникают вследствие совершения лицом противоправного деяния (преступления).

Защитнику в уголовном процессе предоставляется целый ряд правомочий, которые он реализует в интересах подсудимого (обвиняемого). Особенность их реализации зависит от конкретной стадии уголовного судопроизводства. Так, на стадии предварительного расследования адвокату предоставляется право участвовать в следственных действиях, представлять доказательства, заявлять ходатайства, направлять запросы в органы государственной власти и местного самоуправления и др. В то же время адвокат как представитель одной из ключевых сторон уголовного процесса на данной стадии имеет гораздо меньше прав и возможностей, нежели следователь (дознатель) как представитель другой стороны уголовного процесса - стороны обвинения. Данные лица добывают комплекс доказательств в рамках уголовного дела, направленных на установление (виновности) лица, совершившего преступление. Соответствующие доказательства добываются путем совершения следственных действий, которые закреплены действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Защитник же в уголовном процессе не имеет право самостоятельно проводить следственные действия. Соответственно возможность осуществления следственных действий сводится только к участию в тех мероприятиях, которые проводит следователь.

Сложившееся положение нивелирует реализацию принципа состязательности, который закреплен в УПК РФ. Особенно это касается досудебных стадий. В их рамках полномочия защитника существенно уже, нежели у следователя (дознателя). Именно это дает возможность многим исследователям называть российский уголовный процесс смешанным, а не состязательным [4, с. 355], [11, с. 249].

В литературе последних десятилетий обсуждался вопрос о необходимости наделяния защитника возможностью проводить более широкий круг действий, направленных на получение доказательств в интересах своего клиента. В частности, это может быть возможность осуществлять некоторые действия, аналогичные следственным. К примеру, это может быть совершение допросов свидетелей, проведение экспертизы и др. [2, с. 178], [8, с. 102].

Существенно повысило бы уровень состязательности российского уголовного процесса наделяние защитника проводить в рамках досудебных стадий собственное – адвокатское – расследование. Это позволит защитнику независимо от следователя проводить мероприятия, направленные на получение доказательств, подтверждающих невиновность обвиняемого или смягчение его вины. Такой подход существенно повысит уровень правовых гарантий обвиняемого (подсудимого) в российском уголовном процессе.

В то же время данное предложение встречено отнюдь неоднозначно в науке уголовного процесса [6, с. 3-8], [1, с. 75], [12, с. 143-145]. Введение соответствующих норм может существенно ослабить положение следователя и, вообще, сторону обвинения в уголовном процессе.

Среди исследователей нет единства относительно того, что понимать под данным видом адвокатской деятельности. Так, некоторые считают, что собственное расследование защитник проводит и в настоящее время, осуществляя деятельность по получению доказательств [3, с. 49-54]. Таким образом, любую деятельность в рамках уголовного судопроизводства они именуют расследованием. Другие же считают, что расследованием нужно считать только такую деятельность, которая будет включать расширенные полномочия защитника в рамках уголовного судопроизводства [6, с. 3-8]. При этом эти полномочия еще нуждаются в закреплении. С этой точки зрения такого правового института как адвокатское расследование в российском уголовном судопроизводстве в настоящее время не существует. Оно появится только после внесения изменений и дополнений в российское законодательство. Таким образом, адвокатское расследование – это такая совокупность полномочий защит-

ника, которая потенциально может появиться в отечественной правовой системе. Данный подход представляется более обоснованным.

Говоря о необходимости наделяния защитника возможностью проводить более широкий круг действий, направленных на получение доказательств в интересах своего клиента. В частности, речь идет о возможности осуществления некоторых действий, аналогичных следственным. К примеру, это может быть совершение допросов свидетелей, проведение экспертизы. Также было предложено расширить полномочия по добыванию отдельных видов доказательств – это могут быть действия, связанные с самостоятельным допросом свидетелей, с назначением отдельных экспертиз и др. При этом часть действий, осуществляемых следователем, не могут быть проведены защитником. К ним относятся такие действия как проведение обыска, выемки, контроля телеграфных и почтовых отправлений и др.

Определяя перспективы развития адвокатского расследования, необходимо решить вопрос о порядке его оформления и представления его результатов в судебных стадиях. Здесь надо помнить, что следователь (дознатель) окончательно свои результаты оформляет в виде обвинительного заключения (акта), которые он направляет для утверждения прокурору. Одним из возможных вариантов может выступать составление защитником собственным акта, который он представит в суд.

Таким образом, в настоящее время вопрос о расширении полномочий защитника в уголовном судопроизводстве достаточно остро стоит как перед уголовно-процессуальной наукой, так и перед правоприменительной практикой.

Пристатейный библиографический список

1. Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2020. – № 1.
2. Дяблов А. В. Реализация принципа обеспечения права на защиту в полномочиях защитника по собиранию доказательств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 1-2.
3. Калюжный А. Н. Адвокатское расследование в уголовном процессе: проблемы правовой конструкции и практики реализации // Адвокатская практика. – 2017. – № 1.
4. Конин В. В. Некоторые проблемные вопросы состязательности и равноправия в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1.
5. Курепина Н. Л., Рубеко Г. Л. Правовые формы противодействия коррупции на различных этапах развития российского государства: исторический анализ // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 4.
6. Мельников В. Ю. Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования? // Адвокатская практика. – 2015. – № 4.
7. Методологический инструмент оценки угроз экономической безопасности полиэтничного региона: монография / Под ред. проф. Н. Л. Курепиной. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020.
8. Пастухов П. С. О выравнивании прав сторон в собирании доказательств по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33).
9. Рубеко Г. Л. Борьба с коррупцией в России: исторические аспекты // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: материалы региональной научно-практической конференции. Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Республике Калмыкия, Управление Министерства юстиции России по Республике Калмыкия. – Элиста, 2017.
10. Рубеко Г. Л. Противодействие коррупции. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2017.
11. Соловьев А. А. Типология уголовного процесса РФ и ее значение для формирования системы принципов // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2012. – № 1.
12. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2000.

САФОНОВА Юлия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

ГОРКИНА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ДЕТЕКЦИЯ ЛЖИ КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены вопросы возникновения и применения устройства, которое способствует, с большой вероятностью, установлению истины. Уголовно-процессуальный кодекс России предоставляет значительный арсенал процессуальных действий, которые содействуют следователю, дознавателю достичь при расследовании истинности, достоверности доказательств, что является ключевой стороной в производстве по уголовному делу. В настоящее время существует значительная проблема установления истины в словах человека. Это касается также определения допустимости и значимости доказательств. Уголовно-процессуальное законодательство не стоит на месте и требует развития, которое в том числе заключается и в повышении вероятности точного ответа на вопросы предварительного следствия, во время проведения следственных действий.

Ключевые слова: детекция лжи, полиграф, ложь, установление истины, психофизиологическое исследование.

SAFONOVA Yuliya Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

GORKINA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

INSTRUMENTAL LIE DETECTION AS A WAY OF ESTABLISHING THE TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the issues of the emergence and application of a device that contributes, with a high probability, to the establishment of the truth. The Criminal Procedure Code of Russia provides a significant arsenal of procedural actions that help the investigator, the inquirer to achieve the truth and reliability of evidence during the investigation, which is a key party in the criminal proceedings. Currently, there is a significant problem of establishing the truth in a person's words. This also applies to determining the admissibility and significance of evidence. The criminal procedure legislation does not stand still and requires development, which, among other things, consists in increasing the probability of an accurate answer to the questions of the preliminary investigation, during the investigative actions.

Keywords: lie detection, polygraph, lie, truth-finding, psychophysiological research.

История инструментальной детекции лжи, которая используется и по сей день, начинает своё развитие в 1877 году. И первым человеком, который начал работу в этом направлении был итальянский физиолог Анджело Моссо. Он с помощью своего изобретения, которое назвал плетизмографом, установил прямую зависимость частоты сердцебиения, пульса от эмоционального состояния.

Именно эти испытания считаются началом истории инструментального детектора лжи, начало развития распознавания лжи и установления истины на научном уровне, что в дальнейшем должно быть способным помочь в решении самых разных задач.

Дальнейшее развитие первых аналогов полиграфа начало стремительно увеличиваться. И после А. Моссо активно заниматься данным вопросом начал итальянский криминалист Чезаре Ломброзо, который в 1881 года впервые применил инструменты для фиксации психофизиологических реакций в организме человека. Чезаре Ломброзо также является тем, кто впервые прибег к практическому опыту применения подобных инструментов, в целях выявления лжи. Уже в 1881 году при проведении допросов подозреваемых в совершении преступлений он использовал гидросфигмограф — устройство, с помощью которого на диаграмму (граф) фиксировались изменения кровяного давления допрашиваемого, что позволяло проводить в дальнейшем их детальный анализ.

В 1902 году средство фиксации физиологических реакций использовали при расследовании изнасилования и убийства девочки. Чезаре был привлечён к расследованию данного

уголовного дела и в ходе допроса подозреваемого по данному делу он снова применил гидроплетизмограф. И в ходе проведения исследований было установлено, что фотографии израненных детей, в том числе и девочки, которая была убита, не вызывали никаких эмоций. Последующее расследование подтвердило, что это лицо является не виновным.

Следующим этапом в развитии данного направления является обнаружения факта, что во время лжи меняются так же и другие физиологические процессы, например такие, как дыхание. В 1914 году итальянец Витторио Бенусси, профессор австрийского университета в Граце, который изучал проблемы психофизики, заявил о его результатах исследования динамики процесса дыхания. И из работ было видно, что частота и глубина дыхания, а также отношение продолжительности вдоха к продолжительности выдоха меняется, когда обследуемое лицо жмёт.

Рассматривая вышеперечисленное, мы видим, что приборы для распознавания лжи начали разрабатываться давно разными учёными, но всё же принято считать, что изобретателем полиграфа является Уильям Марстон. Он был увлечён изучением поведения людей и связи с физиологическими процессами в организме, и в рамках изучения данной темы он разрабатывает тест и прибор, с помощью которых возможно определить ложь по показаниям систолического давления крови. Сейчас данный прибор мы называем полиграфом. А в 1923 году результаты исследования с помощью его прибора впервые были приняты в суде в качестве доказательств.

У. Марстоном был изобретён прибор, который больше напоминал кардиограф, так как регистрировал давление крови. А вот первый полиграф, принципом которого пользуются и в настоящее время был изобретён сотрудником полиции штата Калифорния Джоном Ларсоном в 1921 году. Сконструированный им аппарат, одновременно регистрировал изменения динамики пульса, дыхания и артериального давления и регистрировал все результаты, на движущийся бумажной ленте. Так как Д. Ларсон был полицейским, то его прибор активно применялся в расследовании преступлений.

И наконец, создателем всем нам известного современного полиграфа является Леонардо Килер, сотрудник лаборатории научных методов раскрытия преступлений при Северо-западном Университете. Именно этот человек сконструировал переносной полиграф и добавил к датчикам, имеющимся в полиграфе Д. Ларсона, датчик измерения сопротивления кожи, что способствовало точности результатов, полученных при помощи полиграфа. И к 1935 году он обследовал с помощью этого устройства более 2000 лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Что касается России, то проведением исследований с использованием полиграфа занималась 30-я лаборатория КГБ, которую возглавлял Азаров Юрий Константинович. В 1979 году в СССР методами детекции лжи на профессиональном уровне занималось не более 10 человек.

В наше время существует огромное множество технических средств, способствовавших всестороннему, объективному и быстрому расследованию преступлений. С помощью одних мы фиксируем необходимую нам информацию, как в письменном, так и в цифровом виде; с помощью других у нас есть возможность распознать те или иные объекты: людей, автомобили и т.п.

Но есть также средства, способствующие распознаванию лжи, и именно таким средством является полиграф, который с помощью непосредственного воздействия с телом человека, может предоставить нам информации о реакции человека на вопросы, на фотографии, видео. На основе вышеуказанных реакций должностное лицо, имеющее необходимые знания, способно ответить на один из главных вопросов: «Лжёт человек, которого проверяем, или нет?». А данный вопрос в свою очередь поможет определить, что есть истинно, а что нет.

Ни в одном из источников не даётся четкое понятие, что такое полиграф, нет закреплённого ни законодательным актом, ни наукой определения данного понятия. Но мы считаем, что определение понятия раскрыто в принципе работы полиграфа.

Мы считаем, что наиболее точным будет следующее определение: полиграф - техническое средство, используемое при проведении инструментальных психофизиологических исследований для синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи, а также, при наличии необходимости и возможности, других физиологических параметров с последующим представлением результатов регистрации этих параметров в аналоговом или цифровом виде, предназначенном для оценки достоверности сообщённой информации.

Большинство людей считают, что полиграф предназначен для того, чтобы определить лжёт человек или нет, но из данного определения, мы видим, что полиграф принимает и анализирует множество реакций в организме человека на стимул (вопрос, предмет или изображение). Но в этом определении ни слова не говорится о том, что полиграф предназначен для распознавания лжи.

Стимулом в данной области называют некий объект, реакцию на который мы фиксируем для дальнейшего исследования. Самым распространённым являются вопросы, задаваемые проверяющим. В качестве стимула мы также можем использовать предмет или фотографию предмета, при виде

которого у проверяемого возникает отклонение от нормы физиологических реакций.

А вот, исходя из результатов, которые получены в ходе проведения проверки человека с помощью полиграфа (параметров дыхания, электрического сопротивления кожи, а также других физиологических параметров), лицо, имеющие необходимые знания в области полиграфологии, способно распознать ложь или правдивость в словах опрашиваемого с помощью данного психодиагностического средства.

У полиграфа имеется свой, совершенно индивидуальный от иных технических средств, принцип работы, который заключается в анализе психофизиологических реакций человека. Современный полиграф состоит из трёх основных частей:

1) переносной персональный компьютер, иными словами ноутбук со специально установленным программным обеспечением, необходимым для проведения исследований по фиксации внутренних реакций человека;

2) сенсорный блок, который необходим для снятия сигналов, которые фиксируются специальными датчиками, которые регистрируют реакции человека на различные вопросы, а также усиливают и фильтруют сигналы от этих датчиков, преобразовывая их в цифровые коды, отображая их на переносном компьютере (ноутбуке).

3) и последним элементом является сами регистрирующие датчики, без которых было бы просто невозможно провести данные исследования. Ведь именно с помощью данных датчиков возможна фиксация, необходимых нам реакций.

Для регистрации психодиагностических реакций используют следующие датчики: фиксации верхнего и нижнего дыхания; фиксации сердечно-сосудистой активности (артериального давления, пульса, кровенаполнения сосудов); электропроводности кожи.

Существующие международные стандарты обязуют применять данные датчики обязательно одновременно, и ни в коем случае не исключать ни один из вышеперечисленных датчиков из перечня обязательных. Ведь это может привести к невалидности, недостоверности, полученных результатов. Однако следует отметить, что запрещено только применение полиграфа без указанных выше датчиков, а вот использование дополнительных разрешено. С помощью некоторых моделей полиграфов возможна фиксация психофизиологических реакций человека по голосу или двигательной активности. В конце проведения исследований при помощи полиграфа мы получаем документ, называемый полиграммой, который состоит из фона, реакции и артефакта.

Однако по физиологическим реакциям нельзя определить точно природу вызвавшего их процесса (отрицательная или положительная эмоция, ложь, испуг и т.п.), единственным достоверным фактом будет устойчивая выраженность в ответ на предъявление ситуативно значимого стимула.

Использование полиграфа неразрывно связано с такими понятиями, как «истина», «достоверность». Их взаимосвязь прослеживается в том, что полиграф в настоящее время довольно часто используют для уточнения достоверности, установления истины какой-либо информации по результатам исследования психофизиологических реакций в организме человека.

Пристатейный библиографический список

1. Холодный Ю. И. Краткая история становления психофизиологического аппаратного метода детекции лжи // Мир безопасности. – 2000. – № 3. – С. 67-70.
2. Васюков В. Ф. К вопросу о доказательственном значении заключения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – С. 179-183.

ТАЖУДИНОВ Исмаил Юсупович

магистрант Дагестанского государственного университета

ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

В суде апелляционной инстанции в Российской Федерации производство представляет собой процедуру пересмотра решений суда первой инстанции. Обсуждаются основные этапы процесса, включая подачу апелляционной жалобы, подготовку документации, рассмотрение апелляционной жалобы и вынесение решения. Рассматривается проверка соблюдения процессуальных норм, правильности применения права и обоснованности решения суда первой инстанции.

Ключевые слова: суд, апелляционная инстанция, Российская Федерация, производство, апелляционная жалоба, рассмотрение дела, решение, проверка, процессуальные нормы, правильность применения права, обоснованность решения.

TAZHUDINOV Ismail Yusupovich

magister student of the Dagestan State University

PROCEEDINGS IN THE COURT OF APPEALS

In the court of appeal in the Russian Federation, the proceedings are a procedure for reviewing the decisions of the court of first instance. This summary discusses the main steps in the process, including filing an appeal, preparing documentation, reviewing the appeal, and making a decision. The verification of compliance with procedural norms, the correctness of the application of law and the validity of the decision of the court of first instance is considered.

Keywords: court, appellate instance, Russian Federation, proceedings, appeal, consideration of the case, decision, verification, procedural rules, correct application of law, validity of the decision.

Апелляционная инстанция представляет собой одну из ступеней судебной системы, где осуществляется пересмотр решений суда первой инстанции. Это вышестоящий судебный орган, который рассматривает апелляционные жалобы и принимает решения по ним [2].

В Российской Федерации апелляционная инстанция может быть представлена различными судебными органами в зависимости от конкретной ситуации и уровня суда первой инстанции. Например, в гражданских и уголовных делах апелляционной инстанцией может быть областной суд или городской суд, в зависимости от территориальной юрисдикции.

Роль апелляционной инстанции заключается в контроле за правильностью применения закона и обоснованностью решений суда первой инстанции. Она проверяет наличие нарушений процессуальных норм, а также рассматривает аргументы сторон и апелляционные жалобы, чтобы принять обоснованное и справедливое решение.

Апелляционная инстанция может принять различные решения по апелляционным жалобам, включая их отмену, изменение или подтверждение решения суда первой инстанции. Она может также направить дело на новое рассмотрение, если считает необходимым [7].

Апелляционная инстанция играет важную роль в системе судебной юстиции, обеспечивая правовую защиту и возможность пересмотра решений, принятых судом первой инстанции, для обеспечения справедливости и законности. В апелляционной инстанции в Российской Федерации производство рассматривается по делам, ранее рассмотренным судом первой инстанции (обычно это суд района или города). Апелляционная инстанция занимается пересмотром решений суда первой инстанции, осуществляет контроль за их законностью и обоснованностью [4].

Апелляционное производство в Российской Федерации имеет длительную историю развития, связанную с развитием правовой системы страны. Рассмотрим историю развития апелляционного производства в РФ:

1. Период до 1917 года: Во время царской России апелляционное производство имело свои особенности в рамках тогдашней юридической системы. В случае недовольства решением нижестоящего суда, сторона имела право обратиться в апелляционную инстанцию, такую как апелляционные уездные суды, где дело рассматривалось повторно.

2. 1917-1991 годы: После Октябрьской революции и установления советской власти судебная система в СССР была существенно переосмыслена. Апелляционное производство было организовано в рамках новой судебной системы, которая включала в себя народные суды, городские и областные суды, Верховный Суд СССР. Решения нижестоящих судов могли быть обжалованы в апелляционные суды, а затем в Верховный Суд СССР.

3. Период с 1991 года по настоящее время: После распада СССР и образования Российской Федерации были внесены изменения в систему судебной власти. В 1993 году был принят новый Конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», который установил основы судебной системы в новой стране. В соответствии с этим законом были созданы федеральные суды общей юрисдикции, апелляционные суды, а также Верховный Суд Российской Федерации [5].

Современная система апелляционного производства в РФ предусматривает возможность обжалования решений нижестоящих судов в апелляционные суды. Апелляционные суды рассматривают дела согласно предусмотренным процедурным правилам, а их решения могут быть далее обжалованы в Верховный Суд Российской Федерации.

Кроме того, стоит отметить важные изменения и реформы, которые происходили в системе апелляционного производства России:

1. Реформа судебной системы в 2002 году: В рамках этой реформы были созданы кассационные суды общей юрисдикции, которые стали промежуточным звеном между апелляционными судами и Верховным Судом Российской Федерации. Такая система позволила ускорить судебное разбирательство и снизить нагрузку на Верховный Суд.

2. Введение арбитражных апелляционных судов: Апелляционная инстанция для разрешения споров в области экономики и предпринимательства представляют арбитражные апелляционные суды. Эта система разграничивает компетенцию общих судов и арбитражных судов и специализируется на разбирательстве экономических споров.

3. Реформа системы апелляционных судов в 2014 году: В рамках этой реформы были существенно изменены процедурные правила апелляционного производства, с целью повысить его эффективность и справедливость. Также было предусмотрено введение коллегияльных составов для рассмотрения апелляций.

4. Цифровизация и электронное апелляционное производство: В последние годы в России активно осуществляется процесс цифровизации судебной системы. Введение электронного апелляционного производства позволяет сторонам представлять документы и апелляционные жалобы в электронном виде, сокращает временные рамки и повышает эффективность процесса [6].

Эти изменения и реформы направлены на повышение качества и доступности судебной системы России. Апелляционное производство играет важную роль в обеспечении справедливости и защите прав граждан и предпринимателей.

Процесс рассмотрения дела в апелляционной инстанции включает следующие основные этапы:

1. Подача апелляционной жалобы: Лицо, не удовлетворенное решением суда первой инстанции, может подать апелляционную жалобу в апелляционный суд. Жалоба должна быть подана в течение определенного законом срока (обычно 10 дней со дня вынесения решения судом первой инстанции).

2. Подготовка документации: Апелляционная жалоба должна содержать обоснование, в котором указываются нарушения закона или неправильное применение норм материального или процессуального права, совершенные судом первой инстанции. Вместе с апелляционной жалобой подаются копии всех документов, на которые ссылается апеллянт.

3. Рассмотрение апелляционной жалобы: Апелляционный суд рассматривает представленные материалы и принимает решение по делу. В ходе рассмотрения дела апелляционный суд может провести заседание, на котором стороны имеют право выступить с аргументацией.

4. Вынесение решения: По результатам рассмотрения апелляционной жалобы апелляционный суд выносит решение. Решение может быть отменой, изменением или подтверждением решения суда первой инстанции. Решение апелляционного суда является окончательным или может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию (высший судебный орган Российской Федерации - Верховный суд РФ) [4].

В процессе рассмотрения дела в апелляционной инстанции обеспечивается принцип презумпции невиновности, а стороны имеют равные права на защиту своих интересов. Апелляционная инстанция осуществляет проверку соблюдения процессуальных норм и правильности решения суда первой инстанции может включать следующие аспекты:

- Проверка доказательств: Апелляционная инстанция проверяет правильность и законность сбора и представления доказательств в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции. Если имеются нарушения процессуальных норм или неправильное применение законодательства, апелляционный суд может отменить решение суда первой инстанции и направить дело на новое рассмотрение.

- Правильность применения права: Апелляционный суд анализирует, правильно ли суд первой инстанции применил нормы материального и процессуального права к делу. Если апелляционный суд приходит к выводу о неправильном применении или неправильном толковании закона, он может изменить решение суда первой инстанции или отменить его.

- Обоснованность решения: Апелляционная инстанция также проверяет обоснованность решения суда первой инстанции. Она анализирует мотивировку решения, достаточность и логичность аргументов, использованных судом первой инстанции. Если апелляционный суд приходит к выводу, что решение не обосновано или содержит ошибки, он может отменить или изменить решение [3].

Важно отметить, что апелляционная инстанция не проводит полное повторное рассмотрение дела, а ограничивается пересмотром и проверкой правильности и законности решения суда первой инстанции. Она также не рассматривает новые доказательства, которые не были представлены в суде первой инстанции, за исключением особых случаев.

Кроме того, стоит отметить, что процедура рассмотрения дела в апелляционной инстанции может варьироваться в зависимости от типа дела и особенностей конкретной ситуации. Описанные выше этапы представляют общую структуру процесса в апелляционной инстанции Российской Федерации [5].

Таким образом, производство в суде апелляционной инстанции имеет большое значение в судебной системе. Оно обеспечивает возможность обжалования решений нижестоящих судов и позволяет сторонам получить повторное рассмотрение дела с целью исправления ошибок или неправильных применений закона.

Пристатейный библиографический список

1. Колоколов Н. А., Складенко М. В., Ярцев Р. В. Судебная деятельность. Апелляция, кассация, надзор: анализ примеров из новейшей судебной практики: монография / Под ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2021. 342 с.
2. Коршунов Ю. А. Институт апелляционных судов в России и зарубежный опыт деятельности Апелляционных судов // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 2А. С. 244-254.
3. Курамшин А. В., Тарасов А. А. Назначение и подготовка заседания суда апелляционной инстанции // Экономика и социум. 2019. № 1-2 (56). С. 351-356.
4. Линиченко В. И. К вопросу об истории развития апелляционного производства // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 224-227.
5. Потапов А. А. Производство в суде апелляционной инстанции на современном этапе. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 313-316.
6. Ревенская Н. С. Законность и справедливость приговора суда первой инстанции // Вестник магистратуры. 2019. № 9-1. С. 99-100.
7. Рукавишников А. А. Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта федерального конституционного закона «о внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 103-107.

БУРЗАЕВ Санан Александрович

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

КУКАЕВ Сергей Хонгорович

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

КУГУЛЬТИНОВ Наран Бадмаевич

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуются отдельные вопросы правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела. Показываются особенности появления данной стадии. Исследуются мероприятия, которые проводятся в рамках стадии возбуждения уголовного дела. Определены проблемы, связанные с их проведением. Указаны их отличия от оперативно-розыскных мероприятий. Определены вопросы взаимодействия следственных органов с лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Показаны перспективы правового регулирования данной стадии.

Ключевые слова: досудебные стадии уголовного судопроизводства, следователь, уголовное дело, возбуждение уголовного дела.

BURZAEV Sanan Alexandrovich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

KUKAEV Sergey Khongorovich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

KUGULTINOV Naran Badmaevich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE: CERTAIN ASPECTS OF LEGAL REGULATION

The article examines certain issues of legal regulation of the stage of initiation of a criminal case. The features of the appearance of this stage are shown. The activities that are carried out within the framework of the criminal case initiation stage are being investigated. The problems associated with their implementation have been identified. Their differences from operational search measures are indicated. The issues of interaction of investigative bodies with persons engaged in operational investigative activities have been identified. The prospects of legal regulation of this stage are shown.

Keywords: pre-trial stages of criminal proceedings, investigator, criminal case, initiation of criminal proceedings.

Для российского уголовного процесса характерна стадийность, т.е. движение уголовного дела по этапам [9, с. 105]. Это выстроенные по определенным признакам части, в которых пребывает уголовное дело в зависимости от юридических и фактических обстоятельств. Особенностью российского уголовного судопроизводства является дифференциация досудебных стадий на две составляющих. Выделяют стадию возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Выделение двух стадий досудебного разбирательства призвано придать процессуальную форму соответствующей деятельности, происходящей на данных этапах.

Необходимость досудебных этапов в российском уголовном судопроизводстве объясняется тем, что в нем по большинству преступлений уголовное преследование осуществляет государство. Для этого оно создает систему правоохранительных органов, в компетенцию которых входит участие в соответствующих стадиях [5, с. 622]. В связи с тем, что первоначально у государства как субъекта уголовного преследования нет необходимых сведений ни о совершенном деянии, ни о субъекте, который это сделал, ему необходимо установить данные обстоятельства в рамках собственной предметной деятельности. Соответственно на этих стадиях

правоохранительные органы устанавливают сам факт совершения деяния, обладающего признаками преступления, осуществляют доказательственную деятельность, направленную на определение комплекса обстоятельств преступного деяния, включая лиц, как совершивших преступное деяние, так и, в случае необходимости конкретных лиц против, которых совершено преступное деяние и др.

Таким образом, для того чтобы государство могло выступить как субъект уголовного преследования, оно должно иметь максимально полную информацию о совершенном преступном деянии. От того насколько полно будет проведена работа на предварительных этапах, зависит осуществление дальнейшего уголовного преследования в последующих этапах уголовного судопроизводства. Исходя из этого следователь (дознатель) должен выбрать такие пути своей работы, чтобы это позволило сделать правильные выводы относительно исследуемых обстоятельств дела.

Стадия возбуждения уголовного дела появилась в отечественном уголовном процессе как результат развития норм о досудебном разбирательстве. В других странах мира аналогов она не имеет [3, с. 77]. На этапе возбуждения уголовного дела проводится процессуальная проверка наличия в дея-

нии признаков преступления, а на этапе предварительного расследования происходит более детальная характеристика их признаков, прежде всего в отношении установления виновности лица, совершившего преступления. Логика соответствующих процессов предопределяет и различия между этими стадиями, которое можно провести по временным и содержательным показателям. Нарушение этого соотношения может поставить вопрос о целесообразности наличия стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе.

Очень много зависит от того набора мероприятий, которые будет проводить следователь (дознатель) на досудебных стадиях. Именно такие мероприятия и составляют содержательную часть стадии уголовного судопроизводства. На стадии возбуждения уголовного дела речь идет о так называемых проверочных мероприятиях. Первоначальная редакция УПК РФ не содержала детального перечня мероприятий, которые могли проводиться на этапе возбуждения уголовного дела. Обычно правоохранительные органы на данном этапе проводили различного рода опросы лиц, причастных к данному правонарушению, а также очевидцев происшествия. Первые, как правило, на следующем этапе уголовного судопроизводства переходили в состав обвиняемых, очевидцы же привлекались в качестве свидетелей. Таким образом, во многом конкретные виды мероприятий, которые проводились на данной стадии, зависели от лиц, проводящих проверку. Понятно, что такая неурегулированность в целом могла негативно сказываться на проведении данной стадии, особенно на нарушение прав и свобод человека.

Другим негативным моментом и было, что в таких случаях сложно было привлечь к таким мероприятиям необходимых субъектов. Все это приводило к нарушениям, а также к затягиванию данной стадии.

Ситуация изменилась после вступления в силу Федерального закона от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ, в котором были перечислены проверочные мероприятия, причем под конкретными наименованиями, что подвело под деятельность следователей (дознателей) на данном этапе конкретную нормативную основу. При этом анализ соответствующего документа позволяет утверждать, что некоторые проверочные мероприятия совпадают и по названию и содержанию со следственными действиями. В частности, таковыми являются проведение экспертизы, привлечение специалистов, осмотр места происшествия и др. Другие, напротив, не совпадают со следственными действиями. К ним следует отнести разнообразные ревизии, документальные проверки и др. Следует также подчеркнуть, что к проверочным действиям можно отнести те оперативно-розыскные мероприятия, которые проводятся по поручению следователя (дознателя). В этой связи следует отметить гораздо большую роль оперативно-розыскных подразделений на данной стадии процесса, по сравнению с другими стадиями. Помимо того, что они активно участвуют в проведении проверочных мероприятий, их сообщения, оформленные в соответствии с требованиями ст. 144 УПК РФ являются одними из важных поводов для возбуждения уголовного дела. В связи с этим важным фактором для понимания правовой природы стадии возбуждения уголовного дела является рассмотрение вопросов взаимодействия следователей (дознателей) и оперативно-розыскных подразделений. В настоящее время полномочия данных структур регламентированы Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Помимо прочих вопросов, он определяет виды оперативно-розыскных мероприятий, а также условия признания результатов оперативно-розыскной деятельности доказательствами.

Надо отметить, что для возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия играют важную роль в нынешнее время. Это связано с тем, что о многих правонарушителях становится известным именно вследствие

оперативно-розыскной деятельности органов правоохраны [1, с. 157]. Особенно это касается тех преступлений, в которых участники правоотношений не заинтересованы сообщать о противоправных действиях в правоохранительные органы. В основном это преступления в сфере экономической деятельности, коррупционной направленности и др. Соответственно именно факты, полученные вследствие проведения оперативно-розыскных мер, оформляются рапортом и выступают поводом для начала возбуждения уголовного дела. Поэтому взаимодействие следователей (дознателей) на этапе возбуждения дела выступает залогом для решения тех задач, которые возложены на этих должностных в рамках этого этапа дела. Именно работники оперативно-розыскных подразделений различных сфер правоохранительной деятельности вносят значительный вклад в информировании компетентных органов о совершении правонарушений уголовно-правовой направленности. Также решается и важная криминологическая составляющая – превентивная в отношении противоправного поведения лиц. Кроме того, понижается латентность таких преступлений как: должностные преступления, преступление против прохождения службы в юридических лицах.

В связи с этим данная стадия, может рассматриваться как промежуточный этап между непроцессуальной деятельностью оперативно-розыскных подразделений и классическими процессуальными стадиями уголовного процесса. Подобная двойственность этой стадии приводит к тому, что в доктрине высказываются различные точки зрения относительно ее дальнейших перспектив, о чем уже говорилось в диссертации.

Пристатейный библиографический список

1. Гуштин А. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4.
2. Курепина Н. Л., Рубеко Г. Л. Правовые формы противодействия коррупции на различных этапах развития российского государства: исторический анализ // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 4.
3. Лазарева Т. В. Стадия возбуждения уголовного дела: компаративистский анализ // Вестник магистратуры. – 2018. – № 8.
4. Методологический инструментарий оценки угроз экономической безопасности полиэтничного региона: монография / Под ред. проф. Н. Л. Курепиной. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020.
5. Россинский С. Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2021. – № 3.
6. Рубеко Г. Л. Борьба с коррупцией в России: исторические аспекты // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: материалы региональной научно-практической конференции. Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Республике Калмыкия, Управление Министерства юстиции России по Республике Калмыкия. – Элиста, 2017.
7. Рубеко Г. Л. Инвестиционная деятельность в Республике Калмыкия: проблемы правового регулирования // Вестник Калмыцкого университета. – 2013. – № 4 (20).
8. Рубеко Г. Л. Противодействие коррупции. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2017.
9. Татаров Л. А. О стадийности уголовного процесса в Российской Федерации // Закон и право. – 2019. – № 11. – С. 105.

ГИЛЬДЖИРОВА Алтана Геннадьевна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

МУКАЕВА Дельгира Нарановна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА СТАДИИ ДОЗНАНИЯ

Данная статья посвящена порядку прекращения уголовного преследования на стадии дознания. В публикации проводится исследование уголовно-процессуальных норм, регламентирующих эти отношения. В частности, рассмотрена история вопроса прекращения уголовного дела. Проанализированы отношения, возникающие при прекращении уголовного дела на различных стадиях. Дана классификация оснований прекращения уголовного дела. Показано какие органы имеют право прекратить уголовное дело. Основываясь на точках зрения других правоведов, автор высказывает предложения по совершенствованию указанных норм.

Ключевые слова: уголовное преследование, прекращение уголовного дела, досудебные стадии, дознание, подозреваемый, обвиняемый, постановление.

GILDZIROVA Altana Gennadievna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

МУКАЕВА Delgira Naranovna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

TERMINATION OF THE CRIMINAL CASE AT THE STAGE OF INQUIRY

This article is devoted to the procedure for the termination of criminal prosecution at the stage of inquiry. The publication conducts a study of the criminal procedural rules governing these relations. In particular, the history of the termination of the criminal case is considered. The relations arising at the termination of a criminal case at various stages are analyzed. The classification of grounds for termination of a criminal case is given. It shows which authorities have the right to terminate a criminal case. Based on the points of view of other jurists, the author makes suggestions for improving these norms.

Keywords: criminal prosecution, termination, pre-trial stages, inquiry, suspect, accused, resolution.

Современному варианту закрепления института прекращения уголовного дела предшествовала длительная история его становления, истоки которой уходят средневековым источникам права, таким как Судебник 1497 и 1550 годов, однако свое системное оформление он получил в первой половине XVIII в. с принятием Воинских Артикулов, предусмотревших, в частности такие основания, которые были имплементированы современным законодательством, как недостижение возраста, крайняя необходимость, необходимая оборона, невиновное причинение вреда (казус). Законодательство XIX века было дополнено такими основаниями как безумие (в современной трактовке – невменяемость), ошибка, принуждение, смерть преступника; примирения с обиженным, истечение срока давности; помилование и прощение виновных. В начале XX века появились такие основания, как амнистия, обнаружение виновного и недостаточность доказательств.

Основания прекращения уголовного дела достаточно разнообразны, а кроме того, влекут за собой различные юридические последствия, заключающиеся в различных по характеру правах и обязанностях как у лица, привлекавшегося к уголовной ответственности, так и у правоохранительных органов. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос, посвященный классификации таких оснований.

Одной из наиболее популярных классификаций является классификация, предполагающая деление оснований на реабилитирующие и нереабилитирующие. Данная клас-

сификация представляется вполне оправданной, поскольку для лица, в отношении которого ведется производство по делу, наступают различные правовые основания. Так, при наличии реабилитирующих оснований лицо должно быть оправдано, а уголовное дело, безусловно, прекращено. Более того, лицо получает право на восстановление нарушенных прав и получение материальной и нематериальной компенсации со стороны государства. Если же имеют место нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела, то лицо получает возможность быть освобожденным от уголовной ответственности. Однако данная возможность не является безусловной и обязательной для правоохранительных органов. Такое прекращение уголовного дела делает в отношении лица невозможным применение института реабилитации.

В научных кругах бытует мнение, что если преступное деяние неизвестно и время, прошедшее от преступного деяния, превышает срок, установленный Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), уголовное дело должно быть возбуждено именно для того, чтобы выявить лицо, так как при невозможности применить срок исковой давности без обеспечения того, чтобы он не возражал против этого. В поддержку своей позиции авторы приводят следующие аргументы [5, с. 20]: без рассмотрения невозможно определить точный состав дела и, следовательно, узнать, истек ли срок его исковой давности; процессуальные правила об отказе в возбуждении иска едины для дел как для реабилитирующих, так и для нереабилитирующих возбужденных [2, с. 112-

115]; в судебных разбирательствах потерпевший часто лишен возможности выплаты возмещения вреда, причиненного преступлением, потому что неизвестно, против кого он может обратиться. В связи с этим существуют мнения, что при неизвестности личности сторон в возбуждении дела может быть отказано только в случае их согласия на возбуждение дела. Причем даже при наличии иммунитета от уголовной ответственности.

Эти аргументы спорны. Статья 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) прямо запрещает возбуждение уголовного дела по истечении срока давности. В данном случае возрождение заключается в розыске лица, причастного к преступлению.

Иммунитет от судебного преследования имеет ряд ключевых особенностей, в том числе: для осуществления уголовного судопроизводства требуется согласие компетентного органа, который, с одной стороны, не участвует в уголовном судопроизводстве, а с другой стороны, принадлежит к тому же социальному сообществу, что и лицо, принимающее решение о привлечении к уголовной ответственности. Таким образом, согласие на уголовное преследование лица фактически дается той социальной или профессиональной группе, к которой принадлежит данное лицо; предполагают наличие особого порядка получения согласия на ведение уголовного судопроизводства, в том числе установленного правовыми нормами порядка подачи заявления в орган, давший такое согласие, и рассмотрения; в этой процедуре лицо, принимающее решение о привлечении к уголовной ответственности, играет достаточно активную роль и имеет возможность участвовать в обсуждении вопроса о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности, в том числе извещать о своей позиции орган, выдающий разрешение. Очевидно, что уголовный процесс сложен, и отличие от общего процесса состоит лишь в том, что уголовное дело возбуждается вышестоящим руководителем органа дознания, не обладающим указанными признаками.

Статьей 25 УПК РФ предусмотрено такое основание, как примирение сторон. Данной нормой процессуального законодательства корреспондирует норма, закрепленная в ст. 76 Уголовного кодекса РФ – примирение с потерпевшим. Соблюдение условий, предусмотренных в ст. 76 УК РФ, а именно – совершение преступления впервые; преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести; заглаживание причиненного преступлением вреда выступает в качестве условий прекращения уголовного дела. Это подтверждается актами высших судебных инстанций [1].

Статья 25.1 УПК РФ закрепила такое основание прекращения уголовного дела, которое может быть применено только судебной инстанцией – как назначение судебного штрафа. Безусловно, что на сегодняшний день с точки зрения государства – подобный исход уголовного дела является наиболее желательным, при котором «и волки сыты и овцы целы». То есть государство пополняет бюджет за счет уплаты штрафа лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести и заглавившим причиненный вред, а лицо – избегает такого уголовно-правового последствия, как судимость. Однако за внешним благополучием скрывается неопределенность правового положения лица, в отношении которого вынесен судебный штраф, поскольку он в специализированных базах данных будет числиться как привлеченный к уголовной ответственности, но судимость по которому не может быть погашена, ввиду отсутствия таковой. Данный пробел нуждается в законодательной регламентации.

Наличие акта об амнистии будет выступать основанием к прекращению уголовного дела только по указанным в данном акте составам преступления и применяется только при наличии согласия лица обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления.

Уголовное дело должно быть прекращено при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению.

Статья 28 УПК РФ закрепляет основание прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием и корреспондирует со ст. 75 УК РФ, содержащей условия применения такого основания.

Таким образом, проведенный анализ показал, что основания прекращения уголовного дела достаточно многообразны. Указанное многообразие обусловлено как органами, уполномоченными прекращать уголовные дела, так и волеизъявлением лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Кроме того, рассмотренные обстоятельства существенным образом отличаются по порядку их применения и тем последствиям, которые они влекут за собой.

Интересно, что особенностью уголовного производства в отношении несовершеннолетних является применение мер воспитательного воздействия для прекращения уголовного преследования.

Условиями такого постановления следователей или дознавателей являются: факт совершения несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести; возможность исправления обвиняемого несовершеннолетнего без наложения штрафа. В этом случае следователи или дознаватели должны обратиться в суд с заявлением о принудительных мерах воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних подсудимых. Поэтому, отметим следующие моменты. Нынешний высокий уровень преступлений с участием несовершеннолетних свидетельствует, в том числе, о недостаточном качестве уголовного производства в отношении несовершеннолетних. Проанализировав особенности уголовно-процессуальной деятельности в суде и расследовании дел несовершеннолетних, считаем необходимым совершенствование действующего законодательства в данной сфере.

Помимо прочего, современный УПК РФ содержит специальную форму прекращения предварительного производства окончанием уголовного дела и уголовное производство, наличие которых связано с особенностями личности обвиняемого. Установленная форма должна включать: закрытие уголовного дела судом и наложение судебного штрафа в качестве дополнительной меры уголовного характера; прекращение судом уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего обвиняемого с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Таким образом, существо и содержание уголовного производства о прекращении уголовного дела по окончании досудебного производства необходимо дифференцировать по категории оснований, повлекших принятие того или иного процессуального решения, – реабилитации и нереабилитации. Цель уголовного преследования по установлению виновного достигается при прекращении уголовного дела. В то же время прекращение уголовных дел в порядке реабилитации следует считать формой уголовной недопустимости.

Являясь одной из форм закрытия уголовного производства, прекращение уголовных дел представляет собой многогранную правовую категорию, которую следует рассматривать с нескольких основных аспектов, что целесообразно, поскольку закрытие уголовных дел также означает: Решения должностных лиц или судов; принятие процессуальных решений; формы прекращения предварительного производства; формы исполнения назначений в уголовном судопроизводстве.

Предлагается в ст. 5 УПК РФ ввести определение понятия «прекращение уголовного дела», обозначая им прекращение уголовного дела в отношении всех подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления. Совершение пра-

вонарушений по уголовным делам в силу наличия оснований, установленных УПК РФ, исключает возможность их последующего возобновления [4, с. 88].

Особое внимание следует обратить на нормы, установленные уголовным законом, в том числе на сроки привлечения к ответственности, прекращения уголовного дела в случае превышения срока привлечения лица к ответственности. В случае прекращения уголовного дела в отношении лица в соответствии с пунктами 1-8 части первой и пунктами 1, 3 части пятой статьи 84 УПК РФ гражданский иск в отношении него прекращается с уведомлением заинтересованных лиц о своем праве на обращение с иском в порядке ведения гражданского судопроизводства. При прекращении уголовного дела в апелляционном, кассационном или контрольном порядке по указанным основаниям такие последствия наступают в отношении гражданского иска.

В этом случае, если гражданский истец или потерпевший обратится в гражданский суд с заявлением о возмещении вреда, причиненного преступлением, суд, как правило, отклонит иск, исходя из презумпции невиновности (поскольку вопрос о виновности не решен в судебном порядке).

Срок исковой давности – это период, в течение которого лицо может защитить свое нарушенное право путем подачи иска в суд. Согласно статье 196 Гражданского кодекса РФ общий срок исковой давности составляет три года. В частности, если уголовное дело прекращено в связи с истечением срока привлечения к ответственности лица (согласно статье 64 УК срок привлечения к ответственности составляет не менее 2 лет), скорее всего, общий исковый срок для предъявления иска гражданским истцом или потерпевшим в общем порядке может истечь.

Во-вторых, в пункте 3 части первой статьи 84 УПК РФ указано, что уголовное дело может быть прекращено без решения вопроса о виновности в связи со смертью обвиняемого или подсудимого. Однако не следует забывать, что и сегодня в практике судебного следствия встречаются случаи смерти подозреваемого. В действующем Уголовно-процессуальном кодексе четко не определен порядок разрешения уголовного дела, в случае смерти подозреваемого на стадии дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства.

Сегодня при обстоятельствах смерти подозреваемого компетентные органы сначала предъявляют ему обвинение заочно, а затем, в связи со смертью обвиняемого, имеет место практика прекращения данного уголовного дела без решения вопроса о виновности. Но если уголовное дело не возбуждено, человека нельзя обвинять.

Соответственно, предлагается расширить круг лиц, смерть которых является основанием для прекращения уголовного дела без решения вопросов о виновности. Поэтому было бы целесообразно включить смерть подозреваемого в статью 84 Уголовно-процессуального кодекса как одно из оснований прекращения уголовного дела без вопросов о виновности.

В практике судебного расследования встречаются случаи неверного толкования статей 325 и 84 УПК РФ. В результате неправильного толкования требований статьи 325 УПК РФ большинством органов дознания и следствия выносятся необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по части второй статьи 83 УПК (в случае деяние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого состава преступления не содержало), ссылаясь на отсутствие жалобы потерпевшего.

В настоящее время на практике известно немало случаев прекращения уголовного дела на основании части второй статьи 83 УПК РФ (при отсутствии в совершенном деянии состава преступления) после получения от сторон объяснительного письма о том, что претензий со стороны сторон нет.

Соответственно, целесообразно конкретизировать точный порядок и основание прекращения уголовного дела в

Уголовно-процессуальном кодексе, если потерпевший отказывается от своей жалобы в ходе дознания или предварительного следствия.

Таким образом, прекращение уголовных дел и уголовных преследований как форма прекращения досудебного производства знаменует окончание деятельности органа уголовного судопроизводства; в зависимости от будущих последствий правовую основу можно разделить на реабилитационные и нереабилитационные меры; означает как отказ в возбуждении уголовного дела в силу определенных обстоятельств, которыми можно измерить последствия совершенного преступления, так и признание уголовного дела, возбужденного в отношении лица или круга, необоснованным и незаконным [3, с. 53-56].

Практически все аспекты прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в целом урегулированы действующим законодательством, а кроме того, проблемы, возникающие у правоприменителя, нашли свое отражение в ряде актов толкования высших судебных инстанций. В то же время, особого внимания со стороны законодательных, судебных и контрольно-надзорных органов требуют «новые» нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности. Во-первых, для устранения пробельности ряда вопросов, возникающих при применении этих обстоятельств, и как следствие, полной реализации прав всех участников уголовного судопроизводства, а, во-вторых, в целях проведения реальной, а не декларируемой гуманизации уголовной ответственности. В-третьих, особого внимания заслуживает тенденция сокращения вынесения судами оправдательных приговоров, а также прекращения уголовных дел по целому ряду не реабилитирующих оснований, при одновременном значительном росте прекращений уголовных дел с назначением судебного штрафа, что может свидетельствовать о крайне негативной тенденции пополнить государственный бюджет в ущерб интересам лиц, как привлекаемых к уголовной ответственности, так и лиц, потерпевших от совершения преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7; Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием от 1 июня 2005 г. и др.
2. Деришев Ю. В., Наумов К. А. Отказ от аллергии неустановленного лица в связи с истечением срока давности // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 4 (20). – С. 112-115.
3. Курепина Н. Л., Рубеко Г. Л. Правовые формы противодействия коррупции на различных этапах развития российского государства: исторический анализ // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 4.
4. Куряхов Д. В., Куряхова Т. В. Проблемные вопросы об отказе от исключения по определению срока давности // Законодательство и практика. – 2016. – № 2. – С. 53-56.
5. Лобанова С. И. К вопросу о значении и сущности прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 88.
6. Марьина Е. В. Отсутствие возражения как условие отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности // Уголовная юстиция. 2022. – № 20. – С. 20.
7. Методологический инструментарий оценки угроз экономической безопасности полиэтничного региона / Под ред. проф. Н. Л. Курепиной. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Данная статья является одной из серии статей, в которых представлены результаты экспертного опроса сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, проведенного в 2016-2017 гг. в рамках выполнения научно-исследовательской работы, посвященной повышению эффективности института условно-досрочного освобождения. Исследование позволило авторскому коллективу сформулировать научно обоснованные предложения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, направленные на совершенствование института условно-досрочного освобождения от наказания.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от наказания, экспертный опрос сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, анализ статистических данных, ФСИН России.

BAZHANOV Sergey Andreevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Activities of the Penal Enforcement System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Enforcement System of the Federal State Institution of the FPS of Russia

ON SOME RESULTS OF AN EXPERT SURVEY OF PRACTICAL WORKERS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS ON THE EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF THE INSTITUTION OF PAROLE

This article is one of a series of articles that presents the results of an expert survey of employees of correctional institutions of the penitentiary system of the Russian Federation, conducted in 2016-2017 as part of the research work on improving the efficiency of the institution of parole. The study allowed the team of authors to formulate evidence-based proposals for criminal and penitentiary legislation aimed at improving the institute of parole from punishment.

Keywords: conditional early release from punishment, expert survey of employees of correctional institutions of the penitentiary system, analysis of statistical data, Federal Penitentiary Service of Russia.

Бажанов С. А.

Как известно, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому осужденному за преступление право просить о смягчении назначенного судом уголовного наказания (ч. 3 ст. 50).

Закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации формы и условия реализации данного конституционного права (в частности, изменение вида исправительного учреждения, изменение условий отбывания наказания в том же исправительном учреждении, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания) могут меняться в зависимости от реализуемой на конкретном этапе политического и социально-экономического развития страны уголовной и уголовно-исполнительной политики.

Условно-досрочное освобождение осужденных от отбывания наказания в виде лишения свободы (далее – УДО), выступая в качестве важнейшего стимула для соблюдения законопослушного образа жизни, по существу является основанием для признания факта того, что осужденный перестал представлять опасность для общества.

В Российской Федерации институт условно-досрочного освобождения получил широкое применение. Ежегодно из

мест лишения свободы условно-досрочно освобождаются десятки тысяч человек.

Вместе с тем, статистические данные, характеризующие параметры реализации данного правового института, свидетельствуют о наличии не вполне благоприятных тенденций, явное проявление которых за последние годы обуславливает необходимость пересмотра некоторых основных подходов к применению УДО.

В подтверждение сказанному приведем статистические данные судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (ведомственное статическое наблюдение «Отчет о работе судом общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» за 12 месяцев 2022 г. (форма № 1)) по практике УДО за последние три года (2020-2022 гг.) [1].

В частности, в 2020 г. судами было рассмотрено 83,1 тыс. ходатайств осужденных о применении УДО, в 2021 г. – 69,3 тыс., в 2022 г. – 58,6 тыс. В 2020 г. судами было удовлетворено 38,9 тыс. ходатайств об УДО, в 2021 г. – 29,7 тыс., в 2022 г. – 22,8 тыс. В 2020 г. суды оказали в УДО 29,9 тыс. осужденных, в 2021 г. – 26,3 тыс., в 2022 г. – 23,5 тыс. Кроме того, за рассматриваемые годы судами фактически было отказано в УДО еще 39,6 тыс. осужденных (в 2020 г. – 14,2

Таблица 1. Практика рассмотрения судами ходатайств осужденных об УДО за 2020-2022 гг.

		2020 г.		2021 г.		2022 г.	
		в абс. чис	в %	в абс. чис	в %	в абс. чис	в %
Поступило всего ходатайств об УДО		82055	–	69072	–	59976	–
Рассмотрено ходатайств об УДО		83147	–	69302	–	58610	–
из них	удовлетворено	38912	46,80	29759	42,94	22882	39,04
	отказано	29971	36,05	26312	37,97	23559	40,20
	иное решение	14264	17,16	13231	19,09	12169	20,76

Таблица 2. Сведения об условно-досрочно освобожденных от наказания

	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Доля условно-досрочно освобожденных в общем количестве освобождаемых из исправительных учреждений	16,53 %	6,26 %	11,68 %
Доля преступлений, совершенных лицами, освобожденными условно-досрочно, в общем количестве преступлений	0,30 %	2,66 %	2,77 %
Количество осужденных, вновь совершивших преступление после условно-досрочного освобождения в абсолютных числах	15947	15064	16014

тыс., в 2021 г. – 26,3 тыс. и 2021 г. – 23,5 тыс.), ввиду принятия иного процессуального решения (прекращено производством, передано по подсудности, отозвано и т.д.). Наглядно сведения о практике рассмотрения судами ходатайств осужденных об УДО представлены в таблице 1.

Как видно из статистических данных, представленных в таблице № 1 и таблице № 2, наблюдается стабильное сокращение доли условно-досрочно освобожденных в общем количестве освобождаемых из исправительных учреждений, сокращается число рассмотренных ходатайств о представлении к условно-досрочному освобождению. Аналогичная картина наблюдается и в динамике удовлетворенных ходатайств, доля которых в общем числе рассмотренных судами ходатайств постоянно сокращается. При этом растет число преступлений, совершенных лицами, освобожденными условно-досрочно [2].

Здесь, по нашему мнению, следует обратиться к результатам экспертного опроса 3467 сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС), проведенного авторским коллективом Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний в 2016-2017 гг. в рамках научного исследования, посвященного повышению эффективности института УДО (далее – опрос), который не утратил свою актуальность [3].

Так, на вопрос удовлетворены ли вы положением в сфере УДО в вашем исправительном учреждении большинство сотрудников УИС, принявших участие в опросе (71,47 %), ответили утвердительно и лишь немногим меньше трети (28,32 %) респондентов остались не удовлетворенными положением дел в данной сфере. По мнению респондентов, основными причинами неудовлетворительной ситуации с УДО являются: а) слишком «сложная» процедура УДО – 18,94 %; б) слишком «простая» процедура УДО – 12,49 %; в) неопределенность, неконкретность, «размытость» закрепленных в законодательстве критериев предоставления УДО – 44,91 %; г) упущения в деятельности судов – 28,09 %; д) ненадлежащая деятельность сотрудников УИС – 5,33 %; е) наличие признаков личной заинтересованности у «властных» участников процесса УДО при принятии соответствующих решений – 6,79 %;

ё) утрата институтом УДО своего регулирующего воздействия – 14,22 %.

Одним из возможных вариантов выхода из складывающейся ситуации является совершенствование действующего законодательства в части регулирования порядка направления осужденных, отбывающих наказание в колониях общего и строгого режимов, в колонии-поселения и применения условно-досрочного освобождения.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.06.2023).
2. Статистическая отчетность ФСИН России «Сведения о количестве, движении и составе лиц, содержащихся в местах лишения свободы» за 2020-2022 гг. [Электронный ресурс] – Доступ из автоматизированной информационной системы «Статистика УИС» (дата обращения: 28.06.2023).
3. Жилаев Р. М., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. Совершенствования института условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы. Аналитическая справка. - М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. - 22 с.

КУЗНЕЦОВ Михаил Иванович

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России

ГРЯЗНОВ Сергей Александрович

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета внебюджетной подготовки Самарского юридического институт ФСИН России

ОТКРЫТАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИ АТТЕСТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ: ОПЫТ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье описывается опыт организации аттестации осужденных с использованием открытой, то есть доступной для сравнения характеристики. Анализируемая практика успешно применялась в исправительно-трудовых учреждениях Ростовской области во второй половине 80-х годов прошлого века. Сформулированы предложения о возможности применения рассмотренного опыта в современную практику деятельности пенитенциарных учреждений нашего государства.

Ключевые слова: аттестация осужденных, открытые характеристики, исправительно-трудовые учреждения.

KUZNETSOV Mikhail Ivanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Legal psychology and pedagogy sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

GRYAZNOV Sergey Alexandrovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate Professor, Dean of the Faculty of Extra-budgetary Training of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

OPEN CHARACTERIZATION IN THE CERTIFICATION OF CONVICTS: THE EXPERIENCE OF CORRECTIONAL LABOR INSTITUTIONS OF THE ROSTOV REGION

The article describes the experience of organizing the certification of convicts using an open, that is, available for comparison characteristics. The analyzed practice was successfully applied in correctional labor institutions of the Rostov region in the second half of the 80s of the last century. The proposals on the possibility of applying the considered experience to the modern practice of the penitentiary institutions of our state are formulated.

Keywords: certification of convicts, open characteristics, correctional labor institutions.

Одним из положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы (УИС) на ближайшие годы предусмотрено «совершенствование системы оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы». В механизме его реализации значительное место занимает объективное оценивание личности и поведения отбывающих наказание, реализуемое в учреждениях УИС посредством аттестации осужденных [1].

Методические рекомендации по эффективной организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России поясняют, что аттестация осужденных имеет целью дать педагогическую оценку поведению и личности осужденных за аттестуемый период, оказать воздействие, направленное на закрепление положительных и исправление отрицательных качеств личности и мотивов поведения [2]. Мы разделяем мнение Д. Г. Метлина о том, что аттестация осужденного к лишению свободы представляет собой процедуру определения администрацией ИУ соответствия поведения осужденного критериям, установленным нормами уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, что осужденного является одним из ключевых средств индивидуальной воспитательной работы сотрудников ИУ. Формальный подход в организации и проведении аттестации не дают желаемого эффекта [3].

В контексте рассматриваемой проблемы представляет интерес анализ опыта управления исправительно-трудовых учреждений УВД Ростовского облисполкома советского периода, реализованный во второй половине 80-х годов про-

шлого века [4]. В его основу была положена дифференциация осужденных в зависимости от их поведения. Для этого была введена оценочная система по четырехбалльной системе - от двух до пяти баллов. Отбывающие наказание, набравшие четыре с половиной и более баллов, составляли первую группу лиц-твердо вставших на путь исправления. Те, кто набирал от четырех до четырех с половиной баллов, относились ко второй группе - вставших в основном на путь исправления. В третью группу включались осужденные, лишь становившиеся на путь исправления, - их поведение оценивалось от трех до четырех баллов (подгруппа «А»). Осужденные, не набравшие трех баллов, оказывались в числе лиц, не вставших на путь исправления (подгруппа «Б»).

Несмотря на условность балльной системы, необходимо особо подчеркнуть, что требования при выставлении оценок были достаточно жесткими. Например, при оценивании выполнения требований режима при наличии у осужденного взысканий ему выставлялась оценка «два». Для получения оценки «три» осужденный должен был строго выполнять правила внутреннего распорядка ИТУ, свои обязанности.

Оценку «четыре» он получал в том случае, если не только соблюдал режим отбывания наказания, но и погашал иск, полностью признавал свою вину и раскаивался в преступном прошлом, постоянно оказывал материальную помощь семье и близким, а также активно участвовал в работе секции профилактики правонарушений. Кроме того, оценка «четыре» выставлялась в том случае, когда фактически отбывтый срок наказания давал осужденному право на условное, условно-досрочное освобождение или на перевод в колонию-поселе-

ние. Выполнение этого условия позволяло быть уверенным, что поведение характеризуемого носит не случайный характер, он постоянно стремится доказать свое исправление.

Оценка «пять» выставлялась при соблюдении всех перечисленных выше критериев, но при этом еще необходимо было, чтобы осужденный в течение всего срока отбывания наказания не имел нарушений режима отбывания наказания, не только исправлялся сам, но и оказывал положительное влияние на других осужденных, занимался самовоспитанием, досрочно погасил иск (если он имелся).

Для того, чтобы получить высокую оценку по отношению к труду, недостаточно было только выполнять план, не допускать брака, в надлежащем состоянии содержать рабочее место, соблюдать трудовую и технологическую дисциплину: выполнение перечисленного оценивалось не более чем на «три» балла. Оценка «четыре» выставлялась при систематическом перевыполнении осужденным нормы выработки, выпуске продукции только надлежащего качества, активном участии в трудовом соревновании и деятельности секции производственно-массовой работы, бережном отношении к оборудованию, сырью и материалу. Получивший оценку «пять» помимо перечисленного участвовал в рационализаторской работе, имел звания «Передовик производства», «Лучший по профессии» [4].

Такая форма аттестации позволяла более объективно подводить итоги работы совета воспитателей отряда, совета коллектива отряда и каждого осужденного за определенный отрезок времени.

По итогам аттестации на каждого осужденного составлялась открытая характеристика на основе оценочных листов, формируемых аттестационной комиссией. В ее состав включались члены совета воспитателей отряда, руководители производственных служб, цехов, участков, преподаватели общеобразовательной школы и ПТУ. От осужденных в ее работе участвовали председатель совета коллектива отряда, старший дневальный отряда и бригадиры [5].

Составление открытых характеристик проводилось, как правило, два раза в год. На первом этапе это делалось членами совета коллектива отряда и советами бригад. Свои предварительные оценки они выносили на рассмотрение аттестационной комиссии, за которой оставалось итоговое решение: окончательно формировались оценочные листы и сами характеристики. Сотрудники могли при необходимости внести аргументированные коррективы в оценку поведения осужденного на основе собственных наблюдений и опыта [6].

Уделялось внимание и наглядному оформлению характеристик. На стендах, размещенных в жилых секциях учреждений, в графе напротив фамилии каждого осужденного выставлялись оценки, характеризующие соблюдение режима отбывания наказания, отношение к труду и учебе, стремление к приобретению рабочей профессии, участие в политико-воспитательных мероприятиях, в работе самодеятельных организаций. Кроме того, отражалось, как он погашает иски и выплачивает алименты, соблюдает правила личной гигиены и пр. Затем следовала общая (итоговая) оценка с указанием присвоенной осужденному степени исправления.

По нашему мнению, рассматриваемая форма аттестации имела ряд положительных аспектов. Во-первых, она проводилась не сразу в целом по отряду, а сначала по бригадам. Бригадир из числа осужденных нес ответственность не только за трудовую деятельность, но и за поведение, общественную активность, учебу членов своего коллектива, и

при обсуждении оценки каждого из отбывающих наказание мнение бригадиров обязательно учитывалось. Во-вторых, в аттестации отбывающих наказание участвовали активисты самодеятельных организаций осужденных. Эта работа велась под контролем членов совета воспитателей отряда, за каждым из которых была закреплена конкретная секция. Такой алгоритм сводил к минимуму возможность необъективных оценок.

Составление открытых характеристик в учреждениях Ростовской области являлось не самоцелью, и не ограничивалось только отражением оценки поведения осужденных, но и подкреплялись другими формами воспитательной работы. В зависимости от степени исправления дифференцировались и условия отбывания наказания. Принадлежавшие к первой учетной группе (4-4,5 баллов), предоставлялись к УДО, к переводу в колонию-поселение, на улучшенные условия содержания, включались в приказы на поощрение, рекомендовались председателями советов коллективов отрядов и колонии.

Осужденные второй учетной группы не представлялись к УДО, во вторую очередь представлялись к переводу в колонию-поселение, на улучшенные условия содержания переводились в исключительных случаях. В остальном на них распространялись те же льготы, что и на отбывающих наказание первой группы.

Осужденные третьей учетной группы (подгруппа «А») не подлежали переводу в колонию-поселение, на улучшенные условия содержания, не включались в приказы на поощрение. Осужденные этой учетной группы (подгруппа «Б») не получали никаких льгот как не вставшие на путь исправления.

Следует указать, что положительный опыт лучших производственников и активистов отражался в стенных газетах отрядов и учреждений, в многотиражной газете УИТУ, их фотографии помещались на доске передовиков производства, трудового соревнования. Поведение отрицательно настроенных осужденных подвергалось критике в средствах стенной печати («Молния», «Колючка»), их фамилии размещались на «Доске позора».

Все осужденные обязаны были носить на одежде нарукавные нашивки с указанием степени их исправления. Отмечен примечательный факт: нередко осужденные, не достигшие степени исправления, при следовании на свидание с родственниками заменяли нарукавные знаки с указанием группы 3 «А» или 3 «Б» на принадлежность к первой или второй. Сотрудники колонии пресекали такие попытки, однако приведенный пример свидетельствует о том, что осужденные достаточно значимо воспринимали оценки открытых характеристик [4].

Открытая характеристика давала четкое представление, на каком этапе исправления находится каждый осужденный, и исходя из этого позволяла выстраивать воспитательную работу с ним сотрудникам всех частей и служб учреждения, контактирующих с ним. Следует подчеркнуть, что основное значение аттестации состояло в том, что она активно влияла на сознание и поведение осужденных, являлось одной из действенных форм индивидуальной работы, основанной на содержании открытых характеристик. Особый эффект это давало в исправлении трудновоспитуемых. За каждым таким осужденным закреплялся сотрудник из числа членов совета воспитателей отряда, который подбирал формы и методы исправления с учетом сведений, доступных в открытой характеристике.

Необходимо отметить еще одну особенность описываемого нами опыта. В соответствии с требованиями того времени аттестация проводилась два раза в год. Открытая характеристика не имела такой жесткой регламентации. И это играло свою положительную роль. Например, в случае, когда у осужденного были зафиксированы положительные изменения в поведении, однако к началу очередной аттестации они проявились неотчетливо выраженными, что не позволило повысить ему оценку степени исправления. В таком случае ее изменяли по мере того, как актив отряда и сотрудники-воспитатели убеждались, что успехи носят не случайный характер и исправление конкретной личности имеет выраженный положительный вектор. Кроме того, некоторым осужденным в ходе аттестации давались задания и поручения, выполнение которых гарантировало перевод на более высокую ступень исправления. Содержание заданий и поручений определялось также в тексте открытой характеристики: например, повысить успеваемость в школе, добиться перевыполнения производственных заданий с целью досрочного погашения иска и др. Рекомендации касались и участия в деятельности самодеятельных организаций, поддержания в порядке рабочего места, участия в рационализаторской работе и пр. При этом, с учетом индивидуальных особенностей аттестуемых, устанавливались конкретные сроки их реализации - от одного до четырех месяцев. Подчеркнем: открытая характеристика использовалась, при необходимости, и для понижения степени исправления осужденного.

Использование открытой характеристики служило не только для достижения культивируемой в те годы «гласности» аттестации, но и формировало настроение состязательности в среде отбывающих наказание, открывало доступность сравнения своей характеристики с оценкой других. Осужденные чувствовали постоянное внимание к их поведению через оценивание всех совершаемых поступков - как положительных, так и отрицательных.

Открытые характеристики давали возможность сотрудникам эффективно и целенаправленно строить индивидуальную воспитательную работу, помогать подопечным в организации самовоспитания. Открытая характеристика формировалась таким образом, что осужденные убеждались: присвоение степени исправления - не формальность, а отражение реальной динамики исправительного процесса. С помощью сотрудников ИТУ удавалось постепенно повышать аттестационные оценки, формировать активную жизненную позицию отбывающих наказание через выступление на собраниях, политзанятиях, участие в выпусках стенной печати, в работе самодеятельных организаций.

Очевидно, в нынешних условиях ростовский опыт исправления осужденных 1980-х гг. в полной мере вряд ли применим в современных ИУ. Однако некоторые его элементы, пусть даже фрагментарно, могут использоваться в практике воспитательной работы с отбывающими наказание. Весьма успешным при творческом, неформальном его применении может стать открытая характеристика по определению степени исправления. В нынешних условиях вместо стендов можно использовать возможности студий кабельного телевидения, местного радиовещания, терминалов, имеющихся практически во всех исправительных и воспитательных колониях нашей страны.

Кроме того, изложенный в статье материал побуждает вновь вернуться к теме необходимости и целесообразности возрождения в местах отбывания наказания деятельности са-

модеятельных организаций осужденных, с соответствующей корректировкой с учетом современных вызовов и реалий [7].

Пристатейный библиографический список

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распор. Правительства Рос. Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Методические рекомендации по эффективной организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России: письмо ФСИН России № 02-11843 от 28.02.2017. Документ не опубликован.
3. Метлин Д. Г. Проблема правового регулирования аттестации осужденных как элемента исправительного процесса исполнения лишения свободы // Профессиональное юридическое образование и наука. - 2023. - № 1 (9). - С. 70-73.
4. Алейников В. Дойти до каждого, работать с каждым // Воспитание и правопорядок. - 1987. - № 1. - С. 32-35.
5. Воспитательная работа с осужденными: учебник. Под науч. ред. Т. В. Кирилловой. - Рязань: Академия ФСИН России, 2021.
6. Педагогика и политико-воспитательная работа с осужденными: учебное пособие. Под науч. ред. Ю. В. Гербеева. - Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1985.
7. Метлин Д. Г. Самодеятельные организации осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы: историко-организационный анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2018. - № 1 (84). - С. 163-171.

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

ГОРШКОВА Наталья Андреевна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ У ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Статья посвящена комплексному анализу культурно-нравственных, социально-психологических, организационно-управленческих, социально-экономических и правовых причин возникновения и проявления социальных отклонений у осужденных к лишению свободы. Кроме этого исследуются внутренние и внешние условия, которые в наибольшей степени создают потенциально криминогенную среду для отклоняющегося поведения осужденных.

Ключевые слова: социальные отклонения, преступность, осужденные к лишению свободы, детерминанты, причины и условия.

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

GORSHKOVA Natalya Andreevna

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, lieutenant colonel of internal service

CAUSES AND CONDITIONS OF OCCURRENCE AND MANIFESTATION OF SOCIAL DEVIATIONS IN PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

The article is devoted to a comprehensive analysis of cultural and moral, socio-psychological, organizational and managerial, socio-economic and legal causes of the emergence and manifestation of social deviations in persons sentenced to imprisonment. In addition, the internal and external conditions that most create a potentially criminogenic environment for the deviant behavior of convicts are investigated.

Keywords: social deviations, criminality, persons sentenced to imprisonment, determinants, causes and conditions.

Уголовная и уголовно-исполнительная функции современного государства являются одними из основополагающих, позволяющих обеспечить безопасность общества и каждого гражданина. Реализация данных функций осуществляется посредством привлечения к юридической ответственности виновных и исполнения в отношении них соответствующих мер ответственности. Центральным звеном здесь выступает уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее – УИС), на которую возложена весьма непростая задача по исправлению преступников, их социализации и возвращению в общество.

Вместе с тем, современная уголовная и уголовно-исполнительная политика выстраивается таким образом, что к одному из самых строгих видов уголовного наказания – лишению свободы, приговаривается с каждым годом все меньше и меньше человек. Соответственно в исправительные учреждения (далее – ИУ) попадают только наиболее опасные преступники, чье поведение даже в период отбывания наказания

является крайне сложным, требующим особого контроля и подхода со стороны сотрудников.

В частности, осужденные к лишению свободы зачастую склонны к деструктивному поведению, которое может выражаться в совершении самоубийств, покушений на них, злостных нарушениях режима отбывания наказания, совершении правонарушений и преступлений. Также в период отбывания наказания они стремятся употреблять запрещенные вещества в виде алкогольной продукции или наркотических средств (психотропных веществ), а также их запрещенных аналогов. Объемы запрещенных средств и веществ в ИУ хотя и имеют тенденции к сокращению, но все равно остаются весьма внушительными. Совершение подобных действий и иное деструктивное поведение осужденных в период отбывания ими наказания обобщенно можно назвать социальными отклонениями. Социальное отклонение в названном контексте свидетельствует о нарушении принятых на законодательном уровне правил поведения, установленных для обосо-

Расторопов С. В.

Горшкова Н. А.

бленной социальной ячейки, которую образуют осужденные к лишению свободы.

Очевидно, что каждый допущенный факт того или иного социального отклонения осужденного ставит под угрозу безопасность как самого ИУ, так и его работников, осужденных, и иных лиц, находящихся на территории этого учреждения, нарушает его деятельность, отрывает большое количество сил и средств, а в случаях совершения преступлений – переводит режим работы учреждения в усиленный. Соответственно социальные отклонения способны серьезно дестабилизировать работу самих учреждений и осложняют оперативную обстановку в них. В более масштабном понимании данной проблематики, данный вид деструктивной деятельности буквально мешают тому, чтобы можно было добиться целей, которые преследует факт такого сурового уголовного наказания, которым является лишение свободы. Затрудняется и сам процесс предупреждения и пресечения совершения новых общественно опасных деяний.

Все это предопределяет, что исследование темы социальных отклонений в ИУ является весьма актуальной на современном этапе.

Обращаясь к общей теории криминологии, причины как преступности, так и иных социальных отклонений, рассматриваются в качестве явлений, которые порождают совершение соответствующих противоправных деяний. В криминологии выявляются лишь наиболее распространенные, типичные для некоторых схожих ситуаций причины. Универсальных причин, которые бы влияли на все правонарушающее и выходящее за определенные правовые рамки поведение, не существует. Это обусловлено прежде всего разнообразием их форм и видов, а также наличием целого ряда условий, которые по-разному влияют на процессы даже и с виду одинаковых социальных отклонений, но проявляющихся у разных людей, в разный период времени, при различных жизненных обстоятельствах.

Вместе с тем о причинах как явлениях, порождающих социальные отклонения, мы говорим преимущественно в механизме правонарушающего поведения, то есть применительно к стадии мотивации и принятия решения о совершении какого-либо акта, сопряженного с отклонением от норм социума, когда только формируется мотив, цель и выбираются средства для ее достижения. При этом причина такого поведения может формироваться в течение длительного периода времени и обуславливаться целым комплексом условий.

На общем уровне детерминации причины социальных отклонений, по мнению криминологов, опосредуются в рамках так называемой «полной причины преступности», которая включает в себя все обстоятельства, при которых неизбежно наступает следствие [3, с. 81].

Причины допущения социальных отклонений осужденными в местах лишения свободы довольно различны. Так, ученые и правоведы, ранее изучающие детерминанты совершения преступлений в ИУ, расходятся во мнениях. Например, А. А. Нуждин указывает, что «мотивацией на совершение преступлений осужденными в местах лишения свободы выступает поддержание престижа, авторитета и лидерства среди осужденных, реализация минимальных потребностей, стремление уклониться от требований режима ... Особенности поведения осужденных выражаются в определенном комплексе реакций, которые развиваются в местах лишения свободы. Зачастую криминальная активность, неадекватные агрессивные действия осужденных являются результатом

личностных аномалий, психической патологии» [8, с. 93] – отмечает автор.

Более широкий подход использует О. В. Филиппова, указывая, что продуцируют социальные отклонения в ИУ сами социальные реалии, которые лежат в плоскости исполнения уголовного наказания, а также противоречия, присущие этому общественному явлению и порождающих негативные процессы в среде лишенных свободы [14, с. 33-39]. В развитие мнения автора можно отметить, что именно для мест лишения свободы свойственна неформальная стратификация, которая, несомненно, оказывает определенное влияние на отклоняющееся поведение осужденных (например, запрет на подчинение требованиям администрации ИУ и т.д.). Полагаем, что более активное применение наказаний, не связанных с изоляцией от общества способно исключить взаимодействие большей части осужденных с той криминальной средой, которая продолжает поддерживаться в местах лишения свободы. Допустимо утверждать, что современное развитие УИС¹, а также правоприменительная деятельность судов² свидетельствует о тотальной гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики последних лет. В случае продолжения следованию данному курсу неизбежно и изменение микросоциума мест лишения свободы.

Изучая проблему отклоняющегося от социальных норм поведения осужденных в ИУ, С. Н. Лосева пишет, что причинами могут выступать сразу же несколько факторов: «1) факторы, связанные с ресурсным и кадровым обеспечением УИС; 2) факторы, связанные с организацией и управлением процессом профилактики и раскрытия и расследования преступной деятельности в местах принудительного содержания; 3) факторы, связанные с обеспечением законности в деятельности представителей УИС (сотрудников учреждений и органов УИС)» [4, с. 66].

Принимая во внимание приведенные позиции уважаемых ученых, мы предлагаем систематизировать все причины социальных отклонений осужденных в ИУ, и выделить несколько блоков, в зависимости от сфер жизнедеятельности, в которых могут аккумулироваться те или иные причины девиантной активности осужденных.

Первый блок – это *культурно-нравственные причины*. Здесь мы выделяем наличие криминальной субкультуры. Криминальная субкультура – очень сложное явление, характеризующееся неоднородностью.

Существует несколько разновидностей криминальной субкультуры. В рамках нашего исследования мы можем утверждать, что на отклоняющееся от социальных норм поведение осужденных в ИУ немалое влияние оказывают тюремная субкультура и субкультура профессиональных преступников и рецидивистов.

В последнее время большое распространение получило движение АУЕ – крайне агрессивное молодежное движение, пропагандирующее идеалы тюремной субкультуры (некоторые организации АУЕ отнесены в соответствии с законодательством России к экстремистским). Отдельные лозунги, постулаты и жизненные кредо данного запрещенного движе-

1 Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года: [распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021. - № 20. - Ст. 3397.

2 Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.06.2023).

ния логичным образом стали составлять и часть тюремной субкультуры. На это сейчас обращено весьма пристальное внимание со стороны руководства ФСИН России и проводятся научные изыскания отдельными учеными [13, с. 92-98].

Элементами криминальной субкультуры, имеющими разную степень выраженности в разных формах субкультуры, исследователи называют:

- 1) наличие криминальной иерархии;
- 2) особенности внешнего вида;
- 3) криминальный жаргон и иные формы информационной идентификации (клички, татуировки, жесты, знаки);
- 4) воровскую казну (общак);
- 5) фольклор (стихи, песни, пословицы, поговорки, приемы, рассказы);
- 6) особые правила поведения и т.п. [10, с. 38].

Особое значение криминальной субкультуры в развитии правонарушающего поведения в ИУ связано с тем, что вовлечение в нее меняет систему ценностей и активно популяризирует, и поощряет антиобщественный, преступный образ жизни. Исследования утверждают, что «до 76 % осужденных в местах лишения свободы прочно усваивают криминальный опыт и криминальную субкультуру. При этом отсутствует адекватная государственная политика по противодействию влиянию криминальной субкультуры и нейтрализации последствий ее влияния» [3, с. 135-136].

Из *социально-психологических* причин социально отклоняющегося поведения осужденных в ИУ особенно выделяется нетерпимость и неприятие обществом лиц, имеющих судимость и особенно отбывавших наказание в условиях изоляции от общества. Это способствует утрате социально полезных связей и препятствует ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Да и сами осужденные, особенно из тех, кто отбывает длительные сроки лишения свободы, будут сложно адаптироваться к новой для них социальной действительности, к новому обществу и законам жизни. Поэтому таким осужденным с психологической и социальной точек зрения выгодно совершить, например, еще одно преступление в период отбывания наказания и продлить себе срок изоляции от общества. Например, за насильственные преступления, как правило, наказание назначается более строгое, чем за какое-либо другое. К тому же у осужденного подобное преступление будет считаться повторным, зачастую рецидивом, наказание будет назначаться по совокупности приговоров и, соответственно, срок наказания будет еще более увеличен.

Организационно-управленческие причины отклоняющегося поведения в ИУ связаны с недостатками в деятельности как самой УИС, так и иных правоохранительных органов, а также органов социальной поддержки населения. Существуют объективные недостатки в выявлении, раскрытии и расследовании правонарушений и преступлений, которые обусловлены противодействием со стороны самих осужденных, их совершивших, либо поддерживающих такое поведение.

Имеются и специфические проблемы в деятельности самой УИС:

- недостаточную эффективность профилактической деятельности в условиях реформы УИС и уголовной политики, приведшей к концентрации в местах лишения свободы наиболее криминогенно-пораженных лиц;
- особенности содержания осужденных в колониях общего и строгого режима (в отрядах);
- отсутствие современных условий содержания лиц в значительном числе следственных изоляторов России;

– недостатки в системе адаптации осужденных и возможностях получения ими современного, востребованного на рынке труда образования;

– отсутствие эффективной системы оценки личности осужденных, претендующих на условно-досрочное освобождение и т. п.

– проблемы в деятельности органов социальной поддержки населения в части, касающейся бывших осужденных.

Заметим, что данные проблемы уже давно находятся на контроле у ФСИН России. Так, согласно новой Концепции развития УИС на период до 2030 года в разделе XVI предусмотрено создание и развитие системы пробации. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» был принят в начале 2022 года³ и только предстоит освоению в рамках практической деятельности соответствующих органов с 1 января 2024 г.

Далее отметим наиболее, на наш взгляд, масштабные причины *социально-экономического характера*:

1) недостаточность финансирования программ по профилактике правонарушений в России, в т.ч. и в местах лишения свободы;

2) проблемы в финансировании реформы ФСИН России и освоения выделенных на это денежных средств (достаточно вспомнить, что многие заявленные в 2010 г. в Концепции развития УИС до 2020 г. положения так и не смогли быть реализованы даже вопреки неоднократным реформам этого базисного для развития УИС документа);

3) отсутствие государственной стратегии по противодействию повторной преступности, в т.ч. в местах лишения свободы;

4) неэффективность политики по социальной поддержке лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации, в т.ч. освобожденных из мест лишения свободы.

Далее выделим причины *правового характера*, выраженные в недостатках, пробелах и коллизиях правового регулирования деятельности ИУ:

1) слабая эффективность правового механизма условно-досрочного освобождения, способствующая развитию у неосвобожденных осужденных чувства злости в отношении сотрудников УИС;

2) недостаточная правовая регламентация государственной политики в области противодействия преступности в России в целом, и в ИУ – в частности;

3) недостатки в государственном, региональном и ведомственном планировании и программировании противодействия рецидивной, профессиональной и организованной преступности.

Например, в УК РФ до сих пор отсутствует в качестве отягчающего такое обстоятельство, что преступление совершает осужденный, отбывающий наказание в ИУ. На наш взгляд, это правовой пробел. Поскольку, предусмотрев в ст. 63 УК РФ такое отягчающее обстоятельство, законодатель сразу же сориентировал бы правоприменительную деятельность в более строгое русло и не позволял бы судам назначать менее строгие меры ответственности, чем того требует объективная реальность.

Далее, если рассматривать существующие условия социальных отклонений осужденных в ИУ, то можно отметить, что условия, в отличие от причин, не порождают явление, но

3 О пробации в Российской Федерации: [Федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 6. - Ст. 917.

создают необходимую среду, в которой это явление возникает, существует и изменяется. Поэтому условия социальных отклонений в ИУ – это то, что участвует в механизме формирования причин такого поведения, облегчает условия его возникновения и проявления в реальной действительности. Условия могут быть сопутствующие, которые образуют общий фон события или явления и от которых зависит выбор объекта, на который направлено отклоняющееся поведение, способа его совершения и т. д. Также выделяют необходимые условия, без которых событие бы не наступило, а их совокупность в свою очередь рассматривают как достаточные условия.

Необходимо отметить, что большинство условий, способствующих социальным отклонениям в ИУ, связано с факторами, характерными для правонарушающего и преступного поведения граждан России в целом. Вместе с этим, считаем необходимым разделить всю совокупность условий социальных отклонений в ИУ на два больших блока:

1. Условия, формирующиеся в процессе деятельности сотрудников УИС по исполнению наказания в виде лишения свободы.

2. Условия, формирующиеся в процессе отбывания наказания осужденными.

В рамках первого блока отметим низкую финансовую обеспеченность учреждений и органов УИС. Здесь мы актуализируем проблему на материальной обеспеченности самих сотрудников, которые исполняют различные виды наказания, в т. ч. и лишения свободы.

Эта проблема обеспечения сотрудников УИС логичным образом обуславливает и такую проблему, как высокая текучесть кадров. На это обращали внимание специалисты еще более десяти лет назад [11, с. 45], и, тем не менее, в 2023 году она не утратила своей особой актуальности и активно исследуется различными специалистами [7, с. 160-163].

Так, по данным Г. А. Майстренко «в ИУ 17 % сотрудников воспитательных аппаратов работают в должности до 1 года, 40 % – от года до трех лет. Низка численность сотрудников, имеющих высшее образование. Нагрузка по работе с осужденными на одного начальника отряда на 25 – 30 % превышает нормативную. При этом начальники отрядов зачастую привлекаются к выполнению несвойственных им функций. По экспертным оценкам, они работают с осужденными до 50 % рабочего времени» [6, с. 64].

В качестве негативного условия, способствующего отвлечению сотрудников от работы с осужденными по линии их исправления и недопущения социальных отклонений, подтверждаем наличие проблемы возросшего в разы документооборота. Из личного опыта интервьюирования отдельных сотрудников учреждений УИС можем отметить, что многие из них сетуют на то, что в целях недопущения противоправного поведения осужденных сотрудникам предоставлено право применения физической силы, специальных средств и оружия. Но порядок их применения регламентирует составление большого количества документов, которые, как правило, составляются сотрудниками уже вне рабочего времени (после дежурства, смены). Соответственно не каждый сотрудник готов тратить свое личное время после суток работы на грамотное оформление актов и постановлений о применении указанных способов сдерживания преступной активности осужденных. Ввиду этого сотрудники вынужденно пренебрегают своими должностными обязанностями, что приводит к появлению у осужденных чувства вседозволенности и власти над сотрудниками. Логичным следствием этого становится

более активное использование со стороны осужденных провокаций, применения насилия и другого отклоняющегося от норм поведения.

Также можно говорить и о ряде условий, которые возникают в связи с фактами халатности сотрудников УИС. Например, пренебрежение круглосуточным наблюдением за осужденными, некачественное использование средств для личных досмотров, осмотров помещений, в которых содержатся осужденные на предмет выявления и изъятия запрещенных к хранению предметов [5, с. 178].

Бывают ситуации, когда сами сотрудники совершают преступления корыстной направленности, сопровождающиеся получением незаконного вознаграждения от осужденных за пронос, например, алкогольной продукции или наркотических средств, психотропных веществ. Тем самым создаются благоприятные условия для усиления агрессии осужденных, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, что может приводить к проявлению самых крайних форм отклоняющегося от социальных норм поведения, т.е. совершению с их стороны преступлений.

Существуют также и иные условия организационно-управленческого характера, которые косвенно могут оказывать влияние на основу формирования мотивации к проявлению социальных отклонений, осужденных в ИУ:

1) сложность и запутанность процессов принятия и реализации управленческих решений во ФСИН России, как на самом высшем уровне, так и на региональном, и внутри конкретного учреждения;

2) слабый и недостаточный контроль за данными процессами;

3) недостаточное или неэффективное взаимодействие между различными субъектами;

4) запутанность финансово-хозяйственных отношений.

Культурно-нравственные условия, которые сопряжены с недостатками в развитии сотрудников УИС состоят в следующем:

1) деформация духовно-нравственной сферы, связанная с преобладанием корыстно-эгоистических ориентиров в жизнедеятельности;

2) формирование культа обеспеченности;

3) культивирование, в том числе посредством СМИ, идеи обогащения без приложения усилий;

4) неразвитость этики общения как между самим сотрудниками, так и в отношениях сотрудник – осужденный;

5) терпимость к нарушениям исполнительской и служебной дисциплины, попустительство по службе, как норма деятельности сотрудников УИС.

Что касается второго блока условий, которые формируются в среде самих осужденных, отметим следующие.

В качестве условий, благоприятствующих социальному отклонению в ИУ, отмечаем закрытость данных учреждений. Исследователи на этот счет подчеркивают, что у осужденных в период отбывания наказания резко обостряется потребность в личном пространстве и уединенности [12, с. 22]. Эти, казалось бы, элементарные блага обычного человека существенно ограничены режимными требованиями ИУ. Это в свою очередь влияет на психосоматическое состояние осужденных и проявляется в определенном комплексе реакций (состояний), которые развиваются как в сознании, так и в поведении [1, с. 32-35]. Особенно остро могут проявляться данные состояния у осужденных, которые до попадания в места лишения свободы уже обладали определенными личностными аномалиями, либо психическими патологиями.

Также отмечаем наличие групповых настроений в среде осужденных, продиктованные поотрядным содержанием (за исключением ИУ особого режима и тюрем), развитие криминальной субкультуры, априори ведущие к возникновению конфликтных ситуаций по различным, даже не существенным поводам [9, с. 27]. Ученые отмечают прецеденты, «когда удовлетворение материальных потребностей и необходимость обеспечивать себя соответствующими благами действует как реальный стимул для преступного поведения, побуждая осужденных действовать антиобщественным образом» [15, с. 320]. Например, в период 2015–2016 гг. осужденные ИУ г. Коми создавали искусственные ситуации (организация проигрыша в карты, обнаружение сотрудниками администрации ИУ у осужденных запрещенных предметов и т.п.), при которых требовали от других осужденных ежемесячные выплаты за «хорошие условия» отбывания наказания и неприменения к ним физической силы. Размер выплаты варьировался от 2 до 85 тыс. рублей⁴. Другой аналогичный пример: в мае 2022 г. осужденный в период отбывания наказания совместно с другими осужденными избил одного из осужденных и под угрозой дальнейшего применения насилия вымогал у него 100 тысяч рублей⁵.

Таким образом, причины социальных отклонений в поведении осужденных в ИУ хотя и связаны с общеизвестными детерминантами правонарушающего поведения, которые повторно воспроизводятся в условиях изоляции от общества, но при этом обладают своей спецификой. Она проявляется в культурно-нравственных, организационно-управленческих, социально-экономических и правовых негативных факторах, складывающихся в области функционирования учреждений и органов УИС. При этом мы делаем основной акцент на несовершенстве отдельных норм уголовного законодательства. Внутренние условия отклоняющегося поведения кроются в сознании самих осужденных, в восприятии ими процесса отбывания наказания. Внешние условия связаны с качеством функционирования учреждений УИС, с добросовестностью исполнения обязанностей работниками (допущение фактов незаконного применения насилия к осужденным, коррупция).

Пристатейный библиографический список

1. Барнышевский О. С. Причины и условия совершения преступлений в местах лишения свободы // Будущее науки – 2019: сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 25–26 апреля 2019 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 32–35.
2. Криминология (Особенная часть): учебник для бакалавриата и специалитета / Под общ. ред. А. Е. Михайлова, А. В. Кудрявцева. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2021. – 237 с.
3. Криминология: учебник для бакалавриата и специалитета / Под общ. ред. А. В. Кудрявцева и А. Е. Михайлова. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. – 220 с.
4. Лосева С. Н. Основные детерминанты преступности в местах лишения свободы // Журнал права. – 2018. – № 10. – С. 64–67.
5. Майорова С. Е. Причины преступности в исправительных учреждениях на современном этапе // Право, экономика и управление: от теории к практике: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 21 мая 2020 года / Гл. редактор Г. Н. Петров. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2020. – С. 177–179.
6. Майстренко Г. А. Причины и условия рецидивной преступности / Г. А. Майстренко // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 61–64.
7. Неверов В. И., Топоров С. С. Предложения по совершенствованию социального обеспечения сотрудника УИС // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Том Выпуск 9. Часть 2. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 160–163.
8. Нуждин А. А. Преступность осужденных в местах лишения свободы: теоретический аспект // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 91–94.
9. Орлова Ю. Р. Основные причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2015. – № 3. – С. 26–30.
10. Расторопов С. В., Понкратов В. А., Пикин И. В., Горшкова Н. А. Пенитенциарная криминология: учебник / Под ред. Докт. юрид. наук, проф. С. В. Расторопова. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 193 с.
11. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / Под общ. ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. – Москва: Экзамен, 2007. – 383 с.
12. Сочивко В. Д. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. – Москва: Per Se. 2002. – 303 с.
13. Тараканов И. А. Запрещенное в России международное общественное движение «Арестантское уголовное единство»: новое или хорошо забытое старое? // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2022. – № 4 (34). – С. 92–98.
14. Филиппова О. В. Детерминанты преступности в местах лишения свободы // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: Материалы Национальной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 13–17 апреля 2020 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2020. – С. 33–39.
15. Шипук С. Н. Причины и условия преступности в местах лишения свободы и способы их устранения // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы Международной научной конференции, Тамбов, 18–21 мая 2017 года. – Тамбов: Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2017. – С. 318–324.

4 Официальный сайт Прокуратуры Республики Коми. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prisonlife.ru> (дата обращения: 11.06.2023).

5 В колонии Саратова у избитого заключенного вымогали 100 тысяч рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sarnovosti.ru/news/v-kolonii-saratova-u-izbitogo-zaklyuchennogo-vymogali-100-tysyach-rublej/> (дата обращения: 11.06.2023).

УЛЕНДЕЕВА Наталия Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Самарского юридического института ФСИН России

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

В статье анализируются понятия «проектное управление» и «управление проектами», которые имеют схожие характеристики по предсказуемому результату выполнения деятельности, однако понятие «проектное управление», кроме инструментария содержит последовательное стратегическое планирование при решении проблемных задач, выделение более глубоких целей и ориентацию на применение лидирующих технологий.

Формирование понятия «проектное управление» в государственных органах, к которым относится уголовно-исполнительная система, включает в себя реализацию проектов через осуществление деятельности в процессе выполнения государственных целевых программ, отражающих этапы разработки, финансирования, реализации и завершения проекта.

Единым условием в проектном управлении реализации решения проблем как государственных, так и частных и общественных организаций выступает ограниченность ресурсов и времени осуществления проекта.

Ключевые слова: проектное управление, управление проектами, государственные органы, исправительные учреждения, пенитенциарная, система, целевая программа, государственные проекты.

ULENDEEVA Nataliya Ivanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Management and information technology support of the activities of the penal enforcement system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

Улендеева Н. И.

DEVELOPMENT OF THE PROJECT MANAGEMENT MECHANISM IN THE PENITENTIARY SYSTEM

The article analyzes the concepts of “project management” and “project management”, which have similar characteristics in terms of a predictable result of the performance of activities, however, the concept of “project management”, in addition to tools, contains consistent strategic planning in solving problematic tasks, highlighting deeper goals and focusing on the use of leading technologies.

The formation of the concept of “project management” in state bodies, which include the penal enforcement system, includes the implementation of projects through the implementation of activities in the process of implementing state targeted programs that reflect the stages of development, financing, implementation and completion of the project.

A single condition in the project management of the implementation of solutions to the problems of both public and private and public organizations is the limited resources and time of the project.

Keywords: project management, project management, state bodies, correctional institutions, penitentiary, system, target program, state projects.

Актуальность темы исследования обосновывается неослабленным вниманием специалистов к развитию теории и методологии управления проектами, которая формируется в государственном управлении.

Уголовно-исполнительная система как одна из государственных структур также подчиняется условиям взаимодействия субъектов управления при решении целей и задач, стоящих перед пенитенциарной системой, в форме реализации проектов. Существующий национальный стандарт Российской Федерации по проектному менеджменту формирует общие правила по реализации проектов любыми организациями¹. На сегодняшний день накоплен большой опыт по реализации проектов как государственными, так и частными и общественными организациями.

Основными правовыми регламентами для осуществления проектного управления в настоящее время выступает перечень нормативных источников федерального уровня:

– федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»;

– указ Президента от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;

– указ Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. № 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации»;

– указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;

– постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»;

– Методические рекомендации по организации проектной деятельности в федеральных органах исполнительной власти (утв. Правительством РФ 12 марта 2018 г. № 1937п-П6).

Для реализации проектов в уголовно-исполнительной системе основным вектором для развития выступает Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением

1 Гост Р ИСО 21500-2014. Руководство по проектному менеджменту: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 ноября 2014 г. № 1873-ст: введен впервые: дата введения 2015-03-01/ подготовлен ООО «НИИ экономики связи и информатики «Интерэкомс» (ООО «НИИ «Интерэкомс») совместно с ЗАО «Проектная ПРАКТИКА» на основе собственного аутентичного перевода на русский язык стандарта, указанного в пункте 4. – Москва: Стандартинформ, 2015. – 52 с.

Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 г. № 1138 р² и Приказ ФСИН России от 15.02.2019 г. № 116 «Об организации планирования в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»³.

Для нашего исследования представляет интерес механизм выстраивания взаимоотношений с субъектами проектного управления, реализующими проекты в уголовно-исполнительной системе, выделение проблем, решение которых эффективно будет с использованием портфеля проектов.

Анализ общих законодательных актов в сфере проектного менеджмента позволяет констатировать, что все нормативные источники направлены на формирование стратегии организации деятельности учреждения или организации, которая формулирует ключ к решению проблемы, зная заранее результат, который будет реализован с помощью проекта.

Для понимания процессов разработки теории проектного управления целесообразно выделить содержание определения рассматриваемого понятия.

Так в литературе начала современного столетия понятие «проектное управление» выступает синонимом понятия «управление проектами». Такого мнения придерживаются зарубежные ученые экономисты и исследователи К. Грей и Э. Ларсон [1], Г. Дитхелм [2], А. Товб и Г. Ципес [6], Г. Оберлендер [9]. Российские исследователи теории управления проектами обосновали практические рекомендации по проектному управлению, сформировав новый вид управленческой деятельности, направленный на реализацию идеи, которая программируема на результат. Так в работах И. И. Мазура, В. Д. Шапиро и Н. Г. Ольдерогте [5] представлена методология и инструментарий управления проектами [3], однако понятие «управление проектами» в данных исследованиях выступает скорее дисциплиной, руководством по области деятельности, к которой относятся проекты (строительные, инновационные, образовательные и др.).

В работах А. И. Ковалева и И. Курдюмова обосновываются этапы работы над проектом по созданию интернет-сайта, формируется последовательная организационная структура деятельности проектной команды от разработки бизнес-идеи до непрерывного улучшения и развития интернет-сайта [7]. Таким образом, в данной книге не только выделяется характеристика каждого уровня работы над проектом, но и формируются единая методология управления проектами в сфере информационных технологий, выдвигается идея и осознание улучшения корпоративных процессов, которая позволяет организации или коммерческой компании сохранять превосходство над конкурентами (бенчмаркинг). Также в своей работе авторы представляют этап разбора «типичных ошибок», полученных в ходе бенчмаркинга, позволяющий управленческой команде принять решение о том, что будет ли полученная информация использоваться при расширении единой методологии.

Изучая вопросы реализации проектов в уголовно-исполнительной системе, можно выделить системный подход, который позволяет формировать сферу проектного управления. Это возможность развития пенитенциарной системы согласно разработанной концепции развития УИС до 2020 года и новой Концепции – до 2030 года. Проектный метод решения проблем в уголовно-исполнительной системе выступает также в целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2026 годы)», в которой отражены основные этапы по решению проблемы обеспечения содержания подозреваемых и обвиняемых в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными стандартами⁴. При организации выполнения проектного решения необходимо до 2026 года обеспечить строительство 11 следственных изоляторов.

Другим значимым реализуемым проектом в пенитенциарной системе выступает проект строительства исправительно-уголовного учреждения смешенного типа. Результатом рассматриваемого проекта будет обеспечение нескольких видов наказания на территории одного исправительного учреждения. Однако идея такой реструктуризации в системе исправительного учреждения уже была достигнута для формирования на базе исправительных учреждений общего режима колоний-поселений или открытие исправительных центров, функционирующих как участки колоний [8]. Поэтому реализация проекта в уголовно-исполнительной системе предполагает формирование управленческой команды, которая будет добиваться решения сложной и социально-значимой проблемы, посредством концентрации ресурсов, усилий и средств, ограниченных в пространстве и времени.

Следовательно, ограниченность ресурсов и времени на решение проблемы, значительная социальная роль таких проектов является общим условием при реализации проектов в государственной системе и в УИС в том числе. По мнению А. В. Леонов примерами успешных проектов можно назвать национальные проекты, получившие свое развитие с использованием новейших инновационных технологий, увеличением качества выполнения работ и услуг, четкое взаимодействие различных государственных органов при решении приоритетных задач [4].

Таким образом, анализ существующих тенденций по решению проблем в уголовно-исполнительной системе с использованием проектного управления получают новые требования по выполнению заказов от учредителей Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства юстиции Российской Федерации.

Выделение проектного управления в последовательную реализацию государственных программ стало отличительной чертой нового вида проекта - проект в государственном управлении, в процессе которого достигается социальный результат. Поэтому выработка профессиональных умений и компетенций в сфере проектного управления руководителей уголовно-исполнительной системы позволит применять инструментарий поэтапного формирования команды проекта, овладение технологиями проектного управления, достижение социальных целей, контроль рисков в ходе работы над проектом и применения стратегического планирования как долгосрочной цели решения проблем в пенитенциарной системе.

Пристатейный библиографический список

1. Грей К. Ф., Ларсон Э. У. Управление проектами: Практическое руководство // Пер с англ. - М.: Издательство «Дело и Сервис», 2003. - 528 с.
2. Дитхелм Г. Управление проектами. - СПб.: Издательский дом «Бизнес-пресса», 2004. - 400 с.
3. Кравец Е. О., Вертиль Н. Н. Дефиниция понятий «управление проектами» и «проектное управление» // Вестник Института экономических исследований. - 2021. - № 3 (23). - С. 105-110. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/definiitsiya-ponyatiy-upravlenie-proektami-i-proektnoe-upravlenie> (дата обращения: 05.06.2023).
4. Леонов А. В. Организация проектного управления в органах государственной власти // Молодой ученый. - 2022. - № 14 (409). - С. 101-104. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/409/90028/> (дата обращения: 05.06.2023).
5. Мазур И. И., Шапиро В. Д., Ольдерогте Н. Г. Управление проектами. - М.: Омега-Л, 2007. - 664 с.
6. Товб А. С., Ципес Г. Л. Управление проектами: стандарты, методы, опыт. - М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. - 240 с.
7. Управление проектом по созданию интернет-сайта [Текст] / Авт.-сост. А. Ковалев; науч. ред. И. Курдюмов. - Москва: Альбина паблишер, 2001. - 337 с.
8. Уткин В. А., Киселёв М. В., Савушкин С. М. «Гибридные» и «Мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2018. - № 29. - С. 103-113. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-i-multirezhimnye-penitentsiarnye-uchrezhdeniya-preimuschestva-i-riski> (дата обращения: 05.06.2023).
9. Oberlender G. D. Project management for engineering and construction. 2nd ed. - New York: McGrawHill, 2011. - 368 с.

2 Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 г. № 1138 р: текст с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 29.05.2023.

3 Об организации планирования в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Приказ ФСИН России от 15.02.2019 г. № 116: текст с изменениями и дополнениями // неопубликованный акт.

4 Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2026 годы): федеральная целевая программа: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: G4WoeqJEeW89TYrAVtuDvoU6wFH32NQr.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

ДАЛЕЛОВ Мухадин Леонович

начальник экспертно-криминалистического центра МВД по Кабардино-Балкарской Республике,
полковник полиции

ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ И ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Целью данного исследования было изучение возможностей применения криминалистической фотографии и криминалистической видеозаписи в уголовном судопроизводстве. В настоящее время расследование преступлений невозможно без применения специальных технических средств. Данные средства фиксации предоставляют широкие возможности для более эффективной организации процесса расследования уголовного дела и его разбирательства в судебном порядке. Применение данной криминалистической техники предоставляет возможность получить достоверные доказательства по делу, обладающие особой информативностью, объективностью и точностью.

Актуальность исследования проблемы применения средств фото- и видеофиксации при расследовании преступлений продиктована тем, что использование средств фото и видеофиксации имеет свои отличительные особенности, которые следует иметь в виду всем сотрудникам органов внутренних дел, использующих их в повседневной деятельности и в особенности при расследовании преступлений, когда любое допустимое доказательство в дальнейшем может иметь значение в уголовном судопроизводстве.

Главным назначением криминалистической фотографии и видеозаписи является создание объектов, имеющих значение для раскрытия преступлений. Объект фотографии, не имеющий значения в ходе фото-фиксации, может позже стать доказательством в деле и фотографии позволят сохранить неизменным его первоначальное состояние.

В соответствии с современными нормативными правовыми актами, которыми руководствуется все уголовное судопроизводство, при фиксации всех этапов и самого результата следственных действий, а также оперативно-розыскной деятельности необходимо составление протоколов и другой документации. Здесь часто возникает проблема, связанная с невозможностью точно установить и отразить в протоколе все малейшие детали, которые в последующем могут оказать большое влияние на расследование.

Ключевые слова: фотография, видеозапись, доказательство, эксперт, специалист, уголовное судопроизводство.

DALELOV Mukhadin Leonovich

Head of the Forensic Center of the MIA of the Kabardino-Balkar Republic, colonel of police

THE IMPORTANCE OF FORENSIC PHOTOGRAPHY AND VIDEO RECORDING IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS

The purpose of this study was to study the possibilities of using forensic photography and forensic video recording in criminal proceedings. Currently, the investigation of crimes is impossible without the use of special technical means. These means of fixation provide ample opportunities for a more effective organization of the process of investigating a criminal case and its judicial proceedings. The use of this forensic technique provides an opportunity to obtain reliable evidence in the case, which has special informativeness, objectivity and accuracy.

The relevance of the study of the problem of the use of means of photo and video recording in the investigation of crimes is dictated by the fact that the use of means of photo and video recording has its own distinctive features, which should be borne in mind by all employees of the internal affairs bodies using them in their daily activities and especially in the investigation of crimes, when any admissible evidence in the future may be relevant in criminal proceedings.

The main purpose of forensic photography and video recording is to create objects that are important for the detection of crimes. The object of the photograph, which does not matter during the photo-fixation, can later become evidence in the case and the photos will allow to keep its original state unchanged.

In accordance with modern regulatory legal acts that guide all criminal proceedings, when recording all stages and the result of investigative actions, as well as operational investigative activities, it is necessary to draw up protocols and other documentation. Here there is often a problem associated with the inability to accurately establish and reflect in the protocol all the smallest details, which in the future may have a great impact on the investigation.

Keywords: photography, video recording, evidence, expert, specialist, criminal proceedings.

Далелов М. Л.

Применение криминалистических фотографий и видеозаписей регламентируется различными законными и подзаконными актами, устанавливающими основополагающие принципы и правила проведения фото- и видео-фиксации в

ходе уголовного процесса, а также критерии их допустимости для использования на судебном процессе.

Сотрудники органов внутренних дел не всегда обладают достаточными знаниями для эффективного использования

криминалистической фотографии и криминалистической видеозаписи, что вызывает необходимость исследования всех вопросов, связанных со спецификой тактики применения данных криминалистических средств и их правильном использовании при расследовании преступлений [2].

Рассмотрим основные положения производства криминалистической фотографии и видеозаписи при производстве следственных действий.

Фотографии считаются важным источником доказательств при расследовании преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс относит их к категории иных документов. Хотя в уголовно-процессуальном законодательстве термин «криминалистическая фотография» не имеет фактического закрепления, существует целая отрасль криминалистической техники, посвященная криминалистической фотографии и видеозаписи.

Криминалистическая фотография и видеозапись являются частью криминалистической техники, позволяющая с помощью средств фотосъемки собирать, исследовать, а также демонстрировать доказательства в ходе уголовного процесса.

Фотосъемка является наиболее популярной и менее затратной формой фиксации. Она обладает необходимой степенью точности и доступности. Она позволяет зафиксировать все малейшие детали с их полными признаками и в отличие от других видов фиксации передают также весь спектр цветовой гаммы объектов.

Благодаря совмещению цифровых технологий и компьютерных трехмерных технологий, стало возможным виртуальное перемещение на месте преступления, реконструкция места происшествия, трехмерное воссоздание места преступления и т.д.

Особое значение фото-фиксация приобретает в связи с наличием возможности запечатлеть место происшествия в первоначальном виде. Одновременно они выступают и в роли источника доказательств.

При расследовании преступлений возможность сохранения в неизменном виде и особенно наличие источника доказательств очень важно. С помощью фотографий является и дополнительная возможность опроса свидетелей и подозреваемых с предъявлением им полученных снимков. Главным назначением криминалистической фотографии является создание объектов, имеющих значение для раскрытия преступлений [5]. Объект фотографии, не имеющий значения в ходе фото-фиксации, может позже стать доказательством в деле и фотографии позволят сохранить неизменным его первоначальное состояние.

Криминалистическая видеозапись стала технически совершенной заменой криминалистической киносъемки. В данное понятие входит как сама видеоаппаратура, методы и приемы ее применения, так и применяемые при видеозаписи и воспроизведении демонстрационные устройства. Благодаря различным методам съемки становится возможным обнаружение невидимых глазу следов и символов, восстановить текст, выявить различные фальсификации и дописки [8], [9]. Добавляя к съемке звук и динамику, эксперты запечатлевают различные действия.

При помощи видеозаписи фиксируется ход, условия, участники и результаты мероприятий, фиксируются различные процессы, объекты, предметы.

В период своего появления фотографирование воспринималось лишь как своеобразное хобби, и сам снимок производился лишь для фиксации события без всякого творческого начала [3]. Фотографирование применялось только для информирования о каком-либо значимом общественном событии.

Со временем снимки стали иметь и художественное значение, так как с помощью фотографий теперь каждый фотограф пытался показать свой взгляд на мир, свое видение, вызывая у ценителей различный спектр эмоций. Появились и специальные ценители фотографии, которые оценивали не само событие на ней, а манера и личностное восприятие художника [4]. Фотография постепенно перешла в разряд искусства. Проводятся специальные выставки фотографий.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что фотография является способом восприятия действительности художником, его средством создания уникального образного мира. Фотографии считаются важным источником доказательств при расследовании преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс относит их к категории иных документов [7]. Хотя в уголовном законодательстве термин «криминалистическая фотография» не имеет фактического закрепления, существует целая отрасль криминалистической техники, посвященная криминалистической фотографии.

Криминалистическая фотография позволяет с помощью средств фотосъемки собирать, исследовать, а также демонстрировать доказательства в ходе уголовного процесса.

А. В. Гусев оценивает криминалистическую фотографию как самый эффективный способ фиксации места происшествия, следов преступления, орудия и самой картины происшествия [2].

Специалисты разделяют применение фото-фиксации в уголовном судопроизводстве на два отдельных жанра: криминалистическую фотографию, используемую в досудебном производстве и сами судебные снимки.

Существует разделение фото-фиксаций в уголовном судопроизводстве как следственная фотография и экспертная фотография [12]. Экспертная фотография включает в себя все материалы фото-фиксации, произведенные самими экспертами. В следственную фотографию включают все остальные произведенные фотоматериалы, относящиеся к уголовному судопроизводству.

Особые исследовательские фотографии производятся при помощи применения высокопрофессионального оборудования [6]. В маленьких населенных пунктах зачастую отсутствует такое оборудование и при расследовании преступлений применяются обычные следственные фотографии.

Полагаем, что одной из причин, из-за которых преступления остаются нераскрытыми, является использование не в полном объеме помощи лиц, обладающих специальными знаниями.

Специалистом высокого класса можно стать, постоянно оценивая и сопоставляя свои практические действия при

осмотрах мест происшествий с научными рекомендациями, выработанными криминалистикой за долгие годы изучения и обобщения практики расследования преступлений.

Благодаря криминалистической фотографии получена возможность совершенствовать фиксацию изображений. С появлением цифровых технологий, появилась и цифровая фотография. Она заключается в фиксации объектов с помощью электромагнитных процессов. В частности, с помощью применения компьютерной сферической панорамы происходит сочетание цифровых фотографий с трехмерными компьютерными технологиями.

При расследовании преступлений возможность сохранения в неизменном виде и особенно наличие источника доказательств очень важно. С помощью фотографий, появляется и дополнительная возможность опроса свидетелей и подозреваемых с предъявлением им полученных снимков.

Пристатейный библиографический список

- Волков Д. А., Лантух Э. В., Лаур А. В., Романова О. Л. Криминалистическая техника // Учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург, 2021.
- Гусев А. В. Криминалистическая техника как область специальных криминалистических знаний уголовного судопроизводства // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 213-217.
- Дементьева В. О. Использование фото- и видеофиксации для раскрытия преступлений // В сборнике: Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия. материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Всероссийского государственного университета юстиции. Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – 2020. – С. 141-144.
- Дерюгин Р. А., Файсханов И. Ф. К вопросу о криминалистическом исследовании видеозаписи в условиях развития цифровой криминалистики // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 56-61.
- Еремченко В. И. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. пособие. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – 86 с.
- Еремченко В. И. Сферическая видеофиксация как перспективное направление развития криминалистической видеозаписи // Общество и право. – 2020. – № 3. – С. 59-63.
- Игумнова А. С. Краткая история и современный уровень развития судебной фотографии в России // В сборнике: Эволюция российского права. Материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. – 2019. – С. 85-88.
- Калюжный А. Н. Уголовно-правовые, криминалистические и иные основания систематизации криминалистических методик расследования преступлений. // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2020. – № 1. – С. 274-280.
- Минайдаров С. М. Техничко-криминалистические средства и криминалистические учеты, используемые в ходе досудебного расследования // Вестник Барнаульского юридического института. – 2019. – № 2. – С. 12-14.
- Нестер И. С., Жаркевич И. Л. Криминалистическая запечатлевающая фотография как область специальных знаний // Судебная экспертиза Беларуси. – 2023. – № 1 (16). – С. 35-39.
- Пастухов П. С. Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности. // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 622-639.
- Шкурихина Н. В., Михалева Д. А. Основы криминалистики: учеб.-практ. пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. – 124 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Электронная библиотека КрУ МВД России, требуется авторизация: <http://libkrumvd.ru>.
- Шхагапсоев З. Л., Берова Д. М., Гаужаева В. А. Практикум по основам криминалистической техники: учеб.-метод. пособие. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. – 126 с.

ЖАБКИН Антон Сергеевич

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

БАРЫШНИКОВ Андрей Валерьевич

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ЯКОВЛЕВ Иван Матвеевич

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА ИСТРЕБОВАТЬ ОТ ОРГАНА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СВЕДЕНИЯ О ПОЛУЧЕННОЙ О НЕМ ИНФОРМАЦИИ: ПРЕДЕЛЫ И ОСНОВАНИЯ

В статье авторами рассматриваются правовые и практические аспекты ситуаций, когда в результате проведенных в отношении человека проверочных оперативно-розыскных мероприятий, его причастность к совершению преступления не установлена, ему стало об этом известно и он решил воспользоваться своим правом на предоставление сведений о полученной в его отношении информации. На основе анализа практических ситуаций и положений законодательства сделан вывод о границах предоставления запрашиваемых сведений в обозначенных ситуациях. Проведено соотношение положений закона о государственной тайне и закона об оперативно-розыскной деятельности в части касающейся прав граждан на ознакомление с результатами оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, права человека и гражданина, негласные оперативно-розыскные мероприятия, государственная тайна.

ZHABKIN Anton Sergeevich

Ph.D. in Law, lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

BARYSHNIKOV Andrey Valerjevich

senior lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

YAKOVLEV Ivan Matveevich

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE RIGHT OF A PERSON TO DEMAND FROM THE BODY CARRYING OUT OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES INFORMATION ABOUT THE INFORMATION RECEIVED ABOUT HIM: LIMITS AND GROUNDS

In the article, the authors consider the legal and practical aspects of situations when, as a result of verification operational search measures carried out against a person, his involvement in the commission of a crime has not been established, but he became aware of it and he decided to use his right to provide information about the information received in relation to him. Based on the analysis of practical situations and provisions of the legislation, a conclusion is made about the limits of providing the requested information in the designated situations. The correlation of the provisions of the law on state secrets and the law on operational search activities in terms of the rights of citizens to familiarize themselves with the results of operational search activities is carried out.

Keywords: operational investigative activities, human and civil rights, covert operational investigative measures, state secrets.

Оперативно-розыскная деятельность является особенным видом деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности. Одним из ключевых моментов, с одной стороны дающим преимущество перед другими формами борьбы с преступлениями, а с другой стороны – порождающим дополнительные сложности, выступает возможность осуществлять оперативно-розыскные мероприятия (далее по тексту – ОРМ) негласно. И конечно же, при проведении тайных проверочных мероприятий в отношении того или иного человека, тут же возникает вопрос о возможном нарушении при этом его прав и свобод. Особенно актуальным этот вопрос становится в случае, когда в результате таких, проведенных негласно оперативно-розыскных мероприятий, причастность проверяемого лица к преступлению не устанавливается и он, согласно действующему российскому законодательству, вправе требовать предоставить ему сведения, полученные в его отношении в результате оперативно-розыскной деятельности.

Российская Федерация является правовым государством и согласно Основному закону нашей страны, человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью [1]. Однако, перефразируя известное выражение Михаила Александровича Бакунина, здесь стоит отметить, что свобода принадлежит всем в одинаковой мере и не может быть абсолютна. Например, установленное в Конституции Российской Федерации право на тайну телефонных переговоров может быть ограничено в случаях, установленных законом. И такой случай прописан в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту – закон об оперативно-розыскной деятельности), согласно которому проведение оперативно-ро-

зыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека, может проводиться по судебному решению и при наличии информации о совершении преступления, по которому предварительное следствие обязательно, если на момент поступления данной информации в правоохранительные органы её недостаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [2].

Необходимость тайного осуществления ряда оперативно-розыскных мероприятий продиктована самой сущностью оперативно-розыскной деятельности. Не вызывает сомнений тот факт, что подавляющее большинство противоправных деяний совершается злоумышленниками скрытно. Между тем, у правоохранителей не всегда достаточно процессуальных инструментов для гласного проведения мероприятий по документированию и пресечению преступной деятельности таких лиц, особенно знакомых с методами работы органов предварительного расследования. В тот момент, когда преступникам становится известно о том, что в их отношении проводятся проверочные мероприятия со стороны правоохранительных органов, они не только прекращают преступную деятельность, но и предпринимают активные действия по уничтожению улик и противодействию работе сотрудников правоохранительной службы. Период скрытного проведения оперативно-розыскных мероприятий даёт оперативным подразделениям возможность задокументировать преступные действия злоумышленников и тем самым создать доказательственную базу, которая в последующем будет в установленном порядке предоставлена органам предварительного расследования и суду. Как уже было отмечено выше, такие меропри-

ятия проводятся по имеющейся информации о возможном причастии лица к совершению преступления и одновременной недостаточности таких сведений для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В противном случае, такое процессуальное решение должно быть принято незамедлительно и основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий уже должна являться не информация, а наличие возбужденного уголовного дела, как указано в законе об оперативно-розыскной деятельности. По этой причине, возникает ситуация, при которой в целях проверки лица на причастность к совершению преступления, уполномоченными оперативным подразделениями в его отношении проводятся оперативно-розыскные мероприятия. В том числе с ограничением его конституционных прав, согласно судебному решению. Однако в ряде случаев в результате проведенных проверочных мероприятий причастность лица к совершению преступления не представляется возможным доказать, то есть в возбуждении уголовного дел отказывается. Это может произойти вследствие отсутствия состава или же даже самого события преступления. Далее возможно два варианта развития событий.

При первом, все материалы, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности в отношении лиц, чья причастность к совершению преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся максимум один год и затем ликвидируются. Закон об оперативно-розыскной деятельности допускает хранение более одного года в исключительных случаях, без конкретизации. Следовательно, это остаётся на усмотрение самого органа, проводившего такие проверочные мероприятия. Также в законе указано, что фонограммы и иные выходные результаты проведенных прослушиваний телефонных переговоров в отношении таких лиц, подлежат документированному сожжению или уничтожению иным способом в пределах шестимесячного срока после окончания самого мероприятия. Это вариант, когда оперативно-розыскные мероприятия проведены тайно и каких-либо обращений об ознакомлении с их результатами от заинтересованных лиц не поступало.

Во втором случае, лицу, в отношении которого проводились эти самые негласные оперативно-розыскные мероприятия каким-то образом стало известно об их проведении и оно предполагает, что при этом были нарушены его права. В таких обстоятельствах закон предоставляет лицу право истребовать от органа, проводившего в его отношении проверочные мероприятия, сведения, полученные в их результате. Здесь ключевым моментом является официальное вынесение соответствующего решения по результатам проведенных проверочных мероприятий – отказ в возбуждении уголовного дела либо прекращение возбужденного уголовного дела в связи с отсутствием состава или события преступления. То есть, лицо по каким-то другим причинам посчитавшее, что возможно в его отношении проводились оперативно-розыскные мероприятия и обратившееся в правоохранительные органы о предоставлении ему сведений, не входит в круг рассматриваемых в рамках данной статьи правоотношений.

Часто встречающимся случаем в практике правоохранительных органов является проведение в отношении проверяемого лица негласных оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе проверочной деятельности с дальнейшим закреплением их результатов и изобличением злоумышленника в противоправной деятельности в ходе гласных ОРМ. Особенно наглядно эта ситуация выглядит на примере так называемых «выявленческих» составов, когда работа оперативных подразделений направлена на выявление преступления.

Здесь можно отметить неофициальное разделение всех обозначенных в законе об оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскных мероприятий на документирующие и изобличающие. По общему мнению авторов статьи, к первой группе относятся ОРМ, в ходе которых документируется противоправная деятельность злоумышленника, его преступные связи, однако непосредственной изобличающей силой выходные результаты данных проверочных мероприятий, как правило, не обладают. Это, например, может быть наблюдение или прослушивание телефонных переговоров. Именно такие мероприятия в основном проводятся негласно. Вторая группа оперативно-розыскных мероприятий проводится гласно и как правило заканчивается задержанием злоумышленника с поличным. В качестве примера, здесь можно обозначить проведение гласного обследования помещения.

Теперь, представим себе ситуацию, в которой в отношении проверяемого лица проведено ОРМ по обследованию принадлежащего или используемого им помещения, в результате чего каких-либо запрещенных в гражданском обороте предметов и веществ не обнаружено либо, например, массы изъятых наркотических веществ недостаточно для возбуждения уголовного дела за их незаконное хранение. По зарегистрированному материалу доследственной проверки будет вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Данное лицо, ознакомившись с постановлением о проведении обследования, делает выводы что в его отношении проводились и иные оперативно-розыскные мероприятия. На основании статьи 5 закона об оперативно-розыскной деятельности человек направляет письменное заявление в орган внутренних дел, являющийся инициатором проведения обследования, с требованием ознакомить его с результатами других ОРМ, проведенных ранее негласно. Предположим, в его отношении проводилось прослушивание телефонных переговоров. Значит ли это, что оперативное подразделение в этих обстоятельствах должно предоставить такому лицу результаты всех проведенных оперативно-розыскных мероприятий? Обратимся к законодательству.

Действительно, статья 5 закона об оперативно-розыскной деятельности содержит обязанность правоохранительных органов предоставлять таким лицам сведения, полученные в их отношении в результате проведенных негласных оперативно-розыскных мероприятий. В то же время, здесь содержится важная оговорка – в пределах, не допускающих разглашения государственной тайны и нарушения принципа конспирации.

В соответствии с частью 4 статьи 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», к государственной тайне в том числе относятся сведения в области оперативно-розыскной деятельности, а именно о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности [3].

Следовательно, сведения, полученные правоохранительными органами в ходе проведения негласных мероприятий, изначально подпадают под понятие конспиративных, так как проводятся они тайно. В дополнение к этому, они, а точнее методы проведения таких ОРМ, являются государственной тайной.

Таким образом, у лиц, виновность которых в совершении преступления в установленном законом порядке не доказана, действительно имеется право на обращение об ознакомлении проведенных в их отношении оперативно-розыскных мероприятий. Однако пределы предоставления им таких сведений ограничены требованиями сохранения государственной тайны и соблюдения одного из основных принципов осуществления оперативно-розыскной деятельности – конспирации. Данное ограничение коллективу авторов представляется полностью обоснованным, так как в противном случае существование самих понятий «государственная тайна» и «принцип конспирации» утрачивает всякий смысл. Для защиты законных интересов, прав и свобод человека и гражданина, в отношении которых проводились негласные оперативно-розыскные мероприятия и тем не менее их причастность к совершению преступления в установленном законом порядке не доказана, существует целый ряд иных гарантий. Например, запрет оперативным подразделениям разглашать сведения, ставшие им известными в ходе оперативно-розыскной деятельности третьим лицам, обязательное получение судебного разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих законные права человека и т.д.

Пристайный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2023).
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ) // Российская газета. 1995. 18 августа.
3. Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2023).

МИХАЙЛОВ Николай Викторович

старший преподаватель кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел ВИПК МВД России

ДИДОРЕНКО Николай Николаевич

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Уральского юридического института МВД России

ПАВЛОВ Даниил Викторович

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В статье авторами рассматриваются различные варианты классификации оперативно-розыскных мероприятий, позволяющие глубже вникать в смысл данных проверочных мероприятий и лучше понимать особенности их подготовки и проведения с точки зрения оперативных подразделений. Авторами также предлагается собственный вариант группировки оперативно-розыскных мероприятий на документирующие и изобличающие, который до настоящего времени не нашёл широкого отражения ни в учебниках по линии подготовки сотрудников оперативных подразделений, ни в научных изысканиях по данному направлению.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, классификация оперативно-розыскных мероприятий, документирование преступной деятельности, изобличающие оперативно-розыскные мероприятия.

MIKHAYLOV Nikolay Viktorovich

senior lecturer of Personnel support and personnel management in the internal affairs bodies sub-faculty of the Center for personnel, psychological, pedagogical and medical support of the activities of the internal affairs bodies of the VIPK of the MIA of Russia

DIDORENKO Nikolay Nikolaevich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

PAVLOV Daniil Viktorovich

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

In the article, the authors consider various variants of the classification of operational investigative measures, allowing to delve deeper into the meaning of these verification measures and better assimilate the features of their preparation and conduct from the point of view of operational units. The authors also propose their own version of grouping operational search activities into documenting and incriminating ones, which has not yet been widely reflected either in textbooks on the training of employees of operational units or in scientific research in this area.

Keywords: operational-search activities, operational-search activities, classification of operational-search activities, documentation of criminal activity, incriminating operational-search activities.

Классификация или, если выразиться иначе, разделение какой-либо совокупности на более мелкие группы по определенному свойству либо признаку, позволяет лучше понять саму природу и сущность этой совокупности. При разделении составных частей совокупности на мелкие общности происходит не только группировка по одному конкретному признаку, но и уяснение свойств, общих для всех элементов вместе. Данное положение в равной степени относится и к оперативно-розыскным мероприятиям (далее по тексту – ОРМ), исчерпывающий перечень которых приведён в статье 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту – закон об оперативно-розыскной деятельности) [1].

Между тем, в нормативно-правовых актах не приводится какая-либо классификация оперативно-розыскных мероприятий. Более того, нет даже нормативно закреплённого определения данного понятия. Исходя из определения самой оперативно-розыскной деятельности, приведённой в первой статье соответствующего закона, можно сформулировать следующую дефиницию: оперативно-розыскное мероприятие – это элемент оперативно-розыскной деятельности, представляющий собой непосредственное фактическое выражение данной деятельности через набор определенных действий, направленных на получение и фиксацию оперативно-значимой информации путём оформления согласно установленным правилам.

Как уже было отмечено выше, в законе об оперативно-розыскной деятельности обозначен список из пятнадцати видов оперативно-розыскных мероприятий и изменяться данный список может только в результате принятия соответствующего федерального закона. Последнее, на момент написания настоящей статьи, изменение в указанный перечень было внесено в 2016 году, когда в довольно устойчивый состав оперативно-розыскных мероприятий добавили новый вид – получение ком-

пьютерной информации. Рассмотрим какие же есть варианты дробления проверочных мероприятий, проводимых оперативными подразделениями.

В качестве первого признака можно выделить гласный и негласный характер проведения ОРМ. В первой статье закона об оперативно-розыскной деятельности отмечено, что это особый вид деятельности, которая может иметь как гласную, так и тайную процедуру осуществления. Возможность или даже можно сказать, необходимость, негласного проведения оперативно-розыскных мероприятий продиктована самой сущностью оперативно-розыскной деятельности. Во-первых, согласно законодательству, она осуществляется строго ограниченным кругом субъектов. В этот круг входят органы внутренних дел, государственной безопасности, государственной охраны, исполнения наказаний, внешней разведки и таможенные органы. В каждой из перечисленных видов служб создаются оперативные подразделения, уполномоченные проводить оперативно-розыскные мероприятия, с присвоением сотрудникам соответствующего уровня допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Во-вторых, данные мероприятия проводятся тогда, когда в имеющейся в распоряжении оперативных подразделений информации присутствуют сведения о возможном готовящемся, совершенном или совершаемом преступлении, однако их недостаточно для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела либо опровергнуть их путём вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела. И в-третьих, преступные деяния в какой бы то ни было сфере – общеуголовной, экономической, военной, экологической и т.д., осуществляются в основном тайно, особенно в стадии подготовки к совершению и в случае совершения групповых преступлений, представляющих наибольшую общественную опасность.

Разделение по свойству тайны проведения подразумевает группировку оперативно-розыскных мероприятий в два блока, так как некоторые из них могут реализовываться только негласно в силу специфики осуществления. Другие могут проводиться как гласно, так и тайно для третьих лиц. В первый блок, осуществляемых только негласно, относятся - контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; контролируемая поставка; оперативное внедрение; получение компьютерной информации. Здесь необходимо отметить, что тайный характер проведения подразумевает в первую очередь неизвестность осуществления для сведения проверяемых лиц, так как к самой процедуре подготовки и проведения возможно, а иногда и требуется в обязательном порядке, привлечение третьих лиц. Например, незаинтересованных лиц. Во второй блок, включающий оперативно-розыскные мероприятия, осуществление которых может быть как гласным, так и негласным, можно отнести опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений и оперативный эксперимент.

Оперативно-розыскная деятельность – это единственный вид правоохранительной деятельности, который может проводиться негласно, что в свою очередь вовсе не означает проведение оперативно-розыскных мероприятий в обход законодательства. Наоборот, при подготовке и проведении таких мероприятий существует целый ряд законодательно установленных рамок и ограничений, благодаря которым обеспечивается один из основных принципов оперативно-розыскной деятельности – законность. С одной стороны, за проведением всех без исключения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе негласных, осуществляется ведомственный контроль, путём либо утверждения постановлений об их проведении, либо согласования ходатайств об их проведении, иницилируемых оперативными подразделениями. С другой – судебный, когда проведение оперативно-розыскных мероприятий затрагивает законные права и интересы человека, например, закреплённые в Конституции Российской Федерации [2]. И так мы подошли ко второму основанию для классификации оперативно-розыскных мероприятий – по принципу санкционирования проведения.

По данному основанию можно выделить уже три блока – ОРМ, проводимые без какого-либо санкционирования по инициативе и усмотрению только самого оперативного работника; проводимые на основании постановления, утверждённого уполномоченным руководителем органа осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и третья группа включает в себя оперативно-розыскные мероприятия, для осуществления которых необходимо получение судебного разрешения. Распределение самих ОРМ по этим трём группам происходит исходя из их природы – от самых простых к сложным. Вполне логично, что законодатель закрепил в нормативно-правовых актах необходимость получения санкционирования именно на проведение тех оперативно-розыскных мероприятий, которые своей процедурой ограничивают какие-либо установленные законом права граждан. Также следует отметить, что одни и те же оперативно-розыскные мероприятия могут входить в разные блоки.

Не перечисляя заново все пятнадцать видов оперативно-розыскных мероприятий, остановимся здесь только на тех из них, которые имеют двойственную природу санкционирования. Итак, в зависимости от тактических условий и преследуемых целей оперативно-розыскной деятельности разную процедуру санкционирования имеют следующие ОРМ.

Наведение справок – без какого-либо санкционирования в основной своей совокупности и лишь в случае запрашивания сведений, затрагивающих законные права человека, проводится строго на основе судебного разрешения. Например, при наведении справок о движении денежных средств по банковским счетам либо при получении нотариальных сведений о тайне усыновления.

Исследование предметов и документов – необходимо получение судебного разрешения в случае, когда исследуемый объект содержит сведения, отнесенные к сфере охраняемых законом прав и интересов. Например, исследование документов, содержащих коммерческую тайну. Либо исследование изъятого мобильного телефона проверяемого лица, когда он не давал своего согласия на данную процедуру. Последнее представляет

ся наиболее актуальным в настоящий момент, так как сотовые телефоны уже давно заняли значимое место в жизнедеятельности современного человека и олицетворяют собой кладёзь всевозможной информации в отношении своего хозяина и его связей, в том числе составляющих тайну переписки, частной жизни и т.д.

Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – требует наличия разрешительного документа суда в случаях обследования жилых помещений, так как это автоматически затрагивает соответствующее конституционное право человека.

Получение компьютерной информации – как становится понятным из самого названия данного оперативно-розыскного мероприятия, опосредованное изъятие или копирование информации, содержащей охраняемую законом тайну, из удаленного компьютера или иного связанного с ним хранилища может быть законным лишь в том случае, если оно осуществлено на основании соответствующего судебного решения.

В качестве нового вида классификации, не предусмотренного спецификой проведения либо уровнем санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, но логически напрашивающейся, исходя из возможной конечной цели проведения, предлагается разделить их на документирующие и изобличающие.

Документирование преступной деятельности в рамках настоящей статьи рассматривается как процесс закрепления на физических носителях информации, представляющей оперативный интерес, с целью их возможного использования в последующем в качестве оснований для возбуждения уголовного дела и (или) доказательства в ходе расследования уголовного дела. Большая часть оперативно-розыскных мероприятий как раз относится к группе документирующих, в ходе которых добывается и оформляется соответствующим образом информация, представляющая оперативный интерес, однако сами по себе результаты данных мероприятий отдельно не могут быть использованы в качестве изобличающих либо же их отдельное использование имеет слабую судебную перспективу.

Вторая группа включает в себя три основных изобличающих ОРМ, направленных на задержание преступника с полицием или хотя бы негласную фиксацию самого события преступления – это проверочная закупка, оперативный эксперимент и обследование помещений. Эта группа оперативно-розыскных мероприятий может подготавливаться и даже начинаться тайно, но только от самого злоумышленника – уже на этапе подготовки по некоторым из них участвуют незаинтересованные лица. Например, проверочная закупка или оперативный эксперимент. Иные же, требуют составления официальных разрешающих документов с участием третьих лиц – например, проведение гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» с проникновением в жилище. Эти мероприятия уже направлены непосредственно не только на документирование преступной деятельности, но и на активное изобличение злоумышленника в преступной деятельности.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что классификация оперативно-розыскных мероприятий позволяет глубже проникнуть в смысл их природы и уже исходя из этого не только правильно подходить к процессу подготовки и осуществления отдельных ОРМ, но и грамотно планировать их комплексное использование во взаимосвязи друг с другом для более эффективного применения в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Приставейный библиографический список

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ) // Российская газета. - 1995. - 18 августа.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).

ПОЗИЙ Виктория Станиславовна

кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТАТЬЕ 186 УК РФ

В статье исследуются особенности расследования преступлений по ст. 186 УК РФ. Обращено внимание на производство следственного осмотра поддельных денежных знаков и ценных бумаг, компьютерной техники и пр., допросов лиц, причастных к совершению преступлений, назначение и производство судебных экспертиз. Преступления в сфере незаконного оборота ценных бумаг обладают высокой степенью общественной опасности, поскольку негативно сказываются на экономической сфере. Число ценных бумаг постоянно увеличивается, несмотря на то что российский рынок ценных бумаг менее масштабен по сравнению с рядом других государств. Данный экономический инструмент финансового рынка приобретает все большее значение, поэтому любые преступные посягательства на данную сферу подрывают финансовую стабильность государства. К таким преступлениям относятся и деяния, указанные в ст. 186 УК РФ.

Ключевые слова: поддельный денежный знак, ценная бумага, следственный осмотр, допрос, назначение и производство экспертиз, компьютерная техника.

POZIY Viktoriya Stanislavovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON SOME FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 186 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the features of the investigation of crimes under Art. 186 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the production of an investigative inspection of counterfeit banknotes and securities, computer equipment, etc., interrogations of persons involved in the commission of crimes, the appointment and production of forensic examinations. Crimes in the field of illegal circulation of securities have a high degree of public danger, since they negatively affect the economic sphere. The number of securities is constantly increasing, despite the fact that the Russian securities market is smaller in comparison with a number of other countries. This economic instrument of the financial market is becoming increasingly important, so any criminal encroachment on this area undermines the financial stability of the state. Such crimes include the acts specified in Art. 186 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: counterfeit banknote, security, investigative examination, interrogation, appointment and production of examinations, computer equipment.

Позий В. С.

Преступления в сфере незаконного оборота ценных бумаг обладают высокой степенью общественной опасности, поскольку негативно сказываются на экономической сфере государства. Расследование преступлений по ст. 186 УК РФ «изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» относится к подследственности следственных подразделений МВД России. О распространенности данного вида преступлений свидетельствуют статистические данные. Так, по ст. 186 УК РФ в 2017 году осуждено 532 лица, в 2018 году – 481, в 2019 году – 532, в 2020 году – 549, в 2021 году – 844, в 2022 – 685 [1]. Тем не менее, в I квартале 2022 года в банковской системе Российской Федерации был обнаружен 8131 поддельный денежный знак Банка России, что на 17,3 % меньше, чем за аналогичный период 2021 года (9831). В I квартале 2023 года в банковской системе Российской Федерации было обнаружено 3018 поддельных денежных знаков Банка России, что на 62,9 % меньше, чем за аналогичный период 2022 года (8131) [2]. Снижение активности фальшивомонетчиков можно связать, как минимум, с двумя фактами. Первый – активная профилактическая деятельность

правоохранительных органов в последние два года. Второй – увеличение расчетов в безналичной форме. Однако, преступники по-прежнему активно используют данную сферу в своих действиях (подделка полиграфической продукции с целью извлечения прибыли). Так, в частности, следственными подразделениями МВД по Республике Крым в 2021 году было направлено в суд 9 уголовных дел по 38 преступлениям, предусмотренных ч. 1 ст. 186 УК РФ; в 2022 году – 20 уголовных дел по 63 преступлениям.

Развитие компьютерных технологий позволило преступным сообществам активно использовать их для реализации своих преступных замыслов. Ценные бумаги существуют в документарной и бездокументарной формах. Так, различные преступные манипуляции с ценными бумагами в бездокументарной форме все больше имеют место в настоящее время. Однако, значительная часть правоприменителей, которые занимаются противодействием незаконному обороту преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, в том числе и преступлениям, предусмотренным ст. 186 УК РФ, недостаточно владеет информацией о способах

криминального применения информационных технологий для сокрытия следов преступной деятельности. Сложность установления личности преступника связана с конспирацией, осуществить которую позволяют современные компьютерные технологии.

Для привлечения к уголовной ответственности виновного лица необходимо провести расследование, собрать доказательственную базу. Все это актуализирует необходимость изучения криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида, необходимость использования специальных знаний для получения доказательств.

В настоящее время изменилась криминологическая характеристика сбытчиков поддельных денежных купюр. Ими, как правило, выступают не выходцы из стран Средней Азии и Кавказа (такая тенденция наблюдалась в 2000-2010-е годы), а граждане Российской Федерации в возрасте до 30 лет, так как именно они имеют необходимые знания в сфере компьютерной информации и являются уверенными пользователями современных электронных устройств и платформ на базе сети «Интернет» [3, с. 19]. В настоящее время сбытчики уже меньше рискуют, перевозят поддельные денежные знаки, так как делаются тайники-закладки, а информация о них с целью распространения передается с использованием интернет-ресурсов.

При расследовании подобных уголовных дел следователи уделяют повышенное внимание непосредственно выявленным фактам сбыта поддельных денежных знаков. При этом часто отсутствуют данные об изобличении лиц, сбывших поддельные денежные знаки фигуранту через сеть «Интернет» или иным способом.

Комплекс следственных действий, производимых при расследовании преступлений в сфере оборота и выпуска ценных бумаг на первоначальном этапе расследования достаточно широкий и зависит от обстоятельств расследуемого преступления. Алгоритм следственных действий в рассматриваемых ситуациях достаточно схожий – производятся осмотр места происшествия, допросы лиц, обнаруживших поддельные денежные знаки. Осмотр места происшествия сводится к изучению следов изготовления либо сбыта поддельных ценных бумаг, участка местности либо помещения, где фальшивомонетчиком осуществлялось преступное деяние, осмотру компьютерной техники.

Расследуя факт преступной деятельности, следователи редко подробно выясняют обстоятельства приобретения поддельных денежных знаков, отражая эти сведения в протоколах допроса фигурантов, а также подтверждая данные показания протоколами осмотра компьютерной техники, в частности, учетных записей на вебсайте «Гидра» и заключениями компьютернотехнических экспертиз. Обычно ограничиваются тем, что направляют поручения в орган дознания об установлении лиц, совершивших преступление. Большая роль в установлении лиц, приобретавших поддельные денежные знаки, отводится оперативно-розыскным подразделениям.

Допросы по уголовным делам о преступлениях, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг позволяют получить важную информацию о личности преступника, о его приметах; информацию о поведении лица, которому было сообщено о том, что оно расплачивается поддельным денежным

знаком и решить вопрос о его причастности либо непричастности к совершению преступления. в ходе подготовки к допросу необходимо изучать личность допрашиваемого, его близких и знакомых, в подготовке и формулировании вопросов, которые необходимо выяснить у допрашиваемого. Также в стадии подготовки определяются технические средства, необходимые для производства допроса, выбирается место и время проведения данного следственного действия.

Поскольку рассматриваемое преступление достаточно специфично, следователю перед допросом необходимо изучить ряд специальных вопросов, ознакомиться с необходимой терминологией, технологическими процессами и компонентами, применяемыми при том или ином способе печати. Для этого следователем может использоваться консультационная помощь специалиста в области технологии изготовления ценных бумаг, изучаться специальная литература. Привлекать специалиста к участию в производстве допроса считают необходимым 41 % опрошенных следователей.

Проблема в установлении лиц, изготавливающих поддельные денежные знаки, заключается и в недостаточном внимании финансовым потокам, которые ведут к ним. Оплата за поддельные денежные знаки часто осуществляется путем перечисления электронных денежных средств в платежной системе «Киви» или криптовалюты «биткоин» на кошелек магазина [3, с. 21].

Первоначальным следственным действием является следственный осмотр, который позволяет решить ряд важнейших задач, среди которых можно выделить следующие: изучение обстановки изготовления либо сбыта поддельных денежных знаков; понимание, каким образом действовал преступник; обнаружение и изъятие следов изготовления либо сбыта; установление возможных источников получения доказательств. Однако, недостатком следственной практики, как показывают различные исследования и проведенное анкетирование следователей следственных подразделений МВД по Республике Крым, является то, что производство осмотра места происшествия часто проводится без привлечения специалиста. Например, производство следственного осмотра с использованием компьютера с выходом в сеть «Интернет». Необходимо установить адрес криптокошелька сбытчика (или магазина) или хэш транзакции. Важное значение имеет осмотр учетной записи на вебсайте «Гидра», где необходимо установить учетную запись покупателя, магазина или курьера.

Иногда целесообразен осмотр транспортного средства, на котором передвигался подозреваемый, поскольку выдвигается версия о том, что в нем также могут находиться поддельные денежные знаки. Также необходимо производство личного обыска задержанного, осмотра изъятых. Осмотр производится и самих денежных знаков, которые были изъяты.

Практика свидетельствует о том, что для изготовления поддельных денежных знаков или ценных бумаг преступник, как правило, используют жилые или служебные помещения, в особенности, когда изготовление происходит с помощью многофункциональных устройств. В том случае, когда изготовление поддельных денежных знаков осуществляется с помощью полиграфических станков, издающих громкий шум во время работы, местом преступления выступают про-

изводственные постройки, подвалы частных домов. Что касается места сбыта, то в качестве такового обычно выступают общественные места – предприятия торговли либо сферы услуг (когда речь идет о денежных средствах), сбыт поддельных ценных бумаг может осуществляться в различных местах, например, в кафе, ресторанах, где осуществляется сделка.

На месте изготовления поддельных ценных бумаг особое внимание должно уделяться оборудованию для изготовления и компьютерной технике. Очень важно привлекать к производству данного следственного действия специалиста в сфере компьютерной техники, который и должен непосредственно осуществлять осмотр компьютерной техники, следить, чтобы никто из лиц, находящихся на месте происшествия, не включал и не выключал компьютер. При расследовании данных преступлений следует учитывать, что жесткий диск, который находится в системном блоке компьютера, хранит в себе важную доказательственную информацию, в связи с чем важнейшей задачей является предотвращение несанкционированного изъятия такой информации и попыток ее уничтожения [4, с. 137]. Привлечение к осмотру места происшествия специалиста позволяет избежать умышленного уничтожения информации, предотвратить неосторожное уничтожение следов в результате непрофессионального обращения с программно-аппаратными средствами. Участие специалиста в осмотре позволяет более грамотно составлять протокол осмотра места происшествия, фиксируя в нем место нахождения компьютера, его периферийных устройств.

Если компьютер включен на момент осмотра, необходимо указать, какие программы работают на нем на момент производства данного следственного действия. При наличии возможности и отсутствии угроз в таком случае уничтожения информации рекомендуется скопировать с компьютера требуемую информацию. В некоторых случаях своевременно произведенное копирование компьютерной информации позволяет сохранить необходимые доказательства.

При осмотре места сбыта поддельных ценных бумаг производится описание обстановки на месте в целом, при этом в обязательном порядке необходимо указать, имеется ли в данном месте видеозапись, а также приборы проверки подлинности ценных бумаг. Подлежит описанию в протоколе осмотра места происшествия и обнаруженный поддельный денежный знак. При этом отметим, что, как правило, подробное описание обычно выполняется в ходе отдельного следственного действия – осмотра предметов или документов, однако, в ходе осмотра места происшествия также необходимо указывать основные признаки обнаруженного объекта. Для этого целесообразно привлекать специалиста. На необходимость его участия в осмотре указали 88 % опрошенных следователей.

При подготовке и назначении судебных экспертиз также допускаются ошибки. Этого можно избежать при должном взаимодействии лиц, производящих расследование, и экспертов. Так, следователь (дознатель) при назначении судебных экспертиз должен согласовывать с экспертом постановку вопросов, а также обсуждать с ним полноту и достаточность предоставляемых на исследование объектов.

Кроме установления способа изготовления, признаков подделки денежных знаков или ценных бумаг, иногда необходимо использовать специальные познания из других сфер. Например, обнаружение следов рук, объектов биоло-

гического происхождения позволит в рамках комплексной экспертизы более полно и объективно зафиксировать следы преступления.

Таким образом, следует отметить, что современный уровень конспирации участников нелегального бизнеса по изготовлению, хранению, перевозке или сбыту поддельных денег или ценных бумаг находится на достаточно высоком уровне. Эта ситуация во многом связана с современными информационными технологиями, что требует принятия решительных мер со стороны правоохранительных органов по противодействию преступным деяниям.

Пристатейный библиографический список

1. Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn---7sbqk8achja.xn---p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/1q_2023/ (дата обращения 16.06.2023).
3. Поздышев Р. С., Долгачева О. И., Саакян А. Г., Черкунова Т. В. Особенности расследования преступлений, связанных со сбытом поддельных денежных купюр через интернетресурсы. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – 68 с.
4. Асатрян Х. А. Проблемы, возникающие при следственном осмотре по делам о фальшивомонетничестве, и пути их преодоления // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2008. – № 1. – С. 135-141.

ДАЛЕЛОВ Мухадин Леонович

начальник экспертно-криминалистического центра МВД по Кабардино-Балкарской Республике,
полковник полиции

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Целью данного исследования является изучение проблемных вопросов перехода криминалистического исследования в цифровое пространство. Как только преступники научились использовать электронные устройства, цифровую информацию в своих нелегальных целях, предметом криминалистических исследований сразу стали цифровые технологии. Важно точно понимать вид и специфику той информации, которая подлежит рассмотрению. Это обеспечивает единый подход, снижает возможное количество ошибок, допускаемое правоохранителями при оценке и расследовании преступления. Также важно, чтобы правоохранители умели правильно обращаться с электронными устройствами, правильно изымать и хранить их, использовать информацию, носителями которой они являются. Установлено, что «электронная» и «цифровая» информация обладают целым комплексом характеристик, которые позволяют определить, что это такое, раскрыв специфику этих понятий. К ним относится не только способ использования, но и передачи, а также хранения информации, «язык» записи. Совокупность этих свойств и становится оптимальным решением для применения правоохранными органами этого понятия на практике. Возможно существование информации и на тех носителях, запись на которые происходит по принципам физики, к ним относят оптический, магнитный. Но особенность такой информации в том, что люди могут передавать ее друг другу, только применяя эти специальные носители. Сделан вывод о том, что цифровая (электронная) информация определяется как зафиксированные любым способом данные, которые можно транслировать исключительно при помощи специальных устройств. Трансляция такой информации возможна посредством цифрового кода, электромагнитных волн. Она может обрабатываться вручную или автоматически при помощи специальных технических средств и программ. Информация может передаваться между устройствами как в полном объеме, так и частично, распределяться между ними.

Ключевые слова: криминалистика, цифровые технологии, преступления в киберпространстве, цифровая информация, электронная информация, машинная информация.

DALELOV Mukhadin Leonovich

Head of the Forensic Center of the MIA of the Kabardino-Balkar Republic, colonel of police

DIGITAL TRANSFORMATION OF FORENSICS

The purpose of this study is to study the problematic issues of the transition of forensic research into the digital space. As soon as criminals learned to use electronic devices, digital information for their illegal purposes, digital technologies immediately became the subject of forensic research. It is important to accurately understand the type and specifics of the information to be considered. This ensures a unified approach, reduces the possible number of mistakes made by law enforcement officers when assessing and investigating a crime. It is also important that law enforcement officers know how to properly handle electronic devices, properly seize and store them, and use the information they carry. It is established that "electronic" and "digital" information have a whole set of characteristics that allow us to determine what it is, revealing the specifics of these concepts. These include not only the method of use, but also the transmission and storage of information, the "language" of the record. The combination of these properties becomes the optimal solution for the application of this concept by law enforcement agencies in practice. The existence of information is also possible on those media that are recorded according to the principles of physics, they include optical, magnetic. But the peculiarity of such information is that people can transmit it to each other only by using these special carriers. It is concluded that digital (electronic) information is defined as data recorded in any way that can be transmitted exclusively using special devices. The transmission of such information is possible by means of a digital code, electromagnetic waves. It can be processed manually or automatically with the help of special technical means and programs. Information can be transmitted between devices both in full and in part, distributed between them.

Key words: criminalistics, digital technologies, crimes in cyberspace, digital information, electronic information, machine information.

Криминалистика – направление не новое, однако оно постоянно развивается, следуя по пятам за развитием преступности. С появлением новых видов преступлений стали появляться и новые направления в криминалистике, например, цифровая. Мы более подробно рассмотрим, что это такое и какой именно смысл исследователи вкладывают в этот термин. Существует целая теория «Электронной цифровой криминалистики», в которой в качестве объекта выступают общественные отношения, связанные с использованием цифровых устройств, сбором информации в электронном виде.

Развитие и изменение криминалистики неразрывно связано с эволюцией преступности. Поэтому, как только преступники научились использовать электронные устройства, цифровую информацию в своих нелегальных целях, предметом криминалистических исследований сразу стали цифровые технологии. Стала проводиться оценка электронной информации, проводятся прочие исследования, которые помогли бы выявить преступника. Важно точно понимать вид и специфику той информации, которая подлежит рассмотрению. Это обеспечивает единый подход, снижает возможное количество ошибок, допускаемое правоохранителями.

Далелов М. Л.

ми при оценке и расследовании преступления. Также важно, чтобы правоохранители умели правильно обращаться с электронными устройствами, правильно изымать и хранить их, использовать информацию, носителями которой они являются [3], [4], [5], [6], [9].

Современные информационные наработки могут помочь криминалистике более точно и значимо устанавливать факты, которые будут необходимы при расследовании преступлений. Актуально также создание единого информационного пространства. В первую очередь следует понять, что является сущностью понятия электронной цифровой информации. В законах Российской Федерации и многих международных правовых актов такого понятия нет, но есть схожее – «компьютерная информация». Компьютер в данном понимании – не просто устройство, способное работать с электронной информацией, а средство определения сущности этого типа информации. Можно понимать это слово как в широком, так и в узком смысле:

– В широком – это вычислительная техника, которая используется для совершения последовательных операций, выполняемых в автоматическом режиме. Принцип действия механических машин может быть разным, например, квантовым, электронным и т.д.

– В узком смысле это устройство для хранения определенного типа информации.

В современном мире компьютер – не единственное устройство, способное работать с цифровой информацией. В данном контексте это любая информация, с которой может работать не только компьютер, но и смартфон, другие вычислительные устройства, даже бытовая техника и флешки. Однако SD-карты не работают с информацией напрямую, так как не имеют таких функций, зато могут являться ее хранителями.

Если возвести компьютерный источник в абсолют, тогда к этому виду информации могут относиться и программные коды, и бумажные источники, которые содержат текстовую распечатку исходного кода программы, и иные материалы подобного характера. Это ошибочное понимание компьютерной информации, так как эти объекты имеют физическую сущность. Таким образом, мы должны заострить внимание на том, что именно является источником информации и в какой форме она существует.

«Машинная информация» – это тоже достаточно расплывчатое определение. Оно также не отражает интересующей нас специфики этого вида информации. Например, можно рассмотреть то, каким способом осуществляется запись, этот метод некоторые ученые включили в характеристику электронной информации, однако он не слишком удобен и требует проведения экспертизы для определения типа информации. Также стоит учесть тот момент, что информация не всегда цифровая, при этом может быть электронной. Например, существуют квантовые и аналоговые компьютеры. Квантовые модели пользуются не аналоговым сигналом, а принципом квантовой суперпозиции.

Современные ПК кодируют информацию при помощи цифрного сочетания. Это дуальная последовательность цифр. Именно из-за этого информацию такого характера стали называть цифровой. Она доступна для использования, хранения и распространения при помощи цифровых устройств. Важно содержание информации и то, как она передается, а не то, посредством какой технологии она была создана. Основная суть в том, что у этой информации нет физического выражения, как, например, у распечатанного

документа. При этом цифровая информация может существовать за пределами цифровых устройств. Например, она может передаваться при помощи носителя, программного кода, шрифта на бумажном листе [1], [2], [8].

«Электронная» и «цифровая» информация обладают целым комплексом характеристик, которые позволяют определить, что это такое, раскрыв специфику этих понятий. К ним относится не только способ использования, но и передачи, а также хранения информации, «язык» записи. Совокупность этих свойств и становится оптимальным решением для применения правоохранительными органами этого понятия на практике. Возможно существование информации и на тех носителях, запись на которые происходит по принципам физики, к ним относят оптический, магнитный. Но особенность такой информации в том, что люди могут передавать ее друг другу, только применяя эти специальные носители. В качестве основной характеристики выступает определение «электронный»: это говорит о том, каким образом осуществляется запись данных, их чтение и удаление. Происходит некое движение электронов, электромагнитных волн, только после этого участвуют разнообразные устройства, которые могут с этими данными взаимодействовать. Но стоит помнить о том, что цифровая и электронная информация – это не одно и то же, и они могут существовать вне зависимости друг от друга. Не стоит углубляться в способы работы и особенности устройства компьютеров, иначе это потребует проведения отдельных масштабных исследований. В данном же материале это большой роли не играет. Мы будем рассматривать актуальные, широко распространенные устройства, такие как планшеты, смартфоны, ПК и ноутбуки, которые есть в каждом офисе и практически у каждого гражданина.

В данном случае места, где существует информация, называют следующим образом: электромагнитный сигнал, передача от одного устройства к другому, машинная среда, радиоэлектронная информационная сфера, вычислительная (электронно-вычислительная, компьютерная) среда, компьютерное пространство, киберпространство. Также стоит обратить внимание на то, что цифровая информация может существовать вне считывающих устройств и передаваться людьми друг другу при помощи хранения данных, например, на флеш-картах [4].

Способы передачи информации: криминалистическое исследование. Интернет может передавать информацию проводным путем или беспроводным, но для этого используются радиоволны. Существуют разные типы подключения: ADSL, DOCSIS, FTTB, PON, однако они отличаются в основном типом кабеля и используемом протоколом шифрования. Таким образом, можно сделать вывод о том, что информация может существовать в некоей особой искусственно созданной среде, однако это также может стать отдельными исследованием, поэтому в рамках данного мы заостряем внимание на этом не будем.

Например, первый пользователь, загрузивший информацию в киберсреду, мог иметь ее полный объем, другие пользователи при этом имеют выбор скачивать интересующую информацию целиком или частично, поэтому они уже могут обладать не полной копией, а фрагментами. Отследить при этом процесс скачивания файла не всегда возможно, тем более был он прерван или загружен выборочно. Первичный пользователь при этом может удалить информацию на своих носителях, но она все равно продолжит свое существование в киберпространстве, и ее копии будут существовать в

скаченном виде вне зависимости от того, сохранился первоисточник или нет [6], [8].

При этом отдельные элементы все равно будут нести информационную нагрузку, даже если не будут уже соприкасаться с полным файлом. При этом совокупность частей может давать более полную и глубокую картину, которую составляла информация. Между подходами понимания, что такое цифровая информация, прослеживается заметная разница, однако большинство авторов придерживается того мнения, что обязательна опосредованность информации на физическом носителе. Им можно считать не только карту памяти, но и радиосигнал, электромагнитные волны и т.д. Информация может иметь определенного собственника, порядок создания, передачи обработки и удаления. Но не всю информацию создает непосредственно человек. Электронные устройства могут что-то генерировать самостоятельно, все зависит от того, какими программами пользуется человек, что в эти программы заложено. Они могут устанавливаться на заводе или же самом пользователем. Информация будет генерироваться автоматически, без участия собственника устройства.

Восприятие информации машиной разумнее назвать термином «машинная обработка», так как органами чувств электроника не обладает, и термин «восприятие» больше свойствен живым существам. В настоящее время создано достаточно много программ, способных самостоятельно воспринимать и сортировать информацию. Они работают с аналоговым сигналом, могут синтезировать речь, текст, изображение. Автоматическая обработка информации характерна для таких служб как поиск, удаление, идентификация [5], [7].

Выводы. Исходя из сказанного выше, цифровая (электронная) информация определяется как зафиксированные любым способом данные, которые можно транслировать исключительно при помощи специальных устройств. Трансляция такой информации возможна посредством цифрового кода, электромагнитных волн. Она может обрабатываться вручную или автоматически при помощи специальных технических средств и программ. Информация может передаваться между устройствами как в полном объеме, так и частично, распределяться между ними. Предлагаемый подход позволяет не только определять объект информационно-технологических разработок, но и учитывать специфику того объекта, которая подлежит теоретическому исследованию. Это позволяет сделать его более универсальным и понятным для понимания, унифицировать следственно-судебную практику, исключить из нее допускаемые правоохранительными органами ошибки, устранить разночтения, создать единый для понимания вопроса подход.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев А. С. Криминалистика в условиях развития цифровых технологий // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2020. – № 2. – С. 456-461.
2. Брусенцева В. А. Современные подходы и перспективы использования цифровых технологий в криминалистике // В сборнике: Цифровые трансформации в развитии экономики и общества. материалы XV Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2021. – С. 439-443.

3. Дяблова Ю. Л. Цифровая криминалистика – будущее науки или тренд современности? // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 85-93.
4. Смушкин А. Б. Цифровая трансформация криминалистики. Часть I (цифровая трансформация общей теории криминалистики и криминалистической техники) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 6 (149). – С. 250-256.
5. Смушкин А. Б. Цифровая трансформация криминалистики. Часть 2 (цифровая трансформация организации расследования преступлений, криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2 (151). – С. 272-278.
6. Смушкин А. Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. № 1. – С. 90-107.
7. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / Под ред. С. В. Зуева, Д. В. Бахтеева. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 216 с.
8. Кустов А. М. «Цифровая криминалистика» или «цифровые технологии в криминалистике» // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: материалы Международной научно-практической конференции (г. Калининград, 27-31 августа 2020 г.). – Калининград, 2021. – С. 173-181.

ЗАДОРОВНИЙ Артем Анатольевич

соискатель кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЗРЫВОТЕХНИКИ»

В статье рассматривается сущность некоторых определений «Криминалистической взрывотехники» и их научная обоснованность. Автор анализирует общие и специальные признаки взрывного устройства. Приводит аргументы отграничения взрывного устройства от взрывной системы. При этом обосновано отнесение радиоуправляемых устройств к соответствующим системам.

Ключевые слова: взрывотехника, взрывное устройство, радиоуправляемое взрывное устройство, дистанционно-управляемое взрывное устройство.

ZADOROZHNY Artem Anatoljevich

competitor of Criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

SOME ASPECTS OF "FORENSIC EXPLOSIVES"

The article examines the essence of some definitions of "Forensic explosives" and their scientific validity. The author analyzes the general and special signs of an explosive device. Provides arguments for distinguishing an explosive device from an explosive system. At the same time, the attribution of radio-controlled devices to the corresponding systems is justified.

Keywords: explosives, explosive device, radio-controlled explosive device, remote-controlled explosive device

Бесспорно, ключевым понятием криминалистического учения взрывотехника является взрывное устройство (далее – ВУ). Именно ВУ чаще всего используется в качестве орудия преступления в большинстве умышленных преступлений, которые раскрываются и предупреждаются с использованием данной области криминалистики.

«На заре» зарождения взрывотехники многие определения, в том числе, и определение взрывного устройства, отечественные криминалисты заимствовали из других наук, в основном, военно-инженерных.

Но позже, с учетом специфики науки криминалистики, возникла «острая» необходимость в самостоятельном понятии аппарате.

Так, одно из первых определений ВУ в 1975 году дал отечественный криминалист Н. П. Ландышев, определивший ВУ системой, которая приготовлена и предназначена для проведения взрыва [1, с. 13].

В 1983 году В. Н. Цветков, А. Г. Ястребов обосновали понятие взрывного устройства как приспособленного для проведения взрыва, самодельно изготовленного специального устройства с оболочкой, инициирующим механизмом и зарядом необходимого взрывчатого вещества [2, с. 11].

В указанном понятии неслучайно обозначен способ изготовления, поскольку по мнению исследователей, ВУ могли конструироваться лишь самодельным способом. Дело в том, что в то время в криминалистике господствовало мнение, что различие между «боеприпасами» и «взрывными устройствами» состоит исключительно в способе изготовления. Ученые полагали, что ВУ могло изготавливаться только самодельным способом, в свою очередь боеприпасы изготавливались промышленным или кустарным.

Такая точка зрения отражалась не только в различных научных трудах, но и использовалась на практике, например, при проведении взрывотехнических экспертиз.

В дальнейшем криминалисты отошли от данной концепции. Так, например, И. Д. Моторный аргументировал, что взрывные устройства – это изделия однократного использования самодельного, кустарного, промышленного изготовления, конструктивный состав которых предназначен для формирования поражающих взрывных факторов либо исполнения полезной работы с помощью энергии взрывоспособной смеси или ВВ [3, с. 20].

Следовательно, по тезисам И. Д. Моторного ВУ может изготавливаться различными способами самодельного, ку-

старного, промышленного содержания. С таким мнением соглашается подавляющее число современных ученых-криминалистов.

Беляков А. А. в одном из своих последних определений взрывного устройства, указывает на его целевое предназначение, исключительно, в преступных целях. Так, он дает следующее понятие. Взрывное устройство является технической системой одноразового использования, которая: включает заряд взрывчатого вещества с конструктивно объединенным детонатором (средством взрывания) и применяется для достижения преступной цели взрыва с определенным поражающим действием [4, с. 93].

По данному определению возникает вопрос о реализации умысла на взрыв для совершения полезной работы при наличии всех обозначенных признаков ВУ. Например, посредством взрыва образования на участке водоема. Цель то тогда будет не преступная! Значит, изъятые средства не подойдут под определение А. Белякова и данное устройство не должно быть признано ВУ?

Криминалистический анализ преступлений, совершаемых с применением ВУ, показывает, что большинство подобных преступлений совершается с помощью взрывных устройств, управляемых по радиоканалу.

Так, например, это подтверждается статистикой, приводимой Т. К. Шогеновым в своих научных исследованиях [5, с. 339].

Учитывая, что криминалистика возникла и существует как чисто практическая наука, очевидно, что задачи, связанные с раскрытием и предупреждением преступлений, совершаемых с использованием радиоуправляемых взрывных устройств (далее – РВУ), являются для нее наиважнейшими.

Принципиальное отличие РВУ от ВУ состоит, прежде всего, в том, что РВУ управляется по радиоканалу.

Это конструктивно выражается в наличии в составе РВУ приемо-исполнительного (далее – ПИУ) и внешнего, не находящегося в составе ВУ, командно-передающего устройства (КПУ), с помощью которого возможно передавать различные команды ВУ, в том числе, и на его инициацию. При этом теоретически такие команды могут подаваться практически на любой возможной радиочастоте и с помощью любого стандарта связи.

Стоит не согласиться с тем, что термин «устройство» верно подходит по отношению к взрывным устройствам, которые управляются по радиоканалу.

Так, в словаре Ожегова дается следующее определение: «устройство – это техническое сооружение, механизм, машина, прибор» [6]. «Система» же определяется в том же словаре как единство частей, которые закономерно расположены и обладают взаимной связью [6]. По мнению автора, для определения понятий криминалистической взрывотехники, словарь Ожегова не подходит в полной мере.

Определения понятия «устройство», которые даются в различных технических науках, также достаточно разнообразны. Учитывая то, что криминалистика является юридической наукой и результаты ее деятельности, прежде всего, предназначены для использования в уголовно-процессуальной сфере, логичнее всего, на взгляд автора, заимствовать определение этого понятия также из юридической сферы.

Так, понятие «устройство» дается в нормах ГК РФ¹.

В положениях п.1 ст. 1350 ГК РФ указывается, что в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств). Указанное понятие приводится и в нормах п.1 ст. 1351 ГК РФ, где обозначено, что техническое решение в рамках определенного устройства охраняется как полезная модель².

Учитывая, что диспозиции приведенных норм права не описательные, то есть не содержат в себе определения понятия «устройства», необходимо дополнительно обратиться к правовым актам, в которых это понятие определяется.

Автор полагает, что наиболее полное толкование этого понятия, может дать орган, регулирующий общественные отношения в сфере обращения интеллектуальной собственности, которым выступает Федеральная служба сферы интеллектуальной собственности (далее - Роспатент) и Минэкономразвития, в подведомственность которого входит Роспатент. Согласно п. 35 Требований к патентным документам, утвержденным приказом Минэкономразвития России № 701 от 2015 года³, устройство – это изделие, которое не имеет деталей (составных частей) либо состоит из сборочных единиц устройства в виде множества элементов, соединенных с помощью сборочных операций и объединенных функционально-конструктивным единством.

Исходя из этого положения, выделяется два основополагающих свойства устройства:

- функциональная взаимосвязь;
- конструктивное единство.

Если говорить о ВУ, то очевидно, что оно обладает этими признаками и, следовательно, его можно отнести к устройству.

Так, каждое ВУ содержит заряд ВВ и конструктивно объединено со средствами взрывания, при этом такое объединение обеспечивает главное предназначение ВУ – выполнение полезной работы или поражающий фактор.

Если же перейти к понятию «РВУ», то нужно учитывать, что речь идет фактически о 3 взаимодействующих между собой устройствах - ВУ, приемно-исполнительном устройстве и командно-передающем устройстве. При этом, если ПИУ

конструктивно объединено со средствами взрывания и ВВ, то есть фактически входит в состав ВУ, то КПУ никак не состоит с двумя остальными в конструктивном единстве (нет соединения некими сборочными операциями); КПУ может быть разнесено в пространстве от ВУ при использовании, например, для управления РВУ в диапазоне коротких волн, на расстоянии до несколько тысяч километров.

При этом, очевидно, что функциональная связь между ними остается, так как при отсутствии КПУ, не сможет быть выполнено управление (чаще всего инициация) ВУ по радиоканалу, и, следовательно, не может быть обеспечена его основная функция.

Для примера можно привести решение экспертизы ФИПС, по рассмотрению вопроса о патентовании полезной модели, в рамках которого заявленная модель не признана устройством с отказом выдачи соответствующего патента⁴. В этой связи суд указал, что представленный к исследованию объект по его признакам относится к видам информационных распределительных систем, части которых не объединены конструктивным единством, поскольку элементы заявленного объекта (база данных, электронно-вычислительное устройство и видеочасть) пространственно разобщены и не соединены в общем корпусе, как это наблюдается в конструкции РВУ. Поэтому заявленный объект не может вступать устройством и, следовательно, не может охраняться по условиям патента полезной модели.

Исходя из вышесказанного, автор предлагает называть такие изделия не радиоуправляемыми взрывными устройствами, а радиоуправляемыми взрывными системами (далее - РВС). Примерно по такой же логике следует именовать дистанционно-управляемые взрывные устройства (ДУВУ), дистанционно-управляемыми взрывными системами (ДУВС). Дело в том, что в совокупности понятий ДУВУ входят как управляемые по радиоканалу взрывные системы, так, например, и взрывные устройства, управляемые проводным способом. Поэтому, чтобы не нарушить логику, правильно будет всю совокупность понятий привести в согласование с ее частью.

Пристайный библиографический список

1. Ландышев, Н. П. Расследование убийств, совершенных с применением взрывчатых веществ. Москва, 1975. 77 с.
 2. Цветков В. Н., Ястребов А. Г. Методические рекомендации по осмотру места взрыва, организации и проведению взрывотехнической экспертизы. Москва, 1983. 24 с.
 3. Моторный И. Д. Криминалистическая взрывотехника: новое учение в криминалистике: учебно-методическое пособие. Москва: ИП И. И. Шумилова, 2000. 176 с.
 4. Беляков А. А. Криминалистическое взрывоведение. Москва, 2019. 242 с.
 5. Шогенов Т. К. Современные мобильные средства подавления радиотелевизионного управления взрывом: состояние и новая реальность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 9-3. С. 338-342.
 6. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/>. (дата обращения 27.05.2023).
- 1 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: [федер. закон: принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. (по состоянию на 29 мая 2023 г.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.
 - 2 Там же.
 - 3 Приказ Минэкономразвития России от 30.09.2015 № 701 (ред. от 10.11.2020) «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации полезных моделей, и их форм, Требований к документам заявки на выдачу патента на полезную модель, Составы сведений о выдаче патента на полезную модель, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Составы сведений, указываемых в форме патента на полезную модель, формы патента на полезную модель» <https://www.consultant.ru> (дата обращения 27.05.2023). // ЭПС «Консультант Плюс».
 - 4 Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01 июня 2015 по делу №СИП-926/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71066876/> (дата обращения 27.05.2023). // ЭПС «Система Гарант».

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье проанализированы специально-криминологические меры предупреждения совершения осужденными преступлений против жизни и здоровья в исправительных учреждениях. Сформулирован вывод о том, что эффективность специально-криминологических мер зависит от реализации всего комплекса соответствующих организационно-управленческих и иных мер, направленных на обеспечение пенитенциарной безопасности и защиты жизни и здоровья. В целях нормативного закрепления возможности применения действенных методов психологического воздействия на осужденных предложено внести изменения в п. 2 ст. 110 УИК РФ.

Ключевые слова: меры предупреждения, пенитенциарная преступность, причины и условия, психологическое воздействие.

RASTOROV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

SPECIAL CRIMINOLOGICAL MEASURES TO PREVENT CONVICTED PERSONS FROM COMMITTING CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

The article analyzed special criminological measures to prevent convicts from committing crimes against life and health in correctional institutions. The conclusion is formulated that the effectiveness of special criminological measures depends on the implementation of the entire set of appropriate organizational, managerial and other measures aimed at ensuring penitentiary safety and protecting life and health. In order to normatively consolidate the possibility of using effective methods of psychological influence on convicts, it was proposed to amend paragraph 2 of Art. 110 PEC RF.

Keywords: prevention measures, penitentiary crime, causes and conditions, psychological impact.

Специально-криминологические меры, применяемые в борьбе с преступлениями, угрожающими жизни и здоровью, должны учитывать разнообразные факторы, связанные с совершением преступления, личностью преступника и окружающей обстановкой, способствующей совершению преступлений. При разработке таких мер необходимо анализировать причины, приводящие к совершению данных преступлений, с целью их эффективного предупреждения.

Одним из важных аспектов, направленных на сокращение повторных преступлений и обеспечение социальной и психологической поддержки, является профилактика преступлений в местах лишения свободы, которая включает использование института пробации, предоставляющий осужденным возможность получить помощь и поддержку после освобождения, а также контролирующей их поведение в обществе.

Однако эффективность специально-криминологических мер зависит от реализации соответствующих организационно-управленческих мер. Качество организации и управления в системе исправительных учреждений в свою очередь напрямую влияет на результаты превентивных действий, направленных на обеспечение пенитенциарной безопасности и защиты жизни и здоровья человека [3].

Учет этих организационно-управленческих мер является важной составляющей Концепции развития уголовно-исполнительной системы, которая включает разработку и внедрение эффективных систем мониторинга, контроля и

Расторопов С. В.

оценки воздействия применяемых мер¹. Также важно обеспечить сотрудничество и взаимодействие между различными службами и органами, работающими в сфере исполнения наказаний, с целью координации действий и обмена информацией.

Все эти меры в совокупности обеспечивают более эффективное противодействие преступлениям, угрожающим жизни и здоровью, а также создают условия для реабилитации осужденных и их успешного вливания в общество.

Концепция развития УИС направлена на устранение детерминант пенитенциарной преступности, включая преступления против жизни и здоровья. Однако она не уделяет достаточного внимания профилактике преступлений в местах лишения свободы.

Для сокращения рецидива среди заключенных необходимо усилить социальную и психологическую работу в исправительных учреждениях и развивать постпенитенциарную помощь через институт пробации. Применение пробации включает предупреждение преступлений и психологическую помощь осужденным к лишению свободы. При этом отметим, что Концепция развития УИС уделяет внимание институту пробации, но не упоминает предупреждение

1 Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.06.2023).

рецидива преступлений, хотя отмечается роль и потенциал пробации в вопросе сокращения рецидивов.

Обращение к Концепции развития УИС на период до 2030 года позволяет констатировать тот факт, что институту пробации уделяется отдельный раздел XVI. Помимо этого акцентируется внимание на его создании и развитии. Однако, несмотря на то что, Концепция развития УИС отмечает необходимость сокращения рецидива преступлений, она в отличие от Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» не предусматривает конкретной цели - предупреждение рецидива преступлений, что, на наш взгляд, является необоснованным². При этом создание системы пробации предполагает снижение количества заключенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в том числе за счет уменьшения рецидивов, что указывает на серьезный профилактический потенциал института пробации.

Важно отметить, что Концепция развития УИС уже осуществляет основные направления развития, включая меры по предупреждению пенитенциарной преступности, например, создание условий для раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

С учетом требований уголовного и уголовно-исполнительного законодательства осужденные распределяются по различным типам исправительных учреждений, таким как колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого и особого режимов и др. Однако исправительные колонии общего и строгого режима отмечены наибольшим количеством совершаемых преступлений против жизни и здоровья.

На наш взгляд, принцип раздельного содержания должен учитывать не только уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, но и другие характеристики осужденных. При этом повысить эффективность этого подхода возможно в том случае, если он будет применяться на протяжении всего срока содержания в местах лишения свободы.

Так, соглашаясь с М. П. Сергеевым, который отмечал влияние на поведение осужденного норм и правил криминальной субкультуры, и, признавая влияние криминальной субкультуры на поведение осужденных за преступления против жизни и здоровья, становится ясной необходимость разработки нового подхода к психодиагностике и психокоррекции [4, с. 133-140]. Это означает, что важно учитывать факторы, связанные с криминальной субкультурой, при проведении оценки и исправительных мер для осужденных.

В настоящее время проведено множество значимых исследований в области психодиагностики и психокоррекции осужденных, совершивших преступления против жизни и здоровья. Эти исследования имеют важное значение для общества, так как помогают понять основные факторы, лежащие в основе таких преступлений, а также разработать эффективные методы работы с данными осужденными.

Один из рекомендуемых подходов к работе с осужденными, совершившими преступления против жизни и здоровья, является использование когнитивно-поведенческих методов психотерапии. Эти методы, упомянутые Б. В. Шостаковичем, включают в себя индивидуальную и групповую личностно-ориентированную терапию [6, с. 15-19]. Они представляют собой систематический подход к работе с психологическими и поведенческими аспектами осужденных.

Цель когнитивно-поведенческой терапии заключается в изменении негативных установок и помощи осужденным в контроле своих поступков. Через осознание и изменение негативных мыслей, убеждений осужденные могут развивать новые, более здоровые способы мышления и реагирования. Когнитивно-поведенческая терапия также помогает осужденным осознать последствия своих действий, развить навыки эмоциональной регуляции, конфликтного разрешения и социальных навыков, что способствует их лучшей реабилитации и ресоциализации.

Использование когнитивно-поведенческих методов психотерапии в работе с осужденными, совершившими преступления против жизни и здоровья, имеет потенциал для снижения рецидива преступлений и способствует более успешной адаптации осужденных в обществе после освобождения. Этот подход позволяет не только адресовать конкретные проблемы, но и работать с основными факторами, лежащими в основе криминального поведения, с целью создания позитивных изменений в мышлении и поведении осужденных.

Помимо этого, считаем, что для эффективного психологического обеспечения исполнения лишения свободы, полезно обратиться к опыту других стран, где успешно применяются различные психологические программы, направленные на снижение внутренней агрессии у осужденных. Такие программы позволяют бороться с внутренними причинами насилия, тем самым содействуя достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

Канада является лидером в разработке программ для борьбы с насилием в пенитенциарных учреждениях. Одна из особых программ предназначена для осужденных коренного населения и объединяет традиционные и западные подходы³. Швеция также использовала программы из Канады и разработала собственные подходы, включая программы для управления агрессией и предотвращения насилия⁴. Однако авторские права на приобретенные программы ограничивают их обновление в соответствии с новыми исследованиями, поэтому некоторые страны разрабатывают свои собственные программы, такие как «Alternatives to Violence Project» в США и «aggression replacement training» в Великобритании.

Полагаем, российским учреждениям следует использовать зарубежный опыт и внедрять долгосрочные программы против внутренней агрессии. Участие в таких программах должно быть обязательным для осужденных за насильственные преступления, с учетом личностных характеристик остальных осужденных. При этом считаем необходимым условием эффективного внедрения этих программ - проводить входное тестирование для оценки риска агрессии при поступлении в исправительное учреждение.

Однако для достижения наибольшей эффективности в работе с осужденными, необходимо учитывать не только влияние криминальной субкультуры и применение психологических программ, но и обеспечить проведение глубоких исследований в этой области, что позволит разработать более точные и индивидуализированные методы психодиагностики и психокоррекции, учитывающие специфику каждого осужденного и его мотивацию к совершению преступлений. Следует отметить, что подобные подходы к биосоциальному изучению личности преступника были разработаны отечественными криминологами юристами и психиатрами в 20-30-е годы XX в.

Именно применение нового подхода к психодиагностике и психокоррекции осужденных за преступления против жизни и здоровья, с учетом влияния криминальной субкультуры и опыта зарубежных стран, может способствовать созданию безопасной и реабилитационной среды в исправительных учреждениях. Это поможет осужденным преодолеть внутреннюю агрессию и снизить риск повторного совершения преступлений.

Также считаем целесообразным предложить ряд мер организационно-управленческого характера, которые способствуют снижению риска совершения преступлений и созданию безопасной среды, и, как следствие, способствуют предупреждению преступности против жизни и здоровья в исправительных учреждениях:

3 См.: Исправительная служба Канады: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.csc-scc.gc.ca/correctional-process/002001-2006-eng.shtml> (дата обращения: 02.04.2017).

4 См.: Пенитенциарная служба Швеции: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kriminalvarden.se/behandling-och-varld/behandlingsprogram/vald/puls/> (дата обращения: 02.04.2017).

2 Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Рос. газета. – 2023. – 9 февр. – № 29.

– важно использовать аудиовизуальный контроль за поведением лиц, находящихся в изоляции от общества [5, с. 9-10]. Эта мера поможет обнаружить и предотвратить потенциально опасные действия и создать безопасную среду.

– необходимо исключить осужденных из воздействия на других осужденных, независимо от характеристик их поведения. Эта мера подразумевает разделение осужденных и предотвращение негативного влияния, которое может способствовать распространению преступности внутри учреждения.

– важно прекратить публичное обсуждение или критику членов неформальных групп с противоположными статусами. Эта мера поможет уменьшить напряженность и конфликты между осужденными, а также снизить вероятность возникновения насилия.

– особое внимание и поддержку следует уделять лицам, осужденным впервые. Им необходима социальная адаптация и помощь в реабилитации, чтобы предупредить повторное совершение преступлений.

– адекватная правовая реакция на противоправную активность осужденных является неотъемлемой частью обеспечения защиты личности в учреждении. Эта мера предполагает, что правонарушители должны быть рассмотрены и расследованы, а виновные должны нести соответствующую ответственность.

В борьбе с преступностью необходимо уделять внимание не только правовым мерам, но и психолого-педагогической работе, особенно при урегулировании различий и конфликтов между осужденными [2, с. 130-135]. В этом контексте важно внедрение медиативной работы для разрешения конфликтов и достижения согласованных решений.

Медиативная работа представляет собой процесс, в котором независимое третье лицо, медиатор, помогает сторонам конфликта найти взаимоприемлемое решение путем диалога и взаимопонимания. В контексте исправительных учреждений медиация может быть эффективным инструментом для разрешения конфликтов между осужденными. Она способствует созданию атмосферы доверия, позволяет сторонам выразить свои интересы и потребности, а также помогает им найти согласованные решения, которые учитывают обе стороны.

В связи с этим, предлагается создание конфликтологической группы в каждом исправительном учреждении, как предложено А. А. Кулаковой. Данная группа должна состоять из наиболее подготовленных профессионалов с опытом урегулирования острых конфликтных ситуаций в условиях исправительных учреждений. Они будут координировать действия и повышать эффективность работы мест лишения свободы [1, с. 22], активно предотвращая и эффективно решая возникающие конфликты.

Конфликтологическая группа будет заниматься выявлением и анализом конфликтных ситуаций, разработкой стратегий и методов их разрешения, проведением медиативных процедур и обеспечением безопасной и гармоничной обстановки в учреждении. Участие опытных специалистов поможет осужденным осознать последствия своих действий, научиться решать конфликты мирным путем и развить навыки сотрудничества.

В результате внедрения медиативной работы и создания конфликтологической группы в исправительных учреждениях способствуется превентивной работе с конфликтами, предотвращая их возникновение, а также эффективному разрешению уже возникших ситуаций. Это способствует созданию безопасной и гармоничной обстановки, которая является важным фактором для успешной реабилитации осужденных и их последующего возвращения в общество.

Таким образом, проанализировав специально-криминологические меры предупреждения преступлений против жизни и здоровья в исправительных учреждениях, совершенных осужденными, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы.

1. Предупреждение преступности против жизни и здоровья в исправительных учреждениях – это целенаправленная деятельность, осуществляемая учреждениями и органа-

ми исполнения наказаний совместно с другими субъектами профилактики с целью предупреждения преступлений через общесоциальные и специально-криминологические меры путем нейтрализации причин и условий совершения преступлений исследуемой группы.

2. Внешние и внутренние факторы формируют детерминанты преступности против жизни и здоровья. Внутренние детерминанты, связанные с исправительными учреждениями, органами УИС и социально-психологическими аспектами, играют ключевую роль. Влияние внутренних детерминант на преступность в исправительных учреждениях обусловлены социально-психологическими факторами, связанными с тюремной субкультурой, и организационно-управленческими факторами, связанными с недостатками системы учета правонарушений и низким уровнем профилактической работы.

3. На уровне конкретных преступлений опасными факторами являются субъективные причины, связанные с негативной мотивацией осужденных и психологическими трудностями адаптации, а также объективные факторы, связанные с бытовыми конфликтами и неустроенностью.

4. В целях нормативного закрепления возможности применения действенных методов психологического воздействия на осужденных необходимо внести изменения п. 2 ст. 110 УИК РФ, изложив его в следующей редакции:

«2. Воспитательная работа с осужденными организуется дифференцированно с учетом вида исправительного учреждения, срока наказания, условий содержания в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе психодиагностических и психокоррекционных методов».

Пристатейный библиографический список

1. Кулакова А. А. Виктимологический аспект пенитенциарной преступности и ее предупреждение: в отношении сотрудников УИС: дис. ... канд. юрид. наук. - Владимир, 2007. - 184 с.
2. Полякова В. О., Осокин Р. Б. Достижение результатов исправительного воздействия при исполнении лишения свободы в отношении осужденных лиц женского пола: специфика, основные проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. - 2016. - № 3. - С. 130-135.
3. Антонян Е. А., Бриллиантов А. В., Гришко А. Я., Журавлев М. П. и др. Российское уголовно-исполнительное право: учебник: в 2 т. / Под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. Т. 2: Особенная часть. - М., 2011. - 792 с.
4. Сергеев М. П. Личность осужденных (психодиагностика и психопрофилактика, воспитательная работа) // Вестник Чувашского университета. - 2010. - № 2. - С. 133-140.
5. Хохрин С. А. Предупреждение пенитенциарной преступности в условиях реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2014. - № 6. - С. 7-10.
6. Шостакович Б. В. Криминогенность при психических расстройствах и проблемы предупреждения опасных действий // Российский психиатрический журнал. - 2006. - № 2. - С. 15-18.

УЛЬЯНОВА Алевтина Александровна

старший преподаватель кафедры общих и специальных юридических дисциплин Тихоокеанского государственного университета

КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ И ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Регулирование культурной сферы очень важно при любой экономической и политической обстановке. Культура и все составляющие ее элементы, соприкасающиеся с преступностью, могут выступать в качестве причин, условий преступности, криминогенных и антикриминогенных факторов. Однако, процесс воздействия на культуру общества с целью предотвращения роста преступности – процесс довольно сложный. В данной статье проанализированы криминогенные факторы культурной сферы и основы внутригосударственного регулирования культурных процессов.

Ключевые слова: культура, культурная политика, традиционные духовно-нравственные ценности, культурно-исторические ценности, криминогенные факторы, национальные приоритеты, национальная безопасность, государственное регулирование.

ULYANOVA Alevtina Alexandrovna

senior lecturer of General and special legal disciplines sub-faculty of the Pacific State University

CRIMINOGENIC FACTORS OF THE CULTURAL SPHERE AND THE BASIS OF LEGAL REGULATION

Regulation of the cultural sphere is very important in any economic and political environment. Culture and all its constituent elements that are in contact with crime can act as causes, conditions of crime, criminogenic and anti-criminogenic factors. However, the process of influencing the culture of society in order to prevent the growth of crime is a rather complicated process. This article analyzes the criminogenic factors of the cultural sphere and the foundations of domestic regulation of cultural processes.

Keywords: culture, cultural policy, traditional spiritual and moral values, cultural and historical values, criminogenic factors, national priorities, national security, state regulation.

Все изменения, которые можно наблюдать в мире на современном этапе его развития, касаются не только различного рода отношений, возникающих между странами, но и ценностей, присущих каждому человеку в нашей стране. На этом фоне, современные тенденции в сфере развития культуры явно свидетельствуют о том, что общество нашей страны, равно как вся мировая общественность, столкнулась с такой угрозой, как угроза полной утраты моральных принципов и духовно-нравственных ориентиров¹.

В частности, достаточно разрушительному воздействию сегодня подвержены такие морали и нравственности, которые ранее были нормой. К их числу относится институт брака и семьи, ценности семейного характера, религия и многие иные. В свою очередь, эти ценности заменены сегодня такими явлениями, как эгоизм, культ потребления, насилие, аморальный образ жизни, наркомания, свободные половые отношения. На этом фоне, все проблемы, которые возникают в рамках межконфессиональных, равно как межнациональных отношений, вполне оправданно порождают ненависть и вражду, а также выступают в качестве предмета для различного рода геополитических спекуляций.

США и страны их поддерживающие, равно как различные иностранные организации, в том числе религиозного, террористического и экстремистского характера, ведут активную деятельность, направленную на искажение и фальсификацию мировой истории, активно способствуют тому, чтобы у молодежи не формировалась историческая память, а также разжигают как внутригосударственные, так и между-

народные конфликты. Все эти действия можно расценивать в качестве психологического и информационного воздействия, которое оказывается на общественное сознание, что впоследствии также оказывает влияние на то, что искоренятся все традиционные для нашей страны морально-нравственные установки. Как справедливо отмечается в научном сообществе, это порождает ситуацию, в рамках которой возникает угроза для утраты Россией всего своего культурного суверенитета². Более того, как было указано выше, это неизбежно приводит к тому, что российским гражданам прививается система ценностей и убеждений, в соответствии с которой, отрицается значимость нравственности и морали, института семьи и патриотизма³.

Таким образом, указанные тенденции способны усилить существующую сегодня раздробленность всех национальных обществ, а также разрушить фундамент государственности и всей политической стабильности, которая сегодня имеет место на территории нашей страны. Искажение основных моральных ценностей, а также всякое психологическое манипулирование, осуществляемое на данном фоне, причиняет весьма существенный ущерб не только психическому состоянию и здоровью человека, но и культурному, интеллектуальному уровню всего общества, формирует различные негативные нравственные и правовые установки, наличие которых попросту разрушает все общество на корню. Вместе с этим,

1 О стратегии национальной безопасности РФ: Указ президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 27 (часть II). - С. 535.

2 О стратегии национальной безопасности РФ: Указ президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 27 (часть II). - С. 535.

3 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 46. - С. 7977.

возрастают такие проявления, как индивидуализм, пренебрежение, нетерпимость, вражда и агрессия, можно наблюдать разрыв социальных и иных связей, все чаще встречается асоциальное поведение, экстремизм, терроризм и другие виды преступности.

Так, А. П. Данилов отмечает: «Разложение нравственности, культуры, развитие страхов в обществе ... в криминологическом смысле являются преступлениями – против здоровья населения и общественной нравственности. Они препятствуют нашему развитию в здоровом ключе ...» [2] Согласимся с автором, ведь такие действия представляют определенную общественную опасность, так как создают условия формирования криминогенной личности и в долгосрочной перспективе способны причинить существенный вред обществу и государству, отражаясь не только на качестве жизни, социальных отношениях, развитии общества, но и на состоянии преступности.

Таким образом, изучение культуры для выявления её криминогенного и антикриминогенного содержания, механизма её воздействия на личность (в т.ч. личность преступника), преступность в целом, её отдельные виды, имеет важное криминологическое значение, в том числе и для выработки эффективных профилактических мер.

Главным антикриминогенным фактором в поведении человека являются его положительные ценностные ориентации, в связи с чем, процесс их формирования в личности представляет особый интерес в криминологии. Определяющее воздействие на формирование ценностных ориентаций человека оказывает культура, господствующая в обществе или замкнутой социальной группе. Грибанов Е. В. предлагает рассматривать культуру как «путь передачи приобретенного опыта и ценностей от поколения к поколению. В рамках этого процесса транслируются криминологически позитивные опыт и ценности, несущие в себе антикриминогенный потенциал; нейтральные, не имеющие выраженной ни антикриминогенной, ни криминогенной направленности; негативные, несущие в себе прямой либо скрытый криминогенный потенциал, резко отрицательно влияющие на нормальные общественные отношения, выступающие каналом передачи ценностей, традиций и обычаев криминальных субкультур» [1].

При криминологическом анализе данного подхода к определению культуры, Грибанов Е. В. указывал, что правила, которые во многом регулируют общественную жизнь, проводят грань между непроступным и преступным, противоправным, а также правомерным, между вредным и полезным с социальной точки зрения. В свою очередь, соединившись в культуре культурно-исторические и духовно-нравственные ценности и нормы во многом будут определять то, что является фактически дозволенным, а что не может выступать в качестве такового априори. Полагаем, что указанные элементы во многом оказывают влияние на то, каков будет характер, а также объем преступной деятельности.

Стоит отметить, что Е. В. Грибанов понимает под культурой весьма широкую совокупность явлений, а также образцы деятельности человека, которые передаются между поколениями и оказывающие значимое влияние на формирование

человека как личности, на его деятельность и мышление. При этом, как отмечает автор, культуру можно рассматривать с позиции среды, способной стимулировать или устранять криминологически важные качества человека, которая будет оказывать сильнейшее влияние на человека через такие институты, как воспитание, семья, образование, СМИ и иные. Вместе с этим, человек также оказывает на культурную среду положительное, созидательное воздействие, или негативное и разрушительное. Это достаточно специфический процесс постоянного взаимодействия, где культура формирует личность, а личность формирует культуру, а взаимодействие подобного рода может иметь как криминогенный, так и антикриминогенный заряд, что в свою очередь отражает зависимость между культурным уровнем населения и уровнем преступности в стране.

Внутригосударственное регулирование культурных процессов - является наиболее действенным механизмом борьбы с преступностью, но применение жестких мер государственного воздействия для предотвращения криминогенных факторов культурной сферы недопустимо. Основной проблемой государственного воздействия на культурные отношения с целью понижения уровня криминализации населения является то, что культурная сфера является «труднорегулируемой» по своей сути, однако, требующей особого внимания со стороны государства.

В частности, стоит отметить поправки, которые были внесены в Конституцию РФ и которые непосредственно касаются культуры. Системный анализ данных поправок показывает, что все они направлены на укрепление морали и нравственности в нашей стране, а также на выражение социальной, культурно-воспитательной и просветительской функций государства, которые весьма важны для преодоления негативных факторов, указанных выше. Отметим, что Конституция РФ также отмечает, что культура выступает в качестве уникального и значимого наследия всего народа России, которое охраняется и поддерживается со стороны государства. Особое внимание уделяется важности поддержки самобытности и этнического многообразия в нашей стране⁴.

Актуальные мировые социокультурные тенденции и угрозы рассматриваются также в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в которой отмечается важность их преодоления и принятия мер, которые направлены на укрепление традиционных духовно-нравственных начал в нашей стране. В связи с этим, в качестве национального приоритета, который обладает весьма высокой важностью, названо сохранение исторического и культурного наследия, равно как укрепление духовно-нравственных ценностей и исторического наследия. Данные положения нашли также отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации⁵.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрании законодательства РФ. - 2014. - № 31. - с. 4398; 2020. - № 11. - С. 1416.

5 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 14. - С. 2406.

Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, который вполне можно рассмотреть в качестве основного документа по определению основ культурного развития, в полной мере определяет основные цели, задачи и принципы реализации политики в сфере культуры⁶. Системный анализ данного документа позволяет заключить, что культура в нем рассматривается через призму основного национального приоритета и в качестве фактора, оказывающего сильное влияние на гармонизацию общественных отношений, на повышение качества жизни, да и в целом способствующего сохранению территориальной целостности России.

В качестве основы государственной политики по укреплению традиционных и исторически сложившихся в России нравственных и духовных ценностей, можно рассматривать Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809⁷. В данном документе отмечается, что в качестве традиционных для нашей страны ценностей стоит рассматривать различного рода нравственные ориентиры, в том числе, которые образуют основу взглядов общества на жизнь и которые затем не только передаются через поколения, но и которые формируют единство нашей страны, поддерживают самобытность России. Стоит отметить, что к тем ценностям, которые относятся к духовно-нравственным ценностям, Стратегия относит такие ценности, как патриотизм, семья, историческая память и многие иные.

Также нельзя не отметить и Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317, так как в данном документе не только оценивается состояние культуры, имеющиеся в данной области проблемы, но и способы, а также задачи, направленные на их разрешение, определяются тенденции развития культуры в России⁸.

Задачи и цели, которые обозначены в документах, приведенных выше, во многом реализуются путем мероприятий, указанных в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р)⁹. Стратегия по праву является многоаспектной, так как затрагивает множество целевых ориентиров, сформулированных в иных документах стратегического планирования, посвященных национальной политике, воспитанию и образованию детей, молодежи и семьям, а также касающихся различных видов искусства, отдельно регулирует туризм и внешнюю политику в части развития культуры.

Значимостью в аспекте исследуемой темы обладал XI Петербургский международный юридический форум, кото-

рый прошел в мае 2023 года на котором большое внимание было уделено вопросам развития и сохранения культуры в контексте защиты традиционных для России духовно-нравственных ценностей.

Полагаем, что такая тематика является достаточно значимой, так как сохранение и защита культурных ценностей, действительно, должна носить комплексный характер, что в полной мере касается дискурса современного права. Положительно в данном аспекте оценивается и отношение к культуре как к национальному приоритету, так как это активно способствует сохранению культуры и повышению сознания граждан в данной сфере. Вместе с этим, весьма положительно скажется на уровне жизни населения и его качестве, позволит гармонизировать многообразные социокультурные отношения в нашей стране. Стоит также отметить, что данный подход может быть рассмотрен и в качестве гаранта сохранения самобытности России, исторической памяти, ее культурного наследия, моральных и нравственных ориентиров, а также территориальной целостности нашего государства. Кроме того, в криминологическом аспекте, воздействие на культуру со стороны государства и активная деятельность, направленная на сохранение и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, выступая в качестве антикриминогенного фактора, будет способствовать понижению уровня криминализации населения, а также отразится на уровне и состоянии преступности в России, на её количественных и качественных характеристиках.

Пристайный библиографический список

1. Данилов А. П. Искусство как орудие преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2017. - № 3 (46). - С. 59-67.
2. Грибанов Е. В. Криминологическая характеристика культуры // Общество и право. - 2009. - № 1 (23).

6 Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 52 (часть I). - С. 7753; 2023. - № 5. - С. 777.

7 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 46. - С. 7977.

8 Об утверждении государственной программы РФ «Развитие культуры»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 (ред. от 26.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 18 (часть II). - Ст. 2163; 2023. - № 1 (часть I). - С. 248

9 Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 11. - С. 1552.

ПЕТРОСЬЯН Дмитрий Владимирович

аспирант Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

АКТИВНАЯ РОЛЬ СУДА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Административное судопроизводство представляет собой самостоятельную процессуальную форму. В обоснование данного утверждения следует привести положения о качественных особенностях административного судопроизводства, которые отличают его от иных форм процесса. Данные особенности заданы на уровне принципов и имеют важное значение. Большая часть принципов административного судопроизводства имеет межотраслевой характер и относится также к гражданскому процессу. В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть и изучить основные отличия административной формы от арбитражной и гражданской. Авторами анализируются положения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. В заключении обосновывается необходимость внесения изменения в ст. 6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и закрепить принцип активной роли суда как основополагающее положение административного судопроизводства.

Ключевые слова: принципы, административное судопроизводство, публично-правовые споры, активная роль суда, действующее законодательство.

PETROSJAN Dmitry Vladimirovich

postgraduate student of the F. F. Ushakov Maritime State University

THE ACTIVE ROLE OF THE COURT IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Administrative legal proceedings are an independent procedural form. In support of this statement, it is necessary to cite provisions on the qualitative features of administrative proceedings that distinguish it from other forms of the process. These features are set at the level of principles and are important. Most of the principles of administrative proceedings have an intersectoral nature and also apply to civil procedure. Within the framework of this article, an attempt is made to consider and study the main differences between the administrative form and the arbitration and civil form. The authors analyze the provisions of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The conclusion substantiates the need to amend Article 6 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and to consolidate the principle of the active role of the court as a fundamental provision of administrative proceedings.

Keywords: principles, administrative proceedings, public law disputes, the active role of the court, the current legislation.

Активная роль суда в административном судопроизводстве не является нарушением конституционных требований о состязательности сторон судебного процесса, которые вытекают из законодательных норм о праве на судебную защиту. Данная роль обусловлена объективно значимыми обстоятельствами, связанными с характером публично-правовых отношений. Активная роль суда - основополагающий принцип административного судопроизводства, который проникает через все этапы процесса, пересекаясь, переплетаясь или даже принимая на себя функции других принципов административного судопроизводства.

В КАС РФ строго соблюдается и активно применяется принцип состязательности и равноправия сторон на всех этапах административного судопроизводства при решающей роли суда. Универсальный принцип состязательности в административном судопроизводстве проявляется особым образом из-за того, что одна из сторон имеет значительно больше возможностей для защиты своих прав и законных интересов, что приводит к неравенству. В административном судопроизводстве властный субъект обладает огромными возможностями защиты своих прав, которые значительно превосходят возможности конфронтирующей стороны, так как материальные правоотношения между участниками судебного спора имеют властно-подчиненный характер [1].

Благодаря этому суд обладает необходимой властью и полномочиями, чтобы энергично защищать «слабую» сторону в процессе. А. В Орлова подчеркивает, что законодатель абсолютно правильно определил активную роль суда в административном судопроизводстве, чтобы обеспечить сбалансированность состязательного процесса.

Петросьян Д. В.

В административном судопроизводстве принцип состязательности и равноправия сторон отличается от классического изложения этого принципа в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве, где понятия «состязательность» и «активная роль суда» противоречат друг другу. В судебных процессах, кроме административных, принцип состязательности ограничивает вмешательство суда. В административных процессах в связи с несоответствием традиционного принципа состязательности суд играет активную роль. Активное участие суда является неотъемлемой частью справедливого судебного процесса и служит гарантией его надежности и объективности.

Принцип активной роли суда является одним из наиболее значимых свойств административного процесса. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) не оказало существенного влияния на создание процессуальной формы, но явилось знаковым событием, свидетельствующим о смене источника правового регулирования. Это утверждение абсолютно верно, поскольку происходит автоматическое перенесение норм из одного источника в другой, но это не влияет на суть процесса и не приводит к созданию новых моделей или концепций. Принятие КАС РФ не имело отношения к возникновению административного судопроизводства в России. Эта процедура существовала и широко применялась ранее судами общей юрисдикции и арбитражными судами, но порядок ее проведения был установлен другим законом - ГПК РФ.

В континентальных и общеправовых странах применяются два противоположных подхода к установлению особого судебного процесса - следственная и состязательная модели. Каждая модель предусматривает участие суда и состязатель-

ный характер сторон, что делает их принципиально отличными друг от друга. Судебная деятельность имеет две ключевые составляющие: первая — это принцип руководства судьи процессом, а вторая — это процессуально-содержательная сторона, определяющая соотношение между следственным и состязательным началами в процессе. Судейское руководство является универсальным принципом для всех видов судебных процессов, включая гражданские и административные. Суд имеет полную власть над управлением процессом, контролирует его движение, следит за соблюдением правил процессуальных действий и препятствует злоупотреблению сторонами своими правами и недобросовестному поведению участников.

Суть административного судопроизводства заключается в том, что судьи активно влияют на процесс, но не затрагивают само содержание дела, руководствуясь принципами диспозитивности и состязательности. Принцип судейского руководства, рассматриваемый в данном контексте, является формальным и отличается от материального принципа руководства.

Основополагающим принципом административного судопроизводства является активное вмешательство суда, четко прописанное в КАС РФ. Этот принцип поднимает вопрос о балансе между следственным началом и состязательностью, а также возможностью их сочетания. Принципы следственности и состязательности являются неотъемлемыми и важнейшими качественными характеристиками процесса. Система принципов административного судопроизводства и цели активного участия суда в рассмотрении административного дела определяют границы судебной самостоятельности, в том числе возможность привлечения заинтересованных лиц, истребования доказательств и проведения судебных экспертиз.

Помимо того, что административный истец является юридически слабой стороной, теперь в судебном разбирательстве возникает контрверзная требование — обязательное представительство при рассмотрении судами в порядке административного судопроизводства по определенным категориям дел. В соответствии с частью 9 статьи 208 КАС РФ, гражданам, не обладающим юридическим образованием, необходимо обязательно представляться в качестве участников дел, связанных с оспариванием нормативных правовых актов, в высших судебных органах (верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации) [4].

Вопросы обязательного представительства и требований к представителям, включая высшее юридическое образование, вызывают множество дискуссий, в том числе относительно нарушения конституционных прав граждан на судебную защиту и возможной монополизации адвокатского представительства. Это положение является беспрецедентным в процессуальном праве России. Согласно Т. А. Гоноваловой и Е. А. Заниной, буквальное толкование ч. 9 т. 208 КАС РФ приводит к выводу, что гражданин, участвующий в деле, не имеет никаких прав ни в судебном заседании, ни в процессе в целом. Это положение явно нарушает Конституцию Российской Федерации, поскольку ограничивает гражданское право на свободный доступ к судебной системе.

Принято считать, что судебное доказывание — это процесс открытия истины, направленный на установление объективных фактов. Но этот подход часто подвергается резкой критике, особенно в отношении идеи объективной истины. Предлагается заменить объективную истину на формальную истину, так как в процессе судебного разбирательства суд не имеет дела с реальными явлениями, а только с теми, которые отражены в сознании и соответствуют правовой реальности. Эта реальность утверждается через тщательное доказательство и подтверждается путем соответствия строгим критериям допустимости, относимости и достоверности. Этот подход пропитан субъективностью, так как оценка доказательств основана исключительно на субъективном мнении суда о рассматриваемых обстоятельствах дела.

Суд имеет важнейшую задачу определения предмета доказывания и оценки фактов, соответствующих представленным доказательствам. При обжаловании решения оценочные суждения суда подвергаются строгой проверке. Даже если факты, установленные в законченном судебном акте, не соответствуют действительности, они будут считаться правильными и обоснованными, если решение суда уже вступило в законную силу. В доктрине существует другой подход к судебному доказыванию, который связан с пониманием сущности и задач доказывания. По этому подходу, доказывание не означает познание прошедших событий, а является аргументацией юридических фактов. В данном случае главная цель — не создание новых знаний, а убедительное доказательство правовых фактов [2]. Имеющееся субъективное знание в значительной мере зависит от предвзятых ожиданий. Участники дела руководствуются исключительно своими интересами и целями, их аргументы перед судом могут не отражать действительности. Они стараются сформулировать свои интерпретации событий, не обязательно соответствующие реальной ситуации.

Суд, руководствуясь законодательством и свидетельствами сторон, определяет суть доказательств, выделяя только те факты, которые имеют отношение к делу. В результате происходит первоначальная оценка доказательств. Перед тем, как начать рассмотрение дела, суд тщательно анализирует суть конфликта, полностью осознает факторы, которые привели к его возникновению и требуют подтверждения или опровержения со стороны участников.

В данном контексте предметом доказывания является не объект реального мира, а понимание его сознанием. Ученые до сих пор не смогли определить оптимальную концепцию судебного доказывания, поэтому этот вопрос по-прежнему является предметом оживленных дискуссий. Если бы мы придерживались концепции объективной истины, то не смогли бы использовать такие институты, как преюдиция, отказ в удовлетворении иска из-за недостаточности доказательств. Принцип процессуальной истины дает возможность суду не ограничиваться стремлением к объективной и формальной истине, а активно помогать защите прав слабой стороны в процессе доказывания, что позволяет снять ограничения на активность суда в состязательном процессе. Судейская активность и состязательность находятся в балансе благодаря смещению бремени доказывания в большинстве категорий административных дел.

Мы настоятельно рекомендуем изменить пункт 6 КАС РФ, чтобы закрепить принцип активной роли суда как неотъемлемую часть административного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин А. В. К вопросу о принципе справедливости административного судопроизводства // Закон. - 2019. - № 1. - С. 95-101.
2. Орлов А. В. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Российский судья. - 2016. - № 8. - С. 12-15.
3. Саркисян В. Г. К вопросу о понятии и признаках судебной экспертизы в цивилистическом процессе // Право и государство: теория и практика. - 2022. - № 9 (213). - С. 215-216.
4. Саркисян В. Г. Некоторые проблемы института представительства в административном судопроизводстве // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: Сборник научных статей по итогам работы седьмого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 30–31 июля 2020 года. - Шахты: Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2020. - С. 96-98.
5. Смола А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 8. - С. 129-165.

КУЗЬМИНА Карина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ОТЛИЧИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ ОТ СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЕГО МЕСТО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ*

В статье рассматриваются альтернативные способы разрешения споров, которые стремительно набирают популярность в нашей стране. Это связано с тем, что при рассмотрении отдельных категорий дел не всегда эффективно судебное разбирательство, что может заключаться в перегруженности судов, длительности судебного разбирательства и т. д. Целью авторов является разграничение судебного разбирательства и альтернативных государственному суду процедур, а также выяснение преимуществ и недостатков альтернативных способов разрешения споров. Авторами затрагиваются следующие проблемы: есть ли разница между понятиями конфликт и спор; проблема выбора подходящего способа разрешения конфликта; какие существуют преимущества и недостатки при применении альтернативных способов разрешения споров.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, подведомственность, несудебные органы, процедуры, конфликт, спор, альтернативная юрисдикция.

KUZMINA Karina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University

THE CONCEPT, MEANING AND DIFFERENCES OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION FROM LEGAL PROCEEDINGS AND ITS PLACE IN THE LEGAL SYSTEM**

The article discusses alternative dispute resolution methods that are rapidly gaining popularity in our country. This is due to the fact that when considering certain categories of cases, judicial proceedings are not always effective, which may consist in the congestion of the courts, the duration of the trial, etc. The aim of the authors is to distinguish between judicial proceedings and alternative procedures to the state court, as well as to clarify the advantages and disadvantages of alternative dispute resolution methods. The authors address the following issues: is there a difference between the concepts of conflict and dispute; the problem of choosing a suitable way to resolve the conflict; what are the advantages and disadvantages when using alternative dispute resolution methods.

Keywords: alternative dispute resolution, jurisdiction, non-judicial bodies, procedures, conflict, dispute, alternative jurisdiction.

Данный вопрос начнем рассматривать через призму подведомственности. Вообще различают несколько видов подведомственности, определение которых способствует правильному выбору формы защиты и последовательности обращения физических и юридических лиц за защитой их прав. Как известно подведомственность разделяется на исключительную, альтернативную, условную или определяемую по связи требований. В нашем случае нас интересует альтернативная подведомственность, суть которой заключается в том, что спор о праве лиц может быть разрешен не судом, а несудебным органом. Обращение к данной форме защиты права зависит от усмотрения заинтересованного лица, также может устанавливаться соглашением сторон [1, с. 312].

В РФ альтернативные государственному суду процедуры именуются АРС-процедуры. Существует множество дефиниций такого правового явления как альтернативное разрешение споров (далее АРС). Попробуем проанализировать, объединить и обобщить все и создать свое исчерпывающее определение. Вообще, АРС определяют все по-разному: как процедуру, как механизм, как способ, как организованный алгоритм, как метод, как технику. Цель у всех авторов прослеживается одна – разрешение конфликтов во внесудебном порядке. Далее необходимо указать на основания, при наличии которых необходимо прибегнуть к рассматриваемому нами институту. Так, как выше мы же упомянули к АРС могут обратиться стороны по своему желанию, а также в ряде случаев обращение к АРС является обязанностью сторон.

Таким образом, АРС – это процедуры разрешения спора, которые либо устанавливаются в силу закона, либо

определяются соглашением сторон или внутренними локальными актами, направленные на разрешение конфликтов во внесудебном порядке [4, с. 23]. Под альтернативой понимается возможность выбора одной из нескольких взаимоисключающих возможностей. То есть в данном случае выбор между судебным процессом и иными законными способами разрешения споров.

Немаловажным является выбор подходящего способа разрешения конфликта. Соответственно, большое значение имеет информированность сторон конфликта о способах и подходах АРС. Таким образом, за данную осведомленность отвечают консультирующие юристы, адвокаты, суды. Они обязаны рекомендовать сторонам наиболее ориентированный на их собственные интересы способ разрешения разногласий, а в некоторых случаях и принуждать к обязанности совершить ту или иную процедуру АРС.

Для того чтобы понять значение, роль и место альтернативной юрисдикции в системе защиты прав, свобод и законных интересов разберемся с понятием конфликт. Конфликт представляется как негативный результат и одновременно негативное состояние взаимодействия социальных субъектов, основанные на полном или частичном несовпадении их потребностей, интересов, желаний, взглядов, целей или средств их достижения, обусловленные различием их социальных статусов и ролей.

Основой обращения к альтернативной юрисдикции являются конфликты деструктивные, когда стороны активно настаивают на своих интересах и не принимают другую позицию. Но проведение АРС возможно, если эти стороны все же допускают в рамках своего взаимодействия стратегию компромисса (когда достигается результат, являющийся удовлетворительным для обеих сторон), или посредством сотрудничества (когда достигается результат, направленный на максимально возможное удовлетворение интересов каждой из сторон).

* Научный руководитель – Самсоненко Евгений Валерьевич – ассистент кафедры гражданского права и процесса Дальневосточного федерального университета.

** Scientific supervisor - Samsonenko Evgeny Valerjevich, assistant of Civil law and process sub-faculty of the Far Eastern Federal University.

Одним из видов социального конфликта является конфликт юридический, когда негативный результат наступает в силу оспаривания взаимных прав и обязанностей субъектов. И основным отличием юридического конфликта от других конфликтов является обязательное наступление юридически значимых последствий [3, с. 310].

Таким образом, на основе уяснения понятия «конфликт», мы можем проследить разницу АРС с судопроизводством. Судопроизводство уже определяется таким понятием как «спор», который является лишь внешним проявлением конфликта, при котором одна сторона заявляет о своем праве, а другая отрицает полностью или частично наличие такого права, поэтому разрешение спора в суде сводится к установлению правовой стороны конфликта. Прекращается конфликт посредством его урегулирования, а спор посредством разрешения. Урегулирование конфликта – это более глубокое проникновение в его субъективную сторону, личностную составляющую, чем формальное разрешение спора путем применения норм материального права к конкретному правоотношению. Поэтому, конфликт возможно урегулировать, если в его основе не лежит оспаривание норм права, а присутствует столкновение исключительно интересов субъектов в рамках альтернативной юрисдикции. А разрешить, если столкновение интересов основывается на правовом регулировании отношений субъектов разногласий в рамках государственной судебной юрисдикции [3, с. 312].

Также в отличие от судебного процесса процедуры АРС не определяют победившую или проигравшую стороны, а ставят перед собой цель – достижение соглашения, удовлетворяющего интересам обеих сторон. И суд в свою очередь не рассматривает личностные вопросы урегулирования конфликта. Соответственно, для того чтобы отличить альтернативное разрешение споров от судопроизводства необходимо ограничивать такие понятия, как спор и конфликт.

Также в рамках АРС, спор не разрешается судом, но суд может выступать только как лицо, способствующее самой процедуре альтернативного разрешения спора. Например, суд может утвердить мировое соглашение.

Исходя из вышеизложенного также можем выделить преимущества данного института разрешения споров. Первым преимуществом является то, что АРС – процедуры разрешает конфликт более оперативно, что позволяет сэкономить время в отличие от судебного разбирательства. Вторым преимуществом является то, что стороны могут сами определить условия соглашения, и тем самым отсутствует риск принятия неблагоприятного решения. Так как суд примет решения, которое в большинстве случаев будет более благоприятным для одной их сторон, а с помощью применения АРС процедур, стороны обычно приходят к компромиссу, то есть, к такому решению, которое бы удовлетворяло обеих сторон. Но, стоит здесь отметить, что при этом у сторон сохраняется возможность обращения в суд, то есть это является еще одним преимуществом для сторон. Третьим достоинством является то, что большинство АРС - процедур могут быть проведены в любом месте. Для этого стороны должны лишь определить, согласовать между собой место и время. Это значительно экономит время сторон, которые, например, работают в одном районе, и смогут провести, к примеру, переговоры в обеденное время. Четвёртое достоинство заключается в том, что с помощью АРС – процедур возможно сэкономить средства, например, на государственной пошлине. Что касается третейского разбирательства, где установлен размер третейского сбора, то и здесь он будет значительно ниже величины государственной пошлины. Пятым – можно выделить то, что АРС позволяет избежать формальностей, которые присуще судебному разбирательству. Шестым, является то, что процедуру АРС предпочтительны в тех случаях, когда стороны хотят сохранить конфиденциальность и отношения в дальнейшем. Например, если спор затрагивает деликатные, личные вопросы. И, в конце концов, у сторон есть широкий спектр выбора несудебных органов, ими могут быть не только юристы, но и специалисты других отраслей (экономисты, специалисты по фондовым рынкам, психологи и другие) [2, с. 63]. Из этого можно отметить и то, что АРС – процедурами решаются проблемы, охватывающие практически все сферы жизнедеятельности общества: от публичных конфликтов, коммерческих до семейных.

Определяя значение АРС необходимо отметить и недостатки данных процедур. Во-первых, данные процедуры не подходят для споров, содержащих сложные правовые вопросы. АРС более применимо в вопросах установления фактов, но не права. Во-вторых, эффективное АРС невозможно при спорах с множественностью сторон, так как в данном случае будет трудно прийти к какому-либо соглашению. В-третьих, важным элементом при применении АРС является желание сторон контактировать друг с другом, по-другому с помощью альтернативных процедур конфликт невозможно разрешить. Соответственно это будет неэффективно, так как стороны будут стоять на своей позиции. В-четвертых, нераспространение АРС в России. Так как граждане РФ больше доверяют привычной судебной системе урегулирования споров и не способны принять то, что спор возможно урегулировать без вмешательства государства. Низкий уровень заинтересованности общества в АРС объясняется целым рядом причин: относительной новизной АРС и недостаточной урегулированностью, отсутствием четко сформированного процесса АРС, неосведомленностью населения относительно данных процедур, необязательным характером проведения процедуры до обращения в суд, низким уровнем правовой культуры населения [6, с. 643]. Нигде не закреплена цель данного правового института, что приводит к непониманию у сторон сущности АРС. Иногда стороны расценивают обязательное АРС, например, досудебный порядок, как барьер перед обращением в суд, который надо формально преодолеть. Исходя из этого, никто не будет прилагать сил к мирному решению конфликта, а направляя претензию контрагенту, будут намереваться прибегнуть к защите своих нарушенных прав и законных интересов в суде [5, с. 90]. Соответственно, закладываемая в данные процедуры цель, не достигается.

Таким образом, АРС не всегда помогают полностью устранить конфликт и избежать доведения споров до суда, но они имеют достаточную эффективность, когда стороны предпочитают поддерживать партнерские отношения и мирно разрешать спор. Тем более не всегда есть возможность разрешить спор в государственном суде.

Пристатейный библиографический список

1. Аргунов В. В., Борисова Е. А., Бочарова Н. С. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М. К. Треушниковой. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2014. - 960 с. ISBN 978-5-8354-0950-1, 2000 экз. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/445615> (дата обращения: 04.04.2023).
2. Ковалева Е. А., Живов Т. А. Медиация и суд: соотношение судебной защиты прав и реализация их в процедуре медиации // Научный поиск. - 2015. - № 1.5. - С. 60-63. - EDN TUFBSL.
3. М. Ю. Лебедев [и др.] Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов / Под редакцией М. Ю. Лебедева. - 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2023. - 440 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-15966-0. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 376. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/510375/p.376> (дата обращения: 23.04.2023).
4. Распопова Н. И. Медиация: учебное пособие для вузов. - М.: Издательство Юрайт, 2023. - 222 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-14347-8. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 23. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/519929/p.23> (дата обращения: 21.04.2023).
5. Котлярова В. В. Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России: учебное пособие / Под редакцией доктора юридических наук А. В. Юдина. - Самара: Издательство Самарского университета, 2021. - 104 с.
6. Юсупова А. Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе / А. Ф. Юсупова // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 7. - С. 642-649. - EDN PDMFTY.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-398-400

ПЛЕБУХ Екатерина Александровна

адъюнкт кафедры управления и организации деятельности УИС Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, капитан внутренней службы

О РАССМОТРЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автором в статье рассматриваются основные методы и средства воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, направленные на становление и закрепление сотрудников на службе, путем проведения индивидуальной воспитательной работы со стороны руководителя. Автор уделяет внимание средствам, используемым в индивидуально-воспитательной работе с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, выделяются основные направления работы руководителя, такие как изучение личности сотрудника и привитие положительных качеств. В содержании данной статьи на основе изученного материала выделяются основные методы работы с личным составом, и формируется вывод о необходимости сочетания методов и средств индивидуально-воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы непосредственным руководителем для достижения сохранения на службе и формирования квалифицированного сотрудника, обладающего позитивными моральными и профессиональными качествами.

Ключевые слова: кадры, воспитательная работа, методы воспитательной работы, средства воспитательной работы, закрепление сотрудников на службе, сохранение кадрового потенциала.

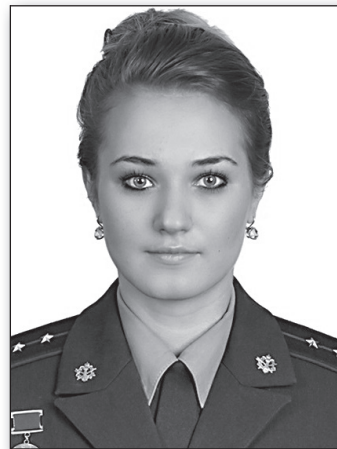
PLEBUKH Ekaterina Alexandrovna

adjunct of Management and organization of the activities of the UIS sub-faculty of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia, captain of internal service

ON CONSIDERATION OF SOME ISSUES OF THE ORGANIZATION OF INDIVIDUAL EDUCATIONAL WORK WITH EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author of the article discusses the main methods and means of educational work with employees of the penitentiary system of the Russian Federation, aimed at the formation and consolidation of employees in the service, by conducting individual educational work on the part of the head. The author pays attention to the means used in individual educational work with employees of the penitentiary system, highlights the main areas of work of the head, such as studying the personality of the employee and instilling positive qualities. In the content of this article, based on the studied material, the main methods of working with personnel are highlighted, and a conclusion is formed about the need to combine methods and means of individual educational work with employees of the penitentiary system by a direct supervisor in order to achieve retention in the service and the formation of a qualified employee with positive moral and professional qualities.

Keywords: personnel; educational work, methods of educational work, means of educational work, consolidation of employees in the service, preservation of personnel potential.

Плебух Е. А.

В настоящее время пенитенциарная система Российской Федерации проходит плавную трансформацию в соответствии с ее основным документом планирования Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Одним из основных вызовов, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, является повышение уровня мотивации при прохождении службы и формирование здоровой моральной и психологической обстановки в коллективах, исключая противоправное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), целью которого является формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала [1].

В соответствии с Положением об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы утвержденного приложением № 1 приказа ФСИН РФ от 28 декабря 2010 г. № 555 одной из основных задач явля-

ется обеспечение учреждений и органов УИС квалифицированными кадрами [2].

Основными методами подготовки материала послужили теоретические методы исследования, такие как: анализ, синтез, классификация и обобщение полученного материала.

Квалифицированные кадры не приходят в систему сразу, они становятся на протяжении своей профессиональной деятельности. В. В. Путин, президент Российской Федерации отметил: «Если мы не будем предпринимать энергичных усилий, то к концу 2030 года дефицит квалифицированных кадров составит около трех миллионов человек...». При этом безработица по данным Росстата находится на историческом минимуме и составляет 3,5% на февраль 2023 года. Нехватка квалифицированных кадров и низкий уровень безработицы свидетельствует о кадровом голоде специалистов на рынке труда. Э. Набиуллина отмечает «Не исключено, что нехватка работников и дальше будет нарастать, как результат мы можем увидеть не только исторически низкие уровни безра-

ботицы в следующем году, но и рост зарплат, существенно опережающий увеличение производительности труда». Из этого следует, что потребность в специалистах нарастает. Квалифицированным будет считаться работник проработавший в должности от полутора лет и более, который за период своей практической деятельности сталкивался с проблемными ситуациями и реализовал их положительное решение на практике. Для эффективности подготовки специалистов в рамках воспитательной работы за каждым вновь принятым сотрудником закрепляется наставник, в среднем срок закрепления наставника за принятым на службу гражданином составляет от полугода до года. За этот период происходит непосредственная работа наставника с подшефным, и становление принятого гражданина на службу, как специалиста. Данная работа в дальнейшем способствует эффективности и стабильности функционирования учреждения, так как «самый лучший инструмент ничего не значит, без мастерского владения им».

Основу в индивидуально-воспитательной работе составляет наставничество.

Данная работа предполагает планомерное и целенаправленное воздействие на сознание и поведение сотрудника с целью формирования сознательного отношения к служебным обязанностям, развития организованности и дисциплинированности, соблюдения законодательства, предупреждение развития профессиональной деформации личности, усиление служебной ответственности и повышения уровня профессионализма [2].

Важную роль для создания эффективной работы с принятыми кадрами играет личная заинтересованность и подготовка наставника и непосредственного руководителя. Основа подготовки лица осуществляющего наставническую деятельность должна состоять из: изучения специальной литературы, консультаций с профессиональными психологами, педагогами, а также привлечение данных специалистов для работы с подшефными (личным составом). В основе проводимой работы у руководителя должны лежать: учет индивидуальных особенностей, знание характера и темперамента сотрудника. Данные знания способствуют правильному определению способов и методов проведения воспитательного воздействия на вверенный персонал, его окружение, интересы и потребности включая, его сознание. При указанном подходе требуется дифференцировка достоинств и недостатков каждого сотрудника. Психологами доказано: кто хочет исправить недостатки человека, должен искать и его достоинства, являющиеся союзниками в борьбе с ними.

В связи с этим стоит выделить основные направления индивидуально-воспитательного процесса, который складывается из двух основных подходов:

1. Психодиагностический, при данном подходе изучаются личностные особенности сотрудника;
2. Коррекционный, направленный на устранение недостатков, выявленных в ходе работы, и привитие положительных качеств сотруднику.

Изучение материалов личного дела сотрудника, будет являться первоочередным этапом психодиагностического подхода. Особое внимание при изучении следует уделить психодиагностическому заключению, в части «психологический портрет». Данные сведения ложатся в основу работы, и заносятся в тетрадь индивидуально-воспитательной работы.

Вторым этапом психодиагностического подхода, в индивидуально-воспитательной работе с аттестованными работниками будет являться наблюдение за его деятельностью и

поведением в служебной обстановке, в быту, в личное время. основополагающей задачей данного этапа является сбор и накопление фактов о социально-психологических особенностях личности и фиксация их существенных сторон. При этом лицо, осуществляющее индивидуально-воспитательную работу, должно проводить анализ совершаемых действий (поступков), раскрывая побудительные мотивы, чувства и намерения сотрудника. В служебных коллективах учреждений и органов уголовно-исполнительной системы могут быть лица с выраженной конфликтностью, немотивированной агрессией, допускающие факты грубости в отношении сослуживцев и граждан, и иными формами проявления неадекватного поведения. Такие лица с описанием их поступков и психологических черт должны вноситься в «Список сотрудников, требующих дополнительного воспитательного воздействия», и работа с данными лицами должна проводиться совместно с консультацией психолога.

Заключаящим этапом в психоаналитическом подходе будет являться познавательная беседа.

Плюсом данного метода будет являться проверка имеющихся сведений об индивидуальных особенностях и знакомство с биографией каждого члена коллектива. Стоит выделить ряд требований при проведении беседы с сотрудником. Такими требованиями будут являться:

- определение места и времени проведения беседы, ее основная цель и вопросы;
- доброжелательность и ненавязчивость, и в то же время принципиальность к оценке событий и людей, сделанной сотрудником;
- фиксирование результатов беседы только после ухода интервьюента;
- неразглашение сведений, ставших известными в ходе беседы, если они затрагивают интимные стороны жизни сотрудника.

В рамках применения коррекционного подхода прослеживается положительное воздействие на личностные и профессиональные качества сотрудника пенитенциарной системы за счет умелого применения и сочетания средств индивидуально-воспитательной работы. К таким средствам стоит отнести: индивидуальную беседу, воспитание примером, оказание адресной (индивидуальной) помощи, дача индивидуальных заданий и поручений, осуществление контроля, использование воспитательных возможностей коллектива, использование дисциплинарной практики.

В основу средств воздействия при коррекционном подходе ставится индивидуальная беседа с сотрудником, тут уместно высказывание Гераклита Эфесского, о том, что – «Взаимную беседу следует вести так, чтобы каждый из собеседников извлек из нее пользу, приобретая больше знаний». В процессе беседы индивидуально сотруднику разъясняются смысл основных требований необходимых нормативно-правовых актов, регламентирующих его служебную деятельность, этических норм поведения, необходимости повышения его профессионального и культурного уровня. Особенно на первом году службы важно в таких беседах убедить сотрудника в том, что встречающиеся трудности объективны и закономерны, и на примере личного состава вверенного подразделения, показать их временный характер, их преодолимость. Таким воздействием на личность сотрудника достигается правильная оценка поступкам, и ликвидируются отрицательные черты характера. Результаты беседы с кратким ее содержанием должны заноситься в тетрадь индивидуально-воспитательной работы.

Следующее действенное средство коррекционного подхода – это воспитание примером. Как отмечал А. И. Герцен: «Убеждения внушаются теорией, поведение же формируется примером». И тут следует согласиться с Д. Локком, который отмечал: «Ничто не проникает так незаметно и так глубоко в душу человека, как пример: какую бы дурную черту люди ни проглядели в себе и ни прощали себе самим, она может внушать им только отвращение и стыд, когда она выступает перед ними в других людях». Таким образом демонстрация сотруднику положительных и отрицательных примеров поведения, на примере коллектива будет способствовать не только стимулированию его деятельности, но и подтолкнет на достижения уровня положительных образцов поведения, исключая из служебной деятельности негативные примеры. Воспитательное влияние примера основывается на склонности людей к подражанию. Условиями его реализации будут являться: убежденность в том, что пример достоин подражания, доступность и привлекательность примера для подражания, общественная ценность для применения.

Оказание индивидуальной помощи в решении различных служебных и общественных задач является практическим средством воздействия на личность работника пенициарной системы в рамках коррекционного подхода. Индивидуальная помощь многогранна и может выражаться разными формами, такими как: правильной организации рабочего времени, овладении навыками профессионального мастерства, выполнении различных поручений. Индивидуальная помощь может быть оказана в виде разъяснений, советов, проведении дополнительных занятий, совместного выполнения поручений, заданий. При оказании помощи следует соблюдать тактичность, уважение к достоинству личности сотрудника и его способностям.

Индивидуальные задания и поручения в процессе служебной деятельности будут тоже являться средством воздействия на личностные качества работника уголовно-исполнительной системы в рамках коррекционного подхода. К таким видам средства следует отнести: участие в творческих и спортивных конкурсах, подготовка очерков или статей о проведенных мероприятиях или памятных датах, проведение агитационных и познавательных бесед с организациями и трудовыми коллективами, учащимися средних и профессиональных образовательных учреждений, выступление на служебной подготовке. Индивидуальные задания позволяют раскрыть потенциал сотрудника уголовно-исполнительной системы, узнать его сильные и слабые стороны. Работа в этом направлении позволит корректировать в дальнейшем служебную деятельность и более оперативно реагировать на служебные задачи, зная потенциал вверенного коллектива.

Не стоит упускать такое средство, как контроль за выполнением сотрудником своих служебных обязанностей и поручений. Проведение контроля стоит проводить на всех этапах служебной деятельности, от подготовки к службе и несение сотрудником службы; повышением своего профессионального мастерства; поведением во внеслужебное время. При этом контроль следует осуществлять разными способами: личной проверкой несения службы, изучением служебной документации, заслушиванием отчетов о выполнении заданий и поручений в процессе служебной деятельности, изучением мнения служебного коллектива, опросом членов семьи и родственников, проверкой знаний законодательства регламентирующего деятельность прохождения службы в уголовно-исполнительной системы. Стоит отметить, что контроль со стороны руководителя не должен быть чрезмерным,

так как в случаи чрезмерного контроля произойдет регресс профессиональных качеств сотрудника и его демотивация.

Неформальные позитивные лидеры – это еще один инструмент воздействия при коррекционном подходе на личность сотрудника. Не стоит отказываться от возможности использования их в индивидуально-воспитательной работе. Такое же влияние на личность имеют общественные формирования, созданные в подразделении. Коллектив выступает средством воспитательного воздействия.

Заключительным средством воздействия на личность стоит рассматривать использование дисциплинарной практики, как позитивной оценки результатов работы, а также выделение негативных поступков, допущенных в процессе службы и стимулирование сотрудника на переоценку своих действий в положительную сторону. Обобщение опыта воспитательной работы свидетельствует, что эффективность использования дисциплинарной практики предполагает учет следующих обстоятельств:

- каждое применяемое поощрение и взыскание необходимо объявлять перед коллективом и в присутствии сотрудника;

- поощрения за службу и общественную работу по своему воспитательному воздействию на персонал эффективней поощрений, мотивировка которых связана с различными праздниками;

- нельзя допускать, чтобы вслед за взысканием следовало поощрение, это может породить у сотрудников уверенность, что можно поступать как вздумается;

- форма объявления взыскания должна быть такой, чтобы не унижалось человеческое достоинство служащего и не вызывалось чувство обиды;

- используемые поощрения и взыскания должны быть разнообразными по форме и учитывать индивидуальные особенности личности, его характер, темперамент.

- сочетать моральные и материальные виды поощрений;

- меры поощрения и взыскания должны применяться своевременно, быть гласными;

- сочетать использование дисциплинарной практики с другими средствами воспитания;

- всегда фиксировать поощрения и взыскания в документации.

Таким образом, при грамотном сочетании методов и средств индивидуально-воспитательной работы оказываемой на сотрудника уголовно-исполнительной системы непосредственным руководителем достигается его сохранение на службе и формирование квалифицированного состава кадров, обладающего позитивными моральными и профессиональными качествами.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/.
2. Приказ ФСИН РФ от 28 декабря 2010 г. № 555 «Об организации воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // docs.cntd.ru/document/902256295/.

БИЛИКСИН Владимир Владимирович

студент Самарского юридического института ФСИН России

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич

старший преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России

ЧВК РЕДАН: СУЩНОСТЬ И СООТНОШЕНИЕ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В научной статье рассматривается сущность «ЧВК Рёдан». Авторами анализируется основная сфера деятельности данного сообщества и производится соотношение с различными, существующими на сегодняшний день, экстремистскими сообществами. Значительно внимание уделяется влиянию аниме-индустрии на побуждение к совершению противоправных действий лиц, относящих себя к «ЧВК Рёдан». Авторами в рамках проводимого научного исследования дается оценка «ЧВК Рёдан» на предмет наличия признаков экстремистского сообщества.

Ключевые слова: ЧВК Редан, манга, «Хантер и Хантер», экстремистское сообщество, признаки экстремистского сообщества, противоправные действия, культура аниме-индустрии.

BILIKSIN Vladimir Vladimirovich

student of the Samara law institute of the FPS of Russia

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich

senior lecturer of Regime and security in the penal system sub-faculty of the Samara law institute of the FPS of Russia

PMCS REDAN: THE ESSENCE AND CORRELATION WITH EXTREMIST ACTIVITY

This scientific article examines the essence of the Redan PMCs. The author analyzes the main sphere of activity of this community and makes a correlation with various extremist communities that exist today. Considerable attention is paid to the influence of the anime industry on the incitement to commit illegal actions of persons who consider themselves to be a PMC Redan. The author, within the framework of the ongoing scientific research, evaluates the PMC Redan for signs of an extremist community.

Keywords: PMC Redan, extremist community, signs of extremist community, illegal actions, anime industry culture.

Проблема экстремизма на сегодняшний день стоит довольно остро в российском обществе. За последние 30 лет экстремизм как социально-опасное явление преобразовалось в своей сути и содержании.

Так, по мнению Сидоровой Е. З., если на рубеже нулевых и десятых годов экстремизм был тесно связан радикально направленными различными религиозными течениями или же субкультуры, берущей свои корни из прошлого, такой, к примеру, как «АУЕ», то на сегодняшний день можно говорить об экстремизме, берущем свои начала из поп-культуры современного общества [1, с. 19-21].

Нельзя не отрицать сильного влияния средств массовой информации на разум современного человека, его предубеждение и поведение. Зачастую подобная культура может сподвигать индивида к отклоняющемуся поведению, что будет выражаться в нарушении норм закона, в том числе и уголовного.

В рамках исследования из всего спектра современной поп культуры будет выделено влияние аниме-индустрии на вопрос становления экстремистских сообществ, на примере нашумевшего ЧВК «Редан».

Стоит уточнить, что на сегодняшний день данная организация не признана экстремистским сообществом¹, а к его деятельности возникает ряд вопросов, связанных с неопределенностью его статуса, что содержит в себе противоречия, мешающие определению рассматриваемого сообщества к какой-либо социально активной группе.

На сегодняшний день известно, что подобная группа весьма хаотична в своих действиях и не применяет каких-ли-

бо организационно-распорядительных мероприятий по отношению к своим участникам или планируемых акций. Более того, предстает проблематичным говорить о наличии у подобного сообщества постоянных участников, что сформировали собой какую-либо группу, способную на выполнении заранее поставленных противоправных задач.

Однако анализируя статистику МВД² за 2023 год можно убедиться в нарастании случаев совершения, как актов хулиганства, так и разбойных нападений, непосредственными исполнителями которых выступали люди, относящих себя к «ЧВК Рёдан».

Говоря же о названии данной организации, стоит сказать о присутствии у него своего рода фарса, ибо аббревиатура ЧВК, несущая в себе значение частной военной компании, явно не соответствует сути рассматриваемого явления. В первую очередь сказанное подтверждается тем, что на сегодняшний день не было зафиксировано случаев использования огнестрельного оружия, и участники подобного сообщества в большей своей части, ввиду возраста участия, что варьируется периодом от 15 до 21 года попросту, не проходили службу в рядах каких-либо воинских формирований.

Как утверждает публицист Богацкий Е. Е., сущность рассматриваемого сообщества базируется на аниме сериале «Hunter × Hunter» 1999 года выпуска. Для понимания сущности «ЧВК Рёдан», в первую очередь необходимо осознавать принадлежность рассматриваемого сообщества к японской поп-культуре аниме. Также следует обращать внимание на истоки происхождения самого аниме, так в абсолютном своем числе подобная мультипликационная продукция выхо-

1 Перечень общественных объединений и религиозных организаций, признанных экстремистскими сообществами на территории РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru>. (дата обращения: 01.06.2023).

2 Характеристика состояния преступности в Российской Федерации на июнь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://МВД.РФ/> (дата обращения: 01.06.2023).

дит в свет, основываясь на комиксных журналах, именуемых манга [3, с. 46-47].

Сама же культура манги, к которой и относится сериал «Hunter × Hunter», на сегодняшний день преобразовалась в поп-индустрию, однако ее история берет свои корни из истории периода феодальной Японии, когда такое отображение действительности в виде манги использовалось в целях распространения информации в публичных масштабах. Так, переходя уже в более поздний этап, манга, как отмечает публицист Катасонова Е. Л., активно печаталась на территории Японии в период Второй Мировой Войны и выступала в качестве карикатуры на силы союзников. В то же время, как отмечает ряд публицистов, культура манги тесно связана с литературоведением Японии на всех этапах ее исторического существования [4, с. 76-77].

В содержании сущности манги публицисты активно выделяют стиль Гунки, что воплощает себя через эпосный жанр изложения, характеризующийся масштабностью изложения о событиях, чей характер непрерывно связан с описанием как физических, так и моральных страданий человека. Так, в центре, произведений подобного жанра, согласно позиции Халилина М. Н., стоит герой, чье значение и социальный статус умалется иными протагонистами произведения [5, с. 231-232].

Именно преобладание жанра Гунки в аниме сериалах, как отмечает социолог Милокова А. В. [6, с. 33-34], привел к росту неформальных молодежных групп середины нулевых годов двадцать первого века, именуемых себя не иначе, как «Эмо». Сущность же подобного явления просматривалась через суицидальность идей, участников, относящих себя к категории «Эмо», как утверждает Биткова Т. Г. [7, с. 86-88].

Именно в ряде аниме сериалов можно порой наблюдать сюжет, раскрывающийся через суицидальность идей главных героев, а также в идее противопоставления себя остальному миру, что вызвано неодобрением окружающего общества и впоследствии чего главный герой совершает акт мести своим обидчикам.

Так, рассмотренная выше идея одного из течения аниме полностью обуславливает совершения людьми, относящих себя к «ЧВК Рёдан», противоправных деяний в отношении определенной группы лиц, что в силу своего культурного развития, в свою очередь, не принимают культуру исходящей от поп-индустрии аниме, со всеми вытекающими из нее последствиями. Под последствиями, согласно Денисовой А. А., стоит понимать использование атрибутики, присущей жанру японской поп-индустрии аниме. Так, ношение одежды, отображающей на себе конкретных героев манга-комиксов и длинных окрашенных в яркие цвета волос, зачастую, по мнению психологов, может вызывать агрессивную реакцию у окружающих людей [8, с. 43-44].

Анализируя сюжет аниме-сериала «Hunter × Hunter», следует выделить, что действия данной экранизации манги в части коррелируют жанру Гунки и действия главных героев, так называемых «Охотников» оправдываются вызванной социальной несправедливостью и наличием привилегий, что даются им в ходе совершения заказных убийств и причинения насилия [9, с. 5-7].

Изучение психологической составляющей как жанра манги, так и сущности содержания сериала, служащим предметом вдохновения участников «ЧВК Рёдан», позволяет сформировать полную картину происходящего явления и совершения противоправных действий со стороны его участников.

Так, можно сказать, что культура, исходящая от анализируемого выше сериала, безусловно, может сформировать асоциальный образ поведения, выражаемый в совершении преступных действий. Однако, тем не менее, стоит заметить, что человек, как социальное существо, подвержен влиянию любой поп-культуры и совершения действий, в том числе и противоправных, во многом продиктовано влиянию поп-

культуры и, опять же, социально-экономической обстановкой внутри общества.

Сопоставляя «ЧВК Рёдан» с рядом экстремистских сообществ, таких как, к примеру «АУЕ», можно найти ряд существенных как правовых, так социально значимых отличий [10, с. 123-124].

Так, в первую очередь, «ЧВК Рёдан», не обладает признаком организованности и не имеет конкретного руководителя, как предусматривается статьей 282.1 УК РФ.

Рассматривая же «ЧВК Рёдан» в части соответствия неофициальными признаками экстремистского сообщества, то можно также, в свою очередь, констатировать отсутствие жесткого деления социальной иерархии, деление на категории: «свои и чужие», а также отсутствия превалирования так называемой «двойной истины», раскрывающейся в наделении больших предпочтений участникам экстремистского сообщества по сравнению с иными людьми, не входящих в структуру экстремистского сообщества, как видно на примере с движением «АУЕ». [11, с. 305-307].

Таким образом, отнесение, «ЧВК Рёдан» к экстремистскому сообществу не представляется логичным на сложившийся период. Для борьбы же с негативным влиянием поп-культуры от государства необходимо проведение комплексной политики по поддержанию психологического здоровья населения, а также развитие социально-направленной политики по работе с молодежью.

Подводя итог, необходимо сказать, что совершение противоправных действий всегда сопряжено с влиянием поп-культуры на разум человека. На сегодняшний день влияние поп-индустрии аниме весьма велико и в существенной мере влияет на поколение людей, чей возраст варьируется от 16 до 25 лет. Поскольку в современных реалиях не представляется возможным полностью запретить азиатскую поп-культуру, в частности-аниме-индустрию, от государства необходимо проведение социальной политики по работе с молодежью, что будет направлена на выработку рационального правового сознания у данной категории населения Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Сидорова Е. З. Экстремизм и терроризм: история и современность // Век качества. — 2022. — № 4. — С. 19-21.
2. Богацкий Е. Е. Манга - сегмент современной японской массовой культуры. // Вестник Московского государственного университета печати. — 2023. — № 106. — С. 46-47.
3. Катасонова Е. Л. Анимэ: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 14. — С. 76-77.
4. Халилин М. Н. Образ войны как нового монстра в японской визуальной культуре // Наука телевидения. — 2020. — № 53. — С. 231-232.
5. Милоков В. Л. Влияние японской аниме - культуры на современную молодежь России // Инновационная наука. — 2021. — № 63. — С. 33-34.
6. Биткова Т. Г. Молодежная субкультура «Эмо» // Поколение перемен в странах Восточной Европы: 1990–2010 гг. — 2015. — № 18. — С. 86-88.
7. Денисова А. А. Семантика субкультуры «Аниме» // Аналитика культурологии — 2017. — № 59. — С. 43-44.
8. Ковалева А. Н. Элементы эпического сюжета жанра Гунки в аниме // Вестник РГГУ. — 2019. — № 91. — С. 5-7.
9. Иванова Ю. А. Ауе – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 33. — С. 123-124.
10. Чирун С. Н. Молодежное «Ауе» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 96. — С. 305-307.

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЖАРНОГО НАДЗОРА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ КАК ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

В статье анализируются вопросы, связанные с правовым регулированием государственного надзора, государственного пожарного надзора, а также деятельности органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы как органов дознания. На основе комплексного анализа нормативных источников, научной литературы и показателей официальной статистики определена специфика уголовно-процессуальной функции МЧС России как федерального органа исполнительной власти, для которого строго определены свои основные по профилю Министерства задачи. Сформулированы некоторые выводы о направленности совершенствования дальнейшей деятельности органов дознания ГПН ФПС МЧС России.

Ключевые слова: государственный надзор, пожарный надзор, дознание, правовое регулирование, расследование преступлений, связанных с пожарами.

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna,

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk,

STUPINA Svetlana Aleksandrovna,

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic Science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

SOME FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE STATE FIRE SUPERVISION BODIES OF THE FEDERAL FIRE SERVICE AS BODIES OF INQUIRY

The article analyzes issues related to the legal regulation of state supervision, state fire supervision, as well as the activities of the state fire supervision bodies of the federal fire service as bodies of inquiry. Based on a comprehensive analysis of regulatory sources, scientific literature and indicators of official statistics, the specifics of the criminal procedural function of the Ministry of Emergency Situations of Russia as a federal executive authority, for which its main tasks are strictly defined according to the profile of the Ministry. Some conclusions are formulated about the direction of improving the further activities of the bodies of inquiry of the GPN FPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

Keywords: state supervision, fire supervision, inquiry, legal regulation, investigation of crimes related to fires.

На сегодняшнем уровне развития научно-технического прогресса проблемные вопросы всестороннего, включая и вопросы правового, обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации играют все более значительную роль.

В составе органов исполнительной власти государства формируются органы государственного надзора пожарной безопасности в целях осуществления государственной политики по направлениям деятельности, реализуемой в сфере пожарной безопасности общества и государства. Данное направление надзорной деятельности очевидно доказано практикой развития всех форм государств.

С гордостью можно отметить, что МЧС России согласно Сводного доклада о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2022 год заняло первое место в рейтинге федеральных контрольных органов за 2022 г. [1].

В целом согласно Основам государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года, утвержденным Указом Президента от 01.01.2018 № 2 среди приоритетных направлений государственной политики в области пожарной безопасности определена такая, как актуализация нормативно-правовой базы, одним из мероприятий которой выступает разработка правовых норм и мер, обеспечивающих повышение эффективности федерального государственного пожарного надзора и ведомственного пожарного надзора.

Государственный надзор представляет собой надведомственный, специализированный контроль, который на систематической основе осуществляется государством и имеет свою специфику. Так, в качестве субъектов надзорной деятельности выступают структурные подразделения государственной администрации и исполнительной власти. Главная цель государственного надзора – это обеспечение

Долгушина Л. В.

Ступина С. А.

безопасности физических и юридических лиц и общества в целом.

Государственный надзор является специализированной деятельностью и имеет своей направленностью соблюдение соответствующих правил. При этом, посредством осуществления государственного надзора достаточно широко применяются меры административного принуждения [2, с. 47].

Одной из форм регулирования отношений в области пожарной безопасности в государстве выступает ее правовая регламентация.

Посредством нормативно-правового регулирования пожарной безопасности в государстве поведение всех субъектов общественных отношений приводится в соответствие с содержащимися в нормах права требованиями.

При этом, правовая регламентация в сфере пожарного надзора направлена на упорядочение общественных отношений в этой сфере в целях создания безопасной среды проживания граждан и благоприятных условий для осуществления ими своей деятельности.

Основной смысл и содержание государственного регулирования в области пожарной безопасности заключается в установлении и обеспечении со стороны государства общих правил поведения субъектов правоотношений в сфере пожарной безопасности, а также в их корректировании исходя из изменяющихся условий.

Надзорная деятельность в сфере обеспечения требований пожарной безопасности в Российской Федерации осуществляется посредством проведения государственного пожарного надзора, проводимого органами МЧС России. Его проведение представляет собой одну из важнейших функций обеспечения пожарной безопасности в государстве.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства (ст. 40 УПК РФ) органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы относятся к органам дознания.

Приказом МЧС России от 15 декабря 2002 года № 587 (в ред. Приказа МЧС России от 01.02.2010 № 35) «О мероприятиях по организации и осуществлению дознания по делам о пожарах», определены органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, являющиеся органами дознания.

Говоря о правовом регулировании именно деятельности органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы как органов дознания, прежде всего, следует понимать, что оно включает УПК РФ, Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О пожарной безопасности» и Приказ МЧС России от 02.05.2006 г. № 270 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях в органах государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий». Кроме этого, рассматриваемая сфера правового регулирования не может всесторонне охватывать все особенности регулируемых правоотношений без учета и иных нормативно-правовых актов.

В рамках прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания принят Приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания».

Органы дознания осуществляют свою деятельность в структуре Управлений надзорной деятельности территори-

альных органов МЧС России. Дознаватели занимаются расследованием пожаров, а также проводят предварительное расследование в форме дознания по преступлениям, подследственным органам дознания Государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы.

Среди основных задач дознания ГПС МЧС России выступает такая, как проведение в соответствии с законодательством Российской Федерации дознания по делам о пожарах и по делам о нарушениях требований пожарной безопасности.

Статистические данные деятельности органов дознания государственного пожарного надзора [3] показали, что в 2022 г. возбуждено 1115 уголовных дел (в 2021 г. – 933; прирост к АППГ составил +16,3 %), отказано в возбуждении уголовных дел по 98 829 сообщениям о преступлениях, связанных с пожарами (в 2021 г. – 107 102; уменьшение на 7,7 %).

Из возбужденных уголовных дел:

– по ст. 168 УК РФ – 618 (55,4 % от общего числа возбужденных уголовных дел);

– по ч. 1 ст. 219 УК РФ – 8 (0,7 %);

– по ч. 1 ст. 261 УК РФ – 486 (43,6 %);

– по ч. 2 ст. 261 УК РФ (в настоящее время утратила силу, Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ) – 3 (0,3 %).

По итогам 2022 г. имеется тенденция к увеличению вынесенных судами обвинительных приговоров по направленным органами ГПН в суды обвинительным актам, что характеризует деятельность дознания ГПС МЧС как высокопрофессиональную.

В целом, за 2022 г. вынесено 120 обвинительных приговоров (в 2021 г. – 124, уменьшение на 4 %). Дознавателями ГПН ФПС осуществляется активная пропаганда выполнения требований пожарной безопасности как составной части культуры безопасности жизнедеятельности населения. Кроме этого, активно используются ресурсы и потенциал средств массовой информации и социальных сетей.

Также проводятся внеплановые профилактические рейды и инструктажи населения.

Вместе с тем, следует согласиться с предложением А. П. Савельева, что для оказания технической, информационной помощи дознавателям ФГПН обоснованно рассмотрение вопроса о возможности введения в системе МЧС России института общественных помощников [4, с. 82].

Также этим автором актуализируется, заслуживающая внимания и поддержки, целесообразность закрепления на законодательном уровне возможности предоставления инспекторскому составу ГПН права сбора материала в рамках проверки сообщений о возгораниях, то есть наделение инспекторов правами, предусмотренными ст. 144 УПК РФ, с учетом ограничения по принятию решения по итогам проверки [4, с. 81].

Говоря именно об уголовно-процессуальной функции МЧС России как федерального органа исполнительной власти, для которого строго определены свои основные по профилю ведомства задачи, то следует отметить, что указанная функция не является для министерства доминирующей или приоритетной [5, с. 573], что, несомненно отражается на организационно-управленческой стороне деятельности дознания МЧС России.

В 2022 г. процент дознавателей, имеющих высшее юридическое образование, по сравнению с 2021 г., увеличился на 2,6 % и составил 51,3 %.

Вместе с тем, эти данные свидетельствуют о том, что только каждый второй из дознавателей ГПС МЧС имеет об-

разование, позволяющее профессионально выполнять уголовно-процессуальную функцию как деятельность, осуществляемую в интересах защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, тоже направленную на обеспечение задач, стоящих перед МЧС России.

Как отмечает В. И. Рохлин: «Среди функций органов дознания важнейшей является осуществление расследования как одна из форм, наряду с предварительным следствием, предварительного расследования до суда или для суда. Здесь возникает ряд специфических процессуальных, методических и тактических вопросов, которые во многом отличаются от иных функций государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы МЧС России» [6, с. 11].

Интересна в этой связи выдвинутая А. В. Ершовым гипотеза о том, что реальной практической проблемой в современных реалиях осуществления деятельности МЧС России по выполнению возложенных на это Министерство функций является, прежде всего, общий уровень профессиональной культуры лица, принимающего решение, включая современный уровень как нормативно-правовой, так и правоприменительной культуры [7, с. 107].

Отдельно отметим, что на сегодняшний день МЧС России внедряет риск-ориентированный подход с 2016 года, полностью перейдя на него с 1 января 2021 года, когда каждому объекту стали присваивать индивидуальную категорию пожарного риска, от которой зависит частота проверок.

С учетом особенностей организации и осуществления федерального государственного пожарного надзора, установленных постановлением Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 и специфики применения риск-ориентированного подхода при осуществлении надзорной деятельности на территории Российской Федерации в 2022 году проведено 31 859 плановых и 44 868 внеплановых контрольно-надзорных мероприятий, 191 511 профилактических визитов и 30 022 контрольно-надзорных мероприятий без взаимодействия с контролируемым лицом [8].

В целом следует констатировать, что на современном этапе правовое регулирование деятельности органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы как органов дознания со стороны законодателя достаточно совершенно.

При этом не следует забывать, что среди функций органов дознания важнейшей является осуществление расследования как одна из форм, наряду с предварительным следствием, предварительного расследования до суда или для суда. Здесь возникает ряд специфических процессуальных, методических и тактических вопросов, которые во многом отличаются от иных функций государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы МЧС России.

Во многом актуализация нормативно-правовой базы определяется риск-ориентированным подходом.

Эффективность деятельности органов дознания ГПН ФПС МЧС России зависит не столько от скрупулёзного детального нормативного регулирования этой деятельности, а сколько от общего профессионального потенциала кадрового состава, а также соответствия принимаемых решений как букве закона, так и его духу.

Пристатейный библиографический список

1. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2022 год / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/nI8VIVPes5mi2qAmn2Vgwwqrw1SGLhvDe.pdf> (дата обращения: 29.06.2023).
2. Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8. – С. 47-53.
3. Деятельность МЧС России / Официальный сайт Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2023-05-19/57f5b8b4815dd3e1b2592f5565a2c30f.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
4. Савельев А. П., Лаврушкина А. А., Чугунов А. М. Повышение эффективности деятельности дознавателей федерального государственного пожарного надзора // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2 (59). – С. 77-84.
5. Степанова И. А. Организационно-практические вопросы производства дознания по уголовным делам, связанным с пожарами // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. № 10-1. – С. 569-577.
6. Рохлин В. И. Дознание в системе МЧС России: понятие, перспективы // Правовое регулирование деятельности МЧС России по вопросам обеспечения безопасности ликвидации последствий стихийных бедствий: Материалы круглого стола, Санкт-Петербург, 05 апреля 2011 года / Под общей редакцией В. С. Артамонова. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 9-11.
7. Ершов А. В., Коробко В. Б. О проблеме перехода государственного управления в техносфере на новую риск-ориентированную модель на примере обеспечения пожарной безопасности // Пожаровзрывобезопасность. – 2021. – Т. 30. № 2. – С. 98-116.
8. Доклады с обобщением правоприменительной практики и руководствами по соблюдению обязательных требований за 2022 год (утв. Главным государственным инспектором РФ по пожарному надзору 24 апреля 2023 г.), 11 мая 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406722039/> (дата обращения: 20.05.2023).

НИМИРОВСКАЯ Юзефа Казимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России

СОН КАК ВАЖНЕЙШИЙ МАРКЕР ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматривается значение одного из охранительных состояний организма - сон, который оказывает влияние на жизненные проявления человека. Рассматриваются факторы, связанные с расстройствами сна, обусловленные служебной деятельностью сотрудника органов внутренних дел. Показана причинно-следственная связь между функциональным состоянием организма и напряжением профессионального функционирования сотрудника ОВД. Обосновывается роль сна как восстановительного физиологического процесса, обеспечивающего поддержание эффективности профессиональной деятельности. Отмечается значение физиологических маркеров в функциональном состоянии организма.

Ключевые слова: сон, функциональное состояние, физиологический процесс, профессиональная деятельность, резервы организма, сотрудник органов внутренних дел.

NIMIROVSKAYA Yuzefa Kazimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Pedagogy and psychology sub-faculty of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia

SLEEP AS THE MOST IMPORTANT MARKER OF THE FUNCTIONAL STATE IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article examines the significance of one of the protective states of the body - sleep, which affects the life manifestations of a person. Factors related to sleep disorders caused by the official activity of an employee of the internal affairs bodies are considered. The causal relationship between the functional state of the body and the stress of the professional functioning of the police officer is shown. The role of sleep as a restorative physiological process that ensures the maintenance of the effectiveness of professional activity is substantiated. The importance of physiological markers in the functional state of the body is noted.

Keywords: sleep, functional state, physiological process, professional activity, reserves of the body, an employee of the internal affairs bodies.

Введение

Профессия полицейского по своей природе является стрессовой профессией, поскольку она напрямую связана с такими факторами организационного характера как: продолжительный рабочий день, ротация рабочих мест, рабочий климат, постоянная служебная аттестация, напряженный темп работы, определенные требования к результатам профессиональной деятельности сотрудника полиции. В связи с чем время, затрачиваемое на сон, сокращается, а высокий уровень напряженности профессионального функционирования влекут за собой нарушения сна. Установлено, что сон является функциональным состоянием человека, проявляющемся на физиологическом, психологическом и поведенческом уровнях. Нельзя не учитывать функциональное состояние организма, которое проявляется во время деятельности человека и оценивается по тому влиянию, которое оно оказывает на надежность этой деятельности. Знание особенностей функционального состояния понимается как комплекс характеристик тех функций и качеств индивида, которые прямо или косвенно обуславливают выполнение деятельности [7]. Выполнение задач сотрудниками ОВД требует от них большой активности, а эффективность профессиональной деятельности человека в значительной мере зависит от оптимального уровня бодрствования поскольку в состоянии бодрствования человек активно воспринимает сигналы окружающего мира и отвечает адекватными реакциями [8, с. 4]. При этом повышенная напряженность в деятельности сопровождается беспокойством и тревожностью. Принято считать, что необходимым условием обеспечения эффективности деятельности является хороший сон. При длительном нарушении сна снижается умственная работоспособность, повышается раздражительность, может наступить отклонения в психических процессах (память, эмоции, сознание, внимание). Другими словами, последствия плохого качества сна выходят за рамки простого дискомфорта, сонливости. Установлено, именно сон необходим для восстановления затраченных сил, энергоресурсов и других физиологических резервов организма. Потребность в изучении характеристик оптимальной работоспособности сотрудника

ОВД обусловлена условиями, требующие напряженной активности при выполнении профессиональных задач.

Основная проблема и обзор исследований

Доктор Майкл А. Гранднер из Центра нейробиологии сна и циркадной нейробиологии Пенсильванского университета в Филадельфии писал, что «в нашей культуре принято считать, что сон - удел слабаков. Когда вы находитесь в среде, где признаки слабости особенно демотивируют, может возникнуть социальное давление, чтобы не лечить проблемы сном» [4, с. 591]. По его словам, в частности, полицейские страдают от проблем со сном, что становится проблемой их безопасности.

А. М. Вейн, рассматривая сон как физиологическое состояние человека, обращает внимание на состояние невосприимчивости организма к сенсорным стимулам, поскольку в состоянии сна ретикулярная формация не получает сигналы от всех чувствительных (сенсорных) зон [6]. Можно согласиться, что сон является состоянием, при котором у человека значительно ослабевают связи организма с внешним миром. Во время сна снижаются интенсивность обменных процессов, мышечный тонус, частота сердечных сокращений, отсутствуют условные рефлексы, а безусловные рефлексы заторможены. Положение о том, что сон есть результат «генерализованного торможения в коре больших полушарий» впервые предложил И. П. Павлов. Согласно его учению, сон и бодрствование во многом обусловлены процессами в коре головного мозга. Так процессы торможения, названные И. П. Павловым «охранительным торможением», способствовали отдыху и засыпанию [9, с. 335].

В эмпирических исследованиях В. Р. Гесса установлено, что в головном мозге существует «центры сна», участвующие в механизмах сна и бодрствования. Вместе с тем, необходимо учитывать и химическое влияние на процессы сна, что нашло отражение в исследованиях французских ученых Р. Лежандра, А. Пьерона, которые исследовали химическую природу засыпания, согласно которой организм человека освобождается от ядовитых веществ во время сна. Однако, полученные результаты не позволили установить химический фактор, как основополагающий. В частности, наблюдения П. К. Анохина

за сросшимися девочками-близнецами, у которых была общая кровеносная система, не нашли подтверждения факту химического воздействия на процесс засыпания. Также в рамках работ П. К. Анохина отмечается, что состояние бодрствования наступает в результате торможения центра Гесса [2, с. 47]. В работе В. М. Аствацатурова с помощью метода условных рефлексов отмечается фактор, вызывающий сон – торможение нервных клеток коры больших полушарий мозга [6, с. 73].

Исследования зарубежных ученых А. Азеринского и И. Клейтмана, проведенные с использованием метода регистрации активности нейронов коры головного мозга позволили обнаружить так называемую фазу «быстрого» или «парадоксального» сна, что доказывает факт процессов не только торможения во время сна в коре, но и активных состояний. А длительное нарушение у человека фазы «быстрого сна» приводит к таким функциональным состояниям как эмоциональная напряженность, страх, раздражение, тревога, нарушения внимания и памяти [5].

Как физиологический процесс сон характеризуется:

1. Снижением сознания.
2. Снижением реакции на внешние раздражители.
3. Связан с неподвижностью и расслаблением мышц тела.
4. Проявляется с циркадной (суточной) периодичностью.
5. Во время сна люди приобретают стереотипную позу.

В часы наибольшей темноты организм человека склонен отдыхать, снижая активность. В часы большого количества света наблюдается тенденция к большей активности. Так, доктор Чарльз Чейслер из Brigham and Women's Hospital в Бостоне и его коллеги обнаружили, что у 40 % офицеров выявлено как минимум одно расстройство сна. Наиболее распространенным было апноэ во сне, от которого пострадала треть полицейских, за которым следовала бессонница от умеренной до тяжелой степени и расстройство смены, то есть отсутствие сна и бессонница, связанны с работой в ночную смену. Полицейские, лишённые сна, сообщали о большем количестве жалоб от граждан и чаще проявляли неконтролируемый гнев по отношению к подозреваемым или гражданам [10, с. 24]. О таких состояниях пишет Dement W., указывая на роль нейромедиаторов (мелатонина, серотонина, дофамина) в регуляции сна [11].

Люди с нарушениями сна более чем в два раза чаще, чем люди с хорошим сном, испытывали депрессию, эмоциональное истощение или синдром «выгорания» и тревогу. Например, человек садится за руль, не осознавая, что его клонит ко сну, соответственно, его внимание и координация притупляются, боковое зрение нарушается, и это очень опасно. Можно сказать, что люди, лишённые сна не способны принимать правильные решения, их реакция нарушена.

Как отмечает академик Амосов Н. М., «чтобы стать здоровым, нужны усилия самого человека. Величина усилий определяется стимулами, к которым относятся цели» [1, с. 8].

У работников, страдающих бессонницей, отмечается не только меньшая эффективность на работе, но и сниженная самооценка и удовлетворенность работой. В связи с вышесказанным для поддержания функционального состояния организма у человека возникает необходимость поиска средств повышения устойчивости организма к различным нагрузкам, что в свою очередь увеличивало бы адаптационные резервы. К примеру, употребление различных веществ, таких как кофе, энергетики, табак, алкоголь, наркотики безусловно влияют на физиологию нормального сна. Если дофаминовая система работает плохо, то это побуждает человека употреблять вышеназванные стимуляторы, что приводит к усилению отрицательного эффекта.

Ю. Э. Азимова, К. А. Ищенко отмечали, что прием алкоголя нарушает циркадные ритмы и выработку мелатонина как у здоровых лиц, так и у пациентов с алкогольной зависимостью [3, с. 65]. Профессиональная деятельность сотрудника ОВД в условиях, предъявляющих организму повышенные требования, может способствовать развитию эмоциональной напряженности. Надо отметить, что употребление алкоголя и риск развития синдрома зависимости генетически детерминированы, однако они могут быть изменены под влиянием определенных факторов, а в сочетании с нерегулярным графиком сна, к примеру ночное дежурство у полицейских, непременно отражается на качестве сна. В данной ситуации требуется перестройка определенных личностных установок самой личности, необходимо включать волевые усилия, формировать доминанту мотивации через активацию мотивационных структур головного мозга.

Заключение

Сон рассматривается как маркер функционального состояния, влияющий на профессиональную деятельность, обеспе-

чивающий восстановление затраченных жизненных ресурсов в экстремальных стресс-ситуациях. В число параметров, которые необходимо контролировать для правильного профессионального здоровья, в дополнение к здоровым привычкам, таким как здоровое и сбалансированное питание, практика умеренных физических упражнений, относится правильный отдых в нерабочее время. Важно также поддерживать биологические ритмы, чтобы избежать физиологических расстройств, которые могут быть изменены такими эффектами, как синдром смены часовых поясов. Если человек плохо отдыхает, помимо снижения работоспособности, у него могут проявляться такие симптомы, как раздражительность, давление и беспокойство, способные вызвать физиологические расстройства. Недостаток качества сна может увеличить риск высокого кровяного давления, заболеваний сердечно-сосудистой системы, почечные нарушения, диабет и ожирение. Субъективно человек осознает эти трудности, проявляющиеся в физиологических реакциях организма. Бесспорно, развитие нарушений происходит не всегда, все зависит от личностных потенциальных возможностей организма и умения мобилизовать функциональные резервы организма, что требует волевых усилий. Поэтомu жизненно важно соблюдать периоды отдыха, необходимые организму, чтобы не нанести ущерб здоровью и работоспособности. Понимать, что отдых в часы сна позволяет человеку восстановиться, что играет важную роль в когнитивных процессах и запоминании информации. Как правило, отсутствие знаний о значении функционирования сна в профессиональной деятельности полицейского может иметь негативные последствия. Чтобы достигнуть положительного результата важно расширять представления о значении физиологических маркеров в функциональном состоянии организма.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в условиях многозадачной деятельности сотрудника органов внутренних дел необходимо формировать у него собственную позицию в области понимания физиологии сна, связанную с личной ответственностью за свое здоровье, обеспечивающее поддерживание эффективности профессиональной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Амосов Н. М. Раздумья о здоровье. 3-е изд. - Москва: Физкультура и спорт, 1987. - 64 с.
2. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. Принципы системной организации функций. - Москва: Наука, 1973. - С. 47.
3. Азимова Ю. Э., Ищенко К. А. Нарушения сна при алкогольной болезни: диагностика и терапия // Медицинский совет. Москва. - 2017. - С. 65.
4. Гранднер М. А. Рекомендованное количество сна для здорового взрослого человека // Журнал клинической медицины сна Американской академии медицины сна и общества исследований сна. J Clin Sleep Med. - 2015. - № 11 (6). - С. 591-592.
5. Ступницкий В. П. Психология: учебник / В. П. Ступницкий, О. И. Щербакова, В. Е. Степанов. - 3-е изд., стер. - Москва: Дашков и К°, 2021. - 518 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=684335> (дата обращения: 10.06.2023).
6. Лекции по физиологии. Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И. И. Мечникова // StudFiles. - 2015. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2073255/page:12/> (дата обращения: 29.11.2018).
7. Медведев В. И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. - Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1982. - 103 с.
8. Простяко В. В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Юридическая психология. - 2012. - № 1. - С. 5-8.
9. Павлов И. П. Полн. собр. соч. Т. III. - С. 335-336.
10. Sivertsen B., Overland S., Neckelmann D. et al. The long-term effect of insomnia on work disability: the HUNT-2 historical cohort study. Am J Epidemiol. - 2006. - № 163 (11). - С. 24.
11. The effect of dream deprivation I // Science. - 1960. - V. 131. - P. 1705-1707.

ГРИЩЕНКО Андрей Сергеевич

заместитель начальника кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ПАСТУХОВ Евгений Владимирович

старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

АМИРХАНИЯН Ваге Гагикович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Воронежского института МВД России, майор полиции

РОЛЬ И МЕСТО ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

Политическую систему общества образуют многообразные организации, институты, учреждения борьбы за власть, за ее удержание, использование, организацию и функционирование. Соотношение гражданского общества и его политической системы — это соотношение содержания и формы. Каковы люди, каковы их потребности и интересы, как они удовлетворяют свои потребности, в какие классы и группы входят и какие интересы лежат в основе естественно исторических образований людей, все это отражается на политических институтах. Любое классовое общество политически оформлено, оно имеет механизм власти, обеспечивающий его нормальное функционирование в качестве единого социального организма. Этот механизм именуется политической системой. Понятие политической системы является одним из основных в политологии. Его использование позволяет вычленив политическую жизнь из жизни общества в целом, которую можно считать «окружающей средой», и установить наличие связей между ними. Политическая система общества включает в себя достаточно большое количество институтов и субъектов, от слаженного взаимодействия которых зависит степень влияния политической системы на различные сферы жизнедеятельности людей. Рассмотрев позиции авторов, которые предлагают определения политической системы, следует обратить внимание на то, что единой трактовки нет, каждый из деятелей науки выделил ряд своих особенностей и признаков

Ключевые слова: государство, политическая система, общество, власть, потребности, интересы, история, люди, политические институты, гражданское общество, объединения.

GRISHCHENKO Andrey Sergeevich

Deputy Head of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

PASTUKHOV Evgeniy Vladimirovich

senior lecturer of Physical culture and sports sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

AMIRKHANYAN Vage Gagikovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

THE ROLE AND PLACE OF THE STATE IN THE POLITICAL SYSTEM OF SOCIETY

The political system of society is formed by diverse organizations, institutions, institutions of the struggle for power, for its retention, use, organization and functioning. The ratio of civil society and its political system is the ratio of content and form. What people are, what their needs and interests are, how they satisfy their needs, what classes and groups they belong to, and what interests underlie the natural historical formations of people, all this is reflected in political institutions. Any class society is politically formalized, it has a mechanism of power that ensures its normal functioning as a single social organism. This mechanism is called the political system. The concept of a political system is one of the main ones in political science. Its use allows you to isolate political life from the life of society as a whole, which can be considered the "environment", and to establish the existence of links between them. The political system of society includes a fairly large number of institutions and subjects, the coordinated interaction of which determines the degree of influence of the political system on various spheres of people's life. Having considered the positions of the authors who offer definitions of the political system, one should pay attention to the fact that there is no single interpretation, each of the scientists identified a number of their features and characteristics.

Keywords: state, political system, society, power, needs, interests, history, people, political institutions, civil society, associations.

Целью настоящего исследования является определение основных институтов и субъектов политической системы общества, их характеристика на основе теоретического материала.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. По результатам теоретического и правового анализа материалов, представленных в исследовании:

- определить политическую систему страны;
- проанализировать политическую систему страны;
- выделить основные функции политического устройства;
- исследовать и описать политические институты в обществе;

– выделить субъекты политического процесса.

Такие сферы жизни общества, как власть, суверенитет и свобода личности, затрагивают интересы многих и становятся сферой политики. Здесь сложные отношения между многими людьми, которые завоевывают, владеют и используют власть, суверенитет (государства, экономики и общества), индивидуальную свободу (права человека, гражданские права и свободы) и автономию, реализуются в так называемом политическом поле, где готовится общая кухня для блюда под названием политика.

Эти представления о политической системе были использованы и для диалектической характеристики социали-

стической политической системы на предыдущем этапе. Эта система провозглашалась как чисто демократическая, и эта характеристика утверждалась как результат господства рабочего класса, который под руководством коммунистической партии представлял интересы большинства народа, то есть всех трудящихся [1].

Институционные составные части политической системы включают в себя государство, парламентские партии, местные самоуправляющиеся организации и другие институты.

Государство играет огромную роль в политической системе общества. В историческом плане государство можно считать первой политической организацией общества, регламентированного правом. Государство регулирует явления политической жизни «через призму всеобщности и включает в себя многообразие политических интересов.

Центральное положение и ведущая роль государства в политической системе общества обусловлено совокупностью следующих факторов:

- 1) объединяет народ по принципу гражданства в пределах территориальных границ государства;
- 2) является единственным носителем суверенитета;
- 3) определяет направления, с помощью которых будет функционировать общество;
- 4) имеет право принимать властные решения, которые распространяются на всех, в пределах территориальных границ;
- 5) является носителем политической власти;
- 6) «обладает специальным аппаратом принуждения и подавления с соответствующими «вещественными придатками» в виде тюрем и иных принудительных учреждений, государство выступает как главная сила в руках любого господствующего класса или слоя, как важнейшее средство осуществления его политической власти»

Наряду с государством особое место в политической системе общества занимает право, с помощью которого государство регулирует процессы, связанные с созданием и функционированием политических партий и иных институтов политической системы общества.

Одним из важных институтов в политической системе является партия. Термин «партия» происходит от латыни, означающей группу или часть группы. Политическая партия — это особая политическая организация, входящая в систему государственного управления.

Помимо политических партий, в качестве элементов политической системы следует выделить политические и национальные движения. Это менее формальные общественные органы, различные фронты, профсоюзы, советы и другие организации. Обычно политические, национальные и культурные движения не имеют членов и четкой структуры. Политические и другие общественные движения часто не имеют формальных региональных отделений и представлены только своими административными органами (оргкомитетами, президиумами и т.д.).

Отношения между государством и политическими, национальными и культурными движениями многогранны. Например, когда происходит бюрократизация и деидеологизация государственных учреждений, цели и задачи политических движений не организуются и не институционализируются государственными учреждениями, а проецируются через сложную систему идеологических влияний. Однако в некоторых организованных обществах членство в политической партии или политическом движении не является препятствием для доступа к государственным услугам и иногда является критерием при приеме на работу.

Правовой статус субъектов Российской Федерации определяется Конституцией Российской Федерации. При этом все субъекты Российской Федерации обладают элементами конституционной власти. Это означает, что каждый субъект

Федерации вправе определять вопросы своего внутреннего устройства и для этого может издавать нормативные законы, регулирующие его статус. Таким образом, статус республик определяется не только Конституцией Российской Федерации, но и Конституцией самой республики [2].

Таким образом, назначение Конституционной хартии и Конституции одинаково. Роль Конституционной хартии аналогична роли Конституции в республике, поскольку обе они регулируют сходные виды правоотношений. В то же время оба подлежат одинаковой защите государственным правом на основе равенства субъектов по отношению к федеральным органам государственной власти. Субъекты Российской Федерации не могут в одностороннем порядке изменить свой статус.

В современной политической системе отношения государства и профсоюзов не столь сложные, как в политической системе. На определенном этапе своей истории профсоюзы возникли как общественные организации, защищающие права и законные интересы конкретных людей. История отношений государства и профсоюзов очень важна для общества. История взаимоотношений государства и профсоюзов была сложной и противоречивой. Некоторые авторы выделяют в отдельную политическую систему местного самоуправления. Понятие, которое определяет деятельность населения на определенной территории по решению местных проблем. Граждане могут осуществлять местное самоуправление путем различных форм и методов, к таким можно отнести: участие в выборах и референдумах, а также через органы местной власти. Члены профсоюзов и общественные организации, входящие в политическую систему общества, являются важными субъектами, обеспечивающими полноценное функционирование государства. Каждый субъект, вовлеченный или незадействованный в политической и общественной жизни, является двигателем этой системы. Местные органы самоуправления играют важную роль в формировании политической системы общества, потому что проблемы могут стать более серьезными и подорвать политическую систему. Анализируя тему, можно сделать ряд выводов [3].

Таким образом, политическая система общества представляет собой сложное и многогранное явление, которое анализируется учеными в области государства и права. В частности, исследователи государства и права применяют целый метод для изучения а также его исследования вместе с позиций сравнительной статистики а также постоянной динамики, в целом общественно-политической концепции сообщества к ее единичным составляющим, а также в частности с целью рассмотрения значимости страны в данном воспитании, раскрывая новейшие качества, свойства и нюансы равно как новейшие компоненты.

Пристатейный библиографический список

1. Корельский В. М. и Перевалов В. Д. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. - М.: Юрист, 2019.
2. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. Дополнение к 6-му изд. - СПб.: Юридический издательский институт, 2021.
3. Баглей М. В. Конституция Российской Федерации: текст для вузов - 4-е издание с исправлениями и дополнениями. - М.: Норма, 2020.

ЗЛОБИНА Екатерина Александровна

независимый исследователь

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Актуальность работы. В статье проводится исследование научно-теоретического и научно-практического значения законодательной власти в системе органов государственной власти и ее роль в обеспечении эффективности государственной власти. Актуальность проблемы эффективности законодательной власти обусловлена повышенным интересом со стороны руководства государства к вопросу эффективности деятельности как данной ветви власти, так и в целом всей системы органов власти, отсутствием единых общепризнанных подходов к ее решению, поскольку большинство современных методов исследования эффективности системы органов государственной власти в общем и законодательной в частности, применяют значительное число общих критериев, стремясь, тем самым, максимально включить в процесс исследования всю совокупность факторов, влияющих на эффективность государственной власти и парламента.

Цель работы. Разработка основных подходов к пониманию эффективности законодательной власти, с использованием как отечественного, так и на зарубежного опыта, позволяющих оценивать не только деятельность данной ветви власти, но и процесс выполнения возложенных функций, сложность и своевременность выполнения, возложенных задач, а также оценивать показатели полученного результата (эффекта) и показатели непосредственного процесса деятельности законодательной власти.

Ключевые слова: парламент, система, государственная власть, органы государственной власти, эффективность государственной власти.

ZLOBINA Ekaterina Alexandrovna,

independent researcher

EFFECTIVENESS OF THE LEGISLATIVE POWER

The relevance of the work. The article investigates the scientific-theoretical and scientific-practical significance of the legislative power in the system of public authorities, and its role in ensuring the effectiveness of state power. The relevance of the problem of the effectiveness of the legislative power is due to the increased interest on the part of the state leadership in the issue of the effectiveness of both this branch of government and the entire system of government bodies, the lack of unified generally accepted approaches to its solution, since most modern methods for studying the effectiveness of the system of public authorities in in general, and legislative, in particular, apply a significant number of general criteria, thereby striving to include in the research process as much as possible the totality of factors affecting the effectiveness of state power and parliament.

Goal of the work. Development of basic approaches to understanding the effectiveness of the legislative power, using both domestic and foreign experience, allowing to evaluate not only the activities of this branch of government, but also the process of performing the assigned functions, the complexity and timeliness of the implementation of the assigned tasks, as well as assessing the indicators of the received result (effect) and indicators of the direct process of the activity of the legislature.

Keywords: parliament, system, state power, public authorities, efficiency of state power.

Единственным первоисточником и носителем власти в России является народ, самостоятельно и свободно определяющий экономическое, политическое и социальное развитие, территориальное верховенство государства и его независимость во внешнеполитических сношениях; воля народа, легитимируя государство, составляет основу государственной деятельности, способствует развитию демократии, как форме государства и рациональной организации власти в государстве. Современная демократия в своем естественно-историческом эволюционном развитии опирается на власть народа, политическое и юридическое равенство, подчинение власти и смену властвования посредством всеобщих выборов. В ч. 2 ст. 3 Конституции РФ определено, что народ осуществляет свою власть непосредственно, через органы государственной власти и органы местного самоуправления, иными словами, государственная власть и местное самоуправление представляют собой формы осуществления народовластия, реализуемые в форме народного представительства «опосредованно через органы государственной власти и местного самоуправления» [1] или непосредственно в форме прямого волеизъявления – референдумы и свободные выборы. Разви-

тие народного представительства в России происходит под влиянием следующих основополагающих идей: идеи о необходимости участия граждан во власти и диалога власти и общества; идеи закона как выражения общей воли; идеи народного суверенитета. Одним из способов ведения диалога власти и общества является парламент (лат. «parlamentum» – собеседование, переговоры; лат. «parlare» – говорить) – высший представительный орган, одной из задач которого является законотворчество, при этом парламент, являясь выразителем народной воли, выступает своего рода буфером между обществом и государством, тем самым, обеспечивая их эффективное взаимодействие, интеграцию, социальное партнерство и консенсус. Современный парламент демократического государства обладает следующими признаками: «верховный орган государственной власти; созданный на основе народного представительства; выражающий суверенную волю народа; определяющий основные принципы и направления внешней и внутренней политики государства; принимающий нормативно-правовые акты, обладающие высшей юридической силой – законы; формирующий высшие органы исполнительной и судебной власти, назначаю-

щий высших должностных лиц указанных ветвей власти; осуществляющий контроль за деятельностью исполнительной власти» [13].

Конституция РФ в ст. 1 закрепила принципы демократического федеративного правового государства и народного суверенитета, являющихся основой государственного строя, рациональной организации политических процессов и обеспечения единства народа в условиях разделения властей, что, в свою очередь, предопределило конституционное закрепление прямой представительной демократии. Прямая и непосредственная формы демократии должны дополнять друг друга, при этом референдумы не следует рассматривать, как альтернативу парламентской демократии, т.е. они не должны подрывать «легитимности и примат парламента как законодательного органа» [13]. Парламентаризм представляет собой систему структурной и функциональной организации государственной власти, в основе которой лежит принцип разделения властей, верховенство закона и, соответственно, парламента, что, в свою очередь, призвано обеспечить укрепление социального партнерства, справедливости и правопорядка. Функционирование государства на основе принципа разделения власти предполагает самостоятельность каждой из ветвей власти при сохранении и соблюдении баланса их полномочий, достижимые посредством системы взаимных сдержек и противовесов, что, в свою очередь, исключает сосредоточение всех властных полномочий у одной из них и обуславливает необходимость конституционно-правового обеспечения соблюдения принципа разделения властей [9]. Согласно доктринальному принципу разделения властей именно на законодательную власть возложена основная государственная функция – установление правил поведения, регулирующих наиболее важные общественные отношения, реализуемых всеми ветвями государственной власти, и осуществления контроля за их исполнением. Как, верно, отмечено Т. С. Румянцевой, отдавая должное власти исполнительной и судебной, следует признать, что «первой среди равных» является власть законодательная, поскольку конституционно закреплена ее законодательная прерогатива [6]. И. В. Гранкин верно отмечает, что «главным показателем парламентаризма является формирование и деятельность парламента на основе принципа «разделения властей», с возложением на высший законодательный орган функции представления интересов различных социальных и политических сил, существующих в обществе; законодательная власть является реальным, действенным противовесом власти исполнительной, что обеспечивает баланс властей и социальный консенсус» [10]. Таким образом, парламентаризм есть не что иное, как народное представительство, обеспечиваемое в парламенте демократическим порядком его формирования, что, в свою очередь, означает действенность принципа политического плюрализма и возможности представления интересов во власти различных социальных и политических сил.

Конституция РФ в ст. 94 возлагает на российский парламент выполнение следующих основных задач – законотворчество, представительство народа и контроль, т.е. парламент потому и является органом законодательной власти, что он является представительным органом и обеспечивает представительство народа во власти, указанные свойства парламента в своей совокупности и взаимообусловленности выражают природу парламента, как органа государственной законодательной власти, призванной не допустить злоупотреблений со стороны других ветвей власти. «Законодательную власть

могут осуществлять только представительные органы. Никакие другие государственные структуры не могут творить законы. Принятие нормативных актов другими органами не превращает их в законодателя, поскольку ни «указное право», ни отмена действия норм закона Конституционным Судом в силу признания их неконституционными не могут заменить законодательную деятельность парламента» [12]. С. А. Авакьян указывает, что российский парламента выполняет следующие функции: «объединение народа и представление его интересов; законодательная; участие в верховном руководстве делами государства; формирование или участие в формировании ряда государственных органов РФ; парламентский контроль; в определенных пределах функция объединения, содействия и организационно-методологической помощи в отношениях нижестоящих представительных органов» [2].

Стабильное, устойчивое развитие государства во многом зависит от эффективного функционирования законодательного (представительного) органа, поскольку парламента отводится главенствующее положение в системе органов государственной власти, в деятельности государственного механизма и в реальном обеспечении принципа разделения властей. Развитие народного представительства в России не должно сводиться исключительно к развитию его политических институтов, к правовым вопросам его усовершенствования и способам формирования; оно не должно выполнять только атрибутивную роль демократического государства. Народное представительство, являясь частью механизма государственной власти, полномочия, статус и место в системе государственной власти которого определяются принципом разделения властей, должно отвечать критериям эффективности.

Доктринально эффективность законодательной власти принято понимать, как эффективность законотворчества или эффективность законодательства [5]. К примеру, европейские исследователи эффективности законодательной власти традиционно понимают ее как эффективное законотворчество, обеспечивающее принятие законов, максимально решающие стоящие перед ними социально-экономические проблемы [8]. Современные российские исследователи эффективности парламентарной деятельности используют комплексный подход, так, В. В. Лазарев указывает, что «в теоретическом и практическом анализе нуждается эффективность, во-первых, системы правового воздействия в целом, во-вторых, система нормативно-юридического воздействия правового регулирования в частности, в-третьих, система юридического воздействия индивидуальных актов... Показателем эффективности нормативного регулирования правоприменение служит и в том отношении, что характеризует средства, избираемые законодателем для полного осуществления своей воли... В широком смысле эффективность закона включает в себя результативность действия всех средств, призванных обеспечить достижение его целей» [11]. Интересным представляется подход, используемый Советом Федерации Федерального Собрания РФ и Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, при анализе и оценке своей деятельности, так, «наиболее эффективным признается законодательство, обеспечивающее максимально возможную реализацию одних прав человека при минимальном ограничении других... Соответственно, под эффективностью законодательного акта следует понимать степень соответствия уровня конфликтности регулируемых им отношений оптимальному уровню

конфликтности в той или иной сфере общественной жизни. Подобное определение поддается эмпирической верификации, т.е. понимается, таким образом, эффективность нормы может быть выявлена и измерена в процессе эмпирического социологического исследования» [1]. Государственной Думой РФ при оценке своей деятельности используется таким критерии, как: «количество принятых законопроектов; скорость рассмотрения законопроектов; избавление законопроектной базы от устаревших проектов путем их отклонения; снижение количества законов, отклоненных Советом Федерации РФ и/или Президентом РФ; рост процента выполнения программы законопроектной деятельности во время сессии, особенно относительно первоочередных законопроектов» [3]. Вместе с тем, подобные критерии являются больше техническими, арифметическими, поскольку позволяют оценивать не эффективность функционирования парламента, сколько его работоспособность, рациональность и степень планирования, интенсивность документооборота, уровень фракционной, комитетской и депутатской дисциплины.

По нашему мнению, *эффективность законодательной власти* представляет собой наиболее оптимальную, рациональную и сбалансированную защиту интересов государства и интересов общества посредством реализации, возложенных на данную ветвь государственной власти полномочий, в сфере законотворчества, народного представительства и парламентского контроля.

Решение вопросов повышения эффективности функционирования народного представительства не должно слепо ориентироваться на современный зарубежный парламентский опыт, т.е. необходимо учитывать национальные и культурно-исторические особенности, дабы не допустить искажение идеи народного представительства в России и оказать деструктивное влияние на практику ее реализации.

Парламентская эффективность во многом обусловлена полномочиями, компетенцией и политическим волеобразованием законодательного органа, его местом и ролью в системе разделения властей, формой, способом и процедурой законотворческого процесса, а также организационной и процедурной структурой самого парламента, мерами его самостоятельности в конституционно-правовом и материально-финансовом отношении. Парламентскую эффективность возможно достичь посредством таких инструментов, как открытость, законность, коллегиальность парламентской деятельности, а также посредством усиления законодательных, представительных и контрольных прав и обязанностей палат парламента. Следовательно, оценка парламентской эффективности не должна быть односторонней, логичным представляется проводить оценку эффективности российского парламента системно по следующим направлениям – законодательная деятельность, представительство многонационального российского народа во власти и парламентский контроль. По нашему мнению, в качестве интегральных критериев парламентской эффективности можно назвать: демократизм, гласность, парламентская «нормоустанавливающая» [13] деятельность, профессионализм депутатского корпуса, реальное место в системе разделения властей, организационные критерии, действенность парламентского контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Методология изучения эффективности действия законодательства в процессе правового мониторинга. – М.: Совет Федерации, 2008. – С. 528.
2. Авакьян С. А. Федеральное собрание – парламент России. – М., 1999. – С. 31, 32.
3. Информационно-аналитический бюллетень 2000-2003 гг. Государственная Дума третьего созыва (итоговый). Издание Государственной Думы, 2003. ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/1>); отчеты первого вице-спикера Государственной Думы, ответственного за составление и выполнение программы законопроектной работы ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cir.ru/duma/servlet/is4> – Морозов; ранее – Сливка).
4. Карасев А. Т. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, содержание // Проблемы права. – 2011. – № 1. – С. 8-12.
5. Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара, 16-17 декабря 2002 г., г. Рязань. – М.: Издание Государственной Думы, 2003; Зенин И. А. Проблемы общей теории эффективности гражданского законодательства. – М., 2003; Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. – М., 1993; Шувалов И. И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. – 2005. – № 4.
6. Парламентское право России / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. – М., 2000г. – С. 31.
7. Пункты 5 и 8 рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1704 (2005) от 29.04.2005 г.
8. Paul E. Sands. How effective is safety legislation // Journal of Law and Economics? – 1968. – Vol. 11. – № 1 (Apl.).
9. Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. – М., 1996. – С. 130.
10. Гранкин И. В. Сущность российского парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 4. – С. 27-30.
11. Лазарев В. В. Правоприменительная практика как критерий эффективности закона // Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара, 16-17 декабря 2002 г., г. Рязань. – М.: Издание Государственной Думы, 2003.
12. Малый А. Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 98.
13. Чиркин В. Е. Законодательная власть. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С. 193-194.

КИРИЛИН Андрей Викторович

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

СТАНОВЛЕНИЕ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ КАК ОРГАНА КОНТРОЛЯ ЗА ФАБРИЧНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматриваются основания для создания такого государственного органа, как фабричная инспекция. Охарактеризованы правовые акты, принятые для регулирования деятельности инспекторов фабричной инспекции. Проанализирована деятельность фабричной инспекции как надзорного государственного органа. В статье рассмотрена фабричная инспекция как посредник между рабочими и хозяевами фабрик и предприятий, а также деятельность фабричных инспекторов по улучшению условий труда на промышленных предприятиях.

Ключевые слова: фабричное законодательство, рабочие вопросы, фабричная инспекция, рабочее законодательство, защита прав рабочих.

KIRILIN Andrey Viktorovich

adjunct of State and legal disciplines sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

FORMATION OF FACTORY INSPECTION AS A BODY OF CONTROL OVER FACTORY LEGISLATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article considers the grounds for the creation of such a state body as the Factory Inspectorate. Legal acts adopted to regulate the activities of factory inspection inspectors are noted. The activity of the factory inspection as a supervisory state body is analyzed. The article examines the factory inspection as an intermediary between workers and owners of factories and enterprises, as well as the activities of factory inspectors to improve working conditions at industrial enterprises.

Keywords: factory legislation, workers' issues, factory inspection, labor legislation, protection of workers' rights.

Кирилин А. В.

Российская империя XIX века была огромным и могущественным государством, простиравшимся от Балтийского моря до Тихого океана и от Центральной Европы до Арктики. Правительство Российской империи отвечало за надзор за огромной и сложной сетью промышленных, транспортных и коммуникационных систем. В этот период правительство приняло ряд постановлений и инициатив, направленных на поддержание порядка и содействие развитию промышленных предприятий. Одной из наиболее важных из этих мер была система фабричной инспекции, которая была направлена на обеспечение того, чтобы промышленная безопасность и стандарты труда поддерживались на многих заводах России.

Система фабричной инспекции возникла в XIX веке, когда Российская империя переживала период быстрой индустриализации.

Когда по всей стране начали открываться фабрики, правительство поняло, что необходимо регулировать промышленную среду, чтобы рабочие не притеснялись работодателями, соответствовали условия труда рабочих, и чтобы продукция, производимая фабриками, была приемлемого качества.

Еще в 1859 году появились первые предложения о создании специального фабричного надзора. Для надзора за промышленными заведениями предлагалось в тех местностях, где это признано необходимым, назначать инспекторов и их помощников. На территории, где инспектора не назначались, надзор за промышленными заведениями возлагался на городскую или земскую полицию. Планировалось, что назначаться на должности фабричных инспекторов и их помощников должны будут Министром финансов, по пред-

ставлению руководства губерний. Кандидаты должны были иметь специальное техническое образование.

Инспекторам и их помощникам планировалось дать право посещать промышленные предприятия в любое время суток и требовать предоставления информации о малолетних работниках и документации на предприятии. Эта документация должна была включать информацию о численности и возрасте рабочих, выплате зарплаты, условиях трудоустройства, распределении рабочего времени и полученных рабочими травмах.

В 1886 г. правительство приняло документ «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих»¹, который наделил местное губернское начальство при содействии губернских по фабричным делам Присутствий, чинов фабричной инспекции и полиции осуществлять надзор за соблюдением законодательства и безопасности. Система фабричной инспекции была разработана для обеспечения того, чтобы фабрики соответствовали определенным стандартам безопасности и труда.

В «Полном сборнике узаконений» Российской империи 1893 года определены полномочия фабричной инспекции, включающие следующие обязанности: наблюдение за соблюдением правил фабрикантами и рабочими, которые определяют их обязанности и взаимоотношения; осуществление контрольных мер по применению обязательных постановлений, выпущенных губернскими управлениями, и надзор за их исполнением; рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний и правил внутреннего распорядка,

1 ПСЗРИ -Собрание 3. - СПб., 1888. - Т. 6. - № 3769.

составленных фабричными управлениями для руководства рабочими; принятие действий по предотвращению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими, через проведение местных исследований проблем и поощрение доброжелательного соглашения между сторонами; возбуждение уголовного преследования и, при необходимости, обвинение в суде лиц, нарушивших правила. Основной задачей фабричной инспекции является обеспечение соблюдения законодательства и поддержание порядка на фабриках в интересах как фабрикантов, так и рабочих.

Инспекторам было поручено оценить качество рабочей среды и обеспечить соблюдение всех необходимых мер безопасности. Инспекторы также контролировали заработную плату рабочих и следили за тем, чтобы работодатели не злоупотребляли своими полномочиями.

В дополнение к этим обязанностям инспекторы должны были следить за тем, чтобы продукция, выпускаемая фабриками, была приемлемого качества. С этой целью инспекторы проверяли продукцию, а также оборудование, используемое для ее производства. Фабричные инспекторы также должны были следить за производственным процессом, чтобы гарантировать, что продукция производится в соответствии с установленными требованиями.

В Российской империи, на заводах, фабриках и мануфактурах, имел место привлечение малолетних работников обоего пола, и это требовало пристального внимания со стороны инспекторов фабричной инспекции. Обязанности инспекторов включали следующее: контроль выполнения постановлений относительно занятости малолетних работников и их посещения начальных училищ; заботу о создании специальных школ, предназначенных для получения первоначального образования упомянутыми малолетними рабочими, а также приспособление имеющихся народных училищ для этой цели; составление протоколов о нарушениях постановлений при участии местной полиции и передача этих протоколов в соответствующие судебные органы; ведение уголовного преследования и обвинение виновных лиц в совершении упомянутых правонарушений. Закон, принятый 1 июня 1882 года, под названием «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах»², устанавливал запрет на привлечение детей в возрасте до 12 лет к труду, ограничивал рабочее время детей в возрасте от 12 до 15 лет в 8 часов в день (при этом не более 4 часов без перерыва) и запрещал ночную (с 9 вечера до 5 утра) и воскресную работу, а также запрещал использование детского труда в опасных отраслях производства.

Еще один закон от 3 июня 1885 г. «О воспрепятствии ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»³, вступивший в силу с 1 октября 1885 года, запрещал ночную работу подростков до 17 лет и женщин на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках.

Предполагалось, что фабричные инспекторы, контролирующие и наблюдающие за фабриками и заводами, должны были, не делая никаких распоряжений и указаний, сообщать свои замечания полиции. А в случаях нарушения, касающихся малолетних работников, составлять акты о нарушениях и передавать их в суды. Правила взаимоотношений фабричной инспекции и полиции должны были быть определены

инструкцией, составленной Министерством финансов по согласованию с Министерством внутренних дел.

Фабричная инспекция в России была учреждена в 1882 году в системе Министерства финансов (в 1905 году передана Министерству торговли и промышленности).

Изначально назначение фабричных инспекторов планировалось в Московской, Петербургской и Владимирской губерниях, как основных промышленных губерниях Российской империи. В дальнейшем планировалось расширение фабричной инспекции и в других губерниях, по мере приобретения фабричными инспекторами опыта по надзору за промышленными предприятиями.

Таким образом, к 1886 году существовал ряд законов, предполагающие регулирование взаимоотношения между рабочими и фабрикантами. Возник вопрос о надзоре за их исполнением.

С 3 июня 1886 года вступил в силу закон «О контроле над заведениями промышленности и взаимоотношениях между работодателями и трудящимися»⁴, которое устанавливало нормы, касающиеся приема на работу и взаимодействия между нанимателями и рабочими, а также расширяло полномочия и обязанности инспекции промышленных предприятий. Новые положения включали в себя обязанность наблюдать за соблюдением правил работодателями и рабочими, определять их права и обязанности, а также осуществлять меры, направленные на применение обязательных правил, установленных губернскими властями, и контроль за их соблюдением. Фабричная инспекция также была ответственна за рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний и правил внутреннего порядка, разработанных администрацией предприятий с целью руководства работниками. Было предусмотрено принятие мер на месте для предотвращения конфликтов и недоразумений между работодателями и трудящимися, путем заключения мирного соглашения между сторонами, а также предъявление обвинений в суде против лиц, нарушающих законодательство.

Особую важность имело взаимодействие между инспекторами и городской или уездной полицией. Полицейские обязаны были информировать фабричную инспекцию о всех случаях нарушения порядка на промышленных предприятиях, о которых им становилось известно, и также оказывать всестороннюю поддержку инспекции. Эти новые обязанности привели к существенному расширению сферы деятельности фабричной инспекции и изменению ее характера. Вначале ее функции сводились к наблюдению за соблюдением законодательства о труде несовершеннолетних и женщин, а также выявлению нарушений в процессе производства. Однако с 1886 года сфера деятельности фабричной инспекции расширилась и включала в себя регулирование разногласий и конфликтов между работодателями и трудящимися, а также определение их прав и обязанностей. Были разработаны детальные нормы, регулирующие деятельность промышленных предприятий.

Это привело к значительному расширению полномочий и функций фабричной инспекции. Новые требования требовали от инспекторов не только контролировать соблюдение законодательства в отношении труда малолетних и женщин, но также разрешать споры и конфликты между работодателями и работниками, разрабатывать детальные правила, определяющие работу предприятий.

2 ПСЗРИ - Собрание 3. - СПб., 1886. - Т. 2. - № 931.

3 ПСЗРИ - Собрание 3. - СПб., 1885. - Т. 5 - № 3013.

4 ПСЗРИ - Собрание 3. - СПб., 1888. - Т. 6. - № 3769.

Со временем фабричная инспекция стала играть важную роль в поддержании порядка и обеспечении справедливых трудовых условий на промышленных предприятиях. Она стала платформой для разрешения споров и конфликтов, а также для применения справедливых правил и норм внутреннего распорядка на предприятиях.

Таким образом, с введением закона «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношениях фабрикантов и рабочих»,⁵ в 1886 году, фабричная инспекция получила дополнительные полномочия и стала заниматься не только контролем за работой малолетних и женщин, но и регулированием взаимоотношений между работодателями и трудящимися, устанавливая подробные правила для работы промышленных предприятий. Это привело к существенным изменениям в ее деятельности и стало важным шагом к обеспечению справедливости и соблюдению трудовых прав в индустриальной сфере.

В 1884 году состав фабричной инспекции выглядел следующим образом: всего 20 человек, включая главного инспектора, 9 окружных инспекторов и 10 помощников инспекторов. Однако с введением закона «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» в 1886 году, состав фабричной инспекции был расширен. Новый состав включал еще одного окружного инспектора и 15 помощников инспекторов. Это стало лишь началом постоянного увеличения численности и структуры фабричной инспекции.

С каждым годом штат фабричной инспекции продолжал расти. К 1894 году количество инспекторов достигло 143 человек, включая 18 старших фабричных инспекторов и 125 фабричных инспекторов. В 1897 году общее число инспекторов возросло до 171, включая 26 старших фабричных инспекторов и 145 фабричных инспекторов. Последнее изменение состава фабричной инспекции было проведено в 1899 году, когда число инспекторов увеличилось до 257 человек. Этот состав включал 6 окружных инспекторов, 61 старшего фабричного инспектора и 199 фабричных инспекторов.

Постепенно правила отношений между фабрикантами и рабочими распространились на всю территорию Российской империи, что потребовало еще большего увеличения численности фабричных инспекторов. Однако на начальном этапе возникли определенные сложности с назначением специалистов на должности фабричных инспекторов. Это требовало тщательного подбора и обучения кадров, чтобы обеспечить эффективность и компетентность инспекционной деятельности.

Необходимы были люди, разбирающиеся в технике, а также в организации условий труда, соблюдении санитарных норм. Врачи, педагоги и техники соответствовали таким требованиям. В первое время при назначении на должность врачи, благодаря своим знаниям, могли контролировать состояние здоровья малолетних рабочих, давая консультации фабрикантам, а техники консультировать в технических вопросах. Сложности видеть в одном лице и техника и врача решались следующим образом: если в округе фабричным инспектором назначался врач, то помощником у него был технолог, и наоборот. Эти правила были приняты при назначении первого состава фабричных инспекторов.

Первый состав фабричных инспекторов пришлось апробировать новые фабричные законы. В первое время деятельность фабричной инспекции была затруднена из-за недо-

статочного числа инспекторов, а также из-за недостаточного знания фабричного руководства с новыми фабричными законами. Фабриканты не были заинтересованы в проведении в жизнь новых положений, основная цель хозяев фабрик - получение прибыли, поэтому фабричные инспектора столкнулись с недоброжелательным отношением к их работе. Обстановка, в которой пришлось действовать фабричным инспекторам, была сложная. Отсутствовали точные списки промышленных заведений, отсутствовали точные карты с местами расположения фабрик и предприятий. Работа фабричной инспекции на начальном этапе строилась на личностных качествах фабричных инспекторов, их высокой ответственности.

В процессе своей деятельности нельзя не отметить роль фабричной инспекции во время серьезных конфликтов между рабочими и фабрикантами, во время забастовок. Фабричные инспекторы были обязаны незамедлительно прибывать на место возникновения беспорядков, для выяснения причин конфликтов. Инспектора в этих случаях выступали в роли посредника между фабрикантами и рабочими.

Вникая в фабричную жизнь, наблюдая за деятельностью фабрик фабричная инспекция получила достоверные факты о реальной ситуации на промышленных предприятиях Российской империи. В процессе своей деятельности фабричная инспекция приобретала большое значение, она заработала доверие и рабочих, и хозяев промышленных предприятий. Рабочие, в лице фабричных инспекторов, имели защитников их интересов, контроле за соблюдением условий труда и других условий. У фабрикантов с помощью инспекции получалось оказывать дополнительное влияние на рабочих.

Несмотря на свои недостатки, система фабричной инспекции Российской империи в конце XIX века была важным шагом на пути к обеспечению безопасности рабочих и качества продукции, выпускаемой на промышленных предприятиях России. Хотя система не была лишена недостатков, она давала правительству возможность контролировать деятельность владельцев фабрик и обеспечивать, чтобы производимая ими продукция была приемлемого качества, соблюдалось фабричное законодательство. К концу XIX века система фабричной инспекции стала неотъемлемой частью промышленной среды Российской империи.

Пристатейный библиографический список

1. Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. Санкт-Петербург. 1904.
2. Микулин А. А. Фабричная инспекция в России // Киев. 1906.
3. Балицкий Г. В. Какая должна быть фабричная инспекция. М.: Труд и воля. 1907
4. Володин А. Ю. Фабричная инспекция в России (1882-1914 гг.): Государственное учреждение, личный состав, посредническая деятельность. М.: Госюриздат, 2006.
5. Невский С. А. Учреждение фабрично-заводской полиции в Российской империи // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 5.

МИРОШНИЧЕНКО Ольга Игоревна

кандидат юридических наук, L.L.M., доцент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЬЯКОНОВА Анастасия Витальевна

магистрант Юридической школы Дальневосточного федерального университета

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОПЫТ ПАНДЕМИИ COVID-19*

Авторами предпринята попытка обобщения тенденций цифровизации в период пандемии 2019-2022 гг., а также в постпандемическом мире. Делается вывод о существенном ускорении процессов перехода общества и государства на рельсы «диджитализации». Также авторы указывают некоторые тенденции повсеместного ограничения прав и частичного отречения западными государствами от образа классических демократий. Подчеркивается, что подобные меры являются вынужденными и временными.

Ключевые слова: цифровизация, тенденции цифровизации, COVID-19, пандемия, ограничение прав, демократия.

MIROSHNICHENKO Olga Igorevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

DYAKONOVA Anastasiya Vitaljevna

magister student of the Law School of the Far Eastern Federal University

TO THE QUESTION OF SOME TRENDS IN DIGITALIZATION. LOOKING THROUGH THE COVID-19 EXPERIENCE**

The authors attempted to generalize digitalization trends during the 2019-2022 pandemic, as well as in the post-pandemic world. The conclusion is made about a significant acceleration of the processes of transition of society and the state to digitalization. The authors also point out some trends in the widespread restriction of rights and partial renunciation of the image of a democratic state. It is emphasized that such measures are forced and temporary.

Keywords: digitalization, digitalization trends, COVID-19, pandemic, restriction of rights, democracy.

В целом, всплеск «цифрового творчества» пришелся на период глобального распространения коронавирусной инфекции. В связи с массовым внедрением ограничительных цифровых технологий, все чаще можно было встретить новостные заголовки следующего содержания: «Коронавирус испытывает демократию на прочность», «Убьет ли вирус демократию?» и др. Поводом к подобного рода обсуждениям стал вопрос о балансе между соблюдением фундаментальных прав человека, сохранением человеческой популяции и стремлением современными и эффективными, как показал опыт, способами предупредить распространение COVID-19.

Очевидной тенденцией ковидного периода стало повсеместное ограничение прав и вынужденное отречение от образа демократического государства. Однако, если граждане стран, декларирующих демократический режим, оказались психологически не готовы к жестким цифровым мерам, то меры изначально авторитарных стран не вызвали среди местного населения существенного недовольства политикой государства¹.

Так, например, достаточно неоднозначной новостью, предшествующей антиковидным цифровым ограничениям, стало внедрение в 2019 году в социальный мессенджер We-

Chat, активно использующийся китайскими гражданами, карты должников². По замыслу властей приложение должно раскрывать местоположение должника в радиусе 500 м. Данными, подлежащими раскрытию, также стали имя, номер ID и проступок, за который гражданина включили в черный список. Подобная мера не стала единственным средством предупреждения финансовых правонарушений. Также, в Китае на мобильные телефоны дискредитированных лиц были добавлены обратные голосовые сообщения³. Таким образом, приложение напоминает, что вы совершаете звонок абоненту, включенному в черный список.

В период же распространения коронавирусной инфекции одной из самых тревожных для демократических обществ антиковидных мер стало использование инновационных программ и приложений в целях «коронаслежки». Например, за исполнением карантина на Тайване следит «электронный забор», так назвали местные власти свою систему цифрового надзора за населением. Суть нововведения заключалась в том, что граждане получают уведомление, если мобильный телефон лица, находящегося на карантине, не подает сигналов больше 15 минут⁴. Также с помощью данных мобильных операторов проходило слежение за перемещениями граждан. Цель состояла в помещении на карантин всех лиц, контактировавших с больным (от членов семьи до

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта ЭИСИ и Минобрнауки РФ № FZUG-2022-0013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».

** The work was financially supported by the EISI Grant and the Ministry of Education of the Russian Federation No. FZUG-2022-0013 "Socio-cultural coding of political dynamics and public consent in the digital age: models and implementation technologies".

1 См. Matthew Carney. Leave no dark corner. // ABC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mobile.abc.net.au/news/2018-09-18/china-social-credit-a-model-citizen-in-a-digital-dictatorship/10200278?nw=0&pfmredir=sm&fbclid=IwAR1NkKQPSwzOHZ47TREn6wfNoqb6QLvEmaEsrohy6J3UMmNkKw9KjI2khM> (date of the application: 09.11.2022).

2 Hebei court unveils program to expose deadbeat debtors // China daily.com. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/16/WS5c5edfb8a3106c65c34e4d75.html> (date of the application: 05.11.2022).

3 Xinmei Shen. A WeChat program shows when people on a credit blacklist are near you // Tech in Asia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.techinasia.com/deadbeat-map-shows-people-financial-blacklist> (date of the application: 13.11.2022).

4 Атанесян Г. Коронаслежка: «Большой брат» как выход из карантина // BBC news. 12.04.2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-52234723> (дата обращения: 05.11.2020).

случайных попутчиков в транспорте) в течение двухнедельного срока⁵.

Таким образом, цифровая ковидная политика власти изначально была построена на привычных принципах функционирования государства. Подобные меры для конкретного общества являются предопределенными и устойчивыми в связи с его нормативной культурой, т. е. усвоенными правилами жизнеобеспечения. Так, антиковидные планы для населения, доверяющего существующим авторитарным механизмам как основному средству собственной защиты, соответствовали парадигме восприятия системы управления. В данном контексте высказывания ученых о том, что у граждан, привыкших к определенным ограничениям и, как следствие, воспринимающих политику государства-кормильца в качестве шаблонной, не возникает футурошока [9, с. 102], представляются с высокой долей вероятности справедливыми.

Однако, опыт развития цивилизации показывает, что из всех известных форм общественного устройства демократический строй более всего отвечает интересам общества [4, с. 69]. Опыт пандемии свидетельствует, что развитые демократические государства, в том числе развитые технологически, порой вводили точечные беспрецедентные меры борьбы с пандемией. Подобные меры свидетельствуют о практической готовности государства как властно-территориальной организации общества одновременно сменить аксиологическую направленность в угоду более значимым ценностям ориентирам. Биологическая безопасность рода видится именно таким критерием.

Так, например, польские специалисты разработали приложение «Домашний карантин», которое несколько раз в день случайным образом присылает требование загрузить фотографию (селфи) владельца телефона в течение 20 минут. В случае игнорирования сообщения органы внутренних дел имели правомочие проверки местонахождения лица⁶.

Еврокомиссия в контексте распространения коронавирусной инфекции в апреле 2020 года призвала использовать мобильные приложения, которые отслеживают контакты владельца смартфона не по местоположению человека, а путем обмена данными с устройствами находящихся вблизи людей. Подчеркивается, что использование таких приложений в Европе является добровольным⁷.

Подобные меры были осуществлены и во Франции. Несмотря на то, что в приложении используется протокол отслеживания близости, гарантирующий, что собранные сведения не будут индивидуализированы, среди ученых высказывались опасения о сборе данных в целях массового слежения⁸.

Однако, далеко не все решения, осуществленные в период коронавируса, стали поводом недовольства политико-социальным курсом с использованием цифры. Отметим некоторые из технологий, появившихся в период ковида и ставших незаменимыми в борьбе с угрозой.

– *Виртуальные чат-боты и веб-боты.* Подобные устройства значительно облегчали отслеживание состояния пациентов и взаимодействие с ними через виртуальные визиты.

Актуальность роботов-помощников в период новой коронавирусной инфекции невозможно переоценить. Разработка роботизированных тележек, оснащенных камерами, интерактивными экранами и основным медицинским оборудованием, которые отправлялись в «красную зону» для работы с пациентами – абсолютное достижение телемедицины.

– *Дроны.* Самым распространенным антиковидным технологическим решением стало использование дронов. Так, появились дроны с громкоговорителями и дроны-тепловизоры, адаптированные для контроля за исполнением медицинских рекомендаций. Вторые способны определить температуру тела человека и переадресовать данные напрямую в медучреждение. Устройства, в том числе, информируют население в отдаленных пунктах о ситуации в стране, доставляют еду и многое другое. Также, некоторые беспилотники были применены для распыления дезинфицирующих средств в местах скопления людей и в общественном транспорте⁹. Среди беспилотных разработок существуют дроны с комплексами визуального наблюдения с системой распознавания лиц. Подобные меры были реализованы в ряде стран: Китай, Испания, Италия, Бельгия, Франция, Индия, США¹⁰.

– В Австралии *нейросеть*, используемая для обнаружения онкологических заболеваний, была адаптирована для диагностики пневмонии, вызванной 2019-nCoV. Отмечается, что любое медучреждение в мире сможет бесплатно воспользоваться технологией, зарегистрировавшись на сайте разработчиков. Подобное решение позволило медработникам, анализирующим полученные в результате компьютерной томографии снимки легких, проверять диагноз в режиме реального времени¹¹.

– Еще одна технология связана с разработкой *AR-шлемов* (англ. augmented reality, шлемы дополненной реальности). Девайс был апробирован в некоторых городах Китая и позволял за максимально короткое время измерить температуру тела лица, находящегося на расстоянии до 5 метров от устройства, с помощью инфракрасных камер. Шлем оснащен аудио-сигналом для оповещения о превышении нормы, а также камерой с алгоритмом распознавания лиц и считывания QR-кода. Информация о гражданине отображается на виртуальном экране внутри шлема [1], [2], [3]¹².

– Самой распространенной среди инновационных разработок считаются *мобильные приложения*. Некоторые из них в период ковида авторитарно принимали решение о перемещении лица в течение карантинного режима на основании наличия определенных симптомов болезни. Сервис также был разработан в Китае. Пользователь заполнял онлайн-форму о последних перемещениях, состоянии здоровья и самочувствии. После регистрации приложение присваивало индивидуальный QR-код (красный, желтый или зеленый). В зависимости от цвета идентификатора пользователь либо получал предписание оставаться на карантине в течение 14 дней, либо в течение 7, либо не ограничивался в передвижении.

В связи с вышесказанным, еще одной тенденцией является тот факт, что ограничения, введенные властями госу-

5 Там же.

6 Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

7 Невельский А., Оверченко М. Как в Европе отслеживают потенциальных переносчиков коронавируса // Ведомости. – 18.05.2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/05/18/830485-evrope-otslezhivaet-perenoschikov-koronavirusa> (дата обращения: 05.11.2020).

8 Страновой обзор: Опыт Франции в борьбе с COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/pdf/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D1%83%D1%81.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

9 Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

10 Обзор мирового опыта по борьбе с коронавирусом // Официальный сайт ГО Богданович. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gobogdanovich.ru/images/static/koronavirus/obzor-morovogo-opyta-po-borbe-s-koronavirusom-16042020.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).

11 Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

12 Какие технологии уже призвали на борьбу с коронавирусом? // Хабр. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://habr.com/ru/company/kauri_iot/blog/493302/ (дата обращения: 18.11.2022).

дарств, в том числе цифровые, оцениваются в научном сообществе неоднозначно. Так, например, некоторые ученые считают, что у общества «возникает устойчивое ощущение, что технология работает в одну сторону: речь идет о прозрачности только со стороны граждан, что недопустимо в демократическом обществе» [6, с. 639]. Другие отмечают особую обеспокоенность зарождающейся тенденцией цифрового тоталитаризма. Доктор философских наук М. Д. Щелкунов высказал мнение о том, что «репетиция» цифрового будущего подтвердила опасения: цифровое манипулирование сознанием людей, потерю приватности индивидуального бытия, создание глобальной системы тотального электронного контроля над человечеством [10, с. 11]. В целом, анализ литературы ковидного и постковидного периода показал, что эксперты, хоть и высказывали обоснованные опасения, но в большей степени доверяли противоэпидемиологическим мерам, как пропорциональным ограничениям в текущих обстоятельствах. Часто можно было встретить мнение, согласно которому стремительная цифровизация стала закономерным технологическим ответом, стремящимся уменьшить биологическую уязвимость человека [5, с. 11]. Например, по оценке докторов социологических наук М. Ю. Попова, С. И. Самыгина и П. С. Самыгина, меры, связанные с ограничением прав и свобод граждан в условиях пандемии коронавируса, в целом, соответствуют сложившейся сложной ситуации, представляющей объективную опасность и угрозу для населения.

На наш взгляд, общественный резонанс, вызванный государственным противоковидными мерами, связан не столько с характером самих ограничений, сколько с базовыми культурными доминантами, проявляющимися в архетипах общества. Во всех мыслимых сценариях развития противоковидных мер (принятие или игнорирование), общественное неодобрение, безусловно, будет. Ведь либо государство подрывает репутацию «заботливого опекуна», либо вызывает недоумение отсутствием реагирования на возникающую опасность.

В данном контексте интересен опыт Индонезии. Нежелание лидера государства Джоко Видодо вводить ограничения в виде карантина в стране, как того требовала оппозиция в лице региональных властей, исследователи объясняют стремлением найти некий баланс между сдерживанием распространения вируса, сохранением здоровья нации и экономической безопасностью. Ведь в случае осуществления карантинных мер и приостановки деятельности большинства предприятий с сопутствующим ростом массовой безработицы правительство обязано взять на себя ответственность по обеспечению населения предметами первой необходимости, прежде всего продуктами питания и медикаментами, а также компенсировать бизнесу понесенные убытки. Существенный рост государственных расходов, по мнению ученых, ставит под сомнение возможность выполнения Джоко Видодо экономических и социальных обещаний собственной избирательной кампании 2019 г. Таким образом, ценности экономической стабильности и безопасности вкупе с репутацией эффективного лидера столкнулись с ценностями общей биологической безопасности нации.

Подводя некоторые итоги вышесказанному, выделим наиболее очевидную тенденцию цифровизации, сложившуюся в результате пандемии COVID-19. Связана она с тем, что, возникшая глобальная угроза существенно увеличила темпы развития и внедрения технологизации. Так, согласно оценке заведующего сектором экономики науки и инноваций ИМЭМО РАН, до пандемии дискуссия вокруг цифровизации в основном касалась концепции четвертой промышленной революции, «Индустрии 4.0» и Интернета вещей (IoT) [8, с. 94]. В настоящее время, помимо указанного выше, ускорение цифровизации проходит за счет вынужденной трансформации особенно глубоких секторов услуг: онлайн-коммуникаций, здравоохранения, образования, электронного правительства, обмена данными и широкополосной связи, электронной торговли и т.д. [7, с. 3]. Т.е. все те проблемы, оставшиеся нерешенными с момента их обособления в качестве таковых, снова стали основными в повестке цифровизации.

Таким образом, пандемия COVID-19, выявив проблемы правового регулирования некоторых областей общественных отношений, способствовала скачкообразному изменению курса развития диджитализации с количественного на качественный. На наш взгляд, глубина изменений уже сегодня свидетельствует о долгосрочном характере последствий пандемии. Также, в заключение особо стоит отметить тот факт, что в современном мире социально ориентированные вопросы решаются преимущественно экономическими ресурсами, а экономические ресурсы находятся в зависимости от политической составляющей. В связи с вышесказанным, на наш взгляд, один из основных уроков, который должны были вынести властные субъекты, стало то, что в период глобальных потрясений стоит особенно тщательно расставлять приоритеты, выбирать инструменты реагирования и вести стабильную политику, лишенную неоднозначных управленческих решений.

Пристатейный библиографический список

1. Bezbakh V. V., Frolova E. E. Artificial intelligence in the regulatory context of Industry 4.0 and epistemological optimism // *Advances in Research on Russian Business and Management*. – 2022. – Vol. 2022. – P. 289-307.
2. Bezbakh V. V., Frolova E. E. Augmented reality and civil law regulation of business relations // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. – 2022. – Vol. 254. – P. 29-37.
3. Frolova E. E., Ermakova E. P. Utilizing artificial intelligence in legal practice // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. – 2022. – Vol. 254. – P. 17-27.
4. Антонов Ф. С. Демократия государственная и общественно-политическая: исторический и современный контекст // *Власть*. – 2018. – № 5. – С. 69-76.
5. Быльева Д. С., Лобатюк В. В. Образ цифрового будущего общества через призму пандемии // *Философская мысль*. – 2021. – № 2. – С. 11-23.
6. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И., Шакиров С. Ш. Тенденции и уроки антикризисного правового регулирования в период пандемии COVID-19 // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. – 2021. – № 2. – С. 634-662.
7. Лола И. С., Бакеев М. Б. Цифровая повестка и инициативы в области цифровых технологий в условиях COVID-19 (обзор практик Европейского союза, Организации экономического сотрудничества и развития, а также других стран). – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 19 с.
8. Мамедьяров З. А. Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия // *Контур глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021. – № 4. – С. 92-108.
9. Мамычев А. Ю., Мирошниченко О. И. Цифровая демократия в условиях пандемии: этико-правовые и политические аспекты. Часть 2 // *Advances in Law Studies*. – 2020. – № 5. – С. 100-104.
10. Щелкунов М. Д. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2020. – № 2. – С. 192-196.

РАБАДАНОВА Саида Спартаковна

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

ДАДАШЕВА Малика Джамалутдиновна

кандидат юридических наук доцент Юридического института Дагестанского государственного университета

ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ФОРМА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная научная статья исследует расследование как форму парламентского контроля в Российской Федерации. В статье рассматриваются основные аспекты и механизмы расследования, его роль в обеспечении эффективного парламентского контроля, а также проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются российские парламенты при проведении расследований. Анализируются нормативно-правовые основы расследования, полномочия парламентских комиссий и другие инструменты, используемые для осуществления парламентского контроля через расследования. На основе проведенного исследования делается вывод о важности расследования как механизма парламентского контроля и предлагаются рекомендации для его дальнейшего усовершенствования в Российской Федерации.

Ключевые слова: расследование, парламентский контроль, Российская Федерация, парламенты, нормативно-правовые основы, полномочия, механизмы, вызовы.

RABADANOVA Saida Spartakovna

magister student of the 2nd year of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

DADASHEVA Malika Jamalutdinovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University

PARLIAMENTARY INVESTIGATION AS A FORM OF PARLIAMENTARY CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

This scientific article explores the investigation as a form of parliamentary control in the Russian Federation. The article discusses the main aspects and mechanisms of the investigation, its role in ensuring effective parliamentary control, as well as the problems and challenges that Russian parliament's face when conducting investigations. The article analyzes the regulatory framework of the investigation, the powers of parliamentary commissions and other tools used to exercise parliamentary control through investigations. Based on the conducted research, the conclusion is made about the importance of the investigation as a mechanism of parliamentary control and recommendations are proposed for its further improvement in the Russian Federation.

Keywords: investigation, parliamentary control, Russian Federation, parliaments, regulatory framework, powers, mechanisms, challenges.

Расследование как форма парламентского контроля является важным инструментом в Российской Федерации для обеспечения прозрачности, ответственности и эффективности государственных органов. Оно позволяет парламенту проводить всесторонний анализ и расследование различных нарушений, коррупции и злоупотреблений властью, а также обеспечивает защиту прав и интересов граждан [1, с. 28].

Расследование в рамках парламентского контроля осуществляется через создание специальных комиссий, которые наделены полномочиями для проведения расследовательных процедур. Эти комиссии могут быть временными или постоянными и создаются на основе федерального или регионального законодательства. Они состоят из депутатов парламента, которые избираются в качестве членов комиссии, и имеют определенные права и обязанности.

Главной целью расследования является выявление фактов нарушений, определение ответственных лиц и представление результатов расследования с целью принятия соответствующих мер и рекомендаций. В процессе расследования комиссия имеет право проводить проверки, осуществлять сбор и анализ доказательств, проводить слушания и допросы свидетелей, экспертов и заинтересованных сторон. Кроме того, комиссия может запрашивать информацию и документы у государственных органов, требовать предоставления

объяснений от должностных лиц и исследовать различные аспекты деятельности государственных органов [2, с. 26].

В соответствии со статьей 2 Федерального закона № 77-ФЗ парламентский контроль осуществляется в целях «обеспечения соблюдения Конституции РФ, исполнения федеральных конституционных законов, федеральных законов, защиты гарантированных Конституцией РФ и прав и свобод человека и гражданина, укрепления законности и правопорядка, выявления ключевых проблем в деятельности государственных органов РФ, повышения эффективности системы государственного управления и привлечения внимания соответствующих государственных органов и должностных лиц к выявленным в ходе осуществления парламентского контроля недостаткам в целях их устранения, противодействия коррупции, а также изучения практики применения законодательства РФ, выработки рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства РФ и повышение эффективности его исполнения» [3, с. 229].

Вторая глава Федерального Закона № 77-ФЗ содержит основные элементы отдельных форм парламентского контроля. Анализ данных форм позволяет сформулировать следующие проблемные вопросы. Так, вызывает вопросы об обоснованности отнесения к самостоятельной форме осуществления контрольной деятельности парламентом получение ответов и заслушивание информации в порядке, пред-

усмотренном статьями 7 и 7.1 Федерального Закона № 77-ФЗ. Например, в ходе проведения «правительственного часа» могут обсуждаться вопросы эффективности использования средств федерального бюджета по соответствующим направлениям, а также вопросы достижения целевых показателей, утвержденных государственными программами Российской Федерации. В ходе заслушивания информации о ежегодном государственном или национальном докладе в обязательном порядке обсуждаются вопросы эффективности использования средств федерального бюджета по соответствующим направлениям, а также вопросы достижения целевых показателей, которые утверждены государственными программами Российской Федерации. Конечный итог таких обсуждений в законодательстве не указан [3, с. 230].

Результаты расследования представляются в виде докладов, заключений или рекомендаций, которые могут быть направлены на исполнительную власть или другие органы государственной власти. Важно отметить, что расследование имеет рекомендательный характер и не обладает прямой силой права. Однако, его результаты могут служить основой для принятия решений, внесения изменений в законодательство или реформирования государственных органов.

В Российской Федерации расследование как форма парламентского контроля получило широкое признание и активно используется для выявления и пресечения нарушений в различных сферах деятельности государства. Оно способствует повышению прозрачности и открытости в работе государственных органов, укреплению демократических принципов и защите прав граждан.

Однако, необходимо отметить, что эффективность расследования как формы парламентского контроля может быть повышена через улучшение законодательной базы, совершенствование механизмов сотрудничества между государственными органами, обеспечение независимости парламентских комиссий, улучшение доступа к информации и повышение профессионализма участников расследовательных процессов. Только при соблюдении этих условий расследование может эффективно служить целям парламентского контроля и обеспечивать демократические принципы и прозрачность в работе государственных органов в Российской Федерации.

Дополнительно, важно отметить, что расследование как форма парламентского контроля в Российской Федерации имеет ряд особенностей и вызывает определенные вызовы и проблемы [4, с. 42].

Во-первых, одной из главных проблем является политическая подкрепленность расследования. В некоторых случаях, результаты расследования могут быть подвержены политическому влиянию или манипуляции с целью защиты интересов определенных групп или политических сил. Это может ограничить независимость и объективность расследования, а также подорвать доверие общества к результатам и рекомендациям парламентской комиссии.

Во-вторых, эффективность расследования может быть ограничена недостаточными полномочиями парламентских комиссий. Комиссии могут оказаться неспособными получить достаточное количество информации и доказательств для полноценного расследования, так как им может быть отказано в доступе к некоторым документам или свидетелям. Это может снизить возможность выявления и установления ответственности за нарушения.

В-третьих, проблемой может стать ограниченный воз-
действие результатов расследования. Хотя расследование

может выявить нарушения, отсутствие четкого механизма привлечения к ответственности и недостаточная реакция со стороны исполнительной власти могут привести к тому, что выявленные нарушения останутся безнаказанными. Для повышения эффективности расследования важно обеспечить последующие меры привлечения к ответственности и реализацию рекомендаций парламентской комиссии [5, с. 63].

Кроме того, необходимо уделить внимание общественной информированности и участию в процессе расследования. Широкая публичность и участие граждан могут способствовать прозрачности и открытости расследования, а также обеспечить контроль над его результатами.

Несмотря на эти вызовы и проблемы, расследование как форма парламентского контроля в Российской Федерации имеет большой потенциал для обеспечения принципов демократии, законности и прозрачности в работе государственных органов. Следовательно, необходимо продолжать улучшать механизмы расследования, укреплять независимость парламентских комиссий и обеспечивать эффективную реакцию на результаты расследования со стороны исполнительной власти. Это позволит использовать расследование как важный инструмент парламентского контроля в Российской Федерации и обеспечить справедливость, ответственность и защиту прав граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Амирагян С. С. Парламентское расследование по законодательству субъектов Российской Федерации // Студенческий форум. – 2023. – № 6 (229). – С. 28-31.
2. Абаева З. Р. Парламентское расследование как форма парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 3. – С. 26-31.
3. Володина Е. Н. Актуальные вопросы осуществления парламентского контроля в России // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 27 октября 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 229-232.
4. Лобков А. В. Соотношение индивидуальных и коллегияльных начал парламентского контроля (на примере парламентских расследований в субъектах Российской Федерации) // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 6. – С. 42-46.
5. Чимаров Н. С. Сущностные признаки Российской модели парламентского расследования в контексте конституционализма // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2023. – № 1 (58). – С. 63-66.

АМЕЛИЧКИН Артем Валерьевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления Орловского государственного института культуры

УСОВ Александр Владимирович

заместитель директора Центра досуга «Родина», магистрант Орловского государственного института культуры

ПОКАЗ ФИЛЬМОВ КАК СРЕДСТВО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Содержание статьи посвящено изучению педагогического потенциала показа фильмов как средства патриотического воспитания молодежи. Совместное проведение досуга и общение, развертывающиеся в учреждениях культуры в рамках показа кино, представляют собой уникальную среду, позволяющую оптимизировать процесс патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: показ фильмов, кинопоказ, патриотическое воспитание, досуг, социально-культурная деятельность.

AMELICHKIN Artem Valerjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Economics and management sub-faculty of the Orel State Institute of Culture

USOV Alexander Vladimirovich

Deputy Director of the Leisure Center «Rodina», Master degree student of the Orel State Institute of Culture

SHOWING FILMS AS A MEANS OF PATRIOTIC EDUCATION

The content of the article is devoted to the study of the pedagogical potential of film screening as a means of patriotic education of youth. Joint leisure activities and communication that take place in cultural institutions as part of film screenings are a unique environment that allows you to optimize the process of patriotic education of young people.

Keywords: film screening, film screening, patriotic education, leisure, social and cultural activities.

Значимым средством воспитания в рамках досугового общения в учреждениях культуры направленным на изучение наследия отечественного и современного кинематографа является показ фильмов. Он обладает существенным педагогическим потенциалом и большими возможностями в патриотическом воспитании молодежи. Педагогические возможности показа фильмов широки, так как киноискусство сочетает в себе литературу, театр, музыку, преподнося это молодежи в интересном и доступном формате.

Российская индустрия кино сегодня находится на стадии бурного развития. Прослеживается положительная тенденция и в развитии российского кино, направленного на патриотическое воспитание. Патриотические фильмы выступают проводником государственной политики и пропаганды в области патриотического воспитания, формируют информационную повестку, акцентируя внимание молодежи на патриотических ценностях. В настоящее время информационное поле имеет значимые масштабы, которые, зачастую, даже сложно себе представить. Причем количество способов и средств получения информации с каждым годом растет. Киноискусство в данном контексте берет на себя, помимо всего прочего, педагогическую функцию. В связи, с чем можно говорить о том, что кино – это неотъемлемый элемент современной системы медиавоспитания [11].

Амеличкин А. В.

Усов А. В.

Руководитель киноклубного движения С. Н. Пензин пишет, что «кинематограф представляет ценность для воспитателя не только как одно из лучших средств фиксации и воспроизведения действительности, но и как способ ее осмысления» [13, с. 70]. И здесь для нас значим показ фильмов, обладающий такими педагогическими особенностями как: общедоступность, популярность, реалистичность, наглядность, использование мультимедиа технологий, интерактивность, удобный хронометраж для воспитательной работы. В процессе просмотра фильмов происходит компенсация и восстановление организма через деятельность, что, несомненно, значимо для продуктивного досуга. Социокультурные отношения и общение в учреждениях культуры оказывают благоприятное воздействие на молодое поколение, поскольку они происходят в непринужденной обстановке, когда наиболее свободный характер поведения располагает к пониманию. Поэтому показ фильмов связан с воспитанием, просвещением, системным восприятием информации и межличностным общением [15]. Показ фильмов в учреждениях культуры придает коллективной социально-культурной деятельности молодежи обобщенный вид, определенность, важность, как для общества в целом, так и отдельно взятой личности в частности. При этом данный процесс направлен на патриотическое

воспитание и просвещение, растущие социально-культурные запросы молодежи в сфере досуга.

Обращение к теме патриотического воспитания молодежи педагогическим потенциалом киноискусства связано с тем, что «первостепенной составляющей государственной молодежной политики является воспитание патриотично настроенной молодежи» [10, с. 4]. Воспитать просвещенного патриота, готового защищать свою Родину, понимающего причинно-следственные связи, происходящие в современной геополитической ситуации в мире и их влияние на нашу страну, вот главенствующее направление просветительской деятельности социально-культурных институтов в отношении молодежи. В этой связи перед системой социально-культурного воспитания ставится задача не просто воспитание патриота, а человека, способного дать самостоятельную оценку всему происходящему. Патриотическое воспитание, являясь составной частью общего воспитательного процесса, представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти и общественных организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. В настоящее время предельно важно развивать патриотизм, который строится на знании, уважении истории и традиций нашей страны. Важно прививать правильные нравственные и моральные ценности, которые создадут общество, уважающее свою Родину. В рамках патриотического воспитания важно обратить пристальное внимание на молодое поколение людей [10].

Социально-культурные институты в рамках патриотического воспитания должны взаимодействовать с молодежью через все доступные каналы коммуникации. Информация должна быть так структурирована и выстроена, чтобы заинтересовать, увлечь молодых людей. Сегодня все чаще можно услышать мнение о том, что искренний патриотизм нельзя навязать человеку, его можно лишь воспитать, побудить. То есть, необходимо говорить молодым людям о том, почему они могут гордиться своей страной. И такая задача стоит перед современными учреждениями культуры, именно они должны привить молодежи осознание того, что им есть чем гордиться. Поэтому патриотическое воспитание является значимой задачей педагогической системы и социально-культурная деятельность здесь должна играть первостепенную роль [1].

Система патриотического воспитания должна использовать весь педагогический потенциал аудиовизуального искусства, это связано с тем, что молодежь пользуется данными информационными каналами на регулярной основе. Уже сейчас все больше в цифровом контенте транслируется информация о текущей ситуации в стране, об открытиях, сделанных российскими учеными, о важных событиях прошлых лет, в том числе военного периода. Не вся современная молодежь обладает весьма высоким уровнем информационной грамотности. Ей важно разъяснять какой информации нужно уделять внимание, а какой нет. Таким просвещением должны заниматься субъекты воспитательной деятельности,

одним из которых являются театрално-зрелищные учреждения культуры. В контексте нашей статьи будут рассмотрены кинотеатры, как организации, осуществляющие показ кинофильмов. И эта педагогическая практика не нова, т.к. и во времена становления кинематографа по данному направлению проводились специализированные лекции, во время которых зрители смотрели фильм, а потом обсуждали наиболее важные его моменты. Фильмы были направлены на развитие нравственности людей, на поддержание их патриотического духа. Киноискусство прививало правильные общественные, моральные и семейные ценности, указывало на достоинства, которые наиболее ценны в людях (доброжелательность, честность, отзывчивость, культура общения, воспитанность и т.д.).

В процессе использования различных педагогических технологий кинообразования многие исследователи отмечали эффективность и целесообразность проведения такой работы (С. Н. Пензин, О. А. Баранов, Д. В. Монастырский, Е. Ю. Жмырова, Ю. Н. Усов). Ведь «просмотр фильма – это не просто развлекательное времяпрепровождение, фильм может научить людей поступать правильно, изменить свой внутренний мир, привить верные ценностные ориентиры и тому подобное» [14, с. 66]. Именно таким образом педагоги пытались воспитывать молодое поколение в самых лучших традициях своего времени. Так Исследователь Ю. Н. Усов предложил планомерно и последовательно развивать творческие способности людей в области кинематографа. Он писал, что «в процессе работы над фильмом, люди смогут лучше узнать свою родную страну, свой родной край, что приведет к повышению нравственности всего общества в целом» [16, с. 30]. Советский педагог С. Н. Пензин полагал, что «правильное» кино учит людей бережно относиться ко всему, что их окружает, прививает любовь и уважение к своей Родине [13, с. 72]. Поэтому решить проблему, связанную с общей культурой подрастающего поколения, с их патриотическим сознанием, нравственным обликом и эстетической воспитанностью может киноискусство и его публичный показ.

Педагогический потенциал показа фильмов принципиально отличается от других форм просвещения молодежи тем, что «ничего им не диктует, не навязывает, а лишь формирует эстетический запрос – потребность в хорошем, серьезном кино» [9, с. 298]. Поэтому для воспитания просвещенного зрителя нужно организовывать кино клубы на базе учреждений культуры. «Основной задачей кино клубов являются просмотры и коллективные обсуждения фильмов, изучение киноискусства» [9, с. 299]. Однако для педагогического сопровождения и руководства данным процессом организаторы социально-культурной деятельности должны сами пройти соответствующее обучение, которое поможет им понять тонкости медиаобразования. И только после формирования достаточных профессиональных компетенций, специалисты через ознакомление и приобщение молодежи к киноискусству, применяя педагогические технологии, вступают во взаимодействие с людьми, развивая их.

С целью воспитания и организации массового досуга молодежи нами разработан проект «Кино под куполом неба»

на базе Муниципального бюджетного учреждения культуры «Центр досуга «Родина» города Курска (далее МБУК ЦД «Родина»). Он представляет собой формат публичных показов фильмов на открытой площадке. Досуг в контексте данной социально-культурной деятельности выступает как фактор развития личности, способствующий позитивному времяпрепровождению, развлечению, межличностному общению и отдыху. Проект «Кино под куполом неба» направлен на патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи.

Цель проекта: просмотр кинофильмов на открытой площадке для разностороннего развития личности молодого человека в условиях социально-культурной деятельности.

Задачи проекта:

– организация продуктивного досуга молодежи микрорайона «Волокно» Сеймского административного округа города Курска;

– патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи микрорайона «Волокно» Сеймского административного округа города Курска.

Целевая аудитория проекта: молодежь от 14 до 35 лет.

География проекта: Курская область, город Курск, Сеймский административный округ, микрорайон «Волокно».

В МБУК ЦД «Родина» данный формат кинопоказа реализуется с 2015 года. За 8 лет в рамках проекта показано более 70 фильмов отечественного и зарубежного производства, направленных на патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи. В рамках показа фильмов проходит неформальная беседа о просмотренном материале, которая осуществляется с привлечением деятелей культуры и искусства, кинокритиков, педагогов, методистов и организаторов социально-культурной деятельности. Реализуемый проект дает возможность молодежи микрорайона «Волокно» Сеймского административного округа города Курска приобщиться к содержательному, доступному, качественному досугу.

Таким образом, показ фильмов в условиях досуга является значимым средством патриотического воспитания. В проекте «Кино под куполом неба» заключен существенный педагогический потенциал, направленный на патриотическое и духовно-нравственное воспитание. Кроме того, показ фильмов в учреждениях культуры – это увлекательный, содержательный и массовый досуг, способствующий межличностному общению и отдыху, направленному на удовлетворение духовных и социально-культурных потребностей молодого поколения.

Пристатейный библиографический список

1. Амеличкин А. В. История форм социально-культурного воспитания: учебно-методическое пособие для магистрантов. - Орел: ОГИК, 2020. - 103 с.
2. Баранов О. А. Медиаобразование в школе и вузе. - Тверь: Изд-во Тверского гос. пед. ун-та, 2002. - 87 с.
3. Будаговский В. А. Социально-культурные условия военно-патриотического воспитания учащейся молодежи в деятельности общественных объединений поисковой направленности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. - Орел, 2014. - 179 с.
4. Вакуленко Е. А. Патриотическое воспитание в процессе становления личности подростка // Патриотическое воспитание: от слов к делу: материалы научно-практической конференции. - М: АСТ, 2018. - С. 60-64.
5. Гейтенко Л. В. Система ценностей современной молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2009. - № 9. - С. 196-197.
6. Дьяченко В. В. Теория и практика патриотического воспитания в современной России: автореф. дис. ... докт. пед. наук. - М., 2001. - 396 с.
7. Жмырова Е. Ю. Киноискусство как средство воспитания толерантности у учащейся молодежи: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. - Тамбов, 2008. - 212 с.
8. Ильченко Е. А. Использование структуры отраслевого рынка (на примере российского рынка кинопоказа) // Вестник Челябинского государственного университета. - 2011. - № 32 (247). - С. 96-103.
9. Кравченко А. А. Киноискусство в системе нравственно-эстетического воспитания подростков // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. - 2013. - № 4. - С. 298-304.
10. Крылова Е. Л. Формирование патриотического сознания студентов вузов средствами медиавоспитания. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Самара, 2020. - 283 с.
11. Мальков М. Б. Кино как фактор патриотического воспитания детей и молодежи // Сборник материалов Международного саммита по культуре и образованию, посвященного 50-летию Казанского государственного института культуры: материалы научно-практических конференций. - Казань: КГИК, 2019. - С. 48-51.
12. Монастырский Д. В. Взаимодействие учреждений культуры и кинопроката при организации досуга молодежи: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. - Москва, 1999. - 181 с.
13. Пензин С. Н. Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. - 176 с.
14. Поличко Г. А. Киноязык, объясненный студенту. - Москва-Рязань: Русское слово, 2006. - 201 с.
15. Рогозянский М. Э. Функциональный подход к взаимодействию телевидения и учреждений культуры по патриотическому воспитанию молодежи: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Казань, 2010. - 25 с.
16. Усов Ю. Н. Программа учебного курса «Основы экранной культуры» для 9-11 классов общеобразовательной школы. Основы экранной культуры. Цикл программ. - М.: РАО, 1998. - С. 29-45.

БЕЛЁВЦЕВ Виталий Владимирович

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры огневой подготовки Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

В данной статье раскрываются возможности применения цифровых технологий на занятиях по огневой подготовке в образовательных организациях МВД России. Отличительная особенность данной дисциплины состоит том, что теоретическое и практическое обучение осуществляется в рамках одного занятия под руководством преподавателя, а также отсутствии возможности самостоятельно отработать навыки стрельбы. Огневая подготовка реализуется в традиционной форме обучения, однако кризис, произошедший в условиях карантина COVID-19, показал, что образовательные организации МВД России могут работать удаленно. Установлено, что применение цифровых технологий одновременно с повседневными занятиями дополнит процесс обучения, где обучающиеся приобретут новые компетенции, навыки и знания.

Ключевые слова: цифровые технологии, огневая подготовка, цифровизация образования, доступность образования, компьютерная грамотность.

BELEVTSSEV Vitaliy Vladimirovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Fire training sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION OF FIRE TRAINING CLASSES

This article reveals the possibilities of using digital technologies in fire training classes in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A distinctive feature of this discipline is that theoretical and practical training is carried out within the framework of one lesson under the guidance of a teacher, as well as the lack of opportunity to independently practice shooting skills. Fire training is implemented in the traditional form of training, however, the crisis that occurred in the conditions of COVID-19 quarantine showed that educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia can work remotely. It is established that the use of digital technologies simultaneously with everyday classes will complement the learning process, where students will acquire new competencies, skills and knowledge.

Keywords: digital technologies, fire training, digitalization of education, accessibility of education, computer literacy.

Организация и проведение занятий по огневой подготовке в образовательных организациях МВД России осуществляется на основании нормативно-правовых актов федерального и ведомственного уровня. В образовательных организациях МВД России реализуется традиционная форма обучения, однако, кризис, произошедший в условиях карантина COVID-19, показал, что образовательные организации МВД России могут работать удаленно. Потребность в переходе образования в цифровую реальность оказалась остро ощущаемой, чем раньше. Кроме того, применение цифровых технологий одновременно с повседневными занятиями дополнит процесс обучения, где обучающиеся приобретут новые компетенции, навыки и знания.

Использование интернета в современном мире осуществляется повсеместно, практически во всех отраслях и сферах человеческой жизнедеятельности. Кризис вызвал определенные последствия, на которые необходимо обратить внимание. Особенно это касается обучения и сферы образования.

В образовательных организациях МВД России огневая подготовка реализуется на протяжении всего периода обучения. Отличительная особенность данной дисциплины состоит том, что теоретическое и практическое обучение осуществляется в рамках одного занятия под руководством преподавателя, а также отсутствии возможности самостоятельно отработать навыки стрельбы.

Цифровизация образовательного процесса системы МВД России обусловилась более продвинутым этапом компьютеризации. Цифровые технологии в обучении сотрудников МВД имеют широкий спектр применения, требуют привлечение большого количества разнообразной вычислительной техники, способной решать поставленные задачи, не исключая и образовательные. Предоставление информации в цифровом формате позволяет пользоваться широкими возможностями, образовывать развитую технологическую среду, в которой можно создать подходящее по смыслу лояльное окружение на одной из выбранных платформ. Цифровое общество может активно общаться и взаимодействовать, решать сложные задачи.

Однако, кроме обучающегося контингента, цифровыми технологиями должны овладевать и преподаватели, т.е. для того, чтобы педагог мог ориентироваться в новом формате работы, необходимо подготовить его к новому виду подачи информации. А это, в свою очередь, требует разработки новой научной стратегии по подготовке персонала образовательной организации. Кроме того, возникает необходимость не просто внедрить новые формы обучения, но и разработки методов и алгоритмов, по которым будет осуществляться профессиональная деятельность обучающегося контингента образовательных организаций МВД России. При этом педагог должен сохранить способность подходить к процессу обучения творчески, развиваться внутри профессии.

Преподаватель в образовательном процессе играет ключевую роль, поскольку именно через него информация достигает конечной цели — становится понятной и доступной для обучающихся. Поэтому в процессе обучения важно грамотно продумать стратегию работы образовательной организации, обеспечить преподавателя необходимым цифровым сопровождением.

В целом можно отметить, что цифровое образование в системе МВД России постепенно становится частью естественного процесса обучения. Вместе с тем реализация данного процесса сталкивается с определенными проблемами. В частности, речь идет о слабом техническом оснащении ряда дисциплин, отсутствии необходимого программного обеспечения, недостатке квалифицированных кадров; из-за низкой пропускной способности интернета проблемы с обучением появляются не только в образовательном учреждении, но и у обучающихся [4], [5], [6].

Отмечая направленность современного образования на развитие цифровой формы, следует обратить внимание, что за последние 10 лет цифровые технологии прочно внедрились в ведомственную подготовку кадров и даже на законодательном уровне получили статус инструмента, который может использовать образовательный процесс. Электронными инструментами выступают смартфоны, компьютеры,

онлайн-курсы, базы, интернет-словари, интерактивные тиры и др. сервисы. Цифровое образование развивается и предлагает пользователям большое разнообразие. Наблюдается активная динамика развития цифрового образования. Можно выделить 3 этапа развития:

1. Развитие компьютерных технологий, используемых в процессе образования. Например, разработчики предлагают упражнения, которые помогают развивать обучающимся профессиональные навыки (например, отработка прицеливания и техники стрельбы). Они часто применяются в производственных мощностях, выражены в автоматизированных системах.

2. Распространение компьютерных технологий, создание специальных программ для обучения. Информационные технологии активно внедряются в процесс обучения. Применяются разнообразные электронные инструменты, которые обеспечивают огневую подготовку: интерактивные тиры, аудио- и видеозаписи, онлайн-курсы, дидактические компьютерные игры, дистанционное обучение, интернет-чаты, специальные приложения, онлайн-образовательные платформы и даже социальные сети.

3. Применение электронных средств в образовательном процессе дает возможность изучать положительную и отрицательную динамику последствий их применения. Получая полные данные, можно свести к минимуму негативные факторы и вызванные ими последствия в ситуациях применения огнестрельного оружия. Оцифровка учебной деятельности помогает не только собрать и изучить данные быстро, но и сохранить их [2], [3], [4].

Специалисты и преподаватели отмечают, что использование цифровых технологий в огневой подготовке дает ряд позитивных результатов:

1. Возможность проводить единовременное обучение большого количества сотрудников образовательной организации.

2. Учебный процесс становится менее трудоемким, при этом навыки и возможности обучающихся повышаются.

3. Возможность в несколько раз оптимизировать работу преподавателей [1], [5].

Однако, цифровизация обучения имеет также немало проблем, решение которых требует грамотного подхода и своевременности. В частности:

1. Повышение учебной нагрузки на обучающихся и рабочей на преподавателей. Это происходит из-за единовременного использования большого количества техники и инструментов, предназначенных для решения поставленной задачи.

2. Образовательный контент может терять качество, это касается в том числе создания новых программ.

3. Сложность защиты авторских прав и персональных данных, повышенные требования к соблюдению законодательства в этой сфере.

4. Снижение уровня социальных навыков у обучающихся, трудности с групповым взаимодействием между обучающимися.

5. Сложности с восприятием большого объема информации, которой требует больших усилий.

6. Отсутствие возможности обеспечить всех обучающихся качественной техникой, способной выполнять поставленные перед ней задачи.

7. Отсутствие стабильной работы интернета. Сеть может пропадать, плохо работать в отдельных населенных пунктах или даже районах [2], [3].

Недостатки могут прогрессировать, поэтому следует принять ряд мер, которые помогут обойти их риски до минимально возможных. Для этого потребуются решение следующих задач:

1. Четко выделить роль функции учебного процесса как для преподавателей, так и для обучающихся. Учебные заведения должны подготовить специальные методические материалы.

2. Создавать курсы, позволяющие повышать профессиональные навыки преподавателей, также они должны принимать участие в разработке электронных курсов для образовательного процесса. Необходимо учитывать персональные запросы обучающихся и их возможности в сфере получения новых знаний и навыков.

3. Разработать систему, при которой можно будет проводить исследования данных регулярно, анализировать качество учебного процесса.

4. Обеспечить надежную защиту персональных данных.

5. Условия для цифрового правосознания должны быть улучшены.

Еще одна актуальная проблема — это цифровая грамотность преподавательского состава кафедр огневой подготовки. Большое количество пожилых преподавателей плохо ориентируются в современных технологиях, им трудно пользоваться гаджетами, проводить дистанционное обучение, применяя компьютерную технику. Для реализации цифрового обучения требуется обучить таких педагогов, повысить их компьютерную грамотность.

При развитии цифрового образовательного процесса по огневой подготовке неизбежно появление и рисков, чем выше запросы и технический прогресс, тем выше будут и опасности. Именно поэтому необходимо разработать четкие алгоритмы, за счет которых можно будет свести негативные последствия к минимуму или вовсе исключить их появление. Для развития и совершенствования цифрового образования необходимо осуществлять всесторонний подход, который позволит учесть риски и увеличить перспективы дальнейшего развития данного направления.

Несмотря на все трудности, полномасштабное использование цифрового варианта образования является острой необходимостью. Конечно, оно не сможет полностью заменить традиционные способы обучения, однако должно быть представлено в полном, хорошо развитом виде для тех слушателей, которые захотят им воспользоваться [1], [2].

В заключении отметим, что глобальный подход к цифровому образованию поможет развивать это направление, сделав образование более доступным для широких масс вне зависимости от географического положения, социального статуса и возраста. Однако нельзя забывать о существующих рисках, борьба с которыми должна выйти на первый план. Для этого свой вклад должны внести не только сами учебные заведения и разработчики отдельных программ, но и законодатель. Тогда реализация цифрового образования станет более качественной [1], [3].

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что цифровизация образования процесс неизбежный. Это ценный и важный инструмент для развития современного общества и образовательной сферы в целом. Цифровые технологии позволяют большему числу людей осваивать материал. При достаточной компьютерной грамотности преподавателей и обучающихся, качественном программном обеспечении и обеспечении вузов и обучающихся подходящими техническими средствами, снижении возможных рисков можно добиться значительных положительных результатов.

Пристатейный библиографический список

1. Белёвцев В. В., Горденко Н. В., Крюкова И. В. Информатизация как процесс получения нового уровня образования // В сборнике: Наука. Технологии. Общество. Экономика. Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. - Ставрополь, 2022. - С. 24-26.
2. Гедгафов М. М. Применение современных технологий обучения при подготовке стрелков // Образование. Наука. Научные кадры. - 2021. - № 1. - С. 148-150.
3. Карданов А. К. Организационно-методические основы дисциплины «Огневая подготовка» в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. - 2022. - № 76-4. - С. 150-152.
4. Черкесов А. Ю. Огневая подготовка сотрудников полиции, как часть служебно-боевой подготовки // В сборнике: Инновации в науке и практике. Сборник трудов по материалам VI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. - Уфа, 2021. - С. 104-109.
5. Черкесов А. Ю. Педагогические условия совершенствования огневой подготовки сотрудников полиции // Образование. Наука. Научные кадры. - 2021. - № 1. - С. 227-229.
6. Черкесов А. Ю., Сабиров И. Ф. Актуальные проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в современных условиях // Образование и право. - 2022. - № 1. - С. 196-200.

ВИРТА Денис Сергеевич

преподаватель кафедры физической культуры Инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России

ЗВЕРЕВ Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, начальник кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки Юридического факультета Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань

КУЛЕЕВ Владимир Яковлевич

преподаватель кафедры физической подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА СПОРТСМЕНОВ ПО СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНОМУ ВИДУ СПОРТА «СЛУЖЕБНЫЙ БИАТЛОН» В ГОДИЧНОМ МАКРОЦИКЛЕ

В статье изложены: особенности подготовки спортсменов к соревнованиям по служебно-прикладному виду спорта «служебный биатлон» в годичном макроцикле в условиях совмещения тренировочного процесса с выполнением служебных обязанностей; психологические проблемы, возникающие при стрельбе из боевого оружия; уделено внимание морально-психологической подготовке спортсменов-биатлонистов.

Ключевые слова: служебный биатлон, спортсмен, стрелковая подготовка, физическая подготовка, психологические особенности, годичный макроцикл, тренировка.

VIRTA Denis Sergeevich

lecturer of Physical education sub-faculty of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

ZVEREV Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, Head of Mobilization and tactical-special training sub-faculty of the Faculty of Law of the Academy of Law and Management of the FPS Russia, Ryazan

KULEEV Vladimir Yakovlevich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF CONSTRUCTION OF THE TRAINING PROCESS OF ATHLETES FOR THE SERVICE-APPLIED SPORT «SERVICE BIATHLON» IN THE ANNUAL MACROCYCLE

The article describes: the features of training athletes for competitions in the service-applied sport «service biathlon» in the annual macrocycle in terms of combining the training process with the performance of official duties; psychological problems that arise when firing from military weapons; attention is paid to the moral and psychological preparation of biathletes.

Keywords: service biathlon, athlete, shooting training, physical training, psychological characteristics, annual macrocycle, training.

Анализируя научные труды в данной сфере следует вывод о том, что практические рекомендации, пособия и иные источники направленные на подготовку спортсменов в служебном биатлоне отсутствуют. Существуют лишь незначительные материалы, описывающие особенности подготовки спортсменов-биатлонистов, однако большинство из них носит узконаправленный характер, то есть описывают малую часть, что выглядит вырванным из контекста и не дающим полную картину того, как же все-таки необходимо тренировать спортсменов-биатлонистов? В какой последовательности? С каким соотношением видов подготовки и с какой дозировкой тренировочных нагрузок в системе профессиональной подготовки решать поставленные задачи? Именно это и определяет актуальность выбранной темы [2].

Служебный биатлон – служебно-прикладной вид спорта, характеризующийся выполнением больших по объему, интенсивности и психической напряженности нагрузок в шестидневном недельном микроцикле, участием в соревновательной деятельности на фоне высокой работоспособности, складывающийся из оптимального сочетания двух спортивных дисциплин – кроссового бега и стрелкового спорта.

Чередование двух различных по своим психофизическим требованиям спортивных дисциплин в рамках служебного биатлона создает ряд специфических проблем, касающихся структуры тренировочного процесса, поскольку спортсмены во время состязания должны два раза психологически и физически перестраиваться с учетом различных требований обеих дисциплин – бега и стрельбы.

Усложняющим фактором, прежде всего, является прерывание бега для стрельбы с вытекающей из этого перестройкой вегетативной реакции организма (изменение функций внутренних органов, т.е. органов кровообращения, дыхания, и т.д. потребность в которых возникает при перестройке с бега на стрельбу и наоборот).

Спортсмен должен быть готов на разных этапах дистанции избирательно активировать некоторые висцеральные органы под влиянием симпатической нервной системы и повышением активности соматической системы.

На беговом этапе происходит повышение кровяного давления, увеличение минутного объема крови, расширение коронарных сосудов, учащение пульса и т.д. организм полностью переключается на мышечную активность. Стрелковый этап, в свою очередь, требует снижение пульса, переключе-

чения с мышечной активности на внимание (взгляд, работа пальцем и руками). На данном этапе все должно быть доведено до автоматизма, чтобы во время соревнований, спортсмен не задумывался о том, что ему делать, как стоять, куда и как стрелять.

Постоянное переключение с одного вида деятельности на другой очень энергоёмкий процесс, требующий максимальной концентрации, собранности и стрессоустойчивости.

Подготовка спортсменов-биатлонистов начинается с планирования процесса подготовки. В плане отражается количество тренировочных дней и дней отдыха, вид нагрузки и ее объем. Так как данный вид спорта включает в себя не только бег, но и стрельбу, то планы подготовки составляют с учетом стрелковой подготовки.

В служебный биатлон в ВУЗах отбор спортсменов осуществляется из числа курсантов, занимающихся (занимавшихся) циклическим видом спорта – лыжные гонки, биатлон либо легкая атлетика.

Учитывая тот факт, что курсанты начинают свою службу в августе месяце, а также то, что соревновательный сезон в служебном биатлоне начинается в мае и заканчивается в сентябре тренировочный процесс складывается следующим образом:

Первый этап подготовки спортсменов-биатлонистов начинается в октябре месяце. Данный этап является восстановительным.

Новоиспеченные курсанты в августе проходили первоначальную профессиональную подготовку, а в сентябре месяце готовились принять присягу. Более опытные курсанты, которые принимали участие в соревнованиях по служебному биатлону, только закончили спортивный сезон. Ввиду чего, одним необходимо плавно войти в тренировочный процесс, а другим восстановиться перед новым этапом подготовки к соревнованиям, ввиду того, что соревнования по служебному биатлону – довольно энергозатратный в психологическом и физическом плане вид спорта. На данном этапе у спортсменов-биатлонистов должен быть минимальный беговой объем, который должен состоять, как правило, из равномерных, длительных беговых тренировок и фартлеков. Стрелковые тренировки отсутствуют. В октябре месяце внимание следует акцентировать на силовой подготовке.

Второй этап подготовки спортсменов-биатлонистов начинается в ноябре месяце. Данный этап является подготовительным и должен включать в себя, помимо вышеуказанных, скоростные тренировки. Физическая подготовка осуществляется, также, как и в беге на средние и длинные дистанции. Также в тренировочный процесс включается стрелковая подготовка, которая подразумевает под собой холостой тренаж с полным вовлечением в процесс, то есть стрелковые тренировки должны проходить также, как и при стрельбе с патроном. Спортсмены должны «отмечать» каждый сделанный выстрел. Если была ошибка то, что по какой причине. Отсутствие концентрации неприемлемо для стрелковых тренировок, ввиду того, что спортсмен, допускающий легкомыслия во время холостого тренажа будет делать тоже самое и во время стрельбы и при стрельбе на соревнованиях. Легкомыслие должно быть исключено и тренер должен донести эту мысль до спортсменов.

Третий этап подготовки в служебном биатлоне длится с декабря по февраль. На данном этапе происходит постепен-

ное увеличение бегового объема, возрастает интенсивность, однако увеличение общей интенсивности нагрузки происходит несколько медленнее и чуть отстает от кривого роста объема, а также стрелковые тренировки должны включать в себя холостой тренаж и стрельбу. Основная задача общеподготовительного этапа – создание специального фундамента для дальнейшего развития специальных качеств. В это время начинается формироваться выносливость, скорость и сила.

Ввиду того, что не у всех спортсменов есть возможность в зимний период осуществлять беговую подготовку в полном объеме, ее возможно заменить, частично, лыжной подготовкой.

Стоит помнить о том, что спортсмены-биатлонисты не являются профессиональными спортсменами, у них нет тех условий и возможностей осуществлять тренировочный процесс в тех объемах, как у легкоатлетов профессионалов. Поскольку в-первую очередь спортсмены-биатлонисты выполняют свои служебные обязанности, а после чего тренируются. Тем более что помимо физической подготовки, у спортсменов-биатлонистов существует и стрелковая подготовка, которая, на данном этапе, постепенно увеличивается во временных рамках.

На данном этапе, в стрелковых тренировках продолжительность холостого тренажа превалирует над стрельбой. Однако количество стрелковых тренировок должно составлять не менее 2-3 в неделю.

Четвертый этап подготовки осуществляется в марте. Основная задача данного этапа – развитие специальных качеств (в первую очередь скоростно-силовых качеств и скоростной выносливости), а также воспитание морально-волевых качеств.

Интенсивность на данном этапе в целом значительна, однако снижается за счет увеличения силовых и объемных тренировок к концу подготовительного периода. Она не должна достигать предела, характерного для соревновательного периода.

На данном этапе, в стрелковых тренировках стрельба должна преобладать над холостым тренажом. Должен нарабатываться настрел. Ввиду того, что технические элементы стрельбы ранее были отработаны, необходимо все наработки перенести на работу с патроном.

Пятый этап – предсоревновательный. Основная задача – устранение мелких недостатков в физической, технической и тактической подготовленности спортсменов-биатлонистов.

Начинаются стрелковые тренировки в условиях приближенных к соревнованиям, то есть интервальные тренировки совмещаются со стрелковыми. Также акцентируется внимание на тренировках на схожих к соревновательным условиям (рельеф, групповой старт и стрельба, скорострельность и т.п.).

На данном этапе происходит снижение общего объема, но повышается интенсивность.

Шестой этап – соревновательный. Продолжительность данного этапа с июня по сентябрь. На данном этапе тренировочный процесс организуется исходя из предстоящих соревнований.

Существует несколько моделей подводки к стартам, но наиболее эффективной признана «быстрая» модель, при которой в течение двух недель перед соревнованием осуществляется быстрое снижение тренировочных объемов на

41–60%. За единицу измерения при этом стоит принимать время, а не километраж. Что касается частоты и интенсивности тренировок во время подводки, то принято считать, что количество тренировочных сессий не следует уменьшать более чем на 20%, а интенсивность можно даже повысить, благодаря чему повышается и аэробная, и анаэробная работоспособность.

Служебный биатлон – специфичный вид спорта. Если физическая подготовка дает четкую картину того, как подготовлен спортсмен и есть возможность предугадать время прохождения дистанции, то стрелковая подготовка имеет ряд психологических «подводных камней», которые могут перечеркнуть все наработки в течение сезона.

Есть ряд факторов, влияющих на качество стрельбы – внешние и внутренние. Внешние факторы могут носить временный или даже разовый характер. К ним можно отнести:

– метеорологические условия (различная освещенность мишеней плохая видимость, температура воздуха, дождь, сильный ветер и т.д.);

– материально-техническое оснащение оружия (износ деталей оружия, неправильно подобранная мушка и др.).

Вторая группа – внутренние факторы, которые, в большей степени могут повлиять на результат спортсмена. Их можно условно разбить на две подгруппы.

Во-первых, это технико-тактические действия спортсмена, включающие в себя следующие элементы: скорость подхода к огневому рубежу, завышенный темп стрельбы, ожидание выстрела, зацеживание, и др.

Во-вторых, это психологические факторы. Стрельба – это вид деятельности, в которой психологическая подготовка имеет огромное значение для спортсмена. Необходимо отметить, что соревновательная атмосфера и особенности служебного биатлона добавляют дополнительные сбивающие факторы, с которыми необходимо справиться спортсмену.

Психологические факторы включают в себя такие компоненты, как внутренняя готовность спортсмена на результат, экстремальное воздействие соревновательных условий, сосредоточение внимания и способность спортсмена абстрагироваться от посторонних раздражителей и многие другие[3].

Поэтому для успешного выступления спортсменов-биатлонистов необходимо уделять большое внимание психологической подготовке. Для этого необходимо донести до спортсмена ряд правил стрелкового компонента:

при стрельбе главный критерий – контроль мушки в целике (Ш);

уверенное плавное нажатие на спусковой крючок во время прицеливания без остановок и рывков;

район прицеливания не играет большой роли, он заключается в наработке, мышечной памяти;

тяга спускового крючка должна осуществляться на себя (не влияет на стрельбу какой частью 1 фаланги указательного пальца вы нажимаете на спусковой крючок);

ведение спортивного дневника с отражением всей тренировки, качества выстрелов, ощущения и т.п.;

недопустимо осуществление стрелковой тренировки без концентрации. В случае если спортсмен тренируется с чувством надо, то эффективность данной тренировки ничтожна. Спортсмен должен подходить к тренировочному процессу с

желанием, концентрацией и отстранением от внешних факторов;

стойка спортсмена при стрельбе, также, как и хват – индивидуальное явление.

В служебном биатлоне нет приоритета физической или стрелковой подготовки. Скорость прохождения дистанции или качество стрельбы, отдельно ничего не значат. Самое главное научить спортсменов делать все правильно и в комплексе. Только при понимании этого правила можно говорить о том, что спортсмен может показать свой максимальный результат.

Пристатейный библиографический список

1. Астафьев К. А., Солоницин Р. А. Формирование готовности сотрудника УИС к выполнению оперативно-служебных задач средствами летнего служебного биатлона // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Пермь, 02 апреля 2020 года / Составитель В. А. Овченков. Том I. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 264-266.
2. Пугачев А. В., Тарабрина К. С. Основы подготовки спортсменов в летнем служебном биатлоне // Вопросы организации тренировочного процесса в стрелковых служебно-прикладных видах спорта в системе МВД России : электронный сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 03 февраля 2019 года / под редакцией С. К. Бурякова. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. – С. 31-33.
3. Слободчикова Т. А. Факторы, оказывающие влияние на результат стрельбы у спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне // Вопросы организации тренировочного процесса в стрелковых служебно-прикладных видах спорта в системе МВД России: электронный сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 03 февраля 2019 года / под редакцией С.К. Бурякова. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. – С. 37-39.

КАШИБАДЗЕ Александр Георгиевич

преподаватель кафедры физической и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России

ВЛИЯНИЕ ИГРОВЫХ ВИДОВ СПОРТА НА ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В данной статье актуализируется необходимость поддержания качественной физической подготовки сотрудников пенитенциарной системы. Выполнение стоящих перед работниками пенитенциарных учреждений служебных задач находится в прямой взаимосвязи с уровнем их физической подготовки, которая оказывает непосредственное влияние на физическую работоспособность и выносливость. Физическое воспитание сотрудников должно поддерживаться в результате систематически проводимых занятий по физической подготовке, явка на которые по причине служебной занятости минимальна и носит формальный характер.

Обозначена проблема разработки методик формирования и стремления у сотрудников учреждений и органов пенитенциарной системы стремления к занятиям физическими упражнениями. Предлагается разрешить проблему путем внедрения в практику учреждений использования игровых видов спорта в рамках регулярно проводимых спортивных дней. Игровые виды спорта, обладая возможностью разнообразить досуг, снизить напряжение после рабочего дня, способны привлечь внимание сотрудников и работников учреждения, повысить интерес и стремление к физическому развитию. Актуальность данного предложения также объясняется тем, что игровые виды спорта не только поддерживают физический тонус, но и положительно влияют на здоровье, развивают пространственную ориентацию, координацию движений, быстроту реагирования, формируют нервно-психологическую устойчивость и имеют оздоровительный эффект.

Таким образом, перспектива внедрения игровых видов спорта в практику пенитенциарных учреждений и органов, имеет высокую актуальность и нуждается в рассмотрении и научно-практическом осмыслении.

Ключевые слова: игровые виды спорта, спортивные игры, физическая подготовка, сотрудник уголовно-исполнительной системы, физическое воспитание, физическое здоровье, двигательные навыки, служебная деятельность, спортивный день.

KASHIBADZE Alexander Georgievich

lecturer of Physical and tactical special training sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE INFLUENCE OF GAME SPORTS ON THE PHYSICAL DEVELOPMENT OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM

This article actualizes the need to maintain good physical fitness of employees of institutions and bodies of the Penal system. The quality of performance of the official tasks facing employees of penitentiary institutions is directly related to the level of their physical fitness, which has a direct impact on physical performance and endurance. Physical education of employees should be supported as a result of constantly conducted physical training classes, attendance at which, due to official employment, is minimal and is of a formal nature.

The problem of developing methods for the formation and aspiration of employees of institutions and bodies of the penitentiary system of the desire for physical exercise is outlined. It is proposed to solve the problem by introducing the use of game sports into the practice of institutions within the framework of regularly held sports days. Game sports, having the opportunity to diversify leisure time, reduce stress after a working day, are able to attract the attention of employees and employees of the institution, increase interest and desire for physical development.

The relevance of this proposal is also explained by the fact that game sports not only maintain physical tone, but also have a positive effect on health, develop spatial orientation, coordination of movements, responsiveness, form neuropsychological stability and have a healing effect.

Thus, the prospect of introducing game sports into the practice of penitentiary institutions and bodies is highly relevant and needs to be considered and scientifically and practically comprehended.

Keywords: game sports, sports games, physical training, an employee of the penal enforcement system, physical education, physical health, motor skills, official activity, sports day.

ВВЕДЕНИЕ

Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) имеет определяющее значение для качественного несения службы. Служебная деятельность сотрудников имеет активный характер (регулярные обходы территории, количественные просчеты осужденных, непрерывное патрулирование контрольно-следовой полосы и прочее), соответственно, для выполнения служебных задач ключевое значение имеют двигательные навыки сотрудника.

Имея развитые физические качества, выносливость, сотрудник также может противостоять осужденным, наруша-

ющим режимные требования, своевременно принять меры по предотвращению грубых нарушений порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях, в том числе посягательств со стороны спецконтингента на их жизнь и здоровье.

Такое поведение в стенах исправительного учреждения со стороны спецконтингента, к сожалению, не является исключением. В пенитенциарных учреждениях сосредоточена самая опасная категория российских граждан, которые в любой момент могут повторно преступить законодательные нормы. Сотрудник должен обладать способностью точно и

своевременно дать отпор такому деструктивному поведению с целью пресечения совершения осужденными более грубых нарушений режимных требований (массовые беспорядки, групповые неповиновения, побег из мест лишения свободы и прочее).

Таким образом, сотрудники пенитенциарной системы должны ответственно относиться к развитию своих двигательных навыков, укреплению общефизического состояния и как можно чаще заниматься физической подготовкой с целью успешного выполнения служебных задач.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уровень физической подготовки напрямую влияет на общее физическое состояние сотрудника в период несения службы. Любой сотрудник пенитенциарной системы должен быть готов выполнять служебные задачи, связанные с повышенной физической активностью, сопряженной с постоянным ношением тяжестей специальных средств и огнестрельного оружия. Поэтому физическое воспитание имеет принципиальное значение не только во время обучения в ведомственных учебных учреждениях, но и во время непосредственной службы в пенитенциарных учреждениях.

Физическое воспитание представляет собой комплекс мероприятий, воздействующих на физическую активность личности, ее нравственно-волевые качества, направленных на улучшение дальнейшей физической работоспособности [1, с. 13].

Стоит согласиться с мнением В. А. Казначеева, утверждающего, что чем выше уровень физического здоровья сотрудника УИС, тем больше будет его производительность труда при выполнении должностных обязанностей [2, с. 27]. Соответственно, постоянное и систематическое развитие физических характеристик сотрудников напрямую окажет влияние на успешность функционирования всей УИС, на качественное выполнение поставленных перед ней задач.

В условиях несения службы, занятия по физической подготовке носят формальный характер, явка сотрудников на них минимальна. Однако физический тонус сотрудник поддерживать должен, это положительно сказывается на служебной активности, снижает утомляемость. Поэтому особенно остро в настоящее время стоит проблема разработки методик формирования у сотрудников учреждений и органов УИС стремления к занятиям физическими упражнениями, среди которых игровые виды спорта могут стать самым удачным выходом из сложившейся ситуации. Игровые виды спорта могут заинтересовать персонал учреждений и органов УИС, так как это не только возможность укрепить свою физическую форму, но и разнообразить досуг, получить «разрядку» после напряженного служебного дня, а также – сплотить коллектив, что не мало важно для успешного функционирования всего учреждения.

А. В. Новиков игровые виды спорта (спортивные игры) определяет как спортивные мероприятия, сопряженные

с высокой двигательной активностью, затрачиванием значительных волевых усилий, противоборством двух сторон, исход которых будет зависеть от численности достижений обусловленной цели [3, с. 223]. Следует согласиться с представленной дефиницией, игровые виды спорта (например, футбол, волейбол), действительно, имея состязательный характер, затрачивают много усилий у игроков, от физических, до морально-волевых и эмоциональных. Соответственно, игровые виды спорта могут стать неотъемлемым дополнением к общепринятым занятиям по физической подготовке, проводимых кадровой службой учреждений и органов УИС (инспектором по боевой и служебной подготовке).

Таким образом, в учреждениях УИС можно ввести в практику регулярное систематическое проведение спортивных дней, при которых можно аккумулировать значительное количество служащих и работников учреждения и посредством игровой формы, заниматься спортом, совершенствовать свои физические навыки.

Важное значение имеет именно систематичность физической подготовки сотрудников УИС, так как только таким образом можно повысить общий уровень физической подготовленности, необходимый для работы в сложных и напряженных условиях пенитенциарных учреждений, взаимодействия со спецконтингентом, пресечения нарушений режимных требований и правонарушений, а также для обороны и самозащиты. Регулярную посещаемость сотрудниками учреждений и органов УИС занятий по физической подготовке можно обеспечить именно посредством практики включения в нее спортивных игр.

Регулярное использование игровых видов спорта во время занятий по физической подготовке в учреждениях УИС имеет много плюсов. В первую очередь, игровые виды спорта позволяют сотрудникам поддерживать удовлетворительную физическую форму, мышечную подтянутость и накапливать уровень выносливости организма.

На таких занятиях активное участие могут принимать все сотрудники, не зависимо от их физических возможностей, категории состояния здоровья и достигнутого возрастного показателя.

Игровые виды спорта играют значительную оздоровительную роль, так как они, как правило, сопряжены с высокой активностью. Например, при игре в баскетбол и футбол, нужно проявлять выносливость, ловкость и быстроту реакции, в довольно продолжительный период времени, что обеспечивает гармоничную деятельность дыхательной, сердечно-сосудистой, а также мышечной систем человеческого организма.

Укрепление и сохранение здоровья сотрудников УИС посредством использования игровых видов спорта является действенным методом повышения пространственной ориентации и координации движений, что может оказать решающую роль при оказании противодействия осужденному, нарушающему режимные требования, в том числе пытающегося оказать силовое воздействие на представителя администрации учреждения.

Уже накопленный преступный опыт осужденных помогает им избирать самые неординарные, самобытные при-

емы и способы достижения своих преступных намерений. Сотрудник, находящийся на ограниченной, закрытой территории исправительного учреждения, должен уметь быстро сориентироваться и выбрать тактику противодействия правонарушителю. Именно подвижные игровые виды спорта улучшают ориентацию в пространстве, развивают быстроту реагирования и воспроизведение двигательных действий.

Игровые виды спорта способны повысить нервно-психическую устойчивость сотрудников к эмоциональным стрессам. Человек в процессе активной спортивной игры «вживается в роль» и переживает яркие эмоции, борется с ними и в зависимости от этого координирует свое дальнейшее поведение.

Также стоит отметить, что спортивные игры, в силу устанавливаемых в них правил, которые необходимо соблюдать и множественности их участников, способствуют общей дисциплинированности и вырабатывают навыки коллективизма. Служба в пенитенциарной системе невозможна без соблюдения служебной дисциплины, а также характеризуется тесной взаимосвязью всех отделов и служб в процессе служебной деятельности.

Можно с уверенностью утверждать, что игровые виды спорта, в целом, при их регулярном использовании, способны оказать положительное влияние на личность сотрудника пенитенциарной системы: усовершенствовать физические навыки, укрепить эмоционально-волевые качества, способствовать общему оздоровлению организма, что окажет прямое влияние на продуктивность дальнейшей служебной деятельности.

ВЫВОДЫ

Внедрение в практику учреждений и органов УИС использования игровых видов спорта, позволит в целом усовершенствовать процедуру проведения занятий по физической подготовке с сотрудниками, сделать их более востребованными и посещаемыми.

Практическая реализация игровых видов спорта для физического воспитания служащих в пенитенциарных учреждениях характеризуется следующими положительными моментами:

- позволяют сотрудникам поддерживать удовлетворительную физическую форму, мышечную подтянутость;
- играют оздоровительную роль, так как сопряжены с высокой активностью, что обеспечивает гармоничную деятельность дыхательной, сердечно-сосудистой, а также мышечной систем человеческого организма;
- является действенным методом повышения пространственной ориентации и координации движений;
- улучшают ориентацию в пространстве, развивают быстроту реагирования и воспроизведение двигательных действий;
- способны повысить нервно-психическую устойчивость сотрудников к эмоциональным стрессам;
- способствуют общей дисциплинированности и вырабатывают навыки коллективизма;
- участие могут принимать все сотрудники, не зависимо от физических возможностей, категории состояния здоровья и достигнутого возрастного показателя;

– служат получению «разрядки» после напряженного служебного дня, а также сплочению коллектива.

В связи с этим, предлагается ввести в практику учреждения или органа УИС ежемесячное (при возможности – более частое), проведение спортивных дней во время которых можно аккумулировать значительное количество служащих и работников учреждения и посредством спортивной игровой формы укреплять двигательные навыки и развивать физическую активность.

Пристатейный библиографический список

1. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие для среднего профессионального образования / Под ред. В. Н. Пожималина. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. Юрайт, 2022. – 276 с.
2. Казначеев В. А. Влияние физической подготовки на физическое состояние сотрудника уголовно-исполнительной системы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2020. – № 74. – С. 26-30.
3. Новиков А. В. Оздоровительная направленность игровых видов спорта и их значение в системе физической подготовки сотрудников УИС // Неделя науки, посвященная 220-летию со дня образования Министерства юстиции РФ. – 2022. – № 1. – С. 222-224.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-432-434

МАКАЕВА Гузаль Зайнагиевна

кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Института экономики и управления Казанского государственного архитектурно-строительного университета

МАКАЕВ Ханиф Фахретдинович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Института международных отношений Казанского федерального университета

КОНОВАЛОВА Елена Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Института экономики и управления Казанского государственного архитектурно-строительного университета

ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

В образовательном пространстве сегодня все большую популярность приобретают цифровые образовательные ресурсы, что особенно проявляется в вузовской подготовке специалистов всех сфер, юридической в том числе. Недавний опыт работы в пандемийный период показал возможности и эффективность использования цифровых образовательных ресурсов для дистанционной образовательной деятельности в вузе. В работе рассматриваются функциональные возможности онлайн-платформы Microsoft Teams для изучения языка по всем видам речевой деятельности, лексики и грамматики. Определены преимущества и недостатки рассматриваемой платформы. Исследовательскими методами являлись наблюдение, анализ и сопоставление, обучение-практика-контроль. Результаты работы выявили превалирование преимуществ над недостатками использования онлайн-платформы Microsoft Teams в обучающем процессе. Полученные результаты могут внести определенный вклад в педагогическую науку.

Ключевые слова: онлайн-платформа Microsoft Teams, язык, студент, речевая деятельность, специалист, обучение, педагогическая наука, метод.

МАКАЕВА Guzal Zaynagievna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Institute of Economics and Management of Kazan State University of Architecture and Engineering

МАКАЕВ Khanif Fahretdinovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University

KONOVALOVA Elena Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Institute of Economics and Management of the Kazan State University of Architecture and Engineering

DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF LEGAL STUDENTS

In the educational space today, digital educational resources are becoming increasingly popular, which is especially evident in the university training of specialists in all fields, including legal. Recent experience during the pandemic period has shown the possibilities and effectiveness of using digital educational resources for distance learning activities at a university. The paper discusses the functionality of the Microsoft Teams online platform for language learning in all types of speech activity, vocabulary and grammar. The advantages and disadvantages of the considered platform are determined. Research methods were observation, analysis and comparison, training-practice-control. The results of the work revealed the prevalence of advantages over the disadvantages of using the Microsoft Teams online platform in the learning process. The results obtained can make a certain contribution to pedagogical science.

Keywords: Microsoft Teams online platform, language, student, speech activity, specialist, training, pedagogical science, method.

Одним из эффективных средств цифровых образовательных ресурсов при обучении большинству дисциплин, в частности иностранным языкам в вузе во всех сферах, юридической в том числе, является онлайн-платформа Microsoft Teams. Данная платформа приобретает сегодня все большую популярность, так как при ее помощи можно достичь множества преимуществ по сравнению с традиционными формами обучения. Наряду с этим есть также ряд проблем, представляющих трудности, а иногда и невозможность достичь положительных результатов.

Вопросам применения цифровых технологий посвящен ряд научных трудов как отечественных, так и зарубежных

ученых, практиков, занимающихся данным вопросом. Возможность проведения дистанционного обучения благодаря быстрому развитию онлайн технологий рассматривается в работах Мак Брайна и др. [1]. Дхаван С. считает, что обучение на основе применения онлайн-платформы является «учебным опытом в синхронной или асинхронной среде» [2]. О возможности формирования навыков самостоятельного обучения, что очень важно при изучении иностранного языка, уделяя этому больше времени, говорится М. Т. Keeton [3]. Обучающиеся становятся способными сформировать свои навыки самостоятельного обучения, часто управляют своим временем, регулярно просматривают материал, обращаются

за помощью к преподавателю или коллегам, соблюдают сроки и обладают навыками метапознания, чтобы осмысливать собственное обучение, считает You & Kang [4]. В трудах W. C. Savenue отмечается взаимодействие и общение как ключевой фактор к успеху при применении онлайн-технологий [5].

Целью исследования является выявление эффективных возможностей использования онлайн-платформы Microsoft Teams при обучении студентов иностранному языку в вузе, юридическом в том числе. Задачами исследования было определить, насколько возможно повысить качество знаний и навыков обучаемых по всем четырем видам речевой деятельности, а именно чтению, письму, говорению и аудированию, а также лексике и грамматике. Важным было также выявление наиболее эффективных способов использования возможностей рассматриваемой платформы, ее преимуществ и недостатков.

Исследование проводилось на базе таких методов, как наблюдение, анализ и сопоставление, обучение-практика-контроль. Участниками исследования, проведенного в первом семестре 2020-2021 учебного года, являлись студенты первого и второго курсов Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета. Обучение и анализ результатов были проведены на основе контроля знаний и навыков обучающихся контрольной и экспериментальной групп.

Результаты исследования показали повышение мотивации и активности студентов в изучении учебного материала, высокую эффективность использования как учебного, так и внеучебного времени и студентов, и обучающего. Особую пользу можно было извлечь из возможности присоединиться к учебному занятию, взаимодействовать с преподавателем и одноклассниками с любого места, даже когда невозможно было посещать занятия по тем или иным причинам. Важным было использование функции записи проведенных учебных занятий, которые можно всегда прослушать и просмотреть спустя некоторое время, когда нет возможности присутствовать на самом занятии.

Применение онлайн-платформы Microsoft Teams позволило сделать процесс изучения и обучения более гибким, инновативным; в учебном процессе студент оказывался его субъектом. Активно использовались такие функции, как онлайн-каналы, чаты в каналах, онлайн-видеозвонки, работа с экраном, сайт Share Point Online, где можно накапливать документы с учебным материалом и т.д. Положительным является также возможность для обучающихся обогащать словарный запас, эффективнее приобретать навыки владения терминами по специальности [6]. Особую роль онлайн-платформы Microsoft Teams следует отнести при изучении терминов рассматриваемой сферы: функции платформы способствуют более эффективному усвоению терминов-лексических единиц. В процессе изучения терминов платформа способна быстро обеспечить обучающихся информацией об их образовании, переходе из одной части речи в другую при их формировании, что делает эффективным их усвоение [7], [8].

Положительными сторонами работы с онлайн-платформой Microsoft Teams, как показали результаты экспери-

ментального обучения, являются все ее функции, а именно чаты, команды, задания, календари и файлы. В функции чата входят индивидуальные чаты с учащимися, а в функции групп входит список команд или классов. Использование Microsoft Teams позволило эффективно взаимодействовать преподавателю с обучающимся, что обусловило экономию учебного времени для всех участников образовательного процесса. Возможно было организовать обучение и контроль как индивидуально с каждым студентом, так и в микрогруппах или со всей группой одновременно. Бесспорным положительным фактором, обеспечивающим развитие умений и навыков студентов при работе с рассматриваемой платформой, является возможность одновременного охвата всех видов речевой деятельности, если такая работа обуславливается ходом учебного процесса. Особую роль онлайн-платформы Microsoft Teams следует отметить при изучении терминов рассматриваемой сферы: функции платформы способствуют более эффективному усвоению терминов-лексических единиц. В процессе изучения терминов платформа способна быстро обеспечить обучающихся информацией об их образовании, переходе из одной части речи в другую при их формировании, что делает быстрым и эффективным их усвоение.

Распределение заданий, их выполнение и контроль возможны при умелой ориентации преподавателя в технических вопросах, связанных с работой на данной платформе. Условием для плодотворной образовательной деятельности преподавателя, таким образом, является техническая его компетентность. Немаловажным являлась возможность создания условной языковой среды для студентов при работе с онлайн-платформой Microsoft Teams, что предполагало обращение обучающимися к иноязычным интернет-источникам в текстовой и звуковой формах. Здесь следует упомянуть беседы с преподавателем и друг с другом не только в рамках изучаемых тем, но и за их пределами. Отметим также, что работа на данной платформе способствовало повышению мотивации студентов к изучению предлагаемого учебного материала, так как современные молодые люди более склонны к работе с разного рода средствами современных информационных технологий.

Недостатками при работе на онлайн-платформе Microsoft Teams можно назвать трудность или невозможность обеспечения объективности при проведении контроля знаний по лексике, грамматике в письменной форме, так как проблемно проследить самостоятельность выполнения заданий студентами. Такая же проблема может выявиться и в организации перевода определенного учебного материала как устного, так и письменного. Контроль чтения и устной речи менее подвержен такой проблеме, так как преподавателю легко определить произношение, речь уже в процессе их производства. Хотя процесс подготовки устной речи в условиях работы с онлайн-платформой Microsoft Teamstже может быть не вполне самостоятельным, что не способствует развитию спонтанной речи студента в полной мере. Речь идет о полной самостоятельности студентов в формировании мысли и осуществлении речи для эффективного развития их речемыслительной деятельности с целью производства спон-

танной иноязычной речи. Но уровень и качество подготовленности студента по устной речи можно легко установить при помощи дополнительных вопросов по рассматриваемой теме.

Определенному количеству студентов трудно охватить сразу все виды речевой деятельности одинаково хорошо: имеются обучающиеся, у которых лучше получается с выполнением грамматических заданий, у кого-то лучше с переводом и чтением. Целью иноязычной подготовки является владение навыками и письма, и говорения, и чтения, и восприятия на слух, и преподавателю необходимо учитывать фактор неоднозначности умений и навыков обучающихся по этим параметрам. Еще одной трудностью следует назвать отсутствие прямого контакта преподавателя с обучаемыми. Это уменьшает в некоторой степени эффект прямого влияния преподавателя на мотивацию, психологический комфорт обучающегося, а также возможность оказания помощи в создании языковой среды и т.д.

Итак, анализ эффективности привлечения функций рассматриваемой платформы в образовательных целях доказал преобладание их положительных сторон. Отметим, что при такой организации обучения необходимо больше обращать внимание не только на аудиторную, но и самостоятельную работу студентов. Для этого важно оказание пристального внимания на сохранение и повышение мотивации обучающихся к овладению умениями и навыками по всем видам речевой деятельности, грамматике и лексике. Достижение мотивации и поддержания интереса обучающихся к изучаемому учебному материалу, дисциплины в целом обуславливается созданием комфортного психологического климата в течение всего учебного процесса, обеспечением условной языковой среды.

Анализ процесса обучения показал, что важным является, например, стремление к правильному первичному предъявлению звучания терминов нефтегазовой сферы. Неправильное закладывание у студентов навыков произношения новых лексических единиц чревато трудностями в их исправлении в будущем, так как лучше научить чему-либо с нуля, чем переучивать. Соблюдение этого же принципа необходимо и при изучении особенностей грамматических явлений, присущих текстам по всем специальностям, юридической в том числе. К таким особенностям, например, могут быть отнесены использование герундия и герундиальных оборотов, объектных и субъектных причастных оборотов, чему в школьной программе уделяется обычно мало времени, но они составляют существенную часть текстов всех специальностей. На особом учете должны быть те студенты, чьи интересы больше направлены на получение только оценок. Важно объяснить им, что знания, умения и навыки должны быть объективными, что возможно задействовать накопленный ими в предыдущих учебных заведениях потенциал по иностранному языку для развития спонтанной речи, навыков письма, чтения и восприятия на слух.

Исследование показало возможность достижения всех этих целей на основе умелой организации учебной работы, постоянного контроля со стороны преподавателя как за повышением иноязычных навыков студента, так и за его от-

ношением к изучаемой дисциплине в целом. Необходимо отметить также возможность одновременной работы с несколькими группами обучающихся по разным видам речевой деятельности, что способствует эффективному использованию учебного времени.

Результаты данной работы показали высокую эффективность учебного процесса по всем направлениям, в том числе по экономии времени, организации работы по всем видам речевой деятельности, лексики и грамматики. По результатам исследования можно также заключить, что для работы по онлайн-платформе Microsoft Teams необходимы ответственность обучающихся, их самостоятельность, мотивированность. Особая роль отводится также лингвистической, педагогической и технической компетентности преподавателя. Результаты могут в определенной степени внести некоторый вклад в педагогическую науку.

Пристатейный библиографический список

1. McBrien J. L., Cheng R., Jones P. Virtual spaces: Employing a synchronous online classroom facilitate student engagement in online learning // *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. – 10 (1 172020). – 2009.
2. Dhawan S. Online learning: A panacea in the time of COVID19 crisis // *Journal of Educational Technology Systems*. – 2020. – 49 (1). С. 5-22.
3. Keeton M. T. Best on line instructional practices: Report of phase I on going study // *Journal of A synchronous Learning Networks*. – 8 (2). – P. 75-100.
4. You J. W., & Kang M. The role of academic emotions in the relationship between perceived academic control and self-regulated learning in online learning // *Computers & Education*. – 2014. – № 77. – 125-133.
5. Savenye W. C. Improving Online Courses. What is Interaction and Why Use it? (Undetermined) // *Distance Learning*. – 2005. – 2 (6). – P. 22-28.
6. Makayev Kh. F., Yahin M. A., Makayeva G. Z. Interlingua Interferences in English and Russian in Physics Field Propositos y Representaciones. – 2021. – № 9. – P. 1019.
7. Makayev K. F., Baranova A. R., Sigacheva N. A. Ways of Vocabulary Enlargement the English Sublanguage of Physics // *Journal of Research in Applied Linguistics*. – 2019. – Т. 10. № 5. – P. 793-801.
8. Baranova A. R., Makayev K. F., Sigacheva N. A. Diachronic tree of computer terms // *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. – 2019. – Т. 11. № 8 Special Issue. – С. 456-461.

МАНДРЫКА Юлия Сергеевна

преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, майор полиции

РОМАНОВ Михаил Сергеевич

кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, майор полиции

АМИРОВА Дилара Кафилевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, майор полиции

ВАЛЕЕВА Гульшат Шакуровна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Данная статья рассматривает важность развития готовности сотрудников полиции к профилактике преступности несовершеннолетних. В статье представлены методы, которые могут быть использованы для повышения уровня подготовки сотрудников полиции в данной области. Среди таких методов: организация специальных тренингов и практических занятий, использование игровых технологий, а также обозначается важность сотрудничества с другими государственными и негосударственными организациями по вопросам осуществления профилактической работы с несовершеннолетними.

Ключевые слова: сотрудники полиции, развитие, профилактика, преступность несовершеннолетних, повышение уровня подготовки.

MANDRYKA Yuliya Sergeevna

lecturer of Criminal process sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, major of police

ROMANOV Mikhail Sergeevich

Ph.D. in technical sciences, senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

AMIROVA Dilyara Kafilevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, major of police

VALEEVA Gulshat Shakurovna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

PEDAGOGICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF POLICE OFFICERS' READINESS FOR THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY

This article examines the importance of developing the readiness of police officers to prevent juvenile delinquency. The article presents methods that can be used to improve the level of training of police officers in this area. Among such methods: the organization of special trainings and practical classes, the use of gaming technologies, as well as the importance of cooperation with other state and non-state organizations on the implementation of preventive work with minors.

Keywords: police officers, development, prevention, juvenile delinquency, improving the level of training.

Профилактика преступности несовершеннолетних является важной задачей, которую ставят перед собой правоохранительные органы. Главной целью такой работы является предотвращение преступных действий со стороны молодежи и создание условий для их адаптации к обществу.

Борьба с преступностью несовершеннолетних одно из актуальных направлений политики в большинстве стран мира. Дети в возрасте от 7 до 17 лет требуют особого внимания со стороны субъектов, осуществляющих профилактику девиантного поведения, так как преступность несовершеннолетних обуславливает преступность будущего. Так, согласно исследованиям, только 10% лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, при достижении совершеннолетия, ведут правомерный образ жизни [2]. Соответственно 9 из 10 несовершеннолетних продолжают совершать деяния, идущие вразрез с нормами морали и нормами закона.

Согласно положениям Федерального Закона от 24.06.1999 г. «Об основах системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при МВД и полиция в целом, являются субъектами на которых в первую очередь возлагается деятельность по предотвращению преступности несовершеннолетних. В этой связи возникает необходимость в развитии

качеств сотрудников полиции необходимых для осуществления эффективной превентивной деятельности в отношении рассматриваемой категории лиц.

В современных условиях рыночной экономики адаптивные способности человека играют порой более важную роль, чем даже профессиональная компетентность. Актуальным становится вопрос формирования и развития личности, характеризующейся такими параметрами как: способность самостоятельно мыслить, готовность принять решение в условиях дефицита времени, способность как к индивидуальному так и коллективному труду, способность ставить перед собой и обществом конкретные задачи и находить их решения, способность взять на себя ответственность за принятые решения, умение приспосабливаться к нестабильной ситуации в обществе и, несомненно, горячим желанием достичь успеха в профессиональной деятельности. В условиях «турбулентного» времени есть необходимость в поиске новых, отвечающих современным реалиям методов профилактической работы.

Согласно мнения ряда авторов, традиционные меры профилактики, призванные предупредить совершение правонарушений и преступлений, не результативны в отношении лиц, уже совершавших преступления. Это обусловлено тем, что профилактические меры являются универсальными, что позволяет применять их в отношении всех категорий граждан для предупреждения совершения противоправных

проступков, к таким мерам относятся воспитательная беседа, правовое информирование, проверка по месту жительства или месту работы [4].

Под термином профессиональная готовность сотрудника полиции к профилактике преступного поведения несовершеннолетних Д. Х. Носова и О. С. Носков понимают совокупность освоенных общекультурных и профессиональных компетенций, а также общих и специальных профессиональных знаний и умений; сформированных профессиональных качеств, необходимых для мотивированного и эффективного разрешения проблем противоправного поведения несовершеннолетних [3]. В связи с чем, в качестве эффективного метода развития готовности сотрудников полиции к профилактической деятельности мы предлагаем организацию специальных тренингов и практических занятий, которые могут применяться в системе дополнительного профессионального обучения. В процессе обучения отдельное внимание должно быть уделено анализу опыта других подразделений, регионов и государств.

Эффективность тренингов обусловлена тем, что такая форма групповой работы позволяет в относительно сжатые сроки углубить знания, выработать или развить нужные социально-психологические установки, обозначить векторы работы по развитию навыков ведения межличностной коммуникации [6]. Тренинги могут проводиться как в формате интерактивных лекций, так и в форме практических занятий. Во время таких мероприятий сотрудники полиции могут узнать о новых методах работы с несовершеннолетними правонарушителями, развить навыки общения с ними и освоить техники разрешения конфликтных ситуаций. Программа по развитию готовности сотрудников полиции к деятельности по профилактике преступности несовершеннолетних должна быть построена с учетом необходимости включения знаний как из области юриспруденции, так и из области психологии, педагогики и социологии.

Следующим не менее эффективным методом развития качеств сотрудников полиции необходимых для борьбы с преступностью несовершеннолетних является кейс-метод. Как отмечают исследователи: «Применение кейс-метода в образовательных организациях МВД России позволяет обеспечить связь нового с ранее усвоенным материалом, поскольку умственный багаж, полученный собственными усилиями, удовлетворяют потребность обучающихся в знаниях, которые используются в практической деятельности» [5].

Важным элементом тренингов и практических занятий является обратная связь - после каждого мероприятия стоит проводить анализ полученных знаний и опыта, оценивать эффективность примененных изученных методов, выявлять проблемы и ошибки обучающихся. В результате таких занятий можно повысить качество работы полиции в сфере профилактики преступности несовершеннолетних, что в свою очередь поможет уменьшить число правонарушений среди молодежи.

Деятельность сотрудников полиции по профилактике антиобщественного поведения и противодействия правонарушениям несовершеннолетних должна представлять собой комплекс взаимосвязанных мер правового, педагогического характера по предотвращению проявления любых отклонений в поведении несовершеннолетних (общая профилактика) и сформировавшихся у отдельных лиц из их числа неприемлемых в нашем обществе форм отношения к обществу в целом, людям, своим обязанностям (индивидуальная, специальная профилактика) [1].

Так, перспективным направлением для профилактики преступности несовершеннолетних является организация сотрудничества с другими государственными и негосударственными организациями. Например, проведение совместных тренингов и практических занятия с социальными работниками, педагогами и представителями других служб, которые также являются субъектами, осуществляющими профилактику преступности среди молодежи. Это поможет улучшить взаимодействие между полицией и другими организациями, объединить усилия всех заинтересованных сторон и создать более эффективную систему предотвращения правонарушений.

Кроме того, можно проводить совместные операции и мероприятия с другими правоохранительными органами. Такое сотрудничество позволяет быстро реагировать на возможные нарушения, координировать действия между раз-

личными организациями и добиваться более эффективных результатов.

Наконец, можно заложить механизмы сотрудничества с общественностью, в частности, с родителями и учителями несовершеннолетних. Такие мероприятия позволяют лучше понимать проблемы молодежи, выявлять наиболее уязвимые группы лиц, а также повышать уровень осведомленности родителей и педагогов о методах профилактики преступности среди подростков.

Сотрудничество с другими государственными и негосударственными организациями позволяет создать более эффективную систему профилактики преступности несовершеннолетних и повысить компетентность сотрудников полиции в данной области.

Таким образом, развитие готовности сотрудников полиции к профилактике преступности несовершеннолетних является важной задачей, которая требует постоянного развития и улучшения. Для этого необходимо использовать все доступные методы и технологии, а также сотрудничать с другими организациями для обмена опытом и знаниями в данной области.

Пристатейный библиографический список

1. Амельчакова В. Н., Дорошенко О. М. К вопросу о профилактике и противодействия правонарушениям несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. - 2015. - № 7. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-profilaktike-i-protivodeystviya-pravonarusheniyam-nesovershennoletnih> (дата обращения: 21.06.2023).
2. Баев В. В., Бигалиева Я. Г., Исаенко А. С., Плутенко Д. С. Преступность несовершеннолетних // Кронос. - 2021. - № 1 (51). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-1> (дата обращения: 13.02.2023).
3. Носков О. С., Носова Д. Х. Оценка сформированности профессиональной готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних // Вестник УЮИ. - 2021. - № 2 (92). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sformirovannosti-professionalnoy-gotovnosti-sotrudnikov-politsii-k-profilaktike-delinkventnogo-povedeniya> (дата обращения: 21.06.2023).
4. Садовникова Н. О., Хилюк С. О. Структурно-функциональная модель профессиональной подготовки обучающихся организаций системы МВД России к социально-педагогической реабилитационной деятельности // Известия ВГПУ. - 2022. - № 5 (168). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-funktsionalnaya-model-professionalnoy-podgotovki-obuchayuschihya-organizatsiy-sistemy-mvd-rossii-k-sotsialno> (дата обращения: 07.06.2023).
5. Кузнецова Л. В., Осинцева Л. М. Модель формирования универсальных компетенций сотрудников полиции посредством кейс-метода обучения в образовательных организациях МВД России // Полицейская деятельность. - 2021. - № 6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-universalnyh-kompetentsiy-sotrudnikov-politsii-posredstvom-keys-metoda-obucheniya-v-obrazovatelnyh> (дата обращения: 27.06.2023).
6. Пожидаева Е. Ю., Колеватова А. С. Социально-психологический тренинг как метод воздействия на личностные и поведенческие характеристики людей // Современное педагогическое образование. - 2022. - № 8. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnopsihologicheskii-trening-kak-metod-vozdeystviya-na-lichnostnye-i-povedencheskie-harakteristiki-lyudey> (дата обращения: 28.06.2023).

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург

САНКОВ Павел Анатольевич

преподаватель кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ЗАЛАЕВ Родион Дамилович

старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД

В статье рассматриваются некоторые проблемы огневой подготовки, приведены статистические данные применения табельного оружия, а также обозначены причины, которые приводят к тяжким последствиям. Даны рекомендации для совершенствования огневой подготовки в органах внутренних дел, так как на личный состав правоохранительных органов, профессионально владеющих огнестрельным оружием, возлагается обязанность выполнять только безопасные действия с оружием. Огневая подготовка является одним из важнейших разделов служебно-боевой подготовки сотрудников органов внутренних дел, которая направлена на формирование, развитие и совершенствования навыков и умений, необходимых для уверенного владения оружием при выполнении оперативно-служебных задач.

Ключевые слова: огневая подготовка, сотрудник полиции, оружие, преступность, личный состав, служебные задачи.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

SANKOV Pavel Anatoljevich

lecturer of Fire training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

ZALAEV Rodion Danilovich

senior researcher of the Research Department of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SOME PROBLEMS OF FIRE TRAINING OF POLICE OFFICERS

The article discusses some problems of fire training, provides statistical data on the use of service weapons, and also identifies the causes that lead to serious consequences. Recommendations are given for improving fire training in the internal affairs bodies, since the personnel of law enforcement agencies who professionally own firearms are obliged to perform only safe actions with weapons. Fire training is one of the most important sections of the service and combat training of employees of the internal affairs bodies, which is aimed at the formation, development and improvement of skills and abilities necessary for confident possession of weapons when performing operational and service tasks.

Keywords: fire training, police officer, weapons, crime, personnel, official tasks.

Служба в органах внутренних дел не является легкой и безопасной. Сотрудник при заступлении на службу всегда подвергается вероятности гибели, но постоянные тренировки и профессиональная подготовка способствует снижению такой вероятности. Непрофессиональное обращение с оружием приводит к трагическим последствиям, к тяжким телесным ранением или даже к летальному исходу как самого сотрудника, так и окружающих граждан, а также влечет за собой не выполнение поставленных задач. Не соблюдение мер безопасности при использовании оружия может повлечь за собой уголовную ответственность. Поэтому огневая подготовка является неотъемлемой и важной частью профессиональной подготовки сотрудников полиции.

В современном мире рост преступности заметно снизился, что сказывается на работе органов внутренних дел и их сотрудников, у данного явления множество факторов, но основным из них будет являться оптимизация сил и средств ОВД, связанная с реформой в 2011 году. При этом нельзя говорить о фактическом отсутствии преступности, она остаётся все так же на высоком уровне, но прекратила своё движение вверх, что говорит о локализации роста преступности

сотрудниками ОВД. Служба в ОВД продолжает оставаться весьма сложной задачей, а порой даже и опасной для жизни и здоровья. Вся деятельность от А до Я регламентирована законодательством РФ, что в свою очередь вызывает необходимость действовать в рамках закона и предусмотренных им оснований и соответствующих условий, ведь сотрудникам полиции приходится бороться с незаконным оборотом оружия, наркотиков, изъятых из оборота веществ, а также незаконных вооружённых формирований и организованной преступностью. В таких условиях применения боевого оружия просто необходимо.

В современном и продвинутом противозаконном мире сотрудники структур правопорядка в том числе ОВД, часто оказываются в экстремальной ситуации, в стрессовой обстановке с опасными вооружёнными преступниками.

По источникам МВД России за период 2019-2021 года, в РФ зафиксировано:

- табельное оружие применялось сотрудниками в 802 случаях;
- 71 сотрудника погибли из-за непрофессионализма с оружием;

- 317 сотрудников получили ранения и травмы разной тяжести (6,5 % от общего количества пострадавших);

- 94 сотрудника пострадали в процессе задержания правонарушителей;

- 32 сотрудника пострадали при проверке документов у правонарушителей

- 10 сотрудников при досмотре транспортных средств.

Статистика МВД РФ говорит о том, что:

- противодействие и сопротивление с применением оружия в среднем длится от трех до девяти секунд;

- для обезвреживания преступника в среднем затрачивается от трех до восьми патронов;

- при взаимодействии сотрудника с вооруженным преступником (или преступниками), оказывающим сопротивление, в большинстве случаев держит дистанцию от полутора метров до двух.

Данные ситуации чаще всего случаются в напряженных ситуациях, в местах с темным освещением или без освещения, в местах с панической или стрессовой обстановкой.

Сотрудники ОВД чаще всего используют оружие:

- для обеспечения собственной безопасности от преступных посягательств и предотвращения попытки завладения их оружием;

- для задержания лиц особо опасных преступников, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление;

За период 2019-2021 г. для защиты другого лица от преступного посягательства на жизнь и здоровье, сотрудниками оружие применялось в 5 % случаев. Для отражения группового нападения на здания государственных и муниципальных органов, а также для освобождения заложников оружие применяется в редких случаях около 1 %, это прежде всего необходимо для обеспечения безопасности граждан.

По мнению некоторых ученых, а также самих сотрудников ОВД, одной из основных причин, которая приводит к тяжким последствиям, является психологическая неготовность сотрудника применения огнестрельного оружия в отношении человека (преступника), даже при соблюдении законодательства и достаточных оснований для его применения. Вторая причина — это не знание тактических действий и приемов задержания правонарушителей, она так же значительна, как и первая. Основу тактической подготовленности составляют соответствующие знания и умения, которые формируют у сотрудника применения приемов борьбы в реальных ситуациях противоборства с преступником, не знание которых приводит к негативным последствиям. Третьей причиной выделяют грубейшее нарушение мер безопасности при обращении с оружием.

С ростом преступности и криминальной обстановки, увеличиваются факты применения сотрудниками ОВД огнестрельного оружия и специальных средств. вследствие этого значимость огневой подготовки значительно стала востребована.

К сожалению, зачастую сотрудники ОВД применяют огнестрельное оружие, нарушая все требования законодательства РФ, подвергая опасности жизнь и здоровье граждан.

Анализ обстоятельств, при которых сотрудники ОВД применяли огнестрельное оружие, обнаружило обуслов-

ленные направленности и условия, в которых проводилась стрельба:

- 85 % применение огнестрельного оружия в условиях улицы, т.е. дворы, переулки, подворотни и т.д.;

- 11 % в помещениях, зданиях и сооружениях

- в 63 % случаев оружие применяется на дистанциях стрельбы до 8 метров, в 14 % случаев свыше 15 метров;

- наиболее часто используемые положения для стрельбы это стоя – 60 % и из транспортного средства сотрудников – 21 %;

- прицельная стрельба ведения огня используется в 65 %, в остальных случаях ведется без прицельная стрельба;

- необходимость быстро и четко менять магазин, уметь определять и устранять задержки при стрельбе.

Исходя из правоприменительной практики, а также практики применения огнестрельного оружия сотрудниками ОВД [2] следует должное внимание обратить на изучение нормативно правовых актов в сфере применения огнестрельного оружия, а также формирования психологической устойчивости и хладнокровия в случае возникновения служебной необходимости применения огнестрельного оружия.

Дисциплина «Огневая подготовка» преподаётся на протяжении всей службы, что влечёт за собой определённого рода изменения в сознании людей, что обосновывает подготовку по данной дисциплине курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, ведь следует с юношеского возраста прививать уважение к оружию и правилам обращения с ним, а также объяснить молодому поколению, что следует соблюдать меры безопасности, которые по своей сути написаны на ошибках других людей [5, с. 35]. Сущность задач данной дисциплины является то, что после прохождения первоначального курса в рамках обучения в ВУЗе системы МВД России или же в рамках первоначальной профессиональной подготовки сотрудники должны иметь базовые навыки обращения с оружием, боеприпасами, а также знать правовые основания его применения и как следует обеспечивать личную безопасность при работе с оружием.

Применение огнестрельного оружия настолько редкое, но необходимое явление, что даже сотрудники с 30-летним стажем могут никогда не применить оружие, но уметь применять его правильно и в соответствии с законом обязан каждый сотрудник полиции, ведь этим он может спасти жизнь не только себе, но и другим людям. Как показывает практика, даже при применении огнестрельного оружия в отношении нападающего на сотрудника полиции лица, следует это делать быстро, ведь исходя из статистики человек может преодолеть 7-метровую дистанцию с ножом за 1.5 секунды, когда вы успеете только извлечь оружие из кобуры, сформировать удобный хват, дослать патрон в патронник и произвести один выстрел в преступника. Отсюда вытекает вывод, что необходимы регулярные занятия в тире с имитацией реальных ситуаций, тренировки по тактическим приемам, выработка психологических барьеров и не менее важно это поддержание физической формы.

У человека, который впервые занимается с оружием, возникает множество факторов, которые отрицательно влияют на итоговый результат, например чувство страха, тревоги,

боязни, которые вызывают чрезмерного напряжения психического состояние, при котором человек впадает в ступор при резком и громком звуке, который происходит при выстреле. Используя разнообразный тренировочный процесс при оттачивании навыков работы с оружием, формируется своего рода иммунитет к такого рода факторам, которые в свою очередь вызывают трудности у курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России, данный иммунитет позволяет эффективно работать с оружием и сохраняет на уровне инстинктов правила работы с оружием и его основными частями.

Поэтому и морально-психологическая подготовленность также ставится на один уровень с отработкой навыков.

При работе с населением, будь это пресечение правонарушения или обычный профилактический разговор, нельзя вестись на провокацию со стороны граждан. Сотрудник полиции, поддаваясь на различные психологические уловки может совершать ряд ошибок, хотя с точки зрения профессиональной подготовки, он может быть готов.

Из выше сказанного следует вывод:

Во-первых, оценивать психологическую, юридическую и тактическую подготовку сотрудников органов внутренних дел по обращению с оружием в различных ситуациях. Под психологической подготовкой подразумевается применение различных методик, которые будут способствовать быстрой оценке обстановки и принятию правильных решений в экстремальных реальных ситуациях.

Юридическая подготовка сотрудников ОВД к правомерным действия с оружием заключается в изучении нормативно правовых актов, законодательства, вследствие чего он с легкостью и без сомнения сможет оценить обстановку и принять аргументированные, юридически квалифицированные действия. Тактическая подготовка это в ходе, которой сотрудник учится эффективно использовать тактику своих действий (укрытия, защиты, перемещения) [4].

Во-вторых, следует организовать обучение таким образом, чтобы был изучен каждый аспект в равной мере с целью формирования высших компетенций [3, с. 365] и навыков владения оружием.

В-третьих, на местах обучения, на уровне структурных подразделений следует организовать прохождение специальных упражнений стрельб, которые предусматривают собой выполнение специализированных задач с целью выхода курсанта и слушателя из зоны комфорта и приобретения навыков владения оружия в экстренных ситуациях.

В-четвертых, внедрять в огневую подготовку территориальных органов специфические упражнения для тренировки стрессоустойчивости сотрудников, которые проходят службу в ОВД [1, с. 341-342]. Следует оценивать сложившуюся ситуацию максимально серьёзно, так как при работе с оружием важно хладнокровие и чистый разум, который поможет проанализировать ситуацию на предмет существования реальных оснований для применения оружия или же их фактическое отсутствие. В рамках обучения курсантов и слушателей учебных заведений высшего образования системы МВД России следует задавать высокий уровень стрессовой нагрузки создавая все более реалистичные моделируемые события,

которые будут погружать курсантов и слушателей в сложные жизненные ситуации, к примеру встречного огня, когда обучающийся не только будет думать о точном выстреле, но и о своей безопасности, но моделирование должно быть безопасным для жизни и здоровья на столько, на сколько это возможно. Моделируемые ситуации помогут закрепить навыки владения оружием на уровне базовых инстинктов, что в свою очередь гарантирует их воспроизведение в самой сложной стрессовой ситуации, ведь как известно в данных ситуациях человек действует на уровне инстинктов в первую очередь инстинкта самосохранения.

Пристатейный библиографический список

1. Ахияров Р. А., Николаев Н. Ю., Трофимов В. А. Стресс и его влияние на повседневную и оперативно-служебную деятельность обучающегося (сотрудника) ОВД // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 341-342. – EDN EIKJRB.
2. Доклад М. Д. Крачинина на совещании МВД «Практическая стрельба в системе боевой подготовки МВД». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://textarchive.ru> (дата обращения: 16.11.2022).
3. Николаев Н. Ю., Ахияров Р. А., Подковка С. В. Роль огневой подготовки в формировании личности обучающегося МВД России // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 365-366. – EDN CHLHRX.
4. Огневая подготовка. Пути повышения профессионального мастерства: учебное пособие для ВУЗА / [под редакцией Г. Н. Будгаянц]. – Луганск, 2006. – 350 с.
5. Сидемин А. В. Обучение сотрудников ОВД владению огнестрельным оружием: учебно-методическое пособие. – Барнаул, 2019. – С. 30-47.

МУСЛИМОВ Айрат Равилевич

магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РАБОТЕ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАНИИ

В этой статье рассматриваются результаты проведённого исследования коммуникаций цифрового типа на примере компании Российской Федерации, а также сделана оценка влияния этого фактора на степень удовлетворённости сотрудников работой. Подчёркивается тот факт, что развитие этой темы для обеспечения производственных процессов высокого качества и повышения степени удовлетворённости сотрудников своей работой будет требовать повышенного внимания руководства компании к наполнению и организации потоков коммуникации (как горизонтальных, так и вертикальных): между руководителем компании и персоналом; между менеджером и подчинёнными ему сотрудниками; между работниками одного подразделения. Анализ позволяет указать, что постоянный мониторинг этих процессов крайне важен для осознания направленности различных изменений, а также поддержания установленных характеристик корпоративной культуры, принятой в организации. Основу содержания статьи составляет анализ цифровых коммуникаций, что в дальнейшем может помочь не допускать различных ошибок, которые связаны с рассматриваемым типом деятельности.

Ключевые слова: деятельность компании, организация труда, производственные процессы, корпоративное взаимодействие, конкурентоспособность, целевая аудитория.

MUSLIMOV Ayrat Ravilevich

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

RESEARCH OF USING DIGITAL COMMUNICATIONS IN THE ACTIVITIES OF A MODERN COMPANY

The article presents the results of a study of digital communications on the example of Russian organizations. Much attention is given to assess the impact of this factor on the staff satisfactions' level. It is especially emphasized that the development of digital communications to ensure high-quality production processes and high staff's satisfaction with their work requires close attention of management to organizing and filling of vertical and horizontal communication flows: between the head of the organization and employees, between the direct head of the department and employees, between employees of departments. According to the analysis, regular monitoring of these processes is important for understanding the direction of social changes, maintaining the specified characteristics of corporate culture. The aim of the study is the analyses of these processes. It can help to prevent certain errors related to the activity in the future.

Keywords: company activity, labor organization, production processes, corporate interaction, competitiveness, target audience.

Вопросы построения эффективной в плане работы системы коммуникаций цифрового типа сейчас крайне актуальны. Роль подобных коммуникаций невозможно переоценить: принятие в организации результативных решений нередко зависит от того, насколько хорошо отлажена в компании система цифровых коммуникаций. Важно отметить, что в наше время от оперативности и качества коммуникаций напрямую зависит работа организации, а также достижение компанией поставленных целей. Цифровые коммуникации во многом определяют штатную структуру компании и особенности автоматизации рутинных процессов в ней.

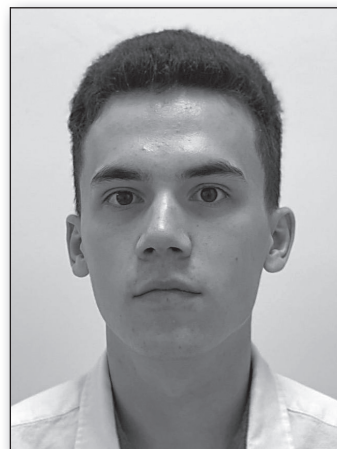
Считается, что сейчас общество находится в стадии 4 технологической промышленной революции, которую некоторые исследователи называют стадией Индустрии 4.0. Поэтому экономика в наше время всё более цифровизи-

руется, становится технологичной, использует облачные сервисы.

Цифровизация представляет собой процесс внедрения цифровых современных технологий в разные сферы производства и жизни. Цифровизация считается одной из главных частей архитектуры Индустрии 4.0. На коммуникации в наше время цифровизация оказывает также значительное влияние.

Роль коммуникации в условиях современного общества определена рядом нижеперечисленных аспектов:

1. Механизмы применения коммуникации в целях формирования в обществе положительных установок;
2. Повышение в обществе уровня этики и общего уровня культуры;
3. Повышение в обществе уровня сознательности и гражданской ответственности;

Муслимов А. Р.

Латыпова Э. Р.

4. Коммуникация, представляя собой один из факторов передачи информации от СМИ, определяет роль информации для общества;

5. Значимая роль коммуникации в решении конфликтов, возникающих в обществе на разных уровнях;

6. Осуществление процесса коммуникации значимыми в обществе субъектами (органы государственной власти, общественные и политические деятели, организации);

7. Смена речевых поведенческих моделей, формирование инновационных форм коммуникации между её субъектами;

8. Использование коммуникации в бизнес сфере в рамках осуществления проектов, которые связаны с реализацией принципов общественной ответственности.

Коммуникация в буквальном смысле в переводе обозначает «разделяемое всеми» или «общее». В практическом смысле коммуникация представляет собой обмен информацией или идеями между людьми, который ведёт к взаимопониманию.

Есть несколько основных подходов к понятию «цифровая коммуникация». По А.В. Соколову цифровая коммуникация представляет собой род социальных коммуникаций, исследователь ставит её в один ряд вместе с устной и письменной типами коммуникаций. По мнению исследователя род коммуникаций — это совокупность коммуникационных родственных каналов, выделяемый в зависимости от конкретного материального и технического оснащения.

Устная коммуникация применяет естественные невербальные и вербальные каналы; документная коммуникация применяет документы, созданные искусственно (печатные, письменные, иконические); цифровая коммуникация базируется на использовании компьютерной техники и радиосвязи.

Ю. А. Зуляр продолжая идеи А.В. Соколова считает цифровую коммуникацию новым этапом в эволюции коммуникаций социального типа, где создаваемая в письменной и устной форме информация будет преобразовываться в электронный вид.

Исследования, проведённые А. Н. Гребневым определяют цифровую коммуникацию как информационную социальную коммуникацию, в которой каналом передачи информации является цифровая среда (обычно интернет). Он исследует это понятие в рамках коммуникации компьютерно-опосредованного типа.

Понятие *computer-mediated communication* (или коммуникация компьютерно-опосредованного типа) — общение, которое производится с использованием электронных устройств вне зависимости от их типа. В русском языке такое понятие обычно заменяется иными вариантами: цифровая коммуникация, коммуникация, используемая в цифровой среде и подобными определениями.

Если говорить об определении коммуникации цифрового типа, то для нас важнейшее значение будет иметь не только факт её прохождения в цифровой среде и кодирования с использованием специального кода, но и конкретная программа, используемая для цифровой коммуникации. Именно конкретная программа даёт основные возможности, а также накладывает ряд ограничений.

В текущей действительности экономическая картина меняется: ещё около полувека назад к передовым отраслям экономики относились в основном компании машиностроения, тяжёлой и металлургической промышленности; сейчас в качестве драйверов развития экономики выступают организации, относящиеся к сфере ИТ. Тенденция цифровизации различных видов деятельности выступает в качестве продолжения процессов информатизации и автоматизации, отождествляясь тем самым с понятиями цифровой экономики, диджитализации, Индустрии 4.0 и цифровизации в целом.

Согласно исследованиям, цифровая экономика является более широким понятием, в котором цифровизация выступает в качестве базы и основного инструментария.

Важнейшую роль в становлении экономики цифрового типа играют инновации, обозначающие внедряемое или уже введённое новшество, которое обеспечивает рост

эффективности основных процессов и улучшение качества производимой продукции или услуг, востребованное со стороны рынка. Исследования, проведённые компанией BCG (BostonConsultingGroup), каждый год позволяют публиковать рейтинг 50 наиболее инновационных мировых компаний. Анализ, проведённый относительно рейтинга 2020 года, указывает, что в этом списке обычно представлены компании из 9 государств: около 50 % — из США, 30 % — из Европы, 20 % — из азиатского региона (Рейтинг крупнейших компаний по выручке РФ по данным РБК-500).

По вышеуказанным данным делается однозначный вывод — к числу инновационных передовых компаний относятся компании, которые занимаются технологическим развитием. К примеру, компания Apple постоянно находится в числе лидеров рынка, а китайская Huawei с 2019 года выросла в списке на 42 позиции, потратив на инновационные разработки около \$19 миллиардов. Североамериканские компании функционируют в основном по принципу создания глобальных цепочек, охватывая территории по всему миру, что в долгосрочном периоде позволяет окупать колоссальные затраты.

Компаний из Российской Федерации, увы, в этом рейтинге не представлены. Также важно знать, что компании из РФ в сравнении с западными значительно медленнее проходят процессы цифровизации. США являются лидером в этом смысле, а также в номинальном показателе ВВП, в сфере научных инноваций и разработок, в культурной и политической сферах на международной арене.

Для нашей страны вызовы со стороны цифровой экономики чаще всего воспринимаются с точки зрения ввода в строй инновационных технологий, за рубежом же цифровизация в формате процесса рассматривается значительно шире. Крупные компании в нашей стране уже делают первые шаги к цифровой трансформации, однако у большинства из них не разработаны программы комплексной цифровизации и реализуются часто не связанные друг с другом отдельные проекты. На основании этих данных важно провести более широкое исследование понятия «цифровизация» для характеристики процесса и систематизации возможных рисков.

На конкурентоспособность различное влияние оказывают разные факторы. К ним могут относиться качество производимой продукции, затраты на покупку и использование средств производства, уровень развития компании. К одному из важных факторов относится уровень продвижения продукции компании или самого бренда. Продвижение позволяет активно коммуницировать с реальными и потенциальными потребителями, способствует повышению спроса на продукцию и интереса к ней, росту продаж и, соответственно, росту конкуренции в сегменте рынка, в котором компания работает.

Если проводить классификацию коммуникаций управленческого типа, то можно различить следующие виды: коммуникации снизу вверх (по восходящей); межуровневые; коммуникации между отделами и департаментами; между работниками и руководителем; коммуникации неформального типа.

В современном развитии инновационных технологий российским компаниям недостаточно применять только стандартные методы и технологии продвижения, поскольку использование статистики может в итоге отбросить компанию назад. По этой причине компании должны обращать особое внимание на инновационные каналы, методы и формы продвижения в цифровой сфере, что исследует цифровой (digital) маркетинг. Можно уточнить, что цифровой маркетинг — это одно из направлений маркетинга, подразумевающее продвижение товаров и услуг с использованием цифровых технологий, которые применяются на различных этапах коммуникации с потребителями.

Цифровой маркетинг, если сравнивать с интернет маркетингом, использует не только применяемые в онлайн механики, но и каналы оффлайн коммуникации: различные гаджеты, POS-терминалы и прочее. К основным инструментам цифрового маркетинга относятся ниже перечисленные виды.

Генерация контента. Основная работа любой организации в интернете, сводящаяся к наполнению медиа-пространства различной информацией: текстом, видео или фото. Используется генерация контента для вовлечения и привлечения целевой аудитории, впоследствии приобретающей услуги или товары, создаваемые компанией, выполняя таким образом целевые действия.

SMM. Привлечение пользовательской аудитории к услугам или товарам бренда в социальных сетях. К наиболее популярным в РФ соцсетям относятся ВКонтакте, Одноклассники, Инстаграм*, Facebook* и Твиттер* (деятельность помеченных знаком * социальных сетей официально запрещена на территории РФ). Большинство брендов продвигается одновременно в различных соцсетях, поскольку, это даёт возможность охвата широкой целевой аудитории, не совпадающей в разных социальных сетях.

Продвижение SEO. Позволяет проводить работу как с техническим наполнением сайта (работа с UTM метками, перекрёстными ссылками, HTML, оптимизация поисковых запросов), так и с контентом. Работа в этом направлении позволит повысить позицию сайта в поисковой выдаче по конкретным запросам со стороны пользователей. Достаточно сложный инструмент маркетинга, который требует качественной внешней и внутренней настройки сайта для его монетизации и вывода на главные позиции в поисковой выдаче для пользователя.

Контекстная реклама. Есть 2 основных вида такой рекламы: в поиске и в сети. Сходство методов в том, что оба типа рекламы размещаются в 2 крупнейших поисковых сервиса российского интернета — Google (GoogleAds или Google Реклама) и Яндекс.Директ. Контекстная реклама показывается на страницах поисковой выдачи, а также на сайтах с «партнёркой» поисковых систем. У каждого поискового сервиса есть своя сеть партнёрских сайтов — контекстно-медийная сеть у Google и рекламная сеть Яндекса.

Таргетированная реклама. Это рекламный специализированный механизм, который позволяет выделить из всей пользовательской аудитории только ту её часть, которая максимально удовлетворяет заданным параметрам (такая аудитория для бренда будет считаться целевой). Реклама будет показываться именно представителям целевой аудитории. Позволяет формировать дополнительный спрос у потенциальных потребителей.

Нативная. Такие рекламные материалы представляют собой контент, полностью подходящий всем характеристикам платформы размещения. В социальных сетях — посты с интересным контентом, в блогах — статьи, на видеохостингах — видеоролики. Реклама нативного типа не приводит к эффекту баннерной слепоты (когда реклама автоматически игнорируется) и отторжению. Обычно отмечается соответствующими метками, указывающими на рекламную суть контента.

Лендинги. Это специальные страницы, призывающие пользователя выполнять конкретное целевое действие: подписаться на рекламную рассылку, оставить контактные данные, заказать услугу или приобрести товар. В отличие от основного сайта, на лендинге предлагается выполнение конкретного действия — такая страница рассчитана на узкую целевую аудиторию, если сравнивать с основным сайтом, на который пользователи заходят с разными целями.

E-mail маркетинг. Достаточно действенный и, при этом, фактически бесплатный инструмент, относящийся к категории цифрового маркетинга — это рассылки по электронной почте. Они не только повышают лояльность пользователей к бренду, но и привлекают новых клиентов. Такие рассылки помогают выстроить с пользователями доверительные отношения, которые способствуют сокращению времени и шагов в цикле покупки.

Вирусная реклама. Она предоставляет пользователям важную информацию об услугах или товарах бренда, держа при этом в себе контент, интересующий пользовательскую аудиторию, приводя за счёт этого к большому числу пользовательских реакций (лайков, репостов, комментарии-

ев). Когда воедино сливаются интересные идеи и бренд, эффект будет максимальным.

Выше проанализированы основные инструменты, применяемые и популярные сейчас в цифровом маркетинге. Нет единого мнения, о степени влияния этих инструментов, что хуже или лучше, все они имеют положительные и отрицательные особенности. Важно определить конкретный набор эффективных инструментов, исходя из особенностей работы компании и сферы её деятельности.

Важно пробовать и тестировать, выбирая оптимальный набор способов продвижения конкретного продукта или услуги, поскольку применение одного из инструментов обычно к позитивным результатам не приводит. Интернет в качестве средства коммуникации является высокоэффективным методом, а также имеет высокий потенциал выстроенного на основе глобальной сети электронного глобального рынка. Опыт организаций, пытающихся применять интернет в качестве дополнения стандартных средств ведения бизнеса, либо сразу строящих свой бизнес в сети, позволяет указывать на необходимость и важность учёта и применения практического опыта по ведению предпринимательской деятельности и использования для этого принципов цифрового и стандартного маркетинга.

Исследование, таким образом, позволяет утверждать, что в основе процесса цифровизации лежит развитие единой политики компании в техническом плане с учётом важных изменений корпоративных и технологических процессов, а также разработки усовершенствованных стандартов обслуживания. Опыт, внедрённый в ходе коронавирусной пандемии, указывает на актуальность проведения цифровизации: те организации, которые смогли во время пандемии адаптироваться к её условиям, внедряя в свою деятельность цифровые инновационные технологии, практически не снизили показатели собственной эффективности и стабильности работы. Также отмечается позитивная тенденция внедрения таких технологий во время пандемии, так как многие организации смогли повысить темпы проведения цифровизации и повышения пользовательской лояльности к бренду.

Приставленный библиографический список

1. Асташина О. В. Коммуникативные стратегии в организации // Вестник науки и образования Северо-Запада России. - 2015. - № 4.
2. Бабосов Е. М., Трус А. А. Особенности коммуникации в организационных моделях различных типов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. - 2015. - № 3.
3. Балдин К. В., Макриденко Е. Л., Тугушева С. А. Организационное обеспечение адаптивного опережающего управления предприятием // Современные тенденции развития науки и технологий. - 2016. - № 11.
4. Доронина Е. Б. Повышение эффективности создания и функционирования сложных систем на основе анализа коммуникативных процессов // ScienceTime. - 2016. - № 4.
5. Егоричев В. А., Мальярчук П. И., Семенова Н. К. Системный подход в исследовании организационных коммуникаций // Молодой ученый. - 2016. - № 10.
6. Егоршин А. П. Деловые коммуникации. - М.: НИМБ, 2015.
7. Коноваленко В. А., Коноваленко М. Ю., Швед Н. Г. Основы интегрированных коммуникаций. - М.: Юрайт, 2015.
8. Латыпова Э. Р. Основы теории коммуникации / Международная научно-практическая конференция. Редколлегия: Л. А. Абрамова [и др.]. 2017
9. Плакса Ю. В. Современные методы коммуникации в организациях // Экономика и предпринимательство. - 2017. - № 12-2.

КАШИБАДЗЕ Александр Георгиевич

преподаватель кафедры физической и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Тактико-специальная подготовка представляет собой дисциплину, формирующую готовность сотрудников УИС и правоохранительных органов действовать в экстремальных ситуациях и принимать решения в условиях постоянно меняющейся обстановки. Одной из целей морально-психологической подготовки курсантов к действиям в экстремальных ситуациях на занятиях по ТСП является формирования умственного навыка по предвосхищению будущих ситуаций. Умение предугадывать развитие событий – необходимый для сотрудника навык при выполнении задачи в экстремальной ситуации. При обладании таким навыком у сотрудника значительно сокращается время на принятие решений, что способствует наиболее быстрому, а стало быть, и качественному выполнению поставленной задачи.

Тактико-специальная подготовка в целом является базовой дисциплиной при подготовке сотрудников пенитенциарного ведомства нашего государства, поскольку задачи, выполняемые сотрудниками, порой связаны с отражением групповых неповиновений, массовых беспорядков и т.п. Для умения грамотно действовать в таких ситуациях необходимы теоретические и практические знания в области тактико-специальной подготовки. В этих целях для уже действующих сотрудников проводят тактико-специальные учения для закрепления таких знаний, а для курсантов ведомственных образовательных заведений – лекционные, семинарские и практические занятия по дисциплине ТСП.

Ключевые слова: готовность, изменяющаяся обстановка, надежность, подготовленность, профессиональная направленность, тактико-специальная подготовка, уголовно-исполнительная система, экстремальная ситуация

KASHIBADZE Alexander Georgievich

lecturer of Physical and tactical special training sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

TACTICAL AND SPECIAL TRAINING AS A BASIC ELEMENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM

Tactical and special training is a discipline that forms the readiness of employees of the criminal intelligence and law enforcement agencies to act in extreme situations and make decisions in a constantly changing environment. One of the goals of moral and psychological training for cadets to act in extreme situations in the TST classes is to form a mental skill to anticipate future situations. The ability to predict the development of events is a necessary skill for an employee when performing a task in an extreme situation. With such a skill, the employee's decision-making time is significantly reduced, which contributes to the fastest, and therefore, high-quality performance of the task.

Tactical and special training in general is a basic discipline in the training of employees of the penitentiary department of our state, since the tasks performed by employees are sometimes associated with the reflection of group disobedience, mass riots, etc. For the ability to act competently in such situations, theoretical and practical knowledge in the field of tactical and special training is necessary. To this end, special tactical exercises are conducted for existing employees to consolidate such knowledge, and for cadets of departmental educational institutions - lectures, seminars and practical classes on the discipline of TST.

Keywords: readiness, changing situation, reliability, preparedness, professional orientation, tactical and special training, penal enforcement system, extreme situation.

В современных условиях развития общества, государства и права, становится понятно, что сотрудники правоохранительных органов обеспечивают безопасность и этого общества, и этого государства. По-другому дело обстоит с безопасностью самих сотрудников правоохранительной сферы. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим безопасность сотрудников пенитенциарных ведомств уголовно-исполнительной системы России (далее-УИС).

Безопасность и защищенность сотрудника рассматриваемого ведомства зависит прежде всего от его теоретических знаний, умений и навыков действий в экстремальных ситуациях. Ни для кого не секрет, что представители УИС коммуницируют и взаимодействуют со спецконтингентом, от которого можно ожидать провокации различного рода. И такие провокации могут быть как опасными для жизни и здоровья сотрудника, так и не опасными. В любом случае, сотрудник пенитенциарной системы нашего государства должен обладать необходимым теорико-практическим «багажом» в сфере обеспечения собственной безопасности [1]. Для этого, как мы считаем, сотрудники ведомства должны систематически,

на постоянной основе повышать свое профессиональное мастерство путем изучения такой дисциплины как тактико-специальная подготовка (далее-ТСП).

ТСП как наука представляет собой систему знаний о механизме действия в опасных условиях с использованием специальных средств и огнестрельного оружия для решения служебных задач, стоящих перед УИС. ТСП изучается во взаимной связи с другими предметами, такими как:

1. Физическая подготовка, которая укрепляет общее физическое состояние сотрудника и повышает его готовность и выносливость при выполнении действий в экстремальных условиях, чего и требует ТСП;

2. Огневая подготовка, в ходе изучения которой сотрудник знакомится и учится пользоваться оружием, что в будущем благотворно скажется на его действиях при изучении ТСП.

Указанные дисциплины имеют ярко выраженный практический характер и наряду с ТСП прививают сотрудникам умение оценить оперативную обстановку, а также вырабатывает умение действовать в коллективе и в одиночку [2].

В процессе изучения ТСП у сотрудников УИС формируется верное правосознание, чувство ответственности за свои действия, умение самостоятельно принимать решения в экстремальной ситуации или беспрекословно подчиняться вышестоящему руководству. Кроме того, изучение указанной дисциплины позволяет значительно улучшить уровень профессиональной подготовки сотрудников с учетом специфики конкретного подразделения, в котором проходит службу сотрудник.

Способность у сотрудников действовать в непредвиденных обстоятельствах в ходе занятий по ТСП обеспечивается различными путями. Среди таких путей:

1. прививание сотрудникам необходимых служебно-профессиональных качеств;

2. развитие готовности к действиям в экстремальных условиях путем создания учебных ситуаций для практической отработки тактических элементов;

3. обучение к готовности изменять тактику действий в соответствии с условиями изменения обстановки.

В ходе прохождения службы в пенитенциарном ведомстве нашего государства сотрудники УИС наращивают профессиональную направленность личности, что представляет собой стремление применить свои знания, опыт, профессиональное мастерство в области непосредственно выбранной должности в учреждении или органе УИС [3]. Профессиональная направленность предполагает осознание целей и задач, стоящих перед конкретным сотрудником и способность выполнить их в срок и в полном объеме. Особой формой формирования такой направленности является проведение занятий по ТСП, в том числе проведение различных учений, где каждый сотрудник может проявить себя с лучшей стороны и на практике показать уровень своих знаний и подготовки.

При этом важно понимать, что формирование качеств, необходимых для выполнения задачи в сложных условиях, происходит в несколько этапов:

1. приобретение теоретических знаний, необходимых для выполнения определенной задачи. Важно, что чем больше сотрудник уверен в своих теоретических знаниях, тем больше у него шанс успешно выполнить практическое задание;

2. отработка теоретических знаний на практике;

3. закрепление полученных знаний путем, например, усложнения ситуации в процессе практической деятельности;

4. совершенствование готовности к выполнению задач в экстремальных ситуациях.

В этом плане ТСП – достаточно уникальная учебная дисциплина, поскольку основывается в основном на практической отработке материала. В связи с этим, обучение ТСП должно проходить в условиях, максимально приближенным к реальным [4]. Задачей обучения дисциплине является не только моделирование определенных ситуаций, но и формирование у сотрудников навыков подстраиваться под любые изменяющиеся обстоятельства экстренной обстановки. Моделировать учебные вопросы необходимо буквально уже во время самого практического занятия с так называемыми «вбросами» неожиданных, порой и для самого руководителя учений ситуаций. При всем при этом учебная деятельность должна основываться на формировании задач, развивающих у сотрудников нестандартное мышление, что подготавливает их психику к действиям в непредвиденных обстоятельствах.

Если говорить о проведении занятий по ТСП в учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), то следует обратить внимание на то, что указанная дисциплина способствует развитию профессиональной направленности у курсантов уже во время проведения занятий (в особенности практических), так как активные действия в группе и в одиночку с использованием специальных средств, как правило, заинтересовывают моло-

дое поколение и развивают в них желание самосовершенствования в этой сфере. Также ТСП вырабатывает у курсантов три важнейших качества, таких как: подготовленность, готовность, надежность.

Подготовленность представляет собой базовый необходимый уровень практических и теоретических знаний выпускника о специфике прохождения службы в УИС и действиях в экстремальных ситуациях.

Готовность – это более сложная динамическая структура, которая дает о себе знать непосредственно в момент возникновения экстремальных ситуаций. Основными составляющими готовности являются уверенность в себе, стремление выполнить поставленную задачу.

Наконец, надежность – это способность выполнения определенных в зависимости от ситуации функций сотрудником УИС при проведении учений или же при действиях в экстремальных условиях с учетом постоянно меняющейся обстановки, в том числе и оперативной.

В заключение исследования резюмируем, что в процессе изучения ТСП формируются специальные знания и навыки, которые позволяют сотрудника ФСИН России успешно выполнять поставленные задачи в экстремальных условиях с учетом постоянного изменения обстановки. Также в ходе ТСП у сотрудников вырабатываются умения действовать слаженно, в коллективе, подчиняться приказам вышестоящего руководства при выполнении действий в экстремальных условиях. При этом, сотрудники также овладевают навыком действовать самостоятельно, если таких действий требует ситуация. В таких условиях важным качеством, формируемым при изучении ТСП, является высокий уровень самоответственности, умения принимать самостоятельные решения и, что не менее важно, нести за них ответственность.

ТСП формирует у курсантов ведомственных учебных заведений ФСИН России профессиональную направленность, которая выражается в стремление показать свои умения и навыки на практике. Сочетая в себе практические и теоретические аспекты, ТСП становится дисциплиной незаменимой при подготовке сотрудников УИС и в целом сотрудников правоохранительных органов нашего государства.

Пристатейный библиографический список

1. Чернов С. А., Сигурова О. Ю. Тактико-специальная подготовка, как базовый элемент профессиональной подготовки сотрудников ОВД // *Правда и Закон*. – 2019. – № 3 (9). – С. 72-74.
2. Галимова А. Г., Кудрявцев М. Д. Междисциплинарная связь учебных модулей физическая подготовка, тактико-специальная подготовка, огневая подготовка и личная безопасность // *Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее*. Посвящается 300-летию российской полиции. Материалы межведомственного круглого стола, 2018. – С. 21-25.
3. Плохих Г. И. Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел // *Учеб. пособие*; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 359 с.
4. Антонов М. Е. Некоторые проблемы обучения по дисциплине «тактико-специальная подготовка» для слушателей факультета профессионального образования // *Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии*. Материалы двадцать шестой Всероссийской научно-методической конференции. – Иркутск, 2021. – С. 91-93.

ТРЕФИЛОВА Виолетта Владимировна

аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА В РОССИИ

Статья посвящена истории развития медицинского права в России. В ней рассматриваются основные этапы развития медицинского права с XVIII века до настоящего времени: от постановлений правительства о медицинской деятельности и регулировании профессии до создания законодательной базы для защиты прав пациентов и медицинских работников. Также описываются этапы создания медицинских учреждений и формирования медицинской этики в стране.

Ключевые слова: медицинское право, история, Россия, законодательство, медицинские учреждения, медицинская этика, пациенты, медицинские работники.

TREFILOVA Violetta Vladimirovna

postgraduate student of Judicial power, civil society and law enforcement sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

HISTORY OF MEDICAL LAW DEVELOPMENT IN RUSSIA

The article is devoted to the history of development of medical law in Russia. It considers main stages of medical law development from XVIII century up to the present time: from governmental resolutions on medical activity and regulation of the profession up to creation of legislative basis for protection of patients' and medical workers' rights. It also describes the stages of establishment of medical institutions and formation of medical ethics in the country.

Keywords: medical law, history, Russia, legislation, medical institutions, medical ethics, patients, medical workers.

Медицинское право – это отрасль права, регулирующая медицинскую деятельность, права и обязанности медицинских работников и пациентов.

Современное состояние медицинского права в России характеризуется значительными изменениями в законодательстве, которые влияют на все сферы медицинской деятельности.

Одной из главных задач медицинского права является защита прав пациентов. Так, в России введены законы, которые устанавливают права пациентов на информирование, на получение медицинской помощи в соответствии с их желаниями и на защиту их конфиденциальных данных.

Однако, существуют и ряд проблем, которые осложняют работу в этой сфере. К ним относятся недостаточная правовая осведомленность медицинских работников и населения, частые нарушения прав пациентов, сложность понимания и применения норм законодательства.

В свою очередь, перспективы развития медицинского права в России связаны с постоянным улучшением законодательства, повышением правовой грамотности медицинских работников и населения в целом. Одним из направлений развития является использование новых технологий для улучшения качества медицинской помощи и защиты данных пациентов [14, с. 100].

Исторический обзор медицинского права в России охватывает период с 17 века до настоящего времени и отражает изменения в подходе к регулированию медицинской практики и прав пациентов.

Этапы развития медицинского права начинаются с глубокой древности, когда правила и нормы медицинской практики были сформулированы лишь на уровне общественного соглашения.

Однако, с развитием государственности и усугублением медицинских практик, стали возникать необходимость в создании отдельной системы норм и правил, которые могли бы регулировать медицинскую деятельность и защищать пациентов [9].

Первый этап развития медицинского права – это период с древности до XVII века. В этот период правила медицинской прак-

тики сформированы традициями и обрядами народной медицины. Главным в этот период стало право на жизнь и на смерть пациента, а также установление стандартов качества лечения.

Второй этап развития медицинского права начался в XVII-XVIII веках и продолжался до конца XIX века. За этот период были разработаны первые законы о медицинской деятельности и правах пациентов. Большая часть законов была направлена на защиту прав пациентов на жизнь и на здоровье, а также обязанности медицинских работников. В этот период были созданы первые медицинские институты и образовательные учреждения для медицинских работников.

Третий этап развития медицинского права начался в начале XX века и продолжается до сегодняшнего дня. На этом этапе были созданы международные стандарты медицинской этики, права пациентов были усилены и облегчены, была создана система контроля за качеством медицинской деятельности, включая лицензирование, регистрацию и аккредитацию. Одним из ключевых аспектов этого этапа является создание законов о праве на конфиденциальность медицинской информации и обязательность добровольного информированного согласия пациента на медицинские процедуры, а также разработка законодательства, регулирующего процедурные права пациентов в различных ситуациях [9].

Таким образом, этапы развития медицинского права отражают эволюцию медицинской деятельности в целом, а также важность установления системы норм и правил, которые защищают и регулируют права пациентов и медицинских работников.

После распада Советского Союза произошли изменения в здравоохранении. Эксперты считают, что многомерная система законов поможет оптимизировать оказание медицинских услуг. Этот этап характеризовался отсутствием понятия «медицинская услуга» в связи с противодействием частной собственности в социалистической системе СССР [10, с. 101].

Однако, именно в период СССР, была сформирована современная российская правовая система, регулирующая здравоохранение, которая продолжила своё развитие после распада СССР.

Законодатель более полно раскрыл понятие о защите права граждан на охрану здоровья на следующем этапе развития медицинского законодательства. Конституция СССР, которая была принята в 1977 году, обеспечивала гражданам право на охрану здоровья бесплатной, квалифицированной помощью, предоставляемой государственными учреждениями здравоохранения.

В период с 1917 по 1991 год была разработана система государственной медицинской страховки, которая обеспечивала доступность и качество медицинской помощи всем гражданам. Также были созданы профессиональные организации, которые защищали права медицинских работников.

В начале 1990-х годов Россия перешла к рыночной экономике, что привело к существенным изменениям в системе здравоохранения. Были приняты новые законы об охране здоровья, которые обеспечивали права пациентов и регулировали деятельность врачей и медицинских учреждений. Были созданы независимые организации, которые занимаются оценкой качества медицинских услуг и защитой прав пациентов.

В России медицинские права граждан защищаются законодательством, включающим Конституцию, гражданский кодекс, законы о здравоохранении и медицинской деятельности, а также нормативные акты министерств и ведомств, регулирующие отношения между пациентами и медицинскими организациями.

Основными правами граждан в медицинской сфере являются права на:

- получение медицинской помощи;
- выбор медицинской организации и врача;
- информирование обо всех аспектах лечения и диагностики;
- конфиденциальность медицинской информации;
- защиту от негативных последствий медицинской помощи;
- доступность и качество медицинской помощи;
- участие в принятии решений о своем лечении и т.д.

Однако, на практике, не все медицинские организации и специалисты обеспечивают полное выполнение этих прав граждан. Например, в некоторых случаях могут нарушаться права пациентов на доступ к медицинской информации, а также права на выбор медицинской организации и врача.

В настоящее время в России действуют законы, которые регулируют медицинскую практику, правила лечения и права пациентов. Они обеспечивают качество медицинской помощи и защищают права людей на здоровье и безопасность во время лечения. Также созданы независимые организации, которые занимаются мониторингом качества медицинских услуг и защитой прав пациентов.

В России законодательство медицинской деятельности основывается на Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан» и многих других законодательных актах, регулирующих различные сферы здравоохранения.

Эти законы устанавливают правила и порядки оказания медицинской помощи, а также обязательства и требования для медицинских работников. Они также регулируют организацию медицинского образования, контроль качества медицинских услуг и использование медицинских технологий.

Кроме того, есть отдельные законы, регулирующие отдельные аспекты медицинской деятельности, например, закон «Об инфекционных заболеваниях», который устанавливает требования и правила для профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями.

Регулирование медицинской деятельности также осуществляется в рамках системы медицинского страхования, которая финансирует медицинскую помощь и устанавливает правила для оказания медицинских услуг.

Для совершенствования медицинского права в России необходимо улучшить качество медицинской помощи, обе-

спечить доступность медицинских услуг для населения, проводить более эффективную работу по информированию пациентов о своих правах в медицинской сфере. Также важно продолжать совершенствовать законодательное регулирование в медицинской сфере и ужесточать наказания за нарушение медицинских прав граждан.

Кроме того, необходимо создать механизмы, позволяющие пациентам более эффективно защищать свои права. Например, можно внедрить систему оценки качества медицинских услуг и ответственности медицинских организаций за предоставление низкокачественных услуг. Также можно создать специализированные организации, которые будут заниматься консультированием и юридической помощью пациентам в случае нарушения их прав в медицинской сфере.

В целом, законодательные акты и регулирование медицинской деятельности в России направлены на обеспечение высокого качества медицинской помощи, защиту интересов пациентов и обеспечение эффективной организации здравоохранения на территории страны.

Следует отметить, что медицинское право является одной из важнейших областей современного права, поскольку затрагивает основополагающие права и свободы личности. В России это тесно связано с возросшей ролью медицины, медицинских услуг и медицинских технологий в жизни граждан, что требует усиления контроля и правовой защиты пациентов [11, с. 101].

Сегодняшнее состояние медицинского права в России можно характеризовать как комплексное. Были приняты нормативно-правовые акты, которые улучшили регулирование взаимоотношений медицинских работников и пациентов, однако он не до конца отвечает вызовам быстрого технологического развития в медицине и медицинских услугах.

Современное состояние медицинского права в России является достаточно сложным и многогранным вопросом. В современной российской медицинской практике существует ряд проблем, связанных с медицинским правом, которые необходимо рассмотреть и решить.

Одной из главных проблем является недостаточная юридическая грамотность врачей. Это может привести к ошибкам в диагностике, лечении и хирургических вмешательствах, что может негативно сказываться на здоровье пациентов и породить медицинские ошибки.

Кроме того, российское законодательство в области медицинского права нуждается в некоторой оптимизации. Отсутствие полной гарантии компенсации ущерба, нанесенного пациенту в ходе медицинской деятельности, является одной из главных проблем. Необходимо разработать механизмы решения этой проблемы, которые были бы максимально выгодны как для пациентов, так и для медицинских кадров.

Однако стоит отметить, что современное состояние медицинского права в России также имеет громадный потенциал для развития в будущем. Появление инновационных технологий и методов лечения, а также возможности повышения доверия населения к системе здравоохранения, создают возможности для улучшения практики в области медицинского права.

В данном контексте, существенную роль играет формирование медицинской этики и нравственности у медицинских работников, что позволит обеспечивать высокий уровень медицинской практики и защиты здоровья пациентов. Также необходимо принимать меры по совершенствованию системы медицинского образования и формированию квалифицированных специалистов.

Медицинское право является одной из важнейших отраслей права, регулирующих отношения между медицинскими работниками, пациентами и государством. В постсоветский период в России возникла необходимость переработки медицинского законодательства с целью адап-

тации к новым социально-экономическим условиям и изменению политической системы.

В результате зарождения рыночных отношений и принятия новых конституционных норм, в России были приняты новые законы, в том числе «О здравоохранении» (1993 г.), «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011 г.), «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (1995 г.) и др. В этих законах были определены права и обязанности граждан, медицинских работников и государства в сфере охраны здоровья.

Одним из важных аспектов медицинского права является защита прав пациентов. В России был принят Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который регулирует вопросы получения медицинской помощи и защиты прав пациентов. Он определяет права пациентов на информацию о своем здоровье, на выбор медицинского учреждения, на конфиденциальность и на защиту от дискриминации.

Кроме того, была создана система медицинского страхования, которая обеспечивает финансирование медицинских услуг. Основу медицинского страхования составляет обязательное медицинское страхование, которое обеспечивает гражданам доступ к медицинской помощи по обязательной медицинской страховке.

В целом, можно сказать, что медицинское право в России в постсоветский период было подвергнуто значительным изменениям и развитию.

Принятые законы регулируют отношения между гражданами и медицинскими работниками, обеспечивают защиту прав пациентов и медицинскую помощь населению.

Однако, несмотря на наличие различных нормативных актов, в практике предоставления медицинской помощи продолжают возникать различные проблемы. В частности, это относится к неравномерности обеспечения населения качественной медицинской помощью, наличию расхождений между теоретическими нормами медицинского права и практикой их применения, а также различным спорам, связанным с применением медицинских технологий.

Для решения этих и других проблем необходимо проведение реформы медицинского права в России.

Одним из направлений совершенствования медицинского права может стать изменение механизмов контроля за качеством медицинской помощи, а также развитие института медицинских страхований, что позволит расширить доступность медицинской помощи.

Кроме того, необходимо проведение работ по совершенствованию нормативно-правовой базы медицинского права в России, а также обучение медицинских работников основам медицинского законодательства, что позволит снизить риск возникновения конфликтов между медперсоналом и пациентами и обеспечить более качественное предоставление медицинских услуг.

Однако, на сегодняшний день медицинское право в России сталкивается с рядом проблем. Одна из главных проблем – это недостаточная разработка нормативных актов, регулирующих отношения между врачом и пациентом, а также права и обязанности медицинских работников.

Также существует проблема в сфере защиты прав пациентов, в том числе и прав на конфиденциальность и индивидуальность медицинской информации.

Для совершенствования медицинского права в России необходим комплексный подход.

Необходимо разработать более детальные нормативные акты, в которых будут учтены все права и обязанности пациента и медицинского работника. Также необходимо проводить обучение медицинских работников и улучшать качество медицинского образования.

Одной из перспектив развития медицинского права в России может стать внедрение новых технологических решений, например, разработка единой информационной платформы, которая позволит установить взаимосвязь между медицинскими учреждениями и пациентами.

Внедрение таких решений позволит улучшить качество медицинской помощи, а также обеспечить более эффективную работу медицинских учреждений.

Таким образом, современное состояние медицинского права в России требует дальнейшего совершенствования и развития, а также принятия мер по обеспечению высокого уровня медицинской этики и квалификации медицинских работников.

Тем не менее, есть перспективы развития медицинского права в России, которые могут подтолкнуть область к новым высотам.

В частности, необходимо усилить контроль за качеством медицинских услуг и принять меры по противодействию мошенничеству в медицине.

Кроме того, следует совершенствовать процедуру медицинского лицензирования, а также улучшить образование специалистов в области медицинского права в России.

Пристатейный библиографический список

1. Акопов В. И. Право в медицине. – М.: Книга-сервис, 2013. – 377 с.
2. Воробьева Л. В. Медицинское право. – Ростов н/Д.: Феникс, 2014. – 171 с.
3. Гусев А. Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение. – М.: Проспект, 2020. – 112 с.
4. Дивеева Н. И., Доброхотова Е. Н., Захаров А. А. Право социального обеспечения. Учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2017. – 384 с.
5. Захарова Н. А., Горшков А. В. Право социального обеспечения. Учебное пособие. – М.: Омега-Л, 2015. – 170 с.
6. Комкова Г. Н., Торосян Р. А., Сычев В. Б. Право социального обеспечения. Практикум. Учебное пособие для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2019. – 188 с.
7. Комкова Г. Н., Торосян Р. А., Сычев В. Б. Право социального обеспечения. Практикум. Учебное пособие для СПО. – М.: Юрайт, 2019. – 188 с.
8. Косаренко Н.Н. Право социального обеспечения. Учебник. – М.: КноРус, 2019. – 240 с.
9. Коробкина П. С. Исторические аспекты формирования медицинского права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 2-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-formirovaniya-meditsinskogo-prava> (дата обращения: 20.04.2023).
10. Право социального обеспечения. Учебник и практикум / Под ред. Филиппова М. В. – М.: Юрайт, 2019. – 406 с.
11. Сулейманова Г. В. Право социального обеспечения. Учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2019. – 430 с.
12. Рёрихт А. А. Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития. – М.: РАН ИНИОН, 2011. – 214 с.
13. Романовский Г. Б. Проблемы становления медицинского права // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 100-125.
14. Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. – М.: Проспект, 2020. – 480 с.

МАДЖУГА Анатолий Геннадьевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и здоровьесбережения Института развития образования Республики Башкортостан

ЮМАГУЛОВА Нина Ивановна

аспирант Института развития образования Республики Башкортостан; учитель математики и информатики ГБОУ Школа № 64, г. Москва,

ГАДАБОРШЕВА Зарина Исраиловна

кандидат психологических наук, доцент Чеченского государственного педагогического университета

МАТЮХИНА Оксана Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЭМПАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДИКТОР ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В статье приведены сущностные характеристики эмпатической культуры, представлены её дефиниции, с учётом различных подходов, существующих в отечественных и зарубежных исследованиях. Авторы доказывают, что эмпатическую культуру можно рассматривать, как предиктор эмоционального развития. В содержании статьи авторы акцентируют взаимосвязь содержательных характеристик эмоционального развития личности с проявлениями её эмпатической культуры. На основе обобщения и систематизации отечественной и зарубежной литературы по проблеме исследования, они приходят к выводу, что эмпатическая культура – это высшее проявление «Я» в аспекте ценностно-смысловой сферы человека, которое обеспечивает развитие его эмоциональной интуиции и эмоционального интеллекта, оказывает влияние на эмоциональное развитие человека в различные периоды онтогенеза.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатическая культура, эмпатические способности, эмпатическая интуиция, предиктор, эмоциональное развитие.

MADZHUGA Anatoliy Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Head of Pedagogy, psychology and health care sub-faculty of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan

YUMAGULOVA Nina Ivanovna

postgraduate student of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan; teacher of mathematics and computer science School № 64, Moscow

GADABORSHEVA Zarina Israilovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of the Chechen State Pedagogical University

MATYUKHINA Oksana Sergeevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

EMPATHIC CULTURE AS A PREDICTOR OF EMOTIONAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY: CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

The article presents the essential characteristics of empathic culture, presents its definitions, taking into account various approaches existing in domestic and foreign studies. The authors prove that empathic culture can be considered as a predictor of emotional development. In the content of the article, the authors emphasize the relationship of the content characteristics of the emotional development of a person with the manifestations of her empathic culture. Based on the generalization and systematization of domestic and foreign literature on the research problem, they come to the conclusion that empathic culture is the highest manifestation of the "I" in the aspect of the value-semantic sphere of a person, which ensures the development of his emotional intuition and emotional intelligence, influences the emotional development of a person in various periods of ontogenesis.

Keywords: empathy, empathic culture, empathic abilities, empathic intuition, predictor, emotional development.

Резкое снижение уровня нравственной воспитанности людей принимает сегодня тотальный характер, наглядным свидетельством чего являются многочисленные антисоциальные проявления: преступность, коррупция, алкоголизм, проституция, двойственность морали, духовно-нравственная деградация личности и общества, культивирование аморального образа жизни, появление множества религиозных сект, расцвет терроризма, экстремизма и различных конфликтов, возникающих в процессе межэтнических и этнокультурных взаимодействий.

В рамках цифровой трансформации образования актуализируется проблема взаимодействия участников образо-

вательных отношений с виртуальной реальностью, которая подводит к возникновению нового социокультурного феномена – виртуальная эмпатия. Она предполагает вступление субъекта в интерактивную, ничем не ограниченную коммуникацию с сетевым объектом, в процессе которой он может испытать эмоционально-чувственное понимание на уровне киберпространства, вызванное иллюзорным образом реального человека.

Следует отметить, что различие межкультурных взаимодействий в многополярном мире определяется способностью людей понимать друг друга и достигать полного согласия. В рамках этих социокультурных коммуникаций,

основополагающим становится эмпатический подход, сущность которого состоит в мысленном и эмоционально-чувственном проникновении во внутренний мир другого человека. В конечном итоге, у человека начинает проявляться способность принять мировоззренческие ориентиры, ценности, чувства и поступки другого.

В этой связи, проблема формирования эмпатической культуры учащейся молодежи, усваивающей прагматичные ценности нового времени, ориентирующие её на удовлетворение личных интересов и потребностей, зачастую, носящих антисоциальный характер является достаточно актуальной. Проведенный нами ретроспективный анализ исследований в области философии, культурологии, педагогики, психологии, конфликтологии и социологии [1], [2], [4], [5], [7], [9], [13], [15], [16], [17] даёт основание представить наличный уровень разработанности проблемы развития эмпатической культуры личности в отечественных и зарубежных исследованиях.

В отечественную науку термин «эмпатическая культура» был впервые введён А. А. Бодалёвым. Вслед за ним, Б. Х. Бгажноков, исследуя культуру личности, формирующуюся под влиянием сопереживания, обозначает ещё одну категорию, отражающую специфику эмоционально-ценностного познания мира человеком и называет её «культурой эмпатии». В своих исследованиях А. А. Бодалёв и Б. Х. Бгажноков показывают взаимосвязь эмпатии и культуры в реалиях современного общества. Они убеждены, что эмпатия является результатом интеграции образно-чувственного и логического аспектов познания, выступает в качестве атрибутивного свойства культуры и основания для проявления человеком духовно-эстетической и культуротворческой активности, а также может быть рассмотрена, как ядро эмпатической культуры личности.

По нашему мнению, одну из значимых характеристик, имеющих отношение к феноменологии эмпатической культуры, приводит в своих исследованиях М. Г. Маркина. Она обращается к структуре эмпатической культуры, рассматривая её в единстве трёх компонентов: перцептивного, вербального и интеракционного, способствующих успешной реализации соответствующих функций общения. Автор считает, что механизм успешного функционирования названных компонентов обусловлен особенностями взаимодействия субъекта и объекта учебно-познавательной деятельности [5].

Другой исследователь – А. Н. Насифуллина акцентируя педагогические основы формирования эмпатической культуры личности студентов вуза гуманитарного профиля, утверждает, что эмпатическая культура может быть определена, как системное, профессионально-личностное образование и состояние, главными доминантами которого являются: умение вслушиваться, всматриваться, чувствовать в состоянии другого человека, как бы находиться в его состоянии; эмоциональное вовлечение и разделение переживаний другой личности; способность к эмоциональному проникновению и пониманию переживаний других людей, к эмоциональному отклику на эти переживания [7, с. 63-64].

С этих позиций, для нашего исследования, определённый интерес представляет работа А. А. Буданцовой, в которой эмпатическая культура личности рассматривается через призму возраста. Выявляя сущность эмпатической культуры личности в период подросткового возраста, учёный отмечает, что она может быть обозначена, как важнейшая характеристика личности подростка и представляет собой пропорциональную совокупность компонентов, имеющих отношение к эмоционально-ценностному познанию ребёнком мира. К

этим компонентам автор относит, прежде всего, гуманное отношение к другим людям; способность к сопереживанию и сочувствию; состояние эмоционального вовлечения и разделение переживаний другого. И наконец, процесс вхождения в мир другого и содействие другому в решении его проблем [2]. Трактую понятие «эмпатическая культура» И. А. Шондина определяет её, как интегративное качество личности, объединяющее эмоциональный, когнитивный и деятельностный (поведенческий) компоненты в системе межличностных отношений [13].

О. Г. Тавстуха и А. Н. Моисеева, актуализируя вопросы теории и практики формирования эмпатической культуры подростка в системе дополнительного образования подчёркивают, что она может быть обозначена, как интегративное качество личности, выражающееся в гуманном отношении к другим людям через эмоциональную отзывчивость, сочувствие и сопереживание. При этом они считают, что базовые ценности, лежащие в основе культуры человека, определяют содержание эмпатической культуры, а нормы и правила поведения, оказывают существенное влияние на её формирование за счёт нравственно-этических категорий: доброта, любовь, гордость, уважение, трудолюбие, вежливость, храбрость, гостеприимство, благодарность, честность, совесть, аккуратность и др. [11].

Суть эмпатической культуры, Т. В. Пожар, видит в описании этой феноменологической социально-психологической категории через систему эмпатических качеств, способностей и умений, реализующихся человеком в процессе эмпатического взаимодействия с воспитанником, в рамках которого коммуникативная сторона изучаемого явления реализуется через осуществление обратной связи с обучающимся. В процессе этого взаимодействия возникают особые эмпатийные формы поведения, такие как: сопереживание, сочувствие, содействие. Обозначенные эмпатийные формы поведения, по убеждению учёного, опираются на сложившуюся у человека на данный момент времени систему нравственных знаний, взглядов, убеждений [8]. Ещё один отечественный исследователь, И. М. Насенкова утверждает, что эмпатическая культура – это, прежде всего, личностная система эмпатических качеств, социально и индивидуально значимых, которые проявляются во взаимодействии с социальным окружением. Именно по этой причине, необходимо не формировать, а воспитывать эмпатическую культуру у подрастающего поколения. По мнению учёного, наиболее сензитивным возрастным периодом для воспитания эмпатической культуры, является период ранней юности, так как на этом этапе онтогенеза, механизм эмпатии достигает наибольшей зрелости [6].

Ю. В. Лебедева уточняет, что эмпатическая культура выражается в языке, антропоморфизме, религиозных догмах, системе права, обычаях гостеприимства, поминальных и свадебных обрядах, этикете, правилах вежливости, культуре прощения [4]. Всё это – инструменты взаимопонимания, поддержки друг друга, взаимопомощи. Чем выше уровень эмпатии в конкретном обществе, тем более выражен эстетический и гуманистический характер отношений в нем. Такое общество воспринимается как безопасное, комфортное и способствующее самореализации отдельной личности. Недостаточно развитая культура эмпатии в обществе, наоборот, тормозит развитие личности, лишает ее ощущения безопасности и покоя посредством формирования агрессивной и эстетически ущербной среды, вызывает повышение тревоги, злость, зависть и уныние. Отсюда следует, что определенный

уровень эмпатии поддерживает воспроизводство общества благодаря взаимопониманию, взаимопомощи, взаимоприятию, сплоченности и солидарности.

Объясняя специфику эмпатии и её взаимосвязи с системой профессиональных ценностей будущего учителя, Ю. В. Саламатина, акцентирует внимание на уточнении понятия, которое определяет эту взаимосвязь. Она считает, что целесообразно говорить не об эмпатической культуре личности, а, о её эмпатийной культуре. Предлагаемый ею термин «эмпатийная культура будущего учителя», выражает уровень сформированности эмпатии у человека. Обозначая сущностные характеристики эмпатийной культуры, она подчёркивает, что этот вид профессиональной культуры, связан с такими интуитивно-чувственными формами отражения, как: сочувствие, сопереживание и толерантность. Эти формы отражения выступают основными ценностями в профессиональной деятельности учителя. По мнению учёного, результатом, характеризующим уровень сформированности эмпатийной культуры педагога, является наличие адекватных способов поведения в соответствии с эмоциональным состоянием субъектов взаимодействия, признание эмпатии как профессиональной ценности [10].

На уровне общества, можно говорить о существовании особой системы правил, норм, ценностей, обеспечивающих воспроизводство помогающего поведения, заботливого отношения, которое позволяет обществу развиваться и дает, в свою очередь, возможность личности чувствовать себя комфортно. Б. Х. Бгажноков называет эту систему «культурой эмпатии» (или эмпатической культурой) рассматривает ее как одну из важнейших характеристик общества. В этом контексте специфика социально-организованной культуры эмпатии состоит в том, что она является системой свойств и функций общества, а не конкретного человека, индивида [1]. В его работе отмечается, что отсутствие эмпатии, прежде всего, дегуманизирует человека.

С. R. Rodgers, отмечает, что эмпатическая культура личности как социально-психологическое явление проявляется в единстве трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов: обмена информацией, познания людьми друг друга, формирования и развития межличностных отношений [17]. М. L. Hoffman в своих исследованиях акцентирует значимость эмпатии и эмпатической культуры в просоциальном нравственном развитии детей [15]. В центре внимания исследователя – роль эмпатии в альтруизме и сострадании к другим, находящимся в физическом, психологическом или экономическом бедствии; чувство вины за причинение вреда кому-либо; чувство гнева по отношению к тем, кто причиняет вред; чувства несправедливости, когда другие не получают должного.

Итак, эмпатическая культура представляет собой эмоционально-чувственное восприятие культуры, совокупность выработанных ценностей, ориентированных на эстетическую рационализацию мира и производство сочувственного, понимающего и сопереживающего сознания. Она является сложным интегративным качеством личности, структура которого содержит ряд важных компонентов: 1) эмоциональный компонент, степень выраженности которого определяется наличием перцептивной способности личности эмоционально отзываться на переживания другого человека и проявлением таких эмпатических качеств, как: сочувствие и эмпатическая интуиция; 2) когнитивный компонент, объединяющий в себе следующие интегративные качества личности: эмпатийная наблюдательность, эмпатийное слушание

и связанный с гностической способностью личности распознавать мысли и чувства партнера по общению, антиципировать его ответы; 3) конативно-регулятивный (поведенческий) компонент, степень выраженности которого проявляется в сотрудничестве с другим, и содействии ему; в коммуникативной способности индивида проектировать отношения с другим человеком, заранее предвидя его точку зрения и считаясь с его внутренней позицией.

Важно подчеркнуть, что важнейшим элементом в формировании эмпатической культуры личности является уважение достоинства другого, которое демонстрирует его профессиональную пригодность и служит своего рода фундаментом современной профессиональной этики (деонтологии). Наряду с этим, эмпатическая культура выступает в качестве предиктора эмоционального развития личности, межличностного предиктора эмоционального благополучия.

Поясним, что термин «предиктор» (от английского глагола predict – «прогнозировать, предсказывать») может быть интерпретирован в двух аспектах: в «широком» и «узком» смысле слова. Так, предиктор, это та исходная характеристика индивида и его окружения, по которой можно с большим или меньшим основанием предсказывать другую (целевую) характеристику того же индивида, – в «широком» смысле. Обозначая термин «предиктор», в «узком» смысле, целесообразно говорить о дополнительных ограничениях, связанных с количественным выражением и оценкой статистической достоверности прогноза [16]. В регрессионном анализе, который наиболее часто используется как метод построения прогноза, предикторами называются такие независимые переменные, изменения которых приводят к изменениям других зависимых переменных – откликов [3].

Определяя взаимосвязь между эмпатической культурой и эмоциональным развитием личности важно подчеркнуть, что эмоциональное развитие обозначает, прежде всего, способность адекватного эмоционального отклика на явления действительности, а также умение управлять спонтанными эмоциональными побуждениями и реакциями, эмоционально-психологическими состояниями, т.е. волевою регуляцию деятельности в эмоционально насыщенных ситуациях. Кроме того, эмоциональное развитие – это педагогически обусловленный процесс, сущность которого сопряжена с личностным развитием детей, их социализацией, творческой самореализацией, введением в мир культуры (культуры взаимоотношений, культуры эмпатии, мировосприятия, самовыражения и др.).

В ряде исследований определены содержательные характеристики эмоционального развития личности. К ним могут быть отнесены: элементы (типы) эмоций; комбинации эмоций; функции эмоций; индивидуальная система эмоциональных значений; системность эмоционального развития (взаимосвязь эмоций между собой и элементами структуры личности – познавательной сферой, потребностями, мотивацией, влечениями, отношениями) [12]. Все представленные характеристики дают основание утверждать, что эмпатическая культура, рассматриваемая нами как целостная структура в единстве трёх составляющих: знания, отношения, деятельность, может являться предиктором эмоционального развития личности на разных возрастных этапах.

По нашему мнению, эмпатическая культура отражает субъективное ощущение внутреннего равновесия и психологического комфорта, и по этой причине, может являться предиктором эмоционального развития в различные пери-

оды онтогенеза. Мы убеждены, что эмпатическая культура, как высшее проявление «Я» в аспекте ценностно-смысловой сферы человека обеспечивает развитие его эмоциональной интуиции, эмоционального интеллекта и может выступать как особая форма отражения – интуитивно-чувственного отражения в профессионально и личностно-ориентированных ситуациях [9]. Целостная структура эмпатической культуры в диалектическом единстве её составляющих – знания, отношения, деятельность рассматривается нами через призму общечеловеческих и профессиональных ценностей.

Резюмируя сказанное, эмпатическую культуру целесообразно рассматривать как сложное профессионально-личностное образование, основанное на интеграции ряда важных компонентов: когнитивного компонента – предполагающего распознавание, оценивание и понимание эмоциональных состояний другого; эмоционального компонента, включающего эмоциональное вовлечение и разделение переживаний другого; поведенческого (конативно-регулятивного) компонента, направленного на оказание содействия другому в решении его проблем. В этой интерпретации эмпатическая культура выступает в качестве предиктора эмоционального развития человека в различные периоды онтогенеза и является значимой личностной параметрической характеристикой, от которой зависит развитие эмоциональной интуиции, эмоционального интеллекта и эмоционально-личностного благополучия человека. Человек, имеющий высокий уровень развития эмпатической культуры, превыше всего ценит и уважает человеческое достоинство.

Процесс формирования эмпатической культуры личности включает в себя три логически взаимосвязанных этапа: на первом этапе формирования эмпатической культуры обучающихся должны доминировать ситуации «когнитивного соучастия»; второй этап сопряжён с «эмоциональным соучастием»; третий этап связан с организацией «волевого соучастия». Все обозначенные этапы формирования эмпатической культуры обучающихся ещё раз подтверждают, что эмпатическая культура выступает в качестве предиктора эмоционального развития личности, межличностного предиктора эмоционального благополучия, а значит, именно эмпатическая культура может являться показателем эффективности реализации основных образовательных программ на всех уровнях образования, включая высшее образование. Кроме того, уровень сформированности эмпатической культуры обучающихся свидетельствует о гармоничном сосуществовании человека с миром и самим собой, уважении достоинства другого и наличие в системе межличностных отношений доверия и сотрудничества, нравственно-этических норм и правил.

Пристатейный библиографический список

1. Бгажноков Б. Х. Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 1. – С. 55-68.
2. Буданцова А. А. Эмпатическая культура личности школьника: сущность, структура, пути формирования // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 13. – С. 110-122.
3. Дрейпер Н., Смит Г. Прикладной регрессионный анализ. – М., 1986. – 366 с.
4. Лебедева Ю. В. Кросскультурные особенности эмпатии (на примере студентов из России и Китая): дис. ... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2017. – 200 с.

5. Маркина М. Г. Специфика методов исследования: роль женского образа в рекламе // Реклама. – 2005. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kogni.narod.ru/markina.htm>. (дата обращения: 29.10.2022).
6. Насенкова И. М. Воспитание эмпатической культуры старшеклассников в процессе организации деловых игр. – Казань: КГУ, 1997. – 17 с.
7. Насифуллина А. Н. Содержание и методы формирования эмпатической культуры у студентов педвуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Казань, 1993. – 179 с.
8. Пожар Т. В. Формирование эмпатической культуры преподавателя вуза // Вестник Института образования человека. – 2015. – № 1. – С. 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eidosinstitute.ru/journal/2015/100/> (дата обращения: 12.09.2022).
9. Потапова В. Д. Функціональна система психологічних механізмів інтуїтивно-почуттєвого відображення. – Донецьк: ООО «Юго-Восток», ЛЬД», 2005. – 336 с.
10. Саламатина Ю. В. Система формирования эмпатийной культуры будущих учителей и условия ее эффективного функционирования // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/119-14645> (дата обращения: 12.09.2022).
11. Тавстуха О. Г., Моисеева А. Н. Содержание и структура эмпатической культуры дошкольника // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/38PDMN218.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
12. Шмырева О. И., Коваль Н. А. Эмоциональное развитие: процесс и содержание // Вестник ТГУ. – 2015. – Вып. 4 (4). – С. 5-12.
13. Шондина И. А. Развитие эмпатической культуры обучающихся как приоритетная проблема подготовки специалистов, востребованных в современном социуме // Педагогическая наука и образование: темат. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Я. Найн. – Челябинск: УралГУФК, 2011. – Вып. 11. – С. 195–202.
14. Greck de M., Shi Z., Wang G., Zuo X., Yang X., Wang X., Northoff G., Han S. Culture modulates brain activity during empathy with anger // NeuroImage. – 2012. – № 59 (3). – PP. 2871-2882.
15. Hoffman M. L. Empathy and moral development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 331 p.
16. Majnemer A., Rosenblatt B., Riley P. Predicting outcome in high-risk newborns with a neonatal behavioral assessment // Am. J. Occup. Therapy. – 1994. – V. 48. – № 8. – Pp. 1-12. DOI:10.5014/AJOT.48.8.723.
17. Rodgers C. R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as development in the clientcentered framework // Psychology: a study of a science. E. d. by S / Koch, N. V.: Random, Hous, 1959. – P. 184-256.

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химической технологии и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЯГАФАРОВ Айдар Ильдусович

магистрант Института химической технологии и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье анализируются понятия коммуникативной личности. Рассмотрены различные способы понимания структуры языковой коммуникативной личности. Интеграция в общество является главным условием формирования и развития личности. Изучение коммуникативной личности может иметь различную степень глубины в зависимости от цели исследования и является полезной практикой для развития навыков наблюдения и критического анализа социального поведения человека и в то же время увлекательным занятием в плане самопознания речевой деятельности в различных коммуникативных сферах. Авторы отмечают, что основные черты коммуникативной личности обусловлены совокупностью индивидуальных свойств и особенностей, которые обеспечивают умение выбрать наилучший способ передачи информации в конкретной ситуации, а также адекватно воспринимать информацию. Оценка коммуникативной личности как социального феномена зависит от степени эффективности выполнения основных социально значимых функций. В статье рассмотрены социальные установки, которые являются основными инструментами построения эффективной коммуникации в определенном кругу. Когнитивные, мотивационные и функциональные параметры характеризуют эффективность коммуникаций по отношению к определенным социальным группам.

Ключевые слова: языковая личность, структура коммуникативной личности, коммуникативные потребности, коммуникативная компетентность, общение.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

IAGAFAROV Aidar Ildusovich

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

COMMUNICATIVE PERSONALITY AS A SOCIAL PHENOMENON

The article analyzes the concepts of a communicative personality. Various ways of understanding the structure of a linguistic-communicative personality are considered. Integration into society is the main condition for the formation and development of personality. The study of a communicative personality can have a different degree of depth depending on the purpose of the study. It is a useful practice for developing the skills of observation and critical analysis of human social behavior and at the same time an exciting activity in terms of self-knowledge of speech activity in various communicative areas. The authors note that the main features of a communicative personality are due to a combination of individual properties and characteristics that provide the ability to choose the best way to transmit information in a particular situation as well as adequately perceive information. The assessment of a communicative personality as a social phenomenon depends on the degree of efficiency in the performance of basic socially significant functions. The article considers social attitudes, which are the main tools for building effective communication in a certain circle. Cognitive, motivational and functional parameters characterize the effectiveness of communications in relation to certain social groups.

Keywords: linguistic personality, structure of a communicative personality, communicative needs, communicative competence, interaction.

Коммуникативная личность – это личность, проявление которой формируется в ходе познавательного опыта. Именно благодаря ей обеспечивается адекватное восприятие и передача информации [10].

Исследование коммуникативной личности способствует развитию навыков наблюдения и критического анализа социального проявления характера человека, а также помогает в развитии аналитических умений для изучения речевого поведения людей. Коммуникативная личность как социальный феномен оценивается в зависимости от ее эффективности выполнения основных социально значимых функций.

Под коммуникативной личностью понимается совокупность ее индивидуальных свойств и характеристик, определяемых когнитивным диапазоном познаваемого опыта или его качеством. К тому же характер личности определяется степенью ее умений выбирать в соответствии с ситуацией наиболее подходящий для нее коммуникационный код, который может обеспечить адекватное восприятие информации.

При изучении коммуникативной личности определяется такое понятие как «личность», она выражает принадлежность человека к конкретному обществу, определенной культуре, социальному институту и т.д. Когда говорится о ней, имеются в виду некое лицо, индивида, который участвует в жизни общества и имеет ряд индивидуальных черт. Разнообразие подходов и множество теорий указывают на сложность проблемы обоснования существенных признаков личности. Различие заключается главным образом в понимании роли стадий в процессе формирования личности: создание познавательных навыков – в теории развития познания; понимание чувств других людей – в теории нравственного развития; преодоление напряженности в сознании собственного «Я» – в психоаналитических теориях; формирование личностного смысла как осознанного отношения личности к миру, в котором осуществляется ее деятельность, – в теории динамических смысловых систем индивидуального сознания личности. Каждая личность индивидуальна. Это означает,

что ни один человек не будет в совершенстве внутренне походить на другого. Конечно, у людей бывает много общих интересов и взглядов, однако сколько бы их не было, личности всегда будут отличаться друг от друга. Естественно, все не ограничивается лишь взглядами на ту или иную тему, например, на общие хобби. Индивидуальность распространяется и на различные ассоциации, поведения, травмы, защитные реакции, тонкие качества психики, реакции, самооценку, ощущение, приспособление и т.д. [4].

Рассмотрим взаимосвязь понятий «личность» и «коммуникативная личность». Определения «коммуникативные потребности» и «когнитивный диапазон», принимают одну из главных значений в определении, и которые связаны непосредственно с понятиями, данными выше.

Словосочетание «коммуникативные потребности» состоит из двух известных слов «коммуникативный» (коммуникация от лат. *communis* = делаю общим, связываю, общаюсь.) и «потребности». Коммуникацию связывают конкретно с общением с людьми, взаимодействием с обществом, а потребности – с различными нуждами, которые нужны конкретно человеку и которых нужно удовлетворять. Коммуникация играет огромную роль в формировании человеческой психики, ее развитии и воспитании разумного поведения. Соединяя эти два понятия, сужается группа потребностей и конкретизируется. Так, коммуникативные потребности – это потребности индивида по отношению к обществу и к себе самому, а значит, она связана с межличностными отношениями и информированием личности. Под информированием личности имеется в виду информационная обеспеченность, которая выражается в знаниях, необходимые для жизни и опыта. Коммуникативные потребности проявляются в первую очередь в стремлении личности к общению. Большинство авторов, например, Ф. Добрынин, А. Г. Ковалев, А. В. Петровский, Б. Д. Парыгин, к. Обуховский рассматривали потребность общения как самостоятельную человеческую необходимость, отличающуюся от других потребностей [13, 14]. Кроме того, на практике он часто сводился к личным потребностям, таким как потребности в воздействии, безопасности и т.д. [3]. В данном вопросе логичным представляется позиция Л. И. Марисовой, которая говорит об иерархической структуре коммуникативных потребностей, служащей мотивационно-потребностной основой общения [11].

Человек – это не только биологическое, но и социальное существо, нуждающееся в контакте с другими людьми. Личность не сможет существовать без общения – это потребность. Также она нуждается в понимании, поддержке, взаимодействии с окружающими, общественного одобрения, информационной осведомленности, коллективной сплоченности.

А что такое когнитивный диапазон? «Когнитивный» происходит от латинского слова *cognoscere* – знать, узнавать, расследовать. Понятие «когнитивный диапазон» подразумевает собой возможность человека анализировать свою личность и информацию, думать и исследовать проблемы, касающейся других людей и самого себя конкретно в психологическом плане. Эти два понятия отражают взаимодействие с другими и видение самого себя через призму собственного мнения. Если коммуникативные потребности и когнитивный диапазон можно отнести ко многим людям, то когнитивную компетенцию – нет, из-за чего она значительно сужает круг характеристик, которые описывают интересующую нас личность.

Личность в системе коммуникации рассматривается прежде всего с точки зрения ее роли во всех процессах формирования речи. Коммуникативная личность человека зарождается еще в детстве, когда младенец усваивает обращения к нему, высказывания, которые сопровождаются жестами и мимикой. У каждого человека личность формируется в процессе общения с людьми, если изначально в детском

возрасте человек не может выбирать для себя непосредственное окружение, то уже в зрелом возрасте он сам способен устанавливать количество и состав лиц с которыми он контактирует. В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Индивидуальное мышление и деятельность человека не только осуществляют себя через предметную практику, но и через общение, которое немислимо без языка и речи.

Термин «языковая личность» был введен в широкое научное употребление Ю. Н. Карауловым. Согласно его определению, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» [5]. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых текстов». Данная модель включает в себя три структурных уровня.

Первый – вербально-семантический, предполагающий для носителя языка нормальное владение естественным языком.

Второй уровень – когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную «картину мира».

Третий – прагматический – выявление и характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности», взаимодействие уровней образует «коммуникативное пространство личности» [5].

Языковая личность присутствует во всех типах коммуникации, но при сравнении с коммуникативной личностью она во многом уступает. Эти понятия между собой очень разнообразны. «Языковая личность» используется в таких направлениях, как общая лингвистика, социолингвистика, психолингвистика. В этих дисциплинах под данным понятием выражается характеристика личности, связанная с речевой деятельностью [5]. Согласно исследованиям Владимира Ильича Карасика, языковая личность может быть рассмотрена статически и динамически: в первом случае мы говорим о личности как о субъекте социальных отношений, во втором – рассматриваем языковую личность с позиции развития [17].

Языковая личность сегодня, безусловно, относится к числу наиболее популярных понятий в лингвистической науке. Однако до сих пор не существует единого понимания этого понятия. В современной терминологии языковой личности определяется через понятие субъекта, автора текста и знаний о мире; языковой картины мира и знания об языке.

Коммуникативная личность зависит от индивидуальных свойств и характеристик, благодаря которым обеспечивается возможность выбрать схему передачи информации в коммуникативных ситуациях, а также правильно усвоить полученную информацию.

Согласно исследованиям, многие учёные анализируют типы коммуникативной личности и их особенности в общении, пришли к выводу о том, что одни стремятся завладеть инициативной личностью и легко вступают в разговор, а другие испытывают затруднения при общении или ощущают скованность речи [6].

Исследователь В. Б. Кашкин определяет коммуникативную личность как совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида. В частности, в представленной В. Б. Кашкиным типологии разграничиваются виды коммуникативной личности согласно уровню коммуникативного потенциала:

Доминантный коммуникант - само название говорит за себя, данный вид личности стремится быть инициатором в разговоре и является любителем говорить громко и насмеш-

ливо. При общении с такой личностью бессмысленно использовать подобный метод говорения. Диалог будет основан на вечном перебивании собеседника – что доминантный тип не приемлет – из-за чего может произойти конфликт. Лучшим решением будет дождаться меленькой паузы и начать говорить.

Мобильный коммуникант – легко включается в беседу, предпочитает говорить много и перепрыгивать с одной темы на другую, не испытывает трудности в нестандартных ситуациях. Этот тип способен поддержать разговор, направить его в лучшую сторону. При всём этом данный тип – хороший слушатель.

Регидный коммуникант – данному виду личности приходится сложнее в начальной стадии разговора. Изначально такого оппонента следует «разогреть» говорением, чтобы он мог четко и ясно излагать свою позицию. Как общаться с таким типом? Здесь тоже нет ничего сложного – начните разговор издалека.

Интровертный коммуникант – противоположность доминантного вида, при общении данный вид личности не стремится завладеть инициативой, обладает застенчивостью и скромностью, испытывает скованность в незнакомой обстановке. Все незнакомое, заставляющее быть в центре внимания отталкивает этого типа. Именно поэтому при общении с ними нужно учитывать детали своего поведения, например, следить за своими жестами и тактичностью слов [6].

Также согласно подходу исследователя В. П. Конечной, коммуникативную личность образуют три параметра.

Мотивационный параметр – занимает главное место в структуре коммуникативной личности, выражается коммуникативными потребностями. Если отсутствует потребность, то коммуникация в таком случае отсутствует, но в этом случае возможно выявление псевдокоммуникации. Она является психологической потребностью в коммуникации, при этом нет передачи информации или сообщения, а присутствует только видимость общения.

Когнитивный параметр – способность адекватного восприятия информации с целью воздействия на партнера, оценка и самооценка, а также знание социально обусловленных норм коммуникации.

Функциональный параметр – способность владения вербальными и невербальными навыками, которые принимают непосредственное участие в коммуникационных функциях, построение общения в соответствии с нормами языка и правилами этикета [9].

Знания о параметрах коммуникативной личности строят фундамент нашего понимания коммуникативной компетентности индивида. Данные параметры определяют её характер.

Коммуникативная компетентность изначально была изучена в отечественной психологии Л. А. Петровской. В своих работах она отмечает, что компетентность во всех видах общения заключается в достижении трех уровней адекватности партнеров – коммуникативной, интерактивной и перцептивной, что позволяет говорить о различных ее видах. Например, коммуникативная компетентность – это форма адекватного обмена информацией. Л. А. Петровская считает, что компетентность в общении предполагает готовность и умение строить контакт на разной психологической дистанции (отстраненной и близкой). В целом компетентность в общении связана не с владением какой-либо одной позицией, а с адекватным использованием всех и умением их синтезировать. Так же она подчеркивает, что гибкость в адекватной смене психологических позиций – один из существенных показателей компетентного общения [15].

Коммуникативная компетентность – свойство личности, умение и способность человека грамотно решать коллективные задачи и подстраивать свой характер под окружающую среду, исключительно ориентируясь на сложные коммуника-

тивные навыки, характер других людей, социальные нормы, этикет, на свой и чужой социальный опыт. Как говорилось ранее, коммуникативная компетентность значительно сужает ряд характеристик, которые описывают коммуникативную личность. Она конкретизирует, помогает нам понять, в чем заключается «стержень» понимания данной личности.

Рассмотрим подробнее «состав» коммуникативной компетентности, собственно из которой строится данное понятие. Первое это умение давать оценку ситуации. Конечно же без этого никак не обойтись. И не только без оценки, но и без дальнейшего прогноза, то есть предвидения того, во что выйдет ситуация, опираясь на знания о характере собеседника, его социальных привычках и психологических реакциях.

Умение анализировать, планировать и делать выводы на основе своих социально-психологических навыков и знаниях.

Умение управлять процессом общения, направлять диалог в нужное русло (на основе своих же планов) [2].

Коммуникативная компетентность играет немаловажную роль в профессиональной деятельности. Профессиональная компетентность – это владение невербальными и словесными средствами в процессе коммуникации, построение высказываний и дискурсов согласно нормам избранного речевого кода.

Владение сложными коммуникативными умениями и навыками, а также формирование таких адекватных умений в новых социальных структурах, знание культуры, традиций, обычаев, норм и ограничений в общении, этикета, соблюдение правил приличия, воспитанность, ориентация в коммуникативных средствах, присущих национальному, словесному менталитету и выражающихся в рамках какой-либо профессии – это понятие «коммуникативная компетентность» по мнению В. Н. Куницыной [17].

Изучив разные подходы и точки зрения в отечественной психологии, можно сделать вывод, что определенное понятие коммуникативной компетентности нет. Чаще всего авторы определяют коммуникативную компетентность как характеристику личности.

Коммуникативная компетентность является одной из ключевых характеристик личности, т. е. имеет особую значимость в жизни человека, поэтому ее формированию следует уделять пристальное внимание. Коммуникативная компетентность должна являться одним из фундаментальных качеств в процессе становления личности, а коммуникативные знания, умения, навыки, обеспечить эффективное протекание коммуникативного процесса в любом виде деятельности. Обобщив имеющиеся научные исследования, можно сделать вывод о том, что коммуникативная компетентность – это система психологических знаний и навыков в общении. Они позволяют правильно использовать язык общения для достижения своих целей или же применять стратегию поведения с целью профессионального взаимодействия между людьми.

Опираясь на данные отечественных исследователей, мы можем сказать, что критерием коммуникативной компетентности может выступать целый комплекс характеристик: это и эффективность общения, и уровень развития личностных качеств. Способность принимать решения в условиях неопределенности; гибкость использования корректных позиций или стратегий для достижения поставленных целей.

Согласно исследованиям, каждая личность имеет коммуникативные потребности, например, в обмене информацией и воздействии друг на друга. Однако эти потребности – лишь один из показателей коммуникативной личности. То есть коммуникативная личность должна иметь определенные индивидуальные качества. Одним из таких важных свойств является коммуникабельность и харизма, которые могут способствовать достижению значимых высот. С точки зрения ученых, харизма сводится к основным факторам, таким как влияние на других и приветливость, иначе же

- расположение к себе окружающих. Массово - коммуникативная практика показывает, что харизма - это качество, которое подвергается развитию.

Коммуникабельная личность – это человек, который легко находит «общий язык» и поддерживает установленные контакты. Под понятием коммуникабельности каждый человек понимает такие признаки, как «общительный», «разговорчивый». Оно зависит от многих факторов, прежде всего от психологического типа и социального опыта. Коммуникация в свою очередь делится на множество видов, каждый из них своеобразно передает информацию. При этом не существует определенной последовательности между ними, наоборот, они свободно взаимодействуют друг с другом.

Коммуникабельная личность является неоднородной и может быть определена в разные дискурсы. Один и тот же выполняет множество функций. К примеру, человек может быть родителем и ребенком, начальником и студентом, покупателем и продавцом. Человек по отношению к своему окружению практикует определенные способы поведения; на каждого оппонента выделяется эмоциональный отклик, а также психическое отражение [7].

Важной характеристикой коммуникативной личности является умение наблюдения за «языковым сознанием» и способность адекватной оценки когнитивного диапазона партнера. Понятие «когнитивный диапазон» подразумевает собой возможность человека анализировать свою личность и информацию, думать и исследовать проблемы, касающейся других людей и самого себя конкретно. Самосовершенствование коммуникативной личности предполагает самосовершенствование индивида, как члена социума, так как оно имеет прямую связь с языковым сознанием и самопознанием. Полагается, что языковое сознание индивидуально. Однако оно также вносит типовые характеристики культуры и социальные нормы общения. Оптимальное соотношение этих качеств создает объект для подражания. Языковое сознание рассматривается в разных направлениях лингвистики и психолингвистической науки как часть сознания, обеспечивающая функционирование языка [17].

Коммуникативная личность характеризуется своими коммуникативными способностями. Коммуникативные способности — это социально-психологические свойства личности, обеспечивающие ее участие в общении с другими людьми или вовлечение его во взаимодействие. Коммуникативная способность изучается многими авторами.

В процессе анализа различных подходов к определению структуры коммуникативных способностей были разработаны концепции, объединяющие различные направления в исследованиях. К ним относятся эмпатия и социально - психологическая перцепция, рефлексивно – самооценочные свойства, социально-психологические качества: способности выражать себя через чувства или познавать окружающий мир; умения вести диалоги [12].

Таким образом, выделенные параметры оценки коммуникативной личности: мотивационный, когнитивный и функциональный могут являться и параметрами ее развития.

Есть несколько классификаций типов коммуникативной личности. Основными типами являются: доминантный (стремящийся завладеть инициативой в общении), мобильный (легко входит в разговор, не теряется в незнакомой ситуации), ригидный (испытывает трудности на контактоустанавливающей фазе общения), экстравертный и интровертный (застенчивый и скромный, скованный в неожиданности) ситуации).

Важное значение в структуре коммуникативной личности занимает отношение к партнерам по общению. Показатели отношения служат для определения характеристики коммуникативной личности, обусловленные опытом, знаниями, навыками, образованием и профессией человека. Для

того чтобы выработать в себе коммуникативную личность, следует развивать и улучшать рефлексивную способность: обращать внимание на свое языковое поведение, а также наблюдать за тем, какое ощущение вызывает ваша манера языка у окружающих. Коммуникативная личность имеет коммуникационный потенциал, который, в свою очередь, включает знания и опыт, коммуникативную компетенцию и коммуникативную потребность. Обладание этим комплексом (потребности, знания и компетентность) позволяет коммуникативной личности уверенно ориентироваться в коммуникативной среде.

Пристатейный библиографический список

1. Бориснёв С. В. Социология коммуникации: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 270 с.
2. Гутник Е. П., Шереметьева Е. В. Современные теоретические представления о коммуникативных компетенциях // Молодой ученый. 2016. № 27.
3. Добрынин Н. Ф. Активность личности и принцип значимости // Проблемы личности. М., 1969;
4. Жарких Н. Г. Особенности коммуникативной компетентности студентов с разными типами реакций в ситуациях фрустрации. Автореферат диссертации ... канд. психол. наук. М., 2013
5. Караулов Ю. Н. Язык и личность. М.: Наука, 1989.
6. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. - 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. 256 с.
7. Кирьянов В. И., Сергеева О.В. Социология коммуникации: Учебно-методическое пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 56 с.
8. Ковалев А. Г. Психология личности. М.: Просвещение, 1970;
9. Конечкая В. П. Социология коммуникаций. Учебник. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.
10. Латыпова Э. Р. Основы теории коммуникации / Международная научно-практическая конференция. Редколлегия: Л. А. Абрамова [и др.]. 2017.
11. Марисова Л. И. О мотивационно-потребностной основе общения. Берлин, 1978.
12. Мичурова, А. А. Языковая личность и проблема коммуникативной компетентности / Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 20-22.
13. Обуховский К. Психология влечений человека: пер. с польск. М.: Прогресс, 1972.
14. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
15. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 2007.
16. Саблина С. Г. Коммуникация и общественные связи: Западные теории, методология, практика: Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2007. 228 с.
17. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации: Учебник для вузов. М.: ИД «Социальные отношения», 2009. 245 с.

АЛЕХИН Даниил Сергеевич

магистрант Астраханского государственного технического университета

АРЫКБАЕВ Равиль Каримович

доктор экономических наук, профессор Астраханского государственного технического университета

ЗНАЧЕНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В Астраханской области программно-целевое управление осуществляется в соответствии с Программой социально-экономического развития (разрабатывается на периоды) и отраслевыми программами. Несмотря на достигнутые результаты программно-целевого управления, в статье поднимаются проблемные поля данной сферы и предлагается применение кластеризации для достижения наибольшей эффективности.

Ключевые слова: программно-целевое управление, Астраханская область, экономическое развитие, бюджетное финансирование.

ALEKHIN Daniil Sergeevich

magister student of the Astrakhan State Technical University

ARYKBAEV Ravil Karimovich

Ph.D. in economical sciences, professor of the Astrakhan State Technical University

THE IMPORTANCE OF PROGRAM-TARGET MANAGEMENT IN THE ECONOMY OF THE ASTRAKHAN REGION

In the Astrakhan region, program and target management is carried out in accordance with the Program of socio-economic development (developed for periods) and industry programs. Despite the achieved results of program-targeted management, the article raises the problem fields of this sphere and suggests the use of clustering to achieve the greatest efficiency.

Keywords: program-target management, Astrakhan region, economic development, budget financing.

В Астраханской области программно-целевое управление осуществляется в соответствии с Программой социально-экономического развития (разрабатывается на периоды) и отраслевыми программами. Так, Программа социально-экономического развития Астраханской области на период 2022-2026 г. утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2021 г. № 3608-р. Программа определяет приоритеты, целевые ориентиры, задачи и направления социально-экономического развития Астраханской области и направлена на реализацию приоритетных направлений Астраханской области [2].

Программой определены ключевая цель и основные направления социально – экономического развития Астраханской области. В качестве цели указано «обеспечение экономического роста Астраханской области и улучшения качества жизни населения региона».

Для достижения цели должны быть реализованы такие направления как:

1. Мероприятия в сфере поддержки малого предпринимательства и развития инфраструктуры деятельности малого предпринимательства;

2. Улучшение качества жизни населения за счёт развития транспортной сети;

3. Формирование городской среды агломерации.

Данные цели должны быть достигнуты в установленные сроки в результате реализации ряда мероприятий, включающих поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства за счёт предоставления им государственного имущества для осуществления предпринимательской деятельности. Помимо того, в рамках поддержки предпринимательства указаны иные формы в виде финансовой и консалтинговой помощи.

Для развития городской среды запланированы мероприятия в области решения коммунальных проблем, в виде строительства новых очистных сооружений, а также создание и реконструкция объектов исторической и культурной ценности, входящих в состав исторического центра города.

Бюджет Программы составляет 9,7 млрд. рублей. Реализация указанных мероприятий должна положительно повлиять на качество жизни населения за счёт формирования городской агломерации, улучшения внешнего вида городского пространства, формирования удобного транспортного обеспечения, создания благоприятных экономических условий благодаря стимулированию предпринимательской активности, появлению новых рабочих мест в результате развития малого и среднего предпринимательства, повышения доходов населения и стимулирования покупательского спроса, интенсификации коммерческих усилий в ключевых отраслях для Астраханской области и т.д.

Руководство региона в рамках программы за счёт вложения бюджетных средств в данные мероприятия планирует повысить инвестиционную привлекательность региона и привлечь новые дополнительные инвестиции.

В совокупности данные мероприятия должны привести к таким конкретным результатам:

– привлечение дополнительных частных инвесторов;

– создание новых рабочих мест (в программе указано 856) за счёт стимулирования предпринимательской активности населения, регистрации новых индивидуальных предпринимателей и самозанятых, развития малого и среднего предпринимательства;

– изменения размера миграционного сальдо на 50 %;

– улучшения качества сточных вод за счёт строительства новых современных очистных сооружений в рамках экологических мероприятий;

Таблица 1. Фактические и плановые значения показателей реализации ВЦП «Обеспечение эффективного управления социально – экономическим развитием АО» на 2022-2024 годы

№ п/п	Показатель	Ед. изм.	Факт		План		
			2020	2021	2022	2023	2024
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Объём ВРП на душу населения	Тыс. руб.	537,5	625,2	636,7	687,8	731,8
2.	Объём инвестиций в основной капитал в расчёте на душу населения	Тыс. руб.	111,4	114,7	127,4	128,1	132,8
3.	Удельный вес добавленной стоимости торговли в общей сумме ВВП	%	6,6	6,0	6,1	6,15	6,2
4.	Оборот розничной торговли	Млрд. руб.	174,84	184,5	184,36	204,36	215,72
5.	Темп роста розничной торговли	%	93,4	100,5	101,0	101,2	101,5
6.	Количество ежегодно зарегистрированных малых и средних предприятий	Ед.	2964	2780	2850	2910	2970
7.	Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей), занятых у субъектов МСП, в общей численности занятого населения	%	22,07	23,91	24,4	24,82	25,24
8.	Доля государственных программ, признанных эффективными по результатам реализации в отчётном году, от общего числа реализуемых программ на территории АО	%	34,8	34,8	34,8	34,8	36,4
9.	Процент выполненных показателей ведомственных целевых программ исполнительных органов гос.власти АО, от общего числа ведомственных программ в АО	%	73,4	73,5	74,0	74,5	75,0
10.	Уровень соответствия документов стратегического планирования социально – экономического развития АО с законодательством РФ и АО	%	100	100	100	100	100
11.	Количество услуг, предоставленных населению на базе МФЦ	Тыс. ед.	1326,5	1130,0	1140,0	1150,0	1180,0
12.	Число выпускников программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РВ в рамках государственного плана	Чел.	16	11	11	11	11
13.	Наличие областных резервов материальных ресурсов, продовольствия, вещевого имущества и предметов первой необходимости для экстренного применения (на случай ЧС)	1 – да 0 - нет	1	1	1	1	1
14.	Удовлетворение потребности в статистической информации	%	85	85	45	40	30
15.	Количество мероприятий для государственных и муниципальных заказчиков по вопросам применения ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»	Ед.	5	5	5	5	5
16.	Экономия средств бюджета Астраханской области, обеспечения за счёт осуществления централизованных закупок в течении года	%	8,1	7,5	7,5	7,5	7,5

– снижение потребления электроэнергии очистными предприятиями за счёт их модернизации (в совокупности на 19 %) и др.

В настоящий момент в Астраханской области в соответствии с Реестром государственных программ Министерства экономического развития Астраханской области реализуется 23 отраслевые программы.

В число ведомственных государственных программ на период 2022-2024 год входят 14 программ. Среди них заявлены программы по созданию условий устойчивого развития промышленного и транспортного комплексов и эффективного использования природных ресурсов, развитию отраслей агропромышленного комплекса, повышения эффективности государственного управления в сфере туризма и

спорта Астраханской области, борьбе с безработицей, повышению эффективности медицинского обслуживания и развития образования [5].

За период 2020-2022 года в Астраханской области были реализованы 14 ведомственных негосударственных программ и 15 ведомственных государственных программ.

Согласно отчёта Министерства экономического развития об исполнении ведомственных целевых программ за 2020 год 100% результатов заявленных программ удалось достичь только трём ведомствам:

1. Администрация Губернатора Астраханской области - программа «Организация профессионального развития государственных гражданских служащих Астраханской области и подготовка резерва управленческих кадров Астраханской области на 2020-2022 годы»;

2. Служба по тарифам Астраханской области – программа «Обеспечение доступности товаров и услуг, тарифы на которые подлежат государственному регулированию на территории Астраханской области»;

3. Служба по противодействию коррупции Астраханской области – программа «Обеспечение безопасности и противодействие коррупции в Астраханской области».

12 программ (38 %) были реализованы более чем на 75 %, менее 50 % выполнения у 5 программ.

Помимо федеральной Программы социально-экономического развития Астраханской области разработана Ведомственная целевая программа «Обеспечение эффективного управления социально – экономическим развитием Астраханской области» на 2022-2024 годы, утверждённая в соответствии с Законом Астраханской области от 17.12.2021 № 128/202 1-ОЗ «О бюджете Астраханской области на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», постановлением Правительства Астраханской области от 18.04.2008 169-П «О разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ» и распоряжением министерства экономического развития Астраханской области от 28.12.2-21 № 1288-р.

Реализация данной ведомственной целевой программы должна способствовать достижению таких целей, как привлечение инвестиций в развитие приоритетных направлений Астраханской области и повышение макрорегионального статуса области за счёт проведения единой государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития в закреплённых сферах деятельности.

Основным результирующим показателем в рамках реализации данной Программы является «Объём ВРП на душу населения».

В соответствии с таблицей 1 представлены фактические и плановые значения показателей по данной программе.

Общий объём финансирования программы составляет 614690,13 тыс. руб.

В процессе изучения опыта программно-целевого управления в Астраханской области мы наглядно столкнулись с такими проблемами, как:

1. Дублирование программ, разработанных ведомствами различного уровня, в рамках одной и той же проблемы;

2. Разработка большого количества программ, при этом не все из них направлены на решение значимых проблем;

3. Из-за большого количества бюрократических барьеров возникают трудности в освоении бюджетов программ, что в конечном итоге приводит к снижению финансирования в последующие периоды;

4. Отсутствие прозрачности методики определения плановых индикаторов по разрабатываемым программам, что говорит о нерепрезентативности имеющихся данных, субъективности оценки проблемы, а, следовательно, невозможности выполнения данной программы и неэффективности её мероприятий.

Наличие данных проблем управления на государственном уровне приводит к нерациональному распределению бюджетных средств.

В рамках решения данных проблем стоит обратиться к индикативному управлению в рамках программно-целевого управления. Это позволит сформировать комплексный подход к выявлению проблем развития территорий и взаимосвязь программ различного уровня между собой. Помимо этого, стоит обратить пристальное внимание на организацию программно-целевого управления на принципах кластеризации отраслей и внедрения цифровых технологий, способствующих формированию единой прозрачной системы статистической информации, позволяющей оперативно вести мониторинг показателей по ключевым индикаторам, формировать базу данных, а также, на основании внедрения диджитал-технологий, выработать комплекс мероприятий по оптимизации отрасли.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев А. А Программно – целевой подход социально – экономического развития муниципального образования // Экономика и социум. – 2017. – № 3 (34). – С. 36-37.
2. Астраханская область в цифрах. Краткий сборник. Официальное издание. – Астрахань, 2022. – 90 с.
3. Баранов М. Б. Оценка эффективности местного самоуправления // Вектор науки. – 2015. – № 13. – С. 485-487.
4. Бардовский В. П. Рыночная инфраструктура и социально – экономическое развитие муниципальных образований // Экономическая среда. – 2017. – № 1 (19). – С. 123-128.
5. Василенко Ж. А. Анализ системы стратегического планирования федерального, регионального и муниципального уровней // Экономика и социум. – 2017. – № 11 (42) – С. 57-59.

ГАЙСИНА Альбина Венеровна

старший преподаватель кафедры экономики и стратегического развития Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В данной работе рассматриваются такие категории как человеческий капитал и институт семьи во взаимосвязи. Первоисточником человеческого капитала является семья, также семья — это важный фундамент, на котором происходит наращивание будущего капитала. Именно от семьи и ее возможностей зависит качество и количество человеческого капитала, который в последующем обеспечит и собственный доход и общий совокупный доход всего общества. Поэтому основное внимание в данной работе уделено вопросам влияния института семьи на формирование человеческого капитала в историческом разрезе и на современном этапе экономического развития.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, трансформационные процессы, экономика знаний.

GAYSINA Albina Venerovna

senior lecturer of Economy and strategic development sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

THE IMPORTANCE AND ROLE OF THE INSTITUTION OF THE FAMILY IN THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL

In this paper, such categories as human capital and the institution of the family are considered in the relationship. The main attention is paid to the issues of the influence of the institution of the family on the formation of human capital in the historical context and at the present stage of economic development.

Keywords: human capital, education, transformation processes, knowledge economy.

В современных условиях экономического развития общества главным его ресурсом является человеческий капитал. Человеческий капитал — это показатель воплощённой способности человека приносить доход, иными словами, это воплощённый в человеке запас способностей, знаний, навыков, опыта, культуры и мотиваций, способный генерировать поток доходов длительное время и отражающий совокупность дружеских, интеллектуальных и психологических качеств и способностей личности [4].

Формирование человеческого капитала — это постоянный процесс, который протекает с разной скоростью в те или иные периоды и зависит от источников инвестирования. Этот процесс зависит как от личных характеристик, так и от различных внешних факторов (экономических, социальных, природных, институциональных).

В условиях развития информационно-инновационной экономики, она нуждается в постоянной активации работника, совершенствовании его способностей, необходимо учитывать, что процесс обучения будет длиться всю жизнь [5]. И основным, первоисточником человеческого капитала является семья. Не только потому, что каждый отдельный индивид появляется в семье, а потому, что семья является важным фундаментом, на котором происходит наращивание будущего капитала. Именно от семьи и ее возможностей зависит качество и количество человеческого капитала, который в последующем обеспечит и собственный доход, и общий совокупный доход всего общества. В семье человеческий капитал формируется и развивается. Но, следует отметить, что при одинаковых условиях и при наличии одних и тех же ресурсов, направляемых на производство человеческого капитала, различные индивидуумы могут иметь совершенно разные размеры человеческого капитала.

Инвестиции в рабочую силу были распространены уже в XVII-XVIII веках, но экономисты не выделяли человека и

его знания как актив производства. В XIX — первой половине XX века благодаря этапу массового обучения начала зарождаться концепция человеческого капитала. Во время позднего индустриального этапа 1960-1970-х годов и технологического прорыва прошла становление классическая теория человеческого капитала, которая смогла обосновать функцию человека как главного фактора производства.

Позднее, в первый (1980-2000-е гг.) и второй (2000-2010-е гг.) постиндустриальные этапы во время роста неравенства в обществе остро встал вопрос влияния семьи и других институтов развития ребенка на формирование конкурентно-способных навыков и компетенций, необходимых для экономики будущего: нобелевский лауреат Дж. Хекман в своих исследованиях доказал, что вклад в некогнитивные способности ребенка до 10 лет оказывает колоссальный синергетический эффект и влияет на приобретение когнитивных навыков в более взрослом возрасте.

К концу XX века стало очевидно, что человеческий капитал перестал означать только совокупность знаний и навыков: теперь к этому добавилось более широкое видение задач систем образования и здравоохранения, которое позволило бы выйти на новый виток развития. Основное внимание стало уделяться всестороннему комплексному развитию человека, в первую очередь, начиная с семьи [1].

В XX веке многие ученые и эксперты высказывали свои опасения по поводу увеличивающегося дефицита квалифицированных специалистов для обучения молодого поколения. Это явление объяснялось недостатками в системе образования в целом, начиная с недостаточной качественной подготовки в дошкольных учреждениях в бедных семьях и заканчивая ограниченными возможностями государства в области образования и профессиональной подготовки, а также преимуществами богатых слоев населения при получении высшего образования, что делало его недоступным для остальных членов общества [4].

Шульц, который первый предложил термин «человеческий капитал» в своих работах этот феномен объяснял тем, что в развитых странах существует большее разнообразие возможностей для личного развития и профессиональной реализации. Дети выступают в качестве инвестиций в собственное будущее, которое может быть более насыщенным и успешным. Однако это не означает, что семьи в развитых странах не обращают внимание на качество образования и подготовки своих детей для будущей карьеры. Они также инвестируют в человеческий капитал своих детей, чтобы обеспечить высокий уровень жизни своей семьи в целом [2].

Семья является первым социальным институтом, в который попадает ребенок после появления на свет. Она выполняет функции по воспроизводству, формированию и становлению человеческого капитала, его использованию и накоплению. Это подчеркивает важность семьи в формировании личности каждого человека и ее влияние на общество в целом. Родители играют ключевую роль в развитии и воспитании своих детей, что влияет на их будущее и успешность в жизни. Вложения в здоровье, образование и культуру детей помогают им достичь своих потенциальных высот и стать успешными и благополучными людьми. Кроме того, это также может иметь положительный эффект на общество в целом, благодаря обучению и развитию молодежи. Поэтому, создание заботливого и любящего семейного окружения — это один из самых важных факторов для обеспечения здоровья и благополучия будущих поколений.

Капиталовложения в человеческое воспитание и становление в современном мире стали несопоставимо выше, чем в былые времена. Это связано с повышением качества труда внутри семьи, который определяется как нематериальный и добровольный труд родителей. Семья оказалась под пристальным вниманием ученых экономистов: семья становится центром формирования новых потребностей и стремлений, который динамично развивается. Семью можно считать первой социальной формой жизни людей, поэтому любые отклонения родительской семьи и отношений внутри нее приводит к отрицательному результату в личностном развитии ребенка. Именно поэтому общество заинтересованно в том, чтобы семья продолжала выполнять свою основную функцию — формирование и становление человеческого капитала через воспитание подрастающей ячейки общества [3].

Одновременно с этим семья становится признанным субъектом экономики. Именно в ней протекает комплекс многосторонних внутрисемейных отношений, в том числе и экономических, которые сильно влияют на состояние национальной экономики. Множество семейных домохозяйств в совокупности выступают как потребители набора товаров и услуг, формируя масштабы и темпы производства. А свою рабочую силу, предпринимательский талант и средства для покупки нового капитала предлагают в качестве продавцов на рынке ресурсов.

Объединение семейных домохозяйств образует систему, в которой они являются представителями различных групп и слоев общества, имеющие только им необходимые потребности, ценности и образ жизни. Внутри своих групп происходит взаимодействия, которые основываются на общих интересах и потребностях, но также могут быть подвержены конфликтам и разногласиям. В целом, система семейных домохозяйств формирует социальную структуру общества, которая влияет на экономику, политику и культуру.

В современном мире экономическое развитие зависит от создания экономики, основанной на знаниях. Для этого

необходим высокий уровень образования и квалификации среди населения. Такая экономика требует высокой конкурентоспособности и инновационности, что диктует высокие стандарты для уровня человеческого капитала.

По итогам Всероссийской переписи населения 2020 года по Республике Башкортостан из 3806564 людей, указавших уровень образования, 37790 человек являются кадрами высшей квалификации, 692178 человек имеют высшее образование, 1592833 имеют среднее профессиональное образование, 581017 обладают только средним общим образованием. По сравнению по аналогичным пунктам во Всероссийской переписи населения 2010 года количество людей, имеющих высшее образование, увеличилось на 7 процентов, среднее профессиональное на 25 процентов, среднее общее на 9 процентов [3].

Полученные результаты говорят об увеличении популярности образования среди различных слоев общества, молодежь понимает необходимость в получении образования различных уровней, что в будущем приведет к формированию общества с более высоким человеческим капиталом.

Современному развивающемуся обществу нужны современно образованные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладающие чувством ответственности за судьбу страны. В этом процессе большое влияние имеют семьи в области образования детей, в подготовке их к быстро меняющимся условиям жизни, в формировании современного типа мышления в связи с возникновением глобальных проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. - 2017. - № 4. - С. 120-155.
2. Гайсина А. В. Взаимосвязь уровня жизни и развития человеческого капитала // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 12 (151). - С. 470-471.
3. Schult T. Fertility and Economic Values. Part I: the Value of Children. In: T.W. Schultz (ed.). Economics of the Family. Chicago. - London: University of Chicago Press, 1974. - P. 3-14.
4. Гайсина А. В., Нусратуллин В. К. Об обеспечении высоких темпов развития российской экономики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. - 2018. - № 3 (109). - С. 32.
5. Гайсина А. В., Харисова А. З., Апокина К. В. Эргономические показатели рабочего места как факторы, влияющие на человеческий капитал в условиях цифровизации // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. - 2022. - № 1 (39). - С. 30-34.

КЛЯВЛИНА Яна Марсовна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

КУРБАНГАЛЕЕВА Аделина Рустемовна

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАРИФУЛЛИН Булат Асхатович

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

АМАНДОС Касымхан Талгатулы

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕН (ТАРИФОВ) В СФЕРЕ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ

В настоящей статье ставится задача исследования и анализа механизмов и методов регулирования цен на теплоснабжение, а также оценки их эффективности. Также рассматриваются основные принципы формирования тарифов на теплоснабжение и факторы, влияющие на изменение цен на тепловую энергию. Кроме того, проанализировано воздействие различных факторов на формирование цен на тепловую энергию, как изменение цен на ресурсы, также предоставлена статистика цен на тепловую энергию по данным Федеральной службы государственной статистики на 2023 год.

Ключевые слова: тарифы, перспективы развития цен, энергоносители, методы тарифного регулирования, экономическая эффективность, тепловая энергия, регулирование цен.

KLYAVLINA Yana Marsovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

KURBANGALEEVA Adelina Rustemovna

student of the Ufa State Petroleum Technical University

GARIFULLIN Bulat Askhatovich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

AMANDOS Kasymkhan Talgatuly

student of the Ufa State Petroleum Technical University

REGULATION OF PRICES (TARIFFS) IN THE FIELD OF HEAT SUPPLY

In this article, the task is to study and analyze the mechanisms and methods of regulating prices for heat supply, as well as to assess their effectiveness. The basic principles of the formation of tariffs for heat supply and factors affecting the change in prices for thermal energy are also considered. In particular, the influence of various factors on the formation of prices for thermal energy, such as changes in prices for resources, is analyzed, and the statistics of prices for thermal energy according to the Federal State Statistics Service for 2023 are presented.

Keywords: tariffs, prospects for price development, energy carriers, methods of tariff regulation, economic efficiency, thermal energy, price regulation.

Теплоснабжение — обеспечение потребителей тепловой энергией, теплоносителем, в том числе поддержание мощности.

Тарифы в сфере теплоснабжения – это одна из ключевых составляющих экономической политики государства, ориентированной на обеспечение доступности теплоснабжения для граждан и предприятий, а также на развитие данного сектора экономики. Тарифы основываются на расчёте затрат на производство, подготовку, транспортировку и распределение тепла, а также на прогнозируемых показателях экономического развития страны.

Одной из деятельности в сфере теплоснабжения, подвергающейся государственному регулированию, является вид деятельности, при котором расчеты за товары и услуги в области теплоснабжения осуществляются по установленным ценам (тарифам), соответствующим Федеральному закону от 27.07.2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [5].

Перспективы развития цен (тарифов) в сфере теплоснабжения связаны с рядом факторов. Во-первых, стоимость энергоносителей. Стабильность цен на газ, нефть, уголь и другие источники энергии влияет на уровень цен на теплоснабжение. Во-вторых, модернизация теплосетей и инфраструкту-

ры также может привести к росту цен на теплоснабжение. В связи с этим, правительство России реализует программы по обновлению теплосетей и внедрению энергоэффективных технологий для оптимизации расходов на производство и передачу тепла. В-третьих, переход к применению новых источников энергии и технологий также может изменить цены на теплоснабжение. Например, развитие геотермальной энергии, использование солнечных и ветровых систем позволит снизить затраты на энергоносители, что может снизить цены на теплоснабжение.

Государственная комиссия по регулированию тарифов определяет размер платежа за теплоснабжение на основании затрат, необходимых для производства, подготовки, транспортировки и распределения тепла. Из величины тарифа отчисляются налоги и другие обязательные расходы, израсходованные на модернизацию и развитие теплосетей. Таким образом, тариф является основой для обеспечения стабильной и доступной цены на тепловую энергию для потребителей.

Правительство стремится не только обеспечить доступность теплоснабжения для граждан, но также и стимулировать развитие данного сектора экономики, повышая

конкуренцию между компаниями-поставщиками теплоэнергии. В этом случае компании-поставщики стараются улучшить качество обслуживания, внедрить новые технологии и услуги, чтобы привлечь большее количество потребителей. Однако, если монопольные компании не снижают цены на услуги при конкуренции, то государство может вынуждено ввести дополнительные ограничения на их деятельность.

Тарифы на теплоснабжение могут влиять на социально-экономическую сферу. Пониженные тарифы могут улучшить доступность услуг для населения, тогда как повышенные тарифы могут уменьшить количество потребителей услуг. Это может вызвать социальную несправедливость и государство должно принимать меры для предотвращения такого развития событий. Переход на более дешевый и экологически чистый тип топлива также может повлиять на изменение тарифов, в связи с возможной необходимостью замены существующего оборудования и инфраструктуры.

Государственное управление также нередко вносят изменения в тарифные планы, когда существует необходимость выполнения определенных задач. Например, для ускорения инвестиций в инфраструктуру теплоснабжения, правительство может временно снизить налоги или увеличить государственное финансирование. Обратная ситуация – это повышение налогов или уменьшение государственного финансирования, когда необходимо снизить инвестиционную нагрузку на бюджет или уменьшить дефицит бюджета.

Вышеуказанными нормативно-правовыми актами предусмотрено четыре метода государственного регулирования цен (тарифов):

- 1) метод экономически обоснованных расходов (затрат) организаций;
- 2) метод долгосрочной индексации установленных тарифов на три и на пять лет;
- 3) метод обеспечения доходности инвестированного капитала;
- 4) метод сравнения аналогов.

Перечисленные методы тарифного регулирования предусматривают экономически обоснованный расчет необходимой валовой выручки (НВВ) тарифов исходя из статей затрат, понесенных регулирующими компаниями, включая определенную величину прибыли, в целях обеспечения планируемого производства, передачи и сбыта тепловой энергии [3].

Существующая система тарифного регулирования основана на затратных принципах формирования тарифа и не стимулирует теплоснабжающие организации снижать себестоимость тепловой энергии. Следовательно, в случае если компания будет снижать себестоимость тепловой энергии, то в рамках действующей системы тарифного регулирования тариф также будет снижен. Поскольку прибыль, включаемая в тариф, рассчитывается как установленный процент от себестоимости тепловой энергии, то снижение затрат приведет к снижению величины прибыли, включаемой в тариф. В результате теплоснабжающая организация оказывается экономически незаинтересованной в снижении себестоимости. Предприятие заинтересовано в ее росте.

Также, при утверждении цен (тарифов) на тепловую энергию учитывается ограничение роста тарифа путем ежегодного установления индексов изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги. Индексы изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги устанавливаются на один год. В каждом регионе они разные.

И главным фактором, оказывающим влияние на величину тарифа на тепловую энергию, является объем тепловой энергии (полезный отпуск тепловой энергии). В свою очередь, полезный отпуск тепловой энергии определяется исходя из сводного прогнозного баланса, утвержденного ФАС России или исходя из схемы теплоснабжения муниципаль-

ного образования. Цена (тариф) единицы тепловой энергии напрямую зависит от величины полезного отпуска. Чем больше полезный отпуск тепловой энергии потребителям, тем меньше удельный вес постоянных расходов в расчете на единицу тепловой энергии и, как следствие, ниже тариф. На рост тарифа также влияют протяженность тепловых сетей и износ основных фондов, а также подтвержденные выпадающие доходы регулируемых организаций за предыдущие периоды [1].

В свою очередь, фактором сдерживания тарифов является применение при долгосрочном тарифном регулировании в коммунальной сфере индекса эффективности операционных расходов, которым предусматривается снижение операционных от 1 до 3% в год. Также на уровень тарифов оказывает существенное влияние непредставление организациями тарифных заявок с расчетами и обосновывающими материалами, а также с отсутствием утвержденных нормативов расхода топлива, уровня потерь, снижением фактических затрат на топливно-энергетические ресурсы.

Вместе с тем в разных субъектах Российской Федерации существуют факторы, сдерживающие рост тарифов, как например региональные субсидии теплоснабжающим организациям. Субсидии предоставляются регулируемым компаниям в виде разницы между экономически обоснованным тарифом на тепловую энергию потребителям и льготным тарифом, также утвержденным органом регулирования субъекта Российской Федерации в целях сдерживания роста тарифов [4].

Уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции контроля над установленными тарифами, является Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) [1].

С целью недопущения включения необоснованных расходов при установлении тарифов на тепловую энергию ФАС России на постоянной основе проводит мониторинг и проверочные мероприятия принятые субъектами РФ тарифных решений.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2023 году средняя цена на тепловую энергию России составила от 1261,38 руб./Гкал до 3719,23 руб./Гкал. Например, в городе Уфа цена на тепловую энергию для населения составляет 2343,95 руб./Гкал с учетом НДС, а для промышленных предприятий – 2559,11 руб./Гкал [2].

Также стоит отметить, что в последние годы цены на теплоснабжение в России растут. Это связано с увеличением стоимости энергоносителей, усилением требований к экологической безопасности, а также с обновлением теплосетей и инфраструктуры.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт ФАС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fas.gov.ru/>.
2. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru>.
3. Постановление Правительства РФ от 22 октября 2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения».
4. Приказ Федеральной службы по тарифам России от 13 июня 2013 № 760-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения».
5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

ПИМЕНОВА Оксана Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела и правового обеспечения внешнеэкономической деятельности Ульяновского государственного университета

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье исследованы теоретические подходы к пониманию природы, сущности и роли интеграционных процессов в современной экономической науке, предпосылки и мотивы создания торговых союзов между государствами, факторы, влияющие на выбор форм и моделей интеграционных процессов в мировой экономике. Автор анализирует ряд изменений в интеграционных процессах, в том числе неизбежный переход от «закрытого регионализма» к более открытой модели интеграции и росту числа региональных союзов между государствами, обусловленному экономическими и политическими мотивами.

Ключевые слова: глобализация, региональная экономическая интеграция, регионализм, модели региональной интеграции.

PIMENOVA Oksana Valerjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Customs and legal support of foreign economic activity sub-faculty of the Ulyanovsk State University

DOCTRINAL CONCEPTS OF REGIONAL INTEGRATION

The article examines theoretical approaches to understanding the nature, essence and role of integration processes in modern economics in the XX and XXI centuries, prerequisites and motives for the creation of trade unions between the states, factors implicating the choice of forms and models of integration processes in the world economy. The author analyzes a number of changes in integration processes, including the inevitable transition from "closed regionalism" to a more open model of integration and the growing number of regional unions between the states driven by economic and political reasons.

Keywords: globalization, regional economic integration, regionalism, regional integration models.

Пименова О. В.

Введение

Долгое время глобализация рассматривалась как главный тренд современных международных экономических отношений, но начиная с 70-х годов XX столетия государства все более активно включаются в самые разнообразные интеграционные объединения. Этот феномен объясняется тем, что такие действия государств стали своеобразным ответом на возникшие в то время глубокие кризисные явления в мировой экономике. В середине XX века экономические драйверы интеграции, связанные с потребностью устранения барьеров в развитии международных экономических отношений и формирования общего мирового рыночного пространства, дополняются и даже уступают иногда пальму первенства политическим соображениям.

В экономической науке региональное измерение долгое время анализировалось через призму традиционных подходов, и главным объектом для анализа оставались успешно идущие интеграционные процессы в Европе. «Фрагментация» международной системы в 1990-е гг., стремительное распространение разнообразных по форме и по объему региональных торговых соглашений спровоцировали дискуссию о процессе регионализма как стратегии управления и принятия решений на политическом, экономическом, институциональном и других уровнях. В итоге экономическая интеграция на региональном уровне становится новой мировой тенденцией, а рост региональных торговых блоков стал одним из важнейших событий в международных отношениях за последние годы. Только за последние два десятилетия в Африке, Азии, Европе и Латинской Америке было сформировано несколько крупных региональных объединений (Сообщество по вопросам развития стран Юга Африки (САДК),

Западноафриканский экономический и валютный союз (ЗА-ЭВС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (ЦАЭВС), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Евразийский экономический союз и др.). Сегодня в мире не осталось ни одной страны, у которой не было бы хотя бы одно региональное торговое соглашение, а многие государства (особенно в Африке) являются участниками сразу нескольких региональных интеграционных объединений. Региональные соглашения сильно различаются, но все они преследуют в первую очередь цель снижения барьеров в торговле между странами-участниками, следовательно, косвенно, нарушают тем самым принцип недискриминации в торговле с третьими странами. В самом простом виде они просто устраняют и значительно снижают таможенные тарифы на торговлю товарами внутри блока, но многие региональные торговые соглашения выходят за рамки этого, предусматривают также устранение нетарифных барьеров либерализацию инвестиционной и других политик. Зачастую такие интеграционные объединения декларируют переход от зоны свободной торговли к таможенному союзу, а затем и к экономическому союзу, и предполагают создание совместных исполнительных, судебных и законодательных институтов.

Предпосылки и мотивы возникновения интеграционных объединений в регионах мира

Исследованию теории и практики интеграционных процессов в мире, раскрытию различных аспектов сущности интеграции (общеекономических, институциональных, политических, социально-гуманитарных, правовых, валютно-

финансовых, научно-технических, торговых, аграрных, региональных), оценке особенностей и эффективности различных моделей посвящены работы российских ученых, которые внесли весомый вклад в осмысление теоретических проблем интеграции (О. В. Буторина и А. В. Захаров [2, с. 52-68], М. Л. Лагутина и Е. Б. Михайленко [3, с. 261-278], М. Л. Лагутина и А. В. Набока [4, с. 48-57], А. М. Либман [5, с. 332], И. А. Рогова и А. М. Палванов [8, с. 115-122] и др.).

Первые теоретические подходы приравнивали региональную интеграцию к созданию зоны свободной торговли или таможенного союза. При этом, несмотря на множество существующих подходов к теоретическому анализу региональной интеграции, ее определение остается весьма спорным. Действительно, региональная интеграция является сложным понятием из-за ее многомерного и динамичного характера, так как изучение проблем региональной интеграции объединяет несколько взаимосвязанных отраслей знаний, включая среди прочих, экономику, право, политику, социологию, управление и международные отношения. К настоящему времени в доктрине предложено большое количество подходов к пониманию региональных процессов (например, функционализм и неофункционализм, институционализм). Более того, мотивы стран к региональной интеграции различны, с заметными различиями между развитыми и развивающимися странами [1, с. 92-103].

Основой интеграционного процесса являются объективные предпосылки и мотивы для создания региональных объединений. В современной науке подчеркивается, что предпосылки, в отличие от мотивов, имеют объективный характер (исходят извне страны и независимы от нее) и внешний характер (связаны с невыгодными для стран, желающих принять участие в интеграционном процессе, изменениями, происходящими в мировой экономике, и другими внешними политическими, военными и экологическими угрозами). Прежде преобладали мотивы внутренней и внешней безопасности, а также мотивы политического характера. Именно такими факторами объясняется возникновение Европейского Объединения угля и стали, которое создавалось в том числе с целью недопущения милитаризации ФРГ и возникновения нового раунда военно-политического противостояния между Германией и Францией. К основным экономическим предпосылкам относятся: растущая конкуренция в мировой экономике, ограниченность сырьевых ресурсов и рабочей силы во многих национальных экономиках, поиск дополнительных рынков сбыта для товаров, необходимость развития межотраслевой специализации, необходимость концентрации затрат на НИОКР и развитие экспортноориентированных отраслей производства, рыночные реформы в странах и др.

Концептуальные подходы к пониманию природы интеграционных процессов в экономической науке

Исследования интеграционных процессов в современной науке демонстрируют разные подходы в понимании природы, сущности и роли интеграционных процессов в XX и XXI веках. Анализ общих теорий интеграции с учетом современных представлений о моделях интеграции позволяет выявить три основных теоретических подхода, которые получили наибольшее признание в экономической науке:

1) теория федерализма и неофедерализма (Д. С. Валлак и Т. Н. Шринивасан [11, с. 498]);

2) теория «институционализма» (П. Пирсон [15, с. 123-163], М. А. Поллак [16, с. 99-134]);

3) теории «функционализма» и «неофункционализма» (Э. Б. Хаас [12, с. 592], Л. Линдберг [14, с. 367]).

Сторонники *федерализма* в своих работах обосновывали введение наднациональных форм взаимодействия и придавали первостепенное значение объединению «сверху», считая, что создание надстройки является необходимым фактором для формирования наднациональных политик объединения и поддержки целей объединения населением государств-участников. Характерной особенностью федералистской теории интеграции является то, что политика и политическое объединение государств-участников выступает более важным, чем экономические интересы, экономические взаимосвязи и сотрудничество [1, с. 47-48], [7, с. 19-20].

Функционализм во главу угла ставит достижение определенных функциональных задач, при этом форма политического устройства в интеграционном объединении не играет существенной роли. Функционалисты полагают необходимым создание механизма прямого воздействия транснациональных институтов на жизнь общества, ликвидацию или значительное сокращение монопольного права национального государства на выражение интересов нации на международной арене [1, с. 49-50], [7, с. 20-21].

Институционализм придавал первостепенное значение роли институтов в развитии интеграции, подчеркивая относительную независимость интеграционных процессов от государственных усилий, связывая возникновение правовых норм и институтов с социальными процессами, развивающимися в международных отношениях [1, с. 53-55], [7, с. 21-22].

Модели и формы региональной экономической интеграции: традиционное и современное представление о типологизации

Теоретический анализ феномена интеграции также предполагает выделение ее основных моделей и форм. Представляет особый научный интерес подход к типологизации моделей интеграции, предложенный Д. И. Ушкаловой. Согласно данному подходу среди интеграционных объединений применимы две следующие модели: (1) «линейные» модели интеграции, предполагающие последовательное продвижение по пути углубления интеграции от зоны свободной торговли до валютного союза; (2) «нелинейные» модели интеграции, предполагающие отсутствие четко заданной последовательности стадий интеграционного процесса (в ряде случаев – его дискретность) и/или отказ от целей выделяет по достижению максимально возможного уровня интеграции (экономического и валютного союза и полной экономической интеграции) [9, с. 158-170].

Тем не менее до сих пор среди множества схем классификации форм интеграции, предложенных теоретиками разных направлений, наибольшее распространение за рубежом и в России получила предложенная еще в 1962 г. концепция венгерского экономиста Б. Балашша, выделившего пять форм интеграции в последовательных стадиях восхождения от низшей к высшей [10, с. 304], и фактически предвосхитил стадии развития Европейского Союза [13, с. 201]. В его представлении каждая последующая стадия отличается от предыдущей более высокой степенью либерализации движения факторов производства. В этом контексте выделяется «линейная модель интеграции», которая описывает интеграцию как нарастающий прогресс в достижении последовательных стадий интеграции применительно к движению товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Согласно теории Б. Балашша

пять стадий интеграции включают те или иные меры по устранению торговых барьеров, запретов и ограничений: (1) зона свободной торговли, где тарифы и квоты отменяются в отношении стран-членов, но индивидуальные тарифы и квоты сохраняются в отношении третьих стран; (2) таможенный союз, который представляет собой соглашение о свободной торговле, устанавливающее общие тарифы и квоты, если таковые имеются, для торговли с нечленами; (3) общий рынок, который представляет собой таможенный союз, но отменяет нетарифные барьеры в торговле (интеграция рынков товаров и услуг), а также ограничения на перемещение рабочей силы и капитала (интеграция рынков факторов производства); (4) экономический союз, где, кроме свободного обращения продуктов и факторов производства, государства-члены предпринимают усилия по гармонизации и единству национальной экономической политики, чтобы устранить дискриминацию, которая была вызвана различиями в политике стран-участниц; (5) полная экономическая интеграция, которая влечет за собой унификацию денежно-кредитной, фискальной, социальной и антициклической политики» и создание наднационального органа, решения которого являются обязательными для государств-членов интеграционной группировки. Несмотря на то, что с момента выхода первого издания книги Б. Балашша прошло уже более 70 лет, предложенная им концепция не потеряла свою актуальность, став своеобразной классикой в экономической науке и отправной точкой для многих современных исследований [17, с. 1200-1229].

Заключение

Можно еще раз отметить, что за последние десятилетия произошли кардинальные изменения в механизмах региональной интеграции.

Во-первых, произошел переход от «закрытого регионализма» к более открытой модели. Ранее многие торговые блоки, которые были сформированы между развивающимися странами в 1960 – 1970-х годах и были основаны на модели импортозамещающего развития, и региональные соглашения с высокими внешнеторговыми барьерами становились инструментом реализации этой модели.

Во-вторых, стало очевидно, что эффективная региональная интеграция экономик стран требует большего, нежели только снижения тарифов и устранения квот. Многие другие нетарифные барьеры приводят к сегментации рынков и препятствуют свободному потоку товаров, услуг, инвестиций и капитала, и для устранения этих барьеров необходимы широкомасштабные политические меры, выходящие далеко за рамки традиционной торговой политики.

В-третьих, для начала XXI века стало характерно появление торговых блоков, в которых как промышленно развитые страны с высоким уровнем дохода, так и развивающиеся страны являются равноправными партнерами – так называемые соглашения «Север-Юг».

В новых геополитических условиях концепция региональной экономической интеграции остается одной из наиболее дискуссионных в современных теориях международных экономических отношений. Так же как и глобализация, региональная интеграция может по своей сути означать концентрацию торговли, движение населения, капитала и технологий, но только на региональном уровне. Регионализация торговли, рынков и инвестиций приводит к формированию региональной интеграции и появлению новых торговых союзов и интеграционных объединений.

Пристатейный библиографический список

1. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / [под ред. В. И. Михайленко]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 476 с.
2. Буторина О. В., Захаров А. В. О научной основе евразийского экономического союза // Евразийская Экономическая Интеграция. – 2015. – № 2 (27). – С. 52-68.
3. Лагутина М. Л., Михайленко Е. Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 261-278.
4. Лагутина М. Л., Набока А. В. Геополитические перспективы развития евразийской интеграции // Управленческое консультирование. – 2014. – № 9 (69). – С. 48-57.
5. Либман А. М., Хейфец Б. А. Модели региональной интеграции. – Москва: Экономика, 2011. – 332 с.
6. Натан Р. П., Хоффманн Э. П. Современный федерализм // Международная жизнь. – 1991. – № 4. – С. 34-49.
7. Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. – 346 с.
8. Рогова И. А., Палванов А. М. Международная экономическая интеграция: специфика и перспективы евразийских региональных объединений // Вестник ГУУ. – 2017. – № 11. – С. 115-122.
9. Ушкалова Д. И. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 158-170.
10. Balassa B. The Theory of Economic Integration. London: Georgi Alien & Unwin. – 1961. – 304 p.
11. Federalism and economic reform: International Perspectives / Ed. by J. S. Wallack, T. N. Srinivasan. – Cambridge, New. York: Cambridge University Press, 2006. – 498 p.
12. Haas E.B. The Uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces, 1950-1957. – University of Notre dame Press, 2004. – 592 p.
13. Kirillov Y., Paweta E. Modern trends in international economic integration development // International Economics, University of Lodz, Faculty of Economics and Sociology. – 2014. – Issue 8. – P. 199-208.
14. Lindberg L. The Political Dynamics of European Economic Integration. – Stanford, 1963. – 367 p.
15. Pierson P. The Path to European Integration: A Historical Institutional Analysis // Comparative Political Studies. – 1996. – Vol. 29. – Issue 2. – P. 123-163.
16. Pollack M.A. Delegation, Agency and Agenda setting in the European Community // International Organization. – 1997. – Vol. 51. – No. 1. – P. 99-134.
17. Sapir A. European Integration at the Crossroads: A Review Essay on the 50th Anniversary of Bela Balassa's Theory of Economic Integration // Journal of Economic Literature. – 2011. – Vol. 49. – No. 4. – P. 1200-1229.

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ПО СОЗДАНИЮ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЪЕДИНЕННОГО ТИПА

В статье рассматриваются организационно-экономические риски, с которыми могут столкнуться управления при строительстве учреждений уголовно-исполнительной системы объединенного типа для содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В качестве выводов сделаны отдельные предположения относительно положительных и отрицательных моментов реализации проекта и перспектив его распространения.

Ключевые слова: риск, производство, взаимодействие, трудовые ресурсы, клиентоцентричный подход, уголовно-исполнительная система.

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC RISKS IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE PROJECT ON THE CREATION OF INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM OF THE COMBINED TYPE

The article discusses the organizational and economic risks that management may face during the construction of joint-type penal institutions for the detention of suspects, accused and convicted persons. As conclusions, separate assumptions are made regarding the positive and negative aspects of the project implementation and the prospects for its dissemination.

Keywords: risk, production, interaction, human resources, client-centric approach, penal enforcement system.

Учреждения и органы Федеральной службы исполнения наказаний (далее - ФСИН России) задействованы в сложном процессе организационно-управленческих отношений. Управленческая деятельность при проектировании объектов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) всегда связана с определенными рисками, а именно с возможными побочными эффектами и нежелательными последствиями. Проектирование и строительство учреждений УИС объединенного типа для содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в совершении преступлений должно учитывать риски организационно-экономического характера [1].

Актуальность исследуемого вопроса заключается в рассмотрении организационно-управленческих рисков при создании учреждений объединенного типа для содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных и его внедрении в качестве пилотного проекта в Калуге [1]. Риски могут возникнуть как в процессе проектирования, так на стадии строительства объекта. При этом следует учитывать, что оценка рисков актуальна на разных стадиях, которым, в свою очередь, присущи различные риски. Планирование — это управленческий риск, который необходимо учитывать при разработке точного плана реализации строительства.

Перед тем, как начать проектирование, необходимо провести мероприятия, включающие в себя выбор площад-

ки для строительства и сбор полной и точной информации об участке (геодезические исследования, градостроительные условия и ограничения, инженерное обеспечение и транспортное обслуживание, строительство запланированных или планируемо прилегающих участков и т.д.). На этом этапе необходимо исключить ситуации, когда у клиентов на стадии строительства внезапно возникают проблемы с их участками, например, при строительстве улично-дорожной сети (ухудшение транспортной доступности) [2]. Оценка таких рисков должна исходить, во-первых, из выполнения положения Концепции о клиентоцентричном подходе в организации учреждения объединенного типа, а, во-вторых, из оптимизации логистики перемещения подозреваемых, обвиняемых, осужденных при организации работы учреждения [3, 4].

Участок для строительства учреждения УИС объединенного типа в Калужской области выбрали за пределами города. Расстояние от регионального центра до места строительства составляет 20-25 км. Клиентоцентричный подход в организации учреждения объединенного типа предполагает оценку рисков по содержанию и своевременному ремонту подъездных дорог к учреждению, удобство организации парковок для служебного транспорта и транспортных средств посетителей. Также необходимо предусмотреть организацию маршрутов общественного транспорта, риски, свя-

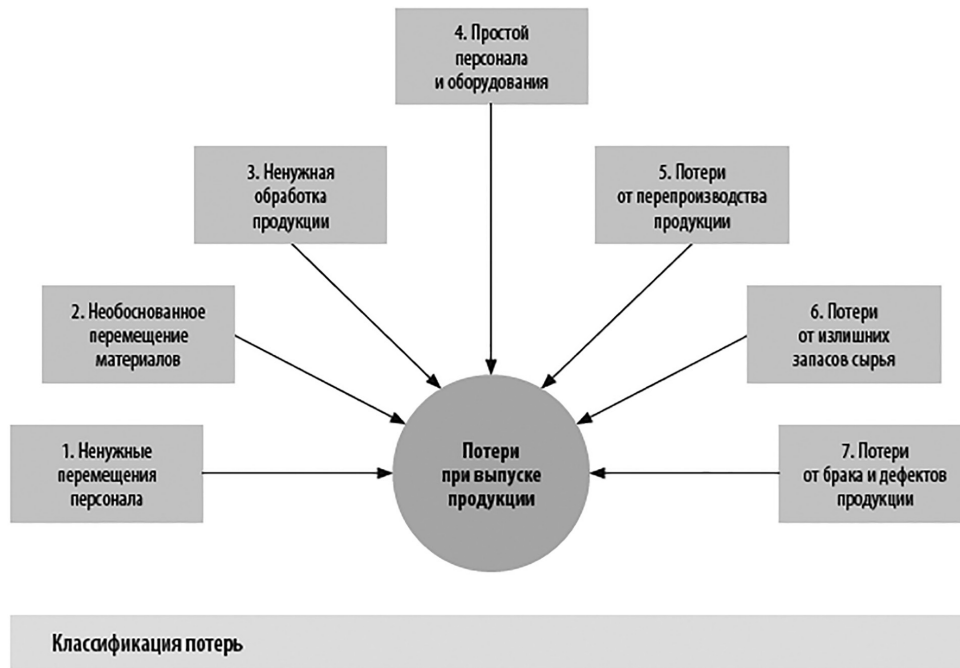

Рисунок 1. Классификация факторов, влияющих на организационные риски при реализации проекта по созданию учреждений УИС объединенного типа

занные с согласованием условий работы автотранспортных предприятий, предоставляющих услуги перевозки пассажиров. Учитывая, что загрузка этих маршрутов, скорее всего, будет невысокой, могут возникнуть сложности с согласованием частоты отправления автобусов, а, соответственно, количества автобусов, работающих на маршруте и стоимости проезда. Например, возможна ситуация, когда, учитывая рентабельность таких маршрутов, собственник автотранспортного предприятия установит график движения автобусов 1-2 раза в день, что будет существенно осложнять работу следователей, адвокатов, вынужденных проводить долгое время в ожидании общественного транспорта. В связи с этим на стадии выбора площадки необходимо прорабатывать вопросы с муниципалитетами о возможных дотациях с их стороны таких маршрутов.

На стадии выбора площадки необходимо учесть риски, связанные с логистикой перевозок подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Такие риски могут быть связаны с загруженностью дорог при доставке подозреваемых, обвиняемых из изоляторов временного содержания в учреждение объединенного типа, удаленностью железной дороги при организации перемещения осужденных и др.

Как отмечалось выше, организационные риски — это риски, связанные с неэффективными управленческими решениями; проблемами системы внутреннего контроля, недостаточно разработанными правилами работ, то есть риски, обусловленные недостатками в организации работ, которые зависят от комплекса факторов, отраженных на рис. 1.

Целесообразно разделять организационно-экономические риски на материальные, трудовые, финансовые, потери времени, специальные виды потерь [5].

При построении формализованной экономико-математической модели оценки прямых и косвенных мультипликативных эффектов и рисков от реализации пилотного проекта необходимо выбрать основные критериальные числовые характеристики для описания соответствующих параметров.

В условиях нестабильного социально-экономического положения в России существенно возросли экономические риски по реализации проекта создания в Калужской области учреждения УИС объединенного типа [1]. На наш взгляд, в целях строительства, обслуживания и последующей эксплуатации (помимо выделяемых средств из государственного бюджета) можно обратиться к механизмам государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), которые показали себя эффективными в других отраслях [6]. Это потребует унификации проектной документации и внедрения новых правовых норм.

Ключевые проблемы при применении действующего законодательства к проектам ГЧП: законодатели и органы исполнительной власти недооценивают влияние ГЧП на эффективность бюджетных ассигнований и инвестиций в объекты государственной и муниципальной собственности [7, 8], что означает необходимость организации системной работы по совершенствованию и институционализации данного вида взаимодействия государства, бизнеса и общества. В то же время проекты ГЧП имеют определенную степень сложности, которая в большей мере связана с оценением рисков на этапе планирования. Решение указанных проблем поможет развитию ГЧП и повышению эффективности государственных проектов.

Пристатейный библиографический список

1. Ельчанинов А. П. О некоторых потенциальных рисках проектирования и организации деятельности учреждений УИС объединенного типа в Российской Федерации. Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 2 (45). С. 4-51.
2. Богачев С. Н., Школьников А. А., Розентул Р. Э., Климова Н. А. Строительные риски и возможности их минимизации // Академия. Архитектура и строительство. 2015. С. 88-92.
3. Козин М. Н. Экономика уголовно-исполнительной системы: концептуальные проблемы и перспективы

Таблица 1. Экспертная оценка значимости факторов, обуславливающих финансово-экономические риски проекта

№ пп	Фактор	Эксперты / Результат анкетного опроса												Значимость фактора
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1.	Задержки подключения к инженерным сетям коммунальной, транспортной, энергетической инфраструктуре (ФЭП ₁)	4	5	3	4	2	5	6	4	5	5	3	4	0,112
2.	Удорожание стройматериалов, запчастей и комплектующих для оборудования, а также эксплуатационных затрат из-за ослабления курса рубля, повышения процентных ставок, увеличение расходов на возврат и обслуживание заемных средств ускорения инфляции (ФЭП ₂)	3	3	2	1	2	4	3	2	2	2	3	4	0,142
3.	Срыв сроков разработки, строительства, поставок сырья, материалов из-за задержки трансфертов из федерального бюджета на софинансирование проекта из других источников (ФЭП ₃)	7	6	5	7	6	6	7	7	6	5	5	8	0,072
4.	Срыв сроков разработки, строительства, поставок сырья, материалов из-за задержки трансфертов других участников проекта (ФЭП ₄)	8	8	9	6	7	8	9	8	7	7	8	10	0,040
5.	Неприменение налоговых мер поддержки по проекту, в том числе возврат практики возмещения НДС по «бюджетному плечу» и введение коэффициентов ускоренной амортизации объектов (ФЭП ₅)	5	5	4	5	4	5	5	4	5	3	5	3	0,107
6.	Вероятность наступления очередной волны пандемии коронавируса или иных чрезвычайных обстоятельств (ФЭП ₆)	3	4	3	2	3	4	2	3	4	2	3	2	0,136
7.	Ошибки в расчетах проектной документации, выбор недостаточно апробированных технологий строительства, несоблюдение технологического регламента при производстве СМР (ФЭП ₇)	4	3	4	3	3	5	6	4	3	3	4	4	0,118
8.	Дополнительные расходы, связанные с авариями, поломкой оборудования, невыполнением подрядчиком послепусковых гарантийных обязательств (ФЭП ₈)	3	3	4	5	4	4	4	5	3	5	3	4	0,116
9.	Уменьшение запланированного объема выполняемых работ, оказываемых услуг, колебание спроса на продукт или услугу, производимой или оказываемой по итогам реализации проекта (ФЭП ₉)	7	8	7	6	6	8	6	7	7	8	5	8	0,059
Оценка степени согласованности мнений экспертов на основе расчета коэффициента конкордации и его значимости. $W = 0,80$, что говорит о наличии высокой степени согласованности мнений экспертов		$W = \frac{8970,5}{\frac{1}{12} \cdot 12^2(10^3 - 10) - 12 \cdot 51,5} = 0,8$											1,0	

развития // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 168-172.

4. Шамсунов С. Х. Учет исторического опыта при разработке концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. № 1. С.29-32.
5. Гришин Д. А., Павлова Л. В. Организация и правовые основы финансового обеспечения и ведомственного финансового контроля учреждений и органов ФСИН России в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы. Учебное пособие. Рязань, 2010.
6. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Привлечение внебюджетных инвестиций как способ обеспечения эконо-

мической безопасности проектов государственно-частного партнерства // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 2. С. 206-215.

7. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс»
8. Павлова Л. В., Радченко Е. П. О совершенствовании нормативно-правового регулирования реализации соглашений государственно-частного партнерства в пенитенциарной системе России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 4 (251). С. 50-55.

СЕДЫХ Владимир Александрович

кандидат сельскохозяйственных наук, доктор биологических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОЕКТА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе рассмотрены вопросы рационального использования земель сельскохозяйственного назначения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и правовые коллизии, связанные с использованием данной земли. Проработка данной тематики позволит не только решить вопросы по сохранению и развитию собственного сельского хозяйства, улучшить производственно-финансовое положение учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, повысить трудовую занятость осужденных, но и сохранить земли сельскохозяйственного назначения для надежности и стабильности поставок продовольствия. С этой целью авторами был разработан цифровой проект землепользования, основанный на межевании участков земель сельскохозяйственного назначения.

Ключевые слова: право, зондирование земли, постоянное бессрочное пользование, трудовая занятость осужденных, уголовно-исполнительная система.

SEDYKH Vladimir Alexandrovich

Ph.D. in agricultural sciences, Ph.D. in biological sciences, chief researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the penitentiary system of the Center for the study of problems of management and organization of the execution of sentences in the penal system of the Federal Penitentiary Institution Scientific Research Institute of the FPS of Russia

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

TOPICAL ISSUES OF CREATING A DIGITAL LAND USE PROJECT IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper considers the issues of rational use of agricultural land in the penal system of the Russian Federation and legal conflicts related to the use of this land. The study of this topic will allow not only to solve issues related to the preservation and development of their own agriculture, improve the production and financial situation of institutions of the penal system of the Russian Federation, increase the employment of convicts, but also to preserve agricultural land for the reliability and stability of food supplies. For this purpose, the authors have developed a digital land use project based on the surveying of agricultural land plots.

Keywords: law, probing of the earth, permanent indefinite use, employment of convicts, penal enforcement system.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Одним из приоритетных направлений, заявленных в Концепции развития УИС на период до 2030 года, является улучшение производственно-хозяйственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) [1]. По нашему мнению, актуальность развития данного направления должна ориентироваться на земли сельскохозяйственного назначения, закрепленные за учреждениями УИС на праве постоянного бессрочного пользования (174 тыс. га) [2]. К сожалению, во многих территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) к вопросам ис-

пользования сельскохозяйственной земли, в особенности в последнее время, относятся не должным образом. И как результат: доля выручки в общем объеме производства УИС от сельского хозяйства из года в год падает, посевная площадь сельхозкультур снижается, сокращается количество рабочих мест, занятых в сельхозпроизводстве. Причин здесь множество. Но хотелось остановиться именно на умении работать с землей, так как неуверенность в получении достойных урожаев с низкой себестоимостью продукции отталкивает многих руководителей учреждений от использования земель сельскохозяйственного назначения как средства производства, как предмета труда и как источника дополнительного дохода. Учитывая расположение большей части учреждений

ФСИН России в зоне рискованного земледелия и отсутствие специализированных знаний в области сельского хозяйства, это еще более усиливает их нежелание заниматься сельскохозяйственным производством.

Во времена Советского Союза подобное нежелание преодолевалось наличием и строгим исполнением внутрихозяйственного плана землеустройства, над разработкой которого трудилась целая ведомственная служба, состоящая из государственных научно-исследовательских и проектно-изыскательских институтов по землеустройству. К сожалению, в период рыночных отношений данная служба была ликвидирована, и в настоящий момент на государственном уровне оказать помощь в управлении землями сельскохозяйственного назначения через план землеустройства и систему севооборотов руководителям УИС не представляется возможным. За последние 5 лет посевная площадь в ФСИН России сократилась более чем наполовину. Необработанная и незаезженная земля постепенно зарастает сорняками, кустарниками, заболачивается и деградирует. Еще немного, и сельское хозяйство в УИС как отрасль исчезнет навсегда. Поэтому, чтобы не доводить этот вопрос до крайности, на наш взгляд, ФСИН России необходимо вернуться к старой практике Советского Союза, а именно к изготовлению для каждого территориального органа УИС своего внутрихозяйственного плана землепользования со строжайшим его исполнением, хотя бы в зонах с благоприятными почвенно-климатическими условиями [3]. Это решение позволит УИС не только сохранить свое собственное сельское хозяйство, улучшить производственно-финансовое положение учреждений, повысить трудозанятость осужденных, но и сохранить земли сельскохозяйственного назначения как страховочный вариант для надежности и стабильности поставок продовольствия. Рынок в России непредсказуем и капризен, и поэтому собственное производство продуктов питания как страховочный вариант для ФСИН России желательно иметь. В этой связи научная новизна в данной работе заключается в разработке методики по использованию земель сельскохозяйственного назначения на примере одного территориального органа, обладающего благоприятными погодными и почвенными условиями.

Основная часть.

В экспериментальной части воспользуемся методами дистанционного зондирования земли и ГИС-технологиями. Основным условием использования цифровых методик при построении проекта является межевание земли, после которого кадастровые участки приобретают границы и привязку к местности. В реальном режиме времени исследуется с помощью инновационных технологий из космоса фактическое состояние земли. А наложив кадастровые номера на почвенно-климатическую карту России, можно дать им агроэкологическую оценку. В дальнейшем эти данные будут использованы как основа в построении цифрового проекта по использованию сельхозземли. Как уже говорилось выше, главным условием создания цифрового проекта землепользования является межевание кадастровых участков земель сельскохозяйственного назначения. Проведенный нами анализ показал, что наиболее полно проведено межевание в УФСИН России по Тульской области (далее – УФСИН). По данным публичной карты Росреестра из 26 кадастровых участков общей площадью 1 435,13 га по УФСИН не размежеваны и не привязаны к местности только два.

Благодаря межеванию и дистанционному зондированию земли мы увидели из космоса реальное состояние сельскохозяйственных земель в УФСИН. Из 1 435 га имеющихся сельскохозяйственных земель только 805 га соответствуют своему назначению. По этой причине для этой территории разработаем цифровой проект по использованию земли сельскохозяйственного назначения. Но перед этим необходимо понять, где и в какой почвенно-климатической зоне находятся вышеуказанные участки. Поэтому наложив кадастровые номера на почвенную и климатическую карту России, мы увидели, что земля, принадлежащая на праве постоянного бессрочного пользования УФСИН, расположена на территории, которая лежит в умеренном климатическом поясе.

Пять месяцев в году – с ноября по март – здесь присутствуют отрицательные среднемесячные температуры, семь месяцев – с апреля по октябрь – положительные среднемесячные температуры. Безморозный период продолжается 132 – 147 дней [4].

Осадки в пределах местности распределяются неравномерно. Среднегодовое количество осадков 650 мм в год. Третья часть всех выпадающих осадков приходится на летние месяцы. В среднем 156 дней в году – с осадками, т.е. осадки бывают на каждый второй или третий день. Поэтому в этой зоне большой проблемой является защита почв от эрозии.

Что касается поверхностного слоя земли, то по почвенно-географическому районированию они относятся к бореальному поясу центральной лесостепной Окско-Донской провинции.

Согласно Единому государственному реестру почв России (ЕГРПР) преобладающими зональными почвами здесь являются темно-серые лесные почвы (рисунок 1), которые залегают на плато, пологих склонах, покатых и сильнопокатых склонах различной экспозиции [5].

Темно-серые лесные почвы по своим признакам и свойствам близки к черноземам. Почвенный профиль данных почв слагается из горизонта А, мощностью от 28 до 38 см, темно-серого, пылевато-зернисто-комковатой структуры со слабым налетом кремнеземистой присыпки и постепенным переходом в горизонт В, мощностью от 52 до 65 см, темно-серого с буроватым оттенком цвета, ореховато-комковатой структуры с кремнеземистой присыпкой и заметным переходом в горизонт ВС, мощностью от 90 до 140 см, грязно-бурого цвета, комковатой структуры. Снизу эти горизонты подстилаются материнской породой (гор. С) желто-бурого цвета, комковатой структуры. Серые лесные почвы, особенно темно-серые, характеризуются высоким потенциальным плодородием.

Теперь, имея полную характеристику природно-климатических и почвенных условий территории, можно приступить к непосредственному проектированию системы земледелия для УФСИН. Начнем с выбора и размещения сельскохозяйственных культур. Определяющими обстоятельствами в данном отношении являются два фактора: первый – степень соответствия агроэкологических условий землеведения агроэкологическим требованиям сельскохозяйственных культур; второй – необходимость в их выращивании. Исходя из этих двух критериев, предлагаем выращивать озимую пшеницу, озимую рожь для производства муки, подсолнечник, рапс, сою для растительного масла, картофель и овощи ради самого картофеля и овощей. После выбора сельхозкультур необходимо определиться с технологией их выращивания: в частности, как обрабатывать почву, какие удобрения необходимо вносить и как организовать защиту растений от болезней и вредителей. В этой связи выбор агротехнологий большой, и их методология формирования заключается в последовательном преодолении факторов, лимитирующих урожайность сельхозкультур. По факторам преодоления различают четыре категории технологий.

Экстенсивные технологии, ориентированные на использование естественного плодородия почв без применения удобрений и других химических средств.

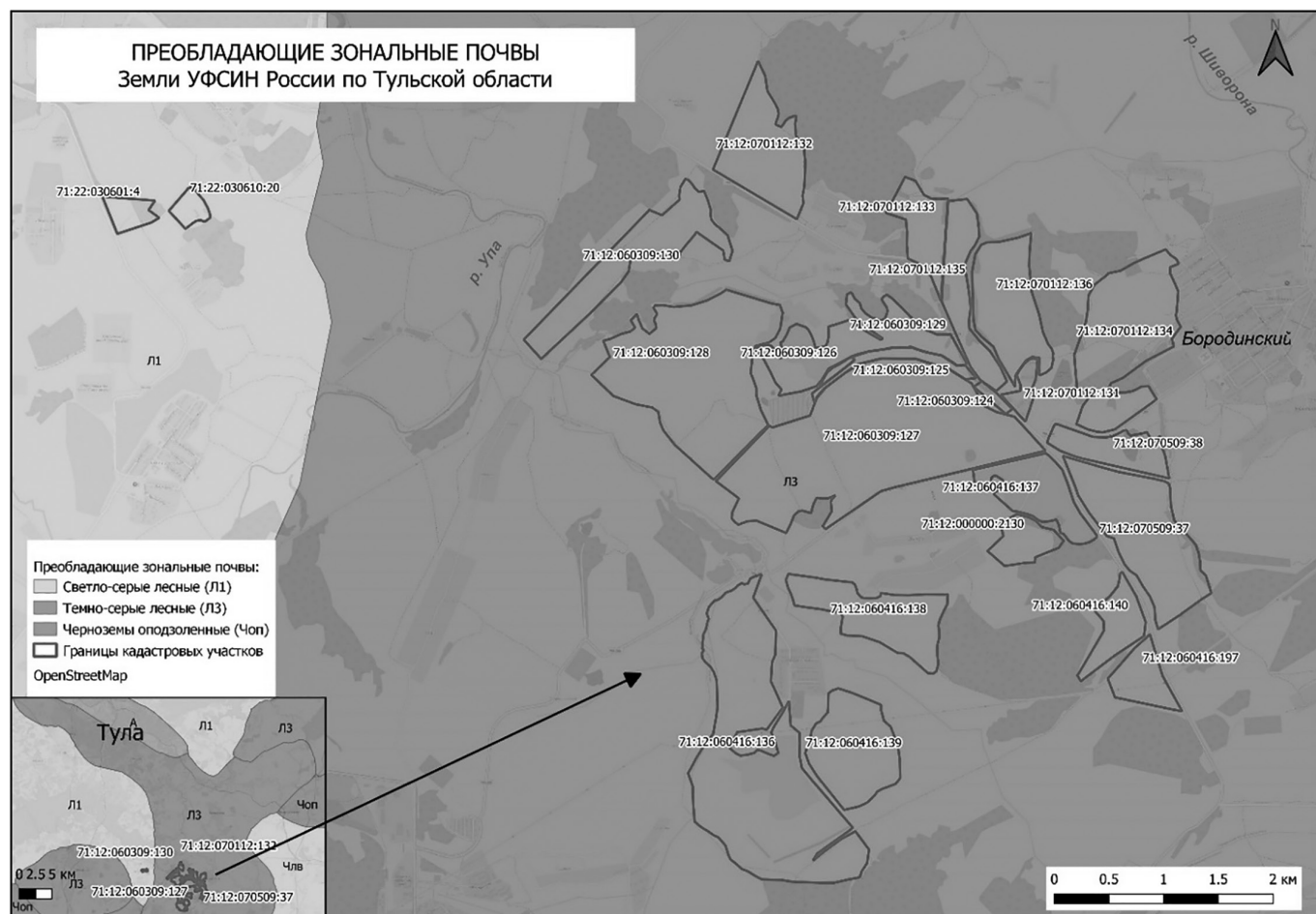
Нормальные технологии, обеспеченные минеральными удобрениями и пестицидами в минимуме.

Интенсивные технологии, рассчитанные на получение планируемого урожая высокого качества в системе непрерывного управления продукционным процессом сельскохозяйственной культуры.

Высокоинтенсивные технологии, рассчитанные на достижение урожайности культуры, близкой к ее биологическому потенциалу с заданным качеством продукции [6].

Учитывая слабую энерговооруженность УФСИН и отсутствие квалифицированных специалистов, предлагаем выбрать нормальные технологии выращивания (таблица 1).

Если в дальнейшем будут присутствовать высокий уровень квалификации специалистов и обеспеченность сельхозтехникой, то возможно будет через некоторое время перейти и на интенсивный путь развития. Но пока, с

Контура кадастровых участков выделенных по данным Росреестра

Рисунок 1. Темно-серые лесные почвы. Классификационный индекс – Л3

Таблица 1. Анализ урожайности в зависимости от интенсивности возделывания

Культура	Возможная урожайность при разных уровнях интенсивности возделывания, ц/га*		
	экстенсивный	нормальный	интенсивный
Озимая пшеница	27	34	49
Яровая пшеница	23	29	42
Ячмень	18	26	36
Овес	25	34	45
Гречиха	8	12	21
Горчица	10	14	17
Соя	12	17	23
Горох	17	22	30
Картофель	190	270	340
Свекла столовая	200	300	400
Морковь	300	500	700
Капуста	300	450	650

учетом всех обстоятельств, для УФСИН рекомендуем только нормальный уровень технологий. Предложив сельскохозяйственные культуры и технологию их возделывания, в дальнейшем необходимо определиться, в какой последовательности будем их выращивать, то есть разработать севооборот (чередование сельхозкультур), в котором выбранные культуры смогли бы проявить свои потенциальные возможности и не мешать друг другу. Задача в этом вопросе усложняется еще тем, что участки земли УФСИН

неоднородны по крутизне склонов и подвержены водной эрозии.

В связи с этим необходимо предложить для УФСИН не один севооборот, а два, один из которых – на плакорных землях, другой – на склоновых – противоэрозионный.

При построении противоэрозионного, почвозащитного севооборота на землях УФСИН на склоновых землях более 5 градусов можно посеять ячмень с подсевом многолетних трав (костер безостый, клевер белый). На второй год это бу-

Таблица 2. Сводная информация по элементам рельефа кадастровых участков

Элемент рельефа	Площадь, га	% от общей площади	Элемент рельефа	Площадь, га	% от общей площади
Водораздел	219.3	15.28	Склон вогнутый 3-5°	5.4	0.37
Субгоризонтальная поверхность	132.1	9.21	Склон гофрированный 3-5°	8.7	0.60
Привершинный водосбор	9.8	0.68	Склон прямой 5-7°	4.4	0.31
Склон прямой 1-3°	232.1	16.17	Склон выпуклый 5-7°	0.5	0.03
Склон выпуклый 1-3°	265.9	18.53	Склон гофрированный 5-7°	22.3	1.56
Склон вогнутый 1-3°	28.2	1.96	Западина	16.6	1.16
Склон волнистый 1-3°	179.8	12.53	Ложбина	0.4	0.04
Выположенный шлейф склона 1-3°	1.5	0.10	Лощина	5.0	0.35
Склон прямой 3-5°	141.4	9.85	ОБК	102.7	7.15
Склон выпуклый 3-5°	59.2	4.12	Всего	1 435.1	100

Таблица 3. Четырехпольный севооборот

№	Наименование
1	Озимая пшеница
2	Соя
3	Озимая рожь
4	Подсолнечник, картофель, рожь

дут травы 1 года пользования, на третий год – 2 года пользования, и так далее.

В дальнейшем почвозащитный эрозийный севооборот можно превратить в выводные поля для длительного выращивания многолетних трав с обновлением один раз в 7 лет. Костер безостый позволит это сделать с легкостью, причем без снижения сбора урожая. Что касается основной плакорной территории УФСИН, то на этих землях, в зависимости от потребности тыловой и производственной служб УИС, предлагаем разместить обычный зерно-пропашной севооборот, но с элементами почвозащиты за счет научно обоснованного чередования сельскохозяйственных культур (таблица 3).

Это позволит не только получать достойные урожаи, но и будет являться своеобразным ядром адаптивно-ландшафтной системы земледелия, так как чередование в севообороте сельскохозяйственных культур, значительно различающихся по биологическим признакам и технологии возделывания (зерновые-пропашные-бобовые), способствует более рациональному использованию питательных веществ из почвы, уменьшению засоренности и поражаемости растений болезнями и вредителями и улучшению всех показателей плодородия почвы химического, физического и биологического порядков [7].

Однако предложенный севооборот не является догмой и может допускать некоторую гибкость в размещении сельскохозяйственных культур, но только при условии, если это будет диктоваться соображениями необходимости УИС и почвозащитными мероприятиями. Подобные планы внутрихозяйственного использования сельскохозяйственных земель желательно создать для каждого территориального органа ФСИН России и ответить на ряд вопросов: нужна ли земля УИС в современных условиях существования; если нужна, то в каком количестве и где, в какой природно-климатической зоне.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosreestr.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Земельные ресурсы СССР. Природно-сельскохозяйственное районирование территории областей, краев и республик. – М., 1990. – 260 с.
4. Метелкин А. С. Миграция тяжелых металлов в цепи почва-растение на прифермских землях с разной степенью загрязнения в центральном районе Нечерноземной зоны России: диссертация кандидата биологических наук: 03.00.16 / [Место защиты: Рос. гос. аграр. заоч. ун-т]. – Москва, 2008. – 180 с.
5. Единый государственный реестр почвенных ресурсов России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://egrpr.esoil.ru> (дата обращения: 01.04.2023).
6. Воспроизводство плодородия почв и их рациональное использование: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора сельскохозяйственных наук, заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики, почетного работника высшей школы Российской Федерации профессора В. П. Ковриго, 24-25 мая 2018 года / Удмурт. федер. исслед. центр Урал. отд-ния Рос. акад. наук, Ижев. гос. с.-х. акад.; [отв. за вып. А. В. Леднев]. – Ижевск: ИЖГСХА, 2018. – 335 с.
7. Щедрин В. Н., Колганов А. В., Васильев С. М., Чураев А. А. Оросительные системы России: от поколения к поколению: монография. – В 2 ч. – Ч. 2. – Новочеркасск: Геликон, 2013. – 307 с.

ХОДКОВСКАЯ Юлия Викторовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и стратегического развития Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЯКОВЛЕВА Радмила Петровна

магистрант программы «Мировая экономика и международный нефтегазовый бизнес» кафедры экономики и стратегического развития Уфимского государственного нефтяного технического университета

РОЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО НЕФТЕГАЗОВОГО РЫНКА

В статье рассматривается роль геополитического фактора в трансформации мирового нефтегазового рынка в историческом и современном контекстах. Представлены основные тенденции формирования новой геоэкономической реальности в условиях санкционной политики, реализуемой Западными странами в отношении России. На основе проведенного анализа обозначены несколько приоритетных направлений развития российской нефтегазовой отрасли для сохранения лидирующих позиций и повышения конкурентоспособности на мировом нефтегазовом рынке.

Ключевые слова: геополитический фактор, мировой нефтегазовый рынок, антироссийские санкции, диверсификация.

KHODKOVSKAYA Yuliya Viktorovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics and strategic development sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

YAKOVLEVA Radmila Petrovna

magister student of the program of World Economy and International oil and gas business of Economics and strategic development sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

THE ROLE OF GEOPOLITICAL CONFLICTS IN THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL OIL AND GAS MARKET

The article examines the role of the geopolitical factor in the transformation of the global oil and gas market in historical and modern contexts. The main trends in the formation of a new economic reality in the context of the sanctions policy implemented by Western countries against Russia are presented. Based on the analysis carried out several priority areas of development of the Russian oil and gas industry have been identified in order to maintain a leading position and increase competitiveness in the global oil and gas market.

Keywords: geopolitical factor, global oil and gas market, anti-Russian sanctions, diversifications.

Вся история существования мирового нефтегазового рынка характеризуется высокой степенью его политизации. Уже в начале XX века крупнейшие индустриальные державы активно реализовывали свое стремление в получении контроля над регионами и странами, обладающими богатыми запасами энергетических ресурсов.

Борьба за нефть стала одним из ключевых аспектов международных противоречий, которые в конечном итоге привели к Первой мировой войне. На рубеже XIX-XX веков из пяти ведущих мировых держав только две - США и Россия имели собственные крупные нефтяные месторождения, тогда как Германия, Англия и Франция, не имея на своих территориях нефтяных источников, зависели от иностранных поставщиков. Неравномерность в географическом размещении нефтяных ресурсов предопределила острое соперничество между державами, внешне проявившееся в международной борьбе за захват нефтяных месторождений и в стремлении подчинить своему влиянию нефтеносные территории более слабых государств. В первые десятилетия XX века одним из главных геополитических проектов западных держав стал развал Османской империи, контролировавшей в Восточном полушарии значительные запасы нефти. Правительства Германии и Великобритании, стремившиеся обеспечить себя солидной нефтяной базой и избавиться от диктата американских нефтяных компаний, выступили основными претендентами на право разработки нефтяных ресурсов Османской империи. Также показательным историческим примером служит Чакская война (1932-1935 гг.) между Парагваем и Боливией за перспективные нефтеносные территории. Самый кровопролитный вооруженный конфликт в Латинской Америке XX-го века был развязан под давлением американской корпорации Standard Oil и британской нефтяной компании Royal Dutch Shell.

Накануне Второй мировой войны топливно-энергетическая база была «ахиллесовой пятой» рвущихся к мировому господству «стран оси» - Германии, Италии и Японии. Одобряя курс на расширение производства материалов из собственного сырья, Гитлер неоднократно повторял, что решить проблему самообеспечения сырьем Германия сможет лишь в ходе борьбы за расширение своего «жизненного пространства». В качестве главного объекта агрессии рассматривался богатый сырьевыми ресурсами Советский Союз [1]. В начале 1950-х годов первым эпизодом санкций против Ирана стал бойкот иранских нефтепродуктов. Поводом к тому послужила национализация «Англо-иранской нефтяной компании» правительством Ирана. Кроме Великобритании к бойкоту присоединились США [2]. Несмотря на всю сложность и многофакторность отношений между Россией и странами Запада, даже в период «холодной войны» для СССР и России никогда не было особых проблем с поставкой нефти и газа в страны НАТО. Курс на эскалацию санкционной войны против России был взят странами «коллективного запада» 21 марта 2022 г. после признания Россией независимости ДНР и ЛНР и начала специальной военной операции (СВО) на Украине 24 февраля 2022 г. Власти США, Европейского союза и ряда других стран ввели новый пакет экономических санкций, продолжив санкционную политику, начатую в 2014 году в связи с возвращением Крыма в состав России.

2022 год ознаменован масштабным валом антироссийских санкций. На момент написания статьи против России принято 10 пакетов санкций. Согласно данным глобальной базы данных мониторинга санкций Castellum.ai общее количество санкций, наложенных на Россию, достигло более 14 000. Россия стала мировым лидером по количеству наложенных санкций, опередив Иран, в отношении которого действовало 4 268 санкций, Сирию (2643 санкций) и Северную Корею

(2133 санкции) [3]. В наложении антироссийских санкций приняли участие около 50 стран, законодательно обозначенных в России «недружественными». Стоит отметить, что важное отличие антироссийских санкций от прочих заключается в специфике их объекта – России – и его влиянии на конъюнктуру мирового рынка. Многочисленные антироссийские санкции явились дестабилизирующим фактором, как для российской экономики, так и для тех стран, которые санкции вводили [4]. Санкционная война, развязанная Соединенными Штатами и их союзниками против России, формирует новую геополитическую и геоэкономическую реальность, существенно трансформирующую мировой нефтегазовый рынок.

Существенную роль геополитического фактора в энергетической сфере по-прежнему определяет неравномерность размещения углеводородных ресурсов по территории планеты и высокой зависимости от них современных экономик. Крупнейшие индустриальные центры потребления энергоресурсов, не обладая их существенной долей, предпринимают разнообразные попытки получения доступа к дешевой энергии. Реализуемый в настоящее время четвертый энергопереход – проект по переходу к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) и ускоренному снижению потребления углеводородов, в силу своей очевидной политической ангажированности, оказался недостаточно технологически и экономически проработанным. Активное навязывание Европейскому союзу (ЕС) идеи энергоперехода в контексте проблем глобального изменения климата, стало одним из основных инструментов США по «отключению» ЕС от российских энергоресурсов и снижению конкурентоспособности продукции европейских компаний, вследствие существенного повышения ее себестоимости. В 2020 году британская нефтегазовая компания British Petroleum (BP) представила три сценария энергоперехода к низкоуглеродной энергетике. Согласно сценарию быстрого энергоперехода (Rapid) мировой спрос на нефть в мировом энергетическом балансе к 2050 году снизится до 14 %, при этом доля возобновляемой энергии вырастет до 45%. По консервативному сценарию (Business-as-usual) в течение 30 лет падение спроса на нефть составит 10 %. В соответствии с самым радикальным из представленных сценариев безуглеродной энергетике (Net Zero) в течение 30 лет потребление нефти совокупно сократится на 80 %. Таким образом, согласно быстрому и консервативному сценарию BP, спрос на нефть никогда больше не восстановится до уровня, существовавшего до пандемии, и пик спроса в 100 млн баррелей в сутки уже был пройден в 2019 г. [5]. В 2022 году страны ЕС приняли предложенный Еврокомиссией план энергетической безопасности REPowerEU, предусматривающий ускоренное строительство ветряных и солнечных электростанций. Однако, стратегия перехода к солнечной-ветровой энергогенерации практически полностью себя дискредитировала. Тяжелая окупаемость «зелёных» технологий, зависимость от силы ветра и количества солнечных дней привели к существенному сокращению выработки электроэнергии на объектах ВИЭ и страны ЕС вынужденно нарастили потребление газа и даже угля [6]. По оценкам международной консалтинговой компании McKinsey & Company, для достижения углеродной нейтральности только на основные отрасли: энергетику, транспорт, промышленность, коммунально-бытовое хозяйство, сельское хозяйство и лесоклиматические проекты – ежегодно до 2050 года потребуется не менее 9,2 трлн долларов США (или суммарно около 250 трлн долларов США). Из них 3,5 трлн долларов США необходимо направить на новые активы с низкими выбросами и сопутствующую инфраструктуру. Просчеты в своей стратегии отказа от нефти и природного газа признали даже нефтегазовые компании, ставшие апологетами ускоренного энергоперехода. Так, BP в феврале 2023 года сообщила о дополнительных инвестициях в размере 8 млрд долларов США в новые проекты добычи, признав, что мир нуждается в нефти и природном газе сильнее, чем компания ожидала ранее. Shell plc также пересмотрела стратегические ориентиры, сделав акцент на долгосрочную стабильность и поддержание добычи, обеспечивающие акционерам более высокую прибыльность по

сравнению с «зелеными» проектами [7]. И хотя Европа не отказывается от идеи энергоперехода и продолжает ввод в эксплуатацию объектов ВИЭ, уровень «зеленой риторики» в последнее время существенно снизился и, по мнению большинства экспертов, нефть и газ будут основными источниками энергии на многие десятилетия вперед.

Сложившаяся обстановка, обострившаяся в военно-политическом и экономическом измерениях, де-факто разрушила систему мировых цен на углеводороды. В настоящее время, одно и то же сырье может иметь разную стоимость в зависимости от региона его реализации. В результате санкционного давления Россия перенаправила весь «выпавший» объем нефти в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) со значительным дисконтом по отношению к котировкам международных бирж на эталонные сорта нефти. Таким образом, после введения санкций против России этот «теневой сегмент» мирового рынка значительно расширился, фактически превратившись в независимую систему международной торговли энергоресурсами, формирующую две изолированные друг от друга системы ценообразования. Реальный баланс спроса и предложения не имеет отражения на биржевых котировках, наблюдается абсолютный приоритет спекулятивной составляющей в деятельности международных товарно-сырьевых бирж, цены на углеводороды колеблются и являются слабо предсказуемыми даже на краткосрочном временном интервале, прогнозы регулярно пересматриваются и зачастую противоречат друг другу. Совокупность вышеобозначенных факторов вследствие роста неопределенности приводит к высокой волатильности мирового нефтегазового рынка, а геополитический фактор является ключевой причиной его фрагментации.

Одним из основных трендов геополитической трансформации мирового нефтегазового рынка, безусловно, является диверсификация экспортных потоков энергоносителей. В течение 2022 года стало очевидным, что внешнеполитическая повестка США во многом определяется продвижением своей экспансии на энергетический рынок Европы и замещением «Газпрома» с его более выгодными для европейского покупателя ценами. В результате работы правительственных структур США поставки российского газа в Европу сократились до исторического в XXI веке минимума 70 млрд м³ газа, на фоне падения трубопроводных поставок российского европейские закупки СПГ из США растут. «В результате отказа от российского газа и отсутствия других источников СПГ важным последствием стала полная зависимость европейской энергетике от поставок энергоресурсов из США. По сути, европейская политика диверсификации источников поставок газа потерпела полный крах», – заявил глава «Роснефти» Игорь Сечин на Петербургском международном экономическом форуме [8]. В то же время в 2022 году сокращение на треть экспортного объема СПГ из Австралии в Китай на рынке заместила Россия.

Введенный с декабря 2022 года странами G7 и Австралией механизм потолка цен не смог существенно ограничить поставки на мировые рынки российской нефти и нефтепродуктов. В докладе Всемирного банка о перспективах развития мировой экономики обозначено, что введенный потолок цен «не является обязывающим ограничителем экспорта» российской нефти и нефтепродуктов, а экспертами Всемирного банка было отмечено, что Россия «изменила пункты назначения экспорта своей нефти без существенного изменения объемов» [9]. Россия смогла перенаправить объемы поставок нефти и нефтепродуктов, «выпавшие» из-за эмбарго Евросоюза и стран G7, в Индию и Китай. Вице-премьер российского правительства Александр Новак сообщил о том, что в 2023 году в Азию перенаправят 140 млн тонн экспорта нефти и нефтепродуктов, ранее эти объемы приходились на Европу [10]. В результате происходящих процессов глобальной реокализации ресурсов и фрагментации международного нефтегазового рынка часть импортеров получили преференции от переориентации поставок российских углеводородов с европейского рынка на рынки Азии и Востока, в том числе, приобретая сырье по дисконтированным ценам, другие импортеры вынужденно искали новых поставщиков и существенно

увеличили расходы на закупку энергоносителей. Рынок Евросоюза интегрируется с энергетическим рынком США, а ранее дефицитный и быстрорастущий рынок Азии испытывает экспортную мощь России.

В сложившейся геополитической обстановке, обострившейся в военно-политическом и экономическом измерениях, сложно предугадать дальнейшее развитие ситуации на мировом энергетическом рынке. Но на сегодняшний день можно констатировать, что российская экономика, как и российская нефтегазовая отрасль, являясь ее неотъемлемой и значимой частью, выстояли, пройдя серьезный «стресс-тест» в новых геополитических и геоэкономических реалиях. «Коллективный запад» не смог добиться и международной изоляции России, ярким подтверждением тому является состоявшийся в период 14-17 июня 2023 года XXVI Петербургский международный экономический форум, участие в котором приняли 14 тысяч человек из 130 стран мира, в том числе главы крупнейших энергетических компаний мира. Россия по-прежнему сохраняет место в числе ведущих экономик мира и остается одним из лидеров мирового энергетического рынка, в связи с чем, стратегия развития нефтегазового рынка России имеет существенное значение в контексте дальнейших тенденций трансформации международного нефтегазового рынка и всей мировой экономики.

На основе проведенного анализа, предлагается несколько приоритетных направлений развития российского нефтегазового сектора для сохранения экономического роста и конкурентоспособности на мировом нефтегазовом рынке.

В условиях всемирного истощения запасов нефти и газа возрастает значение освоения ресурсов Арктического шельфа. Российской Федерации принадлежит самая большая часть континентального шельфа, площадь которой составляет около 5 млн км². По мнению экспертов, запасы российского арктического шельфа к 2050 году могут обеспечить 20-30% добычи нефти. Колоссальные ресурсы полезных ископаемых арктической зоны, локализованные как на континентальном шельфе, так и на суше позволят сформировать стратегическое преимущество России.

Прогнозы развития мировой энергетики традиционно учитывают использование цифровых технологий, так называемой «Индустрии 4.0»: интернет вещей (IOT), искусственный интеллект (ИИ или AI), большие данные (BigData), роботизация (RPA), 3D/4D-печать, виртуальная и дополненная реальности (VR/AR), когнитивные технологии (СТ), облачные технологии, blockchain, цифровые двойники (DT) дистанционный мониторинг (RM). Глобальные тренды внедрения цифровых технологий являются неотъемлемой частью приоритетных задач развития нефтегазовой отрасли. Сложности, связанные с истощением запасов углеводородов, усложнением горно-геологических условий и необходимостью изыскания новых источников освоения ресурсов обуславливают необходимость внедрения принципиально новых технологических решений. Прогнозируемое истощение запасов повлечет удорожание технологий добычи и в конечном итоге повышении цены на нефть. Затраты на открытие новых месторождений могут быть компенсированы увеличением извлечения углеводородов на уже функционирующих. Применение цифровых технологий позволит разрабатывать ранее нерентабельные месторождения с существенным сокращением себестоимости геологоразведки, добычи и переработки углеводородов.

Одним из наиболее значимых направлений развития в процессе диверсификации является выстраивание новой транспортно-логистической системы экспортируемых из России энергоресурсов, и в первую очередь с целью переориентации поставок Российского газа. Особенно остро данная задача стоит после разрушения газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2». В 2022 году помимо утраты «Северных потоков», также были остановлены трубопровод в направлении Финляндии «Выборг — Иматра» мощностью 6,0 млрд м³ и «Ямал — Европа» мощностью 32,9 млрд м³, проходящий по территории четырех стран — России, Белорусии, Польши и Германии. В результате санкционной войны против России и разрушения трубопроводной инфраструктуры в 2022 году произошел обвал экспорта Российско-

го газа в дальнее зарубежье на 46%, снизившись до уровня 100,9 млрд м³ [11]. В сложившихся обстоятельствах одной из первоочередных задач может рассматриваться проект нового газового хаба. В октябре 2022 года президент России В. В. Путин предложил идею создания газового хаба в Турции. К настоящему моменту концепция газового хаба представлена ПАО «Газпром» турецкой стороне [12]. Создание газового хаба в Турции позволит России не только компенсировать утраченный объем транзита газа по остановленным газопроводам, но и может в значительной степени изменить энергетический и экономический ландшафт ЕС. Эффекты от реализации данного проекта являются предметом следующего исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Комшукова О. В. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-v-otnoshenii-irana-tseli-i-posledstviya/viewer> (дата обращения: 14.06.2023).
2. Мировые войны XX века. Кн. 3: Вторая мировая война. - М., 2002. - С. 354.
3. Russia sanctions Dashboard. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 15.06.2023).
4. Тимофеев И. Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. - 2022. - Т. 20. - № 4. - С. 136-152.
5. BP Energy Outlook 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (дата обращения: 14.06.2023)
6. Энергопереход пошел не по плану. Ведомости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/14/886670-energy-perhod-planu> (дата обращения: 15.06.2023).
7. Спасайся кто может. Глава Роснефти И. Сечин выступил на Энергетической панели в рамках ПМЭФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/companies/783898-spasaysya-kto-mozhet-glava-rosnefti-i-sechin-vystupil-na-energeticheskoy-paneli-v-ramkakh-pmef> (дата обращения: 18.06.2023).
8. Сечин заявил о полной зависимости Европы от энергоресурсов США после отказа от газа из РФ. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18046551> (дата обращения: 18.06.2023).
9. Global Economy on Precarious Footing Amid High Interest Rates. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/06/06/global-economy-on-precarious-footing-amid-high-interest-rates?intcid=ecr_hp_headerL_en_ext (дата обращения: 18.06.2023).
10. Россия перенаправит в Азию свыше 60% нефти, поставлявшейся в Европу. Коммерсант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5954853> (дата обращения: 15.06.2023).
11. Сафонова Т. Ю. Перспективы развития евразийской интеграции в области расширения экспортных грузопотоков российского газа в дружественные страны на фоне эскалации энергетического кризиса в мире // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. - 2023. - № 17 (1). - С. 64–75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-64-75> (дата обращения: 17.06.2023).
12. «Газпром» представил Турции свою концепцию газового хаба. РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/648316019a79476749df916d> (дата обращения: 17.06.2023).

АЛЕХИН Даниил Сергеевич

магистрант Астраханского государственного технического университета

ПЕРЕПЕЧКИНА Елена Геннадьевна

кандидат экономических наук, доцент Астраханского государственного университета

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Программно-целевое управление является формой реализации государственного управления региональной экономикой. В такой ситуации осуществление отраслевого управления и развития может осуществляться с использованием кластерного подхода, способствующего формированию «полюсов роста» региональной экономики. Использование данного подхода позволяет осуществлять управление на основе мониторинга достижения целей, разработанных в рамках программ.

Ключевые слова: кластеры, экономика, управление, сетевизация, регионы, развитие.

ALEKHIN Daniil Sergeevich

magister student of the Astrakhan State Technical University

PEREPETCHKINA Elena Gennadjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Astrakhan State University

CLUSTERING AS A TOOL FOR CREATING A REGIONAL ECONOMIC MANAGEMENT SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Program-target management is a form of implementation of state management of the regional economy. In such a situation, the implementation of sectoral management and development can be carried out using a cluster approach that contributes to the formation of "growth poles" of the regional economy. The use of this approach allows for management based on monitoring the achievement of goals developed within the framework of programs.

Keywords: clusters, economy, control, networking, regions, development.

Программно-целевое управление является формой реализации государственного управления региональной экономикой, в рамках которого приоритетной задачей можно считать контроль за расходованием высвобождаемых бюджетных средств, направляемых на инвестирование в определённую отрасль или сферу, определяемую индикаторами, а также минимизация затрат вследствие потерь от нерационального использования бюджета.

В такой ситуации осуществление отраслевого управления и развития может осуществляться с использованием кластерного подхода, способствующего формированию «полюсов роста» региональной экономики. Создание кластеров, как элементов экономической системы позволяет формировать структурные блоки анализа, для разработки комплексных стратегий регионального развития в рамках программно-целевого управления.

Таким образом, механизм кластерного взаимодействия, стоит во главе сетевого развития экономики, представляют объединенные группы участников определенных отраслевых рынков, цель которых увеличить эффективность деятельности собственного кластера, а в совокупности, повысить эффективность программно-целевого управления экономикой территорий.

Эффективными взаимодополняемыми субъектами партнерства выступают государство и бизнес. Одним из вариантов сотрудничества на основе кластеризации может выступать государственно-частное партнерство. Каждый из партнеров заинтересован в функционировании

кластера и получает от него различного рода преференции.

Так, государство предоставляет бизнес-структурам государственные гарантии в сфере частного капитала. Бизнес-структуры, в свою очередь, способствуют решению социально-экономических задач, возложенных на государство. Помимо использования ресурсов друг друга, кластеры относительно локальны, что способствует неформальному обмену знаниями и опытом [3]. Процесс формирования кластера можно представить в соответствии с рисунком 1.

Первый этап формирования кластера подразумевает:

- анализ рынка и отрасли в целом;
- определение потребности в формировании кластера;
- выявление слабых и сильных сторон в деятельности участников определенной отрасли;
- проведение анализа нормативно-правовой отраслевой базы.

Диагностика потенциального кластера предполагает, во-первых, подтверждение соответствия имеющимся требованиям к кластеризации; во-вторых, составление карты кластера.

Далее проводится анализ, и оценка результатов кластерной сетевизации и в заключение определяются связи между бизнес-структурами в формирующемся кластере [1]. Второй этап формирования кластера включает:

- определение будущих участников кластера;
- формулирование корпоративной стратегии создания и развития кластера и т.д.

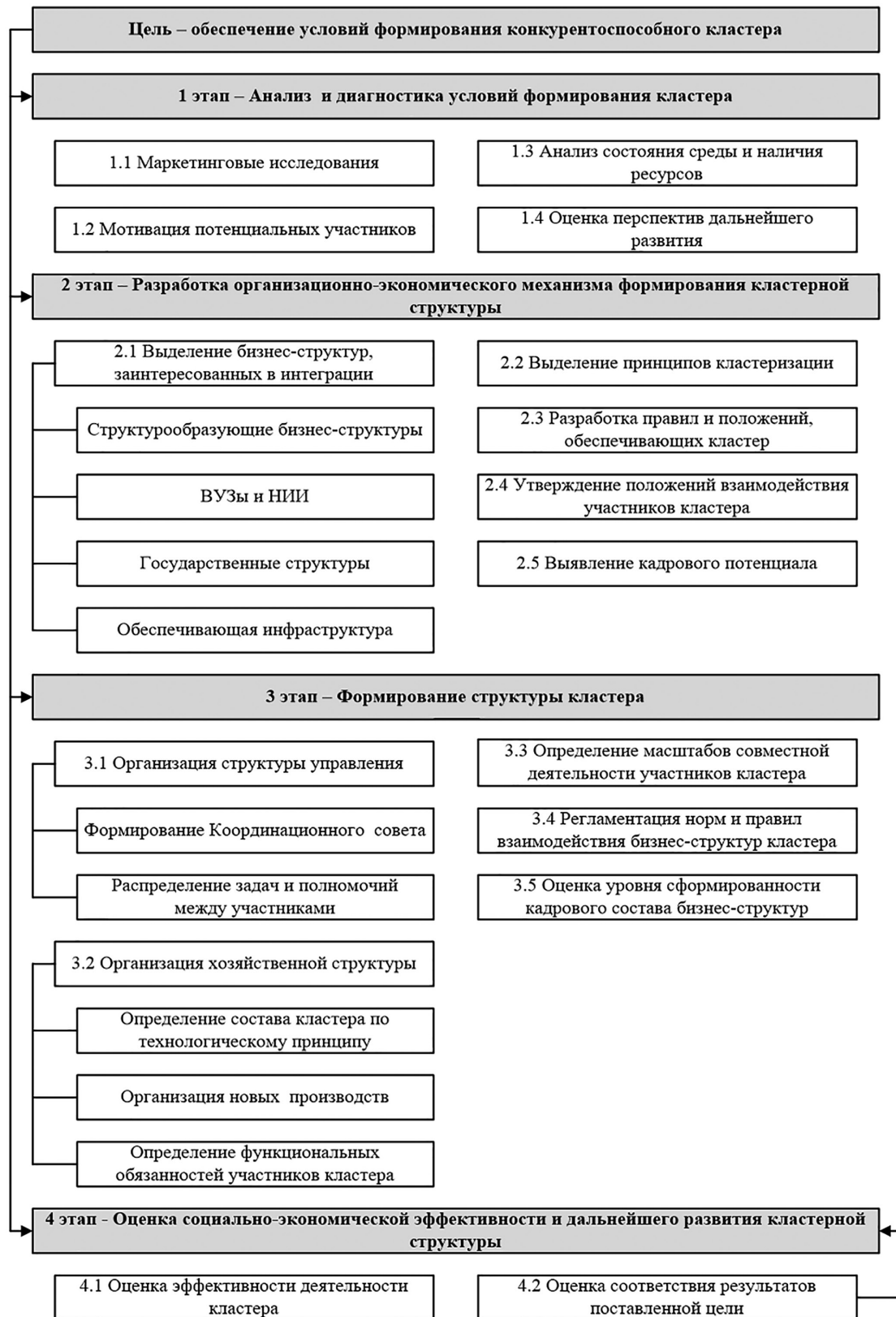

Рисунок 1. Этапы формирования кластера

Третий этап формирования кластера характеризуется установлением организационной структуры кластера, рамок совместной деятельности, правил и норм взаимодействия субъектов кластера.

На четвертом, заключительном этапе, происходит оценка социально-экономической эффективности от

создания кластера. Для повышения эффективности и результативности процесса кластеризации отраслей в рамках социально-экономического развития Астраханской области необходимо соблюдение ряда аспектов и принципов, наглядно представленных в соответствии с рисунком 2.

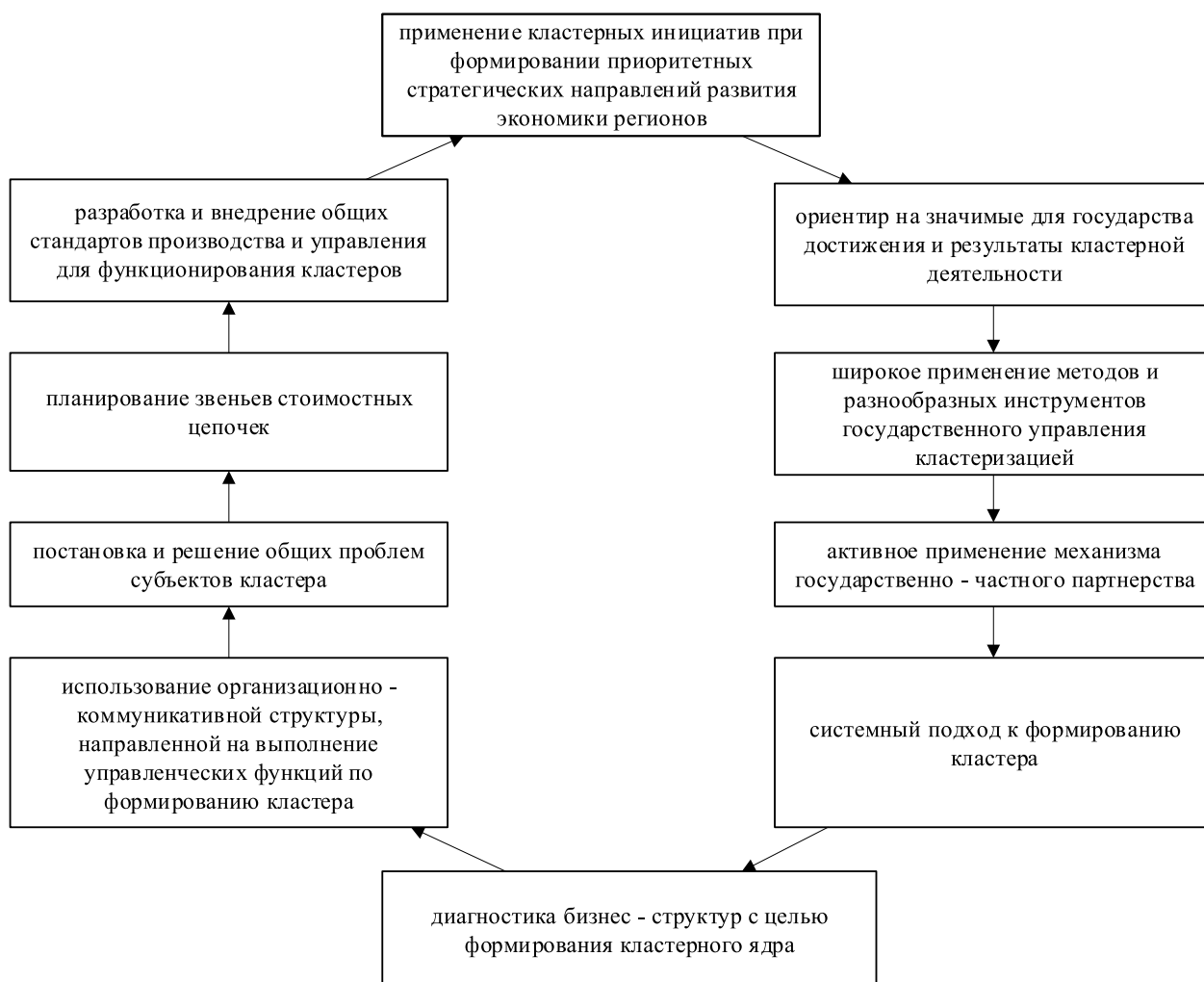

Рисунок 2. Предпосылки, формирующие кластерный подход развития экономики в Астраханской области

Необходимо отметить, что эффективность функционирования кластера зависит и от соблюдения следующих принципов:

- вертикальной интеграции субъектов бизнеса, как участников кластера;
- создание кооперации в отношениях участников кластера;
- формирование общей социальной и производственной среды для функционирования кластера;
- создание отраслевой специализации на национальном и региональном уровне;
- инновационная активность и взаимодействие с образовательными и научно-исследовательскими учреждениями.

В связи со специфичностью развития отечественной экономики, особое влияние на механизм функционирования кластеров оказывают инструменты государственного регулирования. В зависимости от видовой принадлежности кластера используют определенную форму государственной поддержки. Например, уже сформированным кластерам необходима лишь информационная поддержка, когда для кластера, зарождающегося требуется прямая поддержка, предполагающая создание определенной инфраструктуры.

Наиболее удобной формой отслеживания развития кластеров является индикативное управление, основан-

ное на разработке индикаторов, позволяющих отслеживать ключевые показатели работы кластера. Модель системы государственного стратегического управления на основе индикаторов представлена в соответствии с рисунком 3.

Использование данного подхода позволяет осуществлять управление на основе мониторинга достижения целей, разработанных в рамках программ.

В результате формируются приоритетные направления стратегического развития, якорные приоритеты, способствующие разработке мер по привлечению внешних и внутренних инвестиционных потоков. В качестве основных инструментов программно-целевого управления на основе индикаторов можно выделить:

1. Налоговые преференции (в том числе создание особых экономических зон для стартапов);
2. Льготное кредитование (осуществляемое в том числе в рамках сотрудничества банковской сферы и государства);
3. Государственные инвестиции (предоставление ссуд, субсидий и дотаций в рамках мер государственной поддержки);
4. Таможенные преференции (для ввозимого оборудования в рамках реализации наукоёмких производств, или иных стратегически важных объектов экономики).

Рисунок 3. Модель системы стратегического управления на основе индикаторов

Для успешного управления социально-экономическим развитием Астраханской области в условиях кластерного подхода необходимо осуществление государственной поддержки в рамках существующих кластерных систем для ключевых промышленных и социальных направлений.

В современных условиях кластеры – это не просто объединения субъектов экономики по принципу отраслевой общности, но и площадка для развития и внедрения цифровых технологий в общую систему управления. При этом, для развития кластеров могут применяться цифровые технологии различной направленности, цель у которых одна – обеспечить устойчивое развитие кластера как системообразующего экономического элемента.

Пристатейный библиографический список

1. Гичиев Н. С. Кластерный анализ в экономике: теоретический аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2020. – № 8 (118). – С. 176-186.
2. Демичев В. В., Маслакова В. В., Нестратова А. А. Кластеризация регионов России по уровню эффективности сельского хозяйства // Бухучёт в сельском хозяйстве. – 2020. – № 12. – С. 58-66.
3. Исаев В. Г., Протасов Ю. М., Юров В. М. Кластеризация организаций высшего образования московского региона по результатам мониторинга их дея-

тельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 1. – С. 93-101.

4. Костина С. Н., Трынов А. В. Кластерный анализ динамики рождаемости четвертых и последующих детей в регионах Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 232-245.
5. Кузнецов В. Н. Применение кластерного анализа для оценки транспортной системы регионов РФ // Университетская наука. – 2020. – № 1 (9). – С. 71-73.

ВИТЯЗЕВА Анна Андреевна

аспирант кафедры международных финансов факультета Международных экономических отношений МГИМО (У) МИД России

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА «ЗЕЛЕНОГО» ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу текущего состояния рынка «зеленого» финансирования в России. Несмотря на то, что рынок «зеленого» финансирования в России находится на начальном этапе развития, «зеленые» финансовые инструменты приобретают все большую популярность, ESG-повестка не теряет своей актуальности несмотря на ухудшение геополитической обстановки и частичный разрыв связей с зарубежными контрагентами. Цель исследования – определить дальнейшие перспективы развития рынка «зеленого» финансирования с учетом изменившихся внешних условий. В работе делается вывод о возможных направлениях и тенденциях развития «зеленого» финансирования в России.

Ключевые слова: зеленые финансы, зеленое финансирование, зеленая экономика, устойчивое развитие, зеленые облигации, зеленые кредиты.

VITYAZEVA Anna Andreevna

postgraduate student of International finance sub-faculty of the Faculty of International Economic Relations of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

GREEN FINANCE MARKET IN RUSSIA: PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article is devoted to the analysis of the current state of the green finance market in Russia. Despite the fact that the green finance market in Russia is at the initial stage of development, “green” financial instruments are becoming increasingly popular, ESG agenda does not lose its relevance despite the current geopolitical situation and the partial breakdown of relations with foreign counterparties. The purpose of the study is to determine the future prospects for the development of green finance market, taking into account the changed external conditions. The paper concludes on the possible directions and trends in the development of green finance in Russia.

Keywords: green finance, green financing, green economy, sustainable development, green bonds, green loans.

Вопросами глобального изменения климата и борьбы с его негативными последствиями на общенациональном уровне в Российской Федерации начали заниматься еще с 2009 года, когда была принята Климатическая доктрина Российской Федерации. Согласно Климатической доктрине, решение проблемы глобального изменения климата относится к приоритетам политики Российской Федерации, целью которой является обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации, включая институциональный, экономический, экологический и социальный, в том числе демографический, аспекты развития в условиях изменяющегося климата и возникновения соответствующих угроз [6]. Также, согласно Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, разработанному Минэкономразвития России, государственная политика в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года ориентирована на решение социально-экономических задач, обеспечивающих низкоуглеродное устойчивое развитие, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов, реализацию права каждого человека на благоприятную окружающую среду, при этом постепенный переход к «зеленой» экономике будет осуществляться посредством реализации законодательных, институциональных и финансово-экономических мер, направленных на увеличение энергоэффективности и расширение использования возобновляемых источников энергии, а также реализации мер стимулирования выбросов, образования и утилизации отходов [2]. В Энергетической стратегии

Российской Федерации на период до 2035 г. зафиксированы еще более амбициозные цели: сократить объем выбросов парниковых газов 2035 на 70-75 % по сравнению к объему выбросов в 1990 [8].

Основными инструментами на рынке «зеленого» финансирования как в России, так и в других странах мира являются «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты. Если эмиссия «зеленых» облигаций сопровождается предоставлением прозрачной и открытой информации, то с «зелеными» кредитами в нашей стране ситуация совершенно иная: информация носит конфиденциальный характер, оценки ESG-кредитов являются примерными, основываются лишь на фрагментарных данных, имеющих публичное подтверждение. По оценкам суммарный объем рынка «зеленого» кредитования в России составляет 1,85 трлн руб. [5]. Препятствием для дальнейшего развития российского рынка «зеленого» финансирования является недостаточная прозрачность зеленого портфеля банковского рынка, непрозрачность информации об использовании полученных средств, отсутствие обязательного характера раскрытия информации о структуре «зеленого» портфеля, ввиду чего возникают трудности не только с оценкой суммарного объема ESG-кредитования в России, но и с доверием со стороны других игроков рынка. Помимо этого, развитию ESG-банкинга препятствует и отсутствие стимулов и поддержки со стороны государства: субсидирование ставок по кредитам, снижение коэффициентов резервирования, рисков и надбавок для уменьшения давления на капитал. Развитию «зеленого» банкинга могла бы способствовать договоренность между крупнейшими российскими

банками о добровольном формате отчетности, в которой бы раскрывались общие параметры зеленого или ESG-портфеля по объемам, динамике, отраслевым профилям и используемой таксономии, а также введение единообразного подхода к присвоению проектам статуса «зеленый».

Что касается «зеленых» облигаций, то несмотря на изменение условий ведения бизнеса и обострение геополитической обстановки, рынок продолжил развиваться. В 2022 г. пять российских эмитентов осуществили семь выпусков облигаций в формате устойчивого развития суммарным объемом более 106 млрд руб., что в 2 раза меньше, чем в 2021 г. В 2018–2022 гг. состоялось 40 выпусков зеленых, социальных и иных целевых облигаций в формате устойчивого развития российских эмитентов и их иностранных дочерних компаний суммарным объемом 524,57 млрд руб., при этом именно на «зеленые» облигации пришлось большая часть – 394,99 млрд руб. [5]. Согласно прогнозу, сделанному в июне прошлого года государственной корпорацией «ВЭБ.РФ», объем рынка ответственного финансирования к 2030 г. может достичь 16,5 трлн рублей [5]. Хотя и наблюдается спад в отношении количественных показателей, выражены и позитивные изменения, например, в 2022 г. в России заработала система верификации инструментов устойчивого развития, также на СПБ Бирже начал функционировать Сектор ESG, вступили в действие обновленные Стандарты эмиссии ценных бумаг, в которых Банк России расширил перечень ESG-облигаций, добавив к ранее существующим «зеленым», социальным и облигациям устойчивого развития следующие новые виды: адаптационные облигации, облигации климатического перехода, облигации, привязанные к целям устойчивого развития [3]. Однако пока что (по состоянию на начало 2023 г.) эмиссия ценных бумаг новых видов не осуществлялась. В ближайшей перспективе стоит ожидать выхода на рынок новых инструментов, а также новых эмитентов на фоне расширения перечня финансовых инструментов устойчивого развития и «зеленых» и адаптационных проектов, при этом необходимым условием является господдержка и отсутствие внешних шоков. Также играет роль и отсутствие «гринума», ограничивающее потенциал рынка, поскольку у реального сектора отсутствует мотивация привлекать «зеленое» финансирование.

Основной из основных рекомендаций для успешного функционирования российского рынка «зеленого» финансирования и расширения его масштабов является законодательное закрепление ESG-концепции и требование следовать ей. В связи с чем основной задачей на данный момент является переработка первоначального варианта (который был составлен впервые более пяти лет назад) федерального закона о нефинансовой отчетности с учетом изменившихся новых реалий. Отсутствие основополагающих нормативно-правовых рамок препятствует возможности проведения анализа такой отчетности, способствует разрозненности подходов к раскрытию соответствующей информации, препятствует оценке степени достижения обозначенных целей. На фоне постепенной гармонизации мировых стандартов нефинансовой отчетности и все большего ужесточения обязательной нефинансовой отчетности в юрисдикциях, России крайне

важно в ближайшем будущем принять закон о публичной нефинансовой отчетности в целях повышения инвестиционной привлекательности, укрепления доверия к российским компаниям, в первую очередь экспортирующим, расширения внешнеэкономических связей с дружественными странами, активно развивающими климатическую повестку, минимизации климатических рисков, а также для расширения доступа к рынкам и капиталам. Принятие закона о нефинансовой отчетности крайне важно и для развития отношений с дружественными странами: так, по данным Kept, доля компаний из топ-100, которые публикуют ESG-отчетность в регионе АТР составляет 84 %, в том время как в Европе – 77 % [1].

Как отмечает Банк России, решение вопросов устойчивого развития значимо для полноценного выстраивания отношений с зарубежными партнерами из числа дружественных стран, которые также активно развиваются вопросами устойчивого развития, особенно в части «зеленой» повестки, ввиду чего необходимо продолжать работу по данному направлению [7]. Основные стратегические партнеры России, такие как Китай, публично заявляют, что экономическое сотрудничество и внешнеторговые связи в дальнейшем будут строиться с учетом «углеродного баланса». Климатическая повестка в дружественных странах развивается весьма быстрыми темпами, регуляторные требования для российского экспорта на рынках стран-партнеров продолжают ужесточаться: так, например, Индия к концу 2023 г. планирует запустить добровольный углеродный рынок, в дальнейшем с большой вероятностью будет введена обязательная система ограничений выбросов (квот), в Китае успешно функционирует национальная система торговли выбросами (ETS), запущенная в 2021 г., разработан план по достижению пика выбросов парниковых газов к 2030 г., а к 2060 г. – углеродной нейтральности, активно развивается национальная система «зеленого» финансирования, функционирует совместная с Евросоюзом таксономия зеленых проектов, объем рынка «зеленых» облигаций является вторым в мире после США. Согласно отчету Kept (бывший KPMG Russia), среднегодовые издержки от углеродного регулирования российского экспорта в Азию и на Ближний Восток (а именно Китай, Турцию, Индию, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Израиль, Гонконг, Малайзию) могут составить 875 млн долл. США, при этом 78 % придется на Китай и Турцию. Это еще раз подчеркивает необходимость как развития национального углеродного рынка, так и более активное внедрение ESG-принципов в существующие бизнес-модели российских компаний с целью соответствия ужесточающимся требованиям контрагентов. В рамках ЕАЭС также наблюдается активное становление углеродного регулирования. Так, Россия является инициатором по созданию добровольного рынка углеродных единиц в рамках ЕАЭС, для чего необходимо договориться об общих стандартах и определить систему верификации. Весьма вероятно, что в обозримом будущем продолжится активное развитие российского углеродного рынка в направлении развития национальной системы углеродного регулирования и системы биржевой торговли углеродными единицами, поскольку на фоне постепенного введения трансграничного углеродного регулирования и расширения сферы его влия-

ния неизбежно будет оказывать существенное влияние на российских экспортеров, особенно на производителей сырья, топлива и материалов, а также активного развития климатической повестки в дружественных странах, прежде всего в Китае, являющемся основным внешнеторговым партнером Российской Федерации, России необходимо своевременное создание условий для эффективного функционирования рынка углеродных единиц с целью минимизации рисков как для экономики, так и для финансового сектора.

Обобщая вышесказанное, стоит сказать о том, что несмотря на то, что в 2022 г. на фоне санкционного давления, разрыва экономических связей с западными партнерами, а также нестабильной политической обстановки ESG-повестка сохраняет свою важность для нашей страны. Дальнейшему эффективному развитию рынка устойчивого финансирования в целом и «зеленого» финансирования в частности препятствует ряд проблем, среди которых выделяется недостаточная развитость нормативно-правовой базы и интеграция ESG-концепции в законодательную систему нашей страны, а также отсутствие единого стандарта предоставления нефинансовой отчетности и необходимости ей следовать. Помимо этого, рассматривая ключевые инструменты рынка, такие как «зеленые» кредиты и облигации, стоит упомянуть о проблемах российского «зеленого» банкинга: непрозрачности рынка, отсутствия единого стандарта выдачи «зеленых» кредитов, высокая концентрация, закрытость информации о «зеленом» портфеле. Ситуация также осложняется санкциями в отношении России, ограничением доступа к зарубежным «зеленым» технологиям, нехваткой стимулов со стороны государства, недостаточным пониманием необходимости следовать ESG-концепции. Вероятно, в ближайшем будущем особое внимание со стороны государства будет уделяться вопросу развития собственных «зеленых» технологий на фоне ограничения доступа к зарубежным. Говоря о перспективах основных инструментов рынка «зеленого» финансирования, то развитию «зеленого» банкинга могла бы поспособствовать договоренность между крупнейшими российскими банками о добровольном формате отчетности, и, а также введение единообразного подхода к присвоению проектам статуса «зеленый». Что касается «зеленых» облигаций, то в ближайшей перспективе стоит ожидать выхода на рынок новых инструментов, а также новых эмитентов на фоне расширения перечня финансовых инструментов устойчивого развития и «зеленых» и адаптационных проектов, при этом необходимым условием является стимулирование со стороны государства.

Пристатейный библиографический список

1. «Имиджевая составляющая потеряет значение, инвестировать в ESG продолжат те, кому это действительно нужно». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mustread.kept.ru/interviews/imidzhevaya-sostavlyayushchaya-poteryaet-znachenie-investirovat-v-esg-prodolzhat-te-komu-eto-deystvi/> (дата обращения: 12.03.2023).
2. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/.
3. Банк России расширяет линейку инструментов финансирования устойчивого развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14327> (дата обращения: 12.03.2023).
4. В ESG-повестке необходим проактивный подход. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bosfera.ru/bo/v-esg-povestke-neobhodim-proaktivnyy-podhod> (дата обращения: 12.03.2023).
5. Ежегодный доклад «ESG, декарбонизация и зеленые финансы России 2022» Источник: экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» ИНФРАГРИН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.infragreen.ru (дата обращения: 12.03.2023).
6. Климатическая доктрина Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94992/909fe05faf4cc71c8a6b79408d600dcb73cc272e/.
7. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf (дата обращения: 12.03.2023).
8. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/1026?accessible-color=1>.

ГАДИРОВ Амад Аллахверан оглы

магистр Московского государственного института международных отношений МИД (У) России

ПЕРЕХОД К ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОЙ И РЕСУРСОБЕРЕГАЮЩЕЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

Сегодня в международной энергетической повестке часто встречается вопрос низкоуглеродной энергетики и ее развития. Эта тематика активно освещается не только в научной литературе, но и в рамках международных мероприятий и саммитов, при этом в ее современной форме она сформировалась в 2015 году в рамках Парижского соглашения. Отметим, что подходы к проблеме низкоуглеродной энергетики несмотря на активное освещение в научной литературе не исчерпали себя и продолжают активно исследоваться в российской и зарубежной научной среде, так как обладают большим потенциалом сопряжения с сопредельными областями научного знания. В статье представлен историографический обзор вопроса низкоуглеродной энергетики, литературный анализ проблемных тем и белых пятен тематики развития низкоуглеродной энергетики и анализ российских подходов к этому вопросу. Представлен разбор Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, в рамках которого проведен анализ той ее части, которая касается развития экологичной энергии. Среди основных результатов исследования выделяется: доказательство большого количества неисследованных элементов темы, высокой значимости низкоуглеродной энергетики для развития отрасли в целом; выявление основных теоретико-практических направлений развития низкоуглеродной энергетики в России с учетом специфики энергетической отрасли в стране. К ограничениям исследования, продиктованным его природой и задачами, стоит отнести отсутствие обзора статистических источников, однако это ограничение не влияет на раскрытие задач исследования.

Ключевые слова: энергетический переход, низкоуглеродная энергетика, зеленая энергетика, устойчивое развитие, экология.

GADIROV Amal Allahveran ogly

master of the Moscow State Institute of International Relations (U) of the MFA of Russia

TRANSITION TO ENVIRONMENTALLY FRIENDLY AND RESOURCE-SAVING ENERGY

Today, the issue of low-carbon energy and its development is often found on the international energy agenda. This topic is actively covered not only in the scientific literature, but also in the framework of international events and summits, while in its modern form it was formed in 2015 under the Paris Agreement. It should be noted that approaches to the problem of low-carbon energy, despite active coverage in the scientific literature, have not exhausted themselves and continue to be actively explored in the Russian and foreign scientific environment, as they have a great potential for conjugation with adjacent areas of scientific knowledge. The article presents a historiographical review of the issue of low-carbon energy, a literary analysis of problematic topics and white spots in the development of low-carbon energy, and an analysis of Russian approaches to this issue. An analysis of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation is presented, within the framework of which an analysis of that part of it that relates to the development of green energy is carried out. Among the main results of the study stands out: proof of a large number of unexplored elements of the topic, the high importance of low-carbon energy for the development of the industry as a whole; identification of the main theoretical and practical directions for the development of low-carbon energy in Russia, considering the specifics of the energy industry in the country. The limitations of the study, dictated by its nature and objectives, include the lack of a review of statistical sources, but this limitation does not affect the disclosure of the objectives of the study.

Keywords: energy transition, low-carbon energy, green energy, sustainable development, ecology.

Введение

Вопросы сохранения окружающей среды в условиях экономического прогресса поднимались в зарубежных странах начиная с 1970-х годов. Одной из основополагающей в этом вопросе стала конференция по проблемам окружающей среды в 1972 году в Стокгольме. На конференции был представлен доклад Римского клуба «Пределы роста», в котором впервые поднимались вопросы исчерпания природных ресурсов и озвучена концепция устойчивого развития. Следующим значимым мероприятием, посвященным нехватке ресурсов и экологическому ценообразованию, стала конференция ОЭСР по экономике и окружающей среде, организованная в начале 1980-х. По результатам этих двух конференций практически все страны ОЭСР учредили министерства охраны окружающей среды и приняли новаторское законодательство в этой области.

В 1987 году была создана Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию. Целью комиссии являлось объединить страны для совместной работы и обеспечения устойчивого развития, а также рассмотреть пути и средства, с помощью которых международное сообщество может более эффективно решать экологические проблемы.

В 1992 году в Рио-де-Жанейро прошла Конференция ООН по окружающей среде и развитию (также известна как саммит Земли). Одним из результатов конференции стало соглашение по Рамочной конвенции об изменении климата (РКИК), которое привело к подписанию Киотского протокола и Парижского соглашения. Конвенция была подписана более 180 странами, включая страны бывшего СССР. В Рио также была подписана и утверждена Декларация по окружающей среде и развитию, состоящая из 27 пунктов. В ней прописаны обязательства стран по основным принципам достижения устойчивого развития и безопасного будущего.

Киотский протокол был принят 11 декабря 1997 года и вступил в силу 16 февраля 2005 года. Главной целью соглашения является стабилизация уровня концентрации парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему планеты¹.

В 2015 году взамен Киотского протокола было подготовлено Парижское соглашение, которое было подписано в апреле 2016 года. Целью соглашения стало существенное сокращение глобальных выбросов парниковых газов и ограничение повышения глобальной температуры в этом столетии до 2 градусов Цельсия при одновременном поиске средств для еще большего ограничения этого повышения до 1,5 градуса. Соглашение предусматривает принятие всеми странами на себя обязательств по сокращению своих выбросов и осуществление совместной работы по адаптации к последствиям изменения климата, а также призывает страны укреплять свои обязательства с течением времени².

Каждая сторона Парижского соглашения должна разработать план действий по сокращению выбросов и адаптации к изменению климата (ОНУВ) и обновлять его каждые пять лет.

В своих ОНУВ страны устанавливают целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов, обуславливающих изменение климата, и адаптации к последствиям изменения климата. Эти планы определяют порядок достижения целевых показателей и содержат детально проработанные механизмы мониторинга и проверки хода их достижения, чтобы этот процесс не отклонялся от графика.

В 2018 году делегаты КС-24, которая была организована в Катовице (Польша), приняли свод правил, конкретизирующих порядок осуществления Парижского соглашения. В 2023 году в ходе первого раунда «глобального подведения итогов» планируется оценить прогресс в достижении целей Парижского соглашения.

Обзор литературы

Обзор международных источников показал, что вопрос перехода к низкоуглеродной экономике в странах Запада освещен весьма подробно. Поиск проводился по словосочетанию low carbon economy в различных вариациях.

Например, на сайте Международного валютного фонда приведен ряд научных работ, посвященных вопросам перехода к низкоуглеродной энергетике с точки зрения финан-

совых вопросов (инвестиции, финансовое регулирование и т.д.), в частности: Вернон Н.³, Хенгте Мартин⁴.

На сайте Лондонской школы экономики и политической науки опубликован ряд работ, посвященных вопросам экономики перехода к низкоуглеродной энергетике, например: Андерсон Джулиус Дж.⁵, Финнеган Джаред Дж.⁶

На сайте Researchgate.net также выложено множество научных публикаций (включая диссертационные работы) на тему низкоуглеродной экономики, включая: Сунь Чжоу⁷.

Публикации охватывают тему низкоуглеродной экономики с точки зрения разных аспектов – политических, экономических, технологических и т.д.

Исходя их обзора, можно заключить, что поскольку тема перехода к низкоуглеродной энергетике довольно популярна в международной повестке, она является достаточно проработанной с научной точки зрения. Тем не менее, судя по тому, что в 2023 появляются новые публикации по разным аспектам низкоуглеродного перехода, тема вероятно не исчерпала себя и есть потенциал дальнейшего научного развития.

Обозначенные нами выше выводы могут быть подтверждены существованием обширной русскоязычной литературы, посвященной теории и практике импlications подходов, присущих низкоуглеродной энергетической отрасли, а также функционированию практик и подходов в масштабах мировой экономики. Широта исследований подтверждается разработкой учебников и монографий, изданных за последние годы в МГИМО МИД РФ [4], [5], что обозначает постановку изучения характерных параметров низкоуглеродной энергетике в рамках учебных и практических курсов высшего образования в России.

В 2016 году была утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, одним из направлений которой стал переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья,

1 David Runnalls, «Environment and Economy: joined at the hip or just strange bedfellows?». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/sapiens/1150> (дата обращения: 20.05.2023).

2 Сайт ООН, статья «Парижское соглашение». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 20.05.2023).

3 Vernon, N. Fiscal Policy Options to Accelerate Emissions Reductions in Belgium. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/selected-issues-papers/Issues/2023/03/03/Fiscal-Policy-Options-to-Accelerate-Emissions-Reductions-in-Belgium-Belgium-530525> (дата обращения: 20.05.2023).

4 Hengge, Martina Carbon Policy Surprises and Stock Returns: Signals from Financial Markets. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/01/27/Carbon-Policy-Surprises-and-Stock-Returns-Signals-from-Financial-Markets-528644> (дата обращения: 20.05.2023).

5 Andersson Julius J. The environmental and distributional effects of carbon taxes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etheses.lse.ac.uk/4081/> (дата обращения: 20.05.2023).

6 Finnegan Jared J. Low carbon for the long term: essays on the comparative political economy of climate change policy. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etheses.lse.ac.uk/3995/> (дата обращения: 20.05.2023).

7 Xun Zhou. Low-Carbon Transition: How Successful and at What Cost? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/350451345_Low-Carbon_Transition_How_Successful_and_at_What_Cost (дата обращения: 20.05.2023).

формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии (пункт 20 б Стратегии)⁸.

Для реализации Стратегии в январе 2018 года Правительство РФ утвердило «Положение о создании и функционировании советов по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации», в рамках которого были созданы советы по приоритетным направлениям технологического развития с целью выявления, отбора, формирования и мониторинга реализации:

- комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла (далее – программы),
- комплексных научно-технических проектов полного инновационного цикла (далее – проекты), а также с целью экспертного и аналитического обеспечения реализации приоритетов научно-технологического развития⁹.

Для обеспечения перехода к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике был создан Совет «20 б» (далее – Совет). В качестве базовой организации, обеспечивающей деятельность Совета в части проведения научной экспертизы программ и проектов, результатов, полученных в ходе их реализации, был выбран Институт энергетических исследований Российской Академии Наук (далее – ИНЭИ РАН)¹⁰.

Выполняя возложенные на него функции, ИНЭИ РАН организовал сбор перспективных научно-технических комплексных программ и комплексных проектов полного инновационного цикла по следующим направлениям:

- Добыча, транспортировка и глубокая переработка углеводородного сырья;
- Экологически чистая и ресурсосберегающая энергетика на базе органических топлив;
- Возобновляемая энергетика;
- Ядерная энергетика;
- Водородная энергетика;
- Хранение энергии;
- Передача и распределение энергии;
- Цифровизация и интеллектуализация систем управления в энергетике¹¹.

На основе данных проектов были поданы несколько заявок, часть из которых уже утверждена, часть отправлена на утверждение в Минобрнауки и несколько отправлены на разработку.

Утвержденные проекты

1) Проект «Создание экологически безопасных промышленных производств базовых высокотехнологических химических продуктов для автомобильной, строительной, медицинской и пищевой промышленности из углеводородного сырья на основе инновационных отечественных научных разработок» (инициатор: Институт катализа СО РАН).

Проект утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 07 мая 2022 г. № 1130-р. Целью проекта является импортозамещение и снижение экологической нагрузки на окружающую среду за счет научно-технической разработки и промышленного освоения комплексных (малотходных), экономически высоко rentабельных и экологически совершенных нефтехимических технологических процессов и продуктов на их основе.

В рамках проекта выполняются следующие задачи:

- Создание обновленных в ходе технического перевооружения и новых промышленных производств по глубокой переработке углеводородных ресурсов на предприятиях АО «Группа компаний «Титан»;
- Использование вновь разработанных катализаторов и усовершенствованных процессов в производствах, созданных в результате выполнения задач комплексного проекта.

Ожидаемый результат – создание технологической базы и промышленное освоение нового поколения усовершенствованных комплексных и экологически совершенных нефтехимических процессов. Проект планируется реализовывать в течение 6 лет (2022-2027 годы)¹².

2) Программа «Разработка и внедрение комплекса технологий в областях разведки и добычи твердых полезных ископаемых, обеспечения промышленной безопасности, биоремедиации, создания новых продуктов глубокой переработки из угольного сырья при последовательном снижении экологической нагрузки на окружающую среду и рисков для жизни населения» (инициатор: Кемеровский государственный университет).

Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 мая 2022 г. N 1144-р. Целью программы является создание комплекса технологий, повышающих эффективность угледобычи и углерепереработки, обеспечивающих высокий уровень промышленной безопасности и экологии, снижающих риски профессиональных заболеваний, а также формирование эффективной системы управления исследованиями, инновациями, производством и выводом на рынок новых продуктов на основе научно-производственного партнерства научных и образовательных организаций и организаций реального сектора экономики.

В рамках программы выполняются следующие задачи:

- Создание информационных технологий мониторинга и управления запасами угля,
- Повышение эффективности добычи и переработки угля,

8 Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642, сайт Администрации Президента, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1> (дата обращения: 20.05.2023).

9 Постановление Правительства от 17.01.2018 №16 «Об утверждении Положения о создании и функционировании советов по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/vUM9Us9ACAKv n2QrUd9MQAFMBz3LBUA.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).

10 Постановление Правительства от 17.01.2018 №16 «Об утверждении Положения о создании и функционировании советов по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/vUM9Us9ACAKv n2QrUd9MQAFMBz3LBUA.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).

11 Сайт ИНЭИ РАН. Предложения по комплексным научно-техническим программам и проектам полного инновационного цикла. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eriras.ru/data/978/rus> (дата обращения: 20.05.2023).

12 Комплексный, научно-технический проект полного инновационного цикла. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kntp.ntr.ru/projects/katalizatory/> (дата обращения: 20.05.2023).

– Забота об экологии и развитие технологий здоровьесбережения.

Программа предполагает достижения комплексного эффекта, в том числе:

– Создание и внедрение систем и технологий, повышающих эффективность угледобычи и углепереработки;

– Создание и внедрение комплексной технологии переработки отходов угледобычи и углепереработки с выделением редких и редкоземельных элементов;

– Создание и введение в эксплуатацию цифровой платформы мониторинга фугитивных выбросов парниковых газов и их сокращений при использовании чистых угольных технологий.

Программа будет реализовываться в течение 5 лет (2022-2026 годы)¹³.

Заключение

Обозначим некоторые выводы по пунктам, которые были рассмотрены к настоящему моменту.

Отрасль низкоуглеродной энергетики появилась в результате существенных изменений, пережитых западным обществом во второй половине XX века. Эти изменения, заключающиеся в социальных и экономических трансформациях, привели к формированию не только более многочисленного и процветающего общества, называемого зачастую «обществом потребления», но и актуализировали вопросы энергетических исследований. В связи с трансформацией европейской политики во второй половине XX века складывается ситуация фактической «пересборки» политического спектра, что приводит к появлению политических партий, превращающих в своеобразный инструмент борьбы за политические права вопросы природопользования и охраны окружающей среды. Появление партий, называемых зачастую в научной литературе «зелеными», приходится на 1970-1980-е гг. прошлого века; эти изменения начинают быстро сказываться на международной политической сфере и способствуют вынесению «на повестку дня» вопросов такого природопользования, которое впоследствии получит наименование стратегии «устойчивого развития» и будет воплощено в принципах ESG-менеджмента.

На протяжении последних трех десятилетий XX века будет происходить формирование международно-правовой базы, определяющей основные направления не только «устойчивого развития» как глобальной стратегии, но и функционирование энергетической отрасли как ответственной в наибольшей степени за успех «зеленого перехода». Среди соглашений данного периода в особенности следует упомянуть Рамочную конвенцию ООН об изменении климата от 1994 года и Киотский протокол 1997 года. Оба эти соглашения объединили большое количество стран; тем не менее, едва ли можно считать эти соглашения вполне достигшими поставленных целей в связи с большим количеством кризисов, сопровождавших реализацию этих соглашений. Для замены Киотского протокола в 2015 году были приняты Па-

рижские соглашения по климату, фактическое выполнение которых является частью низкоуглеродной повестки и по сей день в ведущих мировых экономиках, в том числе и в России вне зависимости от прочих внешнеполитических контекстов.

Низкоуглеродная энергетика сама по себе и вопросы ее развития в рамках концепции «устойчивого развития» получают освещение в большом количестве отечественных и зарубежных изданий. Среди таких изданий преобладает литература на английском языке; литература, издаваемая на национальных языках, активно переводится на английский язык и, таким образом, оказывается доступна заинтересованному читателю, что подчеркивает существующий интерес к феномену «зеленой» энергетики и ее развитию. Отдельного внимания заслуживает обстоятельство издательства в России учебников и монографий, посвященных «зеленой» энергетике предметно, что позволяет говорить о фактическом включении этой дисциплины в состав изучаемых в ведущих учреждениях высшего образования в России и наглядно демонстрирует актуальность низкоуглеродной повестки в современной российской практике.

Пристатейный библиографический список

1. Мехдиев Э. Т., Содиков Ш. Д. О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (Тапи, Тутап, Иран – Пакистан, Casa-1000) // Международные отношения. - 2017. - № 3. - С. 68-79.
2. Гулиев И. А., Соловова Ю. В. Адаптация общекорпоративной и инновационной стратегии международных нефтегазовых компаний к тенденциям энергетического перехода // Экономика: вчера, сегодня, завтра. - 2021. - Т. 11. - № 8-1. - С. 262-269.
3. Соколова Е. С., Егорова Л. И., Мехдиев Э. Т., Торопова Н. В. Сланцевая революция в мире: достижения и перспективы // Нефтегазовое дело. - 2020. - Т. 18. - № 4. - С. 27-39.
4. Бессель В. В., Кучеров В. Г., Лопатин А. С., Мингалеева Р. Д. Возобновляемая энергетика в системе мирового энергообеспечения / Общ. ред. К. Е. Турбиной, И. Ю. Юргенс. - М.: Аспект Пресс, 2022.
5. Алиев Р. А., Захарчева К. С. Декарбонизация мировой экономики как фактор смены стратегий энергетических компаний в XXI в.. - М.: МГИМО-Университет, 2021.

¹³ Чистый уголь – зеленый Кузбасс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kntp.ntr.ru/projects/chistyy-kuzbass/> (дата обращения: 20.05.2023).

Нгуен Тхи Линь

аспирант Вьетнамского национального университета, г. Ханой

ТРУД И ДОХОД РАБОТНИКОВ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Неформальный сектор экономики составляет большую часть вьетнамской экономики. Статья прилагается к описанию текущей ситуации с трудами и доходами работников неформального сектора экономики во Вьетнаме в контексте до и во время эпидемии Covid-19. Пандемия Covid оказала сильное влияние на все сферы общественной жизни. В особенности пандемия сильно затронула неблагополучную группу работников в обществе.

Ключевые слова: неформальная экономика, работники, труд, доход.

NGUYEN Thi Linh

postgraduate student of the Vietnam National University, Hanoi

EMPLOYMENT AND INCOME OF WORKERS IN THE INFORMAL ECONOMY IN VIETNAM

The informal economic sector accounts for a large proportion of the Vietnamese economy. The article is attached to describing the current situation of employment and income of workers in the informal economic sector in Vietnam in the context before and during the Covid-19 epidemic. The Covid pandemic has had a strong impact on all areas of social life. Especially, the disadvantaged group of workers in society is heavily affected by the pandemic.

Key words: informal economy, workers, employment, income.

При любом общественном строе, при малейшем изменении экономики, политики, общества, самые маломощные группы общества всегда остаются уязвимыми. Пандемия Covid-19, охватившая мир в 2020 и 2021 годах, считается глобальным кризисом во многих сферах, поэтому её воздействие на маломощные группы общества неизбежно. Вьетнам не исключение. Несмотря на то, что она оценивается как одна из немногих стран с гибкими и эффективными мерами реагирования на болезни, сохраняющими положительный рост в 2020 году, она по-прежнему страдает от многих негативных последствий. В рамках данной статьи автор анализирует колебания труда и дохода работников в неформальном секторе экономики - маломощной группы работников в обществе, мало защищённые государством, путём сравнения данных до эпидемии Covid-19 и во время эпидемии.

1. Понятие неформальной экономики, работники неформального сектора экономики

1.2 Неформальная экономика

Неформальная экономика — это концепция, введённая Международной организацией труда (МОТ) в начале 1970-х годов. В 1993 году Международная организация труда (МОТ) и Статистическое управление ООН (СОООН) договорились ввести понятие неформальной экономики, согласно которому под неформальной экономикой понимается «совокупность единиц, производящих физические продукты и услуги с основной целью создания рабочих мест и доходов для работников. Эти подразделения часто работают с небольшой организацией, имеющим трудовые отношения в основном основаны на нерегулярных трудов, родственных или личных отношениях, а не на договорных отношениях с большими гарантиями» (Отчёт о неформальном труде, 2016 г., ilo.org, 3).

Фактически до сих пор не существовало единой концепции о неформальном секторе экономики. Среди исследователей и стран до сих пор существует множество различных

взглядов и способов называть этот сектор экономики, такие как неформальный сектор (informal sector), теневая экономика (shadow economy), безмолвная экономика (underground economy). Причина, по которой нет единой названия и концепции, заключается в сложном характере неформального сектора экономики, которые не могут быть охвачены простым определением.

С другой стороны, понимание концепции и масштабов неформального сектора экономики часто путают с ненаблюдаемым сектором. Таким образом, чтобы идентифицировать неформальный сектор экономики, необходимо понимать сущности этого сектора как экономическую деятельность сектора в отличие от формального, а также утверждать, что он является важной частью в экономике любой страны.

1.2. Работники неформального сектора экономики

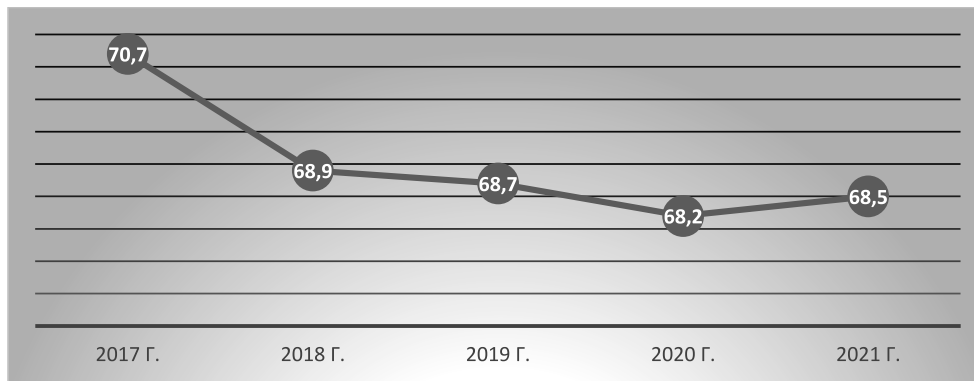
По данным МОТ, «работники неформального сектора экономики определяются как лица, занятые в неформальном секторе экономики, не имеющие социального страхования (особенно обязательного социального страхования и не имеющие трудового договора на 3 месяца и более» (Отчёт о неформальном труде, 2016 г., ilo.org, 4).

Неформальный труд часто характеризуется ненадёжной и нестабильной занятостью, низким доходом и продолжительным рабочим днём. Они часто не имеют трудового договора или имеют, но не получают социального страхования, медицинского страхования, пособий и других социальных выплат.

2. Труд и доходы работников неформального сектора экономики во Вьетнаме

2.1. Труд работников неформального сектора экономики во Вьетнаме

Для Вьетнама, страны с большим населением и развивающейся экономикой, труд в неформальной экономике вносит важный вклад в создание рабочих мест и получение дохода для работников. Хотя условия труда не очень хорошие,

Доля неформальных работников, период 2017-2021 гг. (%).
(Источник: ГСУ. 2021).

Таблица 1. Доля неформальных работников по профессиональной квалификации и полу, период 2017-2021 гг. (%).

Техническая квалификация / пол	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общий	70,8	68,9	68,7	68,2	68,5
Без технической квалификации	82,8	81,0	80,5	80,0	80,9
Начальный	60,4	58,2	62,4	62,7	56,4
Средний	41,9	41,6	41,0	43,4	44,9
Высший (Колледж)	33,4	32,9	32,1	32,4	33,2
Высший (Университет и выше)	14,2	14,0	15,8	15,9	15,9

(Источник: ГСУ. 2021).

доходы невысокие и социальных пособий нет, но это все же средства к существованию многих работников. По данным Главного статистического управления, в 2021 году во Вьетнаме есть 33,6 млн неформальных работников, что составит 68,5 % от общего числа занятых. Это довольно высокий показатель по сравнению с другими странами региона. Этот показатель лишь ниже, чем у некоторых стран региона с менее развитой экономикой, таких как Индонезия, Мьянма и Камбоджа.

Существует большое неравенство в доле работников в неформальном секторе экономики по сравнению с формальным сектором. Согласно данным, опубликованным Главным статистическим управлением в отчете об обзоре неформальной занятости во Вьетнаме, до 42 из 63 провинций и городов имеют разницу в уровне занятости между двумя регионами, 70 % и 30 % соответственно. Таким образом, ясно, что работники неформального сектора экономики по-прежнему составляют большую часть общества. В частности, в некоторых провинциях и городах этот показатель достигает 80 %. (ГСУ, 2021).

В контексте недавней пандемии Covid-19 работники неформального сектора экономики пострадали от пандемии в большей степени, чем работники формальной. До того, как в 2020 году разразилась пандемия Covid-19, доля работников неформального сектора экономики имела тенденцию к снижению. Это результат политики правительства по содействию трудовой мобильности, ускорению формализации неформального сектора. В 2017 г. доля занятых в неформальной экономике составляла 70,7 %, но к 2019 г. она снизилась до 68,7 %. Снижение не слишком большое, но это хорошая новость для управления. Однако с внезапным появлением пандемии Covid-19 в первые месяцы 2020 г., особенно в 2021 г., тенденция сокращения доли занятых в неформальной экономике изменилась. В

2020 г. доля занятых в неформальной экономике продолжит снижаться до 68,2 %, а к 2021 г. увеличится до 68,5 %, что на 0,3 % больше по сравнению с 2020 г. Несмотря на разразившуюся в первые месяцы пандемии Covid-19 2020 г., но в этом году доля занятых в неформальной экономике все же снизилась. Причина такой ситуации в том, что в 2020 году Вьетнам предпринял своевременные меры по противодействию эпидемии, поэтому негативное влияние эпидемии на экономику не является сильным. Поэтому, работники формальной и неформальной экономики по-прежнему сохраняют свою работу. Однако к 2021 году при непредсказуемом развитии эпидемии многие предприятия разоряются или перестают работать, многие чиновники теряют работу, расслабляются или сокращают рабочий день. Поэтому в такой ситуации работникам приходится искать новые средства к существованию, они вынуждены вливаться в неформальный рынок труда. Поэтому в 2021 году этот показатель будет увеличиваться.

Существует тесная связь между уровнем занятости в неформальном секторе экономики и уровнем подготовки. Соответственно, чем выше уровень технических знаний, тем ниже доля работников, занятых в неформальном секторе экономики. Другими словами, работники неформальной экономики в основном не имеют технической квалификации. В частности, наиболее высокий уровень неформальной занятости имеет группа работников без профессиональной и технической квалификации. Показатель в 2017 году составляет 82,8 %, а в 2021 году - 80,9 %. Группа работников с высшим образованием и выше имеет самый низкий уровень неформальной занятости: 14,2 % в 2017 г. и 15,9 % в 2021 г. При сравнении разницы в доле занятых в неформальной экономике без профессиональной и технической квалификации в груп-

пе с высшим образованием разница составляет до 68,6 % в 2017 г. и 65 % в 2021 г. (ГСУ, 2021).

Наблюдения за статистикой показывают ситуацию, требующую внимания, а именно увеличение доли работников неформального сектора экономики в группе работников с высшим образованием и выше. В этой ситуации вскоре должен быть проведён глубокий анализ для выяснения причины.

2.2. Доходы работников неформального сектора экономики во Вьетнаме

Поскольку рабочая сила составляет большую долю в обществе, доход работников неформального сектора экономики во Вьетнаме низок по сравнению с доходом работников формального сектора экономики. Хотя в 2017 г. по сравнению с 2019 г. произошли положительные изменения в доходах работников неформальной экономики, они невысокие. В частности, в 2017 году доход работников неформальной экономики составлял 3,8 млн донгов/мес., в 2019 году он увеличился до 4,53 млн донгов/мес. Однако в течение двух лет, 2020 и 2021 годов, когда пандемия Covid-19 была наиболее серьёзной, этот средний уровень доходов постоянно снижался. В 2021 году доход работников неформального сектора экономики во Вьетнаме составляет 4,4 млн донгов/мес. По сравнению с доходом работников формального сектора экономики эта цифра составляет лишь половину (8,2 млн донгов/мес.). В обзорном отчёте Главного статистического управления Вьетнама до 47 % неформальных работников имеют доходы ниже региональной минимальной заработной платы. Для сравнения, этот показатель в группе работников формального сектора экономики составляет всего 8 %. При таком уровне доходов работникам неформального сектора экономики во Вьетнаме трудно обеспечить минимальный уровень жизни для себя и своих семей.

Таблица 2. Средний доход работников неформального сектора экономики в разбивке по городам/ деревням (тыс. донгов)

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общий	3776,5	4486,1	4526,3	4486,1	4454,7
Город	4436,4	5377,9	5564,2	5377,9	5139,5
Деревня	3545,2	4165,8	4167,5	4165,8	4195,1

(Источник: ГСУ.2021).

Статистика показывает, что во время пандемии Covid-19 доходы неформальных работников в городских районах сократились. За два года, 2020 и 2021, средний доход неформальных работников в городских районах снизился более чем на 400 000 донгов/чел/мес. В частности, с 5,56 млн/чел/мес. в 2019 году до 5,14 млн/чел/мес. в 2021 году. Между тем, данные по деревенской местности не показывают такой ситуации. Средний доход неформальных работников в деревне практически не изменился на протяжении всей пандемии.

Заключение

Для развивающейся экономики и большой численности населения с молодой структурой населения, как Вьетнам, неизбежным правилом является существование в обществе групп работников неформального сектора экономики. Однако при довольно большом показателе в 68,5

% в настоящее время это также вопрос, на который должны обратить внимание лидеры, если они хотят, чтобы в стране была развитая экономика. Реальность показала, что экономика, которая хочет развиваться и быть устойчивой, не может полагаться на рынок труда с высокой долей неформальных работников, низкой технической квалификацией и сезонными рабочими местами. Хотя усилия правительства Вьетнама в области экономического развития в последние годы дали определенные результаты, проблема формализации труда с неформальной занятостью в целях обеспечения занятости трудящихся по-прежнему сталкивается со многими трудностями. Положение работников, вынужденных выполнять неформальную и неустойчивую работу в течение многих лет, существенно не улучшилось, особенно за последние 2 года, 2020-2021 гг., под сильным воздействием штормовой пандемии Covid 19.

Пристатейный библиографический список

1. MOT.2016. Отчёт о неформальном труде 2016 г.
2. MOT.2020, Covid-19 и сфера труда.
3. MOT.2020a. Пандемия COVID-19 на рынке труда Вьетнама.
4. MOT. 2021b. Мировая занятость и социальные перспективы – тенденции 2021 г. Обзорный обзор.
5. MOT.2020. Covid-19 и рабочие места: влияние и решения.
6. Главное статистическое управление. 2022 г., Обзор неформальной занятости во Вьетнаме.
7. То Чонг Хунг. 2021, Оценка устойчивости доходов, расходов и уязвимости неформального сектора во Вьетнаме: многоуровневая аналитическая модель.

ПШИБЫЛЬСКИЙ Даниил Юрьевич

магистрант 1 курса Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета,

ТЕНДЕНЦИИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности кадровой работы, возникающие в результате углубления влияния цифровизации на все сферы работы с персоналом. Отражена необходимость использования HR технологий для оптимизации организационных механизмов работы с кадрами и их универсальность для частных предприятий и государственных учреждений. Автором проводится анализ особенностей внедрения на рынке труда и в сфере организации кадровой работы технологий диджитализации – автоматизации рекрутинга работников, позволяющих существенно упростить функциональные обязанности HR менеджеров и одновременно повысить эффективность их деятельности.

Ключевые слова: цифровизация, управление персоналом, рекрутинг, HR менеджмент, диджитализация.

PSHIBYLSKIY Daniil Yurjevich

magister student of the 1st course of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technological University

TRENDS IN THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON THE IMPROVEMENT OF PERSONNEL WORK IN MODERN CONDITIONS

The article deals with the issues of improving the efficiency of personnel work arising as a result of the deepening influence of digitalization on all areas of work with personnel. The necessity of using HR technologies to optimize organizational mechanisms for working with personnel and their universality for private enterprises and public institutions is reflected. The author analyzes the features of the introduction of digitalization technologies in the labor market and in the organization of personnel work – automation of employee recruitment, which significantly simplify the functional responsibilities of HR managers and at the same time increase the efficiency of their activities.

Keywords: digitalization, personnel management, recruiting, HR management, digitalization.

Условия глобальной экономической и межгосударственной интеграции параллельно с ускоряющимися темпами цифровизации практически всех сфер хозяйственных отношений стимулируют управляющие органы частных и государственных учреждений изыскивать способы оптимизации кадровой работы. Нарастание влияния цифровых технологий на все сферы социальной жизни в XXI веке обуславливает универсальную потребность в учете современных трендов цифровых HR-технологий. Для анализа вызванных этими процессами тенденций в организации кадровой работы необходимо пояснить содержание понятий цифровой трансформации и кадровой работы.

Цифровая трансформация с точки зрения развития современного HR менеджмента представляет собой управляемый процесс совершенствования управленческих и предпринимательских стратегий во всех сферах функционирования социума, осуществляемый через интеграцию регулярно обновляемых цифровых и управленческих технологий во все процессы деятельности предприятия и направленный на повышение эффективности их деятельности [4, с. 66].

Мы исходим из признания факта первостепенной значимости кадровой работы как условия поддержания конкурентоспособности предприятий, учреждений и организаций. Кадровую работу в современных условиях следует определить как системно связанную совокупность теоретических принципов, официальных требований и практических действий, определяющих содержание процесса набора персонала и управления его деятельностью.

Пшибыльский Д. Ю.

Необходимость цифровизации кадровой работы как системного направления инновационного развития экономики, общества и государственного управления обусловлена следующими преимуществами использования цифровых технологий в рассматриваемой области:

- уменьшение издержек на переработку документов в связи с заменой бумажного документооборота на электронный, к чему следует добавить такой существенный фактор как сокращение времени на обмен требуемой для профессиональной деятельности работников информацией;

- оптимизация способов взаимодействия работника с предприятием. Использование мобильных приложений многократно сокращает неудобства, связанные с оформлением, использованием и пересылкой документов в сравнении с ручными способами обработки бумажных документов;

- создание структурированной и легкодоступной для всего персонала системы хранения документов и сведений. Это обеспечивает ускорение всех процессов осуществления кадровой деятельности, уменьшение функциональной нагрузки на структурные подразделения по кадровой работе и работе с персоналом [3, с. 85].

В связи с цифровизацией кадровой работы и управления персоналом в целом при описании процессов в этой области все чаще используется понятие диджитализации. Оно обозначает направление развития хозяйственных и управленческих процессов, состоящее во внедрении в деятельность всех участников взаимодействия в указанных сферах цифро-

вых технологий, обеспечивающих автоматизацию выполнения определенных функций. Как правило, диджитализация проявляется в переходе к автоматизации организационных и рабочих операций в digital-формат. Таким образом, диджитализация обеспечивает реализацию инновационной модели развития предприятия и общества в целом, стимулируя разработку и внедрение новых технологий социального взаимодействия, управления и производства [1, с. 18].

В рамках диджитализации в деятельности структурных подразделений предприятий, занимающихся кадровой работой, происходит существенное расширение применения цифровых компетенций, что порождает необходимость владения такими компетенциями как условие признания профессиональной компетентности работника.

В ходе развития тенденции к автоматизации процессов в кадровой деятельности получила распространение концепция «принесите свое собственное устройство» (Bring your own device – BYOD). Она предполагает использование работниками для осуществления своих функциональных задач собственных цифровых устройств, как правило, смартфонов или планшетов. Особенностью реализации концепции стало неразделение личной жизни и профессиональной деятельности работника, что воплощается в использовании для целей в обеих сферах собственного электронного устройства. Это направление диджитализации сформировало совершенно новый формат профессиональной деятельности и рекрутинга сотрудников предприятий, обусловив ранее недоступные формы выполнения профессиональных функций, связанные с их пребыванием не на месте расположения предприятия.

Распространение удаленного формата кадровой работы привело к созданию новой системы поиска работников на рынке труда, основанной на автоматизации рекрутинга. Она заключается в комплексной деятельности специализированных цифровых систем по автоматическому поиску работника на основе заданных требований, который служит предварительным этапом кадровой работы, который осуществляется до проведения собеседования. Условием перехода к этапу собеседования является соответствие данных претендента на должность требованиям предприятия, зафиксированным путем автоматизации рекрутинга. Этот подход доказал свою эффективность для упрощения процедур согласования условий выхода на новую должность и перспектив адаптации нового сотрудника к ее функциональным требованиям.

Внедрение информационного рекрутинга привело к созданию новых информационных сервисов для поиска работников на основе автоматического сопоставления данных информационных баз резюме и вакансий. К ним относятся автоматизированные рекрутинговые онлайн-сервисы Хантфлоу, Яндекс.Таланты, Talantix и другие. Общие принципы работы автоматизированных рекрутинговых онлайн-сервисов состоит в том, что HR-менеджер устанавливает в соответствии с запросами предприятия-заказчика параметры поиска, по которым программа такого сервиса составляет перечень заявителей, оставивших в информационной базе свое резюме.

В области автоматизации рекрутинга в последние годы получает все большую популярность применение «чат-роботов» [2, с. 159]. Эта технология позволяет осуществлять взаимодействие с претендентом в круглосуточном режиме и автоматизировать операции по предоставлению претендентом необходимой для предприятия-работодателя информации.

С нашей точки зрения перспективным представляется предложение Е. В. Романовой и С. В. Аржанухина ввести в терминологию управления персоналом понятие индекса цифровизации кадровой работы организации (далее – ИЦКРО). Его значение должно отражать такие параметры кадровой работы как непрерывность управления составлением и хранением кадровой информации, включая организацию сбора, хранения и анализа персональных данных; кибербезопасность сведений о кадровой работе на предприятии; степень автоматизации труда сотрудников кадровых подразделений предприятия; степень доступности, оперативности и надежности обеспечения профессиональных коммуникаций, основанной на применении кадровым структурным подразделением ERP-систем (планирование ресурсов предприятия); применение искусственного интеллекта для разработки и принятия кадровых решений, включая организацию процедур оценки персонала, стимулирования профессионального роста и управления конфликтами [4, с. 68]. Применение ИЦКРО позволит обеспечить более качественную системную оценку соответствия организации кадровой работы конкретного частного предприятия или публичного учреждения стратегическим целям и оперативным задачам цифровизации экономики и управления, то есть оценить степень его значимости для развития цифрового общества.

В качестве обобщающего вывода надо отметить, учет рассмотренных тенденций позволит повысить качество кадровой работы, а, следовательно, и конкурентоспособность конкретных предприятий и отраслей экономики и управления. Если в настоящее время число компаний, внедряющих в своей кадровой работе и организации управления персоналом, является достаточно ограниченным, то есть все основания предполагать, что в ближайшее время их количество будет увеличиваться. Отсюда следует, что к середине XXI века цифровые технологии станут неотъемлемой частью организации кадровой работы во всех предприятиях и учреждениях, и для повышения ее эффективности необходим учет выделенных тенденций уже в настоящее время.

Пристатейный библиографический список

1. Кауфман Н. Ю. Генезис конфликтов развития рынка труда в условиях цифровой экономики // Вестник университета. – № 5. – С. 16-22.
2. Кауфман Н. Ю. HR технологии на рынке кадровых услуг: диджитализация рекрутинга // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. Сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 158-161.
3. Ольшевский А. В. Цифровизация кадровой работы в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 81-86.
4. Романова Е. В., Аржанухин С. В. Индекс цифровизации кадровой работы организации // Студенческий научный форум 2020. Материалы Международной студенческой научной конференции. – Москва, 01 декабря 2019 года – 06 марта 2020 года / Под редакцией Н. Е. Старчиковой, отв. секретарь Н. И. Нефедова. – Саратов: ООО «Евразийская научно-промышленная палата», 2020. – С. 66-69.

САРБАЕВ Раис Раилевич

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В статье изложены результаты аналитического исследования методических аспектов оценки ресурсной базы, представлена их сравнительная характеристика и рассмотрено само содержание понятия «ресурсная база горно-металлургического комплекса».

Ключевые слова: ресурсная база, горно-металлургический комплекс, методы оценки.

SARBAEV Rais Railevich

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technical University

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ASSESSING THE RESOURCE BASE OF THE MINING AND METALLURGICAL COMPLEX

The article presents the results of an analytical study of methodological aspects of assessing the resource base, presents their comparative characteristics and examines the very content of the concept of "resource base of the mining and metallurgical complex".

Keywords: resource base, mining and metallurgical complex, assessment methods.

Важнейшим показателем горно-металлургической отрасли, от которого зависит эффективное функционирование как экономики предприятия и регионов, так и страны в целом, является ресурсная база. Этот показатель позволяет прогнозировать развитие и составлять планы хозяйственной деятельности компаний, регионов, проводить природоохранные и рекреационные мероприятия, прогнозировать функциональный рост смежных и зависимых отраслей, реагировать на внешние вызовы, которые будут влиять на будущее процветание предприятий металлургической отрасли, отдельного региона и страны в целом [1].

Ресурсную базу горно-металлургического комплекса (ГМК) с экономической точки зрения следует определять как совокупную ценность всех видов промышленных природных ресурсов, как разведанных, так и находящихся в резерве, которые могут быть использованы для достижения стратегической цели и принести экономическую выгоду компании и металлургической отрасли. Однако ресурсная база меняется, поскольку происходит открытие и разработка новых месторождений, а другие, наоборот, истощаются, изменяя не только количество ресурсов, но и их структуру [2]. Поэтому порядок оценки точного состояния ресурсной базы горно-металлургической отрасли делает актуальными исследования, направленные на процесс комплексной оценки.

Содержание понятия «оценка» применительно к ресурсной базе достаточно широко трактуется. Следует отметить, что оценка может осуществляться с разных сторон, например, экономической, экологической, рекреационной и других, как локально по отношению к части природно-территориальных систем, так и в целом по отрасли. На ее содержание влияют вид ресурсов, их качество, экономические условия и факторы, складывающиеся на разных этапах развития промышленного производства [3].

Данное исследование направлено на изучение методических аспектов оценки ресурсной базы с экономической точки зрения, поскольку именно данный вид оценки позволяет комплексно определять производственную ценность ресурсов как для региона, так и для предприятий ГМК.

Гипотеза данного исследования основана на том, что существующие методы оценки ресурсной базы ГМК промышленности России в своей основе содержат только стоимостное воплощение ценности ресурса, применимы в условиях стабильной внешней среды и не имеют оценочных компонентов, отражающих вектор неопределенности. В связи с возросшим уровнем нестабильности внешней среды в металлургической отрасли и в экономике России в целом

возникла острая необходимость именно в таком направлении исследования.

Проблема оценки природных ресурсов является одной из самых сложных и противоречивых с экономической точки зрения [5].

В основу статьи положены методы научного познания и анализа, использование которых позволяет всесторонне изучить вопросы исследования и проанализировать источники информации с целью формирования представления о методических основах оценки ресурсной базы горно-металлургического промышленного комплекса России.

Современная отечественная экономическая наука рассматривает различные классификации и выделяет следующие методы оценки ресурсной базы, представленные в таблице 1.

Как видно из представленного в таблице анализа, отечественные специалисты не имеют единого взгляда на оценку ресурсной базы, но большинство из них под экономической оценкой ресурсной базы понимают ее денежную ценность.

Рассмотренные методы оценки имеют как достоинства, так и содержат ряд недостатков, самыми существенными из которых, по мнению автора, являются отсутствие универсальности применения методов к разным видам ресурсов, не отражается влияние на оценку факторов неопределенности внешней среды и производится статическая оценка. Все указанное не отражает объективной ценности ресурсной базы, ведет к удорожанию и необъективности оценки в рыночных условиях, а значит необходимо продолжать исследования и адаптировать систему оценки к меняющимся реалиям.

Пристатейный библиографический список

1. Антипенко А. А. Оценка состояния российской отрасли металлургического производства // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». - 2022. - Т. 20. № 3. - С. 5-15
2. Бурцева И. Г. Методологические основы оценки минерально-сырьевого потенциала: международный и российский опыт // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «Экономические науки». - Сыктывкар, 2021. - № 2 (48). - С. 61-70.
3. Высочина М. В., Сульма А. И. Оценка качества ресурсов в управленческом процессе // Известия Байкальского государственного университета. - 2021. - Т. 31. № 1. - С. 25-33

Таблица 1. Сравнительная характеристика методов оценки ресурсной базы

Критерии группы методов	Метод оценки (представители)	Краткая характеристика	Достоинства (+)/ Недостатки (-)
Ценностно-стоимостные	Затратный (С. Струмилин, С. Бобылев, О. Медведева и др.)	Оценка ресурсной базы производится по величине затрат на их разработку, переработку и/или использование.	(+) Наиболее разработанный и применяемый метод. Оценка реальных активов. (-) Не отражает объективную ценность ресурса (потребительскую, территориальную и пр.), что занижает оценку. Статичен.
	Результативный (Т. Хачатуров, Е. Алныкина и др.)	Оцениваются только ресурсы, приносящие доход. В основе разница между полученным доходом и затратами на освоение	(+) Отражает детальное влияние фактора на результат, что дает более точную оценку (-) Сложно оценить косвенный доход от использования ресурса. Не отражается фактор времени.
	Затратно-ресурсный (И. Ганиев, С. Первушин и др.)	Оценка содержит затраты на разработку ресурсов и доход от их использования	(+) Расширение оценочных показателей, дает более объективную оценку (-) Присущи недостатки затратного и результативного методов
	Рентный (Н. Федоренко, Н. Володомонов, Л. Канторович, К. Гофман и др.)	Оценка базируется на ренте (цене или плате за пользование)	(+) Хорошо проработан. Дает интегральную оценку. Получаем более высокую стоимостную оценку. Учитывает фактор ограниченности ресурса. Наиболее перспективен. (-) Упрощенный подход к категории «замыкающие затраты» в рыночных условиях и сложность расчета различных видов ренты.
	Комплексный (Е. Карнаухова, В. Герасимович и др.)	Оценка основана на совокупности стоимостей: потребительской, сохранения ресурсов, косвенного использования, будущего использования.	(+) Использует основные методические принципы затратно-ресурсного и результативного подходов. Производит комплексную интегральную оценку. (-) Не отражает динамические изменения внешней среды. Результат оценки прямо зависит от выбора и последовательности исходных показателей каждой группы.
Потребительские предпочтения	Выявленных рыночных предпочтений (О. Логвиненко и др.)	Оцениваются рыночные предпочтения респондентов (спрос) и характеристики ресурсов: цена, качество, экологичность.	(+) Показывает экономическую ценность ресурса. (-) Оценивается только обеспеченность ресурсами. Рыночная цена ресурса часто не отражает его экологические и общественные факторы.
	Заявленных предпочтений (И. Афонина, Я.Вишнякова и др.)	Оценка ресурсной базы и ее экологичность формируется на основе индивидуальных предпочтений в условиях предполагаемого рынка, о которых респонденты заявляют во время условного опроса	(+) Оценка производится на основе индивидуальных предпочтений. (-) Дает приблизительные результаты оценки. Возможно как умышленное занижение, так и завышение оценки респондентом, опасаясь либо дополнительных расходов, либо наоборот, привлекая внимание к существующей ресурсной проблеме.
Общая ценность ресурса	Общей экономической стоимости (С. Бобылев, В. Захаров и др.)	Оценивается величина стоимости использования (прямого, косвенного и альтернативного) и стоимость неиспользования (наследования и существования (социально-экологическую))	(+) Быстро развивается и позволяет повысить конкурентную оценку ресурсной базы, учитывая разнообразные критерии. (-) Не зрелая, молодая концепция оценки. Много условностей в расчёте показателей, что создает проблемы в расчетах, особенно в оценке неиспользования ресурсной базы

Составлено автором по данным [2], [4], [5], [6], [7]

- Лютягин Д. В., Забайкин Ю. В., Сейфуллаев Б. М. Проблемы методического обеспечения геолого-экономической оценки месторождений полезных ископаемых в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. - 2019. - Том 9, № 9В. - С. 483-495.
- Логвиненко О. А. Трансформация взглядов на содержание и методы экономической оценки ресурсов природного происхождения // Известия УГТУ. - 2019. - Вып. 4 (56). - С. 160-168.
- Юрак В. В., Игнатьева М. Н., Полянская И. Г. Теория оценки ресурсов в экономике природопользования: территориальный аспект // Экономика региона. - 2021. -Т. 17. Вып. 4. - С. 1059-1078.
- Маховикова Г. А., Касьяненко Т. Г. Оценка земли и природных ресурсов: учебное пособие. - Москва: КНОРУС, 2016. - 365 с.

БУРЛОВА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ВЛИЯНИЕ НОРМАТИВНОГО СОЗНАНИЯ НА ДИНАМИКУ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются механизмы влияния нормативного сознания и нормативных систем на динамику общественного развития, которые заключаются в том, что любое социальное действие всегда оказывается нормированным. Эта нормативность проявляется не только в сиюминутном наливании социальных практик и социального действия, но и в том, что посредством нормативных систем происходит отделение и превращение культурных форм – отчуждение содержания нормативного сознания от нормативного бытия общества и закрепление их в качестве внешних детерминант (общественных идеалов). В методологическом плане различается материалистический и идеалистический подходы к исследованию нормативного сознания: в материалистической традиции отчужденное содержание нормативного сознания представляется в виде основания мировоззрения, тогда как в идеализме исследователи отрицают объективные основания мировоззрения.

Ключевые слова: нормативное сознание, общественное сознание, социальная динамика, деятельностный подход, превращенная культурная форма, социальный регулятор.

BURLOVA Yuliya Alexandrovna

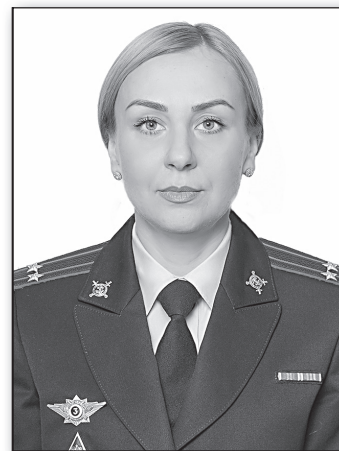
Ph.D. in Law, professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

THE INFLUENCE OF NORMATIVE CONSCIOUSNESS ON THE DYNAMICS OF SOCIAL DEVELOPMENT

The article discusses the mechanisms of the influence of normative consciousness and normative systems on the dynamics of social development, which lie in the fact that any social action always turns out to be normalized. This normativity is manifested not only in the momentary pouring of social practices and social action, but also in the fact that through normative systems there is a separation and transformation of cultural forms - the alienation of the content of normative consciousness from the normative existence of society and their consolidation as external determinants (social ideals). Methodologically, materialistic and idealistic approaches to the study of normative consciousness differ: in the materialist tradition, the alienated content of normative consciousness is presented as the basis of a worldview, while in idealism, researchers deny the objective foundations of a worldview.

Keywords: normative consciousness, public consciousness, social dynamics, activity approach, transformed cultural form, social regulator.

Понятие исторической или социальной динамики, трактуется в социальной теории очень широко. Ряд исследователей понимают ее опредмеченно, как «культурно-исторический процесс», некий темпоральный срез социально-исторического развития [1, с. 65]. В материалистической традиции, наследником которой в российской философии во многом выступил деятельностный подход, в качестве субъекта исторической (социальной) динамики выступает не столько сам человек, сколько его функциональный аспект, деятельность, которая, отчуждаясь, превращается в особую надчеловеческую силу, объект истории. Идея содержания нормативного сознания, отчужденного от человека и превращенного в самостоятельную действующую силу (социальные идеалы) также разрабатывается исследователями этого направления [2, с. 541-542]. Они описывают нормы как объективные по отношению к человеку факторы социальной динамики, которые, возникнув однажды, объективируются по отношению к индивидуальному сознанию, становятся независимыми и сами начинают детерминировать его поведение и деятельность [3, с. 29-33]. Тем самым, ученые, наследники материа-

Бурлова Ю. А.

листической традиции преуменьшают влияние нормативного сознания на динамику общества и преувеличивают значение его опредмеченного содержания.

В идеалистической традиции наблюдается обратная тенденция: при явно выраженном признании творческой функции нормативного сознания, исследователи склонны отрицать то, что его содержание в виде норм способно к отчуждению и превращению в значимые независимые объекты, автономно влияющие на социальное развитие (в лучшем случае, говорят об их интересубъективной значимости). В идеализме действует и творит мир сознание, но не его отчужденное содержание (хотя у классика идеалистической традиции И. Г. Фихте можно увидеть описание формирования значимых социальных объектов, «Своё-Иное», действующих в обществе как значимая сила).

Однако, представляется, что эта диалектика нормативного бытия и нормативного сознания все же является взаимодополнительной, не решаемой однозначно в пользу одного из ее составляющих. Нормативное сознание детерминируется его собственным опредмеченным содержанием и, вместе с тем, постоянно самодетерминируется,

подвергая тем самым, собственные снования ценностной рефлексии. Рефлексивность сознания, его способность дистанцироваться от внешней детерминации, создаёт диалектическое единство свободы и необходимости нормативного сознания, способность изменяться и вариативность его проявлений [4, с. 52-58].

Часть исследователей рассматривает влияние нормативного сознания на социальную динамику в терминах «историческое сознание», «историческая память», полагая, что, оторвавшись от своего субъекта и его сознания, содержание нормативного сознания непременно перерождается в новое историческое состояние и обретет новые функции, не свойственные ему ранее [5, с. 53-60]. В этом смысле интересно исследование превращённых форм культуры, оторванных не только от субъекта, но и от собственного изначального содержания. Превращённые формы культуры – это чистые символы, сохранённые в культуре в виде идеальных значений, задающих предельные ценностные координаты для современной диалектики нормативного сознания и нормативного бытия. В принципе, даже предельные основания нормативных систем доступны для рефлексии, логического анализа и распределения, однако этот процесс требует глубокой исторической реконструкции, рационализации, воссоздания процесса изменения и превращения многослойных культурных форм [6, с. 129]. Именно действие превращённых форм культуры задаёт автоматизм существованию общества, пронизывает абсолютно все аспекты деятельности общества, выступает социорегулирующим механизмом, иррационального характера. Нормативное сознание в материалистической традиции с его настоящим и отчуждённым содержанием, выступает в виде функционального основания для социокультурной системы. Нормы и идеалы, сочетаясь между собой, образуют ценностные картины мира, прямо влияющие на ускорение и замедление общественного развития. Феноменология, напротив, выступает за «беспредпосылочность» нормативного сознания, его предметную «безосновность». Феноменологии представляют себе подобные детерминанты только в знаково-символической форме, да и то, существующей только на уровне индивидуального сознания, а не общественного. Однако диалектический механизм внутреннего и внешнего в деонтической (нормативной) модальности общественной жизни описывается сходным образом. Норма представляет собой социальный акт, протекающий исключительно внутри сознания, на основе свободного волеизъявления. Однако содержание нравственного суждения обусловлено внешними детерминантами (сакрализованной или законосообразно оформленной нравственностью) [7, с. 151].

Нормативные системы не только влияют на динамику общественного развития, они в целом играют существенную роль в сохранении и развитии культуры. Происходит это через взаимное влияние норм на язык и формирование языковых практик. Мораль и религия (в меньшей степени право) производят смысловую разметку и генерирование языка, и через нормативные практики закрепляют эти изменения и транслируют их следующим поколениям.

Именно в речевых формах содержится результат отчуждения содержания нормативного сознания от самого человека и превращение его форм в идеальные социально значимые объекты. Э. Сепир так формулирует этот феномен: «В гораздо большей степени, чем философ осознает это, он является жертвой обмана собственной речи; иными словами, форма, в которую отливается его мысль (а это, в сущности, языковая форма), поддается прямому соотношению с его мировоззрением. Так, внешне бесхитростные языковые категории могут принимать внушительный облик космических абсолютов. И если философ желает избавиться от философского буквеедства, для его собственной пользы ему стоит критически взглянуть на языковые основания и ограничения собственного мышления. Тогда ему не придется сделать унижительное для себя открытие, что многие новые идеи, многие внешне блестящие философские концепции суть не более чем перестановки известных слов в формально допустимых конструкциях» [8, с. 255]. Языки нормативных систем могут создавать соответствующие картины мира – религиозные, этические, морально-правовые, создавать и разрушать конфессии, целые социальные общности, прямо или косвенно влиять на социальную структуру и политическое развитие, в том числе участвуя в различных механизмах легитимации власти [9, с. 139-144]. Как заметил ученик Э. Сепира Б. Уорт, даже небольшие, на первый взгляд, изменения языка в нормативном поле могут иметь далеко идущие социальные и культурные последствия. «Новые переводы священных книг приучают человечество к мысли о том, что неизменность и вечность Божественного послания может пребывать в разных временных оболочках человеческой речи» [10, с. 137]. Переводы священных книг на другие языки не раз в истории порождали расколы конфессий, образование ересей и даже образование новых религиозных направлений. Латинские переводы христианских писаний не так уж сильно отличались от греческих, однако этих отличий хватило для раскола христианства на две ветви, западную и восточную. Для каждой ценностной картины мира существует только один соответствующий ей язык. Внутри этого языка могут более или менее развиваться рационализации на тему тождества знака и предмета, рефлексии их несоответствия, однако все они не выходят за границы семантического кода культуры, удерживаются нормативными системами от внутреннего и внешнего разрушения. Именно в постоянном циклическом круговороте «вещи-дела-слова-дела-вещи» [11, с. 219-227] происходит отчуждение содержания нормативного сознания, а затем и онтологизация идеальных (превращённых) форм культуры. Нагляднее всего это заметно в религиозной нормативной системе, охватывающей все ценностные значения, однако все нормативные системы имеют в своем основании один и тот же механизм превращения социального действия в идеальные значения [12, с. 65-69].

Разумеется, это влияние нормативного сознания на социальную динамику неоднородно, его интенсивность и функциональные особенности варьируется от культуры к культуре. В восточных культурах социальная динамика в целом более плавная, имеет меньше темпоральных и цен-

ностных разрывов, жизнь общества более ориентирована на традиционные консервативные нормы и ценности, закрытая от внешних изменений. Можно заметить, что в этих странах не просто в мировоззренческих системах высока доля религиозного сознания, но можно с уверенностью говорить о том, что сознание восточных людей гораздо более синкретично, то есть, разрывы между нормативными системами морали, религии и права гораздо меньше выражены, они действуют синхронно, дополняя друг друга и не конфликтуя между собой. Западные страны, демонстрирующие высокую скачкообразную динамику, наращивают также разрывы внутри своих нормативных систем, отвечающих за традиции и инновации. В результате вся социокультурная система подвергается скачкообразным потрясениям: разрываются (отдаляются друг от друга) формальные и неформальные институты, рассинхронизируются социальные практики, страдает организация и воспроизводство социального опыта [13, с. 136-144.]. Нормативные системы решают не только задачи сиюминутного социального регулирования, но и консервируют и транслируют значимые социальные образцы. Западные общества более ориентированы на модернизацию, революционные изменения, и именно из-за этой разницы марксисты не смогли выстроить единую формационную картину человеческой истории.

Ценность нормативного подхода к исследованию социальной динамики состоит в возможности интерпретировать особенности социокультурных процессов в данной среде с точки зрения институциональных, культурных, социально-исторических и прочих факторов. Все они отражают превращенные формы культуры и подчиняются единым правилам функционирования языка. С методологической точки зрения эта динамика отражает взаимодействие двух взаимодополняющих процессов – развития социальных отношений и культурного воздействия на общество. Нормативное воздействие на культуру чаще всего заключается в ограничении инновационной активности и смещении воспроизводственной деятельности к привычным для общества формам. Развитие общества происходит не автоматически, а согласованно с культурным образцом. Выполняя роль «социальной ДНК», нормативное сознание сохраняет вектор развития общества и воспроизводит мировоззренческие установки в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Петров М. К. Язык и категориальные структуры // *Науковедение и история культуры*. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973. - 171 с.
2. Бурлова Ю. А. Нормативность сознания как социально-философская проблема // *Евразийский юридический журнал*. - 2021. - № 12 (163). - С. 541-542.
3. Микеева О. А. Взгляд на проблему индивида в современной социальной философии // *Актуальные проблемы философии, политологии и социоло-*

- гии. Сборник научных статей. - Ставрополь, 2008. - С. 29-33.
4. Бакланова О. А., Душина Т. В Социальность как предмет социокультурного анализа // *Социодинамика*. - 2017. - № 6. - С. 52-58.
5. Лебедева Л. Н., Губанова М. А. Трансформации культурной формы в российском обществе // *Гуманитарные и социальные науки*. - 2020. - № 4. - С. 53-60.
6. Беляев М. А. Эмпирическое и символическое в нормативных системах // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Философия. - 2014. - № 4 (14). - С. 129-137.
7. Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое изменение // *Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук*. - Ставрополь, 2007. - 351 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Прогресс, Универс, 1993.
9. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // *Социально-гуманитарные знания*. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
10. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // *Новое в лингвистике*. - М., 1960. - Вып. 1. - 306 с.
11. Ильенков Э. В. Идеальное // *Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2*. - М.: Сов. энциклопедия, 1962. - С. 219-227.
12. Маринычев Д. А. Мировоззренческая идея и нормативное сознание индивида // *Инновационная наука*. - 2019. - № 10. - С. 65-69.
13. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. - 2021. - № 4. - С. 136-144.

ВАСЕНКИН Алексей Вадимович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматриваются некоторые социально-философские аспекты развития искусственного интеллекта. Актуализируются три известных закона робототехники, описанные А. Азимовым. Обосновывается целесообразность создания и разработки систем с сильным искусственным интеллектом. Приводятся соответствующие доводы о том, что развитие искусственного интеллекта является процессом неизбежной научно-технической и социальной эволюции. Указывается, что данное развитие должно осуществляться с учётом современного общепризнанного принципа предосторожности, комплексно детерминирующего научно-технический прогресс. Формулируется тезис, что искусственный интеллект в ближайшем будущем может создать определённые социальные риски, которые человечество должно учитывать уже сегодня в целях обеспечения безопасности будущих цивилизационных перспектив.

Ключевые слова и фразы: искусственный интеллект, искусственный разум, нейросеть, научно-технический прогресс, научно-техническая деятельность, научно-техническая революция, философия искусственного интеллекта.

VASENKIN Alexey Vadimovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of History and philosophy sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article discusses some socio-philosophical aspects of the development of artificial intelligence. Three well-known laws of robotics described by A. Asimov are updated. The expediency of creating and developing systems with strong artificial intelligence is substantiated. The relevant arguments are given that the development of artificial intelligence is a process of inevitable scientific, technical and social evolution. It is indicated that this development should be carried out taking into account the modern universally recognized precautionary principle, which comprehensively determines scientific and technological progress. The thesis is formulated that artificial intelligence in the near future may create certain social risks that humanity should take into account today in order to secure future civilizational prospects.

Key words and phrases: transhumanism, posthuman, transhuman, technical evolution, scientific and technological progress, scientific and technical activity, scientific and technical revolution, immortalism.

Исследования в области искусственного интеллекта в настоящее время являются теми разработками, которые могут считаться не только прогрессивными и флагманскими. Технологии искусственного интеллекта ставят общеполитические, социальные, этические, онтологические вопросы, на которые человечество должно находить своевременные ответы, чтобы максимально обезопасить своё существование в ближайшем будущем. Одним из первых, кто обозначил социально-философские аспекты развития искусственного интеллекта, был Айзек Азимов — писатель-автор трёх известных законов робототехники. Эти законы, следующие: 1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред. 2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону. 3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому и второму законам [1, с. 121-140].

Постоянный рост интеллектуальных технологий, увеличение финансирования на соответствующие разработки,

Васенкин А. В.

увеличение количества прототипов-роботов, расширение применения нейросетей, создание техники с искусственным интеллектом, актуализируют социально-философскую специфику рассмотрения проблем развития искусственного интеллекта. Трёх законов робототехники уже недостаточно, чтобы охватить всё социальное пространство, в которое включены технологии искусственного интеллекта.

С момента своего возникновения феномен искусственного интеллекта сразу заинтересовал учёных по всему миру. Теоретические и практические научные вопросы, посвященные развитию искусственного интеллекта, существовали одновременно с постановкой социально-философских проблем его создания. На Западе, как и в СССР в середине XX века происходила одновременная работа по рефлексии искусственного интеллекта [5]. А, по словам Л. Р. Грэхэм, в 80-е годы XX в. в СССР наблюдалось определённое отставание в социально-философском осмыслении искусственного интеллекта по отношению к работе западных коллег [2]. Это отставание продолжалось в нашей стране и в перестроечное и постперестроечное время, но уже после 2000-х годов на

базе Института философии РАН начал свою работу семинар «Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта».

На сегодняшний день одним из ключевых социально-философских аспектов развития искусственного интеллекта является целесообразность его создания. Здесь существуют полярные мнения, но в данном контексте следует принять во внимание именно положительные доводы, то есть те точки зрения, которые выступают за однозначное решение данного вопроса. Считается, что в результате построения модели искусственного интеллекта появится возможность решать такие задачи, которые не доступны для решения в текущих условиях состояния развития технологий. Причем уже постепенно, адресно и точно вводятся нейросети и модели искусственного интеллекта в различные производственные процессы, в программное обеспечение электронных устройств. Все они позволяют решать многие задачи, связанные с обработкой не только цифровых, но и аналоговых данных (сбор биометрии у людей), создают альтернативные решения различных интеллектуальных задач (построение графиков и чертежей, проектирование технических объектов), возникает вариативность и многозадачность. Говоря о необходимости решения задачи создания модели искусственного интеллекта, известный американский изобретатель и футуролог Рэй Курцвейл, отметил: «Я не считаю смертельную схватку враждебного искусственного интеллекта с человеком, нашедшую отражение в «Матрице», неизбежным сценарием развития событий. Небиологическая часть нашего мышления будет по-прежнему оставаться человеческой, потому что она будет производной от человеческого» [3, с. 233].

Спецификой существующих экспериментальных моделей искусственного интеллекта является использование заранее заготовленных этических, логических правил, которые соответствуют общепринятому в науке и технологиях принципу предосторожности. Данная стратегия является более эффективной, чем такие решения машина будет принимать самостоятельно, поскольку в этом случае становится возможным обезопасить человека от причинения случайного вреда, а также более оперативно найти ответственных в непредвиденных ситуациях. Как пишет И. В. Ладыгина: «Применение логики является идеальным выбором для разработки машинной этики, утверждает Луис Мониш Перейра, ученый из лаборатории вычислительной техники и информатики Nova в Лиссабоне. Логические языки, используемые компьютерными программами, есть вывод некоторого гипотетического сценария, в основе которого лежат гипотезы, которые играют решающую роль в решении определенных этических правил» [4, с. 29]. Машинный язык — это язык логики, и для того, чтобы этические нормы и принципы перевести на язык машинного интерфейса, требуется серьезная программная и лингвистическая работа.

Как уже было отмечено, основная социально-философская, концептуальная проблема в развитии искусственного интеллекта заключается в построении такой программы, которая полностью бы имитировала процессы мышления человека. По этому поводу есть мнение, что не нужно затрачивать временные и финансовые ресурсы на изучение данного

направления, поскольку это может привести к нулевым результатам. Однако, помимо противников технологии создания искусственного интеллекта, можно привести некоторое количество аргументов, поддерживающих противоположную позицию.

Во-первых, примитивные формы разумной жизни уже давно реализованы программистами. Самая простая «разумная программа» — это компьютерный вирус. Специфика компьютерного вируса заключается в том, что в ядре программы записан код на самовоспроизводство. Именно благодаря этому вирусы могут поражать миллионы компьютеров по всему миру, поскольку постоянно воссоздают себя. Математическую теорию самовоспроизведения и самовоспроизводящихся автоматов разработал ещё в середине XX века венгеро-американский математик Джон фон Нейман. На уровне теории он доказал, что существует возможность управлять инициализацией самовоспроизведения. С тех времен теория Джона фон Неймана расширяется и совершенствуется, что находит своё воплощение как в существующих интеллектуальных программах, так и проектируемой интеллектуальной технике.

Во-вторых, нет никаких сомнений, что человеку удастся осуществить первый в мире опыт создания искусственного интеллекта, учитывая, что подобные практики уже были реализованы. Например, всемирно известный опыт клонирования овечки Долли показал, что развитие технологий осуществляется намного быстрее, чем происходит развитие готовности человека к их принятию. Вероятно, многие технологии, которые сегодня активно разрабатываются в рамках так называемой системы NBIC, естественным образом останавливаются по причине неготовности принятия обществом их результатов. В случае с той же овечкой Долли, говоря в контексте искусственного интеллекта, то этот опыт вполне оправданно можно отнести к созданию модели искусственной жизни.

В-третьих, уровень развития современной вычислительной техники настолько высок, что позволяет многие повседневные задачи решать на основании заранее заготовленных интеллектуальных алгоритмов. И это тоже можно относить к опыту реализации искусственного интеллекта. Многие сферы, связанные с информированием населения уже встроены в реализацию программы алгоритмизации и помогают решать повседневные вопросы без участия человека. Активно проходят тестирование модели искусственного интеллекта, связанные с социально-психологической помощью населению. Мощные интеллектуальные вычислительные системы используются в составлении прогнозов погоды, финансовом планировании, сборе данных, анализе сетевой активности пользователей. Системы с искусственным интеллектом предлагаются на рынке мобильных компьютерных устройств, к примеру, умные портативные звуковые помощники.

Исследования в области искусственного интеллекта уже начинают менять привычное существование человека и вносить специфические этические аспекты в сферу социального развития. Сами изменения, которые может принести и уже приносит искусственный интеллект, трудно сравнить с тем, о чем шла речь в середине XX века, в момент зарожде-

ния теории искусственного интеллекта. Благодаря развитию технологий искусственного интеллекта человечество может избавиться от большинства сложных профессий, а потенциально и создавать новые формы жизни. Этические вопросы, которые возникают в данном контексте, подробно описывает Джулия Боссманн, президент Foresight Institute в Пало-Альто, и продвигает трансформирующие технологии: оптимизация логистики, обнаружение мошенничества, проведения исследований и реализация перевода — умные компьютерные системы меняют наши жизни к лучшему. Чем способнее они становятся, тем эффективнее работает наш мир, а значит и богаче.

Такие технологические гиганты как Google, Amazon, Facebook, Microsoft, Apple верят, что наступило самое подходящее время для обсуждения почти безграничного потенциала искусственного интеллекта. Во многих случаях это такой же новый рубеж для развития науки и оценки рисков, как и для других современных технологий. Но всё ли так однозначно позитивно с развитием технологий искусственного интеллекта?

К примеру, так называемый «крестный отец» нейросетей Джеффри Хинтон весной 2023 года покинул свой пост в компании Google, который занимал более десяти лет, чтобы предупредить человечество об угрозе, создаваемой развитием нейросетей и искусственного интеллекта. Специалист, изнутри понимая риски, которые могут обозначиться в результате развития информационных технологий, следуя принципу предосторожности, говорит о неоднозначности будущего, которое может наступить.

В 2012 году Джеффри Хинтон и двое его студентов в университете Торонто построили нейронную сеть, способную анализировать тысячи фотографий и распознавать обычные объекты. После успеха компания Google за 44 миллиона долларов выкупила компанию Хинтона, а разработанная Хинтоном и его помощниками нейросеть стала одной из интеллектуальных основ для современных технологий на основе генеративного искусственного интеллекта, таких как ChatGPT — ныне очень популярной, но запрещенной на территории РФ.

На сегодняшний день правительства различных стран уже изучают риски использования искусственного интеллекта. К примеру, администрация президента США думает о необходимости проверки моделей, например, ChatGPT, на фоне опасений, что их могут использовать для совершения преступлений и распространения дезинформации. Генеральный директор Google Сундар Пичаи заявлял, что развитие искусственного интеллекта и его внедрение в повседневную жизнь может привести к увеличению масштаба дезинформации.

В свою очередь, Управление по вопросам киберпространства КНР представило проект мер по регулированию сервисов генеративного искусственного интеллекта, в которых, в частности, отмечается, что генерируемый контент должен воплощать «базовые социалистические ценности»¹. Все эти сведения говорят о том, что социально-философские

аспекты развития следует учитывать при анализе и оценке технологий искусственного интеллекта. Представляется, что корректный подход к искусственному интеллекту должен предполагать следующее: во-первых, исключение полностью самостоятельного принятия решений интеллектуальными системами, так как это может нарушать основные законы робототехники; во-вторых, заблаговременное программирование определенных этических правил, направленных на облегчение ориентации интеллектуальной системы в неопределенных ситуациях, и исключения нанесения случайного или закономерного вреда человеку; в-третьих, программный учёт на уровне алгоритмов возможного негативного использования существующих систем с искусственным интеллектом.

Пристатейный библиографический список

1. Азимов А. Хоровод / Я, робот: сборник рассказов. — М.: Эксмо, 2019. — 320 с.
2. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. — М.: Политиздат, 1991. — С. 266-291.
3. Курцвейль Р. Слияние человека с машиной: движемся ли мы к «Матрице»? / Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице». Сб. — М.: Ультра, 2005. — С. 219-234.
4. Ладыгина И. В. Социально-этические проблемы робототехники // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 7. — С. 27-31.
5. Поспелов Д. А. Фантазия или наука: на пути к искусственному интеллекту. — М.: Наука, 1982. — 224 с.

¹ «Крестный отец ИИ» предупредил о возможных рисках технологии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20230502/hinton-1869084005.html> (дата обращения: 28.02.2023).

ВИЛЬДАНОВ Ханиф Салимович

доктор философских наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЮЛМУХАМЕТОВ Азат Абуталипович

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

РОЛЬ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ

Статья посвящена исследованию диалектического единства системы ценностей, аксиологической безопасности, социальных и экзистенциальных угроз. Авторами анализированы причины ризоморфности системы ценностей, плюрализации и индивидуализации аксиологической сферы современного общества и связанные с данными процессами социальные и экзистенциальные угрозы в обществе.

Ключевые слова: экзистенция личности, система ценностей, аксиологическая безопасность, плюрализация и индивидуализация системы ценностей, ризоморфность ценностей, социальные и экзистенциальные угрозы.

VILDANOV Khanif Salimovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

YULMUKHAMETOV Azat Abutalipovich

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technological University

THE ROLE OF THE VALUE SYSTEM IN ENSURING AXIOLOGICAL SECURITY AND PREVENTING SOCIAL AND EXISTENTIAL THREATS

The article is devoted to the study of the dialectical unity of the system of values, axiological security, social and existential threats. The authors analyzed the reasons for the rhizomorphism of the value system, pluralization and individualization of the axiological sphere of modern society and the social and existential threats associated with these processes in society.

Keywords: existence of personality, system of values, axiological security, pluralization and individualization of the system of values, rhizomorphism of values, social and existential threats.

На сегодняшний день изучение вопроса национальной безопасности является наиболее актуальным в силу того, что национальная безопасность определяет не только благоприятные условия для жизнедеятельности населения страны, но и сохранения социокультурных и идентификационных ценностей в целом. Независимо от характера угроз национальной безопасности, внутренних или внешних, экономических, политических, социальных или духовных, любая угроза содержит ценностное составляющее. В основе любой безопасности, независимо от ее природы, лежит аксиологическая безопасность.

Под аксиологической безопасностью понимается безопасность социального характера, обладающая рядом особенностей. Со времен постиндустриальной эпохи безопасность, как самостоятельный аспект, подвергалась различным изменениям. Следствием стало возникновение различных угроз, формирование огромного перечня стратегических решений по их ликвидации, а также формирование кадровых, ресурсных и психологических факторов обеспечения безопасности. На протяжении долгого времени для любого общества идеологическая форма безопасности признавалась наиболее эффективной. Однако в ходе внедрения информационных технологий во все сферы человеческой деятельности, данная форма безопасности чаще стала рассматриваться как аксиологическая, и характеризоваться с различных точек зрения. «... безопасность, независимо от сферы человеческой деятельности, представляет собой состояние или условия, в которых существует определенная социальная система, и где воздействие внутренних и внешних факторов не оказывает отрицательное влияние для полноценного функционирова-

ния всех элементов данной системы. Безопасность как благоприятные состояние и условия обеспечивают не только выживание, но и становятся предпосылками прогрессивного развития социальной системы» [1].

В практической деятельности аксиологическая безопасность рассматривается с точки зрения синтеза форм безопасности социального характера, то есть, если даже речь идет о сырьевой или военной безопасности. Данный фактор обусловлен рядом причин, одной из которых является осуществление какой-либо деятельности субъектом конкретной социальной реальности, поведенческие данные которого обусловлены и зависят напрямую от его статуса в социуме, степени социализированности и системы ценностей. Но системность возникающих проблем в сфере аксиологической безопасности осознается довольно редко. Это связано с тем, что угрозы системе ценностей чаще всего заменяется вниманием к вторичным факторам, порождающим проблемы безопасности социального типа.

Любая социальная система на протяжении всего жизненного цикла стремится сохранить свою целостность. Процесс выживания любой социальной системы на уровне конкретного социального субъекта или социальной общности является достаточно важной потребностью. Главным условием процесса выживания выступает динамика социальной системы, что одновременно является фактором появления определенных угроз. Традиционность и инновации в социальном развитии, как основной фактор жизнеспособности социальной системы, показывает, что в принципе нет абсолютной безопасности как таковой. И как следствие, любая безопасность, представляет собой динамичный элемент со-

циальной реальности, который периодически подвергается различного рода изменениям, характер которых зависит от стабильности системообразующих элементов самой социальной системы. Можно сказать, что безопасность и развитие являются диалектическими факторами функционирования социальной реальности, где развитие выступает процессом постоянной адаптации к вновь изменяющимся условиям, которые в свою очередь наделены определенными угрозами, воздействующими на устойчивые элементы всей системы. А устойчивыми элементами социальной системы, прежде всего, выступает система ценностей и ценностных ориентаций.

Анализируя социальную безопасность, необходимо акцентировать внимание на всевозможные аспекты процесса обеспечения этой безопасности. Подобный подход к социальной безопасности, позволяет рассматривать ее не только в динамике, но увидеть те или иные факторы воздействия на ее развитие. Так, безопасность приобретает определенные стратегические предпосылки защиты от различного рода потенциальных опасностей, которые в свою очередь могут возникать из-за внешних и внутренних факторов воздействия на процесс развития. Обеспечение данной социальной безопасности становится возможным благодаря регулированию факторов, вызывающих потенциальные угрозы. В основе преодоления факторов угроз действенным механизмом становится система ценностей. Ценностные ориентации в социальной безопасности можно рассматривать как некоторой предпосылки целостности самой системы, в которой отдельный социальный субъект может выступать как в роли эффекторов, так и в роли рецепторов, при этом в совокупности формируя единую целостную систему с окружающей средой, а также прочими системами, которые имеют одинаковый уровень организации.

Каждая социальная система характеризуется своей открытостью. Возникающие угрозы в течение времени постоянно видоизменяются, в связи с чем всей системе необходимо приспосабливать себя к новым изменениям. Так, в процессе поэтапного развития жизнедеятельности общества происходят различного рода ранее не проявляющиеся угрозы, которые могут выражаться в абсолютно разных формах, при этом обеспечение социальной безопасности всегда проявляется в аксиологической сфере. Но, изменения в системе наиболее заметными становятся в том случае, когда социум оказывается в процессе трансформации ценностей. В условиях такого режима чаще всего общество не способно управлять трансформацией ценностей, в связи с чем социальный субъект начинает постепенно адаптироваться к возникающим извне изменениям среды. Социальный субъект часто зависим от своих каких-либо ценностей, поэтому при их трансформации на общественном уровне в первую очередь это сказывается на его жизнедеятельности внутри социума. Последствиями трансформаций являются увеличение потенциальных угроз. Нестабильность самой аксиологической сферы многократно усиливает потенциальные угрозы во всех остальных сферах социальной реальности. В этом отношении аксиологическая сфера пронизывает звеном все остальные социальные сферы, придавая стабильность социальной системе и обеспечивая ее устойчивость в отношении всех угроз.

С философской точки зрения любое ценностное образование следует определять термином «ризом», что наиболее конкретно отображает сложившиеся ценностные системы современного общества. К главным отличительным чертам системы ценностей, как резомы, можно отнести, с одной стороны, устойчивость, организованность, а с другой

– подвижность, трансформируемость. В силу того, что в современном обществе ценностная ризома, хотя и остается непосредственным основанием аксиологической безопасности, уже не имеет единого семантического центра, что вызывает определённого рода сложности и трудности в обеспечении самой аксиологической безопасности.

Проблема социальной безопасности связана, прежде всего, с качеством аксиологической устойчивости общества. Но, на сегодняшний день достаточно трудно представить эффективное развитие социума без изменений ценностной сферы. Наиболее заметным это становится в тот момент, когда сама институты социальной системы устремлены к ценностной трансформации и готовы легко отказываться от традиционной системы ценностей. Ризоморфная ценность как проблема аксиологической безопасности есть результат как внутренних, так и внешних воздействий на существующие системы ценностей, главной характеристикой которой становится нивелирование ее смысловой и практической целесообразности.

Различного рода ценностные изменения в большей степени определены процессом глобализации, тем самым актуальность локальных ценностных систем начинает постепенно теряться, взамен чего формируются новые ранее не наблюдавшиеся ценностные понятия и парадигмы, которые в свою очередь не свойственные по своей природе к конкретным социальным отношениям и обществу в целом. С учетом описанных условий в обществе достаточно затруднительным процессом становится обеспечение не только аксиологической безопасности, но и социальной безопасности в целом. Также стоит отметить тот факт, что в современном обществе происходит релятивизация ценностных смыслов и значений, что затрудняет сохранение единых ценностных понятий. Поэтому обеспечение аксиологической безопасности стоит рассматривать с точки зрения ризоморфной среды. Ризоморфность среды и ценностей не уменьшает значимость аксиологической безопасности, а увеличивает количественно-качественные показатели угроз. В этом плане ризоморфность ценностей является показателем, прежде всего, духовного состояния социума и его способности противостоять внутренним и внешним угрозам. Это означает, что чем разрозненнее шкала ценностей внутри общества, чем сильнее колебания ценностных приоритетов социального субъекта, тем больше общество подвержено влиянию социальных рисков и, как следствие, менее способно противостоять угрозам. От степени ризоморфности ценностей зависит количественно-качественные показатели угроз.

В процессе возникновения угроз последствия всегда определяются нарушением баланса жизнедеятельности человека и социальных групп. Степень угроз определяется тем, насколько эти угрозы задевают ценностные ориентации социального субъекта и усиливают колебания его ценностных приоритетов. Современные социальные, политические конфликты к тому яркое подтверждение, и они носят, прежде всего, характер информационной агрессии, направленной на разрушение ценностной сферы социального субъекта и общества в целом. Хотя на каком-то этапе этих конфликтов сама агрессия преподносится как плюрализация системы ценностей и права социального субъекта выстаивать собственную систему ценностей.

Специфика аксиологической безопасности заключается в том, что она очень редко проявляется непосредственно, как полное уничтожение системы ценностей. Это связано с тем, что ценностная сфера социального субъекта всегда остается с опре-

деленным содержанием и имеет смысловую наполненность – на смену утраченной всегда приходит новая система ценностей. И, прежде всего, аксиологические угрозы проявляются как риски в тех или иных сферах человеческой деятельности, начиная с индивидуальных социальных отношений и заканчивая социальными подсистемами общества. Показательны в этом отношении реформы системы образования с бесконечным поиском приоритетов в образовательном процессе. Образование, как аксиологическая единица, как социальный институт, превращается в риски не только социального характера, но проявляется как угроза национальной безопасности. И так с каждой конкретной сферой – здравоохранением, экономикой, политикой и духовной культурой. Сегодняшние реалии таковы, что социальная среда, так же как и культурная среда находятся в достаточно напряженной и агрессивной среде, в которой часто возникают противоречия и конфликтные ситуации, требующие безотлагательного принятия решения. Социальная среда как никогда нуждается в эффективных механизмах обеспечения аксиологической устойчивости, которые способны гарантировать жизнеспособность системы ценностей и ценностных ориентиров, лежащих в основе стабильности социальной реальности и позволяющих создавать условия преемственности и прогрессивного развития общества.

Сложность нынешней ситуации, направленной на обеспечение аксиологической устойчивости социальной среды, связана с ризоморфностью самой среды и системы ценностей. Но здесь следует отметить, что создаваемые механизмы не должны быть направлены на преодоление ризоморфности среды и ценностей, а должны исходить из понимания, что ризоморфность является существенной характеристикой самой социальной среды на современном этапе развития любого общества, и поэтому, прежде всего, она должна быть контролируемой, предсказуемой и управляемой. Много факторов, затрудняющих контролируемость, предсказуемость и управляемость ризоморфности среды и ценностей, и эти факторы, прежде всего, лежат в ее основе: виртуализация, цифровизация, глобализация социальной среды, маргинализация культуры. «Погружаясь все глубже в мир виртуальности, человек не только подменяет реальные вещи и действия их образами и символами, но также и формирует новые ценности, которые затем оказывают влияние на него самого» [2]. А последствием всех этих процессов становится то, что между социальными институтами и субъектом конкретной социальной реальности исчезают связи, социальные институты утрачивают свою власть над индивидом, а сохранившиеся связи виртуализируются. Отсутствие связей приводит к исчезновению единой системы ценностей общества, включающих, прежде всего, духовно-нравственные, морально-этические, культурные и идентифицирующие ценности. Плюрализация духовно-нравственных, морально-этических, культурных норм, в основе которых лежат ценности, усиливают их индивидуализацию. Как бы парадоксально не звучало, индивидуализация ценностей в плане аксиологической безопасности носит антисоциальный характер. Подобная индивидуализация выступает основным фактором разрушения аксиологической безопасности социальной среды, общества, так как постепенно антисоциальные аспекты ведения жизнедеятельности в обществе становятся нормальными и привычными, приобретает новый вид ведения социальных, экономических и политических взаимоотношений на общественном, государственном и международном уровнях.

В условиях, когда виртуализация, цифровизация, глобализация социальной среды, маргинализация культуры

становятся естественным состоянием общественного развития, реализация целенаправленных мероприятий, направленных на обеспечение и формирование новых механизмов аксиологической безопасности, становится важным аспектом в деятельности социального субъекта, общества и государства в целом. В этом отношении, если со стороны социального субъекта достаточно понимания и стремления поступать определенным образом, создавая баланс между собственными интересами, ценностями и интересами общества, то со стороны государства требуется политическая воля, в которой каждый социальный субъект оказывается в равных условиях. На индивидуальном уровне основу аксиологической безопасности составляет рефлексия социальным субъектом экзистенциальных угроз в отношении себя и общества. Именно понимание изменчивости и неустойчивости системы ценностей социального субъекта, как предпосылка угроз и рисков для социальной среды, является фактором стабильности и преемственности в общественном развитии. Но, когда речь идет о государстве «Потенциал экзистенциально значимых ценностей может быть реализован только через организованную внутреннюю политику государства, направленную на все стороны социальной действительности. Во всей структуре общественных отношений определяющим фактором, влияющим на экономическую, политическую и культурную и идейную целостность общества и его безопасность становятся развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, политического урегулирования глобальных и региональных кризисных ситуаций, обеспечение устойчивости макроэкономической ситуации, стимулирование темпов роста экономики, улучшение материально-технической базы организаций культуры» [3].

Таким образом, в завершении следует сказать, что обеспечение аксиологической безопасности и стабильности социального развития возможно только при совместной и осмысленной деятельности социального субъекта, общества и государства, сохранении традиционной ценностной среды, актуализации духовно-нравственной, морально-этической аксиологической константы, понимании ризоморфности социальной среды и системы ценностей и недопущении дальнейшей плюрализации и индивидуализации системы ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. Вильданов Х. С. К проблеме обоснования аксиологической безопасности // В сборнике: Наука сегодня: теория и практика. Сборник научных трудов международной заочной научно-практической конференции. Уфимский государственный университет экономики и сервиса. – 2015. – С. 154-157.
2. Колин К. К. Виртуализация общества – угроза для его стабильности? // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 449-462.
3. Вильданов Х. С., Гайнуллин Р. А. Проблема экзистенциальных угроз и аксиологической безопасности многонациональной и поликультурной России // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5 (168). – С. 511-514.

ИВАНОВА Евгения Владимировна

доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ГУЩИНА Ольга Александровна

студент 4 курса специальности «религиоведение» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНИМОСТИ ТЕОРИИ АРХЕТИПОВ К. Г. ЮНГА К АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МИФОЛОГИИ

Статья рассматривает методологическую возможность применимости таких структурных элементов религиозной мифологии как «мифема», «мифологема» «архетип» (в трактовке К. Г. Юнга) к анализу современной религиозной мифологии на примере системы П. Иванова и «Религии Богемы». Выявлено, что в современной религиозной мифологии новых религиозных движений присутствуют мифемы архаического мифотворчества. Проанализирована специфика архаического мифотворчества, которая имеет свои особенности. Сделан вывод о том, что современная религиозная мифология имеет собственную структуру, отличную от архаической и для ее анализа невозможно использовать архетипические образы К. Г. Юнга. Статья приглашает к дискуссиям о семантических траекториях анализа современных сюжетов, связанных с новыми религиозными движениями.

Ключевые слова: миф, религия, религиозная мифология, мифема, мифологема, архетип.

IVANOVA Evgeniya Vladimirovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Ontology and theory of knowledge sub-faculty of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University

GUSCHINA Olga Alexandrovna

student of the 4th course of the specialty "religious studies" of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University

THE PROBLEM OF APPLICABILITY OF THE THEORY OF ARCHETYPES BY C.G. JUNG TO THE ANALYSIS OF MODERN RELIGIOUS MYTHOLOGY

The article considers the methodological possibility of applicability of such structural elements of religious mythology as «mytheme», «mythologeme», «archetype» (in the interpretation of C. G. Jung) to the analysis of modern religious mythology on the example of P. Ivanov's system and "Religion of Boheme". It is revealed that in the modern religious mythology of new religious movements there are mythemes of archaic myth-making. The specificity of archaic myth-making, which has its own characteristics, is analyzed. It is concluded that modern religious mythology has its own structure, different from the archaic one, and for its analysis it is not possible to use the archetypal images of C.G. Jung. The article invites discussions about the semantic trajectories of the analysis of contemporary plots associated with new religious movements.

Keywords: myth, religion, religious mythology, mytheme, mythologeme, archetype.

В современной научной литературе часто используется термин «архетип», однако единства в его использовании среди исследователей не существует. «Архетипы» существуют и психологических исследованиях, и в работах, посвящённых рекламе, и в религиоведческих трудах. Кто-то из исследователей применяет «архетип» как синоним термина «образ», кто-то уточняет, что это «повторяющийся образ», некоторые исследователи используют «архетип» как синоним «мифемы». Этот факт указывает на то, что существует необходимость разъяснения, что же такое архетипы, как они соотносятся с мифемами и мифологемами. Понятие «архетип» в XX веке вошёл в научные исследования К. Г. Юнг, швейцарский психолог, создатель направления аналитической психологии. После выхода его работ на эту тему и началось массовое использование «архетипа» в различных областях, что повлекло за собой трудности в понимании теории Юнга и в частности, понимании архетипа (некоторые исследователи используют «архетипы Юнга» в своих работах, не давая при этом ни одной ссылки на самого Юнга) Одним из способов использования термина «архетип» является его применение в области исследования мифологии. Сам Юнг анализировал мифы (работы «Психология и религия», «Ответ Иову» и т. д.), выделял в них архетипы, современные исследователи продолжают применять его теорию к мифам, которых Юнг не коснулся.

Е. В. Иванова как один из авторов данной статьи не раз обращалась к применимости понятия «религиозная мифология» в современном религиоведении.[1], [2]. Мифология рассматривается Е. В. Ивановой как «одна из первых в истории человечества универсальных мировоззренческих систем, позволяющая

ответить почти на все вопросы, которые стоят перед человеком» [2, с. 8], а миф определяется как «мировоззренческий способ выражения скрытых сверхчувственных реальностей через эмоционально значимые для человека знаковые комплексы, обладающие повседневной эмпирической наглядностью» [2, с. 6]. В данном определении акцент делается на способности мифа ответить на важные вопросы, стоящие перед человеком. Именно эта функция мифа помогает в исследовании религиозной мифологии, с помощью религиозных архетипов, так как архетипы связаны с психологическим аспектом мифа.

Мифология, согласно мнению К. Г. Юнга, не является пережитком, а продолжает своё существование, обретая новые формы, в соответствии с уровнем развития человечества. Среди таких форм можно выделить киноиндустрию, в которой создателями активно используются мифические сюжеты, детские сказки, заимствующие персонажей из различных историй, в которые верили наши далёкие предки. Понятие «миф» активно используется и в политической, и в экономической, и в других сферах жизнедеятельности человека, поэтому сомневаться в мифологичности сознания современного человека не приходится. Сам же К. Г. Юнг считал, что мифологичность сознания обусловлена существованием архетипов, которые выражают себя в мифах, которые затем переходят в фольклор и в итоге в литературные произведения. Условно можно предположить как с точки зрения К. Г. Юнга «обрабатывается» опыт коллективного бессознательно-го человека: архетип – миф – фольклор – литература [3, с. 124].

По К. Юнгу архетипы устойчивы, встречаются во всех народах в разное время, влияют на эмоциональное состоя-

ние, всегда вызывают реакцию человека, отражаются в сказках и мифах. Персонажи сказок и мифов являются архетипическими образами, представленными на глубоких уровнях психического. Не важно, осознаем мы это или нет, они все равно воздействуют на нас. События в волшебных сказках и мифах отражают текущую жизненную психическую реальность. Они показывают периоды жизненного пути личности.

Архетипы, выражаясь в мифах, образуют мифологема – устойчивые и повторяющиеся конструкты человеческой мысли. Впервые мифологема упоминается в западной литературе в 30-е годы XX века и обозначает этот термин «особые образы, интуитивные или осознанные, проявляющиеся в мифах» [4, с. 14]. Главным в этом определении является тот факт, что мифологема может быть интуитивной или осознанной. Понятие «мифема» впервые было использовано К. Леви-Строссом создателем структурной антропологии, исследователем мифологии и фольклора. Теория мифа Леви-Стросса строится на понимании мифа как языка: «язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удается, если можно так выразиться, отделиться от языковой основы, на которой он сложился» [5, с. 187]. Леви-Стросс так же, как и Юнг стремился выяснить, откуда в разных культурах схожие законы общественной жизни (брачные правила, религиозные верования и др.). Оба исследователя пришли к выводу, что существует некое «бессознательное» общее для всего человечества. Таким образом, можно заключить, что термины «архетип» и «мифема» не являются взаимозаменяемыми, так как архетип является структурой, формой коллективного бессознательного (лишённой содержания), мифема же обозначается как структурная единица языка. Мифологема является символами, мифемы – знаками.

Выяснив методологические траектории использования данных терминов, применим данный инструментарий к анализу архаического и современного мифотворчества на некоторых примерах. Несомненно, что современное мифотворчество отлично от архаического в силу следующих причин. Архаическое мифотворчество было анонимным, роль автора того или иного мифа не играла большой роли ни в степени влияния этого мифа на людей, ни на содержание мифа, так как миф воспринимался как данный свыше, человек же выступал только в роли своеобразного проводника, как единственно правильное, неоспоримое объяснение.

Современный религиозный миф является феноменом, «представляющим собой вкрапление мифа в немифологическую по своей природе культурную традицию в результате сознательного рефлексивного целеполагания» [2, с. 96]. Субъект творчества сейчас имеет большое количество готовых «шаблонов» и «схем», недоступных для архаического человека. Это оказывает большое влияние на формирование современных мифов. Также современный «автор» мифов действует «по заказу общества» [2, с. 96], подстраивая существующие мифы и дополняя их актуальными для данного периода замечаниями. Помимо этого, стоит отметить, что автор, толкуя и преобразовывая мифы, не пытается быть анонимным. В современных мифах происходит самовыражение субъекта, как и в любом другом виде творчества.

Авторство играет важную роль и в новых религиозных движениях. Проанализируем, какие мифологема можно выделить на примере верования П. К. Иванова, известного еще с 90-х годов прошлого века своей «Деткой». Среди особенностей верования выделяется синкретизм (неохристианство, «житейское» язычество, концепция энергизма). Природа в учении Иванова выступает как персонифицированное божество, способное влиять на жизнь и смерть по собственной воле. После восстания людей из смерти (христианский мотив) люди будут отданы на суд Природе. Обожествляются и отдельные природные стихии (вода, воздух, земля и огонь). Холодная вода признаётся «живой». Существует и сакральное место, Чувилкин бутор, которое считается «райским». Наиболее важным является отождествление Порфирия Иванова с Иисусом Христом [6, с. 252].

Итак: 1. Мифологема божественной природы. Данный образ можно считать архетипическим, так как он встречался в архаических обществах в виде тотемизма, анимизма, магии и пр. 2. Мифологема «бога на земле». Порфирий Иванов для последователей и адептов выглядит как последующее воплощение христианского Бога (ипостаси Святого Духа). 3. В-третьих, мифологема загробного суда, посмертного воздаяния. Данный образ встречался во многих мифологиях, включая древнегреческую, древнеегипетскую, христианскую и пр. 4. Мифологема страданий героя (в данном случае совпадает с

богом). Данный мотив описывал Дж. Кемпбелл в работе «Тысячеликий герой» [7]. 5. Мифологема «золотого века». Образ «идеального момента жизни человечества» встречается в христианстве, восточных культурах и пр.

«Религия богемы» возникла в 1991 году благодаря Надежде Косовой, которая утверждает, что пережила божественное откровение, а именно «явление Творца Вселенной – Центрального Разума Вселенной» [6, с. 305]. Он, по словам Косовой, поведал тайное знание и учение Религии Богемы, которое впоследствии и оформила женщина. Косова создала мифологию, обрядовую составляющую, выработала символику, а также методику нетрадиционного целительства. Согласно учению Косовой, планета 6 тыс. лет назад называлась Богемой, а её жители – богемцами. Они являлись богоподобными существами и могли жить до тысячи лет. Богемцы не использовали ресурсы планеты для обеспечения собственной жизни, они перерабатывали так называемую энергию. Особая роль здесь уделяется женщинам, так, как и Богема, и Земля женского рода. Не претендуя на полноту описания всех доктрин «религии богемы», перейдем к анализу мифологем, из которых строится картина мира данного движения.

Первое, что можно отметить это мифологема «золотого века», которая встречалась и в учении ивановцев. Второе, это эсхатологический миф, который построен на мифемах: А) Описание глобальных искажений миропорядка, а также бедствий, которые постигнут людей в преддверии конца мира. Б) Кульминация эсхатологического мифа – описание наиболее важных событий последних дней мира, в которых сводятся воедино все линии мировой истории. В) Описание грядущего благого мира, который сменит мир нынешний [8, с. 65]. Косова считала, что в результате долгого упадка, Земля сойдёт с орбиты и так и случится конец света. И только благодаря религии Богемы можно этого избежать. Косова считает своим долгом и призванием распространять учение для спасения планеты. В-третьих, мифологема божественного младенца (сын Богоматери-Косовой), который необходим для спасения человечества. Таким образом, мифологема являлись, так же как в случае с Порфирием Ивановым, заимствованными из других религиозных систем, поэтому лишены того символического смысла, которым они наделяются при бессознательном создании.

Исходя из анализа современной религиозной мифологии (хотя всего на двух единичных примерах), можно утверждать, что теория архетипов К. Г. Юнга не применима к анализу современной религиозной мифологии в том виде, в каком она применялась к анализу архаической религиозной мифологии, так как Юнг исследовал бессознательное и термин архетипы имеет отношение к коллективному бессознательному. Сам Юнг исключал применение своей теории к сознательно заимствованным образам, так как они в таком случае, теряют символическое значение.

Пристатейный библиографический список

1. Иванова Е. В. Смыслообразующая функция мифа (образ культурного героя). – Екатеринбург: УрФУ, 2004. – 298 с.
2. Иванова Е. В. Религиозная мифология: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 187 с.
3. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. – Москва: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2023. – С. 105–143.
4. Телегин С. М. Термин «мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологема, символы в художественной картине: материалы Международной заочной научной конференции (г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.) / под ред. Г. Г. Исаева. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». – 2010. – С. 14–16.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – Москва: «Наука», 1985. – 399 с.
6. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. – Москва: Университетская книга, Логос, 2006. – 366 с.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – Москва: РЕФЛ-бук, Киев: АСТ, 1997. – 378 с.
8. Петров Н. Ф. Эсхатологический миф: миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, Юж.-Урал. изд.-торг. дом, 2001. – 108 с.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ТИМОЩУК Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

FORUM EXTERNUM / FORUM INTERNUM И НЕПОГРЕШИМОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

24 июня 2023 года войдёт в историю как день внутреннего испытания на прочность РФ. Возведённая в аксиому сентенция «Россию не возможно победить извне, а только изнутри» дополнялась пророчествами об угрозе внутреннего единства со стороны турбопатриотов. Власть таит в себе антиномию лично-индивидуализированного и «ex officio», публично-официального. Личностное – это право харизмы, где магия персоны выступает составной частью мифа власти. Она усиливается механикой ex officio, полномочиями паноптикума системы. В любом измерении сакральность власти остаётся непогрешимой догмой союза России с Богом.

Ключевые слова: *forum externum* – внешняя система власти, *forum internum* – внутренняя система власти, паноптикум власти, сакральность власти.

GOFMAN Alexander Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

TIMOSCHUK Alexey Stanislavovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

FORUM EXTERNUM / FORUM INTERNUM AND THE INFALLIBILITY OF STATE POWER

June 24, 2023 will go down in history as the day of the internal test for the strength of the Russian Federation. The morale that it is not possible to win Russia from the outside, but only from the inside was supplemented by prophecies about the threat of internal unity by turbopatriots. The authorities are fraught with antinomy of personality-individualized and “ex officio”, public-commissioned. Personal is the right of charisma, where the magic of personality acts as an integral part of the myth of power. It is amplified by the mechanics of Ex Officio, the powers of the system and the panoptic of the authorities. In any dimension, the sacredness of power remains an infallible dogma of the Russian Union with God.

Keywords: *forum externum* - external system of power, *forum internum* - internal system of power, panopticon of power, sacredness of power.

Общественные отношения развиваются быстрее, чем разворачивается государственная машина, чем происходит правовая рефлексия, поэтому структурирование единого абстрактно-всеобщего масштаба регулирования ex officio не всегда соответствует динамике социальной жизни. В этих условиях теория обращается к сложным, гибридным, паранепротиворечивым конструктам.

В «Никомаховой этике» Аристотель сообщает о маневрировании естественного и условного в правосудии [1, с. 101-103]. Правосудное / неправосудное решение зависит от обстоятельства, от того, к кому оно обращено, в отношении себя или других. В церковном праве для описания дилеммы канонически-процедурного и непубличного используется оппозиция «*forum externum* – *forum internum*». В философии права и философии политики конструкция *forum externum* / *forum internum* применяется для градации степеней свободы, которой правоприменитель должен пользоваться при лавировании между правосудным и неправосудным решением, для дескрипции морально непротиворечивой системы власти, а также для оправдания государства (кратодицея). Исследователи концепта *forum externum* / *forum internum* связывают эти институты с наличием морального ядра у правоприменителей (совесть, нравственность, смониторинг, объективность, справедливость), а также свободой амбиверсии или способности переключаться с внутреннего на внешнее, потенциал интериоризировать публичные ценности и овнешнивать нравственные императивы [2]. *Forum externum* / *forum internum* означает, что

холистический правоприменитель-амбиверт владеет системой ценностей, которые применяет как к себе, так и другим интегративно, нелицемерно, согласно нравственному императиву И. Канта. Возможность переключения с внутреннего суда на внешний суд ему даёт нравственная свобода и этическая эмпатия, позволяющие осуществлять правосудие в отношении других, честно оценивать обстоятельства принятия властных решений. При этом, «...идея признания непогрешимости обладающего властью субъекта, не относится исключительно к сфере права и правосудия, а является глубинным, доминирующим фактором, направленным, на уровне общества, на организацию процессов человеческой деятельности, а на уровне личности, на удобный механизм снятия с себя ответственности за совершаемые деяния» [3, с. 131].

Конфликт *forum externum* / *forum internum* имеет несколько частно-государственных измерений и проявляется в лоббировании, конфликте интересов, коррупции, использовании государства как инструмента личного и группового обогащения [5], [6], [7], [8]. Солидарность, устойчивое развитие – всё это хрупкие стратегии государственной эволюции, которым противостоят разрушительные корпоративные проявления воли военной аристократии, активизирующей самые неожиданные сценарии общественного развития. Сила гвардии заключается в её способности ускорять реформирование государственного механизма. Казацкие смуты, стрелецкие бунты, мятежи мамлюков, восстания янычар, гвардейские перевороты – выступления военной знати тре-

бовали внимания власти к своим корпоративным проблемам и модернизации государственного механизма.

Однако военные корпорации не могут реализовать всю мощь *forum externum*. Будучи связанными *forum internum*, этикой военной элиты, воинские братства представляют разновидность ценностно-смысловой группы со свойственной для неё групповым (сектантским) мышлением. Так, до тех пор, пока группа «Вагнер» выполняла государственные задачи в серой зоне, её необычный неоязыческий стиль оставался лишь частью особого имиджа и яркой индивидуальностью. После мятежа 24 февраля 2023 г. антиномии государственного и частного стали рельефными, подсветив особенности корпоративного конструирования смыслов и его удалённость от *forum externum*, суждений общегосударственных.

В частности, аллюзии к германской нацистской идеологии давно сопровождают нарративы о создании ЧВК, чей легендарный родоначальник Дмитрий Уткин якобы увлечен символизмом и концептосферой Третьего рейха. Само название «Вагнер» отсылает нас к композитору, который стал музыкальным олицетворением германского нацизма. Мертвая голова с шеврона «Вагнера» является неоднозначным символом, который в совокупности с названием ЧВК также вызывает ассоциации с мифологией нацизма. Несомненно, ЧВК отвергает свою связь с нацизмом и никаких прямых обвинений не может быть. Вместе с тем, используемая символика и отсылки «Вагнера» противоречивы и могут быть интентированы в русле мистицизма Третьего рейха и такие толкования не являются новеллой для зарубежной журналистики, обвиняющей «Вагнер» в конструировании неонацистской символики. Возможно, некоторое провокационное кодирование имеет место, что может быть связано с личностным, негосударственным началом подобных сообществ. Закрытое боевое братство не привлекало к себе внимание, что связано со спецификой особых задач, которые выполнял «Вагнер», сохраняя имидж частной, негосударственной, которой позволено иметь особый символизм в связи с исключительной стойкостью, профессионализмом, риском, граничащим с мистическим культом мёртвых героев.

Именно сектантский образ «Вагнера» и препятствует его успешному постпиару. Небывалая боеспособность и мотивация ценны только в связке с государственными задачами. «Вагнер» хотел, чтобы их марш справедливости воспринимался как выступление против некомпетентности, трусости и слабости верховной элиты. Однако, погрузившись в узкую среду группового мышления, «Вагнеру» не хватило политической культуры увидеть, что сектантские методы непригодны для государства. Одиночество заговорщиков есть результат недооценки *forum internum*. Государство может ошибаться, но оно не может торопиться с внутренним правосудием разных групп. Действительно, трудно представить, что Президент может под давлением даже прославленной боевой единицы, выдать для расправы генералитет и позволить существовать над законом. То, кто представляется для группы как справедливость в терминах *forum internum*, не выдерживает испытания государственным *forum externum*.

Власть – это баланс между сектантством и публичностью. Кулуарность коридоров власти даёт основания толковать феномен контроля как исключительно персоналистский и групповой (келейный, партийный). Несмотря на это, характер общезначимых вопросов государственной политики, заставляет проверять *forum internum* с помощью универсалистской *forum externum*. Ибо группа заговорщиков, придя к власти, ломает *forum externum* для инкорпорирования своего сектанства, как это было, например, с большевиками, рушивших старый мир революционным правом (*forum internum*).

«Вагнер» был удобен тем, что решал вопросы в серой зоне как военная секта с присущими неправовыми методами допроса и неконвенциональным способом воздействия на недоброжелателей, с оперативными отделами в регионах

по контролю за своими «бывшими». Выйти на уровень легальности для секты означает потерять свои возможности по контролю своих членов.

Сектантство и публичность взаимно стабилизируют и легитимируют конструкцию власти. Благодаря суперсистеме государства каждая система власти продолжает предыдущую, даже если они были антагонисты, как мы это увидели в символизме поднятия трёх флагов России разных эпох во время экономического форума в Санкт-Петербурге в 2023 г.

В секту вступают люди, ищущие корпоративной поддержки, недовольные традиционными институтами. Порой секты создают себе нереальные, идеальные представления о том, каким должно быть государство и управление, им важно получать подтверждение, что широкие массы их слушают, поддерживают и сопереживают. Секты поддерживают имидж борцов на истину, гонимых правдоруков, жертв козней противников. Успешность секты держится не только на деятельности харизматов, но и на эффективных фанатичных верующих в своё дело последователях. Своим адептам секта обещает принадлежность к успешной организации, высокую самооценку [4].

Для входа в секту необходимо принимать систему внутренней справедливости (*forum internum*), быть готовым защищать её в случае конфликта с *forum externum*, т.к. группа спасается сообща («груз-200 – мы вместе»). Коллективный апокатастасис – это лишь продолжение харизматического лидерства группы и её упорядоченной системы негласных правил. Для сохранения эффективности закрытая группа должна находиться на меже между оригинальностью и традиционностью идей, ведь перекося в любую из сторон приведёт к нарушению баланса *forum externum* / *forum internum*. Усиление модернизма ведёт к разрыву с традицией и внутренними устоями, а архаизация традиции делает группу вторичной на рынке, она теряет общезначимость *forum externum*.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Никомахова этика. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
2. Большаков Е. В., Назаров И. Д. Концепция *forum internum* и *forum externum* в теории и истории правосудия. – Владимир: Типография на Растопчина, 2023. – 276 с.
3. Большаков Е. В., Назаров И. Д. Принципы «внутреннего» суда (*forum internum*) через призму мировоззрения правоприменителя // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 127-136.
4. Тимошук А. С. Сектофобия и мифологическое сознание // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2008. – С. 204-214.
5. Alesina A., Rosenthal H. Partisan politics, divided government, and the economy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 280 p.
6. Bonotti M. Partisanship and Political Obligation // Politics. – 2012. – Volume 32. – Issue 3. – P. 153-161.
7. Bulman-Pozen J. Partisan federalism // Harvard Law Review. – 2014. – Vol. 127. – № 4. – P. 1077-1146.
8. Schmidt M. When parties matter: A review of the possibilities and limits of partisan influence on public policy // European Journal of Political Research. – 1996. – Volume 30. – Issue 2. – P. 155-183.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-507-508

ИГНАТОВА Юлия Евгеньевна

аспирант кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета

ЛУКЬЯНОВ Геннадий Иванович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Инженерно-экономического факультета Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного технического университета

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются социокультурные особенности российского правосознания, имеющего тесную связь с нормативными системами религии и морали. Авторы показывают соотношение морального, религиозного и правового сознания в современной России. Указано, что правовое сознание содержит в себе не только рациональные, но и иррациональные элементы. В российских условиях оно сложно дифференцируется от таких смежных нормативных форм как мораль и религия. Обосновано, что разрывы и конфликты между моральным (нравственным) и правовым сознанием приводят к дисфункции правосознания и порождению правового нигилизма как маркера кризиса правовой системы. Ценности права произрастают из нравственных и религиозных представлений, которые фактически связаны между собой и образуют единое ценностно-нормативное пространство, в котором происходят взаимодополнения, компенсации нормативными системами друг друга, переключения и перенос центра тяжести с одной системы на другую в зависимости от стоящих перед обществом задач. Каждая из систем формирует собственный формат рефлексий, стандартизаций и формализаций.

Ключевые слова: российское общество, социальное доверие, право, политика, мораль, религия, правосознание, ценности, социальные институты.

IGNATOVA Yuliya Evgenjevna

postgraduate student of Philosophy, law and social sciences and humanities sub-faculty of the Armavir State Pedagogical University

LUKYANOV Gennady Ivanovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Economics and management sub-faculty of the Faculty of Engineering and Economics of the Volga Polytechnic Institute (branch) of the Volgograd State Technical University

SOCIAL TRUST AS A FACTOR IN THE FUNCTIONING OF VALUE-NORMATIVE SYSTEMS IN RUSSIAN SOCIETY

The article deals with the socio-cultural features of Russian legal consciousness, which is closely related to the normative systems of religion and morality. The authors show the correlation of moral, religious and legal consciousness in modern Russia. It is indicated that legal consciousness contains not only rational, but also irrational elements. In Russian conditions, it is difficult to differentiate from such related normative forms as morality and religion. It is substantiated that gaps and conflicts between moral (moral) and legal consciousness lead to dysfunction of legal consciousness and the generation of legal nihilism as a marker of the crisis of the legal system. The values of law grow from moral and religious ideas, which are actually interconnected and form a single value-normative space in which there are complementaries, compensations by normative systems of each other, switching and transfer of the center of gravity from one system to another, depending on the tasks facing society. Each of the systems forms its own format of reflections, standardizations and formalizations.

Keywords: Russian society, social trust, law, politics, morality, religion, legal consciousness, values, social institutions.

Феномен социального доверия [1] является одним из ведущих в условиях современного тапа социальности [2], подверженной воздействиям цифровых трансформаций [3]. Социальное доверие также играет важную роль в структуре правового сознания, так как именно социальное доверие становится одним из факторов устойчивости правового сознания в условиях современности. Несмотря на то, что правосознание – это система, имеющая выраженную и достаточно устойчивую структуру, между его элементами может нарастать асинхронность, что создает дисфункции правосознания [4]. Например, когда в российском обществе возникает искусственное государственное «продавливание» в общество какой-либо системы права, не отвечающей потребностям и

особенностям правовой психологии, происходит разбалансировка этих двух элементов.

В качестве ближайшего примера можно привести внедрение в 90-х годах в российское общество западных либерально-демократических правовых норм, многие из которых не только не соотносились с российскими нормами морали, но и конфликтовали с ними. Более того, к этим нормам часто отсутствовало социальное доверие. Этот период характеризуется нарастанием правового нигилизма, то есть, призывание бессилия, дисфункциональности, низкой ценности такого права. Понять логику реформаторов в целом можно, они предполагали за счет созданного конфликта ценностей вытеснить мораль из правовой сферы, заставить ее выполнять

Игнатова Ю. Е.

Лукьянов Г. И.

только собственные функции и, создавая правосознание, начать директивное внедрение норм из самой формализованной сферы, переходя в менее формализованные [5].

Однако эффект получился обратный, западное право оказалась дискредитированным, мораль в конфликте победила, и правосознание российского общества прошло новый виток легитимации через мораль и вновь возрожденную религию. И российское общество снова оказалось перед нерешенным вопросом: что делать с дисфункциональной правовой системой и с чего начинать формирование правосознания. И снова этот процесс формирования оказывается искусственным и инспирированным «сверху». Политический процесс, внутри которого решаются вопросы формирования правосознания, делится на две части. Во-первых, работа формальных политических и правовых институтов, определяющая каркас и рамки политического воздействия на общество. Во-вторых, инкрементно меняющаяся обратная сторона формальной политики и права. Это правовая культура, роль которой никак нельзя преуменьшать.

В. Д. Могилевский проблемы построения любой системы относит к и правосознанию [6]. По мнению исследователя, для этого есть все основания. Правосознание стоит: во-первых, на определённости, упорядоченности и согласованности, более или менее дифференцированных норм, формальной и неформальной вовлеченности в практики их исполнения (здесь работает закон противодействия, если люди не исполняют формальные нормы, закрепляется дисфункция правового сознания, привычка к неисполнению); во-вторых, на согласованности норм между собой, системности правовой системы как целого (если нормы противоречат друг другу, а главное, если они противоречат традиционным неформальным практикам, российское общество скорее пожертвует правовыми практиками в пользу традиционных моральных или религиозных); в-третьих, на объединении людей, реализующих цель и действующих на основании определенных правил (это значит, что общество как коллективный субъект правосознания, как минимум, должно быть заинтересовано в формировании правосознания и в выполнении правовых норм, считать их легитимными, эффективными, заслуживающими выполнение).

В российском обществе есть проблемы со всеми тремя пунктами, общество не заинтересовано в формировании правосознания, потому что не понимает его функций, часто считает его избыточным, противоречивость правовых норм отбрасывает не только как неразрешимую, но и как не достойную разрешения, если есть понятные, отрефлексированные в многолетней практике неформальные и неправовые нормы, вполне одобряемые или не осуждаемые точки зрения морали. Эта дисфункциональная связь правовых институтов и правосознания детерминирует длительную инерцию правового нигилизма в России, который отчетливо, в виде обострения, проявил себя в 90-е годы XX века, но, по сути, имеет уже, как минимум, двухсотлетнюю историю. Вообще, необходимо сказать, что эта взаимная сложная зависимость и взаимная обусловленность норм права и правовой культуры работает в обе стороны. В случае, когда нормы права функциональны и правильно воспринимаются обществом, правовая культура катализирует этот процесс, создавая дополнительные ценностные рефлексии для легитимации права (и единичные сбои в правоприменительной практике в этом случае не имеют значение, они не станут делегитимирующим фактором) [7, с. 130-134].

В случае же, когда нормы права дают не единичные, а системные сбои, а в культуре не сформирована высокая ценность права, то есть, развитое правосознание, культура может начать создавать запрос на альтернативные, неформальные, практики. И в этом случае единичные (и даже многочисленные) случаи уместного и корректного правоприменения не помогут, общество будет продолжать инерционно считать право дисфункциональным, «не работающим».

В современном мире все правовые системы имеют высокую зависимость от гражданского участия, от постоянных процессов легитимаций правовой системы, поскольку в современном мире осталось крайне мало государств, в котором традиция производит это легитимирующее воздействие ав-

томатически, без участия общественного и индивидуального сознания. Кроме того, современные государства в политическом процессе чаще всего демонстрируют высокую динамику, а для этого необходимо социальное доверие как фактор сглаживания постоянных кризисов системы, находящейся в постоянном изменении.

Правовая система взаимодействует с правовым сознанием, постоянно производя сверку с моральным и религиозным нормативным сознанием [8, с. 47-52]. Взаимоотношения морали и права идут по замкнутому процессу в сторону от к политики, где идеи наполняются содержанием и определяются к морали, где идеи и принципы коррелируют с ценностными основами нравственности (этот процесс двухсторонний, однако в современном обществе движение от политики к морали происходит чаще в силу активности политического процесса и частоты формального изменения политико-правовой системы). Оказавшись в пространстве моральной системы, нововведение отбрасывается или сдентифицируется, оседает и закрепляется. И снова выходит на новый круг взаимоотношений с правовыми нормами, но уже в качестве легитимирующего основания.

Таким образом, анализ отношений феноменов социального доверия и российского правосознания как автономной формы общественного и индивидуального сознания представляет собой сложность. Это связано с тем, что, как и любой вид сознания, правовое сознание содержит в себе не только рациональные, но и иррациональные элементы. В российских условиях оно сложно дифференцируется от таких смежных нормативных форм как мораль и религия. В качестве легитимирующего основания часто выступают мифологические или религиозные представления о «добре» и «зле», о формах справедливости и свободе. Ценности права произрастают из нравственных и религиозных представлений, и, хотя каждая из нормативных систем представляет собой независимую точку отсчета, они связаны между собой и образуют единое ценностно-нормативное пространство, в котором происходят взаимодополнения, компенсации нормативными системами друг друга, переключения и перенос центра тяжести с одной системы на другую в зависимости от стоящих перед обществом задач. Каждая из систем формирует собственный формат рефлексий, стандартизаций и формализаций, поэтому исследование всего комплекса ценностно-нормативных систем также представляется непростой задачей, решить которую российском ученым и философам только предстоит в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. - М.: АСТ, Ермак, 2004. - 730 с.
2. Бакланова О. А., Душина Т. В. Социальность как предмет социокультурного анализа // Социодинамика. - 2017. - № 6. - С. 52-58.
3. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
4. Бакланов И. С., Колосова И. В. Динамика правовых ценностей в условиях глобализации и цифровизации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2021. - № 6. - С. 214-217.
5. Бурлова Ю. А., Бакланова О. А. Социальная норма как функциональный механизм социальности // Kant. - 2022. - № 4 (45). - С. 112-115.
6. Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. - М.: Экономика, 1999. - 256 с.
7. Гаибханова Л. Я. Право, религия и мораль // Природа. Человек. Культура. Материалы Первого Международного научно-просветительского форума. Под общей редакцией С. Е. Туркулец Е. В. Листопадовой. - М., 2018. - С. 130-134.
8. Перепелкин В. И., Кузьмин Ю. А. Взаимоотношение морали и правосознания // Oeconomia Et Jus. - 2019. - № 4. - С. 47-52.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-5-180-509-510

СЕРЁГИН Алексей Анатольевич

аспирант кафедры комплекса гуманитарных дисциплин Российского государственного социального университета

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья раскрывает основные методы и подходы в изучении такого сложного и многогранного социального явления как межрелигиозные отношения. В статье описана совокупность элементов религиозной деятельности, которая обуславливает специфику межрелигиозных отношений. Поясняется понятие объективной и субъективной сторон как выражение материальной и воображаемой реальности. Также показано, что, являясь частью общественных отношений, межрелигиозные отношения обладают своими отличительными особенностями поскольку построены на принципах веры и приоритете духовно-практических ценностей.

Ключевые слова: общественные отношения, общественное сознание, религия, межрелигиозные отношения, духовная сфера, Абсолют, диалог, анимизм.

SEREGIN Alexey Anatoljevich

postgraduate student of Complex of humanitarian disciplines sub-faculty of the Russian State Social University

PRINCIPLE OF ANALYSIS OF INTERRELIGIOUS RELATIONS

The article reveals the main methods and approaches in the study of such a complex and multifaceted social phenomenon as interreligious relations. The article describes a set of elements of religious activity that determines the specifics of interreligious relations. The concept of objective and subjective sides as an expression of material and imaginary reality is explained. It is also shown that, being a part of social relations, interreligious relations have their own distinctive features because they are built on the principles of faith and the priority of spiritual and practical values.

Keywords: social relations, public reason, religion, interreligious relations, spiritual sphere, absolute, dialogue, animism.

Серёгин А. А.

Человеческая деятельность предполагает постоянные и протяжённые, прямые или опосредованные связи между людьми, определяющие их взаимодействие в пространстве и во времени. «Система этих связей образует общественные отношения, жизненная необходимость которых выражена, во-первых, условиями и средствами деятельности людей и, во-вторых, интересами, и потребностями индивидов» [4, с. 325-326].

Организация устойчивой формы социальной жизни нуждается в применении нормативно регулируемых инструментов, координации, взаимодействии и контроле через систему социальных институтов и общественных организаций. Этот механизм был реализован в теории общественного договора — социально-философской концепции, трактующей гражданское общество в категориях общих моральных и политических понятий, с которыми согласны и которые принимают все члены сообщества свободных и равных людей несмотря на то, что они разделены личными суждениями в аксиологических, моральных и метафизических вопросах.

Общественные отношения обусловлены общественным сознанием (*public reason*) — совокупностью представлений о сущности конкретного общества в определённом историческом моменте. Основой общественного сознания является единство мнений, поскольку любая публичная норма одобряется обществом тогда и только тогда, когда её одобряют индивидуальные решения каждого члена, хотя частные решения могут быть обусловлены разными предпосылками. Таким образом, общественный разум является конвергенцией частных суждений [6].

Современные представления об общественном сознании исходят из убеждения, что применение индивидуального разума в вопросах справедливости приводит к множественным неустраняемым разногласиям. Следовательно, нельзя основывать публичные принципы и нормы на частном суждении какого-либо одного человека, поскольку такой подход нарушает свободу и моральное равенство других. Взгляды общественного сознания стремятся примирить общие обще-

ственные принципы с моральным равенством всех, раскрывая нормы или правила, которые могут быть одобрены сознанием всех членов сообщества.

Общественные отношения являются необходимым условием жизнедеятельности человека. Кант определял отношения через взаимодействия между «действующим» и «подвергающимся действию». Категории отношения: субстанция, причинность и общение по Канту — это *априорные* категории рассудка, т. е. существующие до эмпирики отношений и не обусловленные ей. В «аналогии опыта» категорию общения также называют принципом общности: «все субстанции в силу одновременности своего существования входят в универсальную общность, т.е. находятся в состоянии взаимодействия» [3, с. 367-368].

Общественные отношения представляют собой системную структуру взаимодействия как внутри, так и на границе всех элементов сферы общественной жизни: политических, экономических, социальных, информационных и духовных. Таким образом, будет справедливо рассматривать любые взаимодействия внутри каждого отдельного элемента социальной сферы, как часть общественных отношений, не только обусловленными ими, но и представимыми в их виде.

Очевидно, религия и религиозные отношения входят в духовную часть общественной сферы, следовательно, имеют свойства, общие для любых общественных отношений. А именно: порождаются практической и абстрактной деятельностью людей, живущих в определённых исторических условиях — географических, темпоральных, политических, экономических, культурных — и воплощающих общественные (национальные) интересы и ценности, или что они понимают как ценности.

Однако религиозные отношения имеют свои отличительные особенности, поскольку порождаются в результате уникального рода деятельности — религиозной, основанной на приоритете ценностей духовных и духовно-практических, хотя не исключаяющей и учета ценностей другого порядка, например, материальных. «Основные элементы духовной

культуры общества складываются стихийно, закрепляются в опыте в виде различного рода стереотипов и воспринимаются в дальнейшем как «естественное», «само собой разумеющееся», «должное», а позже «разумное». Они-то и становятся в конечном итоге основой и критерием суждений о «рациональном» и «иррациональном», хотя рациональность их самих ничем не может быть гарантирована» [2, с. 1814].

Структура любой современной религии основана на совокупности её четырёх главных элементов: религиозное сознание, религиозная деятельность, религиозные организации и религиозные отношения. Религиозное сознание адекватно понятию религиозной веры и включает в себя два уровня осмысления: обыденный — формирующийся на основе представлений верующих, и мировоззренческий — состоящий из комплекса религиозных идей с религиозно-философской аргументацией.

Религиозная деятельность состоит из элементов культовой практики — это ритуалы, обряды, таинства, жертвоприношения и т. д., и внекультовой деятельности — экономической, хозяйственной, благотворительной, миссионерской и прочей. Всякая религиозная деятельность осуществляется, регулируется и контролируется религиозными организациями и может варьироваться в частности в зависимости от типа самой организации — в общем случае это церковь, деноминация и секта.

В зависимости от субъектов и способов связи между ними, религиозные отношения могут быть культовыми — складывающимися в процессе совместного отправления культа верующими, и внекультовыми, т.е. любыми другими, например, строящимися на обмене информацией как между верующими, так и между религиозными организациями.

Особо выделяются объективная сторона религиозных отношений — как отражение материальной реальности, и субъективная — как выражение представлений индивида об окружающем мире. Первые, реальные — отношения между верующими, они очевидны и доступны верификации. Вторые, воображаемые — отношение верующего к объекту веры, недоступные познанию, поскольку явным является только один субъект отношений, второй же — Абсолют — существует исключительно в его сознании и заключает в себе иную онтологическую сущность.

Религиозные отношения являются структурной составляющей религии и реализуются в духовной сфере как форма общественного бытия они обусловлены верой в Бога субъектов этих отношений. Религиозное сознание есть конститутивный отличительный признак религиозных отношений от всех прочих социальных отношений. И если другие отношения строятся на доверии, то религиозные на вере.

Религиозные отношения возникают и развиваются между верующими, духовенством, внутри и между конфессиями, религиозными общинами, объединениями и организациями, а также духовными образовательными учреждениями и религиозными средствами массовой информации.

Однако отношения в духовной среде не всегда остаются исключительно религиозными. Это обусловлено тем обстоятельством, что сферы общественной жизни взаимосвязаны между собой и не могут быть изолированы друг от друга, а их субъекты ведут перманентное социальное взаимодействие и информационный обмен. Кроме того, даже отношения между верующими не могут опираться только лишь на религиозную основу, поскольку в результате социальной деятельности они неизбежно столкнутся с теми или иными вопросами производства и потребления, политики и права, образования и медицины, семьи и нравственности, науки и культуры.

В общем случае основой любых социальных, в том числе религиозных отношений является диалог как форма вербального и письменного обмена информацией. В религиозных отношениях «термин «диалог» обычно используется для обозначения широкого круга взаимодействий между религиозными традициями, от повседневного взаимодействия между верующими, живущими в одних и тех же районах, до организованных дискуссий и дебатов между учеными-экспертами, а также от формальных или случайных обменов между духовными или институциональными лидерами до межрелигиозной активности по социальным вопросам» [1, р. XIII].

Несмотря на то, что у каждого конкретного диалога есть свои уникальные предмет и конечная цель, совокупным для всех его форм является общая открытость и взаимное уважение его участников. Таким образом, понятие межрелигиозного диалога представляет собой конструктивное взаимодействие в духовной среде.

Научная интерпретация межрелигиозных отношений, прежде всего, подразумевает отношения между организациями, объединениями, группами и индивидами, принадлежащими к разным вероисповеданиям. Такой подход (назовём его «широким смыслом» межрелигиозных отношений) обоснован и отражает реальность. Действительно, главные мировоззренческие, канонические, догматические, культовые, моральные и культурные взгляды, нормы, разногласия и противоречия имеют место на стыке теистических систем, таких как — христианство, ислам, иудаизм и др. Это обусловлено цивилизационно-культурными различиями мировых религий. Очевидно родство их сущностных атрибутов, таких как догмат о существовании единого высшего существа (Бог, Аллах), священное писание (Библия, Коран, Пятикнижие и Тора), обращение к Богу или Его святым (молитва, амида, намаз или саят), а также разнообразные культовые обряды.

В том или ином качестве обретается почти в любой религии понятие «духа», «души». В совокупности религия как система мировоззрения, построенная на вере в трансцендентное, сверхъестественное и таинственное, в своём становлении прошла несколько этапов развития. Первым из которых был анимизм — вера в существование души и духов — попытка первобытного человека дать рациональное объяснение всему непостижимому и загадочному. «Анимизм в его полном развитии включает верования в управляющие божества и подчиненные им духов, в душу и в будущую жизнь, верования, которые переходят на практике в действительное поклонение» [5, с. 265]. По сути, анимизм — это всевидение духовных существ, которые управляют материальным миром и жизнью человека, в его реальной и загробной жизни.

Таким образом межрелигиозные отношения как часть общественных имеют свойства, общие для любых общественных отношений. А именно: порождаются практической и идеальной деятельностью людей, живущих в конкретные исторические условия: место, время, культура, политика, экономика и т.д., и воплощающих свои интересы: экономические, политические, культурные, национальные и т.п., и ценности или что они понимают как ценности.

Однако межрелигиозные отношения — это особенная сфера, они имеют свои собственные черты, поскольку порождаются в результате особого рода деятельности — религиозной, основанной на приоритете ценностей духовных и духовно-практических, хотя эта деятельность не исключает и учета ценностей другого порядка, например, материальных.

Пристатейный библиографический список

1. Cornille C. (2013). Introduction // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue / Ed. C. Cornill. — Chichester: John Wiley & Sons.
2. Гончаров В. Н. Леонова Н. А. Общественные отношения в контексте различных концепций происхождения религии как проблема социально-философского анализа // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — № 12 (часть 8). — С. 1812-1816.
3. Конт-Спонвиль, Андре. Философский словарь / Пер. с фр. Е. В. Головиной. — М.: Этерна, 2012. — 752 с.
4. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Коримов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. — 624 с. («Summa»).
5. Тэйлор Э. Б. Первобытная культура / Перевод с английского; под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. В. К. Николаевского. — Государственное социально-экономическое издательство. — Москва, 1939. — 568 с.
6. D'Agostino, F. Free Public Reason: Making It Up as We Go. — Oxford University Press, 1996.

СТЕПАНЕНКО Алексей Сергеевич

доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, директор Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОГО ПОИСКА

Искусственный интеллект трансформировал существующий механизм научных исследований и произвел революцию в научном поиске и анализе, позволив исследователям обрабатывать огромные объемы данных и извлекать необходимую информацию. Вместе с тем использование искусственного интеллекта в научных исследованиях поднимает важные вопросы, касающиеся владения, защиты и совместного использования прав интеллектуальной собственности, так как возникает закономерный и важный вопрос: Кому принадлежит интеллектуальная собственность опубликованного научного исследования? Актуальность данного исследования заключается в попытке найти ответ на данный вопрос. Объект исследования – познавательная деятельность человека, предмет исследования – научный поиск, как система категорий, ценностей, принципов организации научного исследования. Цель данной статьи – представить подробный анализ использования искусственного интеллекта в научных исследованиях и связанных с этим последствий обеспечения прав интеллектуальной собственности. В данном исследовании рассматриваются возможности, предоставляемые искусственным интеллектом в научных исследованиях, правовые и этические соображения, связанные с интеллектуальной собственностью, и потенциальные стратегии решения этих проблем.

Ключевые слова: интеллектуальное право, познание, открытая наука, методы познания, авторское право.

STEPANENKO Alexey Sergeevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Humanities and socio-economic sciences sub-faculty, Director of the East Siberian (Branch) of the Russian State University of Justice, Irkutsk

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL PROPERTY OF SCIENTIFIC SEARCH RESULTS

Artificial intelligence transformed the existing mechanism of scientific research and revolutionized scientific search and analysis, allowing researchers to process huge amounts of data and extract the necessary information. At the same time, the use of artificial intelligence in scientific research raises important questions concerning the ownership, protection and sharing of intellectual property rights, as a natural and important question arises: Who owns the intellectual property of the published scientific research? The relevance of this study is to try to find an answer to this question. The object of research is human cognitive activity, the subject of research is scientific search as a system of categories, values, principles of scientific research organization. The purpose of this article is to present a detailed analysis of the use of artificial intelligence in scientific research and the associated consequences of securing intellectual property rights. This study examines the opportunities provided by artificial intelligence in scientific research, legal and ethical considerations related to intellectual property, and potential strategies for solving these problems.

Keywords: intellectual law, cognition, open science, methods of cognition, copyright.

Искусственный интеллект изменил механизм научных исследований, когда роль человека в познании сводится к роли наблюдателя, при этом повышается скорость и точность анализа данных, позволяя исследователям выявлять сложные закономерности, делать прогнозы и генерировать новые знания путём формулировки запросов к программному обеспечению. Однако использование искусственного интеллекта в научных исследованиях поднимает сложные вопросы, связанные с правами интеллектуальной собственности: «Всемирная организация интеллектуальной собственности заявила, что «Интеллектуальная собственность относится к продуктам ума, изобретениям, литературным и художественным произведениям, любым символам, именам, изображениям и образам, используемым в коммерческих целях»» [1, с. 601], таким образом, возникает неизбежный вопрос владения результатами работы искусственного интеллекта. Определение принадлежности результатов научного поиска, сгенерированных искусственным интеллектом, является сложной задачей ввиду отсутствия прозрачных и чётких правовых механизмов, которые определяли бы правовую принадлежность результатов научного поиска. Традиционные формы интеллектуальной собственности, такие как авторские права или патенты, могут быть применимы к результатам научного поиска, но их применение и ограничения могут различаться в зависимости от правового режима, который действует в

конкретной стране и к конкретным результатам научного поиска. Возникают вопросы о том, как определить оригинальность и новизну результатов, полученных с помощью ИИ, и как защитить их от неправомерного использования. В то время как алгоритмы искусственного интеллекта обрабатывают и анализируют данные, лежащие в их основе и данные, полученные в результате творческого вклада исследователей могут подлежать защите интеллектуальной собственности. Уточнение прав собственности и установление четких соглашений между исследователями, институтами и разработчиками искусственного интеллекта имеет решающее значение для предотвращения юридических споров и обеспечения надлежащей защиты. На сегодняшний момент одним из основных документов, определяющим и разграничивающим право владения результатами научного поиска искусственного интеллекта (ИИ) и человека, это Резолюция Европарламента № 2020/2015 о правах интеллектуальной собственности для разработки технологий искусственного интеллекта¹. В ней делается различие двух видов произведений, произведения, которые созданы человеком при помощи ИИ и произведения, которые созданы ИИ автономно, при этом второй тип произведений не подлежит правовой защите. Также остаёт-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277_EN.pdf.

ся сложным и открытым вопросом оригинальности и новизны результатов научного поиска, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта и которые могут претендовать на защиту интеллектуальной собственности, такую как авторское право или патентные права, однако правосубъектность и объем защиты могут варьироваться в зависимости от юрисдикции и конкретного характера результатов научного поиска. Обеспечение баланса между потребностью в защите результатов научных исследований и содействием научному прогрессу через доступ к знаниям является ключевой задачей для развития информационно-коммуникационных технологий, но при этом возникает дополнительный вопрос: ИИ обрабатывает и анализирует данные, полученные другими учеными при этом никак не соблюдая законодательство по защите интеллектуальной собственности, что несомненно вызывает юридические и этические разногласия. Использование искусственного интеллекта в научных исследованиях вызывает этические проблемы, особенно в отношении конфиденциальности данных, прозрачности цитирований чужих научных результатов. Независимые исследователи должны обеспечивать соблюдение этических принципов и норм и в идеале алгоритмы искусственного интеллекта должны разрабатываться и обучаться таким образом, чтобы свести к минимуму вероятность использования чужих результатов, полученных другими исследователями без полноценного и четкого цитирования.

Использование искусственного интеллекта в научных исследованиях также определяет развитие современной открытой науки и сотрудничества, когда знание как таковое не принадлежит конкретному лицу, а принадлежит всем, то есть алгоритмы искусственного интеллекта могут облегчить обмен исследовательскими данными и их анализ, позволяя различным исследователям опираться на работу друг друга и ускорять научный прогресс. Поощрение открытого доступа к результатам научного поиска и труда, которые сгенерированы искусственным интеллектом, формирует практику совместных исследований и в целом могут способствовать инновациям и распространению знаний: «...сложное использование информации об интеллектуальной собственности, подкрепленное искусным внедрением методов искусственного интеллекта, может дать более надежные и полезные открытия для политиков и менеджеров о глобальных инновациях в новых областях технологий, чем это возможно с помощью традиционных методов. сбор и анализ данных» [2].

Однако использование искусственного интеллекта в научных исследованиях при значительном количестве участников поднимает важный вопрос, касающийся коммерческого использования результатов научного исследования, так как владение и защита результатов научного поиска, генерируемых искусственным интеллектом, является сложным правовым вопросом, требующим четких соглашений и руководящих принципов, коммерческое использование результатов в настоящее время остаётся абсолютно неконтролируемой областью. Законы об интеллектуальной собственности, такие как авторское право и патенты, могут применяться к результатам, созданным с помощью искусственного интеллекта, но их применимость и содержание защиты могут различаться в зависимости от национальной юрисдикции: «Огромные объемы данных собираются каждую секунду и сохраняются для дальнейшего запроса, интеллектуального анализа данных и должны обрабатываться учеными и врачами. Эти данные содержат большой объем конфиденциальной информации, которая часто доступна только в Интернете и открыта для всех. Здесь в дело вступает искусственный интеллект. Искусственный интеллект помогает повысить достоверность имеющихся данных и помогает улучшить конфиденциальность пациента, когда данные хранятся в облаке. Однако неправильное и/или чрезмерное использование искусственного интеллекта может привести к непредвиденным последствиям» [3, с. 37].

В настоящее время в России отсутствует правовое обеспечение результатов взаимодействия ИИ и человека, при этом этические соображения выходят на первый план и имеют решающее значение при использовании искусственного интеллекта в научных исследованиях, так как фактически исследователям остаётся проявлять индивидуальную осознанность и собственные этические соображения к использованию ИИ в своих научных исследованиях. Фактически учёные должны самостоятельно соблюдать этические принципы и определять границы допустимого с позиции правоприменения и правосубъектности использования результатов научного поиска ИИ, либо разработчикам разрабатывать алгоритмы искусственного интеллекта таким образом чтобы минимизировать этические нарушения и возможные нарушения авторского права.

Заключение

Использование искусственного интеллекта в научных исследованиях несомненно открывает возможности для развития открытой науки и сотрудничества в форме объединения различных идей. Алгоритмы искусственного интеллекта могут облегчить обмен исследовательскими данными и их анализ, позволяя исследователям опираться на работу друг друга и ускорять научный прогресс, при этом поощрение использования открытого доступа к результатам научного поиска, генерируемым искусственным интеллектом, и поощрение практики совместных исследований могут способствовать инновациям и распространению знаний, но должно быть ограничено чёткими законодательными рамками. Чтобы решить возникающие проблемы, которые открывает искусственный интеллект в научном поиске все заинтересованные стороны должны участвовать в дискуссиях и разрабатывать руководящие принципы, учитывающие правовые, этические аспекты и взаимное сотрудничество, это может выражаться в заключение четких соглашений о праве собственности на результаты научного поиска, обеспечение соблюдения законов об интеллектуальной собственности, продвижение этических методов использования искусственного интеллекта и формирование культуры открытой науки и сотрудничества на принципах взаимного согласия.

Использование искусственного интеллекта в научных исследованиях имеет значительные преимущества для обеспечения непрерывности научного поиска, но также имеет негативные последствия для обеспечения прав интеллектуальной собственности, в силу отсутствия понимания того, как ИИ использует результаты труда сторонних учёных. Уточнение прав собственности, защита результатов научного поиска, полученных с помощью искусственного интеллекта, учет этических соображений и поощрение открытой науки и сотрудничества необходимы для использования всего потенциала искусственного интеллекта при формировании такой среды научного поиска, в которой учёные и исследователи смогут самостоятельно, на принципах саморецензирования соблюдать этические и правовые нормы и правила научных исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Davies C. R. An evolutionary step in intellectual property rights—Artificial intelligence and intellectual property // *Computer Law & Security Review*. – 2011. – Т. 27. – № 6. – С. 601-619. DOI 10.1016/j.clsr.2011.09.006.
2. Seskir Z. C., Willoughby K. W. Global innovation and competition in quantum technology, viewed through the lens of patents and artificial intelligence // *International Journal of Intellectual Property Management*. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 40-61. DOI 10.1504/IJIPM.2023.129076.
3. Gupta P. K., Prasanna D. V., Raghunath S. S. How artificial intelligence can undermine security: an overview of the intellectual property rights and legal problems involved // *Applications in Ubiquitous Computing*. – 2021. – С. 37-58. DOI 10.1007/978-3-030-35280-6_3.

ШАРИПОВ Азамат Ражапович

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью Уфимского университета науки и технологий

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Автор анализирует отдельные аспекты национального самосознания на современном этапе мирового развития. Какие возможные перспективы у национального самосознания в современную эпоху.

Ключевые слова: национальное самосознание, нация, популяция, локализация, идентичность, этничность, мировые конфессии.

SHARIPOV Azamat Razhapovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Sociology and youth work sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

NATIONAL CONSCIOUSNESS, TRENDS AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD

The author analyzes certain aspects of national self-consciousness at the present stage of world development. What are the possible prospects for national identity in the modern era.

Key words: national identity, nation, population, localization, identity, ethnicity, world confessions.

Проблема национального самосознания в современном мире является одной из самых неоднозначных и актуальных. Так, с одной стороны, глобализация, прозрачность культурных границ и усиление миграционных потоков приводят к тому, что национальная идентичность становится не такой ярко выраженной и не так важной, как это было до эпохи глобализации, с другой стороны продолжают существовать межрасовые и этнические проблемы и социальные конфликты, которые нередко вытекают именно из отсутствия ясных, четких национальных идентификационных критериев [1].

Одной из наиболее распространенных проблем национального самосознания является вопрос определения «возможных границ нации (этноса)», её исторических, культурных, территориальных и других элементов. Всё это обуславливает актуальность национального единства как выражения согласия на стабильное и гармоничное взаимодействие всех его частей, которые могут быть объединены единой национальной (этнической) идентичностью.

При этом различия регионов планеты, национальных меньшинств и внутринациональных групп, а также социальные и экономические неравенства также могут вызывать противоречия и протесты, окрашенные в национальные черты, так группы могут бороться за признание своих прав на сохранение своих культур и традиций в обществах, где существует дискриминация.

Кроме того, сохранение национальной идентичности является также проблемой для некоторых стран и народов, находящихся в процессе глобализации и локализации. Например, американское белое большинство в США, именуемые как WASP (белые англо-саксонские протестанты) имеют очень слабую национальную идентичность,

что отражается в продвижении идей консерваторства-капитализма и фетишизации позитивных черт разнообразия, а не в формировании национальной идентичности. Потому что определяющим для WASP является профессиональная идентичность, а не национальная. При этом нужно отметить, что в США существуют десятки протестантских церквей, которые возникли на основе многообразных этнических и расовых групп. Из этого можно сделать предположение о совпадении национальной, расовой и профессиональной идентичности. Есть и другая тенденция, когда взаимодействие американцев различных этносов, в свою очередь, неизбежно приводит к построению новых этнических и социальных границ, в том числе и к созданию культурных и политических противоречий.

Кроме того, как видно «Пандемия, несомненно, усилила значение государства в экономике, отмечают авторы «Долгосрочного прогноза Julius Baer на 2020–2029 годы». До этого власти не очень благосклонно относились к тому, чтобы использовать фискальные меры для поддержки экономики и наращивать госдолг. Но из-за пандемии они изменили свое мнение на противоположное. Все чаще политики стали говорить о гарантиях со стороны государства, базовом доходе и справедливом пропорциональном налогообложении»¹.

В современной Российской Федерации процессы в национальной (этнической) сфере протекают совсем по-иному и прежде всего потому, что современная Россия не является привлекательной страной для массовой эмиграции, как например США и страны Европы или Юго-Вос-

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/418621-novyy-kapitalizm-kak-menyayetsya-mirovaya-ekonomika-vmeste-s-ney-i-rynki>.

точной Азии, как Сингапур, Южная Корея, Китай. К сожалению, для нас.

В России множество национальных (этнических) групп, каждая из которых имеет свою уникальную культуру, традиции и обычаи, при этом большая часть из этих групп это автохтонные и при этом малочисленные народы. Помимо них в современной России проживают достаточно многочисленные группы диаспор в основном выходцев из бывших республик СССР, такие как цыганская, армянская и азербайджанская диаспоры в России. Представители этих диаспор достаточно успешны в различных областях деятельности в России, что зачастую вызывает ксенофобию по отношению к ним, со стороны коренных народов России. Об этом можно судить исходя из публикаций в СМИ о возникающих конфликтах и отражающих суть ксенофобии.

В современном глобальном мире возможности для развития национального самосознания заметно расширились благодаря процессам глобализации и свободе доступа к информации. Люди имеют доступ к различным культурам, языкам и традициям, что позволяет им более полно понимать и ценить свои исторические корни и идентичность прежде всего национальную. Любой человек оказавшийся в другой части мира на какое-то время или переехавший на ПМЖ имеет возможности общения как с родными онлайн, так и к актуальной информации с Родины за тысячи километров и всё это благодаря бурному развитию современных информационных технологий.

С другой стороны, существуют угрозы для сохранения национальной (этнической) культуры, языка и идентичности. Глобализация может привести к потере традиционных национальных ценностей и культурных особенностей в результате влияния массовой западной культуры. Кроме того, процессы миграции и развитие мультикультурного сообщества способны привести к нивелированию национальной (этнической) идентичности и возникновению новых гибридных культур [2].

При этом различные страны мира и мировые общественные организации в настоящее время активизировали свою деятельность по сохранению и укреплению национальных культур и национального самосознания. Это происходит через различные мероприятия, такие как обучение и изучение культурных национальных традиций, развитие национальных языков и расширение сферы их использования в обществе.

Также важно отметить, что национальное самосознание должно сочетаться с толерантностью и уважением к иным культурам, традициям и идентичностям, если они не противостоят общечеловеческим принципам морали и нравственности. Только таким образом возможно достигнуть баланса интересов между сохранением идентичности, языка и культуры своего народа с уважением к иным традициям людей другой идентичности.

Таким образом, перспективы развития национального самосознания в современном мире зависят от отношения общества к культурной идентичности и готовности

уважать и сохранять это наследие, одновременно открываясь к иным культурам и традициям.

Пристатейный библиографический список

1. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – С. 591.
2. Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. – М.: Праксис, 2002. – С. 43.

МАРКОВА Наталья Михайловна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

НРАВСТВЕННАЯ СВОБОДА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме понимания нравственной свободы православными авторами XIX-XX веков. Нравственная свобода или свобода воли представляла собой важный аспект нравственного богословия, понимающего свободу в качестве дара Божьего. В связи с этим в православном богословии принято выделять естественную или формальную свободу и нравственную – истинную реальную. Нравственная свобода понимается как свобода личностного становления, самоопределения, самодействия в тех границах, которые установил Бог. В связи с этим нравственная свобода имеет, согласно православному богословию, не абсолютный, а условный характер. Основное направление, в котором реализуется свобода воли, и которое предопределяет судьбу каждого человека есть свободный выбор в пользу добра или зла. Этот выбор является основным критерием для самореализации человека, обладающего нравственной свободой.

Ключевые слова: нравственная свобода, свобода воли, христианство, православие, добро и зло.

MARKOVA Natalya Mikhailovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Philosophy and religious studies sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletovs Vladimir State University

MORAL FREEDOM: SOME ASPECTS OF THEOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

The article is devoted to the problem of understanding moral freedom by Orthodox authors of the 19th-20th centuries. Moral freedom or free will was an important aspect of moral theology, understanding freedom as a gift from God. In this regard, in Orthodox theology it is customary to single out natural or formal freedom and moral - true real. Moral freedom is understood as the freedom of personal formation, self-determination, self-action within the boundaries that God has established. In this regard, moral freedom, according to Orthodox theology, is not absolute, but conditional. The main direction in which free will is realized and which predetermines the fate of each person is a free choice in favor of good or evil. This choice is the main criterion for the self-realization of a person who has moral freedom.

Key words: moral freedom, free will, Christianity, Orthodoxy, good and evil.

Маркова Н. М.

Жизнь каждого человека регулируется не только правовыми нормами, но и нравственными законами, причём приоритет этих регулирующих норм зависит от мировоззренческих установок каждого отдельного человека. Так, исполнение правового закона является обязательным и принудительным, поскольку его неисполнение влечет за собой административную или уголовную ответственность, подобно «природным» отношениям и необходимости подчиняться физическим законам для сохранения жизни и существования. В отличие от этой ситуации, нравственные нормы основываются на свободном выборе человека, который сам решает, следовать им или нет. Другими словами, нравственность основана на свободе, свобода «составляет необходимое условие нравственности»¹. Существуют религиозные и светские формы нравственности, при этом, все они признают человека существом свободным и, соответственно, несущим ответственность за свой выбор. Далее мы обратимся к религиозным представлениям, сформировавшимся в основном в христианстве православными авторами XIX-XX веков.

Так, согласно «Основам учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятым на Архиерейском Соборе РПЦ, свобода «есть одно из

проявлений образа Божия в человеческой природе»². Свобода человеку дарована Богом в акте творения первых людей, созданных по образу и подобию Божьему. Поскольку первый человек – Адам был создан Богом по «образу и подобию», соответственно «дар свободы – это одно из проявлений его богоизбранности» [3, с. 111]. Свобода первых людей проявлялась в тех заповедях, которые были ими получены от Бога, в Его призыве исполнять эти заповеди. Будь человек лишен этой свободы, то, по утверждению священника В. Леонова, «слова Бога были бы лишены смысла» [3, с. 110]. Будучи образом Божьим, человек обладает теми же свойствами, что и «Божье естество», а именно – свободным выбором и хотением, что выразилось и в дальнейшей судьбе первых людей, в их грехопадении. Вне свободы грехопадение было бы невозможным. Православное учение о спасении и греховности также базируется на идее свободы человека, свободного выбора, свободы воли. Согласно православному вероучению «первозданный человек обладал богоподобной свободой» [3, с. 111] ровно то время, пока творил добро. Адам не испытывал каких-либо препятствий, ни внутренних, ни внешних, в добродетели, в осуществлении замысла Божьего. Но человек, в отличие от Бога, обладающего абсолютной свободой, ограничивается свободой условной, неполной и несовершен-

1 Шиманский Г. И. Конспект по нравственному богословию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Germogen_Shimanskij/konspekt-po-nravstvennomu-bogosloviyu/ (дата обращения: 5.06.2023)

2 Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/428616.html> (дата обращения: 2.06.2023).

ной. Полученная человеком от Бога свобода рассматривается как некий залог, ведущий свободу к совершенству и отражающий абсолютную свободу Бога, при условии правильного его использования. Условность человеческой свободы проявляется в его желании и стремлении к исполнению воли Бога, к добродетели. До тех пор, пока человек стремится творить добро, исполнять заповеди Бога, он получает для этого возможности и силы, по мере того, как реализация добродетели уменьшается, уменьшаются и возможности человека. Если же намерения человека противоречат воле Бога, то и возможности могут стать неосуществимыми. Однако, с утратой возможностей человек не утрачивает свободу. Даже встав на путь богоборчества, человек свободен в своих решениях и поступках, и всегда может вернуться на сторону добра, на сторону промысла Божьего.

Итак, согласно православным богословам, человек получил свободу от Бога как источник для своей творческой реализации – «свобода – это способность личности к творческому становлению в границах тех возможностей, которые определены Богом»³. В отличие от природного мира, подчиненного принципу необходимости, человек, благодаря полученному от Бога дару, свободен. Он получил свободу к творческому творению, самоформированию, самоосуществлению, самораскрытию, самопроявлению, самостановлению. Теперь человек сам несет ответственность за свое становление, свой выбор. Человек сам отдает предпочтение тому или иному закону существования, то есть осуществляет нравственный выбор, ориентируясь на определённые принципы и нормы поведения. Другими словами, свобода представляет собой «самую глубокую нравственную основу личности, ее исключительную привилегию и неотъемлемый дар»⁴. Самоопределение личности основывается на основном человеческом выборе – выборе добра и зла. Иначе говоря, свобода представляет собою не столько онтологическую категорию, сколько нравственную, поскольку осуществляется не выбор бытия, а выбор состояния бытия.

Протоиерей Николай Стеллецкий определяет свободу как «силу нашего самоопределения, удерживающую наши хотения и действия или усиливающую их, останавливающую нашу волю или возбуждающую ее к деятельности»⁵. Другими словами, как отмечает В. Леонов, свобода присуща только существам, обладающим личностью, является характеристикой человека в личностном отношении. В свою очередь свобода личности реализуется через волю, что дает возможность говорить о существовании «свободы воли», которая в христианском богословии понимается как свободное самоопределение и его осуществление. «Воля – это природный инструмент личности для реализации своего замысла» [3, с. 118]. Однако, свобода человека в реализации своих замыслов не безгранична. Вслед за индетерминизмом – учением, признающим наличие у человека свободы воли, христианство, тем не менее, под свободой воли понимает не вседозволенность и полный произвол, а свободу выбора между добром и злом, «свобода воли есть наша ни от кого и ни от чего не зависящая способность самоопределения по отношению к добру и злу» [2, с. 16].

Воля, по словам священника М. Менстрова, служит внутренним началом действий человека. Воля предполагает спо-

собность души человека определять себя как деятельность, то есть действовать в соответствии с собственным выбором, свободно и обдуманно. «То свойство души, по которому она может управлять своею волею, составляет свободу человеческого духа» [4, с. 12]. Чувство свободы присуще всем действиям воли человека, то есть всем моментам волевого процесса: и при обсуждении действия, и при решении действовать, и при осуществлении действия, и при раскаянии после совершения действия, и при радости. Иначе говоря, человек сам направляет свою волю.

М. Менстров выделяет два типа свободы – естественную свободу и нравственную свободу. Свобода является естественным состоянием человека, поскольку естественная свобода является природным свойством воли каждого человека. Люди, независимо от их воспитания, образования, места проживания, социального статуса и т.д. одинаково совершают действия, в основе которых лежит их внутреннее состояние, привычки, чувства, привязанности. Иначе говоря, естественная свобода представляет собой некий «произвол», зачастую противоречащий нравственным, этическим или религиозным нормам. В состоянии естественной свободы воля опирается не на нравственный характер внутренних мотивов, а на мысли и чувства человека.

Нравственная свобода выражается в действиях, опирающихся не только на представления человека, а на нравственный закон. «Воля наша тогда свободна, когда она в своих действиях следует нравственному закону» [4, с. 14]. Нравственная свобода, согласно православному богословию и должна составлять цель человеческой жизни. В силу того, что целью христианства выступает нравственное самосовершенствование человека, то под христианской нравственной свободой следует понимать независимую силу самоопределения человека, направляющую его к добру, то есть освобождение христианина от рабства греха и «следование по пути вечной правды Божьей» [4, с. 14]. Та воля свободна, которая с позиции православного богословия, руководствуется разумом, «просветленным христианской религией» [4, с. 14].

Отечественный богослов Г. И. Шиманский выделяет три состояния нравственной свободы человека: формальную или психологическую свободу, реальную или существенную свободу, идеальную или истинную свободу. Формальная свобода представляет собой свободу выбора, то есть основывается на добровольном выборе человека следовать в сторону добра или зла. Эта свобода была дарована человеку, как уже отмечалось выше, в моменте творения первых людей, тогда же им и была предоставлена свобода выбора: «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... – заповеди Господа Бога твоего. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Второзак. 30:15-19). Формальная свобода была присуща первым людям до момента их грехопадения. В состоянии формальной свободы первые люди были одинаково способны к добру и злу, поэтому для того, чтобы укрепить человека в добре, Богом были дарованы заповеди.

Однако, дарованная первозданным людям формальная свобода еще не имела внутреннего содержания, она представляла собой лишь начальный этап истинно-нравственной свободы, «когда человек свободно и по любви мог исполнять волю Божию»⁶. Только после того, как происходит выбор в пользу добра или зла, то есть когда формальная свобода реализуется в выборе, тогда происходит переход от формальной свободы к реальной, которая в свою очередь подразделяется на реально-злую и реально-добрую свободу соответственно.

3 Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seminaria.kz/wp-content/uploads/2018/03/Arhim.-Platon-Igumnov.-Pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie.pdf> (дата обращения: 1.06.2023).

4 Там же.

5 Стеллецкий Н. Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Stelleckij/opyt-nravstvennogo-pravoslavnogo-bogoslovija-v-apologeticheskom-osveshenii/ (дата обращения: 1.06.2023).

6 Шиманский Г. И. Конспект по нравственному богословию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Germogen_Shimanskij/konspekt-po-nravstvennomu-bogosloviyu/ (дата обращения: 5.06.2023).

Реально-злая свобода была реализована после грехопадения первых людей. Однако, как утверждают православные богословы, даже после изгнания из рая у человека продолжала преобладать склонность более ко злу, нежели, чем к добру. Тем не менее, даже в этом состоянии человек не утратил возможности возвращения к добру. Согласно христианскому вероучению, возможность возвращения к добру, «освобождения от рабства греха»⁷ происходит с приобретением человека к жизни Христовой. Обратившись к Христу, пройдя через таинство крещения, человек приобретает ту формальную свободу, которую он потерял в результате грехопадения. Направляя свою волю к добру, с помощью Божественной благодати возможен переход к реально-доброй свободе: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 36).

Реально-добрая свобода является мостиком к истинной нравственной свободе. Через укрепление в добре или зле реальная свобода становится идеальной, составляя идеально-добрую или идеально-злую свободу соответственно. Такое состояние свободы в христианском богословии именуется «рабством праведности или рабством греху»⁸, представляя собою такое состояние свободы, когда поворот к добру или злу становится настолько полным, всеохватывающим и всесторонним, что смена парадигм и поворот в противоположную сторону становится бессмысленным и невозможным. Истинно-добрая свобода присуща ангелам и святым, а истинно-злая – злым духам и нераскаявшимся грешникам. По мнению протоиерея Николая Стеллецкого только идеально-добрая свобода может в полном смысле считаться нравственной свободой.

Человек становится в полном смысле свободным, согласно православному богословию, только тогда пребывает во Христе, следует Его учению. Основной целью нравственной свободы служит стремление к высшему благу. Высшем благом является то, что по своему объему, содержанию и совершенству превосходит все другие блага. Сущность высшего блага, таким образом, заключается в выполнении Божьего закона. Следуя воле Божьей как высшей нравственной силе, высшему нравственному закону, воля человека становится безграничной, подчиняясь силе воли Божьей, соединяясь с ней.

Согласно христианскому вероучению человек является существом нравственно свободным, способным самостоятельно управлять своей волей и поступками. Свобода является основным условием нравственной деятельности. Там, где присутствует принуждение или необходимость и нет свободы, там не может быть и нравственности. Человек не должен отвечать за поступки, которые он совершил по принуждению. Согласно христианскому вероучению каждый предстанет перед Богом и ответит за свои действия. Свобода придает нравственный характер поступкам. Свобода есть дар человеку от Бога, следовать ему за Богом или нет, встать на сторону добра или зла: «если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мной...» (Матф. XVI, 24). Как учит христианская церковь, только Бог является источником свободы и только Бог поддерживает ее в человеке. «Свободное состояние в добре и истине невозможно без свободы выбора»⁹. Ценность свободного выбора меркнет, если выбор обращается от добра к злу.

В современной научной литературе понятие нравственной свободы или свободы воли, по сути, не противоречит богословскому пониманию этих терминов. Опуская исто-

рию возникновения данных понятий, современные словари относят данные термины к философским или этическим категориям, акцентируя внимание на способности человека самостоятельно осуществлять выбор своих действий в соответствии с морально-нравственными установками, то есть осуществлять моральный выбор между добром и злом. «Свобода воли – это философская категория; в самом общем смысле означает способность человека самостоятельно, в соответствии с принятым мировоззрением определять свои поступки и действовать на основании собственного решения. Как категория этики... означает, что, совершая поступок, человек осуществляет моральный выбор между добром и злом, нравственным и безнравственным»¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seminaria.kz/wp-content/uploads/2018/03/Arhim.-Platon-Igumnov.-Pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie.pdf> (дата обращения: 1.06.2023).
2. Игумен Филарет (Вознесенский). Конспект по нравственному богословию. – М., 1990 – 111 с.
3. Леонов В., священник. Свобода человека во Христе и без Христа. Опыт богословского осмысления. // Консультативная психология и психотерапия. – 2010 - № 3. – С. 110-121
4. Менстров М. Уроки по христианскому православному нравовучению. – СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1914. – 333 с.
5. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/428616.html> (дата обращения: 2.06.2023).
6. Словарь по этике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ethics.academic.ru/308/%D0%A1%D0%92%D0%9E%D0%91%D0%9E%D0%94%D0%90_%D0%92%D0%9E%D0%9B%D0%98 (дата обращения: 4.06.2023).
7. Стеллецкий Н. Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Stelleckij/opyt-nravstvennogo-pravoslavnogo-bogoslovija-v-apologeticheskom-osveshenii/ (дата обращения: 1.06.2023).
8. Шиманский Г. И. Конспект по нравственному богословию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Germogen_Shimanskij/konspekt-po-nravstvennomu-bogosloviyu/ (дата обращения: 5.06.2023).

7 Там же.

8 Там же.

9 Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/428616.html> (дата обращения: 2.06.2023).

10 Словарь по этике. // https://ethics.academic.ru/308/%D0%A1%D0%92%D0%9E%D0%91%D0%9E%D0%94%D0%90_%D0%92%D0%9E%D0%9B%D0%98 (дата обращения: 4.06.2023).

СЁМКИН Андрей Владимирович

аспирант кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ЖИЗНЕННОГО МИРА СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

В статье рассматривается феномен коммуникации, исследование которого стало одним из центральных в современной социальной теории благодаря идеям Юргена Хабермаса. Для него коммуникация является основанием существования сферы коммуникации социальных субъектов, которая получила у него название «жизненный мир». Именно в рамках жизненного мира происходит зарождение того, что Ю. Хабермас называет «коммуникативной рациональностью», которая в идеале должна стать основанием для развития и существования не только жизненного мира, но и другой составляющей общества – «системы», под которой Хабермас понимает совокупность политических, правовых и экономических институтов. Теория коммуникативного действия создает условия для того, чтобы социальное взаимодействие, осуществляемая между социальными субъектами, рассматривалось с учётом особенностей и нюансов существования современного общества и ценностных ориентиров социальных субъектов в ситуации их коммуникации.

Ключевые слова: общество, коммуникация, социальная система, жизненный мир, ценности, рациональность, коммуникативное действие, инструментальное действие.

SEMKIN Andrey Vladimirovich

postgraduate student of Philosophy sub-faculty of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University, Stavropol

VALUE FOUNDATIONS OF COMMUNICATION IN THE ASPECT OF THE STUDY OF THE MODERN SOCIAL SYSTEM AND THE LIFE WORLD OF SOCIAL SUBJECTS

The article deals with the phenomenon of communication, the study of which has become one of the central ones in modern social theory thanks to the ideas of Jürgen Habermas. For him, communication is the basis for the existence of the sphere of communication of social subjects, which he called "the life world". It is within the framework of the lifeworld that the emergence of what J. Habermas calls "communicative rationality" takes place, which ideally should become the basis for the development and existence of not only the lifeworld, but also another component of society - the "system", by which Habermas understands the totality of political, legal and economic institutions. The theory of communicative action creates the conditions for social interaction between social actors to be considered taking into account the peculiarities and nuances of the existence of modern society and the value orientations of social actors in the situation of their communication.

Keywords: society, communication, social system, life world, values, rationality, communicative action, instrumental action.

Понятие коммуникации используется как в обыденном языке европейских народов, так и в социально-гуманитарном дискурсе давно, но в современных социальных науках оно актуализировалась в рамках теории социального взаимодействия и разнообразных концепциях информационного общества, основанием которых является идея о том, что развитие информационно-коммуникационных технологий существенно влияет на формирование новой социальной реальности [1, с. 2.]. Если при рассмотрении социальных взаимодействий акцент делается на рациональных аспектах, то в теории коммуникации центр тяжести исследователяского интереса переносится на производство, воспроизводство, трансляцию и обмен смыслами ценностями и информацией [2, с. 155-163]. Исходя из этого, а также отталкиваясь от того, что коммуникация в обществе осуществляется между различными социальными субъектами, среди которых можно назвать индивидов, социальные группы, общности и даже цивилизации, можно выделить несколько исследовательских аспектов рассмотрения коммуникаций. Прежде все коммуникация выступает как обмен ценностями, смыслами в результате взаимодействия между социальными субъектами. Философские осмысление этого типа коммуникации восходит к учению Сократа о диалоге как источнике рождения истины, а позднее осмысливался Аристотелем в его «Риторике» [3]. Поэтому очевидно, что именно в Античности начала оформляться проблема коммуникации. Однако коммуникация – это не только обмен смыслами и ценностями, их трансляция, но и обмен информацией, её распределение [4, с. 136-144]. Исследование этого аспекта коммуникации стало основанием для развития теории информационного

общества и теории информации, которые получили наибольшее развитие трудах Мануэля Кастельса и Николаса Лумана. Если для Кастельса коммуникация является базисом существования социальных сетей [5], то для Лумана коммуникация является важным ресурсом построения социальной системы, координацией и управлением её элементов [6]. Для многих современных социальных теорий является практически априорным понимание того, что наряду с информационно-технологическим аспектом коммуникации всё более и более возрастает [7, р. 362-368]. Ряд исследователей выделяет ценностно-символические аспекты коммуникации, которые связаны с определёнными социальными практиками и действиями индивидов, вокруг которых конституируется социальное пространство [8, с. 78-81].

Наконец, понятие коммуникации стало одним из центральных в современной социальной теории благодаря идеям Юргена Хабермаса. Для Ю. Хабермаса коммуникация является основанием существования тематизированной сферы общения, которая получила у него название «жизненный мир». Именно в рамках жизненного мира происходит зарождение того, что Хабермас называет «коммуникативной рациональностью», которая в идеале должна стать основанием для развития и существования не только жизненного мира, но и другой составляющей общества – «системы», под которой Хабермас понимает совокупность политических, правовых и экономических институтов [9]. Жизненный мир Ю. Хабермаса рассматривает с позиции коммуникативного действия, при этом Ю. Хабермас подчеркивает невозможность сведения коммуникативного действия к одному лишь процессу коммуникации [10]. Это позиция включает в себя все существующие

интеракции, возникающие во взаимодействии индивидов при наличии согласованности этого взаимодействия. Это позволяет Ю. Хабермасу отделить коммуникативное действие от действия инструментального. В понимании Ю. Хабермаса, инструментальными являются действия, являющиеся рационально эффективными, контролируемые целевыми установками и предвосхищением результата. Коммуникативным же действием становится действие, представляющие собой взаимодействие индивидов, которое будет регулироваться со стороны принятых как общественных норм, которые были приняты как обязательные. Если инструментальное действие делает целевую установку на успех, то коммуникативное действие, прежде всего направлено на установление взаимодействия между субъектами. С развитием научных взглядов в меняющихся условиях существующей реальности, делая данную теорию более адаптивной, Ю. Хабермас трансформирует выделенные виды, преобразовывая их в четыре новых типа: стратегическое, экспрессивное, норм-регулирующее и собственное коммуникативное действие. Стратегическое действие, своего рода, модифицированное инструментальное действие, с четкой рациональной направленностью, с осознанием целей и средств их достижения, отдавая отчет себе в выборе средств и последствий получения результата. Норм-регулирующие действия не будет являться только объективно возможным, но еще и духовно моральной с присутствием эмоционального компонента. Экспрессивный вид действия. Данный вид действия Ю. Хабермас относит к двустороннему, так как наделяет его моментом двойственности. С одной стороны, данный вид действия полностью основан на главенстве эмоционального фактора, становясь, своего рода, реактивным реагированием на изменяющиеся условия процесса взаимодействия, что приводит к присутствию субъективной рациональности, не многоплановости рассмотрения возможных реакций. С другой стороны, данный вид действий обладает ярко выраженной драматичностью, то есть соответствует такому действию, которое заранее спровоцировано и имеет установку на определенную ответную реакцию.

Коммуникативное действие по Ю. Хабермасу, как и прежде направлено на установление взаимодействия и взаимопонимание с приобретением нового упора на преодолении разногласий. При этом важным становится рассмотрение составляющих компонентов данного вида действий: субъекты говорящие, служащие субъекты, отношение между ними, цели, которые они преследуют.

После выделения подобного рода структуры действия Ю. Хабермас соотносит каждый из типов с категорией рациональности, которое помогает проанализировать более глубоко саму типологию действий, в соотношении их с данной категорией и между собой, называя такую теорию «теорией коммуникативной рациональности». Данная теория как бы становится анализом уже существующей теории «рациональности» М. Вебера, но в теоретическом плане он идет дальше. Ю. Хабермас нацеливаясь на интерпретацию рационального действия, переплетенную с уже существующим деятельным подходом, что подразумевает наиболее полно и точно определить формы разумной организации поведения, через представляющую им классификацию действий. Это позволяет понять наличие интерсубъективного компонента в коммуникативном измерении действия. Также находясь в борьбе с концепцией идеалистического типа Г. Гегеля, основываясь на разработанных концепциях «рациональности» М. Вебера, Ю. Хабермас устраняет мифологическую и религиозную картины мира, делая возможной демифологизацию разума и понимания разумного интеллектуального начала, не имеющего своей субстанциональной принадлежности [11, с. 83-86].

Данные направления разработок способны определить социально-исторические аспекты взаимодействия, исследовать личность со стороны интеракции нравственно-практических

познавательных компонентов. Отличительной чертой теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, от существующих на тот момент коммуникативных теорий, было выделение следующей категорий, составляющих коммуникацию элементов: категория соотношения интересов и установок действующего лица к миру и категория отношения к другому субъекту, в которой рассматривается такой важный процесс как «говорение», что позволяет выделить простейшие элементарные условия коммуникативного ряда. Все коммуникативное действие понимается Ю. Хабермасом как выстраивание отношений между говорящим и слушающим субъектами, которые связаны наличием определенного вида отношений, как с объективным, так и с субъективным мирами, одновременно высказывающими значение того смысла, который заключен в процессе взаимодействия. Эта категория позволяет рассмотреть отношение субъектов к существующей реальности, через установления возможных коммуникативных процессов с другими людьми. Истина будет находиться между спорами и приходом к согласию, но при этом каждый участник коммуникативного акта, имеет право претендовать на истинность несенной им информации. Данный вид взаимодействия способен рождать «дискурсы». Ю. Хабермас определяет категория «дискурс», через приостановку внешних намерений действия для объемной аргументации субъектом своих собственных мотивов, ожиданий и так далее.

Таким образом, теория коммуникативного действия создаёт условия для того, чтобы социальное взаимодействие, осуществляемая между социальными субъектами, рассматривалась с учётом особенностей и нюансов существования современного общества и ценностных ориентиров социальных субъектов в ситуации их коммуникации.

Пристатейный библиографический список

1. Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю., Иноземцева Ю. В. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности // Гуманитарный вестник. - 2020. - № 4 (84). - С. 2.
2. Бакланова О. А., Сёмкин А. В., Югай В. В. Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2022. - № 4. - С. 155-163.
3. Аристотель. Риторика. Поэтика. - М.: АСТ, 2018.
4. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
5. Кастельс М. Власть коммуникации. - М.: Издательский Дом ВШЭ, 2020.
6. Луман Н. Общество как социальная система. Луман. - М.: Изд-во Наука, 2004.
7. Gubanova M. A., Pohilko A. D., Ponarina N. N., Nagapetova A. G., Baklanova O. A. Posthuman in Global Information Society // Revista Inclusiones. - 2020. - V. 7. - № 4. - P. 362-368.
8. Ростова А. Т., Киляшанов М. Х., Тищенко А. В., Бакланов И. С. Аксиологические установки и закономерности формирования символического пространства функционирования общества // Наука. Образование. Современность. - 2017. - № 1-2. - С. 78-81.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - М.: Наука, 2001.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о Модерне. Двенадцать лекций. 2-е изд., испр. - М.: Издательство «Весь мир», 2008. - 416 с.
11. Бакланов И. С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.

ЮГАЙ Виталий Владимирович

аспирант кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, филиал в г. Ставрополь

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются внутренние социальные риски в процессе самоидентификации социального субъекта в России. В современном обществе цифровая среда изменяет устоявшиеся привычки, размывает культурный опыт прошлых взаимодействий. У многих людей экстремальные рискогенерирующие ситуации меняют систему взглядов на мир и на себя в нём. Подчеркивается, что самоидентификация сейчас – явление многосложное, так как индивиды интегрированы в разные уровни социальной организации, на каждом из которых происходит стремительное развитие новых условий жизнедеятельности и возникают собственные риски. В информационном обществе имеющиеся уникальные особенности цифровых технологий значительно облегчают процессы жизнедеятельности, например, сейчас много можно сделать через социальные сети, учитывая, что российский электронный рынок является одним из самых быстрорастущих в мире. Обратная сторона расширяющейся технологизации и цифровизации современной жизни связана с усилением уязвимости человека как биосоциального существа перед опасностями и рисками. При этом стремление к сохранению особенностей российского развития допускает определенное продолжение выработанных за тысячелетнюю историю коренных традиций, оказывающих влияние на процессы самоидентификации субъектов российского общества.

Ключевые слова: социальная философия, риски, общество, цифровизация, технологии, самоидентификация, ценности, деятельность субъектов.

YUGAY Vitaliy Vladimirovich

postgraduate student of Philosophy sub-faculty of the humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University, branch in Stavropol

SOCIAL RISKS OF SELF-IDENTIFICATION OF A SOCIAL SUBJECT IN MODERN RUSSIA

The article deals with internal social risks in the process of self-identification of a social subject in Russia. In modern society, the digital environment changes established habits, blurs the cultural experience of past interactions. For many people, extreme risk-generating situations change the system of views on the world and on oneself in it. It is emphasized that self-identification is now a complex phenomenon, since individuals are integrated into different levels of social organization, each of which is rapidly developing new conditions of life and its own risks arise. In the information society, the existing unique features of digital technologies greatly facilitate life processes, for example, now a lot can be done through social networks, given that the Russian electronic market is one of the fastest growing in the world. The reverse side of the expanding technologization and digitalization of modern life is associated with the increased vulnerability of man as a biosocial being to dangers and risks. At the same time, the desire to preserve the features of Russian development allows for a certain continuation of the indigenous traditions developed over a thousand-year history that influence the processes of self-identification of the subjects of Russian society.

Keywords: social philosophy, risks, society, digitalization, technologies, self-identification, values, activity of subjects.

Разворачивающийся прогресс в системе производственных и информационных технологий, создающих глобальное цифровое сетевое общество [1, с. 103-109], влечёт за собой большие изменения в сознании и мировоззрении людей [2, с. 136-144]. Траектория социального развития, образующая новый формат социальных взаимодействий, связан в единое целое граничными условиями новых возможностей, что располагается внутри этого перестроечного формата [3, с. 179-184]. Появляющиеся технологические ресурсы создают риски для адаптации людей к неотрегулированным условиям жизнедеятельности [4, с. 42-52]. Однако изменения происходят: меняются традиции и опыт, появляются новые виды деятельности. В таких условиях социально-технологический прогресс, затрагивая основы бытия: пространство, время, природу и самого человека, трансформирует какие-то моменты в его жизнедеятельности. Россия все больше выходит из трансформационного шока перестроечного периода конца XX в. своей истории, приобретая новые черты, связанными с инновациями. Но всё это сопрягается с увеличивающимися вызовами, противостояниями, рисками. Сейчас российское общество предъявляет свои требования к развитию, считая, что инновации оздоравливают экономику, повысят производительность общественного труда, сделают экономику более конкурентоспособной, а общество более сплоченным. Но инновационная модель только начала создаваться.

Внутренние социальные риски самоидентификации в современной России вскрывают, обнажают, много нерешенных пока проблем. Многие из них взаимосвязаны с обретением некоей, объединяющей людей, идеей национального самосознания, создающей контуры российской национальной идентичности [5, с. 24-28]. Россия, как и любая другая страна, столкнулась со многими проблемами в сфере идентификации и идентичности социального субъекта, что связано с социальными проблемами большей части общества и рядом рисков и связанных с ними ситуаций [6, с. 24-28]. Всё это проявляется, во-первых, в постоянно растущем разрыве в доходах высоко обеспеченных граждан и наименее обеспеченных, во-вторых, в слабом развитии среднего класса. Государство пытается решить часть проблем, осуществляя защиту населения от различного рода социальных рисков путем пенсионного обеспечения по старости, инвалидности, поддержки минимального дохода, семей с детьми, страхование от безработицы, болезни, потерь, связанных с коронавирусом, поддержание жизненного уровня наименее защищенных слоёв населения. Важным моментом в данном понимании проблем идентификации является то, кем социальный субъект себя ощущает и как оценивает то, откуда он пришёл в этот мир, как, и куда, стремится [7, с. 29-33]. В своё время Н. А. Бердяев говорил о том, что человеком

всё больше начинают управлять страсти, а также то, что в частнособственническом интересе людей «таится безумие» [8].

В информационном обществе имеющиеся уникальные особенности цифровых технологий значительно облегчают этот процесс, например, сейчас много можно сделать через соцсеть. Российский электронный рынок является одним из самых быстрорастущих в мире. Но есть и оборотная сторона расширяющейся технологизации современной жизни. Прежде всего, усиливается уязвимость человека как биосоциального существа [9, с. 29-33]. Хотя его сущность обладает определённым, уникальным для людей, составом, позволяющим существовать во времени и пространстве. Во-первых, это организм с эволюционно сформировавшимися биоморфологическими признаками; во-вторых, сфера высоких технологий; в-третьих, внешняя природная среда обитания. Инновационные изменения трансформируют биологическое и собственно человеческое измерение личности, что накладывает свой отпечаток на восприятие реальности [10, с. 29-33]. Для неподготовленных к новым условиям людей существующая реальность становится некомфортной переходной средой, разбивающей привычные рутины, но и не создающих новых заметных перспектив. В качестве реакции на имеющиеся, или предполагаемые, потери, человек вырабатывает адаптивную стратегию поведения, направленную на ослабление, или устранение, фрустрации от нагромождения разных проблем. Подобное подразумевает выбор, или формирование нового порядка поведения, согласие со своим возникшим положением, а также, возможно, статусом и ролями. Для достижения здесь некой оптимизации ожидается, допускается и, вообще, подразумевается определенная трансформация идентичности в её прошлом понимании, когда у людей была другая жизнь, где происходили свои события.

Произошли значительные изменения в практике жизнедеятельности людей. В своих поисках люди субъективны в своих взглядах на окружающую их жизнь. Многие стремятся усвоить основные требования, изменяющегося в их жизни общества, построить путь своего профессионального и культурного развития, освоить новые профессии и виды деятельности.

В определённых условиях идентичность может стать источником многих смыслов для человека, особенно это касается жизни, деятельности, существования и т.д. Если в середине XX в. и до начала XXI в. основной особенностью времени были экономические трудности населения, связанные с дефицитом продуктов, то в условиях современности на первый план выходят психологические и экзистенциальные причины, связанные со стремлением индивида к самовыражению, удовлетворением своих потребностей через творчество, преодолением рутины в повседневности. Хотя в обществе не везде и не во всём соблюдается, особенно сейчас важная, социальная справедливость. Поэтому человек стремится изменить для себя ситуацию, найти позитивные моменты, лучше себя устроить в непростых условиях жизнедеятельности.

Цифровая среда изменяет устоявшиеся привычки, размывает культурный опыт прошлых взаимодействий. У многих людей экстремальные ситуации меняют систему взглядов на мир и на себя в нём. Большинство тяготеют к подлинным ценностям. Перевод работников на работу вне предприятия, сокращения многих из них и, как следствие, вынужденная самозанятость отучает многих постоянно тратить на одежду, косметику и т.д. для поддержания своего статуса среди других людей. Но пандемия показала, что люди, как и раньше, стремятся друг к другу. Многие из них стали больше предпочитать занятие творчеством, общение с людьми. Пока ещё многие по привычке выходят на улицу, в гости и т.д., лишь бы не остаться в изоляции, но ситуация вынуждает находиться дома. Скорее всего, многие придут к пониманию ценности самой жизни, и идентичности тоже.

Скорее всего, эффект общественного оздоровления проявится тогда, когда начнут процветать жизнеутверждающие ценности, будет разработан эффективный механизм реализации экономических интересов и уменьшится противостояние государств. Поэтому самоидентификация сейчас – явление многосложное, так как индивиды интегрированы в разные уровни социальной организации, на каждом из которых происходит стремительное развитие новых условий жизнедеятельности. А это есть реальное отражение тенденций современности. В то же время стремление к сохранению особенностей российского развития допускает определенное продолжение, выработанных за тысячелетнюю историю, коренных традиций. Возникающее противоречие для своего решения потребует времени для осмысления и выбора. Мир личности, её мировоззрение, создаётся во взаимодействии с другими людьми. Без общности в социальных взаимодействиях невозможно сделать возможной, устойчиво развивающуюся, социальную сплоченность.

Пристатейный библиографический список

1. Губанова М. А. Трансформация человека в глобальном сетевом обществе // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2020. - № 4. - С. 103-109.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
3. Бакланов И. С., Бакланов И. С., Похилько А. Д. Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2022. - № 1. - С. 179-184.
4. Кукарцева (Гласер) М. А., Ивлев В. Ю., Новик Н. Н. Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству // Вопросы философии. - 2021. - № 2. - С. 42-52.
5. Похилько А. Д., Губанова М. А. Поиски методологии изучения российской национальной идентичности // Научная мысль Кавказа. - 2010. - № 4 (64). - С. 24-28.
6. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Черемных Л. Г. Наука о сущности риска и характеристиках рискованной ситуации // Гуманитарный вестник. - 2017. - № 11 (61). - С. 4.
7. Микеева О. А. Взгляд на проблему индивида в современной социальной философии // Актуальные проблемы философии, политологии и социологии. - Ставрополь, 2008. - С. 29-33.
8. Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. - М.: Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, 1918. - 240 с. (репринтное издание)
9. Бакланов И. С. Биологические и социальные предпосылки экзистенции интеллектуализма // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. - 2004. - № 12. - С. 90-93.
10. Боброва Л. А. Последствия «цифровизации» человека для мозга // Человек: образ и сущность. - 2020. - № 4 (44). - С. 89-101.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от отсутствия плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.